Фенимор Купер

4

Фенимор Купер

Государственное
Издательство
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства
Просвещения
РСФСР
Москва 1963

Джеймс Фенимор Купер

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ 4

Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

Джеймс Фенимор Купер

ОСАДА БОСТОНА

ЛОЦМАН

Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

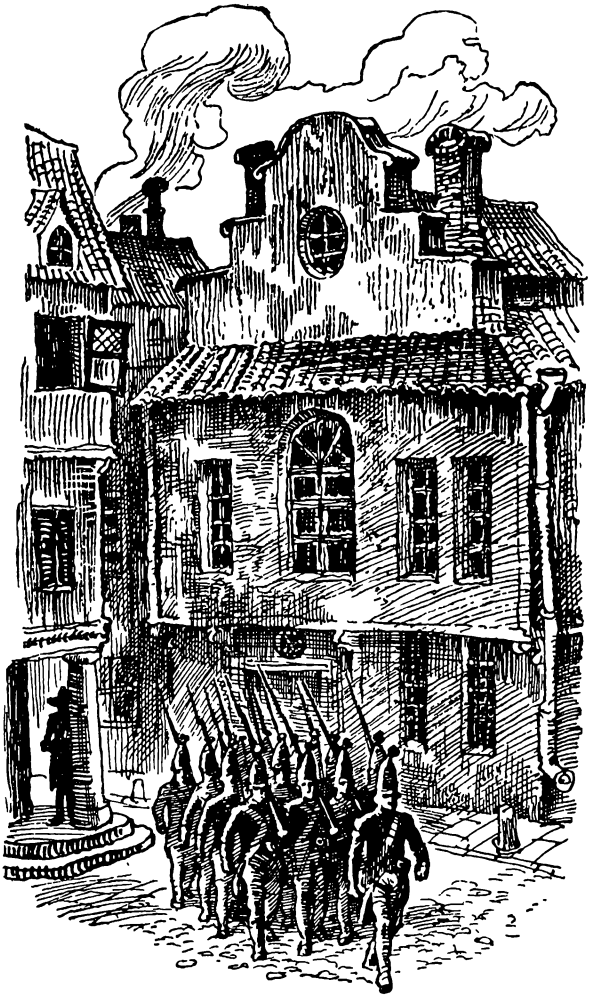
И (Амер)
К 92

Издание выходит под наблюдением
А. А. Аникста

Оформление художника
Л. П. Зусмана

ОСАДА БОСТОНА,

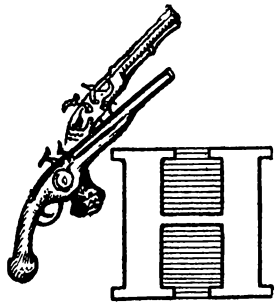
или
Лайонел Линкольн



Перевод с английского
Т. Оверской, В. Курелла
и *М. Черневич*

Редактор *И. Гурова*

Рисунки *И. Кускова*



Глава I

Их юности веселый пыл
Душе усталой возвратил
Ушедшую весну.

Грей[1]

Ни один американец не может пребывать в неведении о том, какие именно события подвигли английский парламент в 1774 году весьма неосмотрительно закрыть порт Бостон, что столь пагубно отразилось на торговле этого главного города западных колоний Великобритании. Совершенно так же ни одному американцу не может не быть известно, с каким благородством и с какой неослабной приверженностью великим принципам борьбы за свои права население близлежащего города Салем не пожелало извлечь для себя какую-либо выгоду из трудного положения, в которое попали их соседи и братья по этой борьбе. В результате столь опрометчивых мер английского правительства, а также похвального единодушия купечества того времени белые паруса в опустевшем заливе Массачусетс стали довольно редким зрелищем; исключение составляли лишь те суда, над которыми развевался королевский вымпел.

Тем не менее как-то на исходе дня в апреле 1775 года сотни глаз были прикованы к далекому парусу, который, возникнув над морским простором, приближался по закрытым водам ко входу в запретную гавань. Характерный для той эпохи живейший интерес к политическим событиям за-

[1] Стихотворные эпиграфы даются в переводе И. Гуровой. Переводы эпиграфов из Шекспира даются по полному собранию сочинений в восьми томах, изд. «Искусство», М., 1957—1960.

ставил довольно большую толпу зевак собраться на Бикон-Хилл, заполнив весь его восточный склон от конической вершины до подножия: все взгляды были прикованы к предмету, возбуждавшему всеобщее любопытство. Впрочем, собравшихся здесь в столь большом количестве людей волновали весьма разнородные чувства и совершенно противоположные желания. В то время как добропорядочные, серьезные, но осторожные горожане старались скрыть переполнявшую их души горечь под маской холодного безразличия, несколько веселых юнцов, одежда которых изобличала в них военных, громко выражали свой восторг и шумно радовались предстоящей возможности получить весть из далекой родины, от близких и друзей. Но вот в вечернем воздухе разнеслась громкая, протяжная дробь барабанов, долетев с близрасположенного плаца, и шумная часть зрителей сразу покинула свой наблюдательный пост, а холм остался в безраздельном владении тех, кому по праву надлежало там быть. Однако в те времена люди опасались свободного, непринужденного обмена мнениями, и, прежде чем вечерний сумрак поглотил длинные тени, отброшенные лучами заходящего солнца, холм совершенно опустел: горожане спустились с возвышенности и побрели каждый своим путем — молчаливые, задумчивые, — туда, где вдоль восточной стороны полуострова протянулись по равнине ряды серых крыш. Но, невзирая на эту видимость равнодушия, молва, которая в периоды большого брожения умов всегда найдет способ шепнуть на ухо то, что не рискнет произнести вслух, уже деятельно распространяла нежеланную весть о том, что приближающееся судно было первым кораблем большой флотилии, привезшей запасы продовольствия и пополнение для армии, и без того слишком многочисленной и слишком уверенной в своей мощи, чтобы уважать закон. Это неприятное известие не повлекло за собой никакого шума или беспорядков, но двери домов угрюмо замкнулись, и в окнах сразу погасли огни, словно этим молчаливым протестом население хотело выразить свое недовольство.

Тем временем корабль достиг скалистого входа в гавань, но, так как был отлив, а ветер совсем утих, ему пришлось лечь в дрейф, словно он предчувствовал не слишком радушный прием, который его ожидал. Впрочем, страхи бостонцев оказались преувеличенными, ибо на борту корабля вы бы напрасно стали искать буйную ватагу сол-

дат — отличительную примету транспортного судна. Пассажиров на корабле было совсем мало, а на палубах царил такой идеальный порядок, что этим немногочисленным пассажирам невозможно было решительно ни на что пожаловаться. Внимательный наблюдатель мог бы по некоторым внешним признакам сделать заключение, что на борту этого судна находятся люди, обладающие таким положением или состоянием, которое заставляет других заботиться об их удобствах. Немногочисленная команда корабля бездействовала, расположившись на разных концах палубы, и поглядывала на неподвижную гладь залива и пустые паруса, лениво свисавшие с мачт, а несколько одетых в ливрею слуг томились вокруг какого-то молодого человека, который засыпал вопросами лоцмана, только что поднявшегося на борт. Костюм молодого человека отличался большой пышностью, и по тому, с каким тщанием были обдуманы и подобраны все его детали, нетрудно было предположить, что, по мысли его обладателя, он являл собой самый последний крик моды. Лоцман и его собеседник стояли неподалеку от грот-мачты; вокруг них палуба была пуста, и только возле штурвала корабля, где неподвижно застыл рулевой, виднелась одинокая фигура какого-то человека, производившего впечатление существа из совершенно иного мира. Его можно было бы назвать глубоким стариком, если бы быстрый, твердый шаг, которым он мерил палубу, и живой горящий взгляд не опровергали всех прочих примет его почтенного возраста. Стан его был сгорблен, и тело поражало своей худобой. Редкие, развеваемые ветром пряди волос были посеребрены инеем по меньшей мере восьмидесяти зим. Время и тяжкие испытания проложили глубокие борозды на его впалых щеках, придав особый отпечаток силы резким и надменным чертам его лица. На нем был простой выцветший кафтан скромного серого цвета, носивший явные следы долгого и не слишком бережного употребления. Порой он отрывал свой пронзительный взгляд от берега и принимался быстро шагать по пустынному юту, погрузившись в свои думы, и губы его шевелились, однако ни единого звука не издавали эти привыкшие к молчанию уста. Он весь был во власти одного из тех внезапных побуждений, когда тело машинально подчиняется велению беспокойного ума. В эту минуту какой-то молодой человек поднялся из каюты на палубу и присоединился к группе людей, взволно-

ванно и с интересом вглядывавшихся в расстилавшиеся перед ними берега. Молодому человеку с виду было лет двадцать пять. Небрежно наброшенный на плечи военный плащ и видневшийся из-под плаща мундир достаточно убедительно свидетельствовали о военном звании их владельца. Молодой офицер держался непринужденно, как человек светский, но выразительное, подвижное лицо его казалось овеянным меланхолией, а по временам даже глубокой печалью. Поднявшись на палубу, он встретился взглядом с беспокойно шагавшим по юту стариком, учтиво поклонился ему и, повернувшись к берегу, погрузился, в свою очередь, в созерцание красоты умирающего дня.

Округлые холмы Дорчестера горели в лучах опускавшегося за их гряду светила, и нежно-розовые блики играли на поверхности воды, а зеленые островки, разбросанные у входа в гавань, покрылись позолотой. Вдали над серой дымкой, уже окутавшей город, вздымались ввысь высокие шпили колоколен; флюгера на них сверкали в вечерних лучах, и прощальное яркое копье света скользило по черной башне маяка, возвышавшегося на конической вершине холма, названного Бикон-Хиллом после того, как на нем воздвигли это сооружение, призванное предупреждать об опасности. Несколько больших судов стояли на якоре у островов и у городской пристани; их темные корпуса тонули в сгущавшихся сумерках, в то время как верхушки длинных мачт еще были озарены солнцем. И повсюду: и над этими угрюмыми молчаливыми судами, и над небольшим фортом на маленьком островке в глубине гавани, и над некоторыми высокими городскими зданиями — висели широкие шелковые полотнища английского флага, мягко колыхаясь на ветру.

Задумчивость, в которую был погружен молодой человек, внезапно нарушил пушечный залп, возвестивший наступление вечера; взгляд юноши еще был прикован к этим горделивым символам британского могущества, когда он почувствовал, что рука старика пассажира крепко стиснула его локоть.

— Настанет ли день, когда эти флаги будут спущены, чтобы уже никогда не подняться вновь над этим полушарием? — проговорил глухой голос за его плечом.

Молодой офицер быстро повернул голову, взглянул на говорившего и в смущении отвел глаза; опустив их долу, он старался избежать острого, пронзительного взгляда

Рука старика пассажира крепко стиснула локоть молодого офицера.

старика. Последовало долгое молчание. Молодой человек испытывал мучительную неловкость. Наконец он произнес, указывая на берег:

— Вы родились в Бостоне и, верно, долго жили здесь. Скажите, как называются все эти красивые места, которые открываются нашему взору?

— А разве вы сами не уроженец Бостона? — спросил старик.

— Да, конечно, я был рожден здесь, но вырос и получил образование в Англии.

— Да будут прокляты такое воспитание и образование, которые заставляют ребенка позабыть родину! — пробормотал старик, быстро повернулся и так поспешно зашагал прочь, что почти мгновенно скрылся из глаз.

Молодой офицер стоял, погруженный в размышление, а затем, словно вспомнив что-то, громко крикнул:

— Меритон!

При звуках его голоса кучка любопытных, окружавшая лоцмана, расступилась, и молодой щеголь, о котором мы уже упоминали выше, направился к офицеру, всем своим видом выражая раболепную угодливость, странным образом сочетавшуюся с развязной фамильярностью. Не обращая ни малейшего внимания на его ужимки, не удостоив его даже взгляда, молодой офицер произнес:

— Вы сообщили на лоцманскую шлюпку, что я хочу отправиться на ней в город? Узнайте, скоро ли она отойдет, мистер Меритон.

Камердинер бросился исполнять поручение и почти тотчас вернулся с сообщением, что все исполнено.

— Однако, сударь, — добавил он, — вы не пожелаете сесть в эту шлюпку. Я в этом совершенно уверен, сударь.

— Ваша всегдашняя уверенность, мистер Меритон, не последнее из ваших неоценимых достоинств. Почему бы мне не сесть в шлюпку?

— Этот противный никому не известный старик уже уселся в ней вместе с узлом своего грязного тряпья и...

— И что еще? Если вы думали испугать меня тем, что единственный истинный джентльмен, находящийся на этом судне, будет моим спутником и в этой шлюпке, то вы ошиблись: вам придется придумать что-нибудь пострашнее, чтобы удержать меня здесь.

— Великий боже, сударь! — воскликнул Меритон в изумлении, возводя глаза к небу. — Разумеется, во всем,

что касается тонкостей обхождения, вы самый лучший судья, сударь. Но уж по части тонкого вкуса в костюме...

— Довольно, — раздраженно поморщившись, прервал его хозяин. — Общество этого джентльмена вполне меня удовлетворяет. Если же вы находите его недостойным себя, я разрешаю вам оставаться на корабле до утра — одну ночь я легко могу обойтись без ваших услуг.

Не обращая внимания на кислую мину своего обескураженного лакея, молодой офицер направился к поджидавшей его шлюпке, и все бездельничавшие слуги сразу пришли в движение, а капитан корабля почтительно проводил молодого офицера до трапа. Нетрудно было догадаться, что, невзирая на молодость этого пассажира, именно он и был тем лицом, ради которого на судне поддерживался образцовый порядок. Однако, в то время как все вокруг суетились, усаживая молодого офицера в шлюпку, седовласый незнакомец по-прежнему пребывал в состоянии глубокой задумчивости, если не сказать — глубокого безразличия к окружающему. Намек услужливого Меритона, который, решившись следовать за своим хозяином, дал понять незнакомцу, что ему лучше бы остаться на корабле, был оставлен последним без внимания, и молодой человек уселся возле старика с такой непринужденной простотой, что его слуга был оскорблен этим до глубины души. Но, словно и этого было еще мало, молодой человек, заметив, что, после того как он спустился в лодку, все замерли, будто чего-то ожидая, обратился к своему спутнику и учтиво осведомился у него, можно ли отчаливать. Молчаливый взмах руки послужил ему ответом, и шлюпка начала отдаляться от корабля, который повернул к Нантаскету, чтобы стать там на якорь.

В тишине был слышен только мерный плеск весел; борясь с отливом, гребцы осторожно пробирались среди островков. Но, когда шлюпка уже подходила к форту и сумерки растворились в мягком свете молодого месяца, снявшего темный покров с приближающегося берега, незнакомец заговорил с той особой стремительной горячностью, которая, по-видимому, была свойством его натуры. Со страстью и нежностью влюбленного он говорил о городе, вырисовывавшемся впереди, и описывал его красоты, как человек, знающий о нем все. Но, когда шлюпка подошла к опустевшей гавани, его быстрая речь оборвалась и он снова замкнулся в угрюмом молчании, словно боясь

зайти слишком далеко, заговорив об обидах, чинимых его родине. Предоставленный своим мыслям, молодой человек с жадным интересом рассматривал проплывавшие перед его глазами длинные ряды строений, залитые мягким лунным светом и пронизанные глубокими тенями. Тут и там виднелись лишенные снастей, брошенные на произвол судьбы суда. Ни леса мачт, ни грохота подъезжающих повозок, ни оживленного гула голосов... Ничто не свидетельствовало о том, что перед ними был крупнейший колониальный торговый порт. Временами до них долетали лишь дробь барабанов и голоса бражничавших в портовых кабачках солдат да с военных кораблей доносились унылые оклики дозорных, заметивших одну из лодок, которыми горожане еще пользовались для личных надобностей.

— Перемена поистине велика! — произнес молодой офицер, пока их шлюпка быстро скользила вдоль мертвых пристаней. — Даже мои воспоминания, хоть они и стерлись с годами, воскрешают передо мной другую картину.

Незнакомец ничего не ответил, но залитое лунным светом изможденное лицо его осветила загадочная улыбка, придав что-то неистовое выразительным и странным его чертам. Молодой офицер умолк, и оба не проронили больше ни слова, пока лодка шла вдоль длинного пустынного причала, по которому размеренно шагал часовой, а затем, повернув к берегу, достигла места своего назначения.

Каковы бы ни были чувства, волновавшие двух путешественников, благополучно завершивших наконец свое долгое и нелегкое плавание, они остались невысказанными. Старик обнажил убеленную сединой голову и, прикрыв лицо шляпой, стоял неподвижно, словно мысленно вознося хвалу богу за окончание тяжкого пути, а молодой его спутник взволнованно зашагал по пристани; казалось, обуревавшие его чувства были слишком всепоглощающи, чтобы найти выражение в словах.

— Здесь мы должны расстаться, сэр, — произнес наконец молодой офицер, — но я питаю надежду, что теперь, когда пришли к концу наши лишения, это не приведет к концу наше случайно возникшее знакомство.

— Для человека, чьи дни уже сочтены, подобно моим, — отвечал незнакомец, — было бы неуместно испытывать судьбу, давая обещания, для выполнения коих требуется время. Вы, сударь, видите перед собой того, кто возвратился из печального, весьма печального паломниче-

ства в другое полушарие, чтобы его кости могли упокоиться здесь, в родной земле. Но, если судьба подарит мне еще несколько дней, вы снова услышите о том, кто считает себя глубоко обязанным вам за вашу любезность и доброту.

Молодой офицер был глубоко тронут задушевными словами своего спутника, их серьезным и торжественным тоном и, горячо пожав его исхудалую руку, ответил:

— Дайте о себе знать! Прошу вас об этом как об особенном одолжении! Не знаю почему, но вы завладели моими чувствами в такой мере, в какой это не удавалось еще никому на свете... в этом есть что-то таинственное... это похоже на сон. Я испытываю к вам не только глубочайшее почтение, но и любовь!

Старик отступил на шаг назад и, положив руку на плечо молодого человека, вперил в него горящий взгляд; затем, величественным жестом подняв руку вверх, сказал:

— Это перст провидения! Не души зародившееся в тебе чувство! Сохрани его в своем сердце, ибо оно угодно небу.

Внезапно дикие, отчаянные крики грубо нарушили тишину ночи, заглушив ответ офицера. Столько муки и такая жалобная мольба звучали в этих криках, что у тех, кто их слышал, похолодела в жилах кровь. Площадная брань, хриплые проклятия, резкие удары плети и жалобные вопли жертвы звучали где-то неподалеку, сливаясь в единый гул. Движимые одним чувством, все сошедшие со шлюпки на берег торопливо направились в ту сторону, откуда доносились крики. Приблизившись к стоявшим неподалеку строениям, они увидели кучку людей, столпившихся вокруг человека, чьи жалобные стенания нарушили тихое очарование ночи. Бранясь, зеваки подзадоривали мучителей, их грубые голоса заглушали крики истязуемого.

— Пощадите, пощадите! Христа ради, пощадите, не убивайте Джэба! — снова завопил несчастный. — Джэб сбегает, куда прикажете! Бедный Джэб слабоумный дурачок! Пожалейте бедного Джэба! Ой! Вы сдерете с меня шкуру!

— Я вырву сердце из груди этого подлого бунтовщика! — раздался яростный хриплый возглас. — Он отказался пить за здоровье его величества!

— Джэб желает королю доброго здоровья! Джэб любит короля! Джэб только не любит рома!

Молодой офицер, увидев, что творится бесчинство, решительно растолкал толпу хохочущих солдат и проник в самую ее гущу.

Глава II

Они грозятся отхлестать меня за правду, ты— за ложь, а иногда меня бьют за то, что я отмалчиваюсь. Лучше быть чем угодно, только не дураком.

Шекспир, «Король Лир»

— Что тут творится? — воскликнул молодой офицер, хватая за руку разъяренного солдата, орудовавшего плетью. — По какому праву истязаешь ты этого человека?

— А по какому праву хватаешь ты за руки гренадера британской армии?! — в бешенстве крикнул солдат, оборачиваясь и замахиваясь плетью на осмелившегося прикоснуться к нему горожанина.

Офицер шагнул в сторону, уклоняясь от грозившего ему удара, и шитый золотом мундир его блеснул в лунном свете между складок темного плаща. Рука изумленного солдата застыла в воздухе.

— Отвечай, я жду, — продолжал молодой офицер, весь дрожа от еле сдерживаемого гнева. — Какого ты полка и почему истязаешь этого человека?

— Мы все — гренадеры славного сорок седьмого полка, ваше благородие, — смиренным и даже униженным тоном отвечал один из стоявших рядом. — Мы просто хотели поучить уму-разуму этого дурачка, потому что он отказывается пить за здоровье его величества.

— Этот грешник не боится гнева создателя! — вскричал избиваемый, с мольбой обращая к своему защитнику залитое слезами лицо. — Джэб любит короля, Джэб только не любит рома!

Офицер, отвернувшись от этого тягостного зрелища, приказал солдатам развязать пленника. Ножи и ногти были тотчас пущены в ход, и бедняга поспешил надеть свою рубаху и куртку. В тишине, сменившей только что усмиренное буйство, было отчетливо слышно его тяжелое дыхание.

— А теперь, бравые герои сорок седьмого полка, — сказал молодой офицер, обращаясь к солдатам, когда бедняга кончил одеваться, — вам знакомо это?

Тот из солдат, на которого был обращен взор офицера, взглянул на поднесенный к его глазам рукав и в великом смущении узрел магические цифры своего собственного

полка и хорошо знакомый белый кант, украшающий алые мундиры его офицеров. Ни у кого не хватало духу произнести в ответ хоть слово, и после внушительного молчания офицер продолжал:

— И это вы были удостоены чести поддержать заслуженную славу солдат Вольфа? Это вы должны были стать достойными преемниками отважных воинов, покрывших себя славой под стенами Квебека! Ступайте прочь! Завтра я вами займусь.

— Не забудьте, ваше благородие, что он отказывался пить за здоровье его величества. Думается мне, сударь, что будь здесь полковник Несбитт...

— Негодяй! Ты еще осмеливаешься возражать! Прочь, пока я не арестовал тебя!

Смущенные солдаты, у которых при появлении разгневанного офицера, словно по волшебству, вся разнузданность превратилась в оробелость, поспешили прочь. Те, что служили дольше, шепнули остальным фамилию офицера, который столь неожиданно возник перед ними.

Молодой офицер проводил их гневным взглядом, а когда все они один за другим скрылись во мраке, спросил, повернувшись к пожилому горожанину, который, стоя в сторонке и опираясь на костыль, наблюдал всю эту сцену:

— Известна ли вам причина, почему так жестоко обошлись с этим беднягой? Может быть, вы знаете, как это началось?

— Этот парень слабоумный, — отвечал калека. — Голова у него не в порядке, но он безвредный, зла никому не делает. Солдаты пьянствовали вон в том кабаке. Они часто зазывают туда беднягу и потешаются над ним. Если этим выходкам не будет положен конец, боюсь, нам не миновать беды. Из-за океана нам шлют суровые законы, а эти вот молодчики под командой таких господ, как полковник Несбитт, мажут дегтем, вываливают в перьях и...

— Друг мой, пожалуй, нам с вами не следует продолжать этот разговор, — прервал его офицер. — Я сам принадлежу к «солдатам Вольфа» и приложу все силы к тому, чтобы не была поругана справедливость; думаю, вы поверите в мою искренность, когда узнаете, что я тоже уроженец Бостона. Впрочем, я столь долгие годы провел вдали от родного города, что его приметы стерлись в моей памяти и я боюсь заплутаться в этих извилистых улицах. Скажите, не знаете ли вы, где проживает миссис Лечмир?

— Ее дом знает каждый житель Бостона, — отвечал калека. Тон его сразу изменился, как только он услышал, что имеет дело с бостонцем. — Вот Джэб только и делает, что бегает по поручениям. Он охотно покажет вам дорогу, ведь он очень вам обязан. Не правда ли, Джэб?

Однако дурачок — ибо пустой взгляд и бессмысленная детская улыбка достаточно ясно свидетельствовали о том, что несчастный юноша, которого молодой офицер только что вызволил из рук мучителей, был жалким полуидиотом, — ответил на обращенный к нему вопрос с явной неохотой и колебанием, что было по меньшей мере удивительно, принимая во внимание все сопутствующие обстоятельства.

— Дом госпожи Лечмир? Да, конечно, Джэб знает этот дом... Он найдет его с закрытыми глазами, только... только...

— Ну что «только», балбес ты этакий? — воскликнул калека, горевший желанием помочь офицеру.

— Только будь сейчас день...

— С закрытыми глазами, но только днем! Вы не слушайте этого дурня! Вот что, Джэб, ты должен без всяких разговоров отвести этого господина на Тремонт-стрит. Еще рано, солнце только что село, и ты успеешь попасть туда и вернуться домой в свою постель, прежде чем часы на Южной церкви пробьют восемь.

— Ну да, ведь это какой дорогой идти, — возразил упрямый дурачок. — Я вот знаю, сосед Хоппер, что вы и за час не доберетесь до дома госпожи Лечмир, если пойдете по Линн-стрит, а потом по Принс-стрит и назад через Сноу-Хилл. А уж если будете останавливаться, чтобы поглядеть на могилы на холме Копс-Хилл, так и подавно.

— Слыхали? Ну, раз дело дошло до могил на Копс-Хилле, значит, этот несчастный дурень заупрямился! — сказал калека, которому пришелся по душе молодой офицер; он, казалось, готов был проводить его сам, если бы не больные ноги. — Господину офицеру следует вернуть назад своих гренадеров, чтобы они научили тебя уму-разуму, Джэб.

— Не браните этого несчастного, — сказал офицер. — Думаю, что память в конце концов придет мне все-таки на выручку, а если нет, так я могу спросить дорогу у любого прохожего.

— Конечно, если бы Бостон был прежним, вы могли

бы задать такой вопрос любому встречному на любом перекрестке, — сказал калека. — Но теперь, после «кровавой резни» [1], редко можно встретить прохожего на наших улицах в этот час. К тому же сегодня субботний вечер, когда такие вот, как вы видели, бездельники любят устраивать попойки. Эта солдатня особенно неистовствует с тех пор, как у них ничего не вышло с пушкой в Салеме. Впрочем, не мне вам рассказывать о том, как ведут себя солдаты, когда распоясываются.

— Мне пришлось бы признать, что я плохо знаю своих товарищей по оружию, сударь, если бы их сегодняшний поступок мог служить образчиком их обычного поведения, — возразил офицер. — Идемте, Меритон. Я не думаю, чтобы нам предстояли большие трудности.

Угодливый слуга поднял поставленный на землю саквояж и уже готов был тронуться в путь вместе со своим хозяином, но тут дурачок подобрался бочком к офицеру, робко заглянул ему в лицо и вдруг, собравшись с духом, словно взгляд офицера придал ему храбрости, выпалил:

— Джэб покажет господину офицеру дом госпожи Лечмир, пусть только господин офицер прикажет своим гренадерам не трогать Джэба, если они его встретят на том краю города.

— Вот оно что! — рассмеялся молодой человек. — Ты, значит, хитер, хотя и дурачок. Ладно, я принимаю твое условие. Но берегись, если ты затащишь меня любоваться могилами при лунном свете! Тогда не миновать тебе рук не только гренадеров, но и артиллеристов, и легкой пехоты, и всех остальных.

С этой добродушной угрозой молодой офицер последовал за своим юрким проводником, предварительно дружески распрощавшись с любезным калекой, а тот все продолжал давать наставления дурачку, наказывая ему не сбиваться с прямой дороги, и кричал им вслед, пока его голос не замер вдали. Провожатый с такой стремительностью двигался вперед по узким, кривым улочкам, что молодой офицер едва успевал поглядеть вокруг. Впрочем, даже мимолетного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в том, что они находятся в одном из самых гряз-

[1] Пятого марта 1770 года солдаты во время беспорядков убили и ранили девять жителей Бостона. Похороны убитых превратились в народную демонстрацию.

ных и нищих кварталов города, и, сколько ни старался молодой человек, он не мог вспомнить, видел ли он эти улицы прежде. Меритон то и дело громко кряхтел и вздыхал, следуя за своим господином, и тот, наконец, усомнившись в их своенравном проводнике, воскликнул:

— Неужели ты не можешь показать своему соотечественнику, который семнадцать лет не был на родине, чего-нибудь получше этих грязных закоулков? Прошу тебя, веди нас по более благоустроенным улицам, если таковые имеются в Бостоне.

Джэб остановился как вкопанный и с выражением неприкрытого изумления заглянул в лицо своему спутнику, а потом, ни слова не говоря, свернул в сторону и, попетляв еще несколько минут, скользнул в такой узкий переулок, что, став посредине мостовой, там можно было коснуться противоположных зданий руками. Увидав этот темный и кривой проход, офицер на мгновение заколебался, но, заметив, что его проводник уже скрылся за поворотом, прибавил шагу и догнал его. Вскоре они вынырнули из темноты на простор более широкой улицы.

— Вот, — торжествующе изрек Джэб, когда мрачный переулок остался позади, — разве король живет на такой узкой и кривой улице, как эта?

— Его величество предоставляет эту привилегию тебе, — ответил офицер.

— Госпожа Лечмир очень важная дама, — продолжал дурачок, следуя, как видно, прихотливому течению своих мыслей и выражая их вслух. — Она ни за что на свете не станет жить в этом переулке, хотя, как говорит старая Нэб, он такой же узкий, как дорога в царствие небесное. Верно, поэтому они и назвали его Методистским.

— Я слышал, что дорогу, о которой ты говоришь, называют узкой, но ведь ее называют также и п р я м о й, — сказал офицер, которого позабавило замечание дурачка. — Однако вперед, время не ждет, а мы медлим.

Джэб быстро зашагал дальше и снова свернул в другой узкий и кривой переулок, который, однако, уже более заслуживал названия улицы, и скользнул в тень нависавших над тротуаром верхних этажей деревянных домов. Наконец после нескольких капризных изгибов эта улица вывела их на треугольную площадь, и Джэб, сойдя с узкого тротуара, направился прямо к центру площади. Здесь он снова остановился и, повернувшись лицом к зданию,

составлявшему одну из сторон треугольника, проговорил серьезно, с неподдельным восхищением:

— Вот! Вот она, наша Северная церковь! Видели ли вы где-нибудь еще такую молельню? Скажите, король молится богу тоже в таком красивом храме?

Офицер не позволил себе посмеяться над восторженностью бедного дурачка, ибо в этом обветшалом, но своеобразном деревянном сооружении он узнал бесхитростную постройку первых пуританских зодчих, чьи простые и грубоватые архитектурные вкусы были усвоены их потомками, пытавшимися внести в этот стиль некоторое разнообразие, но без особой пользы. В эти мысли вплетались, оживая, воспоминания, и он невольно улыбнулся, припомнив то время, когда ему случалось взирать на подобные сооружения с чувством, весьма близким тому глубокому восторгу, который отражался на лице дурачка. Джэб, внимательно наблюдавший за выражением его лица и по-своему его истолковавший, протянул руку и указал на дома, стоявшие на другой стороне площади и отличавшиеся некоторыми архитектурными претензиями.

— А вон там... Вон, поглядите на те дворцы! Скряга Томми жил в том, что с колоннами — на них еще вверху цветы. И короны — видите, короны! Говорят, скряга Томми большой охотник до корон и до крон. Даже губернаторский дворец был недостаточно хорош для него, вот он и жил здесь... А теперь говорят, он днюет и ночует у короля в кошельке!

— А кто он такой, этот «скряга Томми», и по какому праву мог бы он поселиться в губернаторском дворце, даже если бы он того пожелал?

— А по какому праву каждый губернатор живет в этом дворце? Потому что это дворец короля, хотя платит за него народ из своего кармана!

— Прошу прощения, сударь, — прозвучал за спиной офицера голос Меритона, — следует ли это понимать так, что американцы всех своих губернаторов именуют «скряга Томми»?

Услыхав этот праздный вопрос, офицер обернулся и в ту же минуту с удивлением обнаружил, что старик незнакомец, его спутник по плаванию, следовал, по-видимому, за ними всю дорогу, ибо он стоял неподалеку, опираясь на посох, и, подняв вверх худое, изборожденное морщинами лицо, залитое лунным светом, внимательно разглядывал

бывшую резиденцию Хэтчинсона[1]. Пораженный этим неожиданным открытием, офицер пропустил мимо ушей вопрос камердинера, и Джэб ответил за него:

— А то как же! Ведь каждого следует называть его настоящим именем, — заявил он. — Прапорщик Пек так и зовется — прапорщик Пек, и попробуйте назвать дьякона Уинслоу как-нибудь иначе, а не дьяконом Уинслоу — увидите, как он на вас взглянет! А я Джэб Прей, потому что так меня прозвали, и почему бы это губернатору не называться скрягой Томми, если он и есть скряга Томми?

— Придержи свой язык, ведь ты говоришь о представителе нашего монарха! — сказал офицер, поднимая трость, словно собираясь проучить дурака. — Или ты забыл, что я тоже солдат?

Дурачок испуганно отпрянул и, покосившись исподлобья на офицера, отвечал:

— Вы же назвали себя бостонцем!

Офицер хотел было что-то шутливо возразить, но в эту минуту старик незнакомец быстро шагнул к дурачку и стал рядом с ним с видом столь серьезным и торжественным, что это совершенно изменило ход мыслей офицера.

— Для этого юноши священны узы крови и голос отчизны, — пробормотал незнакомец, — и это достойно уважения!

Молодой офицер задумался и молча двинулся дальше по улице. Быть может, он почувствовал опасность такого рода намеков, которые он уже не раз слышал из уст своего загадочного спутника еще на корабле. Оглянувшись, он заметил, как незнакомец дружески пожал руку дурачка, прибавив при этом вполголоса еще несколько слов похвалы. Джэб скоро занял свое место впереди, но шел он теперь гораздо медленнее. Дурачок, сворачивая с одной улицы на другую, явно колебался иной раз в выборе направления, и у офицера мелькнула мысль — уж не повел ли его провожатый кружным путем, чтобы подольше не приближаться к дому миссис Лечмир, который явно внушал ему страх. Раза два молодой офицер поглядывал по сторонам в надежде спросить дорогу у какого-нибудь прохожего, но ночь уже спустилась на город, погрузив его в безмолвие и тишину, и на улицах, по которым они

[1] Хэтчинсон Томас (1711—1780) — с 1771 года по 1774 год был губернатором Массачусетса.

проходили, кроме них самих, не видно было ни души. Их провожатый тащился вперед с таким унылым и растерянным видом, что молодой человек уже подумывал о том, чтобы постучаться в чей-нибудь дом, но в эту минуту Джэб вывел их из темной, грязной и мрачной улицы на площадь, значительно более просторную, чем та, которую они покинули ранее. Проведя их вдоль стены почерневшего от времени здания, он направился к подвесному мосту, переброшенному через узкий, далеко вдающийся в сушу залив. Здесь он молча остановился, словно хотел, чтобы открывшаяся взорам его спутников картина произвела на них должное впечатление. Низкие, мрачные дома беспорядочно теснились вокруг площади; большинство из них казалось необитаемыми. Несколько в стороне, у самого края залива, чернели в лунном свете кирпичные стены длинного, приземистого здания, украшенного пилястрами и увенчанного неким подобием купола. Холодно и молчаливо поблескивали между пилястрами стрельчатые окна второго этажа, опиравшегося на кирпичные аркады, в глубине которых виднелись рыночные прилавки. Над пилястрами и под ними тянулись тяжелые каменные карнизы, благодаря чему это здание резко отличалось от прочих безыскусственных жилых домов, мимо которых они проходили. Офицер молча разглядывал расстилавшуюся перед ним площадь, а дурачок с любопытством наблюдал за выражением его лица. Однако, когда офицер ничем не выразил своего удовлетворения и ни словом не обмолвился о том, что узнает знакомые места, дурачок петерпеливо воскликнул:

— Ну, уж если вы не признали Фанел-Холла [1], значит, никакой вы не бостонец!

— Нет, я, разумеется, узнал Фанел-Холл, и я истинный бостонец, — с улыбкой возразил офицер. — Эта площадь оживает в моей памяти и возрождает воспоминания детства.

— Так вот оно, это здание, где свобода обрела так много отважных защитников! — воскликнул старик незнакомец.

---

[1] Фанел-Холл — здание, которое купец Питер Фанел в 1742 году подарил городу Бостону. В нем помещались городской рынок и зал, где часто собирались бостонцы, недовольные английским владычеством. Фанел-Холл американцы иногда называют «Колыбелью свободы».

— Вот бы король обрадовался, послушав, что говорят в старом Фанел-Холле! — сказал Джэб. — В прошлый раз, когда там шло собрание, я забрался на карниз и заглянул в окно. И хотя в бостонских казармах много солдат, но в зале было много и таких, которые ничуть их не боятся.

— Все это, несомненно, не лишено интереса, — сказал офицер сердито, — однако ни на шаг не приближает меня к дому миссис Лечмир.

— Это ведь и поучительно! — воскликнул старик незнакомец. — Продолжай, друг мой. Мне нравятся его простодушные излияния. В них отражаются чувства народа.

— Что ж, — сказал Джэб, — я говорю, что думаю, вот и все. А королю не повредило бы прийти и послушать, что здесь говорят, — это немножко сбило бы с него спесь, и, быть может, ему бы стало жаль народа и он не закрыл бы бостонский порт. Ну, перекрой он Узкий пролив, вода пойдет через Широкий! А то так у Нантаскета! Зря он думает, что бостонцы дураки и позволят каким-то парламентским указам лишить их божьей воды. Не бывать этому, пока на Портовой площади стоит Фанел-Холл!

— Мошенник! — воскликнул офицер, начиная терять терпение. — Мы слишком медлим, уже пробило восемь.

Дурачок сразу притих и ответил, глядя в землю:

— Ну вот, я ведь говорил соседу Хопперу, что к дому госпожи Лечмир ведет много дорог! Так поди ж ты — каждый знает, что нужно делать Джэбу, лучше, чем сам Джэб. Вот теперь вы меня напугали, и я забыл дорогу. Придется пойти спросить старую Нэб. Уж кто-кто, а она-то ее знает!

— Старую Нэб? Ах ты, упрямый осел! Кто такая эта Нэб и при чем она тут? Мало мне тебя!

— Каждый человек в Бостоне знает Эбигейл Прей.

— Почему ты вспомнил Эбигейл Прей, приятель? — раздался внушительный голос незнакомца. — Разве она не честная женщина?

— Честная, да только бедная, — угрюмо возразил дурачок. — С тех пор как король сказал, что к нам в Бостон не будут посылать никаких товаров, кроме одного лишь чая, а народ отказался его покупать, теперь ничего не стоит найти пустой сарай, где можно жить до самых холодов. Нэб прячет свои товары на старом складе, и это очень прекрасное помещение, и у Джэба там своя комната, где

он спит, и у его матушки тоже. А говорят, у короля с королевой их тоже две.

Глаза слушателей невольно обратились к довольно своеобразной постройке, на которую указывал дурачок. Подобно другим расположенным на площади домам, это было невысокое грязное, ветхое и потемневшее от времени строение. Но, в отличие от других, оно имело треугольную форму и стояло на углу двух вливавшихся в площадь улиц. На каждом из трех углов его были невысокие шестиугольные остроконечные башенки с грубыми флюгерами, а между ними поднималась крутая черепичная крыша. По серым стенам тянулись ряды маленьких подслеповатых окон, в одном из которых мерцал огонек свечи — единственный признак жизни во всем этом угрюмом, мрачном сооружении.

— Нэб хорошо, лучше, чем Джэб, знает госпожу Лечмир, — немного помолчав, продолжал дурачок. — Уж она наверно скажет, не велит ли госпожа Лечмир выпороть Джэба, если он приведет к ней гостя в субботний вечер. Правда, говорят, госпожа Лечмир такая безбожница, что может шутить, смеяться и распивать чай в субботний вечер не хуже, чем в любой другой [1].

— Ручаюсь тебе, что нам будет оказан самый любезный прием, — отвечал офицер, которому уже порядком надоела болтовня дурачка.

— Веди нас к этой Эбигейл Прей, — внезапно вскричал незнакомец, стремительно хватая Джэба за плечо и решительно увлекая его к низкой двери пакгауза, за которой они тотчас и исчезли.

Оставшись на мосту вдвоем со своим слугой, молодой офицер минуту был в нерешительности, не зная, как ему поступить. Но так велик был интерес, который возбуждали в нем слова и поступки таинственного незнакомца, что, приказав Меритону дожидаться его здесь, он последовал за старцем и своим проводником в безрадостную обитель последнего. Отворив наружную дверь, он очутился в довольно просторном, но мрачном помещении, которое, судя по лежавшим там остаткам кое-каких дешевых товаров, служило, по-видимому, когда-то складом. Огонек свечи, мерцавший в каморке, расположенной в одной из

[1] Пуритане считали всякие развлечения в субботний вечер и в воскресенье грехом.

башенок, заставил молодого офицера направиться туда. Приблизившись к открытой двери, он услышал резкий женский голос, громко восклицавший:

— Где это ты шлялся, безбожник, в субботнюю ночь? Небось таскался по пятам за солдатами или глазел на военный корабль — слушал, как эти богохульники поют и бражничают в такую ночь! А ведь знает, поганец, что корабль уже вошел в гавань и госпожа Лечмир ждет, что я тотчас извещу ее об этом! И знает, бездельник, что я сижу здесь и жду его с самого что ни на есть захода солнца, чтобы послать весточку на Тремонт-стрит! Так ведь нет, его и след простыл, не докличешься! А знает, прекрасно знает, кого она ждет!

— Не сердитесь на бедного Джэба, маменька! Солдаты так исполосовали ему спину веревкой, что кровь текла ручьями! Госпожа Лечмир! А госпожа Лечмир, сдается мне, маменька, перебралась куда-то в другое место. Вот уже битый час, как я разыскиваю ее дом, потому что один господин, который сошел с корабля, хочет, чтобы Джэб отвел его к ней.

— Что болтает этот дурачок? — воскликнула его мать.

— Он говорит обо мне, — сказал молодой офицер, входя в комнату. — Если миссис Лечмир ожидает кого-то, то этим лицом являюсь я. Я только что прибыл из Бристоля на корабле «Эйвон». Но ваш сын и в самом деле немало покружил со мной по городу; он даже поговаривал о том, чтобы наведаться на кладбище Копс-Хилл.

— Не гневайтесь на безмозглого дурачка, сударь! — воскликнула почтенная матрона, устремив на молодого человека пронзительный взгляд сквозь стекла очков. — Он знает дорогу туда не хуже, чем в собственную постель, — просто на него находит по временам. Вот то-то будет ра-

дость на Тремонт-стрит! Да и какой же вы красавчик, статный какой! Уж вы простите меня, сударь, — продолжала она, словно в забывчивости поднося свечу к его лицу. — Та же дивная улыбка, что у маменьки, тот же огненный взгляд, что у папеньки! Господи, прости нам наши прегрешения и пошли вечное блаженство на том свете тем, кто не знал счастья на этой злой и грешной земле! — в необычном волнении пробормотала женщина, опуская свечу.

Хотела она того или нет, но молодой человек расслышал все, от первого слова до последнего, и тень печали омрачила и без того сумрачное его чело. Однако он спросил только:

— Я вижу, вы знаете меня и мою семью?

— Я присутствовала при вашем рождении, сударь, и до чего же радостный был день!.. Однако госпожа Лечмир с нетерпением ожидает вестей. Мой бедный сыночек без промедления проводит вас к ней, и вы услышите от нее все, что вам надлежит знать... Джэб! Ну же, Джэб, чего ты забился в угол! Бери шапку и проводи молодого господина на Тремонт-стрит. Ты же любишь ходить к госпоже Лечмир, сынок, не так ли?

— Джэб сам, по доброй воле, ни за что не пошел бы туда, — насупившись, пробормотал дурачок: — И, если бы Нэб тоже не знала дороги туда, меньше было бы на се душе греха.

— Да как ты смеешь, змееныш этакий! — воскликнула его разгневанная мать и, схватив кочергу, яростно занесла ее над головой своего упрямого отпрыска.

— Женщина, уймись! — раздался голос за ее спиной.

Смертоносное орудие выпало из ослабевшей руки мегеры, и желтое, морщинистое лицо ее побелело, как саван. Минуту она стояла неподвижно, словно пригвожденная к месту какой-то сверхъестественной силой, затем, собравшись с духом, пролепетала:

— Кто это говорит со мной?

— Это я, — отвечал незнакомец, переступив через темный порог и появляясь перед женщиной в тусклом свете свечи. — Я тот, кто прошел необозримо длинный путь и знает, что господь заповедал нам любить детей наших так же, как он любит нас, детей своих.

Женщина затрепетала — казалось, она вот-вот лишится

чувств. Она упала на стул, взгляд ее перебегал с одного посетителя на другого: она пыталась что-то сказать, но не произносила ни слова, словно утратив дар речи. Джэб тем временем нерешительно приблизился к незнакомцу и, заглядывая ему в лицо, жалобно произнес:

— Не нужно обижать старую Нэб... Прочитайте ей лучше добрые слова, что написаны в библии, и она больше никогда не станет бить Джэба кочергой. Верно, маменька? Вон, видите, она прикрыла свою чашку полотенцем, когда вы пришли! Госпожа Лечмир дает ей это зелье — чай, и Нэб теперь никогда не бывает так добра к Джэбу, как Джэб был бы добр к своей маменьке, если бы его маменька была, как он, слабоумной, а Джэб был бы такой старый, как его маменька.

Незнакомец пристально вгляделся в подвижное лицо дурачка, столь трогательно вступившегося за мать, а когда тот умолк, сострадательно погладил его по голове и сказал:

— Бедное, лишенное разума дитя! Господ не дал тебе одного из самых драгоценных своих даров, но дух господень витает над тобой, ибо ты чувствуешь доброту там, где видна лишь суровость, и различаешь добро и зло. А тебе, юноша, разве не ясно, что отсюда явствует, какая пропасть лежит между выполнением долга по принуждению и по доброй воле?

Не выдержав устремленного на него горящего взгляда незнакомца, молодой офицер отвел глаза; после непродолжительного, но неловкого молчания он обратился к женщине, которая успела уже несколько оправиться, и выразил готовность продолжать свой путь. Почтенная матрона, собравшись с силами, медленно выпрямилась на стуле и, ни на секунду не отрывая взгляда от незнакомца, дрожащим голосом приказала своему сыну показать дорогу на Тремонт-стрит. Долгий опыт научил ее, как видно, справляться с сыном, когда он заупрямится, а на сей раз волнение сделало ее тон таким грозным, что Джэб беспрекословно встал и приготовился выполнить приказ. Все испытывали некоторое замешательство, и молодой офицер уже намеревался покинуть комнату, ограничившись безмолвным, хотя и учтивым поклоном, но незнакомец продолжал неподвижно стоять в дверях, преграждая ему путь.

— Прошу вас, пойдемте, сударь, — сказал молодой

офицер. — Время позднее, и вам тоже, вероятно, потребуется провожатый до вашего дома.

— Мне улицы Бостона хорошо знакомы, — возразил старик. — Как отец смотрит на своего возмужавшего сына, так смотрел я сегодня на этот разросшийся город, и любовь моя к нему равна отцовской любви. Для меня довольно того, что я снова вернулся сюда, в этот город, который ценит свободу превыше всего, а под какой крышей приклоню я голову, не имеет значения, и этот приют ничуть не хуже всякого другого.

— Этот! — воскликнул офицер, окидывая взглядом убогое жилище. — Да ведь в этом помещении вы найдете еще меньше удобств, чем на корабле, который мы только что покинули!

— Мне он подходит, — ответил незнакомец, хладнокровно усаживаясь на стул и с решительным видом кладя возле себя узелок. — Ступайте в ваш дворец на Тремонт-стрит. Я сам позабочусь о том, чтобы мы с вами свиделись снова.

Молодой офицер успел уже достаточно хорошо изучить нрав своего спутника и не стал возражать. Отвесив низкий поклон, он покинул каморку, оставив старика, в задумчивости склонившегося головой на свою трость, и пораженную хозяйку, с изумлением и страхом взиравшую на незваного гостя.

Глава III

Над чашками клубится пар душистый,
В них льется чай струею золотистой.
Ласкает сладостный напиток сей
И обоняние и вкус гостей.

Александр Поп

Памятуя многократно повторенные увещевания матери, Джэб на сей раз твердо выбрал прямой путь. Как только молодой офицер вышел из пакгауза, дурачок повел его через мост, потом направился вдоль залива и свернул на широкую, застроенную солидными зданиями улицу, которая вела от главной пристани к богатым кварталам города. Свернув на эту улицу, Джэб сосредоточенно продолжал шагать вперед, как вдруг внимание его было

привлечено шумом пирушки, доносившимся из окон дома, расположенного на противоположной стороне, и он остановился.

— Ты помнишь, что говорила тебе мать? — сказал офицер. — Что ты уставился на этот кабак?

— Это же английская кофейня! — отвечал Джэб, покачивая головой. — Еще бы, это же каждому понятно — ишь, какой шум поднимают они в субботнюю ночь! Слышите? Там сейчас полным-полно офицеров лорда Бьюта. Вон они торчат в окнах в своих красных мундирах! Ну сущие черти! А небось завтра, когда колокол на Южной церкви позовет к молитве, ни один из них, из этих грешников, не вспомнит своего создателя!

— Ну, довольно, бездельник! — воскликнул офицер. — Тотчас отведи меня на Тремонт-стрит или ступай своей дорогой, а я поищу себе другого провожатого!

Дурачок глянул исподлобья на разгневанное лицо офицера, повернулся и побрел дальше, бормоча достаточно громко, чтобы тот мог его услышать:

— Уж кто вырос в Бостоне, тот знает, как нужно блюсти субботний вечер. Тот не бостонец, кто не любит бостонских обычаев.

Офицер промолчал. Они шли быстро и скоро без дальнейших задержек миновали Кинг-стрит и Куин-стрит и вышли на Тремонт-стрит. В нескольких шагах от перекрестка Джэб остановился и, указывая на стоявший неподалеку дом, сказал:

— Вон. Вон тот дом с палисадником и колоннами и с такой высоченной парадной дверью — это и есть дом миссис Лечмир. И каждый скажет вам, что она очень важная дама. А я скажу: жалко, что она дурная женщина.

— Да кто ты такой, чтобы так дерзко судить о даме, которая настолько старше тебя и выше по положению!

— Кто я? — сказал дурачок с самым простодушным видом, глядя офицеру в глаза. — Я Джэб Прей, так меня все называют.

— Ладно, Джэб Прей, вот тебе крона. В другой раз захочешь быть провожатым — поменьше суй нос в чужие дела. Ты что, не слышишь, приятель? Вот тебе крона.

— Джэбу не нужна крона. На ней корона, а корону носит король, и от этого он такой чванный.

«Должно быть, недовольство здесь и в самом деле приняло широкие размеры, если даже этот дурачок отказы-

вается от денег во имя убеждений», — подумал офицер и сказал:

— Ну что же, вот тебе полгинеи, если ты золото предпочитаешь серебру.

Дурачок с беспечным видом, подбрасывая носком башмака камешек и не вынимая рук из карманов, поглядел на офицера из-под надвинутой на лоб шапки и ответил:

— Вы не позволили солдатам бить Джэба, и Джэб не хочет брать у вас деньги.

— Ну, друг, размеры твоей благодарности далеко превосходят твое благоразумие! Идем, Меритон, мы еще встретимся с этим беднягой, я не забуду этих его слов. Поручаю тебе позаботиться о том, чтобы у него была приличная одежда на этой же неделе.

— Великий боже, сударь... — сказал слуга. — Разумеется, все будет исполнено, если это доставит вам удовольствие, хотя, сказать по правде, я совершенно не представляю себе, какого рода костюм следует предпочесть для человека с подобным лицом и подобной фигурой, чтобы получилось что-то более или менее пристойное.

— Сударь, сударь! — закричал дурачок, устремляясь за офицером, который уже направился к указанному ему дому. — Если вы не позволите больше вашим солдатам избивать бедного Джэба, Джэб всегда будет провожать вас по городу и бегать по вашим поручениям, куда прикажете!

— Ах ты, бедняга! Ладно, обещаю тебе, что никто из солдат больше тебя пальцем не тронет. Прощай, дружище! Мы еще увидимся с тобой.

Это обещание, по-видимому, вполне удовлетворило дурачка, так как он тут же повернулся, неуклюже побежал по улице и вскоре скрылся за углом. А молодой человек тем временем приблизился к калитке, которая вела в палисадник миссис Лечмир. Это был кирпичный дом. Его вид производил куда более внушительное впечатление, чем убогие лачуги у залива. Деревянные резные наличники в несколько старомодном вкусе украшали окна; в двух верхних этажах окон было семь, и крайние из них казались значительно у́же средних. Нижний этаж отличался от верхнего только тем, что имел парадный вход.

Часть окон была ярко освещена, и среди окружающего уныния и мрака от этого создавалось впечатление, что

там, за окнами, царят радость и веселье. Молодой офицер постучал в дверь. Она тотчас отворилась, и он увидел перед собой старого негра, одетого в ливрею, и притом довольно пышную для колониального дома средней руки. Посетитель осведомился о миссис Лечмир и был проведен через просторную прихожую в соседнюю комнату. Комната эта в наши дни показалась бы маловатой для гостиной, но то, чего ей не хватало по величине, с лихвой возмещалось богатством и обилием убранства. Стены были расписаны пейзажами с живописными руинами замков, и каждое панно обрамляла резная деревянная панель. На блестящей, покрытой лаком поверхности этих панно были сверх того изображены еще родовые гербы и девизы. Панели в нижней части стены были расписаны так, чтобы создать иллюзию того или иного архитектурного украшения. Между панно располагались деревянные пилястры, увенчанные золочеными капителями, и все это завершалось массивным деревянным карнизом под потолком. Ковры в ту пору еще не вошли в моду в колониях, однако богатство миссис Лечмир и ее высокое положение могли бы привести к появлению в ее доме и этих предметов роскоши, если бы возраст этой дамы и стиль самого дома не побудили ее остаться верной старинным обычаям. Пол, сверкавший чистотой так же, как и мебель, был выложен мозаичным рисунком из маленьких квадратиков красного дерева и сосны, а в центре его столяр сделал попытку изобразить геральдических «прыгающих львов» рода Лечмиров. По обе стороны величественного камина в стенах имелись полукруглые ниши, служившие, по-видимому, для практических нужд, так как поднятые жалюзи в одной из них открывали взору буфет, полки которого ломились под тяжестью массивной серебряной посуды. Комната была обставлена дорогой и громоздкой старинной мебелью, ничуть, однако, не пострадавшей от времени. И среди всего этого провинциального великолепия, которому придавали особую пышность бесчисленные восковые свечи, зажженные во всех углах, на козетке в церемонной, но исполненной достоинства позе восседала дама довольно преклонных лет. Молодой офицер еще в прихожей сбросил свой плащ на руки Меритона и появился теперь перед ней в красивом военном мундире, который чрезвычайно шел его стройной мужественной фигуре. Пожилая дама поднялась навстречу гостю, и ее суровый взгляд, задержавшись на

мгновение на его лице, смягчился, выразив при этом приятное удивление. Первым, однако, нарушил молчание молодой офицер:

— Я позволил себе, сударыня, явиться к вам без доклада — владевшее мною нетерпение заставило меня нарушить правила приличия, ведь как только я вступил в ваш дом, на меня нахлынули воспоминания отрочества, так беззаботно протекавшего в этих стенах.

— Дорогой племянник, — приветствовала его миссис Лечмир (ибо это была она), — эти темные глаза, эта улыбка, да, да даже эта походка сами служат вам лучшим докладом. Как могла бы я не узнать, что передо мной один из Линкольнов! Я не забыла моего бедного брата, так же как и того, кто по-прежнему так дорог нам!

В речах и манере обоих чувствовалась известная сдержанность, быть может вызванная требованиями провинциального этикета, строго соблюдаемого почтенной хозяйкой дома, однако этими требованиями никак нельзя было бы объяснить глубокую печаль, внезапно отразившуюся в глазах молодого офицера и согнавшую с его лица улыбку, когда он услышал обращенные к нему слова. Впрочем, происшедшая в нем перемена была мимолетной, и он отвечал любезно:

— Я всегда был приучен к мысли, что на Тремонт-стрит найду себе второй дом, и мои упования, как я вижу, были не напрасны, — в этом убеждает меня ваше любезное заверение, сударыня, что вы помните меня и моих родителей.

Ответ, очевидно, произвел весьма благоприятное впечатление на госпожу Лечмир, ибо она позволила себе улыбнуться, отчего суровые черты ее несколько смягчились, и сказала:

— Разумеется, это ваш родной дом, хотя, быть может, он слишком скромен для наследника богатого рода Линкольнов. Я не допускаю мысли, чтобы хоть один из членов этого благородного рода мог забыть свой священный долг и не оказать должного приема лицу, связанному с ним кровными узами.

Молодой человек почел, по-видимому, что все подобающие случаю слова уже сказаны. Он почтительно склонился над протянутой ему рукой, выпрямился и в то же мгновение увидел перед собой молодую девушку, которую до этой минуты скрывали от его взора тяжелые шторы окна.

Шагнув к ней, он произнес с поспешностью, выдававшей его желание переменить тему разговора:

— Кажется, я вижу перед собой еще одну особу, с которой имею честь состоять в родстве. Вы мисс Дайнвор?

— Хотя это и не моя внучка, — сказала миссис Лечмир, — тем не менее, майор Линкольн, эта девица в такой же мере имеет право называться вашей родственницей. Это Агнеса Денфорт, дочь моей покойной племянницы.

— Значит, в ошибку впали только мои глаза, но не мои чувства, — ответил молодой офицер. — Надеюсь, что мне будет позволено называть вас кузиной?

Молчаливый наклон головы послужил ему единственным ответом, хотя протянутая со словами приветствия рука майора не была отвергнута. Обменявшись еще несколькими любезными фразами и обычными в подобных случаях вопросами, все уселись, и беседа потекла более непринужденно.

— Мне очень приятно было убедиться, что вы не позабыли нас, Лайонел, — сказала миссис Лечмир. — Здесь, в этой провинциальной глуши, все столь ничтожно по сравнению с нашей далекой родиной, что ваша память могла не сохранить ни единого воспоминания о том крае, где вы появились на свет, — я опасалась этого, признаться.

— В городе, несомненно, произошли большие перемены, но есть здесь и немало мест, которые я хорошо помню, хотя, конечно, долгое отсутствие и знакомство с другими городами заставило эти воспоминания несколько потускнеть.

— Разумеется, знакомство с английским двором не могло придать блеска нашему скромному образу жизни в ваших воспоминаниях, и, конечно, у нас не найдется таких зданий, которые привлекли бы к себе внимание того, кто много странствовал по свету. В вашем девонширском родовом доме легко уместилась бы дюжина любых бостонских зданий — будь то правительственные или частные. Недаром в нашей семье издавна существует поговорка, что из всех королевских замков только один Виндзор может потягаться с резиденцией главы рода Линкольнов.

— Да, конечно, дом в Равенсклифе довольно велик, — небрежно отозвался молодой человек. — Впрочем, вы ведь знаете, что его величество не любит особой пышности у себя в Кью. Сам же я так мало бывал в поместье, что едва ли возьмусь судить о его благоустройстве или размерах.

Старая дама удовлетворенно кивнула; как многие жи-

тели колоний, она чрезвычайно гордилась своим родством со знатной английской семьей — чувство отнюдь не редкое для колонистов, — и ей доставляло удовольствие, когда о нем заходила речь. Затем, словно беседа навела ее на эту мысль, она воскликнула:

— По-видимому, Сесилия еще не оповещена о приезде нашего дорогого родственника, иначе она не преминула бы явиться сюда, чтобы его приветствовать.

— Она оказывает мне большую честь, если почитает меня за близкого родственника, с которым не требуется соблюдения церемоний.

— Она доводится вам всего лишь троюродной сестрой, — слегка нахмурившись, возразила старая дама. — А это не столь близкое родство, чтобы забывать о приличиях. Вы видите, Лайонел, как мы дорожим родственными связями, которые составляют предмет гордости даже самых отдаленных ветвей нашего рода.

— Я не слишком силен в генеалогии, сударыня, но, если не ошибаюсь, мисс Дайнвор принадлежит по прямой линии к столь знатному роду, что едва ли для нее могут иметь особое значение родственные связи, приобретенные в результате того или иного брака.

— Прошу прощения, майор Линкольн, отец мисс Дайнвор, полковник Дайнвор, безусловно принадлежит к очень старому и весьма почтенному английскому роду. Но ни одна семья не может быть безразлична к тому, что породнилась с нашей. Я повторяю — с нашей семьей, дорогой Лайонел, ибо хочу, чтобы вы никогда не забывали о том, что и я сама происхожу из рода Линкольнов и довожусь родной сестрой вашему дедушке.

Слегка удивленный некоторой противоречивостью, содержавшейся в словах почтенной дамы, молодой человек молча склонил голову, снова благодаря за комплимент, и бросил взгляд на молчаливую молодую девушку с явным желанием заговорить с ней о чем-нибудь более интересном — желание вполне извинительное для человека его возраста и пола. Не успел он, однако, обменяться с ней двумя-тремя фразами, как миссис Лечмир, явно раздосадованная отсутствием свой внучки, сказала:

— Ступай, Агнеса, оповести свою кузину об этом столь приятном для нас событии. Все время, пока вы находились в пути, она тревожилась, не грозит ли вам опасность. После получения вашего письма, в котором вы извещали

нас о своем намерении, мы каждое воскресенье читали молитву о плавающих и путешествующих, и мне было очень приятно видеть, как усердно возносила Сесилия вместе с нами свои мольбы.

Лайонел пробормотал несколько слов признательности и, откинувшись в кресле, возвел глаза к потолку — то ли в благочестивом порыве, то ли по какой-либо другой причине, об этом мы не беремся судить. Пока миссис Лечмир произносила свою последнюю тираду, которую молодой офицер сопроводил вышеописанной выразительной пантомимой, Агнеса Денфорт встала и покинула комнату. Дверь за ней затворилась, но некоторое время в комнате еще царила тишина, хотя миссис Лечмир раза два, казалось, хотела что-то сказать. На бледных, увядших щеках ее сурового лица проступили пятна, губы вздрагивали. Наконец она все же заговорила, но голос ее звучал сдавленно и хрипло:

— Быть может, я позволю себе неучтивость, дорогой Лайонел, — сказала она, — ведь есть предметы, касаться которых позволено только между ближайшими родственниками. Как чувствует себя сэр Лайонел? Надеюсь, вы оставили его в добром здравии и он бодр телом, хотя и болен духом.

— Мне сообщают, что это так.

— Давно ли вы его видели?

— Я не виделся с ним пятнадцать лет. По мнению докторов, мои посещения были ему вредны, и мне запретили навещать его. Он содержится в частной лечебнице в предместье Лондона. И, поскольку светлые промежутки в течение его болезни становятся все более частыми и все более продолжительными, я позволяю себе питать надежду, что настанет время, когда мой отец будет мне возвращен. Эту надежду укрепляет во мне его возраст — ведь ему, как вы знаете, нет еще и пятидесяти.

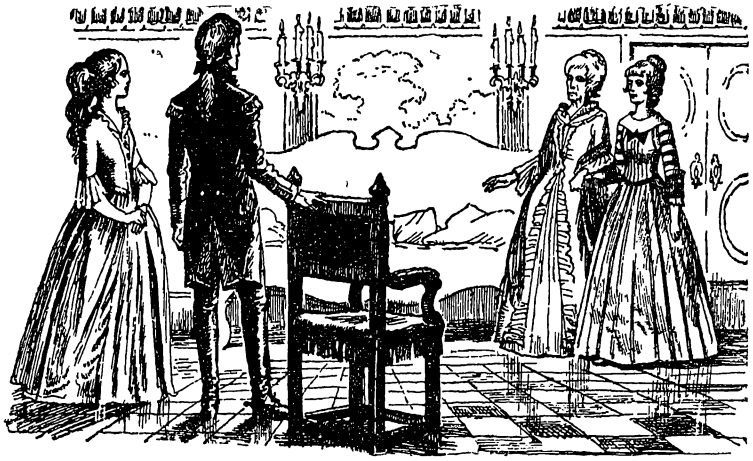
За этими словами последовало довольно продолжительное и тягостное молчание. Наконец миссис Лечмир сказала дрогнувшим голосом (что необычайно растрогало молодого человека, ибо яснее слов говорило о ее сочувствии своему внучатому племяннику и о доброте ее сердца):

— Я буду вам весьма признательна, Лайонел, если вы нальете мне стакан воды, — графин вон там, на буфете. Простите меня, но мы коснулись столь грустных обстоятельств,

а это всегда чрезвычайно меня расстраивает. С вашего позволения, я покину вас на несколько минут, чтобы поторопить мою внучку. Я жажду познакомить вас с ней.

Молодой человек был рад в эту минуту остаться наедине со своим волнением и не стал ее удерживать. Впрочем, вместо того чтобы последовать за Агнесой Денфорт, уже ранее покинувшей комнату с той же целью, миссис Лечмир нетвердым шагом направилась к двери, ведущей в ее личные апартаменты. Некоторое время молодой человек расхаживал по комнате, стремительно шагая из угла в угол по «прыгающим львам» Лечмиров, словно желая посрамить их яростные прыжки, а взгляд его тем временем бесцельно блуждал по массивным панелям, по лазури, пурпуру и серебру старинных гербов, блуждал столь рассеянно и небрежно, словно ему не было дела до начертанных на них высоких девизов и прославленных имен.

Из этого состояния задумчивости его вывело внезапное появление незнакомой ему молодой девушки, которая так быстро прошла на середину комнаты, что он только тут заметил ее присутствие. Грациозная фигурка, юное личико, выразительное и живое, изящество и женственная мягкость движений, осанка, исполненная достоинства и вместе с тем неизъяснимого очарования, — все это, внезапно явившись взору, могло бы приковать к месту любого юношу, даже менее галантного и еще более глубоко погруженного в свои думы, чем тот, которого мы пытались вам описать. Майор Линкольн сразу понял, что перед ним Сесилия Дайнвор, дочь английского офицера, уже давно лежащего в могиле, и единственной дочери миссис Лечмир, тоже ныне уже покойной, а поэтому он, как человек светский, без малейшего замешательства, которое мог бы проявить на его месте другой, менее привыкший к обществу юноша, непринужденно представился своей кузине. Эта вольность, которую он себе позволил, умерялась учтивостью, как того требовали приличия. Однако девушка держалась столь натянуто и отчужденно, что молодой человек, закончив свое приветствие и предложив ей стул, испытал такое замешательство, словно впервые остался наедине с женщиной, которой давно мечтал сделать сугубо серьезное признание. Впрочем, тут она, то ли руководствуясь безошибочным женским инстинктом, то ли просто почувствовав, что ведет себя недостаточно вежливо с гостем своей бабушки, постаралась рассеять эту неловкость.



— Бабушка давно с нетерпением ждала столь приятной для нее встречи с вами, майор Линкольн, — сказала она, — и приезд ваш весьма своевремен. Положение в стране день ото дня становится все более тревожным, и я уже давно уговариваю ее погостить у наших родственников в Англии, пока все эти раздоры не придут к концу.

Голос был нежен и мелодичен, а выговор столь безукоризненно чист, словно приобретен при английском дворе. В речи этой молодой особы и в помине не было того несколько простонародно-провинциального оттенка, который оскорбил слух молодого офицера, когда он слушал Агнесу Денфорт, хотя та произнесла всего несколько слов, и этот контраст сделал мисс Сесилию Дайнвор еще более очаровательной в его глазах.

— Вам, получившей истинно английское воспитание, путешествие в Англию несомненно доставит большое удовольствие, — отвечал молодой человек, — и если то, что довелось мне слышать на корабле от одного из моих спутников, хотя бы наполовину соответствует действительности — я имею в виду положение в стране, — то я первый поддержу вашу просьбу. Как Равенсклиф, так и дом в Сохо целиком к услугам миссис Лечмир.

— Мне хотелось, чтобы бабушка уступила настойчи-

[1] Сохо — район Лондона.

вым просьбам лорда Кардонелла, родственника моего покойного отца, который уже давно уговаривает меня пожить года два в его семействе. Разлука с бабушкой будет, несомненно, очень тяжела для нас обеих, но, если она решит поселиться в доме своих предков, никто, надеюсь, не осудит меня, если и я приму подобное же решение и поселюсь под древним кровом своих.

Проницательный взгляд майора Линкольна заставил ее опустить глаза, и он невольно улыбнулся, ибо у него мелькнула мысль, что эта провинциальная красавица унаследовала от своей бабушки всю ее родовую спесь и, видимо, тщится внушить ему, что племянница виконта по своему положению выше сына баронета. Впрочем, жаркий румянец, заливший лицо Сесилии Дайнвор, когда она заговорила о своем намерении, мог бы подсказать молодому офицеру, что ею руководят куда более глубокие чувства, нежели те, которые он ей приписал, однако это послужило для него лишь еще одной причиной обрадоваться появлению миссис Лечмир, которая возвратилась в комнату, опираясь на руку своей племянницы.

— Я вижу, дорогой Лайонел, — неверной походкой направляясь к кушетке, сказала эта дама, — что вы и Сесилия уже познакомились, и залогом тому было ваше родство; оно, как вы сами знаете, является, конечно, весьма отдаленным, но создает тем не менее родство духа, которое передается из поколения в поколение с такой же несомненной очевидностью, как те или иные черты лица.

— Если бы я мог льстить себя мыслью, что обладаю хотя бы малейшим сходством с мисс Дайнвор в любом из этих двух смыслов, я бы вдвойне гордился нашим родством, — нарочито безразличным тоном отвечал Лайонел, помогая почтенной даме опуститься на кушетку.

— Но я вовсе не склонна считать далеким мое родство с кузеном Лайонелом! — с неожиданной горячностью вскричала Сесилия. — Такова была воля наших предков...

— Нет, нет, дитя мое, — прервала ее старая дама. — Ты забываешь, в каких случаях позволительно пользоваться обращением «кузен» и какие именно узы кровного родства оно подразумевает. Но майор Линкольн знает, как у нас в колониях любят злоупотреблять этим словом и считаются родством до двадцатого колена, словно в шотландских кланах. Да, кланы... Это приводит мне на память восстание сорок пятого года. В Англии полагают, что даже

самые отчаянные головы среди наших колонистов никогда не дойдут до такого безрассудства, чтобы пустить в ход оружие.

— Мнения на этот счет расходятся, — сказал Лайонел. — Большинству офицеров это кажется смехотворным. Однако мне встречались служившие здесь офицеры, которые уверяют, что колонисты не только прибегнут к оружию, но и что схватка будет кровавой.

— А почему бы им этого не сделать! — внезапно сказала Агнеса Денфорт. — Они мужчины, а про англичан этого больше не скажешь!

Лайонел удивленно обернулся к ней. Ее чуть-чуть косящий взгляд был исполнен добродушного лукавства, которое страшно противоречило резкому тону ее слов. Улыбнувшись, он повторил их:

— Почему бы им этого не сделать, в самом деле! Разве только потому, сдается мне, что это было бы и безумием и изменой. Уверяю вас, я не принадлежу к числу тех, кто пренебрежительно смотрит на моих соотечественников. Не забудьте, что я тоже американец.

— Мне казалось, что когда добровольцы надевают военную форму, — сказала Агнеса, — то они предпочитают синий мундир красному.

— Его величеству было угодно избрать этот неугодный вам цвет для сорок седьмого гренадерского полка, — смеясь, возразил молодой человек. — Что касается меня, то я бы с радостью уступил этот цвет вам, кузины, и избрал бы себе другой, будь то в моей власти.

— Это в вашей власти, сударь.

— Каким образом?

— Вам достаточно подать в отставку.

Казалось, миссис Лечмир преследовала какую-то цель, позволяя племяннице зайти в своей запальчивости столь далеко. Однако, заметив, что их гость остается невозмутимым, слушая, как женщины становятся на защиту своей родины, что́ у большинства английских офицеров, обладающих меньшей выдержкой, вызвало бы досаду, она заметила, принимаясь звонить в колокольчик:

— Смело сказано, а, майор Линкольн? Смело сказано для девицы, которой нет еще и двадцати лет. Но мисс Денфорт имеет право на такие суждения, ибо кое-кто из ее родственников по отцу принимает самое горячее участие в беззакониях, которые творятся в нынешние лихие

времена. Что касается Сесилии, то нам лучше удалось уберечь ее верноподданнические чувства.

— Однако даже Сесилия отказывается бывать на приемах и балах, которые устраивают английские офицеры, — не без язвительности заметила Агнеса.

— Не считаешь ли ты возможным, чтобы Сесилия Дайнвор появлялась на балах одна? — возразила миссис Лечмир. — Или, может быть, ты хочешь, чтобы я в мои семьдесят лет ездила по балам, дабы поддержать честь семьи?.. Но майору Линкольну следует подкрепиться с дороги, а мы занимаемся пустыми спорами. Катон, приступай, мы ждем.

Последние слова миссис Лечмир были обращены к негру-слуге, и в тоне, каким они были сказаны, содержался какой-то таинственный намек. Старик слуга, привыкший, по-видимому, за свою долголетнюю службу постигать желания своей хозяйки не столько из содержания ее речей, сколько по выражению ее лица, отправился закрывать ставни на окнах, а затем принялся с великой тщательностью задергивать шторы. Покончив с этим, он взял небольшой овальный столик красного дерева, стоявший в нише задрапированного шторами окна, и поставил его перед мисс Дайнвор. Вскоре на полированной доске стола появился массивный серебряный поднос с шипящим чайником из такого же благородного металла и сервизом из прекрасного дрезденского фарфора, а еще через несколько минут — спиртовка. Во время этих приготовлений миссис Лечмир и ее гость вели беседу о здоровье и состоянии дел их английских родственников. Погруженный в беседу, молодой человек, однако, не мог не заметить, что все движения негра-слуги, медленно и словно с опаской накрывавшего на стол, были исполнены какой-то странной таинственности. Мисс Дайнвор, хотя чайный столик был поставлен перед нею, не приняла никакого участия в приготовлениях, а Агнеса Денфорт откинулась на спинку козетки с выражением холодного неудовольствия. Чай был заварен, налит в две маленькие шестигранные чашки с зелеными и красными веточками, разбросанными кое-где по белому фарфору, и негр-слуга подал одну из этих чашечек, наполненную благоуханным напитком, хозяйке дома, другую — гостю.

— Прошу прощения, мисс Денфорт, — сказал Лайонел, приняв чашку и тут же спохватившись. — Быть

может, только что проделанное мною морское путешествие извинит мою неучтивость.

— О, не извиняйтесь, сударь, если вам так приятен этот напиток, — ответила та.

— Мне было бы еще приятнее, если бы и вы вкушали от этого дара роскоши.

— Вы нашли очень удачное выражение для этой пустой слабости, сударь. Это именно роскошь, и притом такая, без которой легко можно обойтись. Благодарю вас, сударь, я не пью чая.

— Право же, ни одна дама никогда не откажется выпить чашечку чая! Прошу, позвольте вас уговорить.

— Не знаю, по вкусу ли это ядовитое зелье вашим английским дамам, майор Линкольн, но для американской девушки не составляет труда отказаться от употребления этой омерзительной травы, из-за которой наряду со всем прочим наша страна и наши близкие могут подвергнуться смертельной опасности.

Молодой человек, который хотел просто исполнить долг вежливости, ограничился молчаливым поклоном, но, отвернувшись, не удержался и бросил взгляд в сторону овального столика с целью проверить, столь же ли тверды принципы другой молодой американки. Сесилия сидела, склонившись над подносом, и рассеянно вертела в руке серебряную ложечку весьма своеобразной формы, похожую на стебелек того самого растения, настоем из ароматных листьев которого предстояло ему насладиться; пар, клубившийся над фарфоровым чайником, легким облачком застилал ее ослепительно белый лоб.

— А вы, мисс Дайнвор, не питаете, по-видимому, такой неприязни к этому злополучному растению, — сказал Лайонел. — Вы как будто не боитесь вдыхать эти пары.

Сесилия метнула на него быстрый взгляд — надменно-задумчивое выражение ее лица сменилось насмешливо-лукавым и, казалось, куда более естественным для нее — и отвечала, смеясь:

— Не могу не признаться в моей женской слабости. Я готова думать, что именно чай и был тем великим соблазном, из-за которого наша прародительница была изгнана из рая.

— Если это так, то змей-искуситель по-прежнему коварен и в наши дни, — заметила Агнеса, — да только орудие соблазна несколько утратило свою силу.

— Почему вы так думаете? — спросил Лайонел, стремясь поддержать эту непринужденную болтовню в надежде уничтожить первоначально возникшую отчужденность. — Если бы Ева столь же решительно отказывалась слушать, как вы отказываетесь отведать, все мы сейчас, вероятно, пребывали бы в раю.

— Вы заблуждаетесь, сударь. Я не так уж мало в этом смыслю, как вам могло показаться оттого, что я не пожелала сейчас притронуться к этому зелью. Бостонский порт уже давно похож на «большой чайник», как выражается Джэб Прей.

— Так вы знаете Джэба Прея, мисс Денфорт? — спросил Лайонел, которого немало позабавила ее запальчивость.

— Разумеется. Бостон не так велик, а Джэб так полезен, что каждый житель в городе знает беднягу.

— В таком случае, это семейство действительно весьма широко известно в городе, ибо он сам заверил меня, что все и каждый знают его грозную матушку.

— Заверил вас? Но откуда можете вы знать несчастного Джэба и его почти столь же несчастную мать? — с той милой непосредственностью и простотой, которая еще раньше так восхитила молодого человека, воскликнула Сесилия.

— Ну вот, дорогие кузины, вы и попались в мои силки! — воскликнул Лайонел. — Если вы и можете устоять против ароматного запаха чая, то уж против соблазна удовлетворить свое любопытство не устоит ни одна женщина. Однако, чтобы не показаться слишком жестоким в глазах моих прелестных родственниц в первые же минуты нашего знакомства, я готов открыть вам, что мне уже довелось побеседовать с миссис Прей.

Агнеса хотела было что-то сказать, но в это мгновение раздался легкий звон, и, обернувшись, все увидели осколки великолепной дрезденской чашки, рассыпавшиеся возле кресла миссис Лечмир.

— Бабушка, дорогая, вам нездоровится? — вскричала Сесилия, бросаясь к почтенной даме. — Катон, скорее стакан воды... майор Линкольн, бога ради... вы попроворнее... Агнеса, где твоя нюхательная соль?

Однако, когда первая суматоха улеглась, очаровательный испуг внучки оказался несколько чрезмерным: миссис Лечмир мягко отстранила поданную ей нюхательную соль,

не отклонив, впрочем, стакана воды, уже вторично за краткий срок их знакомства поднесенного ей Лайонелом.

— Боюсь, что вы будете считать меня совсем больной женщиной, дорогой Лайонел, — оправившись, сказала старая дама, — но думается мне, что чай, о котором мы сегодня столько толкуем и которым я из верноподданнических чувств очень злоупотребляю, совсем расстроил мои нервы. Придется и мне, подобно этим девицам, воздерживаться от него, хотя и вследствие совсем иных причин. Мы привыкли ложиться рано, майор Линкольн, но я прошу вас чувствовать себя как дома и ничем себя не стеснять. Я же воспользуюсь привилегией своего преклонного возраста и попрошу у вас разрешения пожелать вам крепкого сна после вашего утомительного путешествия. Я уже распорядилась, чтобы Катон устроил вас как можно удобнее.

Опираясь на руки двух своих юных родственниц, старая дама покинула комнату, оставив Лайонела одного. Час был поздний, и, так как девушки, уходя, тоже попрощались с ним, Лайонел позвал слугу, попросил принести свечу и был проведен в приготовленную для него комнату. Как только Меритон помог ему раздеться — в описываемую нами эпоху ни один джентльмен не мог отойти ко сну без помощи своего лакея, — Лайонел отпустил его и, бросившись на постель, с облегчением откинулся на подушки.

Однако воспоминания о событиях истекшего дня долго не давали ему уснуть и обрести желанный покой. Перебирая в уме различные обстоятельства, слишком близко его касавшиеся, чтобы они могли не волновать его, молодой человек в конце концов принялся размышлять над оказанным ему здесь приемом и вспоминать обитательниц этого дома, с которыми ему довелось сегодня познакомиться.

Он чувствовал, что и миссис Лечмир, и ее внучка обе играли каждая свою, заранее обдуманную роль, — то ли по взаимному уговору, то ли нет, это еще ему предстояло узнать; Агнеса же Денфорт, казалось ему, держалась естественно и просто, хотя, быть может, и несколько резко, что, впрочем, ничуть не противоречило ее характеру и воспитанию. Не приходится удивляться, что обе девушки занимали его мысли, пока он не уснул, ибо он был молод, а эти юные создания, с которыми он только что свел знакомство, обладали незаурядной красотой, и поэтому неудивительно также и то, что под утро ему приснилось, будто он находится на борту «Эйвона», только что поки-

нувшего Бристольский порт, и горячо обсуждает достоинства сушеной рыбы с берегов Ньюфаундленда, каким-то особым способом приготовленной прелестными ручками мисс Денфорт и странно напоминающей по вкусу чай, а Сесилия Дайнвор, похожая на юную богиню Гебу, весело и добродушно смеется над его недоумением и замешательством.

Глава IV

Симпатичный, представительный, мужчина, уверяю тебя, хотя и несколько дородный.

Шекспир, «Король Генрих IV»

Первый луч солнца едва пронизал плотный почной туман, нависший над водой, а Лайонел уже взбирался по склону Бикон-Хилла, спеша взглянуть на родной город в нежных лучах утренней зари. Залив еще был окутан белой пеленой, и лишь кое-где из тумана выступали зеленые вершины островков. Расположенные амфитеатром вокруг залива холмы были еще видны, хотя туман уже поднимался, скрывая живописные лощины и причудливо завиваясь вокруг какой-нибудь колокольни, отмечавшей местонахождение одного из пригородных селений. Город уже пробудился, но обычного оживления не было заметно, ибо горожане чтили святость воскресного дня, да и настроение умов располагало к сдержанности. Апрельские холодные ночи и теплые солнечные дни породили более густой, чем обычно, морской туман, который, покинув свою влажную постель, коварно подкрадывался к суше, чтобы, слившись с испарениями рек и ручьев, еще более непроницаемой завесой окутать мирный ландшафт. Лайонел достиг плоской вершины холма и подошел к краю обрыва. Перед ним, словно призраки, созданные его воображением, то появлялись, то исчезали среди обрывков плывущего тумана порой знакомые, порой давно позабытые места: дома, холмы, колокольни и корабли. Все казалось изменчивым, все было в движении и представлялось взволнованному взору Лайонела каким-то нереальным видением, прихотливым обманом чувств. Раздавшееся где-то неподалеку пение нарушило его восторженное со-

зерцание. Какой-то гнусавый голос распевал песенку на весьма популярный мотив известной английской баллады. Лайонел понемногу разобрал слова часто повторявшегося припева. Читателю нетрудно будет догадаться о содержании всей песенки по словам этого припева:

Кто свободу возлюбил,
К нам сюда придет.
Тот же, кто душою слаб, —
Тот внизу, презренный раб,
Чай-отраву пьет.

Несколько секунд послушав эту многозначительную песенку, Лайонел направился в ту сторону, откуда она доносилась, и увидел Джэба Прея, сидевшего на ступеньках одной из лестниц, ведших на вершину. Джэб щелкал на доске орехи, а паузы, во время которых его челюсти не были заняты жеванием, заполнял вышеописанными вокальными упражнениями.

— Приветствую вас, мистер Прей! — воскликнул Лайонел. — Значит, по воскресеньям вы отправляетесь сюда распевать гимны богине свободы? Или, может быть, вы городской жаворонок и забрались на эту возвышенность, чтобы ваши мелодии могли литься сверху?

— Псалмы или наши колониальные песенки не грешно распевать в любой день недели, — отвечал дурачок, не поднимая головы и продолжая щелкать орехи. — Джэб не знает, что такое городской жаворонок, но, верно, и ему тоже некуда деваться от солдат, которые заполонили город и все луга вокруг.

— Если солдаты и расположились на одном из ваших лугов, тебе-то что до этого?

— Весенняя травка — благодать для скота, а из-за солдат коровы не хотят давать молока.

— Что такое? Солдаты же не питаются травой. Все твои Черпушки, Пеструшки и Белянки могут совершенно так же, как всегда, наслаждаться дарами весны.

— Бостонские коровы не любят травы, которую топтали англичские солдаты, — угрюмо возразил дурачок.

— Вот уж поистине чрезмерное свободолюбие! — смеясь, воскликнул Лайонел.

Джэб поднял голову и сделал предостерегающий жест:

— Смотрите, как бы вас не услышал Ральф. Ральф не любит, когда брапят свободу!

— Ральф? А кто он такой? Это твой добрый гений? Где же этот невидимка, который может подслушать, что я говорю?

— А он там, в тумане, — многозначительно сказал Джэб, указывая на подножие маяка, скрытое за плотной завесой тумана, сквозь которую едва проступали очертания высокого столба, поддерживающего ограду.

Внимательно вглядевшись, Лайонел заметил, что туман начинает редеть и сквозь него проступают смутные очертания фигуры старика, его вчерашнего спутника. Старик попрежнему был одет в свой простой серый кафтан, тусклый цвет которого, сливаясь с туманом, придавал его исхудалому телу странно призрачный вид. Туман понемногу таял; вот уже стали видны и черты изможденного лица, и Лайонел различил тревожный взгляд, устремленный куда-то вдаль и, казалось, проникавший за пелену тумана, которая скрывала от глаз столь многие предметы. Лайонел стоял, прикованный к месту, глядя на этого необыкновенного человека с тем таинственным чувством благоговейного страха, которое тот неизменно ему внушал, и увидел, как старик сделал нетерпеливый жест рукой, словно отгоняя от себя серую дымку. В это же мгновение яркий солнечный луч, пробившись сквозь туман, осветил его лицо, и тревожное выражение этого сурового лица сразу изменилось: старик улыбнулся так мягко и с такой добротой, что молодой офицер почувствовал неизъяснимый трепет, услышав обращенные к нему слова:

— Приблизьтесь к подножию этого маяка, Лайонел Линкольн, дабы получить предостережение, которое, если

вы ему последуете, поможет вам избежать немалых опасностей.

— Хорошо, что вы заговорили, — сказал Лайонел, приближаясь к незнакомцу. — Вы появились, окутанный туманом, как плащом, словно пришелец с того света, и я уже готов был пасть перед вами ниц, прося благословения.

— А разве это не так? Разве я не схоронил в могиле все свои надежды и желания? И если медлю еще на этой земле, то лишь во имя великого дела, которое не может свершиться без моего участия! Мой взор проникает в грядущее свободнее и дальше, чем ваш — в эту подернутую дымкой даль. Туман не застилает мне очи, а мое зрение не может меня обмануть.

— Это завидная уверенность в вашем возрасте, сударь. Надеюсь, что столь неожиданно принятое вами вчера решение заночевать в доме этого дурачка не причинило вам слишком больших неудобств?

— Он хороший малый, — сказал старик, снисходительно поглаживая дурачка по голове, — и мы с ним хорошо понимаем друг друга, майор Линкольн. А это делает всякие церемонии излишними.

— Я уже успел заметить, что вы сходитесь с ним во мнениях по одному вопросу, но на этом общность ваших интересов и кругозора, мне кажется, кончается.

— Свобода разума у ребенка и у старика не разделена глубокой пропастью, — заметил незнакомец. — Чем больше мы познаем, тем отчетливее понимаем, как безраздельно владеют нами наши страсти, и тот, кто, умудренный житейским опытом, научился тушить их бушующий вулкан, может составить неплохое содружество с тем, кто еще никогда не был опален их огнем.

Лайонел молча выслушал это столь смиренное признание и только склонил в знак согласия голову. Затем, немного помолчав, перевел разговор на менее отвлеченные предметы.

— Солнышко славно припекает, и, когда оно совсем рассеет эти клочья тумана, нашему взору откроются места, которые каждый из нас когда-то посещал.

— Найдем ли мы их такими же, какими мы их покинули? Или нам предстоит увидеть, как чужеземцы хозяйничают там, где протекали наши младенческие годы?

— Только не чужеземцы, разумеется, ведь все мы — подданные его величества короля, дети одного отца.

— Не стану утверждать, что он показал себя бессердечным отцом, — спокойно промолвил старик. — Ведь человек, занимающий сейчас английский трон, менее, чем его советники, повинен в угнетении...

— Сэр! — прервал его Лайонел. — Если вы позволяете себе суждения подобного рода, касающиеся особы моего монарха, я должен вас покинуть. Не пристало офицеру английской армии выслушивать столь необдуманные и непозволительные речи о его государе.

— Необдуманные! — с расстановкой повторил его собеседник. — Вот что воистину не может себе позволить тот, чья голова убелена сединами, а члены одряхлели! Но ваши верноподданнические чувства заставили вас впасть в ошибку. Я, молодой человек, умею делать различие между королем и его намерениями, с одной стороны, и политикой его правительства — с другой. Именно эта последняя и станет причиной раскола великой империи, который лишит Георга Третьего того, что́ столь часто и столь заслуженно именуют прекраснейшей жемчужиной его короны.

— Я должен покинуть вас, сэр, — сказал Лайонел. — Взгляды, которые вы высказывали во время нашего совместного путешествия, не только не оскорбляли моих чувств, но нередко вызывали мое восхищение, но сегодняшние ваши речи легко можно назвать крамольными.

— Что ж, в таком случае, ступайте, — невозмутимо ответствовал незнакомец, — спуститесь в этот унижепный город и прикажите своим наемникам схватить меня — пусть в жилах старика бежит уже охладевшая кровь, но и она, пролившись, поможет удобрить землю. Вы можете также повелеть вашим не знающим сострадания гренадерам подвергнуть меня пыткам, прежде чем сделает свое дело топор. Человек, проживший столь долгую жизнь, не поскупится подарить частицу своего времени палачам.

— Мне кажется, я не заслужил подобного упрека, сударь, — сказал Лайонел.

— Согласен. Более того — я готов забыть о своих преклонных летах и принести вам извинения, но, поверьте, если бы вам, как мне, довелось испытать неволю в тягчайшей из ее форм, вы бы тоже умели дорожить неоценимым сокровищем — свободой.

— Неужто вам в ваших скитаниях довелось испытать неволю в более тяжкой форме, чем та, которую вы называете нарушением прав личности?

— Довелось ли мне испытать неволю? — сказал незнакомец с горькой улыбкой. — О да! И такую неволю, на которую никто не смеет обрекать человека: меня лишили права действовать и желать. Дни, месяцы и даже годы другие бездушно определяли нужды мои и потребности, выдавая мне скудное пропитание будто милость, и определяли меру моих страданий, словно лучше меня самого могли судить о том, что мне нужно, а что нет.

— Должно быть, вы находились во власти каких-то варваров-язычников, если вам приходилось терпеть такой ужасающий гнет!

— Ах, мой юный друг, благодарю вас за эти слова! Да, это воистину были варвары-язычники! Язычники, ибо они нарушили заповеди нашего спасителя, и варвары, ибо с тем, кто, подобно им, был наделен душой и рассудком, обращались они, как с диким зверем.

— Почему же вы не пришли в Бостон, Ральф, и не рассказали все это в Фанел-Холле? — воскликнул Джэб. — То-то бы поднялся шум!

— Да, дитя мое, не раз в мечтах моих переносился я в Бостон, и мой призыв к согражданам заставил бы задрожать стены Фанел-Холла, если бы он мог прозвучать там. Но мечты мои были бесплодны, в руках варваров находилась власть, и эти исчадия сатаны, вернее, жалкие эти людишки безнаказанно злоупотребляли ею.

Лайонел, тронутый словами старика, хотел было выразить ему свое сочувствие, но вдруг услышал, как с противоположного склона холма кто-то громко окликает его по имени. В тот же миг старик поднялся со своего сиденья у подножия маяка и начал с необычайной поспешностью спускаться с холма. Джэб последовал за ним, и оба исчезли в густом тумане, еще висевшем над долиной.

— Ну и ну, Лео! Ты, я вижу, не только лев, но и быстроногий олень! — восклицал, взбираясь по крутому склону, тот, кто нарушил их беседу. — Что это подняло тебя в такую рань и привело сюда в такой туман? Уф! Да это просто скачка с препятствиями! Однако, Лео, дружище, я очень рад тебя видеть... Мы слышали, что ты должен был прибыть на первом корабле, а утром, возвращаясь с плаца, я повстречал двух конюхов в знакомых ливреях, и каждый вел под уздцы отменного строевого коня... Черт побери, один из них как раз пригодился бы мне сейчас, чтобы одолеть этот проклятый холм... Уф! Уф! Уф!.. Я узнал эти

ливреи с первого взгляда, ну а с конями еще надеюсь поближе познакомиться впоследствии. «Послушай, — спрашиваю я одного из прохвостов в ливрее, — кто твой хозяин?» — «Майор Линкольн из Равенсклифа, сударь», — отвечает тот, и поверишь, когда мы с тобой говорим «его величество король», даже тогда это звучит не столь заносчиво. Вот что значит служить у человека с десятью тысячами годового дохода! А если бы моему дураку задали такой вопрос, так эта трусливая собака ответила бы только: «Капитан Полуорт из сорок седьмого пехотного», и спрашивающий, будь то даже какая-нибудь любопытная девица, которую покорил мой мундир, остался бы в полном неведении, что на свете есть такое поместье, как Полуорт.

Во время этих многословных излияний, перемежавшихся безуспешными попытками перевести дух, Лайонел сделал несколько столь же безуспешных попыток выразить свою радость от встречи с приятелем и наконец ограничился тем, что сердечно пожал ему руку. И лишь когда у капитана Полуорта совсем перехватило дыхание (что бывало с ним нередко), Лайонел получил возможность вставить слово:

— Вот уж где никак не думал встретить тебя, так это на этом холме, — сказал он. — Я был убежден, что ты не поднимешься с постели часов до девяти, а то и до десяти, и собирался к этому времени разузнать, где ты квартируешь, чтобы проведать тебя, прежде чем явиться к главнокомандующему.

— Этим удовольствием ты обязан его превосходительству высокородному Томасу Геджу, вице-адмиралу, губернатору и командующему войсками всей провинции Массачусетс, как именует он себя в своих воззваниях, хотя, между нами говоря, Лео, власти у него над этой колонией не больше, чем над твоими скакунами — ну и красавцы же они!

— Но почему именно ему я обязан нашей встречей?

— Почему? Оглянись вокруг и скажи мне, что ты видишь: туман, один туман... впрочем, нет, вон там я вижу какой-то шпиль, а вон там — море и над ним опять туман, а вот тут, под нами, — трубы дома Хенкока, над которыми вьется дым, словно их мятежный хозяин сидит дома и готовит себе пищу! Но, в общем-то, куда ни глянь — всюду туман, а у нас, эпикурейцев, врожденное отвращение к туманам. Так что, как видишь, сама природа восстает против

того, чтобы человек, который так устает за день, как твой покорный слуга, таская повсюду на ногах свою особу, не нарушал слишком грубо свой утренний сон. Но высокородный сэр Томас, вице-адмирал, губернатор и прочее, и прочее, приказал вставать на заре всем — как солдатам, так и офицерам!

— Но, право же, мне кажется, это не такое уж тяжкое испытание для солдата, — возразил Лайонел. — И больше того: я вижу, что оно явно пошло тебе на пользу! Послушай, Полуорт, я, признаться, удивлен! Ведь на тебе мундир офицера легкой пехоты?

— Конечно! А что здесь такого удивительного? — с самым серьезным лицом возразил тот. — Почему у тебя такой вид, словно ты, того и гляди, лопнешь, стараясь удержаться от смеха? Может, я не гожусь для этого мундира или этот мундир не украшает меня? Ну, смейся, смейся, Лео. Я уже привык к этому за последние дни, но все-таки что тут такого поразительного, в конце-то концов, если Питер Полуорт командует ротой легкой пехоты? Ведь мой рост пять футов шесть и одна восьмая дюйма — как раз то, что надо.

— Ты столь точен в своих долготных измерениях, словно у тебя в кармане хронометр. А тебе никогда не приходило в голову вооружиться еще и секстантом?

— Чтобы установить мою широту? Я понял тебя, Лео. Что ж, если я сложением слегка напоминаю земной шар, значит ли это, что я не могу командовать ротой легкой пехоты?

— Ну конечно! Остановил же Иисус Навин солнце! Но даже такое чудо меньше поразило бы меня, чем вид твоей особы в этом мундире.

— Я объясню тебе, в чем дело. Но сначала давай-ка присядем здесь, — сказал капитан Полуорт, усаживаясь у подножия маяка, где еще недавно стоял таинственный старик. — Хороший солдат сочетает в себе различные достоинства. Это слово «сочетает» сразу подводит меня к сути моего рассказа: я влюблен!

— Вот это новость!

— Более того: я намерен сочетаться браком.

— Женщина, возбудившая подобное намерение в капитане Полуорте, офицере сорок седьмого полка и владельце поместья Полуорт, должна обладать немалыми достоинствами.

— Это женщина необыкновенная, майор Линкольн, — отвечал влюбленный с неожиданной серьезностью, заставлявшей подозревать, что его веселая беспечность была отчасти притворной. — Она не худа и не толста, а то что называется — в самую меру. Движется она величаво, как породистая телочка, а уж если припустится бежать, то семенит ногами быстро-быстро, что твоя индюшка. Когда же она спокойно сидит на месте, то всегда напоминает мне блюдо хорошей, нежной, сочной оленины, от которой невозможно оторваться.

— Ты столь «вкусно», пользуясь твоим же собственным образным языком, описал ее портрет, что я горю желанием услышать что-нибудь о ее душевных качествах так, словно меня поджаривают на вертеле.

— Быть может, мои сравнения не слишком поэтичны, но это первое, что приходит мне на ум, когда я на нее смотрю, и в них нет ничего противоестественного. Что касается ее манер и прочих благоприобретенных достоинств, то они еще более великолепны. Во-первых, она остроумна, во-вторых, своенравна, как бесенок, и в-третьих, это самый заклятый враг короля Георга во всем Бостоне.

— Не понимаю, почему именно эти качества избранницы твоего сердца так тебя пленили.

— Что ж тут непонятного? Такие качества характера, подобно острой приправе, возбуждают аппетит и придают пикантность блюду. Взять хотя бы ее мятежнические убеждения, которые, в сущности, являются государственной изменой, — без них моя преданность королю выглядела бы столь же пресной, как добрый портвейн без закуски из оливок. Ее дерзкое своенравие — отличная подливка к салату моей скромности, а ее острый ум сочетается с кротостью моего нрава — как сладость и кислота в шербете.

— Я вижу, эта женщина воистину обладает могущественными чарами, — сказал Лайонел, которого немало позабавила удивительная смесь серьезности и юмора в этом описании. — Однако при чем здесь легкая пехота, Полуорт? Надеюсь, эта особа не принадлежит к тем представительницам дамского пола, чье поведение легко сочетается со словом «легкий»?

— Прошу прощения, майор Линкольн, но подобные шутки тут неуместны. Мисс Денфорт принадлежит к одному из лучших семейств в Бостоне.

— Денфорт! Уж не Агпеса ли?

— Именно она! — с удивлением отвечал Полуорт. — А разве ты с нею знаком?

— Да, если можно назвать знакомством то, что она доводится мне троюродной кузиной и я сейчас живу под одной с ней крышей. Она внучатая племянница моей двоюродной бабушки, миссис Лечмир, и эта добрая дама потребовала, чтобы я остановился в ее доме на Тремонт-стрит.

— Я в восторге от этого известия! Во всяком случае, теперь уж мы с тобой будем не просто собутыльниками — наша дружба приобретает более возвышенные формы. Однако к делу: по городу, видишь ли, ходят дурацкие неуместные шутки, касающиеся пропорций моей фигуры, и я решил разом с ними покончить.

— Для чего тебе нужно только разом похудеть?

— А разве я не достигаю этого в новом мундире? Если говорить правду, Лео, — а тебе я могу открыть душу, — ты ведь знаешь, что́ за народ у нас в сорок седьмом. Стоит кому-нибудь прилепить тебе какую-нибудь оскорбительную кличку или прозвище, и ты, хочешь не хочешь, будешь таскать ее за собой до могилы!

— Существует, между прочим, способ положить конец недопустимым вольностям,—промолвил Лайонел серьезно.

— Чепуха! Смешно драться на дуэли из-за двух-трех лишних фунтов жира! Тем не менее прозвище имеет большое значение — ведь первое впечатление решает все. Посуди сам: кому может прийти в голову, что Великий океан — это какая-нибудь ничтожная лужица, а Великий Могол — несмышленый младенец, и кто поверит молве, будто капитан Полуорт из легкой пехоты может весить сто восемьдесят фунтов?

— И даже еще на двадцать фунтов больше.

— Ни на одну унцию, или пусть меня повесят! Не далее как на прошлой неделе я взвешивался в присутствии всех офицеров, а с тех пор уже, верно, еще похудел, ибо эти ранние побудки никак не способствуют цветущему состоянию здоровья. Причем, Лео, заметь, я взвешивался в ночной рубашке, ведь я при моей корпуленции не могу легкомысленно приписывать себе вес сапог, пряжек и прочих необходимых предметов, как делают это те, кто весит не больше перышка.

— Но я дивлюсь тому, что Несбитт согласился на твое назначение, — сказал Лайонел. — Он любит пускать пыль в глаза.

— Вот как раз для этого-то я ему и хорош, — прервал его капитан. — Нас, как ты знаешь, уже сформировали, и могу тебя заверить, что среди всех наших капитанов я самый молодцеватый. Кстати, я хочу сообщить тебе кое-что по секрету. Здесь недавно произошла пренеприятная история, и сорок седьмой не стяжал себе при этом славы — коекого вымазали дегтем и вываляли в перьях, и все из-за какого-то ржавого мушкета.

— Да, мне что-то об этом говорили, — заметил Лайонел, — а вчера вечером, к великому моему прискорбию, я сам слышал, как солдаты для оправдания своих бесчинств ссылались на полковника.

— Н-да... весьма щекотливое дело... Могу сказать, что этот деготь изрядно запятнал репутацию полковника в Бостоне, особенно среди дам. В первый раз вижу, чтобы красные мундиры так мало ценились прекрасным полом. Знаешь, Лео, штатские здесь куда в бóльшем почете. Впрочем, из всех офицеров никто не приобрел себе здесь столько друзей, как твой покорный слуга. И вот я воспользовался моей популярностью, которая сейчас вещь немаловажная, и частично путем различных посулов, частично с помощью заинтересованных лиц получил роту, чтó полностью и бесспорно соответствует моему званию:

— Объяснение более чем удовлетворительное, и рвение куда как похвальное, а кроме всего прочего, это несомненно свидетельствует о том, что мы отнюдь не рвемся в бой, ибо Гедж никогда не допустил бы подобного назначения, считай он возможным, что нам придется пустить в ход оружие.

— Да, тут ты несомненно прав. Эти янки последние десять лет только и делали, что болтали языком, что-то обсуждали, выносили решения и одобряли вынесенные решения, и все без толку. Впрочем, дела идут все хуже и хуже с каждым днем... Но братец Джонатан [1] — загадка для меня. Вспомни, как это было, когда мы с тобой служили в кавалерии... Да простит мне бог, что я променял ее на пехоту, чего никогда бы не случилось, разумеется, если бы в целой Англии сыскался хоть один подходящий для меня конь, на котором можно было бы усидеть без особого труда и без большой опаски прыгать через рвы... Так вот, когда мы служили в кавалерии, помнишь, как делались эти дела:

---

[1] Джонатан — шутливое прозвище американцев.

если в колониях кто-нибудь обижался на новый налог или на застой в делах, они тогда, бывало, соберутся толпой, подожгут дом или два, нагонят страху на судью, а иной раз потреплют немного и констебля... Ну, а потом, конечно, появляемся мы: припустим коней в галоп, помахаем саблями и разгоним этих оборванцев ко всем чертям. Суд довершал остальное, и победа доставалась нам легко, ценой небольшой одышки, за которую полностью вознаграждал нас отличный аппетит за столом. Но теперь они ведут себя совсем по-другому.

— Как же именно? — с любопытством спросил майор Линкольн.

— Они обрекают себя на лишения во имя того, что́ они называют своими принципами. Женщины не желают пить чай, а мужчины — ловить рыбу! Этой весной после закрытия порта на рынках даже диких уток не было, и тем не менее колонисты день ото дня становятся все упрямее. Но, если дойдет до схватки, мы, благодарение небу, достаточно сильны, чтобы пробиться в другую часть континента, где с провизией дело обстоит не так уж плохо. К тому же я слышал, что к нам прибывает подкрепление.

— Если дело, не приведи господь, дойдет до драки, — сказал майор Линкольн, — мы здесь окажемся в осаде.

— В осаде! — вскричал Полуорт, не скрывая тревоги. — Да если бы я думал, что это возможно, я тотчас подал бы в отставку! И так-то уж плохо — разве таким должен быть приличный офицерский стол! Ну, а если дело дойдет до осады, тогда мы совсем протянем ноги... Нет, нет, Лео, этот сброд во главе с их жалкими вожаками едва ли осмелится обложить осадой четыре тысячи английских солдат, поддержанных флотом. Какие там четыре! Если войска, о которых я упоминал, уже в пути, нас будет восемь тысяч молодцов, равных которым можно найти только...

— ...в легкой пехоте, — перебил его Лайонел. — Эти полки действительно прибывают: Клинтон, Бергойн и Хау получили прощальную аудиенцию в один день со мной. Король придает большое значение этой экспедиции, и нам был оказан самый милостивый прием, хотя его величество раза два поглядел на меня с таким выражением, словно он не забыл, как я голосовал в парламенте, когда там обсуждалась эта несчастная распря.

— Ты голосовал против закрытия порта из сочувствия ко мне? — спросил Полуорт.

— Нет. В этом вопросе я поддерживал министерство. Эта мера была вызвана дерзким поведением бостонцев, и решение парламента было почти единодушным.

— Ах, майор Линкольн, ты счастливый человек! — вздохнул капитан. — Заседать в парламенте в двадцать пять лет! Я, мне кажется, предпочел бы это занятие всякому другому. Уже одно слово «заседать» завораживает слух! Ваш округ имеет право на двух представителей в парламенте — кто же второй?

— Прошу тебя, ни слова об этом, — прошептал Лайонел, стиснув товарищу руку, и тотчас встал. — Ты же знаешь, что тот, кому это место принадлежит по праву, не занимает его... Спустимся на плац? Я хочу проведать товарищей до начала церковной службы.

— Да, здесь действительно все до единого ходят в церковь, вернее посещают молитвенные собрания. Ведь большинство этих добрых людей так же не признают настоящей церкви, как мы не признаем папу наместником бога на земле, — заметил Полуорт, шагая следом за товарищем. — Я никогда не хожу на эти их еретические моления. Лучше уж простоять на часах у товарного склада, чем стоя выслушивать их проповеди. Меня вполне устраивает Королевская церковь, как они ее называют. Там, по крайней мере, если уж опустился на колени и устроился поудобнее, так чувствуешь себя ничуть не хуже, чем его преосвященство епископ Кентерберийский. Однако меня всегда поражало, как это люди прямо с утра пораньше умудряются, не задохнувшись, отбарабанить столько молитв.

Тут они спустились с холма на плац и смешались с двадцатью другими облаченными в красные мундиры фигурами.

Глава V

Пред нашим представленьем
Мы просим со смиреньем
Нас подарить терпеньем.

Шекспир, «Гамлет»

Стремясь к тому, чтобы в нашем повествовании не осталось ничего недосказанного, мы теперь попросим читателя перенестись с нами в минувшее столетие. Реджинальд

Линкольн был младшим сыном в одной весьма родовитой и богатой семье, которой на протяжении всего бурного периода английской республики и правления Кромвеля удалось сохранить все свое значительное состояние, обеспечившее ее главе титул баронета. Однако сам Реджинальд не унаследовал почти ничего, кроме болезненной склонности к меланхолии, которая уже тогда являлась родовой чертой и передавалась из поколения в поколение как далское наследие предков. Еще в молодые годы он вступил в брак с женщиной, горячо им любимой, но она вскоре умерла от родов, даровав жизнь своему первому ребенку. Убитый горем муж стал искать утешения в религии, однако не только не обрел в ней исцеления, но лишь еще больше расстроил свой дух размышлениями над сущностью божества. В конце концов он превратился в аскета, пуританина и упрямого фанатика. Не приходится удивляться, что подобный человек не мог не возмущаться нравами королевского двора Карла II, и, хотя он и не был замешан в событиях, повлекших за собой казнь отца этого веселого монарха, все же решил в первые же годы восстановления королевской власти покинуть родину, с которой его ничто не связывало, и поселиться в богобоязненной английской колонии, называвшейся Массачусетс.

Для человека столь знатного и столь прославленного своим благочестием, как Реджинальд Линкольн, не составило труда получить и почетное и прибыльное место на плантациях. С годами религиозный пыл его несколько угас, и он уже не гнушался заполнять свой досуг заботой о чисто мирских благах, к которым проявил похвальный интерес. Однако до последнего дня своей жизни он оставался угрюмым, суровым фанатиком и, казалось, даже снисходя до повседневных житейских дел, был настолько далек от суетных соблазнов мира, что дух его оставался не запятнанным грязью жизни и парил в заоблачных сферах. Тем не менее его сын, несмотря на столь возвышенный образ мыслей отца, оказался после его смерти наследником довольно изрядного состояния. Вероятно, это объяснялось тем, что его родитель, будучи не от мира сего, копил и не расходовал. Сын его Лайонел, пойдя по стопам своего достойного отца. продолжал приумножать доходы и почести, однако отвергнутая юношеская любовь, а также вышеупомянутая фамильная черта характера, передавшаяся и ему по наследству, привели к тому, что он обрел спутницу жиз-

ни лишь в зрелые годы. Сделанный им выбор удивил всех, опрокинув все обычные в таких случаях предположения и расчеты: неожиданно для человека столь аскетического образа жизни Лайонел сделал своей женой молоденькую и веселую девицу, принадлежавшую к епископальной церкви и никакими достоинствами, кроме прелестного личика и хорошего происхождения, не обладавшую. Он стал отцом четверых детей — трех сыновей и дочери — и упокоился в фамильном склепе рядом со своим отцом. Лайонел, старший из сыновей, еще ребенком был отвезен обратно в Англию, где ему надлежало унаследовать родовой титул и имущество. Второй сын, которого нарекли Реджинальдом и которому, когда он еще лежал в пеленках, уже был уготован военный мундир, женился, имел одного сына и в возрасте двадцати четырех лет распростился с жизнью где-то в лесных дебрях, куда попал по долгу службы. Третий сын стал дедом Агнесы Денфорт, дочерью же была миссис Лечмир.

Американских Линкольнов, хотя браки их были непродолжительны, провидение щедро одаряло детьми, словно торопясь заселить пустынные земли; тем же, кто вернулся на густонаселенные Британские острова, оно отказало в этом благословении. Сэр Лайонел дожил до преклонных лет, был женат, но умер бездетным, что не помешало ему, однако, обрести вечный покой в склепе столь внушительных размеров, что в нем могло бы свободно разместиться все семейство Приама.

Эта неблагосклонность судьбы заставила еще одного представителя рода пересечь Атлантический океан и вступить во владение обширным поместьем Равенсклиф и одним из старейших баронетств королевства.

Мы напрасно растили и холили это генеалогическое дерево, если читателю еще не стало ясно, что главою рода должен был стать не кто иной, как осиротевший сын покойного офицера. К тому времени, когда произошло это великое, хотя и не совсем непредвиденное событие, он был уже женат и имел одного сына — цветущего, здорового мальчика.

Оставив жену и ребенка, сэр Лайонел немедленно отбыл в Англию, дабы утвердиться в правах и войти во владение имуществом. Так как он был родным племянником и законным наследником покойного баронета, никто не пытался оспаривать основные его притязания. Однако уже

с юных лет характер этого джентльмена и его жизнь были окутаны некоторым облаком таинственности, и посторонним наблюдателям почти ничего не было известно о его судьбе. После того как он получил титул и вступил во владение имуществом, даже его близкие долгое время почти ничего о нем не знали. Доходили, впрочем, слухи, что ему пришлось задержаться в Англии на два года из-за досадной тяжбы, касавшейся какого-то незначительного угодья, тяжбы, которая решилась в его пользу, прежде чем известие о внезапной смерти жены заставило его возвратиться в Бостон. Эта тяжкая утрата постигла его в самый разгар войны пятьдесят шестого года, когда все силы колонистов были направлены на поддержку метрополии, которая, выражаясь языком того времени, «самоотверженно боролась против незаконных притязаний французов в Новом Свете» или, что то же самое, старалась утвердить свои собственные.

Это было беспокойное время, когда мирные, кроткие колонисты, утратив свою обычную сдержанность, с такой отвагой и воодушевлением вступили в борьбу, что вскоре в отчаянной дерзости и бесстрашии превзошли даже своих более опытных в ратном деле союзников. К удивлению всех, кто знал его прежде, сэр Лайонел Линкольн оказался участником многих наиболее рискованных предприятий, которыми изобиловала эта война, и бросался в них с такой отчаянной отвагой, словно стремился не столько стяжать воинскую славу, сколько найти смерть на поле брани. Он, так же как его отец, еще до войны был офицером, но полк, в котором он служил подполковником, сражался в восточной части колонии, в то время как этот неугомонный воин устремлялся то туда, то сюда и, рискуя жизнью, неоднократно проливал свою кровь на западной их окраине.

Эта исполненная опасности карьера оборвалась внезапно и самым таинственным образом. По причинам, навсегда оставшимся неизвестными, баронет решил возвратиться на землю своих отцов. Взяв с собой сына, он отплыл в Англию, откуда уже больше не возвращался. В течение многих лет миссис Лечмир на все обращенные к ней вопросы относительно судьбы ее племянника — вопросы, задавать которые побуждала ее сограждан и согражданок их природная любознательность (а количество этих вопросов мы предоставляем каждому из наших читателей определять

по своему усмотрению), — либо ответствовала с учтивой сдержанностью, либо проявляла то расстройство чувств, которое мы пытались описать, когда рассказывали о ее первой встрече с сыном этого племянника. Но вода точит камень. Сначала пополз слух, что баронета обвинили в государственной измене и он принужден был из замка Равенсклиф переселиться в менее удобное помещение в лондонском Тауэре. Этот слух сменился другим: баронет тайно обвенчался с одной принцессой брунсвикского дома, но брак не принес ему счастья. Однако в родословных книгах того времени не числится ни одной незамужней принцессы, которой можно было бы приписать этот брак, и от романтической версии, столь приятной сердцу провинциалов, пришлось отказаться. Наконец стали утверждать — и это, по-видимому, было куда ближе к истине, — что несчастный сэр Лайонел содержится в частной лечебнице для умалишенных.

Не успел этот слух распространиться, как точно пелена спала с глаз, и все в один голос заявили, что уже давно замечали явные признаки безумия баронета. А многие, вспоминая его склонность к меланхолии, утверждали, что зачатки безумия передаются в этом роде из поколения в поколение и было бы странно, если бы баронет в конце концов не потерял рассудка. А вот ответить на вопрос, почему это безумие столь бурно и внезапно проявилось, было уже значительно труднее и потребовало немало изобретательности от весьма изобретательных людей, которые занимались решением этой загадки в течение довольно длительного времени.

Наиболее сентиментальные представители общества, как-то: старые девы, холостяки и те поклонники бога Гименея, что дважды и трижды отдавали себя во власть его уз, не преминули объяснить несчастье баронета утратой жены, которую он страстно любил. Кое-кто из приверженцев доброй католической церкви, которая, радея о спасении душ, отправляла во искупление грехов безбожников и колдунов на костер, считал беду, приключившуюся с баронетом, заслуженной карой грешному роду, отрекшемуся от истинной веры. И наконец, те достойные и отнюдь не малочисленные лица, которые не брезгуют погоней за презренным металлом, без колебания утверждали, что неожиданно свалившееся на голову богатство не одного хорошего человека свело с ума.

Но уже приближалось время, когда неукротимое, казалась бы, стремление судить и рядить о делах ближнего своего должно было уступить место более достойным желаниям. Настал час, когда купец должен был забыть свои мелочные повседневные заботы в тревоге за грядущий день, когда фанатику был преподан хороший урок, открывший ему глаза на то, что судьба благосклонна лишь к тому, кто этого заслуживает, когда даже в груди тех, кто склонен был к слезливой сентиментальности, это вялое чувство вытеснил чистый и благородный огонь любви к отчизне.

Именно в то время возник спор между английским парламентом и английскими колониями в Северной Америке, спор, который со временем привел к таким глубоким последствиям, как начало новой эры политической свободы и возникновение мощного государства.

С целью сделать наше повествование более понятным для читателя, мы бросим беглый взгляд на существо этого спора.

Еще в году 1763 растущее богатство колоний привлекло к ним внимание английского министерства. В тот год была сделана попытка увеличить государственные доходы и хотя бы отчасти покрыть нужды империи, издав указ, согласно которому любая сделка признавалась лишь в том случае, если ее условия были записаны на специальной гербовой бумаге, облагавшейся особым сбором. Этот способ повышать государственные доходы сам по себе не был нов, да и сумма была невелика. Однако осторожные и сообразительные американцы мгновенно поняли, что́ будет, если они позволят парламенту, в котором у них нет представительства, облагать их налогами. Вопрос был довольно сложный и запутанный, но простой здравый смысл подсказывал, что право и справедливость — на стороне колонистов. Сознавая силу своих доводов, а также, быть может, и своей численности, они восстали против нового закона с решительностью, подкрепляемой этим сознанием, и с хладнокровием, доказывающим твердость их намерений. Борьба против нового закона длилась почти два года, и за это время стало совершенно очевидно, что закон этот не приносит Англии решительно никакой прибыли вследствие единодушного сопротивления со стороны всех колонистов, доходившего порой и до небольших стычек, что делало положение государственных чиновников довольно неприятным, а проведение этого ненавистного закона в жизнь —

даже опасным, и министерство вынуждено было в конце концов отменить закон. Однако в это же самое время парламент в специальной резолюции подтвердил свое право диктовать свою волю колониям во всех без исключения вопросах.

Все дальновидные люди не могли не понимать, что империя, разделенная океаном, представляет собой нечто весьма громоздкое и со временем неизбежно должна будет распасться вследствие противоречивости интересов ее отдаленных друг от друга частей. Но в те годы американцы и не помышляли еще о таком расколе, и в этом нетрудно было убедиться по тому хотя бы, что после отмены гербового сбора дух миролюбия и покорности тотчас воцарился в колониях. Если бы колонии в то время уже стремились к независимости, то неосмотрительная резолюция парламента непременно подлила бы масла в огонь. Но колонисты, довольные достигнутым успехом, незлобивые по натуре и чуждые всякого вероломства, лишь посмеивались над пустым тщеславием своих самозванных правителей и поздравляли друг друга с тем, что было на их взгляд более существенным достижением. Если бы тупоголовые слуги короля умели извлекать уроки из прошлого, грозовые тучи развеялись бы и события, о которых нам предстоит повести рассказ, произошли бы столетием позже.

Однако не успела жизнь войти в свое привычное русло, как министерство решило ввести новый налог. Так как поднять государственный доход с помощью гербового сбора не удалось, ибо колонисты не пожелали пользоваться гербовой бумагой, был придуман новый и, как полагали, более эффективный ход. Была введена таможенная пошлина на чай Ост-Индской компании, так как предполагалось, что любовь к этому напитку заставит американцев раскошелиться. Колонисты встретили новое посягательство на их права с тем же единодушием и твердостью, как и прежде, но далеко не с прежним благодушием. Все области к югу от Больших Озер действовали в полном согласии, причем было ясно, что их единомыслие будет проявляться не только в жалобах и протестах, но и в более серьезных действиях, если возникнет необходимость применить силу. В большинстве случаев чай оставался лежать на складах или отсылался обратно в Англию, но в Бостоне некоторое стечение обстоятельств вызвало более решительное сопротивление: возмущенные горожане выбросили довольно

значительное количество ненавистных тюков в океан. Произошло это в начале 1774 года и повлекло за собой соответствующее возмездие: Бостонский порт был закрыт, и английский парламент издал один за другим несколько законов, преследовавших единую цель — напомнить непокорному народу о его зависимости от Британии.

За этим последовала короткая передышка, когда министерство временно приостановило введение новых налогов, и жалобы колонистов приутихли. Однако возникшее уже чувство отчужденности еще не успело сгладиться, как роковой спор вновь разгорелся, в несколько новой форме.

За время с 1763 года и до тех дней, к которым относится наше повествование, в колониях подросло новое поколение; его уже не ослеплял ореол монаршей власти, оно не испытывало ни благоговейного почтения к своей бывшей родине, подобно своим отцам, ни той верности королевскому трону, которой обычно отличается народ, созерцающий блеск королевской славы с некоторого расстояния. Все же те, кто имел влияние на американцев и руководил их действиями, не были сторонниками раскола империи, считая такой шаг противоестественным и политически вредным.

Тем временем противники, в равной мере не желавшие проливать кровь, готовились все же к решительной схватке, сознавая ее неизбежность. Положение, создавшееся в колониях, было столь необычным, что история, кажется, не знала подобных примеров. Все колонисты утверждали, что хранят верность монарху, и в то же самое время законам, издаваемым его министрами, оказывалось упорное неповиновение. Каждая колония имела свое управление, и в большинстве из них политическое влияние английской короны было непосредственным и весьма глубоким. Но мало-помалу верх взяло чувство возмущения, вызванное махинациями и интригами английских властей. Те колониальные законодательные учреждения, в которых большинство принадлежало «Сынам Свободы» (так именовали тех, кто боролся против беззаконных правительственных мер), избрали делегатов на конгресс, который должен был обсудить стоявшие перед колониями задачи и способы их разрешения. В одной-двух провинциях, где в законодательных органах большинство принадлежало лоялистам, народ избрал специальных представителей. Этот конгресс,

созывавшийся открыто, действовавший без утайки в смелом сознании своей правоты и воодушевленный революционными чувствами, пользовался таким влиянием, каким не пользовался впоследствии никто из его юридически более правомочных преемников. Его решения обладали всей силой закона, не вызывая вместе с тем к себе ненависти. Оставаясь по-прежнему подданными английского короля, члены этого конгресса все еще писали петиции и жалобы, не забывая в то же время всеми имевшимися в их распоряжении средствами противиться карательным мерам английского правительства.

Народ призывали объединяться в союз для борьбы, которая должна была вестись по трем направлениям, поименованным в трех резолюциях: «Долой ввоз», «Долой вывоз» и «Долой потребление». Помимо этих чисто негативных мер, сделать что-нибудь, не нарушая конституции, было невозможно, и борьба все время велась с большой осторожностью; прилагались все усилия к тому, чтобы не выйти за рамки, которыми закон ограничивал права подданных. Открытого сопротивления никто не оказывал, однако каждый пользовался всеми доступными ему средствами, чтобы быть готовым к роковой схватке, если она произойдет. Недовольство и возмущение росли день ото дня во всех колониях, а в Массачусетсе, где разыгрывались описанные выше события, назревали политические беспорядки, и, казалось, их уже невозможно было предотвратить.

Основные споры, вокруг которых шла борьба, в некоторых колониях переплетались с чисто местными причинами недовольства, и в первую очередь это относилось к Бостону. Жители этого города раньше других оказали открытое и бесстрашное сопротивление произволу правительства, и в Англии уже давно поговаривали о том, что необходимо силой подавить этот вольнолюбивый дух, для чего из различных областей к непокорному городу были стянуты войска. В начале 1774 года губернатором Массачусетса назначили лицо военное, и правительство стало действовать более решительно. Этот правитель, имевший высокий чин генерал-лейтенанта и стоявший во главе всех размещенных в Америке королевских войск, начал свою деятельность с того, что распустил колониальную ассамблею. Почти одновременно с этим из Англии был прислан новый указ, предусматривавший существенные изменения в госу-

дарственном устройстве колоний. С этого момента власть короля перестала признаваться в Массачусетсе, хотя открыто против нее никто еще не выступал. Колонисты созвали свой конгресс; он заседал в двадцати милях от столицы и, обсуждая особо важные вопросы, выносил решения. Мужчин вербовали в армию, обучали военному делу и вооружали чем бог пошлет. Эти войска, в которые попадал цвет молодежи, мало чем могли похвалиться, кроме крепости духа и уменья стрелять. Предвидя их будущую тактику, их довольно метко прозвали «мгновенными». К каким действиям они готовились, явствовало из того, что в надежных тайниках создавались склады из захваченного оружия и амуниции.

Генерал Гедж, со своей стороны, также начал принимать меры предосторожности: он усердно укреплял свой форт и, предугадывая намерения колонистов, всячески препятствовал им создавать тайные арсеналы. Первая задача не представляла трудности, так как ей чрезвычайно благоприятствовало расположение форта, так же как и характер войск, которыми он располагал.

Окруженный со всех сторон морем, за исключением узкого перешейка, увенчанный тремя грядами холмов, командующими над всеми окружающими возвышенностями, бостонский полуостров мог при наличии толкового гарнизона выдержать любую осаду, особенно при поддержке хорошего флота. Впрочем, укрепления, воздвигнутые генералом, отнюдь не отличались особой мощностью, так как было общеизвестно, что в арсенале колонистов имеется не больше полдюжины легких полевых пушек да небольшой осадный парк, состоявший исключительно из старинных громоздких корабельных пушек. Вот почему, прибыв в Бостон, Лайонел увидел расположенные на вершинах холмов артиллерийские батареи, часть которых совершенно явно предназначалась не столько для отражения нападения извне, сколько для поддержания порядка внутри города, да еще поперек перешейка были возведены укреплепия.

Гарнизон насчитывал всего около пяти тысяч человек. К этому следовало прибавить некоторое количество морских офицеров и матросов, приплывавших и уплывавших с военными кораблями.

Все это время связь между городом и страной не нарушалась, хотя в ней и были замечены перебои, обусловлен-

пые застоем в торговле и неуверенностью, порождаемой положением вещей. Не одна семья бостонцев уже покинула родной город, однако многие видные поборники американской независимости продолжали оставаться в своих жилищах, оглушаемые треском английских барабанов, распаляемые насмешками, которым подвергались их не искушенные в военном деле соотечественники со стороны английских офицеров. По правде сказать, мнение о военной слабости колонистов было распространено не только среди легкомысленных безусых юнцов; многие искренние сторонники американцев в Европе опасались, что в случае военного столкновения спор решится не в пользу колонистов вследствие их неспособности отстоять свои права до конца.

Так обе стороны выжидали, готовые к схватке: народ — угрюмый, настороженный и готовый взять оружие по первому знаку своих вождей — сохранял образцовый порядок и спокойствие, но не подчинялся закону; армия — веселая, падменная, беспечная — держалась не слишком вызывающе и не слишком притесняла население, пока несколько неудачных экспедиций в поисках оружия в глубь страны не окончились полной неудачей. Но с каждым часом росли недовольство со стороны колонистов и враждебность, смешанная с презрением, — со стороны английских войск, чему способствовали бесчисленные стычки, посившие иной раз чисто личный, иной раз общественный характер. Однако они скорее принадлежат истории и не имеют прямого отношения к нашему повествованию. Вся жизнь в городе замерла, люди проводили время в томительном ожидании. Было известно, что парламент не только не отменил своих политически опасных решений, но наложил на колонии новые ограничения в правах и для поддержания порядка шлет свои войска и флот.

Как долго может страна пребывать в столь противоестественном состоянии и чем все это кончится, никто не взялся бы предугадать — дать ответ могло только будущее. Народ, казалось, дремал; однако его сон был не менее чуток, чем сон воина, задремавшего в доспехах, с мечом в руке. Войска ежедневно проводили учения и маневры, отчего каждый, даже самый закаленный в боях солдат приобретал со стороны еще более воинственный вид, и тем не менее обе враждующие стороны все еще продолжали открыто выражать свое нежелание проливать кровь.

Глава VI

Он слишком тощ! Его я не боюсь...
Смеется редко, если ж и смеется,
То словно над самим собой с презреньем
За то, что не сумел сдержать улыбку.

Шекспир, «Юлий Цезарь»

В течение последующей недели Линкольн узнал много различных подробностей о положении колоний, характерных, быть может, для того времени, но не вмещающихся в рамки нашего повествования. Его собратья по оружию оказали ему тот сердечный прием, какой неизменно бывает оказан всякому богатому, независимому, хотя бы даже и не слишком общительному молодому человеку в любом обществе, где превыше всего ценятся удовольствия и показной блеск.

В начале недели в войсках производились особенно усиленные перемещения, что известным образом повлияло и на судьбу Лайонела. Вместо того чтобы вернуться в свой полк, он получил приказ принять команду над батальоном легкой пехоты, проходившим обучение, обычное для этого рода войск. Однако, поскольку было известно, что майор Линкольн — уроженец Бостона, главнокомандующий со свойственной ему снисходительностью и добротой предоставил молодому офицеру небольшой отпуск, чтобы он мог отдать дань естественным в его положении чувствам. И вскоре всем стало известно, что майор Линкольн, прибывший в Америку, чтобы стать в ряды королевской армии в случае, если возникнет печальная необходимость призвать английские войска к оружию, получил от главнокомандующего разрешение в течение двух месяцев, считая со дня прибытия, быть свободным от несения службы и развлекаться, как ему вздумается. Те, кто гордился своей необычайной проницательностью, усмотрели в этом распоряжении генерала Геджа тонкий и хитроумный расчет — использовать влияние обходительного молодого провинциала на его родственников и друзей с целью пробудить в их душе верноподданнические чувства, слишком многими из них утраченные. Но таков уж был дух времени: ничтожным событиям придавалось непомерно большое значение и в поступках, продиктованных самыми естественными побуждениями, усматривались тайные замыслы.

Однако ни образ жизни Лайонела, ни все его поведение

ничем не подтверждали подобных догадок. Он продолжал жить в доме миссис Лечмир, но, не желая слишком злоупотреблять радушием своей родственницы, снял неподалеку от ее дома квартиру, поместил там своих слуг и принимал гостей — как близких друзей, так и лиц, наносивших ему официальные визиты. Это чрезвычайно обескуражило капитана Полуорта, сразу лишив его тех преимуществ, какими он надеялся воспользоваться, получив доступ в дом своей возлюбленной на правах друга ее родственника, и он не уставал громко сетовать по этому поводу. Впрочем, Лайонел, как и подобало молодому богатому человеку, жил на широкую ногу, и пылкий капитан легкой пехоты находил в этом немало источников утешения, которых он безусловно был бы лишен, если бы хозяйство Лайонела вела бережливая миссис Лечмир. Линкольн и Полуорт учились в одной школе, затем в Оксфорде — в одном колледже и, наконец, служили в одном полку. Невозможно, казалось бы, найти двух людей, столь несхожих между собой как по внешности, так и по характеру, однако, согласно странной прихоти природы, которая заставляет нас любить свою противоположность, Линкольн и Полуорт поддерживали тесную дружбу, и других таких закадычных приятелей не сыскалось бы, пожалуй, во всем полку. Нет смысла особенно вникать в эту удивительную дружбу. Нечто подобное встречается на каждом шагу и связывает людей еще более несхожих друг с другом. Такая дружба возникает порой случайно, порой в силу привычки и зиждется нередко, как и в настоящем случае, на неистребимом добродушии одного из друзей. Если не чем другим, то уж этим качеством капитан Полуорт был наделен в полной мере. Оно поддерживало в неизменно цветущем состоянии его бренную плоть и делало общение с ним весьма приятным.

С рвением отнюдь не бескорыстным — чего он даже и не пытался скрывать — капитан взялся за налаживание хозяйства Линкольна. По уставу капитану надлежало столоваться вместе со всеми офицерами, неукоснительно соблюдая различные правила, которые мешали развернуться его талантам, так же как состояние кошелька мешало потворствовать его желаниям. На квартире же у Лайонела ему предоставлялось широкое поле деятельности, причем без всякого ограничения затрат, о чем он давно втайне мечтал. Городская беднота, сильно страдавшая от отсут-

ствия заработков, существовала за счет вспомоществования в виде денег, пищи и одежды, посылаемых из соседних колоний, но для тех, кто имел деньги, на рынке было полно товаров. Такое положение вещей вполне устраивало капитана Полуорта, и недели через две после прибытия Лайонела в полку стало известно, что капитан постоянно обедает у своего друга, майора Линкольна, хотя следует заметить, что сам майор Линкольн весьма часто отправлялся обедать к штабным офицерам.

В то же время майор Линкольн продолжал ночевать на Тремопт-стрит и с усердием, которого никак нельзя было ожидать после довольно ощутимой неловкости первого знакомства, старался сойтись покороче с обитателями этого дома. Правда, что касается миссис Лечмир, то здесь он не достиг особенного успеха. Всегда церемонная, хотя и неизменно учтивая, она, словно плащом, была окутана холодной рассчитанной отчужденностью, и Лайонелу, даже если бы он очень к этому стремился, едва ли удалось бы пробить ее броню. Однако с более молодыми родственницами дело уже через несколько дней пошло совсем по-иному. Агнеса Денфорт, отнюдь не замкнутая по натуре, начала незаметно поддаваться очарованию мужественных и любезных манер молодого офицера и уже к концу первой недели с таким добродушием, непосредственностью и простотой отстаивала права колонистов, подшучивала над выходками офицеров и тут же признавалась в своей предубежденности, что, в свою очередь, больше, чем другие, расположила к себе своего английского кузена, как величала она Лайонела. Куда более странным, если не сказать совершенно необъяснимым, казалось Лайонелу поведение Сесилии Дайнвор. День за днем она могла быть молчаливой, надменной, неприступной, а затем внезапно, словно под влиянием какого-то тайного побуждения, становилась естественной, общительной и простой. И тогда вся ее душа, казалось, светилась в ее выразительных лучистых глазах, а ее мягкий юмор и веселость, сломав преграды сдержанности, прорывались наружу, приводя в восхищение всех окружающих и делая их столь же веселыми и счастливыми, как она сама. Долгие часы размышлений посвятил Лайонел необъяснимым переменам в поведении молодой девушки. В самой изменчивости ее настроений таилось своеобразное очарование, невольно привлекавшее к ней Лайонела, а изящная фигурка и прелестное умное личико

не могли не усилить его стремления поближе познакомиться с прихотливыми особенностями этой натуры, что, естественно, привело к пристальному и пытливому наблюдению за ней. В результате этого постоянно оказываемого ей внимания поведение Сесилии стало почти неприметным образом меняться: оно становилось все менее и менее капризным и все более и более обворожительным, а Лайонел в силу какой-то странной забывчивости вскоре упустил из виду свою главную цель и, как ни странно, перестав отмечать перемены в настроениях кузины, даже не испытал разочарования.

В вихре светских удовольствий, когда внимание рассеивается из-за многочисленных встреч и развлечений, для того чтобы между молодыми людьми могла возникнуть известная близость, потребовался бы, вероятно, не один месяц, более того — она вообще могла бы не возникнуть. В таком же городе, как Бостон, который уже покинули почти все знакомые Сесилии, а те, кто еще оставался в нем, жили замкнуто и не интересовались ничем, кроме самих себя, сближение Сесилии и Лайонела явилось естественным результатом вполне очевидных причин. Словом, в течение этих двух знаменательных недель, богатых такими событиями, значение которых не укладывается в рамки истории одной семьи, между молодыми людьми зародилась симпатия и возникло взаимное расположение, а быть может, и более глубокий интерес друг к другу.

Если зима 1774/75 года была на редкость мягкой, то весна в такой же мере была запоздалой и холодной. Впрочем, как нередко бывает в нашем изменчивом климате, в марте и в апреле холодные дни сменялись порой такими теплыми и солнечными, что казалось — лето уже близко, но затем студеный восточный ветер приносил ледяные дожди и гасил всякую надежду на смягчение погоды. Таких ненастных, дождливых дней в середине апреля выпало немало, и Лайонел волей-неволей вынужден был не выходить из дому.

Как-то вечером, когда косой дождь хлестал в окна, Лайонел покинул гостиную миссис Лечмир, чтобы закончить начатое им еще до обеда письмо своему управляющему в Англии. Войдя к себе в комнату, которую он оставил пустой и которую, естественно, рассчитывал найти в таком же состоянии, он был немало поражен, увидав, что в ней кто-то хозяйничает. Яркий огонь пылал в камине,

отбрасывая причудливые, пляшущие тени, странно искажавшие и увеличивавшие до фантастических размеров все находившиеся в комнате предметы. Едва Лайонел переступил порог, как ему бросилась в глаза огромная изломанная тень, лежавшая на стене и на потолке и имевшая очертания человеческой фигуры. Вспомнив, что он оставил свои письма незапечатанными, и не доверяя скромности Меритона, Лайонел, неслышно ступая, приблизился к кровати и заглянул за полог. Каково же было его изумление, когда вместо своего слуги он увидел перед собой старика незнакомца! Старик сидел, держа в руке недописанное письмо Лайонела, и был так поглощен чтением, что не заметил появления хозяина. Он был закутан в тяжелый грубый плащ, с которого стекала вода, но Лайонел сразу узнал пряди седых волос, глубокие морщины и резкие черты этого удивительного лица.

— Я не был оповещен об этом неожиданном визите, сударь, — сказал Лайонел, быстро шагнув к незнакомцу, — иначе никогда не позволил бы себе так замешкаться и заставить вас томиться докучным ожиданием без иного развлечения, кроме этих каракуль.

Старик опустил письмо, наполовину скрывавшее его лицо, и Лайонел увидел, как две крупные слезы скатились по впалым щекам. Рассерженное и надменное выражение лица Лайонела смягчилось, и он уже готов был заговорить примирительным тоном, но незнакомец, который, не дрогнув, выдержал его гневный взгляд, сказал спокойно, глядя ему прямо в глаза:

— Я понимаю вас, майор Линкольн. Но ведь иные обстоятельства оправдывают даже более серьезное злоупотребление доверием, чем то, в котором вы обвиняете меня. Не сознательное намерение, а случай открыл мне сейчас самые сокровенные ваши мысли относительно предмета, который представляет для меня глубочайший интерес. Во время нашего путешествия вы не раз настойчиво просили меня рассказать вам то, что вы так жаждали узнать. На ваши просьбы, как вы, вероятно, помните, я всегда отвечал молчанием.

— Вы говорили, сударь, что знаете тайну, раскрыть которую я стремлюсь всем сердцем, и я настойчиво просил вас развеять мои сомнения, открыв мне правду. Но я не усматриваю, каким образом...

— ...ваше стремление проникнуть в мою тайну дает

мне право проникать в ваши, хотите вы сказать, — прервал его незнакомец. — И вы правы. Но моя глубокая заинтересованность в вашей судьбе, заинтересованность, причина которой пока еще скрыта от вас, но ручательством которой могут служить эти жгучие слезы, впервые за много лет пролившиеся из глаз, навеки, казалось бы, разучившихся плакать, может и должна послужить мне оправданием.

— Я не сомневаюсь в этом, — сказал Лайонел, глубоко тронутый скорбью, прозвучавшей в голосе незнакомца, — не сомневаюсь и прошу вас — не нужно больше никаких объяснений, я не стану их слушать. Надеюсь, что вы не нашли в этих письмах ничего, что было бы противно сыновним чувствам.

— Я нашел в них многое, Лайонел Линкольн, что наполнило бы гордостью сердце любого отца, — отвечал старик. — Именно эта сыновняя любовь, которой дышит ваше письмо, исторгла слезы из моих глаз. Ведь тот, кто, подобно мне, уже перешагнул грань возраста, отмеренного на земле человеку, не познав при этом ни той любви, что отец питает к своему отпрыску, ни той, которой дитя одаряет того, кто дал ему жизнь, — тот не может при виде такой глубокой привязанности, как ваша, не осознать всей глубины своего несчастья, если он еще не утратил всякого подобия человеческих чувств.

— Вам, значит, не довелось быть отцом? — с глубоким интересом, которого он не в силах был скрыть, спросил Лайонел и, пододвинув стул, уселся возле своего собеседника.

— Разве я не говорил вам, что совершенно одинок? — мрачно произнес старик.

Наступило тягостное молчание. Но вот старик заговорил снова, голос его звучал хрипло:

— Я был и мужем, и отцом когда-то, но так давно это было, что семейные узы не привязывают меня больше к земле. Старость соседствует со смертью, и даже в теплоте ее дыхания уже слышится холод могилы.

— Не говорите так, — возразил Лайонел, — вы несправедливы к самому себе: у вас горячее сердце — вспомните, с каким жаром говорили вы об угнетении, царящем, как вам кажется, в колониях.

— Этот жар — не более как дрожащее мерцание догорающей свечи, пламя, которое ярко вспыхивает на крат-

кий миг, перед тем как угаснуть навсегда. Но, если я не могу зажечь в вашей груди огонь, который уже не пылает в моей, я могу еще предостеречь вас от опасностей, подстерегающих вас в жизни на каждом шагу, и стать если не вашим лоцманом, на что я уже больше не гожусь, то хотя бы маяком. Вот с этой-то целью, майор Линкольн, я и отважился выйти на улицу в такую ненастную погоду.

— Какая же была необходимость подвергать себя подобному риску? Разве что-нибудь случилось? И мне грозит опасность?

— Взгляните на меня, — торжественно произнес старик. — Я бродил по этой цветущей стране, когда она еще была пустыней; я помню те времена, когда наши отцы отвоевывали по кусочкам эту землю у индейцев и диких зверей, и жизнь моя исчисляется не годами, а столетиями. Сколько же, судите сами, суждено мне еще прожить на этой земле? Сколько месяцев или недель, а быть может, только часов?

Лайонел в смущении отвел глаза.

— Конечно, вам трудно надеяться прожить еще долгие годы, — отвечал он. — Но ваша энергия и ваш ясный ум служат залогом того, что о таком ничтожном сроке, как дни или даже месяцы, мне кажется, и речи быть не должно.

— Как! — вскричал старик, простирая вперед пергаментную руку со вздутыми венами, которые, казалось, еще усугубляли ее мертвенный вид. — Глядя на эти хилые члены, на эти седые волосы, на эти впалые щеки, вы еще решаетесь предрекать мне годы жизни! Мне — кто не посмел бы вымолить себе и минуты, когда бы она стоила молитвы, ибо и так уж долог был отпущенный мне срок!

— Разумеется, когда вечность уже близка, наступает время подумать о ней.

— Так вот, послушайте меня, Лайонел Линкольн: старый, дряхлый, стоя у края могилы, я все же не столь близок к смерти, как эта страна — земля ваших предков — близка к грозной катастрофе, которая потрясет ее до основания.

— Я не могу согласиться с вами. Мне кажется, вы напрасно так страшитесь будущего, оно не столь зловеще, — с улыбкой заметил Лайонел. — Даже если самые худшие опасения оправдаются, для Англии этот удар будет не более чувствителен, чем для нашей планеты извержение одного из ее вулканов. Но к чему эти пустые метафоры,

сударь? Быть может, вам известно о какой-либо непосредственной опасности, угрожающей нам?

Какая-то мысль внезапно зажгла потухший взор старика, ироническая улыбка тронула его иссохшие губы, и он медленно произнес:

— Страшиться может только тот, кто боится что-то потерять! Если дитя перестает цепляться за юбку няньки, значит, оно уже научилось стоять на ногах и не сомневается в себе. Англия так долго водила колонии на помочах, что ей уже кажется, будто они не в состоянии самостоятельно шагнуть ни шагу.

— Помилуйте, сударь, вы в своих предположениях заходите дальше самых диких фантазий, проповедуемых наиболее отчаянными из тех, кто именует себя «Сынами Свободы», — словно свобода может найти себе где-нибудь более испытанный и надежный приют, чем под крылом священных английских законов! Ведь они требуют только одного: чтобы им перестали чинить обиды, которые, как мне кажется, существуют преимущественно в их воображении.

— Видали вы когда-нибудь, чтобы камень катился не с горы, а в гору? Стоит только пролиться хоть единой капле американской крови, и это оставит несмываемый след.

— К сожалению, это уже случалось. Однако с тех пор прошли годы, а Англия стоит все так же неколебимо и власть ее непререкаема.

— Ее власть! — воскликнул старик. — Разве в самом терпении и послушании этого народа, когда он полагает, что правда не на его стороне, вы же видите залог того, что́ сделает его несгибаемым и непобедимым, когда он почувствует свою правоту?.. Но мы теряем время, майор Линкольн... Я пришел, чтобы проводить вас туда, где вы получите возможность увидеть собственными глазами и услышать собственными ушами, какие мысли и чаяния живут в душе народа... Хотите вы следовать за мной?

— Но не сейчас же, не в такую бурю?

— Эта буря ничто по сравнению с той, что может разразиться над вашей головой в любую минуту, если вы не одумаетесь. Повторяю, следуйте за мной. Если такой старик, как я, может презреть ненастье, пристало ли английскому офицеру отступать перед ним?

Гордость Лайонела была задета, и, вспомнив данное им

однажды обещание сопровождать своего почтенного друга, куда бы тот его ни повел, он наскоро переоделся в штатское платье, накинул на плечи плащ, чтобы защитить себя от непогоды, и уже направился было к двери, но обращенные к нему слова остановили его.

— Нет, не этим путем, — сказал старик. — Я надеюсь, что ваше посещение принесет пользу, но тем не менее ему надлежит совершиться втайне. Никто не должен знать о вашем присутствии. Я считаю вас достойным сыном вашего почтенного отца и, вероятно, мог бы даже не предупреждать о том, что поручился за вашу скромность.

— Вы не раскаетесь в оказанном мне доверии, сударь, — высокомерно ответил Лайонел. — Но для того чтобы я мог увидеть то, что вы намерены мне показать, вам, по всей вероятности, необходимо покинуть этот дом?

— Молчите и следуйте за мной, — сказал старик, повернулся и отворил дверь в узкий и темный коридор, освещавшийся только небольшим окном — одним из тех крайних по фасаду окон, о которых мы уже упоминали выше, при описании дома.

Несмотря на полумрак, Лайонел, следуя предостерегающим указаниям своего спутника, благополучно спустился по лестнице, соединяющей служебные помещения нижнего этажа с жилыми комнатами верхнего. Внизу, на площадке лестницы, они на секунду приостановились, и молодой человек воспользовался этим, чтобы выразить свое изумление по поводу того, что его посетитель куда лучше знаком с расположением комнат в этом доме, чем он сам, живущий здесь не первый день.

— Разве я вам не говорил, что знаю Бостон без малого сто лет! — с сердцем возразил старик; он произнес эти слова еле слышным шепотом, и все же в них сквозило раздражение. — Много ли в нем неизвестных мне зданий? Прошу, следуйте за мной молча и соблюдайте осторожность.

Он отворил еще одну дверь, и они вышли во двор. Лайонел заметил человеческую фигуру, прижавшуюся к стене дома, словно ища защиты от проливного дождя. Когда они направились через двор к воротам, эта фигура отделилась от стены и последовала за ними.

— Вам не кажется, что за нами следят? — спросил Лайонел, оборачиваясь. — Кто это крадется за нами по пятам?

— Это наш малый, — сказал старик, которого мы будем отныне называть Ральф, ибо так, как вы могли заметить, всегда обращался к нему Джэб. — Это наш малый, и вреда от него нам не будет. Бог даровал ему способность отличать добро от зла, хотя, к несчастью, телесные недуги нередко омрачают его рассудок. Однако сердце его отдано родине, а она нуждается сейчас в каждом, кто может стать на защиту ее прав.

Молодой англичанин высокомерно улыбнулся, плотнее закутался в свой плащ и, наклонив голову, шагнул навстречу ветру, бушевавшему на улице. В полном молчании они быстро шли по узким кривым переулкам. Лайонел дивился про себя необъяснимому таинственному интересу, который возбуждал в нем его спутник, — интересу столь непреодолимому, что он ночью, в непогоду покинул кров миссис Лечмир и отправился неизвестно куда, неизвестно зачем, быть может подвергая себя даже опасности. И все же он без колебаний продолжал следовать за стариком, ибо к этим мыслям примешивались воспоминания о недавних весьма занимательных и откровенных беседах, которые они вели друг с другом во время их долгого плавания. К тому же все, что касалось благополучия и счастья его родины, не могло, естественно, не интересовать его. Он старался не терять из виду своего провожатого, а тот шел впереди и, казалось, не замечал бури, стремившейся сокрушить его дряхлое тело. За спиной у себя Лайонел слышал тяжелую поступь Джэба, который не отставал от него ни на шаг, стараясь укрыться от ветра за его развевающимся плащом. Казалось, ни одна живая душа не отважится выглянуть наружу — даже немногие попавшиеся им на пути часовые не шагали взад и вперед перед зданиями, которые им надлежало охранять, а укрывались от непогоды за выступами домов или искали спасения на каком-нибудь крыльце. Временами порывы ветра проносились по узким улочкам с завыванием, подобным реву морского прибоя, и с такой яростью, что едва не сбивали наших путников с ног. В такие минуты Лайонел принужден был останавливаться и даже отходить под защиту какой-нибудь стены, но его провожатый, вдохновляемый своей целью и не стесняемый одеждой, устремлялся вперед, сквозь бурю и мрак, с легкостью, представлявшейся взбудораженному воображению молодого офицера почти сверхъестественной. Но вот старик, порядком опередив-

ший своих спутников, остановился и стал поджидать Лайонела. Поравнявшись с ним, Лайонел с удивлением увидел, что тот стоит, глядя на торчащий у края мостовой пень.

— Взгляните — вы видите, что сталось с этим вязом? — спросил Ральф, когда его спутники приблизились. — Их топор погубил дерево-мать, но ее побеги живы и дадут поросль по всему континенту!

— Не понимаю вас! — возразил Лайонел. — Я не вижу здесь ничего, кроме какого-то пня. Я полагаю, министры его величества короля никак не повинны в том, что это дерево срублено.

— О нет, министры короля повинны в том, что́ тут произошло... Но спросите лучше этого юношу, который стоит рядом с нами, — он расскажет вам, какое это было дерево.

Лайонел повернулся к Джэбу и увидел при бледном свете подернутой облаками луны, что дурачок, забыв о дожде, стоит с непокрытой головой и с благоговением взирает на пень.

— Все это полнейшая загадка для меня! — сказал Лайонел. — Что это за пень, Джэб? Почему ты чуть ли не молишься на него?

— Это пень «Дерева Свободы», — ответил Джэб. — И не след проходить мимо него, не воздав ему почестей!

— Чем же это дерево заслужило такое поклонение? Каковы его заслуги перед свободой?

— Как — чем? А где еще вы видели дерево, которое могло бы писать и оповещать о днях городских собраний или могло бы рассказать людям, какую штуку собирается выкинуть король с чаем и с гербовыми марками?

— Ты хочешь сказать, что сие необыкновенное дерево могло творить все эти чудеса?

— А то как же! Конечно, могло и творило... Стоило скряге Томми задумать вечером какую-нибудь пакость, чтобы одурачить народ, и наутро вы могли прийти сюда и прочесть здесь на бумаге, приклеенной к стволу дерева, про все его дьявольские затеи и про то, что теперь надлежит делать, и все это было написано таким же прекрасным почерком, как у самого учителя Ловелла, когда он очень постарается.

— И кто же приклеивал здесь эту бумагу?

— Кто? — негодующе вскричал Джэб. — Понятно кто! Свобода приходила ночью и приклеивала ее. Когда у Нэб не было крыши над головой, Джэб частенько спал под этим

деревом и не раз видел собственными глазами, как Свобода приходила ночью и оставляла здесь эту бумагу.

— Она являлась сюда в виде женщины?

— Вы думаете, Свобода так глупа, что будет во всякое время разгуливать в женском платье и собирать вокруг себя толпу пьяных солдат? — не скрывая своего презрения, возразил Джэб. — Случалось, конечно, она одевалась как женщина, а то так нет. Как придется. И Джэб сидел на дереве, когда старик Нолл отказался от своих дьявольских марок. Правда, он сделал это, только когда «Сыновья Свободы» разорили на пристани его лавчонку с марками и повесили его вместе с лордом Бьютом на суку старого вяза!

— Повесили! — воскликнул Лайонел, невольно попятившись назад. — Это дерево служило когда-то виселицей?

— Да, для чучел, — со смехом отвечал Джэб. — Жаль, что вас здесь не было. Вы бы посмотрели, как этот Бьют вместе с оседлавшим его сатаной крутился в воздухе, когда они его вздернули!

Лайонел догадался, каково было назначение достославного дерева, и выразил желание отправиться дальше.

Старик, предоставив Джэбу давать Лайонелу разъяснения, с нескрываемым интересом наблюдал, какое впечатление производят они на молодого офицера, но, как только последний выразил желание двинуться дальше, он тут же повернулся и снова зашагал вперед. Теперь они приближались к той части города, которая примыкает к гавани, и вскоре их проводник свернул в небольшой дворик и, не постучавшись, отворил дверь какого-то весьма мрачного здания. Узкий, длинный, тускло освещенный коридор привел их в довольно просторное помещение, походившее на зал для собраний. В зале находилось по меньшей мере человек сто мужчин, собравшихся, очевидно, по какому-то весьма важному делу, — так серьезны и сосредоточенны были их лица.

Вечер был воскресный, и Лайонел подумал было, что его друг, человек как будто очень благочестивый, привел его сюда, чтобы он прослушал проповедь какого-нибудь особенно чтимого проповедника. Восприняв это как молчаливый укор за его пренебрежение ко дню господню, Лайонел в первую минуту почувствовал легкий укор совести, но когда он протискался вперед и припялся молча наблюдать за происходящим, то быстро понял свою ошибку. Непогода заставила всех надеть простую, грубую одежду, и

внешний вид собравшихся производил суровое и даже несколько зловещее впечатление, однако сдержанное спокойствие и учтивость манер убеждали в том, что все эти люди в высокой степени обладают чувством собственного достоинства.

Прошло еще несколько минут, и Лайонел понял, что он присутствует на собрании, призванном обсудить политическое положение в стране, однако с какой именно целью, это было ему еще неясно. По каждому вопросу выступал один или два оратора, причем их сугубо провинциальная манера выражаться не оставляла сомнения в том, что это простые торговцы или городские ремесленники. Если не все, то, во всяком случае, большинство ораторов были столь хладнокровны и осторожны в своих речах, что их искренность можно было бы подвергнуть сомнению, если бы не прорывавшиеся порой резкие и даже язвительные обличения королевских министров и не великолепное единодушие при голосовании. Было принято несколько резолюций, в которых самый умеренный и сдержанный протест удивительным образом сочетался с самыми смелыми и решительными требованиями соблюдения конституционных принципов. Ни один голос не прозвучал против, и тем не менее в зале царило такое спокойствие, словно все это никого заживо не задевало. Лайонела поразил язык этих резолюций, составленных чрезвычайно ясно и просто и вместе с тем не без известной элегантности выражений, в которых ясно проглядывал трезвый и еще не искушенный в витиеватых периодах политических речей ум городского ремесленника. Взгляд молодого офицера перебегал с одного лица на другое, стараясь найти тех, кто был тайным вдохновителем разыгравшейся перед его глазами сцены, и вскоре один из присутствующих приковал к себе его внимание. Это был человек средних лет; вся его внешность — лицо, осанка, одежда, видневшаяся из-под плаща, — указывала, что он принадлежит к более высокому сословию, нежели большинство собравшихся. Окружавшие его люди выказывали ему знаки глубокого, но лишенного всякого подобострастия почтения. Раз или два руководители собрания, отойдя с этим человеком в сторону, о чем-то горячо с ним совещались, и это послужило причиной возникших у Лайонела подозрений относительно тайной роли привлекшего к себе его внимание незнакомца. Однако, несмотря на внезапно пробудившуюся в душе молодого офицера

антипатию к этому человеку, который, как ему казалось, злоупотребляя своим влиянием, подстрекал других к неповиновению, он не мог не признаться себе в том, что открытое, отважное и удивительно привлекательное выражение лица незнакомца производило весьма благоприятное впечатление. Хотя стоявшие впереди временами заслоняли незнакомца от Лайонела, молодой офицер не спускал с него глаз, и вскоре его пристальный и исполненный любопытства взгляд привлек внимание незнакомца, после чего взоры их скрещивались не раз и были взаимно выразительны. Наконец председатель объявил, что все вопросы разрешены, и закрыл собрание.

Лайонел, стоявший в глубине зала, прислонившись к стене, позволил общему потоку увлечь его за собой в темный коридор — тот, который и привел его сюда. Он остановился, поджидая своего скрывшегося куда-то спутника и надеясь в глубине души, что ему удастся увидеть поближе человека, чья наружность и поведение так его заинтересовали. Он не заметил, что толпа быстро поредела и в коридоре, кроме него, осталось всего несколько человек, и не подумал о том, что сам может теперь привлечь к себе внимание и возбудить подозрения. Внезапно за его спиной раздался голос:

— Явился ли майор Линкольн сегодня к своим соотечественникам как человек, который сочувствует им, или как баловень судьбы — офицер английской армии?

Перед ним стоял тот самый человек, которого он безуспешно пытался увидеть в толпе.

— Разве сочувствие к угнетенным несовместимо с верностью моему государю? — промолвил Лайонел.

— Да, как это явствует из поведения многих храбрых англичан, которые поддерживают наше правое дело, — мягко сказал незнакомец, — а ведь майор Линкольн наш соотечественник.

— Пожалуй, с моей стороны было бы неблагоразумно отречься в настоящую минуту от этого наименования, сударь, каковы бы ни были мои чувства, — высокомерно улыбнувшись, отвечал Линкольн. — Я бы не сказал, что это здание представляется мне столь же безопасным местом для выражения моих симпатий, как городской плац или Сент-Джемский дворец.

— Но если бы король присутствовал сегодня здесь, майор Линкольн, разве пришлось бы ему услышать хоть

одно слово, противоречащее тем законам, которые объявили его особу священной и неприкосновенной?

— Если все речи здесь и подсказывались верноподданническими чувствами, язык их отнюдь не был предназначен для королевских ушей.

— Но это не язык подобострастия или лести, а язык правды, которая не менее священна, чем права короля.

— Сейчас не место и не время, сударь, обсуждать права и прерогативы нашего с вами государя. Но, если нам еще доведется повстречаться в месте, более соответствующем нашему положению, что, судя по вашему обхождению и манере изъясняться, я отнюдь не считаю невозможным, поверьте, я не премину стать на защиту его прав.

Незнакомец понимающе улыбнулся, поклонился и, отступая в глубину темного коридора, ответил:

— Если не ошибаюсь, наши отцы не раз встречались в тех сферах, которые вы имеете в виду. Не приведи господь, чтобы встреча сыновей оказалась менее дружественной.

Лайонел, оставшись один, ощупью выбрался на улицу, где увидел поджидавших его Ральфа и Джэба. Не спросив Лайонела о причинах задержки, старик, как и прежде, не обращая ни малейшего внимания на разбушевавшиеся стихии, зашагал обратно по направлению к дому миссис Лечмир.

— Вы имели сейчас возможность познакомиться с настроением народа, — после непродолжительного молчания сказал он. — По-прежнему ли вы не видите опасности, не верите, что извержение вулкана вот-вот начнется?

— Конечно. Все, что я сегодня видел и слышал, лишь утверждает меня в моем мнении, — отвечал Лайонел. — Бунтовщики едва ли станут произносить накануне восстания столь рассудительные и умеренные речи. И даже те, кто обычно служит топливом в костре мятежа́, — даже чернь держалась в рамках законности и обсуждала свои конституционные права, словно какие-нибудь ученые юристы.

— Так вы полагаете, что костер будет пылать менее жарко оттого, что «топливо», как вы выражаетесь, будет хорошо выдержанным и сухим? — возразил Ральф. — Вот как судит наша молодежь, получившая образование в чужих землях! Этот мальчик равняет своих трезвых и рассу-

дительных соотечественников с европейскими крестьянами!

Эти слова Лайонел расслышал вполне отчетливо, но дальше все слилось в нечленораздельное, исступленное бормотание, и смысла его он не уловил.

Достигнув той части города, с которой Лайонел был уже знаком, его провожатый указал, куда ему нужно идти дальше, и покинул его, сказав на прощание:

— Я вижу, лишь последний, страшный довод — довод силы — может убедить вас в том, что американцы исполнены твердой решимости не подчиняться своим угнетателям. Да минует нас эта беда! Но если она нагрянет, а она должна нагрянуть неизбежно, вы поймете свою ошибку, молодой человек, и откликнетесь, надеюсь я, на зов родины и крови.

Лайонел хотел что-то возразить, но звук поспешно удаляющихся шагов Ральфа сделал всякие возражения бессмысленными, ибо не успел молодой офицер раскрыть рот, как худая фигура его спутника уже начала таять, словно призрак, за частой сеткой дождя и вскоре совсем скрылась из глаз, слившись с ночным мраком, который поглотил вслед за тем и менее призрачную фигуру дурачка Джэба.

Глава VII

Мы всё исполним.
Бедные служанки,
Когда другие сладко спят в постелях,
В дождь, в холод, ночью сторожить должны мы.

Шекспир, «Король Генрих IV»

На смену ненастью ласково, по-весеннему засияло солнце, и в эти несколько погожих дней Лайонелу не довелось больше встретиться с таинственным стариком. Джэб же, наоборот, так доверчиво и простодушно следовал повсюду за молодым офицером, что тронул его сердце, особенно после того, как Лайонел понял, каким насмешкам столь часто подвергали беднягу грубые, невежественные солдаты.

Меритон с явной неохотой занялся, по приказу Лайонела, гардеробом Джэба и сумел заметно облагообразить

внешность своего подопечного, хотя и ценой больших для него неудобств. В эти дни вместе с прояснившимся небом сгладилось и впечатление, произведенное на Лайонела описанной в предыдущей главе сценой, чему немало способствовало также общество его юных родственниц, которое весьма нравилось ему. Полуорт полностью освободил приятеля от всех домашних хлопот. Лайонел заметно оживился и повеселел, и легкое облачко таинственной печали уже не затуманивало, как прежде, его чела.

Полуорт и Лайонел встретили в Бостоне знакомого офицера, с которым они в Англии служили в одном полку; теперь он командовал ротой гренадеров, входившей в состав бостонского гарнизона. Этот офицер — ирландец Деннис Макфьюз умел отдать должное кулинарному искусству капитана легкой пехоты, так как был наделен великолепным аппетитом и любил вкусно поесть, но сам отнюдь не обладал теми удивительными научными познаниями в этой области, которыми отличался Полуорт. Все это сделало его постоянным гостем на ежевечерних пиршествах, устраиваемых Полуортом в квартире Лайонела. И вот, когда третий кряду погожий день уже начинал клониться к вечеру, мы застаем его в обществе обоих друзей за столом, уставленным яствами, которым Полуорт, если принять уверения этого последователя Гелиогабала [1], посвятил немало усилий.

— Словом, майор Линкольн, — сказал Полуорт, уже оседлав своего конька,—человек может жить где угодно— в Англии или за ее пределами, безразлично, — но при непременном условии, что он будет есть вдоволь. Одежда, может быть, и нужна, но только для внешнего вида, пища же — это единственное необходимое условие существования для всего животного царства, и я считаю, что природа даже обязывает человека по мере сил ублаготворять свой желудок... Я буду чрезвычайно признателен вам, Макфьюз, если вы перестанете резать это филе вдоль волокон.

— Ну не все ли равно, Полли, каким манером разрезать кусок мяса! — возразил капитан гренадеров с легким ирландским акцентом и типично ирландским юмором, искрившимся в его открытом мужественном взгляде. — Важно лишь ублаготворить желудок, не так ли?

---

[1] Гелиогабал — римский император (218—222), устраивавший неслыханно роскошные пиры.

— Однако мы должны всячески помогать природе, — серьезно и торжественно возразил Полуорт, которого не так-то легко было сбить с тона, когда он председательствовал за столом. — Облегчать жевание и способствовать пищеварению — это два чрезвычайно важных условия, сэр, особенно для военных, которые зачастую располагают слишком ничтожным временем для первого и лишены возможности подремать после еды, чтобы спокойно завершить второе.

— Он разглагольствует, как провиантмейстер, который не успел подтянуть обозы и хочет, чтобы одного рациона хватило на двоих, — сказал Макфьюз, подмигивая Лайонелу. — В таком случае, Полли, вам следует перейти на картофель. Его вы можете резать и вдоль и поперек, если он не разварен, не опасаясь за состояние его волокон.

— Прошу прощения, капитан Макфьюз, — сказал Полуорт. — Картофель вовсе не следует резать, а только мять... Я не знаю овоща, которым бы так широко пользовались и так мало понимали в нем толк.

— Вот как! Значит, вы, Питер Полуорт, капитан легкой пехоты, хотите научить Денниса Макфьюза, как есть картофель! — расхохотался гренадер, опуская вилку и нож. — Я готов уступить первенство англичанину во всем, что касается рыцарского обращения с говядиной, — будь то филе или огузок, пожалуйста, на здоровье! — но у меня на родине каждая ферма наполовину болото, а наполовину — картофельное поле, и тут вы, сэр, легкомысленно посягнули на священную собственность ирландца!

— Обладание какой-либо вещью и умение ею пользоваться — далеко не одно и то же...

— В таком случае, я обладаю и тем и другим, — снова прервал его пылкий ирландец, — особенно когда речь идет о кусочке Зеленого острова. Разрешите старому солдату Ирландского королевского полка резать свою еду по собственному вкусу. Ставлю свое месячное жалованье — а для меня это то же, что для майора сказать: «Иду на тысячу», — что вы понятия не имеете о том, сколько блюд можно приготовить и сколько их каждый день готовится в Ирландии из такой простой штуки, как картофель.

— Его можно варить, и можно печь, и можно иногда начинять им домашнюю птицу, и...

— Этим пусть старухи занимаются! — снова прервал его Макфьюз, с неизъяснимым презрением махнув ру-

кой. — Вот, сэр, слушайте: мы едим картофель с маслом и без масла, считайте — это уже два блюда; затем мы едим его в мундире и...

— ...без мундира, — смеясь, подхватил Лайонел. — Мне думается, этот занимательный диспут может продолжить наш Джэб, который, я вижу, как раз в эту минуту поглощает предмет вашего ученого спора, насаженный на вилку в предпоследнем из вышеописанных состояний.

— Поскольку разрешить этот вопрос по плечу разве только царю Соломону, — отозвался Макфьюз, — то не лучше ли нам сделать арбитром нашего хозяина мистера Сета Седжа, который, судя по выражению его лица, унаследовал, должно быть, частицу мудрости древнего иудейского монарха?

— Какой же Сет монарх? — вмешался Джэб, оторвавшись от своего картофеля. — Монарх — это король, надутый, важный, а сосед Седж пускает к себе Джэба и дает ему поесть, как добрый христианин.

— Рассуждения этого малого не лишены здравого смысла, майор Линкольн, — сказал Полуорт. — Он чутьем умеет отличить добро от зла — недаром он наносит визиты в часы еды.

— Боюсь, что бедняге просто нечего есть дома, — сказал Лайонел. — А так как он был одним из первых, с кем я свел знакомство, возвратившись на родину, то по моей просьбе мистер Седж открыл ему доступ сюда в любое время дня и прежде всего — в те часы, когда он может отдать дань твоему искусству, Полуорт.

— И очень хорошо, — сказал Полуорт. — Гастрономическая неискушенность так же мила мне, как девичья наивность... Будьте так любезны, Макфьюз, отрежьте мне грудку этого дикого гуся... Нет, нет, повыше, пожалуйста. Прелестные птицы несколько жестковаты возле крыльев... Впрочем, простота в принятии пищи — в этом секрет жизни, господа. Ну, и еще, конечно, в том, чтобы еды было вдоволь.

— На этот раз вы правы, — смеясь, отвечал грепадер, — ибо этот гусь был одним из фланговых стаи и проделал вдвое больше маневров, чем все остальные, а может быть, я разрезал и его не так, как следует... Однако, Полли, вы еще не рассказали нам, каковы ваши успехи в рядах легкой пехоты.

Капитан Полуорт, который к этому времени уже успел

основательно ублаготворить свой желудок, утратив вместе с тем значительную часть предобеденной важности, ответил на сей раз куда менее высокомерно:

— Если Гедж не произведет какой-нибудь реформы в наших занятиях, он загоняет нас насмерть. Ты, верно, слышал, Лео, что все фланговые роты освобождены от несения караула для обучения новым приемам. Они полагают, что тем самым облегчили нашу участь, но единственное облегчение, которое я ощущал, наступает в те минуты, когда раздается команда остановиться и открыть огонь. Тут, признаться, секунды этак две испытываешь воистину райское блаженство.

— Вот уже вторую неделю я беспрерывно убеждаюсь в этом, слушая твои стоны, — заметил Лайонел. — Но что вы думаете по поводу этих новых упражнений, капитан Макфьюз? Не задумал ли Гедж чего-нибудь помимо обычных маневров?

— Вы спрашиваете меня о вещах, сэр, которые мне совершенно неизвестны, — отвечал гренадер. — Я солдат и повинуюсь приказу, не пытаясь проникнуть в его цель и не рассуждая. Мне известно только одно: как гренадеры, так и легкая пехота освобождены от несения караульной службы, и мы ежедневно отмеряем довольно изрядные концы маршем и контрмаршем, к чрезвычайному огорчению нашего Полли, который теряет в весе с такой же быстротой, с какой приобретает выправку.

— Вы находите, Мак? — обрадованно вскричал Полуорт. — Значит, я проделываю эти треклятые упражнения не совсем зря? Обучать нас муштре они поставили коротышку Гарри Скипа, а у него, мне кажется, самые непоседливые ноги во всем войске его королевского величества. Вы согласны со мной, мистер Седж? Вас, кажется, необычайно заинтересовал этот вопрос?

Уже упоминавшийся выше персонаж, к которому были обращены слова капитана, стоял, окаменев, с тарелкой в руке, весь обратившись в слух, словно предмет разговора пригвоздил его к месту, однако глаза его были при этом опущены долу, и он даже отвернулся от собеседников, как бы не желая привлекать к себе внимания. Сет Седж был владельцем дома, в котором Лайонел снимал себе квартиру. Семью свою он только что отправил в деревню — он объяснял это тем, что ему трудно прокормить ее в городе, где царит такой застой в делах, — сам же остался дома,

чтобы охранять свою собственность и обслуживать постояльцев. Человека этого можно было признать воплощением душевных и телесных качеств, отличающих определенную часть его соотечественников. Немного выше среднего роста, тощий, угловатый, неуклюжий, он, казалось, состоял из одних сухожилий и костей. У него были маленькие черные глазки, и трудно было поверить, что светившиеся в них проницательность и ум свободны от хитрости и расчетливости. Лицо у него тоже было тощее и желтое, а выражение лица суровое и замкнутое. На неожиданный вопрос Полуорта мистер Седж отвечал осторожно и сдержанно, как всегда.

— У мистера Гарри Скипа довольно беспокойный характер, но для офицера легкой пехоты это ведь как раз то, что надо. Теперь, когда генерал ввел эту новую возню с солдатами, капитан Полуорт, наверно, сильно утомляется, шагая в строю.

— А что вы думаете по поводу этой «возни», как вы изволили выразиться, мистер Седж? — спросил Макфьюз. — Вы человек наблюдательный и, должно быть, хорошо знаете ваших соотечественников. Собираются ли они драться?

— Крыса кусается, если кошка загонит ее в угол, — сказал Седж, не поднимая глаз.

— А разве американцы считают, что их загнали в угол?

— Да, пожалуй, народ думает так, капитан. Страна сильно перебаламучена из-за гербовых марок и чая. Но, когда народ не привык сорить деньгами и умеет довольствоваться простой пищей, его никакие законы не согнут в дугу.

— Значит, вы не считаете это непомерным угнетением, мистер Седж, — вскричал гренадер, — если вас просят немного раскошелиться на налоги, чтобы ваш покорный слуга был достойным образом экипирован, когда пойдет сражаться за ваши права?

— Ну, что до этого, капитан, то, я полагаю, мы сами сумеем постоять за себя, если потребуется, хотя поднимать драку без особой нужды наш народ не захочет.

— В таком случае, мой дорогой Седж, скажите, чего, собственно, хотят все эти ваши «Комитеты безопасности» и «Сыны Свободы», как они себя называют, устраивая парады, запасая провиант, выкрадывая пушки и проделывая прочие не менее жуткие вещи? Ха! Неужто они и вправду

думают запугать английских солдат дробью своих барабанов? Или они просто забавляются, играя в войну, как мальчишки на каникулах?

— Я заключил из этого, что народу не до шуток — он взялся за дело всерьез, — все так же невозмутимо отвечал Седж.

— За какое же дело? — спросил ирландец. — За ковку цепей, чтобы мы могли на этот раз уже по-настоящему заковать его?

— Ну, если вспомнить, что народ сжег марки, выбросил чай в море и начал после этого решать свои дела сам, — возразил Седж, — то, мне сдается, он не отступится от того, что считает правильным.

Лайонел и Полуорт громко рассмеялись, и Лайонел заметил:

— Мне кажется, вы никогда не придете к согласию с нашим хозяином, капитан Макфьюз, хотя многое уже вполне ясно. Хорошо ли все отдают себе отчет в том, мистер Седж, что из Англии в колонии и, в частности, в Бостон, скоро прибудут крупные военные подкрепления?

— А как же? — возразил Седж. — Об этом только и разговору повсюду.

— И что же из этих разговоров следует?

Седж секунду помолчал, словно решая, хорошо ли он понял мысль собеседника, а затем сказал:

— Ну, поскольку наша страна ведет довольно большую торговлю, некоторые считают, что, если ваши министры не откроют порт, народ без лишних проволочек откроет его сам.

— А вы понимаете, что подобная попытка немедленно приведет к гражданской войне? — нахмурившись, спросил Лайонел.

— Да уж как не понять, — этакие дела всегда приводят к беспорядкам, — флегматично отвечал хозяин дома.

— И вы, сэр, говорите об этом так, словно нисколько этого не осуждаете и не считаете, что необходимо принять все возможные меры, чтобы это отвратить.

— Я знаю в Бостоне одного человека, — спокойно отвечал Седж, — который даст пролить по капле всю кровь из своих жил, лишь бы порт был открыт и парламент перестал облагать нас налогами.

— Кто же этот герой, мистер Седж? — воскликнул Макфьюз. — Уж не собственный ли избыток крови собираетесь

вы отдать?.. Что случилось, Дойл? Чему я обязан удовольствием видеть тебя здесь?

Этот неожиданный вопрос капитана гренадеров был адресован его собственному вестовому, который внезапно вырос на пороге и стал навытяжку, заполнив весь дверной проем своей массивной фигурой.

— Отдан приказ, сударь: через полчаса после вечерней зори собрать всех в казармы в полной походной форме, сударь.

При этом сообщении все трое офицеров вскочили одновременно, а Макфьюз воскликнул:

— Ночной поход! Вот так штука! Нас, как видно, хотят снова отправить в гарнизон. Отряды на перешейке, верно, утомились, и надо их сменить... Впрочем, Гедж мог бы выбрать для этого более подходящее время и не отправлять нас в поход сразу же после такого пиршества, какое нам закатил Полли.

— За этим неожиданным приказом кроется нечто большее, — заметил Лайонел. — Вы слышите барабаны? И только одна ваша рота получила этот приказ?

— Весь наш батальон, ваше благородие, да и батальон легкой пехоты тоже. Мне приказано оповестить об этом и капитана Полуорта, если я его повстречаю.

— Это все неспроста, господа, — сказал Лайонел. — Необходимо хорошенько все выяснить. Если ваши батальоны покинут сегодня ночью город, я отправлюсь с ними добровольцем, ибо мой долг сейчас — разобраться в том, что происходит в стране.

— Сегодня ночью мы выступаем, ваше благородие, это уж верно, — заявил сержант с уверенностью старого служаки. — Ну, а куда или по какой дороге, известно только офицерам штаба, хотя солдаты считают, что мы пойдем той дорогой, что за колледжами.

— И что же вселило эту глубокую мысль в их тупые башки? — спросил капитан.

— Один из солдат только что вернулся из отпуска и рассказал, что какие-то офицеры обедали где-то неподалеку от колледжей, а когда стемнело, оседлали коней и стали патрулировать дорогу в этом направлении. Его останавливали и опрашивали по меньшей мере четыре раза, когда он там проходил.

— Все это подтверждает мои предположения! — вскричал Лайонел. — Стойте, у нас здесь есть человек, который

может оказаться сейчас чрезвычайно полезным... Джэб!.. Где этот дурачок, Меритон?

— Его кто-то позвал, и он вышел минуту назад, сударь.

— Тогда пошли ко мне мистера Седжа, — о чем-то задумавшись, произнес молодой офицер.

Через минуту Меритон доложил, что Седж исчез столь же таинственным образом.

— Любопытство повлекло его в казармы, — сказал Лайонел, — куда нас с вами, господа, призывает долг. У меня есть еще одно дело, а через час я присоединюсь к вам. Вы не успеете выступить раньше.

Все стали поспешно собираться. Лайонел накинул плащ, дал Меритону необходимые распоряжения, взял оружие и, извинившись перед гостями, не мешкая покинул дом. Макфьюз собирался спокойно, без излишней суетливости, как и подобает опытному вояке, которому не привыкать ходить в поход. Однако, невзирая на все его хладнокровие, медлительность Полуорта в конце концов истощила даже его терпение, и, когда Полуорт в четвертый раз принялся объяснять слуге, как сохранить кое-какие яства, ставшие, по-видимому, особенно дорогими его сердцу после того, как он узнал о предстоящей разлуке с ними, ирландец не выдержал и воскликнул:

— Хватит, хватит, друг! Охота вам перед выступлением обременять себя такими эпикурейскими заботами! Солдат должен показывать пример умеренности и воздержания даже пустынникам и анахоретам. К тому же, Полли, эта преувеличенная забота о еде в последнюю минуту особенно непростительна именно для вас, поскольку вам было великолепно известно, что сегодня ночью нам предстоит выступить в поход в неизвестном направлении и с неизвестной целью.

— Мне? — воскликнул Полуорт. — Да с чего вы это взяли? Не съесть мне больше ни единого кусочка жаркого, если я знал об этом выступлении больше, чем самый последний капрал в армии!

— Опытному воину даже ничтожный пустяк может подсказать, где и когда будет нанесен удар, — невозмутимо возразил Макфьюз, накидывая на свои могучие плечи военный плащ. — Разве я не видел собственными глазами, как вы битый час с похвальным усердием набивали разнообразной пищей желудок некоего капитана легкой пехо-

ты! Черт побери, приятель, даром я, что ли, прослужил двадцать пять лет в армии? Мне ли не знать, что, когда гарнизон начинает запасаться провиантом, это значит — он готовится к осаде.

— Я всего лишь отдал должное радушию нашего хозяина, майора Линкольна, — возразил Полуорт. — Но так как, к сожалению, у меня почти не было аппетита, я, увы, оказался не в состоянии оценить достоинства некоторых блюд в той мере, в какой бы мне этого хотелось... Мистер Меритон, я буду вам весьма признателен, если вы пошлете остатки этой птицы в казарму моему денщику, а так как поход может оказаться затяжным, а наш рацион — скудным, добавьте, пожалуйста, к этой птичке еще кусок языка и цыпленка и немного рагу — мы можем его подогреть на любой ферме... Да прихватим-ка еще кусочек жаркого, Мак... Лео всегда не прочь съесть ломтик холодного ростбифа... И окорок можно прихватить тоже — он сохраняется особенно долго, а наш поход может затянуться... Ну, и... и еще... Нет, пожалуй, этого будет достаточно, Меритон.

— Объявление войны не могло бы обрадовать меня больше, чем это ваше последнее заявление! — вскричал Макфьюз. — Вам бы служить провиантмейстером, Полли, — вы же прирожденная маркитантка!

— Смейтесь себе на здоровье, Мак, — добродушно отвечал Полуорт. — Вы еще будете меня благодарить на первом же привале. Ну, а теперь я готов отправиться с вами.

Когда они вышли из дома, Полуорт заговорил снова:

— Я думаю, Гедж хочет просто выслать нас немного вперед, чтобы обеспечить охрану обозов с провиантом... Такое положение имеет большие преимущества, так как обеспечит легкой пехоте права первого выбора.

— Сколько грозных приготовлений, чтобы захватить какую-нибудь старую пушку, к которой и фитиль-то поднести нельзя, не рискуя жизнью! — презрительно произнес Макфьюз. — Что касается меня, капитан Полуорт, уж если нам и в самом деле придется драться с колонистами, то я поступил бы, как подобает мужчине, и позволил бы этим беднягам запастись каким-нибудь оружием, чтобы, когда дойдет до дела, было похоже на сражение, а не на бойню; а при таком положении вещей, как сейчас, мне, старому солдату и ирландцу, совестно будет приказывать моим ребятам стрелять в кучку крестьян, вооруженных какими-то допотопными мушкетами, похожими на ржавые водосточ-

ные трубы, или бросать их в атаку против пушек, у которых в запальное отверстие хоть голову просовывай, а жерло меньше кулака.

— А по-моему, Мак, — сказал Полуорт, торопливо шагая рядом с ирландцем в сторону казармы, — ядро даже меньше кулака может испортить человеку аппетит, а колонисты обладают огромным преимуществом против нас: у них есть запасы продовольствия, и это вполне уравнове шивает шансы.

— Я не собираюсь тревожить ничью совесть и предоставляю каждому иметь свое мнение по поводу допустимости или недопустимости тех или иных военных действий, капитан Полуорт, — с большим достоинством отвечал старый гренадер. — Но, на мой взгляд, между солдатом и мясником есть существенное различие, хотя профессия и того и другого — убивать... Повторяю, сэр; я надеюсь, что эта таинственная экспедиция ставит перед собой какую-либо более достойную задачу и задумана не для того, чтобы лишить этих бедняг, против которых мы собираемся воевать, всякой возможности воевать против нас. Добавлю, сэр, что это весьма здравая военная доктрина, кто бы против нее ни возражал!

— Ваши мужественные и великодушные чувства делают вам честь, Мак, однако, с другой стороны, каждый человек обязан есть, дабы подкреплять себя телесно и духовно, — это его долг перед самим собой, и, если нас ждет голодная смерть в результате того, что мы дадим нашим врагам возможность пустить против нас в ход оружие, тогда лишить их этой возможности — священный долг каждого из нас... Нет, нет... при сложившихся обстоятельствах я целиком поддерживаю меры, принятые Геджем, как вполне отвечающие самым высоким понятиям военной стратегии.

— Он, конечно, будет весьма признателен вам, сэр, за вашу поддержку, — отвечал ирландец. — А вот если генерал-лейтенанту Геджу придется туго, он, я полагаю, вспомнит, что здесь расквартирован Ирландский королевский полк, ибо генерал знает цену своим соотечественникам. Вы правильно поступили, капитан Полуорт, избрав для себя службу в легкой пехоте, — это служба для фуражиров, которые умеют позаботиться о себе, ну, а гренадеры, благодарение небу, предпочитают встречаться на поле боя с воинами, а не со скотом.

Надолго ли хватило бы добродушия Полуорта, терпеливо выслушивавшего язвительные замечания ирландца, распалявшегося все сильнее и сильнее под воздействием собственных сарказмов, сказать трудно, так как тут они добрались до казармы, и это положило конец их спору и начинавшей зарождаться взаимной неприязни.

Глава VIII

О дева, горечь вздохов — яд.
Не трать напрасно слез —
Пусть вместо жемчуга горят
Они в волнах волос.

Давенант

Лайонел даже самому себе стыдился признаться в той тайной и необъяснимой власти, которую обрел над ним его загадочный друг Ральф и которая понудила его, покинув без промедления свою квартиру, поспешить на окраину города, где обитала Эбигейл Прей. После того памятного вечера, когда молодой офицер прибыл в Бостон, он ни разу больше не посетил угрюмого жилища этой особы, хотя в блужданиях своих по городу, где протекло его детство, неоднократно проходил мимо здания, расположенного по соседству со знаменитым Фанел-Холлом, и с интересом разглядывал его примечательную архитектуру. Поэтому теперь он уже не нуждался в провожатом и самым коротким, хорошо знакомым ему путем направился к Портовой площади. Когда Лайонел вышел из дому, весь полуостров был уже погружен в такой глубокий ночной мрак, словно сама природа содействовала тайным замыслам английского командующего. Где-то на одном из холмов пронзительно и тонко звучал рожок; по временам ему вторила угрюмая дробь барабана, а доносившиеся порой с плаца серебряные переливы горна вторгались в ночную тишь узеньких улочек, наполняя гордым волнением сердце молодого офицера и делая упругим его шаг. Однако его привычное ухо не уловило в этих звуках ничего, кроме обычного ежевечернего сигнала отдыха, и, когда последние звуки горна растаяли в облаках, тишина снова опустилась на город, и он сразу погрузился в сонный ноч-

ной покой. Лайонел приостановился на минуту перед губернаторским дворцом и, бросив внимательный взгляд на окна, спросил часового, замедлившего свой шаг при виде проявившего любопытство незнакомца:

— Сегодня здесь, по-видимому, большой прием? Окна так ярко освещены...

Шпага звякнула в ножнах, когда Лайонел указал рукой на окна, и старый солдат, смекнув, что перед ним офицер, почтительно ответил:

— Мне, ваше благородие, не положено по чину слишком много знать о том, что происходит у начальства. Но я стоял на часах перед штаб-квартирой генерала Вольфа в самую ночь перед сражением, и, думается мне, такому старому солдату, как я, не обязательно докучать начальству дерзкими вопросами, чтобы учуять, когда дело пахнет порохом.

— Судя по твоим словам, у генерала сегодня военный совет, — сказал Лайонел.

— Пока я стою здесь на часах, сэр, — ответил солдат, — никто не входил сюда, кроме подполковника лорда Перси, командира десятого полка, и майора, командира морской пехоты, а уж этот старый вояка, ваше благородие, сюда зазря не придет.

— Доброй ночи, приятель, — сказал Лайонел, направляясь дальше. — Вероятно, они собрались чтобы обсудить план новых учений.

Гренадер с сомнением покачал головой и снова мерно зашагал взад и вперед. Через несколько минут Лайонел остановился перед невысокой дверью пакгауза, где проживала Эбигейл Прей, и после ярко освещенного портала губернаторского дома какой-то особенно угрюмой и мрачной показалась ему эта никем не охраняемая дверь. Тем не менее он не стал медлить и легонько постучал. Когда и на вторичный стук никто не отозвался, он без дальнейших церемоний поднял щеколду и вошел внутрь. Огромное пустое помещение, в котором он очутился, было столь же угрюмо и безмолвно, как только что покинутые им затихшие улицы. Лайонел поднялся ощупью в маленькую комнатку на втором этаже башни, где, как уже упоминалось, в первое свое посещение он познакомился с матерью Джэба, но на сей раз и эта комната оказалась неосвещенной и пустой. Сильно разочарованный, Лайонел уже хотел было покинуть склад, но в эту минуту слабый

луч света упал откуда-то сверху на нижнюю ступеньку грубой деревянной лестницы, ведущей на чердак. После секундного колебания Лайонел, подчиняясь необъяснимому чувству тревоги, начал крадучись подниматься по лестнице. Так же как и в нижнем этаже, на чердаке находилось обширное складское помещение, а в каждой из башен кое-как отгороженные комнатушки. В одной из них горела свеча, и Лайонел, направившись туда, увидел того, кого искал. Старик сидел на единственном стоявшем здесь колченогом стуле, а на куче соломы, служившей, судя по наброшенному поверх нее тряпью, постелью, лежала большая географическая карта, к которой был прикован взгляд его глубоко запавших глаз. Лайонел стоял в нерешительности, глядя на белые пряди волос, осенявшие, словно сияющий нимб, склоненное над картой чело и придававшие этому необыкновенному лицу меланхолическое и вместе с тем какое-то особенное выражение.

— Я пришел к вам, так как вы не удостаиваете меня больше своим вниманием, — проговорил наконец Лайонел.

— Вы явились слишком поздно, — ответил Ральф, не проявляя ни малейшего удивления по поводу столь внезапного вторжения и не отрывая глаз от карты. — Во всяком случае, слишком поздно для того, чтобы предотвратить катастрофу, хотя, быть может, и не так поздно для того, чтобы извлечь из нее урок.

— Вам, я вижу, уже известно о том, что замышляется сегодня ночью?

— Люди моего возраста мало спят, — отвечал Ральф, поднимая глаза на своего собеседника, — ибо вечный покой смерти обещает им скорое отдохновение. А я к тому же в юности тоже был причастен к вашему кровавому ремеслу.

— Значит, от опытного и недремлющего глаза воина не укрылись приготовления, которые происходили в гарнизоне? Подсказали ли они вам также цель и возможные последствия задуманного?

— И то и другое. Гедж весьма опрометчиво рассчитывает растоптать ростки свободы, которые пустили уже глубокие корни в сердце народа. Он воображает, что смелую, свободную мысль можно задушить, уничтожив арсенал.

— Значит, он просто хочет принять меры предосторожности, и все?

Старик грустно покачал головой:

— Такие меры приводят к кровопролитию.

— Я намерен отправиться с этими батальонами, — сказал Лайонел. — Они, вероятно, расположатся довольно далеко от города, и это даст мне возможность навести справки о том, что, как вы знаете, столь близко моему сердцу. Помня о вашем обещании, я рассчитываю на вашу помощь и явился сейчас сюда, чтобы узнать, какие вы посоветуете мне предпринять шаги.

При этих словах Лайонела лицо старика утратило выражение печального раздумья. Пустой и, казалось, лишенный мысли взгляд скользнул по голым балкам потолка, по разостланной на постели карте и остановился на лице удивленного офицера — неподвижный, остекленевший, подобный взгляду мертвеца. Однако не успел встревоженный Лайонел произнести хоть слово, как в застывшем лице Ральфа едва пробудилась жизнь, преобразив его так же внезапно, как луч солнца, пробившись сквозь тучи, преображает все вокруг.

— Вы нездоровы! — воскликнул Лайонел.

— Оставьте меня, — произнес старик. — Оставьте меня.

— Как могу я оставить вас одного, когда вы занемогли?

— Прошу вас, оставьте меня... Будет так, как вы хотите, — мы увидимся за пределами Бостона.

— Значит, я отправляюсь с войском и жду вас?

— Да.

— Не прогневайтесь на меня, — с запинкой произнес Лайонел, в замешательстве опустив глаза, — но это помещение и ваша одежда заставляют меня предполагать, что преклонный возраст со всеми его невзгодами настиг вас в такую минуту, когда вы не были полностью подготовлены к встрече с ним...

— Вы хотите предложить мне деньги?

— Если бы вы согласились принять их, я был бы вам глубоко обязан.

— В час, когда я попаду в тиски нужды, я вспомню ваше предложение, молодой человек. А теперь ступайте. Не медлите больше.

— Но я не могу вас оставить одного! Если бы хоть эта мегера хозяйка была дома! Это все же лучше, чем полное одиночество!

— Ее нет.

— А ее сын? У этого дурачка сострадательное сердце, он мог бы оказать вам помощь в случае необходимости.

— У него есть дела поважнее, чем торчать возле никому не нужного старика... Словом, уходите, прошу вас... Я требую, сударь, чтобы вы удалились.

Твердый, даже, быть может, несколько высокомерный тон, которым было высказано это желание, убедил Лайонела в том, что ему здесь нечего больше делать, и он повиновался, хотя и с неохотой, и начал медленно спускаться по лестнице. Очутившись на улице, он сразу направился на Тремонт-стрит. Когда он проходил по разводному мосту, переброшенному через неширокий, уже упоминавшийся нами залив, его внимание привлекли приглушенные голоса. Разговор происходил где-то поблизости и явно не предназначался для посторонних ушей. В столь тревожные времена любое необычное происшествие казалось подозрительным, и Лайонел замедлил шаг, стараясь разглядеть фигуры двух людей, таинственно шептавшихся о чем-то. Однако не успел он остановиться, как они разошлись в разные стороны: один не торопясь пересек площадь и исчез под аркадами рынка, другой направился прямо к мосту, на котором стоял Лайонел.

— Вот как! Это ты, Джэб, перешептываешься с кем-то ночью на Портовой площади и, как видно, замышляешь что-то! — воскликнул Лайонел. — Что ты тут делаешь? Какие тайны сообщаются тут под покровом ночи?

— Джэб живет вон там, в старом складе, — насупившись, ответил тот. — С тех пор как король запретил народу торговать, старой Нэб места хватает — в складе вон как просторно.

— Так куда же ты держишь путь? Прямо в воду? Разве ты не можешь попасть к себе в постель, не спускаясь в залив?

— Нэб нужна не только крыша, чтобы укрыться от непогоды, но и рыба, чтобы не умереть с голоду, — сказал Джэб, легко спрыгивая с моста в маленькую лодочку, привязанную к сваям. — А с тех пор как король запер гавань, рыбу можно ловить только по ночам; но она все равно приплывает. Бостонская рыба не испугается парламента.

— Ах ты, бедняга! — воскликнул Лайонел. — Ступай домой и ложись в постель. Вот тебе деньги, поди купи еды для матери, если она голодает... В тебя всадят пулю со сторожевой лодки, если появишься в порту в такой час.

— Джэб увидит корабль раньше, чем корабль увидит Джэба, — возразил дурачок. — Пусть только они попробуют убить Джэба! Будут знать, как стрелять в бостонских парней!

На этом разговор оборвался: лодка уже выходила из залива в гавань, двигаясь так быстро и бесшумно, что не могло быть сомнения в том, насколько ловкой и умелой рукой она управляется. Лайонел пошел дальше, пересек площадь и прямо под фонарем лицом к лицу столкнулся с человеком, который только что вышел из-под аркад Фанел-Холла. Они одновременно взглянули в лицо друг другу — каждый желал узнать, кто перед ним.

— Вот мы и встретились снова, майор Линкольн! — Перед Лайонелом стоял незнакомец, которого он видел на ночном политическом собрании. — Как видно, нам с вами суждено встречаться под покровом ночи.

— И чтобы Джэб Прей служил нам путеводной звездой? — заметил молодой офицер. — Вы, кажется, только что расстались с ним?

— Надеюсь, сударь, — нахмурившись, отвечал незнакомец, — что в здешних краях честный человек еще имеет право разговаривать с кем ему заблагорассудится, не боясь в этом признаться!

— Разумеется, сударь, я ни в какой мере не собираюсь посягать на ваше право встречаться с кем угодно, — отвечал Линкольн. — Вы давеча вспоминали наших отцов. По-видимому, моего вы знали хорошо, хотя кто вы, я не знаю.

— Пусть так и будет пока, — ответил незнакомец, — но я надеюсь, что недалек тот день, когда спадут все личины. А пока, майор Линкольн, разрешите с вами проститься.

И, не дожидаясь ответа, незнакомец повернулся к Лайонелу спиной и зашагал прочь столь поспешно, словно его ждало какое-то не терпящее отлагательства дело, а Лайонел направился в сторону Тремонт-стрит, намереваясь сообщить своим родственницам, что он собирается покинуть город.

Теперь уже у него не было сомнения в том, что слух о предстоящем перемещении войск очень быстро распространяется среди населения. На перекрестках, переговариваясь вполголоса, толпились кучки хмурых, взволнованных горожан. Проходя мимо, Лайонел услышал поразивший

его обрывок разговора: на перешейке расставлена цепь часовых, а вдоль полуострова патрулируют сторожевые лодки с военных кораблей, так что Бостон отрезан от внешнего мира. Все же еще не было заметно никаких признаков того, что горожане намерены пустить в ход оружие, хотя временами влажный весенний ветерок доносил откуда-то неясный гул каких-то невидимо совершавшихся приготовлений, и гул этот слышался явственнее, когда Лайонел приближался к стенам некоторых домов. На Тремонт-стрит все было тихо, ничто не напоминало о том волнении, которое так быстро распространилось в старой части города. Лайонел прошел к себе в комнату, не повстречав никого из домочадцев, быстро собрал все необходимое для похода и снова спустился вниз, чтобы попрощаться со своими родственницами, но внезапно замер на месте, услыхав голос миссис Лечмир, доносившийся из маленькой комнаты, где она любила отдыхать. Желая лично засвидетельствовать ей свое почтение, прежде чем покинуть дом, Лайонел приблизился к полуоткрытой двери и хотел было спросить разрешение войти, но прирос к месту, увидав Эбигейл Прей, весьма взволнованно беседующую о чем-то с хозяйкой дома.

— Старик? Бедно одетый, говорите вы? — спрашивала миссис Лечмир.

— Да! И притом похоже, что он знает решительно все! — прервала ее Эбигейл, с выражением суеверного ужаса оглядываясь по сторонам.

— Все! — как эхо отозвалась миссис Лечмир, у которой тоже дрожали губы, и, по-видимому, не столько от преклонного возраста, сколько от страха. — Так вы говорите, что он приехал вместе с майором Линкольном?

— На том же самом корабле. И, верно, так уж было угодно небу: пришел и в наказание за мои великие прегрешения поселился в нашем убогом жилище!

— Но почему вы должны терпеть его присутствие, если оно вам докучает? — спросила миссис Лечмир. — Ведь в своем доме вы хозяйка!

— Богу было угодно, чтобы моим жилищем стал старый склад, который служит пристанищем всякому, кто настолько беден и бездомен, что приходит туда. Этот человек имеет такое же право поселиться в пустом складе, как и я.

— Нет, вы поселились там раньше, и к тому же вы

женщина. Я бы вышвырнула его на улицу, как собаку! — заявила миссис Лечмир с той непреклонной суровостью, которая, как уже не раз замечал Лайонел, была весьма ей присуща.

— На улицу! — повторила Эбигейл и снова в непонятном страхе оглянулась назад. — Христом богом заклинаю вас, миссис Лечмир, говорите тише... Я и взглянуть ему в глаза не смею... У него такой жгучий взгляд... сразу вспоминается все былое и все зло, что я сотворила... А почему — и сама не знаю... Да и Джэб просто молится на него, и, если я только обижу старика, тот, того и гляди, выпытает у малого все то, что мы с вами так стараемся...

— Что такое? — срывающимся от испуга голосом прервала ее миссис Лечмир. — Неужто вы позволили себе такую низость и разболтали все этому дурачку?

— Этот дурачок — мое единственное, дорогое моему сердцу дитя, — произнесла Эбигейл, с мольбой простирая к ней руки. — Ах, миссис Лечмир, вы богатая, знатная дама, вы счастливица! У вас красивая, умная внучка, откуда вам знать, каково иметь такого сына, как Джэб, и так любить его, как я! Но когда что-то гнетет тебя и камнем лежит на сердце, как не переложить часть своей ноши на плечи другого? А Джэб — мое родное дитя, хоть он и дурачок.

Наступила пауза. Миссис Лечмир, казалось, онемела и не в силах была вымолвить ни слова, а Лайонел, сделав над собой немалое усилие, призвал на помощь всю свою выдержку, повернулся и перестал прислушиваться к разговору, который явно не предназначался для его ушей. Вернувшись в гостиную, он бросился на кушетку и только тут заметил, что и за ним наблюдают.

— Что это? Майор Линкольн уже возвратился домой со своей пирушки да к тому же вооружен до зубов, словно какой-нибудь разбойник с большой дороги! — раздался задорный голосок Сесилии Дайнвор из противоположного угла комнаты.

Лайонел вздрогнул. Потирая лоб, словно пробуждаясь от сна, он промолвил:

— Да, разбойник, разбойник! Я заслуживаю любого наименования, какое вам угодно будет мне дать...

— Я уверена, — сказала Сесилия, бледнея, — что никто, кроме вас, не посмеет отозваться о майоре Линкольне столь дурно, а вы явно к нему несправедливы!

— Я, кажется, сказал какую-то глупость, мисс Дайнвор! — воскликнул Лайонел, очнувшись от своих дум. — Мои мысли были далеко, и хотя я и слышал ваши слова, но не уловил их смысла.

— Но тем не менее вы вооружены. Шпага не так уж часто украшает вашу персону, а сегодня вы к тому же запаслись еще и пистолетами.

— Да, да, — отвечал Лайонел, снимая с себя все эти грозные орудия и откладывая в сторону. — Я намерен отправиться добровольцем с отрядом, который сегодня выступит из города ночью, и прихватил с собой все это, потому что хочу придать себе воинственный вид, хотя вы знаете мой мирный нрав.

— Выступить в поход... ночью! — воскликнула Сесилия. Она побледнела и закусила губу. — И Лайонел Линкольн решил добровольно присоединиться к войскам?

— Лишь для того, чтобы оказаться свидетелем возможных событий... Цель этого похода пока еще столь же мало известна мне, как и вам.

— В таком случае, оставайтесь здесь, — сказала Сесилия твердо. — и не принимайте участия в деле, цель которого может быть мерзкой, а результат — позорным.

— Цели, каковы бы они ни были, мне неизвестны, но мое отсутствие или присутствие ни в коей мере не может их изменить. И я не вижу, мисс Дайнвор, какой позор может грозить тому, кто сопровождает наших гренадеров и нашу легкую пехоту, хотя бы им предстояло встретиться с отборными войсками, втрое превосходящими их численностью.

— Значит, наш друг Меркурий — эта пушинка в образе мужчины, именуемая капитаном Полуортом, — находится тоже в числе этих ночных грабителей? — проговорила Агнеса Денфорт, входя в комнату. — Храни господь наши курятники!

— Так ты уже слышала эту новость, Агнеса?

— Я слышала, что солдат поставили под ружье, что сторожевые лодки так и шныряют вокруг города и отдан приказ, согласно которому мы, американцы, лишены уже права покидать Бостон или, наоборот, проникать в него, как и когда нам это заблагорассудится, — сказала Агнеса, стараясь насмешкой замаскировать свой гнев и досаду. — Одному богу известно, к чему может привести подобный произвол.

— Если вы собираетесь отправиться в этот поход просто из любопытства, чтобы полюбоваться бесчинством солдат, — снова заговорила Сесилия, — то, мне кажется, вы поступаете неправильно. Ведь вы одним своим присутствием как бы одобряете его.

— У меня нет еще пока оснований ожидать каких-либо бесчинств.

— Ты забываешь, Сесилия, — презрительно заметила Агнеса Денфорт, — что майор Линкольн прибыл сюда уже после знаменитого похода из Роксбери в Дорчестер. Тогда английские войска пожинали свои лавры при ярком свете солнца, но нетрудно себе представить, насколько величественней будут выглядеть их победы, когда ночной мрак скроет краску стыда, проступившую на их лицах.

Красивое лицо Лайонела вспыхнуло, но он рассмеялся и встал, чтобы откланяться.

— Дорогая кузина, вы столь воинственно настроены, что вынуждаете меня отступить. Однако, если мое участие в предстоящем грабеже будет, как всегда, удачным, оно послужит на пользу вашей кладовой. Шлю вам воздушный поцелуй, ибо для того, чтобы приблизиться к вам с еще более миролюбивыми намерениями, мне, вероятно, пришлось бы отказаться от чести носить военный мундир. А вас, кузина, я прошу о перемирии.

Говоря это, он взял Сесилию за руку и повел к дверям, и девушка, словно бы в рассеянности, проследовала за ним.

— Мне бы хотелось, Лайонел, чтобы вы отказались от своего намерения, — сказала Сесилия, когда они остановились в прихожей. — Ваш воинский долг не обязывает вас к этому, а ваши чувства должны внушить вам больше сострадания к соотечественникам.

— Именно эти чувства и заставляют меня отправиться туда, Сесилия, — отвечал Лайонел. — У меня есть на то причины, которых я не могу вам открыть.

— И долго вы пробудете в отсутствии?

— Пока не достигну своей цели, — ответил Лайонел и, нежно пожав ее руку, добавил: — Но не сомневайтесь, что я не замедлю вернуться при первой же возможности.

— В таком случае, отправляйтесь, — сказала Сесилия, поспешно и, по-видимому, бессознательно высвобождая свою руку. — Отправляйтесь, если у вас есть на то

тайные причины. Но помните: любой поступок офицера вашего чина будет замечен.

— Неужели вы не доверяете мне, Сесилия?

— Нет, нет... Я ни к кому не испытываю недоверия, майор Линкольн... Отправляйтесь... и... и... я надеюсь, что мы увидим вас, как только вы возвратитесь.

Лайонел не успел ответить ни слова: девушка поспешно ускользнула обратно в комнаты, и он увидел только, что она не вернулась в гостиную к кузине; грациозная фигурка легко, бесшумно, словно сказочное видение, промелькнула по лестнице и скрылась из глаз.

Глава IX

Знамена выстави на стенах, Сейтон,
Опять кричат: «Идут!»

Шекспир, «Макбет»

Покинув дом миссис Лечмир, Лайонел направился в сторону Бикон-Хилла и, лишь взобравшись по крутому склону почти до половины холма, очнулся от задумчивости и вспомнил, по какой причине бродит он здесь один в столь неурочный час. Но ни единый звук не оповещал о том, что батальоны готовятся выступить, и Лайонел невольно поддался овладевшему им стремлению остаться наедине со своими мыслями и продолжал подниматься по холму, пока не достиг вершины. Здесь он остановился, стараясь проникнуть взором в окружающий мрак, а сладкие предчувствия и грезы уступили место мыслям о неотложных житейских делах. Из города доносился приглушенный шум: в окнах домов то тут, то там вспыхивали огоньки, а по улицам порой скользил свет факелов, и Лайонел подумал, что населению уже стало известно о готовящемся походе. Повернувшись в сторону плаца, Лайонел долго, тревожно прислушивался, но все было напрасно: оттуда не доносилось ни звука, ничто не говорило о том, что там идут какие-то необычные приготовления. Полуостров утопал во мраке: полукруглый амфитеатр холмов с глубокими ложбинами и море были невидимы. Временами Лайонелу казалось, что с противоположного берега до него доносятся какие-то голоса, что там

тоже уже узнали о военных приготовлениях англичан, но, сколько ни напрягал он слух, ему не удалось различить ничего, кроме тихого мычания скота на лугу да плеска весел сторожевых лодок, патрулировавших вокруг полуострова. Впрочем, количество этих лодок само по себе указывало на то, какие меры предосторожности оказалось необходимым принять.

Лайонел стоял у края небольшой утрамбованной площадки на вершине холма, раздумывая о том, к каким последствиям может привести задуманный генералом план, и в эту минуту слабый луч света пробежал по траве, скользнул вверх по стене маяка и заиграл на ней, разгораясь все ярче.

— Негодяй! — воскликнул кто-то, выскакивая из укрытия у подножия маяка и бросаясь к Лайонелу. — Как ты осмелился зажечь маяк!

— Я бы спросил вас, как вы осмеливаетесь обращаться ко мне с такой грубой бранью, если бы мне не была ясна причина вашего заблуждения, — ответил Лайонел.— Это же свет луны, только что поднявшейся над морем.

— И в самом деле, — ответил тот. — А сначала я прямо готов был поклясться, что зажгли маяк.

— Как видно, вы верите, что в этой стране много разного колдовства и чертовщины. Ну как, если не с помощью черной магии, мог бы я зажечь маяк на таком расстоянии?

— Почем я знаю! Странный тут народ вокруг... Вот на днях украли пушку из арсенала. Всякий бы сказал: быть того не может, а вот украли. Как раз перед вашим прибытием, сударь. Я ведь вас узнал: вы майор Линкольн из сорок седьмого полка.

— На этот раз вы гораздо ближе к истине, чем в первом своем предположении, — сказал Лайонел. — Я, кажется, имею честь разговаривать с одним из офицеров нашего полка?

Незнакомец объяснил, что он прапорщик другого полка, но знает Лайонела. Он присовокупил, что ему приказано наблюдать, чтобы никто из жителей не вздумал зажечь маяк или с помощью каких-либо других сигналов оповестить о предстоящем выступлении.

— Как видно, дело принимает более серьезный оборот, чем я предполагал, — сказал Лайонел, выслушав объяснения молодого офицера. — Должно быть, главнокоман-

дующий задумал что-то, что нам неизвестно, если уж дошло до того, что офицера ставят в караул, как простого солдата.

— Мы, прапорщики, весьма мало осведомлены о его планах, а проникнуть в них стремимся и того меньше! — воскликнул его собеседник. — Впрочем, должен признаться, мне просто невдомек, почему английские войска должны действовать под покровом ночи против кучки сельских ханжей, которые бросились бы наутек от одного вида наших мундиров при свете солнца. Будь моя воля, я разжег бы этот маяк так, чтобы пламя поднималось вверх на целую милю. Пусть-ка сюда явятся герои с берегов Коннектикута... Да эти собаки поползут на животе перед двумя ротами гренадеров... Ага! Вы слышите, сударь, вот они идут — гордость нашей армии! Я узнаю их твердый шаг.

Лайонел прислушался и тоже ясно различил четкий шаг большого военного отряда, направлявшегося, по-видимому, в сторону моря. Поспешно попрощавшись с молодым офицером, Лайонел спустился с холма и, направившись в ту сторону, откуда доносился топот марширующих ног, достиг берега одновременно с войсками. Уже издали он увидел два неподвижных темных пятна — две войсковые колонны. Когда он подошел ближе, его опытный взгляд сразу отметил, что на площади выстроилось никак не меньше тысячи солдат. Небольшая группа офицеров стояла у самой воды, и Лайонел направился туда, справедливо предположив, что офицеры окружили командира. Лайонел увидел подполковника, командира 10-го полка, он разговаривал с майором морской пехоты, с тем самым, о котором упоминал солдат, стоявший в карауле перед губернаторским дворцом. Лайонел обратился к подполковнику с просьбой разрешить ему сопровождать один из батальонов в качестве добровольца. Подполковник задал ему несколько вопросов, и разрешение было дано. Оба собеседника при этом тщательно избегали малейшего намека на секретную цель похода.

После этого Лайонел разыскал своего конюха, которому было приказано следовать с лошадьми за войсками, и, дав ему необходимые распоряжения, отправился на поиски Полуорта. Он довольно быстро обнаружил его: капитан стоял перед своей ротой в голове колонны легкой пехоты. Место, где они находились, и черневшие у берега лодки говорили яснее всяких слов, что войска покинут полуост-

ров не по суше, а посему оставалось только терпеливо ждать, когда будет отдан приказ грузиться в лодки. Ожидать пришлось недолго, а так как посадка производилась в образцовом порядке, то вскоре все солдаты уже находились в лодках, которые начали медленно удаляться от берега как раз в ту минуту, когда лучи луны, игравшие среди холмов и серебрившие шпили городских колоколен, озарили своим мягким светом залив и оживление, царившее на берегу, словно кто-то поднял театральный занавес перед началом увлекательной мелодрамы. Полуорт устроился рядом с Лайонелом и с наслаждением дал отдых своим усталым членам, а когда лодки медленно заскользили в полосе лунного света, красота ночи и разлитые вокруг мир и покой развеяли тяжелые предчувствия, невольно зародившиеся в его душе при мысли о предстоящих военных действиях и связанных с ними тяготах.

— Бывают минуты, когда я завидую морякам, — сказал Полуорт, лениво привалившись к борту и бороздя воду рукой. — Плавать в лодках не такая уж тяжелая работа, а свежий воздух, вероятно, весьма способствует пищеварению. Морской пехоте вольготно живется, как я погляжу!

— Говорят, они жалуются, что флотские офицеры посягают на их права, — заметил Лайонел. — И я сам не раз слышал, как они сетуют, что им месяцами бывает негде поразмять ноги.

— Ха! — воскликнул Полуорт. — На мой взгляд, ноги — наименее необходимая часть человеческого тела. Я часто думаю, что при сотворении его была допущена прискорбная ошибка. Вот, к примеру, и без ног можно быть очень хорошим лодочником... И хорошим скрипачом можно быть без всякого участия ног, и превосходным портным, и стряпчим, и врачом, и священником, и вполне сносным поваром, словом — чем угодно, за исключением танцмейстера. Какой, собственно, смысл иметь ноги? Разве только для того, чтобы было где угнездиться подагре... И во всяком случае, нога длиной в двенадцать дюймов ничуть не хуже ноги длиной в милю, и все эти излишки превосходно могли бы быть использованы для более благородных частей человеческого тела — таких, как, например, мозг или желудок.

— А что же будут делать офицеры легкой пехоты — ты забыл о них, — сказал Лайонел, рассмеявшись.

— Ну, им можно накинуть два-три дюйма, хотя, так как все в этом мире оценивается лишь путем сравнения, то, в сущности, и это не имеет никакого значения. По моей системе человек без ног так же годится для легкой пехоты, как и с ногами. Это только в значительной мере избавило бы его от весьма докучных маневров и прежде всего — от этих новых упражнений. Вот тогда это была бы поистине восхитительная военная служба, Лео! Осталась бы только вся поэтическая, так сказать, ее сторона, вот как сейчас. Чего бы еще, кажется, телу или душе пожелать? А к чему, позволь тебя спросить, нужны нам сейчас ноги? В лодке от них одна помеха и ничего больше. К нашим услугам мягкий свет луны и еще более мягкое сиденье... Эта морская гладь, бодрящий воздух... Вон там раскинулась прекрасная земля, и, хотя она плохо видна нам сейчас, мы знаем, что она плодородна, богата и изобильна... А там — живописный город, где для нас припасено много заморских специй... Гляди, даже эти бестии рядовые в алых мундирах, со сверкающими карабинами в руках, кажутся не такими уж грозными в нежном сиянии луны!.. Видел ли ты мисс Денфорт, когда заходил на Тремонт-стрит?

— Да, я имел это удовольствие.

— Она уже была осведомлена о предстоящих военных операциях?

— Настроена она была необычайно воинственно.

— Упоминала ли она о легкой пехоте или о ком-либо, кто в ней служит?

— Твое имя безусловно было упомянуто, — довольно сухо ответил Лайонел. — Она намекнула, что курятникам угрожает теперь немалая опасность.

— Ах, в мире нет ей подобных! Самые ядовитые ее замечания — самая сладкая музыка для моих ушей. Нет, для изготовления ее нрава не пожалели острых приправ! Ах, если бы она была сейчас здесь... Пять минут при лунном свете для истинно влюбленного стоят палящего солнца целого лета... Вот было бы ловко, если бы можно было увлечь ее в один из наших живописных походов! Ваш покорный слуга привык брать все штурмом — как крепости, так и женщин! Где сейчас твои соратники — твои артиллеристы и драгуны, твои саперы и штабные офицеры? Храпят себе в ночных колпаках все до единого, в то время как мы здесь наслаждаемся лучшим из десер-

тов жизни — восхитительной ночью... Ах, я жажду услышать пение соловья!

— Ты слышишь крик одинокого козодоя? Он словно жалуется на наше приближение.

— Эти звуки слишком печальны и слишком монотонны. Слушать их все равно что питаться целый месяц одной свининой. Но почему молчат наши флейтисты?

— Музыка выболтала бы все наши тайны, и предосторожности целого дня оказались бы напрасными, — сказал Лайонел. — Твой пыл берет верх над твоим благоразумием. Неужто предстоящий нам утомительный переход со всеми его тяготами еще не остудил твою кровь?

— Какие еще тяготы! — воскликнул Полуорт. — Мы ведь просто займем позицию возле колледжей, чтобы обеспечить доставку продовольствия... Ты на минуточку вообрази себе, Лео, что в солдатских ранцах — книги да грифельные доски и все мы направляемся в школу, и ты сразу снова почувствуешь себя мальчишкой... Ловко я придумал, а?

После того как Полуорт приятно и удобно расположился в лодке и опасения, которые внушала ему мысль о ночном марше, рассеялись, в настроении его произошла поистине внезапная и разительная перемена, и он продолжал благодушно разглагольствовать на описанный выше манер до тех пор, пока лодки не причалили к пустынному мысу в западной части полуострова. Здесь отряд высадился и построился со всей возможной быстротой. Рота Полуорта опять была поставлена во главе колонны легкой пехоты, один из штабных офицеров выехал вперед на коне, и отряд получил приказ следовать за ним. Лайонел велел своему конюху идти позади вместе с лошадьми, а сам снова стал рядом с капитаном, и по команде все двинулись вперед.

— Ну, теперь — под сень Гарварда! — сказал Полуорт, указывая на скромное здание университета. — Вам предстоит в эту ночь наслаждаться пищей духовной, пока я займусь приготовлением чего-нибудь более су... Эй! Да этот квартирмейстер ослеп! Куда это он нас ведет? Не видит он, что ли, — луг весь залит водой!

— Живее, живее, не отставать от легкой пехоты! — раздался суровый голос старого майора, ехавшего позади верхом. — Кто это здесь боится воды?

— Мы не водяные крысы! — проворчал Полуорт.

Лайонел ухватил его за руку, и растерявшийся капитан не успел опомниться, как очутился по колени в болотной тине.

— Смотри, как бы твои увлечения не вынудили тебя подать в отставку, — сказал Лайонел бредущему по воде Полуорту. — Теперь тебе, по крайней мере, будет о чем порассказать, когда вернешься из похода.

— Ах, Лео! — с шутливой грустью отвечал капитан. — Боюсь, что нам не придется посвятить себя служению музам при свете этой волшебной луны!

— Можешь не сомневаться. Видишь: крыша этого храма науки остается слева, а нас выводят на большую дорогу.

Тем временем они уже покинули залитые водой луга и выбрались на дорогу, с каждым шагом уводившую их все дальше от моря.

— Ты бы лучше позвал своего конюха и сел в седло, — угрюмо сказал Полуорт. — Тут, я вижу, надо поберечь силы.

— Сейчас это было бы безумием: я промок до костей и, если не хочу отправиться на тот свет, должен идти пешком.

Настроение Полуорта снова испортилось, и разговор оборвался. Офицеры молча шагали вперед, лишь изредка перебрасываясь отрывочными замечаниями, когда в этом возникала необходимость. Вскоре стало ясно, что идти придется довольно долго, и притом форсированным маршем: об этом свидетельствовало как направление пути, так и скорость, с которой двигался возглавлявший колонну офицер. Впрочем, становилось прохладно, и даже Полуорт был как будто не прочь слегка подогреть кровь таким несколько необычным для него способом. Колонны шли нестроевым шагом — требовалось только не выходить из рядов и не отставать, в остальном каждый был предоставлен самому себе. Продвигались быстро и почти в полном молчании, ибо все уже начинали понимать серьезность положения.

Вначале местность, по которой они проходили, казалась погруженной в сон, но мало-помалу топот марширующих ног и лай собак начали привлекать разбуженных фермеров к окнам, и они в немом изумлении смотрели на проходящие мимо в лунном сиянии войска. Лайонел вглядывался в удивленные лица, мелькавшие в окнах

одного из разбуженных среди ночи домов, как вдруг где-то вдали загремели глухие удары церковного колокола, и над долиной, по которой проходили войска, раскатились тревожные звуки набата. Все настороженно прислушивались к ним, но никто не замедлил шага, и тут внезапно вокруг затрещали ружейные выстрелы, эхом повторяясь в холмах, одинокому колоколу ответили другие — и близко и так далеко, что звон их сливался с шорохами ночи. Теперь уже кругом стоял, все нарастая, невероятный шум: казалось, все, что могло звенеть, стучать, греметь, все, что, удесятерив свою изобретательность, мог употребить фермер, призывая своих соседей к оружию, было пущено в ход. Трубили трубы, пели рожки, трещали мушкеты, звонили на все голоса колокола, на вершинах холмов запылали костры, и, наконец, послышался дробный топот копыт: казалось, всадники бешеным галопом проносятся где-то в темноте по обеим сторонам движущихся колонн.

— Вперед, вперед! — прозвучал среди всего этого шума голос майора морской пехоты. — Янки не спят, они зашевелились, а наш путь еще далек... Вперед, легкая пехота! Гренадеры следуют за нами!

Авангард ускорил шаг, и батальон устремился к своей неведомой цели со всей быстротой, какую он мог себе позволить, не нарушая строя. Так отряд маршировал несколько часов без передышки, и Лайонел пришел к заключению, что они продвинулись в глубь страны лишь на десять миль. Шум поднятой тревоги постепенно отодвинулся куда-то вперед — так далеко, что самый тонкий слух уже не улавливал больше ни звука, но бешеный топот копыт по-прежнему продолжал раздаваться с двух сторон, указывая на то, что кто-то спешит узким проселком к месту предполагаемой схватки. Наконец, когда обманчивый свет луны померк в живительных лучах утренней зари, прозвучала, пробежав от хвоста колонны к голове, желанная команда «стой».

— Стой! — с таким усердием заревел Полуорт, что голос его прокатился по всем рядам. — Привал, пока не подтянется арьергард! Если я хоть что-нибудь смыслю в этом деле, то они должны были отстать от нас по меньшей мере на несколько миль! Нашим предкам следовало бы дать нам в наследство крылья, чтобы мы могли лететь так, сломя голову, целую ночь! Ну, следующий приказ будет — нарушить этот великий пост... Том, ты прихватил с собой

кое-какую снедь, которую я прислал от майора Линкольна?

— Да, сударь, — отвечал Том. — Весь провиант навьючен на лошадей майора, они там, в арьергарде...

— Там, в арьергарде? Ах ты, болван! Там, в арьергарде, когда закуска требуется нам здесь, в авангарде! Как ты думаешь, Лео, не попытаться ли нам перекусить слегка вон на той ферме?

— Попытайся-ка лучше встать с этого камня, на котором ты так удобно расселся, и прикажи своим солдатам равняться. Вон видишь, Питкерн выводит вперед свой батальон.

Не успел Лайонел произнести эти слова, как раздался приказ: легкой пехоте осмотреть ружья, а гренадерам — заряжать. Появление впереди колонны старого майора морской пехоты заставило Полуорта воздержаться от дальнейших сетований; впрочем, ему уже было не до того, так как надо было спешить с исполнением приказа, а Полуорт, когда, по его собственному выражению, «дело доходило до дела», был, что ни говори, отличным офицером.

Три-четыре роты легкой пехоты получили приказ отделиться от колонны и построиться походным порядком, и командир морской пехоты, выехав вперед, приказал им следовать за ним.

Дорога спускалась теперь в долину, в глубине которой в предрассветном сумраке смутно белели домики небольшого селения, разбросанные вокруг скромной, но красивой церковки, какие часто можно видеть в Массачусетсе. Остановка и последовавшие за ней военные приготовления заставили насторожиться солдат, и они торопливо шагали за командиром, ехавшим впереди легкой рысью. Утро вступало в свои права, воздух потеплел, и глаз уже начал различать окружающие предметы. Солдаты оживились, быстрый шаг взбодрил их: ночью во мраке этот переход по неизвестной дороге к неведомой цели представлялся им нескончаемым, теперь же цель казалась близкой и достижимой, и они в суровом молчании устремлялись к ней. Церквушка и окружавшие ее скромные домики уже стали совсем отчетливо видны, когда несколько вооруженных всадников выехали из бокового проселка на дорогу перед самой колонной с явным намерением помешать ее продвижению.

— Проезжайте! — крикнул штабной офицер, ехавший впереди колонны. — Проезжайте, очистите дорогу!

Всадники повернули коней и галопом поскакали прочь. Один из них выстрелил в воздух, как видно желая поднять тревогу. По рядам был негромко передан приказ прибавить шагу, и через несколько минут колонна приблизилась к селению, и церквушка, стоявшая посреди небольшой зеленой лужайки, открылась вся как на ладони. С лужайки доносилась дробь барабана, по ней бежали какие-то люди и присоединялись к выстроившемуся там отряду.

— Вперед, легкая пехота! — крикнул старик майор, пришпоривая своего коня и пуская его такой доброй рысью, что через мгновение и он и сопровождавшие его штабные скрылись за углом церкви.

Лайонел шагал вперед со стесненным сердцем, воображение уже рисовало ему страшную картину, когда до его ушей снова долетел резкий голос майора морской пехоты:

— Разойдись! Эй вы, бунтовщики, вам говорят: разойдись! Бросьте оружие и очистьте площадь!

И тотчас вслед за этими чреватыми столькими последствиями словами затрещали пистолетные выстрелы и прозвучал роковой приказ: «Огонь!» Солдаты с громким криком ринулись на лужайку, и прогремел залп.

— Боже милостивый! — воскликнул Лайонел. — Что вы делаете? Вы стреляете в ни в чем не повинных людей! Это же беззаконие, грубое насилие! Не давай им стрелять в людей, Полуорт! Прекрати эту пальбу!

— Стой! — заорал Полуорт, размахивая шпагой и врезаясь в гущу своих солдат. — Стоять смирно, или я вас самих уложу на месте!

Но расходившихся солдат не так-то легко было унять, когда часами нараставшее напряжение и давно нараставшая вражда между местным населением и английскими войсками прорвались наружу. Лишь после того, как сам Питкерн подскакал к солдатам и с помощью своих офицеров начал пригибать их ружья к земле, был восстановлен какой-то порядок.

Однако их противники, прежде чем разбежаться, успели дать несколько выстрелов, не причинивших англичанам, впрочем, никакого урона.

Когда пальба окончательно утихла, солдаты и офице-

ры минуту смотрели друг на друга в растерянности, словно уже предчувствуя, к каким грозным событиям приведет случившееся. Дым медленно поднимался над лужайкой и, сливаясь с утренним туманом, полз над селением, словно вестник того, что настал роковой час — оружие было пущено в ход. А затем все взоры с испугом обратились к гибельной лужайке, и у Лайонела защемило сердце, когда он увидел раненых, которые в муках корчились на земле, и среди них — пять или шесть распростертых тел, страшных своей мертвой неподвижностью. Отвернувшись от этого тягостного зрелища, Лайонел зашагал прочь, в то время как арьергард, встревоженный звуками выстрелов, уже спешил к товарищам на выручку. Погруженный в свои думы, Лайонел незаметно для себя приблизился к церкви и был немало поражен, когда из нее вдруг вышел Джэб Прей, чье лицо выражало гнев, к которому примешивался испуг. Один из смертельно раненных успел подползти к ступенькам храма, где, вероятно, он не раз возносил молитвы тому, перед кем предстал теперь до своего срока, и, указывая на труп, дурачок торжественно произнес:

— Вы убили божье создание, и бог вам этого не простит!

— Если бы убит был только он! — сказал Лайонел. — Но нами убиты многие, и еще неизвестно, когда кончится эта бойня.

— Так вы думаете, — сказал Джэб, украдкой озираясь вокруг, словно боясь, что их кто-то подслушает, — вы думаете, что король может убивать людей в нашей колонии так же, как он убивает их в Лондоне? В Фанеле не станут молчать — об этом весь Бостон узнает.

— А что, друг мой, могут они сделать? — сказал Лайонел, забывая на минуту, что его собеседник обделен разумом. — Разве в состоянии эти разрозненные, необученные кучки колонистов противостоять мощи Англии? Благоразумие должно подсказать народу, что следует воздержаться от всякого сопротивления, пока не поздно.

— А король думает, что у лондонцев больше ума, чем у бостонцев? — сказал дурачок. — Если одна резня сошла с рук, зря он думает, что и эта пройдет даром... Вы убили божье создание, — повторил он, — и бог вам этого не простит!

— Да как ты попал сюда? — внезапно опомнившись,

— Стой! Стоять смирно, или я вас самих уложу на месте!

спросил Лайонел. — Ты же сказал мне, что отправляешься за рыбой для своей матери.

— Ну и что же, что сказал? — угрюмо возразил Джэб. — Разве рыба водится только в заливе, а в прудах ее уже нет и разве старой Нэб не может захотеться озерной рыбки? Джэб еще не слыхал о том, чтобы парламент запретил ловить форель в ручьях.

— Напрасно ты думаешь меня провести! Кто-то, зная, что ты дурачок, пользуется твоей простотой и дает тебе поручения, за которые ты когда-нибудь поплатишься жизнью.

— Король не может дать Джэбу поручений, — с важностью заявил дурачок. — Нет такого закона, и Джэб не станет слушаться короля.

— Твои рассуждения погубят тебя, глупый!.. Кто это обучил тебя тонкостям закона?

— По-вашему, бостонцы такой тупой народ, что им не по разуму понять законы? — с непритворным удивлением спросил Джэб. — А вот Ральф... Он знает законы не хуже самого короля... Ральф сказал мне, что это против закона — стрелять в наших людей, если только они не стреляли первыми, — ведь колонисты имеют право обучаться военному делу, когда только им вздумается.

— Ральф! — воскликнул пораженный Лайонел. — Разве Ральф здесь? Но это невозможно! Я вчера навещал его, он был совсем болен... К тому же не станет он в его годы впутываться в подобные дела.

— Ральф-то, верно, видел в своей жизни войско и посильнее, чем эта ваша легкая пехота вместе с гренадерами и со всем гарнизоном, который остался в городе, — уклончиво ответил Джэб.

Лайонел был слишком благороден по натуре, чтобы, пользуясь простотой своего собеседника, выведывать у него секретные сведения, которые могли грозить тому лишением свободы. Но благополучие этого юноши, с которым его свела судьба, искренне заботило его, и поэтому он продолжал свои расспросы, стремясь, с одной стороны, предостеречь Джэба от опасных знакомств и с другой — узнать, не случилось ли чего-нибудь с Ральфом. Однако Джэб на все его вопросы отвечал очень сдержанно и осторожно: как видно, природа, не наделив его умом, в изрядной мере наградила вместо того хитростью.

— Да говорят же тебе, — теряя наконец терпение,

сказал Лайонел, — что мне необходимо увидеться с человеком, которого ты называешь Ральфом, и я должен знать, не находится ли он где-нибудь поблизости.

— Ральф никогда не обманет, — отвечал Джэб. — Ступайте туда, где он обещал встретиться с вами, — посмотрите, он придет.

— Но мы не условились о месте... а этот злосчастный случай может внушить ему опасения или напугать...

— «Напугать»! — повторил Джэб и торжественно покачал головой. — Вам никогда не напугать Ральфа!

— Но его отвага может навлечь на него беду. Послушай, приятель, в последний раз спрашиваю тебя, был ли...

Но Джэб только сжался весь, насупившись и опустив голову, и Лайонел умолк. Оглянувшись, он увидел капитана гренадеров, который стоял, скрестив руки на груди, и безмолвно глядел на убитого американца.

— Ради всего святого, объясните мне, майор Линкольн, — сказал капитан, заметив, что за ним наблюдают, — почему погиб этот человек?

— Разве вы не видите раны у него в груди?

— Да, конечно, этот человек был застрелен, это так же очевидно, как и возмутительно, но почему, с какой целью?

— Этот вопрос, капитан Макфьюз, вам следует задать нашим командирам, — ответил Лайонел. — Впрочем, говорят, что цель нашего похода — захватить склады провианта и арсеналы, которые, как опасаются, колонисты создали с враждебными нам намерениями.

— Я, по моему скромному разумению, полагал, что перед нами стоит благородная задача! — сказал Макфьюз с выражением величайшего презрения. — Майор Линкольн, хотя вы еще молодой офицер, однако принадлежите

к штабу, и поэтому вам, вероятно, известны намерения Геджа: не хочет ли он воевать с безоружным противником? Теперь, когда после долгого затишья блеснула наконец надежда, что мы будем участвовать в деле, нам приказывают уничтожить то, без чего война становится невозможной.

— Не знаю, правильно ли я понял вас, сэр, — сказал Лайонел, — но, конечно, мы не покроем славой наши знамена, воюя с безоружными и не обученными военному искусству жителями этой страны.

— Именно это я и имел в виду, сэр. Очевидно, мы без излишних околичностей хорошо понимаем друг друга. Эти американцы неплохо постигают военную науку, и если бы мы оставили их в покое еще на два-три месяца, то после этого с ними уже можно было бы вести честную войну. Вы не хуже меня знаете, майор Линкольн, сколько времени требуется на то, чтобы обучить толкового солдата, а навязывая им войну в такой спешке, мы прославим себя не больше, чем если бы нас послали сгонять скот вон с тех холмов. Благоразумный командующий дал бы хорошенько разгореться этому пламени, вместо того чтобы сразу принимать столь крутые меры. На мой взгляд, сэр, этот распростертый перед нами на земле человек пал не в честном бою, а был зверски убит!

— К сожалению, есть все основания опасаться, что ваше мнение будут разделять многие, — отвечал Лайонел. — Как знать, быть может, нам еще не раз придется пожалеть о смерти этого бедняги!

— Ну, о нем-то можно только сказать, что с ним произошло то, что должно было произойти и чего ему уже никогда не придется испытать снова, — холодно сказал капитан. — Для него самого смерть не такое уж большое несчастье, каким она может обернуться для нас. Если бы эти «мгновенные» — а это, как видно, очень справедливая кличка: ведь они не продержались и минуты, — если бы, повторяю, они стояли у вас на пути, сэр, вы могли бы прогнать их с этой лужайки просто шомполами.

— Здесь есть один человек, который скажет вам, что с ними все же нельзя обращаться как с детьми, — промолвил Лайонел, оборачиваясь к Джэбу Прею.

Однако, к немалому его удивлению, Джэб исчез. Пока Лайонел озирался вокруг, удивляясь, куда мог столь внезапно скрыться этот малый, барабаны забили сигнал

«строиться», и все пришло в движение — отряд готовился двинуться дальше. Майор и капитан поспешили присоединиться к батальонам; они шли, раздумывая о только что происшедших событиях, но придерживались противоположной точки зрения на них.

Во время короткого привала была на скорую руку приготовлена и роздана пища. Если в первую минуту после неожиданной стычки с противником офицеры были ошеломлены, то теперь они испытывали несколько преувеличенную, принимая во внимание обстоятельства, гордость. И на многих лицах был уже написан военный азарт, когда, блистая оружием, с развевающимися знаменами, под веселую музыку барабанов и труб, они зашагали, горделиво и четко отбивая шаг, и, покинув место своей роковой стоянки, снова вышли на большую дорогу. Если первая стычка с неприятелем произвела подобное впечатление на кичившихся своей выдержкой офицеров, то ее воздействие на наемных солдат было еще более явным и еще более пагубным. Проходя мимо случайных жертв своего воинственного рвения, они окидывали их вызывающим взглядом и отпускали грубые шутки; почти на всех лицах были написаны свирепая радость и наглое торжество, и становилось ясно, что, отведав крови, они теперь, подобно диким зверям, готовы упиваться ею до полного пресыщения.

Глава X

Был клан Нэзерби тоже тревогой объят,
Вмиг конных и пеших собрался отряд,
И мчалась погоня по Кэнноби Ли.

В. Скотт, «Мармион»

Отряд покидал Лексингтон — так называлось селение, где произошли вышеописанные события, — в приподнятом настроении, маршируя словно на параде, но опьянение боем тут же уступило место более трезвому и деловому стремлению поскорее выполнить стоявшую перед ними задачу. Уже ни для кого не было тайной, что им предстояло отмерить еще миль девять в глубь страны и уничтожить не раз упоминавшиеся выше склады, расположенные, как теперь тоже стало известно, возле Конкорда,

города, где заседал провинциальный конгресс — новое законодательное собрание, созванное колонистами взамен прежних. Так как продвигаться дальше тайком было теперь уже невозможно, приходилось спешить, чтобы поход мог увенчаться успехом. Старый вояка, командир морской пехоты, тоже уже не раз упоминавшийся в нашем повествовании, снова занял свое место впереди; легкая пехота по-прежнему шла в голове колонны, за нею — гренадеры. Полуорт, таким образом, опять оказался среди тех, от кого — вернее, от проворства чьих ног — зависело столь многое. Когда Лайонел присоединился к своему приятелю, он увидел, что тот с чрезвычайной серьезностью шагает впереди своих солдат, и невольно отдал ему дань уважения, подумав, что на сей раз капитан сокрушается о событиях, куда более значительных, нежели грозившие его органам пищеварения. Войско снова двигалось, разомкнув ряды, чтобы было просторнее шагать и легче дышалось, так как жаркие лучи солнца уже рассеяли утренний туман и теплое дыхание американской весны начинало оказывать на солдат свое обычное расслабляющее действие.

— Слишком поспешили они с этой стрельбой, майор Линкольн, — сказал Полуорт, когда Лайонел занял свое уже ставшее привычным место рядом с ним и зашагал в ногу. — Сдается мне, нет такого закона — убивать человека, как скотину.

— Значит, ты тоже согласен со мной, что наше нападение на них было слишком поспешным, если не сказать — бесчеловечным?

— Поспешным? Да тут двух мнений быть не может! Следует сказать, что поспешность — главная отличительная черта всего этого похода, и, конечно, все то, что портит аппетит честным людям, может быть названо бесчеловечным. Мне, Лео, за сегодняшним завтраком кусок не шел в глотку. Нужно иметь аппетит гиены и желудок страуса, чтобы есть и спокойно переваривать пищу, когда у тебя перед глазами такие дела, как то, что мы там натворили.

— Однако солдаты очень довольны собой.

— Они делали только то, что им приказано. Но ты видел, какие угрюмые лица у колонистов. Мы должны всеми возможными средствами загладить свою вину.

— А может быть, они отвергнут наши соболезнования

и извинения и предпочтут найти удовлетворение в том, чтобы отомстить нам?

Полуорт презрительно улыбнулся, и даже его тяжелая поступь стала как будто бы более упругой, когда он горделиво ответил:

— Это была скверная история, майор Линкольн, позорная, если хочешь, история, однако поверь тому, кто хорошо знает здешний народ: никто не решится мстить нам из-за угла, ну, а чтобы отыграться в открытом бою — это им просто не по силам. Я, майор Линкольн, два года провел в глубине страны — в трехстах милях от населенных мест, — продолжал Полуорт, не поворачивая головы и не сводя пристального взгляда с уходившей вдаль дороги, — и я знаю страну, знаю, чем она располагает. Так вот, должен тебе сообщить, что в ее пределах не сыщется ни одного сколько-нибудь пригодного в пищу предмета — будь то колибри или бизон, артишок или арбуз, — которого мне не пришлось бы в свое время отведать, и поэтому я могу с уверенностью сказать и скажу, не колеблясь, что колонисты никогда не полезут в драку. Даже если бы им захотелось воевать, у них нет для этого необходимых средств.

— А может быть, вы, сударь, слишком большое внимание уделяли животным, населяющим эту страну, и это помешало вам постичь дух населяющего ее народа? — довольно резко возразил Лайонел.

— Одно тесно связано с другим: скажи мне, какой пищей питается тот или иной человек, и я скажу тебе, какая у него натура. Люди, которые сначала едят пудинг, а потом мясо, как эти колонисты, не могут быть хорошими солдатами, потому что они притупляют свой аппетит еще до того, как полноценная мясная пища попадает в...

— Избавь меня, прошу, от дальнейших подробностей! — прервал его Линкольн. — Уже более чем достаточно было сказано для того, чтобы доказать превосходство европейцев над американцами, и твои рассуждения убедили меня окончательно.

— Парламент должен сделать что-то для семей погибших.

— Парламент! — с горечью повторил Лайонел. — Да, конечно, нас призовут вынести резолюцию, в которой будут восхваляться решительность нашего полководца и отвага солдат. А затем, когда мы в сознании своего вообра-

жаемого превосходства нагромоздим на причиненное нами зло еще целую кучу всевозможных оскорблений и обид, тогда, возможно, в знак нашей щедрости мы великодушно проголосуем, чтобы вдовам и сиротам выдали несколько жалких грошей.

— Прокормить шесть-семь выводков молодых янки — это не такой уж пустяк, майор Линкольн, — возразил Полуорт, — и надеюсь, что на этом вся эта прискорбная история и закончится. Сейчас мы направляемся в Конкорд, где нас ждет благодатный отдых под сенью крыш и припасы, собранные по приказу их доморощенного парламента. Вот какая мысль поддерживает меня, не то я давно свалился бы с ног от усталости в этой сумасшедшей гонке, которую устроил нам старик Питкерн — он, никак, вообразил себя на охоте, а нас принимает за свору гончих!

Высказанное капитаном мнение о трусости американцев не удивило Лайонела — ему уже не раз приходилось слышать подобного рода высказывания, — но высокомерно-пренебрежительный и непререкаемый тон и оскорбительность суждений Полуорта о его соотечественниках задели его своей несправедливостью, и он продолжал путь в молчании; да и капитан вскоре утратил свою говорливость — усталость его сморила.

Бесконечные учения, на которые столь часто жаловался капитан, теперь сослужили им всем неплохую службу. Нетрудно было заметить, что тревога охватила весь край, и на вершинах холмов по обе стороны дороги то и дело появлялись кучки вооруженных людей; впрочем, ни единой попытки отомстить за убитых в Лексингтоне сделано не было. И английские войска продвигались форсированным маршем только из опасения, что колонисты могут перевести свои склады куда-нибудь в другое место, после чего разыскать их будет невозможно. Но чтобы американцы осмелились преградить дорогу отборным частям английской армии — такая мысль никому не приходила в голову. Солдаты уже зубоскалили по поводу слабого сопротивления, оказанного американцами в утренней перестрелке, и говорили, что, верно, потому и называют их «мгновенными», что они так проворно бросаются наутек. Словом, самая отборная брань и грубые насмешки, на какие только способно невежество в соединении с заносчивостью, щедро изливались на головы колонистов, проявив-

ших кротость и выдержку в тяжелый час испытаний. Вот каким было настроение батальонов, пока впереди наконец не показались скромная колокольня и кровли Конкорда. Небольшой отряд колонистов отступил и скрылся при появлении англичан, и они, не встретив ни малейшего сопротивления, вошли в городок, словно победители. Лайонел, перекинувшись несколькими словами кое с кем из оставшихся на месте жителей, вскоре убедился, что, хотя весть об их приближении уже достигла городка, однако о происшедших утром событиях тут еще ничего не известно. В различных направлениях были немедленно разосланы дозоры легкой пехоты: одни отправились на розыски амуниции и провианта, другие — охранять подступы к городку. А один взвод устремился по следам отступившего из города отряда американцев и расположился невдалеке на мосту, через который проходила дорога на север.

Тем временем оставшиеся в городе солдаты начали почти повсюду свою разрушительную работу под непосредственным наблюдением майора морской пехоты. Те немногие мужчины-колонисты, которые не покинули городка, не могли, конечно, оказать сопротивление, но по их горящим глазам и пылающим щекам Лайонел без труда угадывал, какое возмущение кипит в душах этих людей, привыкших чувствовать себя под защитой закона и ставших теперь жертвами военного произвола. Все двери были распахнуты настежь — солдаты грубо шарили повсюду, не считаясь ни с чем и ни с кем. Поначалу обыски производились более или менее благопристойно и с соблюдением порядка, но вскоре уже послышались брань и насмешки, и даже офицеры испускали торжествующие крики, когда из кладовой какого-нибудь колониста извлекались его скудные запасы. Уважение к праву собственности было позабыто, и солдаты настолько распоясались, что их бесчинство начало принимать угрожающие размеры, но в эту минуту со стороны моста, где расположился взвод легкой пехоты, донеслась стрельба.

Сначала раздалось несколько беспорядочных выстрелов, затем загремел ружейный залп, и тотчас в ответ ему — другой, и вот уже, нарастая, завязалась жаркая перестрелка. Услышав ее, находившиеся в городе английские солдаты и офицеры застыли на месте, онемев от удивления. Старшие офицеры начали поспешно совещать-

ся, ординарцы поскакали во весь опор выяснить причину стычки.

Майору Линкольну, благодаря его чину, вскоре стало известно то, что почли неблагоразумным сообщать всему отряду. Хотя принесшие эту весть всячески выгораживали своих, Лайонел довольно быстро обнаружил, что произошло следующее. Американцы, покинувшие город при появлении англичан, сделали попытку вернуться домой, но с моста по ним открыли огонь. Завязалась перестрелка, в результате которой английские солдаты вынуждены были отступить, понеся значительные потери.

Этот внезапный и решительный отпор со стороны колонистов произвел весьма основательную перемену как в настроении, так и в поведении англичан. Барабаны забили тревогу, и впервые за время похода все — как солдаты, так и офицеры — неожиданно вспомнили, что им еще предстоит десять миль обратного пути среди враждебного им населения. Однако неприятеля по-прежнему не было видно, если не считать тех жителей Конкорда, которые уже пролили кровь захватчиков, посягнувших на их домашние очаги. Убитые, а также раненые солдаты были оставлены на милость доведенных до исступления американцев, и кое-кто увидел дурное предзнаменование в том, что их участь разделил и один молодой прапорщик — юноша из богатой семьи. Растерянность офицеров передалась солдатам, и Лайонел стал свидетелем того, как самодовольная и наглая уверенность, с которой их отряд входил в Конкорд, уступила место сознанию опасности, подстерегающей их на предстоящем им долгом пути. Когда был дан приказ выступать, многие уже со страхом поглядывали на вершины холмов.

И опасения их были не напрасны. Едва отряд тронулся в путь, как из-за стоявшего на окраине городка амбара загремел ружейный залп. За первым залпом последовал второй, потом третий, и вскоре стреляли уже со всех сторон — из каждого дома, из-за каждого угла. Поначалу эта беспорядочная стрельба не особенно пугала солдат. Быстрый и дружный ответный залп мгновенно рассеивал неприятеля, после чего англичане в течение некоторого времени продолжали совершенно беспрепятственно продвигаться вперед. Однако прозвучавший ночью набат собрал людей из самых отдаленных селений, и теперь, узнав, что произошло, они торопились

оказать помощь своим соотечественникам. У американцев не было порядка, они действовали без всякого плана, но каждый отряд, прибыв на место, сразу принимался обстреливать неприятеля или делал отчаянные, хотя и безуспешные попытки остановить его продвижение вперед. И, в то время как отряды из селений, расположенных за Конкордом, наседали на англичан с тыла, впереди, разрастаясь, как снежный ком, собирались всё новые отряды, и на полпути между Конкордом и Лексингтоном Лайонелу стало ясно, что хваленая английская рать попала в трудное положение. Вначале, пока нападения колонистов были еще беспорядочными, а залпы — редкими, Лайонел шел рядом с Макфьюзом, который только презрительно покачивал головой всякий раз, как у него над ухом свистела пуля, и не уставал твердить, что так, с бухты-барахты, начинать войну — непростительная глупость, а вот если бы к ней хорошенько подготовиться, то, по его мнению, могло бы получиться что-нибудь красивое и увлекательное.

— Вы заметили, майор Линкольн, — прибавил он, — что колонисты обладают некоторыми начатками знаний в области военного искусства? Эти мерзавцы стреляют на редкость метко, если принять во внимание расстояние, так что полгода, ну, самое большее год хорошей муштры было бы вполне достаточно, чтобы сделать из них более или менее достойного противника. Они не так-то плохо действуют своими мушкетами, а если бы их обучили стрелять повзводно, то эти мальчики уже и сейчас могли бы задать жару нашей легкой пехоте, а еще через год-два с ними, пожалуй, не погнушались бы сразиться и наши гренадеры.

Лайонел рассеянно слушал эти разглагольствования. По мере того как перестрелки становились все жарче, воинская гордость заговорила в нем, молодая кровь сильнее заиграла в жилах, и наконец, возбужденный шумом битвы и все возраставшей опасностью, он вскочил в седло, подскакал к командиру отряда с предложением своих услуг и тотчас получил приказ повести солдат в наступление. Тогда, пришпорив коня, он устремился туда, где отстреливался от противника усталый и измученный авангард. Здесь несколько рот усердно расчищали путь для всего отряда, а всё новые и новые враги вырастали перед ними через каждые сто — двести шагов. Как раз в ту ми-

нуту, когда Лайонел вырвался вперед, из ближайшего сарая открыли жестокую стрельбу по передним рядам, и смертоносный свинец полетел в самую их гущу.

— Возьмите роту, капитан Полуорт! — закричал старик майор морской пехоты, стойко сражавшийся в авангарде, — и выбейте этих негодяев из их укрытия!

— Клянусь сладостным отдыхом и упоительной надеждой на привал, вон подходит еще одно племя этих белых дикарей! — воскликнул несчастный капитан. — Берегитесь, ребята! Стреляйте по этой изгороди слева! Не давайте пощады мерзавцам! Заставьте их замолчать! Проткните их насквозь! — Выкрикивая эти кровожадные приказы и не менее кровожадные угрозы, к которым вынуждали нашего миролюбивого капитана обстоятельства, Полуорт бросился во двор фермы и исчез там в клубах дыма, впереди своих солдат.

Через несколько минут, когда отряд начал взбираться на холм, на вершине которого стояла ферма, Полуорт появился снова. Лицо его было совсем черно от порохового дыма, а над домом злосчастного фермера взвились языки пламени. Скоро на месте дома тлела груда развалин.

— Майор Линкольн! — закричал, направляясь к Лайонелу, капитан. — Вы, может быть, скажете, что это называется наступательными действиями легкой пехоты? А по-моему, это больше похоже на пытки грешников в аду!.. Вы человек с влиянием, а главное — с лошадью, так поезжайте к Смиту и скажите ему: если он отдаст приказ сделать привал, я берусь с одной моей ротой засесть в любом месте, которое будет ему по вкусу, и отбивать атаки неприятеля в течение часа, чтобы солдаты могли спокойно отдохнуть и подкрепиться, при условии, конечно, что после этого нашему заслону будут предоставлены возможность и время совершить ту же самую операцию. Маршировать всю ночь напролет на пустой желудок, а затем еще целый день под палящим солнцем... милю за милей... да еще стрелять, стрелять без передышки... это же противно организму человека и всем законам природы и никому не под силу!

Лайонелу удалось подбодрить приятеля, после чего, обратившись к его солдатам, он сказал им несколько слов, чтобы поднять их боевой дух. Солдаты тоже приободрились и веселее зашагали вперед — к новым стычкам с врагом. Англичане пустили в ход штыки, и американцам

волей-неволей приходилось отступать под их натиском. Когда авангард продвинулся дальше, Лайонел обернулся поглядеть, что происходит в арьергарде. Уже два часа кряду почти без передышки они прокладывали себе путь с боем, но было совершенно очевидно, что с каждой минутой неприятель смелеет все больше и силы его возрастают. Со всех сторон — с каждого дерева, с каждой лесной опушки, из каждого фруктового сада, из любого дома или с открытой лужайки, из каждого амбара или из-под навеса — в них летели пули, а воинственные крики англичан становились все слабее и в них слышалось все меньше воодушевления. Тяжелые клубы дыма, мешаясь с пылью, поднятой сапогами солдат, плыли над долиной, скрывая из глаз происходящее, но временами, когда порыв ветра развевал эту пелену, Лайонелу бросались в глаза беспокойство и растерянность английских солдат, которые то, воодушевившись, бросались на врага и отбрасывали его, то уклонялись от стычки с плохо скрытым желанием обратиться в бегство. Сколь ни был молод майор Линкольн, однако даже он понимал, что только отсутствие согласованности в действиях американских отрядов спасает английские батальоны от полного уничтожения. Американцы наседали всё с большей и большей яростью; уже нередко перестрелки переходили в кровавую рукопашную, но дисциплина еще помогала английским солдатам держаться, и тут Лайонел с облегчением, которого он не пытался скрыть, услышал где-то впереди громкие крики, и по рядам пролетела весть, что пыль, заклубившаяся вдали, означает, что к ним на выручку спешит — и весьма своевременно — бригада с наследником герцога Нортумберлендского во главе.

Когда оба английских отряда соединились и артиллерия бригады открыла огонь по американцам, те отступили, и все, кто так нуждался в отдыхе, получили небольшую передышку. Полуорт бросился на землю, Лайонел соскочил с коня, и весь авангард последовал их примеру: усталые, измученные жарой солдаты лежали, тяжело дыша, словно стадо загнанных оленей, которым удалось сбить гончих со следа.

— У меня простые привычки, и я неповинен в этом кровопролитии, — заявил капитан. — Я, майор Линкольн, считаю, что этот переход — недостойное испытание сил, отпущенных человеку природой. За два часа мне при-

шлось отмахать по меньшей мере пятнадцать миль в дыму, в пыли, под дикие вопли, стоны и прочие адские звуки, от которых, ручаюсь, лучший английский рысак собьется с аллюра, да притом еще порой дышать таким жаром, что, будь у меня вместо носа яйцо, оно сварилось бы вкрутую за две с четвертью минуты.

— Вы преувеличиваете расстояние: если верить этим придорожным камням, мы прошли всего шесть миль.

— «Камням»! — перебил Лайонела Полуорт. — Эти камни лгут. Мои ноги отмечают расстояние в милях, в футах и даже, если хотите, в дюймах куда точнее того, что нацарапано там на камне.

— Не будем пререкаться по-пустому, — сказал Лайонел. — Я вижу, начались приготовления к обеду, а нам дорога каждая минута — нужно во что бы то ни стало достичь Бостона до наступления ночи.

— Обед... Бостон... до ночи... — медленно повторил Полуорт, приподнявшись на локте и дико озираясь по сторонам. — Ну, я полагаю, что здесь не найдется ни одного сумасшедшего, который решился бы тронуться с места раньше, чем через неделю: не менее половины этого срока потребуется на то, чтобы поглотить подкрепление, необходимое для восстановления наших сил, а остальное время уйдет на то, чтобы вернуть себе нормальный аппетит.

— Однако таков приказ графа Перси. И при этом я узнал от него, что мятеж охватил всю область, лежащую перед нами.

— Так они же все преспокойно спали в своих постелях прошлую ночь, и могу поклясться, что каждый из этих животных съел на завтрак свои полфунта свинины вместе с соответствующим гарниром, прежде чем шагнуть утром за порог. Ну, а с нами-то дело обстоит совсем по-другому. И две тысячи английских солдат должны продвигаться неспешно, дабы не уронить своего достоинства и тем не посрамить армию его величества короля. Нет, нет, не поверю — храбрый Перси слишком чтит свой знатный род и славное имя, чтобы нестись куда-то сломя голову, точно улепетывая перед толпой этих простолюдинов.

Тем не менее Лайонел оказался прав. После короткого привала, во время которого солдаты едва успели наскоро утолить голод, барабаны снова подали сигнал «строиться», и Полуорт волей-неволей вынужден был подняться вместе

со всеми на ноги, чтобы не попасться в руки разъяренным американцам. Пока батальоны отдыхали, пушки подошедшего подкрепления держали неприятеля на расстоянии, но, как только пушки были поставлены на передки и солдаты построились походным порядком, атаки американцев возобновились с удвоенной силой. Англичане вне себя от бешенства начали грабить и поджигать дома, попадавшиеся им на пути, и это еще больше разжигало ярость американцев, так что вскоре на обоих флангах отряда завязались такие жаркие стычки, каких еще не было за весь день.

— Черт побери, почему наш граф Перси не построит нас боевым порядком и не даст этим янки настоящее сражение! — ворчал Полуорт, снова шагая в авангарде. — В полчаса все было бы кончено, и каждый из нас испытал бы полное удовольствие, либо став победителем, либо тихо и мирно отправившись к праотцам.

— Мало кто из нас останется в живых к утру, если мы предоставим американцам целую ночь для сбора своих сил, и даже остановка хотя бы на один час сразу лишит нас всех преимуществ, — заметил Лайонел. — Утешься, друг мой, сейчас тебе представится возможность навсегда утвердить за собой славу грозного воина: видишь, вон там, на вершине холма, появился еще один отряд колонистов, который, конечно, не позволит тебе долго пребывать в бездействии.

Кинув на Лайонела взгляд, исполненный отчаяния, Полуорт пробормотал:

— В бездействии! Видит бог, вот уже скоро сутки, как ни один сустав, мускул или хрящ в моем теле не находится в бездействии! — И, повернувшись к своим солдатам, капитан крикнул таким бодрым, зычным голосом, словно он сделал над собой последнее решительное усилие, прежде чем отважно броситься в предстоящую схватку: — Разгоните этих собак, мои храбрецы! Развейте их, как гнусную мошкару, как комаров, чтобы они не вились вокруг! Не жалейте для них ни свинца, ни стали!

— Вперед! Вперед! — закричал майор морской пехоты, заметив колебание в передних рядах.

Среди нарастающего шума снова послышался голос Полуорта, и кучки американцев начали понемногу отступать перед натиском англичан.

— Вперед! Вперед! — вырвалось из сотен глоток сре-

ди клубов дыма и пыли, обволакивавших склон холма, на котором происходила схватка.

Так, непрерывно сражаясь, измученные многомильным переходом, солдаты продолжали медленно продвигаться вперед, и их сапоги оставляли кровавый след в пыли дорог. Усталые солдаты тяжело брели, оглушаемые беспрестанным грохотом перестрелки, и Лайонел, оглядываясь назад, на север, с замиранием сердца видел бесчисленные алые пятна мундиров там, где среди полей и лугов полегли его товарищи по оружию. А во время коротких передышек он успел обдумать, чем именно противники так отличались друг от друга. Всякий раз, когда англичанам удавалось атаковать противника по всем правилам, в них сразу возрождался боевой дух, и они, оглашая воздух громкими криками, бросались в бой с тем мужеством, которое может воспитать только воинская дисциплина, а их противники отступали перед их натиском в угрюмом молчании, ни на минуту не переставая отстреливаться с такой меткостью, которая делала их ружья опасными вдвойне. Колонна англичан продвигалась вперед с авангардными боями, и арьергард проходил местами только что разыгравшихся боев; солдаты видели тех, кто пал жертвой этих коротких, но жестоких схваток, однако вынуждены были оставаться глухими к воплям и мольбам раненых, которые с искаженными страданьем и страхом лицами беспомощно следили за появлявшимися перед ними и исчезавшими вдали товарищами. Американцы же, залитые кровью многочисленных ран, следили за проходящими мимо войсками исполненным гнева взором и, казалось, были нечувствительны к своим страданиям.

Лайонел, натянув поводья, приостановил коня возле одного безжизненно распростертого на земле тела. Седые волосы, впалые щеки и высохшие члены убитого безмолвно свидетельствовали о том, что сразившая его пуля лишь на самый краткий срок опередила неотвратимую судьбу. Старик лежал на спине, и его остекленевший взор даже после смерти выражал справедливый гнев, пылавший в его груди, пока он не испустил последний вздох, а его окостеневшая рука все еще сжимала такое же старое, как он сам, кремневое ружье, с которым он вышел на поле боя, чтобы сражаться за свою страну.

— Чем же может окончиться распря, если на поле брани выходят даже такие дряхлые старцы! — воскликнул

Лайонел, заметив чью-то тень, упавшую на лицо мертвеца. — Когда перестанет литься этот поток крови и сколько еще жертв он унесет с собой!

Не получив ответа, он поднял глаза и увидел, что, сам того не зная, задал этот роковой вопрос именно тому человеку, чьи поспешные и необдуманные действия развязали войну. Майор морской пехоты, остановив коня, с минуту молча смотрел на старика, и взгляд его, казалось, был так же неподвижен и пуст, как взгляд мертвеца; затем, словно очнувшись, он пришпорил коня и, взмахнув шпагой, исчез в густом дыму, скрывавшем из глаз батальон гренадеров, откуда тотчас раздалась его команда:

— Вперед! Вперед, не отставать!

Майор Линкольн не спеша последовал за ним. Сцена, которой он был свидетелем, все еще стояла у него перед глазами. К своему удивлению, он увидел Полуорта, сидевшего на придорожном камне и тусклым безжизненным взором провожавшего проходивших мимо солдат. Осадив коня, Лайонел осведомился у своего приятеля, не ранили ли его.

— Нет, только растопили, — ответил капитан. — Сегодня, майор Линкольн, я превзошел возможную предельную скорость пешего передвижения человека и больше уже ни на что не гожусь. Если в дорогой моему сердцу Англии тебе доведется повстречать кого-нибудь из моих друзей, скажи им, что я встретил смерть, как подобает солдату, стойко — в смысле неподвижно, — невзирая на то, что я уже совершенно растопился, как снег в апреле, и, того и гляди, растекусь сотней ручейков.

— Боже великий! Не собираешься ли ты оставаться здесь, чтобы тебя убили колонисты? Ты разве не видишь — они окружили нас со всех сторон!

— Я сейчас готовлю речь для первого янки, который приблизится ко мне. Если это будет порядочный человек, он изойдет слезами при виде моих страданий... А если это будет свирепый дикарь, наследникам не придется тратиться на мои похороны.

Лайонел хотел было продолжить свои увещевания, но в это мгновение он увидел, что почти рядом с ним между фланговыми частями англичан и отрядом американцев завязалась яростная схватка. Повернув коня, он перемахнул через ограду и поспешил на помощь. Его отвага воодушевила солдат, и это решило исход стычки в их пользу.

В пылу боя Лайонел значительно отдалился от дороги и неожиданно оказался совсем один в коварном соседстве с небольшой рощей. Он услышал торопливые слова команды: «Уложите этого офицера!» — и только тут понял, какая опасность ему грозит. Невольно припав к шее коня, он уже ждал роковой пули, но в это мгновение среди американцев раздался другой голос, от которого каждая жилка затрепетала в его теле:

— Пощадите его! Ради всего святого, пощадите его!

Молодой офицер был так потрясен, что оглянулся, придержав коня, и увидел Ральфа: отчаянно размахивая руками, старик бежал по опушке рощи, из которой выскочило десятка два американцев. Хватаясь за их мушкеты, он старался отвести нацеленные на Лайонела дула. Его мольбы о пощаде производили жуткое, почти сверхъестественное впечатление... Лайонел был в таком смятении, что на секунду ему почудилось, будто он уже окружен и взят в плен, но тут из рощи вышел юноша с длинноствольным ружьем, приблизился к нему и, схватив под уздцы его коня, сказал горячо:

— Кровь, пролитая в этот день, навсегда останется в памяти. Но, если майор Линкольн спустится сейчас прямо вниз с холма, по нему не будут стрелять — побоятся подстрелить Джэба... А когда Джэб выстрелит, он снимет с ограды этого гренадера, который лезет сейчас через нее, и в Фанел-Холле никто его за это не осудит.

Лайонел не раздумывал больше и повернул коня. Когда он галопом спускался с пологого холма, за спиной у него раздавались крики американцев, и он услышал, что Джэб выстрелил из своего ружья, как и пообещал, совсем в другую сторону. Достигнув сравнительно безопасного места, он увидел, что Питкерн соскочил со своего раненого коня и двинулся дальше пешком: ехать верхом становилось слишком опасным — колонисты подступали все ближе и атаки их становились все яростнее. Вскоре и Лайонел, как ни любил своего коня, вынужден был последовать примеру Питкерна — слишком опасно было внимание, которое он к себе привлекал. С глубокой печалью поглядел он вслед благородному животному, которое, волоча поводья, бежало по полю и фыркало, вдыхая пороховой дым, а затем присоединился к пехотинцам и всячески старался поддерживать их дух на протяжении всего остального весьма нелегкого пути.

Когда вдали показались колокольни Бостона, стычки приняли особенно ожесточенный характер. Усталые солдаты ощутили прилив сил, повеселели, к ним вернулся их воинственный дух и бравый вид, и они с новым воодушевлением стали пробиваться вперед, отражая атаки неприятеля. Американцы же, сознавая, по-видимому, что последняя возможность отмщения стремительно ускользает от них, все, как один, — безусые юнцы и седобородые старцы, здоровые и раненые — плотным кольцом окружили тех, кто посягал на их свободу, и каждый, казалось, стремился нанести им на прощанье последний удар. Даже мирные служители божьи вышли на поле брани в тот достопамятный день и, презирая опасность, встали вместе со своими прихожанами на защиту того дела, отстаивать которое повелевал им их священный долг.

Солнце уже клонилось к закату, а положение английских войск становилось все более отчаянным, и Перси, отказавшись от мысли достигнуть перешейка, через который его войска столь горделиво маршировали еще утром, покидая Бостон, направил все усилия на то, чтобы добраться с остатками своего отряда до полуострова Чарлстон. Все склоны и вершины ближних холмов буквально кишели колонистами, и, когда вечерний сумрак нависнад полем битвы, американцы, замечая, как убывают силы врага и слабеет его огонь, возликовали, и в сердцах их надежда на победу превратилась в уверенность. Казалось, английский отряд был уже на краю гибели, но воинская дисциплина спасла англичан от полного разгрома и дала им возможность достичь желанного убежища, прежде чем ночь, спустившись на землю, обрекла бы их на гибель.

Лайонел стоял, прислонившись к какой-то ограде, и смотрел, как нестройные ряды недавно еще столь бравого отряда, мнившего, что ни одна из колоний не посмеет оказать ему сопротивление, медленно брели, взбираясь по крутому склону Банкер-Хилла. В глазах офицеров потух горделивый блеск, большинство из них шли понурившись, стыдясь поднять глаза, а солдаты с трудом передвигали усталые ноги и даже в этом безопасном месте продолжали опасливо поглядывать по сторонам, словно хотели еще и еще раз убедиться в том, что столь презираемые прежде колонисты не гонятся за ними по пятам.

Взвод проходил за взводом, спотыкаясь, ковыляя, еле

держась на ногах, и вдруг Лайонел увидел одинокого всадника, медленно взбиравшегося на холм в самой гуще пеших солдат. Когда всадник подъехал ближе, Лайонел, к крайнему своему изумлению и радости, узнал Полуорта. На собственном коне Лайонела Полуорт направлялся прямо к нему; на лице его были написаны полное благодушие и безмятежное довольство. Одежда капитана была разорвана во многих местах, чепрак коня и вовсе превратился в лохмотья, а запекшаяся на боках животного кровь свидетельствовала о том, что американцы не обошли всадника своим вниманием. Сей доблестный воин вскоре поведал Лайонелу все, что с ним произошло. При виде скакавшего без всадника коня в его душе возродилась любовь к жизни. Капитан не скрыл, что за поимку коня ему пришлось расплатиться часами, но, когда он водрузился в седло, никакая опасность, никакие увещевания или угрозы не могли заставить его покинуть это сиденье, показавшееся ему восхитительным после столь изнурительного пешего похода и всех превратностей и тягот, выпавших в этот злосчастный день на долю тех, кто сражался под королевскими знаменами в достопамятной битве при Лексингтоне.

Глава XI

С разрешения вашего величества,
Позволяется ли объявить число убитых?

Шекспир, «Король Генрих V»

На вершине холма, господствовавшего над перешейком, заняла позицию отборная рота, а остальная часть отряда отошла дальше, в глубь полуострова, откуда солдат начали переправлять на лодках в Бостон. Лайонел и Полуорт пересекли пролив вместе с первой партией раненых: Лайонел полагал свой долг выполненным и не видел необходимости задерживаться далее вместе с полком, а Полуорт решительно утверждал, что его телесные страдания дают ему неоспоримое право числить себя раненым или контуженым. Ни один офицер английской армии не был, пожалуй, столь мало огорчен плачевным исходом этого похода, как майор Линкольн, ибо, несмотря на его преданность королю и своей родине, он был очень чувстви-

лен ко всему, что касалось доброго имени его соотечественников, — словом, он испытывал чувства, которые не покидают тех, кто остается верен наиболее благородным и чистым побуждениям, заложенным в человеке природой. И если он сожалел о том, какой дорогой ценой пришлось заплатить его товарищам за этот урок, научивший их с уважением относиться к тем, чье терпение и незлобивость слишком долго считались малодушием, то вместе с тем не мог и не радоваться тому, что истина откроется наконец глазам стариков, а стыд навеки сомкнет уста молодых и легкомысленных насмешников. Вероятно, истинные размеры потерь, понесенных англичанами, были скрыты из политических соображений, однако даже официально сообщалось, что они равны примерно одной шестой всего отряда.

На пристани Лайонел и Полуорт расстались. Полуорт, не заставив себя упрашивать, направился на квартиру приятеля, где надеялся вознаградить себя за принудительное воздержание и все трудности прошедших суток, Лайонел же поспешил на Тремонт-стрит, дабы развеять тревогу за его судьбу, которую, как втайне льстил он себя надеждой, испытывали его молодые и прекрасные родственницы. На каждом перекрестке толпились кучки горожан, жадно внимавших рассказам о сражении; кое-кто отходил с поникшей головой, удрученный тем, что колонисты, служившие прежде мишенью для насмешек, сумели дать такой отпор угнетателям своей страны, однако большинство не без удовольствия поглядывало на разорванный и потемневший от порохового дыма мундир проходившего мимо офицера.

Когда Лайонел постучал в дверь дома миссис Лечмир, его усталость как рукой сняло, а когда дверь отворилась и он увидел Сесилию, стоявшую в прихожей, все только что пережитые опасности изгладились из его памяти — так отчетливо прочел он в каждой черточке прекрасного лица волновавшие ее чувства.

— Лайонел! — воскликнула девушка, радостно прижав руки к груди. — Лайонел! Целый и невредимый! — Она залилась краской, разрыдалась и, закрыв лицо руками, выбежала из комнаты.

Агнеса Денфорт также не скрыла своей радости при виде Лайонела и, хотя и сгорала от любопытства, не позволила себе, однако, ни единого вопроса по поводу проис-

шедших событий, пока не удостоверилась в том, что ее кузен не получил ни царапинки. Лишь после этого с выражением глубокого торжества, написанного на ее лукавом личике, она не удержалась, чтобы не заметить:

— Вашей экспедиции, майор Линкольн, были возданы должные почести. Я наблюдала из верхних окон нашего дома, какой прием добрый народ Массачусетса оказал своим гостям.

— Говоря по чести, я радовался бы сегодняшним событиям вместе с вами, если бы не боялся тяжелых последствий, — сказал Лайонел. — Ведь народ до тех пор не может быть уверен в своих правах, пока не заставит уважать себя.

— Так расскажите же мне подробнее все, что произошло, кузен Линкольн, чтобы я могла гордиться моими соотечественниками.

Линкольн в нескольких словах, но живо и беспристрастно описал ей все события истекших суток. Прелестная собеседница выслушала его с нескрываемым волнением.

— Ну, наконец-то, — воскликнула она, когда Лайонел умолк, — будет раз и навсегда покончено с язвительными насмешками, которыми вечно терзали наш слух! Но как вам известно, — слегка зарумянившись, добавила она с улыбкой, полной кокетливого лукавства, — там, на поле брани, на карту была поставлена честь моей родины против жизни моего верного рыцаря.

— О, не тревожьтесь. Ваш поклонник вернулся целехонек, тело его невредимо и страдает только душа — оттого, что вы к нему жестоки... Он с поразительной стойкостью проделал весь поход и в минуты опасности показал себя настоящим солдатом.

— Не может быть, майор Линкольн, — возразила Агнеса, смеясь и краснея еще больше. — Уж не хотите ли вы сказать, что Питер Полуорт находился на ногах от восхода до заката солнца и прошагал все сорок миль пешком?

— Он проделал это между двумя заходами солнца, и лишь ничтожный отрезок пути был им покрыт на моем коне, которого братец Джонатан заставил меня бросить, а он поймал и оседлал, невзирая на разнообразные грозившие ему при этом опасности.

— Нет, не верю! — воскликнула своенравная девушка,

в притворном изумлении всплеснув руками, однако Лайонелу показалось, что его сообщение явно пришлось ей по душе. — Подвиги капитана Полуорта превосходят всякое вероятие! Поистине нужно обладать несокрушимой верой, чтобы не усомниться в возможности подобного чуда! Впрочем, после того как кучка фермеров сумела дать отпор двум тысячам английских солдат, я уже приготовилась к тому, что мое легковерие будет и в дальнейшем подвергаться неслыханным испытаниям.

— В таком случае, мой друг появляется в благоприятный для него миг, — промолвил Лайонел, поднимаясь со стула навстречу выросшему в дверях Полуорту и собираясь последовать за Сесилией Дайнвор, впорхнувшей в соседнюю комнату. — Говорят, что легковерие — один из главнейших пороков вашего пола, а я вынужден покинуть вас как раз в ту минуту, когда вы, по-видимому, находитесь целиком во власти этой слабости, да еще в опасном обществе того, кто является предметом нашей беседы.

— Ну, капитан Полуорт, вас тут сейчас так аттестовали, что вы бы, верно, отказались от всякой надежды на повышение в чине и на военную удачу, лишь бы это услышать! — снова залившись румянцем, воскликнула Агнеса. — Впрочем, я не собираюсь удовлетворять ваше любопытство — пусть оно лучше вдохновит вас на более высокие дела, чем те, которые вы совершали за время, истекшее со дня нашей последней встречи.

— Я полагаю, что майор Линкольн отдал должное моим стараниям, — отвечал добродушный капитан, — и, надеюсь, он не преминул упомянуть о том, как я уберег от мятежников его коня.

— От кого, сэр? — нахмурившись, перебила его Агнеса. — Как изволите вы величать добрый народ Массачусетса?

— Вероятно, я должен был сказать — потревоженных обитателей этого края. Ах, мисс Агнеса, сколько страданий перенес я за этот день! Право же, ни один человек на земле так не страдал! И все ради вас...

— Ради меня! Ваши слова нуждаются в пояснении, капитан Полуорт.

— Это невозможно, — ответил капитан. — Поступки и чувства, продиктованные движением души, не нуждаются в словах. Я знаю только, что весь день страдал ради вас невыразимо, а то, что невыразимо, — то необъяснимо.

— О, я понимаю, это часто описывается в романах: изъяснение того, что нельзя изъяснить словами. Право, майор Линкольн не ошибся, сказав, что я стану жертвой своего легковерия.

— Вы клевещете на себя, прелестная Агнеса! — сказал Полуорт, стараясь изо всех сил придать себе самый жалостливый вид. — Ни легковерие, ни милосердие не свойственны вашей натуре, иначе вы бы уже давно поверили мне и сжалились надо мной.

— Но я боюсь, что сострадание в известной мере... в некотором роде... словом, что сострадание в какой-то степени является грозным признаком некоего опасного сердечного недуга, — промолвила Агнеса, потупившись и старательно изображая девичье смущение.

— Кто же посмеет это отрицать? — воскликнул капитан. — Несомненно, это самый безошибочный способ для юной девушки узнать, куда влечет ее сердце. Сотни людей находятся в неведении о движениях своего сердца до той минуты, пока сострадание не пробудится в их душе. Но к чему клонится ваш вопрос, мой прелестный мучитель? Осмелюсь ли я льстить себя надеждой, что вы наконец прониклись жалостью к моим мукам?

— Увы! Боюсь, что это именно так, капитан Полуорт, — ответила Агнеса с видом глубочайшей серьезности, сокрушенно покачивая головой.

Полуорт, окрыленный ее словами, придвинулся к проказнице ближе и даже осмелился взять ее за руку, говоря:

— Ваше столь сладостное для меня признание воскрешает мою душу... Шесть месяцев кряду, взирая на ваше хмурое чело, я чувствовал себя побитой собакой, но одним добрым словом вы пролили целительный бальзам на мои раны, и я снова стал самим собой!

— В таком случае, моя жалость испарилась! — заявила Агнеса. — За этот долгий, исполненный тревоги день я, казалось мне, достигла более преклонного возраста, чем моя почтенная двоюродная бабушка, и, когда некоторые известные мне одной мысли приходили в мою голову, мне чудилось даже, что все недуги, свойственные этому возрасту, терзают меня: и ревматизм, и подагра, и астма, и еще бесчисленное множество других, никак не приличествующих девушке, которой едва минуло девятнадцать лет. Но вы все разъяснили мне, и страхи мои развеялись — я по-

няла, что все это было лишь жалостью. Судите сами, Полуорт, что за жену приобретете вы, если когда-нибудь в припадке слабости я решусь выйти за вас замуж, — ведь я уже обзавелась половиной ваших недугов!

— Человек, мисс Денфорт, не создан для того, чтобы пребывать в постоянном движении, как маятник этих часов, да еще не испытывать при этом усталости, — отвечал чрезвычайно расстроенный Полуорт, безуспешно пытаясь скрыть свое разочарование. — Однако я тешу себя уверенностью, что во всей легкой пехоте — прошу заметить, я сказал: во всей легкой пехоте — не найдется ни одного офицера, который за двадцать четыре часа покрыл бы большее расстояние, чем тот, кто, невзирая на все перенесенные им испытания, спешил пасть к вашим ногам, прежде чем насладиться естественным отдыхом.

— Капитан Полуорт, — сказала Агнеса вставая, — если ваши слова — комплимент, то благодарю вас за него. Но, — добавила она, невольно прижав руку к сердцу и утратив напускную серьезность под наплывом более глубокого чувства, которое отразилось в ее темных глазах и осветило прелестное лицо, — тот, кто хочет пасть, как вы изволили выразиться, к моим ногам и занять место в моем сердце, не должен приходить ко мне с поля битвы, где он сражался с моими соотечественниками и помогал закабалить мою отчизну. А теперь позвольте мне, сэр, покинуть вас на несколько минут: майор Линкольн здесь у себя дома и выполнит за меня долг гостеприимства.

И, проскользнув мимо Лайонела, который в эту минуту появился в дверях, она удалилась.

— Нет, лучше уж быть выносной лошадью в упряжке почтовой кареты или скороходом, нежели влюбленным! — вскричал Полуорт. — У меня и так собачья жизнь, Лео, а эта девушка обращается со мной хуже, чем с водовозной клячей! Но боже, какие у нее глаза! От них хоть сигару прикуривай. Мое сердце уже куча пепла!.. А что терзает тебя, мой друг? За весь этот проклятый нынешний день я еще ни разу не видел тебя таким встревоженным!

— Пойдем ко мне, на мою квартиру, — прошептал Лайонел, который и в самом деле был чем-то чрезвычайно взволнован. — Пора уже привести себя в приличный вид после такого похода.

— Я уже все для этого приготовил, — сказал Полуорт,

ковыляя за своим приятелем. Однако поспевать за размашистым шагом Лайонела было не так-то просто, и лицо Полуорта то и дело искажалось разнообразными гримасами, отражавшими его страдания. — Когда мы с тобой расстались, я попросил одного приятеля одолжить мне на время его экипаж и поехал прямо к тебе на квартиру. Вслед за этим я немедленно написал малышу Джимми Крэгу и предложил ему поменяться со мной ротами, ибо с этого часа и впредь я навсегда отрекаюсь от легкой пехоты и при первой же возможности постараюсь перебраться назад в драгуны, а как только мне удастся это осуществить, майор Линкольн, я намерен вступить с тобой в переговоры о покупке у тебя лошади. После того как я вышеозначенным образом выполнил свой долг — ибо направлять свои усилия на то, чтобы уцелеть и продлить свое существование, я полагаю долгом каждого, — после этого, повторяю, я составил меню для Меритона, позаботившись о том, чтобы ничего не было упущено, а затем поспешил, так же как и ты, припасть к стопам моей возлюбленной... Ах, майор Линкольн, ты счастливый человек, тебя встречают чарующими улыбками...

— Ах, не говори мне, пожалуйста, о чарующих улыбках! — нетерпеливо прервал приятеля Лайонел. — Все женщины на один лад — капризны и непостижимы.

— Подумать только! — воскликнул Полуорт, в изумлении уставившись на своего приятеля. — Как видно, тот, кто сражался под знаменами короля, напрасно будет искать у наших дам благосклонности! Непостижимыми узами связаны здесь Купидон и Марс, любовь и война! Вот я, проведя целый день в сражении, словно какой-нибудь сарацин, турок или Чингис-хан, словом, кто угодно, только не добрый христианин, спешу сюда, исполненный самых серьезных намерений, и готов предложить мою руку, офицерский чин и имение Полуорт некой вероломной особе, а она встречает меня столь хмуро и неприветливо, словно ее держали целые сутки на хлебе и воде, и не скупится на язвительные намеки. Но какие глаза у этой девушки! И какой румянец, когда она поджарится чуть больше обычного! Так, значит, и с тобой, Лайонел, тоже обошлись, как с дворовой собакой?

— Как с дураком, каким я поистине и являюсь, — отвечал Лайонел, устремляясь вперед так поспешно, что вскоре его приятель остался далеко позади, и беседа их

В углу стоял Сет Седж; руки у него были связаны веревкой...

прервалась и не получила возможности возобновиться, пока они не добрались до своего дома.

Здесь, к немалому изумлению, они застали целое общество, встретить которое никак не предполагали. У стены за небольшим столом сидел Макфьюз и с завидным аппетитом поглощал холодные остатки позавчерашнего пира, запивая каждый кусок изрядными глотками лучшего вина из запасов хозяина.

В углу стоял Сет Седж; руки у него были связаны веревкой, один конец которой свисал до полу и мог, по-видимому, в случае необходимости служить петлей. Напротив пленника сидел Джэб и с не меньшим аппетитом, чем капитан гренадеров, уплетал подачки, которые тот бросал ему в шляпу. Меритон и слуги Седжа прислуживали за столом.

— Что тут происходит? — вскричал Лайонел, удивленно оглядываясь по сторонам. — Кто связал мистера Седжа и почему? В чем он провинился?

— О, в сущих пустяках! Он повинен всего-навсего в измене и убийстве, — отвечал Макфьюз. — Если, конечно, того, кто стреляет в человека с твердым намерением его убить, можно назвать убийцей...

— Нет, нельзя, — произнес Сет Седж, отрываясь от молчаливого созерцания пола и поднимая глаза. — Для того чтобы совершить убийство, человек должен убивать злонамеренно...

— Вы послушайте, как этот негодяй разбирается в тонкостях закона, словно он верховный судья королевства! — прервал Седжа капитан гренадеров. — А какое же еще другое злонамерение было у тебя, мерзавец ты этакий, как не убить меня! Вот за это самое тебя и будут судить и повесят, помяни мое слово.

— Вряд ли найдутся присяжные, которые признают меня виновным в убийстве неубитого человека, — сказал Сет Седж. — Во всем Массачусетсе не сыщется таких присяжных.

— «Во всем Массачусетсе»!.. Ах ты, убийца, разбойник и бунтовщик! — вскричал капитан. — Ты у меня отправишься в Англию! Ты у меня отправишься в Англию, где и будешь повешен. Я заберу тебя с собой в Ирландию, черт побери, и сам, собственноручно, вздерну там и похороню зимой в болоте...

— Но в чем он провинился? — спросил Лайонел. — Почему угрожаете вы ему столь страшными карами?

— Этот негодяй был там!..

— Где — там?

— Да там! Черт побери, сэр, разве весь край не гудел, словно потревоженный улей? Неужто у вас такая короткая память, майор Линкольн, что вы уже позабыли, как эти бродяги преследовали нас по горам и по долам без отдыху и сроку?

— И что же, мистер Седж оказался в рядах наших неприятелей?

— Да! И я видел собственными глазами, как он три раза в течение трех минут прицеливался мне прямо в грудь и спускал курок! — отвечал разгневанный капитан. — И кто, как не он, сломал эфес моей шпаги? И разве этот разбойник не всадил мне в плечо добрый кусок свинца, который он величает дробинкой?

— Закон не позволяет называть человека разбойником, когда у вас нет на то доказательств, — сказал Джэб. — А входить в город и выходить из него, когда кому вздумается, это законом не запрещено.

— Вы слышите, что говорят эти мерзавцы! Они знают все статьи закона не хуже, а пожалуй, еще лучше, чем я! А ведь мой отец судья графства Корк! Я подозреваю, что ты тоже был с этими бунтовщиками и тоже заслуживаешь виселицы, как этот твой досточтимый сообщник.

— Что я слышу! — воскликнул Лайонел, поспешно отворачиваясь от Джэба из опасения, как бы дурачок не сболтнул чего-нибудь, что могло бы его погубить. — Неужто вы не только примкнули к бунтовщикам, мистер Седж, но даже покушались на жизнь человека, которого не раз принимали как гостя под своим кровом?

— Мне думается, — сказал Седж, — что, чем меньше я буду говорить, тем лучше — ведь будущее никому не ведомо.

— Вы слышите, как хитрит этот негодяй! Он не может сознаться в своих преступлениях как честный человек — духу не хватает, — перебил Макфьюз. — Но я избавлю его от этой неприятной необходимости... Мне, майор Линкольн, признаться, порядком надоело, что в меня с самого утра палили из огнестрельного оружия, словно в какого-нибудь хищного зверя, и я решил должным образом отблагодарить за это джентльменов, засевших в холмах, и,

воспользовавшись поворотом дороги, зашел со своими солдатами в тыл отряда этих дикарей. Так этот вот господин трижды стрелял в меня, прежде чем мы приблизились, пустили в ход штыки и прикончили их всех, кроме него. Физиономия этого мерзавца показалась мне уж очень подходящей для виселицы, и я решил прихватить его с собой скуки ради и вздернуть при первой удобной возможности.

— Если так, то мы должны передать его в руки властей, — сказал Лайонел, с улыбкой выслушав сбивчивый рассказ рассерженного капитана. — Пока еще никому не известно, как решат поступать с пленными, захваченными в этом весьма необычном бою.

— Я не стал бы обращать внимания на подобные пустяки, — сказал Макфьюз, — но этот негодяй со своим дробовиком вздумал охотиться на меня, словно на дикого зверя, — так ведь и норовил пристрелить, словно бешеную собаку! Как же ты, мерзавец этакий, хочешь называться человеком, а сам целишься в ближнего своего, словно в какую-нибудь скотину!

— Что ж, — угрюмо сказал Седж, — если человек вышел сражаться, так уж нужно целиться лучше, чтобы не тратить попусту ни времени, ни пороху.

— Так, значит, вы признаете предъявленные вам обвинения? — спросил Лайонел.

— Майор — человек рассудительный и справедливый, и ему я готов объяснить все толком, — сказал Сет Седж, как будто решившись нарушить обет молчания. — У меня, понимаете ли, было сегодня утром небольшое дельце в Конкорде...

— В Конкорде! — воскликнул Лайонел.

— Да, в Конкорде, — подтвердил Седж с крайне невинным видом, — это городок милях этак в двадцати...

— Провались ты со своим Конкордом и со своими милями! — не выдержал Полуорт. — Да разве есть теперь во всей армии хоть один человек, который мог бы забыть это проклятое место! Говори о деле, а не растолковывай нам расстояние — мы измерили его ногами.

— К чему так горячиться и спешить, капитан! — неторопливо произнес пленник. — Так вот, я был в Конкорде, а потом вместе с тамошними моими знакомыми отправился за город. А когда мы решили вернуться и подошли к мосту, примерно так в миле от города, то стоявшие там

королевские солдаты оказали нам довольно-таки грубый прием...

— Что же они сделали?

— Они всячески нам угрожали, стреляли в нас и убили двоих. Кое-кому из нас это, знаете ли, не понравилось, и произошла небольшая свалка, однако через несколько минут закон восторжествовал.

— Закон?!

— Разумеется... Я полагаю, майор не может не признать, что это настоящее беззаконие — стрелять в мирных граждан на проезжей дороге!

— Хорошо, продолжайте. Что было дальше?

— Да вот, пожалуй, и все, — осторожно проговорил Сет Седж. — Народ принял все это, да и то, что случилось в Лексингтоне, близко к сердцу, и остальное, наверно, уже известно майору.

— Да какое все это имеет отношение к тому, что ты пытался меня убить, лицемерная ты скотина? — спросил Макфьюз. — Признавайся в своем преступлении, разбойник, чтобы я мог повесить тебя с чистой совестью.

— Довольно, — сказал Лайонел. — Признания, сделанного этим человеком, вполне достаточно, чтобы мы могли передать его в руки властей... Мы отошлем его в казармы как захваченного сегодня в плен.

— Я надеюсь, что майор приглядит за моим домом, — сказал Сет Седж, который не мешкая направился было к двери, но приостановился на пороге. — Я буду считать майора ответственным за порчу моего имущества.

— Ваша собственность будет охраняться, и думаю, что вашей жизни также ничто не угрожает, — ответил Лайонел, махнув рукой солдатам, чтобы они увели пленного.

Сет повернулся и покинул свое жилище с тем спокойствием, какое отличало все его поведение, и только искры, вспыхивавшие в его быстрых темных глазах, казались отблесками еще не угасшего пламени. Несмотря на разоблачение, грозившее ему тяжкой карой, он покинул дом с твердым убеждением, что если его будут судить в соответствии с теми принципами справедливости, в которые верил каждый житель колонии, то и его и его товарищей признают ни в чем не повинными перед законом.

Во время этого не совсем обычного разговора Полуорт, всего лишь раз в него вмешавшийся, был поглощен приготовлениями к ужину.

Когда Сет Седж и сопровождавшие его солдаты покинули дом, Лайонел бросил украдкой взгляд на Джэба, с самым спокойным и безмятежным, казалось, видом наблюдавшего за происходящим, и тут же обратился к своим гостям, боясь, как бы дурачок в простоте душевной не выдал своего участия в событиях истекшего дня.

Однако все добрые намерения майора разбились о недомыслие дурачка, который тут же без всякого страха заявил:

— Король не может повесить Сета Седжа. Он стрелял только в ответ, а солдаты стреляли в него первые.

— Быть может, и ты тоже, мудрый царь Соломон, был там? — вскричал Макфьюз. — Быть может, и ты развлекался в Конкорде в небольшой, но избранной компании головорезов?

— Джэб дальше Лексингтона не ходил, — последовал ответ. — А друзей у него нет никого, кроме старой Нэб.

— В этих людей вселился дьявол! — сказал гренадер. — Стряпчие и доктора, праведники и грешники, старые и малые, толстые и тощие — все накинулись на нас! Не хватало, кажется, только дурака, — и вот вам, пожалуйста! Побожусь, что этот парень тоже убивал.

— Джэб никогда не занимается такими гадкими делами, — невозмутимо возразил дурачок. — Он только подстрелил одного гренадера и ранил одного офицера в руку.

— Вы слышите это, майор Линкольн? — воскликнул Макфьюз, вскакивая со стула, на котором он, несмотря на всю язвительность и желчь своих обличений, плотно восседал до этой минуты. — Вы слышите, как это чучело хвалится тем, что убил гренадера!

— Стойте! — воскликнул Лайонел, удерживая своего разгневанного товарища за руку. — Не забывайте, что мы солдаты и что этот малый не отвечает за свои поступки. Ни один суд никогда не приговорит этого несчастного к виселице. А в обычных обстоятельствах он безвреден, как младенец...

— Таких младенцев поджаривают в аду... Хорошенький младенец — подстрелил молодца шести футов ростом! Да еще из дробовика небось! Я не стану вешать этого негодяя, майор Линкольн, раз вам это не по нутру... Я его закопаю заживо.

А Джеб все так же невозмутимо сидел на стуле, и капитан, устыдившись своей горячности при виде такого

слабоумия, позволил убедить себя отказаться от своей страшной мести, хотя и продолжал изрыгать угрозы по адресу колонистов и до конца вожделенной трапезы поносил «подлое нападение из-за угла, которое эти негодяи называют войной».

Полуорт, восстановив душевное равновесие с помощью сытного ужина, удалился, ковыляя, на покой, а Макфьюз без излишних церемоний завладел спальней мистера Седжа. Слуги отправились ужинать на кухню, и Лайонел, уже добрых полчаса сидевший молча, сосредоточенный и задумчивый, внезапно оказался наедине с дурачком. Как только за Меритоном, покинувшим комнату последним, захлопнулась дверь, Джэб, давно ожидавший этой минуты, ничем, впрочем, не выражая своего нетерпения, постарался привлечь к себе внимание молодого офицера и знаками дал ему понять, что хочет сообщить нечто важное.

— Несчастный глупец! — воскликнул Лайонел, поймав устремленный на него бессмысленный взгляд. — Разве я не предостерегал тебя, не говорил, что злые люди могут тебя убить? Как это случилось, что ты поднял сегодня оружие против английских солдат?

— А как это случилось, что английские солдаты подняли оружие против Джэба? — возразил дурачок. — Они что ж думали — им можно бродить по нашей земле под гром их нечестивых барабанов и труб, сжигать дома и стрелять в людей, а мы будем сидеть сложа руки?

— Да́ пойми же! На протяжении двенадцати часов ты, по собственному признанию, совершил два злодеяния, каждое из которых карается смертью: убийство — во-первых, и измену королю — во-вторых! Ты же сознался в убийстве человека!

— Да, — безмятежно повторил дурачок, — Джэб застрелил гренадера, но зато он не дал застрелить майора Линкольна.

— Верно, верно, — сказал Линкольн поспешно, — я обязан тебе жизнью, и этот долг будет оплачен, даю тебе слово. Но почему ты так беспечно сам отдался в руки своих врагов? Что привело тебя сегодня вечером сюда?

— Меня послал Ральф. А если Ральф велит Джэбу войти в покои короля, то Джэб войдет и туда.

— Ральф? — Лайонел, шагавший по комнате из угла в угол, остановился. — Где же он?

— Там, на складе. И он велел мне привести вас к нему. А то, что велит Ральф, должно быть исполнено.

— Как, и Ральф здесь? Да он сошел с ума! Неужели он не боится...

— Боится? — с неописуемым презрением переспросил Джэб. — Ральфа нельзя испугать. Ни вашим гренадерам его не запугать, ни вашей легкой пехоте не причинить ему вреда, хотя он целый день только и делал, что дышал пороховым дымом... Ральф настоящий воин!

— И он, ты говоришь, ждет меня в пакгаузе, в обители твоей матери?

— Джэб не знает, что такое «обитель». Ральф ждет вас на складе.

— В таком случае, идем, — сказал Лайонел, беря шляпу. — Идем к нему... Я должен спасти старика от последствий его необдуманных поступков, даже если это будет стоить мне офицерского мундира!

С этими словами он направился к выходу, и дурачок последовал за ним, очень довольный тем, что ему так легко удалось выполнить возложенное на него поручение.

Глава XII

Эта пьеса изображает убийство, совершенное в Вене; имя герцога — Гонзаго, его жена — Баптиста; вы сейчас увидите, это подлая история.

Шекспир, «Гамлет»

Волнение, вызванное событиями дня, еще не улеглось в городе, когда Лайонел снова очутился на его узких улицах. Прохожие, казалось, спешили по каким-то необычным и важным делам, а во взорах женщин, которые с любопытством поглядывали на улицу из-за ставен, вспыхивало торжество, когда они замечали мундир Лайонела. По улицам маршировали большие отряды солдат — охрана города была усилена, а каждый попадавшийся Лайонелу навстречу офицер окидывал его настороженным взглядом, словно в любом прохожем подозревал врага.

Ворота губернаторского дворца были распахнуты, и возле них, как всегда, стояли часовые. Проходя мимо,

Лайонел увидел гренадера, с которым он разговаривал накануне вечером.

— Ты не ошибся, мой друг, — сказал Лайонел, остановившись на минуту, — у нас был жаркий день.

— Да, об этом толковали в казармах, ваше благородие, — отвечал солдат. — Нашу роту не послали в поход, зато мы два дня подряд в карауле. Ну, бог даст, в другой раз гренадеров нашего полка не заставят сидеть сложа руки, если что начнется. Небось мы бы не посрамили наших знамен, когда б вышли сегодня на поле боя.

— Почему ты так думаешь, друг мой? Те, кто там был, держались стойко. Но что можно сделать против такого численного превосходства!

— Не мое это дело, ваше благородие, судить о том, какой солдат отличился, а какой оплошал, — с достоинством отвечал старый ветеран, — но когда мне говорят, что две тысячи англичан повернули спину и ускорили шаг перед здешним сбродом, так мне хочется, чтобы фланговые роты нашего полка тоже приняли участие в деле. Тогда на худой конец я мог бы хоть сказать, что видел это позорище собственными глазами.

— Там нет позора, где нет нарушения долга, — сказал Лайонел.

— Так, видно, где-то оно было, отступление-то от долга, ваше благородие, иначе такое дело никак не могло бы получиться... Ведь вы поглядите только, ваше благородие, — это ж цвет нашей армии! Нет, что-то тут неладно. Я глазам своим не поверил, когда увидал с холма, что́ там творилось. — И, покачав головой, старик возобновил свой мерный шаг перед резиденцией губернатора, как бы желая показать, что не хочет вдаваться в дальнейшее обсуждение этих прискорбных и унизительных, как он полагал, событий. Лайонел медленно пошел своей дорогой, раздумывая над тем, как глубоко должны были укорениться некоторые предрассудки, чтобы даже такой скромный служака относился свысока к целой нации единственно потому, что она всегда находилась в зависимом положении.

На Портовой площади царила необычная тишина — даже из трактиров, где в этот час неизменно шумели бражники, не доносилось ни звука. Луна еще не взошла, и Лайонел торопливо миновал темные аркады рынка, вспомнив, что его с нетерпением ждет тот, кто всегда пробуж-

дал в нем такой глубокий интерес. Джэб, молчаливо следовавший за ним, на мосту проскользнул мимо него вперед и уже стоял возле старого пакгауза, распахнув в ожидании дверь.

В большом центральном помещении склада было, как всегда, пусто и темно, однако сквозь щели перегородки, отделявшей небольшую каморку в одной из башен, где ютилась Эбигейл Прей, мерцал огонек свечи. Оттуда доносились приглушенные голоса, и Лайонел, предполагая, что это старик беседует с матерью Джэба, обернулся к дурачку с намерением послать его вперед доложить о себе. Но тот, как видно, тоже уже услышал эти голоса и они, должно быть, сказали ему больше, чем Лайонелу, ибо он стрелой бросился обратно, и с изумлением наблюдавший за его действиями Лайонел увидел, как его нескладная фигура с необычайным проворством юркнула между длинными прилавками рынка и скрылась из глаз.

Покинутый таким странным образом своим провожатым, Лайонел начал ощупью пробираться туда, где, по его расчетам, должна была находиться дверь в башню. Но неверный свет обманул его, и когда он в поисках двери подошел ближе и машинально глянул в щель перегородки, то снова стал невольным свидетелем еще одного загадочного свидания, которое указывало на странную и таинственную связь, существующую между богатой и всеми уважаемой миссис Лечмир и нищей обитательницей заброшенного склада. Бурные события последних суток, вихрь новых мыслей и чувств заставили молодого офицера совсем забыть о случайно услышанной им необычной беседе этих двух женщин. Но сейчас, обнаружив свою родственницу в этом приюте нищеты и будучи не настолько прост, чтобы приписать этот визит доброте ее сердца, Лайонел замер на месте, поддавшись непреодолимому чувству любопытства и находя ему извинение в том, что, как подсказывал ему внутренний голос, эти таинственные свидания имели каким-то косвенным образом отношение к нему самому.

Миссис Лечмир, желая, по-видимому, остаться неузнанной и боясь случайных любопытных взоров, отправляясь на это таинственное свидание, закуталась в плащ, но сейчас капюшон был откинут, и Лайонел отчетливо видел ее поблекшее лицо и жесткий, беспокойный взгляд холодных глаз, казавшихся странно живыми среди окру-

жающего их увядания. Как и подобало ее возрасту, а также высокому положению, о котором миссис Лечмир никогда не забывала, особенно в присутствии низших, эта почтенная дама сидела, а ее собеседница стояла перед ней в позе, говорившей скорее о страхе, нежели об уважении.

— Ваша слабость, глупая вы женщина, станет причиной вашей гибели, — проговорила миссис Лечмир тем твердым, не терпящим возражений тоном, к которому она нередко прибегала, желая кого-либо запугать. — Вы должны проявить большую твердость, милочка, и не поддаваться этому пустому суеверию. Вы должны подумать о своей репутации, да и о своей безопасности, наконец!

— Репутации... гибель... — дрожащими губами повторила Эбигейл, с затравленным видом озираясь по сторонам. — Какой еще мне ждать гибели, миссис Лечмир? Разве эта нищета не погибель? И какую репутацию могу утратить я после всех моих прегрешений? Разве что-нибудь может навлечь на меня большее презрение, чем мои грехи?

— Боюсь, — сказала миссис Лечмир, стараясь принять более мягкий тон, хотя неприязнь была отчетливо написана на ее лице, — боюсь, что, захлопотавшись с приездом моего внучатого племянника, я запамятовала о своем обычном вспомоществовании.

Эбигейл взяла серебряную монету, величественно протянутую ей миссис Лечмир, и, держа ее на ладони, с минуту молча смотрела на нее пустым, невидящим взглядом, который был истолкован ее собеседницей как выражение недовольства.

— Нынешние беспорядки и падение цен сильно сказались на моих доходах, — произнесла эта богатая и великолепно одетая дама. — Но, если этой суммы недостаточно для ваших насущных нужд, я добавлю еще крону.

— Этого хватит... хватит, — сказала Эбигейл, бессознательно сжимая монету в руке. — О да, да, этого хватит. Ах, миссис Лечмир, хотя алчность и смертный грех, но видит бог, я была бы счастлива, если бы этот порок и был причиной моей гибели и не было бы у меня на душе греха более тяжкого!

Тут Лайонелу показалось, что миссис Лечмир метнула недоумевающий взгляд на свою собеседницу, отчего у

него мелкнула мысль, что у этих странных союзниц есть секреты и друг от друга. Но тревожное удивление, на мгновение отразившееся на лице миссис Лечмир, тотчас уступило место обычной для нее суровой сдержанности и чопорности, и с подчеркнутым высокомерием, словно давая понять, что она не допустит намеков на свойственные им обеим слабости, высокородная дама произнесла:

— Голубушка, вы сами не понимаете, что лепечет ваш язык! В каких особенных грехах вы повинны? Лишь в тех, которые порождены несовершенством человеческой природы.

— Вот уж что верно, то верно, — ответила Эбигейл Прей, сопровождая свои слова сдавленным истерическим смешком. — Это все наша грешная, грешная человеческая природа, это вы верно рассудили. Да ведь с годами старешь и слабеешь, и мысли начинают путаться, миссис Лечмир, так иной раз сама не знаешь, что говоришь. На краю могилы и не таких слабых духом, как я, начинает мучить раскаяние.

— Глупая женщина! — пробормотала миссис Лечмир, стараясь надвинуть на глаза капюшон дрожащей то ли от возраста, то ли от страха рукой. — Вам ли помышлять о смерти! Ведь вы еще дитя!

Последние слова были произнесены хриплым, чуть слышным голосом, и, после того как они замерли у нее на устах, Лайонел больше ничего не мог расслышать; но вот после тягостного молчания миссис Лечмир подняла голову и, поглядев вокруг с прежним суровым и непреклонным видом, добавила:

— Довольно болтать пустяки, Эбигейл Прей... Я пришла сюда, чтобы узнать у вас еще кое-что о вашем загадочном постояльце...

— О нет, нет! Не довольно, миссис Лечмир! — прервала ее терзаемая раскаянием женщина. — Так мало времени осталось нам на покаяние и молитвы, что его, боюсь я, не хватит, чтобы искупить наши великие грехи. Нам должно говорить о смерти, миссис Лечмир, пока еще не пробил наш час.

— Да, спешите, спешите, пока вы еще не заключены в сыром мраке могилы, в этом последнем приюте старости, — произнес чей-то голос, звучавший глухо, словно из-под земли. — И я пришел сюда, чтобы присоединиться к вашей душеспасительной беседе.

— Кто ты?.. Во имя всего святого, отвечай, кто ты? — вскричала миссис Лечмир, в невольном порыве поднимаясь со стула и, казалось, сразу позабыв все свои недуги и тайные тревоги. — Отвечай же, заклинаю тебя, кто ты?

— Тот, кто так же стар, как и ты, Присцилла Лечмир, и уже стоит у порога той обители, о которой вы здесь вели речь. Так говорите же, женщины, давно схоронившие своих мужей: ведь если в жизни своей вы совершили что-либо, в чем должны покаяться и испросить прощения, то лишь в могиле осенит вас небесное милосердие и отпустятся вам грехи ваши.

Слегка нагнувшись, Лайонел сумел разглядеть сквозь щель почти всю каморку. На пороге неподвижно, как изваяние, стоял Ральф. Одна рука его была поднята вверх, как бы к небу, другая грозно указывала вниз, словно

в разверстую у его ног могилу, о близости которой так красноречиво напоминали его хилые члены и изборожденное морщинами лицо, а пронзительный, «испепеляющий», как выразилась Эбигейл Прей, взгляд перебегал с одного лица на другое.

В нескольких шагах от старика не двигаясь, точно окаменев, стояла миссис Лечмир; капюшон упал с ее головы, на смертельно бледном лице отражались растерянность и ужас, рот был полуоткрыт, глаза прикованы к нежданному пришельцу — она походила на высеченную из мрамора статую. Эбигейл закрыла лицо руками, но чувства, которые она пыталась скрыть, выдавала конвульсивная дрожь, пробегавшая по ее телу.

Пораженный этой картиной и обеспокоенный состоянием своей родственницы, для которой в ее преклонном возрасте потрясения такого рода не могли не представлять опасности, Лайонел уже хотел было броситься к ней, но в эту минуту миссис Лечмир снова обрела дар речи, и в душе молодого человека над всеми чувствами возобладало жгучее любопытство, вполне оправданное, ибо предмет их разговора живо его касался.

— Кто назвал меня Присциллой? — спросила миссис Лечмир. — Уже никого не осталось в живых из тех, кто имел право на подобную фамильярность.

— Присцилла, Присцилла, — повторил старик, озираясь вокруг, словно ища кого-то глазами. — Нежен и сладок звук этого имени для моих ушей. И тебе ли не знать, что, кроме тебя, его носит еще и другая.

— Она умерла. Многие годы минули с тех пор, как я видела ее в гробу. И я не хочу вспоминать о ней — и обо всех тех, кто, подобно ей, оказался недостоин наших славных предков.

— Она не умерла! — загремел голос старика, так гулко прокатившийся под стропилами, что, казалось, ему вторят голоса каких-то сверхъестественных существ. — Она жива! Да, жива! Жива!

— Жива! — как эхо, отозвалась миссис Лечмир, попятившись перед простертой к ней грозной дланью. — Этого не может быть! Пустое! Я не желаю слушать такие вздорные речи!

— Жива! — ломая руки, вскричала и Эбигейл Прей. — О, свидетель бог, как бы я этого желала! Но разве не видела я собственными глазами ее распухший, обезображен-

ный труп? Разве этими самыми руками не надела я саван на ее когда-то прекрасное тело! О нет! Она мертва, мертва... и я ее...

— Он сумасшедший и рассказывает всякие небылицы! — поспешно воскликнула миссис Лечмир, не дав страшному обвинению против себя самой слететь с губ несчастной. — Мы знаем, что бедняжка давно мертва, зачем же слушаем мы этого безумца?

— Безумца! — с непередаваемым сарказмом отозвался Ральф.— О нет!.. Правда, нам с тобой известен один безумец, но это не я... Скорее это ты безумна, женщина. Ты уже сделала безумцем одного, так не хочешь ли ты, чтобы еще один потерял рассудок?

— Я? — сказала миссис Лечмир, не дрогнув под жгучим взглядом старика. — Господь дарует рассудок, он волен и отнять свой дар. Я же не наделена такой властью.

— Что сказала ты, Присцилла Лечмир! — вскричал Ральф, неслышно шагнув к старухе и внезапно сжав ее руку своими иссохшими пальцами. — Да, я буду называть тебя Присцилла, хоть ты и не достойна этого святого имени... Так не в твоей власти, утверждаешь ты, лишать людей рассудка? Где же тогда глава твоего рода, которым ты так гордишься? Где твой племянник Лайонел Линкольн, гордый девонширский баронет, богатый, знатный и столь счастливый некогда приближенный короля, где он? Быть может, он в чертогах своих предков? Или во главе войска своего короля? Быть может, он управляет своими поместьями? Или он томится одиноко в мрачной темнице? О да, это так, и ты знаешь об этом, ты знаешь об этом... ибо это твое, женщина, низкое коварство и вероломство привело его туда!

— Кто ты, осмелившийся так говорить со мной? — спросила миссис Лечмир, страшным усилием воли заставив свой голос звучать презрительно. — Если судьба моего несчастного племянника и вправду тебе известна, одно это должно было бы послужить для тебя самого опровержением такой низкой клеветы...

— Известна ли мне его судьба? А что от меня скрыто? Я наблюдал за тобой, я следил за твоими деяниями, женщина, и ни одно из них не осталось для меня тайным... Говорю тебе, я знаю все. И об этой грешнице я знаю все... Разве не поведал я тебе, Эбигейл Прей, о самых тайных твоих прегрешениях?

— О да... да! Ему и в самом деле известно все то, что, думала я, открыто только богу! — охваченная суеверным ужасом, воскликнула Эбигейл.

— И о тебе, презренная вдова Джона Лечмира, и о Присцилле я знаю все...

— Все! — как эхо, повторила Эбигейл.

— Все... — едва слышно прошептала миссис Лечмир и, откинувшись на спинку стула, лишилась чувств.

Как ни жаждал Лайонел услышать разоблачение этих тайн, все же он не мог не броситься на помощь старухе. Однако Эбигейл Прей, которая, по-видимому, уже в какой-то мере привыкла к странному поведению своего жильца, проявила достаточное присутствие духа и опередила Лайонела. Когда Лайонел распахнул дверь, он увидел, что она уже хлопочет около миссис Лечмир. Обморок был очень глубок, и миссис Лечмир необходимо было раздеть. Сославшись на это, Эбигейл заверила Лайонела, что она отлично управится со всем сама, и попросила его удалиться — не только из соображений приличия, но также и потому, что столь неожиданное его появление могло, по ее мнению, оказаться для пострадавшей еще более опасным, чем все, что тут произошло. Лайонел помедлил минуту, пока не убедился, что миссис Лечмир становится лучше, после чего, уступив уговорам Эбигейл, вышел за дверь и направился к лестнице, решив подняться в комнату к Ральфу, чтобы немедленно потребовать объяснение всему, что ему только что довелось видеть и слышать. Он нашел Ральфа в башенке. Старик сидел, свесив голову на грудь, заслонив рукой глаза от тусклого пламени свечи, и был, казалось, погружен в глубокое раздумье. Лайонел приблизился к нему, но он словно и не заметил его, и Лайонелу пришлось заговорить, чтобы привлечь к себе внимание:

— Джэб сообщил мне, что вы просите меня прийти, и вот я здесь.

— Это хорошо, — отозвался Ральф.

— Я должен добавить, что был свидетелем вашей беседы с миссис Лечмир и с изумлением услышал странные и оскорбительные речи, с которыми вы позволили себе обратиться к ней.

Старик поднял голову, и Лайонел увидел, как, оживившись, засверкали его глаза, когда он произнес:

— Значит, вы слышали правду и видели, как страшит она тех, в ком нечиста совесть!

— Я слышал то, что вы называете правдой, и слышал при этом также, что вы упоминали имена самых дорогих, как вам, должно быть, известно, для меня людей.

— Самых дорогих? А уверен ли ты в этом, юноша? — спросил Ральф, пристально глядя Лайонелу в глаза. — Не вытеснил ли в последние дни кто-то другой из твоего сердца тех, кто даровал тебе жизнь? Отвечай, но помни, что тебе внимает тот, кому известно многое, что скрыто от других людей.

— Что хотите вы сказать этим, сэр? Разве мы можем любить кого-нибудь так, как мы любим отца и мать? Эта любовь вложена в нас природой.

— Это рассуждение наивного ребенка, — сурово произнес старик. — Разве ты не любишь внучку этой презренной женщины и могу ли я теперь доверяться тебе?

— Каким образом мои чувства к Сесилии Дайнвор, этому небесному созданию, могут лишить меня вашего доверия?

— Да, — как бы про себя пробормотал старик, — ее мать воистину была чиста, и почему дитя не может оказаться достойным своих родителей?

Он умолк, и наступило долгое молчание, весьма тягостное для Лайонела, который находился в большом замешательстве. Наконец Ральф сказал резко:

— Вы принимали участие в сегодняшнем сражении, майор Линкольн?

— Да, и вам это должно быть очень хорошо известно, ибо я обязан жизнью вашему доброму заступничеству. Но зачем подвергаете вы себя опасности ареста, находясь здесь? Ведь то, что вы принимали участие в сражении на стороне американцев, не может не быть известно многим, помимо меня.

— Кому же придет в голову искать неприятеля на улицах Бостона, когда на холмы вокруг стекаются вооруженные отряды? О моем пребывании тут известно только этой женщине, которая не посмеет меня выдать, ее достойному сыну и вам. Мои действия скрыты от всех, они внезапны и всегда неожиданны. Опасность не может коснуться такого, как я.

— Однако, — сказал Лайонел в большом смущении и растерянности, — имею ли я право умолчать о том, что здесь скрывается человек, который, как мне известно, враг моему королю?

— Вы переоцениваете свою отвагу, Лайонел Линкольн, — с презрительной усмешкой ответил Ральф. — Вы никогда не посмеете пролить кровь того, кто не позволил пролиться вашей... Но довольно об этом... Мы понимаем друг друга, а тому, кто так стар, как я, страх уже неведом.

— Да, да, — торжественно и тихо прозвучал из темного угла чей-то голос. Это Джэб, не замеченный никем, прокрался туда и свернулся калачиком у стенки. — Да, вам никогда не напугать Ральфа!

— Этот юноша — хороший, достойный юноша, он умеет различать добро и зло. А что же еще требуется человеку в этом пагубном мире? — снова быстро и невнятно пробормотал Ральф по странной своей привычке.

— Откуда ты взялся? — спросил Лайонел. — И почему ты так внезапно покинул меня?

— Джэб бегал на рынок посмотреть, нет ли там чего-нибудь, чтобы порадовать старую Нэб, — ответил юноша.

— Уж не думаешь ли ты, что я поверю таким глупым выдумкам! Если даже предположить, что рынок торгует всю ночь до утра, так разве у тебя есть деньги?

— Сразу видать, что королевские офицеры кое в чем не разбираются, — проговорил дурачок, посмеиваясь про себя. — Вот наш здешний фунт стерлингов, а говядина не такая уж диковинная штука, чтобы человек, у которого лежит в кармане такая бумажка, не мог прийти на рынок, когда ему только вздумается, не глядя на разные там указы парламента.

— Значит, ты грабил мертвецов! — вскричал Лайонел, увидав на ладони Джэба, помимо упомянутой бумажки, еще несколько серебряных монет.

— Джэб не вор! Почему вы его так называете! — с угрожающим видом произнес дурачок. — Закон еще существует в колонии, хотя кое-кто и не признает его. Ничего, придет время, со всеми будет поступлено по справедливости. Джэб застрелил гренадера, но Джэб не вор.

— В таком случае, ты, верно, получил плату, глупая ты голова, за какие-то секретные поручения, которые выполнил вчера ночью! Тебя соблазнили деньгами на опасное дело. Смотри, чтоб это было в последний раз. И наперед знай: когда тебе что-нибудь будет нужно, приходи ко мне.

— Джэб не станет бегать по поручениям короля даже за его золотую корону со всеми ее бриллиантами и укра-

шениями, и никто его не заставит, потому что нет такого закона!

Лайонел заговорил добродушно-примирительным тоном, стараясь успокоить рассерженного малого, но тот, не удостоив его ответом, с угрюмым видом забился в свой угол, словно желая показать, что намерен теперь немного вздремнуть после столь утомительного дня.

Ральф тем временем снова погрузился в свои думы, и Лайонел внезапно вспомнил, что час уже поздний, а он так и не узнал, какова разгадка услышанных им таинственных обличений, и потому снова заговорил об интересующем его предмете, начав с того, что́, по его мнению, должно было заставить старика сказать всю правду. Едва только Лайонел упомянул о волнении миссис Лечмир, его собеседник поднял голову, и выражение какого-то свирепого восторга озарило его изможденное лицо. Величественным жестом указав на свою грудь, он произнес:

— Это здесь, здесь, мой мальчик... Никакие силы на свете, кроме угрызений совести и сознания, что я владею тайной, не могли бы лишить эту женщину дара речи в присутствии свидетелей.

— Но что же это за тайна? Я связан узами крови с миссис Лечмир, а следовательно, являюсь ее защитником и потому имею право в ее интересах, не говоря уж о моих собственных, потребовать объяснения ваших весьма тяжких обвинений.

— В ее интересах! — повторил Ральф. — Вы слишком поспешны, молодой человек. Подождите, пока она сама попросит вас потребовать объяснений, — ответ прозвучит подобно удару грома.

— Если вы не хотите сделать это во имя справедливости по отношению к моей почтенной родственнице, тогда, по крайней мере, вспомните ваши неоднократные обещания поведать мне печальную повесть о несчастной судьбе моих близких, которая, как вы утверждали, доподлинно вам известна.

— О да, она известна мне, как и еще многое другое, — ответил старик и улыбнулся с сознанием своего могущества, проистекавшего из обладания этой тайной. — А если вы сомневаетесь в этом, спуститесь вниз, и пусть ваши сомнения развеет жалкая обитательница этого пакгауза... или же — преступная вдова Джона Лечмира.

— О нет, единственно, в чем я сомневаюсь, — это на-

долго ли хватит моего терпения. Время летит, а я еще ничего не узнал из того, что мне узнать необходимо!

— Здесь не место и не время говорить об этом, — возразил Ральф. — Я уже упоминал, что для этой цели мы должны встретиться за бостонскими колледжами.

— Но после событий минувшего дня совершенно неизвестно, когда офицер королевской армии сможет отправиться туда, не подвергая свою жизнь опасности!

— Что такое? — воскликнул старик, рассмеявшись громко и с нескрываемой горечью. — Итак, значит, он уже узнал силу и твердую волю презираемых колонистов! Но даю тебе слово, мой друг, что ты еще посетишь эти места и будешь находиться там в полной безопасности... Да, да, Присцилла Лечмир, уже близок твой час и судьба твоя решена!

Лайонел снова упомянул о своей престарелой родственнице и намекнул, что он скоро должен будет присоединиться к ней, так как снизу уже доносился шум шагов — видимо, она собиралась уходить. Но все его слова пропали втуне: старик стремительно шагал по своей тесной клетушке из угла в угол, бормоча себе под нос какие-то нечленораздельные фразы, в которых отчетливо звучало только одно слово — «Присцилла», а на лице его, как в зеркале, отражались бурные и всепоглощающие страсти, волновавшие его душу.

Тут раздался пронзительный голос Эбигейл, звавшей своего сына: очевидно, она была твердо уверена, что он прячется где-то в доме. Она звала его снова и снова, но Джэб медлил до тех пор, пока голос ее не начал звучать гневно и угрожающе, после чего он нехотя выбрался из своего угла и медленно направился к лестнице.

Лайонел не знал, как ему быть. Его родственница все еще не подозревала о его присутствии здесь, и он подумал, что Эбигейл Прей тем или иным способом даст ему знать, если его появление желательно. Сам же он по неким тайным причинам предпочел бы сохранить свои визиты сюда в секрете. Поэтому он решил, не выдавая своего присутствия, следить под покровом темноты за происходящим внизу и действовать сообразно обстоятельствам. Удаляясь, он не произнес прощального приветствия, ибо успел уже достаточно хорошо освоиться с необычайностью поведения Ральфа и отлично понимал, что всякая попытка отвлечь его от жгучих размышлений обречена на неудачу.

Остановившись на верхней ступеньке лестницы, Лайонел увидел миссис Лечмир, которая довольно твердым шагом направлялась к двери следом за Джэбом, освещавшим ей дорогу фонарем, и услышал, как Эбигейл Прей наказывала своему упрямому сыну проводить гостью до угла, где, как понял Лайонел, ее ожидал экипаж. На пороге миссис Лечмир обернулась, огонь свечи, которую держала в руке провожавшая ее Эбигейл, озарил ее лицо, и Лайонел отчетливо увидел ее холодный, жесткий взгляд, как всегда высокомерный, но, быть может, несколько более задумчивый и потому чуточку более мягкий, чем обычно.

— Забудем о том, что здесь сегодня произошло, добрая моя Эбигейл, — произнесла миссис Лечмир. — Ваш жилец — никому не известный проходимец, который подцепил где-то пустую сплетню и рассчитывает нажиться на нашей доверчивости. Я во всем этом еще разберусь, но вы ни под каким видом не должны более видеться с ним... Это жилище не годится для вас, голубушка, — ни для вас, ни для вашего сына... Я должна устроить вас надлежащим образом, добрая моя Эбигейл, право же, я просто обязана это сделать.

Лайонел заметил, как содрогнулась Эбигейл при намеке на тайные намерения Ральфа, однако, не сказав ни слова в ответ, она широко распахнула дверь перед своей гостьей. Как только миссис Лечмир скрылась, Лайонел сбежал с лестницы и остановился перед растерявшейся женщиной.

— Знайте, я слышал все, что произошло здесь сегодня, — резко проговорил он, — и вам должно быть ясно, что запираться далее бессмысленно. Я требую, чтобы вы сейчас же открыли мне все, что имеет отношение к моей судьбе или к судьбе моих близких.

— Нет, нет, нет... только не я, не спрашивайте меня, майор Линкольн! — в ужасе воскликнула несчастная женщина. — Бога ради, не спрашивайте меня! Только не меня! Я поклялась хранить тайну, а клятва... — Тут волнение сдавило ей горло, и голос ее прервался.

Лайонел уже пожалел о своей вспышке и, устыдившись попытки силой исторгнуть признание у женщины, постарался успокоить Эбигейл, пообещав оставить ее на этот раз в покое.

— Ступайте... ступайте... — сказала она, умоляюще сложив руки. — Дайте мне прийти в себя... Оставьте меня...

оставьте меня наедине с этим ужасным стариком и богом!

Видя ее настойчивость, Лайонел неохотно подчинился, но, выходя, столкнулся с Джэбом на пороге, после чего его тревога за Эбигейл Прей рассеялась и он с более легким сердцем покинул пакгауз.

Стремительно шагая по направлению к Тремонт-стрит, Лайонел напряженно перебирал в уме все, что ему только что довелось увидеть и услышать. Ему припомнились кое-какие слова Ральфа, которые в свое время глубоко запали ему в сердце. Лайонелу казалось, что он находит теперь какое-то подтверждение этим словам в том испуге, который не сумела скрыть его престарелая родственница перед брошенными ей в лицо обвинениями. От миссис Лечмир мысли его обратились к ее прелестной внучке, и некоторое время он с недоумением пытался найти разгадку противоречивости ее поведения по отношению к нему: почему временами она была так непосредственна и мила и даже нежна с ним, а порой — не далее, например, как в этот вечер во время их столь короткой беседы, — держалась сдержанно, холодно и даже отчужденно... Затем он снова вспомнил о том, что́ было главной причиной, подвигшей его последовать за своим полком на родину, и, как всегда, при этой мысли тень печали затуманила его чело.

Возвратившись под кров миссис Лечмир, Лайонел прежде всего осведомился о ней и, узнав, что она, благополучно прибыв домой, уже удалилась вместе со своими прелестными родственницами на покой, немедленно последовал их примеру и, едва лишь треволнения этого бурного дня стали забываться, заснул как убитый, и сон принес ему отдохновение.

Глава XIII

Да сбудется! Накликана беда,
А путь найдет сама.

Шекспир

Тревожное известие о походе на Конкорд словно на крыльях ветра облетело побережье Атлантического океана, и отголоски его достигли гор на западе. И вот уже все

мужское население в пространстве между Массачусетским заливом и прозрачным потоком Коннектикута поднялось как один человек. Призыв к отмщению прокатился по всей стране, и повсюду — на холмах и в долинах, на больших проезжих трактах и на пешеходных тропках — появились вооруженные отряды фермеров, устремлявшиеся туда, где произошло военное столкновение. Через двое суток после роковой стычки у Лексингтона уже свыше ста тысяч колонистов стали под ружье, и примерно около четверти их было сосредоточено у подступов к обоим полуостровам — Бостонскому и Чарлстонскому. Те, кому дальность расстояния и недостаток оружия не давали возможности присоединиться к передовым отрядам и принять непосредственное участие в военных действиях, с нетерпением ожидали того часа, когда их воинственный пыл сможет послужить общему делу. Словом, то угрюмое спокойствие, в котором в течение целого года, казалось, пребывали колонии, было внезапно и грубо нарушено событиями, разыгравшимися в течение одного описанного выше дня, и такая буря возмущения поднялась среди патриотов, что даже лоялисты, которых было совсем немало в южных областях страны, вынуждены были умолкнуть и ждать, чтобы буря утихла под воздействием времени и страданий.

Гедж, уверенный в надежности своей позиции, непрестанно получавший всё новые подкрепления и поддерживаемый весьма внушительным флотом, взирал на сгущавшиеся грозовые тучи с невозмутимостью и благодушием, столь свойственными его мягкой натуре. Хотя настроения американцев и их намерения не оставляли больше никаких сомнений, Гедж все же неохотно прислушивался к мстительным планам своих советников и был склонен успокоить мятеж, не надеясь подавить его с помощью своих войск. Хотя месяц назад он считал их число достаточным, чтобы справиться со всеми фермерами-колонистами, вместе взятыми, теперь он благоразумно полагал, что они смогут лишь успешно обороняться на укрепленном полуострове. Однако были опубликованы воззвания, обличавшие мятежников, срочно принимались и другие меры, полагавшиеся необходимыми для поддержания престижа королевской власти. Пустые угрозы оставлялись, разумеется, без внимания, и все увещевания и призывы блюсти былую верность королю (которую, по утверждению колони-

стов, никто никогда и не нарушал) тонули в бряцании оружия и воинственных кликах.

На все эти воззвания английского генерала, так же как и на множество других, подписанных королевскими губернаторами, по-прежнему управлявшими всеми колониями, за исключением той, в которой развертывается действие нашего повествования, американцы отвечали смиренными, но исполненными достоинства петициями к королю, призывавшими его не допускать несправедливости, и открытыми протестами, адресованными парламенту, с требованием восстановления их попранных прав и освобождения от незаконных налогов. Однако власть и прерогативы монарха еще по-прежнему казались священными, и во всех этих документах особе короля оказывалось должное почтение. Но зато колонисты — большие мастера на этот счет — не жалели ядовитых сарказмов, когда речь шла о королевских министрах, повинных в принятии законов, столь губительных для империи. Такое положение вещей сохранялось на протяжении нескольких недель, последовавших за рядом кровавых стычек, которые получили название битвы при Лексингтоне — по имени того селения, где завязался первый бой. Противники продолжали готовиться к новым встречам, в которых им предстояло помериться отвагой и силой.

Лайонел не был сторонним наблюдателем этих приготовлений. На другое же утро после возвращения он обратился к главнокомандующему с просьбой дать ему назначение, соответствующее его положению. Но, отдав должное его отваге и верности королю, проявленным им на поле брани, ему вместе с тем дали понять, что он окажет более ценную услугу трону, если посвятит свое время поддержанию знакомств с теми влиятельными колонистами, с которыми его семья была связана узами крови или долголетней и тесной дружбой. При этом майору Линкольну было предложено решать самому, не следует ли ему во исполнение столь высокой задачи покинуть Бостон и совершить несколько поездок по стране. Это сомнительное предложение было преподнесено молодому офицеру так ловко, самолюбие и тщеславие его были так искусно задеты, что он согласился подождать, какой оборот примут события, заручившись, однако, обещанием, что получит соответствующее его званию назначение в случае начала серьезных военных действий. А что его придется ждать

недолго, не могло укрыться от глаз даже менее проницательного наблюдателя, нежели майор Линкольн.

Гедж тем временем уже оставил временную позицию в Чарлстоне, считая, что разумнее будет сосредоточить все войска в одном месте. С холмов Бостонского полуострова было видно, что колонисты явно намерены, не теряя времени, обложить город, где находилась армия короля. На многих противолежащих возвышенностях уже поспешно возводились земляные укрепления, а у перешейка, прямо под жерлами английских пушек, расположился довольно большой отряд колонистов, захватив деревню Роксбери, прервав всякую связь между полуостровом и остальной страной и проявив при этом неустрашимость и отвагу, которые сделали бы честь даже более опытным и искусным в военном деле и более привыкшим смотреть в лицо опасности солдатам.

Такое воинское искусство дотоле презираемых американцев вызвало поначалу немалое изумление, однако вскоре распространился слух, что среди тех, кто руководит действиями мятежников, есть колонисты, которые в свое время доблестно служили в английских войсках. Называлось немало имен, и среди них Лайонел услышал имена Уорда и Томаса — людей, известных своими независимыми взглядами и довольно значительным военным опытом. Конгресс провинции поставил их во главе всех своих военных сил, и в их распоряжении имелось уже порядочное число полков, располагавших всем необходимым, за исключением самого существенного: дисциплины и оружия.

В кругах, близких к губернатору, Лайонелу приходилось особенно часто слышать имя Уоррена. Имя это произносилось с горечью, в которой наряду с неприязнью неизменно звучало уважение. Этот человек, который до последнего дня, не смущаясь присутствием английских войск, бестрепетно высказывал свои взгляды в кольце вражеских штыков, внезапно исчез, оставив дом, все имущество и прибыльное дело, чтобы открыто соединить свою судьбу с повстанцами, приняв участие в заключительной схватке у Лексингтона.

Но особыми тайными чарами было овеяно для молодого англичанина другое имя — имя Путнема, небогатого фермера из соседней колонии Коннектикут, который, как только клич бранной тревоги достиг его ушей, бросил пря-

мо на пашне свой плуг, выпряг одного из коней, вскочил на него и, проехав без передышки добрую сотню миль, очутился в передовых рядах своих сражающихся земляков. И, когда имя этого стойкого американца шепотом называли старики ветераны, заполнявшие покои генерала Геджа на его приемах, волна грустных и светлых воспоминаний уносила молодого офицера в прошлое.

Лайонелу вспомнились увлекательные беседы, которые в его отроческие годы вел с ним отец, когда черная тень безумия еще не омрачала его рассудка, и в каждом рассказе о смертельных стычках с индейцами, о леденящих душу схватках с дикими зверями и других исполненных опасностей приключениях в чаще непроходимых лесов упоминалось имя этого человека, всегда окруженное тем ореолом доблести, который в наш просвещенный век достается людям редко и никогда не достается даром. И суровые ветераны, хорошо знавшие Путнема, всегда вспоминали о нем с оттенком романтического восхищения и искренней приязни, а когда изворотливые и лукавые советники, окружавшие главнокомандующего, предложили перетянуть на свою сторону Путнема, пообещав ему крупную сумму и высокий пост, его старые соратники выслушали это предложение с презрительным неверием, которое полностью и оправдалось. После этого были предприняты подобного же рода попытки подкупить тех американцев, военные таланты которых делали их в глазах английских политиков достойными такой платы, но свободолюбивые идеи уже пустили столь глубокие корни среди колонистов, что ни один из них не поддался на приманку.

Пока вместо решительных действий принимались эти более деликатные меры, из Англии продолжали прибывать войска, и к исходу мая в совете Геджа, который имел теперь в своем распоряжении никак не менее восьми тысяч штыков, принимало участие уже немало прославленных военачальников. С прибытием этих подкреплений англичане вспомнили былую спесивость, а надменные молодые воины, так недавно покинувшие блистательные военные парады на своей прославленной родине, не желали мириться с тем, что английское войско было загнано на какой-то полуостров кучкой фермеров, плохо знакомых с военным искусством и плохо вооруженных. Это чувство еще подогревалось насмешками самих американцев, ко-

торые брали теперь реванш над своими противниками и наряду с прочими язвительными прозвищами дали кличку «Любитель простора» Бергойну, так как он имел неосторожность хвастливо заявить, что намерен вместе со своими соратниками немедленно по прибытии на место раздвинуть пределы занимаемого английскими войсками пространства. Однако имелись все основания предполагать, что английские военачальники и в самом деле намерены раздвинуть эти пределы, и все взоры снова невольно обращались к холмам Чарлстона, так как этот полуостров, по-видимому, в первую очередь мог подвергнуться вторжению.

Трудно, казалось, было бы найти два более удобных в военном отношении плацдарма, нежели эти расположенные друг против друга полуострова, обладавшие возможностью оказывать взаимную поддержку и одновременно ослаблять противника, растягивая его коммуникации. Расстояние между ними не превышало шестисот ярдов, а омывавшие их глубокие, вполне пригодные для навигации воды давали возможность английским генералам призвать себе на помощь любой самый большой корабль военного флота. Памятуя обо всех этих преимуществах, солдаты с радостью выслушали приказы, которые, как каждому было ясно, имели целью подготовку к предстоящей высадке на противоположный берег залива.

Прошло уже два месяца с начала открытых враждебных действий, но пока война все еще находилась в стадии описанных выше приготовлений, если не считать двух-трех стычек между фуражирами английской армии и небольшими отрядами американцев, в которых последние с честью поддержали недавно завоеванную ими репутацию бравых солдат.

Когда из Англии прибыли новые полки, в городе снова началось веселье, хотя те из жителей, которым пришлось остаться в городе помимо их воли, продолжали держаться холодно и отвечали отказом на все приглашения английских офицеров, какие бы те ни придумывали развлечения. Нашлись, однако, среди колонистов и такие, что не устояли перед подкупом и, соблазненные деньгами и почестями, предали дело, за которое боролись их соотечественники, а так как некоторые из них заняли высокие посты, то многие полагали, что они оказывают чрезвычайно губительное влияние на губернатора, отравляя его ум злыми наветами

и толкая его на такие безрассудные и несправедливые поступки, на какие он сам никогда бы без их подстрекательства не решился.

Спустя несколько дней после стычки у Лексингтона между жителями Бостона и губернатором было заключено торжественное соглашение, по которому тем, кто сдаст оружие, разрешалось покинуть город, тем же, кто пожелает остаться, была обещана охрана их жилищ и безопасность. Оружие было сдано, но свободный выезд под различными пустыми предлогами все же не был разрешен. Этот произвол, так же как и многое другое, связанное с тем, что власть находилась в руках армии, ожесточил колонистов и дал новую пищу для недовольства; в то же время в сердцах их противников презрение быстро уступало место ненависти, ибо обстоятельства вынуждали их относиться с уважением к тем, к кому они никогда не испытывали симпатии. Воцарившиеся в Бостоне неприязнь и недоверие, принимавшие нередко личную форму, также заставляли войска стремиться к расширению оставленных им пределов.

Однако Гедж, будучи незлобив по натуре и желая, повидимому, вызволить из рук колонистов своих солдат, согласился произвести обмен пленными, невзирая на особый характер обстоятельств, при которых колонисты были захвачены в плен; таким образом, с самого начала было установлено различие между имевшими место событиями и простым мятежом против власти государя. Представители сторон встретились в Чарлстоне, не занятом в тот момент ни теми, ни другими войсками. Во главе американцев главными представителями были Уоррен и уже упомянутый нами ранее старый разведчик лесных дебрей, человек, наделенный в равной мере как великодушием, так и отвагой — доблестями, нередко сопутствующими друг другу. В переговорах приняло участие и несколько ветеранов королевской армии, которые пожелали встретиться со своим старым товарищем и в последний, быть может, раз дружески с ним потолковать; тот говорил с ними с подлинной прямотой солдата, и на все их искусные попытки заставить его покинуть знамена, под которые он стал, отвечал решительным отказом.

В то время как происходили эти события, повсюду в колониях стоял неумолчный гул военных приготовлений. Кое-где произошло несколько небольших стычек, причем

теперь американцы далеко не всегда предоставляли англичанам право быть зачинщиками, и все военные склады, какие только удавалось обнаружить, немедленно захватывались — иной раз мирным путем, а иной раз и силой. Однако, поскольку большая часть английских войск была сосредоточена в Бостоне, остальным колониям почти нечего было делать, и, хотя их по-прежнему считали подданными английского короля, они пускали в ход любые средства, всячески стараясь утвердить свои права.

В Филадельфии был созван конгресс делегатов объединенных колоний, который возглавил широкое движение народа, впервые почувствовавшего себя единой нацией. Этот конгресс выпускал манифесты, где с большой силой провозглашались свободолюбивые принципы, и приступил к созданию армии, которая могла бы в случае нужды эти принципы отстоять. Под ее знамена были призваны колонисты, прошедшие военную школу на службе в королевской армии, а также вся та отважная и предприимчивая молодежь, которая готова была пожертвовать жизнью за дело, не сулившее ей даже в случае успеха почти никаких личных выгод. Во главе этих еще неопытных воинов конгресс поставил человека, который уже отличился на бранном поле, а много лет спустя оставил по себе славную, незапятнанную память.

Глава XIV

Встретимся мы при Филиппах.
Шекспир, «Юлий Цезарь»

В эту пору лихорадочного возбуждения, когда военная обстановка и лишения не сопровождались, однако, ни боями, ни опасностями, Лайонел, хотя и был поглощен происходящим, все же не мог забыть и то, что так близко его касалось. На другой день после сцены, разыгравшейся накануне вечером между миссис Лечмир и обитателями пакгауза, он рано утром вновь отправился туда в надежде рассеять свою мучительную тревогу, добившись окончательного разъяснения тайн, каким-то образом связывавших его со странным человеком, о котором ему ничего не было известно.

Последствия вчерашнего сражения уже начали сказываться; Лайонелу это бросилось в глаза, едва он ступил на рыночную площадь: обычно переполненная в это время, она была почти безлюдна. Ставни лавок открывались с опаской, и бостонцы глядели на лик солнца, будто сомневаясь, светит ли оно и греет, как прежде, в дни мира и спокойствия; в городе окончательно воцарились страх и недоверие. Несмотря на ранний час, все были уже на ногах, и бледность лиц редких прохожих свидетельствовала о том, что они провели бессонную ночь. Очевидно, не спала и Эбигейл Прей: Лайонел застал ее в той же убогой каморке, где ничто не изменилось со вчерашнего вечера, разве только глаза несчастной женщины; если иногда они походили на драгоценные камни, вставленные в жалкую оправу, то сейчас потускнели и запали, еще усиливая общее удручающее впечатление горя и нищеты.

— Я вторгаюсь к вам в неурочный час, миссис Прей, — сказал Лайонел, входя в комнату, — но мне нужно видеть вашего постояльца по чрезвычайно важному делу. Он, вероятно, наверху, не откажите известить его о моем приходе.

Эбигейл, мрачно и многозначительно покачав головой, ответила глухим голосом:

— Он ушел!

— Ушел! — воскликнул Лайонел. — Куда? И когда?

— Видно, гнев господен обрушился на людей, сударь, — ответила женщина. — Стар и млад, здравый и хворый — все лишились рассудка, все жаждут кровопролития; и человеку не дано знать, чем все это кончится.

— Но какое это имеет отношение к Ральфу? Где он? Вы не обманываете меня?

— Я? Избави бог, чтобы я кого-нибудь еще обманула, и тем более вас! Нет, майор Линкольн, этот чудной старик, проживший на свете столько лет, что даже может читать наши тайные мысли, как не дано простым смертным, ушел и, может быть, никогда не вернется.

— Никогда! Уж не прогнала ли ты его из-под жалкого своего крова?

— Мой дом все равно что у птиц небесных: пристанище всякого несчастного, кто нуждается в нем. Нет на земле местечка, майор Линкольн, которое я могла бы назвать своим, но когда-нибудь оно у меня будет — да, тесное жилище ждет всех нас, грешных, и дай бог, чтобы я

нашла в нем тот покой, который, говорят, находят в гробу! Я не лгу, нет, на этот раз я неповинна в обмане. Ральф и Джэб ушли вместе, но куда, не знаю. Может быть, они примкнули к народу там, за городом. Они ушли, как только взошла луна, и на прощанье старик предостерег меня — его голос будет звучать в моих ушах, покуда тишина могилы не оглушит меня.

— Ушел, чтобы примкнуть к американцам, и вместе с Джэбом! — повторил Лайонел в раздумье, не обратив внимания на последние слова Эбигейл. — Ваш сын попадет в беду из-за такого безрассудства, миссис Прей.

— Джэб за свои поступки не ответчик, да и разве ему что запретишь, как другим детям! — ответила Эбигейл. — Ах, майор Линкольн, если бы вы знали, какой он был здоровый, крепкий, красивый мальчик до пяти лет! Второго такого и не сыскать было во всем Массачусетсе. Но потом господь покарал и мать и сына: болезнь превратила его в то, что вы видели, — существо с обликом человека, но без человеческого разума, а я сделалась вот такой жалкой развалиной. Но все это давно предречено, и у меня было достаточно знамений! Ибо разве не сказано, что бог «накажет вину отцов на детях до третьего и четвертого колена»? Слава богу, за мои горести и прегрешения расплачиваться придется только Джэбу, внуков у меня не будет!

— Если какой-нибудь грех тяготит вашу душу, — сказал Лайонел, — и чувство справедливости и раскаяние должны бы побудить вас открыться тем, чье счастье может зависеть от вашего признания.

Эбигейл в тревоге подняла глаза на молодого человека, но, встретив его пронизывающий взгляд, смешалась и сделала вид, что стыдится беспорядка в комнате. Напрасно прождав ответа, Лайонел продолжал:

— Как вы, конечно, поняли еще вчера, у меня есть веские причины думать, что ваша тайна близко касается меня. Повинитесь в том, что вас так терзает, и я обещаю вам прощение и покровительство.

При столь решительных его словах Эбигейл отступила в глубь комнаты и написанное на ее лице раскаяние уступило место притворному удивлению, которое доказывало, что она отнюдь не новичок в лицемерии, если даже порой ее и мучат угрызения совести.

— Повиниться! — повторила она протяжным и трепе-

щущим голосом. — Все мы грешны и погибли бы, если б не кровь, пролитая за нас на кресте.

— Это так, но ведь вы говорили о преступлениях, которые попирают не только божеские, но и человеческие законы.

— Я! Майор Линкольн, я... я преступница? — воскликнула Эбигейл, делая вид, будто прибирает комнату. — Нет, у таких, как я, нет ни досуга, ни смелости нарушать законы! Майор Линкольн мучает бедную одинокую женщину, чтобы вечером позабавить господ офицеров за столом... Конечно, у каждого из нас есть свое бремя грехов, за которые придется ответить, — верно, майор Линкольн не слышал проповеди священника Хэнта в прошлое воскресенье о грехах нашего города!

Лайонел покраснел от досады, услышав хитрый намек Эбигейл, будто он обижает несчастную женщину, пользуясь ее беззащитностью, однако, возмущенный таким двуличием, он стал более осторожен и попытался выведать у нее тайну добротой и мягкостью. Однако все его ухищрения ни к чему не привели, ибо в Эбигейл он встретил куда более искушенного в обмане противника. С притворным удивлением она твердила одно: напрасно он так понял ее слова — она хотела только сказать, что и ей, как всем, присущи слабости нашей греховной человеческой природы. В этом смысле она не составляла исключения — подавляющее большинство людей, которые всех громче обличают испорченность человеческой натуры, как правило, бывают глубоко уязвлены, когда им указывают на их собственные прегрешения. Чем настойчивее он ее расспрашивал, тем сдержаннее она отвечала; наконец, негодуя на ее упрямство и втайне подозревая, что Эбигейл недостойно поступила со своим постояльцем, он в гневе покинул пакгауз, решив следить за каждым ее шагом, чтобы в подходящий момент нанести такой удар, который посрамит ее и заставит во всем признаться.

Под влиянием минутной досады и подозрений, которые, сколько он их от себя ни гнал, вызывала в нем миссис Лечмир, молодой человек твердо решил в этот же день оставить ее дом. Миссис Лечмир, если и знала, что Лайонел оказался свидетелем ее разговора с Ральфом (а об этом ей могла сказать только Эбигейл), не подала виду и встретила молодого человека за утренним завтраком с обычной приветливостью. Она выслушала его доводы с явным огор-

чением, и, когда Лайонел стал говорить, что война принесет перемены в его жизни, что его присутствие в доме причинит лишние заботы ей, пожилой женщине, и нарушит ее привычки, что он тревожится за нее, словом, все, что ему приходило на ум в оправдание подобного шага, глаза старухи неизменно с беспокойством устремлялись на Сесилию с таким выражением, которое в другое время, возможно, заставило бы его усомниться в бескорыстии ее гостеприимства. Молодая девушка, напротив, очевидно, была довольна его решением, и, когда бабушка обратилась к ней, спрашивая, привел ли он хотя бы одну сколько-нибудь основательную причину для переезда, она ответила с живостью, которая в последнее время была ей чужда.

— Конечно, дорогая бабушка, самую основательную причину — собственное желание. Майору Линкольну наскучили и мы и наша размеренная жизнь; и, на мой взгляд, подлинная вежливость требует, чтобы мы разрешили ему покинуть нас ради казарм и больше не уговаривали остаться.

— Мои побуждения остались непоняты, если желание покинуть вас...

— О сэр! Не утруждайте себя объяснениями. Вы привели столько доводов, кузен Лайонел, что истинное и главное ваше побуждение осталось скрыто. Но это может быть только скука.

— В таком случае, я остаюсь, — сказал Лайонел. — Самое страшное, когда тебя подозревают в бесчувственности.

Сесилия казалась и довольной и разочарованной. Несколько секунд она в замешательстве вертела в руках ложечку и даже с досады закусила хорошенькую губку, но потом ответила уже более дружелюбно:

— Я снимаю с вас это обвинение. Перебирайтесь к себе, если вам так угодно; а мы поверим в ваши маловразумительные причины для подобной перемены. К тому же на правах родственника вы, разумеется, будете навещать нас каждый день.

Итак, у Лайонела не оставалось больше повода изменить свое решение. И, хотя миссис Лечмир расставалась со своим молодым родственником с очевидной неохотой, совсем не похожей на ее обычно холодное и сдержанное обращение, майор Линкольн в то же утро переехал к себе.

...После этого миновало несколько недель. Из Англии,

как было описано в предыдущей главе, продолжали прибывать подкрепления, и в помощь медлительному Геджу в Бостоне появлялись всё новые генералы. Наиболее робкие среди колонистов пугались, когда слышали длинный список прославленных имен. Тут был Хау, потомок благородного рода, давно известного своими воинскими доблестями, — глава его уже когда-то пролил свою кровь на американской земле; Клинтон, тоже младший отпрыск именитой семьи, более известный личным мужеством и добротой, нежели суровыми качествами воина; изящный и утонченный Бергойн, успевший стяжать себе славу на полях брани в Португалии и Германии, славу, которую, впрочем, ему вскоре суждено было потерять в диких просторах Америки. Кроме того, следует упомянуть Пиго, Гранта, Робертсона и наследника герцога Нортумберлендского, каждый из которых командовал бригадой, не говоря уж о множестве менее известных офицеров, проведших юность в армии и готовых теперь применить свой опыт в войне с необученными землепашцами Новой Англии. И, словно этого списка было недостаточно, чтобы ошеломить неопытного противника, жажда воинской славы привлекла в эту точку, куда были обращены все взоры, цвет английской аристократической молодежи и среди последних того, кто впоследствии присоединил самый пышный венок к лаврам своих предков — наследника домов Гастингса и Мойра, бесстрашного, но еще не испытавшего своих сил юношу Родона[1]. В таком избранном обществе — со многими из этих молодых людей Линкольн был знаком еще в Англии — часы летели незаметно, и у него не оставалось времени подумать о причинах, приведших его самого в это место раздоров.

Однажды в теплый июньский вечер Лайонел через открытую дверь, ведущую из его кабинета в комнату, которую Полуорт с полным на то правом именовал «приютом гурманов», оказался свидетелем следующей сцены. За столом с важным видом судьи восседал Макфьюз, рядом с ним Полуорт, казалось, взявший на себя двойную роль судьи и писаря. Перед этим грозным трибуналом стоял Сет Седж — ему, как видно, пришлось все-таки от-

[1] Фрэнсис Родон, маркиз Гастингс (1754—1826) — английский военный и политический деятель. Получил известность как генерал-губернатор Индии (1813—1823).

ветить за вменяемые ему преступления, совершенные на поле боя. Молодому человеку не было известно, что его хозяин не попал в число обмененных пленных, и, желая узнать, что означало лукавое выражение, которое нет-нет да проскальзывало на мрачных лицах его друзей, Лайонел положил перо и прислушался.

— А теперь отвечай на предъявленные тебе обвинения, — начал Макфьюз суровым голосом, способным в известной степени внушить тот страх и почтение, которые говоривший силился вызвать, тараща отчаянно глаза. — Говори со смелостью мужчины и чистосердечием христианина, если они у тебя имеются. Почему бы мне не послать тебя сразу в Ирландию, чтобы ты получил заслуженные три бревна, из которых одно для удобства прибьют поперек? Если у тебя есть обоснованное возражение, выскажи его без отлагательств из любви к собственному костлявому бренному телу.

Шутники в какой-то мере достигли цели — обычное невозмутимое спокойствие, отличавшее Сета даже в минуты крайней опасности, казалось, покинуло его. Откашлявшись и посмотрев вокруг, чтобы удостовериться, на чьей стороне присутствующие, он, однако, ответил с похвальным мужеством:

— Потому что это незаконно.

— Брось свое крючкотворство! — прикрикнул на него Макфьюз. — И не морочь голову порядочным людям юридическими тонкостями, как каким-нибудь стряпчим в пышных париках! Тебе бы надо подумать о святом писании, безбожный нечестивец, потому что рано или поздно тебе придется распроститься с жизнью, и притом с непристойной поспешностью.

— Ближе к делу, Мак, — прервал его Полуорт, заметив, что раздражение уводит друга от желанной цели, — или я изложу дело, да так, что это сделало бы честь любому чрезвычайному советнику.

— Назначение чрезвычайных советников противоречит дарованной нам хартии и закону, — вдруг сказал Сет, чья отвага возросла, едва только дело коснулось его политических убеждений. — И, на мой взгляд, если министры попытаются сохранить их, начнутся большие беспорядки, а то и настоящая война, потому что вся страна поднялась.

— Беспорядки, ходячее ты криводушие! Убийца из-за угла! — взревел Макфьюз. — Ты называешь длившееся це-

лый день сражение беспорядками? И считаешь, что прятаться за оградой в бурьяне, класть ствол мушкета на голову Джэбу Прею, а казенную часть на пенек с тем, чтобы удобнее было стрелять в своего ближнего, похвальным способом ведения войны? Отвечай мне правду и гнушайся лжи, как гнушался бы есть что-либо помимо трески в субботу, — кто были те двое, что выстрелили мне прямо в лицо, спрятавшись в бурьяне, как я только что указывал?

— Простите меня, капитан Макфьюз, — вмешался Полуорт, — если я замечу, что усердие и возмущение опережают в вас благоразумие. Если мы будем так неосторожно допрашивать арестованного, то можем помешать целям правосудия. А кроме того, вы высказали только что хулу, с которой я никоим образом не могу согласиться. Настоящей треской не следует пренебрегать, особенно если подать ее в салфетке между двумя не столь нежными рыбами, чтобы сохранился дух. Я уже давно подумывал о том, что следует учредить субботний клуб, чтобы насладиться богатством залива и усовершенствовать способы приготовления трески!

— А мне разрешите заметить, капитан Полуорт, — возразил гренадер, негодующе взглянув на собеседника, — что ваши эпикурейские склонности доводят вас до каннибализма — иначе это не назовешь, — если вы способны рассуждать о еде, когда дело идет о жизни и смерти вашего ближнего...

— Как я понимаю, — перебил Сет, не терпевший ссор и подметивший симптомы закипавшего в его судьях раздражения, — капитан хочет знать, кто были двое неизвестных, выстреливших в него незадолго перед тем, как его ранило в плечо?

— Незадолго? Ну и лицемер! Это произошло с той быстротой, на какую способны кремень и порох.

— Может быть, тут все-таки какая-то ошибка, потому что многие из солдат были не в своем виде...

— Ты что же, хочешь сказать, что я напился перед лицом врага? — взревел гренадер. — Послушайте, мистер Седж, я вас добром спрашиваю: кто были те двое, что выстрелили в меня означенным образом? И помните, что человеку может наскучить задавать вопросы и не получать ответа!

— Ну, — мялся Сет, который хоть и был мастер увиливать, но с суеверным ужасом страшился прямой лжи, —

я полагаю... а капитан твердо уверен, что это случилось сразу же за Менотоми?

— Так уверен, как могут быть уверены люди, если только они не слепы, — сказал Полуорт.

— Значит, капитан Полуорт готов это засвидетельствовать?

— Думаю, что кусочек вашего свинца, почтеннейший Седж, до сих пор сидит в лошади майора Линкольна.

Под тяжестью улик Сет вынужден был сдаться; кроме того, гренадер захватил его в плен в ту самую минуту, когда он вторично в него целился, а посему американец весьма мудро рассудил, что лучше обратить нужду в добродетель и чистосердечно признать свою причастность к нанесению упомянутых ран. И все же самое большое, что допустила его привычная осторожность, были слова:

— Поскольку ошибки тут быть не может, я склонен думать, что эти двое были главным образом мы с Джэбом.

— «Главным образом»! Ах ты, сухопарая неуверенность! — воскликнул Макфьюз. — Если кто и был главный в этом трусливом покушении из-за угла, поранивший человека и искалечивший коня — пусть это и бессловесная тварь, а кровь у нее благороднее, чем у тебя, — то это ты, образина нескладная! Но я рад, что ты хоть признался. Теперь я спокойно посмотрю, как тебя повесят. Если у тебя есть, что сказать в свое оправдание, поторапливайся, иначе я с первым же кораблем отправлю тебя в Ирландию и в письме к вице-королю попрошу устроить тебе торжественную казнь и приличные похороны.

Сет, подобно многим людям его сословия, был очень хитер и изобретателен, но совершенно не понимал шуток. Обманутый гневом Макфьюза, в самом деле примешавшимся к притворному возмущению, когда гренадер упомянул о своей ране, Сет, чья вера в священную защиту закона сильно поколебалась, всерьез встревожился, подумав о превратностях военного времени и деспотической природе военной власти. Малая толика юмора, унаследованная им от предков-пуритан, не имела ничего общего с грубоватым остроумием ирландца, а то, чего Сет был лишен, он, естественно, не способен был понимать, поэтому в той мере, в какой его страх мог способствовать планам наших заговорщиков, они вполне достигли своей цели. Видя замешательство бедного Седжа, Полуорт наконец сжалился над ним и небрежно заметил:

— Пожалуй, я могу предложить мистеру Седжу способ спасти свою шею от петли и одновременно услужить старому приятелю.

— Слышишь, истребитель людей и животных? — воскликнул Макфьюз. — Сейчас же на колени и благодари мистера Полуорта за его великодушие!

Когда дело приняло такой оборот, у Сета немного отлегло от сердца, однако привычная осторожность при заключении всякого рода сделок побудила его скрыть свою радость, и он проронил с холодной осмотрительностью, сделавшей бы честь самому проницательному купцу с Кинг-стрит, что, «прежде чем дать ответ, он желал бы узнать условия».

— Условия такие, — ответил Полуорт, — сегодня же вечером вы получите пропуск и свободу, если подпишете этот договор, по которому обяжетесь на время осады, как и раньше, поставлять нам к столу перечисленные в списке припасы по указанным здесь ценам, настолько высоким, что против них не стал бы возражать даже самый скаредный ростовщик. Вот, возьмите документ и разжуйте его с тем, чтобы нам было что переварить.

Сет взял бумагу и изучил ее с той обстоятельностью, какую всегда проявлял, чуть только речь заходила о его денежных интересах. Не было цены, против которой он не возразил бы, и он так долго и упорно торговался, что в конце концов настоял на своем. Кроме того, он потребовал, чтобы в договор был включен пункт, освобождающий его от оплаты неустойки в случае, если власти колоний запретят подобные поставки, а под конец заявил:

— Если капитан обязуется взять на себя охрану моего имущества и возместить мне возможные убытки, я, куда ни шло, сделку заключу.

— Этот плут, даже выторговывая свою голову, хочет получить барыш! — воскликнул гренадер. — Не знаю, следует ли потакать его корыстолюбивым наклонностям, но уж так и быть. Полли, возьмем на себя охрану его имущества. Мы с капитаном Полуортом даем слово, что все будет в сохранности. Но посмотрим, что тут значится, — продолжал гренадер, с самым серьезным видом просматривая статьи договора. — Ба, Питер, да ты неплохо позаботился о своей кладовой! Говядина, баранина, поросята, репа, картошка, дыни и другие фрукты... но вот тут ошибочка — английские офицеры целый месяц надрывали бы

животы, если бы это написал ирландец! Как будто дыня — фрукт, а картошка — нет! Не вижу, однако, чтобы здесь говорилось о чем-либо особо существенном, если не считать еды! На́, мудрец, приложи-ка к этому свою руку, и я клянусь, что мы с тобой сварим кашу.

— Не лучше ли было бы закрепить на бумаге и последний уговор? — сказал Сет. — На всякий случай.

— Вот так плуты сами себя и наказывают! — воскликнул Макфьюз. — Два капитана дали слово чести, а он эту их честь готов променять на письменное обязательство! Требование слишком разумное, чтобы в этом отказать, Полли, и мы будем финансовыми самоубийцами, если его отвергнем, так что добавь небольшой параграф внизу, поясняющий ошибку, в которую впал этот джентльмен.

Полуорт не замедлил это исполнить, и через несколько минут все было улажено к полному удовлетворению сторон: капитаны поздравляли себя, что успешно осуществили свой план и стол их не оскудеет от осады, а Сет не видел особых препятствий к выполнению соглашения, сулившего большие выгоды, хотя сомневался, признал ли бы суд эту сделку законной. Пленнику объявили, что он свободен, и посоветовали поскорее воспользоваться пропуском и покинуть город без лишнего шума. В последний раз тщательно просмотрев обязательство, Сет ушел, довольный выторгованными условиями и радуясь возможности ускользнуть от гренадера, чей полусерьезный, полунасмешливый взгляд озадачивал его несравненно больше, чем все, что до сих пор требовало его проницательности. После его ухода оба героя уселись за вечернюю трапезу, от души смеясь успеху своей остроумной затеи.

Лайонел, ни слова не говоря, дал Сету выйти из комнаты, но, едва только его хозяин нерешительным шагом покинул собственный дом, молодой человек, не сказав никому, что слышал все, последовал за ним на улицу с похвальным намерением самому поручиться за сохранность его имущества. Однако он вскоре убедился, что не так-то легко угнаться за человеком, который только что вырвался на волю после длительного заключения и, видимо, рад-радешенек поразмять ноги. Сет чуть ли не бежал, пока не привел Лайонела на окраину, где молодой человек увидел, как он встретился с каким-то мужчиной и оба они нырнули под арку, ведущую в темный и узкий двор. Лайонел прибавил шагу и, когда очутился в подворотне, успел

заметить, как долговязая фигура его хозяина скользнула в ворота напротив, и в ту же минуту столкнулся лицом к лицу с мужчиной, который только что беседовал с Сетом.

Когда Лайонел посторонился, свет фонаря упал на незнакомца, и молодой человек узнал председателя недавнего политического собрания, хотя тот надвинул шляпу, закутался и, если бы пола его плаща случайно не откинулась, прошел бы мимо самого близкого друга неузнанным.

— Вот мы и опять встретились! — вырвалось у Лайонела от неожиданности. — Но, очевидно, нам суждено встречаться под покровом ночи.

Незнакомец вздрогнул и сперва явно хотел пройти мимо, делая вид, будто Лайонел ошибся, но потом овладел собой, повернулся и непринужденно, с достоинством ответил:

— Два раза встретились, в третий не миновать. Я рад видеть майора Линкольна здравым и невредимым после опасностей, которым он недавно подвергался.

— Опасности, вероятно, сильно преувеличены теми, кто сочувствует ослушникам нашего государя, — холодно ответил Лайонел.

— Я не стану оспаривать сведений человека, столь тогда отличившегося, — ответил незнакомец со спокойной, но гордой улыбкой, — однако позволю себе напомнить, что если переход до Лексингтона, как и наши встречи, происходил под покровом ночи, то отступление было озарено ярким солнцем и его видели все.

— Мне нечего скрывать, — ответил Лайонел, раздосадованный самообладанием своего собеседника, — но, быть может, человек, с которым я говорю, боится показываться на улицах Бостона средь бела дня?

— Человек, с которым вы говорите, майор Линкольн, — отвечал неизвестный, шагнув к Лайонелу, — осмеливался ходить по улицам Бостона и днем и ночью, когда чванные прислужники того, кого вы именуете своим государем, гордо расхаживали по ним в дни безопасности и мира; неужели же он побоится ступать по родной земле, когда народ поднялся, чтобы посрамить их!

— Для врага, находящегося в пределах британского лагеря, вы говорите довольно смело! А вы не спросили себя, чего требует от меня долг?

— Это вопрос, на который майору Линкольну может

ответить только его собственная совесть, — сказал неизвестный, — хотя, — добавил он после небольшой паузы и более мягким тоном, словно вспомнив об опасности своего положения, — среди его предков, когда они жили в родной стране, не было доносчиков.

— Не станет им и потомок. Но пусть это будет нашим последним свиданием, пока мы не встретимся как подобает друзьям — или врагам, которые могут отстаивать свои убеждения с оружием в руках.

— Аминь! — произнес неизвестный и, схватив руку Лайонела, пожал ее с благородной горячностью. — Час этот не очень далек, и пусть правое дело восторжествует.

Не сказав более ни слова, он плотнее закутался в плащ и быстро зашагал прочь, так что Лайонел, если бы даже захотел, не смог бы его остановить. О том, чтобы догнать Сета, теперь нечего было и думать, и молодой человек в глубокой задумчивости медленно побрел домой.

Последующие два-три дня ознаменовались более усиленными учениями в войсках; кроме того, как стало известно, несколько генералов из свиты Геджа тщательно обследовали соседний полуостров.

Лайонел терпеливо ждал развития событий, но, когда стало ясно, что военные действия вот-вот начнутся, он решил еще раз попытаться проникнуть в тайну странного обитателя пакгауза и с этой целью спустя четыре дня после описанной нами встречи с незнакомцем направился вечером к Портовой площади.

Вечерняя зоря давно уже отзвучала, и в городе стояла та глубокая тишина, которая сменяет шумливую суматоху казарм; улицы опустели, и по пути Лайонелу попадались лишь часовые, мерно расхаживавшие взад и вперед на своем посту, да офицеры, возвращавшиеся в этот поздний час с пирушки или дежурства. Ни огонька не светилось в окнах пакгауза, и обитатели его, если они были дома, спали. Взволнованный Лайонел продолжал свою прогулку, углубляясь все дальше в лабиринт узких мрачных улочек северной части города, пока неожиданно не очутился возле кладбища на Копс-Хилл. На этом холме английский главнокомандующий распорядился установить батарею тяжелых пушек, и Лайонел, не желая, чтобы его окликали часовые, свернул в сторону, прошел по гребню холма и, усевшись на камень, задумался о собственной судьбе и положении в колониях.

Ночь была темной, но нависший над бухтой туман порой рассеивался, и тогда при слабом мерцании звезд смутно выступали черные корпуса военных кораблей, стоявших на якоре в порту, и неясные очертания противоположного полуострова. Ночное безмолвие окутывало все вокруг, и, когда замирали протяжные окрики «Слушай!», доносившиеся с кораблей и батареи, наступала такая глубокая тишина, что казалось, вся Вселенная, уверовав в безопасность, безмятежно опочила. В такую минуту, когда становилось слышно даже легкое дуновение полуночного ветерка, до слуха молодого человека вдруг донесся легкий плеск, будто кто-то осторожно греб. Он прислушался и, всмотревшись в ту сторону, откуда доносились эти слабые звуки, увидел скользившую по глади залива лодку, которая так легко и плавно пристала к усыпанному галькой берегу у подножия холма, что даже волны не набежало. Желая узнать, кто это в такой поздний час тайно пробирается в город, Лайонел уже хотел встать и спуститься к воде, но тут из лодки выпрыгнул человек и стал подниматься вверх по склону прямо к нему. Затаив дыхание и отступив в тень, отбрасываемую выступом скалы, Лайонел ждал, пока неизвестный приблизится шагов на десять, однако тот остановился как вкопанный и, видимо, так же, как он сам, затаив дыхание стал настороженно прислушиваться. Молодой человек наполовину извлек шпагу из ножен, а затем произнес:

— Не слишком ли это уединенное место и поздний час для прогулок, любезный?

Даже бесплотный призрак и тот не встретил бы эти неожиданно прозвучавшие слова с бóльшим спокойствием, чем человек, к которому они были обращены. Он медленно повернулся к Лайонелу, внимательно оглядел его с головы до ног и угрожающе прошептал:

— Там, на холме, ходит гренадер, у него ружье со штыком, если он услышит, что тут разговаривают, сразу обоих схватит, хоть один из них и майор Линкольн.

— Так это ты, Джэб, крадешься, как вор, ночью? — сказал Лайонел. — С каким же поручением тебя послали?

— Если Джэб вор, потому что пришел поглядеть на могилы Копс-Хилла, так, значит, воров тут двое.

— Молодец, хорошо сказано! — сказал Лайонел с улыбкой. — А все-таки, с каким это поручением явился ты в город в такой поздний час?

— Джэб любит ходить по кладбищу до петухов. Говорят, мертвые гуляют, когда живые спят.

— А ты что ж, хотел бы поговорить с мертвецами?

— Задавать им много вопросов грех, и спрашивать их надо именем Христовым, — ответил дурачок с такой мрачной торжественностью, что Лайонела, на которого не могли не подействовать ночная пора и уединение кладбища, пробрала дрожь. — Но Джэб любит бывать рядышком с покойниками, он хочет привыкнуть к здешней сырости, ведь, когда бог его приберет, он тоже будет гулять в саване в полночь.

— Тише! — произнес Лайонел. — Что это за шум?

Джэб замолчал, вслушиваясь не менее напряженно, чем Лайонел, потом ответил:

— Никакого шума нет. Это стонет ветер в заливе и волны накатывают на берег.

— Нет, это ни то и ни другое, — сказал Лайонел. — Я отчетливо слышал гул сотен голосов, или меня обманул слух.

— Может быть, это души покойников беседуют друг с другом, — сказал дурачок. — Говорят, их голоса похожи на шелест ветра.

Лайонел провел рукой по лбу, пытаясь обрести душевное равновесие, нарушенное торжественно-мрачным тоном своего собеседника, и медленно пошел прочь, а за ним по пятам молча последовал Джэб. Только дойдя до ограды, которой была обнесена обитель мертвых, молодой человек остановился и, прислонившись к ней, снова прислушался.

— Не знаю, быть может, меня смутили твои глупые разговоры, — сказал он, — но этой ночью тут в самом деле слышатся какие-то сверхъестественные, потусторонние звуки!.. Вот опять раздаются эти голоса, будто над заливом носятся сонмы живых существ... А сейчас мне почудилось, словно на землю бросают что-то тяжелое.

— Это комья земли падают на гробовые крышки, — сказал Джэб. — Мертвецы ложатся в могилы, нам пора уходить отсюда.

Тут Лайонел не стал больше раздумывать и с тайным ужасом, в котором при иных обстоятельствах постыдился бы признаться, чуть ли не бегом покинул кладбище и, пока не оставил позади себя почти половину Липн-стрит, даже не заметил, что Джэб по-прежнему следует за ним. Здесь его спутник пробормотал, как всегда тихо и невнятно:

— Вот дом, который построил губернатор, что пустился в море за деньгами! Он был такой же бедняк, как Джэб, а теперь, говорят, его внук важный лорд и его самого король тоже сделал лордом. Где бы человек ни добыл деньги, на море или на земле, король за них делает его лордом.

— Невысоко же ты ставишь монаршьи милости, — возразил Лайонел, кинув взгляд на «Дом Фипса» [1], мимо которого они проходили. — Ты забываешь, что и я стану одним из этих столь презираемых тобой лордов.

— Я знаю, — сказал Джэб, — а ведь вы тоже из Америки. Мне кажется, все бедняки едут из Америки к королю, чтобы стать важными лордами, а все сыновья важных лордов едут в Америку, чтобы стать бедняками. Нэб говорит, что Джэб тоже сын важного лорда!

— Значит, Нэб не умнее своего сына, — ответил Лайонел. — Но послушай, я хочу утром повидаться с твоей матерью; дай мне знать, в котором часу я могу прийти.

Не получив ответа, Лайонел обернулся и увидел, что дурачок уже покинул его и пробирается назад, к любимому своему месту среди могил. Раздосадованный этой новой сумасбродной выходкой Джэба, Лайонел поспешил к себе домой и сразу же бросился в постель, но долго ворочался и слышал оклики «Слушай!», прежде чем осаждавшие его видения позволили ему обрести желанный покой.

Глава XV

О, конечно, мы куда более благородные джентльмены, чем простые мужики, с которыми нам предстоит встретиться на поле брани. Кокарды на наших шляпах куда красивее, шляпы мы носим куда изящнее и в бальном зале будем чувствовать себя гораздо свободнее; однако не следует забывать, что самый блестящий щеголь среди нас покажется в Пекине неуклюжей деревенщиной.

Из письма боевого офицера.

Когда Лайонел под утро забылся наконец в тяжелом сне, картины прошлого и будущего смешались в его грезах. Он увидел отца, каким знал его в детстве: высокий,

[1] Уильям Фипс (1651—1694) был первым губернатором Массачусетса.

красивый человек, в самом расцвете сил, глядел на него с нежностью и кроткой печалью, появившейся в его взоре с тех пор, как мальчик стал единственной радостью одинокого вдовца. На сердце у Лайонела потеплело, но дорогой ему образ тут же растаял, уступив место полчищу страшных призраков, плясавших среди могил на Копс-Хилле, а жуткий хоровод скачущих мертвецов вел дурачок Джэб Прей, скользя между надгробиями, как пришелец с другого света. Вдруг мощный громовой раскат разогнал призраков, и они попрятались кто куда, но Лайонел видел, как из склепов и могил тут и там выглядывают позеленевшие лица, уставившись на него остекленевшими глазами, словно мертвецы знали, что в их власти леденить кровь живых. Видения были настолько живы и мучительны, что сознание порвало гнетущие путы кошмара, и он проснулся. Из-за занавесок веяло утренней свежестью, и солнце уже озаряло серые крыши города. Лайонел встал и несколько раз прошелся по комнате, тщетно пытаясь забыть свои ночные видения, как вдруг воздух потряс грохот, слишком хорошо ему знакомый, чтобы он мог его не узнать.

— Ого! — пробормотал Лайонел. — Значит, не все было сном и это не гром воображаемой бури, а говор пушек, понятный каждому солдату!

Он поспешил открыть окно и выглянул наружу. Гул тяжелой артиллерийской канонады не утихал, и Лайонел посмотрел по сторонам, чтобы узнать, что произошло. Гедж придерживался выжидательной тактики, думая нанести решающий удар лишь с прибытием подкреплений, а американцы были слишком плохо вооружены, чтобы потратить хотя бы один заряд пороха на подготовку штурма, который почти наверное был обречен на неудачу. Все это было хорошо известно майору Линкольну, и потому он с удвоенным любопытством пытался разгадать тайну неожиданной канонады. В соседних домах открывались окна, и оттуда тоже выглядывали встревоженные и удивленные лица. По безмолвным улицам спешил то полуодетый солдат, то озабоченный горожанин, и торопливые шаги выдавали снедавшее их тревожное любопытство. Женщины в смятении выбегали из своих жилищ, но на открытом воздухе грохот канонады слышался с удесятеренной силой, и они в страхе кидались назад, под защиту стен. Лайонел окликнул трех-четырех спешивших мимо

людей, но, растерянно взглянув на него, они, не останавливаясь, устремлялись дальше, словно опасность была слишком велика, чтобы вступать в разговоры. Убедившись, что так он ничего не добьется, молодой человек наспех оделся и спустился вниз. Выйдя из дома, Лайонел увидел бежавшего мимо артиллериста: одной рукой тот застегивал мундир, а в другой держал запальные трубки.

— Что это за стрельба, сержант, — спросил Лайонел, — и куда вы торопитесь с этими запалами?

— Мятежники, ваше благородие, мятежники! — ответил солдат, оглядываясь, но не сбавляя шага. — Бегу к своим пушкам!

— «Мятежники»! — повторил Лайонел. — Нам ли бояться толпы каких-то пахарей? Лентяй проспал дежурство и со страху, что его распекут за нерадение, выказывает усердие!

Горожане теперь сотнями высыпали на улицу, и многие спешили на близрасположенный Бикон-Хилл. Лайонел последовал их примеру. Вместе с двумя десятками бостонцев он карабкался вверх по крутому склону, ни о чем не спрашивая, поскольку все были столь же удивлены грохотом пушек, пробудившим их в такую рань, и через несколько минут уже стоял в толпе любопытных на поросшей травой плоской вершине холма. Солнце рассеяло тонкую пелену тумана, стлавшегося над водой, и взору открывался весь простор залива. Несколько судов стояло на якоре вблизи устья рек Чарлза и Мистика, прикрывая подступы к городу с северной стороны, и, когда Лайонел увидел столб белого дыма, окутавшего мачты одного из фрегатов, он сразу понял, откуда велась стрельба. Пока он смотрел, все еще не понимая, чем вызван этот военный парад, густые клубы дыма вырвались из борта линейного корабля, пушки которого тоже заговорили зычным голосом; почти тут же его примеру последовали несколько плавучих батарей и более легких судов, и скоро холмы, широким амфитеатром окружающие Бостон, огласились эхом сотен выстрелов.

— Что все это значит? — обращаясь к Лайонелу, воскликнул молодой офицер из его же полка. — Моряки не шутят, пушки бьют картечью, я это слышу по звуку.

— Я тоже ничего не понимаю, — ответил Лайонел. — Противника нигде не видно, но, поскольку пушки наведены на соседний полуостров, надо думать, что амери-

канский отряд пытается уничтожить копны сена в лугах.

Молодой офицер уже готов был согласиться с его догадкой, когда откуда-то сверху вдруг послышался крик:

— А вот ударила и пушка с Копс-Хилла! Все равно народ не запугают! Как бы ни грохали, пусть палят хоть до второго пришествия, массачусетцы с горы не уйдут!

Все подняли голову, и перед удивленными и посмеивающимися зрителями предстал Джэб Прей: дурачок забрался за решетку маяка; его обычно бессмысленное лицо сияло от восторга, и он яростно махал шляпой, когда всё новые и новые пушки присоединялись к грохоту канонады.

— Что там такое? — крикнул Лайонел. — Что ты видишь? Где твои массачусетцы?

— Где? — повторил дурачок и, как ребенок, радостно захлопал в ладоши. — Да там, куда они пробрались темной ночью и будут стоять насмерть среди бела дня! Наконец-то массачусетцы смогут заглянуть в окна старого Фанел-Холла! Пусть теперь подходят королевские войска — наши научат безбожных убийц уважать законы!

Лайонел, раздосадованный словами Джэба, сердито прикрикнул на него:

— Слезай со своего насеста, малый, и говори толком, не то я скажу вон тому гренадеру, он тебя живо снимет оттуда да еще проучит как следует!

— Но вы же обещали, что больше не позволите солдатам бить бедного Джэба, — захныкал дурачок, съежившись в своей клетке и исподлобья с опаской поглядывая на рослого гренадера. — А Джэб взялся выполнять все ваши поручения и не брать за это ни одной королевской кроны.

— Ну, так спускайся быстрей, и я не нарушу нашего уговора.

Успокоенный этим заверением и более мягким тоном Лайонела, Джэб соскочил с железного сиденья и, обхватив столб, легко соскользнул на землю, где майор Линкольн сразу же схватил его за плечо.

— Где твои массачусетцы? Отвечай!

— Там, — отвечал Джэб, указывая поверх крыш домов в сторону соседнего полуострова. — Они вырыли на Бридсе себе погреб, а сейчас укрепляют стены, и скоро вы увидите, на какое угощение они пригласят народ.

Стоило ему назвать место, как взоры толпы, которые до сих пор были обращены на корабли, вместо того чтобы искать противника, сразу устремились на зеленый холм, поднимавшийся чуть правее селения Чарлстон, и тут все объяснилось. Высокая конпческая вершина Банкер-Хилла, как и накануне, была пуста и безлюдна, но на оконечности более низкой гряды, тянувшейся вдоль берега, вырос невысокий вал, назначение которого каждому военному было ясно с первого взгляда. Редут, как ни был он мал и немудрящ, по самому своему расположению господствовал над всей внутренней гаванью Бостона и даже в какой-то мере угрожал расквартированному в городе гарнизону. Именно неожиданное появление этой словно по волшебству выросшей насыпи, когда рассеялся утренний туман, подняло на ноги спавших моряков, и она сразу сделалась мишенью всех корабельных пушек. Пораженные отвагой своих соотечественников, горожане молчали, а майор Линкольн и несколько стоявших тут же офицеров сразу поняли, что этот шаг противника поставит осажденных в тяжелое положение. Тщетно оглядывали они соседние холмы и всю видимую часть полуострова — других укреплений там, очевидно, не было. Их невежественные противники, не думая о последствиях, выбрали наилучшую позицию и за несколько коротких часов под покровом темноты воздвигли редут с такой быстротой, с какой могла состязаться только их отвага. Теперь майору Линкольну вдруг открылась правда, и, вспомнив приглушенный шум, который ночной ветерок донес до его ушей, и воображаемые призраки на кладбище, что продолжали преследовать его даже во сне, пока их не рассеял дневной свет и грохот пушек, он почувствовал, как щеки заливает горячая краска стыда. Приказав Джэбу следовать за собой, он поспешно спустился с холма, а затем обернулся и сказал:

— Ты тоже этой ночью потрудился!

— Джэбу хватает дела днем. Зачем ему работать ночью, когда одним только мертвым не лежится? — ответил дурачок с таким бессмысленным видом, что сразу обезоружил рассерженного молодого человека.

Лайонел улыбнулся, вспомнив свои ночные страхи, и пробормотал:

— Мертвые! Нет, это потрудились живые и вдобавок смельчаки, если они отважились на такое дело. Но скажи, Джэб, — больше все равно ты меня не обманешь, — сколь-

ко было американцев на холме, когда ты ночью переправился через Чарлз, чтобы навестить покойников на Копс-Хилле?

— Оба холма кишмя кишели: Бридс-Хилл — людьми, а Копс — призраками; Джэб думает, мертвые встали поглядеть, как их дети копают землю по соседству с ними.

— Очень может быть, — согласился Лайонел, решив не противоречить дурачку, чтобы не возбудить у него подозрений. — Но если мертвые невидимы, то живых можно сосчитать?

— Джэб насчитал пятьсот человек, когда они при свете звезд проходили мимо Банкер-Хилла с кирками и лопатами, но потом сбился — забыл, что дальше идет: семьсот или восемьсот.

— А после того как ты сбился, еще проходили?

— Массачусетс не так уж беден людьми, чтобы не набрать тысячи, если кликнуть.

— Но у вас, вероятно, был мастер по таким сооружениям? Уж не охотник ли на волков из Коннектикута?

— Мастер рыть погреба найдется и здесь, незачем так далеко ходить! Дикки Гридли, бостонец.

— А, так он главарь! Ну, раз командует не коннектикутский зверобой, нам бояться нечего.

— А вы думаете, старый Прескот уйдет с холма, пока у него есть хоть зернышко пороха? Нет, нет, майор Линкольн, в храбрости он может поспорить с самим Ральфом, а Ральфа ничем не испугаешь!

— Но, если они начнут часто палить из пушек, их небольшого запаса пороха ненадолго хватит и им поневоле придется отступить.

Джэб презрительно рассмеялся:

— Да, если б массачусетцы были так же глупы, как королевские войска, и стреляли из больших пушек. Но пушкам колонистов надо лишь самую малость серы, да их не больно много. Пусть только королевские солдаты сунутся на Бридс, народ научит их уважать законы!

Узнав от дурачка все, что было возможно, о численности и вооружении американцев, Лайонел не стал терять драгоценные минуты на пустые разговоры и, велев Джэбу зайти к нему вечером, расстался с ним. Вернувшись домой, Лайонел заперся у себя в кабинете и несколько часов писал и разбирал бумаги. Одно письмо доставило ему особенно много труда. Он писал, рвал начатый лист, брал

новый по крайней мере раз пять или шесть, прежде чем запечатать, а конверт надписал с какой-то даже небрежностью, показывавшей, что терпение его иссякло. Затем письма были вручены Меритону с наказом доставить их адресатам, если до утра не последует другого распоряжения. И только тогда молодой человек наспех проглотил давно дожидавшийся его не слишком обильный завтрак. Пока Лайонел сидел запершись в кабинете, он несколько раз откладывал перо и прислушивался к проникавшему в комнату шуму, который говорил о том, что волнение успело распространиться по всему городу. Покончив наконец со всеми делами, он взял шляпу и быстрыми шагами направился к центру.

По мостовой с грохотом катили пушки, за ними двигались повозки с боевыми припасами и спешили артиллерийские офицеры и прислуга. Мчались галопом адъютанты с важными донесениями, то и дело из какого-нибудь дома выходил офицер, на мужественном лице которого гордость боролась с унынием, когда, обернувшись, он ловил на себе сокрушенный взгляд провожавших его удаляющуюся фигуру прелестных глаз, обычно встречавших его с доверием и любовью. Впрочем, Лайонелу некогда было размышлять над этими мельком замеченными грустными сценками, слишком красочным и оживленным было окружающее зрелище.

Время от времени звуки военной музыки вырывались из-за поворотов причудливо изгибавшихся улиц и какой-нибудь батальон дефилировал мимо, направляясь к назначенному для переправы месту. Лайонел на мгновение задержался на перекрестке, любуясь твердой поступью отряда гренадеров, и вдруг увидел могучую фигуру и суровое лицо Макфьюза. Капитан маршировал впереди своей роты с важностью, доказывавшей, что для него четкий шаг немаловажная вещь. Неподалеку от него крутился Джэб Прей, взиравший на стройные ряды с немым восхищением; уши дурачка бессознательно впитывали воодушевляющую музыку оркестра, и он старался идти в ногу с солдатами. За бравыми гренадерами показался батальон, который, как увидел по нашивкам Лайонел, принадлежал к его полку. Во главе колонны шел добряк Полуорт. Помахав рукой, он крикнул приятелю:

— Слава богу, Лайонел! Слава богу, теперь повоюем по всем правилам, оленьей травли у них больше не выйдет,

Но тут звуки рожков заглушили его голос, и Лайонелу оставалось только помахать ему в ответ. Однако, глядя на проходивших мимо однополчан, он вспомнил, зачем и куда шел, и поспешил дальше, к дому главнокомандующего.

У дверей губернаторского дворца толпились военные; одни ожидали аудиенции, другие с озабоченным видом торопливо входили и выходили, очевидно исполняя какие-то важные поручения. Едва только доложили о майоре Линкольне, как к нему вышел адъютант и, к немалому недовольству полдюжины офицеров, напрасно дожидавшихся уже несколько часов, с учтивой поспешностью пригласил его к губернатору.

Лайонел, не слыша поднявшегося позади ропота, последовал за ним и вскоре очутился в кабинете, где только что закончилось заседание военного совета. На пороге Лайонел вынужден был посторониться, чтобы пропустить генерала. Наклонившись вперед и о чем-то сосредоточенно думая, тот, видимо, куда-то спешил, однако его мрачное лицо на миг прояснилось, когда он ответил на низкий поклон молодого человека. Вокруг генерала теснились молодые офицеры, и, когда они гурьбой выходили, Лайонел из обрывков разговоров понял, что все они торопятся на поле боя. В комнате было полным-полно военных и полковников, но среди них кое-где мелькали и штатские, по разочарованному и недовольному виду которых нетрудно было догадаться, что это те самые чрезвычайные советники, чьи пагубные советы привели к столь роковым последствиям. Оставив растерянных штатских, к Лайонелу направился Гедж, выделявшийся скромностью своего мундира среди окружающего блеска золотого шитья и шнуров.

— Чем могу служить, майор Линкольн? — спросил он, сердечно пожимая руку молодому человеку, словно радуясь тому, что избавился от докучливых советчиков, которых так бесцеремонно покинул.

— Я только что встретил свой полк — он направился к лодкам, — и я осмелился побеспокоить ваше превосходительство, чтобы узнать, не пора ли его майору приступить к своим обязанностям.

Тень омрачила спокойное лицо генерала, но потом он ответил с дружеской улыбкой:

— Для такого дела хватит и аванпостов, да и кончится

оно быстро. Но если я удовлетворю просьбу всех рвущихся в бой храбрых офицеров, какой-то несчастный бугорок земли может слишком дорого обойтись войскам его величества.

— Но разрешите напомнить, что несколько поколений рода Линкольнов жили в этой провинции и поведение члена этой семьи может служить благим примером.

— О, мы видим здесь достаточный залог верности колоний; в подобной жертве нет никакой необходимости, — отвечал Гедж, небрежно оглядываясь на стоящую позади него группу. — Военный совет решил, какие офицеры будут участвовать в деле, и фамилия майора Линкольна не была упомянута, хотя я глубоко об этом сожалею, так как знаю, что вам это неприятно. Жизнь ценных людей незачем напрасно подвергать опасности.

Лайонел поклонился и, сообщив то немногое, что ему удалось узнать от Джэба, отошел от главнокомандующего. Стоявший поблизости генерал, видя разочарованное лицо молодого человека, улыбнулся и, с непринужденностью светского человека взяв его под руку, пошел с ним к двери.

— Значит, как и мне, Лайонел, вам не придется сегодня сразиться за короля, — сказал он, когда они вышли в переднюю. — Хау повезло, если можно назвать везением участие в таком пустячном деле. Что ж, пойдемте со мной на Копс, будем просто зрителями, раз уж нам не дано участвовать в спектакле; может быть, почерпнем материал если не для эпической поэмы, то хоть для фарса.

— Простите, генерал Бергойн, но я смотрю на предстоящее сражение серьезнее, чем вы.

— Ах, да, я и забыл, что вы были в свите Перси на лексингтонской охоте! — прервал тот. — Ну, так назовем это трагедией, если это вам больше нравится. Что касается меня, Линкольн, то мне до смерти надоели эти кривые улочки и мрачные дома, и, так как у меня есть склонность к поэзии природы, я, будь у меня на то власть, давно бы уже скакал по брошенным полям этих пахарей... Но вот и Клинтон; он тоже собирается на Копс, где мы все можем получить урок военного искусства, наблюдая, как Хау поведет свои батальоны.

К ним подошел военный средних лет. Его плотная фигура, не обладавшая, правда, изяществом и непринужденностью генерала, все еще державшего Лайонела под руку,

отличалась, однако, воинственной осанкой, которой был совершенно лишен мешковатый и неторопливый Гедж. В сопровождении нескольких адъютантов все трое покинули губернаторский дворец, чтобы занять наблюдательный пост на не раз уже упоминавшемся нами холме.

Когда они вышли на улицу, Бергойн отпустил руку своего спутника и с подобающей важностью пошел рядом с собратом-генералом. Лайонел воспользовался этим, чтобы отстать от них и, следуя в некотором отдалении, понаблюдать за настроениями местных жителей, чем остальные считали ниже своего достоинства интересоваться. Из всех окон выглядывали бледные, взволнованные женские лица, а не менее любопытные и более смелые представители мужского пола заполонили крыши домов и колокольни. Барабаны уже не выбивали дроби на узких улочках, зато время от времени со стороны моря раздавался резкий звук дудки, — очевидно, войска уже начали переправляться на соседний полуостров. Перекрывая все, слышался неумолкающий грохот канонады, беспрерывно сотрясавший воздух с самого рассвета, так что ухо, привыкнув к нему, стало различать более слабые звуки, о которых мы упоминали.

Чем ближе к заливу, тем пустыннее становились улицы; открытые окна и распахнутые двери указывали, с какой поспешностью патриотичные бостонцы кипулись туда, где лучше можно было наблюдать за сражением. Такая горячность вызывала сочувствие даже у английских офицеров, и все, прибавив шагу, скоро выбрались из тесноты узких и мрачных закоулков на холм, откуда открывался широкий, ничем не заслоненный вид на залив.

Театр военных действий лежал внизу как на ладони. Почти прямо перед ним находилось селение Чарлстон; крыши, над которыми не вилось ни одного дымка, и опустевшие улицы придавали ему сходство с кладбищем; если же на главных улицах и замечались какие-то признаки жизни, то это была чья-нибудь одинокая фигура, торопливо шагавшая среди окружающего безлюдья, словно спеша покинуть проклятое место. В какой-нибудь тысяче ярдов, на противоположном мысу с юго-восточной стороны полуострова, земля уже кишела солдатами в красных мундирах и в лучах полуденного солнца ярко сверкало оружие. А между ними и притихшим селепием, ближе к последнему, от узкой полоски берега круто поднималась уже упо-

мянутая нами гряда холмов высотой в пятьдесят — шестьдесят ярдов, увенчанная скромным редутом — причиной всего этого переполоха. Простиравшиеся справа луга безмятежно зеленели, как в дни мира и благоденствия, хотя возбужденному воображению Лайонела представлялось, будто над заброшенными печами для обжига кирпича да и над всем полуостровом нависла зловещая тишина, созвучная предстоящим грозным событиям. Далеко слева, по ту сторону реки Чарлз, из американского лагеря на окрестные холмы высыпали тысячи людей; казалось, все население колонии собралось здесь, чтобы присутствовать при сражении, от которого зависела судьба нации. Бикон-Хилл возвышался среди гнетущего безмолвия Бостона, как живая пирамида человеческих лиц, и все глаза были устремлены в одну роковую точку. Люди с риском для жизни лепились на карнизах, куполах, церковных шпилях, мачтах и реях, поглощенные зрелищем и позабыв обо всем. Военные суда поднялись вверх по рекам или, точнее, по узким морским рукавам, образующим полуостров, и неутомимо обстреливали низменный перешеек, служивший единственной связью между окопавшимися на холме фермерами и их земляками на материке. Меж тем как англичане батальон за батальоном высаживались на мысу, ядра копсхиллской батареи и военных кораблей сыпались на естественный гласис, окружающий редут, зарывались в его земляной бруствер или же, перелетев, шлепались па пустынные склоны большого холма, возвышавшегося в нескольких сотнях ярдов позади, а черные, дымящиеся бомбы, казалось, парили над редутом, будто высматривая место, где взорваться.

Невзирая на эти устрашающие приготовления и беспрестанные помехи, мужественные фермеры на холме трудились не покладая рук все утро, стараясь возможно лучше укрепить занятую с такой дерзостью позицию. Тщетно англичане прибегали ко всем средствам, чтобы смутить упорствующего врага: заступ, кирка и лопата продолжали делать свое дело, и среди грома канонады и града ядер вал поднимался за валом так же неуклонно и добротно, словно фантастические бредни Джэба Прея соответствовали действительности и землекопы занимались обычным своим мирным трудом. Однако их бесстрашие никак не походило на молодечество, которое отличает солдат регулярной армии, будь они даже трусами в глубине души,

Чуждые военного показного блеска, в простой и грубой своей рабочей одежде, вооруженные тем оружием, которое сняли с крюка над очагом, даже без единого развевающегося над головой знамени, чтобы их подбодрить, они стояли насмерть, поддерживаемые только правотой своего дела и теми глубокими нравственными принципами, которые унаследовали от своих предков и стремились передать незапятнанными потомкам. Как стало впоследствии известно, они вынесли все труды и опасности, не имея пищи, столь необходимой для поддержания сил даже в часы досуга и праздности, тогда как неприятель на мысу в ожидании прибытия последних частей в полной безопасности наслаждался обедом, который для многих оказался последним. Роковая минута, видимо, приближалась. Отставшие лодки с арьергардом прибыли, и батальоны англичан пришли в движение, растекаясь вдоль берега под прикрытием холма. От полка к полку спешили офицеры с последним приказом командующего. В этот миг на вершине Банкер-Хилла показался отряд американцев и, быстро спустившись по дороге, скрылся в лугах по левую руку от своего редута. За ним последовали другие, которые по его примеру, несмотря на огонь корабельных пушек, прорвались через узкий перешеек и поспешили присоединиться к своим товарищам в низине. Британский генерал тут же решил предварить подход новых подкреплений и отдал давно ожидаемый приказ приготовиться к атаке.

Глава XVI

В жестокой битве этой бритт-гордец
Победный не стяжал себе венец.
Постиг тщету он замыслов своих,
Оплакивая смерть бойцов лихих.

Хемфри

В течение этого тревожного утра американцы видимости ради отвечали на огонь противника, дав несколько залпов из легких полевых пушек, словно в насмешку над страшной канонадой, которую поддерживали англичане. Но, когда приблизилась минута сурового испытания, над редутом нависла такая же гробовая тишина, как над опу-

стевшими улицами Чарлстона. На лугах слева от редута подошедшие отряды повстанцев поспешно соединили две изгороди, набросали сверху сена из стоявших вокруг копен и рассыпались вдоль ненадежного укрытия, которое было пригодно разве только на то, чтобы скрыть от неприятеля их слабость. За этим необычным бруствером несколько отрядов фермеров из соседних провинций Нью-Гемпшир и Коннектикут залегли с оружием в угрюмом ожидании. Их линия тянулась от берега до подножия гряды и обрывалась в двух или трех сотнях шагов позади укрепления, оставив широкую, идущую наискось брешь между изгородью и земляным бруствером, спускавшимся по склону холма от северо-восточного угла редута. За этой незамысловатой позицией поднималась на расстоянии нескольких сот ярдов все еще не занятая и не укрепленная голая вершина Банкер-Хилла; реки Чарлз и Мистик, обогнув подножие холма, так сближались здесь друг с другом, что шум их течения сливался. Королевские фрегаты непрерывно обстреливали низменный и узкий перешеек, а поблизости от него прятались многочисленные отряды повстанцев, не решавшиеся миновать опасное место.

Таким образом, Гедж почти полностью окружил полуостров, и храбрецы, дерзко подставившие себя под жерло его пушек, остались, как уже говорилось, без поддержки, без пищи и должны были одни, дедовским оружием защищать честь нации. Там собрались люди всех возрастов и званий. Вначале их было тысячи две, но к концу дня, повинуясь чувству долга и воодушевленные примером старого охотника, который, открыто смеясь над опасностью, снова и снова переходил перешеек, небольшие группки их земляков прорвались сквозь пушечный огонь и успели присоединиться к товарищам перед самым финалом кровавой схватки.

Отряд Хау несколько превосходил противника численностью, не говоря уж о том, что это были отборнейшие солдаты, а так как лодки в течение всего дня продолжали беспрерывно сновать между двумя полуостровами, неравенство сил оставалось неизменным до конца боя. И вот, считая себя достаточно сильным, чтобы взять укрепления столь презираемого им противника, Хау отдал приказ приготовиться к атаке, что и было исполнено на глазах у взволнованных зрителей. Хотя английский генерал, вы-

страивая свои полки, не сомневался в победе, он отдавал себе отчет, что предстоящее сражение будет нешуточным. Взоры десятков тысяч людей следили за каждым движением войск, и необходимо было поддержать славу английского оружия.

Войска построились в образцовом порядке, и колонны уверенно двинулись вдоль берега, чтобы занять удобные позиции под прикрытием гряды. Хау разделил свои силы: одна половина должна была преодолеть трудный подъем, а другая — идти вдоль берега и через сады в низине, туда, где в лугах залегли фермеры. Эта группа вскоре исчезла за фруктовыми деревьями и только что упомянутыми печами для обжига кирпича. Колонна, взбиравшаяся на холм, продвигалась неторопливо, чтобы дать время своим полевым пушкам присоединить их голос к грохоту канонады, разразившейся с новой силой, едва батальоны приготовились выступить. Добравшись до назначенного места, колонна разворачивалась в боевые линии, алея мундирами и сверкая оружием.

— Великолепное зрелище! — пробормотал стоявший рядом с Лайонелом Бергойн, живо воспринимавший поэзию своей мужественной профессии. — Красиво идут! Смотрите, как четко первая колонна поднимается на холм!

Лайонел не ответил — он был очень взволнован, — а генерал тут же забыл о сказанном: минута была слишком напряженной. Размеренное движение английских шеренг скорее напоминало церемониальный марш на смотру, нежели начало смертельного штурма. Реяли знамена, и временами, дополняя грубый грохот артиллерии, слышались воинственные и зажигающие звуки оркестров. Шагавшая в рядах самоуверенная молодежь оглядывалась на черневшие людьми холмы, шпили церквей, крыши, корабельные мачты и гордо улыбалась. Когда англичане оказались в виду маленького редута и начали постепенно сосредоточиваться перед его фасами, пушки одна за другой замолкли, и на не успевших еще остыть стволах пристраивался какой-нибудь любопытный артиллерист или усталый моряк, в немом удивлении созерцая открывшееся перед ним зрелище. Была минута, когда рев канонады, затихая, напоминал отдаленные раскаты грома.

— Не станут они драться, Лайонел! — возбужденно воскликнул Бергойн. — Военный парад Хау напугал мерзавцев, и победа будет бескровной!

— Посмотрим, сэр, посмотрим!

Не успел Лайонел ответить, как взвод за взводом англичан открыл огонь, вспышки выстрелов блеснули вокруг кромки холма, а вслед за тем грянули залпы из фруктового сада. Однако американцы по-прежнему молчали, и королевские войска медленно вошли в белое облако, порожденное их собственным порохом.

— Струсили, собаки! Клянусь небом, струсили! — снова воскликнул пылкий спутник Лайонела. — Хау уже в какой-нибудь сотне шагов от них и не потерял ни одного человека!

Вдруг огненная лента рассекла дым, словно молния, играющая в тучах, и прозвучал залп тысячи ружей. Нет, то была не только игра воображения, когда Лайонелу показалось, что полог дыма на холму заколыхался, будто окутанные им бывалые солдаты дрогнули под губительно близким огнем.

Однако спустя мгновение воодушевляющий боевой клич и громкие крики сражающихся, прорвавшись сквозь шум боя, донеслись через пролив. Десять тревожных минут пролетели, как одна секунда, и ошеломленные зрители на Копс-Хилле все еще напряженно следили за боем, как вдруг из толпы послышался крик:

— Ур-р-ра! Пусть негодяи только поднимутся на Бридс — народ научит их уважать законы!

— Сбросьте подлого бунтовщика с горы! Зарядите им пушку! — в один голос закричали десятка два солдат.

— Стойте! — вмешался Лайонел. — Это же помешанный, дурачок, слабоумный!

Но гневные возгласы так же быстро смолкли, уступив место другим чувствам, когда стало видно, что ярко-красные шеренги королевских войск появились из дыма, отступая перед сильным огнем противника.

— Ну, это какая-нибудь хитрость, чтобы выманить мятежников из укрепления! — сказал Бергойн.

— Это позорное отступление! — пробормотал суровый воин рядом с ним, чей опытный глаз сразу увидел замешательство в рядах наступающих. — Опять мы постыдно отступаем перед мятежниками!

— Ура! — снова закричал безрассудный Джэб. — А вон и солдаты из сада! Глядите, как гренадеры хоронятся за печами. Пусть только сунутся на Бридс — народ научит их уважать законы!

Вскочив на ноги, Джэб, махая над головой шляпой, выкрикивал оскорбления.

Без лишних слов, будто по молчаливому уговору, с полсотни солдат бросились к дурачку. Лайонел не успел даже крикнуть, как дюжина рук приподняла барахтающегося Джэба в воздух, пронесла его несколько шагов, и мгновение спустя он уже с такой стремительностью летел кубарем с крутого склона, что докатился до самой воды. Но, поднявшись на ноги, неустрашимый Джэб, махая над головой шляпой, продолжал выкрикивать оскорбления, затем вывел спрятанную за штабелем бревен лодку, вскочил в нее и, преследуемый градом камней, выплыл в пролив, где легкое суденышко быстро затерялось среди множества сновавших взад и вперед лодок. Но с беспокойством следивший за ним Лайонел видел, как Джэб пристал к берегу и вскоре скрылся из виду в затихших улицах городка.

Пока разыгрывалась эта маленькая интермедия, трагедия шла своим чередом. Ветер поднял пелену дыма, застилавшую гребень холма, и медленно погнал ее на юго-запад, открыв взору арену кровавой схватки. Лайонел заметил мрачные и многозначительные взгляды, которыми обменялись оба генерала, когда отняли от глаз подзорные трубы, и, взяв ту, что протянул ему Бергойн, понял, чем они вызваны, увидев число убитых, усеявших подступы к редуту.

Тем временем офицер, прибывший с поля боя, передал двум генералам какой-то важный приказ и поспешил к своей лодке, как человек, сознающий, что от его быстроты зависят жизнь и смерть множества людей.

— Передайте, все будет выполнено, — повторил вслед удалявшемуся офицеру Клинтон, хмуря брови. — Артиллерия получила приказ и выполнит его без отлагательства.

— Вот, майор Линкольн, — воскликнул его любящий пофилософствовать коллега, — одна из самых тяжелых обязанностей солдата! Драться, проливать свою кровь и даже умереть за монарха — его счастливое право; но подчас на его долю выпадает грустный долг — быть орудием возмездия.

Лайонелу недолго пришлось ждать объяснения: вскоре раскаленные ядра, описывая в воздухе широкую дугу, полетели в городок напротив, поджигая его скученные, легко воспламеняющиеся кровли. Через несколько минут густой черный дым поднялся над покинутыми жилищами, и раздвоенные языки пламени, словно радуясь такому раз-

долью, весело забегали по тлеющей дранке. Молодой человек с болью в сердце смотрел на разгорающийся пожар, и ему показалось, что он прочел глубокое сожаление в глазах того, кто не колеблясь отдал жестокий приказ спалить город.

Когда люди становятся свидетелями таких событий, часы кажутся минутами и время летит так же незаметно, как жизнь, ускользающая из-под ног старости. Смешавшиеся шеренги англичан были остановлены у подножия холма, и солдаты, повинуясь команде офицеров, снова стали строиться с примерной дисциплиной и порядком. Свежие батальоны, только что прибывшие из Бостона, гордо маршируя, влились в колонны; все указывало на то, что близится новая атака. Когда прошла первая минута оцепенения, вызванная неудачей англичан, войска и батареи принялись стрелять по врагу с удесятеренной силой. Ядра бешено перепахивали травянистый склон, а черные угрожающие бомбы, казалось, парили над редутом, будто воздушные хищники, готовые низринуться на добычу.

Но за низкими земляными брустверами все было тихо и недвижимо, словно их защитникам и дела не было до исхода этой кровавой битвы. Только на несколько мгновений на бруствере появился высокий старик; он неторопливо шагал по валу, хладнокровно разглядывая расположение отдаленных линий английских войск, потом его нагнал какой-то человек, и, обменявшись несколькими словами, они скрылись за насыпью. Лайонел услышал, как в толпе шепотом произносили имя Прескота, и подзорная труба не обманула его, когда ему показалось, что спутник старика — тот самый благородный незнакомец, который председательствовал на тайном политическом собрании.

Все глаза следили теперь за продвижением батальонов, которые вновь стягивались к редуту. Головы колонн уже были в виду неприятеля, как вдруг со стороны горящего городка вверх по склону устремился человек; пренебрегая опасностью, он остановился на естественном гласисе и торжествующе замахал шляпой. Лайонелу даже показалось, что он слышит ликующий возглас, и по нескладной фигуре узнал дурачка, прежде чем тот успел спрыгнуть за вал.

Правый фланг англичан снова скрылся в фруктовом саду, а колонны, двигавшиеся прямо на редут, опять в образцовом порядке развернулись с той внушительной

четкостью, которая достигается только дисциплиной. Блеснули стволы ружей, наведенных на вал, и Лайонел услышал, как стоявший подле него Клинтон пробормотал:

— Пусть только не открывает огонь и он ворвется в редут на острие штыков!

Но это оказалось слишком тяжким испытанием даже для привыкших к опасности королевских солдат. Раздался залп, за ним другой, и скоро шеренги англичан вновь исчезли в дыму собственных выстрелов. Тут ударили с редута, новые клубы дыма слились с прежним в одно облако, окутавшее сражающихся, словно затем, чтобы скрыть содеянное от зрителей. Раз двадцать за короткие двадцать минут майору Линкольну представлялось, будто непрекращающаяся трескотня американских ружей замирает, подавленная тяжелыми и правильными залпами англичан, но потом залпы как будто стали слабеть и промежутки между ними удлиняться.

Вскоре, однако, все стало ясно. Густой полог дыма, спустившийся теперь до самой земли, был порван в десятках мест, и видно было, что расстроенные ряды англичан в беспорядке отступают. Сверкающие шпаги офицеров тщетно пытались задержать лавину, и многие полки остановились, лишь достигнув лодок. Одобрительный гул, словно порыв ветра, пронесся над Бостоном, и люди глядели друг на друга с нескрываемым изумлением. Тут и там с неосторожных губ срывался радостный возглас, и многие глаза светились торжеством, которое не всем удавалось подавить. До этой минуты в душе Лайонела боролись два чувства: гордость за свою страну и воинский долг, но теперь последнее возобладало, и он стал грозно озираться, словно ища человека, который посмел бы радоваться поражению его товарищей. Бергойн все еще стоял рядом с ним, с досады покусывая нижнюю губу, но его более опытный товарищ внезапно исчез. Быстро оглядевшись, Лайонел увидел, что тот уже спустился с холма и собирается сесть в лодку. В один миг Лайонел очутился на берегу и еще издали крикнул:

— Подождите, ради бога, подождите! Сорок седьмой полк в бою, а я майор этого полка!

— Подождите его, — приказал Клинтон с той мрачной радостью, с которой встречают в беде надежного друга, — и гребите так, словно дело идет о вашей жизни, более того — о чести Англии.

Когда лодка отчалила от берега, у Лайонела голова все еще шла кругом, но уже на середине пролива он пришел в себя и мог оглядеться. Огонь перекидывался с кровли на кровлю, и все четыреста домов Чарлстона уже пылали, как один огромный костер. В вышине со свистом проносились ядра, и черные борта военных судов неустанно изрыгали пламя. Среди этого грохота и всеобщего беспорядка английский генерал и его спутники выскочили на берег. Клинтон бросился в толпу солдат, и они, узнав его и услышав его голос, опомнились и остановились. Но пришлось долго напоминать им о прошлой славе и доблести, прежде чем к солдатам, которые были обращены в бегство и теперь, оглядывая свои поредевшие ряды, недосчитывались и половины однополчан, вернулось какое-то подобие мужества. Среди войск стоял их суровый и непреклонный командующий, но от блестящих молодых офицеров, которые утром веселой гурьбой вышли с ним из губернаторского дворца, не осталось никого: кто был убит, кто ранен. Он один был, казалось, спокоен среди общего смятения и, как обычно, хладнокровно и решительно отдавал приказания. Наконец паника понемногу улеглась, и отважные, но посрамленные офицеры, снова овладев положением, восстановили порядок.

Оба генерала отошли в сторону и посовещались, после чего начались приготовления к новой атаке. На сей раз отказались от блеска и парада; солдаты оставили ненужную амуницию, а многие даже скинули мундиры, так как солнце немилосердно пекло, да и жар от пылающего городка давал себя знать даже у воды. Колонны были пополнены свежими ротами, и с луга сняли большую часть войска, оставив там лишь небольшой заслон с задачей отвлекать американцев, залегших за оградой. Когда подготовка завершилась, был дан сигнал к наступлению.

Лайонел присоединился к своему полку, но, маршируя на фланге колонны, он мог видеть почти все поле боя. Впереди шел батальон, от которого после предыдущих атак осталась лишь жалкая горстка. За ним следовал отряд морской пехоты под командой старика майора; затем растерянный и унылый Несбитт со своим полком, среди офицеров которого Лайонел тщетно высматривал добродушную физиономию Полуорта. Такие же колонны наступали справа и слева, охватывая редут с трех сторон.

Через несколько минут Лайонел ясно увидел перед со-

бой скромное и так и оставшееся незавершенным земляное укрепление, за обладание которым в этот день было напрасно пролито столько крови. Над редутом по-прежнему царила тишина, словно там не было ни живой души, но вдоль бруствера чернели грозные дула, следившие за движением подходивших колонн, как глаза тех страшных обитательниц наших лесов, которым молва приписывает способность завораживать свою жертву. По мере того как артиллерийская канонада стала затихать, грохот рушащихся домов и зловещий рев пожара слева сделались еще явственнее. Из тлеющих развалин поднимались черные столбы дыма и, расползаясь все шире, нависали над укреплением грозной тучей, бросавшей мрачную тень на поле сражения.

Тут стало видно, как из пылавшего городка на холм устремилась большая колонна, после чего общее наступление оживилось и ускорилось. По взводам передали, что противник приготовился, а вслед за тем последовала команда: «В штыки! В штыки!»

— Ура! Вперед, ирландцы! — закричал Макфьюз, бежавший во главе колонны, выскочившей со стороны горящего городка.

— Ура! — отозвался хорошо знакомый Лайонелу голос с безмолвствующего редута. — Пусть только сунутся на Бридс, народ научит их уважать законы!

В такие минуты мысль работает молниеносно, и Лайонелу показалось, что его товарищи уже завладели редутом, как вдруг шквал огня обрушился на передние ряды.

— ...адцатый батальон, вперед! — подгонял майор морской пехоты. — Вперед, не то честь победы достанется восемнадцатому!

— Куда там — под таким-то огнем! — ворчали солдаты ...надцатого батальона.

— Тогда посторонитесь и пропустите морскую пехоту!

Слабый батальон разомкнулся, и привыкшая к рукопашным схваткам морская пехота с громовым криком бросилась вперед. Американцы, истратившие весь порох, теперь угрюмо отступали, и кое-кто в бессильной ярости бросал в неприятеля камнями. Подведенная англичанами пушка стреляла по короткому брустверу с фланга, и его никак нельзя было удержать, а когда колонны подошли ближе к этому низкому валу, он послужил защитой как для оборонявших редут, так и для нападающих.

— Вперед, ирландцы! — снова закричал Макфьюз, взбегая на вал, лишь немногим превышавший его гигантский рост.

— Вперед! — отозвался Питкерн, потрясая шпагой, на другом конце укрепления. — Победа наша!

Над редутом вновь сверкнула лента пламени, и всех храбрецов, что последовали примеру своих офицеров, смело как ураганом. Гренадер еще раз издал свой военный клич и рухнул головой вперед, в гущу врагов, а Питкерн опрокинулся на руки собственного сына. Прогремел крик: «Сорок седьмой, вперед!» — и прославленный полк, в свою очередь, поднялся на укрепление. В неглубоком рву Лайонел пробежал мимо умиравшего старого майора, увидел обращенный к нему потухающий и безнадежный взгляд и через секунду сам оказался лицом к лицу с противником. По мере того как англичане рота за ротой вступали в беззащитный редут, американцы в угрюмом молчании отходили, отбиваясь от штыков прикладами мушкетов и ружей, зажатых в мускулистых руках. Когда они оказались на открытом месте, колонисты попали под близкий и губительный огонь английских батальонов, которые начали окружать их с трех сторон. Сражение превратилось теперь в дикую и беспорядочную свалку — из-за тесноты пользоваться огнестрельным оружием было невозможно, и началась отчаянная рукопашная.

Лайонел, перешагивая через трупы убитых, продолжал преследовать отступающего врага. Сумятица и горячка боя не помешали ему, однако, задержать свой взгляд на безжизненном теле незнакомца, с которым судьба трижды сводила его. Оно было распростерто на опаленной траве, обильно политой его кровью. Среди диких выкриков и еще более дикой злобы рассвирепевших людей молодой человек остановился и оглядел поле битвы взглядом, в котором читалось: пора прекратить побоище. В этот миг блестящий мундир офицера привлек горящий ненавистью взгляд смертельно раненного фермера, который, собрав последние силы, решил принести еще одну достойную жертву душам своих павших земляков. Блеснул выстрел. Сознание покинуло Лайонела, и он, бесчувственный к победе и к опасности, рухнул под ноги сражающихся.

Потеря одного офицера в таком сражении была обстоятельством слишком маловажным, чтобы обратить на это внимание; полк за полком проходил мимо него, и никто не

наклонился посмотреть, жив ли он. Когда американцам удалось наконец оторваться от противника, они беспорядочной толпой, унося своих раненых, быстро спустились в лощину между двумя холмами. Местность благоприятствовала отходу, и пули, не причиняя вреда, с визгом проносились над их головами, а когда американцы достигли склона Банкер-Хилла, то уже оказались вне досягаемости английских ружей. Видя, что сражение проиграно, засевший за оградой отряд фермеров покинул луг и скрылся за гребнем холма, догнав своих товарищей. Солдаты с криком преследовали их и, хотя пули не достигали цели, продолжали посылать вдогонку врагу залп за залпом. Однако на вершине Банкер-Хилла уставшие солдаты были остановлены, и отсюда они смотрели, как толпа американцев под неистовым фланговым огнем артиллерии бесстрашно пересекла перешеек, словно большинство из них были неуязвимы.

День клонился к вечеру. После того как противник исчез из виду, корабли и батареи прекратили обстрел, и вскоре там, где еще недавно свирепствовал жаркий бой, нельзя было услышать даже ружейного выстрела. Войска принялись укреплять холм, с таким трудом отбитый у врага, а генералам не оставалось ничего другого, как удалиться оплакивать дорого доставшуюся победу.

Глава XVII

Она заговорила? Нет, молчит.
Взор говорит. Я на него отвечу.

Шекспир, «Ромео и Джульетта»

Битва при Банкер-Хилле произошла в июне — на лугах еще стояли неубранные копны сена, — но за летними жарами пришли осенние холода, опали листья и уже наступил изменчивый февраль с его метелями и морозами, а майор Линкольн все еще лежал на той самой кровати, куда его уложили, когда принесли в беспамятстве с Чарлстонского полуострова. Все это время английским хирургам никак не удавалось извлечь глубоко засевшую пулю, а при всем знании и опыте у них не хватало духу

перерезать некоторые артерии и сухожилия у единственного наследника рода Линкольнов, не позволявшие им добраться до злополучного кусочка свинца, который, по их единодушному мнению, один препятствовал выздоровлению пациента. Так бедный Лайонел расплачивался за знатность, ибо, если бы на одре болезни томился Меритон, а не его хозяин, то он давно уже либо излечился бы, либо умер. Наконец, рассчитывая сделать здесь карьеру, из Европы прибыл предприимчивый молодой лекарь, который обладая бóльшим искусством или большей самоуверенностью (что порой приводит к тем же результатам), без колебаний высказался за немедленную операцию. Штабные врачи лишь высокомерно кривили губы в ответ на требование своего решительного коллеги, довольствуясь сперва лишь этим молчаливым свидетельством своего презрения. Но, когда друзья и родственники больного, всегда готовые внять шепоту надежды, дали согласие на то, чтобы самонадеянный приверженец зонда прибег к своим инструментам, его ученые собратья не только разомкнули уста, но подняли крик. И вот день-два даже измученные дежурствами, валившиеся от усталости молодые офицеры, забыв об опасностях и лишениях осады, с глубокомысленными лицами старались вникнуть в непонятную тарабарщину ученых мужей, и люди, которые даже перед лицом врага сохраняли невозмутимость, слушая их, бледнели и трепетали. Но, когда стало известно, что пулю благополучно извлекли и больной поправляется, воцарилась тишина, которая была несравненно более зловещей для рода человеческого, чем предшествующая буря. И вскоре смелый врач получил всеобщее признание как создатель новой теории. Чуть ли не все университеты Европы присвоили ему степень доктора медицины, старые понятия были изменены в угоду новым фактам, и, прежде чем закончилась война, несколько тысяч слуг его величества и немало патриотов-колонистов расстались с жизнью по всем правилам науки благодаря этому открытию.

Мы посвятили бы целую главу подробному описанию подобного события, если бы новейшие естествоиспытатели давным-давно не опровергли эту практику — а в таких случаях теория, по-видимому, отпадает сама — рядом смелых исканий, которые время от времени открывают нам что-то новое в анатомии человека, подобно тому как в географической науке китобои Новой Англии открыли

«Южную Землю» [1] там, где Кук не нашел ничего, кроме воды, или Парри [2] обнаружил вены и артерии в той части Американского континента, которую испокон веку считали состоящей из сплошного бесполезного хряща.

Но каковы бы ни были последствия операции для хирургической науки, пациенту она несомненно пошла на пользу. В течение семи долгих месяцев Лайонел скорее существовал, чем жил, мало сознавая, что происходит вокруг, и, к счастью для себя, почти не чувствуя боли. Временами пламя жизни слабо вспыхивало, как свет угасающей лампы, а затем, обманув опасения и надежды окружающих, больной опять впадал в прежнее полузабытье. Ошибочно полагая, что его хозяин тяжко страдает, Мериton пичкал его снотворным, и бесчувственное состояние Лайонела объяснялось отчасти неумеренными дозами опия, которыми он обязан был излишнему сердоболию своего камердинера. Во время операции ретивый хирург тоже прибег к этому болеутоляющему средству, и пациент много дней провел в тяжелом опасном забытьи, прежде чем организм, освободившись от навязанного ему инородного постояльца, восстановил свои естественные функции и стал набираться сил. По счастью, лекарь был слишком упоен своей славой, чтобы закрепить успех по всем правилам военного искусства, подобно великому полководцу, пользующемуся победой, чтобы добить врага, и непревзойденному доктору, Природе, дозволено было завершить исцеление.

Лишь только действие опия прекратилось, больному сразу стало лучше, и он надолго погрузился в спокойный сон. Проснулся он другим человеком, с обновленным телом и ясной головой, и, хотя мысли его еще слегка путались, все же они были отчетливее, чем за все месяцы после раны, полученной в схватке на Бридс-Хилле.

Когда Лайонел открыл глаза и впервые за все время болезни осмысленно посмотрел вокруг, было десять часов утра, комнату озаряло яркое солнце и отсветы ослепитель-

[1] Имеются в виду плавания американских китобоев к берегам Антарктики в 20-х годах XIX века Знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук, исследовавший южную часть Тихого океана в поисках предполагаемого Южного материка, утверждал, что если у Южного полюса и есть земля, то она находится южнее.

[2] Парри Уильям Эдвард (1790—1855) — английский путешественник, исследовавший северное побережье Северной Америки и открывший лежащий за ним архипелаг.

но сверкавшего снега. Занавески были подняты, и в спальне царил такой порядок, что по одному этому можно было заключить, как тщательно ухаживали за больным. Правда, в дальнем углу в кресле расположился Меритон, устроившись с удобством, которое скорее свидетельствовало о внимании к собственной персоне, чем к хозяину; камердинер вознаграждал себя за ночь бодрствования незаконным, а потому особенно сладким утренним сном.

Память разом вернулась к Лайонелу, но прошло некоторое время, прежде чем он мог в хаосе нахлынувших картин отделить истину от бреда и в какой-то мере представить себе, что же произошло за тот немалый срок, который он провел в полузабытьи. Без труда приподнявшись на локте, он раза два медленно провел рукой по лбу и лишь затем решился позвать камердинера. При звуках знакомого голоса Меритон вздрогнул, старательно протер спросонок глаза, вскочил и отозвался обычным:

— Что угодно, сударь?

— В чем дело, Меритон! — воскликнул майор Линкольн. — Ты спишь, словно новобранец на посту, а ведь тебе, наверно, тоже строго-настрого приказали не смыкать глаз.

Слуга стоял, остолбенев от радости, потом опять быстро провел рукой по глазам, но уже по другой причине.

— Слава богу, сударь, слава богу! Наконец-то вы пришли в себя, и мы опять заживем по-старому! Да, сударь, теперь-то вы поправились! Ну и чудодей же наш знаменитый лондонский хирург! Теперь мы поедем к себе в Сохо и будем жить, как цивилизованные люди. Слава богу, слава богу, сударь, вот вы и улыбнулись! Ничего, скоро опять на меня так посмотрите, что душа в пятки уйдет, как это бывало, когда я что-нибудь забуду!

Но тут Меритон вынужден был прекратить свои несвязные изъявления восторга, ибо слезы душили его. Бедняга за долголетнюю службу очень привязался к хозяину, а ухаживая за ним, еще больше полюбил его. Лайонел, сам растроганный таким проявлением преданности, тоже не мог вымолвить ни слова и с помощью всхлипывающего камердинера стал одеваться. Но вот, набросив на себя халат и опираясь на плечо слуги, он добрался до кресла, которое тот только что покинул, и, откашлявшись, словно у него вдруг запершило в горле, наконец проговорил:

— Будет, Меритон, будет. Будет, дуралей ты этакий!

Надеюсь, я проживу достаточно долго, чтобы еще не раз награждать тебя сердитым взглядом и парочкой гиней в придачу... В меня выстрелили в упор, я помню...

— Выстрелили! — перебил его камердинер. — Да вас просто-напросто злодейски убили! Сперва в вас выстрелили, потом вас проткнули штыком, после чего по вас проехал целый эскадрон кавалерии. Это мне говорил ирландец из королевского полка — он лежал с вами рядом и своими глазами все видел, а теперь жив, здоров и может об этом рассказать. Теренс хороший, честный малый, и, если б ваша милость, не дай бог, нуждались в пенсии, он бы охотно все это подтвердил под присягой на суде или в военном министерстве, где угодно.

— Охотно верю, — сказал Лайонел с улыбкой, хотя, когда камердинер упомянул о штыке, машинально ощупал свое тело, — но бедный малый, как видно, приписал часть своих ран мне — пуля мне в самом деле досталась, а кавалерию и штык я отрицаю.

— Нет, сударь, пуля досталась мне, и ее с цирюльным прибором положат со мной в гроб, когда меня похоронят, — сказал Меритон, разжимая кулак и показывая на ладони сплющенный кусочек свинца. — Она пролежала у меня в кармане все эти тринадцать дней, после того как мучила вашу милость целых полгода, засев в этих самых мышцах, что позади артерии, как бишь ее там... Но, как она ни пряталась, мы ее извлекли! Этот лондонский хирург — чистый чудодей!

Лайонел потянулся к кошельку, который Меритон каждое утро клал на ночной столик и каждый вечер убирал, и, положив несколько гиней во все еще протянутую ладонь камердинера, сказал:

— Такую свинцовую пилюлю надо подсластить золотом. Но убери эту пакость и чтоб я ее больше никогда не видел!

Меритон хладнокровно взял оба соперничающих металла, одним взглядом оценил количество гиней и небрежно сунул их в правый карман, тогда как драгоценную пулю опять бережно завернул в тряпицу и спрятал в левый, после чего принялся за свои обязанности.

— Я хорошо помню все сражение на Чарлстонских холмах до той самой минуты, когда меня ранило, — продолжал его хозяин, — и даже припоминаю многое из того, что было потом: за это время, кажется, прошла целая

жизнь. Но все же, Меритон, думаю, мысли мои не отличались особой ясностью.

— Бог ты мой, сударь, вы и разговаривали со мной, и бранили меня, и хвалили сто раз, но никогда не бранили так сердито, как умеете, и никогда не разговаривали и не выглядели так хорошо, как сегодня!

— Я в доме миссис Лечмир, — продолжал Лайопел, оглядывая комнату. — Я хорошо помню эту комнату и вон ту дверь, что ведет к винтовой лестнице.

— Конечно, сударь, госпожа Лечмир потребовала, чтобы вас принесли сюда прямо с поля боя. Да и что говорить, это самый лучший дом в Бостоне. Я так рассуждаю, что ваша почтенная родственница каким-то образом лишится права на него, если с вами что-либо случится!

— Удар штыка, к примеру, или удар копыта кавалерийского коня! Но с чего ты это взял?

— Да потому, сударь, что, когда госпожа Лечмир приходила сюда после обеда — а она приходила каждый божий день до того, как захворать, — она все бормотала про себя, что, если, не приведи господь, вы скончаетесь, все ее надежды на благополучие ее дома рухнут.

— Значит, это миссис Лечмир каждый день меня навещала, — задумчиво произнес Лайонел. — Я припоминаю женскую фигуру у своей постели, но она казалась мне моложе и живее тетушки.

— И вы не ошиблись, сударь, — такую сиделку, какая была у вас, днем с огнем не найдешь. Что кашку, что горячее питье, она готовила не хуже самой угодливой старухи в больнице, и, на мой вкус, самому лучшему лондонскому трактирщику поучиться у нее, как варить негус.

— Кто же обладательница всех этих драгоценнейших талантов?

— Мисс Агнеса, сударь, — сиделка на редкость мисс Агнеса Денфорт. Хотя насчет королевских войск, прямо скажу, не больно-то она их жалует.

— Мисс Денфорт, — разочарованно протянул Лайонел. — Но неужели она одна тут хлопотала? Ведь в доме достаточно женской прислуги, которая отлично может ходить за больным. Короче говоря, Меритон, неужели ей никто не помогал в ее заботах обо мне?

— Я помогал ей сколько мог, сударь, хотя мои негусы никогда так не удаются.

— Слушая тебя, можно подумать, что я все эти полгода

без отдыха тянул портвейн! — с раздражением бросил Лайопел.

— Бог с вами, сударь, да вы частенько и глотка не изволили отпить, хотя я всегда считал это дурным знаком, — вино-то оставалось не потому, что оно было плохим.

— Ну, хватит о твоем любимом питье! Мне даже слышать о нем уже противно! Но, Меритон, неужели никто из друзей и знакомых не справлялся о моем здоровье?

— А как же, сударь! Главнокомандующий каждый день присылал адъютанта или слугу; и лорд Перси оставлял свою карточку не реже...

— Ах, это все простая вежливость... Но у меня ведь есть родственники в Бостоне... мисс Дайнвор, — разве она не в городе?

— В городе, сударь, — ответил лакей, опять спокойно принимаясь расставлять пузырьки на ночном столике. — Где уж мисс Сесилии куда-нибудь схать!

— Она не больна, надеюсь?

— Господи, меня прямо за сердце хватает не то с радости, не то со страха, когда я слышу, что вы слять так быстро и громко говорите! Нет, не скажу, чтоб она была по-настоящему больна, но нет в ней такой живости и ловкости, как у ее кузины, мисс Агнесы.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что она все киснет: ни по хозяйству, ни рукоделием не займется, как другие. Усядется в кресло, в котором вы сейчас сидите, и сидит так часами не двигаясь, разве только вздрогнет, если ваша милость застонет, или изволит громко дышать через нос. Я так думаю, сударь, что она стихи сочиняет. Во всяком случае, она любит, что называется, предаваться «меланфолии».

— Вот как! — сразу встрепенулся Лайонел, что не преминуло бы удивить более наблюдательного собеседника. — А почему ты думаешь, что мисс Дайнвор слагает стихи?

— Да потому, сэр, что она очень часто держит в руках бумажку, и я видел, как она читала и перечитывала то же самое столько раз, что уж должна бы давно все запомнить наизусть, а стихотворцы всегда так поступают с тем, что сами напишут.

— Может быть, это было письмо? — воскликнул Лайонел с такой живостью, что Меритон выронил склянку, которую вытирал, к большому ущербу для ее содержимого.

— Бог ты мой, мистер Лайонел, как вы крикнули! Ну совсем как прежде!

— Просто я поразился, что ты так тонко разбираешься в тайнах стихосложения, Меритон.

— Все дело в практике, сударь, — самодовольно ухмыльнулся лакей. — Не могу сказать, чтобы я много упражнялся по этой части. Правда, однажды я сочинил «эпистафию» поросенку, который подох у нас в Равенсклифе, когда мы там были в последний раз; потом имел немалый успех со стихами о разбитой вазе, которую уронила горничная леди Бэб; дуреха уверяла, что это случилось из-за меня, — будто я хотел ее поцеловать, хотя всем, кто меня знает, понятно, что мне незачем бить вазы, чтобы добиться поцелуя у такой деревенщины!

— Хорошо, хорошо! — прервал его Лайонел. — Как-нибудь, когда я наберусь сил, я охотно послушаю твои опусы, а теперь, Меритон, ступай в кладовую и посмотри, нет ли там чего-нибудь: я ощущаю симптомы возвращающегося здоровья.

Польщенный камердинер тут же удалился, оставив своего хозяина наедине с его мыслями.

Прошло несколько минут, а молодой человек все сидел, подперев рукой подбородок, и поднял голову, только когда вдруг услышал чьи-то легкие шаги. Он не ошибся: Сесилия Дайнвор стояла в нескольких шагах от его кресла; высокая спинка и подлокотники почти скрывали от ее взора сидевшего в нем молодого человека. По тому, как она осторожно ступала, стараясь не шуметь, ясно было, что она думала найти больного там, где видела его в последний раз и где он столько месяцев пролежал в забытьи, безразличный ко всему. Лайонел следил за каждым ее движением, и, когда воздушная лента ее утреннего чепца откинулась в сторону, он поразился ее бледности. Но вот она отдернула полог кровати и, не найдя там больного, в мгновение ока обернулась к креслу. Тут она встретилась взглядом с молодым человеком; он смотрел на нее с восторгом, и в глазах его светились огонь и мысль, которых они так долго были лишены. В порыве чувств и радостного изумления Сесилия бросилась на колени рядом с креслом и, сжимая руку Лайонела в своих маленьких ручках, воскликнула:

— Лайонел, дорогой Лайонел, вам лучше! Слава богу наконец-то вы пришли в себя!

Лайонел осторожно высвободил руку из доверчиво сжимавших ее нежных пальчиков и развернул вчетверо сложенный лист, который она бессознательно вверила ему.

— Милая Сесилия, — шепнул он зардевшейся девушке, — это же мое собственное письмо! Я написал его, когда не знал, останусь ли жив, и выразил в нем самые чистые свои сердечные помыслы, — так скажите, смею ли я надеяться, что вы его хранили, дорожа им?

Сгорая со стыда, Сесилия на миг закрыла лицо руками, а затем, не в силах справиться с обуревавшим ее волнением, разрыдалась, как сделала бы всякая девушка на ее месте. Не к чему подробно повторять все нежные увещевания молодого человека, скажем только, что ему удалось не только остановить слезы Сесилии, но и побороть ее смущение: она подняла прелестное личико, и он прочел в ее ясном и доверчивом взгляде все, о чем только мог мечтать.

В этом письме Лайонел так прямо и откровенно писал о своем чувстве, что гордость девушки не могла быть уязвлена, и она столько раз его читала, что каждая фраза врезалась ей в память. К тому же Сесилия долго и любовно ухаживала за больным, и теперь ей и в голову не могло прийти прибегнуть к невинному кокетству, нередкому при подобных объяснениях. Она сказала все, что может в таких случаях сказать любящая, великодушная и скромная девушка, и надо признать, что, если Лайонел проснулся почти здоровым, немногое сказанное ею совсем его исцелило.

— И вы получили мое письмо наутро после битвы? — спросил Лайонел, нежно склоняясь к девушке, все еще стоявшей на коленях у его кресла.

— Да, да, вы ведь велели отдать его мне в случае вашей смерти. Но больше месяца никто не чаял, что вы останетесь живы. Ах, если бы вы знали, что́ это был за страшный месяц!

— Теперь все уже позади, ненаглядная моя! Слава богу, я буду здоров и счастлив!

— Да, слава богу, — пролепетала Сесилия, и на ее глазах снова навернулись слезы. — Ни за какие блага на свете я не согласилась бы вновь пережить подобное!

— Дорогая Сесилия, — ответил он, — только лелея и оберегая вас от соприкосновения с грубым миром, как сделал бы ваш отец, будь он жив, я могу надеяться отпла-

тить вам за всю вашу доброту и причиненные вам страдания.

Она доверчиво подняла к нему сияющие глаза:

— Я верю вам, Лайонел, — вы поклялись, и недостойно было бы сомневаться.

Сесилия не противилась, когда он привлек ее к себе и прижал к груди. Но тут послышался шум: кто-то поднимался по лестнице. Девушка вскочила, и не успел восхищенный Лайонел полюбоваться пунцовым румянцем на ее щеках, как она бросилась вон из комнаты с быстротой и легкостью лани.

Глава XVIII

Ставлю золотой — мертва!
Шекспир, «Гамлет»

Лайонел еще не опомнился от радостного волнения только что описанной сцены, как непрошеный гость, оповестивший о себе необычно тяжелым и гулким топотом, словно он передвигался на костылях, вошел в дверь, противоположную той, за которой скрылась Сесилия, и мгновение спустя раздался веселый, раскатистый голос посетителя:

— Да хранит тебя бог, Лео, и нас всех, потому что мы нуждаемся в его защите! Меритон сказал мне, что у тебя наконец появился первый признак истинного здоровья — хороший аппетит. Я готов был кинуться к тебе наверх с риском сломать себе шею, чтобы выразить свою радость, но потихоньку от миссис Лечмир заглянул на кухню показать повару, как надо жарить бифштексы, которые они тебе готовят. Превосходная штука после долгого сна, и чертовски питательная! Слава богу, мой бедный Лео! Твои веселые глаза так же благотворно действуют на мое настроение, как кайеннский перец на желудок.

Последние слова Полуорт проговорил почему-то хрипло и, отпустив руку своего воскресшего друга, поспешно отвернулся, якобы затем, чтобы пододвинуть стул, а сам смахнул слезу и громко откашлялся и только после этого сел. Во время всех этих маневров у Лайонела было время заметить, как сильно изменился капитан. Его фигу-

ра, хотя все еще полная, утратила былую округлость, а одну из нижних конечностей, которыми природа наделила человеческий род, заменяла топорно сделанная, подбитая железом деревянная нога. Эта печальная перемена особенно поразила майора Линкольна, который продолжал глядеть на деревяшку подозрительно увлажнившимися глазами даже после того, как Полуорт удобно расположился на своем мягком стуле.

— Я вижу, ты смотришь на мою подпорку, — сказал Полуорт с притворным равнодушием, поднимая искусственную конечность и похлопывая по ней тростью. — Конечно, она вырезана не столь изящно, как сделал бы ее, скажем, Фидий, но в таком месте, как Бостон, она неоценима, хотя бы потому, что нечувствительна ни к голоду, ни к холоду.

— Значит, американцы упорствуют? — спросил Лайонел, который был рад переменить разговор. — Город все еще в осаде?

— Они держат нас в постоянном страхе, с тех пор как море у берегов замерзло и открылся путь в самое сердце города. Вашингтон, их доморощенный генералиссимус из Виргинии, прибыл вскоре после того дела на полуострове (вот проклятая история, Лео!), а с ним все атрибуты настоящей армии. С того времени американцы подтянулись и стали больше походить на регулярное войско, хотя, если не считать мелких стычек, они предпочитают держать нас взаперти в нашем закутке, как беспокойных поросят.

— А что Гедж? Как он?

— Гедж! Мы отослали его, как супницу, когда суп съеден. Нет, нет, как только министры поняли, что мы покончили с ложками и всерьез взялись за вилки, они назначили главнокомандующим Мрачного Билли, а сейчас мы перестреливаемся с мятежниками, которые уже почувствовали, что наш вождь в военном деле не новичок.

— Да, с такими помощниками, как Клинтон и Бергойн, и располагая отборными войсками, позицию удержать легко.

— Ни одну позицию не легко удержать, майор Линкольн, ежели тебя морят голодом и холодом.

— Разве положение настолько отчаянно?

— Об этом можешь судить сам, друг мой. Когда парламент закрыл Бостонский порт, в колониях поднялся ропот, а теперь, когда мы его открыли и рады бы получить

их припасы, черта с два, ни одно судно своей охотой не входит в гавань... А, Меритон, я вижу, ты принес бифштекс. Поставь-ка его сюда, поближе к хозяину, и принеси еще одну тарелку — я неважно позавтракал сегодня утром... Так что мы вынуждены довольствоваться собственными ресурсами. Но и тут мятежники не дают нам спокойно ими насладиться... Мясо чудесно зажарено: видишь, как кровь сочится из-под ножа!.. Они дошли до того, что снарядили каперские суда, которые перехватывают наше продовольствие, и счастлив тот, кто может сесть за такую трапезу, как эта.

— Я никак не ожидал, что американцы окажутся способными поставить нас в такое затруднительное положение.

— То, что я рассказывал, хоть и очень серьезно, но не самое страшное. Если человеку повезло и он достал, из чего приготовить обед... надо было потереть тарелки луковкой, мистер Меритон... то ему еще надо раздобыть дров, чтобы его сварить.

— Видя блага, которыми я окружен, мой добрый друг, я не могу не думать, что ты по пылкости фантазии несколько преувеличиваешь размеры бедствия.

— А ты не думай такой глупости. Вот погоди, выйдешь из дому и убедишься, что все, к сожалению, правда. По части еды, если мы еще не дошли до того, чтобы пожирать друг друга, подобно жителям осажденного Иерусалима, то чаще всего находимся в еще худшем положении, так как вовсе лишены какой-либо здоровой пищи. А посмотрел бы ты, какая начинается потасовка между американцами и нашими из-за несчастного бревнышка, плывущего мимо города среди льдин, — и все это полуобмороженными руками, — тогда бы ты сразу поверил. Счастье, если пропитанный водой обломок старого причала не вызовет артиллерийской перестрелки. Все это я тебе рассказываю не потому, что брюзжу, Лео; слава богу, пальцев на ногах, которые нужно держать в тепле, у меня только половина, а что касается еды, мне многого не надо, раз уж, к великому моему прискорбию, мою бренную оболочку столь изрядно обкорнали.

Когда его друг попытался пошутить над своим несчастьем, Лайонел на несколько секунд грустно умолк, но потом с вполне естественной для молодого человека быстротой перехода от печали к радости воскликнул:

— Но в тот день мы все-таки победили, Полуорт! Захватили редут и развеяли мятежников, как ветер мякину!

— Гм! — протянул капитан, осторожно закладывая деревянную ногу на здоровую и с сокрушением на нее поглядывая. — Если бы мы лучше использовали природные возможности и, вместо того чтобы лезть напролом, обошли их позиции, многие вернулись бы с поля со всеми конечностями, а не так вот. Но Мрачного Билли хлебом не корми, а подавай штурмы. Ну что ж, на сей раз он получил что хотел.

— Он должен быть благодарен Клинтону за то, что тот подоспел вовремя.

— Когда ты видел, чтобы черт радовался праведнику? Как ни туго ему было, он предпочел бы тысячу мятежников. Хау и глядеть-то не хочет на своего великодушного спасителя с тех пор, как тот непрошенно сунулся между ним и противником. Если бы у нас не было по горло забот с убитыми и ранеными и не приходилось думать о закреплении отвоеванной позиции, поверь, для Клинтона дело не ограничилось бы одним мрачным видом и грозными взглядами.

— Я даже боюсь спрашивать о потерях, столько, должно быть, славных имен числится среди убитых.

— Да, конечно, трудно потерять убитыми полторы тысячи человек и не лишиться при этом кое-кого из самых лучших. Гедж, я знаю, исчисляет потери примерно в тысячу сто человек, но, после того как столько бахвалились и болтали попусту об американцах, нельзя же с места в карьер признать их доблесть. Хромому нелегко сделать первый шаг, как я знаю по собственному опыту, так что клади в среднем тысячу триста, и ты не очень ошибешься. Разумеется, среди них было немало храбрецов! Ряды легкой пехоты, которую я столь удачно покинул, сильно поредели. А от стрелкового полка почти никого не осталось, так что не знаю даже, наберется ли у них достаточно людей, чтобы оседлать своего козла! [1]

— А морская пехота! Она тоже, вероятно, сильно пострадала; я сам видел, как погиб Питкерн, — сказал Лайо-

---

[1] Этот полк держал «на счастье» козла с позолоченными рогами. Раз в год устраивалось празднество, в котором бородатое четвероногое играло видную роль. В битве при Банкер-Хилле полк отличился доблестью и потерями. — *Примеч. автора.*

нел и, замявшись, нерешительно проговорил: — Боюсь, что наш старый друг гренадер разделил его судьбу.

— Мак! — воскликнул Полуорт, украдкой кинув взгляд на собеседника. — Н-да, Маку не так повезло в этом деле, как в Германии. Гм... ты ведь знаешь, какой он был въедливый, Лео, чертовски дотошный служака, но благородная душа и натура широкая: если надо было оплатить счет в офицерской столовой, никогда не скупился. Я переправлялся в одной лодке с ним, и он позабавил нас своими оригинальными взглядами на военное искусство. По его словам выходило, что принять бой должны были одни гренадеры, — довольно странный взгляд на вещи был у Мака!

— Почти у каждого из нас свои причуды, и можно только пожелать, чтобы они были столь же безобидны, как невинные заблуждения бедного Денниса Макфьюза.

— Да, да, — сказал Полуорт, громко откашливаясь, словно для того, чтобы прочистить горло. — В мелочах — вроде там дисциплины, строевого устава — он был немножко упрям, но в важных вопросах покладист, как малое дитя. Любил пошутить, зато там, где дело касалось еды, менее привередливого или более неразборчивого человека я сроду не встречал. Я не мог бы пожелать ему большего зла, чем жить в наши трудные времена, когда все кажется особенно вкусным, и наслаждаться теми припасами, которые он с такой изобретательностью добыл у нашего бывшего хозяина, мистера Сета Седжа, пользуясь его алчностью.

— Стало быть, этот замечательный план все же в какой-то мере удался? — сказал Лайонел, желая поскорее переменить разговор. — Я полагал, что американцы более бдительны и не допустят подобных сношений.

— Но Сет был более предусмотрителен и своего добился. Цены действовали на его совесть, как снотворное, и, ссылаясь на вас, он, как я понимаю, заручился покровительством какого-то видного лица среди мятежников. Припасы появляются точно два раза в неделю, так же неизменно, как на порядочном обеде жаркое следует за супом.

— Значит, вы можете сообщаться с деревней, а деревня — с городом! Вашингтон, может быть, и закрывает на это глаза, но я бы поостерегся грозного взгляда Хау.

— Чтобы не дать пищи подозрениям и, кстати, сделать доброе дело, наш мудрый хозяин решил приспособить в

качестве посредника одного довольно известного здесь, если ты помнишь, малого — дурачка, по имени Джэб Прей.

Лайонел несколько секунд молчал, вспоминая все, что произошло в первые месяцы его пребывания в Бостоне. Весьма возможно, что к размышлениям безотчетно примешивалось какое-то неясное и все же тягостное чувство, потому что он постарался его подавить и сказал с напускной веселостью:

— Конечно, я хорошо помню Джэба — кто хоть раз видел его и разговаривал с ним, не скоро его забудет. Прежде он был очень ко мне привязан, но, вероятно, как это водится, забыл и думать обо мне, когда я попал в беду.

— Ты несправедлив к нему. Этот косноязычный дурачок не только часто справляется о тебе, но он, как мне кажется, иногда бывает лучше осведомлен, чем я, и, вместо того чтобы спросить, как ты себя чувствуешь, сам сообщает, что у тебя дело пошло на поправку, особенно после того, как извлекли пулю.

— Это, однако, довольно странно, — сказал Лайонел задумчиво.

— Не так уж странно, Лео, как может сперва показаться. Джэб все-таки что-то соображает, судя по тому, как он еще недавно выбирал блюда у нас за столом. Ах, Лео, Лео! Можно найти немало тонких гастрономов, но где мы найдем второго такого друга, человека, который мог и поесть, и пошутить, и выпить, и поспорить с приятелем, и все это одновременно, как бедный Деннис, который ушел от нас навсегда! В Маке была какая-то острота, эдакий перец, как бы приправа к пресной жизни!

Меритон, старательно чистивший мундир хозяина — обязанность, которую он выполнял ежедневно, несмотря на то что за все время эту одежду никто ни разу не надевал, — искоса взглянул на потупленные глаза майора и, заключив, что тот не собирается отвечать, решил сам в меру своих сил и способностей поддержать разговор:

— Да, сударь, хороший был человек капитан Макфьюз, и все говорят, храбро сражался за короля. Жаль только, что при такой авантажной фигуре он не умел со вкусом одеваться. Не всякому, сударь, дан такой талант! Но все, как один, говорят, что его смерть — великая утрата, хотя в городе таких офицеров, что не умеют носить мундир, сколько хочешь, и, если бы они все полегли, я уверен, никто бы их даже не хватился.

— Ах, Меритон! Я и не подозревал, что ты так наблюдателен! — воскликнул растроганный Полуорт. — У Мака были все задатки настоящего человека, хотя некоторые из них, может быть, не совсем развились. Его юмор придавал особый вкус каждой беседе, в которой он участвовал. Надеюсь, ты убрал его должным образом, Меритон, для его последнего парада?

— Конечно, сударь, мы устроили ему самые пышные похороны, какие только можно не в Лондоне. Кроме солдат ирландского полка, присутствовали все гренадеры, то есть те, кто остался цел — что-то около половины. И, зная, как его уважал мой хозяин, я самолично убрал покойника: подровнял бакенбарды и немного начесал волосы вперед, а так как у его благородия появилась седина, слегка его припудрил; второго такого благообразного покойника и не сыскать, пусть бы даже это был генерал.

В глазах Полуорта блеснули слезы, и он шумно высморкался, прежде чем ответить.

— Да, время и труды посеребрили беднягу, но великое утешение знать, что умер он как солдат, а не от руки грубого мясника — Природы, и что покойника проводили в последний путь с почестями, которые он заслужил.

— А как же, сударь, — с важностью провозгласил Меритон, — мы устроили ему пышнейшую процессию. До чего же много можно сделать из мундира его величества на таких торжествах! Загляденье, да и только!.. Вы что-то изволили сказать, сударь?

— Да, — терпеливо ответил Лайонел. — Убери скатерть и сходи узнай, нет ли для меня писем.

Камердинер повиновался, и, немного помолчав, друзья возобновили разговор, но уже на менее тягостную тему.

Полуорт болтал без умолку, и Лайонел вскоре получил общее и, следует отдать справедливость беспристрастию капитана, вполне правильное представление о силах врага, а также обо всем, что произошло после рокового сражения на Бридс-Хилле. Раз или два больной позволил себе намекнуть на упорство мятежников и неожиданную их стойкость, и Полуорт не возражал, отвечая только меланхолической улыбкой, или же многозначительно указывал на свою деревянную подпорку. Разумеется, после такого трогательного признания прошлой ошибки его друг перевел разговор на менее личную тему.

Лайонел узнал, что главнокомандующий все еще удер-

живал дорого доставшуюся ему позицию на соседнем полуострове, где, однако, был так же прочно обложен, как в самом Бостоне. Меж тем как война велась всерьез, там, где она вспыхнула, вооруженные стычки начались и во всех колониях к югу от Святого Лаврентия и Великих Озер, где присутствие королевских войск заставляло обратиться к оружию. Пока не иссяк первый энтузиазм восстания, колонисты всюду одерживали победы. Как уже говорилось, была создана общеамериканская армия, и ее отдельные отряды осаждали города, взятие которых представлялось в эти первые месяцы войны важным для достижения главной цели. Но недостаток оружия и раздробленность уже начали сказываться. После ряда незначительных побед Монтгомери погиб в отчаянной и окончившейся неудачей попытке взять штурмом неприступную крепость Квебек; теперь американцам приходилось думать не о наступательных действиях, а о том, как бы накопить силы, так как никто не сомневался, что правительство собирается незамедлительно принять самые решительные меры.

В метрополии тысячи их английских соподданных открыто выражали свое недовольство войной, и правительство, вынужденное считаться со свободолюбивыми веяниями, успевшими пустить глубокие корни прежде всего в Англии, обратилось к тем европейским державам, которые издавна торговали солдатами, в поисках наемников, чтобы усмирить колонистов. Наиболее робкие американцы приходили в ужас от слухов об огромных ордах русских и немцев, которые вскоре наводнят страну и поработят их. Быть может, ни один шаг противника так не озлобил и не восстановил против него колонистов, как это обращение за помощью к чужеземцам для решения чисто внутреннего спора. Пока в нем участвовали люди одной национальности, воспитанные в общих для обоих народов взглядах на справедливость и закон, оставались какие-то точки соприкосновения, которые могли умерить жестокость борьбы и со временем даже привести к полному примирению. Но американцы правильно рассудили, утверждая, что от победы, одержанной с помощью рабов, побежденному нечего ждать, кроме постыдного рабства. Это было все равно, что, безрассудно отбросив ножны, предоставить решение вопроса только мечу. К растущему отчуждению, которое подобные меры неизбежно вызывали между народами метрополии и колоний, следует добавить,

что они во многом изменили отношение американцев к особе короля.

Во время всех гневных споров и взаимных обвинений, предшествовавших кровопролитию, колонисты не только на словах, но и в душе целиком признавали ту фикцию английского закона, которая гласит, что «король непогрешим». Во всей обширной Британской империи, где никогда не заходит солнце, у английского монарха не было подданных, более преданных его династии и особе, чем те самые люди, которые ныне вооружились против того, что́ они считали неконституционным посягательством на его власть. До этого времени вся сила их негодования вполне справедливо обрушивалась на советчиков короля, а про самого монарха думали, что он не знает о чинимых его именем злоупотреблениях, в которых он, вероятно, в самом деле был неповинен. Но по мере того как борьба разгоралась, стало ясно, что политические действия, которые санкционировал монарх, он одобрял и как человек. Вскоре среди тех, кто был лучше осведомлен, шепотом стали передавать, что уязвленное самолюбие короля заставляет его настаивать на сохранении того, что он считал своими прерогативами, и на верховной власти того законодательного собрания, которое заседало в его столице и на которое он мог влиять непосредственно. Вскоре эти слухи стали достоянием всех, и, так как умы людей постепенно освобождались от былых пристрастий и былых предрассудков, они вполне естественно спутали голову с руками, позабыв, что установление «свободы и равенства» никогда не составляло ремесла монархов.

Имя короля произносилось уже далеко не с тем почтением, как прежде, и, когда колониальные писатели стали смелее касаться его особы и власти, забрезжил свет, явившийся провозвестником появления «западных звезд» среди национальных эмблем земли. До тех пор мало кто думал и никто не решался открыто говорить о независимости, хотя сам ход событий неуклонно подводил колонистов к такому бесповоротному шагу.

Верность королю была последней и единственной связующей нитью, которую оставалось порвать, ибо колонии уже сами управляли всеми своими делами, как внутренними, так и внешними, в той степени, в какой это возможно новой стране, не получившей еще всеобщего признания. Но так как честная натура Георга III не терпела

никакого притворства, взаимное возмущение и отчужденность были естественным следствием обоюдного разочарования короля и его западных подданных [1].

Все это и многое другое рассказал Полуорт, который при всех своих эпикурейских наклонностях отличался большим здравомыслием и полным отсутствием предвзятости. Лайонел больше слушал, жадно внимая каждому слову, пока внезапная слабость и бой часов на соседней башне не напомнили ему, что он преступает границы осторожности. Приятель помог обессилевшему больному добраться до постели и, снабдив его кучей добрых советов и крепко пожав ему руку, заковылял к двери со стуком, болезненно отдававшимся при каждом его шаге в сердце майора Лайонела.

Глава XIX

Не повелел господь, чтоб мудрость смертных
Им открывала небо.

Каупер

Нескольких дней моциона на бодрящем морозном воздухе оказалось достаточно, чтобы восстановить силы больного, раны которого зажили, пока он лежал в полудремоте, навеянной болеутоляющими. Взяв в соображение свою хромоту и слабость Лайонела, Полуорт, бросая вызов насмешникам и острословам полка, обзавелся одним из тех удобных и покойных экипажей, которые в добрые старые времена колониальной покорности носили забавное и непритязательное наименование «баул». Для своего выезда ему пришлось взять одного из великолепных скакунов приятеля. Благодаря настойчивости конюха, а также, вероятно, и пустоте фуражных складов конь в конце концов привык бежать по заснеженной мостовой такой спокойной иноходью, будто сам прекрасно сознавал, что здоровье его

[1] Английский король не мог, разумеется, преодолеть предрассудков, неотъемлемых от его положения, но как человек он был честен и справедлив. Слова, сказанные им нашему первому послу в Англии после заключения мира, заслуживают того, чтобы их чаще цитировали: «Я последним в моем королевстве признал вашу независимость и буду последним, кто на нее посягнет». — *Примеч. автора.*

хозяина далеко не прежнее. В этом надежном экипаже оба друга ежедневно катались по улицам города или причудливо изгибавшимся дорожкам на лугах у Бикон-Хилла, принимая поздравления друзей, или же сами навещали раненных в том же сражении и менее счастливых товарищей, которые все еще вынуждены были отлеживаться дома.

Сесилию и Агнесу нетрудно было уговорить принять участие в этих небольших прогулках, но алебастровый лобик мисс Агнесы Денфорт неизменно мрачно хмурился, если, случайно или намеренно, они встречались с каким-нибудь английским офицером. Мисс Дайнвор была менее непримирима и даже иногда своей любезностью навлекала на себя упреки подруги, когда они оставались наедине.

— Ты, видно, забыла, Сесилия, как плохо приходится нашим бедным соотечественникам в жалких лачугах за городом, иначе ты не стала бы расточать любезности этим армейским фатам! — как-то с раздражением бросила Агнеса, снимая капор после очередного катания, во время которого кузина, как ей казалось, забыла о том, что большинство женщин в колониях, по молчаливому уговору, считали себя обязанными держаться с английскими офицерами подчеркнуто холодно. — Если бы тебе представили даже нашего главнокомандующего, ты не могла бы обойтись с ним приветливее, чем с этим сэром Дигби Дентом, которого ты одарила такой сладкой улыбкой.

— В оправдание ее сладости я могу только сказать, моя едкая кузина, что сэр Дигби Дент — настоящий джентльмен.

— Джентльмен! Каждый англичанин, напяливший красный мундир, если он умеет задирать нос, выдает себя в колониях за джентльмена!

— А так как я полагаю, что имею некоторое право считать себя благовоспитанной леди, — спокойно продолжала Сесилия, — не понимаю, почему я должна была обойтись неучтиво с человеком, которого вижу в первый и, может быть, последний раз.

— Сесилия Дайнвор! — сверкнув глазами, воскликнула Агнеса, догадываясь с чисто женской интуицией о скрытых мотивах кузины. — Не все англичане Лайонелы Линкольны.

— Майор Линкольн даже и не англичанин, — возразила Сесилия, усмехаясь и в то же время краснея, — а вот капитан Полуорт, по-видимому, да.

— Ну и глупо, милочка, очень даже глупо! Бедный капитан дорого поплатился за свою ошибку и достоин жалости.

— Смотри, кузина, жалость сродни многим другим нежным чувствам. Впустив ее, ты, того и гляди, откроешь двери всему семейству.

— В том-то и разница, Сесилия, ты уважаешь майора Линкольна, и потому готова восхищаться Хау и всеми его приспешниками, а я могу жалеть человека и все же оставаться непреклонной.

— Le bon temps viendra [1].

— Никогда! — с жаром прервала ее Агнеса, не замечая, что выдает себя с головой. — Никогда, во всяком случае — пока на нем красный мундир!

Сесилия улыбнулась и, не сказав больше ни слова, ушла к себе.

Такие небольшие перепалки, приперченные неукротимым нравом Агнесы, повторялись довольно часто, несмотря на то, что взор ее кузины день ото дня становился все задумчивее, а равнодушие, с которым она слушала, все заметнее.

Тем временем осада, хотя она и велась с большим тщанием, по существу сводилась только к блокаде.

Тысячи американцев расположились в окрестных селениях, и сильные отряды были размещены возле батарей, господствующих над подступами к городу. Хотя вооружение их значительно пополнилось после захвата нескольких судов с военными грузами, а также капитуляции двух сильных фортов на канадской границе, все же оно было еще слишком скудно, чтобы расходовать его с расточительностью, необходимой для решительного штурма. Впрочем, такая сдержанность объяснялась не только недостатком вооружения, но и тем, что колонисты, щадя свое добро, не хотели разрушать город, рассчитывая получить его назад целым и невредимым. С другой стороны, впечатление, произведенное битвой при Банкер-Хилле, было еще слишком живо, и английское командование не знало, на что решиться, а это позволяло Вашингтону сковывать превосходящие силы противника необученной и плохо вооруженной толпой, которая временами не в состоянии была выдержать даже самую кратковременную схватку.

---

[1] Ничего, солнце еще выглянет (франц.).

Однако видимость военных действий неизменно поддерживалась: постреливали пушки, и бывали дни, когда стычки аванпостов вызывали более длительную и сильную канонаду. Уши дам давно уже привыкли к грохоту залпов, и, так как потери были самые незначительные, да и то лишь на внешних укреплениях, этот грохот никому не внушал особого страха.

Так промелькнули две недели, за которые не произошло ни одного события, достаточно примечательного, чтобы о нем стоило рассказать. Как-то утром, уже по прошествии этих двух недель, в дворик особняка миссис Лечмир вкатил капитан Полуорт, проделывая все те удивительные манипуляции, которые в 1775 году считались необходимой принадлежностью лихого возницы. Минуту спустя его деревянная нога уже стучала по коридору, оповещая о приближении капитана к гостиной, где его ожидали остальные. Когда дверь распахнулась и он показался на пороге, обе кузины стояли, уже закутанные в меха, и их улыбающиеся розовые личики выглядывали из-под кружев, а майор Линкольн принимал из рук Меритона плащ.

— Как, уже в гарнире! — воскликнул добродушный Полуорт, переводя взгляд с одной на другую. — Тем лучше: пунктуальность — закваска жизни; точные часы нужны гостю не менее, чем хозяину, а хозяину — не менее, чем его повару. Мисс Агнеса, вы просто убийственны сегодня! Если Хау хочет, чтобы его офицеры выполняли свой долг, ему следовало бы запретить вам появляться в его лагере.

Глаза мисс Денфорт засверкали, но взгляд ее, случайно упав на деревяшку капитана, тотчас смягчился, и она ограничилась тем, что с улыбкой заметила:

— Пусть ваш генерал лучше поостережется сам — почти каждый раз, когда я выхожу из дому, мне приходится наблюдать его слабость.

Капитан выразительно пожал плечами и, обернувшись к другу, вполголоса пожаловался:

— Вот видишь, майор Линкольн, с тех пор как я вынужден подавать себя с одной ногой, словно индейку, оставшуюся от вчерашнего обеда, я не могу добиться от мисс Денфорт колкости — она стала кроткой и пресной до невозможности; а ведь я все равно что двузубая вилка, годная только для разделки! Теперь пусть меня хоть на куски режут — мне безразлично, раз она потеряла всю свою остроту. Ну что ж, поехали в церковь?

Лайонел, казалось, был смущен и несколько мгновений вертел в руках какой-то листок, прежде чем протянуть его капитану.

— Что это такое? — осведомился Полуорт. — «Два офицера, раненные в недавнем сражении, просят отслужить благодарственный молебен за свое исцеление...» Гм... гм... два?.. Ты, а кто же второй?

— Я полагал, что мой друг и школьный товарищ!

— Как, я? — воскликнул капитан, невольно поднимая деревянную ногу и разглядывая ее с грустью. — Н-да! И ты думаешь, Лео, я должен быть благодарен за то, что мне оторвало ногу?

— Могло быть хуже.

— Не знаю, — упрямился Полуорт. — Было бы симметричнее, если б я сразу лишился обеих.

— Ты забываешь о своей матушке, — продолжал Лайонел, словно не слыша Полуорта. — Я убежден, что ей это будет приятно.

Полуорт громко откашлялся, раза два провел рукой по лицу, искоса глянул на свою целую ногу, потом дрогнувшим голосом ответил:

— Пожалуй, ты прав: мать не перестанет любить свое дитя, даже если его изрубят в котлету! Прекрасный пол становится сердобольнее, когда перевалит за сорок, а вот девушки — те очень придирчивы к пропорциям и симметрии.

— Значит, ты согласен, чтобы Меритон подал записку так, как она написана?

Полуорт еще секунду колебался, потом, вспомнив свою матушку в далекой Англии (Лайонел знал, какую струну задеть), расчувствовался:

— Конечно, конечно, ведь могло бы быть хуже, как с бедным Деннисом. Ладно уж, подавай от нас обоих! Хоть и трудно, а уж как-нибудь преклоню колено ради такого случая. Как знать, Лео, может быть, когда одна молодая особа увидит, что мое приключение заслуживает благодарственного молебна, она перестанет считать меня предметом жалости.

Лайонел молча кивнул, а капитан, подойдя к Агнесе, повел ее к саням с подчеркнуто беспечным видом, который, по его представлению, должен был показать девушке его пренебрежение к любым превратностям войны. Сесилия

оперлась на руку майора Линкольна и, вскоре все четверо уже сидели в экипаже.

До этого дня — второго воскресенья после того, как Лайонел стал выходить, и первого — когда погода позволила ему поехать в церковь, — молодому человеку не представлялось случая увидеть изменившийся облик города. Жители мало-помалу покинули Бостон, одни — тайком, другие — по пропускам главнокомандующего, и те немногие, что еще оставались, составляли незначительное меньшинство по сравнению с английскими солдатами и офицерами. На улице, ведущей к Королевской церкви, толпились военные; стоя кучками, они беспечно смеялись, нимало не смущаясь тем, что их легкомысленная болтовня оскорбляет благочестивых горожан, которые со строгими лицами направлялись в церковь. В самом деле, распущенные нравы гарнизона до такой степени уничтожили то суровое благочиние, которое всегда отличало Бостон и было постоянным предметом забот и гордости его жителей, что даже рядом с храмом слышались грубые шутки и непристойный смех балагуров и повес в тот час, когда обычно над всей провинцией воцарялась глубокая тишина, как будто сама Природа замирала, чтобы присоединиться к человеку в хвале творцу. Лайонел с огорчением заметил эту перемену; не ускользнуло от его беспокойного взгляда и то, что их спутницы спрятали лица в муфты, словно загораживаясь от картины, которая не могла не пробудить еще более тягостные чувства в душах, с детства приученных чтить строгие обычаи своей родины.

Когда сани остановились перед церковью, десятки рук протянулись, чтобы помочь дамам перейти полоску заледенелого тротуара от экипажа до дверей храма. Агнеса, поблагодарив услужливых кавалеров холодным кивком, отвергла их помощь, а одному особенно настойчивому юноше заметила с тонкой усмешкой:

— Мы здешние уроженки и привыкли ходить по льду, хотя иностранцам это может казаться опасным.

Затем она проследовала в церковь, не удостаивая бросить взгляд ни направо, ни налево.

Сдержанность Сесилии, державшейся обычно мягче и любезнее, была тем более заметна. По примеру кузины, она прямо направилась к своему месту с таким неприступным видом, что те, кто не прочь был бы завести с ней легкий светский разговор, не решились даже подойти к ней.

Дамы быстро прошли вперед, а Лайонел и Полуорт замешкались среди толпы офицеров, теснившихся у входа в церковь. Первый прошел вдоль колоннады, обмениваясь со стоявшими там офицерами двумя-тремя вопросами, обычными для военного времени. Тут у какой-нибудь из массивных колонн, с трех сторон обрамлявших здание, сошлись четверо ветеранов, с подобающим глубокомыслием обсуждавших политические новости или дела своего полка, там двое-трое неоперившихся юнцов, украшенных всеми эмблемами своего чина, вставали на пути хорошенькой прихожанки, словно бы платя дань восхищения ее красоте, тогда как на самом деле хотели покрасоваться в своих шитых золотом мундирах. В других кучках, стоявших у входа, одни слушали разглагольствования какого-нибудь присяжного остряка, другие бранили страну, куда их забросила служба, третьи, не скупясь на преувеличения, расписывали чудеса далеких стран или пережитые опасности.

Среди такого многолюдного сборища нетрудно было, однако, обнаружить и людей с более возвышенным образом мыслей, державшихся со скромным достоинством. С одним из таких офицеров Лайонел, вступив в разговор, остановился в дальнем конце колоннады. Наконец послышались торжественные звуки органа, и веселые группки стали распадаться, словно люди вдруг вспомнили, что́ их сюда привело. Собеседник майора Линкольна покинул его, и он, в свою очередь, двинулся вдоль опустевшей колоннады к входу, как вдруг у самого его локтя глухой голос гнусаво запричитал:

— Горе вам, фарисеям, что любите председания в синагогах и приветствия в народных собраниях! [1]

Хотя Лайонел не слышал этого голоса с тех пор, как воинственный возглас раздался из рокового редута, он сразу признал его. Обернувшись, он увидел Джэба Прея. Прямой и недвижимый, словно изваяние, Джэб стоял в одной из ниш храма, откуда и вещал, как пророк, обращающийся к толпе.

— Ты уже раз чуть не поплатился жизнью за свои глупости! — воскликнул Лайонел. — Советую тебе более не испытывать наше терпение!

Но слова его остались без ответа. Оборванный и грязный, с бледным, исхудалым лицом, словно после тяжелой

[1] Здесь и далее Джэб цитирует евангелие.

болезни, дурачок, казалось, ничего не видел и не слышал вокруг. Уставившись тусклым, бессмысленным взглядом в одну точку, он продолжал гнусавить:

— Горе вам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете.

— Или ты оглох, безумец? — крикнул Лайонел.

В тот же миг взгляд дурачка устремился на него, и майор Линкольн почувствовал, как по его спине поползли мурашки: он увидел проблеск сознания, внезапно озаривший лицо слабоумного, когда тот продолжал тем же зловещим тоном:

— Кто скажет брату своему «рака» [1], подлежит синедриону [2], а кто скажет «безумный», подлежит геенне огненной.

Пока дурачок произносил эту страшную угрозу, Лайонел словно окаменел, пораженный его видом. Но затем, опомнившись, легонько похлопал юношу тростью по ноге и велел ему спуститься из ниши.

— Джэб пророк, — ответил тот, но глаза его опровергали это утверждепие, ибо осмысленное выражение исчезло, и лицо его опять стало тупым и невыразительным, как у всех слабоумных, — пророка бить грех. Евреи побивали своих пророков камнями и колотили.

— Ну, так слушай меня, если не хочешь, чтобы тебя поколотили солдаты! Ступай сейчас же отсюда, а после службы приходи ко мне, я дам тебе что-нибудь получше, чем это тряпье.

— Разве вы никогда не читали священного писания? — ответил Джэб. — Там сказано, что не нужно заботиться ни о пище, ни об одежде. Нэб говорит, что, когда Джэб умрет, он попадет прямо на небо, потому что ему нечего надеть и почти нечего есть. Вот у королей бриллиантовые короны, и одеваются они в золото, а всегда попадают в преисподнюю.

Дурачок замолчал и, съежившись в глубине ниши, стал играть пальцами, как дитя, забавляющееся тем, что может шевелить руками как хочет. Лайонел обернулся: ему послышалось позвякивание шпаг и шаги. Большая группа штабных офицеров остановилась возле них, привлеченная их разговором. Среди этих военных Лайонел увидел и двух

---

[1] Р а к а — пустой человек.

[2] С и н е д р и о н — верховное судилище.

генералов; стоя несколько впереди остальных, они с любопытством разглядывали скорчившееся в нише странное существо. Несмотря на неожиданность, Лайонел не преминул заметить нахмуренное лицо главнокомандующего, когда из уважения к его чину низко ему поклонился.

— Кто этот малый, осмеливающийся осуждать великих мира сего на вечную погибель? — спросил Хау. — И своего государя тоже!

— Несчастный идиот, с которым меня свел случай, — ответил майор Линкольн. — Он вряд ли даже отдает себе отчет, что болтает, и тем паче — при ком говорит.

— Этим-то басням, которые придумывают наши тайные враги и распространяют невежды, мы и обязаны тем, что верность колоний поколебалась, — сказал британский главнокомандующий. — Полагаю, вы можете поручиться за благонадежность вашего странного знакомого, майор Линкольн?

Лайонел уже готов был резко ответить, но спутник мрачного главнокомандующего вдруг воскликнул:

— Ловкостью крылатого Гермеса клянусь, это тот самый шут, что совершил прыжок с Копс-Хилла, о котором я вам уже рассказывал. Я ведь не ошибся, Линкольн? Разве это не крикливый философ, чьи чувства были настолько возвышенны в день битвы на Бриде, что он невольно воспарил, но, не столь счастливый, как Икар, упал на твердую землю?

— Память не изменила вам, сэр, — сказал Лайонел, обмениваясь улыбкой с генералом Бергойном. — Бедняга по своему недомыслию часто попадает в беду.

Бергойн, державший главнокомандующего под руку, сделал шаг вперед, словно считая, что это жалкое существо не заслуживает их внимания; на самом же деле он хотел поскорее увести Хау, так как знал склонность своего начальника к крутым мерам и полагал, что сейчас они были бы несвоевременны и даже опасны. Заметив по мрачному виду Хау, что он колеблется, находчивый генерал сказал:

— Несчастный! Его измена была наказана вдвойне: падением с пятидесятифутовой высоты Копс-Хилла и унижением видеть блестящую победу войск его величества. Я думаю, мы можем простить беднягу.

При этом Бергойн продолжал слегка тянуть главнокомандующего за собой, и Хау бессознательно поддался

ему. На его суровом лице даже появилось подобие мрачной улыбки, когда он, отворачиваясь, сказал:

— Присматривайте за своим знакомым, майор Линкольн, иначе, как ни плохо его положение, оно может стать еще хуже. Подобные речи нетерпимы в осажденном городе, — кажется, так он у них зовется; ведь мятежники свой сброд величают осаждающей армией, не правда ли?

— Они шатаются вокруг наших зимних квартир и претендуют на такую честь.

— Надо признать, что они отличились на Бридс-Хилле. Оборванцы сражались, как настоящие солдаты.

— Отчаянно и даже не без некоторой доли сообразительности, — ответил Бергойн, — но, к несчастью для себя, они столкнулись с противником, который сражался лучше и с большим искусством. Но, может быть, войдем?

Лицо главнокомандующего совсем прояснилось.

— Пойдемте, господа, мы и так запаздываем! — сказал он. — Если мы не поспешим, то не успеем помолиться за короля, не говоря уж о себе.

Свита двинулась за ним, но тут позади послышался шум, указывающий на приближение другого важного лица, и под колоннаду вступил генерал Клинтон в сопровождении своего штаба. Едва он появился, как довольное выражение исчезло с лица Хау; он с холодной вежливостью

ответил на приветствие генерала и сразу же вошел в церковь. Ловкий Бергойн и тут вмешался, найдя способ по пути шепнуть на ухо Клинтону что-то приятное о том самом сражении, которое породило зависть между двумя его собратьями по оружию и заставило Хау невзлюбить человека, чьей помощи он был стольким обязан. Клинтон поддался тонкой лести и последовал за главнокомандующим в храм божий с приятным удовлетворением, которое, вероятно, принял за чувство, более подходящее к месту и случаю. Все присутствующие — адъютанты, секретари и просто зеваки — сразу же устремились за обоими генералами, и Лайонел вновь оказался наедине со слабоумным.

С той минуты, как Джэб увидел стоящего вблизи английского главнокомандующего, он ни разу не шелохнулся до самого его ухода. Глаза дурачка были устремлены куда-то в пространство, нижняя челюсть отвисла, придавая его физиономии отпечаток полного идиотизма; короче говоря, это было не человеческое лицо, а лишь маска, лишенная света жизни и разума. Однако, едва только смолкли шаги последнего офицера, страх, сковавший смутное сознание дурачка, прошел, и, подняв голову, он глухо проворчал:

— Пусть только сунется на холмы, народ научит его уважать законы!

— Упрямый болван! — воскликнул Лайонел, бесцеремонно вытаскивая его из ниши. — Станешь твердить эту глупость, дождешься, что тебя будут пороть во всех полках по очереди.

— Но вы обещали Джэбу, что не позволите солдатам бить его, а Джэб взялся выполнять ваши поручения.

— Да, но если ты не научишься держать язык за зубами, я забуду свое обещание и отдам тебя на расправу всем гренадерам в городе.

— Ну и что ж? — осклабился Джэб, повеселев от осенившей его вдруг мысли. — Ведь их осталось теперь только половина. Джэб слышал, как самый длинный ревел, будто голодный лев: «Вперед, ирландцы!» — но он сразу затих; хотя у Джэба даже сошек не было, он положил ружье на плечо мертвеца.

— Негодяй! — воскликнул Лайонел, в ужасе отступая от него. — Значит, ты обагрил руки кровью Макфьюза!

— Джэб руками его не трогал, — невозмутимо ответил слабоумный. — Он умер, как собака, где упал.

Лайонел с мгновение стоял в полной растерянности, но, догадавшись по стуку деревянной ноги о приближении Полуорта, сдавленным голосом поспешно проговорил:

— Ступай к миссис Лечмир, как я тебе велел, и... и... передай Меритону, чтобы он присмотрел за камином.

Джэб хотел было уже идти, но вдруг остановился и, подняв на Лайонела жалобный, страдальческий взгляд, захныкал:

— Смотрите, Джэб совсем окоченел! Нэб с Джэбом не могут достать ни щепки; королевские солдаты дерутся и всё отнимают. Можно Джэбу немного погреться? Пощупайте, Джэб холодный, как покойник!

До глубины души тронутый этой просьбой и жалким видом юноши, Лайонел молча кивнул и поспешно обернулся к подходившему другу. С одного взгляда он понял, что Полуорт слышал часть его разговора с Джэбом. Весь вид и поведение капитана ясно говорили о том, какое впечатление это на него произвело. Он глядел вслед дурачку, который, шаркая ногами, удалялся по занесенной снегом улице, с достаточно красноречивым выражением.

— Мне послышалось, что вы говорили о бедном Деннисе? — спросил он.

— Ах, обычная хвастливая болтовня этого слабоумного. Но почему ты не в церкви?

— Ты покровительствуешь этому малому, майор, но смотри, как бы твоя снисходительность не завела тебя слишком далеко, — многозначительно сказал Полуорт. — Я пришел за тобой по требованию пары прекрасных глаз, которые все эти полчаса спрашивали у каждого входящего в церковь, где и почему замешкался майор Линкольн.

Лайонел кивком поблагодарил приятеля и, делая вид, что смеется его шутке, направился вместе с ним к скамье миссис Лечмир.

Под умиротворяющим влиянием торжественной службы тягостные мысли, вызванные разговором с Джэбом, рассеялись. Когда священник читал благодарственную молитву за его исцеление, он слышал рядом с собой стесненное и прерывистое дыхание прекрасного существа, преклонившего вместе с ним колена, и немало земной радости примешалось к возвышенным помыслам молодого человека. Поднимаясь с колен, он поймал устремленный на него из-под вуали застенчивый и нежный взгляд Сесилии и был счастлив, как только может быть счастлив пылкий моло-

дой человек, сознающий, что завоевал любовь такого юного, прелестного и чистого существа.

Для Полуорта служба, возможно, и не была столь утешительной. Не без усилия встав на уцелевшую ногу, он бросил выразительный взгляд на свою деревяшку, громко откашлялся и, садясь на скамью, так ею загремел, словно бы хотел привлечь внимание всех присутствующих и подсказать им, о ком именно они молились.

Священник был слишком благоразумен, чтобы раздражать своих важных прихожан пространными и утомительными поучениями о христианском долге. Прочувствованное чтение избранного для проповеди стиха святого писания заняло одну минуту. Четыре минуты пошли на введение, доказательство было умело втиснуто в десять, и заключение благополучно завершено за четыре с половиной минуты, после чего он мог с удовлетворением убедиться, как доказывали полсотни часовых стрелок и по меньшей мере сотня довольных лиц, что кончил даже на полминуты раньше положенного времени.

Такая пунктуальность, конечно, была вознаграждена. Многие поздравили его с прекрасной проповедью, а когда Полуорт подошел пожать ему руку и поблагодарить за молебствие, он тоже не преминул ввернуть похвалу, уверив польщённого священника, что ко всем прочим высоким достоинствам она была завершена во благовремении.

Глава XX

О Унифрида! Сколько яда
Сомнение в себе таит!
Ни страх священного обряда,
Ни гордость пусть не омрачит.

Аноним

Пожалуй, для всеобщего спокойствия можно было счесть удачей, что в дни, последовавшие за первым признанием, Лайонел не видел миссис Лечмир и ничто не омрачало в глазах влюбленного сияющего образа Сесилии, дышавшего счастьем и чистотой. Необычный, исполненный некоторой противоречивости интерес, столь часто проявляемый почтенной дамой к поступкам своего юного родственника,

перестав заявлять о себе, не будил больше дремавших в его душе подозрений. Даже те необъяснимые для него сцены, в которых миссис Лечмир играла такую загадочную роль, были забыты под наплывом нового всепоглощающего чувства, а если и вспоминались порой, то, подобно той мимолетной тени, которую легкое облачко бросает на солнечный радостный пейзаж, они лишь на краткий миг затемняли светлые картины, населявшие его воображение. И если любовь и надежда, переполнявшие грудь молодого человека, сослужили добрую службу миссис Лечмир, то в немалой степени этому способствовал и случай, на долгое время приковавший ее к постели.

В тот день, когда майор Линкольн был подвергнут опасной операции, его престарелая родственница в величайшем волнении ожидала ее исхода, и, как только весть о благополучном извлечении пули достигла ее ушей, она с такой стремительностью поспешила в комнату Лайонела, пренебрегая своим возрастом и недугами, что это едва не стоило ей жизни. Поднимаясь по лестнице, она запуталась ногой в шлейфе, но не обратила внимания на испуганный предостерегающий возглас Агнесы Денфорт, и бурное нетерпение, которое порой прорывалось сквозь ледяную маску ее сдержанности, привело к тому, что она упала с лестницы, а это было бы опасно и для более молодой женщины. Миссис Лечмир сильно ушиблась, и начавшееся вследствие этого воспаление, хотя и не было особенно тяжелым, неожиданно затянулось и вызывало тревогу у ее близких. Теперь, однако, жар спал, и она начала поправляться.

Обо всем этом Лайонел узнал от Сесилии, и читатель легко догадается, что это отнюдь не уменьшило впечатления, которое на него произвело такое выражение симпатии со стороны его престарелой родственницы. Однако, хотя Сесилия с большим жаром описывала Лайонелу этот случай как несомненное свидетельство горячей привязанности миссис Лечмир к своему внучатому племяннику, Лайонел не преминул заметить, что Сесилия редко упоминает имя миссис Лечмир в их беседах и всегда с какой-то особенной осторожностью. Но по мере того как они ближе узнавали друг друга, Сесилия во время их частых разговоров начинала все меньше скрывать от Лайонела самые сокровенные свои чувства, и перед ним открывались тайны правдивого и чистого сердца.

По возвращении из церкви Сесилия и Агнеса тотчас поспешили в покои своей больной бабушки, и Лайонелу была предоставлена возможность наслаждаться собственным обществом в маленькой, обшитой панелями гостиной, поскольку Полуорт прямо после службы отправился верхом к себе домой. Молодой человек шагал из угла в угол, сосредоточенно перебирая в уме подробности разыгравшейся перед церковью сцены и время от времени бросая рассеянный взгляд на пышные стенные украшения, где его герб занимал такое почетное место. Но вот послышались легкие шаги, которые он уже узнавал мгновенно, и в гостиную вошла мисс Дайнвор.

— Как себя чувствует миссис Лечмир? Надеюсь, что лучше? — спросил Лайонел, подводя Сесилию к кушетке и садясь рядом с ней.

— Ей настолько лучше, что она готова даже отважиться сегодня на свидание с неким грозным воином. Право же, Лайонел, вы должны быть очень благодарны моей бабушке за то глубокое участие, которое она принимает в вашей судьбе! Невзирая на свой недуг, бабушка неустанно справляется о вашем здоровье и, будучи сама тяжко и опасно больна, отказывалась отвечать на вопросы врачей, пока они не сообщат ей новости о вас.

При этих словах на глазах у Сесилии навернулись слезы, а щечки ее зарумянились, так была она взволнована.

— Этим в большей мере я обязан вам, — возразил Лайонел. — Ведь, позволив соединить мою судьбу с вашей, вы тем самым возвысили меня в глазах миссис Лечмир. Сообщили ли вы ей о моей смелости? Известно ли ей о нашей помолвке?

— Могла ли я поступить иначе? Пока ваша жизнь была в опасности, я скрывала нашу тайну от всех близких, но, как только блеснул луч надежды на ваше выздоровление, я вручила ваше письмо той, кто волею судьбы всю жизнь была моей наставницей и советчицей, и для меня было большой радостью узнать, что она одобряет мой... мою... пожалуй, я не ошибусь, если скажу: мое безрассудство, не так ли, Лайонел?

— Называйте его как хотите, только не отрекайтесь от этого чувства, Сесилия! Недуг миссис Лечмир препятствовал мне осведомиться, как отнеслась она к моему предложению, но позволю себе все же надеяться, что домогательства мои не отвергнуты.

Мисс Дайнвор вспыхнула — нежный румянец залил ее щеки, виски и лоб, — и она метнула на возлюбленного укоряющий взгляд; затем кровь отхлынула от ее лица, щеки страшно побелели, и она ответила спокойно, но с легким упреком в голосе:

— Быть может, моя бабушка и повинна в том, что относится с чрезмерным пристрастием к главе своего рода, но за это нельзя платить ей недоверием. Такая слабость, на мой взгляд, вполне простительна, хотя и не перестает от этого быть слабостью.

Лишь теперь впервые Лайонелу полностью открылась причина изменчивости поведения Сесилии; он понял, почему в ответ на те знаки внимания, которые он ей оказывал, она проявляла такую сдержанность, пока более глубокое чувство не победило ее щепетильности. Однако, ничем не выдав сделанного им открытия, он сказал только:

— Благодарность никак не заслуживает того, чтобы ее путали с таким низким чувством, как недоверие, а тщеславие не позволит мне признать симпатию, испытываемую к моей особе, слабостью.

— Слабость — хорошее, правдивое слово в приложении к грешной человеческой натуре, — обворожительно улыбнувшись, ответила Сесилия, — и вам, мне кажется, следует отнестись к ней снисходительно, памятуя о том, что недостатки передаются по наследству.

— За это милое признание я прощаю вам ваши недобрые подозрения. Могу ли я теперь без колебаний просить у миссис Лечмир позволения назвать себя вашим супругом как можно скорее?

— Неужели вы хотите услышать свою эпиталаму сейчас, зная, что через минуту вам, быть может, придется слушать панихиду по кому-нибудь из друзей?

— Именно эта причина, Сесилия, и заставляет меня спешить с нашей свадьбой. Как только погода изменится и война перестанет быть игрой, Хау либо положит конец осаде и прогонит американцев с холмов, либо начнет более решительные действия в другом месте. Но в любом случае вы, еще слишком юная, чтобы защитить себя, должны будете служить защитой и опорой вашей почтенной бабушке в раздираемой междоусобицей стране. Поверьте, Сесилия, в такое беспокойное время вам следует стать моей женой не только из сострадания к моим чув-

ствам, но, да будет мне позволено сказать, — из сочувствия к себе.

— Право же, — промолвила Сесилия, — меня восхищает ваша изобретательность, пусть даже ваша логика и хромает. Но прежде всего я, однако, не верю, что вашему генералу так легко удастся выбить американцев из их позиций, ибо путем самого простого арифметического подсчета, в котором даже я кое-что смыслю, вы без труда можете установить, что подобное предприятие обойдется ему слишком дорого, если за один только холм вы уже заплатили сотнями людей... Ах нет, Лайонел, не хмурьтесь так, умоляю вас! Неужели вы можете подумать, что я способна бессердечно смеяться над битвой, едва не стоившей вам жизни, а мне... мне... моего счастья!

— Признаюсь, — сказал Лайонел, с нежной улыбкой глядя на ее взволнованное лицо, отчего туча, омрачавшая его чело, тотчас рассеялась, — я восхищен совершенством вашей казуистики и в восторге от высказанных вами чувств, но тем не менее ваши доводы меня не убеждают.

Эти спокойные, мягкие слова утешили Сесилию, и она заговорила прежним шутливым тоном:

— Ну, допустим, что вы захватите все холмы и прогоните Вашингтона, — который, кстати сказать, хотя и мятежник, но весьма достойный человек — вместе со всем его войском в глубь страны. Я позволю себе надеяться все же, что вы справитесь с этим без помощи женщин! Если же, как вы только что сами предположили, Хау уйдет из Бостона, то, я полагаю, город он с собой не захватит. Значит, в любом случае я могу спокойно оставаться на месте и чувствовать себя в полной безопасности среди английского гарнизона, а среди своих соотечественников и подавно.

— Сесилия, вы не имеете ни малейшего представления ни об опасностях, ни о жестоком беззаконии войны! Если Хау и оставит город, то лишь на время. Поверьте, наши министры никогда не допустят, чтобы город, который так долго отказывался подчиниться их указам, остался в руках людей, поднявших оружие против своего государя.

— Как ни странно, но вы, по-видимому, забыли все, что произошло за последние полгода, Лайонел, иначе вы не упрекнули бы меня в том, что я не ведаю, какое горе может принести война.

— Тысячу благодарностей, счастье мое, Сесилия, как за ваше драгоценное для меня признание, так и за ваш намек, — сказал Лайонел, со всем пылом и настойчивостью влюбленного возвращаясь к дорогой его сердцу теме. — Вы открыли мне свои чувства и, я надеюсь, не откажетесь открыто признаться в них еще раз?

— Я могу признаваться в своих слабостях, не теряя уважения к себе, но признаваться в них перед всем светом — на такое безрассудство не так-то легко решиться.

— Тогда пусть ваше сердце решится на это за вас, — серьезно произнес Лайонел, словно не заметив ее кокетливого тона. — Даже надеясь на самый лучший исход, вы ведь не будете отрицать возможности новых сражений?

Сесилия бросила на него встревоженный взгляд, но промолчала.

— Мы с вами знаем, Сесилия, — я, во всяком случае, убедился в этом на горьком опыте, — что я отнюдь не могу считать себя неуязвимым. Так скажите же мне, Сесилия, ответьте мне без пустой и ложной женской гордости, а с тем великодушием и чистосердечностью, которые куда более присущи вам: если бы события последних шести месяцев повторились снова, предпочли бы вы пережить все, что было, как тайно обрученная со мной моя невеста или как законная жена, которая может, не таясь и не краснея, выказывать свою любовь и заботу перед всем светом?

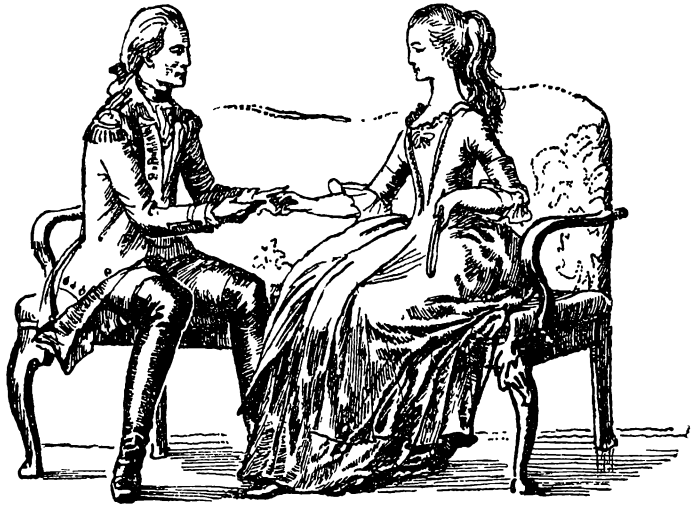
Две слезы блеснули при этих словах на темных ресницах Сесилии Дайнвор, но, смахнув их, она взглянула Лайонелу прямо в глаза и произнесла, заливаясь румянцем:

— Значит, вы полагаете, что я страдала недостаточно, будучи вашей невестой, и, чтобы исполнилась мера моих страданий, мне следовало бы быть вашей супругой?

— Не получив от вас прямого ответа на мой вопрос, я лишен возможности даже поблагодарить вас за эти слезы так, как мне того хотелось бы.

— Разве это великодушно, Линкольн?

— На первый взгляд, может быть, и нет, но по существу — да. Клянусь богом, Сесилия, я ведь не только ищу счастья для себя, но в такой же мере стремлюсь, насколько это в моих силах, охранить вас от жестокости жизни!



Мисс Дайнвор казалась не только смущенной, но и расстроенной; она промолвила тихо:

— Вы забываете, майор Линкольн, что существует еще одно лицо, без совета и одобрения которого я ничего не могу вам обещать.

— Значит, вы оставляете решение этого вопроса на волю миссис Лечмир? И, если она отнесется одобрительно к моему намерению безотлагательно заключить наш союз, могу ли я сказать ей, что получил ваше разрешение обратиться к ней?

Сесилия ничего не ответила, но, улыбнувшись сквозь слезы, позволила Лайонелу взять ее за руку, что могло быть истолковано только как знак согласия даже человеком, менее уверенным в успехе.

— Так идемте же! — вскричал Лайонел. — Поспешим к миссис Лечмир, ведь вы сказали, что она ждет меня! — И, взяв под руку Сесилию, которая не стала этому противиться, он повел ее к дверям.

Хотя сердце Лайонела, пока он вел Сесилию по коридорам и переходам, направляясь к покоям миссис Лечмир, было исполнено ликования, он все же чувствовал, что был бы рад избежать этой встречи. События последнего времени еще не совсем изгладились из его памяти, и он не в силах был заглушить тяжелые подозрения, шевель-

нувшиеся однажды в его душе. Но решимость не оставила его, а одного взгляда на прелестную девушку, так доверчиво опиравшуюся на его руку, было достаточно, чтобы все другие соображения, кроме тех, в которых она играла первенствующую роль, улетучились из его сознания.

Когда же он увидел, как миссис Лечмир ослабела от болезни, и внезапно вспомнил, что этим страданиям подвергла ее тревога за его судьбу, в душе его пробудились самые добрые чувства, и он приветствовал ее не только почтительно, но и с чувством, весьма близким к благодарности.

Миссис Лечмир уже на протяжении нескольких недель была прикована к постели, и заострившиеся черты ее лица, помимо естественного отпечатка дряхлости, которое наложило на них время, несли на себе отчетливое свидетельство того, как тяжек был ее недуг. Бледное, исхудалое лицо ее приобрело то беспокойное выражение, которое всегда сопутствует долгим и мучительным страданиям. Однако чело ее было безоблачно, и лишь едва заметная дрожь, пробегавшая временами по губам, выдавала мучившую ее боль. Улыбка, которой она встретила своих посетителей, была мягче и приветливей, чем прежде, а болезненный и изнуренный вид почтенной дамы значительно усиливал производимое этой улыбкой впечатление.

— Вы очень добры, дорогой Лайонел, — произнесла она, протягивая своему юному родственнику сухую, морщинистую руку. — Больной, вы пришли навестить меня — здоровую. Так долго я была исполнена страха за вас, что мой пустячный ушиб кажется мне еще пустячней по сравнению с вашим серьезным ранением.

— Желал бы я, сударыня, чтобы вы так же легко и счастливо оправились от своего недомогания, как я, — отвечал Лайонел, от всей души пожимая протянутую ему руку. — Я никогда не забуду, что причина вашего недуга — тревога за меня.

— Не стоит вспоминать об этом. Волнения за тех, кого мы любим, — естественное движение души. Бог помог мне дожить до счастливой минуты, когда я снова вижу вас в добром здравии, и я верю, что он даст мне увидеть, как этот гнусный мятеж будет подавлен. — Она умолкла, затем, улыбнувшись юной чете, приблизившейся к ее ло-

жу, продолжала: — Сесилия рассказала мне все, майор Линкольн.

— Нет, не все, сударыня, — возразил Лайонел. — Я должен добавить еще кое-что и прежде всего должен признаться, что весьма рассчитываю на ваше расположение и доброту и надеюсь, что мои притязания найдут у вас поддержку.

— Притязания — не слишком удачно выбранное слово, дорогой Лайонел! Там, где наблюдается полнейшее равенство происхождения, воспитания и личных достоинств, а если принять во внимание разницу полов, то и состояния, — там слово «притязания» является малоуместным. Сесилия, дитя мое, пойди в библиотеку — в маленьком потайном ящике моего секретера ты найдешь бумагу со своим именем. Прочти, что́ там написано, милочка, а потом принеси ее сюда.

Жестом она предложила Лайонелу сесть и, когда закрылась за Сесилией дверь, возобновила прерванный разговор:

— Так как нам следует обсудить некоторые дела, майор Линкольн, а бедняжка смущена, мы не будем настаивать на ее присутствии. В чем же состоит ваша просьба ко мне?

— Подобно упорному попрошайке, привыкшему злоупотреблять вашей неограниченной щедростью, я пришел молить вас о последнем и самом большом благодеянии, какое вы можете мне оказать.

— Вы просите руки моей внучки? Церемонность между нами неуместна, дорогой Лайонел, ибо я, как вам известно, тоже принадлежу к благородному роду Линкольнов. Так будем говорить прямо и откровенно, как двое друзей, решающих вопрос, одинаково дорогой сердцу каждого из них.

— Ничто не может быть для меня приятней, сударыня. Я старался убедить мисс Дайнвор, что в такое грозное время всякое промедление чревато опасностями, ибо вижу в этом самое веское основание безотлагательно скрепить союз наших сердец узами брака.

— А Сесилия?

— Она была верна себе: добра, как ангел, и во всем покорна вам. Как и повелевает долг любящей внучки, она последует вашему совету.

Миссис Лечмир ответила не сразу, но волновавшие ее

мысли отчетливо отразились на ее лице. Не могло быть сомнения в том, что ее молчание никак не является проявлением неудовольствия, ибо в запавших глазах ее светилась радость; трудно также было бы предположить, что она находится в нерешительности, ибо счастливое волнение, которое она не могла скрыть, говорило скорее о достижении давно задуманной цели, нежели о сомнении в благоразумии предлагаемого на ее усмотрение шага. Но мало-помалу она справилась с этим непонятным смятением, ему на смену пришли более естественные чувства, ее холодные глаза наполнились слезами, а в голосе прозвучала такая мягкость, какой Лайонел никогда от нее не ожидал.

— Она добрая, почтительная внучка, моя дорогая, моя послушная Сесилия! У нее нет приданого, которое могло бы послужить заметным дополнением к вашим богатствам, майор Линкольн, или громкого титула, который мог бы прибавить еще больше блеска вашему благородному имени, но она принесет вам не менее, а быть может, даже и более — о да, я уверена, что более — ценный дар: сердце добродетельное и чистое, не знающее коварства и обмана.

— О, в тысячу, в тысячу раз более ценное в моих глазах, дорогая бабушка! — воскликнул Лайонел, растроганный таким проявлением чувствительности со стороны суровой миссис Лечмир. — Пусть Сесилия придет в мои объятия без всякого приданого, без славного имени, от этого ее неоценимые достоинства ничуть не станут меньше, а она — менее желанной супругой для меня.

— О, я бы так далеко не заходила, майор Линкольн. Дочери полковника Дайнвора и внучке виконта Кардонелла не приходится краснеть за свою родословную, а прямая наследница Джона Лечмира не может быть бесприданницей! Когда Сесилия станет леди Линкольн, она может без смущения присоединить свой родовой герб к гербу своего супруга.

— Молю небо, да отодвинется на самый долгий срок для каждого из нас та минута! — воскликнул Лайонел.

— Может быть, я неправильно поняла вас? Разве вы не просили моего согласия на немедленный брак?

— Совершенно правильно, сударыня, но вы, конечно, не могли забыть о том дорогом для нас обоих человеке, которому, я верю, судьба дарует еще много лет жизни

и — я верю в это тоже — счастье и возвращение рассудка!

Миссис Лечмир устремила ошеломленный взгляд на своего молодого родственника, затем медленно поднесла руку к лицу и несколько минут сидела молча, прикрыв рукой глаза, и Лайонел заметил, что изможденное тело ее затряслось, как в лихорадке.

— Вы правы, мой юный друг, — сказала она, улыбнувшись слабой улыбкой. — Боюсь, что мой телесный недуг расстроил мою память... Давно прошедшие дни возникли перед моим мысленным взором, и вы — в образе вашего несчастного отца, и Сесилия — в образе ее матери, моей своевольной Агнесы, так давно оплаканной мною! Все же она была моей дочерью, и господь бог простит ей ее прегрешения, снизойдя к мольбам ее матери!

С такой неистовой силой и страстью были произнесены эти слова, что Лайонел невольно отшатнулся, в изумлении взирая на больную. На бледных ее щеках проступил лихорадочный румянец, и, прижав к груди стиснутые руки, она молча откинулась на подушки. Две крупные слезы скатились по ее впалым щекам и упали на одеяло.

Рука Лайонела потянулась к колокольчику, но больная жестом остановила его.

— Все прошло, — сказала она. — Подайте мне, пожалуйста, лекарство, что стоит возле вас.

Миссис Лечмир отпила из стакана, и скоро волнение ее улеглось и лицо снова застыло в своей угрюмой неподвижности, а глаза опять смотрели холодно и сурово, словно это не они секунду назад проливали слезы.

— Это мгновение слабости покажет вам, майор Линкольн, насколько легче юность переносит недуги, нежели старость, — произнесла миссис Лечмир. — Но возвратимся к другому, более приятному предмету: я не только даю вам свое согласие, но от всей души желаю, чтобы вы сочетались браком с моей внучкой. Я не смела этого ждать, но все же в глубине души надеялась, и теперь могу сказать не таясь, что нахожу в этом осуществление моих самых сокровенных желаний и буду благословлять судьбу за то, что она послала мне в последние дни моей жизни такое счастье!

— В таком случае, бесценная миссис Лечмир, зачем нам медлить? В такое время, как сейчас, никто не знает,

что готовит нам грядущий день, а шум битвы — не самая подходящая свадебная музыка.

После недолгого размышления миссис Лечмир ответила:

— В нашей богобоязненной стране существует добрый обычай, согласно которому день, избранный господом для вознесения ему молений, считается также днем, отведенным для совершения торжественного обряда бракосочетания. Так решайте сами: желаете вы вступить в брак сегодня или в следующее воскресенье.

Как ни велико было нетерпение влюбленного, краткость предложенного ему срока ошеломила даже его, однако гордость не позволила ему выказать колебание.

— В таком случае, пусть это свершится сегодня же, если мисс Дайнвор будет согласна.

— А вот и она сама, и, как вы сейчас услышите, она даст вам согласие, лишь только я попрошу ее о том. Сесилия, дитя мое, я пообещала майору Линкольну, что ты станешь его женой сегодня.

При этих словах мисс Дайнвор в изумлении и растерянности замерла посреди комнаты, словно прекрасная статуя. Лицо ее зарделось румянцем, потом страшно побледнело, бумага выскользнула из ослабевшей руки и упала к ее ногам, которые, казалось, приросли к полу.

— Сегодня? — едва слышно пролепетала она. — Вы сказали — сегодня, дорогая бабушка?

— Да, да, сегодня, дитя мое.

— Почему это так пугает вас, Сесилия? — проговорил Лайонел, подходя к девушке и бережно усаживая ее на кушетку. — Вы знаете, какие опасности нас окружают. Вы открыли мне ваши чувства. Зима на исходе, и первая оттепель может положить начало событиям, которые должны будут разлучить нас.

— Все эти обстоятельства могут иметь большой вес в ваших глазах, майор Линкольн, — таким торжественным тоном произнесла миссис Лечмир, что молодая пара обратилась в слух, — но для меня существуют другие, еще более весомые причины. Разве я сама не доказательство опасности и губительности отсрочки? Вы молоды и достойны друг друга, почему не обрести вам свое счастье? Сесилия, если ты любишь и уважаешь меня — а я полагаю, что это так, — ты сегодня же станешь женой майора Линкольна.

— Прошу вас, дайте мне время на размышление, дорогая бабушка. Все это столь неожиданно, а шаг столь серьезен! Майор Линкольн... Милый Лайонел... я знаю, вы не можете быть невеликодушны, я полагаюсь на вашу доброту!

Лайонел ничего не ответил, а миссис Лечмир спокойно проговорила:

— Эта просьба, которую тебе надлежит выполнить, исходит не от майора Линкольна, а от меня.

Мисс Дайнвор с опечаленным видом поднялась с кушетки и, обратившись к жениху, сказала с грустной улыбкой:

— Болезнь сделала мою дорогую бабушку излишне боязливой; вы не обидитесь, если я попрошу вас оставить меня с нею наедине?

— Я ухожу, Сесилия, — сказал Лайонел, — но, если вы приписали мое молчание чему-либо другому, помимо глубокого уважения к вашим чувствам, вы несправедливы к себе самой и ко мне.

Она выразила свою благодарность взглядом, и Лайонел тотчас покинул комнату, чтобы ожидать результатов их беседы у себя.

Полчаса, которые провел он в ожидании, показались ему равными полугоду. Но наконец, по истечении этого срока, появился Меритон и доложил, что миссис Лечмир просит его снова пожаловать к ней.

Первый же взгляд, брошенный этой дамой на Лайонела, сказала ему без слов, что победа осталась за ними. Миссис Лечмир возлежала, откинувшись на подушках, с выражением такого полного, такого безграничного эгоистического удовлетворения, что молодой человек едва не пожалел о том, что она не потерпела поражения.

Но тут его глаза встретили смущенный и нежный взгляд залившейся румянцем Сесилии, и он почувствовал, что если ее согласие получено без принуждения, то ему безразлично, по чьему требованию она его дала.

— Если мою судьбу решает ваша доброта, я исполнен надежды, — сказал он, приближаясь к ней, — если же мои ничтожные достоинства, — я погружаюсь в отчаяние.

— Вероятно, с моей стороны неразумно, Лайонел, колебаться из-за нескольких дней, в то время как я готова посвятить вам всю жизнь, — промолвила Сесилия, улыбаясь сквозь слезы и без смущения вкладывая свою руку

в руку Лайонела. — А моя бабушка желает, чтобы я как можно скорее дала вам право быть моим защитником.

— Значит, сегодняшний вечер соединит нас навеки?

— Не обязательно, чтобы это произошло именно сегодня вечером, если к тому есть хоть малейшее препятствие. Вы ведь не брали на себя никаких обязательств.

— Но никаких препятствий нет и не может быть, — возразил Лайонел. — К счастью, вступление в брак не требует в здешних местах длительных приготовлений, а согласие всех, от кого зависит решение моей судьбы, получено.

— Так ступайте же, дети, и займитесь поскорее всем необходимым, — сказала миссис Лечмир. — Узы, которые соединят вас навек, священны, и союз ваш должен быть и будет счастливым!

Нежно пожав руку своей нареченной, Лайонел удалился, а Сесилия, бросившись в объятия бабушки, разразилась от полноты чувств слезами. Миссис Лечмир не оттолкнула девушку, а наоборот, раза два крепко прижала ее голову к своей груди, но все же внимательный глаз мог бы заметить, что на лице почтенной дамы отразилось при этом больше суетной гордыни, нежели более естественного волнения.

Глава XXI

Покороче, отец Франциск. Совершите только свадебный обряд.

Шекспир, «Много шуму из ничего»

Майор Линкольн не ошибся, сказав, что брачные законы колонии Массачусетс, продиктованные особенностями жизни в новонаселенных землях, не требовали особых приготовлений от тех, кто хотел связать себя нерасторжимыми узами брака. Однако брак Сесилии и Лайонела заключался с такой лихорадочной поспешностью и оба они были настолько к нему не подготовлены, что Сесилия, желая придать как можно больше торжественности обряду, значение которого она ни в коей мере не склонна была умалять, выразила желание произнести свой обет перед тем алтарем, перед которым она привыкла молиться еще с детства, и под той крышей, где она с каждой зарей

открывала богу свою чистую душу, вознося молитвы за человека, который теперь должен был вскоре стать ее мужем.

Так как миссис Лечмир объявила, что пережитые ею в этот день волнения и состояние ее здоровья ни в коем случае не позволят ей присутствовать при церемонии, то желание Сесилии могло быть выполнено. Однако стремление избежать назойливости любопытных заставило отложить церемонию до позднего часа и облечь все покровом тайны.

Мисс Дайнвор открылась во всем только своей кузине. Обычные в таких случаях хлопоты, требующие времени, не занимали ее ума и души: все ее приготовления вскоре были закончены, и она внешне спокойно, хотя и не без внутреннего волнения, стала ожидать назначенного часа.

Лайонелу же надо было позаботиться о многом. Он знал, что стоит ему только проронить кому-нибудь хоть слово о предстоящем событии, и толпа любопытных соберется вокруг церкви и даже проникнет внутрь, и поэтому он решил, что все следует подготовить, по возможности, в тайне. Прежде всего он послал Меритона к священнику с просьбой назначить час, когда ему удобно будет принять майора Линкольна, и получил ответ: в любой час и в любое время после девяти часов вечера преподобный Литурджи, освободившись от своих дневных обязанностей, будет рад видеть его у себя. Выбирать не приходилось, и Лайонел сообщил Сесилии, что она встретится с ним перед алтарем в десять часов вечера. Не особенно доверяя скромности Полуорта, Лайонел ограничился тем, что сообщил приятелю о предстоящей церемонии и попросил его явиться на Тремонт-стрит, где ему предстояло играть роль посаженного отца. Лакей и конюх также получили соответствующие распоряжения, и задолго до торжественного часа все приготовления были закончены; Лайонел полагал, что предусмотрел все до мелочей и ни малейшей заминки произойти не может.

Возможно, воображение Лайонела было слишком пылким, если не сказать — болезненным, но, так или иначе, все эти тайные приготовления доставили ему живейшее удовольствие. По натуре он был склонен к меланхолии, которая, как уже не раз говорилось, передавалась в роду Линкольнов из поколения в поколение, и нередко находил в легкой грусти неизъяснимую радость. Однако он был

умен, прошел хорошую жизненную школу, рано лишившись родительской опеки, и научился справляться с подобным настроением так успешно, что не только окружающие ничего не замечали, но и сам он забывал об этом больном уголке своей души. Словом, он был тем, чем мы старались представить его на этих страницах: молодым человеком, хотя и не лишенным известных недостатков, но несомненно наделенным высокими достоинствами.

Когда начало смеркаться, небольшое общество в доме на Тремонт-стрит собралось в столовой к вечерней трапезе. Сесилия была бледна, и нежная ручка ее слегка дрожала, когда она исполняла обязанности хозяйки за столом, но, хотя ее ресницы и были влажны, во взоре читалась твердая решимость скрыть волнение, которое возбудило в ней непреклонное требование миссис Лечмир.

Агнеса Денфорт почти все время молчала и лишь внимательно поглядывала на жениха и невесту, однако ее выразительные глаза без слов говорили о том, что́ она думает по поводу внезапности и таинственности предстоящего бракосочетания. Невеста, казалось, столь серьезно относилась к предстоящему ей шагу, что не видела надобности прибегать к обычному в таких случаях притворству, и говорила о приготовлениях к предстоящей церемонии без всякого ложного смущения, словно даже опасаясь какой-нибудь неожиданной помехи.

— Если бы я была суеверна и верила в предзнаменования, Лайонел, — сказала она, — то столь поздний час и эта непогода, вероятно, отпугнули бы меня и заставили отложить свадьбу. Вы видите, какой шторм бушует на море и какая вьюга на улице!

— Еще не поздно отменить мои распоряжения, Сесилия, — сказал Лайонел, с тревогой вглядываясь в ее лицо. — Я действовал как предусмотрительный полководец, и отступить составит для меня не больше труда, чем наступать.

— И вы готовы отступить перед таким грозным неприятелем, как я? — с улыбкой спросила Сесилия.

— Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду только один вид отступления: церемонию можно совершить и у вас в доме. Я страшусь подвергнуть вас и нашу дорогую кузину неистовству этой бури, которая уже давно, как вы сами заметили, бушует над океаном, а теперь со всей яростью обрушилась и на сушу.

— Я поняла вас правильно, Лайонел, но и вы не поймите меня превратно. Сегодня вечером я стану вашей женой и радуюсь этому, ибо как прежде, так и сейчас у меня не было и нет никаких оснований в вас сомневаться. Но я должна принести свой обет перед алтарем.

Агнеса, видя, что ее кузина с трудом справляется с охватившим ее глубоким душевным волнением, пришла ей на выручку, весело воскликнув:

— Ну, что касается метели, то вы плохо знаете бостонских девушек, если думаете, что какой-то снегопад может их напугать. Я очень хорошо помню, Сесилия, как мы с тобой в детстве удирали потихоньку из дому кататься на санках с Бикон-Хилла еще не в такую метель, как эта.

— В десять лет мы совершали много шалостей и глупых проказ, которые, пожалуй, нам не к лицу в двадцать.

— Боже милостивый, она уже рассуждает, как почтенная мать семейства! — воскликнула Агнеса, возведя очи к небу и всплескивая руками в притворном восхищении.— Нет, майор Линкольн, столь благочестивую особу вам надлежит повести к церковному алтарю — ничто другое ее не удовлетворит, так что перестаньте беспокоиться на ее счет и начните-ка лучше подсчитывать количество плащей и пледов, которое потребуется вам для защиты своей собственной персоны.

Лайонел ответил ей в том же тоне, и они с Агнесой принялись обмениваться шутками, к которым не без удовольствия прислушивалась и Сесилия.

Некоторое время спустя явился Полуорт, облаченный прилично случаю, с выражением лица таинственным и важным. Появление капитана напомнило Лайонелу о том, что время близится к ночи, и он без промедления поспешил сообщить приятелю о своих планах: прежде чем часы пробьют десять, Полуорт должен доставить дам в крытых санях в церковь, находящуюся неподалеку от их дома; жених вместе со священником уже будут ожидать их там.

Сказав, что обо всем остальном он может узнать у Меритона, и не обращая внимания на изумленные восклицания приятеля, Лайонел нежно попрощался с Сесилией, взглянул на часы, взял шляпу, завернулся в плащ и ушел.

Оставим Полуорта пытаться выведать у смеющейся Агнесы (Сесилия тотчас после ухода Лайонела удалилась

к себе) смысл всех этих таинственных приготовлений и последуем за женихом, направившимся к дому священника.

Выйдя из дома, Лайонел не увидел на улице ни единого прохожего. Светила полная луна, пробиваясь сквозь черные, гонимые ветром тучи, казавшиеся еще чернее рядом с белоснежным покровом, одевшим холмы и кровли домов. Временами порыв ветра поднимал снежные вихри, и тогда вся улица тонула в льдистом тумане. Ветер мрачно и уныло завывал между печными трубами и шпилями, а затем на какое-то мгновение воцарялась тишина, и казалось, что ярость стихии утихла и метель, истощив свои силы, сдается перед упорным, хотя и не ощутимым еще натиском весны. Все это странно гармонировало с волнением, охватившим молодого жениха. Даже пустынное безмолвие улиц, протяжный, заунывный свист ветра и трепетное, изменчивое сияние луны, то озарявшей все своим неверным светом, то прячущейся за темной подвижной вуалью облаков, — все наполняло его сердце странным удовольствием. Он шел сквозь метель, испытывая ту схожую с болью радость, которую человек порой испытывает в минуты самозабвения. Его мысли от предстоящей церемонии снова обращались к тому непредвиденному стечению обстоятельств, благодаря которому она была окутана такой романтической тайной. Временами светлую картину, рисовавшуюся его взору, омрачали подозрения, связанные с тем, что так тщательно скрывала миссис Лечмир, но они тут же исчезали без следа, едва перед его глазами вставал образ той, что с такой безраздельной верой ждала его, видя в его любви свою надежную опору.

Преподобный Литурджи проживал в северной, наиболее аристократической части города, и Лайонелу приходилось спешить, чтобы попасть к нему точно в назначенный час, без опоздания. Молодой, решительный, окрыленный надеждой, он стремительно шагал по неровным плитам тротуаров, а добравшись до нужного ему дома и бросив взгляд на свои часы, был рад заметить, что ему удалось победить даже пресловутую быстролетность времени.

Священник принял Лайонела в своем кабинете, где черпал отдохновение от утомительных дневных трудов в уюте покойного глубокого кресла, жарком пламени камелька и большом кувшине, наполненном до краев доброй смесью сидра, имбирного пива и различных пряно-

стей, знакомство с которыми могло сделать честь даже такому знатоку, как Полуорт. Вместо пышного парика на голове почтенного доктора богословия красовалась бархатная шапочка, а пряжки башмаков были расстегнуты, чтобы выпустить на свободу усталые пятки. Словом, все говорило о твердо принятом решении насладиться заслуженным вечерним отдыхом после тягот трудового дня. Набитая трубка лежала на маленьком столике рядом с креслом, но не была раскурена в знак уважения к ожидавшемуся с минуты на минуту посетителю. Лайонелу не было нужды представляться, так как он был уже знаком с хозяином, и они незамедлительно опустились в кресла друг против друга — один, стараясь побороть замешательство и приступить к изложению своей несколько необычной просьбы, другой — с любопытством ожидая услышать, что могло привести к нему члена парламента и наследника огромного состояния в такую бурную ночь.

Наконец Лайонелу удалось объяснить изумленному священнику цель своего посещения, и он умолк в ожидании согласия.

Преподобный Литурджи выслушал Лайонела с глубочайшим вниманием, стараясь уяснить себе главную причину всей этой необычайной таинственности и спешки, а когда Лайонел умолк, почтенный джентльмен в рассеянности схватил свою трубку и, раскурив ее, утонул в густых клубах дыма, словно спеша насладиться хоть одним из тех невинных удовольствий, которых его собирались лишить.

— Они хотят обвенчаться! Обвенчаться в церкви! И это после вечерней проповеди! — пробормотал он, попыхивая своей трубкой. — Да, конечно... разумеется... конечно, это мой долг, майор Линкольн... это мой долг венчать моих прихожан...

— Я понимаю, сударь, — нетерпеливо перебил его Лайонел, — что просьба моя не совсем обычна, и не хочу злоупотреблять вашей любезностью.

С этими словами он извлек из кармана туго набитый кошелек и, стараясь сделать это как можно деликатнее, высыпал на стол рядом с серебряным очешником хозяина небольшую груду золотых монет, как бы желая указать ему на разницу между обоими благородными металлами.

Преподобный Литурджи наклонил голову в знак понимания и бессознательно направил очередную струю

трубочного дыма в другую сторону, дабы иметь возможность беспрепятственно полюбоваться ослепительным блеском доброхотного даяния. Одновременно с этим он сунул одну пятку в башмак и метнул озабоченный взгляд на занавешенное окно, как бы желая удостовериться, какова погода.

— А не можем ли мы совершить обряд в доме миссис Лечмир? — спросил он. — Мисс Дайнвор нежное создание, и боюсь, как бы холодный воздух храма не принес ей вреда.

— Это ее настоятельное желание — венчаться перед алтарем, и вы, конечно, понимаете, что не мне ее от этого отговаривать.

— Очень благочестивое намерение. Законы колоний чрезвычайно свободны в вопросах брака, майор Линкольн, я бы сказал — греховно, преступно свободны!

— Но, поскольку не в нашей власти их изменить, вы позволите мне, сударь, воспользоваться ими, сколь бы несовершенны они ни были?

— Да, конечно, ибо в мои обязанности входит крестить, женить и хоронить, — словом, как я частенько говорю, человек прибегает к моим услугам в самом начале, в середине и в конце своего жизненного пути... Однако позвольте мне, майор Линкольн, предложить вам стаканчик нашего местного напитка: у нас, бостонцев, он называется «Самсон» [1]. Вы увидите, что это неплохой спутник в ненастный февральский вечер в таком климате, как наш.

— Нельзя признать, что его окрестили так по заслугам, — сказал Лайонел, пригубив стакан, — если говорить о крепости.

— Дело в том, что вы получили его уже из рук Далилы, а мне мой сан запрещает принимать дары от такой негодницы.

Тут почтенный священник расхохотался, очень довольный собой, и, позволив себе еще одно возлияние, продолжал:

— У нас приготовляют два вида этого напитка: «Самсон с волосами» и «Самон без волос», и я благочестиво предпочитаю Самсона, сохранившего крепость духа и первозданную красоту кудрей. Ваше здоровье, майор Лин-

[1] Самсон (библ.) — могучий богатырь, лишившийся своей силы после того, как его жена Далила коварно остригла его волосы.

кольн, и да будут дни ваши протекать в счастье и благоденствии, которые бесспорно принесет вам союз с этой очаровательной девицей, избранной вами в жены, и да закончите вы свой земной путь, как подобает доброму христианину и верному слуге отечества.

Лайонел воспринял эти торжественные слова как знак того, что его миссия увенчалась успехом, поднялся и заметил, что им, пожалуй, пора отправляться в церковь. Священник, которому очень не хотелось покидать свой уютный кабинет, придумал целую кучу всевозможных мелких возражений, но жених не замедлил их решительно опровергнуть. Так мало-помалу все препятствия были устранены, за исключением одного, которое, по словам этого благодушного эпикурейца, являлось наиболее непреодолимым. Печи в церкви не топились, так как пономаря в этот самый вечер свалила страшная болезнь, которая с каждым днем все беспощадней свирепствовала в городе, терпевшем тяжкие лишения осады.

— У него самая настоящая оспа, майор Линкольн, уверяю вас, — говорил священник, — и заразился он, конечно, от какого-нибудь подосланного мятежниками негодяя.

— Я уже не первый раз слышу подобные обвинения как с одной, так и с другой стороны, — возразил Лайонел. — Вместе с тем, будучи совершенно уверен, что наш главнокомандующий никогда не позволит себе подобную низость, я, пока не получу неопровержимых доказательств, не имею оснований считать, что и противник может быть на это способен.

— Вы слишком благородны, сэр, — о да, слишком, слишком благородны! Но откуда бы ни взялась эта болезнь, жертвой ее пал мой пономарь.

— Я позабочусь о том, чтобы печи были затоплены, — сказал Лайонел. — В них, вероятно, еще остались тлеющие угли, а в нашем распоряжении имеется целый час.

Священник, будучи слишком совестлив, чтобы взять золото, не оплатив соответствующей услугой право обладания им, уже давно в душе, несмотря на противоборство тела, решил исполнить желание молодого человека, и теперь они быстро обо всем договорились, после чего Лайонел получил ключ от церкви и покинул дом священника, условившись о скорой встрече.

Снова очутившись на улице, майор Линкольн напра-

вился в сторону храма, поглядывая по сторонам в надежде повстречать какого-нибудь бездельника-солдата, который мог бы заменить заболевшего пономаря. Он миновал несколько улиц, но поиски его не увенчались успехом: все, по-видимому, уже разбрелись по домам, да и в домах один за другим гасли огни, свидетельствуя о том, что настал обычный час отхода ко сну.

На углу Портовой площади Лайонел остановился в нерешительности, не зная, куда направиться дальше, и тут заметил какую-то фигуру, скорчившуюся у стены старого пакгауза, не раз уже упоминавшегося в нашем повествовании. Не раздумывая ни секунды, Лайонел направился к этой фигуре, которая не шелохнулась и не подала никаких признаков жизни при его приближении. Даже в тусклом свете луны нетрудно было разглядеть, что этот человек — жалкий нищий. Ветхая, изодранная одежда сама по себе служила достаточным объяснением, почему несчастный, спасаясь от ледяного ветра, жался к стене дома, а о его голоде говорила жадность, с которой он грыз кость, вероятно выброшенную каким-то солдатом, сначала основательно ее обглодавшим. Перед лицом такой нужды и лишений Лайонел на мгновение забыл о своих заботах и участливо произнес:

— Ваш ужин, я вижу, не слишком обилен, друг мой, и вы избрали для него не очень-то уютное место.

Не переставая двигать челюстями и не поднимая глаз, бедняга угрюмо отозвался:

— Король может запереть порт и закрыть доступ кораблям, а вот прогнать мартовскую стужу из Бостона — на это у него, пожалуй, силы не хватит!

— Бог мой, да это Джэб Прей! Пойдем со мной, дружище, и ты получишь еду немного получше и уголок потеплее, но только скажи мне прежде всего, не можешь ли ты раздобыть мне фонарь и свечу у своей матушки.

— Сегодня вечером туда входить нельзя, — решительно заявил дурачок.

— А нельзя ли купить все это где-нибудь поблизости?

— Вон там у них есть, — угрюмо сказал Джэб, тыча пальцем в сторону низкого строения на противоположной стороне площади, в одном из окон которого мерцал слабый огонек.

— Так скорее бери деньги и ступай принеси мне фонарь и свечу.

Но Джэб, которому это поручение как будто не пришлось по душе, даже не шевельнулся.

— Ну, ступай же, я очень спешу, а сдачу ты можешь оставить себе за услугу.

На это Джэб ответил с живостью, удивительной для его слабого ума:

— Джэб сейчас пойдет, если ему можно купить на сдачу немного мяса для Нэб.

— Ну разумеется, покупай, что тебе захочется, и обещаю, что больше ни ты, ни твоя матушка не будете терпеть нужды в пище или одежде.

— Джэб голоден, — произнес дурачок. — Но говорят, что голод не так страшен для молодого желудка, как для старого. А что, король сам пробовал когда-нибудь голодать и мерзнуть?

— Этого я не знаю, друг, но только уверен, что если бы он увидел перед собой какого-нибудь несчастного, вроде тебя, так от всего сердца постарался бы ему помочь. Ну, ступай, ступай, купи и себе поесть тоже, если у них найдется.

Спустя несколько минут Лайонел увидел, что дурачок спешит к нему с желанным фонарем в руках.

— Ну, раздобыл ты себе какой-нибудь еды?— спросил Лайонел, знаком показывая Джэбу, чтобы он шел вперед с фонарем. — Надеюсь, спеша исполнить мою просьбу, ты не забыл позаботиться о себе самом?

— Чумы бы Джэбу не схватить, вот что, — отозвался тот, с жадностью поедая небольшую булку.

— Не схватить чего? Что такое ты боишься схватить, повтори.

— Чуму. У них там у всех в этом доме моровая язва.

— Ты говоришь об оспе?

— Одни называют эту хворь оспой, другие — чумой, а третьи — моровой язвой. Небось изгнать торговлю из нашего города — это король сумел, а вот нет того чтобы изгнать стужу и чуму — нет, куда ему... Ну, когда народ отвоюет себе город обратно, он с этой бедой справится и загонит ее в больницу!

— Я никак не хотел подвергнуть тебя такой опасности, Джэб... Знай я, что там больные, я пошел бы туда сам. Мне ведь в детстве сделали прививку от этой ужасной болезни.

Джэб, истощив, как видно, во время этой беседы все

скудные запасы своего ума, не отвечая, шагал вперед через площадь, пока не добрался до противоположного угла; там он обернулся и спросил, куда идти дальше.

— К церкви, — сказал Лайонел. — И поживее.

Когда они добрались до Корн-Хилла, вьюга обрушилась на них с новой яростью; Лайонел, поплотнее запахнув свой плащ и наклонив голову, шагал за тускло мерцавшим впереди огоньком фонаря. Надежно укрывшись плащом и шляпой от непогоды, он словно бы отгородился от внешнего мира; мысли его снова потекли по прежнему руслу, и он вскоре забыл, куда и следом за кем идет. От своей задумчивости он очнулся, увидав перед собой ступени лестницы; решив, что уже достиг цели, Лайонел поднял голову и последовал за своим провожатым в башню какого-то большого здания. Но, сделав всего несколько шагов, он тут же убедился, что попал не в Королевскую церковь, а в какое-то совсем другое здание, и, повернувшись к дурачку, сердито осведомился у него, что значит эта глупая выходка и зачем он его сюда привел.

— Вы же сказали идти к церкви, — отвечал Джэб. — Я-то называю ее молельней... Это не чудо, что вы ее не узнали: народ построил себе этот храм, чтобы молиться, а король превратил его в конюшню!

— В конюшню! — воскликнул Лайонел.

Почувствовав, что тут и в самом деле пахнет, как на конском дворе, он шагнул к двери, распахнул ее и в изумлении застыл на месте, увидав перед собой кавалерийский манеж — ничем иным это быть не могло. Хоры и украшения на стенах и на потолке остались целы, внизу же все было уничтожено и пол засыпан землей для удобства лошадей и всадников. Лайонелу припомнилось, как не раз в детстве видел он стекавшиеся сюда для молитвы толпы благочестивых колонистов, и ему стало не по себе. Выхватив из рук Джэба фонарь, он поспешил прочь, исполненный досады, которая не укрылась даже от простодушного дурачка. Когда он вышел на улицу, в глаза ему бросились огни в окнах губернаторского дворца, возвышавшегося перед ним во всем своем молчаливом величии, и он не мог не подумать о том, что надругательство над религиозными чувствами колонистов происходило прямо перед глазами королевского губернатора.

— Безумцы, безумцы! — пробормотал он с горечью. — Вместо того чтобы нанести удар, как подобает мужчинам,

вы забавляетесь, как неразумные дети, и в злобе своей забываете не только свое достоинство, но и бога.

— А теперь эти лошади околевают, потому что у них нет сена, и поделом им! — промолвил Джэб, усердно ковыляя рядом с Лайонелом. — Лучше бы они сами собрались сюда да послушали проповедь, а то согнали бессловесную скотину в священное место!

— Скажи мне, друг мой, может быть, тебе известны и другие столь же непростительные поступки, в которых повинна наша армия?

— А вы что, не слышали про Северную церковь? Они же разобрали на дрова самый большой храм в округе! Они рады были бы растащить по кусочкам даже наш Фанел-Холл, да боятся!

Лайонел промолчал. Он уже слышал о том, что терпевший недостаток в топливе гарнизон, положение которого день ото дня становилось все тяжелее вследствие постоянных нападений американцев, начал разбирать на дрова некоторые дома, а как явствовало из слов Джэба, и церкви. Но эти действия, по мнению Лайонела, вызывались острой необходимостью военного положения. В них не было того презрения к чувствам народа, которое он наблюдал сейчас среди древних стен Южной церкви — храма, весьма почитаемого и известного всей Новой Англии.

В угрюмом молчании Лайонел шагал по пустынным улицам, пока не добрался до церкви, к которой судьба была более благосклонна и в которой продолжали совершаться богослужения, ибо случайно данный ей титул земного владыки сделал ее стены более священными в глазах английского гарнизона.

Глава XXII

Ты чересчур похож на призрак Банко,
Сгинь!

Шекспир, «Макбет»

Королевская церковь ничем не походила на осквернённый храм, который только что покинул Лайонел. Когда он вошел, свет его фонаря заиграл на бархатной обивке скамей и блеснул на золоченых украшениях и начищенных до блеска трубах органа. Стройные колонны с резны-

ми капителями отбрасывали причудливые тени на тонувшие в полумраке углы, заполняя хоры и потолок полчищем воображаемых призраков. Молодому человеку стало даже как-то не по себе, но потом это обманчивое впечатление рассеялось, и озябший Лайонел не без удовольствия почувствовал, что в церкви не так уж холодно. Тепло, которое поддерживалось во время дневной службы, еще не совсем улетучилось, ибо, хотя горожане и гарнизон мерзли из-за нехватки дров, храм, где молился сам губернатор, не терпел ни в чем недостатка. Джэбу велено было подложить поленья на тлеющие угли, а так как дурачок хорошо знал, где хранилось топливо, и сам жестоко промерз, то выполнил поручение с большим рвением и быстротой.

Покончив со всеми приготовлениями, Лайонел принес из алтаря стул, а Джэб пристроился на полу подле вздрагивающей от жара железной печки, скорчившись в своей обычной позе, которая трогательно свидетельствовала о том, что бедняга понимает, насколько он не похож на остальных людей. Когда приятное тепло охватило едва прикрытое лохмотьями тело слабоумного, голова его склонилась на грудь, и он задремал, как измученная бездомная собака, добравшаяся наконец до сухого и теплого места. Человек с более живым умом захотел бы узнать причины, побудившие его спутника прийти в церковь в такой неурочный час, но Джэб был чужд всякого любопытства; даже в минуты просветления мысль его редко выходила из узких рамок религиозных понятий, внушенных ему еще до того, как болезнь помутила его рассудок, или же популярных в то время взглядов, близких каждому колонисту Новой Англии.

Иное дело майор Линкольн. Стрелка часов говорила ему, что пройдет еще много томительных минут, прежде чем прибудет его невеста, и он приготовился ждать со всем терпением, какое возможно в двадцать пять лет при подобных обстоятельствах. И вскоре в храме воцарилась полная тишина, нарушаемая только порывами ветра на улице да глухим ревом печи, возле которой в блаженном забытьи прикорнул Джэб.

Лайонел пытался успокоить непослушные мысли и привести их в большое согласие с торжественным обрядом, в котором ему предстояло принять участие. Однако, не в силах справиться с собой, он встал, подошел к окну и, выглянув на пустынную улицу, где кружили снежные вихри,

стал настороженно прислушиваться, не едет ли кто, хотя разум и подсказывал ему, что еще слишком рано. Затем он опять сел и с тревогой огляделся — он не мог отделаться от ощущения, что кто-то спрятался в окружающем мраке с тайным намерением разрушить его счастье. Этот день был исполнен такого лихорадочного напряжения, принес столько радости и тревоги, что порой все казалось ему сном, и, чтобы удостовериться в обратном, он то́ и дело бросал торопливый взгляд на алтарь, на собственный наряд и даже на спящего Джэба. Опять он взглянул вверх на колеблющиеся по стенам зыбкие и чудовищные тени, и его прежние страхи пробудились с новой силой, близкой к предчувствию. Им овладела такая тревога, что он обошел боковые приделы, тщательно осмотрел все скамьи и заглянул за каждую колонну, но в награду за все труды услышал лишь громкое эхо собственных шагов по каменным плитам.

Вернувшись, Лайонел подошел к печи, но мучительная тревога не покидала его, и ему так захотелось услышать звук человеческого голоса, что он решил разбудить Джэба. Едва Лайонел кончиком сапога притронулся к дурачку, как тот проснулся с живостью, которая указывала, сколь чуток и насторожен его сон.

— Ты сегодня на редкость туп, Джэб, — сказал Лайонел, пытаясь приглушить беспокойство напускной веселостью, — иначе ты спросил бы, почему я пришел в церковь в такой необычный час.

— Бостонцы любят молельни, — ответил дурачок.

— Да, но они также любят и постель, и половина их наслаждается теперь тем благом, к которому ты, как видно, жадно стремишься.

— Джэб любит есть и любит, когда тепло!

— Да, и, судя по твоей сонливости, любит поспать.

— Спать хорошо! Когда Джэб спит, ему не хочется есть.

Лайонел умолк, внезапно поняв, какие страдания крылись за тупой апатией дурачка.

— Скоро сюда придут священник и две дамы, а также капитан Полуорт.

— Джэб любит капитана Полуорта — у него всегда много всякой еды.

— Ну, довольно! Неужели ты не можешь думать ни о чем другом, кроме собственного желудка?

— Бог создал голод, — угрюмо ответил Джэб, — но он же создал и пищу, а король припас ее только для своих солдат.

— Ну, так слушай внимательно, что я тебе скажу. Одна из дам, которая придет сюда,— это мисс Дайнвор; ты ведь знаешь мисс Дайнвор, Джэб?.. Красавицу мисс Дайнвор?

Но чары Сесилии, очевидно, не произвели должного впечатления на дурачка, который глядел на Лайонела своим обычным тупым взглядом.

— Как же ты не знаешь мисс Дайнвор? — повторил Лайонел с раздражением, которое в иное время заставило бы его улыбнуться. — Ведь она же часто давала тебе деньги и одежду!

— Я знаю. Миссис Лечмир — ее бабка!

В глазах Лайонела это было несомненно одно из наименьших достоинств его невесты, и он, внутренне досадуя, помолчал, прежде чем добавить:

— Кто бы ни были ее родные, сегодня она станет моей женой. Ты останешься здесь и будешь присутствовать при бракосочетании, потом погасишь свечи и ключ от церкви отнесешь мистеру Литурджи. Утром приходи ко мне за вознаграждением.

Дурачок встал и с важным видом произнес:

— Ладно. Майор Линкольн женится и приглашает Джэба на свадьбу! Теперь пусть Нэб сколько угодно болтает о гордости и тщеславии: кровь есть кровь и плоть — плоть!

Пораженный осмысленным и странно многозначительным взглядом дурачка, Лайонел потребовал объяснения его странных слов. Но, прежде чем Джэб успел ответить — впрочем, взор его тут же погас, указывая, что мысли слабоумного вернулись в свои обычные узкие пределы, — внимание обоих привлек шум у входа. В следующую секунду дверь отворилась, и на пороге показался укутанный по самые глаза и запорошенный снегом священник. Лайонел поспешил ему навстречу и подвел к стулу, с которого только что встал.

Когда доктор Литурджи снял плащ и предстал облаченный для свершения предстоящего обряда, одобрительная улыбка и все выражение его лица лучше всяких слов сказали, что он доволен стараниями Лайонела.

— Почему бы церкви не быть такой же уютной, как

кабинет майора Линкольна? — сказал он, пододвигая стул поближе к печке. — Это чисто пуританская, еретическая идея, будто религии по природе своей непременно надлежит быть суровой и мрачной; зачем же нам собираться для свершения треб, терпя холод и неудобства?

— Вы совершенно правы, — ответил Лайонел, с беспокойством поглядывая в окно. — Я не слышал, что пробило десять, хотя по моим часам уже начало одиннадцатого.

— В такую погоду городские часы ходят очень неисправно... Наша плоть подвержена множеству всяких неизбежных зол и напастей, и мы должны во всех случаях жизни искать счастья и стараться скрасить свое существование. Более того: долг повелевает...

— Грешникам не положено быть счастливыми, — произнес глухой угрожающий голос из-за печки.

— Как? Вы что-то сказали, майор Линкольн?.. Довольно странная мысль для жениха!

— Это слабоумный, которого я привел сюда, чтобы протопить печи, повторяет сентенции своей матушки.

Но доктор Литурджи уже заметил скорчившегося за печью Джэба и, поняв, кто его перебил, откинулся на спинку стула и продолжал с презрительной улыбкой:

— Я знáю этого малого, сэр. Как не знать! Он напичкан текстами святого писания и любит спорить о вопросах веры. Очень прискорбно, что при его малом разуме им так плóхо руководили в детстве; а от этой софистики он и вовсе рехнулся. Мы — я имею в виду служителей нашей церкви — часто в шутку величаем его бостонским Кальвином... Ха-ха-ха! Но, говоря о епископальной церкви, не думаете ли вы, что одним из следствий подавления мятежа будет распространение ее благодати на колонии? Недалеко то время, когда истинная церковь станет единственной в этих зараженных ересью провинциях.

— Да, конечно, несомненно! — сказал Лайонел, опять с тревогой подходя к окну. — Почему они так медлят?

Священник, для которого бракосочетания были делом слишком обыденным, чтобы вызвать особый интерес, понял нетерпеливого жениха буквально и соответственно ответил:

— Рад это слышать, майор Линкольн; и надеюсь, когда в парламенте будет обсуждаться билль об амнистии, вы отдадите свой голос за включение этого условия.

В этот миг Лайонел заметил подъезжавшие по безлюдной улице хорошо знакомые сани и с радостным возгласом кинулся встречать невесту. Священник же, окончив фразу самому себе и поднявшись со стула, на котором расположился с таким комфортом, взял свечу и вошел в алтарь. Заранее расставленные свечи были зажжены, молитвенник раскрыт, лицу придана надлежащая торжественность, и так, с подобающим достоинством, он ждал приближения тех, чей союз должен был освятить.

Джэб отошел в темный угол и оттуда созерцал это внушительное зрелище с детским благоговением.

Затем в сумрачной глубине храма показалось несколько человек, медленно двигавшихся к алтарю. Впереди шла Сесилия, опираясь на руку Лайонела, служившую ей надежной поддержкой. Салоп и капор она сняла у входа и предстала перед священником в наряде, достойном столь торжественной церемонии и в то же время подходившем к его внезапности и тайности. Атласная, отделанная дорогим мехом пелерина небрежно ниспадала с ее плеч, несколько закрывая ее стройную фигуру. Под пелериной виднелось платье из той же материи, плотно, по моде того времени облегавшее стан. Низ корсажа был в несколько рядов обшит широкими кружевами, и такие же широкие кружева, собранные сзади крупными складками, оторачивали юбку. Но красота и скромность наряда — для такого дня он, конечно, был скромен — терялись или, вернее, сами оставаясь незаметными, лишь оттеняли меланхоличную красоту невесты.

Когда они приблизились к священнику, Сесилия еле приметным движением плеча сбросила пелерину на решетку алтаря и уже более твердым шагом последовала за Лайонелом к возвышению. Щеки ее были бледны, но скорее от внутренней решимости, чем от робости, а глаза полны задумчивой нежности. Из них двоих она казалась если не более спокойной, то более сосредоточенной и поглощенной предстоящим таинством, ибо, в то время как Лайонел с беспокойством оглядывался, словно ожидая, что кто-то вот-вот вынырнет из мрака, глаза Сесилии с трогательным и серьезным вниманием были устремлены на священника.

Жених и невеста остановились на предназначенном для них месте, и, после того как Агнеса и Полуорт, которые одни сопровождали Сесилию в церковь, вошли в

алтарь, послышался негромкий, но густой голос священника. Поздний час и безлюдие храма, должно быть, несколько вдохновили пастыря. Первые фразы он произнес с расстановкой, делая частые и длительные паузы и придавая особо внушительную интонацию каждому наставлению. Но, когда он дошел до заключительных слов: «Если кто может указать причину, препятствующую им вступить в законный брак, пусть скажет об этом сейчас, в противном же случае отныне и навек хранит молчание», он возвысил голос и обратил взгляд на отдаленную часть храма, будто обращаясь к невидимой в темноте толпе. Взоры всех присутствующих невольно устремились туда же, и, когда замерли последние отзвуки его голоса, наступила минута напряженного ожидания, которую можно объяснить лишь необычностью обстановки. И тут, когда все перевели дыхание и готовы были повернуться к алтарю, гигантская тень поднялась над хорами и, вытянувшись по всему потолку, как зловещий призрак, нависла почти над самыми их головами. Священник запнулся на полуслове, Сесилия судорожно вцепилась в руку Лайонела и задрожала.

Мрачное видение медленно отступило, но, перед тем как исчезнуть, угрожающим жестом вскинуло руку, простершуюся через сводчатый потолок и вниз по стене, будто оно намеревалось схватить свои жертвы.

— Если кто может указать причину, препятствующую им вступить в законный брак, пусть скажет об этом сейчас, в противном случае отныне и навек хранит молчание, — повторил пастор громким голосом, словно бросая вызов всему свету.

И снова тень поднялась, являя на этот раз профиль исполинского человеческого лица, которому фантазия в этот миг легко могла приписать выражение и жизнь. Черты его, казалось, исказились от сильного волнения и губы зашевелились, будто бесплотное существо обращалось к обитателям потустороннего мира. Потом над застывшей в ужасе группой поднялись две руки, сложенные как бы для благословения, после чего все бесследно исчезло; вверху тускло белел потолок, и храм был погружен в такое же безмолвие, как окружавшие его могилы.

Еще раз взволнованный священник произнес свой вызов, и снова все глаза невольно обратились к тому месту, которое, казалось, имело форму человека, но лишено было его телесной сущности. Однако тень больше не появилась.

Прождав напрасно несколько секунд, Литурджи продолжал обряд, и, хотя голос его временами дрожал и срывался, бракосочетание закончилось без каких-либо новых помех. Сесилия произнесла положенные обеты и клятву в верности с благоговейным трепетом, а Лайонел, все время ждавший какого-то несчастья, держался до самого конца церемонии с наигранным спокойствием. Священник объявил их мужем и женой и благословил молодых, но никто не произнес ни слова, даже шепотом. Все молча повернулись и направились к дверям. Сесилия безучастно позволила Лайонелу набросить на себя пелерину и, вместо того чтобы, по своему обыкновению, поблагодарить его за услугу улыбкой, подняла тревожный взгляд к потолку с выражением, ошибиться в котором было невозможно. Полуорт и тот словно онемел, а Агнеса даже позабыла поздравить подругу и пожелать ей счастья.

Священник торопливо приказал Джэбу погасить свечи и огонь в печке и сразу же поспешил за остальными с быстротой, которую готов был приписать позднему часу. Храм же, нимало не заботясь о его сохранности, он оставил на попечение слабоумного, но, как всегда, невозмутимого сына Эбигейл Прей.

Глава XXIII

Не осуждай его; ведь все мы грешны. —
Закрыть ему глаза. Спустите полог.
А мы пойдем предаться размышленьям.

Шекспир, «Генрих VI»

В глубоком молчании новобрачные и их друзья сели в экипаж, и слышно было только, как Полуорт, понизив голос, торопливо отдавал приказания конюху. Преподобный Литурджи подошел попрощаться, и сани понеслись от церкви с такой быстротой, словно снедавшая седоков таїная тревога передалась коню. Движения священника, хотя и менее стремительные, тоже были торопливы, и через какую-нибудь минуту на опустевшей улице лишь свистел ветер да вилась снежная пыль.

Высадив всех у подъезда миссис Лечмир, Полуорт невнятно пробормотал что-то вроде «счастье» и «завтра» — больше ничего Лайонел не сумел разобрать — и, хлестнув

лошадь, выехал за ворота с той же бешеной скоростью, с какой гнал всю дорогу от церкви. Едва все трое вошли, как Агнеса поднялась в спальню к миссис Лечмир сказать, что бракосочетание свершилось, а Лайонел повел свою хранившую молчание молодую жену в пустую гостиную.

Сесилия стояла безучастная и недвижимая, как изваяние, пока муж снимал с нее салоп и пелерину; лицо ее было бледно, глаза прикованы к полу, весь вид и поза говорили, что она сосредоточенно думает о случившемся в храме. Освободив ее от платков и шалей, в которые он же ее заботливо укутал, Лайонел усадил ее на кушетку, и Сесилия впервые после произнесения брачного обета заговорила.

— Что это было — зловещее предзнаменование, — прошептала она, когда он привлек ее к своей груди, — или всего лишь страшная игра воображения?

— Ни то ни другое, любовь моя, — это просто была тень — тень Джэба Прея, которого я привел затопить печи.

— Нет, нет, нет! — проговорила Сесилия быстро и уже несколько окрепшим голосом. — Это не было бессмысленное лицо несчастного дурачка! Знаешь, Лайонел, в страшных очертаниях ужасной тени на стене мне показалось поразительное сходство с профилем нашего двоюродного деда, после которого твой отец унаследовал фамильный титул, — с Черным сэром Лайонелом, как все его называли.

— В такую минуту и при таких обстоятельствах легко вообразить все, что угодно. Но зачем омрачать счастливый день нашей свадьбы страшными фантазиями?

— Думаю, ты, Лайонел, согласишься, что я не суеверна и не склонна к болезненным фантазиям? Но эта тень явилась в такую минуту, что всякая женщина на моем месте испугалась бы грозного знамения.

— Чего ты боишься, Сесилия? Разве мы с тобой не обвенчаны? Разве не соединены священными узами?

Новобрачная задрожала. И, видя, что она не хочет или не может ответить, Лайонел продолжал:

— Не во власти человека разлучить нас теперь, а в брак мы вступили с согласия, даже больше — по горячему желанию, по приказу единственного человека, имевшего право как-то решать нашу судьбу.

— Я верю... то есть я думаю, что все эта так, как ты говоришь, — ответила Сесилия, по-прежнему устремив отсутствующий взгляд в пространство. — Да, конечно, мы обвенчаны. Но...

— Но что, Сесилия? Неужели ты допустишь, чтобы ничто... тень так тебя мучила?

— Да, это была тень, как ты говоришь, Лайонел; но откуда она взялась? Там же никого не было!

— Но Сесилия, моя разумная, добрая, набожная моя Сесилия, почему ты не стряхнешь с себя это оцепенение и не подумаешь? Рассуди сама: может ли быть тень без того, чтобы что-то не загораживало света?

— Не знаю, я не могу рассуждать, я потеряла рассудок. Тот, чья воля закон и чье малейшее желание потрясает мир, все может! Тень была — темная, говорящая, страшная тень; но кто мне скажет, что ее породило?

— Твоя впечатлительность, дорогая, и твое воображение создали призрак. Но соберись с мыслями и подумай: ведь могло случиться, что какой-нибудь бездельник из гарнизона вошел за мной в церковь и спрятался там, то ли чтобы сыграть злую шутку, то ли без всякой причины.

— Он выбрал страшную минуту для подобной забавы!

— Какой-нибудь олух, у которого хватило ума только на то, чтобы придать театральный эффект своей глупой проделке. Неужели же эта нелепая выдумка омрачит наше счастье или нам суждено быть несчастными оттого, что в Бостоне нашелся такой дурак?

— Может быть, это слабость, глупость, кощунство, Лайонел, — сказала она, обращая на него чуть смягчившийся взор и пытаясь улыбнуться, — но удар поразил меня в самое уязвимое для женщины место. Теперь, как ты знаешь, у меня нет от тебя тайн. Брак для нас, женщин, — это узы, которые вытесняют все другие привязанности. И в такую минуту, когда сердце преисполнено уверенности, разве не ужасно, что загадочное предзнаменование, истинное или ложное, явилось ответом на призыв священника?

— Но узы эти не менее крепки, не менее важны и не менее драгоценны и для нас, мужчин, родная моя Сесилия. Поверь мне, что хоть мы считаем своим уделом высокие стремления и славные подвиги, чувства, подобные вашим, свойственны и нашей природе и утоляют их не те, кто льстят нашему тщеславию, а те, кого мы любим. Зачем же дозволять холоду губить лучшие твои чувства, когда они еще только зацветают?

В его словах было столько успокоительного и в голосе звучало такое нежное участие, что ему наконец удалось

отвлечь Сесилию от мрачных предчувствий. По мере того как он говорил, ее побледневшее личико окрасил яркий румянец, а когда он замолк, ее глаза опять засветились доверием и она встретила его взгляд с радостным смущением. Она даже повторила за ним слово «холод» с нежным укором, и скоро ему удалось окончательно разогнать страх на какое-то время одержавший верх над ее рассудком.

Но, хотя майор Линкольн рассуждал очень здраво и так успешно рассеял опасения своей молодой жены, самого себя убедить ему не удалось. События этого вечера пробудили его болезненную мнительность, и хотя горячее желание успокоить Сесилию на время заглушило его собственные страхи, однако, чем настойчивее он уговаривал ее не придавать значения случившемуся, тем живее и четче вставала в его памяти грозная тень, и при всем старании ему вряд ли удалось бы скрыть от любимой свои тревожные мысли, если бы тут, по счастью, не появилась Агнеса и не сообщила, что миссис Лечмир желает видеть новобрачных.

— Пойдем, Лайонел,— сказала, вставая с кушетки, его прелестная подруга, — мы были так эгоистичны, что позабыли, как горячо бабушка хотела нашего счастья. Нам надо было выполнить этот долг, не дожидаясь приглашения.

Лайонел взял ее под руку, ответив на ее слова только легким пожатием, и новобрачные последовали за Агнесой через небольшой коридор к лестнице, ведущей наверх.

— Ну, дорогу вы знаете, майор Линкольн, — сказала мисс Денфорт, — а если позабыли, вам ее покажет ваша супруга. А я пойду взгляну на праздничный ужин, который заказала, только боюсь, мои труды пропадут напрасно, раз капитан Полуорт не пожелал выказать свою доблесть за столом. Поистине, майор Линкольн, я поражаюсь, что ваш приятель при такой его плотности потерял аппетит, испугавшись бесплотной тени!

Сесилия рассмеялась шутке кузины серебристым заразительным смехом, но тревога, выразившаяся на лице мужа, пресекла ее веселость.

— Поднимемся, Лайонел,— тут же предложила она,— и предоставим нашу шаловливую Агнесу ее хозяйственным заботам и легкомыслию.

— Ступайте, ступайте! — крикнула им вслед кузина, направляясь к столовой. — Обыкновенные еда и питье недостаточно эфирны для вашего неземного счастья; жаль,

что у меня нет трапезы, достойной столь чувствительных сердец! Что бы такое им предложить — капли росы и слезы влюбленного в равных пропорциях, подслащенные улыбками Купидона, с приправой из обращенных к луне вздохов для пикантности, как сказал бы Полуорт? Это бы, верно, пришлось им по вкусу. Капли росы трудно раздобыть в это суровое время года и в такую почь; но если б можно было ограничиться одними слезами и вздохами, то их с избытком хватит в бедном Бостоне!

Лайонел и его полусмущенная, полуулыбающаяся подруга еще некоторое время слышали ее голос, из шутливого ставший негодующим, но уже в следующую минуту, оказавшись в присутствии миссис Лечмир, позабыли и об Агнесе и о ее своенравии.

Сердце майора Линкольна болезненно сжалось, едва он бросил взгляд на свою престарелую родственницу. Миссис Лечмир, как видно, велела Агнесе ее приподнять и сидела в постели, опираясь на подушки. Ее морщинистые, исхудавшие щеки пылали лихорадочным румянцем, отчего еще резче выделялись неизгладимые знаки, которые преклонные лета и сильные страсти безжалостными перстами вырезали на этом жалком подобии черт, некогда славившихся редкой, хотя и слишком холодной красотой. Жесткий взгляд утратил обычное выражение суетной озабоченности, и глаза скорее сверкали, чем светились огнем удовлетворения, которое она не в силах была более подавить. Короче говоря, весь ее вид поразил молодого человека, убедив его в том, что, как страстно ни желал он сам жениться на ее внучке, он наконец осуществил заветнейшую мечту этой столь тщеславной, столь расчетливой и, как он теперь поневоле вспомнил, очевидно, столь виновной женщины. Больная, по-видимому, не считала нужным долее скрывать свою радость; протянув руки, она подозвала внучку необычно громким голосом, срывающимся и резким от какого-то греховного торжества.

— Приди в мои объятия, моя гордость, моя надежда, моя послушная, достойная дочь! Подойди и прими родительское благословение, благословение, которое ты по праву заслужила!

Даже Сесилия, как ни ласковы и ни сердечны были слова ее бабушки, заколебалась на миг, пораженная неестественным голосом, которым они были произнесены, и подошла поцеловать старуху с меньшей нежностью, чем

это было обычно свойственно ее пылкой и доверчивой натуре. Но эта скрытая сдержанность тут же исчезла, ибо, как только Сесилия почувствовала себя в объятиях нежно прижавшей ее к груди миссис Лечмир, она взглянула в лицо бабушки, словно желая отблагодарить ее за любовь, с простодушной улыбкой и слезами.

— Я вверила вам, майор Линкольн, мое самое большое, я чуть было не сказала — мое единственное сокровище! — продолжала миссис Лечмир. — Она хорошее, доброе, послушное дитя, и господь благословит ее за это так, как благословляю ее я. — Наклонившись вперед, она добавила уже менее взволнованно: — Поцелуй меня, моя Сесилия, моя новобрачная, моя леди Линкольн! Теперь я вправе называть тебя так, ибо скоро этот титул достанется тебе.

Сесилия, оскорбленная бестактным восторгом своей бабушки, осторожно высвободилась из ее объятий и с опущенными от стыда глазами, вся пунцовая, поспешила посторониться, давая дорогу Лайонелу, который, в свою очередь, подошел к постели больной принять ее поздравления. Он наклонился и неохотно запечатлел холодный поцелуй на подставленной щеке миссис Лечмир, пробормотав несколько бессвязных слов о своем счастье и оказанной ему чести. Несмотря на неприкрытое и омерзительное торжество, прорвавшееся сквозь обычную холодную сдержанность больной, непритворное чувство звучало в словах, с которыми она обратилась к мужу своей внучки. А ее огненный и неестественно сверкающий взгляд даже увлажнила слеза.

— Лайонел, мой племянник, мой сын,— сказала она,— я старалась принять вас у себя с честью, подобающей главе знатного рода, но, если бы вы были даже владетельным князем, я не могла бы сделать больше того, что сделала. Любите ее, берегите, будьте ей больше чем мужем — замените ей отца и мать, родных, потому что она этого заслуживает! Исполнилась моя заветная мечта! Теперь в тиши длинного и покойного вечера я могу подготовиться к великой перемене, завершающей исполненный треволнений утомительный день жизни!

— Женщина!— раздался голос из глубины комнаты.— Ты обманываешь себя!

— Кто? Кто это говорит? — воскликнула миссис Лечмир, судорожно приподнимаясь, словно желая соскочить с постели.

— Кто это говорит? — воскликнула миссис Лечмир, судорожно приподнимаясь.

— Это говорю я, — ответил знакомый голос, и Ральф, медленно пройдя через комнату, стал в ногах кровати. — Я, Присцилла Лечмир, — человек, который знает, чего ты заслуживаешь и что тебя ждет!

Вне себя от ужаса старуха упала на подушки, ловя ртом воздух, румянец сбежал с ее щек, уступив место мертвенной бледности, и только что сверкавшие торжеством глаза померкли.

Однако секунды размышления оказалось достаточно, чтобы вернуть ей присутствие духа, и гордость ее возмутилась. Гневным жестом она указала непрошенному гостю на дверь и, усилием воли вновь обретя дар речи, неожиданно окрепшим голосом воскликнула:

— Как смеют меня оскорблять в такую минуту в моей собственной спальне? Пусть этого сумасшедшего или самозванца уберут отсюда!

Но она взывала к глухому. Лайонел не пошевельнулся и не отвечал. Все внимание его было поглощено Ральфом, по изможденному лицу которого пробежала холодная усмешка, говорившая о том, что он нимало не страшится этих угроз. Лайонел не замечал даже Сесилии, сжимавшей его руку со всей доверчивостью любящей женщины, так потрясло его внезапное появление странного и загадочного старика, который уже давно пробудил в его груди столько страхов и надежд.

— Скоро твои двери откроются всем, кто только пожелает войти сюда, — бесстрастно произнес старик. — Почему же изгонять меня из дома, в который, может быть, уже завтра будет открыт свободный доступ бездушной толпе? Разве я недостаточно стар или недостаточно близок к могиле, чтобы стать твоим собеседником? Ты прожила столько лет, Присцилла Лечмир, что румянец на твоих щеках сменился желтизной трупа, ямочки превратились в складки и морщины, а блеск сияющих глаз погасила забота, но все эти годы не открыли твоего сердца для раскаяния.

— Как смеешь ты со мной так разговаривать? — воскликнула больная, внутренне содрогаясь от его пристального сверкающего взгляда. — Почему только одну меня клеймишь ты? Разве мои грехи настолько вопиющи или одной мне нужно напоминать, что рано или поздно придут старость и смерть? Мне давно знакомы все старческие недуги, и я смело могу сказать, что готова к концу.

— Хорошо, — невозмутимо ответил непреклонный старик. — Тогда возьми и прочитай суровый приговор бога, и пусть дарует он тебе твердость, равную твоей самонадеянности.

С этими словами он иссохшей рукой протянул миссис Лечмир распечатанное письмо, которое, как успел заметить зоркий Лайонел, было адресовано ему. Несмотря на такое грубое посягательство на его права, молодой человек, казалось, не обратил внимания на этот новый бесцеремонный поступок и с жадным вниманием наблюдал, какое впечатление произведет письмо на миссис Лечмир.

Властные манеры неизвестного настолько подчинили миссис Лечмир его воле, что она, словно завороженная, покорно приняла из его рук письмо. Едва только она прочла первые строчки, как взгляд ее застыл и в нем отразился ужас. Записка была короткая, и, чтобы ее прочесть, не требовалось много времени. Однако старуха по-прежнему держала ее в вытянутой руке, хотя неподвижный взор свидетельствовал, что она ее не видит. Все затаив дыхание, в изумлении, молча глядели на больную. Потом миссил Лечмир затрепетала всем телом. Рука ее так сильно дрожала, что шелест бумаги слышался в самом отдаленном углу комнаты.

— Это письмо адресовано мне, — сказал испуганный ее состоянием Лайонел, беря бумагу из ее несопротивляющейся руки, — и мне надлежало прочесть его первым.

— Вслух... вслух... дорогой Лайонел, — раздался слабый, но настойчивый шепот у его плеча, — вслух, умоляю тебя, вслух!

Быть может, не столько повинуясь этой страстной просьбе, в которую Сесилия вложила всю свою душу, сколько под влиянием неистового возбуждения, майор Линкольн выполнил ее требование. Голосом бесстрастно-спокойным от внутреннего волнения Лайонел прочел роковую записку, так ясно отчеканивая каждое слово, что в окружающем безмолвии они прозвучали для его жены как пророческое предостережение с того света.

— «Обилие больных в городе лишило меня возможности уделить миссис Лечмир то неослабное внимание, какого требовали полученные ею ушибы. Началась гангрена внутренних органов, и облегчение, которое она сейчас испытывает, — лишь предвестник смерти. Я считаю своим долгом сообщить вам, что, хотя больная может прожить

еще много часов, не исключена возможность, что она умрет уже сегодня ночью».

Под этим кратким, но ужасным посланием стояла хорошо знакомая подпись домашнего врача. Удар был внезапен и страшен. Все полагали, что болезнь отступила, тогда как в действительности она изнутри коварно подтачивала жизнь больной. Ошеломленный Лайонел, выронив записку, громко воскликнул:

— Умрет сегодня ночью! Боже мой!

Несчастная после первой секунды бессильного оцепенения стала напряженно вслушиваться в слова письма, слетавшие с губ Лайонела, и переводила взгляд с него на Сесилию в чаянии уловить хотя бы проблеск надежды на их встревоженных лицах. Но врач писал слишком ясно и определенно, чтобы можно было его не понять или истолковать иначе. Сама сухость записки придавала ей грозный характер непреложной истины.

— Так вы этому верите? — спросила миссис Лечмир хриплым голосом, который явно выдавал трусливое желание услышать отрицательный ответ.— Вы, Лайонел Линкольн, которого я считала своим другом!

Лайонел отвел взгляд от жалкой картины ее отчаяния, но Сесилия опустилась на колени подле кровати и, воздев руки, прекрасная в своей чистой вере, прошептала:

— Плохим другом был бы тот, кто решил бы тешить лживой надеждой отходящую душу. Обратите свои помыслы к богу!

— И ты тоже, — вскрикнула обреченная с внезапно вспыхнувшей силой и энергией, которые, казалось, опровергали ученое мнение медика, — ты тоже меня предаешь? Ты, которую я пестовала с пеленок, выхаживала в болезни, баловала и воспитала в добродетели — да, это я смело могу утверждать перед всем светом! — ты, которой я устроила такую блестящую партию, ты отплачиваешь мне за все это черной неблагодарностью?

— Бабушка! Бабушка! Не говорите мне таких жестоких слов! Уповайте на милость божью!

— Прочь... прочь... слабодушная и неразумная девчонка! Избыток счастья свел тебя с ума! Подойдите ко мне, сын мой, поговорим о Равенсклифе, гордом владении наших предков, и о днях, которые нам еще предстоит провести под его гостеприимной кровлей. Глупая девчонка, на которой вы женились, хочет запугать меня!

Лайонел, содрогаясь от ужаса, слушал, как надтреснутый голос изливает давнишние сокровенные мечты честолюбивой и черствой натуры. Не в силах долее смотреть на миссис Лечмир, он опять отвернулся и на миг закрыл лицо руками, словно для того чтобы не видеть мира и всего его зла.

— Бабушка, дорогая, не смотрите на нас так ужасно! — едва дыша, говорила Сесилия. — Вы проживете еще много-много часов... нет, что я говорю,— дней!—Она умолкла, следя за блуждающим и безнадежным взглядом, который умирающая переводила с предмета на предмет, затем склонив голову на руки, воскликнула: — О мать моей матери! Если бы я могла умереть вместо вас!

— Умереть! — повторил тот же дребезжащий голос, исходивший из груди, в которой уже слышалось предсмертное клокотание. — Кто захочет умереть в день свадьбы?.. Прочь... оставь меня... Ступай в свою комнату и молись, если хочешь... но оставь меня.

Она со злобным раздражением проводила взглядом Сесилию, которая безропотно повиновалась с благочестивым намерением в точности выполнить приказание бабушки, потом добавила:

— Ей не по силам задача, которую я на нее возложила. Все в моем роду были слабодушны, кроме меня... моя дочь.... племянница моего мужа...

— К чему ты вспомнила о ней? — произнес грозный голос Ральфа, прерывая ее лихорадочный бред. — О жене твоего племянника, о матери этого юноши? Говори, женщина, пока тебе еще дарованы время и разум.

Лайонел, повинуясь непреодолимому побуждению, подошел к кровати и сурово произнес:

— Если вы знаете что-либо об ужасном несчастье, постигшем мою семью, или каким-то образом были к нему причастны, облегчите свою душу, чтобы умереть в мире. Сестра моего деда! Нет, более того — бабушка моей жены! Заклинаю вас, скажите, что случилось с моей несчастной матерью?

— «Сестра твоего деда... бабушка твоей жены», — медленно повторила миссис Лечмир; видно было, что мысли ее начинают мутиться. — И то и другое — правда!

— Если вы признаете узы крови, расскажите мне о матери, откройте тайну ее судьбы!

— Она в могиле... мертва... да... да... ее хваленая

красота стала добычей прожорливых червей! Чего же тебе еще нужно, безрассудный мальчишка? Или ты хочешь увидеть ее кости, обернутые в саван?

— Правду! — воскликнул Ральф. — Скажи правду и признайся, что ты причастна к ее преступлению!

— Кто это говорит? — сразу ослабевшим и дрожащим от немощи и старости голосом произнесла миссис Лечмир, озираясь по сторонам, будто какое-то давнее воспоминание пробудилось у нее в мозгу. — Я как будто знаю этот голос.

— Вот, взгляни на меня, обрати свой блуждающий взор, пока он еще не угас, на меня! — крикнул Ральф. — Это я говорю с тобой, Присцилла Лечмир!

— Чего тебе надо? Мою дочь? Она в могиле! Ее дитя? Она обвенчана с другим... Ты опоздал! Ты опоздал! О, если бы ты попросил ее у меня в свое время!..

— Правду... правду... правду!..— громовым голосом повторял старик. — Святую и чистую правду! Открой нам всю правду без утайки!

Это странное и грозное заклятие пробудило силы умирающей, душа которой, казалось, сжималась от его крика. Она попыталась приподняться и воскликнула:

— Кто сказал, что я умираю? Мне только семьдесят лет! Еще вчера я была ребенком — чистым и невинным ребенком! Он лжет, лжет! Нет у меня гангрены — я сильна, у меня еще много лет впереди, чтобы жить и каяться!

А в перерывах между ее воплями раздавался голос старика, по-прежнему твердившего:

— Правду... правду... святую, чистую правду!..

— Дайте мне встать и взглянуть на солнце, — продолжала кричать умирающая. — Где вы? Сесилия, Лайонел... дети мои, что же вы бросаете меня сейчас? Почему гасите свет? Дайте свету! Свету больше! Ради всего святого, не покидайте меня в этой черной и жуткой ночи!

Ее отчаяние было до того страшно, что замолчал даже Ральф, а она все продолжала в неистовстве выкликать:

— Почему говорить таким, как я, о смерти!.. Я слишком мало жила!.. Дайте мне хоть день... дайте хоть час... хоть минуту! Сесилия! Агнеса!.. Эбигейл! Где вы все?.. Помогите, или я погибла!

Отчаянным усилием она приподнялась, хватая руками воздух. Наткнувшись на протянутую руку Лайонела, она вцепилась в нее слабеющими пальцами, улыбнулась, уве-

ровав в ее спасительную силу, и, опрокинувшись на подушки, вздрогнула и упокоилась навеки.

Лишь только крики умирающей оборвались, наступила глубокая тишина и стали слышны стоны и завывания ветра, которые в такую минуту легко было принять за рыдания бестелесных духов над столь ужасной кончиной.

Глава XXIV

Я удивляюсь одному, мессир:
Считая жен исчадиями ада,
От них спасаясь бегством в тот же день,
Как в верности навек им поклялись,
Вы все еще мечтаете жениться!

Шекспир, «Конец — делу венец»

Сесилия покинула спальню миссис Лечмир, сознавая, что на ее плечи легло бремя горестей, которые ей до сих пор были неведомы. В уединении своей спальни, опустившись на колени, она излила душу в горячей молитве, а затем, укрепленная духом и успокоенная, приготовилась вновь занять свое место у ложа бабушки.

Направляясь в спальню миссис Лечмир, она услышала голос хлопотавшей внизу Агнесы и шум приготовлений к празднованию своей неожиданной свадьбы и на мгновение остановилась, чтобы удостовериться, что все происшедшее не плод болезненного воображения. Она оглядела свой необычный, хотя и скромный наряд, вздрогнула, вспомнив зловещее предзнаменование тени, и, наконец, вернулась к страшной действительности с тягостным сознанием, что это правда. Взявшись за ручку двери, Сесилия замерла в тайном страхе и напряженно прислушалась. Так прошло несколько секунд. Вскоре беготня внизу улеглась, и до нее донеслись жалобы завывавшего в трубах ветра. Ободренная мертвой тишиной, царившей в спальне бабушки, Сесилия отворила дверь, льстя себя надеждой увидеть христианское смирение той, что еще недавно предавалась буйному отчаянию. Она вошла робко, боясь встретить пронизывающий взгляд глубоко запавших глаз незнакомца, вид и речи которого внушали ей безотчетный ужас. Но ее колебания и страхи оказались напрас-

ны: комната была пуста. С удивлением оглядевшись и не увидев Лайонела, Сесилия на цыпочках подошла к кровати и, приподняв одеяло, убедилась в печальной истине.

Черты миссис Лечмир уже заострились и обрели недвижимость и ту восковую желтизну, которую накладывает смерть. Душа, отлетая, оставила на лице отпечаток муки, воочию являвшей тщету тех страстей, что заставляли старуху даже на смертном одре оглядываться на мир, который ей предстояло покинуть навеки. Быть может, именно внезапность и тяжесть постигшего ее удара помогли несчастной новобрачной выдержать испытание. Минуту она стояла молча, не шевелясь, со смешанным чувством благоговения и ужаса, вперив взор в искаженные судорожной гримасой черты той, кого чтила с детства. Затем ей пришло на память зловещее предзнаменование, и ее охватил страх перед новыми, еще горшими бедами. Она накрыла одеялом бледное лицо усопшей и выбежала из комнаты. Спальня Лайонела находилась на этом же этаже, и, прежде чем Сесилия сообразила, что делает, рука ее уже была на ручке двери. Волнения этого дня заставили ее забыть привычную сдержанность. На какой-то миг она с девичьей застенчивостью остановилась, смутившись при мысли о своей смелости, но затем все страхи вновь на нее нахлынули, страшная догадка мелькнула в мозгу, и она ворвалась в комнату, громко призывая Лайонела.

Кто-то старательно сгреб в одну кучу еще тлевшие головни, и они горели слабым колеблющимся пламенем. В комнате гулял сквозняк, от которого нежная Сесилия сразу продрогла; по стенам колыхались зыбкие тени, порожденные неверным светом. Но, как и спальня покойницы, комната была пуста. Заметив, что дверь в маленькую туалетную открыта, девушка кинулась туда, и загадка ледяного сквозняка и колеблющегося пламеня объяснилась, когда она почувствовала порывы ветра, врывавшегося в распахнутую на улицу дверь у подножия винтовой лестницы. Если бы Сесилию попросили объяснить, что побудило ее спуститься и как она оказалась внизу, она не смогла бы ответить, ибо в мгновение ока уже стояла на пороге, сама не сознавая, что с ней и где она.

Луна все еще пробиралась сквозь несущиеся тучи, слабо озаряя уснувший город и лагерь. По-прежнему ревел ветер, то и дело вздымая вихри снега, застилавшего все вокруг белыми клубами. Кругом не видно было ни души.

Новобрачная в смятении отступила перед этой гнетущей картиной, почувствовав ее мрачное созвучие с кончиной бабушки. Мгновение спустя она уже вновь очутилась наверху, в комнате мужа, где в смертельной тревоге за него обшарила все углы. Но тут лихорадочное возбуждение угасло и силы наконец оставили ее. Сесилия поневоле должна была признать, что Лайонел покинул ее в самую тяжкую минуту, и неудивительно, если его загадочное исчезновение вызвало в ее памяти недобрые предзнаменования этой ночи. Пораженная в самое сердце, Сесилия в мучительной тоске заломила руки и, отчаянным голосом выкрикнув имя кузины, без чувств рухнула на пол.

Агнеса весело распоряжалась внизу, готовясь украсить стол всем фамильным серебром и золотом Лечмиров, чтобы не посрамить Сесилию в глазах ее более богатого господина и повелителя. Но, несмотря на суматоху и беготню прислуги и звон ножей и тарелок, пронзительный крик достиг столовой, где все сразу замерли и побледнели.

— Это звали меня, — проговорила Агнеса. — Но кто?

— Если возможно допустить, — ответил Меритон, делая ударение на последнем слове, — что молодая супруга мистера Лайонела способна так визжать, я сказал бы, что это ее голос.

— Это Сесилия, Сесилия! — воскликнула Агнеса, выбегая из комнаты. — О, как боялась я, как боялась этой поспешной свадьбы!

Прислуга бросилась наверх, и вскоре страшная правда стала известна всему дому. Когда было обнаружено бездыханное тело миссис Лечмир, для всех, кроме Агнесы, это послужило достаточным объяснением обморока новобрачной.

Прошло больше часу, прежде чем неослабные заботы окружающих привели Сесилию в себя и она стала отвечать на вопросы. Тогда кузина, воспользовавшись тем, что горничная зачем-то вышла, осведомилась о Лайонеле. Услыхав его имя, Сесилия радостно улыбнулась, но затем, дико озираясь, словно ища его глазами, прижала руки к груди и вновь впала в беспамятство. Все эти достаточно ясные свидетельства горя не прошли незамеченными для ее кузины, и, лишь только ей удалось вновь привести бедняжку в чувство, она сразу же вышла из комнаты.

Агнеса Денфорт никогда не относилась к двоюродной бабушке с той исполненной доверия почтительностью и

любовью, которые питала к усопшей ее родная внучка. У нее были свои близкие родные, внушившие ей иные чувства и взгляды, да и сама она была достаточно проницательна, чтобы заметить черствость и эгоизм миссис Лечмир. И если она согласилась подавить свой непокорный нрав и терпеть все лишения и опасности осады, то единственно из бескорыстной дружбы к кузине, которой было бы без нее вдвойне тяжело и одиноко.

Поэтому Агнеса была скорее поражена, нежели опечалена внезапной смертью миссис Лечмир. Правда, не беспокойся она так сильно за Сесилию, она, может быть, ушла бы к себе поплакать о кончине старухи, которую давно знала и в глубине души считала мало подготовленной к переселению в иной мир. Но сейчас она отправилась в гостиную, куда велела позвать Меритона.

Она встретила камердинера с видимостью спокойствия, которого отнюдь не ощущала, и попросила его разыскать своего хозяина и передать ему, что мисс Денфорт хотела бы сейчас же его видеть. Пока Меритон выполнял поручение, Агнеса попыталась собраться с мыслями, чтобы быть готовой к любой неожиданности.

Но минуты летели, а слуга все не возвращался. Девушка встала и, бесшумно подойдя к двери, прислушалась: ей показалось, что она слышит шаги Меритона в дальней части дома, и из того, что шаги были торопливы, заключила, что розыски ведутся добросовестно. Потом шаги приблизились, и скоро стало ясно, что камердинер возвращается в гостиную. Агнеса снова уселась с таким видом, словно ждала хозяина, а не слугу. Меритон, однако, вернулся один.

— А где майор Линкольн? — сказала она. — Вы передали ему, что я хочу его видеть?

На лице Меритона было написано недоумение:

— Боже мой! Мисс Агнеса, мистера Лайонела нет дома! Он куда-то ушел! Ушел в такую ночь! И, что самое странное, ушел, не надев траура! Подумать только: покойница, родня ему по крови и по свойству, лежит непогребенная, а он ушел, не надев траура!

Агнеса предоставила камердинеру болтать, в надежде узнать истину, не выдавая собственной тревоги.

— Но откуда вы заключаете, мистер Меритон, что ваш барин настолько позабыл о приличиях?

— Я в этом так же уверен, сударыня, как и в том, что

он надел свой парадный мундир, когда в первый раз сегодня вышел из дому, хотя я и подумать не мог, что его милость собирается жениться! Если он вышел не в парадном мундире, то куда же тот подевался? Кроме того, сударыня, его траурный кафтан заперт в гардеробе, а ключ — вот он у меня в кармане.

— Очень странно, что он ушел в такой час, да еще в день свадьбы!

Меритон, давно привыкший принимать близко к сердцу все, что касалось его хозяина, густо покраснел, услышав этот намек, который, как ему казалось, относился не только к учтивости Лайонела, но и бросал тень на его благородство.

— Но изволите принять во внимание, мисс Агнеса, — ответил он, — что эта свадьба совсем не похожа на наши английские. Да у нас, в Англии, не принято и умирать так внезапно и не ко времени, как соизволила миссис Лечмир...

— Может быть, — прервала его Агнеса, — с ним что-нибудь случилось? Даже самый бесчувственный человек по своей воле не ушел бы из дому в такую минуту!

Мысли Меритона приняли иное направление, и он, не колеблясь, согласился с худшими опасениями Агнесы.

Она прижала руку ко лбу и на минуту задумалась, потом, подняв глаза на камердинера, спросила:

— Вы случайно не знаете, мистер Меритон, где ночует капитан Полуорт?

— Как не знать, сударыня. Он всегда спит в собственной кровати, если только его не призывает куда-нибудь королевская служба. Капитан Полуорт очень заботлив, когда дело касается его особы!

Мисс Дешфорт прикусила губу, и в ее глазах зажегся лукавый огонек, разогнавший печаль; однако мгновение спустя лицо ее вновь стало серьезным, если не грустным, и она сказала:

— Тогда, мне кажется... хотя это и неловко и неприятно, но ничего другого не остается...

— Извольте только приказать, мисс Агнеса.

— Так вот, Меритон, сходите на квартиру к капитану Полуорту и передайте ему, что миссис Линкольн просит его немедленно пожаловать сюда, на Тремонт-стрит.

— Моя госпожа! — изумился Меритон. — Что вы, мисс Агнеса, да ведь горничная мне сказывала, что их милость

в бессознательности, ничего не видят и не слышат! Печальная свадьба, сударыня, для наследника нашего дома!

— Тогда передайте, — сказала Агнеса, вставая с кресла и направляясь к двери, — что его желает видеть мисс Денфорт.

Меритон, вполголоса одобрив это изменение, вышел из дома быстрым шагом, подгоняемый все возрастающим страхом за судьбу своего хозяина. Однако даже эти опасения не могли настолько отвлечь камердинера, чтобы он перестал замечать мороз и ледяной ветер, с которыми ему пришлось вступить в единоборство, когда его так внезапно, среди ночи, заставили выйти на улицу. Тем не менее он довольно быстро добрался до квартиры Полуорта, пробиваясь сквозь метель и невзирая на пронизывающий до костей холод. По счастью для достойнейшего Меритона, денщик капитана, Ширфлинт, еще не ложился; он прислуживал Полуорту, который почел неосторожным лечь в постель, не утешившись плотным ужином. Едва Меритон постучал, как ему отворили, и, выразив удивление обычными в таких случаях восклицаниями, Ширфлинт повел посланца в гостиную, где в камине все еще тлели угли, распространяя вокруг приятное тепло.

— Ну и холодище в этой чертовой Америке, мистер Ширфлинт! — пожаловался Меритон, носком башмака собирая в кучку головешки и потирая руки над углями. — У нас в Англии совсем не такой холод. Наш, может, и сильнее, да не режет тебе лицо будто тупой бритвой, как американский.

Ширфлинт, который считал себя вольнодумцем и поставил себе за правило выказывать великодушие к врагу, а потому всегда говорил о колонистах покровительственным тоном, что должно было, по его расчетам, делать честь его прямодушию, поспешил ответить:

— Это новая страна, мистер Меритон, так что тут нельзя быть слишком взыскательным. Когда едешь в чужие края, нужно уметь мириться с трудностями, особенно в колониях, где нельзя ожидать, чтобы все было так же хорошо и удобно, как дома.

— Не так уж я привередлив насчет погоды и всего прочего, — ответил Меритон, — но в смысле климата Америке до нашей Англии далеко. У нас вода падает с неба честными каплями, а не ледяной крупой, которая колет тебе физиономию, как иголками.

— Вы в самом деле, мистер Меритон, выглядите так, будто стрясли себе на уши всю пудру с бариновой пуховки. Но я как раз приканчивал недопитый капитаном грог; может быть, хлебнете малость? От этого хорошо мозги отходят.

— Бог ты мой, Ширфлинт! — воскликнул Меритон, опуская кружку, чтобы отдышаться после изрядного глотка. — Неужели вы всегда подаете барину на почь грог такой крепости?

— Ну нет, мой капитан по нюху определяет смесь, так что лучше уж и не пытаться менять плепорцию,— ответил Ширфлинт, вращая кружку, чтобы размешать содержимое и выплескивая его в рот, — но, потому как грешно, чтобы в нынешние трудные времена добро пропадало, я завсегда выпиваю остатки, сперва добавив кое-что к водичке для мягкости. Однако что привело вас сюда, мистер Меритон, в такую мерзкую погоду?

— Вот уж в самом деле надо было, чтобы у меня мозги отошли, как вы правильно заметили, Ширфлинт! Меня послали с делом, от которого зависит жизнь и смерть че-

ловека, а я, как самый последний деревенский олух, совсем забыл, зачем сюда пришел!

— Значит, что-нибудь случилось? — сказал денщик, подставляя собрату стул и сам усаживаясь на другой. — Я так и думал по голодному виду капитана, когда он вернулся вечером после того, как разоделся в пух и прах, чтобы отужинать у вас на Тремонт-стрит.

— Случилось! Во-первых, уже одно то, что мистер Лайопел обвенчался сегодня вечером в Королевской церкви!

— Обвенчался! — протянул Ширфлинт. — Ну, слава богу, с нами такая беда не стряслась, хотя мы и были «ампутрированы». Вот уж никогда не согласился бы жить у женатого! Хватит с меня одного барина, в панталонах, без того, чтобы объявился еще другой, в юбке, и стал его подзуживать.

— Все зависит от того, кто на ком женится, Ширфлинт, — ответил Меритон снисходительным тоном, словно жалея приятеля. — Конечно, для пехотного капитана, который всего только пехотный капитан, было бы безумием соединиться узами Гименея. Но, как говорят у нас в Равенсклифе и в Сохо, Купидон всегда будет благосклонен к вздохам наследника девонширского баронета с пятнадцатью тысячами фунтов годового дохода.

— Насколько я слышал, всего с десятью,— с явным неудовольствием перебил его денщик.

— Десятью! Эти десять тысяч я сам могу сосчитать, а неужто там не найдется еще кое-чего, о чем я не знаю?

— Ну, а хоть бы и с двадцатью! — воскликнул Ширфлинт, поднимаясь и разбрасывая сапогом головешки, чтобы загасить уютный огонек в камине. — Выполнить поручение это вам не поможет. Вам должно быть известно, что у нас, слуг бедных капитанов, нет помощников, как у некоторых других, и нам особенно требуется положенный природой отдых. Так что вам угодно, мистер Меритон?

— Видеть вашего господина, мистер Ширфлинт.

— Это никак невозможно! Он под пятью теплыми одеялами, и я не соглашусь стянуть с него легчайшее даже за месячное жалованье.

— Тогда я это за вас сделаю, потому что должен с ним говорить. Он у себя в спальне?

— Да, вы найдете его там в одеялах, — ответил Ширфлинт, настежь распахивая дверь в соседнюю комнату в

тайной надежде, что Меритону проломят голову за его труды, благоразумно ретируясь к камину.

Меритон вынужден был несколько раз сильно встряхнуть капитана, прежде чем тот пробудился от крепкого сна. Затем послышалось глухое бормотание.

— Чертовски глупая затея эта атака — взяли бы ноги в руки, так, может быть, сохранили их в целости. Ты берешь этого человека в мужья на горе и радость... Ха!.. Кого это ты трясешь, собака? Надо совсем не уважать пищеварение, чтобы так трясти человека после ужина!

— Это я, сударь, Меритон!

— Как ты смеешь себе позволять такие вольности, мистер Я, или мистер Меритон, или как там тебя звать!

— Меня срочно послали за вами, сударь!.. На Тремонт-стрит случилась беда!

— Случилась беда? Что же там случилось! — повторил Полуорт, с которого наконец совсем слетел сон. — Я знаю, олух ты эдакий, что твой барин женился, я сам был посаженым отцом у невесты. Надеюсь, что ничего особенного, помимо этого, не стряслось?

— О господи! Стряслось, сударь: ее милость в обмороке, а мистер Лайонел исчез неизвестно куда, а госпожа Лечмир померла!

Меритон еще не кончил, а Полуорт соскочил с кровати со всей прытью, на какую только был способен, и начал машинально одеваться, хотя еще не знал, зачем и для чего.

По сбивчивому рассказу Меритона он вообразил, что смерть миссис Лечмир произошла вследствие какой-то непонятной и таинственной разлуки новобрачных, и не преминул вспомнить странное происшествие на свадьбе, о котором не раз уже упоминалось.

— А мисс Денфорт? — спросил он. — Как она?

— Она, как и подобает истинной леди, спокойна.

— Что верно, то верно. Она предпочитает, чтобы другие из-за нее теряли голову.

— Это она, сударь, послала меня просить вас немедленно явиться на Тремонт-стрит.

— Она? Подай-ка, любезный, вон тот сапог. Один, слава богу, быстрее обуешь, чем пару! Теперь жилет и галстук! Эй, Ширфлинт, куда ты запропастился, бездельник? Принеси мне ногу, да поживей!

Услышав это приказание, денщик тут же явился, и, так как он лучше Меритона был посвящен в тайны туалета своего барина, капитан скоро был полностью экипирован для этого неожиданного похода.

Одеваясь, Полуорт продолжал забрасывать Меритона вопросами о событиях на Тремонт-стрит, но получаемые ответы только усиливали его недоумение и тревогу. Покончив со своим туалетом, он накинул плащ и, опираясь на руку камердинера, двинулся с рыцарской самоотверженностью, за которую в другой век и при других обстоятельствах удостоился бы наименования героя, сквозь бушующую метель к дому, где, по словам Меритона, его дожидалась Агнеса Денфорт.

Глава XXV

О гордый род, как низко пал ты ныне!

Блейр

Хотя Полуорт с величайшей готовностью поспешил выполнить неожиданный приказ своей капризной красавицы, благосклонности которой так долго и, казалось, безуспешно добивался, он, приблизившись к дому на Тремонт-стрит, замедлил шаги, заметив, что в окнах тревожно мелькают огоньки свечей. На пороге он остановился и прислушался к беспрерывному хлопанью дверей — ко всем этих отчетливым и в то же время приглушенным звукам, возвещающим о том, что в жилище больного пожаловал мрачный владыка.

На стук в дверь никто не вышел, и капитану пришлось попросить Меритона провести его в маленькую гостиную, где он бывал частым гостем в более счастливые времена. Там его ждала Агнеса, но с таким серьезным и озабоченным лицом, что у Полуорта мигом вылетел из головы пылкий комплимент, которым он собирался начать беседу, решив, что сердце девушки смягчилось — как истый солдат, он не желал упустить полученное им хотя бы небольшое преимущество. Однако сияющая улыбка сбежала с его лица, как только он взглянул на мисс Денфорт. Соболезнующим тоном, гораздо более подходящим для такого случая, он выразил сочувствие ее горю и спросил, чем может быть полезен.

— Смерть явилась к нам в дом, капитан Полуорт, — сказала Агнеса, — явилась нежданно-негаданно. И в довершение всех бед исчез майор Линкольн.

Говоря с капитаном, она не сводила с него глаз, словно пыталась прочесть на его лице разгадку непостижимого исчезновения новобрачного.

— Лайонел Линкольн не такой человек, чтобы бежать при приближении смерти, — ответил в раздумье Полуорт, — и мне трудно поверить, что он мог покинуть в такую тяжелую минуту прелестную женщину, с которой только что обвенчался. А не пошел ли он за врачом?

— Нет, этого не может быть! Из бессвязных слов Сесилии я поняла, что Лайонел и еще кто-то, мне неизвестный, последними оставались при бабушке. Очевидно, при них она и скончалась: ведь ее лицо было закрыто. Я нашла новобрачную в комнате, которую недавно занимал Лайонел, — дверь была распахнута настежь, и все говорило о том, что он и его таинственный спутник спустились по потайной лестнице, которая выходит в боковой проулок. Моя кузина не в состоянии говорить, и на след ее супруга может навести разве только вот эта блестящая вещица — я обнаружила ее в камине, на золе. Мне кажется, что это расшитый золотом офицерский нагрудник...

— Да, верно! И владелец его, должно быть, попал в опасную переделку: смотрите, он пробит пулей. Бог ты мой! Да это нагрудник Макфьюза! Вот и цифра «18», а здесь я узнаю пометки, которые бедняга делал на нем после каждого боя, — он никогда не расставался с этим украшением. И последняя пометка — самая горестная!

— Но каким образом этот нагрудник очутился в комнате майора Линкольна? Возможно, что...

— Да, в самом деле, каким образом? — перебил ее Полуорт и, вскочив, начал в волнении ходить по комнате со всей быстротой, какую позволяла ему деревянная нога.

— Бедный Деннис, кто бы подумал, что я найду здесь реликвию, которая напомнит мне о твоей смерти! Вы не знали Денниса? Этот человек, очаровательная Агнеса, самой природой был предназначен для жизни солдата: тело Геркулеса, сердце льва и желудок страуса! Но эту роковую пулю он не смог переварить и погиб, бедняга, погиб!

— А не поможет ли нам этот нагрудник напасть на след того, кто еще жив? — спросила Агнеса.

— Ба! — вздрогнув, воскликнул Полуорт. — Я, кажется, начинаю проникать в эту тайну! Тот, кто способен убить человека, с которым он вместе ел и пил, так же легко может и ограбить убитого. Вы говорите, очаровательная Агнеса, что нашли этот нагрудник в камине, в комнате Лайонела?

— Да, он лежал на золе: то ли его хотели там спрятать, то ли в спешке швырнули туда.

— Теперь я понял, все уже понял! — пробормотал сквозь зубы Полуорт, сжимая кулаки. — Этот негодяй убил его, и убийце уже не уйти от правосудия. Слабоумный он или нет, но его вздернут на виселице, и он будет сохнуть на ветру, как вяленая говядина.

— О ком это вы говорите так грозно? — спросила Агнеса вкрадчивым голоском, власть которого она, как и все представительницы ее пола, отлично знала и умела ею во-время воспользоваться.

— Да об этом ханже, лицемере, нечестивце, по имени Джэб Прей, в ком совести не больше, чем мозгов, а мозгов не больше, чем чести! Гнусный урод! Сегодня он сидит с вами за одним столом, а завтра перережет вам горло ножом, взятым с вашего же стола. И такой подлый пес сгубил красу и гордость Эрина!

— Наверно, это произошло в честном бою, — возразила Агнеса. — Хоть Джэб и слабоумный, но он воспитан в понимании добра и зла.

— Значит, плохо воспитан! Какой же добрый христианин, разделив с вами трапезу, через минуту после такого важного дела решится поднять на вас руку?

— Да, но при чем тут Лайонел?

— Все это доказывает, что Джэб Прей был в его комнате после того, как погас камин, иначе не вы, а кто-нибудь другой нашел бы этот нагрудник.

— Это доказывает, — промолвила задумчиво Агнеса, — что Лайонела и дурачка действительно связывали какие-то странные отношения. Но это еще не проливает свет на исчезновение майора. Ведь моя кузина в своих отрывочных речах упоминала о каком-то старике!

— Готов поклясться, очаровательная Агнеса, что проводником майору, когда сегодня ночью он так таинственно скрылся из дому, служил тот молодой бездельник. Я часто видел, как они оживленно беседовали друг с другом.

— Ну, если Линкольн так безрассуден, что, послушавшись слабоумного, мог столь бессердечно покинуть такую женщину, как моя кузина, он не стоит того, чтобы о нем беспокоиться! — вспыхнув, сказала Агнеса и оборвала этот разговор, видимо глубоко задетая оскорблением, нанесенным Сесилии.

Положение в городе и отсутствие близких родственников-мужчин заставили мисс Денфорт прислушаться к словам капитана, и в конце концов она согласилась принять помощь, которую он ей настойчиво предлагал. Они беседовали так долго, что, когда Полуорт собрался уходить, на небе уже заалели первые лучи утренней зари. О Лайонеле все еще не было ни слуху ни духу, и, так как нечего было и думать, что он собирается возвратиться, капитан решил сам заняться устройством похорон. Вместе с Агнесой они заранее все подробно обсудили, и ему оставалось лишь приняться за дело. Оба они пришли к заключению, что из-за осадного положения города и явных приготовлений гарнизона похороны нельзя откладывать ни на минуту сверх того, что требовалось крайней необходимостью.

Агнеса отдала распоряжение открыть родовой склеп Лечмиров на кладбище Королевской церкви, а затем в дом покойной был доставлен пышно убранный гроб — последняя дань земной суетности. Тот самый священник, который накануне благословил вступившую в брак внучку, должен был сегодня совершить печальный обряд отпевания над бабкой. Немногочисленным друзьям покойной, еще не покинувшим Бостон, разослали обычные траурные приглашения.

Недолгие приготовления к погребальной церемонии уже закончились, когда солнце начало садиться за амфитеатр гор, на гребнях которых то и дело появлялись солдаты, неутомимо строившие укрепления. Пророчество Ральфа сбылось, и, по местному обычаю, двери одного из лучших домов в городе раскрылись для каждого, кто хотел туда войти. Похоронная процессия, хотя и весьма внушительная, была далеко не такой величественной, как если бы дело происходило в прежние времена гордого процветания Бостона. Катафалк провожали самые пожилые и уважаемые представители немногих семейств, связанных с покойной узами отдаленного родства или давнего знакомства. Однако среди провожающих не было ни бедняков, ни слуг, ибо миссис Лечмир была слишком черствой и се-

бялюбивой, чтобы заслужить признательность простых сердец. От дома на Тремонт-стрит и до самого кладбища процессия двигалась спокойно, чинно и важно, но никто не обнаруживал и тени скорби.

Сесилия заперлась у себя в комнате со своим горем, а дальней родне, собравшейся на похороны, не составляло труда сдерживать свои чувства в рамках самых строгих приличий.

Преподобный Литурджи встретил гроб, как полагалось, на паперти церкви. В возвышенных и трогательных выражениях он говорил об усопшей так, словно ее праведная жизнь на земле была залогом обретения блаженства на небесах. Благоговейное молчание, с которым все столпившиеся у гроба слушали священника, придавало его взволнованному голосу какую-то особенную торжественность.

В этой небольшой толпе можно было кое-где заметить и военные мундиры: несколько офицеров, водивших знакомство с миссис Лечмир еще в мирные времена, не преминули отдать ей последний долг.

Короткая служба закончилась, и гроб на руках понесли к месту вечного упокоения. На похоронах, где мало опечаленных и совсем нет плачущих, не бывает неожиданных промедлений. Не прошло и нескольких минут, как тесное обиталище, скрывшее останки женщины, еще так недавно обуреваемой греховными страстями, опустили в склеп, и тело ее оставили тлеть рядом с теми, кто раньше ее сошел во мрак могилы. Пожалуй, из всех присутствующих только Полуорт из сочувствия к Агнесе испытывал некоторое волнение. У всех же других на лицах было то холодное безразличие, какое всю жизнь отличало самое миссис Лечмир.

Не успели могильщик и его помощник задвинуть обратно камень, закрывавший вход в склеп, как самые почтенные участники похорон начали расходиться, показывая пример всем остальным. Осторожно ступая между могилами по мерзлой кладбищенской земле, они небрежно обменивались замечаниями о возрасте и болезнях женщины, с которой только что простились навек. Эти люди, которые сами уже стояли на краю могилы, были глухи к грозному предостережению, таящемуся в каждой внезапной смерти. О покойной говорили без всякого сожаления, столь естественного в такие минуты, и, хотя кое-кто

вслух прикидывал, каким образом старуха распорядилась своим богатством, никто не посетовал, что она уже больше не может им воспользоваться. Скоро они заговорили о самих себе и за воротами кладбища уже подшучивали над следами, которые время оставило на их лицах; каждый старался держаться молодцевато — не только затем, чтобы скрыть от собеседников свою старческую немощь, но чтобы, если это только возможно, обмануть и самого себя.

Когда старики наконец ушли, а за ними не мешкая скрылись и все остальные, у склепа никого не осталось, кроме Полуорта да еще каких-то двух человек. Капитан, как близкий друг семьи покойной, немало потрудился, чтобы соблюсти все приличия, и теперь на мгновение задержался, желая пропустить запоздавших вперед, а затем уже самому удалиться с кладбища. Заметив, однако, что те двое в молчаливом ожидании не двигаются с места, он посмотрел на них с любопытством и недоумением.

Ближе к Полуорту стоял мужчина; и по одежде и по всему его облику было видно, что он не принадлежит к высшему сословию, а нищенское рубище женщины, сопровождавшей его, говорило о том, что она занимает в обществе еще более низкое положение.

Несколько утомленный тяжелым хлопотливым днем и свалившимися на него непривычными обязанностями, наш достойный капитан с чрезвычайной учтивостью прикоснулся пальцами к шляпе и сказал:

— Благодарю вас, добрые люди, что вы почтили память нашей дорогой усопшей; но теперь, когда мы отдали ей последний долг, пора уходить.

Видимо ободренный добродушным и вежливым топом Полуорта, незнакомец подошел к нему еще ближе и, почтительно поклонившись, спросил:

— Мне сказали, что я присутствовал при погребении миссис Лечмир?

— Вам сказали правду, сэр, — ответил капитан, медленно направляясь к кладбищенским воротам. — Вы присутствовали при погребении миссис Присциллы, вдовы Джона Лечмира, дамы, происходившей из знатного рода, и, надеюсь, никто не станет отрицать, что ее похоронили с подобающими почестями.

— Если это и есть та самая дама, которую я имею в виду, — продолжал незнакомец, — она действительно

припадлежала к знатному роду. Ее девичья фамилия была Линкольн, и она приходилась теткой баронету из этой же семьи, владельцу больших поместий в Девоншире.

— Как! Вы знаете Линкольнов? — вскрикнул Полуорт и остановился, устремив испытующий взор на своего собеседника. Заметив, однако, как грубы черты его лица и как попошена его одежда, капитан пробормотал: — Может быть, вы и слыхали о них, друг мой, но вряд ли так хорошо знали их, чтобы пить и есть с ними за одним столом.

— Между людьми самых различных сословий часто существует еще более тесная близость, — возразил незнакомец, и на губах его мелькнула насмешливая и какая-то загадочная улыбка, выражавшая гораздо больше, чем мог бы заметить поверхностный наблюдатель. — Однако всякий, кто знает Линкольнов, согласится, что род их поистине знатен. Если эта дама принадлежала к их семье, она имела право гордиться своим происхождением.

— А вы, как я вижу, не заражены революционными идеями, мой друг, — ответил Полуорт. — Она была также в родстве с очень уважаемой местной семьей Денфорт. Вы знаете Денфортов?

— Совсем не знаю, сэр, я...

— Вы не знаете Денфортов! — воскликнул Полуорт, опять останавливаясь, чтобы еще раз взглянуть на незнакомца. Помолчав немного, он кивнул, словно в ответ на свои мысли, и добавил: — Да, конечно, я ошибся, откуда вам знать Денфортов?

Незнакомца, казалось, нисколько не задело это высокомерное замечание, и он все с той же предупредительностью старался приспособиться к неровной походке капитана.

— Я, правда, не знаю Денфортов, — сказал он, — но могу похвалиться короткими отношениями с Линкольнами.

— Эх, если бы вы могли нам сказать, что сталось с наследником их рода! — невольно воскликнул Полуорт.

Незнакомец, в свою очередь, в удивлении остановился и спросил:

— Разве он не служит в королевской армии и не сражается с мятежниками? Разве он не здесь?

— Не здесь, и не там, и неизвестно где. Говорю вам, он пропал!

— Пропал? — повторил незнакомец.

— Пропал! — тихо произнес женский голос где-то совсем рядом с Полуортом.

Его собственные слова, прозвучавшие, как странное эхо, заставили капитана очнуться от рассеянности, на миг овладевшей им. Спеша по дорожке к выходу с кладбища, он, сам того не замечая, шел чуть впереди женщины и, оглянувшись на горестный возглас, увидел ее встревоженное лицо. Одного взгляда было достаточно для наблюдательного капитана, чтобы заметить следы замечательной красоты, которые не могли уничтожить ни возраст, ни нужда. На бледном, отцветшем лице женщины ярко горели умные черные глаза, правда утратившие мягкое и нежное выражение юности. Черты ее поражали своей правильностью, хотя давно потеряли прелесть, которая дарується только чистотой души.

Но печать нищеты, а быть может, и порока, лежавшая на этом лице, не могла оттолкнуть галантного капитана Полуорта: слишком велико было его преклонение перед красотой, даже когда от нее оставалась только тень. Ободренная его благожелательным взглядом, женщина решилась спросить:

— Я не ослышалась, сударь, вы сказали, что майор Линкольн пропал?

— Боюсь, моя милая, — ответил капитан, опираясь на палку с железным наконечником, которая помогала ему пробираться по обледенелым улицам Бостона, — боюсь, что бедствия осады оказались для вас особенно тягостными. Если я не ошибаюсь — а в этом деле я кое-что смыслю, — ваш организм не получает того, что ему положено природой. Вам нужно досыта есть, и боже упаси, если я откажу своему ближнему в малой доле того, что составляет основу всякой жизни. Вот вам деньги!

По исхудалому лицу женщины пробежала внезапная судорога. На мгновение ее загоревшийся взгляд остановился на серебряных монетах, но потом на побледневших щеках выступил слабый румянец, и она ответила:

— Как ни тяжки мои лишения и моя нужда, я еще, благодарение богу, не опустилась до того, чтобы стать уличной попрошайкой. Уж лучше бы мне лежать здесь, в мерзлой земле, чем дожить до такого черного дня. Но простите, сударь, мне показалось, вы что-то сказали о майоре Линкольне?

— Да, я говорил о нем, но что же из этого? Я сказал, что он пропал, и это чистая правда, ибо то пропало, чего нельзя найти.

— А миссис Лечмир скончалась прежде, чем он скрылся, или после? — спросила женщина, в волнении делая шаг к Полуорту.

— Неужели вы думаете, добрая женщина, что такой благородный человек, как майор Линкольн, мог скрыться после кончины своей родственницы, предоставив чуть ли не постороннему человеку все хлопоты о ее похоронах?

— Да простит нам господь все наши прегрешения, вольные и невольные! — пробормотала женщина и, закутавшись поплотнее в свой изодранный плащ, повернулась и, больше ничего не сказав, исчезла в глубине кладбища.

Удивленный таким неожиданным бегством, Полуорт проводил ее взглядом, потом сказал незнакомцу, все еще стоявшему возле него:

— Эта женщина помешалась из-за недостатка питательной пищи. Сохранить умственные способности, когда желудок находится в небрежении, так же невозможно, как и ожидать, что из ленивого мальчишки выйдет ученый. — Уже позабыв, с кем он говорит, достойный капитан оседлал своего любимого конька и продолжал философствовать. — Детей посылают в школу, чтобы познакомить их со всеми полезными изобретениями, кроме умения питаться, а ведь умение питаться — я хочу сказать, питаться с толком — такое же изобретение, как и всякое другое. Любой проглоченный кусок подвергается четырем операциям, и о каждой из них можно сказать, что она является важнейшей для нашего тела.

— Позвольте мне помочь вам переступить через эту могилу, — сказал незнакомец, услужливо предлагая Полуорту руку.

— Благодарю вас, сударь, благодарю! Вот печальный комментарий к моим словам, — ответил капитан с грустной улыбкой. — Было время, когда я служил в легкой пехоте, но, когда человек лишается симметрии, он годится разве лишь для гарнизонной службы... Да, так о чем я говорил? Первая операция — это выбор; вторая — жевание; третья — глотание и последняя — переваривание пищи.

— Совершенно справедливо, — с легким нетерпением сказал незнакомец, — нет ничего лучше для работы мозга, чем диета и легкие блюда.

— Диета и легкие блюда пригодны лишь на то, чтобы растить карликов и слабоумных, — с жаром возразил капитан. — Повторяю вам, сударь...

Тут незнакомец резко прервал рассуждения капитана о соотношении материального и духовного, спросив:

— Если пропал наследник такого знатного рода, неужели никто не попытается разыскать его?

Раздосадованный тем, что его перебили, едва лишь он начал развивать свою излюбленную тему, Полуорт снова остановился и, не отвечая на вопрос, уставился в лицо незнакомцу. Однако добродушие и беспокойство за Линкольна взяли верх над неудовольствием, и капитан сказал:

— Я бы ни перед чем не остановился, ни перед какой опасностью, лишь бы выручить его из беды.

— В таком случае, сударь, судьба свела двух людей, которые хотят взять на себя одну и ту же задачу. И я готов на все, лишь бы отыскать его. Я слышал, что у него есть друзья в колонии. Нет ли у него близких родных, у кого мы бы могли навести справки о нем?

— У него нет никого ближе жены.

— Жены? — с удивлением спросил тот. — Так он женат?

Наступило долгое молчание.

Незнакомец глубоко задумался, а Полуорт стал еще пристальнее разглядывать его.

Очевидно, капитану не очень понравилось лицо незнакомца: покачав головой с явным неодобрением, он решительным шагом направился к выходу. Он уже усаживался в сани, когда незнакомец догнал его и сказал:

— Если бы я знал, где найти его жену, я предложил бы ей свои услуги.

Полуорт указал на дом, хозяйкой которого стала теперь Сесилия, и, когда лошадь уже тронулась с места, несколько свысока заметил:

— Она живет здесь, любезнейший, но ваши старания бесполезны.

Незнакомец взглянул на дом и, улыбнувшись, с самоуверенным видом пошел в сторону, противоположную той, куда укатили сани капитана.

Глава XXVI

Вверх по Рыбной улице! Вниз, к перекрестку святого Магнуса! Бей и руби! Швыряй их в Темзу! Что там за шум? Кто это смеет трубить отбой к переговорам, когда я приказываю рубить?

Шекспир, «Король Генрих IV»

Добрейший Полуорт редко принимался за какое-нибудь дело с такими злобными намерениями, как сейчас, когда он погнал свою лошадь в сторону Портовой площади. Он давно знал, где проживает Джэб Прей: по дороге из своего дома, расположенного неподалеку от Бикон-Хилла, благодушный эпикуреец, отправляясь в более фешенебельные кварталы, частенько оборачивался, чтобы кивнуть головой и улыбнуться бесхитростному почитателю его кулинарного искусства. Однако на этот раз, когда его сани спустились с Корн-Хилла на хорошо знакомую ему площадь, капитан посмотрел на низкие, мрачные стены пакгауза далеко не ласковым взглядом.

С той минуты, как Полуорт узнал об исчезновении своего друга, он не переставал ломать голову, тщетно пытаясь объяснить себе поступок новобрачного, покинувшего молодую жену сразу после венца, да еще в такую тяжелую для нее минуту. Но, чем упорнее размышлял капитан, тем больше терялся в догадках, и теперь он с радостью ухватился за мелькнувшую перед ним путеводную нить, которая, казалось, могла его вывести из этого лабиринта. Читатель уже знает, какие мысли пришли Полуорту при виде нагрудника Макфьюза; нам остается лишь показать, с какой завидной находчивостью он использовал эту улику.

Полуорта всегда удивляло, почему такой человек, как Лайонел, столько времени проводит в обществе дурачка. Не укрылось от капитана и то, что их отношения были окутаны какой-то тайной.

Накануне Полуорт случайно услышал хвастливый рассказ Джэба о смерти Макфьюза, а пробитый пулей нагрудник, найденный в камине, у которого любил прикорнуть дурачок, подтверждал истинность его слов. Полуорт любил Макфьюза лишь немногим меньше, чем своего дру-

га юности. И вот, узнав подробности гибели ирландца, капитан заподозрил, что и Лайонела заставил забыть свой долг все тот же злокозненный негодяй. Составить себе какое-нибудь мнение значило для нашего последователя естественной философии тут же уверовать в его справедливость. Когда он стоял у гроба миссис Лечмир, выполняя важную роль главного распорядителя похорон, он все время мысленно подбирал доводы в пользу своей догадки. В конце концов ход рассуждений капитана привел его примерно к такому силлогизму: Джэб убил Макфьюза; с Линкольном случилась беда; следовательно, виноват в этом тоже Джэб.

Когда капитан выехал на площадь, быстрая езда, усилившая его обычно спокойное кровообращение, впечатление от недавних похорон, воспоминания, теснившиеся в мозгу, — все это окончательно укрепило его в принятом им решении. У него тут же созрел десяток планов, как захватить Джэба, вырвать из его уст признание, а затем наказать его.

Вечерние тени уже спустились на город. Холод давно разогнал по домам тех немногих продавцов мяса и зелени, которые продолжали торговать в своих наполовину пустых лавках. Меж обезлюдевших рядов бродила теперь лишь какая-то нищая, держа за руку своего заморыша-ребенка: они рылись в отбросах, ища остатки съестного, которые могли бы послужить им скудным ужином. Но, в то время как на рынке все было пустынно и мертво, дальняя часть площади являла собой совершенно иную картину.

Вокруг пакгауза бесновалась толпа солдат, и опытный взгляд Полуорта сразу заметил, что они затевают какое-то беззаконие. Одни с яростью врывались в помещение пакгауза, вооруженные всем, что попало им под руку, другие выбегали оттуда, оглашая воздух угрозами и криками. Из темных переулков, выходящих на площадь, непрерывным потоком стекались всё новые солдаты, а стены здания были облеплены людьми, которые заглядывали во все окна и подстрекали тех, кто находился внутри, рукоплесканиями и одобрительными возгласами.

Когда Полуорт приказал Ширфлинту остановиться, до него донеслись неясные обрывки фраз, и, прежде чем капитан успел разглядеть в сумерках мундиры участников шумного сборища, его ухо уловило характерный говорок

гренадеров Ирландского королевского полка. Догадка, словно молния, сверкнула у него в мозгу, и, вытащив из саней свое дородное тело так проворно, как он только мог, каптан смешался с толпой, охваченный противоречивым чувством, в котором жажда мести боролась с добротой.

Но и самые превосходные люди порой утрачивают свойственное им человеколюбие, поддавшись влиянию разбушевавшейся черни.

Пока капитан с трудом пробивался в темное помещение склада, гнев его так разгорелся, что он позабыл и о своих нравственных правилах, и о своем чипе. Он даже с невыразимым удовольствием прислушивался к яростным крикам, сотрясавшим все здание, как вдруг сообразил, что злоба, охватившая солдат, может погубить один из его планов и помешать розыскам Лайонела. При этой мысли Полуорт принялся энергично расталкивать солдат и вскоре выбрался на место, где мог начать действовать, невзирая на окружающую сумятицу.

Тусклый свет угасающего дня еще позволял разглядеть Джэба Прея: он полулежал на своем жалком ложе посреди склада. По-видимому, он так ослабел, что не мог уже сидеть, но страх заставил его все-таки слегка приподняться. Бо́льшие красные пятна, покрывавшие его лицо, и воспаленные глаза ясно говорили о том, что бедный юноша, ставший предметом исступленной ярости солдат, не избежал роковой болезни, уже давно свирепствовавшей в городе. Вокруг несчастной жертвы нищеты и недуга собралось лишь несколько отчаянных смельчаков — большей частью оставшиеся в живых гренадеры 18-го полка, — а их более хладнокровные и осмотрительные товарищи изливали свой гнев на приличном расстоянии от больного. Синяки и кровь на теле дурачка свидетельствовали о том, что его мучители уже начали сводить с ним счеты, но они, на его счастье, не имели при себе оружия, а то бы он давно был убит. Хотя Джэб совсем обессилел и опасность угрожала ему со всех сторон, он с какой-то тупою покорностью смотрел своим врагам прямо в лицо.

Полуорт при виде этого отталкивающего зрелища значительно поостыл и попытался перекричать пятьдесят орущих глоток, но никто не обратил на него внимания — бесполезно увещевать невежественных людей, объятых жаждой мести.

— Стащите его с этого тряпья! — кричал один. — Это не человек, а дьявольское отродье в человеческом обличье!

— И такая тварь сгубила лучшее украшение британской армии! — вопил другой. — Его оспа — не что иное, как гнусная уловка нечистого, чтобы вызволить его из беды!

— Да уж, конечно, никто, кроме дьявола, не мог придумать такую пакость, — перебил третий, которого даже в минуты ярости не покидало чувство юмора. — Но берегитесь, ребята, он может нас всех наградить этой хворью, а заодно и избавить от расходов на прививки.

— Перестань балагурить, Теренс! Как ты можешь шутки шутить, когда капитан еще не отомщен! Подложите углей в эти тряпки, ребята, и спалим их вместе с негодяем!

— Углей, углей, поджарим дьявола! — подхватило около двадцати солдат, с жадностью внимавших этому варварскому совету.

Полуорт снова попытался заставить себя выслушать, но все так же безуспешно; и, только когда десяток человек разочарованно объявили, что во всем доме нет ни огня, ни топлива, шум наконец улегся.

— Посторопитесь, эй вы, посторонитесь! — заорал гигантского роста гренадер; его тяжелый гнев все время разгорался подобно вулкану перед началом страшного извержения. — У меня найдется огонь, чтобы уничтожить эту пакость! Дьявол он или святой, ему полезно бы сейчас помолиться!

С этими словами великан поднял ружье, и участь Джэба, задрожавшего от страха, была бы в одно мгновение решена, если бы Полуорт не ударил палкой по оружию и не стал между дурачком и его врагом.

— Не стреляй, приятель! — сказал капитан, осторожно выбирая средний тон между начальственным окриком и дружеским советом. — Не по-со́лда́тски так торопиться. Я хорошо знал и любил нашего покойного командира; но, прежде чем наказать этого малого, мы сначала его допросим. Ведь, может быть, другие повинны в этом преступлении больше, чем он.

Солдаты свирепо посмотрели на непрошеного заступника: очевидно, им пришелся не по вкусу его совет, а чин не внушал уважения.

— Кровь за кровь! — звучали кругом голоса.

Мгновенное молчание, наступившее после слов капитана, не предвещало для него ничего хорошего, но тут, по счастью, какой-то ветеран, несмотря на полумрак, признал в нем одного из друзей Макфьюза. Едва лишь солдат поделился своим открытием с товарищами, как поднявшийся было гул возмущения стал снова затихать, и порядком испуганный капитан с облегчением услышал, что его имя передается из уст в уста, сопровождаемое дружескими восклицаниями вроде: «Его старый друг!.. Офицер легкой пехоты!.. Тот, кто потерял ногу в бою с бунтовщиками!» Когда все разобрались, в чем дело, раздался дружный крик:

— Ура капитану Полуорту! Ура другу Макфьюза! Ура храброму капитану Полуорту!

Обрадованный успехом и втайне польщенный похвалами, посыпавшимися теперь на него со всех сторон, капитан поспешил воспользоваться благоприятным моментом:

— Благодарю вас, друзья мои, за доброе мнение обо мне! Признаюсь, и я плачу́ вам полной взаимностью. Я люблю Ирландский королевский полк в память того, кого я так хорошо знал и высоко ценил и кого, я боюсь, убили вопреки всем правилам ведения войны.

— Слышите? Нашего Денниса подло убили!

— Кровь за кровь! — угрюмо пробормотало несколько голосов.

— Чтобы суд наш был правым, не надо торопиться, а если суд будет правым, месть наша будет ужасна, — быстро проговорил капитан, боясь, как бы буйный поток еще раз не прорвал плотину, ибо знал, что во второй раз уже не сумеет совладать с ним.

— Настоящий солдат всегда ждет приказа, а найдется ли в армии еще хоть один полк, который может похвастать такой дисциплиной, как восемнадцатый? Соберитесь вокруг вашего пленника и слушайте, как я выпытаю у него всю правду. Если окажется, что он виновен, я отдам его в ваши руки.

Убедившись, что эта задержка не противоречит их собственным мстительным замыслам, а лишь вносит известный порядок в дело, солдаты встретили предложение Полуорта новым взрывом ликования; его имя громко повторялось на разные лады, раскатываясь эхом под стропилами, между тем как все располагались так, как им было приказано.

— Не стреляй, приятель!.. Прежде чем наказать этого малого, мы сначала его допросим.

Желая выиграть время, чтобы решить, как действовать дальше, капитан приказал зажечь огонь — так можно будет следить, сказал он, за лицом обвиняемого при допросе. Уже совсем стемнело, так что это требование показалось вполне разумным, и солдаты с тем же пылом, с каким они за несколько минут до этого рвались пролить кровь Джэба, кинулись выполнять приказ, не заключавший в себе ничего кровожадного.

Головню, которую принесли, чтобы поджечь жалкое ложе Джэба, отбросили в сторону, когда это жестокое намерение было оставлено. Теперь солдаты подобрали несколько тлеющих угольков и, притащив две-три охапки пакли, валявшейся в углу, подожгли ее. Вспыхнуло яркое пламя, и солдаты так тщательно его поддерживали, что видны были самые дальние закоулки угрюмого помещения.

Воспользовавшись этим освещением, капитан расставил людей таким образом, чтобы никто не мог исподтишка ударить Джэба. Сумятица улеглась, и началось нечто вроде настоящего судебного разбирательства. Любопытство превозмогло страх перед заразой: теперь уже все столпились вокруг больного, шум смолк, и вскоре ничего не было слышно, кроме его тяжелого дыхания. Когда наступила полная тишина и Полуорт при ярком свете пылающей пеньки вгляделся в хмурые лица, он понял, что дальнейшее промедление может быть опасно, и сразу приступил к допросу.

— Ты видишь, как окружили тебя, Джэб Прей? Рука правосудия наконец настигла тебя, и единственное твое спасение — в чистосердечном признании. Отвечай же на все мои вопросы и бойся божьего гнева!

Капитан на мгновение остановился, чтобы его слова произвели должное впечатление. Но Джэб, заметив, что его мучители успокоились и, по всей видимости, не собираются пока чинить над ним расправу, бессильно уронил голову на одеяло и молча следил тревожным взглядом за малейшими движениями своих врагов. Уступая нетерпению слушателей, Полуорт продолжал:

— Ты знаком с майором Линкольном?

— С майором Линкольном! — проворчали несколько гренадеров. — А он-то тут при чем?

— Погодите, бравые гренадеры восемнадцатого полка, я скорее выпытаю правду, если пойду окольным путем.

— Ур-р-ра! — закричали гренадеры. — Да здравствует капитан Полуорт, которого мятежники лишили ноги!

— Спасибо вам, спасибо, мои уважаемые друзья! А ты, плут, отвечай без уверток! Ведь ты не посмеешь отрицать, что знаком с майором Линкольном?

Немного погодя послышался тихий голос:

— Джэб знает всех жителей Бостона, а майор Линкольн родился в Бостоне.

— Но майора Линкольна ты знаешь лучше других? Немного терпения, друзья! Этот вопрос имеет прямое отношение к фактам, которые вы хотите узнать.

Солдаты, которым было совершенно непонятно, какого рода факты они могут узнать с помощью этого вопроса, в недоумении переглядывались, однако продолжали хранить молчание.

— Ты знаешь его лучше всех офицеров нашей армии?

— Он обещал защищать Джэба от солдат, и Джэб согласился выполнять его поручения.

— Разумный человек редко заключает такой договор с дурачком. Это значит, что вы были очень близки. А если так, то я спрашиваю тебя: что случилось с твоим приятелем?

Джэб ничего не ответил.

— Тебе, наверно, известно, по каким резонам он покинул своих друзей, — продолжал Полуорт, — и я требую, чтобы ты сейчас же их объяснил.

— Резонам? — тупо повторил дурачок. — Джэб не знает, что это значит.

— Ну, если ты упрямишься и не хочешь отвечать, я уйду отсюда и разрешу этим бравым гренадерам делать с тобой все, что они захотят.

Угроза подействовала: Джэб поднял голову и снова принял прежнюю настороженную позу. По толпе прошло легкое движение, и опять послышались зловещие слова:

— Кровь за кровь!

Беззащитный юноша, которого нам приходится называть дурачком за неимением более подходящего выражения, тем более, что его слабоумие снимало с него ответственность за его поступки, уставился на окружающих испуганным взглядом, но взгляд этот с каждой секундой становился все более и более осмысленным, словно сжигавший Джэба внутренний огонь очищал его дух в той же мере, в какой изнурял его тело.

— Законы Массачусетса не позволяют бить и мучить своих ближних, — сказал Джэб таким проникновенным и торжественным тоном, что он растрогал бы не столь очерствелые сердца. — И священная книга этого не позволяет! Если бы вы не растащили Северную молельню на дрова и не сделали из Южной конюшню, вы могли бы туда пойти и услышать такие проповеди, что волосы зашевелились бы на ваших грешных головах!

Со всех сторон раздались крики: «Долго ли мы будем слушать его глупости?.. Дурак глумится над нами!.. Да разве этот деревянный балаган мог служить храмом для истинных христиан?»

И отовсюду снова послышались угрожающие слова: «Кровь за кровь!»

— Назад, назад! — восклицал Полуорт, размахивая палкой, чтобы придать больше веса своим приказаниям. — Подождите, пока он во всем не сознается, тогда будете его судить. Последний раз обращаюсь к тебе: скажи всю правду! Может быть, твоя жизнь зависит сейчас от твоего ответа. Нам известно, что ты поднял оружие против короля. Да, я сам видел тебя на поле сражения, когда наши войска... гм... гм... совершали контрмарш от Лексингтона; известно также, что ты снова присоединился к мятежникам, когда наша армия штурмовала высоты Чарлстона... — Но тут, с испугом заметив, как потемнели и нахмурились лица солдат при перечислении проступков Джэба, капитан спохватился и с похвальной находчивостью добавил: — ...в тот прославленный день, когда войска его величества разогнали колониальную чернь, как собаки прогоняют овец с пастбища.

Ловкий ход Полуорта был вознагражден взрывом неистового хохота. Ободренный этим доказательством своей власти над слушателями, достойный капитан продолжал говорить со все возрастающей уверенностью в силе своего красноречия:

— В тот прославленный день, — продолжал он, все больше и больше воодушевляясь, — много доблестных офицеров и сотни бесстрашных солдат нашли свой роковой конец. Одни честно пали в открытом бою, став жертвой случайностей войны, другие... гм... гм... получили увечья и до могилы не расстанутся со знаками своей славы. — Тут его голос упал и немного охрип, но, преодолев минутную слабость, он закончил как мог выразительнее, чтобы

совсем запугать пленника: — А третьих, плут, предательски убили!

— Кровь за кровь! — снова послышалось в толпе.

Уже не пытаясь больше укротить ярость солдат, а наоборот, сам поддавшись ей, Полуорт продолжал допрос.

— Ты помнишь человека, по имени Деннис Макфьюз? — спросил он громовым голосом. — Он был предательски убит на ваших укреплениях, когда бой уже кончился. Отвечай мне, негодяй! Не был ли ты среди этой черни и не твоя ли подлая рука совершила это кровавое дело?

Джэб еле слышно прошептал несколько слов, из которых можно было разобрать только: «адовы нечестивцы» и «народ научит их уважать закон».

— Убить его, вышибить из него дух! — требовали наиболее свирепые из гренадеров.

— Стойте! — вскричал Полуорт. — Еще одно мгновение, и я успокою свою совесть, заплатив долг памяти покойного. Говори, что ты знаешь о смерти командира этих бравых гренадеров?

Джэб, внимательно слушавший эти слова, хотя глаза его все время беспокойно следили за движениями его врагов, повернулся к капитану и с простодушным торжеством заявил:

— Гренадеры восемнадцатого полка лезли на холм, рыча, как львы, зато вечером они выли над телом их самого рослого офицера.

Полуорт задрожал от гнева, но, сделав солдатам знак не шевелиться, вынул из кармана простреленный офицерский нагрудник и поднес его к глазам дурачка.

— Узнаешь? — спросил капитан. — Чья роковая пуля пробила эту дыру?

Джэб взял в руки нагрудник и несколько секунд недоумевающе смотрел на него. Мало-помалу взгляд его просветлел, и с ликующим смехом он ответил:

— Хотя Джэб и дурачок, но стрелять он умеет!

Полуорт, пораженный ужасом, отшатнулся, а ярость рассвирепевших солдат уже не знала границ. Они испустили дикий вопль, и все помещение наполнилось грубыми проклятиями и призывами к мести. С горячностью, присущей ирландцам, они наперебой предлагали десятки способов казни их пленника и, наверно, тут же

бы их испробовали, если бы солдат, поддерживавший огонь в костре, не завопил, размахивая пучком горящей пакли:

— В костер исчадие ада! Пусть он сгорит вместе со своим тряпьем, пусть он исчезнет с лица земли!

Это предложение было встречено неистовой радостью, и тотчас же над распростертым телом дурачка взметнулись горящие клочья пакли. Джэб понимал, что́ ему угрожает, но он лишь беспомощно шевелил ослабевшими руками и жалобно стонал. Его уже окутало темное облако дыма, в котором трепетали раздвоенные языки пламени, как вдруг в толпу ворвалась какая-то женщина, выхватила у солдат пылающую паклю и пробилась вперед с необыкновенной, казавшейся почти сверхъестественной силой. Подбежав к постели Джэба, она, не замечая ожогов, голыми руками разметала затлевшие лохмотья и заслонила собой дурачка, словно разъяренная львица, защищающая своих детенышей. Мгновение она стояла неподвижно, не сводя глаз с солдат, грудь ее бурно вздымалась, и от волнения она не могла говорить, но, когда к ней вернулся дар речи, она с неустрашимостью матери дала волю своему негодованию.

— Вы — чудовища в образе людей! — закричала она, и голос ее, покрывший шум, заставил всех замолчать. — Неужели у вас в груди нет сердца? Кто дал вам право судить и наказывать за грехи? Если есть среди вас отцы, пусть они подойдут и посмотрят на муки умирающего ребенка! Если есть среди вас сыновья, пусть они приблизятся и поглядят на горе матери! Вы дикари еще более жестокие, чем лесные звери, — те имеют хоть жалость к себе подобным, а вы, что делаете вы?

Ее материнское бесстрашие и вопль отчаяния, исторгнутый из глубины ее души, усмирили ярость солдат, и в тупом изумлении они переглядывались, не зная, как поступить. Но тишина, наступившая на мгновение, была снова нарушена зловещим шепотом:

— Кровь за кровь!

— Трусы! Негодяи! Солдаты по имени, дьяволы по делам! — продолжала отважная Эбигейл. — Вам захотелось отведать человеческой крови? Так идите на холмы! Померяйтесь силами с теми, кто с оружием в руках поджидает вас там, а не губите надломленную тростинку! Мой бедный, исстрадавшийся сын поражен десницей, более могу-

щественной, чем ваша, и все же он сумеет встретить вас там и защитить свободу своей родины.

Те, к кому взывала Эбигейл, были слишком вспыльчивы, чтобы стерпеть подобную насмешку, и угасшая было искра мстительного чувства разгорелась в жаркое пламя.

Опять поднялся ропот, и уже раздался пронзительный крик: «Сожжем ведьму вместе с ее отродьем!» — как вдруг толпу растолкал какой-то, очевидно очень сильный человек, прокладывая дорогу даме, следовавшей за ним. Дама была закутана в плащ, но по ее походке и костюму было видно, что она принадлежит к гораздо более высокому кругу, чем обычные посетители этого дома. Внезапное появление этой неожиданной гостьи, ее горделивая, хотя и мягкая манера держаться смутили солдат; шум и гам сразу прекратились и сменились таким глубоким молчанием, что даже произнесенное шепотом слово было бы слышно в этой толпе, которая только что орала и бесновалась, извергая дикие проклятья.

Глава XXVII

Да, сэр, вы увидите, как я благоразумен. Я сделаю все, что полагается в таких случаях.

Шекспир, «Виндзорские насмешницы»

К концу только что описанной сцены Полуорт совсем растерялся и не знал, то ли сдерживать солдат, то ли способствовать исполнению их жестокого замысла. Благоразумие и доброта склоняли его к милосердию, но пустая похвальба дурачка снова пробудила в нем естественную жажду мести. С первого взгляда он узнал в матери Джэба ту нищенку, чье лицо хранило следы былой красоты и которая дольше других оставалась у могилы миссис Лечмир. Когда бесстрашная мать бросилась к солдатам, чтобы спасти своего ребенка, ее глаза, заблестевшие еще сильнее при ярком свете зажженной пакли, и ужас, сквозивший в каждой черте ее лица, придали ей величие, внушавшее невольное участие, и капитан почувствовал, что непривычная злоба, овладевшая им, угасла. Он уже готов был прийти на помощь Эбигейл и попробовать обу-

здать толпу, когда описанное выше происшествие вновь усмирило ярость солдат. Неожиданное появление столь необычных гостей в таком месте и в такое позднее время произвело на капитана не менее сильное впечатление, чем на окружавших его грубых вояк. Он молча ждал, что будет дальше.

Первым чувством молодой дамы, очутившейся в самой гуще взбудораженной толпы, было сильное смущение. Однако, преодолев свою женскую робость, она тотчас же собралась с духом, опустила свой шелковый капюшон, и удивленным зрителям открылось бледное, но, как всегда, прелестное лицо Сесилии. После минутного глубокого молчания она произнесла:

— Не знаю, почему я вижу столько разгневанных лиц у ложа несчастного, больного юноши. Но, если вы задумали что-нибудь недоброе, умоляю вас смягчиться, коли вам дорога ваша солдатская честь и вы страшитесь гнева своих командиров. Я жена офицера и даю вам слово от имени того, кто имеет свободный доступ к лорду Хау, что вас или простят за все, что произошло, или же примерно накажут за жестокость — смотря по тому, как вы себя поведете.

Солдаты растерянно переглянулись и, видимо, уже стали колебаться, как вдруг старик гренадер, едва не застреливший Джэба, сказал злобно:

— Если вы сами жена военного, сударыня, то вам должны быть понятны чувства друзей убитого, и я спрашиваю вашу милость: могут ли солдаты, да к тому же восемнадцатого полка, спокойно терпеть, когда дурачок всюду и везде хвастается, что убил Макфьюза, красу и гордость этого самого полка?

— Мне кажется, я вас понимаю, мой друг, — сказала Сесилия, — до меня тоже дошли слухи, что этот юноша был с американцами в день кровавой битвы, о которой вы упоминали. Однако, если убивать в бою противозаконно, то кто же такие вы сами, чье ремесло — война?

Несколько человек бурно, но все же с почтительностью прервали ее, пытаясь возразить ей со свойственной ирландцам горячностью, хотя и не очень вразумительно:

— Есть большая разница, миледи! Одно дело — биться честно, а другое — убивать из-за угла. Это уже простое убийство! — И множество таких же бессвязных фраз было произнесено с чисто ирландской живостью.

Когда солдаты умолкли, старик гренадер принялся растолковывать Сесилии их точку зрения.

— Вы сказали истинную правду, ваша милость, — начал он, — но это еще не вся правда. Если человек убит в честном бою, такова воля божья; настоящий ирландец с этим спорить не станет. Да только этот кровожадный негодяй притаился за мертвецом и исподтишка выпалил в голову своему ближнему. А к тому же мы ведь уже выиграли эту битву и его смерть не могла принести им победы!

— Я не разбираюсь в подобных тонкостях вашего страшного ремесла, — ответила Сесилия, — но я слышала, что еще много народа погибло и после того, как королевские войска взяли редут.

— Да, так именно и было. Ваша милость все знает! Тем более надо наказать хоть одного из них за убийства! Трудно сказать, выиграли мы битву или нет, когда вражеские солдаты еще дерутся после того, как проиграли ее.

— Мне хорошо известно, — сказала Сесилия, и у нее задрожали не только губы, но и веки, — что и другие пострадали при таких же обстоятельствах, но такова неизбежная участь тех, кто воюет. Но, даже если этот юноша и виноват, посмотрите на него — могут ли мстить ему люди, которые почитают делом чести сражаться с врагом равным оружием? Его уже давно поразила рука более могущественная, чем ваша, и в довершение всех несчастий его сейчас терзает опасная болезнь, которая редко щадит свои жертвы. А вы, ослепленные злобой, подвергаете себя риску заразиться этой болезнью и, хотя думаете о мщении, можете стать ее добычей.

При этих словах толпа отступила, и Джэб оказался в центре широкого круга, а из последних рядов многие безмолвно выскользнули на улицу с поспешностью, которая выдавала, что страх перед заразой взял верх над всеми остальными чувствами. Сесилия помолчала лишь секунду, а потом продолжала, стремясь закрепить свою победу:

— Уходите же! Покиньте это опасное соседство! Мне надо поговорить с этим юношей: дело идет о судьбе, вернее, о жизни офицера, который дорог — и по праву дорог — всей английской армии. Я должна поговорить с больным и его матерью наедине. Вот вам деньги, возвращайтесь в ваши казармы и постарайтесь разумным пове-

дением уберечься от опасности, с которой вы так безрассудно играли. Идите, все будет забыто и прощено.

Упрямый старик гренадер принял деньги и, заметив, что он покинут почти всеми своими товарищами, неловко поклонился красавице, стоявшей перед ним, и вышел, бросив, однако, угрюмый взгляд на несчастного Джэба, которого этот странный поворот событий спас от его мести. В помещении не осталось ни одного солдата, и даже гул их голосов вскоре утих вдалеке.

Тогда Сесилия повернулась к оставшимся и быстро оглядела каждого из них. Встретив удивленный взор Полуорта, она покраснела и, смешавшись на мгновение, опустила глаза.

— Я полагаю, капитан Полуорт, — сказала она, преодолев смущение, — что нас с вами привела сюда одна и та же цель — спасение нашего общего друга.

— Совершенно справедливо, — ответил он. — Когда я покончил с печальными обязанностями, возложенными на меня вашей прелестной кузиной, я поспешил сюда, следуя за путеводной нитью, которая — я имею основание так думать — может привести нас к...

— ...к тому, кого мы хотим найти, — докончила Сесилия, невольно оглянувшись на участников этого разговора. — Но наш первый долг — быть милосердными. Нельзя ли перенести бедного юношу в его комнату и осмотреть там увечья, какие ему нанесли?

— Это можно сделать и сейчас и после того, как мы его допросим, — с холодным безразличием ответил Полуорт.

Сесилия с изумлением посмотрела на него. Заметив неблагоприятное впечатление, произведенное на нее его равнодушием, он небрежно обратился к двум людям, которые стояли у входной двери, и позвал их:

— Ширфлинт, Меритон, идите сюда! Перенесите его в ту комнату!

Слуги, бывшие до сих пор лишь любопытными наблюдателями происходившего, выслушали приказание капитана с величайшим неудовольствием. Меритон громко заропта́л и готов был скорее проявить неповиновение, чем прикоснуться к такому грязному нищему. Но Сесилия присоединила и свою просьбу к требованию Полуорта, и неприятная обязанность была выполнена: Джэба унесли

в комнатушку в башенке, откуда час назад его выволокли солдаты.

Эбигейл, едва удостоверившись, что ее сыну больше ничто не угрожает, бессильно опустилась на кучу тряпья и теперь, пока его переносили наверх, продолжала сидеть в тупом оцепенении. Когда же она убедилась, что люди, окружающие Джэба, желают ему добра, а не зла, она тоже побрела в каморку за всеми остальными.

Полуорт, казалось, полагал, что для Джэба и так было уже достаточно сделано; он хмуро стоял в стороне, ожидая, что еще будет угодно Сесилии. Она же с чисто женской заботливостью следила за тем, как слуги переносили больного, а теперь попросила их выйти за дверь и дожидаться ее дальнейших распоряжений. Когда Эбигейл молча уселась у ложа больного, в комнате, кроме матери и сына, остались только Полуорт, Сесилия и неизвестный, который привел ее сюда. Каморка освещалась лишь отблесками еще тлевшей пакли и жалким огарком и в этом тусклом свете казалась еще более убогой.

Хотя Сесилия вела себя с солдатами твердо и решительно, она сейчас охотно воспользовалась полумраком, чтобы скрыть свое лицо даже от взгляда несчастной женщины, сидевшей подле сына. Сесилия стала в тень и, накинув на голову капюшон, обратилась к дурачку.

— Я пришла сюда не для того, чтобы наказать тебя или грозить тебе, Джэб Прей, — сказала она, — а затем, чтобы расспросить тебя кое о чем, и с твоей стороны было бы дурно, даже жестоко солгать мне или скрыть от меня...

— Вам нечего бояться: мой сын скажет только правду, — перебила ее Эбигейл. — Всемогущий, отняв у него разум, пощадил его душу — мальчик не знает, что такое обман. Ах, если бы небу было угодно, чтобы то же можно было сказать о грешной женщине, давшей ему жизнь!

— Я надеюсь, что ваш сын своим поведением подтвердит ваши слова, — ответила Сесилия. — Я задам ему несколько вопросов с полной верой в его правдивость. Но, чтобы вы убедились, что я беспокою его не из пустой прихоти, я объясню вам, зачем я пришла сюда. — Она поколебалась мгновение и, бессознательно отвернув лицо, продолжала: — Я думаю, Эбигейл Прей, вы знаете меня?

— Да, да, — ответила та нетерпеливо, словно чувствуя, что изысканное изящество гостьи делает еще более унизи-

тельным ее собственное убожество. — Вы счастливая и богатая наследница той, кого сегодня опустили в склеп. Могила раскрывается для всех одинаково: для богатого и бедного, для счастливого и несчастного! Да! Да! Я знаю вас. Вы жена сына богача.

Сесилия откинула со лба темные локоны и, гордо подняв залившееся яркой краской лицо, ответила с достоинством:

— Если вы слышали о моем браке, вас не должно удивлять, что судьба майора Линкольна тревожит меня. Я хотела узнать у вашего сына, что сталось с моим мужем.

— У моего мальчика! У Джэба! Узнать о вашем муже у бедного, презренного сына нищеты и болезни! Нет, нет, сударыня, вы смеетесь над нами — он недостоин хранить тайны таких важных и счастливых господ!

— Однако я уверена, что он что-то знает. Разве человек, по имени Ральф, не был постоянным гостем в вашем доме в течение всего прошлого года? И разве он не скрывался здесь несколько часов назад?

Эбигейл вздрогнула, услышав этот вопрос, но, не колеблясь, ответила прямо:

— Это верно! Если меня следует наказать за то, что я даю приют тому, кто неизвестно откуда приходит и неизвестно куда уходит, кто умеет читать в сердцах людей и знает то, что простым смертным знать не дано, что ж, я должна подчиниться. Он был здесь вчера; он может прийти сегодня ночью опять; он приходит и уходит, когда ему вздумается. Может быть, ваши генералы, ваша армия могут запретить ему приходить сюда, но не я.

— Кто сопровождал его, когда он в последний раз ушел от вас? — спросила Сесилия таким тихим голосом, что его было бы трудно расслышать, если бы не глубокая тишина, царившая кругом.

— Мое дитя, мое слабое, неразумное, несчастное дитя! — вскричала Эбигейл с такой поспешностью, словно она хотела любой ценой положить конец мучительным сомнениям. — Если постоянно следовать за этим человеком без имени преступно, то значит, Джэб — изменник.

— Вы ошибаетесь: с вами не случится ничего дурного при условии, что вы скажете мне только правду!

— Правду! — повторила женщина, мерно покачиваясь

и бросив надменный взгляд на взволнованное лицо Сесилии. — Вы знатны и богаты, и вам дано право бередить раны несчастных.

— Если я сказала что-нибудь обидное, я очень сожалею об этом, — сказала Сесилия с глубокой искренностью. — Я желаю вам не зла, а добра, как вы сможете в этом убедиться, если представится случай.

— Нет, нет! — воскликнула женщина, вся дрожа. — Жена майора Линкольна не должна помогать Эбигейл Прей!

Дурачок, погруженный, казалось, в тупое безразличие ко всему окружающему, вдруг приподнялся на своей нищей постели и хвастливо сказал:

— Жена майора Линкольна пришла к Джэбу, потому что Джэб сын джентльмена!

— Ты дитя греха и нищеты, — простонала Эбигейл, склонив голову и пряча лицо в складках своего плаща. — Лучше бы ты совсем не родился на свет!

— Так скажи мне, Джэб, майор Линкольн тоже оказывал тебе честь, навещая тебя, как я? Когда ты видел его в последний раз? — спросила Сесилия, не обращая внимания на поведение Эбигейл.

— Может быть, я сумею задать ему этот вопрос в более понятной форме, — вмешался незнакомец, бросив на Сесилию многозначительный взгляд, который она как будто тотчас же поняла.

Он наклонился к Джэбу и, пристально всматриваясь в его лицо, через некоторое время сказал:

— В Бостоне часто бывают парады и военные смотры, не так ли, юноша? Ты когда-нибудь ходил на них?

— Джэб всегда шагает в ногу с солдатами. Очень интересно смотреть, как гренадеры маршируют под громкую музыку барабанов и труб.

— А Ральф, — ласково спросил незнакомец, — он тоже марширует с ними?

— Ральф! Он великий воин, он учит свой народ военному делу там, на холмах. Джэб всегда видит его, когда ходит за провизией для майора.

— Как это объяснить? — спросил незнакомец.

— Объяснить это очень просто, — ответил Полуорт, — этот малый вот уже с полгода под защитой парламентерского флага время от времени доставляет из окрестностей в город провизию.

Незнакомец на мгновение задумался, а потом продолжал:

— Когда ты был в последний раз у мятежников, Джэб?

— Нехорошо называть их мятежниками, — угрюмо пробормотал дурачок. — Народ не потерпит, чтобы его ругали.

— Я виноват, признаюсь, — сказал незнакомец. — Когда же ты ходил в последний раз за провизией?

— Джэб ходил в воскресенье утром, а это было вчера.

— Как же это случилось, что ты не доставил провизию мне? — спросил в раздражении Полуорт.

— У него, наверно, были важные причины, оправдывающие эту нерадивость, — примирительно и осторожно сказал незнакомец. — Ты принес провизию сюда, потому что так было надо, не правда ли?

— Да, чтобы набить свое ненасытное брюхо! — проворчал капитан в сердцах.

Эбигейл судорожно сжала руки и попыталась встать и заговорить, но снова застыла в своей смиренной позе, так и не вымолвив от волнения ни слова. Незнакомец не заметил эту короткую, но выразительную пантомиму и с тем же невозмутимым спокойствием продолжал свой допрос:

— А провизия еще здесь?

— Конечно, — простодушно ответил дурачок. — Джэб спрятал ее до прихода майора Линкольна. Но Ральф и майор Линкольн забыли сказать Джэбу, что с ней делать.

— А почему же, в таком случае, ты не пошел вслед за ними со своей поклажей?

— Все думают, что Джэб дурак! — пробормотал юноша. — А он не станет тащить обратно провизию туда, откуда он ее принес. Да! — продолжал он, приподнявшись, и по его заблестевшим глазам было видно, как его радует преимущество, полученное его соотечественниками. — Колонисты возят себе съестное целыми фургонами, а в городе голод!

— Да, это верно. Я позабыл, что Ральф и Линкольн ушли к американцам; они, должно быть, вышли из города под тем самым флагом, с которым ты сюда пришел!

— Джэб не принес никакого флага, это знаменосцы носят флаги! Он принес индюшку, большой кусок окоро-

ка и немножко копченой колбасы — никакого флага там не было.

При упоминании обо всех этих деликатесах капитан навострил уши и, возможно, опять позволил бы себе неучтиво перебить незнакомца, не продолжай тот допрашивать дальше:

— Все, что ты говоришь, справедливо, мой сообразительный друг! Ральфу и майору Линкольну было нетрудно выйти из города таким же путем, каким вошел в него ты.

— Конечно, — прошептал Джэб, уже устав от расспросов и уткнувшись лицом в одеяло, — Ральф знает дорогу: ведь он уроженец Бостона!

Незнакомец повернулся к внимательно слушавшей Сесилии и наклонил голову в знак того, что он удовлетворен допросом. Сесилия поняла его и сделала движение, чтобы подойти к Эбигейл, которая в продолжение всего этого разговора сидела на ящике, и по ее мерному покачиванию, а порой и тихим стонам нетрудно было догадаться, что ее терзают мучительные чувства.

— Прежде всего я позабочусь, чтобы у вас было все необходимое, — сказала Сесилия, — а уж потом я воспользуюсь сведениями, которые мы получили от вашего сына.

— Не заботьтесь о нас! — возразила Эбигейл горьким тоном, полным покорности судьбе. — Нас уже поразил последний удар, и таким людям, как мы, следует принять его со смирением. Ни богатство, ни роскошь не смогли уберечь вашу бабушку от могилы, и, быть может, вскоре смерть сжалится и надо мной. Но что говорю я, жалкая грешница? Смогу ли я когда-нибудь заставить мое бунтующее сердце терпеливо дожидаться своего часа?

Потрясенная безысходным отчаянием женщины и вспомнив внезапно о последних минутах миссис Лечмир, таивших неясные признания в преступно прожитой жизни, Сесилия растерянно молчала. Наконец, собравшись с духом, она мягко промолвила:

— Нам, без сомнения, дозволено печься о наших земных нуждах, каковы бы ни были наши прегрешения. Пройдет надлежащий срок, и я не стану слушать ваших отказов. Пойдемте, — обратилась она к своему спутнику. Заметив, что Полуорт собирается проводить ее, она спокойным жестом остановила его и добавила: — Благодарю

вас, сэр, но со мною Меритон и этот достойный джентльмен. А у входа меня ждет моя горничная. Я не буду далее мешать вам.

Она грустно и кротко улыбнулась капитану и покинула каморку прежде, чем он успел возразить ей. Хотя Сесилия и ее спутник выведали у Джэба все, что хотелось узнать Полуорту, он некоторое время мешкал и не уходил, но вскоре заметил, что ни мать, ни сын не обращают на него никакого внимания. Мать, поглощенная своим горем, сидела, как и прежде, склонив голову на грудь; сын впал в свою обычную тупую апатию, и, если бы не его громкое, стесненное дыхание, можно было подумать, что он мертв.

Капитан на мгновение задержался взглядом на нищенской обстановке комнаты, казавшейся еще более мрачной при тусклом свете крохотного огарка, и на жалких обитателях этой комнаты, помеченных печатью болезни и лишений. Но даже и это зрелище не могло заставить его отказаться от своего намерения.

Наш лакомка, несмотря на все свои философские решения, не умел противиться некоторым соблазнам, и на этот раз искушение взяло верх над добротой. Подойдя к постели дурачка, капитан резко сказал:

— Ты должен мне признаться, куда ты девал провизию, которую дал тебе мистер Сет Седж. Я не могу спустить столь грубое нарушение долга в таком важном деле. Если ты не хочешь снова попасть в руки гренадерам восемнадцатого полка, то отвечай, и отвечай всю правду!

Джэб продолжал упорно молчать, но Эбигейл подняла голову и ответила вместо него:

— Он всегда исправно доставлял провизию майору на квартиру, как только приходил в город. Нет, нет, если бы даже мой сын пал так низко, что стал воровать, его он не обокрал бы!

— Быть может, это и верно, моя милая, но такому искушению трудно противиться в голодное время, — ответил нетерпеливо капитан, как видно нисколько не уверенный, что сам устоял бы на месте Джэба. — Но, если он все-таки принес провизию, почему он об этом не сказал мне? Он сам сознался, что вышел из американского лагеря вчера рано утром.

— Нет, нет, — сказал Джэб, — Ральф увел Джэба в субботу вечером. Джэб даже не успел пообедать.

— И ты вознаградил себя за эту потерю, уничтожив наши припасы! Такова твоя честность, малый?

— Ральф так торопился, что не стал обедать. Ральф настоящий воин, но он не знает, как приятно поесть.

— Обжора! Ненасытная утроба! Брюхо страуса! — вне себя закричал Полуорт. — Мало того, что ты меня обобрал, ты заставляешь меня своей глупой болтовней еще сильнее почувствовать мою потерю.

— Если вы и вправду подозреваете, что мой сын обворовал тех, кому он служит, — сказала Эбигейл, — то вы не знаете, ни какой у него нрав, ни как он воспитан. Я отвечу вместо него и с болью в сердце скажу вам, что вот уже много долгих тяжелых часов, как у него не было во рту и маковой росинки. Разве вы не слышите, как он жалобно стонет от голода? Бог, читающий во всех сердцах, услышит и поверит его плачу.

— Что ты говоришь, женщина? — воскликнул Полуорт, пораженный ужасом. — Не ел, говоришь ты? Почему ты не позаботилась о нем, чудовищная мать? Почему ты не разделила с ним свой обед?

Посмотрев капитану прямо в лицо страдальческими голодными глазами, Эбигейл сказала:

— Неужели я могла бы смотреть, как мое родное дитя погибает от голода? Я отдала ему последнее, что у нас было, и полученное от того, кто, знай он все, по справедливости должен был бы дать мне яду.

— Нэб не знает, что Джэб нашел возле казармы кость, — слабым голосом вымолвил дурачок. — А небось и сам король не знает, как вкусны кости!

— Но где же провизия, где припасы? — почти задохнувшись от гнева, закричал Полуорт. — Болван, что ты сделал с провизией?

— Джэб знал, что гренадеры не найдут ее под кучей пакли, — сказал дурачок, приподнявшись и с ликующим видом указывая на свой тайник. — Когда майор Линкольн вернется, может быть, он даст Нэб и Джэбу обглодать косточки.

Едва Полуорт услышал, где спрятана драгоценная провизия, как с нетерпением одержимого вытащил ее из тайника. Он задыхался, перебирая припасы дрожащей рукой, и каждая черточка его честного лица выражала необыкновенное возбуждение. Он все время бормотал:

— Как можно ничего не есть! Погибать от истощения! — и другие отрывочные фразы, достаточно ясно выражающие его мысли. Когда все было аккуратно разложено на столе, он закричал во все горло: — Ширфлинт! Негодяй! Ширфлинт, куда ты запропастился?

Нерадивый слуга знал, как опасно не сразу отозваться на призыв, произнесенный таким тоном, и хозяину не пришлось еще раз его повторять: Ширфлинт вырос в дверях каморки, всем своим видом выказывая глубочайшее внимание.

— Разведи огонь в очаге! Ты, принц лодырей! — продолжал Полуорт так же возбужденно. — Вот пища, а вот голодные! Хвала богу, что мне дано познакомить их друг с другом. Брось сюда паклю — разведи огонь, да поживее!

Так как эти быстрые приказания сопровождались красноречивой жестикуляцией, то слуга, знавший характер своего господина, не стал медлить. Он бросил в пустой, унылый очаг пропитанную дегтем охапку пакли, поднес к ней зажженную свечу, и пламя сразу вспыхнуло. Гудение очага и яркий свет привлекли внимание матери и сына, и они с удивлением стали глядеть на то, что происходило перед ними. Полуорт, отбросив свою палку, начал нарезать ломтиками окорок; ловкость, с которой он орудовал ножом, говорила о большом опыте, а также делала честь его доброму сердцу.

— Принеси дров и подай-ка мне этот прут, который выдает себя за вертел! И приготовь углей, углей, каналья! — время от времени рявкал капитан. — Да простит мне бог, что я желал зла тому, кто терпит самые ужасные муки на свете! Да ты слышишь или нет, Ширфлинт? Принеси еще дров! Мне нужен хороший огонь.

— Это невозможно, сударь, — испуганно ответил слуга. — Я уже подобрал здесь все, дрова слишком дороги в Бостоне, чтобы валяться на улице.

— Где ты держишь свое топливо? — спросил капитан у Эбигейл, не замечая, что он говорит с нею так же резко, как и со своим лакеем. — У меня уже все приготовлено.

— Больше у нас ничего нет! — сказала Эбигейл скорбным голосом. — Божья кара постигла не только меня!

— Ни дров, ни еды! — с ужасом проговорил Полуорт, а затем, утерев глаза, крикнул грубым голосом, чтобы скрыть свое волнение: — Ширфлинт, негодяй, подойди поближе — отвяжи мою ногу!

Слуга с изумлением посмотрел на него, но, заметив нетерпеливый жест хозяина, тотчас повиновался.

— Расколи ее на мелкие куски. Дерево сухое — разом вспыхнет. Даже лучшая из них — я имею в виду ноги из плоти, — собственно говоря, не так уж полезна. Повару необходимы руки, глаза, нос, нёбо, а ноги ему ни к чему.

Говоря так, философ-капитан с невозмутимым видом уселся у очага и с помощью Ширфлинта мог уже вскоре приступить к кулинарному священнодействию.

— Есть люди, — без умолку болтал Полуорт, не забывая, однако, о стряпне, — которые едят два раза в день; есть и такие, которые едят только один раз в день. Но я никогда не встречал людей с отличным здоровьем, которые не поддерживали бы свои телесные силы аккуратным приемом питательной пищи четыре раза в день. Эти осады — проклятье человечества, и надо придумать, как на войне обходиться без них. Если солдат голодает, он становится вялым и меланхоличным; накормите его, и тогда сам черт ему не брат! Не так ли, мой милый? Ты любишь окорок сочный или хорошо поджаренный?

Вкусный запах жаркого заставил страдальца приподняться, и он жадными глазами следил за каждым движением своего неожиданного благодетеля. Пересохшие губы Джэба нетерпеливо шевелились, и каждый взгляд его потускневших глаз говорил о том, как сильна власть голода над его слабым рассудком. На вопрос капитана он ответил просто и трогательно:

— Джэб неразборчив в еде!

— Так же, как и я, — подхватил педантичный гурман, переворачивая на огне кусок мяса, который Джэб уже пожирал в своем воображении, — но, несмотря на спешку, надо делать все по порядку, чтобы получилось хорошо. Еще разок перевернем, и это мясо будет достойно хоть принца. Ширфлинт, принеси вот тот черепок — когда аппетит так велик, можно обойтись и без изящной посуды... Осторожней, болван! Эдак ты погубишь всю подливку! Ах, какой чудесный запах!.. Иди сюда, помоги мне добраться до постели больного!

— Пусть господь, который читает каждую добрую мысль в душах своих созданий, благословит и наградит вас за эту заботу о моем бедном сыночке! — воскликнула Эбигейл в порыве благодарности. — Но не повредит ли ему такая плотная еда, его ведь сильно лихорадит.

— А чем же другим его лечить? Он и заболел-то от недостатка пищи. Пустой желудок все равно что пустой карман — добыча дьявола. Пусть лекаришки болтают о пользе диеты. Голод сам по себе — болезнь, и вряд ли найдется разумный человек, который согласится слушать их дурацкие теории о целительных свойствах пустого желудка. Пища поддерживает жизнь — она подобна костылю для искалеченного человека. Ширфлинт, поищи в золе железные части от моей ноги... Да поджарь еще кусочек мяса для этой бедной женщины. Ешь, мой милый мальчик, ешь, — продолжал он и потирал руки от истинного удовольствия, глядя, с какой жадностью изголодавшийся Джэб набросился на предложенное ему угощение. — Вторая радость в жизни — это смотреть, как голодный человек наслаждается едой. Ну, а первая радость — есть самому — еще глубже сидит в человеке. У этого окорока славный аромат настоящей виргинской ветчины! Найдика еще какой-нибудь черепок, Ширфлинт! Приближается

время, когда я обычно ужинаю. Редко бывает, чтобы человек получал два таких удовольствия сразу!

Полуорт умолк, только когда Ширфлинт подал ему жаркое, и, если бы посторонний наблюдатель мог заглянуть в старый пакгауз, куда капитан недавно вошел с такими жестокими намерениями, он увидел бы удивительное зрелище: офицер английской армии дружески разделял трапезу с нищими обитателями грязной лачуги!

Глава XXVIII

Прошу вас, Турио, оставьте нас на время,
Нам нужно кой о чем поговорить.

Шекспир, «Два веронца»

В то время как на Портовой площади бушевала разнузданная толпа, в стенах величественного здания, расположенного на примыкающей к этой площади улице, можно было наблюдать совсем иную картину. Окна губернаторского дворца, как обычно в этот вечерний час, сияли огнями, словно поддразнивая погруженную в темноту соседнюю мрачную церковь, а вокруг великолепной резиденции представителя королевской власти расхаживали часовые. В этот дворец необходимо сейчас перенестись и нам, чтобы не утерять нить нашего бесхитростного повествования.

Лакеи в богатых ливреях военного покроя торопливо скользили из комнаты в комнату: одни вносили графины с тончайшими винами в зал, где Хау давал банкет своим офицерам, другие выносили остатки с пиршественного стола, хотя и пышно сервированного, но из-за осады больше услаждавшего глаз, чем аппетит гостей. Нижние чины праздно слонялись по прихожим, и многие с тоской поглядывали в ту сторону, откуда тянуло вкусными запахами и откуда челядь уносила недоеденные кушанья, чтобы припрятать их где-нибудь для себя. Несмотря на спешку, слуги двигались, как по команде, — молча и согласованно, что служило наглядным примером несомненных преимуществ воинской дисциплины.

В зале, который, как магнит, притягивал взоры слуг, готовых исполнять малейшее желание гостей, было светло

и уютно. В камине пылал яркий огонь; пол был покрыт огромными пушистыми коврами; окна почти целиком скрывались за узорчатыми шелковыми гардинами, падавшими широкими складками. Убранство комнаты носило отпечаток изысканного комфорта и вместе с тем какого-то небрежного изящества. Даже самая мелкая принадлежность обстановки была вывезена из далекой страны, за которой тогда утвердилось исключительное право на поставку изделий искусных мастеров для тех, кто в тяжелые минуты испытаний забывал об удобствах, но во время досуга любил потешить себя роскошью.

Посреди этой приветливой комнаты стоял стол, гостеприимно уставленный яствами. Он был окружен военными чинами самого высокого ранга; среди парадных мундиров мелькали и штатские костюмы местных жителей, по смущенным лицам которых было видно, что их вера в несокрушимое могущество английской короны уже начала колебаться. Наместник короля занимал обычное хозяйское место и с искренним солдатским радушием, сиявшим на его смуглом лице, предлагал вниманию гостей ту или иную бутылку из обширной коллекции лучших европейских вин, украшавших его стол.

— Господа, — воскликнул он, — хоть вы и приглашены к столу британского генерала, но угощение у нас скудное. Впрочем, британский солдат найдет здесь достаточно вина, чтобы выпить за своего короля. Наливайте бокалы, господа, наливайте полнее! Не забудем своего долга верноподданных!

Все бокалы до краев наполнились искристым вином, и после короткой торжественной паузы хозяин дома произнес магические слова: «За здоровье короля!» Гости дружно подхватили этот тост, и на минуту воцарилась тишина. Первым ее нарушил старый вояка в адмиральском мундире: размахивая бокалом, осушенным в знак верности королю, он растроганным голосом добавил:

— Да благословит его бог!

— Да благословит его бог, — повторил за ним красивый военачальник, чье имя уже не раз появлялось на страницах этой книги, — и пошлет ему побольше верных слуг, которые выполняют свой долг не только за бутылкой вина.

— Хотя я командую флотом его величества в здешних водах, — подхватил Грейвс, — но и в наших судовых жур-

налах будет отмечен как праздник тот день, когда вы, господа сухопутное начальство, призовете нас вновь к исполнению наших обязанностей в открытом море. Моряк утомляется от безделья так же, как солдат от работы. Я ведь «любитель простора» и останусь им даже в гробу. Ха-ха-ха! Что вы думаете об этом, господин шутник? Ха-ха-ха! Что вы на это скажете?

— Превосходно, адмирал, очень метко, хоть и язвительно, а мне поделом, — с невозмутимой улыбкой ответил генерал, потягивая вино. — Однако, если вам так наскучили бездействие и покой, я бы посоветовал вам захватить в плен несколько наглых янки — они слишком часто заглядывают в порт и не только перехватывают наше продовольствие, но и оскорбляют взоры верноподданных своим гнусным присутствием.

— Я приказываю дать сигнал о вступлении в переговоры, — перебил главнокомандующий, — и заключить перемирие. Там, где люди исполняют свой долг, и исполняют его хорошо, даже само остроумие должно почтительно умолкнуть. Мистер Грейвс, советую вам измерить глубину этой запыленной бутылки. Я думаю, что вы найдете в ней хорошую якорную стоянку на эту ночь.

Старый моряк тотчас же утопил свою досаду в стакане благородного вина и, причмокнув губами, незамедлительно налил себе второй.

— Право, — воскликнул он, — вы ведете слишком неподвижный образ жизни, чтобы выдерживать ваши вина как следует. Вину нельзя давать отстояться прежде, чем оно не покачается несколько месяцев на морских волнах. Потом можете оставить его в покое, а сами прилечь рядом и подремать, если вам это нравится.

— Епископ не мог бы дать лучшего совета своему дворецкому, как поступить, чтобы вино созрело! — воскликнул шутник, но еще один выразительный взгляд главнокомандующего заставил Бергойна прекратить свои вольные шутки.

Воспользовавшись наступившим молчанием, Хау заметил с радушным видом доброго хозяина:

— Так как мы пока обречены на неподвижный образ жизни, единственное средство, которое я могу предложить, чтобы мое вино не отстоялось прежде времени, — это выпить его.

— К тому же нам грозит визит мистера Вашингтона и его томимых жаждой сподвижников, которые могут избавить нас от этого труда, если мы сами не будем достаточно энергичны. Во избежание этого мистер Грейвс не откажется выпить со мною, хотя бы для того, чтобы обмануть ожидания мятежников, — добавил Бергойн, изящно поклонившись все еще обиженному адмиралу.

— Ну, я готов сделать что-нибудь гораздо более неприятное, лишь бы оставить мятежников с носом, — ответил, смягчившись, адмирал и добродушно закивал головой, перед тем как осушить бокал. — Но, если действительно существует такая опасность, перевезите вино на мой корабль, и я найду для него место, хотя бы в своей собственной каюте. Уверяю вас, что ни янки, ни французы, ни испанцы не отважатся осадить крепость, которой я командую.

На лицах у генералов появилось серьезное выражение; некоторые многозначительно переглянулись, но никто не нарушил молчания, словно то, о чем все подумали, было предметом слишком деликатным, чтобы о нем говорить вслух в присутствии главнокомандующего.

Наконец Клинтон, который все еще был в немилости у Хау и до сих пор не принимал участия в общей беседе, решился вставить и свое замечание — со сдержанностью человека, не уверенного в том, как будут приняты его слова.

— Наши враги все больше смелеют, по мере того как становится теплее, — вымолвил он. — Летом они, без сомнения, доставят нам немало хлопот. Нельзя отрицать, что все их батареи стреляют метко, особенно та, которую они поставили на берегу. Я даже побаиваюсь, как бы они не захватили острова, тогда положение нашего флота станет опасным.

— Захватили острова! Прогнать наш флот с его стоянки! — закричал старый моряк с нескрываемым изумлением. — Счастливым будет для Англии тот день, когда Вашингтон со своим сбродом подойдет к нам на расстояние пушечного выстрела!

— Дал бы господь нам возможность встретиться с этими негодяями в открытом поле, — воскликнул Хау, — тогда мы бы покинули наши зимние квартиры. Я говорю — зимние квартиры, потому что, надеюсь, никто из вас, господа, не рассматривает эту банду вооруженных мужиков

как осаждающую нас армию. Мы занимаем город, они — окрестности, но когда придет срок... Ну, в чем дело, любезный? — прервав свою речь, спросил он у лакея, который уже несколько минут стоял за его стулом, почтительно ожидая, когда на него обратят внимание.

Слуга начал что-то тихо и быстро докладывать, видимо не желая быть услышанным присутствующими и в то же время испытывая неловкость от того, что ему приходится говорить шепотом. Почти все из вежливости отвернулись, но старик адмирал, сидевший слишком близко, уловил слово «дама», и после столь обильных возлияний оно чрезвычайно его развеселило. Громко ударив рукой по столу, он крикнул с развязностью, на которую, кроме него, никто из гостей Хау никогда не решился бы:

— Парус! Парус! Ах, черт побери! Под каким флагом идет этот корабль, дружище? Под королевским или мятежным? Вот так недоразумение! Или повар запоздал с ужином, или дама слишком рано пришла. Ха-ха-ха! А вы живете в свое удовольствие, господа сухопутные генералы!

Придя в восхищение от этого открытия, старый морской волк от души расхохотался, чрезвычайно довольный своим остроумием. Однако никто не разделял его веселья: все делали вид, что не понимают его намеков, хотя некоторые и обменивались украдкой с соседями насмешливыми взглядами. С явной досадой, закусив губу, Хау строго приказал слуге громко повторить свои слова.

— Одна дама, — дрожащим голосом сказал слуга, — хочет видеть ваше превосходительство. Она дожидается этой чести в библиотеке, сударь.

— Вот как, среди книг! — загремел адмирал. — Это скорее подошло бы вам, господин острослов! А скажи мне, приятель, эта особа молода? И хороша собой?

— Если судить по ее легкой походке, сударь, — ответил слуга, — то она очень молода. Но лицо ее скрыто капюшоном.

— Негоднице и надлежит приходить в дом короля, опустив капюшон на лицо! Будь я проклят, Хау, но скромность — редкая добродетель среди сухопутных офицеров.

— О, конечно, даже сам слуга заметил, что эта особа ходит чрезвычайно легко, — с улыбкой сказал Бергойн, делая движение, чтобы подняться со стула. — Вероятно, она пришла просить вспомоществования или раз-

решения выехать из города. Позвольте мне переговорить с ней и избавить вас от неприятной необходимости ей отказать.

— Ни в коем случае! — ответил Хау, с живостью вставая с места. — Я был бы недостоин занимаемого мною поста, если бы отказывался принимать просителей. Господа, поскольку дело касается дамы, я позволю себе злоупотребить вашей снисходительностью. Адмирал, я предлагаю вам услуги моего дворецкого, он славный малый и сумеет описать вам подробно, какое плавание совершила эта бутылка с той минуты, как она покинула остров Мадейру.

Хау поклонился гостям и вышел с несколько излишней поспешностью.

Когда он проходил по коридору, до его ушей донесся новый взрыв смеха простодушного адмирала, который, однако, смеялся один: все остальное общество с благовоспитанной сдержанностью обратилось к другим темам разговора.

Войдя в библиотеку, Хау оказался наедине с женщиной, занимавшей в эту минуту мысли и воображение всех его гостей, несмотря на их притворное безразличие. Со свободой и непринужденностью военного, не знающего над собой власти, он вышел на средину комнаты и с подчеркнутой, хотя и несколько двусмысленной любезностью спросил:

— Чему я обязан удовольствием видеть вас у себя? И почему дама, у которой, судя по ее виду, должно быть немало друзей, взяла на себя труд сама посетить меня?

— Потому что я молю о милости, в которой может быть отказано тому, кто будет просить недостаточно горячо, — прозвучал из-под складок капюшона нежный, трепещущий голос. — Дело мое не терпит отлагательств, а просить об аудиенции значило бы терять драгоценное время, и я взяла на себя смелость явиться к вам сама.

— И вам, сударыня, разумеется, нечего опасаться отказа, — ответил Хау с галантностью, которая более приличествовала бы генералу, предлагавшему заменить его. Приблизившись еще на шаг к незнакомке, Хау сказал, указывая на ее капюшон: — Разве не было бы уместно призвать на помощь ваши глаза? Они смогут, я в этом уверен, сказать больше, чем слова. Кого я имею честь принимать? И какого рода ваше дело?

— Перед вами жена, разыскивающая своего мужа, —

ответила та, откинув капюшон, и пристальному взгляду Хау открылось нежное личико Сесилии.

Эти слова были исторгнуты у нее бесцеремонностью, с какой разглядывал ее генерал, но едва она произнесла их, как в смущении потупилась и густо покраснела, сохраняя, однако, внешнее спокойствие. Генерал посмотрел на нее с восхищением, хотя и с некоторым недоумением.

— Тот, кого вы ищете, находится в городе или вне его? — спросил он.

— Боюсь, что не в городе.

— И вы желаете последовать за ним в лагерь мятежников? Это вопрос, требующий размышления. Я вижу, что говорю с дамой необычайной красоты, но дозволено ли мне спросить, как я должен вас величать?

— У меня нет причин краснеть за свое имя, — ответила Сесилия. — В стране наших общих предков оно слывет благородным, и, быть может, мистер Хау слышал его: я дочь покойного полковника Дайнвора.

— Племянница лорда Кардонелла! — в изумлении воскликнул ее собеседник, и некоторая вольность его обращения тотчас сменилась почтительностью. — Я давно знаю, что вы живете в Бостоне, как знаю и то, что вы прячетесь от нас, словно принадлежите к нашим злейшим врагам, — прячетесь от внимания, которое каждый офицер нашего гарнизона был бы счастлив вам оказать, начиная от меня самого и кончая самым юным прапорщиком. Прошу вас, садитесь!

Сесилия поклонилась в знак признательности, но продолжала стоять.

— Недостаток времени и снедающая меня тревога не позволяют мне защищаться от подобных обвинений, — возразила она. — Но если мало одного моего имени, чтобы получить от вас милость, которой я добиваюсь, то я должна просить о ней от имени того, кого я разыскиваю.

— Будь он даже самый закоренелый мятежник из свиты Вашингтона, у него есть все основания быть довольным своей судьбой.

— Он не только не враг короля, но уже не раз проливал свою кровь за него, — ответила Сесилия и в смущении невольно опустила на лицо капюшон, так как понимала, что приближается минута, когда ей придется назвать имя человека, с которым она связала себя нерасторжимыми узами.

— И его зовут?

На этот прямой вопрос ответ был дан тихим, но твердым голосом. Хау вздрогнул, услышав хорошо знакомое ему имя офицера, пользующегося таким большим уважением в армии. Однако на его смуглом лице появилась многозначительная улыбка, когда он с удивлением повторил ее слова:

— Майор Линкольн! Теперь я понимаю, почему он отказался вернуться в Европу для поправки своего здоровья! Так он не в городе, вы говорите? Быть того не может! Очевидно, здесь какая-то ошибка.

— Боюсь, что это правда.

Лицо главнокомандующего снова приняло свое обычное жесткое выражение, и было видно, что известие это его встревожило.

— Ваш муж злоупотребил своими привилегиями, —

пробормотал он другим тоном. — Вы говорите, сударыня, что он покинул город, и это без моего ведома и согласия?

— Ради достойной цели! — вскричала Сесилия, забыв обо всем в тревоге за Линкольна. — Его толкнуло семейное несчастье; при других обстоятельствах он первый осудил бы такой поступок.

Хау хранил холодное, но грозное молчание, которое казалось более страшным, чем любые слова. Сесилия минуту смотрела на гневное лицо генерала, словно хотела проникнуть в самые тайные его мысли, затем с чувствительностью женщины, поддавшись самым худшим своим опасениям, воскликнула:

— О нет, вы не воспользуетесь этим признанием во вред ему! Разве не пролил он свою кровь ради вас? Многие месяцы был он на краю могилы, потому что защищал ваше дело. А теперь вы усомнились в нем? Но, сударь, хотя случай и возраст на время поставили его под ваше начало, он во всех отношениях равен вам, и, кто бы ни попытался запятнать его беспорочное имя, он сумеет опровергнуть возведенные на него обвинения перед лицом своего государя.

— Это будет необходимо! — холодно ответил Хау.

— Не слушайте мои глупые, бессмысленные речи! — умоляла Сесилия, ломая в отчаянии руки. — Я сама не знаю, что говорю. Разве у него не было вашего позволения каждую неделю сноситься с окрестностями города?

— Да, чтобы получать провизию, необходимую для восстановления его здоровья.

— А разве он не мог сам отправиться за нею под защитой парламентерского флага? Ведь вы дали ему разрешение на это.

— Но в таком случае наша неприятная беседа была бы излишней, не так ли?

Сесилия помолчала, словно собирая все свои силы, чтобы решиться на что-то очень важное. Немного погодя она попыталась улыбнуться и вымолвила более спокойно:

— Я слишком дерзко понадеялась на снисходительность воина и имела слабость поверить, что к моей просьбе снизойдут благодаря моему имени и положению.

— Ни имя, ни положение, ни обстоятельства не могут никогда...

— Не заканчивайте эту жестокую фразу, — перебила Сесилия, — она слишком больно меня ранит! Выслушайте

сначала меня, выслушайте жену и дочь, и вы возьмете обратно ваши суровые слова!

Не дожидаясь ответа, Сесилия решительно и с гордым достоинством направилась к двери мимо своего удивленного собеседника. Отворив дверь, она сделала знак незнакомцу, который сопровождал ее в пакгауз, а теперь стоял среди слуг и зевак в прихожей. Незнакомец подошел к ней, и дверь библиотеки снова закрылась за ними.

Это таинственное свидание тянулось так долго, что гости Хау совсем заждались своего хозяина. Шуточки адмирала уже начали иссякать — как раз тогда, когда его собутыльники готовы были признать, что они не лишены основания. Разговор не клеился и становился все более бессвязным и сбивчивым, как это обычно бывает, когда мысли собеседников заняты чем-то посторонним.

Наконец раздался звонок, и главнокомандующий приказал освободить прихожую от любопытной и праздной публики. Когда там остались только слуги, Хау вышел из библиотеки под руку с закутанной в плащ Сесилией и проводил ее до ворот, где поджидала карета. Почтительность, с которой генерал вел свою спутницу, словно передалась слугам, поспешно распахнувшим перед ними дверь. Часовые с обычной молодцеватостью взяли на караул, когда он, оказывая незнакомке честь, проводил ее до самых ворот, и все, кто был свидетелем этой сцены, с удивлением переглядывались, словно желая узнать друг у друга объяснение этого загадочного визита.

Когда Хау снова занял свое место за столом, адмирал сделал попытку продолжать свои шутки; однако холодный вид и суровый взгляд генерала отняли охоту смеяться даже у грубоватого сына океана.

Глава XXIX

Ни грозный клич, ни песнь певца
Не помогали им идти.

Вальтер Скотт

Прежде чем покинуть дом на Тремонт-стрит, чтобы воспользоваться разрешением, полученным ею от английского генерала, и выехать из города, Сесилия решила

подождать, пока совсем не стемнеет. Впрочем, когда она простилась с Агнесой и отправилась в путь в сопровождении Меритона и незнакомца, много раз упоминавшегося на страницах нашей книги, было еще не слишком поздно. Вблизи порта Сесилия вышла из кареты и, пройдя пешком по извилистым уединенным улицам, скоро оказалась на берегу.

Пристань в этот час была пустынна и безмолвна. Ведя за собой своих спутников, Сесилия легкой и быстрой походкой шла впереди, уверенно ступая по грубым дощатым мосткам. Вдруг перед ней открылась полоса воды между двумя причалами. Сесилия остановилась, на мгновение усомнившись, туда ли она идет. Но тут какой-то молодой человек, прятавшийся в тени давно опустевшего склада, пошел ей навстречу.

— Боюсь, что вы заблудились, — сказал он, приблизившись к ней на несколько шагов и пытливо вглядываясь в ее спутника. — Позвольте узнать, кого вы ищете и что привело вас сюда?

— Я ищу человека, который прислан сюда с поручением от командующего войсками.

— Но я вижу только двоих, — нерешительно заметил юноша. — А где же третий?

— Третий идет сзади. — И Сесилия указала на Меритона, который пробирался по мосткам с гораздо большей опаской, чем его госпожа.

— Тысячу раз прошу извинить меня, — ответил юноша, почтительно приподнимая шляпу, и из-под его матросского плаща показался мундир морского офицера, — но мне приказано соблюдать величайшую осторожность, сударыня, — мятежники сегодня, как вы слышите, не собираются дремать.

— Здесь, конечно, очень опасно, сударь, и чем скорее вам удастся переправить нас, тем больше я буду вам благодарна.

Молодой моряк поклонился в знак согласия и пригласил всех троих следовать за ним. Через несколько минут они спустились по двум ступенькам к воде, где, укрытая в тени причала, скрывалась шлюпка, дожидавшаяся своих пассажиров.

— За дело, ребята! — властно скомандовал юноша. — Гребите без шума, чтобы вас никто не услышал. Извольте войти в лодку, сударыня, и какой бы прием ни ожидал

вас у мятежников, на тот берег вас доставят быстро и в полной сохранности.

Сесилия и ее спутники не заставили себя долго просить, и шлюпка понеслась по воде с такой быстротой, что, казалось, обещание мичмана должно было очень скоро исполниться. Все молчали, и, когда наши путешественники отплыли немного от берега, Сесилия, позабыв о трудностях своего положения, залюбовалась открывшейся перед ней панорамой. Как это часто бывает в нашем капризном климате, погода внезапно изменилась, и вечер стал мягким и приятным. Яркая луна освещала город и порт, и в ее тихом сиянии все предметы вырисовывались с необычайной отчетливостью. Огромные темные корпуса военных кораблей, словно спящие чудовища, угрюмо покоились на воде, и только одна-единственная лодка, в которой сидели наши герои, оживляла пейзаж, скользя по бухте.

Там, откуда они отплыли, вздымались холмы Бостона, красиво выделяясь на фоне ясного неба, а кое-где в нежном свете луны выступали колокольни и крыши. Город затих, словно все жители спали глубоким сном. Однако на другой стороне, на всем пространстве от укрепленных высот Чарлстона и до перешейка, все говорило о жестокой войне.

Вот уже несколько ночей, как американцы яростнее, чем когда-либо, атаковали противника, но сейчас они, казалось, собрали против него все свои силы. Однако они щадили город и направляли огонь на батареи, защищавшие подступы к полуострову с запада.

Уши Сесилии уже давно свыклись с грохотом пушек, но лишь сегодня она впервые увидала величественную и вместе с тем устрашающую картину ночного боя. Она откинула капюшон, отбросила темные пряди со лба и, наклонившись над бортом шлюпки и на мгновение забыв обо всем, с напряженным вниманием слушала артиллерийские залпы и глядела на яркие вспышки огня, затмевавшие матовое сияние ночного светила. Матросы гребли завернутыми в тряпки веслами, и шлюпка двигалась так тихо, что временами можно было расслышать стук ядра, катящегося по камням.

— Меня удивляет, сударыня, — сказал Меритон, — почему столько английских генералов и других достойных джентльменов в Бостоне так упорно держатся за этот маленький полуостров и дают обстреливать себя кучке мужи-

ков, в то время как они могли бы жить в Лондоне, где сейчас спокойно и тихо, как на деревенском кладбище в полночь.

Это замечание вывело Сесилию из задумчивости, и, подняв глаза, она заметила, что юный моряк любуется ею с нескрываемым восхищением. Покраснев, она ниже надвинула капюшон на лицо и молча отвернулась в сторону.

— Мятежники сегодня не жалеют пороху, — сказал мичман. — Им, наверно, удалось захватить какое-нибудь наше грузовое судно, а то бы мистер Вашингтон не поднял такой шум в часы, когда добрые люди спокойно спят в своих постелях. Не думается ли вам, сударыня, что, если бы адмирал ввел три или четыре наших самых больших корабля в устье реки, можно было бы легко сбить спесь с этих янки?

— Я так плохо разбираюсь в военном искусстве, сударь, — ответила Сесилия, невольно улыбнувшись, несмотря на свою тревогу, — что мое мнение, даже если бы я и решилась его высказать, вряд ли могло бы иметь какое-нибудь значение.

— Как же это так, сударь? — спросил Меритон. — Я своими глазами видел, как в позапрошлую ночь мятежники прогнали шлюп с реки, и прогнали очень ловко, могу сказать: я наблюдал за всем этим делом, стоя за большой грудой кирпича.

— Без сомнения, для вас это самое подходящее место, — заметил мичман, даже не пытаясь скрыть раздражение, вызванное таким наглым вмешательством в разговор. — А вы знаете, что такое шлюп, сударыня? Маленькое суденышко с несколькими тяжелыми пушками. Уверяю вас, это совсем не то, что корвет или двухпалубный фрегат. Обратите внимание, например, как прекрасен корабль, на котором я служу, — я уверен, что такая красавица, как вы, не может не восхититься его красотой. Он стоит вон там, прямо за вторым островом.

Чтобы оказать любезность восторженному юноше, Сесилия повернула голову в ту сторону, куда он указывал, и пробормотала несколько одобрительных слов. Но он внимательно следил за направлением ее взгляда и, явно раздосадованный, нетерпеливо перебил ее:

— Да вы же смотрите на эту бесформенную лохань у форта! Ее когда-то захватили у голландцев — эта дряхлая

старушка постарше моей бабушки. У нее не разберешь, где нос, где корма. Мой школьный товарищ Джек Уиллоуби служит на ней, так он говорит, что она в самую лучшую погоду при попутном ветре делает не больше шести узлов, а в сторону ее сносит на семь. Джек уйдет с нее, как только ему удастся взять адмирала на абордаж. Ведь Грейвс и Уиллоуби в Англии — соседи, и Джек знает все слабые струнки старика. Да, да, сударыня, Джек отдал бы все, что звенит у него в кармане, лишь бы ему позволили подвесить свою койку между двумя балками на нашем судне. Прошу извинить меня. — И, почтительно взяв Сесилию за руку, он указал на свой любимый корабль. — Вот теперь правильно, сударыня, вы смотрите прямо на него: вон тот, с прекрасной оснасткой, с составным бушпритом, со спущенными брам-реями! Мы опускаем их каждый вечер по пушечному выстрелу и поднимаем утром, когда бьют восемь склянок. Разве он не прекрасен, сударыня? Я вижу, что наш корабль в конце концов очаровал вас, и уверен, что после него вы не захотите смотреть ни на одно судно в этом порту.

Сесилии не хотелось огорчать его, и она произнесла несколько похвальных слов кораблю, хотя через минуту вряд ли сумела бы отличить этот великолепный фрегат от презренной голландской лохани.

— Да, да, сударыня, — продолжал с увлечением мичман, — я знал, что он понравится вам, когда вы разглядите, какие у него красивые пропорции. И все-таки он и наполовину не так хорош на якорной стоянке, а вот посмотрели бы вы, когда он летит по волнам, особенно если стоять на носу... Греби реже, тяни сильнее, ребята, но касайтесь воды тихонько: у янки уши длинные, как у ослов, а мы приближаемся к берегу. Нам придется высадиться на Дорчестерском перешейке, откуда до Кембриджа не так уж близко, но сегодня вечером в другом месте пристать невозможно. Как вы видите, нам пришлось бы идти прямо под пушки мятежников.

— Не правда ли, странно, — сказала Сесилия, поддерживая разговор из благодарности к юноше, старавшемуся развлечь ее, — что колонисты, обложив город с севера и запада, даже и не подумали осадить его с южной стороны. Ведь, если не ошибаюсь, они даже не пробовали захватить холмы Дорчестера, а между тем это наиболее близкий к Бостону мыс.

— Тут нет ничего удивительного, — ответил мичман, покачивая головой с проницательным видом старого вояки, — это было бы для них другим Банкер-Хиллом. Потому что, видите ли, Дорчестер на юге — все равно что Чарлстонский перешеек на севере... Легче гребите, ребята, легче гребите, — продолжал он вполголоса, так как они приближались к берегу. — Кроме того, сударыня, батарея, расположенная на этом холме, может обстрелять наши корабли, а старик этого не потерпит: тогда надо будет или вступать в бой по всем правилам, или же уводить флот, а что станется тогда с армией? Нет, нет, янки никогда не рискнут прогнать треску из своей бухты, сделав такую попытку... Суши весла, ребята, а я погляжу, не пристал ли здесь где-нибудь братец Джонатан.

Матросы повиновались, и их юный начальник встал в лодке во весь рост и направил ночную подзорную трубу туда, где он намеревался пристать. Он остался вполне доволен осмотром и, понизив из предосторожности голос, велел матросам причалить к тому месту, где можно было укрыться в тени холмов.

С этой минуты все соблюдали полное молчание; лодка приближалась к желанной цели быстро и точно, затем ход ее замедлился, она коснулась килем дна и скоро совсем остановилась. Мичман помог Сесилии сойти на берег, затем сам легко спрыгнул на землю.

— Надеюсь, люди, с которыми вы встретитесь, будут с вами так же почтительны, как и те, кого вы сейчас покидаете, — сказал он, подойдя к Сесилии и протягивая ей руку с простотой бывалого моряка. — Да хранит вас бог, сударыня. У меня дома остались сестренки, почти такие же красивые, как вы, и когда я вижу женщину, нуждающуюся в помощи, то вспоминаю моих бедных девочек. Да хранит вас бог, и я надеюсь, что, когда мы снова встретимся, вы поближе познакомитесь...

— Вы не так уж скоро расстанетесь, как воображаете, — воскликнул какой-то человек, выпрыгнув из-за скалы, за которой он прятался. — Если вы окажете хоть малейшее сопротивление, то будете убиты!

— Отчаливайте, ребята, отчаливайте, и не думайте обо мне! — крикнул юноша с замечательным присутствием духа. — Любой ценой спасите шлюпку!

Матросы повиновались с привычной быстротой, а он с легкостью молодости кинулся вслед за ними и, сделав

отчаянный прыжок, схватился за корму, и его сразу втащили в шлюпку. В ту же минуту на берег выбежало человек двенадцать — все вооруженные ружьями, которые они тотчас же навели на беглецов. Но тот, кто выскочил первым, крикнул:

— Не стреляйте! Он сумел спастись — его́ счастье, и он его заслужил. Захватим тех, кто остался здесь. А если раздастся хоть один выстрел, это привлечет к нам внимание флота и форта.

Его товарищи, которые до этого действовали нерешительно, словно были не уверены, правильно ли они поступают, охотно опустили ружья, а шлюпка тем временем, рассекая волны, мчалась по направлению к хваленому фрегату и была уже на таком расстоянии, что пули все равно не причинили бы ей вреда. В эти краткие мгновения неизвестности Сесилия едва дышала, когда же непосредственная опасность миновала, она повернулась к взявшим ее в плен с тем глубоким доверием, какое американка, убежденная в доброте и порядочности своих соотечественников, обычно к ним питает. Все они были одеты в обычную крестьянскую одежду, хотя в их облике было и что-то солдатское. Вооруженные лишь ружьями, они, видимо, умели с ними обращаться, но им недоставало той военной выправки, которую дает служба в регулярных войсках.

Меритон, увидев, что их так неожиданно окружили, от испуга задрожал всем телом, и даже сопровождавший Сесилию незнакомец тоже, казалось, струхнул. Одна Сесилия сохраняла самообладание — в силу ли принятого ею решения, или потому, что хорошо знала нравы людей, в руки которых попала.

Американцы остановились в нескольких шагах от своих пленников, поставили ружья прикладами на землю и терпеливо слушали, как допрашивает пленных их начальник, отличавшийся от своих товарищей лишь зеленой кокардой на шляпе (Сесилия слышала, что в американской армии это отличительный знак прапорщика).

— Мне очень неприятно докучать расспросами женщине, — обратившись к Сесилии, сказал он спокойным, но решительным тоном, — особенно подобной вам, но этого требует мой долг. Что привело вас в шлюпке королевского корабля на этот пу́стынный берег, да еще в такой поздний час?

— Я не собираюсь ни от кого таиться, — ответила Сесилия, — и прежде всего прошу отвести меня к кому-нибудь из ваших командиров, чтобы объяснить цель моего приезда. Я знаю многих из них, и, думаю, они поверят моим словам.

— Никто из нас не сомневается в вашей правдивости, но обстоятельства требуют от нас осторожности. Однако разве вы не можете объяснить мне, в чем заключается ваше дело? Я не люблю доставлять лишние неприятности женщинам.

— Это невозможно! — воскликнула Сесилия и невольно поплотнее закуталась в плащ.

— Вы явились сюда в самое неблагоприятное время, — сказал офицер задумчиво, — и боюсь, что вам предстоит беспокойная ночь. Вы американка, как я полагаю по вашему выговору?

— Я родилась под одной из крыш, которые вы видите на том полуострове.

— В таком случае, мы с вами земляки, — сказал офицер, отступая немного назад в тщетной надежде разглядеть лицо, спрятанное под капюшоном, однако не сделал ни малейшей попытки заставить Сесилию откинуть капюшон и, отвернувшись, сказал: — Мне тяжко смотреть на дым родных труб и знать, что чужеземцы сидят у наших очагов!

— Я тоже от всего сердца желаю, чтобы скорее пришло время, когда каждый будет мирно наслаждаться тем, что принадлежит ему по праву.

— Пусть парламент отменит свои законы, а король отзовет свои войска, — вмешался в разговор один из солдат, — и война будет сразу закончена. Мы воюем не потому, что любим проливать кровь.

— Король сделал бы и то и другое, любезный, если бы мой смиренный совет мог достигнуть его августейшего слуха.

— Не думаю, — грубо сказал другой солдат, — что между королем и простым смертным есть какая-нибудь разница, когда они слушают советов дьявола. Нечистый может сыграть одинаково скверную штуку что с королем, что с сапожником!

— Я могу порицать поступки его министров, — холодно ответила Сесилия, — но мне неприятно, когда непочтительно говорят об особе моего государя.

— Да я ничего плохого не сказал, но только как не выложить всю правду, когда она у тебя на языке вертится.

Столь неуклюже извинившись, солдат умолк и отвернулся с видом человека, недовольного собой. Между тем начальник отряда, посовещавшись в стороне с двумя своими товарищами, снова подошел к Сесилии и сообщил ей об их общем решении:

— Принимая во внимание все обстоятельства, я решил (чтобы не уронить своего звания, он говорил от первого лица, хотя в действительности уступил настояниям своих советников) отправить вас под охраной двух солдат к одному из находящихся здесь поблизости генералов. Эти солдаты покажут вам дорогу: они хорошо знают местность, и нет ни малейшей опасности, что они собьются с пути.

Сесилия наклонила голову в знак согласия и сказала, что хочет отправиться как можно скорее. Офицер еще раз коротко переговорил о чем-то с проводниками, а потом повел остальных солдат в другую сторону. Однако, прежде чем отряд разделился, один из проводников или, вернее сказать, конвоиров подошел к Меритону и с медлительностью, которую легко можно было бы принять за нерешительность, сказал:

— Нас двое и вас двое, приятель! Чтобы не было ссор и пререканий, не мешало бы проверить, что у вас с собой. Вы, конечно, не будете спорить, что это разумно?

— Ни в коем случае, сударь, ни в коем случае! — ответил лакей, трясясь от страха и с готовностью протягивая свой кошелек. — Он не тяжел, но в нем чистое английское золото, и вам оно, наверно, придется по вкусу после ваших мятежнических бумажных денег.

— Как бы высоко мы ни ценили золото, мы не грабители, — ответил с холодным презрением солдат. — Я ищу оружие, а не деньги.

— Но, сударь, если, к несчастью, у меня нет оружия, то почему бы вам не взять деньги? Здесь десять гиней, и все полновесные, честью вас заверяю. Да и серебра есть малая толика.

— Пошли, Аллен, — сказал, смеясь, другой солдат, — неважно, есть ли у этого господина при себе оружие или нет. Во всяком случае, у его товарища оружия нет — он-то, сдается мне, лучше разбирается в этих делах. А уж с одним из них мы как-нибудь вдвоем справимся.

— Поверьте, — серьезно сказала Сесилия, — у нас самые мирные намерения, и ваша задача будет совсем не трудна.

Солдаты почтительно выслушали ее, и через несколько секунд отряд разделился: большая его часть поднялась по склону холма, а проводники Сесилии, обогнув вместе с ней его подножие, направились к перешейку. Они шли быстро и часто спрашивали Сесилию, не устала ли она, и предлагали, если она захочет, замедлить шаг. Во всех прочих отношениях они предоставили ее самой себе, не спуская, однако, настороженных, внимательных глаз с ее спутников.

— Ты, кажется, замерз, приятель, — сказал Аллен Меритону, — хотя для начала марта погода довольно мягкая.

— Да, я продрог до костей, — ответил лакей и задрожал, как бы в подтверждение своих слов. — В Америке адски холодный климат, особенно по ночам! Честное слово, я не припомню, чтобы у меня когда-нибудь так мерзла шея!

— У меня есть лишний шарф, — вытаскивая из кармана самый обыкновенный платок, сказал солдат, — закутай им себе шею. Когда я слышу, как ты стучишь зубами, меня тоже начинает трясти лихорадка.

— Очень вам благодарен, сударь, бесконечно вам благодарен! — залепетал лакей, опять поспешно доставая свой кошелек. — Сколько он стоит?

Аллен навострил уши и, опустив ружье, придвинулся к своему пленнику и самым дружелюбным тоном сказал ему:

— Я не собирался продавать эту вещь, но, коли она тебе нужна, я дорого не возьму.

— Дать вам гинею или две, мистер Мятежник? — спросил Меритон, у которого от страха помутилось в голове.

— Меня зовут Аллен, любезнейший, и у нас в колонии принято выражаться вежливо. Две гинеи за шарф! Не такой я человек, чтобы заламывать столько.

— Сколько же? Хотите полгинеи или четыре кроны?

— Я вовсе не собирался расставаться с этим шарфом, когда выходил из дому; он новехонький, ты сам можешь в этом убедиться при свете луны. А кроме того, теперь ничего ведь купить нельзя, и все эти вещи очень подорожа-

ли. Ладно, если тебе нужен шарф, я не буду торговаться, бери его за две кроны!

Меритон, не раздумывая, сунул деньги в руку солдата, и тот спрятал их в карман, весьма довольный собой и сделкой, принесшей ему триста процентов чистого барыша. Он поспешил шепнуть своему товарищу, что как будто он не дал маху, и оба, обсудив этот вопрос, пришли к заключению, что маху он действительно не дал. Со своей стороны, и Меритон, знавший не хуже своих американских покровителей, какова разница между стоимостью бумажной ткани и шелка, тоже был доволен состоявшимся торгом, хотя и по другим причинам. С ранних лет он привык считать, что всякая любезность имеет свою цену, а страх сделал его щедрым. Теперь он полагал, что обеспечил себе покровительство своей стражи, и под влиянием этой мысли все его прежние опасения рассеялись.

К тому времени, как эта сделка совершилась, и каждая сторона получила то, чего желала, они достигли перешейка. Вдруг оба конвоира остановились: наклонившись к земле, они стали с напряженным вниманием прислушиваться к отдаленным неясным звукам, которые можно было уловить в промежутках между пушечными выстрелами.

— Они идут, — сказал один солдат другому. — Пойдем вперед или подождем, пока они пройдут мимо?

Второй что-то прошептал в ответ, и после короткого совещания оба решили идти дальше. Эти переговоры и несколько слов, услышанных Сесилией, заставили ее насторожиться — впервые за все время у нее появилось смутное беспокойство при мысли о том, куда ее ведут. Думая только о достижении своей цели, она собрала все силы, чтобы не упустить из виду ничего, что могло бы повредить ее планам. Она так легко ступала по увядшей траве, что ее шагов совсем не было слышно, и не раз ей хотелось посоветовать своим спутникам следовать ее примеру, чтобы опасность не могла застигнуть их врасплох. Наконец, к своему удивлению, она отчетливо различила тяжелый стук колес по мерзлой земле, — казалось, поблизости медленно и мерно двигается бесконечная вереница грохочущих повозок. Когда спустя мгновение Сесилия увидела при свете луны, что слух ее не обманул, ее страхи несколько рассеялись, хотя она по-прежнему не понимала, в чем дело.

Конвоиры изменили свое первоначальное решение и вместе со своими пленниками свернули в сторону и остановились в тени яблони, росшей в нескольких шагах от дороги, по которой приближался обоз. Так стояли они несколько минут, внимательно наблюдая за всем происходящим вокруг.

— Наши разбудили англичан стрельбой, — сказал один солдат. — Теперь все только и смотрят, что на батареи.

— Да, сейчас палят здорово, — ответил его товарищ, — но если бы вчера не разорвалась старая медная мортира «Конгресс», шуму было бы больше. Ты видел когда-нибудь эту старую мортиру?

— Нет, ее самой я не видел, а вот как летели ее бомбы, видел раз пятьдесят. Жуткое было зрелище, особенно темной ночью. Но тсс... вот они!

В эту минуту к ним приблизился большой пеший отряд, в полном молчании проследовал мимо них и, обогнув подножие холма, направился к берегу. Эти солдаты были одеты и снаряжены почти так же, как те, что задержали Сесилию. Два-три всадника, судя по мундирам, были офицерами в довольно высоких чинах. Следом за отрядом ехало множество повозок, которые свернули на дорогу, ведущую вверх по склону холма. За ними появился новый отряд, гораздо более многочисленный, чем первый, но шагавший в таком же сосредоточенном молчании, словно ему предстояло важнейшее дело. Шествие замыкала новая вереница возов, нагруженных связками сена и другими материалами для постройки полевых укреплений.

Не успел второй отряд покинуть перешеек, как с возов на землю тотчас посыпались туго спрессованные связки сена, которые с почти волшебной быстротой были уложены так, что сразу образовался легкий бруствер, который перегородил перешеек и прикрыл его от огня английских батарей, — предосторожность, отсутствие которой было, как полагают, причиной катастрофы, происшедшей прошлым летом на Бридс-Хилле.

Стоявшая под деревом кучка посторонних людей привлекла к себе внимание всадника, который одним из последних пересекал перешеек. Указав своим спутникам на этих людей, офицер подъехал к ним и наклонился, чтобы получше разглядеть их лица.

— Что это значит? — воскликнул он. — Женщина и

двое мужчин под конвоем! Разве среди нас еще есть шпионы? Срубите это дерево! Оно нам пригодится. И заодно пусть их осветит луна!

Приказ был тотчас же приведен в исполнение, и дерево упало с быстротой, показавшейся бы неправдоподобной всем, кроме американцев. Сесилия отошла в сторону, чтобы ее не задели ветки падающего дерева, и ее одежда и манера держаться сразу выдали в ней женщину, принадлежащую к высшему свету.

— Здесь, очевидно, произошло недоразумение, — продолжал офицер. — Почему эта дама арестована?

Один из конвоиров в нескольких словах объяснил ему, в чем дело, и в ответ получил новые распоряжения. Затем офицер пришпорил коня и ускакал во весь опор, потому что его ждали более неотложные дела, но он оглядывался назад до тех пор, пока мог видеть фигуру Сесилии в обманчивом свете луны.

— Нам лучше подняться на холм, — сказал один из конвоиров, — там мы сможем найти генерала.

— Ведите куда угодно, — ответила Сесилия, несколько ошеломленная картиной кипучей деятельности, которая предстала перед ней, — лишь бы поскорее покончить с этими мучительными проволочками.

Через несколько минут они достигли вершины ближайшего холма, где множество солдат торопливо возводили укрепления, и один из двух конвоиров отправился на поиски командира. С того места, где стояла Сесилия, открывался вид на порт, город и его окрестности. Английские корабли по-прежнему спокойно дремали, и Сесилия подумала, что юный мичман, наверно, уже уютно устроился на своей койке на борту фрегата, высокие и стройные мачты которого красиво вырисовывались на фоне неба. В городе не чувствовалось тревоги, напротив — огни медленно гасли один за другим, несмотря на канонаду, гремевшую на западной стороне полуострова, и, быть может, Хау и его гости продолжали пировать так же беззаботно, как и два часа назад. Но, если в отдалении все, за исключением батарей, казалось погруженным в дремотный покой, вокруг Сесилии кипела работа. На гребнях холмов вырастали земляные насыпи, бочки наполнялись песком и землей, укладывались фашины, но над всем этим царила тишина, нарушаемая лишь приглушенными голосами, неутихающим стуком лопат или же треском ломаемых сучьев, когда

подрубленные деревья — краса и гордость соседних садов — падали на землю. Необычность этой картины заставила Сесилию на некоторое время забыть свою тревогу. Прилежно трудившиеся солдаты, очутившись вблизи от нее, отрывались от дела, чтобы полюбоваться ее прекрасным лицом, казавшимся еще более нежным при мягком свете луны, а затем принимались работать еще усерднее, наверстывая краткую передышку. Наконец конвоир вернулся и объявил о приходе генерала, командующего этим отрядом. Это был человек средних лет, со спокойными движениями, скромно одетый, без каких бы то ни было знаков своего чина, кроме красной кокарды на большой офицерской шляпе тех времен.

— Вы застали нас среди трудов, — любезно заметил он, приблизившись к Сесилии, — уж не взыщите за задержку. Говорят, вы покинули город сегодня вечером?

— Да, час назад.

— Скажите, догадывается ли Хау о том, как мы собираемся развлечь его утром?

— Было бы лицемерием с моей стороны отказываться отвечать на вопросы, касающиеся мыслей генералов королевской армии; однако надеюсь, вы простите меня, если я скажу, что в том положении, в каком я сейчас нахожусь, мне хотелось бы быть избавленной от необходимости сознаваться в своей неосведомленности.

— Признаю свою ошибку, — тотчас ответил генерал. После нескольких секунд размышления он продолжал: — Сегодня ночь необычная, сударыня, и я считаю своим долгом доставить вас к генералу, который командует этим крылом армии. Возможно, что он найдет необходимым сообщить о вашем аресте главнокомандующему.

— Именно его-то я и ищу, сударь, и очень хотела бы с ним встретиться.

Генерал поклонился ей, вполголоса отдал приказание офицеру и ушел, сразу затерявшись в толпе работающих на вершине горы. Когда новый конвоир сказал Сесилии, что пора идти, она мгновение помедлила, задержавшись взглядом на спокойном великолепии бухты, на далеких, подернутых дымкой крышах города, на солдатах, двигающихся по соседнему холму и занятых тем же делом, что и все вокруг нее, а потом закуталась поплотнее в свой плащ и легкой походкой спустилась с холма.

Глава XXX

Мятежный дол, мятежный холм,
Ручьев мятежных волны
Вдруг клич громовый огласил,
Мятежной силы полный.

«Битва при Кегсе»

Огромная белая кокарда, прикрывающая почти целиком весь перёд маленькой шляпы нового проводника Сесилии, подсказала ей, что человек, чьим заботам ее поручили, носит в армии борющихся за свои права колонистов чин капитана. Больше ничего не обличало в нем военного, за исключением висевшей у него на боку рапиры, которая, судя по ее серебряной чашке и устрашающим размерам, очевидно, принадлежала одному из его предков, участнику первых войн американских колоний. Однако нрав ее теперешнего владельца отнюдь не отличался свирепостью, какой можно было от него ожидать при виде столь грозного оружия, напротив — он был очень внимателен к своей пленнице и заботливо соразмерял свой широкий шаг с ее шагом.

У поднюжия холма этот любезный рыцарь остановил возвращавшуюся повозку и после некоторых приготовлений усадил в нее Сесилию, и сам сел рядом на грубой скамейке, а ее прежние конвоиры, Меритон и незнакомец устроились у их ног в еще более тесном соседстве. Сперва они двигались медленно и с трудом — великое множество повозок, спускавшихся с холма, перегораживали весь путь. Но, когда они обогнали фургоны, запряженные волами, и въехали на дорогу, ведущую в Роксбери, дело пошло веселей. На протяжении первой мили, пока надо было то и дело выбираться из нескончаемой вереницы повозок, все внимание капитана было поглощено этим важным и сложным маневром, но, когда их неуклюжее судно вышло на простор и, если можно так выразиться, пустилось в благополучное плавание при попутном ветре, он уже не упускал случая оказывать Сесилии мелкие услуги, которых с незапамятных времен имеет право требовать от людей его профессии хорошенькая женщина.

— Не жалей кнута! — сказал капитан вознице, когда дорога очистилась. — Поторапливайся, поддержи честь коней и посрами рогатый скот! Твоя пристяжная, должно

быть, тори: до чего она не любит налегать на постромки во имя общей пользы! Обращайся с ней, как она этого заслуживает, друг мой; зато, когда мы сделаем привал, с тобой обойдутся, как с добрым вигом. Вы провели зиму в Бостоне, сударыня?

Сесилия в ответ молча наклонила голову.

— Королевская армия, без сомнения, больше нравится дамам, чем войска колоний. Однако и среди нас найдется немало таких, кому нельзя отказать ни в военных познаниях, ни в воинственной внешности, — продолжал он, высвобождая старинную дедовскую рапиру, запутавшуюся в складках плаща своей спутницы. — Воображаю, сударыня, какое бесчисленное множество балов и вечеров давали для вас господа офицеры королевской армии!

— Не думаю, чтобы в Бостоне нашлось много беспечных женщин, пожелавших принять участие в этих развлечениях, — ответила Сесилия.

— Это делает им честь! Поверьте мне, каждое пушечное ядро, которое мы посылаем в город, все равно что кровь, выпущенная из наших собственных жил. А что, после недавнего дела на Чарлстонском перешейке королевские офицеры, наверно, уже не так презирают колонистов?

— Все те, кого близко касался исход событий того рокового дня, не скоро забудут его!

Молодой американец, пораженный печальным тоном Сесилии, без труда догадался, что в своей откровенной радости он невольно коснулся какой-то незажившей раны. После этой неудачной попытки завязать разговор они некоторое время ехали в глубоком молчании, которое было прервано, только когда в вечернем воздухе раздался стук лошадиных копыт, не сопровождавшийся грохотом колес. На первом же повороте дороги они увидели нескольких офицеров, скакавших им навстречу. Тот, кто ехал впереди, остановился, увидев повозку, которая по его знаку тоже остановилась.

В непринужденной и несколько высокомерной манере всадника, заговорившего с капитаном, было что-то заставившее Сесилию прислушаться к его замечаниям с бо́льшим вниманием, чем обычно уделяется дорожным разговорам. Одежда незнакомца не была ни вполне штатской, ни военной, хотя выправка у него была явно военная. Когда он остановил свою лошадь, несколько собак стали прыгать

и ласкаться к нему, бесцеремонно проскальзывая между ногами чистокровного скакуна; хозяин досадливо отгонял преданных псов, но это их нисколько не обескураживало.

— Прекрасная дисциплина, черт побери! — воскликнул этот странный американский военачальник. — Я осмеливаюсь предположить, господа, что вы возвращаетесь с высот Дорчестера, куда пришли из лагеря пешком, а теперь, отступая, решили прокатиться.

Молодой капитан встал и, почтительно сняв шляпу, ответил:

— Мы возвращаемся с этих холмов, это правда, сударь: но, для того чтобы отступать, надо сначала встретиться с врагом!

— Ах, у вас белая кокарда! Раз вы в таком чине, сударь, полагаю, что у вас есть какие-то основания для подобного поведения!.. Лежать, Юнона, лежать!

— Эта дама час назад была высажена у перешейка со шлюпки королевского корабля, сударь. Мне был дан приказ доставить ее к генералу, командующему правым крылом.

— Дама! — многозначительно повторил кавалерист, медленно проводя рукой по своему орлиному носу. — О, если речь идет о даме, то ей надо предоставить все удобства... Пошла прочь, Юнона! — И, повернув голову к адъютанту, стоявшему рядом с ним, он проговорил, почти не понижая голоса: — Должно быть, какая-нибудь любовница Хау, которую он послал сюда в качестве образца добродетели и скромности. В таком случае, сударь, вы правильно сделали, взяв лошадей, — громко продолжал он. — Я удивляюсь лишь, почему вы запрягли не шестерку, а только пару. Но скажите, как идет постройка укреплений?... Отстань, тебе бы жить при дворе, Юнона, там бы ты лизала пятки господам министрам и своей угодливостью заработала бы себе ленту!

— Их строят, сударь, а так как все внимание королевских войск приковано к батареям, то мы закончим работы до рассвета, прежде чем они успеют что-нибудь заметить.

— Да, землю копать мы мастера, а вот умеем ли мы еще что-нибудь?.. Мисс Юнона, ты рискуешь своей драгоценной шкурой! Ах, ты так! Ну, пеняй же на себя! — И вспыльчивый генерал вытащил из кобуры пистолет и дважды прицелился в голову собаке, все еще ласкавшейся к нему в порыве слепой любви, но пистолет оба раза дал

осечку. Недовольный собою, оружием, собакой, он обернулся к своей свите и с досадой крикнул: — Господа, если кто-нибудь из вас уничтожит эту тварь, то за услугу, оказанную мне, обещаю отозваться о нем с похвалою в первом же моем донесении конгрессу!

Один из сопровождавших его конюхов свистом подозвал к себе спаньеля и, вероятно, тем самым спас жизнь впавшей в немилость фаворитке.

Тем временем генерал, как видно, совсем успокоился и, снова приняв величавый вид, обратился к капитану и его спутникам:

— Прошу прощения, что задержал вас. Можете продолжать путь. На холмах еще до восхода солнца может завязаться серьезное дело. Вы, без сомнения, пожелаете быть там.

Он поклонился с изысканной вежливостью, и обе группы медленно разъехались в разные стороны. Однако вскоре генерал повернулся в седле, словно пожалев о своей снисходительности, и со свойственной ему насмешливостью прибавил:

— Капитан, прошу вас, будьте особенно предупредительны со столь высокопоставленной дамой!

С этими словами он пришпорил коня и ускакал вместе со свитой.

Сесилия не пропустила ни одного слова из этого краткого разговора и ощутила в сердце холодок разочарования. Когда они тронулись в путь, она спросила, едва дыша, и упавший голос выдавал ее чувства:

— И это Вашингтон?

— Он-то? — воскликнул ее спутник. — Нет, нет, сударыня! Вашингтон совсем другой человек! А это знатный английский офицер, которому конгресс дал чин генерала

нашей армии. Говорят, что он столь же храбр в бою, как не сдержан в гостиной, и все же в его оправдание я должен сказать — хотя я никогда не мог понять, почему он так заносчив и высокомерен, — что он очень предан делу свободы.

Сесилия предоставила капитану мысленно примирять противоречия в характере его начальника, а сама с облегчением вздохнула, узнав, что это не тот человек, которому предстояло решить ее судьбу. Стараясь наверстать потерянное время, возница погнал лошадей, и они понеслись во весь опор. Оставшийся короткий путь до Роксбери все молчали. Канонада гремела с прежней силой, и было опасно останавливаться под обстрелом противника; поэтому капитан выбрал защищенное место в небольшой ложбине и, покинув там своих пленников, отправился на розыски генерала, которого ему приказано было найти. Во время его недолгого отсутствия испуганной Сесилии, сидевшей в повозке, довелось не только слышать, но отчасти и видеть происходящий неподалеку бой.

Единственную тяжелую мортиру американцев разорвало прошлой ночью. Однако они били из других орудий с неослабевающим упорством, и не только по английским полевым укреплениям, но и по перешейку, от которого их отделяло устье реки Чарлстон, а также и дальше, к северу, прямо по позиции, занятой неприятелем на роковых холмах Чарлстона. В отместку за эти атаки английские батареи, расположенные к западу от Бостона, открыли беспрерывный огонь, в то время как батареи на восточной стороне города бездействовали, не подозревая о грозящей им опасности.

Офицер возвратился и сообщил Сесилии, что его поиски увенчались успехом и ему приказано доставить ее к американскому главнокомандующему. Для этого требовалось проехать еще несколько миль, и молодой человек, уже начинавший тяготиться своей новой обязанностью, не стал долго мешкать. Путь их лежал по безопасной ложбине; дорога была хорошая, возница правил бойко, и не прошло и часа, как они переправились через реку, и Сесилия очутились в городке, бывшем колыбелью науки в колониях [1].

---

[1] Имеется в виду городок Кембридж близ Бостона, где был основан в 1636 году первый в США университет.

Городок находился в дружеских руках, тем не менее всюду можно было заметить следы присутствия нерегулярных войск. Университетские здания были превращены в казармы; у дверей трактиров с шумом и гамом толпились солдаты, жаждавшие выпить и развлечься. Офицер велел остановить повозку у наиболее спокойного из этих пристанищ бесшабашных гуляк и объявил, что Сесилии придется подождать здесь, пока он не узнает намерений главнокомандующего. Сесилии это не очень понравилось, но, подчиняясь обстоятельствам, она вышла из повозки без возражения. Сопровождаемая Меритоном и незнакомцем, она прошла вслед за офицером сквозь буйную толпу, и никто не осмелился не только оскорбить ее, но даже проявить хоть малейшую неучтивость. Любители сильных выражений, которых было там немало, стихали при ее приближении и почтительно расступались, так что до ее ушей донеслось лишь одно громкое замечание, хотя приглушенный гул голосов провожал ее до самого крыльца. Это единственное замечание было данью восхищения ее грациозной походке, и, как ни странно, ее спутник счел нужным извиниться перед ней, шепнув, что это сказал «один из южных стрелков, чей полк славится не только ловкостью и храбростью, но и грубоватостью!»

Внутри трактир имел совсем другой вид, чем снаружи. Скромный лавочник, который содержал его, занимался новым для него делом, то ли уступая требованию времени, то ли из желания заработать; но по молчаливому соглашению с посетителями, постоянно осаждавшими трактир, хозяин, снабжая всех желающих горячительными напитками, сохранил большую часть помещения для своей семьи. В распоряжение публики, однако, был предоставлен большой зал, куда и провели Сесилию и ее двух спутников, даже не извинившись за царивший в нем беспорядок.

Там было человек двенадцать: одни спокойно сидели у пылающего камина, в том числе и две женщины, другие расхаживали по всему залу, третьи разместились как попало на стульях. При появлении Сесилии все насторожились, но вскоре забыли о ее присутствии, хотя ее плащ из дорогой материи и шелковый капюшон привлекли внимание женщин, и они посмотрели на Сесилию с таким оскорбительным любопытством, как еще ни разу никто не глядел на нее за время ее полного опасностей ночного путешествия. Она села на предложенный ей стул у веселого огня —

единственного источника света в комнате — и приготовилась терпеливо ждать своего проводника, который тотчас же отправился в соседний квартал, где помещался штаб американского главнокомандующего.

— В такое время нашей сестре лучше оставаться дома, — сказала сидевшая рядом с Сесилией женщина средних лет, которая усердно вязала; однако по ее дорожному платью было видно, что она тоже не здешняя. — Да знай я, какие здесь страхи, я бы ни за что не стала переправляться через Коннектикут, хоть у меня тут мой единственный сын воюет.

— Сердцу матери, должно быть, очень больно, — заметила Сесилия, — слышать шум сражения, в котором принимает участие ее сын.

— Да! Принц пошел в армию на полгода и уже почти дал согласие остаться там, пока город занят англичанами.

— Сдается мне, — сказал степенного вида фермер, сидевший напротив нее, — что имя вашего сына не подходит тому, кто сражается против короля!

— Его назвали так еще до того, как король стал слушать дурных советчиков. А имя, данное при святом крещении, нельзя менять, как бы ни менялась жизнь. Я родила двойню: одного я назвала Принцем, другого — Наследником, потому что они появились на свет как раз в день совершеннолетия принца — нынешнего короля. А ведь это случилось прежде, чем переменилось его сердце, и тогда жители Массачусетса любили его, как родного.

— Ну что ж, хозяюшка, — сказал фермер, встав с добродушной улыбкой, чтобы предложить ей в знак дружбы понюшку настоящего шотландского табаку и как бы извиняясь за вмешательство в ее домашние дела, — значит, в вашей семье есть наследник престола! Принц-наследник, говорят, идет сразу после короля, а судя по вашему рассказу, один из ваших сыновей храбрый малый и не собирается продать свое наследство за чечевичную похлебку. Вы сказали, что Принц сейчас служит в наших войсках?

— В эту самую минуту он стреляет одним из этих боевых таранов на Бостонском перешейке. Господь свидетель, тяжело разрушать дома людей той же религии и той же крови, что ты сам. Но что поделаешь, надо же помешать злым умыслам тех, кто живет в праздности и роскоши, пока другие трудятся в поте лица своего.

Честный фермер, лучше разбиравшийся в новейшем

военном искусстве, улыбнулся ошибке женщины и сказал с серьезностью, придававшей его шутке еще больше юмора:

— Ну, пожелаем вашему сынку не слишком устать до утра от возни с таким тяжелым оружием. Но что делает в это время Наследник? Сидит ли спокойно дома с отцом, благо считается младшим?

— Нет, нет! — сказала женщина, печально качая головой. — Я надеюсь, что сейчас он в обители нашего небесного отца. И вы ошибаетесь — он не младший. Он родился первым и каким же красавчиком вырос! Когда по стране пошел слух, что королевские войска ворвались в Лексингтон и убивают и грабят, он взял ружье и пошел вместе с другими узнать, по какому праву те проливают кровь американцев. Он был молод и храбр, он хотел быть в первых рядах тех, кто отстаивает свои законные права. На Бридс-Хилле он, говорят, был в самой гуще схватки с королевскими войсками, и больше я о нем ничего не знаю. Да, он не вернулся оттуда. Товарищи прислали мне его одежду, оставшуюся в лагере, и вот один из его носков: я надвязываю его для другого брата-близнеца.

Женщина говорила просто и совершенно спокойно, но слезы катились одна за другой по ее щекам и падали на старенький носок ее убитого сына.

— Вот так гибнут наши молодцы в войне с подонками Европы! — воскликнул фермер с жаром, свидетельствующим, как глубоко он был взволнован. — Пусть же ваш второй сын отомстит за своего брата!

— Сохрани боже! Сохрани боже! — ответила мать. — Мстительность — дурное чувство, и я бы совсем не хотела, чтобы мой сын отправился в кровавый бой с таким грехом на совести. Бог даровал нам эту страну, чтобы мы жили в ней, воздвигали ему храмы и поклонялись его святому имени, но при этом он даровал нам и право защищаться от притеснителей. Наследник поступил правильно, взявшись за оружие, и Принц поступает хорошо, последовав его примеру.

— Я заслужил ваш упрек, — ответил фермер и обвел всех окружающих взглядом, в котором уже не прятался смешок. — Благослови вас господь, хозяюшка, и пусть он избавит вас, вашего сына и всех нас от бедствия, которое обрушилось за наши грехи на нашу страну. Как только встанет солнце, я отправлюсь на запад, в горы, и, если вы

хотите послать привет вашему мужу, я не откажусь сделать крюк, чтобы передать его.

— Спасибо вам на добром слове! Мой старик был бы рад, если бы вы к нему завернули, да только мне уже невмоготу ни этот грохот, ни все эти страхи, и пусть лишь мой сынок возвратится с поля боя, я тут долго не задержусь. Утречком схожу в дом Креджи поглядеть на того благословенного человека, которого народ выбрал своим вождем, а потом поспешу восвояси. Я хорошо вижу: нам, женщинам, здесь делать нечего.

— Тогда вам придется отправиться за ним в очень опасное место. Час назад я видел, как он со своим штабом проскакал верхом к берегу. Вы уж мне поверьте, за сегодняшними необычными приготовлениями скрываются планы, недоступные нашему скромному разуму.

— О ком вы говорите? — невольно вырвалось у Сесилии.

— О ком же, если не о Вашингтоне, — услышала она чей-то голос за своей спиной, и удивительный звук этого глубокого и низкого голоса мгновенно напомнил ей о старом вестнике смерти, появившемся у ложа ее умирающей бабки.

Сесилия вскочила со стула и на несколько шагов отступила от Ральфа, который стоял, глядя на нее твердым, испытующим взором, ничуть не смущаясь тем, что привлек к себе всеобщее внимание.

— Мы с вами видимся не в первый раз, сударыня, — продолжал старик, — и простите меня, если я скажу, что женщине должно быть приятно увидеть знакомого в таком неподходящем для нее месте.

— Знакомого? — растерянно отозвалась Сесилия.

— Да, знакомого: мы знаем друг друга, — многозначительно ответил Ральф. — И вы убедитесь в этом, когда услышите, что я видел ваших двух спутников в казарме, неподалеку отсюда.

Сесилия украдкой оглянулась и, к своему ужасу, обнаружила, что ее разлучили с Меритоном и незнакомцем. Не успела она опомниться, как старик приблизился к ней и с изысканной вежливостью, столь разительно отличавшейся от его грубой и небрежной одежды, произнес:

— Здесь не место для племянницы пэра Англии. Но я уже давно как дома в этом городке, где все дышит войной, и отведу вас в убежище, более вас достойное.

На мгновение Сесилия заколебалась, но, увидев, с каким удивлением все на нее смотрят, с каким жадным любопытством, прекратив свои занятия, слушают каждое слово, сказанное ею и стариком, она застенчиво приняла предложенную ей руку, и они в полном молчании покинули комнату, а затем и дом — через дверь, противоположную той, в какую вошла Сесилия, и оказались на другой улице, в стороне от шумной и пьяной толпы.

— Я не могу уйти без своих спутников, — промолвила Сесилия.

— Они взяты под стражу, — невозмутимо ответил старик, — и вы можете либо разделить с ними заключение, либо на время расстаться с ними. А если часовые догадаются, что за человек тот, кто привел вас сюда, ему придется плохо.

— Догадаются? — переспросила Сесилия, отшатнувшись от старика.

— Я думаю, что слова мои ясны! Разве он не смертельный, упорный враг свободы? Неужто вы думаете, что наши соотечественники так безрассудны, что позволят подобному человеку свободно разгуливать по нашему лагерю? Нет, нет, — пробормотал старик с тихим ликующим смехом, — он искушал судьбу, как глупец, и погибнет, как собака!.. Ну, идемте! Место, куда я вас веду, в двух шагах, и вы сможете вызвать к себе этого человека, когда захотите.

Старик почти силой увлек за собой Сесилию, и они действительно очень скоро остановились у двери простого уединенного дома, перед которым взад и вперед ходил часовой. Позади дома то появлялась, то исчезала длинная тень другого часового — свидетельство того, как бдительно охраняли тех, кто находился внутри.

— Входите! — сказал Ральф, решительно отворив дверь.

Сесилия повиновалась, но, вступив в узкий коридор, вздрогнула, увидав расхаживавшего там еще одного часового с ружьем.

Ральф, который, видимо, был здесь своим человеком, непринужденно спросил:

— Приказ от Вашингтона еще не получен?

— Нет, — ответил часовой, — и, судя по этой задержке, нельзя ждать ничего хорошего.

Старик пробормотал себе что-то под нос, но прошел вперед и, распахнув другую дверь, воскликнул:

— Входите!

Сесилия послушно переступила порог, и дверь за ней тотчас захлопнулась. Не успела она выразить ни удивления, ни испуга, как очутилась в объятиях своего мужа.

Глава XXXI

Дочь Капулетти!
Так в долг врагу вся жизнь моя дана!
Шекспир, «Ромео и Джульетта»

— Ах, Лайонел, Лайонел! — вскричала, плача, Сесилия, осторожно высвобождаясь из крепких объятий Линкольна. — В какую минуту ты покинул меня!

— И как я был за это наказан, любовь моя! Ночь отчаяния и утро горьких сожалений! Как скоро я почувствовал всю силу тех уз, что связали нас с тобой. Если только мое безрассудство не разорвало их навеки...

— Неверный! Теперь я узнала тебя и с чисто женским искусством сплету такую сеть, что сумею тебя удержать. Лайонел, если ты любишь меня так сильно, как мне хочется в это верить, пусть все прошлое будет забыто! Я прошу, я настаиваю: никаких объяснений! Ты был обманут, но я вижу раскаяние в твоих глазах: теперь к тебе вернулся рассудок. Так будем говорить только о тебе. Почему тебя так стерегут — скорее как преступника, чем как офицера королевской армии?

— Они и правда очень усиленно охраняют мою особу.

— Но как ты оказался в их власти? И почему они так злоупотребляют ею?

— Это легко объяснить. Вспомни, какая была страшная буря ночью, когда мы венчались, Сесилия!

— Это было ужасно, — ответила она, содрогнувшись, но тотчас же радостная улыбка согнала с ее лица последние следы печали и заботы. — Я уж больше не верю в предзнаменования, Лайонел, — продолжала она. — Впрочем, если даже одно и было послано нам, разве оно уже не исполнилось? Я не знаю, Лайонел, что значит для тебя благословение покидающей землю души, но для меня большое утешение в том, что моя бабушка, умирая, благословила наш поспешный союз.

Не успела Сесилия выразить ни удивления, ни испуга, как очутилась в объятиях своего мужа.

Сняв руку, которую Сесилия доверчиво положила ему на плечо, Лайонел мрачно отошел в дальний угол комнаты.

— Сесилия, я люблю тебя так сильно, как тебе хочется в это верить, — сказал он, — и я готов подчиниться твоей воле и предать забвению прошлое, но я продолжу свой рассказ. Ты помнишь, в ту ночь разразилась такая буря, что никто не отважился бы без крайней нужды выйти из дома, но я решил воспользоваться непогодой и с помощью флага, который всегда был в распоряжении дурачка Джэба Прея, покинул город. Раздраженный... Я сказал — раздраженный? Нет, скорее терзаемый ураганом страстей, перед которыми бледнела разбушевавшаяся стихия, я слишком далеко зашел... Сесилия, я был не один!

— Я знаю это, знаю, — быстро сказала она, почти задыхаясь от волнения, — но что же было дальше?

— Мы встретили пикет, который никак не мог принять офицера королевской армии за нищего дурачка, хотя и пользующегося некоторыми привилегиями. В нашей тревоге мы позабыли... поверь мне, дорогая Сесилия, если бы ты знала, при какой сцене я присутствовал, какие причины толкали меня, ты оправдала бы мое как будто непонятное бегство от тебя!

— Неужели я сомневаюсь в этом? Разве могла бы я, позабыв свое положение, свою недавнюю утрату и свой пол, наконец, последовать за человеком, недостойным моего участия? — ответила Сесилия, и лицо ее вспыхнуло и от смущения и от силы охвативших ее глубоких чувств.— Не думай, что я пришла сюда, чтобы, как слабая женщина, упрекать тебя в несовершенных прегрешениях. Я ваша жена, майор Линкольн, и должна поддерживать вас в те минуты, когда вам больше всего нужна нежность супруги. Я дала этот священный обет перед алтарем, и стану ли я колебаться, выполнить ли его, лишь потому, что на меня устремлены взоры людей.

— Я сойду с ума, я сойду с ума! — вскричал Лайонел и в душевном смятении начал метаться по комнате. — Порой мне кажется, что проклятие, сгубившее отца, тяготеет и над сыном!

— Лайонел, — мягко сказала Сесилия, подойдя к нему, — разве так ты сможешь сделать меня счастливой? Разве так встречают женщину, вверившую любимому свое счастье? Но я знаю: ты успокоишься, ты будешь справед-

ливее к нам обоим, ты будешь покорен воле божьей! Ну, а теперь вернемся к твоему аресту. В твоем необдуманном появлении в американском лагере вряд ли можно усмотреть преступные намерения, и будет нетрудно убедить офицеров, что ты не способен на подобную низость.

— Трудно укрыться от бдительности тех, кто борется за дело свободы, — раздался негромкий, спокойный голос Ральфа, неожиданно вошедшего в комнату. — Майор Линкольн слишком долго внимал решениям тиранов и рабов и забыл о стране, в которой он родился. Если он хочет спастись, пусть откажется от своих заблуждений, пока еще может сделать это с честью.

— «С честью»! — не скрывая своего презрения, повторил Лайонел и опять начал быстро и взволнованно шагать по комнате, не удостаивая непрошеного гостя ответом.

Сесилия бросилась в кресло и, наклонив голову, спрятала лицо в маленькую муфту, словно заслонясь от какого-то ужасного зрелища.

Наступившую тишину через мгновение нарушили громкие голоса и шум шагов в коридоре. Дверь в комнату отворилась, и на пороге появился Меритон. Увидев его, Сесилия вскочила с кресла и, сделав ему знак удалиться, в каком-то исступлении закричала:

— Уходите отсюда, уходите отсюда, во имя неба, уходите!

Слуга заколебался, но тут он увидел Лайонела, и преданность хозяину взяла верх над почтительностью к его супруге.

— Слава богу, я опять вижу вас, сударь! С тех пор как я покинул берега Англии, для меня не было более радостной минуты! Ах, если бы мы были сейчас в Равенсклифе или в Сохо, я бы счел себя самым счастливым человеком во всех трех королевствах! Ах, сударь, уедем поскорее из этой колонии и вернемся в страну, где нет мятежников, где не поносят ни короля, ни палату лордов, ни палату общин!

— Довольно, добрый Меритон, довольно! — перебила, задыхаясь, Сесилия. — Уходите, идите в трактир, в какой-нибудь колледж, куда угодно, только не оставайтесь здесь!

— Не отсылайте верноподданного обратно к мятежникам, сударыня, умоляю вас! Каких только кощунственных речей я не наслушался, сударь, пока был там! Они говорили о священной особе монарха так дерзко, словно он

простой дворянин. Как я был счастлив, когда меня освободили!

— А если бы ты побывал в казарме на другом берегу, то услышал бы дерзкие речи не о земном владыке, а о самом царе царей, — возразил Ральф.

— Ну, так оставайтесь! — сказала Сесилия, видимо неправильно поняв значение презрительного взгляда, каким лакей смерил старика, внушившего ему такую неприязнь во время их совместного плавания. — Тут есть и другие комнаты, не правда ли, майор Линкольн? Пусть мои спутники побудут там. Ведь ты же не допустишь, чтобы слуги присутствовали при нашем свидании!

— Что значит этот неожиданный испуг, любимая? — спросил Линкольн. — Если здесь ты не нашла радости, то, по крайней мере, ты хоть в безопасности. Ступай в соседнюю комнату, Меритон! Если ты понадобишься, то войдешь сюда через эту дверь.

Слуга пробормотал что-то невнятное — разобрать можно было только одно слово, которое он произнес с особенным ударением: «Мило!» — но по его злобному взгляду, брошенному на Ральфа, легко можно было догадаться, кто являлся причиной его неудовольствия. Старик последовал за Меритоном, дверь захлопнулась за обоими, а Сесилия все еще стояла неподвижно, глубоко задумавшись, подобная прекрасной статуе. Когда же она услышала, что ее спутники вошли в соседнюю комнату, то с облегчением вздохнула, словно с души у нее свалился камень.

— Не тревожься за меня, Сесилия, и еще меньше — за себя, — промолвил Линкольн, нежно прижимая ее к груди. — Моя безрассудная поспешность, вернее, роковое проклятие, тяготеющее над моим родом, моя душевная тоска, которую ты так часто с грустью замечала, — все это как будто и вправду навлекло на меня опасность, но, если я открою причину моих поступков, даже у моих врагов рассеются все подозрения.

— Я тебя ни в чем не подозреваю, не думаю о тебе ничего дурного и ни о чем не сожалею, Лайонел! Я только страстно желаю, чтобы ты успокоился; и, ах, если бы я могла объяснить! Да, теперь пришло время... Лайонел, мой добрый, но беспечный Лайонел!..

Тут Сесилия умолкла, ибо в комнату неожиданно вошел Ральф, чья неслышная походка, глубокая старость и ужасающая худоба делали его похожим на выходца с

того света. В руках он держал плащ и шляпу. Сесилия с одного взгляда узнала в них вещи незнакомца, который разделял с ней все превратности этой богатой событиями ночи.

— Смотрите, — сказал Ральф, показывая на свои трофеи с мрачной, но выразительной улыбкой, — смотрите, сколько форм принимает Свобода, чтобы помочь своим сторонникам. Вот под какой маской надо искать ее теперь. Надень это, юноша, и ты будешь свободен!

— Не верь ему! Не слушай его! — прошептала Сесилия, в ужасе отпрянув от Ральфа. — Впрочем, нет! Слушай его, но только будь осторожен.

— Ты медлишь принять благословенный дар Свободы, который тебе предлагают? — спросил Ральф. — Ты хочешь остаться здесь и предстать перед гневным судом вождя американцев, ты хочешь, чтобы твоя жена, которая была ею один день, стала вдовою навек?

— А зачем мне это платье? — спросил Лайонел. — Чтобы унизиться до переодевания, надо быть уверенным в успехе!

— Обрати свой гордый взор, юноша, на это воплощение невинности и страха рядом с тобой! Если не ради себя самого, то подумай о своей безопасности ради той, что соединила свою судьбу с твоей, и беги, пока не поздно!

— О, ни минуты больше не медли, Лайонел! — воскликнула Сесилия, внезапно изменив свое решение под влиянием новой мысли. — Беги, оставь меня! Мой пол, мое имя будут...

— Ни за что! — закричал Лайонел, презрительным жестом отталкивая протянутую ему одежду. — Однажды я покинул тебя, когда смерть пришла за своей добычей в твой дом, но, если я поступлю так еще раз, пусть на меня обрушится ее удар!

— Я последую за тобой, я пойду с тобой!

— Вы не расстанетесь, — сказал Ральф и, снова развернув плащ, набросил его на плечи Лайонела.

Тот стоял неподвижно и уже не сопротивлялся ни своей молодой жене, ни старику, помогавшему ей переодеть мужа.

— Останься здесь, — добавил Ральф, когда эта задача была выполнена, — и жди приказов Свободы, а ты, любящая супруга, иди и раздели со мной честь освобождения того, кто покорил тебя!

Краска смущения залила щеки Сесилии при этих словах, но она наклонила голову в знак согласия. Подойдя к двери, старик молча поманил ее к себе, а Лайонелу выразительным жестом приказал не двигаться с места. Когда Сесилия вместе со стариком вышла в коридор, тот, не проявив ни малейшего беспокойства при виде ходившего взад и вперед часового, обратился к нему с фамильярностью старого друга.

— Погляди, — сказал Ральф, приподнимая капюшон, закрывавший бледное лицо его спутницы, — как бедняжка плакала, боясь за судьбу своего мужа! Теперь она покидает его, дружок, с одним из своих слуг, а ее другой слуга останется здесь и будет ходить за своим господином. Взгляни на нее! Не правда ли, как прелестна эта опечаленная подруга, созданная для того, чтобы скрашивать жизнь солдата!

Оторопевший часовой был поражен необычайной красотой Сесилии, чье лицо Ральф так бесцеремонно открыл, и хотя понимал, что его поведение дерзко, все же не мог оторвать от нее глаз, а она в это время внимательно следила за стариком, отворившим дверь в ту комнату, где находились Меритон и незнакомец. Едва она успела спрятать лицо от взора часового, как снова появился Ральф в сопровождении фигуры, закутанной в уже известный нам плащ. Несмотря на широкополую шляпу и умышленно измененную походку, проницательный взгляд жены распознал в этом переодетом человеке Лайонела, и, вспомнив о двери, соединяющей две комнаты, она сразу разгадала хитроумный план Ральфа. Замирая от страха, Сесилия быстро прошла мимо часового и оперлась на руку мужа с доверчивостью, которая открыла бы обман человеку, искушенному в светских обычаях, но часовой был простым крестьянином, лишь недавно сменившим цеп на ружье.

Не дав часовому времени на размышления, Ральф кивнул ему и со своей обычной стремительностью направился к двери. На улице все трое увидели другого часового, который расхаживал взад-вперед перед домом — мера предосторожности, сделавшая положение наших беглецов вдвойне затруднительным. Беря пример со своего проводника, Лайонел и его трепещущая супруга с хорошо разыгранным спокойствием подошли к часовому, но он оказался более бдительным, чем его товарищ, сторживший внутри здания. Загородив им дорогу ружьем, он,

видимо, решил потребовать от них объяснения, куда они идут, и грубо сказал Ральфу:

— Что это значит, старик? Ты выходишь с целой оравой из комнаты арестованного! Один, два, три!.. Может быть, среди вас находится и наш английский красавчик, а еще двое остались там. Ну-ка, иди сюда, отец, объясни, что это с тобой за команда. Если хочешь знать, многие думают, что ты шпион Хау, хоть тебе и разрешили свободно ходить по всему лагерю. Попросту говоря, тебя недавно видели в дурной компании, и есть слух, что ты скоро засядешь за решетку точно так же, как и твой товарищ!

— Вы слышали, друзья? — спокойно улыбаясь, обратился к своим спутникам Ральф, вместо того чтобы ответить часовому. — Думаете ли вы, что среди приспешников короля можно найти таких верных людей, как этот часовой? Разве не засыпают рабы, как только тираны отвернутся, чтобы предаться мерзкому веселью? Вот что значит

свобода! Ее священный дух живет в самом скромном ее ревнителе и наделяет простого солдата добродетелями капитана.

— Ну, что уж там! — ответил польщенный часовой, снова вскинув ружье на плечо. — Я думаю, что тебя не переспоришь. Мне понадобилось бы провести не менее двух лет в каком-нибудь из тех вон колледжей, чтобы разобраться в том, о чем ты говоришь. Но сдается мне, что в одном ты, может быть, и прав: если бедному малому, который любит свою родину и сражается за правое дело, так тяжело стоять на посту, всю ночь не смыкая глаз, то каково же полуголодному наемнику, который воюет за шесть пенсов в день! Проходи, проходи, отец, вас было одним человеком меньше, когда вы входили туда, но если тут что-нибудь и неладно, то часовой, что там внутри, не выпустил бы вас.

И часовой снова начал ходить взад и вперед, мурлыча себе под нос куплет из песенки «Янки-дуддл», очень довольный и собой и всем человечеством, за исключением врагов своей страны. Сказать, что это был не первый случай, когда самые чистые намерения были обмануты возвышенными речами о свободе, может быть, и рискованно, но мы твердо верим, что он был не последним, хотя наша память и не подсказывает нам сейчас примера, на который мы могли бы сослаться в подкрепление такой еретической мысли.

Ральф, видимо, не собирался ничего добавлять к тому, что требовалось необходимостью и отвечало моменту. Предоставленный самому себе, он, бормоча что-то под нос, с такой поспешностью пошел вперед, что нельзя было усомниться в его искреннем желании поскорее уйти подальше. Когда они завернули за угол и опасность осталась позади, он замедлил шаг и, дав возможность своим спутникам догнать себя, приблизился к Лайонелу, крепко сжал ему руку и голосом, прерывающимся от внутреннего ликования, прошептал:

— Теперь он пойман! Он уже больше не опасен! Да, да, он пойман, его стерегут три неподкупных честных патриота.

— О ком вы говорите? — спросил Лайонел. — Кто ваш пленник и какое преступление он совершил?

— Я говорю о том, кто только с виду человек, а в душе — тигр. Но теперь он пойман, — повторил старик с глу-

хим смехом, сотрясавшим, казалось, все его существо. — Пойман, злобный пес, мерзкий пес! Пойман! И да будет угодно небу, чтобы он испил до дна свою чашу рабства.

— Старик, — твердым голосом сказал Лайонел, — вам ли не знать, что причины, заставившие меня последовать за вами, нельзя назвать недостойными честного человека. Подстрекаемый вами в страшную минуту, я забыл об обете, данном мною перед алтарем, — оберегать это чистое создание, которое стоит здесь рядом со мной. Но наваждение прошло. Если вы не выполните сейчас же обещания, которое вы несколько раз торжественно мне повторяли, мы с вами расстанемся навек.

Ликующая улыбка, придававшая неприятное выражение изможденному лицу Ральфа, исчезла, словно промелькнувшая тень, и он слушал Лайонела со спокойным и глубоким вниманием.

Но не успел старик ответить, как вмешалась Сесилия:

— О, не медли ни секунды! — закричала она, задыхаясь от страха. — Бежим, все равно куда, все равно как. Может быть, за нами уже послали погоню. Я сильна, дорогой Лайонел, и пойду за тобой хоть на край света, лишь бы ты повел меня.

— Лайонел Линкольн, я не обманул тебя, — сказал торжественным тоном старик. — Нас привело сюда само провидение, и мы через несколько минут будем у цели. Пусть это нежное испуганное создание вернется в поселок, а ты сам следуй за мной!

— Я не сделаю ни шагу, — ответил Лайонел, еще крепче прижимая к себе Сесплию. — Мы здесь расстанемся с вами, если вы не выполните свои обещания.

— Иди с ним, иди, — покорно прильнув к Лайонелу, прошептала Сесилия. — Не спорь, это может тебя погубить. Разве я не сказала тебе, что пойду за тобой повсюду, Лайонел?

— Ну, так ведите же, — сказал Лайонел, делая Ральфу знак идти, — я еще раз вверяюсь вам; но не злоупотребляйте моим доверием. Помните: со мною мой ангел-хранитель и вы больше не ведете за собою безумца.

Лунный луч, упавший на бледное лицо старика, осветил его довольную улыбку. Он безмолвно повернулся и пошел вперед своей быстрой, неслышной походкой. Сесилия и Лайонел поспешили за ним. Они не очень далеко

отошли от города — еще виднелись университетские постройки, у трактиров отчетливо слышался громкий смех загулявших солдат, доносилась мирная перекличка часовых, — когда старик подвёл их к одинокой церкви, сумрачно высившейся в обманчивом свете луны. Указав на храм классической архитектуры, необычной для тех мест, Ральф сквозь зубы сказал:

— Хоть здесь господь царит у себя, не подвергаясь поруганию!

Лайонел и Сесилия бросили быстрый взгляд на молчаливые стены и вслед за стариком прошли на кладбище через пролом в полуразрушенной бедной ограде. Тут Лайонел снова остановился.

— Дальше я не пойду, — сказал он и, сам того не замечая, стал твердой ногой на невысоком могильном холме, как бы подтверждая свои слова решительной позой. — Прошло время, когда я думал лишь о себе; теперь я должен заботиться о слабом создании, которому служу опорой.

— Не думай обо мне, дорогой Лайонел...

Но Сесилию перебил старик, который, сняв шляпу и подставив свои седые кудри мягким лучам луны, произнес дрожащим голосом:

— Ты уже все свершил! Ты достиг места, где погребен прах женщины, носившей тебя под сердцем. Безумный юноша, ты святотатственно попираешь ногами могилу своей матери!

Глава XXXII

Томится старость днем,
Не знает ночью сна.
Напрасно звать: вернись опять
Ко мне, моя весна.

Бернс

Молчание, наступившее после этого неожиданного заявления, напоминало холодное молчание мертвецов, покоившихся кругом. Лайонел в ужасе отступил на шаг; потом, по примеру старика, обнажил голову в благоговейном почтении к матери, чей смутный образ рисовался в его воображении подобно какому-то туманному сну, неясному воспоминанию младенческих лет. Через некоторое время Лайонел справился со своим волнением и, обратившись к Ральфу, произнес:

— Значит, вы привели меня сюда, чтобы рассказать мне о несчастиях моей семьи?

— Да, — приглушенным голосом ответил старик, и выражение мучительной боли на миг исказило его черты. — Здесь, именно, здесь, на могиле твоей матери, ты должен выслушать эту повесть.

— Хорошо, пусть это будет здесь! — сказал Лайонел, и в глазах его вспыхнул дикий, полубезумный огонь, от которого кровь застыла в жилах Сесилии, с глубокой тревогой следившей за своим мужем. — Здесь, на этом священном месте, я вас выслушаю, и, если то, на что вы мне столько раз намекали, окажется правдой, тогда, клянусь, я буду мстить...

— Нет, нет, не слушай его! — вскричала Сесилия, схватив Лайонела за руку. — Не оставайся здесь! Ты не сможешь этого вынести!

— Я все могу вынести, лишь бы узнать правду!

— Ты слишком надеешься на свои силы, Лайонел! Думай сейчас лишь о своей безопасности. В другое, более счастливое время ты все узнаешь. Да, я, Сесилия, твоя жена, обещаю тебе открыть все...

— Ты?

— С тобой говорит внучка вдовы Джона Лечмира, и ты не можешь ослушаться ее, — сказал Ральф с улыбкой, которая только сильнее раздула пожар, бушевавший в груди Линкольна. — Уходи, твое место на свадебном пиру, а не на кладбище!

— Я сказал, что могу все вынести! — твердо отвстил Лайонел. — Я сяду здесь, на этой скромной могильной плите, и выслушаю все, что вы мне расскажете, хотя бы легионы мятежников окружили меня, чтобы обречь на смерть.

— Как! И ты способен устоять против умоляющих глаз дорогой твоему сердцу женщины?

— Да, устою против всего, — страстно воскликнул юноша, — раз этого требует мой священный долг!

— Достойный ответ! И твоя награда близка. Но не гляди на эту сирену, а то твоя воля ослабеет.

— Это моя жена! — сказал Лайонел, ласково протягивая руку к испуганной Сесилии.

— А здесь твоя мать! — перебил его Ральф, показывая исхудалой рукой на могилу.

Лайонел опустился на разбитый надгробный камень

и, завернувшись в плащ, оперся одной рукой о колено, а другой крепко сжал дрожащий подбородок, твердо решив не отступать от своего рокового намерения. При виде этого доказательства своей победы старик угрюмо улыбнулся и сел на такой же камень по другую сторону могилы, на которую оба смотрели с таким глубоким волнением. Старик опустил голову на руки и, казалось, задумался, собираясь с мыслями. Во время этой короткой, но многозначительной паузы Лайонел почувствовал, что Сесилия села с ним рядом и, трепеща, прильнула к нему. Бледная, с откинутым капюшоном, она не сводила покорного, но встревоженного взгляда с лица своего мужа, на котором одно выражение быстро сменялось другим.

— Ты уже знаешь, Лайонел, — начал Ральф, медленно выпрямляясь, — что в прошлом веке твое семейство переселилось в колонии, чтобы найти там мир и справедливость и свободно исповедовать свою религию. Ты знаешь также — мы часто в бессонные ночи беседовали об этом под шум ветра и немолчный рокот океана, — что смерть поразила всех членов старшей ветви твоей семьи, которые остались жить в Англии среди роскоши и пороков королевского двора, и твой отец оказался их единственным наследником.

— Нет ни одной кумушки в Массачусетсе, которой бы не было это известно, — нетерпеливо прервал старика Лайонел.

— Но им неизвестно, что за много лет до того, как это богатство пришло к твоему отцу, кое-кто верил, что это неизбежно случится; им неизвестно также, насколько возвысился в глазах своих родственников осиротевший сын небогатого офицера, ожидающий наследства. Им неизвестно и то, что алчная Присцилла Лечмир, тетка твоего отца, готова была перевернуть небо и землю, лишь бы эти богатства и титулы, которыми она гордилась и хвастала, даже когда они принадлежали ее двоюродному дяде, достались ее потомкам.

— Но это было невозможно! Как женщина она не могла наследовать их, и у нее не было сына.

— Нет ничего невозможного для тех, чью душу гложет червь честолюбия. Тебе ли не знать, что после нее осталась внучка! А разве у внучки не было матери?

Лайонел не мог усомниться в истине этих горьких слов, ибо та, о ком шла речь, со стыдом спрятала голову на его

груди, живо сознавая, как справедливо все, что говорит этот таинственный старик о ее покойной бабке.

— Упаси боже, чтобы я, христианин и дворянин, — гордо продолжал старик, — позволил себе хотя бы одним дурным словом запятнать ее светлую память. Мать девушки, что в страхе прильнула к тебе, Лайонел, была так же добродетельна, как она сама. И, прежде чем честолюбие опутало своими тенетами жалкую Присциллу, сердце ее дочери было отдано храброму и достойному англичанину, с которым она через несколько лет обвенчалась.

Услышав эту похвалу ее родителям, Сесилия снова открыла лицо лучам луны и, стоя на коленях рядом с Лайонелом, уже не со смущением, а с глубоким интересом ожидала, что последует дальше.

— Если намерения миссис Лечмир не осуществились, — спросил майор Линкольн, — каким образом они могли повлиять на судьбу моего отца?

— Слушай же! В ее доме жила другая девушка, еще более красивая, чем ее дочь, и как будто бы столь же чистая душой. Она была родственницей, крестницей и воспитанницей этой негодной женщины. Красота и мнимые добродетели девушки, которая казалась ангелом во плоти, привлекли твоего отца, и наперекор всем козням и интригам он обвенчался с ней еще раньше, чем получил долгожданное богатство и титул. А потом на свет появился ты, Лайонел, чтобы сделать милость судьбы вдвойне драгоценной.

— А затем?

— А затем твой отец поспешил в страну своих предков, чтобы потребовать то, что ему принадлежало по праву, и приготовиться принять там тебя и обожаемую Присциллу — ведь тогда были две Присциллы, а сейчас они обе спят вечным сном! Все живое в природе обретает покой могилы, кроме меня, — продолжал старик, подняв глаза к небу с выражением безысходной печали. — Я прожил столько лет после того, как юная кровь остыла в моих жилах, столько поколений исчезло на моих глазах с лица земли, а я все еще должен, как призрак, влачить свои дни среди людей! Но жизнь моя нужна, чтобы помочь великому делу, которое началось здесь и закончится только тогда, когда возродится весь континент.

Из уважения к этому взрыву чувств Лайонел некоторое время молчал, но затем, не удержавшись, сделал нетерпе-

ливый жест, привлекший внимание старика, и тот продолжал:

— Твой отец провел два долгих, томительных года в Англии, доказывая свои права на наследство. Наконец он добился признания и поспешил вернуться домой. Но здесь некому было встретить его с радостью: его жены, его любящей Присциллы, подобной нежному цветку, который покоится у тебя на груди, уже не было в живых.

— Я знаю, — сказал глубоко взволнованный Лайонел, — она умерла!

— Но это не все, — ответил Ральф таким глухим голосом, что, казалось, он прозвучал из могилы, — она была бесчестна!

— Это ложь!

— Это правда!

— Это ложь! — повторил в бешенстве Лайонел. — Ложь более черная, чем все черные помыслы дьявола.

— Я говорю тебе, что это правда, юный безумец! Она умерла, произведя на свет плод своего позора. Когда Присцилла Лечмир встретила твоего разбитого горем отца и рассказала ему эту страшную повесть, он увидел в ее глазах торжество и заподозрил предательство. Подобно тебе, он призвал небеса в свидетели того, что твою мать оклеветали. Но некто, хорошо известный твоему отцу, при обстоятельствах, запрещающих даже думать об обмане, поклялся святым именем того, кто читает во всех сердцах, что все это истинная правда.

— А подлый соблазнитель... — вскричал Лайонел, невольно отодвигаясь от Сесилии. — Он еще жив? Дай мне возможность отомстить ему, старик, и я буду благословлять тебя за то, что ты рассказал мне эту проклятую историю.

— Лайонел, Лайонел, — мягко сказала ему жена, — и ты веришь ему?

— Верит ли он мне? — повторил Ральф и захохотал зловещим раскатистым смехом, словно даже мысль о недоверии казалась ему смешной. — Всему этому надо верить, и больше того!.. Еще раз Присцилла Лечмир пустила в ход всю свою хитрость, чтобы женить на своей дочери богатого баронета, но, когда он отказался стать ее сыном, она объединилась с адскими духами, чтобы погубить его. Честолюбие уступило место мстительности и твой отец стал ее жертвой!

— Дальше! — вскричал Лайонел, которого рассказ Ральфа так захватил, что он почти не мог дышать.

— Удар поразил твоего отца в самое сердце, и он обезумел. Но это длилось лишь краткое мгновение по сравнению с бесконечными годами, которые человек осужден влачить на земле. Однако преступники воспользовались его временным помешательством, и, когда его помраченное сознание вновь прояснилось, он увидел, что находится в сумасшедшем доме, где его продержали целых двадцать лет в обществе людей, потерявших человеческий облик. И всему этому виной низкие происки вдовы Джона Лечмира.

— Неужели это правда? Неужели? — воскликнул Лайонел, ломая в отчаянии руки. Он так резко вскочил на ноги, что невольно оттолкнул от себя, как ненужную игрушку, нежную подругу, все еще обнимавшую его. — Но где доказательства? Откуда тебе все это известно?

Снова на губах старика появилась спокойная, но скорбная улыбка, обычно освещавшая его изможденное лицо, когда он говорил о себе.

— Немногое остается сокрытым от того, кто познал истину за долгие годы жизни, — ответил он. — Впрочем, разве у меня нет тайных, неизвестных тебе способов узнавать то, что мне нужно? Вспомни обо всем, что я рассказал тебе во время наших частых свиданий; вспомни о том, что произошло у смертного ложа Присциллы Лечмир, и спроси себя сам: разве твой престарелый друг говорит неправду?

— Так открой мне все! Не пропусти ни малейшей подробности в твоем отвратительном рассказе! Открой мне все или же возьми свои слова обратно.

— Ты узнаешь все, о чем спрашиваешь, Лайонел Линкольн, и даже больше, — торжественно ответил Ральф, и в голосе его зазвучала какая-то могучая убедительная сила, — но ты должен поклясться в вечной ненависти к той стране, где законы позволяют обращаться с невинным человеком, никому не сделавшим зла, как с диким зверем!

— Я сделаю больше, в десять тысяч раз больше! Клянусь, я перейду на сторону мятежников...

— Лайонел, Лайонел! Что ты хочешь сделать! — прервала его пораженная в самое сердце Сесилия.

Но ее голос заглушили громкие крики, донесшиеся из

городка и перекрывшие гул пьяной толпы. В то же мгновение послышался торопливый топот множества ног по мерзлой земле. Ральф, у которого был такой же чуткий слух, как и у робкой Сесилии, бесшумно поднялся с могильного камня и направился к дороге, а его спутники медленно последовали за ним: Лайонел — совершенно равнодушный ко всему происходящему вокруг, а Сесилия — вся трепеща от страха за мужа, презирающего опасность.

— Они заблуждаются, думая, что разыскивают своего врага, — сказал старик, властным жестом подняв руку и как бы приказывая слушать его, — но он поклялся стать под их знамена, и они радостно примут в свои ряды человека с таким именем и из такой семьи.

— Нет, нет, — вскричала Сесилия, — он не давал такого позорного обещания! Беги, Линкольн, пока ты еще свободен! Оставь меня! Я сама встречу наших преследователей — они не причинят зла женщине.

К счастью, эти слова Сесилии заставили Лайонела опомниться, и, обняв тонкий стан жены, он увлек ее за собой, на ходу сказав Ральфу:

— Старик, как только это дорогое мне существо будет в безопасности, я разберусь, говорил ли ты правду или лгал.

Но Ральф уже далеко опередил своих спутников: старика ничто не обременяло, а его железное здоровье, казалось, смеялось над разрушительным влиянием времени. Когда он повернул в поле, прилегающее к покинутому ими кладбищу, он сделал Лайонелу и Сесилии знак рукой, словно подзывая их к себе.

Шум шагов становился все громче, и в промежутках между пушечными залпами крики погони слышались все отчетливее. Несмотря на сильную руку, поддерживающую ее, хрупкая Сесилия скоро почувствовала, что изнемогает от усталости. Когда они вышли на другую дорогу, пролегавшую вблизи от первой, она остановилась и против воли призналась, что не может идти дальше.

— Ну, тогда подождем тех, кто за нами гонится, — сказал Лайонел с внешним спокойствием, — и пусть мятежники поостерегутся злоупотреблять своим незначительным численным преимуществом.

Едва он произнес эти слова, как из-за поворота показался воз, запряженный четырьмя волами, который вскоре

поравнялся с ними. Правил волами глубокий старик, но он с большой ловкостью орудовал своей палкой, ибо постигал это искусство больше полувека. Увидев этого человека, одного на пустынной дороге, Лайонел решился на отчаянный поступок. Он оставил свою измученную подругу и с таким свирепым лицом подступил к крестьянину, что мог бы напугать всякого, кто имел хоть малейшее основание страшиться опасности.

— Куда вы направляетесь? — грозно спросил Лайонел.

— На мыс, — был ответ. — Да, да, и старые и молодые, и большие и малые, и люди и скотина, и двухколесные и четырехколесные повозки — сегодня ночью все спешат на мыс, как ты можешь сам догадаться, приятель! Да, — продолжал он, воткнув свою палку в землю и опершись на нее обеими руками, — четырнадцатого марта мне исполнилось восемьдесят три года, и, бог даст, к следующему дню моего рождения в Бостоне не останется ни одного красного мундира. По моему мнению, приятель, они слишком долго там засиделись, пора и честь знать. Сыновья мои все на войне, а моя старуха со вчерашнего вечера помогала мне нагружать этот воз сеном. Вот я и везу его в Дорчестер, и оно ни гроша не будет стоить конгрессу.

— Значит, вы везете свое сено на Дорчестерский перешеек? — спросил Лайонел, меряя взглядом старика и его упряжку и не решаясь напасть на такого немощного и беззащитного человека.

— Да говорите громче, по-солдатски, так же, как вы говорили раньше, я немного туговат на ухо, — ответил возница. — Нет, они не забрали у меня сено, они говорят, что я уже и так много сделал. А я говорю: разве можно сказать, что человек достаточно сделал для своей страны, если она хоть в чем-нибудь еще нуждается? Я слышал, что солдаты тащат на укрепления фашины, как они их называют, и прессованное сено. Ну, а сено-то как раз по моей части, вот я и навил его целый воз. И, если этого мало, пусть хоть сам Вашингтон ко мне явится. Я отдам ему и амбары, и сеновалы, и все, что у меня есть!

— Если вы готовы так много сделать для конгресса, может быть, вы поможете уставшей женщине? Ей с вами по дороге, но она слишком слаба, чтобы идти пешком.

— От всего сердца, — сказал возница, оглядываясь

кругом в поисках той, кому он хотел помочь. — Да только, может, она далеко? Ведь час уже поздний, а мне бы не хотелось, чтобы английские пули попали в кого-нибудь из наших на Дорчестерских холмах только из-за того, что там не хватило нескольких охапок сена.

— Она вас не задержит ни на минуту, — сказал Лайонел и подбежал к Сесилии, почти незаметной в тени изгороди, у которой она стояла. Подведя ее к возу, Лайонел продолжал: — Вам щедро заплатят за услугу.

— Ну, какая тут плата! Может, она дочка солдата или, скажем, его жена и ей следовало бы ехать в коляске с лошадьми, а не на возу, запряженном волами?

— Да, да, вы правы, она и жена и дочь солдата.

— Вот и славно! Ручаюсь, старый Пут не совсем ошибался, когда уверял, что женщинам под силу остановить те два полка, про которые чванный английский парламент хвастал, будто они пройдут через все колонии — от Гемпшира до Джорджии... Ну, как вы там — устроились?

— Превосходно! — ответил Лайонел, который тем временем приготовил в сене два места, для себя и Сесилии, и помог ей взобраться на воз. — Можно ехать.

Возница, который был владельцем сотни акров хорошей земли по соседству, без долгих разговоров взмахнул своей палкой и погнал вперед четырех волов. Ральф наблюдал за этой короткой сценой, прячась в тени изгороди. Когда воз отъехал, он махнул рукой, перешел через дорогу, и скоро его серая фигура растаяла в туманной дымке, словно призрак.

Между тем погоня за беглецами не прекращалась: кругом раздавались голоса и в обманчивом свете луны мелькали тени солдат, рассыпавшихся по полям. Кроме того, как слишком поздно сообразил Лайонел, оказалось, что им придется проехать через Кембридж. Когда он заметил, что они въехали на улицы городка, то охотно покинул бы воз вместе с Сесилией, но было слишком опасно попасть в самую гущу солдат, беспорядочно сновавших повсюду. Оставалось только неподвижно и молча лежать, зарывшись в сено, в надежде, что их не заметят. В довершение всего пылкий патриотизм старого возницы не спасал его от некоторых слабостей, и он, вместо того чтобы ехать прямой дорогой, повернул своих волов и остановился у того самого трактира, куда за несколько часов до этого доставил

Сесплию американский офицер. Здесь царило такое же бурное, беззаботное веселье, как и раньше. Появление странного экипажа сразу собрало вокруг него толпу, и злополучная парочка на возу стала с тревогой прислушиваться к разговорам.

— Что, старина, и тебя конгресс запряг в работу? — закричал солдат с кружкой пива в руке. — Ну-ка, промочи себе горло, почтенный отец Свободы, — для сына Свободы ты ведь староват!

— Да, да, — ответил восхищенный фермер, — я и отец Свободы и сын. У меня четверо сыновей на войне да семеро внуков в придачу. В одной нашей семье могло быть одиннадцать добрых стрелков, если бы у пяти ружей было вдвое больше замков. Однако младшие все-таки раздобыли себе охотничье ружьецо и даже одну двустволку. А у мальчишки Аарона такой седельный пистолет, что лучше его, я думаю, нет во всем Массачусетсе! Ну и подняли же вы тарарам сегодня ночью! Этого пороха небось хватило бы еще для одного сражения на Банкер-Хилле.

— Простая военная хитрость, старик! Надо было отвлечь англичан от Дорчестера.

— Если бы они и глазели на него, не много увидели бы в такую темную ночь.

— Твоя правда, отец. А вот не видел ли ты, как по дороге улепетывали двое мужчин и одна женщина?

— Двое, ты говоришь? Двое? — спросил фермер и наклонил голову набок, словно размышляя о чем-то.

— Да, двое мужчин.

— Нет, двоих я не видел. Ты говоришь, они бежали из города?

— Да, и бежали так, словно за ними гнался сам дьявол.

— Нет, я не видел двоих. Да и вообще не видел, чтобы кто-нибудь бежал. Оно, конечно, от хорошего дела не побежишь... А что, за их поимку назначена награда? — перебил сам себя старик и снова задумался.

— Пока еще нет, ведь они только что убежали.

— Самый верный способ поймать вора — это пообещать за его поимку хорошую награду. Нет, я не видел двоих мужчин. А ты уверен, что их было двое?

— Эй, ты, проезжай со своим возом! И поживее! — закричал офицер-интендант, мчавшийся по улице на коне.

И фермер вдруг вспомнил, что ему надобно торопить-

ся. Он взмахнул палкой и, пожелав веселым солдатам доброй ночи, погнал своих волов. Однако еще долго после того, как старик покинул городок и перебрался через реку, он то и дело останавливал воз, словно колеблясь, продолжать ли ему путь или вернуться назад. Наконец он взобрался повыше на сено и уселся так, чтобы одним глазом наблюдать за волами, а другим — за Лайонелом и Сесилией. Около часа старик рассматривал своих спутников, и никто не проронил за это время ни слова, после чего он, очевидно, решил, что его подозрения напрасны, и больше не обращал на них внимания. Быть может, он забыл о своих сомнениях еще и потому, что дорога была забита встречными возами и править становилось все труднее.

Лайонел, которого волнения последних часов заставили забыть о прежних мрачных мыслях, теперь вздохнул с облегчением, понимая, что пока им больше ничего не грозит. Прошептав на ухо Сесилии слова ободрения и надежды, он закутал ее в свой плащ, чтобы защитить от холодного ночного воздуха, и вскоре по ее спокойному дыханию убедился, к своей радости, что она задремала, побежденная усталостью.

Уже было далеко за полночь, когда показались холмы за Дорчестерским перешейком. Сесилия проснулась, и Лайонел стал подыскивать благовидный предлог, чтобы проститься со стариком, не вызвав у него новых подозрений. Наконец показалось пустынное место, где сделать это было всего удобнее. Лайонел уже хотел заговорить с возницей, как вдруг волы сами остановились: посреди дороги стоял Ральф.

— Посторонись, приятель! — закричал фермер. — Бессловесная скотина не может пройти, когда ей загораживает дорогу человек.

— Спускайтесь! — сказал Ральф, взмахом руки указывая на поля.

Лайонел тотчас же повиновался, и не успел еще возница слезть с воза, как беглецы уже стояли на дороге.

— Вы нам оказали гораздо большую услугу, чем думаете, — сказал Лайонел фермеру, — вот вам пять гиней.

— За что? За то, что вы проехали несколько миль на возу с сеном? Нет, нет, за дружескую услугу в Массачусетсе денег не берут. Эй, приятель, у вас, кажется, кошелек

полон денег, это не часто встречается в наше трудное время!

— Я бесконечно вам благодарен, но не могу больше задерживаться, чтобы дать вам еще.

Заметив нетерпеливое движение Ральфа, Лайонел быстро перенес Сесилию через изгородь, тянувшуюся вдоль поля, и вскоре все трое исчезли из виду, а удивленный фермер все еще продолжал что-то говорить.

— Эй, эй, приятель! — вдруг завопил достойный защитник отечества и побежал за ними со всей быстротой, какую позволял его возраст. — Разве вас было трое, когда я вас подобрал?

До беглецов донеслись возгласы словоохотливого старика, но, как легко себе представить, они не сочли нужным останавливаться, чтобы обсудить с ним этот вопрос. А несколько секунд спустя яростные вопли: «Чего стали посреди дороги?» — и стук колес возвестили, что появление встречных порожних фургонов заставило старого возницу вернуться к своим волам, и, пока еще можно было разобрать слова, Лайонел и его друзья слышали, как их недавний спутник громко рассказывал остальным, что произошло. Впрочем, о погоне за беглецами никто и не думал: у возчиков были более неотложные дела, чем преследование воров, даже если бы за их поимку и назначили награду.

Кратко объяснив свои намерения, Ральф кружным путем повел Лайонела и Сесилию к берегу залива. Там в неглубокой бухточке они нашли спрятанную в камышах лодку, и Лайонел узнал суденышко, на котором Джэб Прей в часы досуга ловил рыбу. Все немедля сели в лодку, и Лайонел, взявшись за весла и пользуясь начавшимся отливом, умело направил ее в сторону видневшихся вдали колоколен Бостона.

Ночные тени еще боролись со светом зарождающегося дня, когда яркая огненная вспышка осветила туманный горизонт и снова послышался рев затихшей к утру канонады. Но теперь грохот пушек раздавался с моря, и облако, вставшее над туманным портом, говорило о том, что корабли снова приняли участие в бою. Эта неожиданная канонада побудила Лайонела направить лодку к островкам, потому что и форт и южные городские батареи присоединились к кораблям и обрушили свои ядра на землекопов, еще трудившихся на холмах Дорчестера. Когда

утлое суденышко скользнуло мимо большого английского фрегата, Сесилия увидела юношу, который был ее первым проводником во время ее вчерашних ночных странствий. Он стоял на корме и с удивлением тер себе глаза, глядя на высоты, овладеть которыми, как он и предсказывал, можно было, лишь пролив реки крови. Короче говоря, в то время как Лайонел работал веслами, его взору открылось зрелище, напоминавшее битву при Бридс-Хилле: одна батарея за другой вслед за кораблями наводила пушки на дерзких колонистов, которые, как и в тот раз, ускорили развязку своей смелостью. Внимание всех было занято происходящим, и лодка, никем не замеченная, плыла вдоль пристани; утренний туман еще не растаял, когда она свернула в узкий пролив и причалила к берегу неподалеку от пакгауза, на том самом месте, где слабоумный хозяин так часто оставлял ее.

Глава XXXIII

Почил высокий дух. — Спи, милый принц.
Шекспир, «Гамлет»

Лайонел помог Сесилии взойти по крутой лестнице, и они вместе с их спутником очутились на разводном мосту.

— Здесь мы с вами простимся, — сказал Лайонел, обращаясь к Ральфу. — Вы доскажете вашу печальную повесть при других, более подходящих обстоятельствах.

— Более подходящих обстоятельств, чем теперь, у нас больше не будет: время, место, положение города — все благоприятствует нам.

Лайонел бросил беглый взгляд на унылую рыночную площадь. При сером свете раннего утра было видно, как несколько полуодетых солдат и перепуганных горожан бежали в ту сторону, где гремела канонада. В этой сумятице никто не обратил внимания на появление троих путников.

— Время и место, — медленно повторил Лайонел.

— Да, и время и место. Разве в другое время друг Свободы мог бы пройти незамеченным среди этих нечести-

вых наемников, которые сейчас вне себя от страха вскочили со своих постелей? А вот и место, — прибавил старик, указывая на старый пакгауз, — где вы услышите подтверждение всему, что я рассказал.

Майор Линкольн на мгновение задумался. Вероятно, он вспомнил все, что ему было известно о таинственной связи, существовавшей между жалкой нищенкой, обитавшей в этом складе, и покойной бабкой Сесилии, женщиной, о чьих коварных интригах, причинивших столько зла его семейству, он узнал на старом кладбище. Некоторое время он стоял в нерешительности.

— Ну хорошо, — сказал он наконец, — я пойду с вами. Кто знает, как далеко зайдет дерзость мятежников, и, быть может, такой случай нам больше не представится. Я только сперва отведу это дорогое мне создание...

— Нет, Лайонел, я не хочу, я не должна расставаться с тобой, — горячо возразила Сесилия, — иди за ним, выслушай его и узнай все, но и твоя жена имеет право быть при этом!

Не дожидаясь дальнейших возражений, Ральф легким мановением руки предложил Лайонелу и Сесилии следовать за ним и быстрым шагом повел их в низкое и темное убежище Эбигейл Прей. Тревога, царившая в городе, еще не достигла этого заброшенного строения, сейчас еще более сумрачного и безмолвного, чем обычно. Очутившись в помещении, где накануне буйствовали солдаты, они пробирались между кучками разбросанной по полу пакли, как вдруг услышали тихие стоны, доносившиеся из комнаты в одной из башен, и догадались, что найдут там ее страждущих обитателей. Отворив дверь в каморку, Лайонел и Сесилия остановились на пороге; даже старик не сразу решился войти туда.

Подавленная горем, мать дурачка сидела на грубой скамейке и чинила бедную одежду, изношенную и изорванную ее беспечным сыном. Руки женщины работали с привычной ловкостью и быстротой, но ее суровые сухие глаза выдавали глубокое внутреннее страдание, которое она старалась скрыть. Джэб по-прежнему лежал на своем жалком ложе, но дыхание его стало еще более громким и тяжелым, чем когда мы покинули его, а обострившиеся черты его лица свидетельствовали о том, что конец уже недалек. Подле Джэба сидел Полуорт и с важным видом, словно врач, щупал ему пульс. Поминутно переходя

от опасений за жизнь больного к надежде на его выздоровление, капитан все время вглядывался в его стеклеиеющие глаза.

Естественно, что ни на кого из них внезапное появление новых лиц не произвело особого впечатления. Джэб обратил на вошедших помутневший, невидящий взгляд и, не узнав их, снова уставился в одну точку. Луч радости скользнул по лицу добряка Полуорта, когда он увидел Лайонела и Сесилию, однако выражение озабоченности тотчас же вернулось на его обычно благодушную физиономию. И лишь Эбигейл, когда перед ней неожиданно вырос Ральф, опустила голову на грудь и задрожала всем телом. Но, хотя ее лицо исказилось, она быстро справилась со своим волнением, и пальцы ее вновь принялись за работу и задвигались с привычной быстротой.

— Объясни мне, что все это значит? — спросил Лайонел у своего друга. — Как ты попал в жилище этих несчастных? И что за беда случилась с Джэбом?

— В твоем вопросе заключается и ответ на него, майор Линкольн, — серьезно ответил капитан, не сводя внимательных глаз с больного. — Я здесь, потому что они несчастны.

— Твои побуждения похвальны. Но чем он болен?

— Видимо, функции его организма ослаблены из-за какого-то значительного повреждения. Сообразив, что он болен от истощения, я дал ему столько вкусной и питательной пищи, что ее хватило бы для самого крепкого солдата в нашем гарнизоне, однако состояние его, как ты сам видишь, остается очень опасным.

— Он болен заразной болезнью, свирепствующей в городе, а ты накормил его до отвала, когда он был в жару!

— Что такое оспа в сравнении с самым страшным недугом — голодом? Полно, Лео, ты слишком много читал в школе латинских поэтов, и у тебя не хватило досуга изучить естественную философию. Врожденный инстинкт научит даже ребенка найти лекарство от голода.

Лайонел не был склонен вступать со своим другом в спор по вопросу, в котором тот считал себя знатоком, и обратился к Эбигейл:

— Но вы-то, с вашим опытом больничной сиделки, вы бы могли посоветовать ему быть осторожнее!

— Может ли слушаться опыта сердце матери, если ее дитя молит о пище? — ответила несчастная Эбигейл. —

Нет, нет, мать не может быть глуха к его стонам, а когда сердце истекает кровью, разум молчит.

— Не надо никого упрекать, Лайонел, — сказала Сесилия. — Вместо того чтобы разбирать причины, вызвавшие опасность, постараемся лучше справиться с ней.

— Слишком поздно, слишком поздно! — ответила неутешная мать. — Его часы сочтены, и смерть уже витает над ним.

— Оставьте эти лохмотья, — сказала Сесилия, осторожно пытаясь отнять у женщины одежду ее сына. — Не утомляйте себя бесполезной работой в такую священную минуту.

— Вы не знаете, сударыня, что такое чувства матери, и дай вам бог никогда не знать материнских горестей. Я работала для своего сына двадцать семь лет; не отнимайте у меня этого утешения в те немногие минуты, что ему осталось жить.

— Неужели ему столько лет? — воскликнул в изумлении Лайонел.

— Да, и все-таки ему еще рано умирать!

Ральф, который до тех пор стоял неподвижно и не сводил глаз с умирающего, при этих словах обернулся к Лайонелу и дрожащим от волнения голосом спросил:

— Он умрет?

— Боюсь, что да! Его лицо уже отмечено печатью смерти.

Легкими, почти неслышными шагами старик подошел к постели Джэба и сел напротив Полуорта. Не замечая удивления капитана, он поднял руку, словно призывая всех к молчанию, а затем, посмотрев с горестным участием на лицо больного, сказал:

— Итак, смерть пришла и сюда. Она не щадит даже самых юных и обходит лишь одного старика. Скажи мне, Джэб, какие видения встают перед твоими очами: мрачная обитель осужденных навеки грешников или сияющие чертоги праведников?

При звуках этого хорошо знакомого голоса в помутневших глазах дурачка появился проблеск сознания, и он с кроткой доверчивостью взглянул на старика. Клокотание у него в горле стало громче, потом совсем стихло, и глубоким голосом он сказал:

— Бог не сделает зла тому, кто никогда не причинил зла божьим созданиям!

— Императоры, короли и все сильные мира сего могли бы позавидовать твоему жребию, безвестное дитя нищеты! — произнес Ральф. — Ты и тридцати лет не подвергался испытаниям и уже расстаешься со своей земной оболочкой. Как и ты, я достиг возмужалости и познал всю тяжесть жизни; но я не могу умереть подобно тебе! Помолись же за несчастного старика, который так долго влачит эту бренную жизнь, что смерть позабыла о нем, помолись за старика, который устал от земной юдоли, где царят грехи и предательство. Но подожди умирать! Не уходи, пока твоя душа не унесет с собой на небеса хоть какие-нибудь знаки раскаяния этой грешницы!

Эбигейл тяжело застонала: работа выпала у нее из рук, голова опустилась на грудь, и она поникла в позе глубокого отчаяния. Вдруг она вскочила и, отбросив назад непокорные пряди волос, тронутых сединой, но еще пышных и блестящих, огляделась вокруг такими дикими и растерянными глазами, что привлекла к себе внимание всех.

— Настал час, когда ни страх, ни стыд больше не смогут сковать мой язык, — сказала она. — Слишком явно видна рука провидения, собравшего всех вас у смертного одра моего сына, чтобы я могла долее молчать. Майор Линкольн, в жилах этого беспомощного больного течет ваша кровь, хотя он и не разделял вашего благополучия. Джэб — ваш брат!

— Она обезумела от горя! — воскликнула Сесилия. — Она сама не знает, что говорит!

— Она сказала правду! — спокойно ответил Ральф.

— Слушайте, — продолжала Эбигейл, — слушайте страшного свидетеля, которого небо прислало сюда, чтобы подтвердить, что я не лгу. Он знает мою тайну, хоть я и думала, что грех мой сокрыт от всех в сердце человека, тяжко передо мной виноватого.

— Женщина! — вскричал Лайонел. — Желая обмануть меня, ты обманываешь только себя! Пусть голос самого неба прозвучит в подтверждение этой проклятой выдумки, все равно я никогда не поверю, что это безобразное существо произвела на свет моя красавица мать!

— Как он ни безобразен и жалок, его мать была не менее красива, хотя и менее счастлива, чем твоя мать, которую ты так превозносишь, надменный сын богатства! Ты можешь взывать к небесам и богохульствовать, но все-таки он твой брат, твой старший брат!

— Это правда, святая правда! — повторил старик.

— Не может быть! — вне себя крикнула Сесилия. — Лайонел, не верь им, они противоречат сами себе.

— Ты сама служишь подтверждением моим словам, — сказала Эбигейл, — ведь ты у алтаря признала над собой власть сына? Как же могла я, молодая, легкомысленная, неопытная, не поддаться обольщениям отца!

— Так Джэб все-таки твой сын?! — воскликнул Лайонел и вздохнул с облегчением. — Но продолжай твой рассказ, ты среди друзей!

— Да, да, — ломая руки, с горечью сказала Эбигейл. — Вы легко прощаете мужчине грех, за который осудите женщину. Майор Линкольн, какой бы презренной, отверженной я ни казалась вам, но ваша мать была не более прекрасна и чиста, чем я, когда моя юная красота привлекла к себе взоры вашего отца. Он был знатен и могуществен, а я была простая и никому не известная девушка. Несчастный залог нашей пагубной страсти появился на свет уже после того, как ваш отец встретил вашу более счастливую мать.

— Может ли это быть?

— Да, это так, — прошептал Ральф.

— Когда добродетель и честь были давно позабыты, пришел стыд. Я жила в доме надменных родных вашего отца, и у меня было много случаев убедиться в его непостоянстве и увлечении целомудренной Присциллой. Он ничего не знал о моем положении. В то время как мне хотелось умереть от сознания своего позора, он не думал обо мне и доказывал своим поведением, как легко забывают в дни счастья тех, с кем раньше делили вину. Наконец родился ты; он не знал того, что я приняла новорожденного из рук его завистливой тетки. Какие черные мысли нахлынули на меня в эту горькую минуту! Но благодарение богу, они рассеялись, и я избежала греха убийства.

— Убийства!

— Да, убийства! О, вы не знаете, как желанна месть для тех, кто несчастен! Случай не замедлил представиться, и на краткий миг я вкусила адскую радость отмщения. Ваш отец уехал добиваться своих прав, а в это время его любимую жену, оставшуюся здесь, поразил ужасный недуг. Да, как ни сильно изменилось обезображенное оспой лицо моего бедного сына, прекрасное лицо твоей матери было еще безобразнее. Эта оклеветанная женщина была

на смертном одре так же страшна, как страшен сейчас мой Джэб. Но всемогущий бог справедлив, и я склоняюсь перед его волей.

— Оклеветанная женщина! — повторил Лайонел. — Говори же, говори, и я буду всегда благословлять тебя!

Эбигейл застонала так протяжно и глухо, что окружавшим ее почудилось, будто это испустил дух ее сын. Совсем обессиленная, она опустилась на скамейку и, поникнув головой, опять спрятала лицо в складках своего платья.

— Оклеветанная! — медленно, с презрительной усмешкой произнес Ральф. — Какого только наказания не заслуживает развратница!

— Да, оклеветанная! — воскликнул Лайонел. — Клянусь жизнью, старик, рассказ твой был лжив!

Ральф молчал, но губы его быстро шевелились, словно он возражал про себя на эти слова, а на его исхудалом лице появилась ироническая улыбка.

— Не знаю, что вы могли услыхать от других, — снова заговорила Эбигейл, но так тихо, что тяжелое и мерное дыхание Джэба почти заглушало ее слова, — но бог мне порукой, вы не услышите от меня ни единого слова неправды. По законам нашей колонии больных заразной болезнью отделяют от здоровых, и ваша мать очутилась в моей власти, а также во власти другой женщины, ненавидевшей ее еще больше, чем я.

— Боже правый! И вы подняли на нее руку?

— От такого преступления нас избавила ее болезнь. Ваша мать умерла обезображенная; я же хоть и утратила очарование первой юности, но была по-прежнему хороша, а людское презрение и нищета еще не коснулись меня своим тлетворным дыханием. Эта мысль служила мне грехóвным, но сладостным утешением. Тщеславная и легкомысленная, я все же не столько любовалась своей молодой красотой, сколько радовалась безобразию соперницы. А ваша бабушка тоже, конечно, действовала по наущению дьявола...

— Говорите только о моей матери, — резко перебил ее Лайонел, — о своей бабушке я знаю все.

— Черствая и расчетливая, ваша бабушка не знала разницы между добром и злом. Она даже возомнила, что может разбить сердце человека, а потом исцелить его новой любовью. Едва ваша кроткая мать испустила послед-

ний вздох, как был составлен гнусный заговор, чтобы очернить ее доброе имя. Ваша бабушка решила, что ей удастся с помощью хитрых речей привести оскорбленного в своих чувствах супруга к ногам ее дочери — ни о чем не подозревавшей матери вашей супруги, которая стоит сейчас рядом с вами. А я в своем легковерии возлагала надежды на то, что со временем мое дитя и чувство справедливости смягчат сердце отца и соблазнителя и я займу положение, которое занимала ненавистная мне женщина.

— И мой обманутый отец услышал эту бесчестную клевету со всеми ее гнусными подробностями?

— Да! Сначала он колебался и не хотел верить. Тогда я поклялась на святом евангелии, что все это правда.

— И он, — спросил Лайонел, почти задохнувшись от волнения, — он поверил?

Он поверил, когда услышал торжественную клятву, произнесенную женщиной, за которой не знал иной вины, кроме сердечной склонности к нему. А потом он разразился страшными проклятьями, и его красивое лицо исказилось от гнева, и мы обе подумали, что добились своего. Но мы не знали, как велика разница между глубокой страстью и мимолетным увлечением. Мы хотели исторгнуть из его сердца любовь к умершей, но лишь разбили его; мы хотели ввести его в заблуждение и отняли у него рассудок.

Эбигейл умолкла, и в комнате наступила такая тишина, что стал отчетливо слышен глухой рокот взволнованного города, подобный налетающему ветру, а гром канонады, казалось, зазвучал совсем близко. Дыхание Джэба внезапно прервалось, словно душа его ждала только конца этой исповеди. Полуорт незаметно для себя выпустил его безжизненную руку, забыв о том горячем сочувствии, которое еще так недавно испытывал к бедняге. В этой мертвой тишине Ральф вдруг вскочил со своего места у ложа покойного и приблизился к Эбигейл, которая стояла, низко опустив голову, терзаясь муками совести и запоздалым раскаянием. Он набросился на нее, точно тигр, и закричал так дико и страшно, что все задрожали от испуга.

— Чудовище! — воскликнул он. — Теперь ты не уйдешь от меня! Принесите сюда священную книгу! Пусть она поклянется еще раз! Пусть поклянется еще раз! И да будет проклята душа клятвопреступницы!

— Отпусти эту женщину, негодяй! — закричал Лайонел,

поспешив на помощь к кающейся грешнице. — Вспомни, как ты, седовласый обманщик, лгал мне!

— Лайонел, Лайонел! — взмолилась в ужасе Сесилия. — Опусти свою безумную руку! Ты поднимаешь ее на отца!

Лайонел отпрянул и застыл у стены едва дыша. А сумасшедший старик в порыве неистовой злобы, наверно, скоро прекратил бы муки несчастной Эбигейл, если бы ему неожиданно не помешали. Дверь с шумом распахнулась, и в комнату ворвался незнакомец, которого Ральф хитростью оставил в плену у американцев.

— Мне хорошо знаком ваш вопль, почтенный баронет, — крикнул сторож дома для умалишенных, ибо такова была его должность, — и я выследил вас. Своими коварными происками вы едва не отправили меня на виселицу. Но не для того я ездил из страны в страну, из Европы в Америку, чтобы позволить безумцу ускользнуть от меня.

С этими словами он кинулся к баронету, и по его мрачному взгляду было видно, как велика и в нем жажда мести за все опасности, которым он подвергался, попав в американский лагерь. Едва старик увидал ненавистного ему человека, как он отпустил Эбигейл и с яростью окруженного охотниками льва набросился на своего врага. Тотчас же завязалась упорная, жестокая борьба. Хриплые проклятья и площадная брань рассвирепевшего сторожа смешались с диким ревом безумного старика. Наконец Ральф, которому возбуждение придало невероятную силу, одержал верх над противником, и тот, побежденный, упал. Старик мгновенно склонился над ним и сжал ему горло своими железными пальцами.

— Месть священна! — вскричал сумасшедший и разразился жутким торжествующим хохотом, дико тряся всклокоченными седыми волосами, упавшими на его сверкающие глаза. — Свобода — наш девиз! Так умри же, проклятый пес! Умри, как злой дух в аду, и дай нам свободно дышать!

Страшным усилием сторожу удалось на миг вырваться из душивших его пальцев старика, и он прохрипел:

— Помогите же мне! Неужели вы допустите, чтобы у вас на глазах убили человека?

Однако он напрасно взывал о помощи. Обе женщины в ужасе закрыли лицо руками. Полуорт не мог двинуться с места без своей деревянной ноги, а оцепеневший Лайонел

— Чудовище! — воскликнул Ральф. — Теперь ты не уйдешь от меня!

смотрел на яростную драку застывшим взглядом. В эту роковую минуту рука сторожа вдруг трижды опустилась на грудь Ральфа. После третьего удара старик с громким смехом выпрямился, а его противник, воспользовавшись этим, опрометью выбежал из комнаты, словно преступник, спасающийся от погони.

Безумец продолжал стоять. Кровь ручьями текла из его ран, и, пока жизнь в нем боролась со смертью, лицо его менялось с каждой секундой. Когда же силы его иссякли, луч сознания озарил его бледные, страшные черты. Судорожный смех прекратился. Сверкающие глаза перестали блуждать и, постепенно теплея, остановились на перепуганной молодой чете, которая пыталась ему помочь. Лицо старика приняло спокойное и доброе выражение, его губы зашевелились, но говорить он уже не мог и только протянул вперед руки, благословляя своих детей точно так же, как это сделала таинственная тень в церкви во время венчания. Еще мгновение, и он упал мертвым на бездыханное тело Джэба, в котором он так долго не узнавал своего сына.

Глава XXXIV

Я видел старца дряхлого в гробу,
Покинувшего мир бессчетных бед.
Читалась летопись на желтом лбу
Забот и горестей забытых лет,
И в скорбный час последнего прощанья
Был слышен женский плач, детей рыданья.

Брайант

Едва лишь начало светать, как бостонский гарнизон пришел в движение. Все напоминало такое же утро перед битвой полгода назад: одни, полные боевого задора, с жаром готовились к сражению, другие делали это неохотно. Надменный английский главнокомандующий не мог стерпеть дерзости колонистов и рано утром отдал приказ выбить их с высот Дорчестера. Англичане принялись обстреливать эти высоты из всех своих пушек, но американцы и под градом ядер продолжали спокойно возводить укрепления. Под вечер к ним прибыло пополнение, которое высадилось у форта. На холмах находился сам Вашингтон,

и все говорило о том, что одна сторона готовится к решительному наступлению, а другая — к упорной обороне.

Однако англичане еще помнили роковой урок, полученный ими при Бридс-Хилле. Тем же командирам приходилось играть главные роли и в предстоящей драме, в которой должны были также участвовать и превратившиеся теперь в батальоны полки, понесшие тогда столь жестокие потери. Офицеры королевской армии более не презирали «необученный сброд», а зимняя кампания показала английским генералам, что, по мере того как дисциплина американцев крепла, они начинали действовать все более энергично и слаженно. Тысячи воинов уснули в обоих лагерях, не выпуская оружия из рук, ожидая, что наутро им придется вступить в кровавый бой.

Судя по медлительности бостонского гарнизона, большинство английских солдат не очень сетовало на стечение обстоятельств, избавившее их от необходимости пролить потоки крови, а может быть, и от позора поражения. Ночью внезапно поднялась буря, какие часто бывают в этих местах. Люди и животные, обезумев от страха, бросились в беспорядке бежать, ища защиты от разбушевавшейся стихии. Удобный момент для выступления против американцев был упущен, и после стольких лишений, перенесенных английской армией, стольких бесполезно потерянных человеческих жизней Хау скрепя сердце отдал приказ покинуть город, на который так долго изливали слепую и бессильную злобу королевские министры.

Однако, чтобы выполнить это неожиданное, но вызванное обстоятельствами решение, потребовалось немало времени. Стараясь причинить как можно меньше повреждений своему городу, американцы не воспользовались преимуществами занятой ими позиции и не обстреливали со своих высот ни порт, ни ставшие теперь весьма уязвимыми английские укрепления. В то время как неровная и слабая пушечная пальба поддерживала видимость продолжающихся военных действий, но, казалось, служила скорее для развлечения, одна сторона усиленно готовилась к уходу из города, а другая в бездействии ожидала минуты, когда можно будет беспрепятственно вступить в него. Нет надобности напоминать читателю, что господство над морем принадлежало англичанам и что всякая попытка помешать их отступлению по воде была обречена на неудачу.

С той ночи, когда разразилась буря, прошла неделя. Город всю эту пору находился в возбуждении: необычайные события чрезвычайно волновали жителей, наполняя радостью одних и приводя в отчаяние других.

На исходе одного такого беспокойного дня из ворот дома, принадлежавшего одному из самых знатных семейств колонии, вышла немногочисленная похоронная процессия, сопровождавшая носилки с гробом. Над парадной дверью дома был вывешен темный щит с бегущим оленем — родовым гербом Линкольнов. Герб окружали символические изображения смерти, и среди них очень редкая эмблема — «кровавая рука». Этот геральдический знак траура, появлявшийся на домах Бостона только в случае смерти самых видных лиц — старинный обычай, исчезнувший вместе с нравами монархии, — привлек к себе внимание только уличных мальчишек, единственных праздных обитателей города, способных в подобное время заинтересоваться таким зрелищем. Они не преминули присоединиться к печальному кортежу, который направился к кладбищу Королевской церкви.

Носилки были накрыты столь широким погребальным покровом, что его края обмели порог церкви, где гроб встретил священник, о котором мы уже не раз упоминали. Священник с каким-то особым участием взглянул на молодого человека в глубоком трауре, одиноко шедшего впереди всех за гробом. Процессия торжественно и медленно проследовала в храм. За молодым человеком шел сам английский главнокомандующий Хау вместе со своим другом, остроумным генералом Бергойном. С ними был еще один офицер, носивший далеко не столь высокий чин, который благодаря медленному движению процессии не отставал от нее, несмотря на свою деревянную ногу, и до самых дверей церкви занимал своих спутников какой-то интересной и весьма загадочной историей. Далее следовали родственники обоих генералов, а замыкали кортеж старые слуги Линкольнов и кучка зевак, не отставававших от них ни на шаг.

Когда заупокойная служба окончилась, генералы, выйдя из церкви, возобновили свою тихую беседу с сопровождавшим их офицером и умолкли, только достигнув открытого склепа в отдаленном углу кладбища. Хау, до сих пор внимательно смотревший на собеседника, обратил свой взор в сторону опасных высот, занятых неприятелем. Ин-

терес, вызванный рассказом о стольких таинственных событиях, угас, и лица генералов скоро приняли озабоченное выражение, которое свидетельствовало, что мысли их теперь занимали не тяжелые несчастья одного семейства, а собственные их обязанности и предстоящие им важные дела.

Носилки поставили у входа в склеп, и к ним подошли могильщики. Когда они сняли погребальный покров, то под ним, к изумлению большинства присутствующих, оказалось два гроба. Один был покрыт черным бархатом, прибитым серебряными гвоздями, и убран со всевозможной пышностью, другой гроб был из темного дерева и без всяких украшений. На стенке одного гроба виднелась тяжелая серебряная дощечка с длинной надписью и дворянским гербом, на крышке другого гроба были вырезаны только две буквы: Д. П.

Нетерпеливые взгляды генералов подсказали преподобному Литурджи, что они торопятся, и быстрее, чем об этом можно рассказать, останки богатого баронета и его безымянного товарища были опущены в склеп и поставлены рядом с прахом женщины, которая при жизни причинила столько зла и тому и другому.

Из уважения к молодому человеку в трауре генералы чуть помедлили, но, заметив, что он еще хочет побыть на кладбище, тотчас же ушли в сопровождении всех, кроме упомянутого офицера с деревянной ногой, в котором читатель, конечно, узнал Полуорта. Могильщики закрыли вход в склеп на железный засов, повесили на нем тяжелый замок и вручили ключ Лайонелу. Молча взяв ключ, он дал каждому по золотой монете и знаком велел им удалиться.

Теперь невнимательный наблюдатель мог бы подумать, что, кроме Лайонела и Полуорта, на кладбище не осталось ни единой живой души. Однако у подножия стены, примыкающей к склепу, защищенная от посторонних глаза надгробным памятником, на земле сидела женщина, закутанная в плащ. Убедившись, что они остались одни, друзья медленно приблизились к убитой горем женщине.

Она услышала шаги, но не оглянулась и, молча повернувшись к стене, стала машинально водить пальцами по выпуклой надписи на каменной плите, вделанной в кирпичи и указывающей на местоположение родовой усыпальницы Лечмиров.

— Мы ничего больше не можем сделать, — сказал

Лайонел. — Они теперь там, где им не нужны людские заботы.

Исхудалая рука, высовывавшаяся из-под красного плаща, задрожала, но пальцы продолжали свое бессмысленное занятие.

— С вами говорит сэр Лайонел Линкольн, — сказал Полуорт, на руку которого опирался молодой баронет.

— Кто? — дико вскрикнула Эбигейл, отбросив плащ и открыв свое изможденное лицо, еще больше изменившееся от горя за последние несколько дней. — Ах да, я позабыла! Сын наследует отцу, а мать должна следовать за сыном в могилу.

— Его похоронили с почестями рядом с родными ему по крови и с человеком, который любил его за душевную чистоту.

— Да, после смерти он получил лучшее жилище, чем у него было при жизни. Он уже никогда не будет знать ни холода, ни голода.

— Я позаботился о том, чтобы вы больше ни в чем не нуждались, и надеюсь, остаток вашей жизни будет счастливее, нежели ее начало.

— Я одна во всем мире, — хриплым голосом сказала женщина. — Старики будут избегать меня, молодые — презирать. Клятвопреступление и коварная месть тяжелым бременем лежат у меня на совести.

Молодой баронет молчал, но Полуорт счел себя вправе ответить ей.

— Я не собираюсь отрицать, что то и другое дурно, — сказал почтенный капитан. — Но, наверно, в библии найдутся строки, которые помогут вам обрести душевный покой. Кроме того, позвольте мне вам посоветовать хорошо питаться, и ручаюсь, что совесть перестанет вас тревожить. Я не знаю более верного лекарства. Оглянитесь вокруг: испытывает ли сытый злодей муки совести? Нет. Он начинает думать о своих грехах лишь тогда, когда у него пусто в желудке. Я посоветовал бы также вам сейчас же, не откладывая, основательно подкрепиться, а то от вас остались только кожа да кости. Мне не хотелось бы огорчать вас, но мы оба помним случай, когда еда пришла на помощь слишком поздно.

— Да, да, слишком поздно, — прошептала измученная угрызениями совести женщина. — Все приходит слишком поздно, и даже раскаяние!

— Не говорите так, — заметил Лайонел. — Божье милосердие безгранично.

Эбигейл бросила на него взгляд, выдававший ее тайный страх, и почти шепотом спросила:

— Вы присутствовали при кончине миссис Лечмир? Отлетела ли в мире ее душа на небо?

Сэр Лайонел ничего не ответил.

— Я так и думала, — продолжала Эбигейл. — Такой грех нельзя не вспомнить на смертном одре. Замышлять втайне злое дело и громко призывать бога в свидетели своей правоты! Ах, омрачить такой светлый ум, погубить такую душу!.. Уходите отсюда! — с горячностью добавила она. — Вы молоды и счастливы, зачем вам так долго оставаться у могил? Оставьте меня, дайте мне здесь помолиться! Ничто так не помогает в горькие минуты, как молитва.

Лайонел бросил к ее ногам ключ, который держал в руке.

— Этот склеп заперт навеки, — сказал он, — если только когда-нибудь его не откроют по вашему требованию, чтобы положить вас рядом с сыном. Потомки тех, кто выстроил этот склеп, уже все собрались здесь, двое еще живущих уедут завтра на другое полушарие, чтобы там окончить свою жизнь. Возьмите ключ, и да простит вас небо, как прощаю вам я.

Он положил рядом с ключом тяжелый кошелек и, не говоря больше ни слова, ушел, опираясь на Полуорта. Выйдя из ворот кладбища и очутившись на улице, они бросили последний взгляд на Эбигейл. Она стояла на коленях, обхватив руками надгробный памятник, и почти касалась земли лицом — по ее позе, полной глубокого смирения, было видно, что она молит бога о прощении.

Через три дня в город, покинутый английской армией, с триумфом вошли американцы. Те из них, кто отправился на кладбище поклониться могилам своих отцов, наткнулись на труп женщины, очевидно, замерзшей от холода. Она открыла склеп, но силы ей изменили, и она не смогла спуститься к гробу своего сына. Женщина вытянулась на бурой траве; лицо ее было спокойно и в смерти по-прежнему хранило следы замечательной красоты, отличавшей ее в юности и сгубившей ее. Кошелек с золотом, к которому она не притронулась, лежал на том же месте, куда его положил Линкольн.

Испуганные бостонцы отшатнулись от этого страшного зрелища и отправились бродить по улицам любимого города, чтобы своими глазами увидеть, какой ущерб причинила ему война. Вслед за ними на кладбище явился английский солдат, отставший от своей армии, чтобы заняться грабежом. Он сбросил умершую в склеп, запер его, швырнул ключ в сторону, схватил кошелек и убежал.

Плита давно вывалилась из стены, камни поросли мхом, и теперь уже осталось мало людей, которые могли бы указать место, где гордые семьи Лечмиров и Линкольнов хоронили своих мертвецов.

...Сэр Лайонел и Полуорт в глубоком молчании направились к порту, где их ждала шлюпка, незамедлительно доставившая их на фрегат, которым так восхищался юный мичман. Корабль лежал в дрейфе, ожидая только их прибытия, чтобы двинуться в путь. На палубе они встретили Агнесу Денфорт — в ее глазах еще стояли слезы, но щеки пылали от удовольствия при виде вынужденного отъезда непрошеных гостей, к которым она всегда питала неприязнь.

— Я здесь задержалась, только чтобы поцеловать вас на прощанье, кузен Лайонел, — с искренним чувством сказала девушка, сердечно приветствуя его. — Ну, а теперь в добрый путь! Я не буду говорить вам о своих пожеланиях, которые часто повторяю в своих молитвах.

— Так вы расстаетесь с нами? — спросил баронет, улыбнувшись впервые за много дней. — Ведь это жестоко...

Но тут послышалось громкое покашливание Полуорта, который приблизился к ним и по крайней мере в сотый раз предложил Агнесе руку и сердце. Агнеса молча и очень внимательно выслушала его, хотя не успел он договорить, как ее губы тронула лукавая усмешка. Затем она с подобающей вежливостью поблагодарила его, но отказала — решительно и бесповоротно. Капитан припял этот удар как человек, давно к ним привыкший, и учтиво помог упрямой девице спуститься в шлюпку. Там ей помог сесть молодой человек в форме американского офицера. Лайонелу показалось, что румянец на щеках Агнесы стал еще гуще, когда ее спутник заботливо закутал ее в плащ, потому что на воде стало холодно. Шлюпка, над которой развевался флаг, повернула не к городу, а к берегу, занятому американцами. Через неделю Агнеса в кругу своей семьи

отпраздновала свадьбу с этим офицером. Они вступили во владение домом на Тремонт-стрит и всем недвижимым имуществом, оставшимся от миссис Лечмир, — все это Сесилия подарила Агнесе в качестве приданого.

Как только пассажиры поднялись на фрегат, капитан сообщил об этом сигналом адмиралу и в ответ получил приказ отправиться в путь. Через несколько минут быстрый корабль уже плыл мимо Дорчестерского полуострова, грозя ему пушками, пока матросы поспешно ставили паруса. Американцы, однако, хранили угрюмое молчание, и фрегат беспрепятственно вышел в открытое море и отправился в Англию с важным известием о решении главнокомандующего оставить Бостон.

За фрегатом вскоре последовал весь английский флот, и с тех пор мужественный город, который так долго подвергался гонениям, не видел в своем порту ни единого вражеского судна.

В продолжение долгого пути у Лайонела и его нежной подруги было достаточно времени, чтобы поразмыслить обо всем происшедшем. Они много и с полной откровенностью говорили о странных прихотях поврежденного рассудка, породившего такую тесную и загадочную связь между помешанным отцом и слабоумным сыном, и в конце концов, доискавшись до тайных причин, скрывавшихся за безумными выходками старика, разобрались в событиях, которые мы постарались изложить и в которых прежде для них было столько темного и неясного.

Сторож сумасшедшего дома, которого послали на розыски сбежавшего больного, больше не вернулся на родину.

Полуорт умер совсем недавно. Несмотря на свою деревянную ногу, он с помощью Лайонела достиг весьма высоких чинов. К концу своей долгой жизни он уже имел возможность к своей подписи прибавить слова: генерал, баронет и член парламента. Когда Англии угрожало нашествие французов, гарнизон, которым командовал Полуорт, был снабжен съестными припасами лучше любого другого гарнизона во всем королевстве, и нет никакого сомнения, что мужество этого гарнизона не уступило бы его сытости.

В парламенте, где Полуорт заседал в качестве депутата от местечка, принадлежавшего Линкольну, его отличали терпение, с каким он выслушивал всякого рода

дебаты, и замечательная готовность всегда голосовать за увеличение запасов провианта где бы то ни было. До конца своих дней он рьяно защищал свою теорию необходимости усиленного питания во время всяких болезней, «особенно, — упрямо добавлял он, — в случае слабоумия, сопровождаемого язвительной лихорадкой».

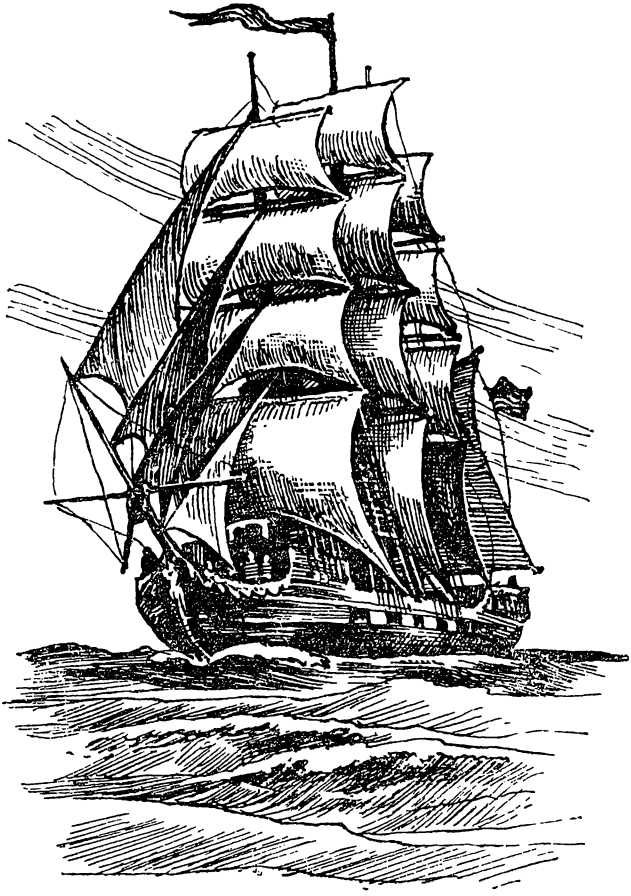
Через год после приезда Линкольнов в Англию умер дядя Сесилии, незадолго до того похоронивший единственного сына. Благодаря этому непредвиденному обстоятельству леди Линкольн стала обладательницей обширных поместий и древнего баронского титула. С этих пор и до самой французской революции сэр Лайонел Линкольн и леди Кардоннелл, как именовали теперь Сесилию, жили в самом нежном согласии. Благотворное влияние любящей супруги смягчило порывистый нрав Линкольна, и, живя в счастье, он позабыл об угнетающих его приступах наследственной меланхолии, о которой мы часто упоминали.

В трудные дни, когда правительство искало поддержки у талантливых и состоятельных сынов нации, богатый баронет Линкольн получил звание пэра. К концу века он, кроме того, получил графский титул, некогда принадлежавший старшей ветви его рода.

Теперь из главных действующих лиц нашего рассказа уже никого не осталось в живых. Даже розы на щеках Агнесы и Сесилии давно перестали цвести, и обе кузины уснули мирным сном могилы, покоясь вместе со всеми предшествовавшими поколениями. Исторические факты нашего повествования с течением времени забылись, и весьма вероятно, что богатый и влиятельный английский пэр, нынешний глава рода Линкольнов, ничего не знает о тайнах, связанных с годами, когда его предки обитали в отдаленной провинции Британской империи.

КОНЕЦ

ЛОЦМАН

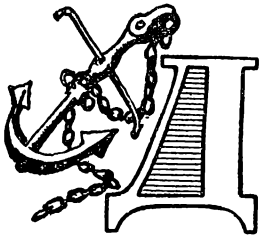


Перевод с английского
Н. Емельянниковой

Редактор *Д. Горфинкель*

Рисунки *И. Кускова*

Глава I



Волны в неустанном беге
Бились о его борта[1].

Песня

Достаточно читателю бегло взглянуть на карту, чтобы уяснить себе, как расположено восточное побережье Англии по отношению к берегам Европейского континента. В совокупности они образуют границы небольшого моря, уже много веков известного миру как арена морских подвигов и как путь, по которому торговля и война водили флоты северных народов Европы. Вопреки справедливости, обитатели Британских островов давно заявили о своем исключительном праве на этот общий путь, отчего часто возникали конфликты, которые вели к кровопролитию и издержкам, вовсе не соответствовавшим выгоде, которую можно было извлечь из сохранения столь абстрактной привилегии. Через воды этого спорного моря мы и хотим повести читателя, выбрав для нашего рассказа эпоху, особенно интересную для каждого американца не только потому, что это был день рождения его нации, но и потому, что именно в это время разум и здравый смысл начали вытеснять феодальные обычаи в управлении судьбами народов.

Однажды, вскоре после того как революционные события вовлекли в наш спор королевства Франции и Испании, а также Голландскую республику, на северо-восточном побережье Англии, в поле, открытом морским ветрам,

[1] Стихотворные эпиграфы даются в переводе Д. Горфинкеля. Переводы эпиграфов из Шекспира даются по полному собранию сочинений в восьми томах, изд. «Искусство», М., 1957—1960.

собралась группа сельских жителей. Они скрашивали свой труд и сумрачность декабрьского дня, обмениваясь соображениями по поводу политических новостей. Они и раньше слыхали, что Англия ведет войну с какими-то колонистами [1] по другую сторону Атлантики, но эти слухи мало их интересовали по причине отдаленности и туманности событий. Но, когда против Англии вооружились государства, с которыми она часто воевала и раньше, гул войны потревожил спокойствие даже этих далеких от общественной жизни крестьян. Главными ораторами на сей раз были гуртовщик-шотландец, поджидавший здесь арендатора близлежащих полей, и батрак-ирландец, который пересек Ирландское море и прошел от одного побережья Англии до другого в поисках заработка.

— Если бы не французы да испанцы, старушка Англия сама, и без помощи Ирландии, давно бы расправилась с этими туземцами, — сказал он. — Нам-то уж, во всяком случае, от них одна беда: теперь все время нужно быть трезвым, как священнику за обедней, а то и оглянуться не успеешь — угодишь в солдаты [2].

— Знаем, знаем, что вы там в Ирландии собираетесь на войну только под грохот барабана, сделанного из бочонка с виски! — заметил гуртовщик, подмигивая остальным слушателям. — Вот у нас на севере легко собрать народ: шотландцы пойдут за трубами так же чинно, как воскресным утром в церковь. Мне как-то довелось увидеть список солдат горного полка, и представьте — он уместился на таком клочке бумаги, который могла бы прикрыть ручка благородной дамы. Всё Камероны да Макдональды [3], хотя в строю их насчитывалось целых шестьсот

---

[1] Здесь имеется в виду освободительная война английских колоний в Северной Америке за свою независимость в 1775—1783 годах. В этой войне на стороне восставших колоний сражались противники Англии — Франция (с 1778 года), Испания (с 1779 года), Голландия (с 1781 года). 4 июля 1776 года была принята Декларация независимости, провозгласившая отделение колоний от Англии и образование независимого государства — Соединенных Штатов Америки

[2] В Англии в то время не было обязательной воинской повинности. Армия комплектовалась вербовкой. Контракт заключался или пожизненно, или на определенный срок (три года или пять лет), или до окончания войны. Чтобы заставить подходящего человека подписать контракт, вербовщики часто спаивали его

[3] Камерон и Макдональд — очень распространенные в Шотландии фамилии.

душ... Но взгляните-ка сюда! У этого малыша непозволительная для морского судна любовь к суше, и, если дно моря похоже на его поверхность, малыш может разбиться!

Столь неожиданная перемена темы заставила всех обратить взоры в ту сторону, куда указывал посохом наблюдательный гуртовщик. К своему крайнему удивлению, они увидели небольшое судно; оно медленно огибало мыс по ту сторону маленькой бухты, на берегу которой находилось поле, где трудились наши крестьяне. Внешность нежданного гостя была весьма своеобразна, что не могло не усилить удивления, вызванного его прибытием в это место. Никакие суда, кроме самых мелких да принадлежащих отчаянным контрабандистам, которые изредка навещали здешние места, не рисковали приблизиться к берегу на этом участке, изобиловавшем подводными камнями и мелями. Отважные моряки, которые пустились в столь рискованное предприятие и действовали так безрассудно, явились сюда на низкой черной шхуне. Корпус ее, казалось, совсем не соответствовал высоте наклоненных назад мачт, несших несколько легких рей; чем выше, тем тоньше они были и на самом верху — не длиннее узкого вымпела, который никак не мог развернуться на слабом ветру.

Короткий день этих северных широт уже угасал, и солнце, бросая косые прощальные лучи на поверхность моря, то здесь, то там дотрагивалось до угрюмых волн полосами бледного света. Штормовые ветры Северного моря, казалось, ушли на покой, и, хотя неумолчный прибой, набегая на берег, придавал еще большую мрачность солнечному закату и окружающей местности, легкая рябь, бороздившая сонные валы, вызывалась лишь тихим ветерком с суши. Несмотря на это благоприятное обстоятельство, море, казалось, таило угрозу. Оно глухо рокотало, как вулкан накануне извержения, усиливая чувство страха, с которым крестьяне воспринимали необычное явление, нарушившее спокойствие их маленькой бухты. Распустив только огромный грот да легкий кливер, шхуна скользила по воде с такой грацией и легкостью, что зрителям это казалось волшебством, и они, оторвав взор от моря, переглядывались в немом изумлении. Наконец гуртовщик тихим, торжественным голосом сказал:

— Храбрый малый, должно быть, стоит там у руля! Но если у этой посудины днище такое же деревянное, как

у бригантин [1], что ходят между Лондоном и Литом [2], значит, ее ждет опасность, которой благоразумный человек должен бы избегать... Смотрите! Она уже у большой скалы, что всегда высовывает голову при отливе. Нет, ни один смертный не может долго идти этим путем: он дойдет до «земли», но она будет под водой!

Однако маленькая шхуна продолжала двигаться среди рифов и мелей, время от времени слегка меняя курс; это доказывало, что ее ведет человек, сознающий, как опасны эти воды. Когда же судно углубилось в бухту, насколько это было возможно без чрезмерного риска, ее паруса, словно без помощи человеческих рук, сами собой собрались в складки. Покачавшись несколько минут на длинных валах, набегавших с открытого моря, шхуна развернулась на приливном течении и стала на якорь.

Теперь крестьяне начали более оживленно высказывать свои догадки насчет цели этого визита: одни предполагали, что судно занимается контрабандой, другие приписывали ему враждебные намерения. Высказывались также смутные намеки на нечистую силу. «Ни одно судно, — настаивали сторонники этой точки зрения, — будь оно построено человеком, не осмелилось бы зайти в такое место да еще в час, когда даже самый неискушенный в морских делах береговой житель может предсказать бурю». Шотландец, как и большинство его земляков, не только сметливый, но и суеверный, придерживался этой последней теории и начал было с некоторой осторожностью и почтением приводить свои доводы, как вдруг сын Эрина [3], который, видимо, не имел определенного мнения по этому вопросу, перебил его, воскликнув:

— Смотрите! Их, оказывается, два: маленькое и большое. Если это морские духи, они, видать, любят хорошую компанию не меньше, чем прочие добрые христиане!

— Два! — отозвался гуртовщик. — Два! От них может быть много беды. Два судна без команды, да еще в таком месте, где человеческих глаз мало, чтобы рассмотреть опасность! Жди несчастья, кто смотрит на них. А ведь

---

[1] Бригантина — двухмачтовое парусное судно с прямыми парусами на передней мачте и косым — на задней.

[2] Лит — порт в Великобритании, на восточном побережье Шотландии. С 1920 года входит в состав города Эдинбурга.

[3] Сын Эрина — ирландец; Эрин поэтическое название Ирландии.

второе-то совсем не маленькое!.. Глядите, добрые люди, глядите! Это отличный, большой корабль!

Он замолчал, поднял с земли свой узелок и, еще раз окинув испытующим взором подозрительные суда, многозначительно посмотрел на слушателей и продолжал, медленно удаляясь от берега:

— Я бы не удивился, если бы оказалось, что это военный корабль нашего короля Георга [1]. Отправлюсь-ка я прямо в город и поговорю со знающими людьми: уж больно подозрительный вид у этих судов; малышу ничего не стоит сцапать человека, а большой проглотит всех нас и сытее не станет.

Это предостережение встревожило присутствующих, ибо в то время ходили усиленные слухи о новой вербовке. Работники собрали инструменты и ушли домой. И, хотя с отдаленных холмов за маневрами судов следила не одна пара любопытных глаз, очень немногие из тех, кто интересовался таинственными пришельцами, осмеливались приблизиться к окаймлявшим бухту утесам.

Судно, побудившее местных жителей благоразумно удалиться, было красивым кораблем, огромный корпус, высокие мачты и длинные реи которого, неясно вырисовывавшиеся в легкой вечерней дымке, казались горой, рожденной морской пучиной. Он нес немного парусов и, хотя не решался подойти к берегу так близко, как шхуна, тем не менее производил схожие маневры, подтверждая предположение о том, что цель у них одна. Фрегат — ибо большой корабль принадлежал к этому классу судов — величественно прошел с приливом через вход в маленькую бухту. Он подвигался в воде лишь с той скоростью, какая была необходима, чтобы он слушался руля. Приблизившись к своему спутнику, корабль тяжело развернулся и, поворачивая огромные реи на грот-мачте, чтобы уравновесить действие одних парусов другими, попытался лечь в дрейф. Однако легкий ветер, наполнявший до этого тяжелые паруса, начал спадать, и рябь перестала морщить длинные волны, катившиеся с открытого моря. Течением и волнами корабль понесло в самую глубину бухты, где из воды высовывались черные головы длинной гряды рифов, уходившей далеко в море. Тогда и на фрегате отдали якорь и убрали паруса. Как только судно развернулось

[1] В Англии в то время правил король Георг III (1760—1820).

по течению, на мачте взвился тяжелый флаг и, когда порыв ветра на мгновение расправил его складки, стал отчетливо виден красный крест на белом поле — эмблема Англии, как успел разглядеть благоразумный гуртовщик, остановившийся на почтительном расстоянии. Но лишь только с обоих судов спустили по шлюпке, гуртовщик ускорил шаг, заметив своим удивленным товарищам, которых забавляло его поведение, что «на эти суда приятнее смотреть, чем на них плавать».

В катере [1], спущенном с фрегата, заняла свои места многочисленная команда гребцов, и, после того как к ним сошел офицер, сопровождаемый юношей-гардемарином, катер отвалил от корабля и, подгоняемый мерными взмахами весел, направился в сторону берега. Когда катер приблизился к шхуне, от нее отделился легкий вельбот, на веслах которого сидели четыре атлетически сложенных молодца, и, скорее скользя по волнам, чем разрезая их, с удивительной быстротой двинулся навстречу. Как только шлюпки сблизились, матросы по сигналу офицеров осушили весла, и в течение нескольких минут, пока лодка качалась на волнах, произошел следующий разговор.

— Старик с ума сошел, что ли? — крикнул с вельбота молодой офицер, лишь только его матросы перестали грести. — Он, наверно, воображает, что у «Ариэля» днище железное, так что и скала не сделает в нем пробоины! Или он думает, что на «Ариэле» служат аллигаторы, которые в воде не тонут!

Слабая улыбка на миг озарила красивое лицо молодого человека, который полулежал на корме катера.

— Ему отлично известна ваша осторожность, капитан Барнстейбл, — ответил он, — и потому он не боится за судьбу судна и команды. Сколько воды у вас под килем?

— Боюсь даже замерить, — ответил Барнстейбл. — Мне страшно взяться за лот [2] при виде скал, которые, как дельфины, выскакивают из воды прямо на глазах.

— Вы все же на плаву! — воскликнул его собеседник с жаром, который выдавал в нем пылкую натуру.

— На плаву! — повторил его друг. — Да маленький «Ариэль» поплывет и по воздуху! — С этими словами он встал, снял с головы кожаную морскую фуражку и, отки-

[1] Катер — здесь: быстроходная шлюпка с пятью — семью парами весел.

[2] Лот — прибор для измерения глубины.

нув со лба густые пряди черных вьющихся волос, с удовлетворением моряка, который гордится качествами своего судна, оглядел шхуну. — Но не очень-то легко, мистер Гриффит, стоять в таком месте на одном-единственном якоре, да еще когда приближается ночь. Каковы будут приказания?

— Я войду в прибой и стану на якорь. Вы же возьмете в вельбот мистера Мерри и постараетесь через буруны прорваться на береговую отмель.

— На береговую отмель? — повторил Барнстейбл. — Неужели вы называете отмелью отвесную скалу, которая торчит из воды на сотню футов вверх?

— Не будем спорить о терминах, — улыбаясь, сказал Гриффит. — Ваша задача в том, чтобы добраться до берега. Мы видели сигнал оттуда и знаем, что лоцман, которого мы так давно ждем, готов прибыть к нам.

Барнстейбл с мрачным видом покачал головой.

— Веселенькое у нас плавание! — пробормотал он себе под нос. — Сначала вошли в глухой залив, полный скал и мелей, а потом должны принять на борт лоцмана. Но как я его узнаю? — добавил он вслух.

— Мерри сообщит вам пароль и укажет место, где вы должны искать этого человека. Я высадился бы сам, но данные мне инструкции это запрещают. Если вы столкнетесь с затруднениями, поднимите три весла лопастями вверх, и я тотчас приду вам на помощь. Если увижу три весла и услышу пистолетный выстрел, я открою огонь из мушкетов, а после сигнала, повторенного катером, откроют огонь пушки фрегата.

— Покорно вас благодарю! — беспечно ответил Барнстейбл. — Я полагаю, что сам справлюсь со всеми врагами, которых мы можем встретить на этом берегу. Но старик, ей-богу, спятил. Я бы...

— Будь он здесь, вы бы выполнили его приказания, а сейчас прошу подчиняться мне, — проговорил Гриффит суровым тоном, которому противоречил его дружеский взгляд. — Отыщите человека небольшого роста, в коричневой куртке. Мерри сообщит вам пароль. Если человек даст правильный отзыв, доставьте его на катер.

Молодые люди дружески попрощались, и юноша, которого назвали мистером Мерри, перешел из катера в вельбот. Барнстейбл занял свое место, и по его сигналу матросы снова налегли на весла. Легкий вельбот рванулся

прочь от катера и отважно ринулся в сторону скал. Пройдя на некотором расстоянии вдоль берега в поисках благоприятного места, вельбот развернулся и помчался по бурунам туда, где высадка казалась наиболее безопасной.

Тем временем катер медленно следовал за вельботом. Заметив, что вельбот причалил к одному из камней, Гриффит приказал, как и обещал, отдать шлюпочный якорь, а затем экипаж катера приготовил свои мушкеты. Видно было, что матросы заранее получили точные наставления, ибо молодой человек, который был представлен читателю под именем Гриффита, говорил редко и немногословно, как, впрочем, и свойственно тому, кто привык командовать. Как только катер стал на якорь, Гриффит во всю длину растянулся на мягком сиденье и, надвинув шляпу на глаза, с рассеянным видом отдался мыслям, совершенно чуждым его настоящему положению. Однако время от времени он поднимался, отыскивал глазами своих товарищей, высадившихся на берег, а затем обращал выразительный взор в сторону моря, и тогда рассеянная задумчивость, которая так часто сменяла на его лице оживление, уступала место обеспокоенному и внимательному выражению, свойственному не по летам опытному моряку. Закаленные и отважные матросы, приготовившись к бою, сидели молча, засунув руки в карманы, но напряженно следя за клубящимися тучами. Вид этих туч становился все более грозным, и матросы тревожно переглядывались всякий раз, когда катер подымался выше обычного на длинных, тяжелых валах, которые все чаще и все с большей силой набегали с просторов моря.

Глава II

...ты лик прелестный свой
И стан девический плащом укрой.
В толпе мужчин пошире делай шаг.
Не трусь, и ты не попадешь впросак.

Прайор

Когда вельбот, о чем мы уже рассказали, подошел к берегу, молодой лейтенант, которого все как командира шхуны называли капитаном, выбрался на скалы в сопро-

вождении юноши-гардемарина, пересевшего к нему из катера, чтобы помочь в этой рискованной экспедиции.

— В крайнем случае нам придется воспользоваться веревочной лестницей, — сказал Барнстейбл, бросая взгляд на крутой склон, — но это отнюдь не означает, что наверху, когда мы влезем туда, нас примут с распростертыми объятиями.

— Мы под защитой пушек фрегата, — возразил юноша, — и вам следует помнить, сэр, что три весла и выстрел, повторенный на катере, вызовут залп этих пушек.

— Да, в нас самих! Никогда не будьте таким дураком, мой милый, чтобы доверять дальней пальбе. От нее много дыма и грохота, но это весьма несовершенный способ швырять чугун. В таком деле, как наше, я скорее предпочту положиться на Тома с его гарпуном, чем на лучший залп, когда-либо прогремевший со всех трех палуб девяностопушечного корабля. А ну, мистер Коффин [1], соберись-ка с силами и погуляй по этой terra firma [2].

Моряк, носивший такое страшное имя, медленно поднялся с места рулевого вельбота и, казалось, рос, распрямляя все складки своего тела. Когда он выпрямился, рост его составил около шести футов и примерно столько же дюймов, однако в вертикальном положении он сильно сутулился, потому что привык жить в низких корабельных помещениях. Фигура его отличалась угловатостью, так как сложён он был нескладно, но огромные жилистые руки свидетельствовали о гигантской силе. Островерхая шерстяная шапочка придавала грубым и резким чертам его лица, окаймленного черными бакенбардами с пробивающейся кое-где сединой, какую-то своеобразную торжественность и степенность. Одной рукой он сжимал сверкающий гарпун. Нижний конец его Том упер в землю, когда, подчиняясь приказу командира, покинул шлюпку, где, принимая во внимание его огромный рост, занимал удивительно мало места.

Как только капитан Барнстейбл получил это подкрепление, он дал матросам, оставшимся в вельботе, несколько необходимых указаний о мерах предосторожности и стал с трудом карабкаться на скалу. Несмотря на природную смелость, из попыток Барнстейбла ничего бы не вышло,

---

[1] К о ф ф и н — по-английски «гроб».

[2] Твердая земля (лат.).

если бы ему время от времени не помогал рулевой. Невероятная сила и огромная длина рук и ног облегчали Тому задачу, неразрешимую для большинства смертных. Уже находясь в нескольких футах от вершины, они воспользовались выступом скалы, чтобы передохнуть и посоветоваться о дальнейших действиях.

— Неважное здесь место для отступления, если мы натолкнемся на неприятеля, — заметил Барнстейбл. — Где нам искать этого лоцмана, мистер Мерри, и как узнать его? И почему вы уверены, что он не предаст нас?

— Вопрос, который следует ему задать, вы прочтете на этом клочке бумаги, — ответил юноша, протягивая Барнстейблу записку со словами пароля. — Нам указали скалу вон на том мысу, но он, наверно, видел наш вельбот и направился за нами сюда. Что же касается ваших подозрений, то капитан Мансон, по-видимому, доверяет ему, ибо он усиленно разыскивает его, с тех пор как мы приблизились к берегу.

— Да, — пробормотал лейтенант, — а теперь, когда мы уже на берегу, усиленно разыскивать его должен я. Не нравится мне такое плавание, когда приходится вплотную жаться к берегу, и не очень-то я доверяю перебежчикам. А ты что думаешь об этом, мистер Коффин?

Старый моряк, услышав свое имя, бросил на командира суровый взгляд и столь же сурово ответил:

— Дайте мне морской простор, сэр, да хорошие паруса, и не нужны мне никакие лоцманы! Я родился на борту судна, возившего табак, и по сей день если мне нужна земля, то разве какой-нибудь островок, где можно было бы выращивать овощи да вялить рыбу. От одного вида земли у меня, ей-богу, тревожно на душе, пока не подует ветер прямо от берега.

— Ах, Том, до чего же ты разумный человек! — не то шутливо, не то серьезно сказал Барнстейбл. — Однако нам пора двигаться дальше. Солнце уже садится, и боже нас упаси — оставаться тут на якоре всю ночь!

Схватившись рукой за выступ скалы над головой, Барнстейбл мощным рывком поднялся выше и, сделав два-три отчаянных прыжка, очутился на вершине утеса. Рулевой неторопливо помог гардемарину последовать за офицером и наконец с осторожностью, но без больших усилий взобрался наверх и сам.

Когда наши смельчаки ступили на ровную землю над

утесами и начали с любопытством оглядываться, они увидели вспаханные поля, размежеванные, как обычно, изгородями и заборами. На целую милю вокруг не было видно ни одного человеческого жилья, кроме маленькой полуразвалившейся хижины, — люди старались селиться подальше от морских туманов и сырости.

— Тут, кажется, и опасаться нечего и искать некого, — заметил Барнстейбл, осмотревшись кругом. — Пожалуй, мы напрасно высадились на берег, мистер Мерри!.. Что скажешь, Длинный Том? Ты что-нибудь видишь?..

— Лоцмана я не вижу, сэр, — ответил рулевой, — зато тут есть кое-что другое, чем было бы неплохо поживиться. Вон под теми кустами я приметил добрый кусок свежего мяса. Он составил бы двойной рацион для всего экипажа «Ариэля».

Гардемарин рассмеялся, указывая Барнстейблу на привлекший внимание рулевого предмет. Это был тучный бык, который жевал жвачку под изгородью в нескольких шагах от них.

— У нас на борту есть немало голодных молодцов, — заметил гардемарин, — которые охотно поддержали бы предложение Длинного Тома, если бы время и обстоятельства позволили нам убить этого быка.

— Да это минутное дело, мистер Мерри, — возразил рулевой и, не шевельнув и бровью, с силой вонзил гарпун в землю, а затем взял его наперевес. — Стоит капитану Барнстейблу сказать лишь слово, и я вмиг загарпуню быка. Не раз загонял я это железо в китов... Правда, на них нет такого слоя жира, как на этой скотине.

— Ты сейчас не на китобойном промысле, где годится в добычу все, что попадается на глаза, — возразил Барнстейбл и сердито отвернулся от быка, словно не доверяя собственной воздержанности. — Но погодите! Я вижу, кто-то крадется вдоль изгороди. Будьте начеку, мистер Мерри! Может быть, в нас будут стрелять без всякого предупреждения.

— Но не этот человек, — беспечно ответил юноша. — Он, подобно мне, молод и вряд ли рискнет схватиться с такой грозной силой, как наш отряд.

— Вы правы, — согласился Барнстейбл и отнял руку от пистолета. — Он идет осторожно, словно чего-то боится. Ростом этот человек мал, и, хотя одет он во что-то коричневое, его одежда мало похожа на куртку. Может

быть, это все-таки тот, кого мы ищем? Останьтесь здесь, а я пойду окликну его.

Когда Барнстейбл быстрыми шагами направился к изгороди, отчасти скрывавшей незнакомца, последний остановился и, казалось, колебался, идти ли ему вперед или назад. Но, прежде чем он успел принять решение, энергичный моряк очутился уже в нескольких шагах от него.

— Скажите, сэр, — обратился к нему Барнстейбл, — какая вода в этой бухте?

Услышав этот вопрос, маленький незнакомец вздрогнул и невольно отпрянул в сторону, словно хотел скрыть свое лицо.

— Я думаю, что это воды Северного моря, — едва слышным голосом ответил он.

— Вот как? Сразу видно, что на своем коротком веку вы прилежно изучали географию, раз так хорошо осведомлены, — сказал лейтенант. — Может быть, сэр, вы настолько сведущи, что ответите мне, сколько времени мы проведем вместе, если я, желая насладиться вашей мудростью, возьму вас в плен?

Юноша, которому были адресованы столь грозные слова, отвернулся, ничего не ответив, и закрыл лицо руками, а воинственный моряк, решив, что произвел на собеседника достаточно сильное впечатление, приготовился продолжать допрос. Однако сильная дрожь, охватившая все тело незнакомца, так озадачила лейтенанта, что он был вынужден еще немного помолчать, как вдруг, к крайнему изумлению своему, заметил, что юноша дрожит не от страха, а от стараний сдержать овладевший им приступ смеха.

— Клянусь всеми китами в море, — вскричал Барнстейбл, — ваше веселье неуместно, юный джентльмен!

С меня хватит и того, что мне приказали стать на якорь в этой проклятой бухте, когда шторм на носу! Неужели в ту минуту, когда мне следует позаботиться о том, чтобы поскорее выйти в море и тем спасти душу и тело, я позволю смеяться над собой мальчишке, у которого не хватило бы силы носить бороду, вырасти она у него! Подожди, я познакомлюсь с тобой и твоими шутками поближе, когда притащу тебя в свою каюту! Ты будешь развлекать меня, чтобы я не спал до конца рейса.

С этими словами командир шхуны приблизился к незнакомцу, намереваясь схватить его, но юноша отпрянул в сторону и, протянув руку, воскликнул голосом, в котором теперь подлинный страх победил веселье:

— Барнстейбл! Милый Барнстейбл! Неужели вы способны обидеть меня?

При этих словах изумленный моряк отступил на несколько шагов и, сорвав с головы фуражку, протер глаза.

— Что я слышу? Что я вижу? — воскликнул он. — Там, в бухте, стоит «Ариэль», а подальше — фрегат. Может ли это быть Кэтрин Плауден?

Его сомнения, если таковые у него еще оставались, вскоре совсем рассеялись, ибо незнакомец, вернее, незнакомка уселась на ближайший пригорок в позе, женская робость которой очаровательно противоречила мужскому наряду, и залилась веселым смехом.

С этой минуты все мысли о полученном поручении, о лоцмане и даже об «Ариэле» вылетели из головы моряка. Подбежав к девушке, он тоже начал смеяться, хотя едва ли сам понимал почему.

Когда развеселившаяся девушка немного овладела собой, она повернулась к молодому человеку, который, усевшись рядом с ней, добродушно ждал, когда она перестанет над ним смеяться.

— Простите меня, — сказала она. — Глупо и даже жестоко, что я до сих пор не объяснила вам причину моего неожиданного появления, а также этого странного маскарада.

— Я обо всем догадываюсь! — воскликнул Барнстейбл. — Вы узнали о нашем прибытии и спешите выполнить данное мне в Америке обещание. Больше я ни о чем не спрашиваю. Священник фрегата...

— ...может и дальше читать свои проповеди, — дого-

ворила за моряка девушка. — Никто не произнесет надо мной брачного благословения до тех пор, пока я не достигну цели своего рискованного предприятия. Вы ведь никогда не были эгоистом, Барнстейбл. Неужели вы захотите, чтобы я забыла о счастье других?

— О ком вы говорите?

— О моей бедной, любящей меня кузине. Я узнала, что два судна, по описанию похожие на фрегат и «Ариэля», появились у наших берегов, и тотчас решила увидеться с вами. Целую неделю я, надев это платье, следила за вами, но безуспешно. Сегодня я заметила, что вы подошли к берегу ближе обычного, и, как видите, моя смелость была вознаграждена.

— Да, честное слово, мы стали близко к берегу! Но известно ли капитану Мансону о вашем намерении попасть к нему на корабль?

— Конечно, нет. Никто об этом и понятия не имеет, кроме вас. Я думала, что если бы вы с Гриффитом узнали о нашем положении, то непременно попытались бы освободить нас из того рабства, в какое мы попали. Вот здесь вы прочтете то, что, наверно, возбудит в вас рыцарские чувства. Этими сведениями вы можете руководствоваться в ваших действиях...

— В наших действиях! — прервал ее Барнстейбл. — Вы сами будете нашим лоцманом.

— Тогда их будет двое! — раздался поблизости хриплый голос.

Испуганная девушка вскрикнула и вскочила на ноги, но инстинктивно прижалась к возлюбленному, ища защиты.

Узнав голос своего рулевого, Барнстейбл гневно взглянул на Коффина, честная физиономия которого виднелась над изгородью, и потребовал от него объяснений.

— Заметив, что вы скрылись из виду, сэр, и опасаясь, что в пылу погони вы можете сесть на мель, мистер Мерри решил послать разведчика. Я сказал ему, что вы роетесь в почтовых мешках курьера, ища новостей, но ведь он офицер, сэр, а я только простой матрос, и мне пришлось выполнить его приказание.

— Вернитесь, сэр, туда, где я приказал вам оставаться, — сказал Барнстейбл, — и передайте мистеру Мерри, чтобы он ждал моих распоряжений.

— Есть, сэр! — послушно ответил привыкший повиноваться матрос, но, прежде чем уйти, протянул мощную руку в сторону моря и торжественным голосом, который весьма соответствовал его описанию и характеру, произнес: — Я научил вас вязать риф-штерты и обносить сезни, капитан Барнстейбл, а впервые попав на борт «Спелмэсити», вы, помнится, не могли правильно сделать два простых полуштыка [1]. Этому человека можно обучить довольно скоро, но вот чтобы научиться распознавать погоду, мало всей жизни. В море заметны полосы штормового ветра, и они, словно команда «убавить паруса», очень понятны всем, кто видит их и умеет читать в облаках божьи знаки. Кроме того, сэр, разве вы не слышите, как стонет море? Близок час его пробуждения.

— Верно, Том, — ответил офицер, подходя к краю утеса и окидывая опытным взглядом потемневшее море. — Ночь действительно будет грозной, но прежде всего надо найти лоцмана и...

— Может, вот это лоцман? — перебил его рулевой, указывая на человека, который стоял неподалеку, наблюдая за их действиями, в то время как за ним, в свою очередь, внимательно следил молодой гардемарин. — Дай бог, чтобы он хорошо знал свое дело, ибо, чтобы выбраться с этой мерзкой стоянки, днищу корабля потребуются глаза.

— Наверно, это он! — воскликнул Барнстейбл, тотчас вспомнив о своих обязанностях.

Он перекинулся еще несколькими словами со своей собеседницей и, оставив ее в тени изгороди, направился к незнакомцу. Подойдя к нему на расстояние голоса, командир шхуны спросил:

— Какая вода в этой бухте?

Незнакомец, который, казалось, только и ждал этого вопроса, ответил, ни секунды не колеблясь:

— Достаточно глубокая, чтобы те, кто ей доверился, могли безопасно выбраться.

— Вас-то мне и надобно! — воскликнул Барнстейбл. — Готовы ли вы отправиться в путь?

— Готов и буду рад! — ответил лоцман. — Мы должны спешить. Я дал бы сотню лучших из когда-либо отчеканенных гиней, лишь бы солнце, которое только что

---

[1] Полуштык — один из простых видов морских узлов.

скрылось, светило еще два часа или, по крайней мере, чтобы сумерки длились половину этого времени.

— Вы считаете наше положение настолько серьезным? — спросил лейтенант. — Тогда прошу вас следовать за этим джентльменом к вельботу. Когда вы спуститесь с утеса, я сейчас же присоединюсь к вам. Кажется, я уговорю еще одного человека отправиться с нами.

— Время дороже, чем лишние люди, — сказал лоцман, бросив нетерпеливый взгляд из-под нависших бровей. — И за последствия задержки ответит тот, кто ее вызвал.

— Я отвечу, сэр, перед теми, кто имеет право требовать с меня отчета в моем поведении! — надменно ответил Барнстейбл.

На этом они расстались. Молодой офицер с нетерпением поспешил обратно к своей возлюбленной, продолжая негодовать и бормоча какие-то проклятия, а лоцман, привычно затянув кожаный пояс вокруг коричневой куртки, в угрюмом молчании последовал за гардемарином и рулевым к вельботу.

Барнстейбл увидел, что Кэтрин Плауден ждет его в большом волнении, отчетливо отражавшемся в каждой черте ее умного лица. Несмотря на свой хладнокровный ответ лоцману, молодой человек прекрасно сознавал всю опасность даже малейшей задержки, и поэтому, быстро взяв переодетую девушку под руку, он хотел было увлечь ее за собой, совсем позабыв о ее странном наряде.

— Пойдемте, Кэтрин, — сказал он, — время не ждет.

— Что за необходимость вам так спешить? — спросила она, останавливаясь и выдергивая свою руку.

— Вы слышали зловещее предсказание моего рулевого по поводу погоды? Должен признаться, что и я того же мнения: нас ждет грозная ночь, но я не могу жалеть о том, что мы пришли к этим берегам, ибо здесь я встретился с вами.

— Упаси боже, чтобы кому-нибудь из нас пришлось пожалеть об этом! — сказала Кэтрин, и тревожная бледность прогнала яркий румянец с ее оживленного лица. — Но у вас есть записка — следуйте ее указаниям и выручите нас. Мы охотно сдадимся в плен, если вы и Гриффит будете нашими завоевателями.

— Что вы хотите этим сказать, Кэтрин? — воскликнул влюбленный лейтенант. — Вы и теперь уже в безопас-

ности. Было бы безумием снова испытывать судьбу. Мой корабль приютит вас, пока мы не освободим вашу кузину. И, кроме того, помните: ваша жизнь принадлежит мне.

— А где вы спрячете меня тем временем? — спросила девушка, уклоняясь от протянутых к ней рук.

— На «Ариэле». Клянусь небом, вы будете командовать шхуной! А я останусь ее командиром только по названию.

— Благодарю вас, благодарю, Барнстейбл, но едва ли я способна занять такой пост! — возразила девушка, заливаясь смехом, и румянец, подобный отблеску заходящего летнего солнца, вновь покрыл ее щеки, отразившись, казалось, даже в ее веселых глазах. — Не ошибитесь во мне, дерзкий! Если я решилась на поступок более смелый, чем дозволено женщине, то помните, это лишь ради священного долга, и если я предприимчивее многих своих сестер...

— ...то это поможет вам преодолеть слабость вашего пола, — воскликнул Барнстейбл, — и доказать полное ко мне доверие!

— Это поможет мне в один прекрасный день стать вам достойной женой.

С этими словами она повернулась и исчезла за углом ближайшей изгороди с такой быстротой, что молодой человек не успел ее задержать. Опомнившись, Барнстейбл бросился ее догонять, но успел лишь на мгновение увидеть в вечерних сумерках ее легкую фигуру, а затем она исчезла в густой роще довольно далеко от места их разговора.

Барнстейбл хотел было продолжать преследование, как вдруг воздух озарился вспышкой и пушечный выстрел, прогремев в утесах, эхом отозвался в далеких холмах.

— А, заворчал старый хрыч! — пробормотал огорченный молодой человек и нехотя подчинился сигналу. — Теперь ты так же спешишь уйти от опасности, как спешил впутаться в нее!

Немедленный ответ трех мушкетов со шлюпки внизу заставил лейтенанта ускорить шаги, а когда он, пренебрегая осторожностью, начал быстро спускаться по опасному откосу скал, то опытным глазом уловил знакомые огни фрегата, который сигналил: «Всем шлюпкам вернуться к борту».

Глава III

В такое время, как сейчас, нельзя
Наказывать за мелкие проступки.

Шекспир, «Юлий Цезарь»

Падавшая далеко на воду тень утесов и спустившаяся мгла скрыли досаду, омрачившую обычно открытое чело Барнстейбла, когда он спрыгнул с каменистого берега в вельбот и уселся рядом с хранившим молчание лоцманом.

— Отваливай! — приказал лейтенант. — Пусть будет проклято безрассудство, которое подвергает опасности корабли и человеческие жизни в таком плавании! И все это лишь для того, чтобы сжечь какую-нибудь старую лохань, перевозящую лес, или захватить врасплох норвежского купца!.. Шевелись, ребята, шевелись!

Несмотря на сильный прибой, который теперь с грозным грохотом разбивался о скалы, встревоженным морякам все же удалось направить свою легкую шлюпку наперерез волне, и через несколько секунд они ушли от того места, где опасность была особенно велика. Барнстейбл, по-видимому, не обращал большого внимания на шумевшие по обеим сторонам вельбота буруны и сидел, угрюмо глядя на кипящую за бортом пену. И, только когда вельбот мерно заколыхался на длинных морских волнах, он оглядел бухту в поисках катера.

— Гриффиту, видно, надоело качаться в своей мягкой колыбели, — пробормотал он. — Теперь нам, вместо того чтобы поскорей вытащить шхуну из этого неуютного места, придется идти к фрегату. А здесь хорошо только вздыхающим влюбленным: немного суши, немного воды и куча скал. Черт возьми, Длинный Том, теперь я готов согласиться с тобой, что островок на пути — вот и вся terra firma, нужная моряку.

— Справедливо сказано, сэр, вот настоящая философия! — ответил степенный рулевой. — Да и земля эта должна быть мягким илом или песком, чтобы якорь держал крепко. Сколько глубоководных, не говоря уж о простых, лотов потерял я на скалистом дне! Я люблю такие рейды, где лот отрывается от грунта легко, а якорь — тяжело... Но впереди по носу шлюпка, капитан Барнстейбл. Подойти к ней, сэр, или держаться подальше?

— Это наш катер! — воскликнул офицер. — Значит, Нед все-таки не бросил меня!

Громкое приветствие с приближающейся шлюпки подтвердило его догадку, и через несколько секунд катер уже покачивался рядом. Гриффит теперь сидел выпрямившись, и в его серьезном тоне слышался легкий упрек:

— Почему вы потеряли столько драгоценного времени, когда каждая минута грозит нам новой опасностью? Я подчинился было сигналу, но, услышав плеск ваших весел, вернулся, чтобы захватить лоцмана. Ну как, удачно сходили?

— Вот ваш лоцман. Если ему действительно удастся найти проход через эти отмели, он оправдает свое имя. Ночь обещает быть такой, что без подзорной трубы не отыщешь и луны. Но, если бы вы знали, кого я встретил на этих проклятых скалах, вы простили бы мне задержку, мистер Гриффит!

— Надеюсь, вы встретили нужного человека, иначе мы совершенно напрасно подвергаемся опасности.

— Да, я встретил нужного нам человека, но, кроме того, я встретил еще одного! — с горечью ответил Барнстейбл. — Спросите у вашего юноши, Гриффит, спросите, что видели его молодые глаза!

— Рассказать? — со смехом воскликнул молодой гардемарин. — Я видел маленький замаскированный клипер [1], который еле удрал от старого капитана, а еще я видел закутанного в плащ пирата, который был очень похож на мою кузину...

— Замолчите, болтун! — громовым голосом остановил его Барнстейбл. — Этакой чепухой вы задерживаете нас в столь опасный час! Отправляйтесь на катер, сэр, и там на досуге можете изложить мистеру Гриффиту, если он захочет вас слушать, свои глупые догадки.

Юноша проворно перешагнул из вельбота на катер, где уже находился лоцман, и, с обиженным видом усевшись подле Гриффита, вполголоса сказал ему:

— Ну что ж, мистер Гриффит меня выслушает, если мысли и чувства его здесь, у английских берегов, остались теми же, что и дома.

---

[1] Клипер — особо быстроходный парусный корабль.

Лейтенант ответил ему молчаливым пожатием руки, а затем попрощался с Барнстейблом и приказал матросам грести к фрегату.

Катер и вельбот разошлись и уже послышался равномерный плеск весел, когда лоцман впервые нарушил молчание.

— Весла в воду! — крикнул он. — Табань, приказываю я вам!

Матросы исполнили его распоряжение, и тогда, обернувшись в сторону вельбота, лоцман продолжал:

— Вы должны вывести шхуну в открытое море, капитан, и сделать это надо как можно скорее. Держитесь подальше от северного мыса и, когда поравняетесь с нами, подойдите на расстояние человеческого голоса.

— Инструкции ваши по выходу в море исчерпывающи и ясны, мистер лоцман, — ответил Барнстейбл, — но кто оправдает меня перед капитаном Мансоном, если я снимусь с якоря, не получив на то его указания? Мне было приказано, черным по белому, привести «Ариэль» в это райское место, поэтому, прежде чем нос шхуны снова вспенит волну, я должен, по крайней мере, услышать или увидеть моего командира. Выйти из этой бухты, наверно, так же трудно, как и войти сюда, а ведь входили мы при дневном свете, располагая, кроме того, вашими письменными инструкциями для прокладки курса.

— Значит, вы останетесь здесь, где в такую ночь вас ждет неминуемая гибель? — сурово спросил лоцман. — Еще два часа, и лишь тяжелые волны будут играть на том месте, где сейчас мирно качается ваша шхуна.

— Я тоже так думаю. Но, если мне суждено на этот раз погибнуть, я погибну, следуя приказу моего командира; если же я последую вашим указаниям и из днища шхуны вылетит хоть одна доска, через пробоину ворвется не только морская вода, а еще и бунт. И почем я знаю — может, старик ждет еще лоцмана или двух?

— Вот это настоящая философия, — пробормотал рулевой вельбота так, что каждому были все же слышны его слова. — Но это тяжелое испытание совести — оставаться на такой стоянке.

— Тогда стойте на своем якоре, скоро сами пойдете за ним на дно! — вполголоса проворчал лоцман. — Спорить с дураком труднее, чем со штормом, но, если...

— Нет, нет, он вовсе не дурак! — перебил его Гриф-

фит. — Барнстейбл не заслуживает такого эпитета, хотя, конечно, он настоящий фанатик в исполнении служебного долга... Снимайтесь немедленно с якоря, мистер Барнстейбл, и как можно скорее выходите из бухты!

— Ах, вы даже не представляете себе, с каким удовольствием я выполню это приказание!.. Весла на воду, ребята! «Ариэль» не оставит своих костей на таком жестком ложе, если я могу этому помешать.

Слова командира шхуны были встречены одобрительными восклицаниями, и вельбот, стрелой помчавшись от катера, тотчас пропал в тени мрачных утесов.

Гребцы на катере тоже не теряли времени даром. Энергичными усилиями они погнали тяжелую шлюпку по волнам, и через несколько минут она уже шла вдоль борта фрегата. За это время лоцман, утратив необычайную суровость и властность, проявленные в коротком разговоре с Барнстейблом, попросил Гриффита перечислить ему поименно офицеров фрегата. Исполнив эту просьбу, молодой лейтенант добавил:

— Все они хорошие и честные люди, мистер лоцман, и, хотя ваши обязанности несколько рискованны для англичанина, тем не менее среди нас не найдется человека, способного на предательство. Нам нужна ваша помощь, мы ожидаем, что вы будете нам верны, и в обмен обещаем поступить с вами честно.

— А откуда вы знаете, что мне это нужно? — спросил лоцман тоном, в котором звучало лишь холодное безразличие к словам лейтенанта.

— Да потому, что вы хоть и говорите на слишком правильном для местного жителя английском языке, — ответил Гриффит, — тем не менее произносите «р» совсем не так, как человек, родившийся по ту сторону Атлантики.

— Не все ли равно, где человек родился и как он говорит? — холодно возразил лоцман. — Лишь бы только он смело и честно выполнял свой долг.

Темнота, сменившая сумерки, пришла весьма кстати, для того чтобы эта беседа и дальше протекала мирно, ибо она скрыла выражение презрительной иронии на красивом лице молодого моряка, когда он ответил:

— Правильно, правильно, человек обязан честно выполнять свой долг. Но, как заметил Барнстейбл, вы должны хорошо знать фарватер, если беретесь провести ко-

рабль через эти отмели, да еще в такую ночь. Вы представляете, какая у нас осадка?

— Осадка фрегата, и я постараюсь провести вас по глубинам в четыре сажени. Меньше было бы опасно.

— Наш фрегат — чудесное судно! — сказал Гриффит. — Он слушается руля, как солдат морской пехоты — своего сержанта на учениях. Но для лавирования против ветра ему нужен простор, потому что скорость у него такая, будто он идет прямо по ветру.

Лоцман внимательно выслушал это описание качеств судна, которое готовился вывести из крайне опасного положения. Он не упустил ни единого слова и, когда Гриффит закончил свою речь, заметил так же хладнокровно, как и раньше:

— При узком фарватере это одновременно и достоинство и недостаток. Боюсь, что как раз сегодня, когда нам необходимо держать корабль в узде, оно обернется недостатком.

— Нам, наверно, придется все время нащупывать проход с помощью лота? — спросил Гриффит.

— Нам пригодятся и глаза и лот, — ответил лоцман, а потом добавил, словно обращаясь к самому себе: — Мне доводилось входить и выходить отсюда и в более темные ночи, но никогда еще осадка не бывала больше двух с половиной саженей.

— Тогда, клянусь, вам не провести наш фрегат через эти рифы и буруны! — воскликнул Гриффит. — Плавая на судах с малой осадкой, вы не можете знать здешних вод; изучить проходы можно только при низко сидящем киле. Берегитесь шутить с опасностью, лоцман! Не играйте так рискованно перед лицом врага!

— Молодой человек, вы не знаете, чем и кому вы грозите, — сурово сказал лоцман, оставаясь по-прежнему спокойным. — Вы забываете, что над вами здесь есть начальник, а надо мной нет.

— Это будет зависеть от того, как вы исполните свои обязанности! — вскричал Гриффит. — Потому что если...

— Тише! — прервал его лоцман. — Мы подходим к фрегату, поднимемся на борт его в добром согласии.

С этими словами он откинулся на подушки сиденья, а Гриффит, хотя и ожидал всяких бед из-за неопытности своего спутника или предательства с его стороны, все же заставил себя подавить свои чувства настолько, чтобы

замолчать, и они поднялись на борт корабля с виду вполне дружелюбно.

Фрегат уже покачивался на длинных волнах, которые катились с открытого моря, непрерывно следуя одна за другой и вздымаясь все выше и выше. Однако паруса все еще безжизненно свисали с рей, ибо порывы ветра, время от времени долетавшие с берега, не могли надуть их тяжелую ткань.

Поднимаясь по трапу, Гриффит и лоцман слышали только, как угрюмо шумели волны, разбиваясь о высокие борта корабля, и как пронзительно свистала боцманская дудка, призывая караул, поставленный по обе стороны трапа приветствовать первого лейтенанта и лоцмана.

И, хотя глубокая тишина царила на огромном судне, на борту которого находилось несколько сот человек, свет десятка боевых фонарей, расположенных в разных частях палубы, позволял не только различать лица матросов, но и читать на них озабоченность и любопытство.

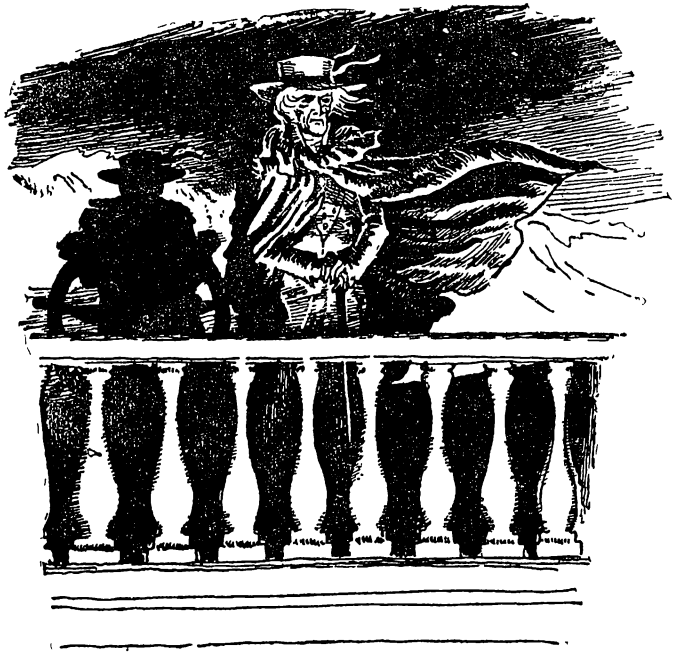
Люди собрались большими группами на трапах, вокруг грот-мачты и на вантах судна, и во мгле можно было различить матросов, примостившихся на нижних реях и склонившихся с марсовых площадок. Все эти люди проявляли одинаково жадный интерес к прибытию катера.

Офицеры фрегата собрались на шканцах [1]. Они расположились в порядке старшинства и были столь же молчаливы и внимательны, как и остальные члены экипажа. Впереди стояло несколько молодых людей, судя по их нашивкам, — одного чина с Гриффитом, но ниже его по должности. А у противоположного борта видна была совсем зеленая молодежь — приятели мистера Мерри. Наконец, близ кормового шпиля стояло еще три-четыре человека. На одном из них был синий мундир с алыми нашивками офицера морской пехоты, а на другом — черная сутана корабельного священника. Сзади них, у двери каюты, из которой он только что появился, стоял командир корабля — высокий, стройный старый моряк.

Быстро обменявшись приветствиями с младшими офицерами, Гриффит в сопровождении лоцмана направился к ожидавшему их капитану фрегата. Молодой человек обнажил голову и поклонился ниже, чем обычно.

---

[1] Шканцы — средняя часть палубы судна, место, где обычно находился вахтенный офицер.



— Мы выполнили поручение, сэр, — сказал он, — хотя нам пришлось потратить больше труда и времени, чем мы предполагали.

— Но я не вижу лоцмана, — заметил капитан, — а без него вся наша отвага и труды были напрасны.

— Вот он, — ответил Гриффит, отступая в сторону и указывая на человека, который стоял за его спиной, закутавшись до подбородка в свою коричневую куртку и прикрыв лицо широкими полями шляпы, по всей видимости много и честно послужившей ему.

— Этот! — воскликнул капитан. — Значит, произошла печальная ошибка: передо мной не тот человек, который мне нужен и которого никто не может заменить.

— Не знаю, кого вы ждали, капитан Мансон, — сказал незнакомец, — но, если вы не забыли день, когда впервые по ветру затрепетал флаг, совсем не похожий на эту эмблему тирании, которая полощется над вашей кормой, вы, вероятно, вспомните и руку, поднявшую его.

— Принести огня! — поспешно приказал капитан.

Когда яркий свет фонаря осветил черты лоцмана, капитан Мансон вздрогнул, встретив решительный взгляд светлых глаз и увидев бледное, но спокойное лицо. Невольно сорвав с головы шляпу, покрывавшую его серебряные кудри, старый моряк воскликнул:

— Это он! Но как изменился!..

— Чтобы враги не могли узнать его, — тотчас договорил за него лоцман. Взяв капитана под руку, он отвел его к борту и шепотом продолжал: — И друзья тоже, пока не пробьет нужный час.

Гриффит отошел в сторону, отвечая на жадные расспросы товарищей, и поэтому ни один из офицеров не слышал этого короткого разговора. Впрочем, все тотчас поняли, что их командир убедился в своей ошибке и что доставленный на борт корабля лоцман был тот самый, кого он ждал. Некоторое время капитан и лоцман прохаживались по шканцам, сосредоточенно о чем-то беседуя.

Так как Гриффит быстро исчерпал свои новости, любопытство слушателей было скоро утолено, и взоры всех присутствующих снова обратились на таинственного лоцмана, который должен был вывести их из этих мест, где опасность, возрастая с каждой минутой, становилась все более грозной.

Глава IV

...Смотрите,
Надул незримый ветер паруса,
Влекущие громады кораблей
Наперекор волнам.

Шекспир, «Генрих V»

Читателю уже известно, что небо и море вокруг наших героев были насыщены всеми тревожными признаками, способными зародить дурные предчувствия в груди моряка. Посреди бухты ночь казалась не такой тревожной, как в тени утесов, однако видимость оставалась плохой, хотя в восточной части горизонта над угрюмым морем появилась полоса зловещего света, которая позволяла отчетливо различать высокие волны, с каждым мгновением приобретавшие все более грозный вид. Над кораблем, почти ка-

саясь его высоких мачт, нависли черные тучи, и лишь в просвете на краю небосклона чахлыми огоньками мерцали редкие звезды. Время от времени над бухтой пролетал легкий ветерок, донося свежие запахи суши, но сама неравномерность подобных порывов доказывала, что это было предсмертное дыхание берегового бриза. Рокот прибоя, набегавшего на берега залива, порождал тупой, монотонный шум, который превращался в глухой рев, когда более мощная волна с силой разбивалась в расселинах скал. Словом, все объединилось, чтобы сделать окружающую картину мрачной и зловещей, не вызывая, однако, непосредственного чувства страха, ибо корабль продолжал легко подниматься и опускаться на длинных волнах, даже не натягивая при этом тяжелого якорного каната.

Офицеры собрались у шпиля, обсуждая серьезность положения и возможные перспективы, в то время как лишь некоторые матросы, старые служаки, пользовавшиеся особым расположением начальства, осмеливались приблизиться к священным пределам шкапцев, чтобы подслушать высказывания старших. И офицеры и рядовые матросы то и дело бросали тревожные взгляды на капитана и лоцмана, которые, стоя поодаль, продолжали свою таинственную беседу. Но, когда один из юных гардемаринов, движимый неудержимым любопытством и легкомыслием, свойственными его возрасту, подошел к ним поближе, капитан сурово отчитал его, и сконфуженный юноша был вынужден отойти к своим товарищам. Этот выговор старшие офицеры поняли как намек, что совещанию, свидетелями которого они были, никоим образом нельзя мешать. И, хотя они вполголоса продолжали выражать свое нетерпение, тем не менее никто уже не решался прерывать беседу, которая, по общему мнению, на этот раз неразумно затянулась.

— Не время сейчас вести разговоры о курсах или дистанциях, — заметил офицер, следующий по старшинству за Гриффитом. — Следовало бы свистать всех наверх и пытаться верповать[1] фрегат, покуда погода еще позволяет спускать шлюпки.

— Тяжело да, пожалуй, и бесполезно верповать корабль против встречной волны на целые мили, — возразил

[1] Верповать — двигать корабль, завозя вперед на шлюпке якорь (верп) и подтягивая затем корабль к этому якорю на канате.

первый лейтенант. — Но вот береговой ветер еще не совсем стих, и если поставить верхние паруса, то с помощью отлива нам удалось бы уйти от берега...

— Окликните матросов на мачте, Гриффит, — посоветовал второй лейтенант, — спросите их, есть ли наверху ветер. Может быть, ваши слова заставят старика и этого неповоротливого лоцмана сдвинуться с места.

Гриффит, рассмеявшись, согласился выполнить просьбу и, когда в ответ на обращение услышал привычное: «Есть, сэр!» — громко спросил:

— Каково направление ветра наверху?

— Слабые порывы ветра с берега, сэр! — ответил старший из матросов. — Однако паруса висят без движения.

Капитан Мансон и его собеседник, прекратив разговор, внимательно выслушали вопрос Гриффита и ответ матроса, но затем с прежним пылом как ни в чем не бывало возобновили беседу.

— Да хоть бы движение и было, все равно наш намек не произвел бы никакого впечатления на начальство, — сказал командир морской пехоты. Незнание им морского дела увеличивало в его глазах опасность, но, оставаясь поневоле праздным, он острил чаще кого-либо другого на судне. — Уши этого лоцмана нечувствительны к тонким намекам, мистер Гриффит, — не подергать ли вам его за нос?

— Мы еще в катере немного повздорили, — ответил первый лейтенант, — и я убедился, что он не из тех людей, которые легко проглатывают подобные шутки. Хотя он на вид такой тихий и скромный, однако я сомневаюсь, чтобы он уделял много внимания Книге Иова [1].

— А зачем это ему? — воскликнул корабельный священник, который трусил не меньше, чем командир морской пехоты, и поэтому пребывал в большом унынии. — Надеюсь, он не тратил времени попусту, когда существует столько карт побережья и наставлений для плавания в этих морях, которые он обязан был изучить.

Эти слова, встреченные громким смехом, казалось, произвели давно желанное действие: таинственный разговор между капитаном и лоцманом закончился. Капитан

---

[1] Книга Иова — одна из книг библии, получившая свое название по имени мифического праведника Иова. Основная ее идея — проповедь покорности судьбе, посылаемой богом человеку.

подошел к поджидавшим его офицерам и со свойственными ему сдержанностью и степенностью сказал:

— Мистер Гриффит, прикажите поднять якорь и поставить паруса! Пора выходить в море!

Едва успел молодой лейтенант радостно ответить: «Есть, сэр!» — как послышались крики гардемаринов, призывавших боцмана и его помощников к выполнению их обязанностей.

Среди людей, столпившихся у грот-мачты, на реях и на трапах, произошло движение, хотя привычка к дисциплине заставила их еще миг оставаться в неподвижности. Тишина была нарушена свистом боцманской дудки, за которым раздался крик: «Все наверх! С якоря сниматься!» Первый звук вырос в ночном воздухе от низких, густых нот до пронзительной резкости и постепенно замер в волнах; а второй прогрохотал в каждом отсеке фрегата, как глухой раскат отдаленного грома.

Перемена, вызванная этими привычными сигналами, казалась поистине волшебной. Матросы появлялись из-за пушек, выскакивали из люков, с неустрашимой беспечностью бросались вниз по вантам и с такой поспешностью сбегались со всех сторон, что через мгновение палуба фрегата запестрела людьми. Глубокая тишина, которую до сих пор нарушали только тихие переговоры офицеров, теперь уступила место шумным приготовлениям и всеобщей суете, среди которой все же отчетливо были слышны суровые приказания лейтенантов со вторившими им резкими выкриками гардемаринов и хриплая команда боцмана и его помощников.

Только капитан и лоцман не принимали участия в общих напряженных усилиях. Зато на сей раз опасность заставила шевелиться тех офицеров, которые по роду своей службы не были обязаны принимать участие в подобных работах, за что их обычно называли «лодырями». И, хотя более опытные их товарищи не раз повторяли им, что они скорее мешают, чем помогают, их усердие от этого не уменьшалось. Однако мало-помалу суматоха улеглась, и через несколько минут на судне снова воцарилась полная тишина.

— Все готово, сэр! — доложил Гриффит, держа в одной руке небольшой рупор, а другой ухватившись за ванты, чтобы удержаться на пушке, куда он влез, наблюдая за происходящим.

— Пошел шпиль, сэр, — раздался спокойный ответ.

— Пошел шпиль! — громко повторил Гриффит.

— Пошел шпиль! — тотчас отозвался десяток нетерпеливых голосов, и снова громкие звуки дудки, разрезая окружающий мрак, огласили воздух.

Шпиль тотчас был приведен в движение, и послышалась мерная поступь ходивших вокруг него матросов. Несколько минут слышны были лишь эти звуки да голос офицера, время от времени подбадривавшего матросов, а затем объявили, что «канат выбран», или, другими словами, что фрегат находится почти над самым якорем.

— Взять шпиль на пал! [1] — крикнул Гриффит, когда вслед за пронзительным свистом дудки снова наступила тишина. — Что теперь прикажете делать, сэр? — продолжал лейтенант. — Отделять ли якорь от грунта? В воздухе нет ни малейшего ветерка, а отлив так слаб, что, боюсь, не выкинет ли нас море на берег...

Это предположение показалось столь правдоподобным, что взоры всех присутствующих обратились к морю, тщетно пытаясь проникнуть сквозь тьму и прочесть в волнах судьбу, казалось, обреченного корабля.

— Я передаю все на усмотрение лоцмана, — сказал капитан. Стоя рядом с Гриффитом, старый моряк уже несколько минут с тревогой всматривался в небо и море. — Что вы скажете, мистер Грэй?

Человек, впервые названный по имени, стоял, опираясь на борт и устремив взгляд в том же направлении, что и остальные. Услышав вопрос, он обернулся к капитану, и свет палубных фонарей упал на его спокойное лицо. Невозмутимость лоцмана, учитывая его положение и лежавшую на нем ответственность, казалась почти сверхъестественной.

— Эта зыбь очень опасна для нас, — ответил он с таким же хладнокровием, какое проявлял и раньше. — Однако значительно более серьезную угрозу представит надвигающийся с востока шторм, если он застанет нас на этой незащищенной стоянке. Любой канат из самой лучшей пеньки быстро перетрется об эти скалы и не удержит корабль и часа при таком яростном норд-осте. Если это в человеческих силах, мы должны немедленно выйти в море.

[1] Взять шпиль на пал — затормозить шпиль, сделав невозможным его самопроизвольное вращение.

— Все это, сэр, прекрасно знает каждый юнга, — заметил Гриффит. — Ага! Вот идет шхуна!

И действительно, теперь уже отчетливо слышался плеск весел, и во мгле, медленно подвигаясь вперед, показался маленький «Ариэль». Когда он проходил под кормой фрегата, раздался бодрый голос Барнстейбла.

— В такую ночь, капитан Мансон, нужны очки, чтобы что-нибудь разглядеть! — крикнул он. — Но мне казалось, что я слышал дудку вашего боцмана, сэр! Надеюсь, вы не собираетесь стоять здесь до утра?

— Мне эта стоянка нравится не больше, чем вам, мистер Барнстейбл, — спокойно ответил старый моряк, но чувствовалось, что его все больше охватывает тревога. — Мы уже подобрали канат, но боимся оторвать якорь от грунта — нас может выкинуть на берег. Каков, по-вашему, ветер?

— Ветер? — повторил Барнстейбл. — Да таков, что не шевельнет и женского локона. Если вы намерены ждать, покуда береговой ветер наполнит ваши паруса, сэр, вам придется стоять здесь целый месяц. Свою скорлупу я уже вывел из этого скопища рифов, но, как это мне удалось в темноте, я и сам не мог бы объяснить.

— Получите дальнейшие указания от лоцмана, мистер Барнстейбл, — отозвался капитан, — и выполняйте их точнейшим образом.

После этого приказания на обоих судах воцарилась мертвая тишина, ибо все с волнением ждали слов человека, от которого, как они чувствовали, зависит их спасение. И вскоре раздался тихий, как и раньше, но отчетливый голос лоцмана:

— Весла ваши вскоре станут бесполезны. Однако под парусами, в помощь веслам, вы сумеете выбраться отсюда. Вам следует идти на ост-тень-норд; держите так, пока не откроется огонь на северном мысу, а затем ложитесь в дрейф и дайте выстрел из пушки. Но если, паче чаяния, вас отнесет назад до появления огня, тогда при следовании левым галсом положитесь на лот, но ни при каких условиях не уклоняйтесь к югу, ибо тогда никакой лот вам не поможет.

— Над одним и тем же местом все равно как ходить: левым или правым галсом, — ответил Барнстейбл, — да и галсы можно делать равной длины.

— Нет, — возразил лоцман. — Если вы хоть чуть-чуть

отклонитесь вправо от курса ост-тень-норд, то, следуя дальше, выскочите на скалы и мели. Остерегайтесь, говорю я вам, долго идти правым галсом!

— Но чем же я должен руководствоваться? Ведь вы не позволяете доверять ни времени, ни лоту, ни лагу [1].

— Вы должны доверять зоркому глазу и твердой руке. Буруны предупредят вас об опасности, если вы не сможете ориентироваться по пеленгам береговых предметов. Поворачивайте, сэр, да почаще пользуйтесь лотом.

— Есть, сэр! — пробормотал Барнстейбл. — Это называется плыть «на авось», и я не вижу, как это нам поможет! Не вижу! Черт возьми, глаза здесь так же полезны, как нос для чтения библии...

— Тише, тише, мистер Барнстейбл, — прервал его капитан, ибо такая тревожная тишина стояла на обоих судах, что слышен был даже скрип снастей качавшейся на волнах шхуны. — Дело, на которое послал нас Конгресс, должно быть выполнено, если даже нам придется расстаться с жизнью.

— Я готов отдать свою жизнь, капитан Мансон, — ответил Барнстейбл, — но как можно было завести судно в такое место? Впрочем, сейчас время действовать, а не болтать. Но, если проход здесь настолько опасен для судна с малой осадкой, что же станется с фрегатом? Может быть, мне пойти вперед и разведать для вас проход?

— Благодарю вас, — ответил лоцман, — ваше предложение весьма великодушно, но для нас бесполезно. К счастью, я хорошо знаю дно в этих местах и должен положиться на свою память и на милость божью. Ставьте паруса, ставьте паруса, сэр, и если вам улыбнется удача, то и мы рискнем сняться с якоря!

Тотчас приступили к выполнению команды, и вскоре над «Ариэлем» взвились паруса. Хотя на палубах фрегата не чувствовалось ни дуновения ветра, маленькой шхуне, удивительно легкой, удалось с помощью еще заметного отлива преодолеть вздымавшиеся навстречу волны, и через несколько минут ее низкий корпус уже был едва заметен на фоне светлой полосы над горизонтом. Еще немного — и темные силуэты парусов с их причудливыми верхушками потерялись в черноте туч.

---

[1] Лаг — прибор для измерения пройденного судном расстояния

Гриффит, как и все остальные младшие офицеры, слушал этот разговор молча, но, как только «Ариэль» скрылся из виду, он спрыгнул с пушки на палубу и воскликнул:

— Он пошел так же легко, как судно сходит со стапелей! Должен ли я поднять якорь, сэр, и последовать примеру шхуны?

— У нас нет другого выбора, — ответил капитан. — Вы слышали вопрос, мистер Грэй? Должны ли мы поднять якорь?

— Ничего другого не остается, капитан Мансон. Но на таком слабом отливе трудно нам будет уйти от опасности, — ответил лоцман. — Я отдал бы пять лет жизни, которая, я знаю, и так будет короткой, чтобы фрегат стоял хоть на милю ближе к открытому морю.

Это замечание услышал только командир фрегата, который снова подошел к лоцману, после чего они возобновили свою таинственную беседу. Но, как только согласие было получено, Гриффит поднес ко рту рупор и подал команду «поднять якорь». Снова послышались свистки дудки и топот матросских ног у шпиля. Одновременно были поставлены паруса, и, свисая с рей, они как бы приглашали береговой бриз надуть их. В продолжение этих маневров первый лейтенант отдавал в рупор приказания, исполнявшиеся с быстротой мысли. Люди — расплывчатые пятна в лившемся с неба туманном свете — виднелись повсюду: они облепили реи, висели на вантах, как в воздухе, и со всех сторон, с каждой снасти, неслись странные крики. «Фор-бом-брамсель готов!» — кричал пронзительный голос словно из облаков. «Фок-рей готов!» — ревел хриплый голос пониже. «На корме все в порядке, сэр!» — кричал третий. Через несколько минут было отдано приказание: «Вступить под паруса!»

Тусклый свет неба теперь был скрыт свисавшей сверху парусиной, и на палубах судна стало еще темнее, отчего фонари как будто загорелись ярче, а за бортом все приобрело еще более зловещий вид.

Теперь все, кроме командира и лоцмана, были заняты тем, чтобы быстрее привести корабль в движение. Возглас: «Пошел! Пошел!» — подхваченный ревом пятидесяти глоток, и быстрые повороты шпиля свидетельствовали о том, что якорь отделился от грунта и поднимается. Визг и скрип блоков при выборке снастей смешивались с резкими выкриками боцмана и его помощников, и хотя

человеку, не знакомому с морской службой, все это, наверно, показалось бы только суматохой и спешкой, в действительности благодаря многолетней практике и строгой дисциплине экипаж поставил все паруса от палубы до верхушек мачт быстрее, чем мы об этом рассказали.

Первые несколько минут офицеры были довольны результатами этих маневров, ибо хотя тяжелые нижние паруса и продолжали лениво хлопать по мачтам, зато верхние, более легкие, надулись, уловив ветер, и корабль заметно начал поддаваться их воздействию.

— Идет! Идет! — радостно воскликнул Гриффит. — Экий плут! Он любит сушу не больше, чем любая рыба! Значит, наверху все же дует легкий ветерок...

— Это лишь его предсмертное дыхание, — раздался рядом тихий, спокойный голос лоцмана, но слова его были так неожиданны, что Гриффит вздрогнул. — Забудем, молодой человек, обо всем, кроме людей, чья жизнь в эту ночь зависит от вашего усердия и моих знаний.

— Если вы хоть наполовину готовы исполнить свои обязанности так, как я жажду исполнить свои, дело пойдет на славу, — тоже тихо ответил лейтенант. — Каковы бы ни были ваши чувства, помните, что мы находимся у вражеского берега, который любим не настолько, чтобы сложить здесь свои головы.

После этого короткого объяснения они расстались, ибо маневры судна требовали со стороны лейтенанта постоянного и тщательного внимания.

Радость, пробужденная первым движением фрегата по волнам, была непродолжительной, так как ветер, который, казалось, оживил корабль, заставив его пройти с четверть мили, еще несколько минут порхал среди верхних парусов, а затем окончательно стих. Унтер-офицер, обязанный присматривать за рулевыми, вскоре известил, что судно не слушается руля. Гриффит тотчас передал капитану эту неприятную весть и предложил снова отдать якорь.

— Обратитесь к мистеру Грэю, сэр, — ответил капитан. — Он лоцман, и от него зависит безопасность судна.

— Лоцманы не всегда спасают корабли, сэр, — возразил Гриффит. — Иногда они губят их. Капитан Мансон, хорошо ли вы знаете человека, от которого зависит наша жизнь и который держится так равнодушно, будто ему и дела нет до нашего спасения?

— Я знаю его, мистер Гриффит. Мне известно, что он весьма опытный и честный человек. Я говорю вам это, чтобы вас успокоить. Больше вы ни о чем не спрашивайте... Что это? Как будто с этой стороны подул ветер...

— Упаси господь! — воскликнул лейтенант. — Если на мелях нас застигнет норд-ост, наше положение поистине будет отчаянным!

Фрегат тяжело закачался, паруса его то надувались, то так же быстро сникали, и даже самые опытные моряки не могли сказать, в каком направлении движутся потоки воздуха и не было ли вызвано это движение колебанием самой парусины. Однако нос корабля заметно пошел в сторону берега, и вскоре, несмотря на темноту, всем стало ясно, что судно сносит на скалы.

В эти минуты тягостной неизвестности Гриффит, подчиняясь одной из тех внезапных смен настроения, которые часто сочетают совершенно противоположные чувства, утратил охватившее было его воодушевление и впал в тупую апатию, как это иногда бывало с ним в самые критические моменты испытаний и опасности. Он стоял, облокотившись на шпиль и отвернувшись от света висевшего поблизости фонаря, когда почувствовал легкое пожатие руки. Он очнулся от задумчивости и, бросив ласковый, хотя все еще рассеянный взгляд на стоявшего рядом юношу, сказал:

— Печальная музыка, мистер Мерри!

— Такая печальная, сэр, что даже танцевать под нее не хочется, — ответил гардемарин. — На всем фрегате, наверно, не найдется человека, который не предпочел бы послушать «Я милую мою покинул» вместо этих отвратительных звуков.

— Каких звуков, юноша? На судне так же тихо, как бывало на собрании джерсейских квакеров, пока ваш почтенный дед не разрушал чары молчания своим звонким голосом.

— А! Смейтесь, если вам угодно, над моей миролюбивой кровью, мистер Гриффит, — сказал лукавый юноша, — но помните: примесь ее можно найти в жилах всех людей. Хотелось бы мне послушать сейчас псалмы старика, сэр! Я засыпáл под них, как чайка под звуки прибоя. Но кто заснет под сегодняшнюю колыбельную, будет спать недолго.

— Колыбельную? Я не слышу ничего, кроме хлопанья

парусов. Даже лоцману, который прохаживается по шканцам с важностью адмирала, нечего сказать.

— А к шуму прибоя разве не должен прислушиваться каждый моряк?

— Да, действительно, прибой могуч, но тяжко нам слушать его. Вы уже научились различать шум прибоя?

— Даже очень хорошо, мистер Гриффит, и не хочу уметь лучше... Как быстро нас относит к берегу, сэр!

— Я думаю, что мы почти удерживаем свое положение, — выпрямляясь, ответил Гриффит, — хотя лучше бы нам стать на якорь... Эй, приятель, — обратился он к рулевому, — держи круче! Не видишь, нас развернуло бортом к волне!

Рулевой повторил, что фрегат не слушается руля, и добавил, что судно, видимо, «намерено пойти назад».

— Уберите нижние паруса, мистер Гриффит, — сказал капитан Мансон, — и проверьте, каков ветер.

Послышался скрип блоков, и огромные полотнища парусов, растянутых на нижних реях, были мгновенно убраны. Пока производился этот маневр, весь экипаж стоял молча и затаив дыхание ждал, словно от этой минуты зависела судьба фрегата. Лишь несколько офицеров рискнули высказать свои весьма разноречивые мнения. Наконец Гриффит вскочил на пушку и высоко поднял в воздух свечу, взятую им из фонаря. Сначала маленькое пламя заколебалось, изгибаясь то в ту, то в другую сторону, а затем выпрямилось. Гриффит собирался было опустить руку, но, ощутив вдруг легкую прохладу, помедлил, и огонек, медленно наклонившись в сторону от суши, ярко вспыхнул, дрогнул и оторвался от фитиля.

— Не теряйте ни минуты, мистер Гриффит! — громко крикнул лоцман. — Уберите все паруса, кроме ваших трех марселей [1], да возьмите на них по два рифа![2] Пришла пора исполнить наше обещание!

Услышав столь звучный и твердый голос незнакомца, молодой человек на миг остолбенел от удивления, но, окинув взглядом море, соскочил на палубу и приступил к исполнению приказания с такой поспешностью, словно за ним гналась смерть.

---

[1] Марсель — второй снизу парус на судне с прямыми парусами.

[2] Рифы — здесь: завязки на парусах, позволяющие уменьшить их площадь.

Глава V

И вот мы в пути, берег, прощай!
Песня

Причиной необычайного оживления Гриффита, тотчас передавшегося всей команде, была внезапная перемена погоды. Вместо уже описанного нами просвета на горизонте над открытым морем появилось огромное мглистое светящееся облако, быстро приближавшееся к фрегату, а отдаленный, но отчетливый гул свидетельствовал о скором начале шторма, который уже гнал перед собой свирепые валы. Даже Гриффит, отдавая в рупор приказания и поторапливая матросов, то и дело останавливался, чтобы бросить тревожный взгляд в ту сторону, откуда надвигалась угроза. И матросы, расположившиеся на реях, не спускали глаз с этой части неба, хотя ни на минуту не забывали о своих обязанностях убирать непослушные паруса, чтобы уменьшить их общую площадь до необходимых размеров.

Только лоцман в этой беспорядочной, но занятой делом толпе, где все, казалось, хотели перекричать друг друга, как будто не проявлял должного интереса к общей лихорадочной деятельности. Устремив взор на клубившийся все ближе туман и скрестив на груди руки, он стоял неподвижно, спокойно ожидая окончания работ.

Став бортом к волне, корабль не слушался руля. Лишние паруса уже были убраны и прихвачены к реям, как того требовала безопасность фрегата, как вдруг издалека снова донеслось тяжелое хлопанье парусов. И невольно всеми овладели уныние и ужас, ибо там, где моряку грозят мрак и опасность, звуки эти вещают беду.

— Это борется со штормом шхуна! — вскричал Гриффит. — Барнстейбл, вероятно, не убирал парусов до последней минуты. Дай бог, чтобы шквал не выкинул его на берег!

— Им легко было убрать паруса, — возразил капитан, — и они, должно быть, уже ушли от непосредственной опасности... Мистер Грэй, фрегат не слушается руля! Не измерить ли нам глубину?

Лоцман словно очнулся, но, прежде чем дать ответ, прошелся по палубе с видом человека, который не только

чувствует, что все зависит от его умения, но и знает, что в силах вступить в поединок с опасностью.

— Не нужно, — наконец ответил он. — Было бы очень неприятно убедиться в малой глубине, да и трудно точно сказать, с какой стороны может ударить ветер.

— Это уже нетрудно, — крикнул Гриффит, — ибо вот он задул!

Не успели эти слова слететь с уст молодого лейтенанта, как в снастях засвистел стремительный порыв ветра. Судно тяжело накренилось на один борт, а затем, по мере движения по волне, величаво выпрямилось, как бы приветствуя поклоном могучего противника, с которым ему предстояло вступить в схватку. Не прошло и минуты, как, разрезая носом волну, быстрый и послушный рулю корабль лег на нужный курс, насколько позволяло направление ветра. Суета и спешка на реях постепенно улеглись, и матросы один за другим спускались на палубу, с тревогой вглядываясь во мрак; многие из них в грустном сомнении покачивали головой, боясь высказать вслух свои опасения. Весь экипаж со страхом ждал минуты, когда ветер задует в полную силу, ибо на доблестном корабле не было ни одного человека, настолько несведущего и неопытного, чтобы не знать, что настоящий шторм еще впереди.

И действительно, ветер с каждой минутой крепчал, хотя сила его нарастала так постепенно, что не раз моряки готовы были вздохнуть с облегчением и отказаться от своих предчувствий. В эти минуты неизвестности не было слышно ничего, кроме свиста ветра в снастях да шума водяных брызг, которые проносились над палубой подобно пене водопада.

— Ветер свежий, — первым прервал Гриффит полное сомнения и тревоги молчание, — однако не так уж он силен. Дайте фрегату немного простору да нужные паруса, мистер лоцман, и я при таком ветре поведу корабль, как яхту на увеселительную прогулку.

— Сможет ли он лавировать под оставшимися парусами? — тихо спросил незнакомец.

— Он сделает все, чего может требовать от дерева и железа разумный человек. Но нет на океанах такого судна, которое могло бы делать повороты при подобном волнении только под марселями, на которых взято по два рифа. Позвольте нам поставить нижние паруса, лоцман,

и вы увидите — наш фрегат начнет скользить с ловкостью танцмейстера.

— Давайте сначала проверим силу ветра, — возразил человек, которого называли мистером Грэем, и, остановив Гриффита, он направился к наветренному[1] борту, где молча, с удивительным спокойствием и отрешенностью устремил взгляд вперед.

Как только якорь был убран, на палубе фрегата погасили все фонари, и, когда пронесся первый шквал, забрезжил слабый свет, усиленный отблесками морской пены, окружавшей теперь корабль со всех сторон. Вдали тяжелой грядой черного тумана над полосой воды неясно проглядывали очертания берега; он отличался от неба только большей мрачностью и тьмой. Был свернут и уложен на место последний канат, и в течение нескольких минут мертвая тишина стояла на заполненной людьми палубе. Все знали, что корабль с огромной скоростью несется по волнам, приближаясь к той части бухты, где находились мели и подводные скалы, и только строгая дисциплина заставляла офицеров и матросов подавлять чувство тревоги. Наконец раздался голос капитана Мансона.

— Может быть, нам все-таки замерить глубину, мистер Грэй? — спросил он.

Хотя вопрос этот был задан громким голосом и интерес, который он вызвал, собрал вокруг того, к кому он был обращен, офицеров и матросов, нетерпеливо ожидавших ответа, лоцман не обратил на него внимания. Подперев голову рукой и облокотившись на одну из коек, уложенных вдоль борта, он глядел перед собой с видом человека, мысли которого далеки от того, что происходит вокруг. Гриффит тоже подошел к лоцману и, не дождавшись ответа на вопрос командира, решился превысить свои права. Он вышел из круга людей, остановившихся на некотором расстоянии от лоцмана, и приблизился к таинственному охранителю их жизни.

— Капитан Мансон желает знать, нужно ли бросить лот? — с некоторым нетерпением спросил лейтенант.

Лоцман все еще не отвечал. Прежде чем заговорить снова, Гриффит решительно положил ему на плечо руку, с намерением вывести его из задумчивости, и тогда незна-

---

[1] Наветренный — находящийся с той стороны, откуда дует ветер.

комец так сильно вздрогнул, что лейтенант онемел от удивления.

— Отойдите, — сурово сказал лейтенант людям, которые сгрудились вокруг них. — Займитесь своим делом и подготовьте все к повороту оверштаг [1].

Толпа отхлынула, как волна, уходящая в море, и лейтенант остался наедине с лоцманом.

— Сейчас не время размышлять, мистер Грэй, — продолжал Гриффит. — Вспомните наше соглашение и выполните ваш долг. Не пора ли ворочать оверштаг? О чем вы задумались?

Лоцман схватил лейтенанта за руку и, судорожно сжав ее, ответил:

— О многом, мистер Гриффит! Вы молоды, да и я еще не стар. Но, проживи вы еще пятьдесят лет, вам никогда не увидеть и не пережить того, что довелось испытать мне за мои тридцать три года!

Изумленный столь неожиданным и неуместным в этот момент излиянием чувств, молодой моряк не нашелся даже что ответить, но, не забывая ни на минуту о своих обязанностях, он снова обратился к предмету, заботившему его более всего.

— Я надеюсь, что ваш жизненный опыт связан именно с этим берегом, — сказал он. — Корабль идет быстро, а при дневном свете нам довелось разглядеть так много страшного, что в темноте мы чувствуем себя не слишком уверенно. Долго ли еще мы будем идти этим курсом?

Лоцман медленно отошел от борта и направился к капитану фрегата, но прежде он ответил Гриффиту, и в голосе его слышалась взволнованность, вызванная печальными воспоминаниями:

— Да, действительно, почти вся моя молодость прошла на этом опасном берегу. То, что для вас лишь мрак и тьма, для меня день, освещенный лучами солнца... Но ворочайте, ворочайте, сэр, мне нужно посмотреть, как управляется ваш корабль: скоро мы достигнем места, где он *должен* нас слушаться, иначе мы все погибнем.

Гриффит с удивлением смотрел вслед лоцману, медленно удалявшемуся в сторону шканцев. Затем, очнувшись от оцепенения, молодой лейтенант бодро отдал

---

[1] Поворот оверштаг — поворот, при котором нос судна проходит через линию ветра.

приказ, чтобы каждый занял свое место для выполнения необходимого маневра, и экипаж фрегата тотчас же принялся за дело. Молодой офицер не напрасно гордился высокими качествами фрегата, о которых он говорил лоцману, и собственным умением управлять кораблем, ибо успех был налицо. Стоило лишь повернуть штурвал, как огромное судно начало быстро разворачиваться против ветра и ринулось наперерез волне, разбрасывая во все стороны пену и смело встречая ветер. Затем, изящно уклоняясь от его силы, оно легло на другой галс, чтобы уйти прочь от опасных мелей, к которым только что приближалось с огромной скоростью. Тяжелые реи повернулись, словно флюгера, указывающие направление ветра, и через несколько мгновений фрегат, полный достоинства, снова двинулся вперед по волнам, оставляя за кормой скалы и мели, которыми был усеян один берег бухты, но приближаясь к не меньшим опасностям другого.

Между тем море все больше и больше волновалось, а ветер с каждой минутой крепчал. Он уже не свистел в корабельных снастях, а казалось, сердито ревел, встречая на своем пути сопротивление сложной системы мачт канатов. Тяжелые лавины воды были покрыты бесконечной цепью белых гребней, и воздух был напоен блеском, исходившим от поверхности моря. Фрегат постепенно уступал натиску шторма, и менее чем через полчаса после поднятия якоря разбушевавшаяся стихия, казалось, овладела кораблем, увлекая его за собой. Однако отважные и опытные моряки, управлявшие фрегатом, удерживали его на необходимом для их спасения курсе. Гриффит передал полученные им от таинственного лоцмана приказания, и корабль направился в узкий проход прочь от неминуемой гибели.

До сих пор незнакомец, казалось, с легкостью исполнял свои обязанности: спокойным, невозмутимым тоном, который составлял удивительный контраст с лежавшей на этом человеке ответственностью, назначал он курс. Но, когда берег из-за расстояния и мрака стал почти невидим и перед взором оставались только мчавшиеся мимо пенистые валы, он словно стряхнул свою апатию, и его голос загремел, перекрывая однообразный рев бури.

— Настало время быть особенно внимательным, мистер Гриффит! — воскликнул он. — Здесь против нас вся сила прилива, и опасность очень велика. Пошлите лучше-

го на корабле лотового измерить глубину, да пусть рядом с ним постоит офицер и проследит, чтобы он сделал правильно это.

— Я возьму это на себя! — вызвался капитан. — Поднесите свет к наветренному берегу.

— К повороту готовсь! — крикпул лоцман с молниеносной быстротой. — Накинуть лот!

По этим приготовлениям весь экипаж догадался, что наступила решительная минута. Офицеры и матросы молча стояли на своих постах, ожидая, что покажет лот. Даже штурман отдавал приказания людям у штурвала более тихим и поэтому более хриплым, чем обычно, голосом, словно боясь нарушить царившее на корабле безмолвие.

Среди этой общей насторожепности резкий выкрик лотового: «Семь сажеп!» — заглушая бурю, пронесся над палубами и умчался во мрак, будто слова эти были предупреждением какого-то морского духа.

— Хорошо, — спокойно сказал лоцман. — Промерьте еще раз.

Последовало короткое молчание, а затем снова раздался крик:

— Пять с половиной!

— Судно идет прямо на мели! — воскликнул Гриффит. — Приготовиться к повороту!

— Да, теперь будьте наготове, — сказал лоцман с тем хладнокровием, которое не кажется странным в минуту опасности, ибо свидетельствует о крайнем напряжении внимания и воли.

После третьего крика: «Глубина четыре!» — лоцман немедленно велел повернуть на другой галс.

Гриффит, казалось, превзошел даже лоцмана в хладнокровии, когда отдавал команду, необходимую для выполнения этого маневра.

Корабль, накрененный ветром, медленно выпрямился, паруса его затрепетали, словно стараясь сорваться с мачт, но, как только нос его вновь начал разрезать водяную лавину, с бака донесся голос штурмана:

— Буруны! Прямо по носу буруны!

Этот грозный крик, казалось, еще висел в воздухе, когда послышался другой голос:

— Буруны с подветра!

— Вокруг нас мели, мистер Грэй, — сказал коман-

дир. — Корабль не может идти дальше; прикажете отдать якорь?

— Отдать правый якорь! — гаркнул в рупор Гриффит.

— Отставить! — закричал лоцман голосом, проникшим в сердца тех, кто его слышал. — Отставить!

Молодой человек с гневом повернулся к смелому незнакомцу, нарушившему дисциплину на корабле, и спросил:

— По какому праву вы осмеливаетесь отменять мои приказания? Мало того, что вы завели корабль в опасное место, теперь вы намерены еще мешать нам! Еще одно слово...

— Молчите, мистер Гриффит! — вмешался капитан. Седые кудри его развевались по ветру, придавая безумный вид изможденному и озабоченному лицу, освещенному светом фонаря. — Передайте рупор мистеру Грэю. Только он может спасти нас.

Гриффит швырнул рупор на палубу и с гордым видом пошел прочь, ожесточенно бормоча себе под нос:

— Тогда, значит, все кончено! Погибли и глупые надежды, которые я питал, приближаясь к этим берегам...

Никто ему не ответил, ибо ветер продолжал гнать корабль вперед, а так как действия команды были парализованы противоречивыми приказаниями, судно сбилось с курса, и через несколько секунд все его паруса были обстенены [1]. Но не успел еще экипаж фрегата осознать новую опасность, как лоцман, схватив рупор, отдал необходимые распоряжения таким громким голосом, что его не мог заглушить даже рев ветра. Каждая команда подавалась отчетливо и с точностью, свидетельствовавшей о том, что он прекрасно знает свое дело. Быстро овладели рулем, передние реи удалось, хотя и с трудом, развернуть против ветра, и корабль, двигаясь пазад, начал делать поворот.

Гриффит, как хороший моряк, тотчас увидел, что лоцман почти инстинктивно избрал единственное средство, способное вызволить судно из создавшегося положения. Лейтенант был молод, пылок, заносчив, но вместе с тем великодушен. Забыв свой гнев и перенесенное унижение, он подбежал к матросам и, увлекая их своим присутствием

---

[1] Паруса обстенены — паруса прижаты встречным ветром к мачтам, отчего судно начинает двигаться задним ходом.

— По какому праву вы осмеливаетесь отменять мои приказания? — с гневом спросил Гриффит.

и примером, немало способствовал успеху маневра. Корабль под напором ветра медленно накренился, почти касаясь реями поверхности воды, в то время как угрюмые волны с силой били в его корму, словно в отместку за то, что он изменил прежнему направлению движения.

Голос лоцмана, уверенный, спокойный и вместе с тем такой звучный, что слышен был всем, еще не умолк. Послушные приказаниям матросы, забыв о шторме, с такой легкостью поворачивали реи, будто это были детские игрушки. Когда корабль, ложась на фордевинд [1], преодолел наконец мертвую точку, передние паруса его заполоскались, реи задних мачт были выровнены, а руль повернут в нужную сторону, прежде чем судно успело встретить опасность, которая ему угрожала как с подветренной, так и с наветренной стороны. Великолепный корабль, покорный рулю, вторично сделал грациозный поворот по ветру и, поскольку паруса его были расположены наивыгоднейшим образом, двинулся прочь от окружавших его опасных мелей с такой же скоростью и равномерностью хода, как и приблизился к ним.

Затаив дыхание моряки следили за выполнением этого искусного маневра, но выражать удивление им было некогда. Незнакомец не оставлял рупора, и голос его гремел среди рева шторма, когда благоразумие или опыт требовали каких-либо перемен в положении парусов или руля. Еще с час шла страшная борьба за спасение. Фарватер с каждым шагом становился все более извилистым, а мели плотнее обступали моряков со всех сторон. Лот непрерывно находился в действии, а зоркий взгляд лоцмана, казалось, проникал сквозь тьму с остротой, превосходившей человеческие возможности. Все люди на фрегате чувствовали, что ими руководит человек, который досконально знает науку мореплавания, и по мере того как оживала надежда моряков, возрастало и их усердие. Не раз казалось, что фрегат слепо летит на покрытые пеной мели, где гибель была бы быстрой и несомненной, но звонкий голос незнакомца вовремя предупреждал о близкой опасности и вдохновлял на поспешное выполнение долга. Все безропотно подчинялись ему, и в тревожные минуты, когда корабль, рассекая пенистые волны, вздымал

---

[1] Фордевинд — курс, при котором ветер дует прямо или почти прямо в корму судна.

брызги выше огромных рей, все жадно внимали словам лоцмана, который своим сверхъестественным спокойствием и непревзойденным умением совершенно покорил экипаж фрегата.

Корабль только что стал набирать ход после перемены курса во время одного из ответственных поворотов, которые ему приходилось так часто выполнять, когда лоцман впервые обратился к капитану фрегата, все еще продолжавшему наблюдать за весьма важными в эти минуты действиями лотового.

— Наступает решительная минута, — сказал он. — Если фрегат будет нам послушен, мы спасены; в противном случае все наши старания были напрасны.

Старый моряк, к которому он обратился с этими многозначительными словами, отошел от борта и, подозвав первого лейтенанта, попросил лоцмана высказаться обстоятельнее.

— Видите свет на южном мысу? — спросил лоцман. — Его легко заметить по находящейся рядом звезде и по тому, что он время от времени заслоняется волнами. Теперь взгляните на бугор, немного к северу оттуда, он как тень на горизонте, — это холм, который находится далеко от берега. Если мы пойдем так, что не допустим створа [1] огня с бугром, все будет в порядке; в противном случае мы наверняка разлетимся на куски.

— Давайте снова делать поворот! — воскликнул лейтенант.

— На сегодня довольно поворотов и оверштаг и через фордевинд. Здесь ме́ста в обрез, чтобы миновать мели, не изменяя галса. Если мы можем обойти Чертовы Клещи с наветренной стороны, значит, наибольшая опасность позади. Иначе будет так, как я уже сказал. Выбора у вас нет.

— Если бы мы пошли тем же курсом, каким входили в бухту, — не удержался Гриффит, — все было бы в порядке.

— Добавьте: если бы течение нам позволило, — спокойно возразил лоцман. — Джентльмены, мы должны спешить. Нам осталось пройти не более мили, а корабль летит как на крыльях. Марселя недостаточно, чтобы держать круто к ветру. Нужно поставить кливер и грот.

---

[1] Створ — положение, когда наблюдатель и два предмета, по которым он ориентируется, оказываются на одной прямой линии.

— Опасно ставить паруса в такую бурю, — нерешительно заметил капитан.

— Это надо сделать, — хладнокровно ответил незнакомец. — Иначе — гибель. Смотрите! Свет уже касается края бугра. Нас сносит под ветер...

— Будет сделано! — воскликнул Гриффит, выхватывая рупор из рук лоцмана.

Приказания лейтенанта были выполнены с такой же быстротой, как и отданы, и вот все было готово, и огромное полотнище грота затрепетало на ветру. Была минута, когда исход этого маневра казался сомнительным. Оглушительные удары крыльев тяжелого паруса, казалось, готовы были сокрушить все на свете. Они сотрясали корабль до самого киля. Но умение и ловкость взяли верх, и постепенно паруса были выправлены и наполнились ветром, уступив усилиям сотни матросов. Корабль ощутил гигантское прибавление мощи и склонился под ней, как тростник под ветерком. Успех маневра исторг даже у незнакомца радостный крик, который, казалось, вырвался из глубины его души.

— Ага, почувствовал! Смотрите, он приводится к ветру! — воскликнул лоцман. — Свет снова показался из-за бугра. Если только выдержат паруса, мы проскочим...

Треск, похожий на пушечный залп, прервал его восклицание, и что-то напоминающее белое облако, промелькнув по ветру перед носом корабля, исчезло во мраке с подветренной стороны.

— Это кливер, его сорвало, — заметил командир фрегата. — Мы не успеем поставить другой кливер, но грот еще может выдержать.

— Парусу этот шквал нипочем, — возразил лейтенант, — а вот мачта гнется, как тростник.

— Молчите все! — закричал лоцман. — Джентльмены, сейчас решается наша судьба. Держать круче к ветру, как можно круче!

Это приказание прекратило дальнейшие разговоры. Отважные моряки, зная, что сделали все возможное для своего спасения, теперь затаив дыхание стояли в ожидании результата.

Впереди, на некотором расстоянии, все море шипело белой пеной, и волны, вместо того чтобы катиться ровной чередой, состязались в безумных прыжках. Единственная полоса правильно чередующихся темных валов,

шириной не более полукабельтова[1], тоже устремлялась в этот водяной хаос и скоро скрылась из глаз в неистовстве разгневанной стихии. Фрегат с еще большим трудом, чем прежде, шел по этому узкому проходу, держась так круто к ветру, что паруса его заполаскивали. Лоцман молча шагнул к штурвалу и сам повел судно. Только грохот бури был слышен на палубе фрегата, когда он вошел в проход между бурунами, и в молчании было спокойствие отчаяния. Десятки раз, когда пена исчезала в подветренной стороне, моряки уже готовы были закричать от радости, полагая, что опасность миновала. Но снова на их пути вздымались буруны, и снова отчаяние сменяло радость. Иногда слышался трепет заполаскивавших парусов; испуганные моряки устремляли взоры на лоцмана и видели, как он еще сильнее сжимал рукоятки штурвала и переводил быстрый взгляд с моря на паруса. Наконец корабль достиг такого места, где его, казалось, ждала неминуемая гибель, но курс его внезапно изменился, и нос покатился под ветер. В ту же секунду послышалась команда лоцмана:

— Отбрасопить реи![2]

Моряки, как эхо, повторили: «Есть отбрасопить реи!» — и фрегат быстро заскользил по фарватеру, идя на фордевинд. Глаз едва успевал различать быстрые потоки пены, струившиеся за бортом. Клочья ее казались облаками, несущимися по небу. А прекрасное судно, счастливо избежав опасности, уже поднималось и опускалось на тяжелых волнах открытого моря.

Моряки едва перевели дух и смотрели друг на друга, будто пробудившись от страшного сна, когда Гриффит приблизился к человеку, который спас их от страшной гибели. Лейтенант схватил незнакомца за руку и промолвил:

— Лоцман, этой ночью вы доказали свою преданность! И во всем мире нет моряка, равного вам!

Незнакомец тепло ответил на рукопожатие лейтенанта и сказал:

— Я хорошо знаю море, и мне, наверно, даже покой свой суждено обрести на дне морском. Но и вы удивили меня, молодой человек. Вы действовали отважно, и конгресс...

---

[1] Кабельтов — морская мера расстояния, равная примерно 185 метрам.

[2] Отбрасопить реи — поставить реи точно поперек судна.

— Что конгресс? — спросил Гриффит, заметив, что лоцман остановился.

— Конгресс можно поздравить, если у него много таких судов, — холодно ответил незнакомец и направился к командиру.

Гриффит удивленно посмотрел ему вслед. Но, так как обязанности его требовали постоянного внимания, он вскоре забыл об этом разговоре.

Был дан отбой. И, хотя шторм оставался таким же сильным и даже еще крепчал, бояться было нечего, ибо перед фрегатом лежало открытое море. Корабль медленно шел вперед, а на борту его производились дальнейшие работы для обеспечения безопасности плавания. Еще до полуночи все было приведено в порядок.

Пушка с «Ариэля» возвестила, что и шхуна цела. Она прошла другим, более легким путем, которым не мог пройти фрегат. Командир приказал выставить обычную вахту, а остальные члены экипажа отправились на столь необходимый всем отдых.

Капитан вместе с таинственным лоцманом удалился к себе в каюту. Гриффит отдал последнее приказание и, повторив свои инструкции офицеру, которому было доверено заботиться о судне, и, пожелав ему приятной вахты, улегся на койку. В течение часа молодой лейтенант раздумывал над событиями минувшего дня. Он припомнил слова Барнстейбла и насмешки юноши-гардемарина, затем мысли его перенеслись к лоцману, которого приняли на борт с неприятельского берега — и выговор у него был, как у настоящего англичанина, — и который так искусно и верно им послужил. Он вспомнил настойчивое желание капитана Мансона заполучить этого незнакомца даже ценой той опасности, от которой они только что избавились, и задумался над тем, почему надо было искать именно этого лоцмана, идя ради него на такой риск. Затем он вспомнил о том, что́ было ближе его сердцу: его воображению представилась Америка, любимая девушка и отчий дом, где он мирно провел свою юность. Однако грохот бьющих в борта тяжелых волн, поскрипывание пушек и переборок, рев бури постепенно теряли отчетливость, усталость взяла свое, и молодой человек, забыв даже романтические образы своей любви, уснул глубоким сном моряка.

Глава VI

...Ах, письма! Эти письма!
Им девушка влюбленная охотно
Свои мечты вверяет не краснея.
Здесь что ни слог — улыбка иль намек.

Дуо

На следующее утро Гриффит проснулся довольно поздно; его разбудил выстрел из пушки, раздавшийся с палубы над самой его головой. Он не спеша поднялся с койки, но, заметив у двери каюты, когда вестовой отворил ее, офицера морской пехоты, спросил его с некоторым беспокойством, не гонится ли их фрегат за неприятельским кораблем, раз открыта пальба.

— Это не более как напоминание «Ариэлю» повнимательнее следить за нашими сигналами, — ответил офицер. — На шхуне, по-видимому, все заснули, потому что вот уже десять минут, как мы подняли для них сигнал, а они и внимания не обращают. Верно, принимают нас за угольщика!

— Лучше скажите, что они принимают вас за неприятеля и поэтому настороже, — возразил Гриффит. — Дик сыграл с англичанами столько шуток, что теперь ему приходится очень их опасаться.

— Но ведь мы выкинули общий сигнал и показали желтый флаг над синим, а это в любой из наших сигнальных книг означает «Ариэль». Не думает же Барнстейбл, что англичанам известны американские сигналы!

— Я знавал немало янки, которые прекрасно разбирались и в более трудных английских сигналах, — улыбаясь, ответил Гриффит. — Но, по правде говоря, я тоже полагаю, что Барнстейбл просто последовал моему примеру и отправился спать, а его люди воспользовались этим благоприятным обстоятельством. Шхуна, наверно, лежит на дрейфе?

— Конечно; качается, как поплавок у мельничной запруды. Вы, несомненно, правы. Пустите Барнстейбла в открытое море при хорошем ветре, да еще под зарифленными парусами, и он немедленно отправит людей вниз, поставит на руль этого дылду, которого называет Длинным Томом, а потом сам пойдет в каюту и будет спать так крепко, как я, бывало, спал только в церкви.

— У вас, я вижу, весьма сонное благочестие, капитан Мануэль! — смеясь, сказал молодой моряк, надевая форменную куртку с золотыми нашивками, присвоенными его рангу. — Сон, конечно, — естественное состояние для всех вас, лодырей... Однако позвольте мне пройти; я поднимусь наверх, и вы увидите: не успеют еще перевернуть склянки, как шхуна явится сюда.

Праздный воин, прислонившийся к двери каюты, лениво подался в сторону, и Гриффит, пройдя через кают-компанию, поднялся по узкому трапу на главную батарейную палубу, а затем, воспользовавшись другим, более широким трапом, очутился на верхней палубе.

Все еще дул сильный, но ровный ветер; синие волны поднимались, как холмы, увенчанные белой пеной, которую ветер временами подбрасывал вверх и мчал в тумане с вершины на вершину. Но корабль легко резал носом валы, свидетельствуя об искусстве человека, который командовал им. День выдался ясный и светлый, лепивое зимнее солнце, казалось, неохотно поднималось вверх, пересекая небо так низко над горизонтом, что его лучи едва ли могли согреть влажный морской воздух своим благодатным теплом. На расстоянии мили с наветренной стороны виднелся «Ариэль», который повиновался сигналу, послужившему темой только что изложенного разговора. Лишь в те мгновения, когда шхуна поднималась на гребень особенно большой волны, можно было — и то с трудом — различить ее низкий черный корпус; зато белое пятно ее парусов, наполненных ветром, было видно издалека, и, когда маленькое судно качалось на неспокойной воде, казалось, будто они то с одной, то с другой стороны касаются волн. Иногда шхуна совсем скрывалась из виду, но вот из моря появлялись еле заметные наклонные мачты; они росли, росли, затем из пены выходил корпус, и казалось, что вот-вот понесется по воздуху, покинув морскую стихию.

Гриффит с минуту любовался прекрасным зрелищем, которое мы попытались описать, а затем, бросив проницательный взгляд моряка на небо, обратил взор на тех, кто находился на палубе фрегата.

Командир корабля стоял спокойно, как всегда, и терпеливо ожидал, когда «Ариэль» выполнит его приказание, а рядом с ним находился незнакомец, который недавно сыграл столь значительную роль в судьбе фрегата.

Пользуясь дневным светом, Гриффит с того места, где он стоял, старался разглядеть необыкновенного человека лучше, чем это было возможно среди мрака и сумятицы прошлой ночи. Лоцман был ростом чуть ниже среднего, но мускулистая фигура его отличалась исключительной соразмерностью и мужественной красотой. Чертам его были свойственны скорее грусть и задумчивость, чем решительность и твердость, столь ярко проявленные им в минуты крайней опасности, но Гриффит хорошо знал, что это лицо может выражать и яростное нетерпение. Сейчас любопытному молодому человеку, помнившему, каким он видел это лицо в тревожном свете фонарей, оно казалось гладью морской в сравнении с волнением, все еще владевшим могучей стихией. Глаза лоцмана были опущены, но иногда он бросал вокруг себя беспокойные, быстрые взгляды. Просторная коричневая куртка, скрывавшая бóльшую часть его одежды, была сшита неумелыми руками из самого дешевого материала — такие носят самые захудалые матросы на корабле. И все же от внимательного взгляда молодого лейтенанта не ускользнуло, что незнакомец носит эту одежду с аккуратностью и изяществом, совсем не свойственными людям его профессии. На этом наблюдения Гриффита окончились, ибо к фрегату приближался «Ариэль», и все присутствующие готовились внимательно слушать беседу, которая вот-вот должна была начаться между командирами обоих судов.

Пока маленькая шхуна огибала высокую корму корабля, капитан Мансон приказал Барнстейблу подняться на борт фрегата. Как только приказ был передан, «Ариэль» сделал поворот и укрылся от вспененных волн в полосе более спокойной воды под защитой борта огромного корабля. С палубы шхуны был снова спущен на воду вельбот, в котором заняли места те же самые гребцы, какие накануне ходили на нем к берегу, теперь едва различимому в подветренной стороне в виде полосы синих туч на горизонте.

Когда Барнстейбл спустился в вельбот, шлюпка, танцуя, рванулась вперед, и через несколько секунд удары весел доставили ее к борту фрегата. Офицер в сопровождении своих матросов поднялся на борт величественного корабля, а малепькое суденышко осталось качаться на привязи недалеко от борта фрегата под присмотром дневального.

Как только Барнстейбл ступил на палубу, Гриффит и другие офицеры приветствовали его по всем правилам, хотя каждый от души готов был обнять отважного моряка. Однако никто не посмел нарушить правила официального этикета, пока с прибывшим не переговорил сам капитан.

Тем временем матросы с вельбота прошли на нос и смешались с моряками фрегата. Только рулевой шхуны невозмутимо расположился на одном из ведущих вниз трапов и, подняв голову, начал осматривать сложную систему корабельных снастей, с явным неудовольствием покачивая головой. Это зрелище собрало вокруг него несколько молодых людей во главе с мистером Мерри, которые намеревались развлекать гостя так, чтобы и самим позабавиться на славу.

Разговор между Барнстейблом и его начальником вскоре окончился, и молодой человек, кивком позвав за собой Гриффита с такой непринужденностью, которая доказывала, что он не чужой на фрегате, первым направился в кают-компанию. При этом он даже не взглянул на офицеров, собравшихся вокруг шпиля в ожидании, когда их товарищ освободится, чтобы более сердечно с ним поздороваться. Подобная сухость никак не была свойственна природному нраву и обычному поведению Барнстейбла. Поэтому, когда первый лейтенант один последовал за ним, офицеры решили, что Барнстейбл, вероятно, хочет поговорить с ним о служебных делах наедине. Командир шхуны действительно имел это намерение, ибо, схватив со стола в кают-компании лампу, он проследовал в сопровождении своего приятеля в его каюту и, затворив дверь, повернул ключ в замке. Удостоверившись, что никто не может им помешать, командир шхуны, верный долгу службы и поэтому неспособный отнестись пренебрежительно к рангу Гриффита, предложил ему единственный стул, а сам, поставив лампу на стол, небрежно уселся на рундук и начал разговор:

— Ну и ночь нам выдалась! Мне раз двадцать казалось, что море сомкнулось над вами, и я уже считал вас погибшими или, еще хуже, прибитыми к берегу, где власти запрятали бы вас в плавучие тюрьмы. Но внезапно в ответ на мой пушечный выстрел я увидел ваши огни. Если у злодея отнять его совесть, то и ему, наверно, не станет так легко, как мне, когда я увидел свечной огарок в ва-

шем фонаре. Однако, Гриффит, я должен рассказать вам совсем о другом...

— О том, как вы спали, когда очутились в открытом море, и о том, как ваша команда пыталась даже превзойти своего командира в умении спать, и, наконец, о том, как это ей удалось в такой мере, что наш старик только головой качал, — перебил его Гриффит. — Ей-богу, Дик, вы скоро совсем забудете мореходство на вашей скорлупе, где матросы укладываются спать вместе с курами!

— Что вы, Нед, дела наши далеко не так плохи! — смеясь, возразил Барнстейбл. — У меня дисциплина не слабее, чем на флагмане. Конечно, сорок человек не такой внушительный экипаж, как триста или четыреста, но, если придется поставить или убрать паруса, я, пожалуй, выполню этот маневр быстрее вас.

— Еще бы, ведь носовой платок легче развернуть и сложить, чем скатерть! Но я считаю, что плох тот моряк, который оставляет корабль без присмотра и не следит даже, куда он идет: к северу или югу, к востоку или западу.

— И кого же вы обвиняете в таком недостойном поведении?

— У нас, знаете ли, говорят, что при сильном ветре вы ставите к румпелю вашего Длинного Тома, приказываете ему держать курс прямо, а остальных отправляете спать, и команда остается на койках, пока вас не разбудит храп рулевого.

— Бесстыдная ложь! — закричал Барнстейбл с негодованием, которое он тщетно пытался скрыть. — Кто позволяет себе распускать такие сплетни, мистер Гриффит?

— Я слышал это от командира морской пехоты, — ответил лейтенант, теряя охоту дразнить приятеля и напуская на себя рассеянный вид человека, которому все безразлично. — Но я сам мало этому верю. Не сомневаюсь, что прошлой ночью вы все не смыкали глаз, а вот что вы делали утром, этого я не знаю.

— Утром? Да, сегодня я малость зазевался! Но я был занят, Гриффит, изучением нового свода сигналов, который для меня в тысячу раз интереснее, чем все ваши флаги, развешанные на мачтах сверху донизу!

— Что? Неужели вы узнали тайные сигналы англичан?

— Нет-нет, — ответил Барнстейбл, хватая за руку своего приятеля. — Вчера вечером на тех утесах я встре-

тил девушку, которая еще раз доказала, что я не ошибся в ней и не напрасно полюбил ее, такую сообразительную и смелую.

— О ком вы говорите?

— О Кэтрин...

Услышав это имя, Гриффит невольно вскочил со стула. Лицо его сначала покрылось мертвенной бледностью, а затем вспыхнуло, словно к нему стремительно прихлынула кровь из глубин сердца. Стараясь побороть волнение, которое он, по-видимому, стыдился обнаружить даже перед самым близким другом, молодой человек сел и, несколько овладев собой, с трепетом спросил:

— Она была одна?

— Да, но она передала мне это письмо и вот эту чудесную книгу, которая стóит целой библиотеки.

Гриффит кинул рассеянный взгляд на книгу, так высоко ценимую его приятелем, но нетерпеливо схватил распечатанное письмо, которое было положено перед ним на стол. Читатель уже догадался, что письмо это, написанное женской рукой, было то самое, которое Барнстейбл получил от своей нареченной во время их встречи на прибрежных скалах. Вот его содержание:

«Веря, что провидение доставит мне случай свидеться с вами или переслать вам это письмо, я приготовила краткий рассказ о том, в каком положении находимся мы с Сесилией Говард. Я сделала это, однако, не для того, чтобы толкнуть вас и Гриффита на какой-нибудь опрометчивый, безрассудный поступок. Я хочу лишь, чтобы вы могли вместе подумать и решить, что можно сделать для нашего освобождения.

Вы, вероятно, уже достаточно знакомы с характером полковника Говарда: он никогда не согласится отдать ру-

ку своей племянницы мятежнику. Во имя верности королю, как говорит он (а я говорю на ухо Сесилии: «Во имя измены отечеству»), он уже пожертвовал не только своей родиной, но и немалой долей своего состояния. Со свойственной мне откровенностью (вы ее хорошо знаете, Барнстейбл!) я после дерзкой и неудачной попытки Гриффита увезти Сесилию там, в Каролине, призналась полковнику, что имела глупость подать некоторую надежду офицеру, сопровождавшему молодого моряка во время его вероломных визитов на плантацию. Ах, иногда мне кажется, что для всех нас было бы лучше, если бы ваш корабль никогда не появлялся на нашей реке или, если уж это было суждено, чтобы Гриффит не пытался возобновить знакомство с моей кузиной! Полковник принял мое признание, как и можно было ожидать от опекуна: он понял, что его воспитанница собирается отдать свою руку и тридцать тысяч долларов приданого изменнику короля и отечества. Я защищала вас как могла: говорила, что у вас нет короля, ибо узы, связывавшие вас с Англией, расторгнуты, что теперь отечеством вашим стала Америка и что призвание ваше почетно. Но все было напрасно. Он называл вас мятежником — это я слышала и раньше. Он утверждал, что вы изменник — в его устах это одно и то же. Он даже осмелился намекнуть, что вы будто бы трус. Я не побоялась высказать ему напрямик, что это ложь. Он ругал вас как мог. Не помню уж сейчас всех оскорблений, которыми он вас осыпал, но среди них были такие прекрасные выражения, как «смутьян», «левеллер» [1], «демократ». Одним словом, он пришел в ярость, достойную полковника Говарда. Но его права не переходят из поколения в поколение, как у излюбленных им монархов, и через какой-нибудь год я уже выйду из-под его власти и стану сама хозяйкой своей судьбы. Конечно — если вы сдержите все свои заманчивые обещания! Я держусь стойко, решив вытерпеть все эти муки, лишь бы не покидать Сесилию. Ее положение значительно хуже моего: она не только воспитанница полковника Говарда, но и его племянница, его единственная наследница. Я убеждена, что это последнее обстоятельство никак не влияет ни на поведение, ни на чувства моей кузины, но полковник, по-видимому, считает, что это дает

[1] Левеллеры — левая, наиболее революционная группа в период английской буржуазной революции XVII века.

ему право изводить ее по каждому удобному поводу. При всем том полковник Говард, если его не гневить, настоящий джентльмен и, думается мне, исключительно честный человек. Сесилия даже любит его. Однако нельзя ожидать от человека, который шестидесяти лет от роду стал изгнанником и лишился почти половины своего. состояния, чтобы он склонен был восхвалять людей, вызвавших такой переворот в его судьбе.

Сто лет назад, когда Говарды еще жили в Англии, их земли находились в Нортумберленде. Поэтому сюда полковник и привез нас, когда политические события и страх оказаться дядей мятежника вынудили его покинуть Америку, как он говорит, навсегда. Уже три месяца, как мы здесь. Два месяца мы жили более или менее спокойно и привольно, но недавно газеты сообщили о прибытии во Францию вашего фрегата и шхуны, и с этой минуты за нами начали так строго следить, словно мы замышляем повторить каролинский побег. По прибытии сюда полковник нанял старинное здание, которое похоже и на дом и на монастырь, а может быть, и на за́мок, но больше всего на тюрьму. Как говорят, его прельстило то, что дом этот когда-то принадлежал одному из его предков. В этом восхитительном жилище есть много клеток, из которых не вырвутся и более беспокойные птички, чем мы. Недели две назад в соседней деревне, расположенной на побережье, подняли тревогу из-за того, что у берега появилось два американских судна. По описанию они похожи на ваши. А так как у нас в округе все только и думают, что о страшном Поле Джонсе, то теперь начали говорить, будто он находится на борту одного из этих судов. Мне кажется, что полковник Говард все точно знает, ибо в своих расспросах, насколько мне известно, он интересуется самыми мелкими подробностями. Он завел в доме нечто вроде гарнизона под предлогом защиты нашего жилья от мародеров, подобных тем, которые, как рассказывают, взяли выкуп с леди Селкирк.

Поймите меня правильно, Барнстейбл: я ни в коем случае не желаю, чтобы вы отважились высадиться на берег, и заклинаю вас нашей любовью не проливать крови. Однако, для того чтобы вы лучше представляли себе место, где мы томимся, и людей, которые нас окружают, я опишу вам и тюрьму и гарнизон. Здание целиком построено из камня, поэтому вторгнуться в него с малыми сила-

ми невозможно. В нем столько поворотов и закоулков, что рассказать о них я просто не в силах. Комнаты, которые мы занимаем, находятся наверху, на третьем этаже флигеля, который, если вы настроены романтически, можно назвать башней. В действительности это просто крыло замка. Ах, если б я могла улететь с помощью этого крыла! Если вы случайно окажетесь поблизости, то узнáете наши комнаты по трем закопченным флюгерам, которые вертятся над остроконечной крышей, а также по обычно открытым окнам. Напротив наших окон, на расстоянии полумили, находятся какие-то необитаемые развалины, почти скрытые от взоров небольшой рощей. Под сводами этих развалин можно найти не слишком комфортабельное, но все же убежище. Пользуясь объяснениями, которые вы когда-то мне дали, я приготовила набор сигнальных флажков из шелка различных цветов и небольшой разговорник, который, мне кажется, может нам пригодиться. Эти фразы тщательно пронумерованы соответственно сочетаниям флажков. Прилагаю этот сборник сигналов к письму. У меня остается комплект флажков вместе с ключом к ним, а вы должны приготовить себе второй комплект. Если представится возможность, мы, по крайней мере, проведем несколько минут в приятной беседе: вы — с крыши старой башни в развалинах, а я — из восточного окна моего будуара!

Теперь я расскажу вам о гарнизоне. Кроме коменданта, должность которого со всем пылом своей прежней военной профессии исполняет сам полковник Говард, есть еще его помощник, Кит Диллон — несчастье жизни Сесилии. У него длинная физиономия с черными глазами, полными презрения ко всему на свете, и кожа такого же цвета. Этот джентльмен, как вам известно, дальний родственник Говардов, а теперь он возымел желание породниться с ними ближе. Он, правда, беден, зато, как ежедневно повторяет полковник, добрый верноподданный, а не мятежник. Когда я поинтересовалась, почему в эти тревожные времена Диллон не поднял оружия в защиту любимого венценосца, полковник ответил, что это не его обязанность, ибо он воспитан для служения закону и готовится занять одно из самых важных судейских мест в колониях. Полковник добавил, что надеется дожить до тех времен, когда этот многообещающий молодой человек приговорит некоторых джентльменов (имен он не назвал) к достойному наказа-

нию. Это, конечно, было весьма утешительно, но я промолчала. Однако Диллон вместе с нами покинул Каролину и сейчас находится в монастыре, намереваясь и впредь оставаться здесь, если вы не поймаете его и не произнесете над ним приговор, которым он грозит вам. Именно этого джентльмена полковник хочет видеть мужем Сесилии, и, с тех пор как до нас дошли слухи о вашем прибытии к английским берегам, осада почти перешла в штурм. Это привело к тому, что кузина сначала сама заперлась в своей комнате, а потом ее там запер полковник. И сейчас ей даже не разрешают выходить из флигеля, в котором мы живем. Кроме этих двух главных тюремщиков, нас охраняют четверо слуг мужского пола: двое негров и двое белых, и офицер с двадцатью солдатами, присланный к нам из соседнего города по особому приглашению полковника. Они останутся здесь до тех пор, пока берег не будет очищен от «пиратов»! Да, так сладкозвучно они именуют вас, а когда их собственные солдаты высаживаются на берег, грабят, разбойничают, убивают мужчин и оскорбляют женщин, их называют героями! Очень интересно придумывать клички и составлять словари. Ваша вина, если окажется, что мой словарь был составлен напрасно. Когда я припоминаю все оскорбления и ругательства, которыми здесь, в Англии, осыпают мою родину и мой народ, я выхожу из себя и забываю о том, что я женщина. Но я не хочу, чтобы мое раздражение привело вас к какому-нибудь необдуманному поступку. Помните о собственной жизни, помните об их тюрьмах, помните о вашем добром имени и не забывайте, не забывайте вашу

Кэтрин Плауден.

P. S. Я чуть не забыла сказать вам, что в сборнике сигналов вы найдете подробное описание нашей тюрьмы, сведения о ее расположении и план всей местности».

Дочитав послание, Гриффит возвратил его тому, кому оно было адресовано, и, откинувшись на спинку стула, глубоко задумался.

— Я не знал, что она здесь, иначе я принял бы пост, который мне предлагали наши комиссары в Париже, — наконец промолвил он. — Я надеялся, что счастливый случай поможет мне встретиться с ней, но никак не ожидал, что окажусь в такой близости от нее! Раз у нас есть эти

сведения, мы должны действовать быстро и решительно. Бедняжка! Что только ей приходится сейчас испытывать!

— Какой у нее прекрасный почерк! — воскликнул Барнстейбл. — Четкие буквы, изящные и маленькие, как ее пальчики. Грифф, вот если бы ей вести вахтенный журнал!

— Сесилии Говард прикасаться к грубой бумаге вахтенного журнала? — удивленно воскликнул Гриффит, но, заметив, что Барнстейбл углубился в письмо возлюбленной, понял, что каждый из них думает о своей любимой, и, улыбнувшись, замолчал.

После нескольких минут хладнокровного размышления Гриффит попросил друга рассказать ему, как и при каких обстоятельствах он встретился с Кэтрин Плауден. Барнстейбл кратко изложил все события, уже известные читателю.

— Значит, — сказал Гриффит, — Мерри — единственный, кроме нас, кто знает об этой встрече. Думаю, что, дорожа честью своей родственницы, он не будет болтать.

— Ее честь не нуждается в защите, мистер Гриффит! — вскричал Барнстейбл. — Она так же незапятнанна, как паруса над вашей головой, и...

— Тише, милый Ричард! Прошу прощения: вероятно, мои слова можно истолковать несколько иначе, чем я предполагал. Но очень важно, чтобы все наши шаги были осторожны и оставались тайной.

— Мы должны увезти их обеих, — сказал Барнстейбл, уже забыв о минутном недоразумении, — и сделать это раньше, чем нашему старику заблагорассудится покинуть здешние берега. Вам что-нибудь известно о его инструкциях, или он молчит о них?

— Он безмолвен, как могила. Впервые мы покинули порт без того, чтобы он откровенно поговорил со мной о целях нашего плавания. И, с тех пор как мы вышли из Бреста, он еще ни слова мне не сказал.

— Причиной этому ваша застенчивость — все вы такие в Джерси! Подождите, пока я с моим восточным любопытством подойду к нему. Клянусь честью, через час мне все будет известно!

— Коса найдет на камень — вот и все, чем это кончится, — засмеялся Гриффит. — Увидите, он будет увертываться так же ловко, как вы — допрашивать его.

— Во всяком случае, у меня нынче будет возможность

попытаться. Он послал за мной для участия в офицерском совете — вероятно, по какому-то важному вопросу.

— Ничего не слышал, — ответил Гриффит, подняв пытливый взгляд на приятеля. — Что он собирается объявить?

— Об этом вам придется спросить у вашего лоцмана, потому что во время разговора со мной старик каждую минуту посматривал на него, словно ожидая команды для маневра.

— Вокруг этого человека и в наших отношениях с ним есть какая-то тайна, постичь которую я не в силах, — сказал Гриффит. — Но я слышу — меня зовет Мануэль. Нас ждут в капитанской каюте. Помните, вы не должны покинуть фрегат, не повидавшись со мной еще раз!

— Нет-нет, мой дорогой друг, после общего совета у капитана мы удалимся на частный совет!

Молодые люди встали, и Гриффит, сбросив куртку, в которой выходил на палубу, надел парадный сюртук. Взяв шпагу, он направился вслед за товарищем по проходу, уже нами описанному, на батарейную палубу, откуда они вошли, приветствуя собравшихся, в командирский салон.

Глава VII

Семпроний, говори!

Аддисон, «Катон»

Приготовления к совету были коротки и просты. Старый командир фрегата с безукоризненной вежливостью принял офицеров и, указав им на стулья вокруг стола, привинченного посреди салона, молча занял председательское место. За ним без дальнейших церемоний уселись и все остальные. Занимая свои места, они, однако, внимательно и строго соблюдали порядок старшинства и чинов. Гриффит, как следующий по должности за командиром фрегата, поместился по правую руку от него, а по левую руку сел командир шхуны. Командир морской пехоты, который также принимал участие в совете, расположился подле Гриффита, а за ним — по старшинству — все остальные офицеры. На нижнем конце стола занял

место штурман — атлетически сложенный, широкоплечий человек с грубыми чертами лица. Как только все уселись за столом и установилась тишина, командир, собравший своих подчиненных на совет, изложил им существо дела и просил высказать свое мнение.

— В силу данных мне инструкций, джентльмены, — начал он, — по прибытии к берегам Англии я должен был их обследовать...

Гриффит почтительно поднял руку, призывая к молчанию, и старый ветеран умолк, вопросительно глядя па лейтенанта.

— Мы не одни, — объяснил молодой человек и бросил взгляд в ту часть салона, где, облокотившись на пушку, в спокойной и непринужденной позе стоял лоцман.

Незнакомец и бровью не повел, услышав этот явный намек, и не поднял глаз от лежавшей перед ним прямо на палубе карты, которую он внимательно разглядывал.

— Это мистер Грэй, — тихо и с явным уважением произнося это имя, ответил капитан. — Нам понадобятся его услуги, поэтому мы ничего не должны скрывать от пего.

Молодые люди удивленно переглянулись, и, когда Гриффит безмолвным поклоном выразил свое согласие с решением командира, последний продолжал:

— Мне было приказано наблюдать за определенными сигналами с мысов, мимо которых мы шли. С этой целью мне были даны лучшие карты и инструкции, что дало нам возможность вчера войти в бухту. Теперь у нас есть лоцман, который представил такие доказательства своего искусства, что ни один из вас, джентльмены, не должен колебаться в случае необходимости положиться на его честь и знания.

Старик умолк и оглядел своих офицеров, словно желая прочесть па их лицах, как они приняли это важное заявление. Слушатели молча наклонили головы, и капитан, заглядывая в бумагу, которую он держал в руках, продолжал свои объяснения:

— Всем вам известно, джентльмены, что злополучный вопрос об обмене пленными не раз возбуждался обоими правительствами — нашим и английским. По этой причине, а также по некоторым политическим соображениям наши комиссары в Париже признали необходимым захватить в плен нескольких видных деятелей враждебной стороны, которые могли бы послужить заложниками на слу-

чай дальнейших козней врага. В то же время это заставит Англию испытать на себе тяготы войны, которые до сих пор были только нашим уделом, ибо она шла исключительно на нашей территории. Сейчас нам представляется удобный случай привести этот план в исполнение, и я собрал вас для того, чтобы посоветоваться, как это сделать.

Это неожиданное сообщение о цели плавания было встречено мертвой тишиной. Подождав с минуту, капитан, обращаясь к штурману, спросил:

— Что вы посоветуете мне предпринять, мистер Болтроп?

Закаленный моряк, которому было предложено своим советом распутать этот трудный узел, положил на стол короткую костистую руку и начал с большим старанием вертеть чернильницу, а другой рукой он поднес ко рту перо и стал жевать его с таким увлечением, словно это был лист славного виргинского табаку. Но, заметив, что от него ждут ответа, он поглядел сначала направо, потом налево и наконец заговорил хриплым, густым голосом, потерявшим из-за морских туманов и постоянной простуды всякую мелодичность:

— Я думаю так: приказано — значит, надо сделать, ибо старинное правило гласит: «Получил приказ — выполняй враз!» Однако не худо и другое правило: «Волю начальства твори, да и себя не смори!» Оно спасло многих ребят от промашки, закрывающей реестр казначея. Я не хочу сказать, что книги казначея хуже других книг, но, когда человек умер, его счет закрывают, иначе выйдет ошибка. Итак, если дело должно быть сделано, встает вопрос: каким образом? Всем известно, что на корабле много парусов, но не всякий скажет, как убрать лишние. Так вот, если дело действительно должно быть сделано, нам следует либо высадить отряд и захватить этих людей, либо ложными сигналами и флагами заманить их на фрегат. Что касается высадки, капитан Мансон, — я говорю только о себе, — то, если вы проткнете бушпритом окна гостиной английского короля, я согласен на этот маневр, и мне неважно, сколько дворцовой посуды при этом будет побито. Что же до того, чтобы оставить след моих сапог на здешнем прибрежном песке — я все время говорю только о себе, — то, извините за выражение, лучше пусть черт меня унесет.

Молодые офицеры с улыбкой выслушали чистосердеч-

ное изложение мыслей старого морского волка, который, по-видимому, полагал, что достаточно осветил то основное, ради чего был собран совет.

Но командир, который тоже был — правда, более утонченным — воспитанником старой школы, как будто понял все доводы штурмана и, не изменив бесстрастного выражения лица, попросил высказаться самого молодого из лейтенантов.

Молодой человек говорил скромно, но все же решительно. Однако речь его в целом была не менее расплывчатой, чем речь штурмана. Он сказал то же самое, с той лишь разницей, что не испытывал подобного отвращения к высадке на берег.

Высказывания других офицеров, более высокого чина, становились все яснее и вразумительнее, пока не дошла очередь до капитана морской пехоты. Он излагал свои соображения, явно гордясь тем, что предполагаемое предприятие гораздо более соответствовало его профессии, чем обычные действия фрегата.

— Мне кажется, сэр, что успех этой экспедиции зависит в первую голову от способа ее выполнения... — После этих общепонятных вступительных слов офицер помедлил, как бы собираясь высказать такой убедительный аргумент, который сразу смёл бы все возражения, а затем продолжал: — Высадка, конечно, должна быть произведена в удобном месте, под прикрытием пушек фрегата, а шхуну, если можно, следует поставить на якорь таким образом, чтобы в случае нужды она могла открыть фланкирующий огонь по месту десанта. Приготовления к походному маршу во многом зависят от расстояния, которое предстоит пройти. Я полагаю, сэр, что следует выслать вперед группу моряков, которая должна прокладывать путь для колонны морской пехоты, а обоз и его охранение могут оставаться на фрегате до тех пор, пока неприятель не отступит в глубь территории; только тогда они могут спокойно двинуться вперед. Необходимо также образовать фланговые отряды под командой двух старших гардемаринов, а из марсовых следует создать небольшой отряд для содействия морской пехоте. Мистер Гриффит, конечно, сам поведет матросов, вооруженных мушкетами и длинными пиками, — это будет резерв, поскольку, я думаю, мои военные заслуги и опыт дают мне право принять командование над главными силами.

— Великолепно, фельдмаршал! — воскликнул Барнстейбл, в своем кипучем веселье редко считавшийся с местом и временем. — Напрасно вы допустили, чтобы ваши пуговицы ржавели от морской воды. Вы уберегли бы их от этого, оставаясь в лагере Вашингтона. Лучше вам повесить свою койку в его палатке. Вы, кажется, думаете, сэр, что мы намерены завоевать всю Англию?

— Я знаю, что всякий военный маневр должен быть выполнен точно и четко, капитан Барнстейбл, — возразил командир морской пехоты. — Но я слишком привык к насмешкам морских офицеров, чтобы прислушиваться к тому, что считаю проявлением их невежества. Если капитану Мансону угодно будет использовать меня и моих людей в этой экспедиции, он убедится, что морская пехота годится не только для того, чтобы нести караул и отдавать честь. — Высокомерно отвернувшись от своего противника, он продолжал говорить, обращаясь уже только к их общему начальнику и как бы пренебрегая дальнейшим разговором с человеком, не способным понять всю силу его слов: — Было бы весьма благоразумно, капитан Мансон, выслать вперед разведывательный отряд. И, поскольку мы можем встретить отпор, я советовал бы сформировать вооруженный шанцевым инструментом саперный отряд. Такой отряд был бы чрезвычайно полезен для возведения полевых укреплений. Впрочем, сэр, нужные орудия найдутся в изобилии у местного населения, а для работ мы в случае нужды привлечем и крестьян.

Барнстейбл не выдержал и громко расхохотался, причем никто не счел нужным его остановить. Но Гриффит, отвернув голову, скрыл улыбку, которая было расплылась по его лицу. Он заметил, что лоцман бросил на веселого моряка гневный взгляд, и не знал, как его истолковать. Когда капитан Мансон решил, что Барнстейбл насмеялся досыта, он мягко осведомился, почему предложение командира морской пехоты кажется ему столь смешным.

— Да ведь это план целой кампании! — вскричал Барнстейбл. — Его следует тотчас, пока еще не выступили французы, отправить с нарочным в Конгресс!

— Может быть, вы предложите лучший план, мистер Барнстейбл? — терпеливо спросил командир.

— Лучший? Да любой, какой можно выполнить быстро и без затруднений! — воскликнул командир шху-

ны. — Это дело для моряков, сэр, и поручить его следует морякам...

— Извините меня, капитан Барнстейбл, — перебил его командир морской пехоты, воинское честолюбие которого подавило в нем всякое чувство юмора, — но, поскольку дело это должно быть выполнено на суше, я думаю, что имею полное право участвовать в нем.

— Думайте что хотите, капитан, но не знаю, как вы собираетесь воевать с помощью людей, которые не умеют отличить нос корабля от кормы, — ответил моряк. — Или вы полагаете, что подойти к берегу на веслах или под парусом так же легко, как по команде положить на землю ваши ружья? Нет-нет, капитан Мануэль, я уважаю ваше мужество, ибо не раз видел вас в минуты опасности, но, черт меня побери, если...

— Мы ждем, что предложите вы, мистер Барнстейбл! — напомнил ему старик командир.

— Прошу прощения, сэр! Ни в каком плане нет необходимости. Укажите, где находятся нужные вам лица, а также расстояние, и я, как только шторм немного стихнет, поведу шхуну к берегу в таком месте, где достаточно глубоко и нет подводных камней... Мистер лоцман, вы будете сопровождать меня, ибо у вас в голове хранится такая точная карта морского дна и этих берегов, какой никогда не существовало и для суши. Я поищу удобную якорную стоянку, или, если ветер будет дуть с берега, шхуна может ждать в отдалении, пока нам не удастся снова выйти в открытое море. Я высажусь на берег с вельбота, взяв с собой Длинного Тома и команду гребцов, а затем мы отыщем указанное вами место, возьмем в плен нужных вам людей и доставим их на борт фрегата. Все пойдет как по маслу, только десант надо высадить ночью, поскольку эти места густо заселены.

— Мистер Гриффит, — сказал капитан, — нам осталось услышать только ваше мнение, а затем, сопоставив все соображения, мы выработаем наиболее благоразумный способ действий.

Первый лейтенант в течение всего совета был очень задумчив и, по-видимому, достаточно подготовился к своему выступлению. Указывая на человека, который по-прежнему стоял позади, опираясь на пушку, он спросил:

— Вам угодно, чтобы лоцман сопровождал нашу экспедицию?

— Да.

— И он располагает необходимыми сведениями, чтобы руководить нашими действиями?

— Именно так.

— Если, сэр, он будет действовать на суше так же искусно, как на море, я ручаюсь за наш успех, — сказал лейтенант, слегка кланяясь незнакомцу, который поблагодарил его холодным кивком. — Прошу мистера Барнстейбла и капитана Мануэля извинить меня, — продолжал он, — но, полагаю, командовать этой экспедицией надлежит мне, как старшему по рангу.

— Это дело для шхуны! — с жаром возразил Барнстейбл.

— Здесь хватит работы для всех, — ответил Гриффит. Он поднял палец, призывая приятеля к молчанию, и бросил на него выразительный взгляд, который был тотчас понят. — Я не могу вполне согласиться ни с одним из этих джентльменов. Говорят, что со времени появления наших судов у побережья дома́ знатных людей охраняются небольшими отрядами вооруженных солдат из соседних городов.

— Кто это говорит? — спросил лоцман, неожиданно выступив вперед с такой живостью, которая заставила всех умо́лкнуть.

— Это говорю я, сэр, — ответил лейтенант, придя в себя от удивления.

— Вы можете ручаться за свои слова?

— Да.

— Назовите мне лицо или укажите дом, находящийся под такой охраной.

Гриффит смотрел на человека, который настолько забылся, что позволил себе прервать военный совет, и по свойственной ему гордости медлил с ответом. Однако, вспомнив слова капитана и недавние услуги, оказанные лоцманом, он наконец с некоторым замешательством промолвил:

— Мне доподлинно известно, что дом некоего полковника Говарда, находящийся в нескольких милях к северу от нас, охраняется подобным образом.

Услышав это имя, незнакомец слегка вздрогнул и пристально посмотрел на молодого человека, словно желая прочесть мысли на его выразительном лице. Но тотчас губы его искривились в еле уловимой усмешке, и, воз-

вратившись на свое место возле пушки, он спокойно заметил:

— Возможно, вы правы, сэр. И, если капитан Мансон соблаговолит выслушать мой совет, я предложил бы ему обратить особое внимание на ваши слова.

Гриффит обернулся, надеясь в самих движениях незнакомца угадать то, что он не договаривал словами, но тот снова прикрыл лицо рукой и опустил взор на карту, приняв прежний рассеянный вид.

— Я сказал, сэр, что не могу вполне согласиться ни с мистером Барнстейблом, ни с капитаном Мануэлем, — продолжал после короткого молчания лейтенант. — Возглавить экспедицию должен я, как старший офицер, и я оставлю за собой это право. Приготовления, предложенные капитаном Мануэлем, я считаю излишними, но я предлагаю действовать осторожнее, нежели рекомендует мистер Барнстейбл. Если нам случится встретить солдат, у нас тоже должны быть солдаты для отпора. Но, поскольку речь идет о десанте и вместо регулярных передвижений нужно проворство моряков, командовать этой экспедицией должен морской офицер. Согласны ли вы с моим предложением, капитан Мансон?

— Безусловно, сэр, — ответил, не колеблясь, старый моряк. — Я сам намеревался предложить вам эту задачу и рад, что вы с такой охотой ее принимаете.

Услышав слова командира, Гриффит едва мог скрыть свою радость, и довольная улыбка озарила его бледное лицо, когда он сказал:

— Итак, отныне на мне лежит вся ответственность. Я прошу передать в мое распоряжение капитана Мануэля — разумеется, если он не возражает — с двумя десятками солдат. (Командир морской пехоты поклонился и бросил торжествующий взгляд на Барнстейбла.) Я возьму свой личный катер с опытными гребцами, перейду на шхуну, и, когда ветер спадет, мы подойдем к берегу, а там будем действовать, сообразуясь с обстоятельствами.

Командир шхуны, в свою очередь, с торжеством взглянул на командира морской пехоты и весело воскликнул:

— Вот отличный план, достойный морского офицера, мистер Гриффит! Да, да, шхуну непременно надо использовать. Вы увидите, что при нужде она может стать на якорь и в садовом пруду, а пушки ее будут направлены

на окна гостиной лучшего дома в Англии! Но двадцать солдат! Они создадут толчею на моем суденышке.

— Взять менее двадцати человек было бы неблагоразумно, — возразил Гриффит. — У нас может оказаться больше дела, чем мы ожидаем.

Барнстейбл прекрасно понял намек, но все же ответил:

— Пусть это будут моряки, и я найду место даже для тридцати. Но солдаты вне строя не знают, куда девать свои ружья и ноги. Каждый из них займет место двух матросов. Они развесят свои койки поперек корабля, изголовьем в подветренную сторону, и по свистку вскочат не на ноги, а на голову. Черт возьми, сэр, от грязи и вони двадцати солдат нам некуда будет деться!

— Дайте мне шлюпку, капитан Мансон, — вскричал возмущенный командир пехотинцев, — и я последую в ней за мистером Гриффитом, так как не желаю подвергать капитана Барнстейбла таким неудобствам!

— Нет, нет, Мануэль, — воскликнул Барнстейбл, дружески протягивая капитану свою мускулистую руку, — не то вы окажетесь Ионами [1] в мундирах, да и рыбе-то трудно будет переварить ваши патронные сумки и штыки. Вы пойдете со мной и своими глазами убедитесь, так ли мы крепко спим на «Ариэле», как вы изволили шутить.

Все присутствующие, кроме лоцмана и командира фрегата, засмеялись, глядя на Мануэля. Лоцман молчал и, хотя со стороны казалось, что он погружен в свои мысли, в действительности он с интересом прислушивался к разговору. Иногда он поднимал взгляд на офицеров, как бы стремясь глубже узнать их характер, скрытый под минутным весельем. Выражение невозмутимого спокойствия редко покидало морщинистое лицо капитана Мансона, и, хотя по своему положению командира фрегата он должен был сдерживать неуместную веселость подчиненных, врожденное добродушие не позволяло ему мешать их невинным развлечениям. Он объявил, что вполне согласен с предложенным планом, и велел вестовому принести ром, обычно подававшийся по окончании подобных совещаний.

Штурман, по-видимому, считал, что теперь должен со-

[1] По библейскому преданию, матросы бросили пророка Иону с корабля в море, где его проглотила рыба и потом извергла невредимым на сушу.

блюдаться тот же порядок, что и при опросе мнений, и потому первым бесцеремонно налил себе в стакан столько рому, что тот сохранил свой цвет даже после добавления воды. Поднеся его к свету, моряк заметил:

— Вода на корабле почти одного цвета с ромом. Вот если бы и вкус у них был одинаковый, какие бы мы тогда были храбрецы! Мистер Гриффит, я вижу, вам очень хочется поскорей попасть на берег. Что ж, вполне естественно, что молодежь любит землю. Но один человек, штурман этого корабля, прошлой ночью достаточно нагляделся на землю — ему хватит на целый год. Однако, раз уж вы решили отправиться, позвольте мне выпить за удачную высадку да за то, чтобы море было поспокойнее. Капитан Мансон, ваше здоровье! Я считаю, что, если бы вы держались южнее — это мое личное мнение, сэр, — мы непременно встретились бы с каким-нибудь возвращающимся из Вест-Индии в Англию неприятельским судном, где нашли бы средства для поддержания духа до тех пор, пока нам самим не придет охота ступить на землю.

И так как этот старый, но еще крепкий моряк одной рукой то и дело подносил ко рту стакан, а другой продолжал крепко держаться за графин, товарищам его не оставалось ничего иного, как наслаждаться его красноречием либо уйти, не утолив жажды. Наконец Барнстейбл невозмутимо отобрал у него графин и, смешивая себе воду и ром в более приличной пропорции, заметил:

— Какой у вас замечательный стакан с грогом, Болтроп! Я, сколько ни плаваю, такого еще не видел! Воды в нем не больше, чем вытесняет «Ариэль» с его малой осадкой, а до дна не достанешь. Если у вас в винной кладовой есть такое же устройство для бесконечного пополнения запаса, наш фрегат не разорит конгресса.

Остальные офицеры проявили еще большую умеренность, Гриффит вообще только пригубил вино, а лоцман совсем отказался от предложенного стакана. Капитан Мансон пил стоя, и офицеры, заметив, что в их присутствии больше не нуждаются, раскланялись с командиром и вышли. Гриффит, уходя последним, почувствовал на своем плече чью-то руку и, обернувшись, увидел перед собой лоцмана.

— Мистер Гриффит, — сказал тот, когда они остались одни с командиром фрегата, — события прошлой ночи

должны были научить нас взаимному доверию. Без этого экспедиция наша окажется опасной и бесполезной.

— Разве наше положение одинаково? — возразил молодой человек. — Все знают меня таким, каков я есть: я служу отечеству, принадлежу к семье, имя которой — залог моей верности делу родины. Тем не менее я рискую высадиться на неприятельскую землю без больших воинских сил и при таких обстоятельствах, когда предательство означало бы мою гибель... Кто этот человек, который пользуется у вас таким доверием, капитан Мансон? Не ради себя я задаю этот вопрос, а ради тех отважных людей, которые без страха и сомнения пойдут за мной, куда бы я их ни повел.

Тень неудовольствия омрачила лицо незнакомца при этих словах и сменилась глубокой задумчивостью.

— Ваш вопрос не лишен оснований, мистер Гриффит, — ответил командир, — но вам ли я должен напоминать о безусловном повиновении, которого я вправе требовать от своих подчиненных? Хотя, быть может, мое происхождение и образование не дают мне тех преимуществ, какими располагаете вы, но, по-видимому, Конгресс не счел возможным пренебречь моими сединами и заслугами. Я командую этим фрегатом...

— Не продолжайте! — прервал его лоцман. — Сомнения мистера Гриффита понятны, и следует их рассеять. Мне нравятся гордость и смелый взгляд молодого человека. И, если он боится попасть из-за меня на виселицу, я покажу ему пример благородного доверия... Прочтите, сэр, и скажите, можете ли вы и теперь не доверять мне?

С этими словами незнакомец вынул спрятанный у него на груди пергамент, украшенный лентами и массивной печатью, развернул его и положил на стол перед молодым человеком. Он указывал пальцем на некоторые места текста, и глаза его зажглись необычайным огнем, а когда он заговорил, на бледных щеках его появился слабый румянец.

— Вы видите, — сказал он, — сам король не поколебался поручиться за меня, а его имя не должно внушать страх американцу.

Гриффит с удивлением взглянул на размашистую подпись Людовика, украшавшую пергамент. Но, проследив взглядом за пальцем лоцмана и прочитав написанное, он поднялся из-за стола и, устремив на лоцмана восторжен-

ный взор, воскликнул с воодушевлением, ясно отразившимся на его лице:

— Ведите! За вами я пойду хоть на край света!

Улыбка удовлетворения скользнула по губам незнакомца. Взяв молодого человека под руку, он направился вместе с ним в кают-компанию, и командир, безмолвный и невозмутимый свидетель всей этой сцены, остался один.

Глава VIII

Корабль, волну опережая,
Вперед помчался, как борзая
Стремится за добычей.

Вальтер Скотт. «Владыка островов»

Хотя участникам совещания было приказано хранить строжайшую тайну, однако через младших офицеров вскоре кое-что стало известно и матросам, и весь экипаж пришел в большое волнение. По палубам фрегата со скоростью боевой тревоги распространились слухи, что по секретному приказу самого конгресса будет высажен десант. Поэтому совершенно естественно, что люди, которым предстояло, рискуя жизнью и свободой, принять в нем участие, строили различные предположения насчет цели экспедиции и ее численности. Стремление проявить доблесть, а также испытать нечто новое — вот что определяло в основном настроение экипажа, который с не меньшим восторгом встретил бы и приказ о том, что их кораблю следует атаковать весь английский флот. Лишь несколько старых и, следовательно, более осторожных матросов не разделяли общего безрассудного восторга, а два-три человека, среди которых самым заметным был рулевой вельбота, рискнули даже высказать свое неодобрение по поводу предстоящих сухопутных операций, каковыми, по их мнению, не пристало заниматься морякам.

Капитан Мануэль выстроил своих солдат у трапа и, обратившись к ним с краткой речью, чтобы разжечь в них воинственный пыл и патриотические чувства, заявил, что ему требуется двадцать добровольцев — по правде говоря, это составляло добрую половину всех солдат — для уча-

стия в опасном деле. На миг воцарилась тишина, потом весь отряд, как один человек, шагнул вперед, изъявляя готовность следовать за своим командиром куда угодно. Польщенный столь единодушным порывом, Мануэль оглянулся в надежде, что где-нибудь поблизости окажется Барнстейбл, но, заметив, что командир шхуны, расположившись на шканцах, углубился в какие-то бумаги, приступил к беспристрастному отбору будущих героев, предварительно наметив для этого наиболее бравых молодцов и, следовательно, оставляя на корабле тех, кто похуже.

В то время как шла эта подготовка и экипаж находился в состоянии необычайного возбуждения, Гриффит появился на палубе. Лицо его горело энтузиазмом, а глаза сверкали от радости и воодушевления — чувств, которых давно уже нельзя было увидеть на лице молодого человека. Он отдавал необходимые распоряжения матросам, которых собирался взять с собой, но в это время Барнстейбл знáком позвал его и снова повел в каюту.

— Придется ждать, пока спадет ветер, — сказал командир «Ариэля», когда они уселись. — Все равно при такой волне на восточном побережье Англии высадиться нельзя... Но, ей-богу, Гриффит, Кэтрин прямо создана быть женой моряка! Посмотрите, какой сборник сигналов придумала ее хитрая головка!

— Надеюсь, что ваше мнение подтвердится и что именно вы окажетесь тем счастливцем, которому суждено стать ее мужем, — ответил лейтенант. — Девушка действительно проявила в этом деле удивительное искусство. Где она могла так хорошо обучиться системе сигнализации?

— Где? Да она научилась и бóльшему: например, ценить чистосердечную любовь моряка. Неужели вы думаете, что я молчал, когда мы, бывало, сидели рядом на берегу реки в Каролине? Разве нам не о чем было говорить?

— Вы развлекали возлюбленную трактатами об искусстве мореплавания и наукой о сигнализации? — с улыбкой спросил Гриффит.

— Я отвечал на ее вопросы, мистер Гриффит, как сделал бы всякий благовоспитанный человек, разговаривая с девушкой, которую он любит. Кэтрин обладает не меньшим любопытством, чем те женщины из нашего города, которые обогнули мыс Сорокалетия, так и не найдя себе

мужа... Но вот составленный ею список фраз. Согласитесь, Гриффит, оставив в стороне полученное вами в колледже образование и сантименты, что такая умная и находчивая девушка может быть отличным помощником моряку!

— Я никогда не сомневался в достоинствах мисс Плауден, — произнес Гриффит с комической важностью, которой часто прикрывалось более глубокое чувство; в этом сказывались и его привычки и его характер, — но это поистине превосходит все мои ожидания! Какой удачный подбор фраз: номер сто шестьдесят восемь — неизгладимо, сто шестьдесят девять — до могилы, сто семьдесят — боюсь в вас обмануться, сто семьдесят один...

— Перестаньте! — воскликнул Барнстейбл, выхватывая книгу из рук улыбающегося Гриффита. — Зачем сейчас терять время на такую ерунду? Скажите лучше, что вы думаете о нашей экспедиции на берег?

— Я думаю, что, если даже нам не удастся захватить нужных людей, мы, по крайней мере, освободим наших дам.

— Но этот лоцман! Не забудьте, что он держит всех нас за горло и стоит ему проболтаться из страха или при виде золота, как нас повесят на реях первого же английского корабля.

— Почему же он не выбросил наш корабль на берег, когда мы блуждали среди скал и мелей? В этом случае нам даже в голову не пришло бы заподозрить его в измене, — возразил Гриффит. — Нет, я всей душой доверяю ему и считаю, что при нем мы в большей безопасности, чем без него.

— Тогда пусть он и идет к тому дому, где соберутся для охоты на лисицу министры! — воскликнул Барнстейбл, пряча на груди сборник сигналов. — А мы воспользуемся этой картой — она укажет нам путь в ту гавань, которую мы хотим посетить. Назовите меня болваном, если эта проказница, доведись мне еще раз ступить на terra firma, снова ускользнет из моих рук, как летающая рыбка от дельфина! Мистер Гриффит, нам надо взять с собой на берег корабельного священника.

— Безумие любви заставляет вас забыть долг солдата. Можете ли вы лежать в дрейфе и слушать проповеди во время нашей летучей экспедиции?

— Нет, нет, мы можем ложиться в дрейф только при

крайней необходимости. Но в подобных предприятиях всегда приходится лавировать, а это значит, что будут и передышки, и тогда священник может нас обвенчать. Он отлично управляется с молитвенником и сделает свое дело не хуже епископа. Хотелось бы мне знать, что милые имя и фамилия, которыми подписано письмо, в последний раз стоят вместе...

— Это не годится, — сказал Гриффит, покачивая головой и улыбаясь, хотя на душе у него было тяжело. — Нельзя этого делать, Ричард! Мы должны забыть о наших душевных склонностях ради служения отечеству, да и лоцман не такой человек, которого можно уговорить отказаться от намеченной цели.

— Тогда пусть он сам идет к своей цели! — воскликнул Барнстейбл. — Ни один человек, кроме командира, не волен помешать моей беседе с черноглазой Кэт при помощи этих флажков. Подумаешь, какой-то там лоцман! Пусть он отправляется куда хочет, а я прямо, как по компасу, буду держать курс на старые развалины, откуда увижу романтический флигель и три закопченных флюгера. Не подумайте, что я пренебрегаю своим долгом. Нет! Я помогу вам поймать англичан, но, когда с этим будет покончено, да здравствует Кэтрин Плауден и верная любовь!

— Молчите, безумный! У кают-компании длинные уши, а наши переборки от времени стали тонкими. Прежде всего следует помнить, о наших обязанностях. Это не детская игра, и не напрасно наши комиссары в Париже нашли нужным послать в эту экспедицию фрегат.

Серьезность, с какой говорил Гриффит, несколько умерила пыл расходившегося Барнстейбла, но, поразмыслив минуту, он вскочил и направился к выходу.

— Куда? — спросил Гриффит, мягко удерживая нетерпеливого друга.

— К старому скромнику. Я придумал, как устранить все затруднения.

— Сначала скажите мне. Я посвящен в его намерения и могу избавить вас от напрасного унижения в случае отказа.

— Сколько англичан он хочет взять для украшения своей каюты?

— Лоцман назвал мне шестерых — все это люди знатные, занимающие у врага высокое положение: два пэра,

два члена палаты общин, один генерал, а шестой, как и мы, — моряк в чине капитана. Они съехались на охоту в поместье, недалеко от моря, и, поверьте мне, все благоприятствует нашим намерениям.

— Что ж, значит, по два на каждого из нас. Вы, если хотите, следуйте за лоцманом, но мне позвольте с моим рулевым и командой гребцов отправиться к полковнику Говарду. Я сделаю внезапный набег на его дом, освобожу девушек, а на обратном пути возьму в плен первых же двух лордов, которых мне доведется повстречать. Я считаю, что для нашего дела все они одинаково хороши.

— Хотя они называют друг друга пэрами, то есть равными, — ответил Гриффит, не в силах сдержать смех, — тем не менее, я думаю, разница между ними все-таки есть. И Англия, может быть, только поблагодарит нас, если мы избавим ее от кое-кого из них. К тому же и встретить их не так легко: они не валяются, как нищие, под каждым забором. Нет, нет, люди, которых мы ищем, должны представлять для нас интерес не только своей знатностью... Однако давайте получше рассмотрим план и карту, сделанные мисс Плауден. Вдруг случится нечто непредвиденное, что позволит нам совершить столь желаемый поход...

Барнстейбл весьма неохотно отказался от своего легкомысленного плана, уступая более трезвым рассуждениям приятеля, и они посвятили целый час изысканию возможности осуществить свои личные намерения, не забывая при этом служебного долга.

Почти все утро дул сильный ветер, но к полудню появились признаки улучшения погоды. В течение этих часов вынужденного бездействия солдаты морской пехоты, назначенные для участия в десанте, расхаживали по кораблю с важным и озабоченным видом, как будто готовясь к славной и опасной кампании, объявленной их командиром. Матросы же, которые должны были сопровождать экспедицию, твердым шагом мерили палубу, засунув руки в карманы аккуратных синих курток. Время от времени они поглядывали на горизонт и указывали менее опытным товарищам на признаки, предвещавшие улучшение погоды. Уже последний солдат с ранцем на спине появился на трапе, где собрались вооруженные и снаряженные для боя его товарищи, когда на шканцы в сопровождении лоцмана и первого лейтенанта поднялся

капитан Мансон. Лейтенант шепнул что-то гардемарину, который весело помчался по палубе, и в ту же минуту послышался свист боцманской дудки и хриплый возглас:

— Спускать на воду «Тигра»!

Забил барабан, солдаты морской пехоты выстроились шеренгой, а шесть матросов, приставленных к носившему столь грозное имя катеру, приготовились спустить маленькое судно с борта фрегата в волнующееся море. Все действия выполнялись в самом строгом порядке и с таким хладнокровием и ловкостью, словно люди бросали вызов разгневанной стихии. Солдат в полной сохранности переправили с фрегата на шхуну, и, хотя корабль прикрывал катер от порывов ветра, тем не менее иногда казалось, будто шлюпка на пути от одного судна к другому то погружается в морскую пучину, то летит в облака.

Наконец было объявлено, что катер ждет участвующих в экспедиции офицеров. Лоцман отошел в сторону и минуту беседовал наедине с командиром фрегата, который внимательно прислушивался к каждому его слову. Когда их беседа закончилась, капитан, несмотря на ветер, обнажил седую голову и с чистосердечием моряка и уважением подчиненного протянул лоцману руку. Тот вежливо ответил на его приветствие, быстро повернулся на каблуках и, жестом пригласив офицеров спускаться в шлюпку, направился к трапу.

— Идемте, джентльмены, пора! — сказал Гриффит, очнувшись от задумчивости и торопливо прощаясь со своими собратьями по оружию.

Когда стало известно, что офицеры готовы спуститься на катер, юноша, которого все по правилам морской учтивости называли мистером Мерри и который раньше получил приказание быть наготове, перепрыгнул через борт фрегата и с ловкостью белки соскользнул на катер. Но капитан морской пехоты задержался и многозначительно взглянул на лоцмана, которому следовало спуститься на катер раньше его. Незнакомец, замешкавшись на палубе и глядя на небо, по-видимому, не замечал, что его ждет офицер, и тот, будучи не в силах сдержать нетерпение, после секундного колебания решился напомнить:

— Мы ждем вас, мистер Грэй!

Услышав свое имя, лоцман бросил быстрый взгляд на капитана пехоты, но, вместо того чтобы направиться к трапу, лишь пригласил жестом офицеров спускаться на катер.

К удивлению не только капитана морской пехоты, но и всех, кто видел это нарушение флотского этикета, Гриффит низко поклонился и сошел на катер с таким проворством, будто за ним должен был следовать сам адмирал. Возможно, что незнакомец заметил свою невежливость или же он был слишком безучастен к окружающему, чтобы обращать внимание на мелочи, во всяком случае он спустился в шлюпку тотчас же вслед за лейтенантом, уступив почетную, последнюю, очередь командиру морской пехоты. Отличавшийся строгостью в соблюдении флотского и воинского этикета, капитан Мануэль решил в удобное время извиниться перед первым лейтенантом, которому по праву старшинства надлежало спуститься на катер последним. Однако, рассказывая об этом обстоятельстве впоследствии, храбрый капитан с торжеством вспоминал, как ловко он проучил надменного лоцмана.

Барнстейбл уже несколько часов находился на борту своей маленькой шхуны и готовился принять на нее людей с фрегата. Поэтому, как только тяжелый катер фрегата был поднят на борт шхуны, он объявил, что «Ариэль» готов двинуться в путь. Мы уже говорили, что «Ариэль» принадлежал к классу самых малых морских судов, и, поскольку конструкция его была настолько пропорциональна, что он казался размерами значительно меньше, чем был на самом деле, это судно как нельзя лучше годилось для предпринятой экспедиции. Удивительно легкая шхуна обладала плавучестью пробки и временами, казалось, не плыла, а только скользила по пенистым гребням. Ее низкая палуба непрерывно омывалась волнами, которые то и дело ударяли в ее хрупкие борта. Маленькое суденышко так бросало и швыряло в бороздах между огромными водяными валами, что даже опытные моряки вынуждены были ходить по его палубе с большой осторожностью. Тем не менее на шхуне царили строгий порядок и чистота, присущие флотской службе, и все было расположено таким образом, чтобы оставить свободным как можно больше места.

Но, несмотря на свои малые размеры, судно с такой гордостью несло свое боевое вооружение, что его пушки казались опаснее, чем были в действительности. Смертоносная пушка, введенная вскоре после описываемого нами периода на всех судах малого класса, тогда еще только что была изобретена, и американские моряки знали о

ней лишь понаслышке. Это орудие, известное впоследствии под страшным названием «сокрушителя», имело короткий ствол очень большого калибра, легко управлялось и сразу же было оценено по заслугам. Считалось, что большие суда прекрасно вооружены, если среди прочих средств нападения у них на борту установлены две-три именно такие пушки. Позднее эти «каронады», названные так по имени реки Кароп, на берегах которой их впервые отлили, были несколько видоизменены и сделались необходимой принадлежностью судов определенного размера.

Вместо таких каронад на палубе «Ариэля» были установлены шесть легких бронзовых пушек, почерневших от морской воды, которая так часто заливала эти орудия разрушения. Посредине судна между фок- и грот-мачтами находилась еще одна пушка, также из бронзы, но примерно в два раза большей длины. Ее станок отличался своеобразной новой конструкцией, позволявшей поворачивать пушку на полный оборот, что делало ее полезной при любом стечении обстоятельств.

Лоцман внимательно осмотрел вооружение судна, а затем с явным удовольствием окинул взглядом чисто прибранную палубу, аккуратные и прочные снасти и открытые лица молодцов, составлявших экипаж шхуны. Отбросив замкнутость, которую он проявлял с первой минуты своего появления, он вслух выразил свое удовлетворение.

— У вас славное судно, мистер Барнстейбл, — сказал он, — и мужественный экипаж. Вы можете сослужить добрую службу в час нужды, и думаю, что этот час недалек.

— Чем скорее, тем лучше! — ответил лихой моряк. — С тех пор как мы вышли из Бреста, у меня ни разу не было повода прочистить пушки, хотя мы встретили несколько вражеских судов, с которыми наши бульдоги жаждали побеседовать. Мистер Гриффит подтвердит вам, лоцман, что шестерка моих малышей при случае может кричать почти так же громко, как восемнадцатифунтовая пушка фрегата.

— Но не столь краснопречиво, — заметил Гриффит. — Vox et praeterea nihil [1], как мы говаривали в школе.

— Я не знаю ни греческого, ни латыни, как вы, мистер Гриффит, — ответил командир «Ариэля». — Но если вы

[1] Голос мало значит (лат.).

хотите сказать, что эти медные игрушки не могут бросать ядра на такое расстояние, на какое положено орудиям их размера и при их высоте над водой, или рассыпать картечь, как ваши бомбарды, то я надеюсь, что, прежде чем мы расстанемся, вы успеете убедиться в обратном.

— Эти пушки обещают многое, — сказал лоцман, по-видимому не знавший о приятельских отношениях между двумя офицерами и желавшпй их примирить. — Не сомневаюсь, что в бою они будут действовать весьма убедительно для неприятеля. Я вижу, что вы им всем дали названия — наверное, по заслугам. Имена у них на редкость выразительны!

— Плоды досужей фантазии, — со смехом заметил Барнстейбл, глядя на пушки, на которых красовались странные названия: «Боксер», «Сокрушитель», «Гонитель», «Покоритель», «Истребитель» и «Гвоздильщик».

— Почему же у вас осталась безымянной та пушка, которая стоит на середине корабля? — спросил лоцман. — Или вы называете ее, как принято, «старушкой»?

— Нет, нет, у нас на борту нет таких бабьих названий, — ответил Барнстейбл. — Пройдите дальше к корме, и вы увидите на лафете вполне достойное имя.

— Странное название, хотя, быть может, в нем есть некоторый смысл!

— Больший, чем вы думаете, сэр! Тот замечательный моряк, что сейчас стоит у фок-мачты и в случае нужды может заменить собой любую часть рангоута [1], — командир этого орудия и не раз при его помощи выдерживал горячие споры с Джоном Булем [2]. Ни один солдат не наведет свой мушкет более метко, чем мой рулевой свою девятифунтовую пушку. Вот почему, а кроме того, из-за некоторого сходства между ними — оба они долговязы, — мы и назвали это орудие тем именем, которое на нем написано: «Длинный Том».

Лоцман с улыбкой выслушал объяснение, но, когда он отвернулся, лицо его снова приняло выражение глубокой задумчивости, которое ясно показывало, что он шутил, лишь уступая минутной слабости. Поэтому Гриффит по-

---

[1] Рангоут — вся совокупность деревянных частей, служащих для поддержания парусов: мачты, реи и т. д.

[2] Джон Буль — сатирический образ, ставший нарицательным для обозначения англичанина, а часто и всей Англии.

спешил заметить, Барнстейблу, что, поскольку ветер значительно спал, они могут следовать по назначению.

Призванный к исполнению своих обязанностей, командир шхуны прекратил столь приятное для него перечисление достоинств своего судна и отдал необходимые приказания. Маленькая шхуна, повинуясь рулю, легла на фордевинд и, распустив паруса, на которых из благоразумия было взято по одному рифу, со скоростью метеора понеслась на волнах, удаляясь от фрегата. Черная громада корпуса могучего корабля вскоре скрылась вдали, и еще задолго до того, как солнце опустилось за холмы английского берега, высокие мачты стали уже едва заметны, да и то лишь благодаря облачку парусов, помогавших кораблю лежать в дрейфе. И по мере того как исчезал из виду фрегат, из пучины морской поднималась земля. Вскоре отважные моряки уже отчетливо различали помещичьи дома, скромные фермерские коттеджи и даже смутные линии изгородей, но вот и они скрылись в покрывшей землю вечерней мгле. Теперь только контур берега смутно маячил впереди, да угрюмые волны грозно ревели за кормой.

Все же маленький «Ариэль», скользя по волнам, как водяная птица в поисках места для ночлега, продолжал свой путь и так бесстрашно мчался к берегу, словно пережитые накануне опасности были забыты подобно прошлому, о котором не хочется вспоминать. Ни мели, ни скалы, казалось, не могли остановить его. И здесь в ту минуту, когда он скользнул в тень высоких утесов, образовывавших глубокую бухту, где моряки часто находили убежище от опасностей Северного моря, мы покинем его.

Глава IX

Как смеешь ты, мужик, оставив суп ячменный,
Идти с оружьем против короля?

Драма

Большое неправильной формы здание, занимаемое полковником Говардом, полностью соответствовало тому описанию, какое вышло из-под пера Кэтрин Плауден. Несмотря на отсутствие архитектурного единства — раз-

личные части усадьбы строились в разное время, — внутренние помещения не были лишены комфорта, столь характерного для домашней жизни англичан. Лабиринты галерей и комнат были обставлены красивой, прочной мебелью. И, каково бы ни было первоначальное их назначение, теперь они мирно служили тихому и благонравному семейству.

С этим жилищем было связано немало грустных преданий о разлученных сердцах и разбитой любви, которые, как паутина, всегда вьются по стенам старых домов. Под более искусной рукой, чем наша, эти легенды могли бы превратиться в занимательные и трогательные истории, но наши скромные усилия ограничиваются стремлением описывать человека, каким его создал господь, низменного и малодостойного в глазах высоко парящих умов. Обладателям такого завидного ума нам хочется заранее сказать, что мы решительно отрекаемся от всего сверхъестественно утонченного, как от дьявола, и уведомляем всех, кому скучно в обществе себе подобных, что, чем скорее они забросят эту книгу и примутся за чтение произведений более высокоодаренного барда, тем скорее расстанутся с землей, хотя, быть может, и не достигнут небес. Мы будем изображать только человека и те благородные подмостки, на которых он выступает, но не во мгле отвлеченностей и метафизических противоречий, а лишь в его осязаемой природе, дабы все могли понять нас, как мы сами себя понимаем. Тем самым мы решительно отклоняем великое преимущество прослыть гением, отказываясь — возможно, неразумно — от могущественной помощи непонятного в обретении такого звания.

Покинув мрачные утесы, под сень которых, как мы видели, вошел маленький «Ариэль», и хаос ревущего прибоя вокруг него, мы попытаемся перенести читателя в трапезную монастыря Святой Руфи, избрав вечер того же дня, чтобы представить группу других действующих лиц, чьи поступки и характеры мы взялись описать.

Комната эта, не слишком больших размеров, была ярко освещена огнем свечей и веселым пламенем угля в камине. Отражаясь в резьбе панелей из темного дуба, лучи падали пятнами на массивный стол красного дерева и преломлялись в искристом вине, образуя на дереве стен светлые и темные круги. Картину комфорта дополняли темно-красные шелковые занавеси, огромные дубовые

кресла с кожаными спинками и мягкими сиденьями, и казалось, будто комната наглухо отделена от внешнего мира и его холодной суеты.

За столом, который, как и в прежние времена, стоял посредине комнаты, сидели три джентльмена, только что окончившие сытную и вкусную трапезу. Скатерть была уже снята, и бутылка неторопливо переходила из рук в руки, словно те, кто вкушал ее содержимое, были уверены, что никакие случайности не помешают их обычному послеобеденному развлечению.

На одном конце стола сидел пожилой человек, исполнявший те несложные обязанности, которые остаются за хозяином даже в компании, где все чувствуют себя одинаково свободно. Этот джентльмен был уже на склоне лет, но прямая осанка, быстрые движения и твердая рука свидетельствовали о том, что он далек от обычной старческой немощи. Судя по платью, можно было заключить, что он принадлежит к классу людей, которые всегда следуют моде предыдущего века, то ли по недостатку склонности к быстрым переменам, то ли из любви к прошлому, полному мыслей и чувств, которые не в силах оживить холодный закат жизни. Старость, возможно, и покрыла инеем его редеющие локоны, но искусству удалось скрыть следы опустошения. Голова его была аккуратно напудрена не только там, где еще оставались волосы, но и в тех местах, где они должны были бы расти согласно требованиям природы. Правильные черты, и в особенности покатый высокий лоб, в общем не очень выразительного лица говорили о честности и благородстве характера старого воина. Белоснежная седина еще больше подчеркивала смуглость его кожи с красными прожилками на щеках.

Напротив хозяина, в котором нетрудно было бы угадать полковника Говарда, сидел худой, желтолицый Кристофер Диллон, тот самый, кто, по словам мисс Плауден, составлял несчастье ее кузины.

Между этими двумя джентльменами помещался средних лет мужчина с грубым лицом, облаченный в мундир войск короля Георга. Цвет лица его мог соперничать с его же алым кафтаном, а главное занятие в данный момент состояло в том, чтобы отдать должное угощению гостеприимного хозяина. Время от времени в комнате появлялся безмолвный слуга, который затем быстро исчезал, однако всякий раз, когда он отворял дверь, в помещение врывался

Перед креслом полковника Говарда стоял человек в крестьянском платье...

ветер, и было слышно, как он выл по углам и в высоких трубах обители.

Перед креслом полковника Говарда стоял человек в крестьянском платье, и в минуту поднятия занавеса, скрывавшего сцену от глаз читателя, между этим человеком и хозяином дома шла беседа, которая закончилась следующим образом:

— Ты говоришь, что шотландец своими глазами видел эти суда? — спросил полковник.

Фермер ответил утвердительно.

— Что ж, — заключил полковник, — можешь идти.

Фермер, выходя, неуклюже поклонился, и старый воин ответил на его поклон вежливым кивком, а затем, обратившись к своим друзьям, возобновил разговор.

— Если эти безрассудные юнцы действительно уговорили старого дурака, который командует фрегатом, сунуться в здешние мели накануне такого шторма, их песенка спета! Что ж, этим лишь свершится над бунтовщиками и изменниками справедливый суд провидения! Я не удивлюсь, джентльмены, если узнаю, что страна, где я родился, охвачена землетрясением или поглощена морем — так ужасны и непростительны ее грехи! А все же юноша, который занимает на этом корабле первый пост после капитана, был когда-то гордым и смелым! Я хорошо знал его отца, — он был отважным воином, но, как и мой брат, отец Сесилии, предпочел морскую службу сухопутной. Сын унаследовал храбрость отца, но не его преданность королю. Жаль все же, если такой юноша утонул!

Эта речь, похожая, особенно в конце, на монолог, не требовала немедленного ответа, но офицер, подняв бокал к огню, чтобы полюбоваться алым оттенком напитка, а затем так усиленно глотнув, что после этого ему оставалось любоваться лишь прозрачностью хрусталя, спокойно поставил пустой бокал на стол и, потянувшись за бутылкой, промолвил рассеянным тоном человека, мысли которого заняты совсем другим:

— Сущая правда, сэр! Хорошие люди редки, и, как вы говорите, нельзя не пожалеть об их судьбе, даже если они гибнут славной смертью. Смею сказать, что это большой урон королевской службе.

— Урон королевской службе? — повторил хозяин. — Славная смерть? Нет, капитан Борроуклиф, смерть

мятежника не может быть славной. И, признаюсь, я не совсем понимаю, какой от этого урон королевской службе.

В голове офицера царила та счастливая путаница, когда трудно отыскать нужную мысль, но благодаря давней привычке к дисциплине он все же умел в минуту необходимости вернуться к действительности и поэтому тотчас ответил:

— Урон в том, что пропадет ценный пример. Многих устрашило бы, если бы молодой человек был казнен, а не пал в бою.

— Он утонул, сэр!

— Ну, это почти все равно что быть повешенным. Я упустил из виду это обстоятельство.

— Однако совсем не достоверно, сэр, что замеченные гуртовщиком большой корабль и шхуна — те самые корабли, о которых вы говорите, — резким, гнусавым голосом возразил Диллон. — Едва ли они осмелились бы так близко подойти к берегам, у которых постоянно крейсируют наши военные корабли.

— Эти люди — наши соотечественники, Кристофер! — воскликнул полковник. — Они смелы и отважны, хотя и мятежники. Когда я лет двадцать назад имел честь служить в армии его величества, мне посчастливилось встретиться лицом к лицу с врагами моего короля в нескольких небольших столкновениях, например — при осаде Квебека[1], в сражении под стенами этого города в стычке при Тайкондироге[2]. Мне довелось также быть при злополучном разгроме генерала Брэддока[3]. Должен сказать, сэр, в защиту колонистов, что они смело вели себя в этом последнем деле. И тот самый джентльмен, который теперь стоит во главе мятежников, приобрел почетную известность своим поведением во время той несчастной битвы. Это был скромный и смелый молодой человек и настоящий

---

[1] Во время Семилетней войны (1756—1763) Квебек, находившийся, как и вся Канада, под властью Франции, был осажден и захвачен английскими войсками.

[2] Тайкондирога — деревня в штате Нью-Йорк (США). Место двух сражений (в 1758 и в 1759 гг.) между англичанами и французами.

[3] Брэддок Эдуард (1695—1755) — английский генерал, главнокомандующий британских сил в Америке; потерпел в 1755 году тяжелое поражение от французов.

джентльмен. Я никогда не отрицал, что мистер Вашингтон [1] — весьма благородный человек.

— Да, — заметил, зевая, капитан Борроуклиф, — он получил воспитание в войсках его величества и поэтому не мог быть иным. Но мне грустно, полковник Говард, что мятежники утонули. Теперь, вероятно, кончится и мое пребывание у вас, а я далек от того, чтобы отрицать, что ваше гостеприимство сделало этот дом весьма для меня приятным.

— Я рад, сэр, что мне удалось хоть чем-нибудь отблагодарить вас за вашу любезность, — учтиво кланяясь, ответил хозяин. — Но джентльменам, которые, как мы, живали и в лагерях, не пристало обмениваться комплиментами по поводу подобных пустяков. Другое дело — мой родственник Диллон, чьи мысли больше заняты комментариями Кока на Литтлтона [2], чем весельем за столом и солдатской жизнью; он мог бы счесть эти формальности столь же необходимыми, как и все мудреные слова, которыми полны его акты. Эх, Борроуклиф, дорогой мой друг, мы, кажется, уже поднимали тосты за всех членов королевской семьи — да благословит их господь! — давайте же выпьем бокал в память бессмертного Вулфа!

— Славное предложение, мой достойный хозяин! От такого не откажется ни один солдат, — ответил капитан и поднялся с места. — Да благословит их всех господь, повторяю я за вами, и, если наша милостивая королева кончит столь же славно, как начала, у нас будет такая плеяда принцев, какой не может похвастаться за столом ни одна армия в Европе!

— Да, да, эта мысль хоть немного утешает нас в дни ужасного мятежа моих земляков. Но я не буду более волновать себя неприятными воспоминаниями. Войска моего государя скоро очистят дерзкую страну от этой заразы.

---

[1] Вашингтон Джордж (1732—1799) — американский государственный деятель эпохи борьбы за независимость североамериканских колоний Англии. В 1775—1783 годах был главнокомандующим армии восставших колонистов в войне за независимость. В 1789—1797 годах был первым президентом США.

[2] Литтлтон Томас (ок. 1407—1481) — английский юрист, автор книги «Трактат о владениях» — первой напечатанной в Англии книги об английском законодательстве. Комментарии Эдуарда Кока (1552—1634) на эту книгу в течение долгого времени являлись важнейшим источником подготовки английских юристов.

— Нечего и сомневаться, — подтвердил Борроуклиф, мысли которого все еще оставались затуманенными искристой мадерой, созревшей под солнцем Каролины. — Эти янки бегут от регулярных войск его величества, как грязная лондонская чернь при виде конной гвардии.

— Извините меня, капитан Борроуклиф, — сказал хозяин сурово, выпрямляясь, — они могут быть введены в заблуждение, обмануты, преданы, но ваше сравнение несправедливо. Дайте им оружие, приучите их к дисциплине, и тогда каждая пядь отнятой у них земли, как она ни обширна, оросится кровью победителей.

— Самый последний трус на свете стал бы сражаться в стране, где выделывают такое чудесное вино, укрепляющее сердце, — хладнокровно ответил офицер. — Я живое доказательство того, что вы неправильно меня поняли, ибо, если бы эти бесцеремонные джентльмены, вермонтцы и хемпширцы — да простит их господь за это дело! — не прикончили две трети моего отряда, я был бы назначен не сюда для рекрутского набора, а в действующую армию. Да и договором я не был бы связан, как законом Моисеевым [1], если бы Бергойн [2] сумел устоять против их маршей и контрмаршей. Сэр, я от всего сердца пью за их здоровье! Видя перед собой бутылку этого золотистого солнечного напитка, я готов пить за всю армию Гейтса, за каждый полк, за каждую роту и, если вы потребуете, даже за каждого солдата!

— О, я ни в коем случае не решился бы подвергать вас столь тяжкому испытанию, — возразил полковник, умиротворенный уступчивостью капитана. — Я и так в неоплатном долгу перед вами, капитан Борроуклиф, за то, что вы столь охотно согласились защищать мой дом от этих пиратов и бунтарей, какими, к сожалению, стали мои сбитые с толку соотечественники.

— Бывают обязанности и потруднее, а наград за них не ждут, мой почтенный хозяин, — ответил воин. — На

[1] Моисей — по библии, пророк, которому приписывается освобождение древних евреев от преследований со стороны египетских фараонов и составление так называемого Пятикнижия Моисеева, включающего древнейший свод законов в библии.

[2] Бергойн Джон (1722—1792) — английский генерал и популярный в свое время драматург. Во время войны за независимость США командовал английскими войсками, был окружен американцами, которыми командовал Гейтс (1728—1806), под Саратогой и капитулировал.

постое в деревне обычно очень скучно, да и вино всегда отвратительное. А в таком доме, как ваш, можно сказать, как сыр в масле катаешься. И все же у меня к вам есть претензия. Рад бы молчать, да не могу. Я обязан говорить как человек и как солдат, иначе я обесчестил бы свой мундир.

— Скажите, сэр, и причина вашего неудовольствия тотчас будет устранена, — ответил несколько удивленный хозяин.

— Вот мы трое, сэр, сидим здесь с утра до ночи, — продолжал офицер. — Народ мы холостой, вкусно едим, славно пьем — все по вашей милости, но живем, как откормленные отшельники, а в это самое время две прекраснейшие девицы изнывают от одиночества в двух шагах от нас, не слыша даже наших почтительных вздохов. Это упрек нам обоим, полковник Говард: вам — как старому солдату и мне — как молодому. Что же касается нашего приятеля Кока с его комментариями на Литтлтона, то пусть он, знаток юридических ухищрений, сам защищает свое дело.

Полковник на миг нахмурил брови, а желтые щеки Диллона, который в продолжение всего разговора сидел в угрюмом молчании, казалось, еще больше побледнели. Но понемногу морщины на лбу полковника снова разгладились, а губы Диллона растянулись в иезуитской усмешке. Впрочем, капитан, всецело занятый вином, которое он прихлебывал маленькими глотками, словно желая по достоинству оценить каждую каплю, оставил ее без внимания.

— Борроуклиф, — сказал полковник Говард, прерывая стеснительное молчание, — пожалуй, имел основание сделать такой намек...

— Это была формальная претензия, — перебил его офицер.

— И справедливая! — продолжал полковник. — Согласитесь, Кристофер, что дамы отнюдь не должны из-за страха перед нашими соотечественниками-пиратами лишать нас своего общества, хотя, возможно, осторожность требует, чтобы они оставались у себя в комнатах. Из уважения к капитану Борроуклифу мы должны, по крайней мере, пригласить его вечером на чашку кофе.

— Именно это я и хотел сказать, — подтвердил капитан. — Что касается обеда, то он и так очень хорош, но

по-настоящему умело разливать кофе может только женщина. Итак, вперед, мой дорогой и уважаемый полковник! Предпишите им дать приказ вашему покорному слуге и мистеру Коку с его комментариями на Литтлтона выступить с галантными речами.

Диллон скорчил гримасу, которая должна была изображать саркастическую улыбку, и ответил:

— Разве вы не знаете, почтенный полковник Говард и храбрый капитан Борроуклиф, что легче победить врагов его величества на поле брани, чем сломить упрямство капризной женщины? За эти три недели не было дня, чтобы я не посылал весточку мисс Говард, желая, по долгу родственника, успокоить ее страх перед пиратами, но она удостаивала меня лишь такими изъявлениями благодарности, без которых ее пол и благовоспитанность не позволяли ей обойтись.

— Что ж, значит, вы были так же счастливы, как и я, и не вижу причин, почему бы вам быть счастливым! — вскричал офицер, бросая на Диллона взгляд, полный холодного презрения. — От страха люди бледнеют, а дамы любят бывать в обществе, когда на щеках у них цветут розы, а не лилии.

— Женщина никогда не бывает так привлекательна, капитан Борроуклиф, — сказал галантный хозяин, — как в ту минуту, когда она ищет покровительства мужчины, и тот, кто не считает это честью для себя, позорит наш пол.

— Браво, почтенный сэр, так и пристало говорить настоящему солдату! Но с тех пор как я нахожусь здесь, я столько слышал о прекрасной внешности обитательниц монастыря, что испытываю закопное петерпение увидеть красоту, увенчанную такими верноподданническими чувствами, что они заставили этих девиц скорее покинуть родину, чем доверить свое благополучие грубым мятежникам.

Тут полковник помрачнел и как будто был рассержен, но выражение неудовольствия вскоре исчезло за принужденной веселой улыбкой, и, бодро поднявшись с места, он воскликнул:

— Вы будете приглашены сегодня же вечером, сейчас же, капитан Борроуклиф! Мы в долгу, сэр, перед вашими заслугами как здесь, так и на поле битвы. Нечего больше потакать этим упрямым девчонкам. Прошло уже две недели с тех пор, как я сам в последний раз видел мою воспи-

танницу, да и племянница попадалась мне на глаза не больше двух раз... Кристофер, поручаю капитана вашим заботам, а сам попытаюсь проникнуть в келью. Мы называем так ту часть здания, где живут наши затворницы, сэр! Извините, что я так рано поднялся из-за стола, капитан Борроуклиф.

— Помилуйте, сэр, незачем даже говорить об этом, тем более что вы оставляете прекрасного заместителя! — вскричал офицер, одновременно окидывая взглядом и долговязую фигуру Диллона и графин с вином. — Засвидетельствуйте мое почтение вашим затворницам, дорогой полковник, и скажите им все, что подскажет ваш острый ум, чтобы оправдать мое нетерпение... Мистер Диллон, выпьем бокал за их честь и здоровье!

Это предложение было принято довольно холодно, и, в то время как джентльмены подносили бокалы к губам, полковник Говард, низко кланяясь и бормоча тысячи извинений по адресу своего гостя и даже Диллона, хотя тот постоянно жил в этом же доме, покинул комнату.

— Неужели страх так силен в этих старых стенах, — спросил офицер, когда за хозяином закрылась дверь, — что ваши дамы считают необходимым прятаться, когда ничего не известно о высадке неприятеля?

— Имя Поля Джонса наводит такой страх на это побережье, — холодно ответил Диллон, — что не только обитательницы монастыря Святой Руфи боятся его.

— А! Этот пират завоевал себе грозную репутацию после дела при Флэмборо-Хед. Но пусть он попробует вторично затеять Уайтхевенскую экспедицию [1] на эти берега, покуда они охраняются моим отрядом, даром что он составлен из рекрутов!

— Согласно последним донесениям, он благополучно пребывает при дворе Людовика, — ответил Диллон. — Но, кроме него, есть еще головорезы, которые разгуливают по морям под флагом мятежников, и мы имеем основания бояться личной мести двух-трех таких неудачников. Именно они, мы надеемся, погибли во время вчерашней бури.

---

[1] Близ Флэмборо-Хед Поль Джонс в 1779 году захватил караван английских торговых судов. Уайтхевенская экспедиция была предпринята Полем Джонсом в 1778 году. Высаженный им десант привел в негодность пушки в двух фортах, но не успел сжечь стоявшие в гавани суда.

— Хм! Надеюсь, они отпетые негодяи, иначе ваши надежды противоречили бы христианскому учению и..

Он хотел было продолжать, но отворилась дверь, и вошел сержант, который доложил, что часовой задержал проходивших по дороге мимо монастыря трех человек, по одежде похожих на моряков.

— Пропустить их! — сказал капитан. — Неужто нам нечего больше делать, как останавливать прохожих, словно разбойников на королевских дорогах! Дайте им хлебнуть из ваших фляг, и пусть эти болваны проваливают! Вам было приказано бить тревогу, если какой-нибудь неприятельский отряд высадится на берег, а не задерживать мирных подданных, направляющихся по своим законным делам.

— Прошу прощения, ваша честь, — возразил сержант, — но эти люди вроде чего-то высматривали вокруг дома. При этом они подальше обходили то место, где до нынешнего вечера стоял наш часовой. Даунингу это показалось подозрительным, и он задержал их.

— Даунинг дурак, и пусть он лучше так не усердствует. Что вы сделали с этими людьми?

— Я отвел их в караульную, в восточном флигеле.

— Тогда накорми их, слышишь! И хорошенько напои, чтобы не было жалоб, а потом отпусти!

— Слушаю, ваше благородие! Но среди них есть один такой бравый... ну настоящий солдат! Может, мы уговорим его завербоваться, если продержим здесь до утра... Судя по выправке, сэр, он уже служил.

— Что ты говоришь? — воскликнул капитан, настораживаясь, словно гончая, учуявшая след. — Служил уже, говоришь?

— По всему видно, сэр! Старого солдата не проведешь. Я думаю, он только переодет под матроса. Да и место та-

кое, где мы его поймали... Хорошо бы нам задержать его да привязать к себе по законам королевства!

— Замолчи, мошенник! — сказал Борроуклиф, вставая с места и нетвердыми шагами направляясь к двери. — Ты говоришь в присутствии будущего верховного судьи и поэтому не должен легкомысленно упоминать о законах. Но в твоих словах есть смысл. Дай мне руку, сержант, и веди меня в восточный флигель. Я ничего не вижу в такую темную ночь. Боевой офицер всегда должен проверить свои посты, прежде чем играть вечернюю зорю.

После попытки превзойти в учтивости хозяина дома капитан Борроуклиф удалился для выполнения своей патриотической миссии, с дружеским снисхождением опираясь на руку подчиненного.

Диллон остался за столом один, пытаясь выразить таившиеся в его груди злобные чувства насмешливо-презрительной улыбкой, которую увидел только он сам, когда в большом зеркале отразились его угрюмые и неприятные черты.

Но мы должны поспешить за стариком полковником в келью.

Глава X

Они светились тихой добротой —
Лучистые и нежные глаза.
Их взор, казалось, все кругом ласкал.
То Гебы он веселием сиял,
То грусть ложилась тенью меж бровей,
То заблестят они, то вновь темней.
И каждый взгляд всех прежних был милей.

Кэмпбелл, «Гертруда из Вайоминга»

Западное крыло обители Святой Руфи, или монастыря, как все называли это здание, сохранило мало признаков своего первоначального назначения. В верхнем этаже по обеим сторонам длинной, низкой и темной галереи было множество комнатушек, которые прежде, вероятно, служили кельями монахинь, обитавших, как рассказывали, именно в этой части монастыря. Но первый этаж еще лет сто назад был перестроен на новый лад, — с сохранением, правда, кое-каких черт старины, — дабы удовлетворить всем требованиям комфорта, как его понимали в начале

царствования Георга III. Поскольку с тех давних пор, как здание утратило свое религиозное назначение и стало служить светским целям, это крыло было предназначено для хозяйки дома, полковник Говард, вступив во временное владение домом, сохранил такое распределение, пока в ходе событий покои, отведенные его племяннице, не превратились в ее тюрьму. Но, так как суровость старого солдата столь же часто вытекала из его благородных качеств, как и недостатков, это ограничение свободы, угнетавшее молодую девушку, было единственным предметом ее жалоб. А чтобы наш читатель сам мог судить, в каких условиях жили затворницы, которых, пожалуй, нам пора ему представить, мы без лишних слов перенесем его в занимаемое ими помещение.

Гостиная, по преданию, была прежде трапезной маленького собрания прекрасных грешниц, искавших в этих стенах убежища от мирских соблазнов. По-видимому, число их не было велико, а пиршества их не были пышными, в противном случае они не могли бы здесь разместиться. Все же комната была немалых размеров, уютно обставлена, хотя и без особой роскоши: глубокие складки занавесей из синего узорчатого шелка почти скрывали стены, где находились окна; кожа с затейливым золотым тиснением украшала две другие стены. Широкие диваны красного дерева и кресла, обитые тем же шелком, из которого были сшиты занавеси, вместе с турецким ковром, бархатистая поверхность которого играла всеми цветами радуги, оживляли мрачное великолепие огромного камина, тяжелых карнизов и замысловатой резьбы массивных панелей на стенах. В камине ярко пылали дрова — это был каприз мисс Плауден, которая со свойственной ей живостью утверждала, что «уголь годится только для кузнецов и англичан». Кроме веселого пламени в камине, комнату освещали еще две восковые свечи в тяжелых серебряных шандалах. Одна из них стояла прямо на пестром ковре, и пламя ее колебалось от проворных движений расположившейся подле нее девушки. Поза этой девушки, ползавшей на коленях по ковру, хотя и очень грациозная, скорее приличествовала бы ребенку, и человек, не осведомленный о цели ее занятий, нашел бы ее поведение в высшей степени странным. Вокруг нее в беспорядке валялись шелковые лоскутки самых различных цветов, и она ловко перекладывала их, образуя всевозможные контрастные сочета-

ния, словно выбирала в лавке торговца материю, идущую к ярким краскам ее смуглого лица. Темное атласное платье плотно облегало ее тонкий стан, подчеркивая изящество маленькой фигурки, черные глаза блеском и живостью могли посрамить кисть итальянского живописца. Несколько розовых лент, приколотых с кокетливой небрежностью, казалось, были всего лишь отражением ее румянца.

На диване, несколько поодаль, полулежала другая девушка, одетая во все белое. Возможно, что временное заточение сделало ее несколько равнодушной к своей внешности, а быть может, просто гребень не мог сдержать все богатство ее волос, соперничавших по цвету и блеску с вороновым крылом, ибо они вырвались на волю и, окутав плечи блестящей шелковистой волной, рассыпались по платью и узорчатой обивке дивана. Маленькая ручка, которая, казалось, сама стыдилась своей прекрасной наготы, поддерживала голову, тонувшую в пышных прядях волос, подобно алебастру в окаймлении черного дерева. Из-под массы темных локонов, венчавших весь этот роскошный шлейф волос, который окутывал девушку с головы до пят, был виден покатый, ослепительно белый лоб, оттененный двумя изогнутыми стрелами бровей столь тонкого и безупречного рисунка, будто их создало волшебное прикосновение искусства. Опущенные веки с длинными шелковыми ресницами скрывали глаза, устремленные в пол, словно владелица их предавалась грустному раздумью. Остальные черты девушки трудно описать, ибо они не были ни правильными, ни совершенными и все же, отличаясь гармоничностью, в целом составляли образец женской нежности и изящества. На ее щеках то чуть проступал, то вновь исчезал легкий румянец, меняясь вместе с волновавшими ее чувствами, и, даже когда она спокойно размышляла, он, казалось, украдкой скользил по ее вискам, а потом снова оставлял лицо пугающе бледным. Роста она была несколько выше среднего, сложения весьма приятного, а ее маленькая нога, покоившаяся на шелковой подушке, была столь приятно округлой, что ей могла бы позавидовать любая представительница прекрасного пола.

— О, теперь я так же искусна в этом деле, как сигнальщик самого лорда верховного адмирала Англии! — смеясь, воскликнула девушка, сидевшая на полу, и с дет-

ской радостью захлопала в ладоши. — Ах, как мне хочется, Сесилия, поскорее показать свое умение!

При этих словах кузины мисс Говард подняла голову, и на лице ее, когда она взглянула на Кэтрин, появилась легкая улыбка. Тот, кому довелось бы увидеть ее в этот миг, может быть, испытал бы удивление, но не имел бы причины жалеть о перемене, которая произошла в выражении ее лица. Вместо жгучих черных глаз, какие должна была бы иметь девушка, судя по цвету ее темных волос, он узрел бы большие кроткие голубые глаза, которые как бы плавали в столь чистой влаге, что она была почти невидимой. Эти глаза поражали своей нежностью и силой чувств больше, чем полные живости и веселья искрометные очи ее подруги.

— Успех твоей безумной экскурсии на берег моря, моя дорогая, кажется, помутил твой разум, — заметила Сесилия. — Но я не знаю, как иначе излечить твой недуг, если не подать тебе попить соленой воды, как полагается в случаях безумия.

— Ах, боюсь, твое средство окажется бесполезным! — воскликнула Кэтрин. — Оно не помогло почтенному Ричарду Барнстейблу, который, наверно, не раз принимал его во время сильных штормов, но по-прежнему остается первым кандидатом в сумасшедший дом. Подумай только, Сесилия, этот безумец во время нашего вчерашнего десятиминутного разговора на скалах осмелился предложить мне свою шхуну в качестве убежища!

— Я думаю, что твоя смелость способна вдохновить его на многое, но не мог же он все-таки серьезно сделать тебе такое предложение!

— Справедливости ради следует сказать, что он упоминал о священнике, который освятил бы это безумство, но я считаю, что в самой мысли его была безграничная дерзость. Я никогда этого не забуду, и если прощу ему, то не раньше, чем лет через двадцать. Но каково бедняге, должно быть, пришлось потом на его крошечном «Ариэле» среди ужасных волн, которые с такой силой бились ночью о берег! Надеюсь, они излечили его от самоуверенности. Наверно, от захода солнца и до зари на нем не было сухой нитки. Будем считать это наказание за его дерзость, и будь уверена, я еще потолкую с ним об этом. Сейчас приготовлю десяток сигналов, чтобы посмеяться над промокшим поклонником.

Довольная своей выдумкой и радостная из-за тайной надежды, что ее смелое намерение в конце концов увенчается успехом, веселая девушка тряхнула черными локонами и живо разбросала вокруг себя флажки, а затем принялась складывать их в новые сочетания, чтобы подшутить над бедственным положением возлюбленного. Но лицо ее двоюродной сестры при этих словах омрачилось, и, когда она заговорила, в ее голосе звучал упрек:

— Кэтрин, Кэтрин! Как ты можешь забавляться, когда кругом столько опасностей! Разве ты забыла, что́ нам рассказывала о нынешнем шторме Элис Данскомб? Ведь она говорила о двух кораблях, о фрегате и шхуне, которые с безрассудной отвагой пытались пробиться через мели в шести милях отсюда, и, если только богу не было угодно явить им милосердие, их гибель почти несомненна! Как можешь ты, зная, кто эти отважные моряки, шутить о буре, столь для них опасной?

Эти увещевания образумили ветреную хохотушку. Она вдруг вспомнила о тяжелом положении своих друзей и побледнела как смерть, крепко стиснув руки и устремив рассеянный взор на разбросанные вокруг нее в беспорядке яркие шелковые лоскутки. В эту критическую минуту дверь комнаты медленно отворилась, и вошел полковник Говард. Вид его являл забавную смесь сурового негодования и привычного рыцарского уважения к прекрасному полу.

— Прошу простить меня, сударыни, за мое вторжение, — начал он. — Однако, я полагаю, присутствие старика в комнатах его воспитанниц не может быть совсем непозволительным.

Поклонившись, полковник уселся на диван, на другом конце которого раньше сидела его племянница, ибо при его появлении мисс Говард встала и оставалась на ногах до тех пор, пока ее дядя не уселся поудобнее. Бросив самодовольный взгляд на убранство покоев, старик прежним тоном продолжал:

— В этой комнате вполне можно принимать гостей, и я не вижу оснований для того постоянного затворничества, на которое вы сами себя обрекли.

Сесилия с робким удивлением взглянула на дядю и ответила:

— Мы, конечно, весьма обязаны вам за вашу доброту,

дорогой сэр, но разве наше затворничество вполне добровольно?

— Что вы хотите сказать? Разве не вы хозяйки этого дома? Выбрав эту резиденцию, где долго жили в почете ваши и, разрешите мне добавить, мои предки, я руководствовался не столько фамильной гордостью, которую я, естественно, не могу не испытывать, сколько желанием окружить вас комфортом и счастьем. И моим старым глазам кажется, что у нас нет причин стыдиться принять в этих стенах наших друзей. Стены монастыря Святой Руфи, мисс Говард, не совсем голы, да и тем, кто живет в них, тоже не стыдно показаться на людях.

— В таком случае, отворите двери, и ваша племянница постарается поддержать гостеприимство хозяина этого дома.

— Вот так, честно и благородно, и должна говорить дочь Гарри Говарда! — воскликнул старый солдат, незаметно для себя подвигаясь ближе к племяннице. — Если бы мой брат вместо морской службы избрал сухопутную, Сесилия, он был бы одним из самых храбрых и доблестных генералов в армии его величества. Бедный Гарри! Он мог бы дожить до сего дня и в эту минуту вел бы победоносные войска своего короля против возмутившихся колонистов. Но он умер, Сесилия, и оставил тебя для продолжения нашего рода и для владения тем малым, что осталось нам в эти смутные времена.

— Мне кажется, дорогой сэр, — сказала Сесилия, взяв его руку и прикоснувшись к ней губами, — у нас нет причин жаловаться на судьбу, сохранившую нам достаточное состояние, как бы горько мы ни сожалели, что нас, способных воспользоваться им, осталось так мало.

— Нет, нет, — тихо и с волнением промолвила Кэтрин, — Элис Данскомб, несомненно, ошиблась. Провидение никогда не осудит отважных людей на столь жестокую участь!

— Элис Данскомб здесь и может искупить свою ошибку, если она действительно ошиблась, — произнес спокойный, приглушенный голос с едва заметным провинциальным акцентом, голос, низкие ноты которого были лишены серебристости, придававшей женственную прелесть голосу мисс Говард и мелодичное звучание живым переливам голоса ее кузины.

Неожиданность этого появления заставила всех за-

молчать. Кэтрин Плауден, которая еще оставалась на ковре в прежней позе, поднялась с колен, и, пока она в минутном замешательстве оглядывалась, щеки ее вновь покрылись ярким румянцем. Женщина, произнесшая приведенные нами слова, твердыми шагами вышла на середину комнаты и, ответив с изысканной вежливостью на низкий поклон полковника Говарда, молча опустилась на другой диван. По ее появлению, по оказанному ей приему и по ее туалету можно было понять, что присутствие ее не было событием необычным и что в этом доме она свой человек. Элис была одета с подчеркнутой простотой, но свидетельствовавший о хорошем вкусе покрой ее платья возмещал отсутствие украшений. На вид ей было немногим более тридцати лет, однако, судя по одежде, можно было догадаться, что она хотела казаться старше. Ее прекрасные светлые волосы были обвиты темной повязкой, какую носят молоденькие девушки на далеком севере, и только несколько вырвавшихся из-под нее локонов показывали, что их владелица стремится скрыть их природную пышность. Ее лицо уже утратило свежесть первой молодости, но сохранило прежнюю красоту и ясность черт. К этому описанию можно добавить прекрасные синие глаза, несколько крупные зубы ослепительной белизны и правильные черты лица. Темно-серое шелковое платье удивительно ловко сидело на ее изящной фигуре.

После того как вошедшая села, полковник Говард еще немного помолчал, затем обратился к Кэтрин. Он старался говорить непринужденно, но именно из-за этого его речь звучала еще более чопорно и натянуто:

— Не успели вы, мисс Плауден, призвать мисс Элис, как она уже явилась с намерением и — смею сказать, мисс Элис, — готовностью защитить себя от таких обвинений, какие могут возвести на нее лишь самые жестокие ее враги.

— Я не собираюсь возводить никаких обвинений на мисс Данскомб, — обидчиво возразила Кэтрин, — и не желаю, чтобы меня ссорили с моими друзьями, даже если это делает сам полковник Говард.

— Полковник Говард постарается впредь остерегаться таких промахов, — кланяясь, ответил старик и, церемонно повернувшись к остальным, продолжал: — Как раз когда вы вошли, мисс Элис, я говорил с племянницей о том, что ей незачем запираться в четырех стенах подобно самым

набожным монахиням, какие жили в этом монастыре. Я говорю ей, что ни ее годы, ни мое состояние, ни ее собственное — ибо Гарри Говард кое-что оставил своей дочери — не требуют того, чтобы мы жили так, будто двери всего мира затворены перед нами и будто сюда можно проникнуть только через эти старинные окна... Мисс Плауден, я считаю своей обязанностью узнать, для чего лежат здесь в таком изобилии эти странные шелковые лоскутки?

— Я выбираю себе наряд к балу, который вы собираетесь дать, сэр! — быстро ответила Кэтрин с дерзкой улыбкой, исчезнувшей лишь под укоризненным взглядом кузины. — Вы человек со вкусом, полковник Говард, и разбираетесь в дамских туалетах. Скажите, пойдет ли этот ярко-желтый цвет к моему смуглому лицу? Белый с черным также прекрасно гармонируют друг с другом... Розовый, кажется, чудесно отвечает черным глазам? Это будет такой ток, какой пристало бы носить императрице!

Не переставая болтать, молодая девушка проворными пальцами в беспорядке сплела флажки, а потом накинула их себе на голову подобно украшению, для которого, по ее словам, они были предназначены. Старик был слишком учтив, чтобы противоречить женщине в выборе туалета, а потому вернулся к прежнему разговору, ибо его подозрения, возникшие было при виде этих флажков, были полностью рассеяны находчивостью и ловкостью Кэтрин. Но если полковника Говарда нетрудно было обмануть в отношении женских туалетов, то совсем по-другому обстояло дело с Элис Данскомб. Эта дама так упорно и неодобрительно разглядывала фантастический ток, что Кэтрин поспешила подсесть к ней и, потихоньку задавая ей шутливые вопросы, постаралась отвлечь ее внимание от флажков.

— Я говорил, мисс Элис, — продолжал полковник, — что, хотя времена и причинили ущерб моему состоянию, все же мы не настолько обеднели, чтобы не могли принимать наших друзей, как приличествует потомкам древних владельцев монастыря Святой Руфи. Сесилия, дочь моего брата Гарри, такая девица, какую любой дядя был бы горд вывести в свет, и она докажет вашим английским дамам, что наша порода не стала хуже по другую сторону Атлантики.

— Сто́ит вам сказать только слово, милый дядя, — про-

молвила мисс Говард, — и ваше желание тотчас будет исполнено.

— Скажите, чем мы можем угодить вам, сэр, — подхватила Кэтрин, — и, если это в какой-либо степени разгонит скуку в этом старом доме, я обещаю вам полное содействие в вашем намерении.

— Вы говорите правильно, — воскликнул полковник, — как и подобает умным и скромным девушкам! В таком случае, давайте начнем с того, что пошлем за Диллоном и капитаном и попросим их выпить с нами чашку кофе. Мне кажется, что час уже настал.

Сесилия в замешательстве опустила глаза и ничего не ответила. Но мисс Плауден тотчас возразила:

— Нет, сэр, пусть они подадут пример. Так как вы предложили, чтобы первый шаг был сделан с нашей стороны, не лучше ли нам всем собраться на вашей половине и быть хозяйками за вашим столом? Я знаю, сэр, что вы отделали одну из комнат для подобных церемоний. Может быть, женский вкус тоже окажется полезен.

— Мисс Плауден, — с неудовольствием отозвался полковник, — мне кажется, некоторое время назад я сообщил вам, что до тех пор, пока неприятельские суда не удалятся от наших берегов, я предпочитаю, чтобы вы и мисс Говард не покидали этого крыла здания.

— Тогда не говорите, что мы не покидаем его по доброй воле, — возразила Кэтрин. — Давайте говорить прямо: вы заперли нас здесь.

— Разве я тюремщик, сударыня, что вы так определяете мое поведение? Слушая вас, мисс Элис может бог знает что подумать. Я...

— Теперь можно отказаться от всех тех мер, которые были приняты из страха перед фрегатом и шхуной, проникшими вчера в Чертовы Клещи, — задумчиво и грустно прервала его мисс Данскомб. — Мало кому известны полные опасностей пути, по которым можно вывести оттуда невредимым в открытое море даже самое малое судно при дневном свете и попутном ветре. Но в темную ночь и при такой непогоде один только бог может спасти моряков.

— Да, на самом деле приходится верить, что они погибли, — ответил старик, но в голосе его не слышалось никакого злорадства.

— Они не погибли! — с неожиданной силой воскликнула Кэтрин. Она поднялась с места и, пройдя по комна-

те, остановилась подле двоюродной сестры. Голова ее была высоко поднята, и казалось, что они одного роста, хотя в действительности Кэтрин была значительно ниже Сесилии. — Эти люди искусны и отважны, они сделают все, на что способны храбрые моряки, и преодолеют препятствия. А кроме того, кому провидение скорее ниспошлет благодать свою, как не отважным сынам угнетенной страны, которые борются с деспотизмом и бесчисленными несправедливостями?

При этих словах с лица полковника исчезло миролюбивое выражение. Его черные глаза сверкнули необычайно ярко для его лет, и только из вежливости он не перебил речь своей воспитанницы.

— Какой грех, сударыня, — наконец не выдержал он, — какое подлое преступление более достойно справедливого гнева небес, чем этот предательский акт мятежа? Мятеж затопил кровью Англию в царствование Карла Первого[1]; мятеж породил гораздо больше битв, нежели все остальные человеческие пороки, вместе взятые.

— Я не знаю, вправе ли вы считать мятеж таким чудовищным преступлением, полковник Говард, — сказала мисс Данскомб, желая предупредить резкий ответ Кэтрин. Она помолчала, а затем, глубоко вздохнув, снова заговорила, и голос ее с каждым словом звучал все мягче. — Конечно, это большое преступление, такое, перед которым, можно сказать, бледнеют все иные человеческие прегрешения. Сколь многие порывают теснейшие в своей жизни связи, бросаясь в этот греховный водоворот! Люди становятся равнодушными к виду тяжких бедствий, нечувствительными к несчастьям, ими причиняемым. Это особенно ужасно, когда они вымещают свои обиды на близких и друзьях, забывая о том, кто страдает от их поступков. Кроме того, полковник Говард, внезапно оказаться у власти — опасное искушение для людей, мало знакомых с жизнью большого мира, и если это не ведет к совершению тяжких преступлений, то, во всяком случае, готовит путь к ним, ожесточая человеческие сердца.

— Я вас терпеливо слушаю, мисс Элис, — заметила Кэтрин, с притворным равнодушием покачивая маленькой

[1] Карл I — английский король в 1625—1649 годах. Во время английской буржуазной революции, после продолжавшейся с 1642 по 1648 год гражданской войны, был свергнут с престола и казнен 30 января 1649 года.

ножкой, — ибо вы не знаете, о ком и кому вы это говорите. Но полковнику Говарду это не может служить извинением... Молчи, Сесилия, теперь буду говорить я! Не верь никому, дорогая сестра, эти люди чисты... А вы, полковник Говард, должны помнить, что сын нашей с Сесилией тетки тоже служит на борту этого фрегата. Как вы можете говорить с такой жестокостью?

— Мне жаль этого юношу! Мне от всего сердца жаль его! — воскликнул старик. — Он еще дитя, он увлечен тем разрушительным потоком, в котором гибнут наши несчастные колонии. Но на этом корабле есть другие; они не могут привести в оправдание свою неопытность. Например, сын моего старого знакомого и сердечного друга моего брата Гарри, отца Сесилии, лихого Хью Гриффита, как мы его называли. Мальчишками Хью и Гарри вместе ушли из дому и в один и тот же день зачислились в экипаж одного из судов его величества. Бедный Гарри дослужился только до широкой нашивки, а Хью умер командиром фрегата. И вот этот мальчик! Он был воспитан на борту отцовского судна и научился на службе его величества владеть оружием, которое он теперь поднял против своего короля. В этом обстоятельстве есть что-то противоестественное, мисс Элис: сын поднимает руку на отца! И вот такие люди, во главе с Вашингтоном, и поддерживают дерзостный мятеж.

— Среди них есть люди, которые никогда не носили холопского мундира Британии, сэр, и именами этих людей Америка гордится не меньше, чем другими героями! — гордо заявила Кэтрин. — Да, сэр, эти люди с радостью выступят против храбрейших офицеров британского флота.

— Я не стану оспаривать ваши заблуждения, — вежливо, но холодно сказал полковник. — Молодая девушка, которая осмеливается сравнивать мятежников с отважными джентльменами, находящимися на службе у короля, может найти извинение только в том, что ее ум был введен в заблуждение. Ни один мужчина — я не говорю о женщинах, которые, вероятно, не очень хорошо понимают природу человеческую, — ни один мужчина, достигший поры, когда его уже можно называть этим именем, не должен иметь ничего общего со смутьянами, которые стремятся уничтожить все святое, с этими левеллерами, которые готовы свалить великого, чтобы вознести ничтожного, с этими якобинцами, которые... которые...

— Если вам, сэр, не хватает оскорбительных эпитетов, — с вызывающей холодностью сказала Кэтрин, — позовите на помощь мистера Кристофера Диллона. Вот он стоит у дверей, ожидая вашего зова.

При этом внезапном сообщении полковник Говард, забыв о своих гневных выкриках, с удивлением обернулся и действительно увидел угрюмое лицо родственника, который стоял у порога, придерживая отворенную дверь, причем Диллон был, по-видимому, не меньше изумлен тем, что очутился в присутствии дам, чем они сами — его необычным визитом.

Глава XI

Отойдем-ка в сторону, Кет, и посмотрим, чем кончится эта кутерьма.

Шекспир, «Укрощение строптивой»

В продолжение бурной сцены, описанной в предыдущей главе, мисс Говард, склонясь на подлокотник дивана, с большим огорчением следила за пререканиями между ее дядей и кузиной. Но, когда в комнату вошел человек, который, по ее мнению, совсем не имел права являться ей на глаза без особого на то разрешения, в ней возмутилась вся ее женская гордость и она дала ему такой же решительный отпор, какой последовал бы от Кэтрин, только, может быть, проявив при этом бóльшую сдержанность.

— Чему мы обязаны этим неожиданным визитом мистера Диллона? — спросила она вставая. — Ему, конечно, известно, что нам запрещено ходить в ту половину здания, где живет он, и, я думаю, полковник Говард предложит ему, чтобы он справедливости ради не тревожил и нас в наших покоях.

Тонко рассчитанное смирение не могло скрыть злобный гнев в словах этого джентльмена, когда он ответил:

— Мисс Говард не будет сердиться на мое вторжение, когда узнает, что я пришел с важным делом к ее дяде.

— А! Это меняет дело, Кит. Но дамы все-таки имеют право на уважение к их полу. Я, правда, и сам забыл доложить о себе — это все оттого, что я, по милости Борроуклифа, пью теперь мадеры больше, чем с тех пор, как

мой бедный брат Гарри и его достойный приятель Хью Гриффит... К черту Хью Гриффита и весь его род! Извините меня, мисс Элис... Какое у вас дело ко мне, мистер Диллон?

— Я с поручением от капитана Борроуклифа. Вы, наверно, помните, сэр, что по вашему настоянию каждую ночь меняется расположение постов стражи.

— Да, мы применяли такую меру в кампании против Монкальма. Это было необходимо, чтобы перехитрить индейцев, которые, мисс Элис, всякий раз приканчивали часового, если он, бывало, две ночи подряд стоял на одном и том же месте.

— Ваша благоразумная предосторожность, сэр, принесла пользу и на этот раз, — продолжал Диллон, проходя в комнату, словно чувствовал себя теперь более желанным гостем. — Мы захватили в плен трех человек.

— Ну конечно, настоящий политический заговор! — презрительно воскликнула Кэтрин. — Я думаю, что раз мистер Кристофер Диллон в таком восторге, значит, эти шаги несомненно связаны с защитой закона. Итак, неустрашимый гарнизон монастыря Святой Руфи готов стяжать себе высокую славу, поймав трех мошенников.

Желтое лицо Диллона стало багрово-синим, а сам он затрясся от гнева, который тщетно старался скрыть.

— Здесь дело, возможно, даже более тесно касается законности и ее слуг, чем может пожелать мисс Плауден, — ответил он, — ибо мятеж редко находит оправдание в христианском кодексе законов.

— Мятеж! — воскликнул полковник. — А что общего вы видите между мятежом и задержанием трех бродяг, Кит? Неужели проклятая отрава нашла путь через Атлантику?.. Извините, мисс Элис, но я уверен — и вы мыслите так же. Я слышал ваши слова о преданности нашему королю, помазаннику божию... Говорите, мистер Диллон! Неужели мы окружены новой бандой дьяволов? Если так, мы должны немедленно приняться за дело и сплотиться вокруг нашего короля, ибо этот остров — главная опора его престола.

— Не могу сказать, чтобы на нашем острове в настоящее время приметно было какое-нибудь намерение поднять восстание, — с напускной мрачностью сказал Диллион, — хотя волнения в Лондоне требуют, чтобы министры его величества приняли необходимые меры пред-

осторожности, вплоть до прекращения действия habeas corpus [1]. Но у вас, кажется, были подозрения насчет тех двух кораблей, которые в последние дни угрожали побережью, как самые настоящие пираты?

Кэтрин, нетерпеливо постукивавшая ножкой по пушистому ковру, сумела удержаться от реплики и удовольствовалась тем, что бросила на говорящего взгляд, полный самого холодного презрения. Однако полковника эти слова тронули за живое, и он ответил тоном, достойным значительности предмета разговора:

— Вы говорите, как разумный человек и верный подданный, мистер Диллон!.. Этот закон, мисс Элис, был принят по требованию баронов вместе с Великой хартией вольностей [2] для укрепления трона. В ту пору царствовал король Иоанн. Среди баронов были и мои предки, и это одно могло бы свидетельствовать о том, что честь короны была должным образом ограждена... Что же касается наших пиратствующих соотечественников, Кристофер, то есть все основания полагать, что месть разгневанного провидения их уже настигла. Знающие этот берег люди говорили мне, что ни одному судну не под силу выбраться из этих мелей, а в такую темную ночь, при встречном ветре да без хорошего лоцмана это совсем немыслимо. А где враги могли найти такого лоцмана? И действительно: наступило утро, а их больше не видно!

— Друзья они или враги, сэр, — почтительно сказал Диллон, — однако есть причины подозревать, что те лю-

---

[1] Habeas corpus act — изданный в 1679 году английским парламентом закон, согласно которому арестованный имеет право требовать, чтобы законность его ареста была немедленно проверена судом.

[2] Великая хартия вольностей была подписана 15 июня 1215 года английским королем Иоанном (Джоном) Безземельным (царствовал с 1190 по 1216 год). Она ограничивала права короля в пользу крупных феодалов и рыцарей. Так как статья 39-я Великой хартии вольностей говорит о том, что ни один свободный человек (то есть феодал; на основное население тогдашней Англии — крепостное крестьянство — Великая хартия вольностей не распространялась) не может быть взят, или посажен в тюрьму, или объявлен стоящим вне закона, или подвергнут конфискации имущества иначе как по приговору себе равных и по закону страны, то полковник Говард, весьма произвольно толковавший значение Великой хартии вольностей, в действительности не укреплявшей, а ограничивавшей власть короля, имел некоторые основания считать, что главные принципы habeas corpus act были заложены в Великой хартии вольностей.

ди, которых мы задержали и привели сюда, могут рассказать нам кое-что об их истинных намерениях, ибо, судя по их внешности, они только что высадились на берег и у них не только одежда, но и вид моряков.

— Моряков! — повторила Кэтрин, и мертвенная бледность разлилась по ее лицу, на котором до этого горел яркий румянец негодования.

— Моряков, мисс Плауден, — подтвердил Диллон со злобной радостью, но стараясь скрыть ее под видом смиренного почтения.

— Благодарю вас, сэр, за такое мягкое обозначение, — сказала молодая девушка, опомнившись и мгновенно овладев собой. — Воображение мистера Диллона настолько склонно изображать все с самой дурной стороны, что он заслуживает особой похвалы, если на этот раз принял во внимание нашу слабость и не напугал нас, назвав этих людей пиратами.

— Может быть, мисс, они и заслуживают этого названия, — холодно возразил Диллон, — но меня научили сначала выслушивать показания, а потом уже произносить приговор.

— А! Малый выискал это у Кока и Литтлтона! — воскликнул полковник. — Закон есть благотворное лекарство от человеческих слабостей, мисс Элис, и, помимо всего прочего, он приучает необузданный нрав к терпению. Если бы не богопротивный мятеж, мисс, этот молодой человек в настоящее время раздавал бы благословения закона с судейского кресла в одной из колоний. Да! И даю слово — всем одинаково: черным и белым, красным и желтым, лишь с теми различиями, какие сама природа установила между офицером и солдатом. Держитесь, родственник, придет и наше время! В королевской армии немало солдат, а из последних донесений известно, что дела наши поправились... Но пойдем в караульную допросим бродяг. Я уверен, что это просто дезертиры с одного из крейсеров его величества или честные подданные, которые занимаются вербовкой. Пойдем, Кит, и...

— Неужели мы так скоро лишимся общества полковника Говарда? — спросила Кэтрин, с ласковым и просительным видом приближаясь к своему опекуну. — Я знаю, вы быстро забываете горячие слова, какие я иной раз допускаю в наших маленьких спорах, и не расстанетесь с нами в гневе, не отведав даже нашего кофе.

Старик при этом неожиданном обращении обернулся к ней и внимательно ее выслушал. Когда она замолкла, он ответил ей с большой мягкостью в голосе:

— А! Негодная! Вы знаете меня слишком хорошо, чтобы сомневаться в моем прощении. Но долг зовет меня, и я не могу пренебречь им даже ради улыбки молоденькой девушки. Да-да, дитя мое, вы тоже дочь весьма храброго и достойного моряка, но слишком далеко заходите в своей привязанности к этой профессии, мисс Плауден, да, слишком далеко!

Кэтрин, возможно, немного покраснела, но легкая улыбка, скользнувшая по ее полному раскаяния лицу, придала ее чертам лукавый вид. Она притронулась к рукаву опекуна, чтобы задержать его, и сказала:

— Но почему все же вы покидаете нас, полковник Говард? Мы уже давно не видели вас в нашей обители, а ведь вы знаете — мы считаем вас отцом. Подождите, скоро вы, вероятно, сможете считать себя и нашим духовником.

— Я уже знаю твои грехи, дитя! — сказал почтенный полковник, бессознательно уступая ее усилиям и возвращаясь на место. — На душе твоей страшный грех возмущения против твоего короля, глубоко укоренившееся пристрастие к морской воде и большое неуважение к советам и пожеланиям старика, которому воля твоего отца и закон поручили опекать тебя и твое состояние.

— Нет, нет, последнего греха на мне нет, дорогой сэр! — воскликнула Кэтрин. — Я никогда не пренебрегла ни единым вашим словом насчет того глупого дела... Не присядешь ли ты снова, Сесилия? Полковник Говард согласен выпить с нами кофе.

— Но вы забыли о трех арестованных, о честном Ките и нашем уважаемом госте, капитане Борроуклифе.

— Пусть честный Кит, если ему угодно, останется здесь, а капитану Борроуклифу можно послать приглашение присоединиться к нам. Мне, как женщине, любопытно увидеть этого офицера. Что же касается тех трех человек... — Она замолчала, будто на минуту задумалась, а потом продолжала, словно осененная самой естественной мыслью: — Да, этих людей тоже можно привести сюда и здесь допросить. Кто знает... быть может, они потерпели крушение во время последней бури и более нуждаются в

нашем участии и помощи, чем заслуживают ваших подозрений.

— Благородная мысль мисс Плауден, несомненно, найдет отклик у всех, кто обитает на этом суровом берегу, — сказала Элис Данскомб. — Я видела много печальных крушений на скрытых мелях, когда дул слабый ветер по сравнению со вчерашней бурей. Войны и ненадежные времена вместе со злыми страстями человеческими погубили многих из тех, кто знал проходы между здешними рифами. Некоторые из этих людей были способны даже, как я слышала, пройти Чертовы Клещи в самую темную ночь. Но сейчас все они сошли со сцены: одних скосила смерть, другие, что еще более печально, были осуждены на изгнание из страны своих отцов.

— Вероятно, большинство из них ушло на войну, ибо ваши воспоминания должны быть совсем недавними, мисс Элис, — сказал старик. — И, так как многие из них занимались контрабандой, страна в некоторой степени вознаграждена за их прежние деяния их нынешними услугами и в то же время, к счастью, избавлена от их присутствия. Ах, сударыня, у нас славный государственный организм! В нем все так удачно уравновешено, как в теле здорового человека, пищеварительные органы которого сами очищаются своими усилиями.

При этих словах полковника бледные черты лица Элис Данскомб покрылись легким румянцем.

— Возможно, среди них были люди, которые не уважали законов страны, — такие всегда встречаются, — но были и другие, быть может виновные, но не причастные к этому постыдному ремеслу и все же умевшие находить проходы, скрытые волнами от глаз обыкновенных смертных, с такой же легкостью, с какой вы могли бы найти дорогу среди здешних залов и галерей, когда полуденное солнце бросает свои лучи на флюгеры и высокие печные трубы.

— Не хотите ли вы, полковник Говард, чтобы мы допросили этих трех человек и выяснили, не принадлежат ли они к числу таких одаренных лоцманов? — спросил Кристофер Диллон, который, не участвуя в разговоре, чувствовал себя неловко и тем не менее едва ли считал необходимым скрывать свое презрение к Элис. — Может быть, мы выведаем у них такие сведения, которые помо-

гут нам начертить карту побережья и тем заслужить одобрение лордов адмиралтейства.

Мисс Говард залилась краской, услышав этот незаслуженный выпад по адресу кроткой и скромной гостьи. Она встала и с видом явного неудовольствия обратилась к своему родственнику:

— Если бы мистер Диллон исполнил желание полковника Говарда, уже известное со слов моей кузины, нам не пришлось бы, по крайней мере, обвинять себя в том, что мы без надобности задерживаем людей, быть может более несчастных, чем виновных.

С этими словами Сесилия прошла по комнате и села подле Элис Данскомб, с которой начала беседовать мягким, успокаивающим тоном. Мистер Диллон почтительно поклонился и, окончательно убедившись, что полковник Говард намерен выслушать арестованных в этой комнате, удалился выполнить поручение, втайне радуясь, что затворничеству обеих сестер, по-видимому, приходит конец и что он сможет чаще видеться с гордой красавицей, благосклонности которой он до сих пор так тщетно добивался.

— Кристофер толковый, усердный и вообще достойный молодой человек, — сказал полковник, когда затворилась дверь, — и я надеюсь дожить до того времени, когда увижу его облаченным в мантию. Я говорю, конечно, в переносном смысле, а не в буквальном, ибо не очень приятно ходить в мехах под знойным солнцем Каролины. Я надеюсь, министры его величества посоветуются со мной, когда будут производиться новые назначения в усмиренные колонии, поэтому он может всецело положиться на меня, а я уж не премину замолвить за него доброе слово. Разве он не будет замечательным украшением независимого суда, мисс Плауден?

— Я должна, сэр, воспользоваться его же осторожными правилами и сначала выслушать присяжных, а потом уж решать, — ответила, поджав губы, Кэтрин. — Но слушайте! — Молодая девушка изменилась в лице и устремила лихорадочно горящий взор на дверь. — Однако он не терял времени! Я слышу, к нам приближаются тяжелые шаги.

— А! Это, конечно, он. Правосудие, чтобы его признали совершенным, должно быть быстрым и решительным, как барабанная дробь военного трибунала. Вот,

кстати, орган законности, под сенью которого всякий счастлив был бы жить. Если бы министров его величества можно было убедить ввести в восставших колониях...

— Прислушаемся! — прервала его Кэтрин голосом, выдававшим ее глубокую тревогу. — Они уже близко!

Приближавшиеся шаги действительно были слышны так ясно, что это заставило полковника отложить изложение своего плана управления укрощенными колониями. Длинная низкая галерея была вымощена каменными плитами, и поэтому шаги двигавшихся по ней людей звучали все громче и громче, пока наконец тихий стук в дверь не известил об их прибытии. Полковник Говард поднялся с видом человека, которому надлежало играть главную роль в предстоящем допросе, и пригласил всех войти. Сесилия и Элис Данскомб равнодушно смотрели на отворившуюся дверь; их мало волновало то, что должно было произойти, но Кэтрин быстро и внимательно оглядела каждого из вошедших. Глубоко и судорожно вздохнув, она откинулась на спинку дивана, в ее глазах снова появилось игривое выражение, и она начала даже вполголоса напевать какую-то бравурную мелодию.

Первым вошел Диллон, за ним капитан Борроуклиф, который уже твердо держался на ногах. Глаза его, раньше отупело смотревшие перед собой, теперь вновь обрели осмысленное выражение. Одним словом, что-то явно заставило его собраться с мыслями, хотя он, быть может, еще не совсем протрезвился. Прочие оставались пока в галерее. Мистер Диллон подвел Борроуклифа к полковнику, а тот, в свою очередь, представил его дамам.

— Мисс Плауден, — сказал старик, ибо Кэтрин сидела к нему ближе других, — это мой друг капитан Борроуклиф. Он уже давно добивался чести быть представленным вам, и, надеюсь, вы окажете ему такой прием, что он не будет сожалеть о знакомстве с вами.

Кэтрин, улыбнувшись, ответила несколько двусмысленно:

— Не знаю, как и благодарить капитана за ту заботу, которой он нас, бедных, окружил!

Капитан бросил на нее взгляд, который, казалось, грозил отплатой, но ответил весьма любезно:

— Ваша улыбка, мисс, будет достойным вознаграждением как за оказанные услуги, так и за те, что существуют пока только в намерениях.

Кэтрин поклонилась ему более благожелательно, чем обычно кланялась людям, носившим британскую форму, и полковник подвел его к Элис.

— Вот, капитан Борроуклиф, мисс Элис Данскомб, дочь почтенного пастора, который прежде служил в нашем приходе. Эта леди доставляет нам удовольствие своими посещениями, хотя визиты ее все же не так часты, как нам бы хотелось.

Капитан ответил на скромный поклон Элис, и полковник продолжал:

— Мисс Говард, разрешите мне представить вам капитана Борроуклифа, джентльмена, который в эти тяжелые времена добровольно взял на себя обязанности по охране нашего дома и поэтому заслужил благосклонность его хозяйки.

Сесилия грациозно поднялась и приняла гостя весьма любезно. Офицер ничего не ответил на ее приветственные слова — мгновение он оставался неподвижным, не сводя глаз с ее выразительного лица, а затем невольно прижал руку к груди и поклонился, склонив голову чуть ли не до эфеса шпаги.

Когда все формальности были должным образом соблюдены, полковник изъявил готовность принять арестованных. Лишь только Диллон снова отворил дверь, Кэтрин устремила спокойный и внимательный взгляд на незнакомцев и увидела блеск оружия охранявших их солдат. Моряки вошли в комнату одни, но бряцание оружия и тяжелый стук мушкетов о каменный пол возвестили, что солдаты остались у дверей, дабы следить за таинственными пришельцами.

Глава XII

Пушечное мясо! Они заполнят могилу не хуже других.

Шекспир, «Король Генрих IV»

Три человека, вошедших в комнату, казалось, нисколько не оробели перед присутствующими. Они были одеты в грубую, поношенную одежду моряков, которая, несомненно, еще недавно подвергалась воздействию су-

ровой погоды. Молча проследовали они к указанному капитаном месту и остановились в дальнем конце комнаты с видом людей, разбирающихся в чинах и побывавших во всяких переделках, которые приучили их считаться с превратностями жизни. Как только воцарилась тишина, полковник Говард незамедлительно начал допрос.

— Надеюсь, вы честные и верные подданные его величества, — начал старик, считаясь с возможной невиновностью арестованных, — но в нынешние времена даже самые почтенные люди легко могут навлечь на себя подозрение. Поэтому, если наши предположения на ваш счет окажутся ложными, вам следует простить нашу ошибку, ибо она вызвана тем ужасным состоянием, в какое мятеж поверг государство. У нас есть большие основания опасаться, что неприятель замыслил какие-то действия у побережья, так как недавно в наших краях появились вражеские фрегаты и шхуна, а дерзость мятежников можно сравнить только с их нечестивым неуважением к правам нашего государя.

В то время как полковник Говард произносил эту речь, трое арестованных с большим интересом смотрели на него, но, когда он упомянул о предполагающемся нападении, взгляд двоих из них стал особенно внимательным, и они украдкой многозначительно переглянулись между собой. Однако ни один из них ничего не ответил, и после короткой паузы, которую старик намеренно сделал, чтобы слова его произвели большее впечатление, он продолжал:

— У нас нет никаких доказательств того, что вы хоть в малейшей степени связаны с врагами нашего государства, но, поскольку вас встретили не на большой королевской дороге, а на обходной тропинке, — которой, я должен признаться, часто пользуются местные жители, но которая, тем не менее, всего лишь тропинка, — мы вынуждены из предосторожности задать вам несколько вопросов, и я уверен, что вы дадите на них удовлетворительные ответы. Пользуясь вашим же морским языком: откуда вы и куда держите курс?

Один из задержанных низким, глухим голосом ответил:

— Мы из Сандерленда и держим курс на Уайтхевен.

Едва лишь был произнесен этот ясный и прямой ответ, как внимание присутствующих привлекла Элис Дане-

комб: тихо вскрикнув, она невольно привстала с места, а взор ее растерянно заметался по комнате.

— Вы нездоровы, мисс Элис? — участливо обратилась к ней Сесилия Говард. — Да, вам в самом деле дурно. Обопритесь на мою руку, я отведу вас в вашу комнату.

— Вы тоже слышали или мне только показалось?.. — спросила Элис, смертельно побледнев и дрожа всем телом, словно в конвульсиях. — Скажите, вы тоже слышали?

— Я ничего не слышала, кроме голоса моего дяди, который сейчас стоит возле нас, встревоженный, как и все мы, вашим ужасным волнением.

Элис все еще дико озиралась кругом. Она не успокоилась, оглядев тех, кто стоял возле нее, и начала жадно всматриваться в лица трех незнакомцев, которые в почтенной позе стояли, молчаливо и безучастно наблюдая эту странную сцену. Наконец она закрыла лицо руками, как бы отгоняя какое-то страшное видение, а затем, опустив руки, слабо улыбнулась и знаком показала Сесилии, что хочет выйти из комнаты. Благодарность за вежливо предложенную джентльменами помощь и отказ от нее Элис тоже выразила лишь жестом и взглядом. Но, когда женщины прошли мимо стоявших в галерее часовых и остались наедине, она глубоко вздохнула и сказала:

— Это был голос из безмолвной могилы! Очевидно, мне только почудилось. Нет, нет, это справедливая кара за то, что некий человек занимает в сердце моем место, которое должно принадлежать только создателю! Ах, мисс Говард, мисс Плауден, вы обе молоды, вы находитесь в самом расцвете юности и красоты, вам неведомы и потому не страшны искушения и заблуждения нашего грешного мира!

— Она бредит, — с тревогой и участием прошептала Кэтрин. — Какое-то ужасное бедствие помутило ее разум!

— Да, должно быть, это был бред и мне почудился голос, который было бы ужасно услышать, да еще в этих стенах, — несколько успокоившись, сказала Элис, со слабой улыбкой глядя на красивых девушек, которые с двух сторон заботливо ее поддерживали. — Минутная слабость прошла, мне стало лучше. Помогите мне дойти до моей комнаты и возвращайтесь в гостиную, чтобы не нарушать согласия, воцарившегося между вами и полковником Говардом. Мне, право, лучше, я совсем здорова!

— Не говорите так, мисс Элис, — возразила Сесилия. — Ваш вид противоречит тому, что вы говорите по доброте своей к нам. Вы больны, очень больны, и поэтому я, несмотря на ваше приказание, вас не оставлю.

— Тогда оставайтесь со мной в роли доброй сестры милосердия, — сказала мисс Данскомб, бросая на Сесилию благодарный взгляд, — а мисс Кэтрин пусть вернется в гостиную, чтобы угостить джентльменов кофе.

К этому времени они уже дошли до комнаты Элис, и Кэтрин, пособив Сесилии уложить Элис в кровать, возвратилась в гостиную исполнять обязанности хозяйки.

При ее появлении полковник Говард приостановил допрос арестованных и с изысканной учтивостью осведомился о состоянии здоровья мисс Данскомб. После ответа Кэтрин он продолжал:

— Все ясно как божий день, Борроуклиф. Оказавшись в Сандерленде без работы, они отправились к своим знакомым и родственникам в Уайтхевен, где, надеются, им помогут устроиться. Все это очень правдоподобно и совершенно невинно.

— Конечно, конечно, мой уважаемый хозяин, — весело ответил офицер, — но мне представляется печальной несправедливостью то, что трое таких здоровенных молодцов заняты поисками места, где бы они могли приложить свои силы. Разве мало судов флота его величества бороздят море в поисках врагов Англии?

— Ваши слова основательны, очень основательны! — воскликнул полковник. — Что скажете вы, молодцы? Нет ли у вас желания подраться с французами, испанцами или даже с моими соотечественниками — бунтовщиками? Нет, клянусь небом, наш государь должен воспользоваться услугами таких трех героев! Каждый из вас получит вот эти пять гиней, как только ступит на борт тендера «Быстрый», а сделать это совсем не трудно, потому что тендер вчера вечером отдал якорь в двух милях к югу от нас, в маленькой бухте, где он укрыт от бури не хуже, чем в углу этой комнаты.

Один из мужчин притворился, будто бросает жадные взгляды на деньги, и спросил, словно оценивая условия предлагаемой ему службы:

— А доброе ли судно этот «Быстрый» и хорошо ли на нем живется экипажу?

— Хорошо ли? — повторил Борроуклиф. — Еще бы!

Недаром его считают лучшим тендером во всем флоте. Вы, наверно, много бродили по белому свету, но доводилось ли вам видеть такое место, как Морской арсенал в Картахене, в Испании?

— Я бывал там, сэр, — холодным, сдержанным тоном ответил тот же моряк.

— Так, бывали! А видели ли вы в Париже дворец, который называется Тюильри? Так вот, этот дворец — собачья конура по сравнению с «Быстрым».

— Мне приходилось бывать и в этом дворце, сэр, — ответил моряк. — Что ж, если ваш тендер и вправду так хорош, как вы говорите, наверно, служить на нем совсем неплохо.

— Черт бы побрал эти синие куртки! — пробормотал Борроуклиф, бессознательно обращаясь к мисс Плаудей, близ которой он в это время очутился. — Они суют свои смоленые рожи во все уголки света, так что, право, не знаешь, как с ними говорить. Ну кто бы, черт возьми, подумал, что этот малый когда-либо пялил свои зеленые глаза на дворец короля Людовика?

Но Кэтрин не слышала его слов; она сидела, не сводя глаз с арестованных, и на лице ее снова появилось смущенное и обеспокоенное выражение.

— Подождите, подождите, Борроуклиф! — воскликнул полковник Говард, возобновляя разговор. — Не будем рассказывать этим молодцам сказки для новобранцев, а поговорим с ними на добром, ясном, честном английском языке. Да благословит бог этот язык и землю, для которой он впервые был создан! Какой смысл уверять людей, если они, как мы предполагаем, настоящие моряки, будто десятипушечный тендер по просторности и удобству помещений не уступает дворцу?

— А разве английский дуб и английский комфорт ничего не стоят, мой дорогой хозяин? — невозмутимо спросил капитан. — Неужели вы думаете, добрый сэр, что я измерял достоинства «Быстрого» циркулем и линейкой, будто я проектирую дворец царя Соломона? Я хотел лишь сказать, что «Быстрый» — судно исключительно продуманного устройства и что все там распределено удивительно искусно. Смотря по надобности, он становится то большим, то маленьким, как шатер феи из «Тысячи и одной ночи». А теперь пусть меня повесят, если я не сказал в пользу этого тендера больше, чем сумел бы ска-

зать сам его капитан, чтобы дать мне новобранца, даже если бы во всех трех королевствах не нашлось ни одного парня, который захотел бы посмотреть, пойдет ли алый мундир к его мужицкой фигуре! Нет, такая пора еще не наступила, и господь бог не даст ей наступить, пока наш государь нуждается в солдатах для защиты его прав на поле боя. Но что скажете вы, друзья мои? Вы слышали, что говорил капитан Борроуклиф о «Быстром»? Его слова справедливы... ну, может, он только чуточку преувеличил. Согласны вы поступить на службу? Значит, я могу приказать слуге подать вам по стакану вина да велеть отложить ваши деньги до тех пор, пока мне не сообщат с «Быстрого», что вы стали под знамена лучшего из кораблей?

Кэтрин Плауден, которая затаив дыхание с огромным вниманием следила за моряками, показалось, что она уловила промелькнувшую на их лицах усмешку. Однако веселость моряков дальше этого не пошла, и старший из них снова ответил так же спокойно, как и прежде:

— Простите нас, сэр, но у нас нет охоты поступать на тендер. Мы привыкли к дальним плаваниям и большим судам, а «Быстрый» несет береговую службу, да и не тех он размеров, чтобы справиться с французами или испанцами, у которых пушки стоят в два яруса.

— Если так, — ответил полковник, — сделайте полуоборот направо и ступайте в Ярмут. Там вы найдете суда, которые не побоятся встретиться со всем, что бывает на плаву.

— Может быть, джентльмены предпочтут сменить тревоги и опасности морей на жизнь легкую и веселую? — вмешался капитан. — Рука, привыкшая владеть абордажным крюком, может быстро научиться спускать курок так же легко, как дамы касаются клавиш рояля. Одним словом, жизнь моряка и похожа и не похожа на жизнь солдата. Солдаты не знают ни штормов, ни половинных рационов, они не берут рифов на марселях и не терпят кораблекрушений. При этом в их жизни не меньше, а то и больше грога, беззаботного веселья, вокруг фляги и открытого ранца, чем на любом корабле в субботний вечер, даже когда котел полон и дует легкий бриз. Я сам не раз пересекал океан и знаю, что корабль в хорошую погоду очень похож на лагерь или теплый барак, но повторяю: только в хорошую погоду!

— Мы не сомневаемся в справедливости ваших слов, сэр, — ответил тот же моряк. — Но то, что вы считаете трудностями, для нас лишь удовольствие. Мы видели слишком много штормов, чтобы бояться их, и чувствовали бы себя в штилевой полосе, попав в ваши казармы, где только и дела, что есть паек да маршировать взад и вперед по зеленой лужайке. К тому же мы едва ли отличим дуло мушкета от его приклада.

— Да! — задумчиво произнес Борроуклиф, а затем, шагнув в сторону, внезапно гаркнул: — Смирно! Равнение направо!

Тот моряк, который перед этим говорил, и стоявший рядом с ним не шелохнулись и только удивленно взглянули на капитана, но третий из их компании, стоявший немного поодаль, словно он хотел остаться незамеченным, а может быть, просто задумался о своей участи, при этой неожиданной команде невольно вздрогнул и, выпрямившись, словно на плацу, мгновенно повернул голову направо.

— Ого! Вы, джентльмены, я вижу, способные ученики, вы скоро всему обучитесь, — продолжал Борроуклиф. — Полагаю, полковник Говард, будет правильно, если я задержу этих людей до завтрашнего утра. Но мне хотелось бы поместить их удобнее, чем на жестких скамьях караульного помещения.

— Действуйте, как вам угодно, капитан Борроуклиф, — ответил хозяин, — и как вам подсказывает долг перед нашим королем. Их накормят и отведут в комнату на южной стороне аббатства, над помещениями для прислуги.

— Три комнаты, полковник, нужны три комнаты, хотя бы мне пришлось отказаться от моей собственной!

— У нас есть несколько небольших пустых комнат, куда можно принести одеяла и, если вы считаете необходимым, можно поставить в коридоре охрану, хотя мне кажется, что это добрые, законопослушные люди, которые жаждут послужить своему королю и мечтают лишь о том, чтобы сойтись лицом к лицу с каким-нибудь доном или мсье.

— Поговорим об этом немного позже, — сухо сказал Борроуклиф. — Я вижу, мисс Плауден недовольна, что мы так долго злоупотребляем ее терпением, и знаю, что холодный кофе, как и остывшая любовь, превращается в

безвкусный напиток. Итак, джентльмены, en avant![1] Если вам приходилось бывать в Тюильри, значит, вы должны немного понимать по-французски... Мистер Кристофер Диллон, знаете ли вы, где «находятся, расположены и помещаются», как говорится в ваших пергаментах, эти три каморки?

— Да, сэр, — с готовностью ответил будущий судья, — и с большим удовольствием провожу вас туда. Я нахожу ваше решение достойным благоразумного и проницательного офицера и не удивлюсь, если вскоре наиболее подходящим местом для их содержания признают Даргемский замок или иную крепость.

Он произнес эти слова, как раз когда моряки выходили из комнаты, и потому нельзя было видеть, какое впечатление они произвели на незнакомцев. Но Кэтрин Плауден, которая на минуту осталась одна, глубоко задумалась над тем, что она видела и слышала, и была так озабочена, как это редко бывало при ее веселом и жизнерадостном нраве. Однако мало-помалу гул удаляющихся шагов затих, а возвращение полковника напомнило молодой девушке о ее обязанностях.

Хозяйничая у чайного стола, Кэтрин не раз украдкой бросала взгляды на старика. Но, хотя он казался задумчивым, на его честном, открытом лице не было ни малейших следов суровости или подозрительности.

— Совершенно напрасно сэр, вы возитесь с этими моряками, странствующими по своим делам, — наконец сказала она. — По-видимому, это специальность мистера Кристофера Диллона — причинять неприятности всем, с кем он соприкасается.

— А какое отношение имеет Кит к их аресту?

— Что? Разве не он взялся опекать этих людей в их заключении? Уверяю вас, полковник, что эта история еще принесет плохую славу монастырю Святой Руфи. Его и так уже называют и домом, и монастырем, и замком. Дайте волю мистеру Диллону — и через месяц прибавится еще название тюрьмы.

— Киту не посчастливилось завоевать благосклонность мисс Плауден! Тем не менее Кит — достойный юноша, толковый малый и разумный человек. И, что еще более ценно, мисс Кэтрин, — это, что мистер Кристофер

[1] Вперед! (франц.).

Диллон верный и честный подданный своего короля. Его мать была моей двоюродной сестрой, мисс, и я надеюсь, что скоро назову его своим племянником. В жилах Диллонов течет добрая ирландская кровь, и, полагаю, даже мисс Плауден согласится, что Говарды тоже могут претендовать на доброе имя.

— Именно о вашем добром имени я и забочусь, — быстро ответила Кэтрин. — Только час назад вы были возмущены, мой дорогой опекун, заподозрив в моих словах намек на то, что после имени «Говард» вам следовало бы писать слово «тюремщик», а теперь вы сами добровольно соглашаетесь на эту обязанность.

— Вы забываете, мисс Кэтрин Плауден, что эти люди задержаны по приказу офицера его величества...

— Но я думала, что славная британская конституция, о которой вы так часто упоминаете, — прервала его находчивая молодая девушка, — гарантирует свободу всем, кто пребывает в этой благословенной стране. Вы сами знаете, что из двадцати негров, привезенных вами из Америки, при вас осталось лишь несколько. Остальные улетели на крыльях британской свободы!

Это означало разбередить незажившую рану в душе полковника, и коварная воспитанница хорошо знала, какое впечатление произведут ее слова. Однако ее опекун на этот раз не разразился бурной вспышкой гнева, как это случалось и в менее значительных случаях. Он поднялся, бросил на Кэтрин взгляд, в котором отразилось все его самоуважение, и, сделав над собой огромное усилие, чтобы сдержать чувства в пределах, необходимых для соблюдения приличий, ответил:

— То, что британская конституция — славная конституция, мисс, не подлежит никакому сомнению. То, что этот остров — единственное убежище, где свобода может найти себе дом, столь же справедливо. Деспотизм и гнет конгресса, который вверг колонии в состояние опустошения и нищеты, не позволяют найти для него достойное название. Мятеж загрязняет все, чего он касается, мисс. И, хотя вначале он зачастую прикрывается именем священной свободы, однако кончается он всегда тиранией. Анналы мировой истории, начиная со времен греков и римлян и до наших дней, доказывают это на многочисленных примерах. Что же до того обстоятельства, о котором вы изволили упомянуть, касающегося... касающегося

моих частных дел, я могу только сказать, что о делах государственных нельзя судить по домашним происшествиям, так же как и домашние обстоятельства нельзя оценивать с точки зрения государственной политики. — Полковник, подобно многим более сильным в логике ораторам, ошибочно счел свое противопоставление за доказательство и на миг замолчал, восхищаясь собственным красноречием, однако стремительный поток мыслей, всегда неистощимый при рассмотрении этой темы, увлек его за собой, и он продолжал: — Да, мисс, здесь, и только здесь, можно найти истинную свободу! И с этим торжественным заверением, которое не брошено наугад, но опирается на мой шестидесятилетний жизненный опыт, я покидаю вас, мисс Плауден! Вы должны как следует поразмыслить над моими словами, ибо я слишком хорошо понимаю ваши заблуждения, чтобы не знать, что политические ошибки проистекают из ваших сердечных слабостей. Подумайте об этом ради собственной вашей пользы, если вы заботитесь не только о личном благе, но и о том, чтобы заслужить почтение и добрую славу в свете. Что же касается этих черных собак, о которых вы говорили, то они просто неблагодарные скоты и мятежники. И если мне когда-либо доведется встретить кого-либо из этих проклятых...

Полковник сумел все же сдержаться и покинул даму прежде, чем закончил свою обличительную речь, а Кэтрин стояла с минуту на месте и, прижав палец к губам, прислушивалась к его голосу, рокотавшему в галерее, пока звуки окончательно не замерли за отдаленной дверью. Своенравная девушка тряхнула темными локонами, и лукавая улыбка, смешанная с выражением сожаления, играла на ее лице, пока она, что-то шепча, проворными руками сдвигала прочь принадлежности чайного стола.

— Может быть, это был жестокий эксперимент, но он удался. Хотя и сами под арестом, все же мы, по крайней мере, свободны ночью. К этим таинственным морякам следует присмотреться получше. Если не гордый взгляд Эдуарда Гриффита сверкал под черным париком одного из них, я ничего не смыслю в лицах. Но как же мистер Барнстейбл скрыл свои очаровательные черты? Ни один из этих людей не похож на него... Однако я должна спешить к Сесилии!

С этими словами она легко выскользнула из комнаты и, пробежав по освещенным тусклым светом коридорам, исчезла за одним из поворотов, который вел к внутренним помещениям аббатства.

Глава XIII

Как, Люция? Велишь ты мне уйти
С мечтой о счастье, с грезой о любви?

Аддисон, «Катон»

Пусть читатель не думает, что, пока происходили описанные нами эпизоды, мир остановился в своем движении. К тому времени, когда трое моряков были размещены по отдельным комнатам и в галерее, куда выходили эти три комнаты, был поставлен часовой, чтобы одновременно следить за всеми, уже наступила глубокая ночь. Капитан Борроуклиф явился на зов полковника, который, весьма неопределенно извинившись по поводу перемены в программе вечерних развлечений, предложил своему гостю возобновить атаки на мадеру. К этому делу капитан отнесся весьма серьезно, и часы аббатства уже не раз печально напоминали об истекшем времени, а приятели и не думали расставаться. Мистер Диллон меж тем куда-то исчез. Слуга, когда полковник стал расспрашивать его, ответил, что «мистер Кристофер, наверно, отправился верхом в ***, чтобы поспеть к завтрашней охоте, которая начнется на заре». Но пока джентльмены потягивали в столовой вино, развлекаясь рассказами о былых временах и жестоких сражениях, в других частях здания разыгрались две совсем иные сцены.

Как только в аббатстве воцарилась глубокая тишина, прерываемая лишь воем ветра да раскатистым хохотом полковника и капитана, уютно устроившихся за бутылкой вина, дверь одной из «келий» тихонько отворилась, и из нее выскользнула Кэтрин Плауден в темном плаще и с ночником в руках, тусклый свет которого едва освещал мрачные стены впереди, оставляя все позади в непроницаемом мраке. За ней вскоре последовали две другие женщины в такой же одежде и с такими же ночниками в руках. Когда они все трое очутились в галерее, Кэт-

рин осторожно затворила дверь комнаты и двинулась вперед.

— Тс-с! — робко прошептала Сесилия. — В той половине дома не все еще спят. И, если твои подозрения справедливы, мы своим посещением можем выдать наших друзей и бесповоротно их погубить.

— Разве смех полковника Говарда, когда он сидит за бутылкой вина, так непривычен для твоего слуха, Сесилия, что ты не узнаешь его? — насмешливо возразила Кэтрин. — Или ты забыла, что в подобных случаях он редко бывает способен что-нибудь слышать или видеть? Идите за мной: мои подозрения основательны, иначе и быть не может. И, если мы не предпримем что-либо для спасения пленников, они погибли. Разве только их затея лучше продумана, чем мне кажется!

— Вы вступили на опасный путь, — спокойно заметила Элис Дапскомб. — Но вы молоды и потому склонны верить в успех.

— Если вы не одобряете нашего намерения, — сказала Сесилия, — значит, оно действительно дурно и нам следует вернуться.

— Нет, нет, я не хотела сказать о вашем намерении ничего плохого. Если бог вручил вашей защите жизнь тех, к кому вы питаете чувства любви и уважения, какие женщине суждено дарить лишь одному мужчине, у него были на это свои основания. Ведите нас, Кэтрин! По крайней мере, мы избавимся от наших сомнений!

Пылкая девушка не нуждалась в повторении просьбы: легкими, быстрыми шагами она тотчас двинулась вперед по галерее. Дойдя до конца, подруги по узенькой лестнице спустились в первый этаж и, тихонько отворив маленькую дверь, очутились на лужайке между домом и садом. Они перебежали через нее, укрывая от яростных порывов ветра, доносившегося с моря, свои ночники. Вскоре они уже были возле большого, наспех пристроенного флигеля, простая архитектура которого не выдерживала сравнения с красивым главным зданием, и вошли туда через массивную дверь, которая стояла полуоткрытой, словно ожидая их.

— Хлоя в точности исполнила мои приказания, — прошептала Кэтрин, когда они укрылись от холода и ветра. — Теперь, если все слуги спят, мы можем наверняка пройти незамеченными.

Им следовало еще миновать людскую, что́ они и сделали без затруднений, так как здесь находился только один старик негр, спавший глубоким сном в двух шагах от колокола. Проскользнув через это помещение, они долго шли по длинным и извилистым коридорам, по-видимому хорошо знакомым Кэтрин, хотя и неведомым ее спутницам, а затем поднялись по другой лестнице. Они были уже близки к цели и теперь остановились, чтобы убедиться, не возникают ли какие-либо препятствия на их дальнейшем пути.

— Ну, вот наша затея вдруг оказывается безнадежной! — прошептала Кэтрин, скрытая мраком, царившим в длинном узком коридоре. — Часовой стоит в галерее, а я думала — его поставили под окнами. Что нам теперь делать?

— Давайте вернемся, — тоже шепотом ответила Сесилия. — Дядя очень считается со мной, хотя иногда и бывает с нами строг. Утром я постараюсь уговорить его отпустить арестованных, взяв с них обещание не повторять подобных попыток.

— Утром уже будет поздно, — возразила Кэтрин. — Я видела, как этот дьявол Кит Диллон уехал куда-то верхом, сказав, что отправляется на завтрашнюю охоту, но я по глазам его видела, что он задумал какую-то пакость. Он молчит просто для большей уверенности. И, если утро застанет Гриффита в этих стенах, он будет осужден на смерть.

— Молчите! — воскликнула Элис Данскомб со странным волнением. — Может быть, счастливый случай поможет нам договориться с часовым!

С этими словами она двинулась вперед. Не прошли они и нескольких шагов, как их окликнул суровый голос часового.

— Теперь поздно колебаться, — прошептала Кэтрин. — Мы хозяйки этого дома и смотрим, все ли у нас в порядке, — продолжала она уже вслух. — И мы удивлены тем, что встречаем в своем доме вооруженных людей.

Солдат отсалютовал мушкетом и ответил:

— Мне приказано охранять двери этих трех комнат. Там помещены арестованные. Во всем прочем я был бы рад вам услужить.

— Арестованные?! — с притворным изумлением воскликнула Кэтрин. — Разве капитан Борроуклиф превратил

монастырь Святой Руфи в тюрьму? В чем же обвиняют этих бедных людей?

— Не знаю, миледи! Но раз они моряки, я думаю, они сбежали со службы его величества.

— Странно, право! А почему их не отправили в тюрьму графства?

— Это дело надо расследовать, — сказала Сесилия, открывая лицо. — Как хозяйка дома, я имею право знать, кто находится в его стенах. Потрудитесь отпереть двери — я вижу, у вас на поясе висят ключи.

Часовой колебался. Он был смущен присутствием и красотой девушек, но внутренний голос напоминал ему о его обязанностях. Тут в голову ему пришла счастливая мысль, которая избавляла его от затруднений и в то же время позволяла согласиться с просьбой или скорее приказанием мисс Говард. Он передал ей ключи и сказал:

— Вот они, мидели! Мне велено не выпускать арестованных, но не сказано, чтобы я никого не впускал к ним. Когда вы покончите с вашими делами, прошу возвратить мне ключи. Вы должны пожалеть меня: пока двери не заперты, я ни на миг не могу спустить с них глаз.

Сесилия обещала возвратить ключи и уже дрожащей рукой вставила один из них в замок, но Элис Данскомб остановила ее, обратившись к солдату:

— Ты сказал, что их трое? Они все люди пожилые?

— Нет, миледи! Все добрые, здоровые молодцы, им только и служить его величеству, а не бегать со службы.

— Неужели они все одинаковы по годам и по внешности? Я спрашиваю потому, что у меня был друг, который когда-то, в юности, напроказил и, как говорили, помимо прочих глупостей, ушел в море.

— Среди них нет юноши. В дальней комнате слева находится здоровенный малый с солдатской выправкой, лет тридцати. Наш капитан полагает, что он раньше носил мушкет. Мне велено присматривать за ним особенно строго. Рядом с ним сидит на диво красивый молодой человек. Грустно подумать, куда мы идем, если такие в самом деле убегают с кораблей! А в этой комнате находится невысокий, спокойный человек, которому скорее пристало бы пойти в священники, а не в моряки или солдаты — уж такой у него скромный вид.

Элис на мгновение закрыла руками лицо, но затем, отняв их, продолжала:

— Мягкостью всегда можно добиться гораздо большего, чем угрозами. Вот тебе гинея. Ступай в дальний конец коридора, ты можешь оттуда следить за дверями не хуже, чем отсюда. А мы войдем к этим бедным людям и постараемся убедить их сознаться, кто они на самом деле и что им нужно.

Солдат взял деньги и, неуверенно оглядевшись вокруг, наконец сообразил, что и вправду убежать можно, только минуя его, по лестнице. Дождавшись, когда он удалился на такое расстояние, что уже ничего не мог слышать, Элис Данскомб повернулась к своим спутницам. Лихорадочный румянец пятнами выступил у нее на щеках.

— Напрасно было бы скрывать от вас, что я надеюсь встретить человека, голос которого я, должно быть, действительно слышала вечером, когда подумала, что мне это померещилось. Да, это был его голос, и я теперь знаю, что он заодно с мятежными американцами в этой противоестественной войне... Нет, не обижайтесь на меня, мисс Плауден! Вспомните, что я родилась на этом острове. И привело меня сюда не тщеславие или слабость, мисс Говард: я хочу предупредить кровопролитие... — Она замолчала, как бы стараясь успокоиться. — Но свидетелем нашего разговора должен быть только бог.

— Так ступайте! — сказала Кэтрин, втайне радуясь решительности Элис. — А мы тем временем посмотрим, кто сидит в двух других комнатах.

Элис Данскомб повернула ключ в замке. Осторожно отворив дверь, она попросила спутниц, чтобы они, уходя, постучали ей, и тотчас вошла в комнату.

Сесилия и ее кузина подошли к следующей двери, молча отворили ее и осторожно проникли в комнату. Кэтрин Плауден была достаточно осведомлена относительно распоряжений полковника Говарда и знала, что, отправив арестованным одеяла, он не счел нужным позаботиться о каких-либо дальнейших удобствах этих людей, которые, по его мнению, бóльшую часть жизни спали на голых досках.

Поэтому девушки нашли молодого моряка на полу, где он, растянувшись во всю длину и закутавшись в грубое покрывало, спал крепким сном. Шаги девушек были столь робки, а их появление столь бесшумно, что они приблизились к нему, даже не потревожив его сна. Голова пленника покоилась на деревянной плашке. Он подложил руку, чтобы

защитить лицо от прикосновения к шершавому дереву, а другую руку сунул за пазуху, где она свободно лежала на рукоятке кинжала. И, хотя он был в забытьи, сон его был ненадежен и беспокоен. Он дышал тяжело и быстро, а порой что-то невнятно и глухо бормотал. Настало время и Сесилии Говард проявить силу характера. До сих пор она шла на поводу у кузины, чья живость и предприимчивость делали ее прекрасным проводником. Но теперь она опередила Кэтрин и, осветив ночником лицо спящего. наклонилась к нему, внимательно и тревожно его разглядывая.

— Я права? — прошептала Кэтрин.

— Да защитит его милосердный господь! — пробормотала Сесилия, невольно содрогнувшись, когда уверилась, что видит перед собой Гриффита. — Да, Кэтрин, это он. Дерзость и безумие привели его сюда. Но время не ждет, его следует разбудить и во что бы то ни стало помочь ему бежать.

— Тогда не медли и разбуди его!

— Гриффит! Эдуард Гриффит! — мягко позвала его Сесилия. — Гриффит, проснитесь!

— Так ты не разбудишь моряка, который привык спать под рев бури и волн, — сказала Кэтрин. — Но я слыхала, что даже легкое прикосновение заставляет их тотчас вскочить на ноги.

— Гриффит! — повторила Сесилия, робко коснувшись его руки.

Вспышка молнии не может быть более мгновенной, чем был прыжок молодого человека, вскочившего на ноги. При свете ночников сверкнул выхваченный им кинжал, в то время как в другой руке угрожающе блеснул пистолет, направленный на людей, потревоживших его сон.

— Прочь! — закричал он. — Умру, но не сдамся!

Ярость, отразившаяся на его лице, и свирепый взгляд напугали Сесилию. Она отпрянула, уронив плащ, съежилась, но не сводила с моряка нежного, доверчивого взгляда.

— Эдуард, это я, Сесилия Говард! — сказала она. — Я пришла спасти вас от гибели. Вас узнали, несмотря на искусное переодевание.

Пистолет и кинжал упали на одеяло, в которое прежде был закутан молодой моряк, и на лице его вместо тревоги теперь отразилась большая радость.

— Наконец-то счастье улыбнулось мне! — воскликнул он. — Как вы добры, Сесилия! Больше, чем я заслуживаю, и гораздо больше, чем я ожидал. Но вы не одна...

— Со мной моя кузина Кэт. Это ее проницательные глаза узнали вас, и она любезно согласилась сопровождать меня, чтобы уговорить вас... нет, чтобы помочь вам бежать! Ибо это просто безумие, Гриффит, так испытывать свою судьбу.

— Разве я напрасно испытывал ее?.. Мисс Плауден, к вам обращаюсь я за ответом и оправданием.

На лице Кэтрин отразилось неудовольствие, но после минутного колебания она ответила:

— Готова служить вам, мистер Гриффит! Я вижу, что ученый капитан Барнстейбл не только сумел разобрать мои каракули, но и счел возможным показать мое письмо всем желающим.

— Теперь вы несправедливы к нам обоим, — сказал Гриффит. — Разве он мог не показать мне план, в котором мне суждено было играть главную роль?

— Ах! Видно, ваши оправдания так же послушно являются на ваш зов, как и ваши матросы, — ответила молодая девушка. — Но как это вышло, что герой «Ариэля» посылает заместителя, чтобы выполнить долг, лежащий на нем самом? Разве он имеет обыкновение довольствоваться второй ролью?

— Боже упаси, чтобы вы так дурно подумали о нем хотя бы на миг! Мы в большом долгу перед вами, мисс Плауден, но у нас есть и другие обязанности. Вы знаете, что мы служим нашему общему отечеству и у нас есть начальник, воля которого для нас закон.

— Тогда возвращайтесь, мистер Гриффит, пока можно, на службу нашей истекающей кровью стране, — сказала Сесилия. — И, после того как общие усилия ее храбрых сынов изгонят из ее пределов врага, будем надеяться, что наступит время, когда мы с Кэтрин вернемся в наши родные дома.

— А подумали вы, мисс Говард, насколько может растянуть это время могущественная армия английского короля? Мы победим! Народ, который борется за самые священные свои права, не может не победить. Но разбить Англию — это не одного дня дело для бедного, разбросанного по обширной территории и разоренного народа. Конечно, вы забыли, мисс Говард, что, уговаривая меня

покинуть вас при таких обстоятельствах, вы отнимаете у меня всякую надежду.

— Мы должны положиться на волю божью, — ответила Сесилия. — Но у вас есть руки и опыт, Гриффит, которые могут сослужить нашей родине большую службу. Не растрачивайте же свои силы в призрачных заботах о личном счастье, пользуйтесь минутой возможности и возвращайтесь на корабль, если действительно он еще в безопасности. Забудьте на время это безумное предприятие и ту, ради которой вы на него решились!

— Я не ожидал такого приема, — сказал Гриффит. — Хотя я сегодня оказался в вашем присутствии случайно, а не намеренно, я все-таки надеялся, что, когда мне будет суждено вновь увидеть фрегат, вы, Сесилия, будете рядом со мной.

— Вы не должны упрекать меня, мистер Гриффит, за свое разочарование, ибо я никогда не говорила ни слова, которое дало бы вам право думать, что я согласна покинуть моего дядю.

— Мисс Говард не найдет меня дерзким, если я напомню ей, что было время, когда она не считала меня недостойным заботы о ней и ее счастье.

Яркий румянец залил лицо Сесилии, когда она ответила:

— Я и сейчас не считаю этого, мистер Гриффит. Но вы поступили хорошо, указав мне на мою прежнюю слабость, потому что воспоминание о былом безрассудстве только укрепляет меня в моей решимости...

— Нет! — прервал ее пылкий влюбленный. — Если я хотел упрекнуть вас или питал хвастливую мысль, гоните меня как недостойного вашей благосклонности навсегда!

— Я прощаю вам эти грехи легче, чем себе свое легкомыслие, — сказала Сесилия, — но, с тех пор как мы виделись в последний раз, произошло слишком много такого, что не позволяет мне повторить столь опрометчивый поступок. Во-первых, — продолжала она, приветливо улыбаясь, — я стала на целый год старше и умнее. Во-вторых, и это, возможно, самое главное, тогда мой дядя был окружен своими старинными друзьями и родственниками, а здесь он совсем одинок. И, хотя он находит некоторое утешение в том, что поселился в доме, где обитали его предки, все же он бродит по мрачным коридорам, как чу-

жой, и за все это ему остается лишь слабая замена утраченного — ласка и привязанность той, кого он любит и растит с детства.

— Однако он противится вашему сердечному влечению, Сесилия, если только мое глупое тщеславие, позволявшее мне надеяться, не обмануло меня — о, я мог бы сойти от этого с ума! В ваших политических взглядах вы тоже с ним резко расходитесь. А мне кажется, что не может быть счастья там, где нет общих чувств.

— Есть одно, очень сильное, — возразила мисс Говард, — это родственная любовь. Он добрый, любящий и, когда не гневается на какой-нибудь дурной поступок, снисходительный дядя и опекун, а я дочь его брата Гарри. Нелегко разорвать такую связь, мистер Гриффит. И, так как мне не хочется видеть вас безумным, я не добавлю, что ваше тщеславие вас обмануло. Да, да, Эдуард, вполне возможно питать двойную привязанность и выполнять свой долг перед двумя людьми. Я никогда не соглашусь покинуть дядю одного в стране, образ правления которой он так слепо чтит. Вы не знаете Англии, Гриффит! Она смотрит на своих детей, явившихся из колоний, с холодным недоверием и надменностью, как ревнивая мачеха, которая редко ласкает неродных детей.

— Я знал Англию в мирное время, знаю ее и во время войны! — гордо ответил молодой моряк. — И могу добавить, что она надменный друг и непримиримый враг. А сейчас она вступила в борьбу с теми, кто требует у нее только открытого моря. Однако ваше решение заставляет меня явиться к Барнстейблу с худыми вестями.

— Нет, — сказала Сесилия улыбаясь, — я не хочу говорить за других, которые не связаны с полковником узами близкого родства и одержимы неприязнью к этой стране, ее народу, ее законам, хотя совсем в них не разбираются.

— Разве мисс Говард наскучило видеть меня в стенах этого дома? — спросила Кэтрин. — Но тише! Кажется, кто-то идет по галерее...

Затаив дыхание они прислушались, и действительно вскоре до их слуха донеслись приближающиеся шаги. Раздались голоса, а затем завязался разговор, отчетливо слышный в каморке Гриффита.

— Да, у него военная осанка, Питерс, из него выйдет славный солдат. Ну-ка, отвори дверь!

— Это не его комната, ваша честь, — ответил напуганный часовой. — Он находится в последней комнате по коридору.

— Откуда тебе это известно? Ну-ка, достань ключ и открой! Мне все равно, кто где спит. Может быть, я завербую всех троих.

Последовала страшная минута неизвестности, затем часовой ответил на этот властный приказ:

— Я думал, ваша честь хочет видеть того, кто в черном галстуке, и поэтому оставил все остальные ключи в том конце коридора, но...

— Экий дуралей! Часовой, как и тюремщик, всегда обязан иметь ключи при себе. Ну, ступай, отвори дверь того, кто так хорошо равнялся направо!

Когда сердце Кэтрин стало биться немного ровнее, она сказала:

— Это Борроуклиф. Он так пьян, что даже не заметил ключа, оставленного нами в дверях. Но что теперь делать? В нашем распоряжении не больше минуты.

— На заре, — быстро сказала Сесилия, — я пришлю сюда мою служанку под предлогом передачи вам еды...

— Ради меня не нужно рисковать, — прервал ее Гриффит. — Едва ли нас задержат, а если это и сделают, Барнстейбл находится неподалеку с такими силами, что все эти рекруты разбегутся на все четыре стороны.

— Но это приведет к кровопролитию и ужасным сценам! — воскликнула Сесилия.

— Тише! — предупредила Кэтрин. — Они опять идут сюда!

Кто-то остановился возле их двери и тихонько отворил ее; показалось лицо часового.

— Капитан Борроуклиф делает обход, и я даже за пятьдесят гиней не согласился бы оставить вас здесь хоть на минуту.

— Еще одно слово, — сказала Сесилия.

— Ни полслова, миледи, ради бога! — взмолился солдат. — Леди, которая была в соседней комнате, ждет вас. Пожалейте мою бедную голову и уходите туда, откуда пришли!

Отказать ему было невозможно. Они направились к двери.

— Молодой человек, — громко сказала Сесилия Гриффиту, покидая комнату, — я пришлю вам утром еду и

указания, как принимать лекарство, необходимое для вашего исцеления.

В коридоре они встретили Элис Данскомб. Ее лицо было скрыто плащом, но по тяжким вздохам, вырывавшимся из ее груди, можно было понять, что она очень взволнована недавним разговором.

А так как читателю, вероятно, любопытно узнать, что расстроило эту спокойную даму, мы ненадолго задержим повествование и расскажем, что произошло между ней и человеком, которого она искала.

Глава XIV

Как лев, когда заслышит он
Охотничьи рога,
Так Дуглас, грозен, скор и смел,
Поднялся на врага.

Перси

Когда Элис Данскомб вошла в комнату, где помещался третий из задержанных моряков, он не был погружен, подобно Гриффиту, в глубокий сон, а сидел на одном из сохранившихся здесь старых стульев спиной к двери и, казалось, смотрел сквозь маленькое окошко на темную и унылую местность, где все еще свирепствовала буря. Он не замечал, что Элис вошла и приблизилась к нему, пока по глазам его не скользнул отсвет ее ночника. Сразу очнувшись от задумчивости, он поднялся ей навстречу.

— Я ждал, что ты придешь, — первым заговорил он, — с тех пор как убедился, что ты узнала мой голос. И я был глубоко уверен, что Элис Данскомб никогда меня не предаст.

Элис, хотя и предвидела это подтверждение своих догадок, не была в состоянии ответить. Она опустилась на стул, с которого он только что встал, и молчала, словно собираясь с силами.

— Значит, эти звуки не игра моего воображения! Значит, то был в самом деле твой голос, то была ужасная действительность! — наконец вымолвила она. — Зачем ты явился сюда, где на тебя может обрушиться законный гнев

твоего отечества? Какие еще коварные намерения внушил тебе твой неукротимый нрав?

— Ты говоришь со мной жестоким языком, Элис Данскомб, — с холодной суровостью ответил незнакомец, — а ведь было время, когда меня после недолгих отлучек встречали более ласковыми словами.

— Я этого не отрицаю. Я не могу, если бы и хотела, скрыть мою слабость от себя самой или от тебя. Я даже хотела бы, чтобы она стала известна всему миру. Было время, когда я глубоко уважала тебя, доверилась тебе и в безрассудстве своем забыла свои самые священные обязанности. За эту слабость господь жестоко покарал меня твоими дурными делами.

— Зачем отравлять нашу встречу бесполезными взаимными упреками? — спросил он. — У нас есть много что сказать друг другу, прежде чем ты сообщишь, с каким милосердным делом ты сюда явилась. Хорошо тебя зная, Элис, я понимаю, что ты чувствуешь опасность, мне угрожающую, и отважишься на все для моего спасения. Твоя мать... она еще жива?

— Нет, она последовала за покойным отцом, — ответила Элис Данскомб, закрывая руками бледное лицо. — Я осталась одна, совсем одна. Ибо тот, кто был для меня всем, изменил своей стране и стал недостойным моего доверия.

Эти слова чрезвычайно взволновали моряка. Он поднял взор, дотоле спокойный, на лицо собеседницы и начал быстро ходить взад и вперед по комнате.

— Я многое мог бы сказать в свое оправдание, — наконец ответил он, — многое, чего ты не знаешь. Я покинул родину, потому что не встречал здесь ничего, кроме угнетения и несправедливости, и, конечно, не мог просить тебя связать свою судьбу с судьбой беглеца без имени и состояния. А сейчас я могу доказать тебе свою преданность. Ты говоришь, что осталась одна. Но тебе незачем оставаться одной! Убедись, насколько ты была неправа, когда сомневалась, что в один прекрасный день я смогу заменить тебе отца и мать.

Подобное предложение, сделанное даже с некоторым опозданием, всегда звучит приятно для слуха женщины, и Элис несколько смягчилась, хотя слова ее оставались столь же суровыми.

— Ты говоришь совсем не так, как человек, жизнь ко-

торого висит на волоске. Куда же ты поведешь меня? В лондонский Тауэр? [1]

— Не думай, что я уж настолько безразличен к себе и не принял достаточных мер предосторожности, — с большим хладнокровием ответил незнакомец. — Отряд храбрых молодцов только и ждет моего сигнала, чтобы раздавить, как червяка, жалкие силы вашего офицера.

— Значит, предположение полковника Говарда было справедливо! Теперь понятно, как неприятельские суда прошли через мели! Ты был их лоцманом!

— Да.

— Что? Неужели ты используешь знания, приобретенные тобой в расцвете невинной юности для того, чтобы принести горе и опустошение на порог тех, кого ты когда-то знал и почитал! Джон, Джон! Неужели образ девушки, которую ты на заре ее юности и невинной красоты как будто любил, так слабо запечатлелся в твоем сердце, что его не смягчают несчастья тех, среди кого она была рождена и кто составляет ее маленький мир?

— Ни один волос их не будет тронут, ни одна соломинка на их крышах не будет сожжена, и даже самый подлый из них может спать спокойно — и все это ради тебя, Элис! Англия начала эту войну с нечистой совестью и окровавленными руками, но сейчас все это будет забыто, хотя именно сейчас у нас есть возможность и сила дать ей испытать нашу месть на ее собственной земле. Нет, не ради этого явился я сюда.

— Зачем же тогда ты, зажмурив глаза, бросился в эту западню, где вся твоя хваленая охрана не выручит тебя? Ибо стоит лишь громко назвать твое имя даже здесь, в темных и унылых коридорах этой уединенной обители, как эхо еще до утра разнесет его далеко кругом и целый народ поднимет оружие, чтобы наказать тебя за дерзость.

[1] Тауэр — крепость-тюрьма в Лондоне.

— Имя мое уже не раз повторялось здесь, и не с любовью, — презрительно ответил лоцман. — Все население дрожало при звуках его, и трусливые негодяи бежали от человека, который был жертвой их несправедливости. Я гордо поднял знамя новой республики на виду у трех королевств, и ни сила их оружия, ни долговременная опытность не могли вырвать его из моих рук. Да, Элис, эхо ваших восточных холмов еще повторяет залпы моих пушек, и это делает мое имя еще более грозным для слуха ваших сонливых иоменов [1].

— Не хвались минутным успехом, — сказала Элис, — ибо наступит день сурового и тяжкого возмездия. И не льсти себя пустой надеждой, что имя твое, которое наводит ужас на честных подданных, способно изгнать мысли о доме, родине и близких из разума всех, кто его слышит. Я сама начинаю сомневаться, не изменяю ли я священному долгу, слушая тебя, вместо того чтобы оповестить всю Англию об угрозах ее преступного сына.

Лоцман, все это время ходивший по комнате, быстро обернулся и, взглянув Элис в лицо, ответил ей мягким тоном человека, который знает, что ему нечего бояться:

— Неужели это Элис Данскомб? Та добрая, великодушная девушка, которую я знавал в юности? Но повторяю: твоя угроза не испугала бы меня, даже если бы ты была способна ее выполнить. Я сказал, что стóит мне дать сигнал — и сюда прибегут люди, которые легко справятся со здешними солдатами.

— Правильно ли ты оценил свои силы, Джон? — спросила Элис, невольно выдавая глубокую заботу о его безопасности. — Учел ли ты, что с восходом солнца может появиться мистер Диллон с отрядом кавалерии? Ни для кого здесь не тайна, что он уехал за подкреплением.

— Диллон! — с удивлением воскликнул лоцман. — Кто это? И почему это он вдруг решил отправиться за этим усилением здешней охраны?

— Не смотри на меня так, Джон, будто хочешь проникнуть во все тайны моего сердца! Не я подсказала ему этот шаг. Неужели ты способен даже подумать, что я могу тебя предать? Но он действительно уехал, и, так как

---

[1] Иомены — средние и зажиточные крестьяне в Англии конца XIV—XVIII веков, основа английского ополчения того времени.

почь на исходе, тебе следует воспользоваться оставшимся часом и всерьез позаботиться о своей безопасности.

— Не бойся за меня, Элис! — гордо ответил лоцман, и слабая улыбка скользнула по его плотно сжатым губам.— Но, по правде говоря, его отъезд мне не нравится. Как ты назвала его? Диллон? Он из фаворитов короля Георга?

— Он, в отличие от тебя, верный подданный своего государя и, хотя родился в восставших колониях, сохранил свою добродетель незапятнанной среди преступлений и искушений нынешних времен.

— Американец! И предатель свобод рода человеческого! Клянусь небом, ему лучше не встречаться со мной, ибо, если он попадется мне в руки, наказание его будет примером для других изменников!

— А разве ты сам не изменник? Разве у тебя даже сейчас, когда ты дышишь воздухом родной страны и бродишь по ней под покровом ночного тумана, нет отчаянного намерения нарушить ее мир и счастье?

Гордость, гнев и негодование заблистали в глазах лоцмана, а железное тело его задрожало от волнения, когда он ответил:

— Можешь ли ты сравнить его подлую и эгоистичную измену, истинная цель которой состоит в том, чтобы возвеличить кучку людей за счет миллионов, с благородным порывом, заставляющим человека бороться в защиту священной свободы? Я мог бы сказать тебе, что я поднял оружие за общее дело моих сограждан и соотечественников, что, хотя нас разделяет океан, все мы дети одного народа и что рука, угнетающая одних, наносит вред и другим. Но я презираю подобные мелочные оправдания. Я был рожден в этой стране и хочу быть ее гражданином. Моя душа не может подчиниться произволу тиранов и наемников, и я готов бороться с угнетением, чьим бы именем оно ни прикрывалось и какими бы пустыми словами оно ни оправдывало свои преступления.

— Ах, Джон, Джон! Хотя слова эти могут плепять мятежный слух, мне они кажутся бредом безумия. Напрасно создаете вы новые системы правления или, скорее, разорения, противные всему тому, что до сих пор почиталось людьми и что приносит им мир и счастье. Чего стоят твои тонкие соображения и ложные доказательства против призывов сердца? Это оно говорит нам, где наш родной дом и как мы должны его любить.

— Ты рассуждаешь, как слабая, подвластная предрассудкам женщина, — более спокойно сказал лоцман, — как женщина, готовая заковать народы в кандалы, которыми скованы вы, женщины, и молодые и старые.

— А какими же более священными или более тесными узами, чем семейные, могут быть соединены люди? — спросила Элис. — Разве не сам бог создал семью и разве народы не берут начало от семьи, как ветви от ствола, пока дерево не раскинет вершину над всей страной? Узы, связывающие человека с его народом, — старинные и священные узы, их нельзя разорвать, не покрыв себя позором.

Лоцман презрительно улыбнулся и, распахнув на груди свой грубый камзол, извлек один за другим несколько предметов, которые с гордостью показал Элис.

— Смотри, Элис! — сказал он. — Это ты называешь позором! Этот широкий пергамент с большой печатью подписан рукой короля Людовика! А этот крест, украшенный драгоценными камнями, — подарок той же царственной руки! Станут ли делать такие подарки людям, покрытым позором? И прилично ли бесчестить именем «шотландского пирата» человека, которого удостаивали своим обществом короли и знатнейшие люди?

— А разве ты не заслужил это прозвище, Джон, своей безжалостностью и злобным нравом? Я могла бы целовать безделушки, которые ты показал мне, будь они в тысячу раз менее прекрасны, но возложены на твою грудь твоим законным государем; теперь же они кажутся мне лишь несмываемым пятном на груди осужденного преступника. Что же касается твоих благодетелей, то я слышала о них: мне кажется, что королева могла бы заниматься более почтенным делом, чем поощрять улыбками неверных подданных других монархов, хотя бы и ее врагов. Один лишь бог знает, когда он отвратит от нее свое лицо и не поднимется ли дух недовольства среди ее собственного народа! Горько будет ей вспомнить тогда, как она сама когда-то поддерживала мятеж!

— То, что прекрасная королева Антуанетта удостоила мои услуги своим августейшим одобрением, для меня не последняя награда, — ответил лоцман с притворной скромностью, хотя затаенная гордость сквозила во всей его позе. — Но не произноси ни слова ей в порицание, ибо ты не знаешь, кого судишь. Она прославлена не только вы-

соким происхождением и положением, сколько добродетелью и красотой. Какая другая женщина в Европе может сравниться с ней? Дочь императора, супруга могущественнейшего из королей, настоящий кумир своего народа, который лежит у ее ног! Воля провидения вознесла ее на высоту вне пределов всех человеческих бедствий.

— Но разве ей не свойственны заблуждения, Джон? И, если ей не дана какая-то не доступная прочим людям чистота, ей еще, быть может, придется испытать на себе карающую десницу того, в чьих глазах весь ее блеск и власть невесомы, как воздух, которым она дышит, и ничтожны в сравнении с его собственным справедливым законом! Однако признайся, Джон, если ты гордишься тем, что был допущен поцеловать подол платья французской королевы, и тем, что был принят в общество высокорожденных придворных дам, разодетых в самые богатые наряды, — признайся хоть самому себе: нашел ли ты среди них такую, чей язык оказался достаточно смелым, чтобы сказать тебе правду, и чье сердце было в истинном согласии с ее устами?

— Разумеется, ни одна из них не осыпала меня теми упреками, какие я сегодня выслушал от Элис Данскомб, встретившись с ней после долгих шести лет разлуки, — ответил лоцман.

— Я высказала тебе святую правду, Джон, и мне очень хочется, чтобы ты прислушался к моим словам, хотя и не привык к подобным разговорам. О! Помни, что женщина, осмелившаяся упрекать человека, чье имя наводит ужас на обитателей берегов этого острова, руководствуется только заботой о твоем вечном спасении.

— Элис, Элис! Ты сводишь меня с ума своими речами! Разве я чудовище, которым пугают беззащитных женщин и беспомощных детей? Что означают эти эпитеты в соединении с моим именем? Неужели ты поверишь подлой клевете, к которой всегда прибегают ваши правители, стараясь подорвать славу тех, кто выступает против них, а особенно тех, кто выступает успешно? Мое имя может наводить страх на офицеров королевского флота, но почему и когда оно стало грозой для беспомощных мирных людей?

Элис украдкой бросила на лоцмана робкий взгляд, который был красноречивее ее слов, и ответила:

— Не знаю, все ли правда в том, что рассказывают о тебе и о твоих поступках. В горечи и печали своей я часто молилась, чтобы в день страшного суда ты не отвечал даже за десятую часть того, в чем тебя обвиняют. Но я давно и хорошо знаю тебя, Джон, и не дай господь, чтобы в эту торжественную минуту, может быть, последнего нашего свидания на этом свете слабость женщины заставила меня забыть о долге христианки. Слыша злобные слова и чудовищные обвинения, нагромождаемые против твоего имени, я часто думала, что люди, говорящие столь опрометчиво, мало знают человека, которого они поносят. Но, хотя временами, или почти всегда, ты бываешь мягок и спокоен, как самое тихое море, по которому тебе доводилось плыть, все же бог наделил тебя кипучими страстями, которые, разыгравшись, подобны южным водам, разбуженным ураганом. Мне трудно сказать, куда эта непостовая душа может завести человека, раздраженного мнимыми обидами, если он уже забыл свою родину и свой дом и внезапно обрел силу, чтобы проявлять свой яростный гнев.

Лоцман слушал ее с глубоким вниманием, и острый взор его, казалось, проникал до самых истоков ее мыслей, которые она не решалась высказать полностью. Тем не менее он вполне владел собой и ответил тоном, в котором было больше печали, чем возмущения:

— Если что-либо может привести меня к твоему миролюбивому и отвергающему сопротивление образу мыслей — это то, что и тебя гнусные языки моих трусливых врагов заставили усомниться в благородстве моего поведения. Что значит слава, если человека можно до такой степени очернить даже перед лицом его ближайших друзей?.. Но хватит этих ребяческих рассуждений! Они недостойны ни меня самого, ни моих трудов, ни священного дела, которому я обещал служить!

— Нет, не отвергай их, Джон, — сказала Элис, бессознательно кладя руку на его плечо. — Они подобны росе для опаленной травы и могут пробудить твои юношеские чувства и смягчить сердце, зачерствевшее скорее из-за дурных привычек, чем из-за низменных побуждений.

— Элис Данскомб, — сказал лоцман, приближаясь к ней с серьезным и торжественным видом, — я многое узнал сегодня, хотя явился сюда совсем не за этим. Ты

показала мне, сколь ядовито дыхание клеветы и сколь трудно сохранить доброе имя. Не менее двадцати раз встречал я наемников твоего короля в открытом бою, мужественно сражаясь под флагом, который впервые был поднят моей рукой и который мне еще ни разу не довелось видеть спустившимся хоть на дюйм. За всю службу я не могу упрекнуть себя ни в одном трусливом или бесчестном поступке. И чем же я вознагражден? Язык гнусного клеветника острее шпаги воина и оставляет неизгладимый шрам.

— Ты никогда не говорил более справедливо, Джон! — промолвила с большим чувством Элис. — Ты сказал, что в двадцати боях рисковал своей драгоценной жизнью. Теперь ты видишь, сколь мало благоприятствует небо участникам мятежа! Говорят, что никогда еще мир не видел более отчаянной и кровавой борьбы, чем эта последняя, гул которой донес имя твое до самых отдаленных уголков нашего острова...

— Оно будет славным везде, где станут говорить о морских битвах! — прервал ее лоцман с гордым волнением, которое начало сменять грусть, появившуюся было на его лице.

— И все же эта неверная слава не убережет имени твоего от бесчестья, и мирские награды победителя не будут равны наградам побежденных. Известно ли тебе, что наш милостивый монарх, считая дело твоего последнего противника священным, осыпал его своими королевскими милостями?

— Да, он посвятил его в рыцари! — с презрительным и горьким смехом воскликнул лоцман. — Что ж, пусть ему снова дадут корабль, а мне другой, и я обещаю ему титул графа, если новое поражение даст ему на это право!

— Не говори так опрометчиво и не хвались, что тебя охраняют какие-то силы. Они могут изменить тебе, Джон, как раз тогда, когда ты в них будешь особенно нуждаться и меньше всего ожидать, что счастье тебе изменит, — возразила Элис. — Бой не всегда выигрывает сильнейший, так же как бег — быстрейший.

— Не забывай, что твои слова имеют двоякий смысл, милая Элис! Действительно, бой не всегда выигрывает сильнейший, зато в беге неукоснительно побеждает быстрейший. Да, да, очень часто трусов спасало от меня

только их проворство! Элис Данскомб, ты не знаешь и тысячной доли тех мучений, которые меня заставляли терпеть высокорожденные негодяи, завидуя заслугам, на которые они не способны, и умаляя славу деяний, которые им недоступны! Меня бросали в океаны, как негодный корабль, которому дают отчаянное поручение, с тем чтобы он сам потом погиб в им же вызванной катастрофе! Сколько коварных сердец ликовало, увидев мои пробитые паруса, в надежде, что они примчат меня к виселице или к могиле на дне морском! Но я их разочаровал! — Взгляд лоцмана, уже не пронизывающий и твердый, теперь горел огнем восторженного экстаза, и он более громко продолжал: — Да, я горько их разочаровал! О, торжество над побежденными врагами ничто по сравнению с радостью, которой наполнилось мое сердце, когда судьба вознесла меня так высоко над этими подлыми и жалкими лицемерами! Я просил, я умолял французов дать мне хотя бы самое плохое судно, лишь бы оно обладало качествами военного корабля. Я доказывал им необходимость такого шага. Но интриги и зависть лишили меня моих законных прав и отняли у меня более половины моей славы. Меня называют пиратом? Если я и заслужил это название, то обязан им скорее скаредности моих друзей, чем моим действиям против неприятеля!

— И разве все это не убеждает тебя возвратиться на путь верности твоему государю и родине, Джон? — глухо спросила Элис.

— Отбрось эту глупую мысль! — воскликнул лоцман, словно опомнившись и укоряя себя за минутную слабость. — Так всегда бывает с людьми, если они выделяются своими деяниями. Но вернемся к твоему визиту, Элис Данскомб! Я могу спасти себя и товарищей из этой нелепой тюрьмы, но ради тебя я хотел бы избежать кровопролития. Не знаешь ли ты средства, как это сделать тихо?

— Когда наступит утро, вас отведут в комнату, где мы впервые увиделись. Это будет сделано по просьбе мисс Говард. Она скажет, что ею движут жалость и сострадание к вам и что ей хочется выведать действительное ваше положение. Ей не откажут в такой просьбе. И, в то время как стража останется за дверью, вас проведут через другую дверь в покои того же крыла, откуда через окно вам легко будет выпрыгнуть на землю, где растет кустарник,

А дальше мы доверим вашу безопасность вашему собственному благоразумию.

— А если этот Диллон, о котором ты говорила, подозревает правду, как ты ответишь перед законом за то, что помогла нашему бегству?

— Я думаю, он не знает, кто находится среди задержанных,— задумчиво ответила Элис, — хотя, возможно, одного из твоих товарищей он узнал. Но им движет личное чувство, а не общественный долг.

— Я это подозревал, — ответил лоцман с улыбкой, которая скользнула по его лицу, еще так недавно отражавшему борьбу неукротимых страстей. Эту улыбку можно было бы сравнить с пламенем пожара, которое, затихая, вспыхнуло, чтобы в последний раз осветить окружающие развалины. — Этот молодой Гриффит своей безрассудной опрометчивостью свел меня с прямого пути, и будет справедливо, если его возлюбленная пойдет ради него на некоторый риск. Но от тебя нельзя этого требовать, Элис! Ты лишь гостья в их доме, и не нужно тебе быть замешанной в этом злополучном деле. Если мое имя станет известно этому американскому отступнику, полковнику Говарду, понадобится вся благосклонность короля, которую он купил, отстаивая дело тирании, чтобы защитить себя от взбешенных министров.

— Я боюсь доверить столь тонкое дело моей юной приятельнице, — проговорила Элис, покачивая головой.

— Помни, она может сослаться на свою привязанность. А ты разве можешь сказать всему миру, что все еще с добрыми чувствами вспоминаешь человека, которого сама клеймила такими позорящими словами?

Легкий румянец покрыл щеки Элис Дапскомб, и она чуть слышно ответила:

— Больше нет надобности оповещать мир об этой слабости, хотя она действительно существовала. — Затем румянец исчез, и лицо ее стало мертвенно-бледным, а глаза заблистали необычным огнем. — У меня можно взять только жизнь, Джон, — добавила она, — и ради тебя я готова ею пожертвовать!

— Элис! — воскликнул тронутый лоцман. — Моя добрая, милая Элис!

В этот критический миг в дверь постучал часовой и, не дожидаясь ответа, поспешно вошел в комнату. Он заявил, что Элис должна тотчас же уйти. Элис и лоцман,

которым хотелось точнее договориться о подробностях предполагаемого бегства, запротестовали, но солдат, опасаясь наказания, остался непоколебим, и страх, что ее здесь обнаружат, заставил Элис уйти. Она встала и медленными шагами направилась было к двери, когда лоцман, дотронувшись до ее руки, выразительно прошептал:

— Элис, мы еще увидимся, прежде чем я навсегда покину этот остров.

— Мы увидимся утром, Джон, — тоже шепотом ответила она, — в комнате мисс Говард.

Он отпустил ее руку, и Элис выскользнула из комнаты, а нетерпеливый часовой сейчас же затворил дверь и молча повернул ключ в замке.

Лоцман остановился, прислушиваясь к их шагам, а когда все стихло, снова начал ходить взад и вперед по комнате, время от времени останавливаясь, чтобы взглянуть на несущиеся по небу облака и стонущие дубы, огромные ветви которых дрожали и качались под порывами ветра.

Через несколько минут буря страстей в его душе сменилась обычным для него спокойствием неустрашимого человека.

Он снова сел там, где застала его Элис, и начал размышлять над событиями разных времен, а затем, по обыкновению, перешел к обдумыванию новых смелых и широких планов, всегда легко зарождавшихся в его неутомимо деятельном уме.

Глава XV

Ну, резону у меня, может, и нет, но других оснований предостаточно.

Шекспир, «Двенадцатая ночь»

На лице капитана Борроуклифа, когда часовой ввел его в комнату третьего арестанта, было выражение того полусознания, когда особенно пытливый взгляд чередуется со взглядом пустым — в такую минуту человеческое лицо очень похоже на апрельский день, то ясный и приветли-

вый, то облачный и мрачный. Важный и торжественный вид, с каким капитан приступил к делу, свидетельствовал о том, что этот неожиданный визит имел совершенно определенную цель. Величественным жестом Борроуклиф приказал часовому удалиться и, пока солдат затворял дверь, оставался на месте, покачиваясь из стороны в сторону и с напряжением нетрезвого человека прислушиваясь к скрипу двери. При этом он устремлял на то место, откуда доносился звук, тот глубокомысленный взгляд, который у многих людей скрывает отсутствие мыслей. Убедившись, что его уже никто не потревожит, он быстро, по-военному повернулся кругом, дабы встретиться лицом к лицу с тем, кого искал. Гриффита, как мы знаем, нашли погруженным в сон — правда, беспокойный и настороженный. Лоцман спокойно ждал посещения, которое он, по-видимому, считал несомненным. Но их товарищ — не кто иной, как командир отряда морской пехоты капитан Мануэль — пребывал в совершенно ином состоянии. Хотя ночь была холодная и бурная, он, сбросив с себя камзол и бо́льшую часть маскировки, с унылым видом сидел на одеяле, одной рукой вытирая катившиеся по лбу крупные капли пота, а другой то и дело судорожным, машинальным движением хватаясь за горло. Мануэль бессмысленно уставился на вошедшего и хотя почти не изменил своих занятий, но стал более усердно прикладывать ко лбу носовой платок да чаще хвататься за шею, как бы желая убедиться на опыте, какое давление она может выдержать без чрезмерного неудобства.

— Приветствую вас, друг! — сказал Борроуклиф, нетвердым шагом приближаясь к арестованному и без церемонии усаживаясь подле него. — Приветствую вас, друг! Неужели королевство находится в такой опасности, что джентльмены бродят по острову в мундире полка incognitus, incognitii, 'torum... [1] Черт побери, я совсем позабыл латынь! Скажите, мой друг, вы не из числа этих torum?

Мануэль дышал тяжело, чего и следовало ожидать, после того как он с такой силой хватался за горло. Но, отбросив свои предчувствия, он ответил с большей горячностью, чем того требовали благоразумие или сложившиеся обстоятельства:

---

[1] Incognitus (лат.) — неизвестный. Борроуклиф склоняет это слово, и получается игра слов.

— Говорите про меня все, что хотите, и обращайтесь со мной, как вам угодно, но я не желаю, чтобы меня называли тори! [1]

— А, значит, вы не torum! Что ж... видно, военное министерство ввело новую форму. Ваш полк, должно быть, заслужил эти нашивки, штурмуя какую-нибудь плавучую батарею? А то, быть может, вы служили в морской пехоте? Ну как, я прав?

— Ваша правда, — более решительно ответил Мануэль. — Я два года прослужил в морской пехоте, а до этого я служил...

— ...в сухопутных частях, — подсказал Борроуклиф, весьма кстати перебив Мануэля, чуть было не признавшегося, в какой армии он служил. — Я и сам когда-то нес «собачью вахту» на корабле эскадры милорда Гоу [2], но такой службе, право, не позавидуешь. На дневной поверке было чертовски трудно стоять, потому что после обеда, вы сами понимаете, человеку нужна твердая земля. Однако на перепавшие мне призовые деньги [3] я купил командование ротой и теперь с удовольствием вспоминаю службу в морской пехоте. Нашу беседу, я полагаю, следует размочить. У меня в кармане есть бутылочка искристой мадеры да пара бокалов. Разопьем-ка ее да потолкуем о более важных делах! Засуньте руку в мой задний карман. Я так привык равняться по фронту, что мне самому уже трудно повернуться.

Мануэль, которому было неясно, что означают все эти шуточки капитана, последнюю его просьбу понял с первого слова и тут же с большой ловкостью вытащил из кармана собеседника одну из запыленных бутылок полковника Говарда. Борроуклиф достал бокалы и, по всем правилам науки выбив из бутылки пробку, передал своему пленнику бокал вина. Ни тот, ни другой не произнесли при этом ни слова. Оба джентльмена единым духом осушили свои бокалы и прищелкнули языком так, что звуки эти

---

[1] Тори — английская реакционная партия, возникшая в конце 70-х — начале 80-х годов XVII века. Выражала интересы крупных землевладельцев и высшего духовенства англиканской церкви.

[2] Гоу Ричард (1726—1799) — английский адмирал.

[3] Призовые деньги — доля, которую получала команда корабля из стоимости захваченного вражеского судна. В Англии того времени патенты на офицерские чины и должности продавались за деньги.

напомнили пистолетные выстрелы завзятых дуэлистов, хотя и не были столь тревожными и грозными. А затем хозяин возобновил прерванную беседу.

— Люблю, когда бутылка заплесневела и покрыта пылью с паутиной: это верный признак, что содержимое великолепно, — сказал он. — Такое вино не застаивается в желудке, оно идет прямо к сердцу и тотчас превращается в кровь. Но как быстро я вас узнал! Еще бы — ведь мы собратья по ремеслу! Я сразу угадал, что́ вы за человек, как только увидел вас в нашем караульном помещении. Но я решил доставить удовольствие старому воину, хозяину этого дома, позволив ему, из уважения к его старости и бывшему чину, провести допрос. Я узнал вас, как только увидел. Я встречал вас прежде!

Теория Борроуклифа насчет превращения вина в кровь, по-видимому, полностью оправдалась на примере командира морских пехотинцев. Пока он и капитан пили мадеру, а это, как читатель легко поверит, продолжалось, пока в бутылке оставалась хоть капля вина, с пленником происходила некая чудесная перемена. Пот больше не катился с его лба, а неприятное ощущение в горле исчезло. Поэтому он перестал судорожно хвататься за горло. На лице его появилось выражение холодного и пытливого интереса, который в какой-то степени был естественным для его положения.

— Весьма возможно, что мы и встречались прежде, потому что я служу давно. Тем не менее я не знаю, где вы могли меня видеть, — сказал Мануэль. — Случалось ли вам попадать в плен?

— Хм! Нет, такого несчастья со мной, собственно, не случалось, но я был, так сказать, отпущен на честное слово. Я разделял лишения, славу, сомнительные победы нашей армии, когда мы убивали и обращали в бегство бесчисленных мятежников — а кого только не считали ими! — и, о горе, капитуляцию Бургойна. Но что об этом говорить? Оставим янки в покое! Вы не догадываетесь, где я вас видел? Я видел вас на смотру, в бою, на отдыхе, в лагере, в казарме — одним словом, везде, но только не в гостиной. Да, да, до нынешнего вечера в гостиной я вас не встречал!

Мануэль с удивлением и беспокойством слушал эти уверения, которые, казалось, сулили подвергнуть его жизнь немалой опасности, и надо предположить, что сжа-

тие у него в горле возобновилось, ибо он сделал большой глоток и лишь после этого спросил:

— Вы готовы поклясться? Можете ли вы назвать мое имя?

— Готов присягнуть перед любым христианским судом, — решительно ответил Борроуклиф, — вас зовут... вас зовут... Фаглмен.

— Будь я проклят, если это так! — тотчас же радостно воскликнул Мануэль.

— Не клянитесь! — с торжественным видом остановил его Борроуклиф. — Ибо что значит любое имя? Называйте себя как хотите — все равно я вас узнал. На мужественном лице вашем написано, что вы солдат и колени ваши не дрожат. Сомневаюсь даже, сгибаются ли эти мятежные части тела для молитвы...

— Послушайте, сэр, — сурово прервал его Мануэль, — полно забавляться пустяками! Скажите, чего вы хотите? «Мятежные колени»! Скоро даже небо над Америкой будут называть мятежным небом!

— Мне нравится ваша горячность, приятель, — спокойно отозвался Борроуклиф. — Она так же идет солдату, как его шарф и нагрудник. Но на старого вояку она не производит впечатления. Удивляюсь, однако, чего это вы так взъерепенились при столь слабой атаке на вашу веру? Боюсь, крепость ваша довольно слаба, если ее передовые укрепления защищаются с излишней отвагой!

— Я не знаю, почему и для чего вы пожаловали ко мне, капитан Борроуклиф, если по чину вы действительно капитан и фамилия ваша Борроуклиф, — осторожно сказал Мануэль. Он сообразил, что следует разведать мысли собеседника, прежде чем открывать свои. — Зато я хорошо знаю, что вы поступаете недостойно солдата и мужчины, если пришли только посмеяться надо мной в моем нынешнем положении. При других обстоятельствах это могло бы привести к неприятностям.

— Хм! — с тем же непоколебимым хладнокровием повторил капитан. — Вы, я вижу, не ставите ни во что это вино, хотя сам король не пивал лучшего по той простой причине, что солнце Англии не может проникнуть сквозь стены Виндзорского дворца с той же легкостью, с какой солнце Каролины нагревает покрытую кедровым гонтом мансарду. Но мне все больше и больше по душе ваш нрав. Итак, приведите себя в боевую готовность, и давайте еще

раз атакуем эту черную бутылку, а затем я открою вам весь план моей кампании.

Мануэль внимательно посмотрел на своего компаньона и, убедившись, что лицо его не выражает ничего, кроме желания хитрить, быстро уступавшего место тупому опьянению, спокойно исполнил приказание капитана.

Когда вино было выпито, Борроуклиф повел переговоры более прямо:

— Вы солдат, и я солдат. Даже мой денщик мог бы сказать, что вы солдат, ибо этот пес тоже бывал в походах и нюхал мерзкий порох, к которому, как того требует чье-то дьявольское изобретение, что-то примешивают. Но только офицер мог распознать в вас офицера. Рядовые не носят такого белья — по правде говоря, довольно холодного для этой погоды, — не бывает у них и бархатных галстуков с серебряными пряжками, а их волосы не распространяют запаха душистой помады. Одним словом, вы не простой солдат, вы офицер.

— Правильно, — сказал Мануэль. — У меня чин капитана, и надеюсь, со мной будут обращаться соответствующим образом.

— Мне кажется, что вино, которым я вас угостил, годится и для генерала, — ответил Борроуклиф. — Впрочем, не будем об этом спорить. Даже людям, умственные способности которых никогда не проясняются при помощи таких средств, какими изобилует этот дом, было бы ясно, что, коль скоро офицеры разгуливают по острову, одетые в мундир incognitorum, что в данном случае соответствует морской пехоте, значит, предстоят какие-то события. Солдаты должны быть верны, во-первых, своему королю, во-вторых, военному начальству и, далее, женщинам и вину. О войне тут ничего не слыхать, женщин множество, а что касается вина, то, к сожалению, хорошее вино стало редкостью, да оно и дорого. Понятно я говорю, приятель?

— Продолжайте, — сказал Мануэль, не сводя глаз с капитана и внимательно прислушиваясь к каждому его слову, чтобы понять, разгадал ли Борроуклиф в нем американца.

— En avant! На простом английском языке — вперед, марш! Итак, значит, выбирать нужно между женщинами и вином. Выбирать между первыми, когда они хорошенькие, и вторым, когда оно вкусное, очень приятно. Но вы не вина ищете, я думаю, мой друг капитан, иначе вы не

пустились бы в путь в таком неряшливом виде. Извините меня, но кому придет в голову поставить перед человеком в измазанных дегтем штанах что-либо лучше портвейна? Нет, даже не портвейн! Голландская водка, зелено-желтая голландская водка, — вот напиток, который вы можете надеяться получить в вашем нынешнем одеянии.

— И все же мне удалось встретиться с человеком, который угостил меня вином с южных склонов гор Мадейры.

— А, так вы знаете даже, с каких склонов эта драгоценная влага! Что ж, это еще больше говорит в пользу вина. Но дело все-таки в женщине, милой, капризной женщине, которой кажется героем сегодня солдат в мундире, а завтра — святой в сутане. Коли мужчина приударит за ней, женщине все равно, одет ли он в рогожу или бархат. Женщина — вот причина вашего таинственного маскарада! Прав я, приятель?

К этому времени Мануэль понял, что жизни его ничто не угрожает, и стал оживленно поддерживать разговор, на что раньше был совершенно не способен из-за непорядка в горле. Хитро подмигнув собеседнику и бросив на него лукавый взгляд, достойный, пожалуй, самого́ мудрого Соломона, он ответил:

— Ах, дело, конечно, не обойдется без женщины!

— Я так и знал! — воскликнул Борроуклиф. — Ваше признание только подтверждает мое доброе мнение о самом себе. Если его величество имеет особое желание поскорее закончить американскую кампанию, пусть он сожжет некую конвенцию, повысит в должности некое лицо, которое не станем называть, и тогда мы посмотрим! Но скажите мне правду: разговор идет о священном браке или это одни только амуры?

— О самой настоящей свадьбе! — ответил Мануэль с таким серьезным видом, словно он уже пребывал в узах Гименея.

— Честно? А есть ли у нее деньги?

— Деньги? — с некоторым возмущением повторил Мануэль. — Разве солдат расстанется со свободой раньше, чем с жизнью, если цепи будут не из золота?

— Вот это настоящая точка зрения воина! — вскричал Борроуклиф. — Ей-богу, я вижу, в вашем полку не такие уж дураки! Но к чему этот маскарад? Может быть, «старшие» неумолимы и могущественны? К чему этот маскарад, спрашиваю я?

— К чему маскарад? — повторил Мануэль. — Да разве настоящая любовь обходится без маскарада в вашем полку? У нас это обычный признак такого заболевания.

— Вот самое точное и самое скромное описание любовной страсти, мой земноводный товарищ! — воскликнул английский офицер. — И все же в вашем случае болезнь сопровождается очень неприятными явлениями. Неужто возлюбленная ваша любит запах дегтя?

— Нет, но она любит меня. И, конечно, рада меня видеть в любом костюме.

— Снова скромно и мудро! И все же — только явный маневр, чтобы уклониться от моей атаки. Вам известно такое место к северу отсюда, как Гретна Грин [1], мой земноводный друг?

— Гретна Грин? — повторил Мануэль, слегка встревоженный своим незнанием. — Место смотров, я полагаю?

— Да, для тех, кто страдает от стрел господина Купидона. Место смотров! Искусно вы притворяетесь! Ну, да старого вояку вам не провести. Нелегко запираться перед старым солдатом, береговая батарея! А теперь слушайте и отвечайте — вы увидите, что значит обладать проницательностью, — поэтому ничего не отрицайте. Вы влюблены!

— Я ничего не отрицаю, — сказал Мануэль, тотчас сообразив, что такой путь лучше всего.

— Возлюбленная ждет вас, и деньги есть, но старики говорят: «Стоп!»

— Я молчу.

— Правильно. Вы говорите себе: «Вперед на Гретна Грин!» А бежать вы намерены водным путем.

— Если мне не уйти водным путем, я пропал! — подтвердил Мануэль, снова хватаясь рукой за горло.

— Молчите! Можете ничего мне не объяснять. Сегодня я способен разгадывать тайны, глубокие, как колодец. Ваши спутники — люди наемные. Может быть, они ваши товарищи по службе или выполняют обязанности лоцманов в этой экспедиции.

— Один из них служит вместе со мной на корабле, а другой — наш лоцман, — совершенно правдиво ответил Мануэль.

---

[1] Гретна Грин — деревня в Шотландии, у самой границы с Англией. По шотландским обычаям, бракосочетание можно было совершить без всяких формальностей, и, в частности, без разрешения родителей.

— Вы славно снаряжены! Еще один вопрос, потом я замолчу. Предмет ваших поисков находится в этом доме?

— Нет. Но это близко отсюда, и я был бы счастлив, если бы мне удалось...

— ...взглянуть на нее. Теперь слушайте внимательно, и ваше желание сбудется. Вы еще крепко держитесь на ногах, а это в такую позднюю пору достойно уважения. Откройте-ка окно. Можете вы спуститься через него на землю?

Мануэль поспешил воспользоваться предложением, но отошел от окна с недовольным видом:

— Прыгать отсюда — верная смерть. Это дьяволу впору!

— Так я и думал, — сухо подтвердил Борроуклиф. — Вам придется остаток своей жизни прослыть здесь за этого почтенного джентльмена, ибо только через эту дыру вы можете вылететь на крыльях вашей любви.

— Но как? Это ведь невозможно!

— Вам это лишь кажется. Ваше появление вызвало в доме суматоху и пробудило глупые опасения и пустое любопытство у некоторых его обитателей. Они боятся мятежников, но ведь мы-то с вами отлично знаем, что у них и дома-то солдат не хватает, так как же они могут посылать их еще сюда? Вы хотите добраться до теплого уголка, а я хочу услужить собрату в беде. Пусть думают, что вы убежали через окно, — неважно, каким образом. А на самом деле вы пройдете со мной мимо часового и удалитесь мирно, как любой смертный, на своих двух крепких ногах.

Такое окончание их дружеской, хотя и странной беседы превзошло все ожидания Мануэля. Едва услышав эти слова, он поспешно накинул на себя всю одежду, которая раньше так тяготила его, и быстрее, нежели мы успели рассказать, уже был готов отправиться в путь. Тем временем и капитан Борроуклиф поднялся до вертикального положения, которое он затем сохранял как человек строгой дисциплины. Твердо став на ноги, он знаком предложил пленнику идти вперед. Мануэль тотчас отворил дверь и оба вышли в коридор.

— Кто идет? — крикнул часовой, удвоивший теперь бдительность и старательность, дабы искупить прежнее пренебрежение к своим обязанностям.

— Идите прямо, пусть он вас видит! — с философским спокойствием произнес Борроуклиф.

— Кто идет? — повторил часовой, вскинув мушкет на изготовку с шумом, который разнесся по всему коридору.

— Идите зигзагами, — посоветовал Борроуклиф, — чтобы он промахнулся, если выстрелит.

— Нас еще застрелят из-за этих глупостей, — пробормотал Мануэль. — Свои! — крикнул он часовому. — Со мной идет твой офицер.

— Стой! — крикнул часовой. — Пусть офицер выйдет вперед и назовет пароль.

— Это гораздо легче сказать, чем сделать, — возразил Борроуклиф. — Вперед, мистер земноводный, вы ходите не хуже почтальона! Выходите вперед и произнесите волшебное слово «Верность». Это постоянный пароль в здешнем доме, он был введен еще до меня любезным хозяином, полковником. Тогда ваш путь будет свободен...

Мануэль ступил было на шаг вперед, но затем, опомнившись, повернулся и спросил:

— А как же мои помощники, моряки? Я не могу обойтись без них.

— Правильно! Ключи вставлены в двери их комнат, чтобы я мог войти, — ответил англичанин. — Поверните их и выводите ваши войска!

Мануэль вмиг очутился в комнате Гриффита, быстро объяснил ему положение вещей, затем выбежал в коридор и таким же образом проник в комнату лоцмана.

— Ступайте за мной и ведите себя, как обычно, — прошептал он. — Не говорите ни слова и доверьте все мне.

Лоцман встал и, не задав ни одного вопроса, хладнокровно, как всегда, подчинился этим указаниям.

— Теперь я готов, — сказал Мануэль, когда они все трое подошли к Борроуклифу.

В этот короткий промежуток времени часовой и капитан стояли неподвижно и «ели» глазами друг друга, как того требует строгая воинская дисциплина. Первый старался показать свою бдительность, а второй ожидал возвращения командира морской пехоты. Теперь капитан велел Мануэлю пройти вперед и произнести пароль.

— Верность, — прошептал Мануэль, приблизившись к часовому.

Но у часового было время подумать, и так как он хорошо видел, в каком состоянии находится его офицер, то не решался пропустить арестованных.

— Подойдите, друзья, — после минутной нерешитель-

ности сказал он. Но, как только они подошли к нему, он загородил им дорогу штыком и продолжал: — Арестованные назвали пароль, капитан Борроуклиф, но я не решаюсь их пропустить.

— Почему? — спросил капитан. — Разве здесь нет меня, дурак? Ты что, своего офицера не знаешь?

— Нет, сэр, я знаю вашу честь и очень вас уважаю, но меня поставил здесь сержант и приказал ни в коем случае не пропускать этих людей.

— Вот это я называю хорошей дисциплиной! — воскликнул Борроуклиф с довольным смехом. — Я знал, что парень послушается меня не больше, чем получив приказание от этого фонаря. Скажите, мой земноводный друг, ваши солдаты так же славно обучены?

— Что за глупые шутки? — сурово спросил лоцман.

— А я-то думал, что настала моя очередь посмеяться над вами! — вскричал Мануэль, делая вид, что разделяет веселье капитана. — Мы все это тоже хорошо знаем и применяем в наших частях... Однако, если часовой не слушается вас, послушается сержант. Позовите его, и пусть он прикажет часовому пропустить нас.

— Я вижу, у вас опять неладно с горлом, — сказал Борроуклиф. — Вам, наверно, хочется глотнуть еще благородного напитка. Будет сделано!.. Часовой, отвори-ка окно и кликни сержанта!

— Это нас погубит! — шепнул лоцман Гриффиту.

— Делайте то же, что я! — ответил молодой моряк.

Часовой повернулся выполнить распоряжение капитана, но Гриффит, ринувшись вперед, мгновенно выхватил у него из рук мушкет. Тяжелый удар прикладом сбил с ног изумленного солдата. Взяв мушкет на изготовку, Гриффит воскликнул:

— Вперед! Теперь мы можем пробить себе до́рогу!

— Вперед! — повторил лоцман, перепрыгивая через распростертого на полу солдата, с кинжалом в одной руке и пистолетом — в другой.

Еще миг — и Мануэль, вооруженный точно таким же образом, очутился рядом с ним, и все трое быстро покинули здание, не встретив никакой помехи своему бегству.

Борроуклиф был совершенно не в состоянии преследовать беглецов. Он так опешил от неожиданности, что прошли минуты, прежде чем он снова обрел дар речи, редко его покидавший. Солдат тоже пришел в себя и поднялся

— Вперед! — повторил лоцман, перепрыгивая через распростертого на полу солдата.

на ноги. Они долго стояли, глядя друг на друга с молчаливым сочувствием.

— Не ударить ли нам тревогу, ваша честь? — спросил наконец часовой.

— Не стоит, Питерс! Эта морская пехота не знает, что такое благодарность и хорошее воспитание.

— Надеюсь, ваша честь будет помнить, что я выполнял свой долг и был обезоружен при исполнении приказания.

— Я ничего не помню, Питерс, кроме того, что с нами обошлись гнусно. Я еще заставлю земноводного джентльмена за это расплатиться! Запри двери и делай вид, будто ничего не случилось...

— Это не так легко, как вы изволите думать, ваша честь. На спине и плечах у меня отпечатался замок мушкета. Эти следы будут ясно видны.

— Так смотри на них, если тебе хочется, но молчи, дурак! Вот тебе крона на пластырь. Я слышал, как этот пес бросил твой мушкет на лестнице. Поди подбери его и возвращайся на свой пост. А когда придут тебя сменять, веди себя так, будто ничего не случилось. Я все беру на себя.

Солдат выполнил приказание, и, когда он снова был вооружен, Борроуклиф, в значительной мере отрезвевший после этого неожиданного приключения, проследовал в свою комнату, бормоча ругательства и проклятия по адресу всей морской пехоты, которую он назвал «земноводными тварями».

Глава XVI

Гляди, взлетели куропатки стаей!
Спустить собак, и сокол пусть летит!
Лихой погоне я отдам досуг,
С меня довольно сонного покоя.

Капитан Борроуклиф провел остаток ночи в тяжелом сне, какой обычно следует за опьянением, и пробудился на следующее утро только с приходом слуги. Капитан сел на постели, протер, как водится, глаза и, повернувшись с суровым видом к слуге, сказал ему таким сердитым тоном, будто хотел обвинить именно его в том проступке, который собирался осудить:

— Что это значит, дурак? Я ведь приказал сержанту Дриллу, чтобы не смели бить в барабан, покуда мы живем под гостеприимным кровом старого полковника! Он не желает меня слушаться? Или он находит, что разносящаяся по коридорам барабанная дробь — музыка, очень подходящая для того, чтобы беречь сон здешних обитателей?

— Я думаю, сэр, — ответил слуга, — что нынче полковник Говард отдал распоряжение сержанту бить тревогу.

— Черт побери! Я вижу, старику нравится время от времени щекотать свои уши знакомыми звуками. Однако не производит ли он вместе с парадом стражи смотр своего скотного двора? Я слышу такой топот копыт, словно старый монастырь превратился в Ноев ковчег [1] и все звери с полей направляются к нам!

— Это всего лишь отряд драгун. Они въезжают во двор, и сам полковник пошел их встречать.

— Во двор? Отряд драгун? — удивленно повторил Борроуклиф. — Неужели старик считает, что моих двадцати молодцов недостаточно для защиты от привидений и северо-восточных штормов такого воронье гнезда, как этот старый монастырь? К чему нам эта кавалерия? Хм!.. Наверно, джентльмены в ботфортах прослышали о королевской мадере.

— О нет, сэр! — воскликнул слуга. — Это отряд, за которым ночью ездил мистер Диллон, после того как вы, сэр, решили заковать трех пиратов в кандалы.

— Ппратов? В кандалы? — повторил Борроуклиф, снова протирая глаза, но теперь уже с более задумчивым видом. — Да, припоминаю, что посадил трех подозрительных бродяг под замок. Но какое дело мистеру Диллону или драгунам до моих молодцов?

— Не знаю, сэр. Но внизу говорят, сэр, будто они не то заговорщики и мятежники из колоний, не то переодетые генералы и тори. И говорят даже, что один из них — сам генерал Вашингтон. А может, это члены парламента янки, приехавшие перенимать наши добрые английские обычаи...

— Вашингтон! Члены парламента!.. Ступай, простофиля, узнай, сколько народу в этом драгунском отряде и надолго ли они сюда пожаловали... Стой! Сначала подай мне

---

[1] Согласно библейской легенде, во время «всемирного потопа» погибло все человечество, кроме спасшихся в ковчеге Ноя и его семьи; там нашли также приют звери и птицы.

одеться... А теперь отправляйся, как я приказал тебе, и, если драгунский офицер про меня спросит, передай ему поклон и скажи, что я сейчас приду. Ступай, ступай!

Когда слуга вышел из комнаты, капитан занялся своим туалетом, рассуждая вслух обо всем, что приходило ему на ум:

— Ставлю мое жалованье против половинного жалованья прапорщика, что кто-то из этих бездельников, которым нужны четвероногие, чтобы поспеть к месту боя, пропюхал о каролинском вине! Каролинское вино! А этого земноводного офицера я вызову для объяснения через публикацию в лондонской газете. Если он честный малый, то не будет скрываться под своим инкогнито и встретится со мной. Если же из этого ничего не выйдет, тогда я, черт побери, поеду прямо в Ярмут и брошу вызов первому же попавшемуся из этого ублюдочного рода! Проклятие! Видано ли, чтобы офицеру и джентльмену было нанесено подобное оскорбление? Только бы мне узнать его фамилию! Если эта история получит огласку, я буду всеобщим посмешищем до тех пор, пока не найдется дурак почище меня. Чтобы избавиться от издевательств, мне придется биться по крайней мере на пяти дуэлях... Нет, нет, я не заикнусь в моем полку об этом глупом деле, но отплачу какому-нибудь офицеру морской пехоты — так будет более справедливо. Только бы этот негодяй Питерс не проболтался о том, как ему намяли бока его же мушкетом! И я даже не могу выпороть его... Но, если я не расправлюсь с ним при первом же случае, значит, я не знаю, как сводить полковые счеты.

К тому времени, как офицер закончил этот монолог, дающий представление о ходе его мыслей, он уже был готов спуститься во двор и лично встретить новоприбывших, как того требовал долг. У главного входа Борроуклиф нашел своего хозяина за серьезной беседой с молодым человеком в мундире кавалериста.

— Доброе утро, мой почтенный страж и защитник! — приветливо обратился к нему полковник. — У меня есть удивительные новости для вашего верноподданнического слуха: наши арестованные — по-видимому, переодетые враги короля! Капитан Борроуклиф, позвольте мне представить вам мистера Фитцджералда из*** полка легких драгун. — И, пока оба офицера раскланивались, старик продолжал: — Корнет был так любезен, что прибыл сюда

со своим отрядом сопровождать этих негодяев в Лондон или в другой город, где найдется достаточно храбрых и верных офицеров, чтобы составить военный суд и приговорить их к казни как шпионов. Кристофер Диллон, мой достойный родственник Кит, с первого взгляда разгадал, кто они, в то время как вы и я, словно доверчивые юнцы, думали, что этих негодяев можно завербовать на королевскую службу. Но у Кита такой глаз и такая голова, какими немногие могут похвалиться. Вот кому бы заседать в английском суде!

— Это очень желательно, сэр, — сказал Борроуклиф с серьезным видом, вызванным главным образом желанием придать силу своему сарказму, а также воспоминаниями о ночном происшествии, которое еще предстояло объяснить. — Но на каком основании мистер Кристофер Диллон считает, что эти трп моряка совсем не те, за кого они себя выдают?

— Не знаю, но, клянусь жизнью, основания у него достаточно веские! — воскликнул полковник. — Кит мастер находить основания, ведь это главное в его профессии, и он мужественно изложит свои соображения в надлежащем месте. Но вам известно, джентльмены, что юристы не всегда могут говорить так открыто и отважно, как подобает солдату, если не желают нанести вред делу, которым они занялись. Нет, нет, поверьте мне, у Кита есть свои основания, и со временем он их укажет!

— Значит, — беспечно сказал капитан, — мы не напрасно приставили к ним такую надежную охрану, полковник Говард. Вы как будто говорили мне, что окна находятся на такой высоте, что бежать через них нельзя? Поэтому я и не поставил наружного караула.

— Не беспокойтесь, мой почтенный друг! — воскликнул хозяин. — Если ваши люди не заснули на посту, значит, пленники на месте. Но, так как необходимо отправить их отсюда, прежде чем ими завладеют гражданские власти, пойдем сейчас же в задний флигель и выпустим этих собак из будок. Покуда мы будем завтракать, часть кавалеристов препроводит их в тюрьму. Не следует отдавать их в руки гражданских властей, которые редко способны оценить истинный характер преступления.

— Извините меня, сэр, — заговорил молодой кавалерийский офицер. — Со слов мистера Диллона я полагал, что нам предстоит встретить здесь небольшие вражеские

силы и что у меня будет более приятное дело, чем выполнять обязанности констебля. Кроме того, сэр, законы нашего государства гарантируют каждому право быть судимым равными себе людьми, и я ни в коем случае не возьмусь вести этих людей в тюрьму, покуда они не побывают у судьи.

— То, что вы сейчас говорите, относится только к верным и покорным подданным, — ответил полковник, — но на врагов эти привилегии не распространяются.

— Сначала нужно доказать, что они изменники, а потом уж наказывать их по заслугам, — решительно возразил молодой человек (он всего лишь год назад окончил курс юридических наук). — Единственное, на что я соглашусь, — это доставить их в полной сохранности в суд.

— Пойдем навестим арестованных! — вмешался Борроуклиф, чтобы положить конец спору, который уже становился резким и был, как он знал, совершенно бесполезен. — Может быть, они добровольно пойдут служить под знамена нашего государя, и тогда, к счастью, не понадобится никаких мер, кроме разве обычной дисциплины.

— Конечно, если только подобный шаг для них возможен, — подтвердил корнет, — я буду очень рад разрешить вопрос таким образом. Надеюсь, капитан Борроуклиф согласится со мной, что у драгун есть кое-какие заслуги в этом деле, а у нас во втором эскадроне как раз не хватает людей.

— Мы легко сговоримся, — сказал капитан. — Каждый из нас возьмет одного, а судьбу третьего решит подброшенная в воздух гинея... Сержант! Следуй за нами, чтобы сдать арестованных и снять с поста часового.

Когда они направились к заднему флигелю, полковник Говард, который пошел вместе с ними, сказал:

— Я не сомневаюсь в проницательности капитана Борроуклифа, но, насколько мне известно, мистер Кристофер Диллон предполагает, что по крайней мере один из этих людей не простой солдат. И в этом случае ваши планы могут рухнуть.

— А за кого он принимает этого джентльмена? — спросил Борроуклиф. — За переодетого Бурбона[1] или,

---

[1] Династии Бурбонов в то время царствовали в нескольких европейских государствах, в том числе во Франции и в Испании, воевавших с Англией во времена, описанные в «Лоцмане».

может быть, за тайного представителя мятежного конгресса?

— Нет, нет, больше он ничего не сказал. Мой родственник Кит умеет держать язык за зубами, пока миледи Юстиция не приготовит свои весы. Есть люди, про которых можно сказать, что они рождены быть солдатами. Таков граф Корнваллийский, который так успешно теснит мятежников в обеих Каролинах. Другим сама природа велела быть святыми на земле, как, например, их высокопреосвященства архиепископы Йоркский и Кентерберийский. И есть люди, которые на все смотрят глазами пытливыми, беспристрастными и бескорыстными. К таким, могу я сказать, принадлежат верховный судья Мэнсфилд и мой родственник мистер Кристофер Диллон. Я думаю, джентльмены, что, когда королевская армия подавит этот бунт, министры его величества сочтут необходимым установить в колониях титул пэра как средство для награждения верноподданных и как политическую меру для предупреждения недовольства в будущем. В этом случае я надеюсь видеть моего родственника в оторочённой горностаем мантии пэра и судьи.

— Ваши надежды, почтенный сэр, весьма основательны, и я не сомневаюсь, что в один прекрасный день ваш родственник будет совсем не тем, кем он остается сейчас, несмотря на все свои достоинства, а настоящим пэром, — сказал Борроуклиф. — Можете на это рассчитывать, сэр! Судя по его нынешним заслугам, я не сомневаюсь, что придет время, когда и на улице законников наступит праздник, и тогда мистер Кристофер Диллон еще научит нас, как нужно штурмовать житейские высоты, хотя под каким титулом он будет тогда известен, я не берусь сказать...

Полковник Говард был слишком занят своими мыслями о войне и ходе событий вообще, чтобы заметить лукавые взгляды, которыми во время этого разговора обменивались офицеры.

— Я много размышлял над этим, — с величайшим простосердечием ответил он, — и пришел к заключению, что, владея небольшим имением на берегу реки Пи-Ди [1], он может принять титул барона Пидийского.

— Барона? — повторил Борроуклиф. — А мне кажется, что новая знать Нового Света будет пренебрегать истасканн-

[1] Пи-Ди — река, протекающая в штате Южная Каролина (США).

ными титулами Старого. Она откажется, мой почтенный хозяин, от всяких баронств и выбросит все графские и герцогские достоинства. Бессмертный Локк[1] напряг свой изобретательный ум и снабдил нас знаниями, подходящими для истинного состояния нашего и сообразными с обычаями нашего государства... А, вот идет сам пидийский кацик[2] собственной персоной!

Пока Борроуклиф произносил эту речь, они поднялись по каменной лестнице, которая вела на второй этаж, где, как предполагалось, томились в заточении арестованные. И в ту же минуту в коридоре первого этажа показался Дпллон. На его угрюмом, мрачном лице против его воли можно было прочесть, удовлетворение коварного человека, осуществившего свой тайный замысел. За ночь часовые несколько раз сменялись, и сейчас на посту снова был тот самый солдат, который присутствовал при бегстве Грпффита и его товарищей. Зная истинное положение вещей, он стоял в небрежной позе, прислонившись к стене и пытаясь вознаградить себя за то, что почью ему не удалось вздремнуть, но приближавшиеся шаги заставили его выпрямиться и принять позу бдительного стража.

— Ну как, приятель? — спросил его Борроуклиф. — Что поделывают арестованные?

— Они, по-моему, спят, ваша честь, ибо, с тех пор как я на посту, из их комнат не слышно ни звука.

— Они очень устали, почему бы им и не поспать в этих уютных помещениях? — заметил капитан. — Стань смирно, дурачина, да расправь плечи! А то еле шевелишься, как краб или капрал из ополчения! Разве не видишь, что к тебе подходит кавалерийский офицер? Хочешь опозорить свой полк?

— Ах, ваша честь, один только бог знает, смогу ли я когда-нибудь снова расправить плечи!

— Купи себе еще один пластырь, — сказал Борроуклиф, сунув ему в руку шиллинг, — да помни: ты ничего не знаешь, кроме своих обязанностей.

— Иначе говоря, ваша честь...

— ...подчиняться мне и молчать... Но вот идет сержант с караулом. Он снимет тебя с поста.

---

[1] Локк Джон (1632—1704) — английский буржуазный философ.

[2] Кацик (касик) — вождь индейского племени в Центральной Америке.

Спутники Борроуклифа сперва остановились на другом конце коридора, затем несколько солдат в сопровождении сержанта прошли вперед, со всеми воинскими церемониями сменили с поста часового и наконец все вместе направились к помещениям арестованных. Указав рукой на одну из дверей, Диллон со злобной усмешкой сказал:

— Отворите-ка, сержант! В этой клетке сидит человек, который нам нужен больше всего.

— Тише, тише, милорд верховный судья и могущественный кацик! — остановил его капитан. — Еще не наступил час созыва присяжных заседателей из числа толстопузых иоменов, и никто, кроме меня, не имеет права приказывать моим солдатам.

— Уж слишком вы суровы, я должен заметить, капитан Борроуклиф! — вмешался полковник. — Но я прощаю вас, ибо воинская дисциплина прежде всего... Да, Кит, это дело придется предоставить военным. Наберитесь терпения, мой уважаемый родственник! Не сомневаюсь, что близок час, когда вы будете вершить правосудие и удовлетворите свои верноподданнические чувства, расправившись со многими изменниками. Черт возьми, в этом случае я и сам, пожалуй, не прочь стать палачом!

— Я могу сдержать нетерпение, сэр, — ответил Диллон с притворной скромностью и большим самообладанием, хотя глаза его сверкали дикой радостью. — Прошу прощения у капитана Борроуклифа, если, желая поставить гражданскую власть перед военной, я покусился на его права.

— Вот видите, Борроуклиф! — радостно воскликнул полковник. — Молодой человек в своих поступках руководствуется чувством законности и справедливости. Я уверен, что такой одаренный человек никогда не будет изменником... Однако нас ждет завтрак, и мистер Фитцджералд порядочно проехал верхом в это холодное утро. Давайте скорее покончим с нашим делом.

По знаку Борроуклифа сержант отворил дверь; они вошли в комнату.

— Ваш арестованный бежал! — вскричал корнет, который тотчас убедился, что комната пуста.

— Нет, этого не должно быть! Этого не может быть! — закричал Диллон, содрогаясь от бешенства и яростно обшаривая глазами помещение. — Тут совершено предательство, измена королю!

— Кем же, мистер Кристофер Диллон? — спросил

Борроуклиф, нахмурив брови и цедя слова сквозь зубы. — Пусть только кто-нибудь посмеет обвинить в измене хоть одного солдата моего полка!

Будущий судья мгновенно понял, что зашел слишком далеко и что ему следует тотчас умерить свой гнев. Точно по мановению волшебной палочки, он снова принял свой прежний лицемерно-вкрадчивый вид.

— Полковник Говард поймет причину моей горячности, — ответил он, — когда узнает, что в этой комнате ночью находился человек, чье имя — позор для его семьи и для всей страны! Здесь был изменник Эдуард Гриффит, лейтенант флота мятежников!

— Что?! — воскликнул пораженный полковник. — Как посмел этот юный отступник осквернить своим присутствием мой дом? Ты бредишь, Кит: он не отважился бы на такой поступок!

— По-видимому, он отважился даже на большее, сэр,— возразил Диллон. — Хотя он, несомненно, был заперт в этой комнате, сейчас его здесь нет. А из этого окна, хотя оно и отворено, убежать невозможно даже с чьей-либо помощью.

— Если бы я знал, что этот дерзкий юнец осмелится на такой бесстыдный поступок, — вскричал полковник, — я бы сам, невзирая на мои лета, поднял оружие, чтобы наказать его за беспримерную наглость! Как? Разве недостаточно того, что он явился в мой дом в Америке и, воспользовавшись суматохой, хотел отнять у меня самое драгоценное мое сокровище? Да, джентльмены, он хотел похитить дочь моего брата Гарри! А высадиться с тем же намерением на этот священный остров, дабы и здесь изменить королю, верность которому он нарушил еще раньше!.. Нет, нет, Кит, твои чувства ослепляют тебя! Он никогда не решился бы на подобный шаг!

— Выслушайте, сэр, и вы убедитесь, — мягко сказал Кристофер. — Я не удивляюсь тому, что вы мне не верите, но, так как хорошее доказательство есть душа правосудия, я не могу не привести его вам. Вы знаете, что два судна, по описанию похожие на корабли мятежников, которые причинили нам столько хлопот в водах Каролины, еще несколько дней назад появились у нашего побережья и что именно это и заставило нас просить покровительства капитана Борроуклифа. На следующий день, после того как нам стало известно, что корабли подошли к мелям, около дома были задержаны трое неизвестных в одежде моряков. Их

арестовали, и по голосу в одном из них, сэр, я тотчас узнал изменника Гриффита. Правда, он был переодет и загримирован, причем весьма искусно. Но, когда человек всю свою жизнь посвятил делу выяснения истины, — с величайшей скромностью добавил Диллон, — его трудно обмануть подобным маскарадом.

Эти доводы произвели на полковника Говарда очень сильное впечатление, а последние слова заставили его окончательно согласиться с мнением Диллона. Борроуклиф тоже слушал его с глубоким интересом и несколько раз от досады кусал себе губы.

— Готов поклясться, что один из них привычен к строевой службе! — воскликнул капитан, когда Диллон закончил свою речь.

— Весьма возможно, мой почтенный друг, — согласился Диллон. — Эта высадка, очевидно, была произведена с каким-то дурным умыслом, и, конечно, Гриффит не мог явиться сюда без охраны. Мне кажется, что все трое офицеры, и один из них, вероятно, командир морской пехоты. Совершенно ясно, что они высадились на берег не одни, и, догадываясь, что где-то рядом спрятаны их солдаты, я отправился за подкреплением.

Соображения Диллона были столь убедительны, что Борроуклиф волей-неволей вынужден был с ним согласиться и даже отошел в сторону, чтобы скрыть смущение, написанное — он это чувствовал — на его обычно неподвижном кирпично-красном лице.

— Земноводный пес! Значит, это вправду был офицер, но только изменник и враг! Представляю, с каким удовольствием он будет веселить своих товарищей, рассказывая им, как он заготовил ушат холодной воды для некоего капитана Борроуклифа, который в то же самое время лил добрую южную мадеру в его мятежную глотку! Я, кажется, решусь сменить свой алый мундир на синий, чтобы встретиться с этим хитрым негодяем в его стихии и еще раз обсудить с ним его поведение... Ну, сержант, нашел ли ты двух других?

— Они убежали все вместе, ваша честь, — ответил сержант, который только что осмотрел остальные помещения. — Как могло это случиться, ума не приложу, если только сам дьявол не помог им!

— Полковник Говард, — мрачно произнес Борроуклиф, — распорядитесь убрать со стола вместе со скатер-

тью вашу чудесную мадеру, пока я не отомщу беглецам. Меня оскорбили, и я тотчас отправлюсь искать удовлетворения. Отбери, Дрилл, часть солдат для охраны аббатства, накорми остальных, а затем бей тревогу — мы выступаем в поход... Да, мой любезный полковник, впервые со времен злосчастного Карла Стюарта будет война в самом сердце Англии.

— Ах, мятеж, мятеж! Проклятый, чудовищный, греховный мятеж, вызывающий, как всегда, ужасные бедствия! — воскликнул полковник.

— Не следует ли и мне поскорее накормить людей и лошадей, а затем проделать небольшой рейд вдоль берега? — спросил корнет. — Быть может, нам посчастливится встретить беглецов или часть их отряда?

— Вы предугадали мои мысли, — сказал Борроуклиф.— А кацик Пидийский может, заперев ворота монастыря Святой Руфи, забив окна и вооружив слуг, успешно отразить нападение неприятеля, если тому вздумается напасть на нашу крепость. После того как он отобьет атаку, я позабочусь о том, чтобы отрезать врагу отступление.

Диллону это предложение не слишком пришлось по вкусу, ибо он был почти уверен, что Гриффит ради освобождения возлюбленной попытается штурмовать дом, а в натуре этого законника не было воинственности солдата. По правде говоря, именно этот недостаток и заставил его лично отправиться накануне ночью за подкреплением, вместо того чтобы послать нарочного. Но полковник Говард избавил его от необходимости изыскивать предлог для отказа от опасного предприятия, ибо, как только Борроуклиф изложил свой план, он воскликнул:

— На мне, капитан Борроуклиф, по праву лежит защита дома, и противнику нелегко будет справиться со мной! А Киту лучше испробовать свои силы в открытом поле. Пойдем завтракать, а затем он поедет с драгунами, чтобы указывать дорогу, потому что она довольно трудна.

— Хорошо, идем завтракать, — согласился капитан. — Я вполне доверяю новому коменданту крепости, и да здравствует кацик в открытом поле! Мы следуем за вами, мой почтенный хозяин.

Завтрак продолжался недолго. Джентльмены подкреплялись наскоро, как люди, которые едят только ради того, чтобы сохранить силы для выполнения своих обязанностей. А затем весь дом наполнился шумной деятельностью.

Солдат выстроили и произвели перекличку. Борроуклиф оставил несколько человек для охраны дома, сам стал во главе остальных, и они ускоренным маршем вышли из ворот аббатства. Диллон был очень рад очутиться верхом на одной из лучших охотничьих лошадей полковника Говарда, так как знал, что теперь может сам в значительной степени распоряжаться своей судьбой. Сердце его трепетало от страстного желания погубить Гриффита, но в то же время ему хотелось достичь этого без всякого риска для себя. Рядом с ним, изящно сидя в седле, гарцевал молодой корнет, который, пропустив вперед пехотинцев, оглядел свой немногочисленный отряд и приказал выступать. Офицер отдал честь полковнику Говарду, кавалеристы быстро перестроились колонной и, вылетев из ворот, галопом понеслись к берегу моря.

Полковник постоял, прислушиваясь к замиравшему топоту коней и ловя взором отблески оружия — все это и до сих пор приносило отраду его сердцу, — затем, скрывая испытываемое им радостное возбуждение, принялся лично баррикадировать двери и окна, твердо решив защищаться до конца, если враг вздумает напасть.

Монастырь Святой Руфи находился всего лишь в двух милях от берега, к которому через его владения, простиравшиеся почти до самого моря, вели многочисленные тропинки. По одной из них Диллон и повел драгунский отряд, и через несколько минут быстрой скачки они достигли прибрежных утесов. Укрыв солдат в небольшой роще, корнет в сопровождении Диллона подъехал к самому краю отвесных скал, основания которых омывались морской пеной. Она все еще покрывала белой пеленой волны, хотя буря уже прошла.

Яростный норд-ост стих еще до побега арестованных, а теперь с юга тянул легкий ветерок. И, хотя по морю еще катились страшные валы, поверхность их сделалась гладкой, и с каждой минутой они становились менее крутыми и набегали более равномерно. Тщетно оба всадника устремляли взоры вдаль: они видели лишь огромное пространство вод, ярко сверкавших под лучами только что поднявшегося солнца. Они надеялись увидеть какой-нибудь предмет или далекий парус, который мог бы подтвердить их подозрения или разрешить сомнения. Но ни одно судно, по-видимому, не осмеливалось спорить с таким страшным штормом, и Диллон уже было отвел разочаро-

ванный взор от пустынного моря. Но, взглянув на берег, он увидел нечто такое, что заставило его воскликнуть:

— Вот они! Клянусь небом, они уходят!

Корнет посмотрел в том направлении, куда указывал Диллон, и увидел неподалеку от берега, почти у своих ног, маленькую шлюпку — черную скорлупку, прыгавшую по волнам. Казалось, будто люди в ней отдыхают, кого-то поджидая.

— Это они! — продолжал Диллон. — А еще вероятнее, это их шлюпка. Она дожидается, чтобы доставить их на корабль. Только важное дело могло заставить моряков беспечно медлить на столь близком расстоянии от полосы прибоя.

— Но что можно сделать? На лошадях до них не доберешься, а мушкеты пехотинцев на таком расстоянии бесполезны. Тут очень пригодилась бы трехфунтовая пушечка!

Страстное желание перехватить неприятельский отряд или, еще лучше, уничтожить его придало Диллону находчивость. После минутного размышления он ответил:

— Беглецы, должно быть, еще на берегу. Если патрулировать вдоль берега и в нужных местах расставить людей, легко отрезать им путь к морю. А я тем временем во весь опор поскачу в бухту, где стоит на якоре один из тендеров его величества. Полчаса езды — и я буду на борту. Ветер весьма благоприятен, и, если нам удастся вывести тендер из-за того мыса, мы, несомненно, сумеем отрезать этим ночным грабителям путь или потопить их.

— Поезжайте! — воскликнул корнет, молодая кровь которого вскипела от надежды на схватку. — Вы, во всяком случае, заставите их выйти на берег, а тут уж я могу сладить с ними.

Едва были произнесены эти слова, как Диллон, промчавшись галопом вдоль утесов, круто свернул в лежавший на его пути густой лес и скрылся из виду. Роялистом этот джентльмен был вовсе не из искреннего убеждения, а только из расчета, и больше всего он заботился о личном благополучии. Он полагал, что обладание самой мисс Говард и ее состоянием с лихвой перевесит ту карьеру, на которую он мог бы рассчитывать при новом порядке на родине. В Гриффите он видел единственное препятствие на своем пути к успеху и поэтому гнал коня с отчаянной решимостью погубить соперника раньше, чем зайдет соли-

це. Когда человек с подобными чувствами и побуждениями задумывает дурное дело, он редко мешкает или допускает небрежность. Поэтому мистер Диллон появился на борту «Быстрого» даже на несколько минут раньше обещанного срока.

Старый моряк, который командовал тендером, весьма недоверчиво выслушал Диллона, а затем начал осведомляться у помощника о состоянии погоды и разных других обстоятельствах с медлительностью человека, не отличающегося уверенностью в себе и скупо вознаграждаемого за то малое, что он все же делал.

Однако Диллон был настойчив, а погода — неплоха, и капитан, наконец согласившись сделать то, что от него требовали, приказал сниматься с якоря.

Экипаж тендера, состоявший примерно из пятидесяти человек, действовал так же медлительно, как и его командир, но, когда маленький корабль наконец вышел из-за мыса, пушки его были приведены в боевую готовность и приготовления к бою закончены.

Диллона, вопреки его желанию, оставили на тендере, для того чтобы он указал место, где предстояло захватить ничего не подозревавшего неприятеля. А так как к тому времени, когда они отошли на безопасное расстояние от суши, все уже было готово, «Быстрый» легко пошел фордевинд, и, судя по скорости, с которой он скользил вдоль берега, можно было рассчитывать, что экспедиция, предпринятая его командиром, будет незамедлительно и успешно завершена.

Глава XVII

Совсем как у кита.
Шекспир, «Гамлет»

Несмотря на то что предпринятая экспедиция была делом государственным, нетрудно было заметить, что чувства, которые побудили Гриффита и Барнстейбла так охотно сопровождать лоцмана, несомненно носили личный характер. Короткое знакомство с будущими спутниками помогло таинственному проводнику отряда понять характер обоих офицеров так хорошо, что, когда он высадился на берег

с целью разведать, действительно ли люди, которых предстояло захватить в плен, по-прежнему намерены собраться в известный ему час, то взял с собой только Гриффита и Мануэля, оставив Барнстейбла командовать шхуной и ждать их, чтобы в случае надобности прикрыть их отступление. Однако лишь после долгих уговоров, а потом и просто приказа старшего офицера Барнстейбл согласился остаться на шхуне. Впрочем, рассудок подсказывал ему, что нельзя напрасно рисковать, пока не настанет необходимость нанести главный удар. Поэтому он постепенно смягчился и только настойчиво потребовал от Гриффита, чтобы тот разведал положение в монастыре Святой Руфи, пока лоцман займется намеченной усадьбой. Гриффит и сам испытывал сильное желание так поступить, что и заставило его немного отклониться от прямого пути, и мы уже отчасти знаем, что из этого вышло. Лоцман рассчитывал закончить свое предприятие к вечеру, намечая осуществить замысел во время празднеств, которые обычно следовали за охотой. А Барнстейблу было приказано еще до рассвета подойти на вельботе к берегу близ монастыря и принять на борт своих соотечественников, с тем чтобы они не попались на глаза врагу днем. Если они не явятся в назначенный час, он должен был возвратиться на шхуну, которая укрылась в уединенной бухте, куда обычно никто не наведывался ни с моря, ни с суши.

В то время как молодой корнет не сводил глаз с вельбота (ибо шлюпка, которую он видел, была вельботом со шхуны), час, назначенный для появления Гриффита и его товарищей, уже истек, и Барнстейбл с величайшим сожалением решил исполнить данное ему приказание, предоставив им самим изыскивать способ возвращения на «Ариэль». Шлюпка держалась у самой полосы прибоя, и, с тех пор как взошло солнце, взоры команды были устремлены на утесы в тщетном ожидании сигнала, по которому следовало подойти к месту посадки. С огорчением взглянув в двадцатый раз на часы и потом на берег, лейтенант воскликнул:

— Какой чудесный вид, мистер Коффин, но в нем, пожалуй, на твой вкус слишком много поэзии! Ты, кажется, больше жалуешь ил, чем твердую землю.

— Я родился в море, сэр, — ответил рулевой со своего места, где он, как обычно, расположился на самом малом пространстве, — а человеку свойственно любить свою ро-

дину. Не буду отрицать, капитан Барнстейбл, что с большей радостью отдам якорь на дно, которое не обдерет киля, но при этом я не таю злобы и против твердой земли.

— А я, Длинный Том, никогда не прощу ей, если с Гриффитом что-нибудь случится, — заметил лейтенант. — Этот лоцман, наверно, гораздо искуснее действует в море, чем на суше.

Рулевой повернулся своим строгим лицом к командиру и с особым ударением проговорил:

— С тех пор как меня носит по морям, сэр, то есть с тех пор, как я впервые получил матросский паек, — а ведь родился я, когда судно проходило через Нантакетские мели, — я не знаю случая, когда лоцман явился бы так кстати, как этот, на которого мы наткнулись, отбывая собачью вахту! [1]

— Да, он вел себя как пастоящий мужчина. И, хотя шторм был не из пустяковых, он доказал, что отлично знает свое дело.

— Матросы с фрегата рассказывали мне, сэр, что он играл судном, как волчком, — продолжал рулевой, — а уж этому-то кораблю знакомство с дном особенно вредно.

— Не скажешь ли того же и о нашем вельботе? — заметил Барнстейбл. — Держи подальше от бурунов, не то нас выбросит на берег, как пустой бочонок. Не забывай, что не все мы можем, как ты, ходить вброд по двухсаженной глубине!

Рулевой хладнокровно взглянул на пенистые гребни, срывавшиеся с верхушек валов всего лишь в нескольких ярдах от того места, где покачивался вельбот, и громко сказал:

— Ну-ка, ребята, сделайте пару гребков! Уйдем туда, где вода потемнее.

Послышался дружный плеск весел, напоминавший шум хорошо налаженной машины, и легкая шлюпка скользнула по волнам подобно утке, которая, приблизившись к опасному месту, в решающий миг уходит в сторону без всяких видимых усилий. Во время этого маневра Барнстейбл привстал и еще раз окинул пристальным взглядом утесы, а затем, повернувшись, разочарованно сказал:

— Держать к шхуне, ребята! Но не слишком торопитесь и не сводите глаз с утесов. Может быть, наши друзья

[1] Собачья вахта — ранняя утренняя вахта, от полуночи до четырех часов утра.

сидят в какой-нибудь расселине — им ведь нельзя показываться средь бела дня.

Приказание было тотчас выполнено, и они прошли уже около мили, храня глубокое молчание, как вдруг тишина была нарушена резким шипением и плеском воды, раздавшимися, по-видимому, где-то неподалеку от них.

— Клянусь небом, Том, — воскликнул Барнстейбл, вскакивая, — ведь это кит!

— Так точно, сэр, — с удивительной невозмутимостью подтвердил рулевой. — Это он выбросил фонтан меньше чем в полумиле от нас. Восточный шторм пригнал его к берегу, и он теперь на мелководье. Он, наверно, спит, а меж тем ему следовало бы уходить мористее.

— Да он, видно, довольно спокоен и не очень спешит уйти.

— Я думаю, сэр, — сказал рулевой, перекатывая во рту табачную жвачку, в то время как его впалые глазки засверкали от удовольствия, — что этот джентльмен сбился с курса и не знает, как выйти в море.

— Пожалуй, это кашалот! — воскликнул лейтенант. — Он сейчас нырнет, только его и видели!

— Нет, сэр, это настоящий кит, — ответил Том. — Он выбросил две великолепные радуги, на загляденье любому христианину. Этот молодец — настоящая бочка с салом!

Барнстейбл со смехом отвернулся от заманчивого зрелища и старался смотреть на утесы. Но затем бессознательно снова перевел любопытный взор на медлительное животное, которое время от времени, резвясь, выбрасывало на много футов над водой свое огромное тело. Искушение загарпунить кита и воспоминание о прежних охотах наконец взяли верх над тревогой о друзьях, и молодой офицер спросил у рулевого:

— Найдется ли у нас линь[1], чтобы привязать к гарпуну, который ты таскаешь с собою в любую погоду?

— Я никогда не перехожу со шхуны в шлюпку, не взяв с собой всего, что может понадобиться, — ответил рулевой. — Ах, как приятно моим старым глазам видеть эту бочку с жиром!

Барнстейбл посмотрел на часы, потом на утесы и весело воскликнул:

---

[1] Линь — тонкая веревка.

— Ну-ка, греби живей, ребята! Нечего нам больше ждать. Всадим гарпун в брюхо этому наглецу!

Матросы издали радостный крик, и даже старый рулевой изобразил на угрюмом лице некоторое подобие улыбки. Вельбот, словно боевой конь у цели, рванулся вперед и понесся в ту сторону, где находился кит. Длинный Том встал с места и перешел на нос вельбота, где начал готовиться к нанесению удара в благоприятную минуту. Полбухты тонкого, но прочного линя, одним концом прикрепленного к гарпуну, было аккуратно свернуто и уложено в бочонок, помещенный у ног Барнстейбла. Молодой офицер взял в руки весло для управления шлюпкой вместо руля, снятого для того, чтобы в случае необходимости вельбот мог легко делать крутые повороты на месте.

Морское чудовище совсем не замечало их приближения и продолжало забавляться, то выбрасывая высоко в воздух две водяные струи, то хлопая по воде огромным хвостом с мощной, но страшной грацией. Когда же отважные моряки очутились от кита в нескольких стах футах, он ушел головой под воду. Его огромное туловище вздыбилось горой, а хвост яростно забил по воде, производя свистящий звук, похожий на завывание ветра.

Рулевой стоял, выпрямившись и подняв гарпун для удара. Но, увидев, что животное приняло столь грозное положение, он махнул рукой командиру, и тот немедленно дал знак матросам, чтобы они перестали грести. Вельбот остановился, а кит все молотил хвостом по воде, и эхо от этих ударов отзывалось в скалах, как пушечные выстрелы. После этого буйного проявления своей ужасной силы чудовище снова погрузилось в родную стихию и медленно скрылось из глаз преследователей.

— В какую сторону он поплыл, Том? — вскричал Барнстейбл, как только кит исчез из виду.

— Он нырнул, сэр, но скоро выплывет, — ответил рулевой, глаза которого горели возбуждением. — Скоро он уткнется носом в дно, а потом захочет опять глотнуть свежего воздуха. Отойдем на несколько саженей вправо, сэр, и обещаю вам, что мы с ним встретимся!

Предположения опытного старого моряка оправдались, ибо через несколько минут вода рядом с ними разверзлась, и в воздух взлетели новые фонтаны, а вслед за тем и кит на половину своей длины выбросился из моря и

снова упал на воду, подняв такое волнение и пену, как спущенный на воду корабль. После этого животное тяжело закачалось на волнах, как бы отдыхая от продолжительных усилий.

Барнстейбл и рулевой напряженно следили за малейшими движениями морского гиганта, и, когда он наконец успокоился, лейтенант приказал гребцам снова взяться за весла. Несколько длинных и энергичных взмахов — и вельбот очутился рядом с китом, почти коснувшись носом одного его плавника, который время от времени, когда животное лениво двигало им, показывался из воды. Рулевой очень точно нацелил гарпун и затем метнул его с такой силой, что весь наконечник вошел в кита. В тот же миг, как был нанесен удар, Длинный Том крикнул:

— Табань!

— Табань! — поспешно повторил Барнстейбл.

Матросы налегли на весла и соединенными усилиями вывели шлюпку задним ходом из-под удара грозного противника. Напуганное животное, однако, и не думало о сопротивлении. Не сознавая своей невероятной силы и слабости врагов, оно искало спасения в бегстве. Когда железный наконечник гарпуна вонзился в тело кита, растерянное животное один миг медлило, а затем взмахнуло огромным хвостом, так что вокруг него заволновалось все море, и исчезло с быстротой молнии в облаке пены.

— Не упускай его! — закричал Барнстейбл. — Держи, Том! Он опять поднимается...

— Есть, сэр! — ответил хладнокровный рулевой, хватаясь за гарпунный линь, который начал выбегать из шлюпки с опасной быстротой, и накидывая его на специальный выступ, устроенный в носовой части вельбота. На-

конец линь натянулся над водой, указывая место, где следовало ожидать вторичного появления животного. Барнстейбл направил нос вельбота к этой точке еще до того, как испуганная и раненая жертва снова поднялась на поверхность. Теперь кит уже не забавлялся, а мчался вперед, раскидывая воду. Разъяренное животное потащило вельбот за собой с ужасной быстротой, и временами казалось, что маленькое судно ждет неминуемая гибель. Увидев, что струи воды, которые кит снова выбросил высоко в воздух, густо окрашены кровью, Длинный Том воскликнул:

— Да, ему больше не жить! Киту нужно иметь больше двух футов жира, чтобы мой гарпун не доконал его!

— Пожалуй, тебе уже не понадобится штык, который ты укрепил на пике, — заметил Барнстейбл, участвовавший в этой охоте со всем пылом человека, юность которого прошла в подобных забавах. — Берись-ка лучше за линь, мистер Коффин: можем ли мы подтянуться на буксире к нашему врагу? Он увлекает нас в сторону от шхуны, и мне это не нравится...

— Так уж ему полагается идти, сэр! — ответил рулевой. — Вы знаете, киту, когда он плывет, нужно дышать ноздрями так же, как и человеку. Однако берись, ребята, подойдем к нему ближе!

Моряки дружно схватились за гарпунный линь и медленно подтянули вельбот ближе к хвосту кита, движения которого уже замедлились, так как он, видимо, слабел от потери крови. Через несколько минут он перестал двигаться и тяжело закачался на волнах.

— Подойдем ближе и прикончим его, а, Том? — воскликнул Барнстейбл. — Нескольких ударов твоего штыка будет достаточно.

Рулевой внимательно посмотрел на свою жертву и ответил:

— Нет, сэр, нет! Он еще не совсем затих. И зачем марать о кита солдатское оружие?.. Табань, табань! — поспешно добавил он. — Тварь начинает биться.

Матросы тотчас выполнили приказание осторожного рулевого, и вельбот отошел на некоторое расстояние от кита, бившегося в предсмертной агонии. Ужасное чудовище, которое до сих пор было в состоянии полной неподвижности, сейчас высоко подняло хвост и начало, как и раньше, хлестать им по воде, но теперь удары его были

гораздо чаще и сильнее, и наконец оно скрылось из виду в пирамиде пены, окрашенной темной кровью. Поднявшийся гул напоминал рев стада быков, и человеку несведущему могло бы показаться, будто в кровавой мгле сцепились в смертной схватке тысячи чудовищ. Постепенно все стихло, и, когда волны успокоились и снова покатились к берегу длинными, правильно чередующимися валами, на поверхности моря вновь появился измученный кит, покорный своей судьбе. И, по мере того как жизнь покидала исполина, огромное черное туловище его повернулось на бок, а затем стала видна и белая блестящая кожа на брюхе. Победа была одержана!

— Что же теперь делать? — спросил Барнстейбл, все еще глядя на кита, хотя пыл молодого лейтенанта к этому времени уже начал остывать. — Для сды он не годится, а его тушу прибьет на берег, и мы, стало быть, снабдим неприятеля китовым жиром.

— Будь это в Бостонском заливе, — сказал рулевой, — пышешняя охота обеспечила бы меня на всю жизнь. Но уж таково, видать, мое счастье! Давайте подойдем к нему: должен же я вызволить свой гарпун и линь! Пока жив старый Том Коффин, они не достанутся англичанам.

— Не загадывай наперед, — возразил сидящий на корме гребец, — возьмут они твою железину или нет. Вон они тоже охотятся, и притом за нами!

— Что ты болтаешь, парень? — воскликнул Барнстейбл.

— Взгляните сами, капитан Барнстейбл, — ответил матрос, — и вы увидите, что я говорю правду.

Молодой моряк обернулся и увидел идущий под всеми парусами «Быстрый». Тендер только что обогнул мыс и находился в полутора милях от вельбота.

— Передай-ка мне трубу, — спокойно сказал капитан. — Видно, нам снова предстоит работа. Если тендер вооружен, наступает наш черед спасаться бегством; если нет, мы достаточно сильны, чтобы захватить его.

Одним взглядом опытный офицер определил боевое снаряжение обнаруженного судна. Хладнокровно опустив подзорную трубу, он сказал:

— У этого малого длинные руки и десять зубов, а на мачте у него развевается вымпел короля Георга. Теперь, ребята, надо вам приналечь: дело идет о жизни и смерти.

Что бы ни думал о своем гарпуне мистер Коффин, мне вовсе не хочется попасть в лапы к Джону Булю, хотя бы его королевское величество сам соизволил надеть на меня кандалы.

Матросы хорошо поняли своего командира и, сбросив куртки, всерьез налегли на весла. В течение получаса на вельботе царила полная тишина, и за это время он ушел далеко вперед. Но все кругом словно сговорилось помогать тендеру: при достаточно ровном бризе море было сравнительно спокойно, сильное приливное течение благоприятно и расстояние между преследуемыми и преследователями уменьшилось почти вдвое. Барнстейбл сохранял полное спокойствие, но чело его омрачилось заботой: он понимал всю опасность их положения.

— У этого малого длинные ноги, мистер Коффин, — бодрым голосом сказал он. — Твой липь придется выбросить за борт, а тебе взять в свои нежные ручки пятое весло.

Том поднялся с места и, пройдя вперед, выбросил бочонок вместе с линем за борт, а сам уселся за носовое весло и принялся грести с поразительной силой.

— Да, в каждом твоем взмахе сразу видна твоя философия, Длинный Том! — воскликнул командир. — Держись, ребята! Если нам не уйти, мы, по крайней мере, выиграем время для размышления. Ну-ка, мистер Коффин, что ты думаешь? В нашем распоряжении есть три средства — послушаем, что выберешь ты: во-первых, мы можем повернуть, драться, и тогда всех нас пустят ко дну; во-вторых, мы можем высадиться на берег и попытаться сухим путем вернуться на шхуну; в-третьих, мы можем пройти под самым берегом... возможно, даже под огнем пушек противника и лишить его ветра и в то же время держать ноздри над водой на манер нашего кита, черт бы его побрал! Если бы не он, мы и не встретились бы с этим разбойником!

— Если мы будем драться, — с не меньшим хладнокровием, чем капитан, ответил Том, — нас возьмут в плен или утопят. Если мы высадимся на берег, сэр, я пропал первым, ибо я совсем не мастер ходить по суше. А если мы попытаемся лишить врага ветра, пройдя под самыми скалами, нам отрежут путь вон те молодцы, которые, я заметил, шныряют по берегу и ждут случая подстрелить из-за угла честных моряков.

— В твоих словах столько же истины, сколько и философии, Том, — сказал Барнстейбл, который уже убедился, что надежда на спасение исчезла, так как на скалах действительно появились кавалеристы и пехотинцы. — Видно, эти англичане и глаз не сомкнули прошлой ночью... Боюсь, Гриффиту и Мануэлю пришлось туго. У тендера попутный ветер, и он бежит, как скаковая лошадь... Ха, начинается серьезный разговор!

Над носом тендера взвился клуб белого дыма и грохнула пушка. По волнам запрыгало ядро, вздымая брызги, но оно прошло с перелетом. Моряки мельком взглянули в направлении мчавшегося ядра и продолжали грести как ни в чем не бывало. Рулевой, проследив за полетом ядра взглядом более опытного человека, заметил:

— Дальность неплоха для такого калибра, и голосок у этой пушки звонкий. Но, если его услышали на борту «Ариэля», англичанам придется пожалеть, что пушка не родилась немая.

— Ты король философов, мистер Коффин! — вскричал Барнстейбл. — Правильно, теперь у нас есть надежда. Пусть англичане бухают побольше, и, клянусь жизнью, на «Ариэле» поймут, что это не гром. Дайте-ка мне мушкет, я заставлю их угостить нас еще одним выстрелом!

Барнстейблу передали мушкет, и он сделал несколько выстрелов, как бы в насмешку над неприятелем. Затея его удалась вполне. Раздраженный этим оскорблением, тендер начал выпускать по маленькому вельботу ядро за ядром. Они часто падали в воду так близко, что брызги долетали до матросов вельбота, которые, однако, оставались целы и невредимы. Неудачная пальба англичан ничуть не испугала бесстрашных моряков, а лишь развеселила их. И, когда ядро пролетало ближе, чем обычно, рулевой считал нужным заметить:

— Мертвая зыбь, дальнее расстояние и маленькая цель — где же тут попасть в нее!

Или:

— Косому легче целиться в маленькую шляпку!

Несмотря на неудачную канонаду, неприятель все ближе и ближе подходил к вельботу и, казалось, вот-вот должен был догнать его. Но вдруг, как эхо от выстрела англичанина, грянул пушечный выстрел с другой стороны, и Барнстейбл со своими товарищами, к великой радости, увидели, как из маленькой бухты, в которой он провел

ночь, появился «Ариэль». Облачко пушечного дыма вилось вокруг его мачт.

Громкий восторженный крик вырвался одновременно у капитана и его экипажа, а неприятельский тендер поставил все паруса, какие он мог нести, повернул и дал залп по беглецам всем бортом. Картечь и круглые ядра пролетели мимо вельбота и упали в воду неподалеку, подняв фонтаны брызг, но не причинив никакого вреда.

— Неприятель в панике! — сказал Том, глядя на маленький водоворот, в который входил вельбот.

— Если командир тендера достойный человек, — сказал Барнстейбл, — он не ограничится таким коротким знакомством с нами. Налегай, ребята, налегай! Мне хочется получше рассмотреть этот разговорчивый корабль.

Матросы сами понимали необходимость грести как можно быстрей, и через несколько минут вельбот подошел к шхуне. Экипаж встретил своего командира и его товарищей восклицаниями и радостными криками, которые далеко разнеслись над волнами и достигли слуха разочарованных зрителей, толпившихся на береговых утесах.

Глава XVIII

Они все плыли по волнам,
Но вдруг, приблизясь к берегам,
Услышали сквозь ветра гул
Веселья дикого разгул.

Вальтер Скотт, «Владыка островов»

Веселые крики и горячие приветствия экипажа «Ариэля» продолжались и после того, как командир его ступил на палубу. Барнстейбл благодарил своих подчиненных за встречу, сердечно пожимал им руки и, подождав, пока первый взрыв восторга моряков несколько стих, подал знак к молчанию.

— Благодарю вас, друзья мои, за ваше доброе отношение, — сказал он, когда весь экипаж в безмолвном ожидании столпился вокруг него. — Погоня была упорная, и, окажись вы на милю дальше, мы бы погибли. Это военный тендер, и, кажется, он не прочь схватиться с нами. Во всяком случае, он убирает часть парусов, а это значит, что он не испугался. К счастью для нас, капитан Мануэль

забрал своих пехотинцев с собой на берег — что сталось с ними и с ним самим, я не знаю, — не то вся наша палуба была бы загружена живностью. А сейчас у нас хороший бриз, довольно спокойное море и перед нами смертельный враг! Наш долг перед родиной — наказать этого молодца, поэтому без траты лишних слов сделаем поворот и займемся делом, чтобы еще успеть позавтракать.

Этот образец морского красноречия был принят экипажем, как всегда, одобрительно: молодежь кипела желанием драться, и даже пожилые матросы из экипажа шхуны с довольным видом покачивали головами, восторгаясь тем, что их капитан, «когда нужно, умеет говорить, как самый лучший словарь, когда-либо спущенный на воду».

Тем временем «Ариэль» поднял все паруса и лег в крутой бейдевинд [1] Ход у него в таких случаях был превосходный, и очень скоро он удалился от берега на такое расстояние, откуда открывался широкий вид на береговые скалы с расположившимися на их вершинах солдатами. Барнстейбл переводил подзорную трубу с тендера на берег, и различные чувства волновали его грудь. Наконец он снова заговорил:

— Если мистер Гриффит спрятался в этих скалах, он скоро увидит и услышит горячий спор без лишних слов — конечно, если командир тендера не отказался от намерения идти прежним курсом. Каково ваше мнение, мистер Мерри?

— Я от всей души и от всего сердца желал бы, сэр, — ответил бесстрашный юноша, — чтобы мистер Гриффит сейчас находился здесь, с нами! На берегу, по-видимому, подняли тревогу, и один бог знает, что случится, если мистера Гриффита схватят! Что же касается этого тендера, то он убедится, что с вельботом «Ариэля» справиться было бы легче, чем с самим «Ариэлем»... Но он прибавляет парусов. Сомневаюсь, вступит ли он в игру...

— Не сомневайтесь в этом, юноша, — ответил Барнстейбл, — он просто отходит подальше от берега, как и следует кораблю со здравым смыслом. Я вижу, он надел очки, чтобы рассмотреть, к какому племени индейцев мы принадлежим. Сейчас, вы увидите, он развернется и пошлет в вашу сторону несколько ядер, чтобы дать нам

[1] Бейдевинд — курс судна, при котором ветер дует несколько спереди.

знать, где найти его. Как ни люблю я вашего первого лейтенанта, мистер Мерри, сегодня я предпочел бы, чтобы он оставался на берегу, нежели был здесь, на борту. Мне бы не хотелось, чтобы кто-либо другой командовал этим судном! Но прикажите бить в барабан, сэр!

Юнга, изнемогавший под тяжестью своего мелодичного инструмента, давно жаждал услышать эту команду и, не дожидаясь, пока гардемарин передаст ему приказание, начал выбивать короткую дробь, способную в любое время пробудить от крепкого сна тысячу человек и заставить их мгновенно броситься к орудиям. Матросы «Ариэля» кучками стояли на палубе, рассматривая неприятеля и отпуская шутки по его адресу. Все ждали только сигнала и с первым же ударом барабанных палочек разбежались по местам, соответственно обязанностям каждого на маленьком судне. Вокруг пушек стояли небольшие группы энергичных, атлетически сложенных молодцов, а немногочисленные оставшиеся на корабле морские пехотинцы в боевом порядке выстроились на палубе, держа наготове свои мушкеты. Вскоре появились и офицеры в абордажных касках, с пистолетами за поясом и обнаженными саблями в руках. Барнстейбл твердым шагом ходил по шканцам, раскачивая на указательном пальце подвешенный на шнуре рупор и время от времени поднося к глазам подзорную трубу, которую он ни на минуту не выпускал из рук, в то время как шпага его была прислонена в грот-мачте. Пара тяжелых морских пистолетов торчала у него из-за пояса. В разных местах палубы были сложены грудами мушкеты, абордажные пики и сабли. Теперь уже морякам было не до смеха, и разговоры велись еле слышным шепотом.

Английский тендер продолжал удаляться от берега, пока расстояние не составило около двух миль, а затем он снова убавил парусов и, развернувшись, дал выстрел в сторону «Ариэля».

— Ставлю центнер трески, мистер Коффин, — сказал Барнстейбл, — против бочонка лучшего английского пóртера, что этот молодец воображает, будто американская шхуна может лететь против ветра! Если он желает поговорить с нами, почему бы ему не прибавить чуть-чуть парусов и не подойти ближе?

Рулевой приготовился к бою еще более тщательно и продуманно, чем кто-либо другой на борту шхуны. Лишь только барабан пробил сбор, он, зная, что в предстоящем

деле ему придется напрячь все свои силы, ни минуты не колеблясь, словно над головой его стояло жаркое американское солнце, сбросил с себя куртку, жилет и даже рубашку. И, поскольку он был на «Ариэле» личностью привилегированной, настоящим оракулом по части морского дела в глазах остального экипажа и человеком, к чьим мнениям прислушивался сам командир, вопрос Барнстейбла никого не удивил. Коффин стоял у своей длинной пушки, сложив мускулистые руки на груди, багровой от длительного воздействия непогод. Седеющие волосы его развевались по ветру, а голова возвышалась над головами всех окружающих.

— Он льнет к ветру, сэр, словно к любимой девушке, — ответил Том, — но скоро ему придется ослабить свои объятия. Если он сам этого не сделает, мы заставим его оказаться у нас с подветра.

— Держать на ветру! — суровым голосом крикнул командир. — Дадим шхуне идти быстрее. Этот молодец легок на ходу, Длинный Том, но держать так круто к ветру, как мы, ему не под силу. Впрочем, если он и дальше будет идти таким же манером, нам не догнать его до наступления ночи.

— Да, сэр, — подтвердил рулевой, — у этих тендеров уйма парусов, хотя с виду кажется, что их немного. Гафель у него почти одной длины с гиком [1], поэтому и грот такой широкий. Однако нетрудно будет срезать у него со снастей часть парусины, и тогда уж ему придется убавить ходу.

— Мне кажется, твое предложение разумно, Том, — сказал Барнстейбл, — тем более что меня беспокоит судьба людей с фрегата. Правда, такое шумное преследование мне не очень по душе, но что поделать! Скажи-ка ему теплое словечко, Том, — посмотрим, ответит ли он нам!

— Есть, сэр! — воскликнул рулевой, наклоняясь так, что голова его очутилась наравне с пушкой.

Отдав нужные приказания и выполнив требуемые манипуляции для наведения пушки на тендер, он сам быстро поднес к затравке огонь. Из дула вырвался огромный клуб белого дыма, а за ним — язык пламени. Ветер

[1] Гафель — наклонное бревно, растягивающее верхний край косого паруса Гик — горизонтальное бревно, прикрепленное одним концом к мачте и растягивающее нижний край косого паруса.

тотчас же подхватил белое облако, которое, поднимаясь над водой, становилось все шире, окутал им мачту шхуны и унес его в подветренную сторону, где оно вскоре растворилось в легкой мгле, гонимой свежим бризом.

Хотя с утесов за этим прекрасным зрелищем следило немало любопытных глаз, для экипажа «Ариэля» в нем не было ничего нового. Здесь каждый хотел лишь увидеть, насколько пострадал от выстрела неприятель. Барнстейбл с легкостью вскочил на одну из пушек и напряженно ждал того мгновения, когда ядро достигнет цели, а Длинный Том с той же целью отклонился от полосы дыма и, держась одной рукой за пушку, носившую его имя, другой рукой оперся о палубу и стал глядеть в орудийный порт. Огромное тело его при этом приняло такое положение, которое мало кто мог бы повторить за ним.

— Вон щепки уже полетели! — закричал Барнстейбл. — Браво, мистер Коффин! Ты еще никогда так верно не посылал чугун под ребра англичанину! Ну-ка, угости его еще разок! Если это ему нравится, мы сыграем с ним партию в кегли.

— Есть, сэр! — отозвался рулевой, который, как только убедился в успешности своего выстрела, начал перезаряжать орудие. — Еще полчаса — и я обтешу его до нашего размера, а тогда мы сумеем сойтись и начать равный бой.

В эту минуту с тендера донеслась дробь барабана, игравшего сбор, как несколькими минутами раньше это было на «Ариэле».

— А! Ты заставил их вспомнить о пушках! — заметил Барнстейбл. — Теперь они поговорят с нами! Буди их, Том, буди!

— Мы либо разбудим их, либо очень скоро уложим спать навсегда, — сказал неторопливый рулевой, который никому, даже своему командиру, не позволял себя подгонять. — Мои ядра похожи на стаю дельфинов: они всегда идут в кильватере одно за другим. По местам стоять! Развернуть пушку — вот так! Отойди, сейчас будет отдача. Эй ты, наглец, оставь в покое мой гарпун!

Вдруг стало тихо.

— Что там случилось, мистер Коффин? — спросил Барнстейбл. — Не прикусил ли ты себе язык?

— Да тут у борта один юнга забавляется моим гарпуном. А когда гарпун понадобится, его и не сыщешь.

— Оставь мальчишку, Том! Пошли его ко мне, я его живо научу, как себя вести. Ну-ка, отправь англичанам еще пару ядер!

— Я хотел бы, чтобы маленький негодяй подносил мне заряды! — заметил рассерженный старый моряк. — Попрошу, сэр, когда он пойдет мимо вас в крюйт-камеру [1], дайте ему пару подзатыльников, чтобы проучить обезьяну. Пусть знает, что такое служба на шхуне! Этакая обезьяна с селедочной мордой!.. Зачем трогаешь вещь, которую и в руках держать не умеешь? Если бы твои родители тратили больше денег на твое обучение, был бы ты джентльменом, а так что ты такое?

— Скорей, Том, скорей! — нетерпеливо воскликнул Барнстейбл. — Твой тезка так и не собирается раскрыть глотку?

— Есть, сэр, все готово, — проворчал рулевой. — Пониже немного!.. Вот так! Чертов бездельник, обезьяна желторылая! Ну-ка, уклон чуть больше. Давай-ка запал поближе... Я его еще не так... Огонь!

Началось настоящее сражение. Ядро, пущенное Томом Коффином, пролетев по тому же направлению, что и первое, уверило неприятеля, что игра становится слишком жаркой и что он не должен молчать. Поэтому в ответ на второй выстрел с «Ариэля» «Быстрый» дал залп всем бортом. Канониры тендера взяли правильный прицел, но пушки его были слишком легки для столь далекого расстояния. И, когда одно-два ядра ударились о борт шхуны и, не причинив ей вреда, упали в воду, рулевой, спокойствие которого постепенно возвращалось к нему, по мере того как разгорался бой, с обычным хладнокровием заметил:

— Это только дружеские приветствия. Англичанин, наверное, думает, что мы ему салютуем!

— Расшевели-ка его, Том! Каждый твой удар помогает ему раскрыть глаза! — воскликнул Барнстейбл, потирая руки от удовольствия, ибо видел, что его усилия сблизиться с противником не будут тщетны.

До сих пор только рулевой и его люди вели бой со стороны «Ариэля», а остальные матросы, поставленные у меньших по калибру и более коротких пушек, пребывали в полном бездействии. Но минут через десять или

[1] Крюйт-камера — помещение на судне для хранения пороха.

пятнадцать командир «Быстрого», подавленный результатами первых попаданий в его судно, понял, что он уже не в силах отступить, даже если бы захотел. Тогда он избрал единственный путь, приемлемый для смелого человека: он отважно двинулся вперед, прямо на неприятеля, стараясь в то же время уберечь тендер от поражения огнем. Барнстейбл орлиным взором следил за каждым маневром врага и, когда корабли достаточно сблизились, отдал приказ открыть огонь из всех пушек. Теперь обеими сторонами овладело равное ожесточение, и завязалась жаркая схватка. Залпы следовали так быстро один за другим, что дым, вместо того чтобы сразу уноситься в подветренную сторону, то взвивался белым облаком над «Ариэлем», то стлался по воде в его кильватере, как бы отмечая путь, по которому шхуна шла на еще более яростную смертельную схватку. Возгласы молодых матросов, когда они заряжали смертоносные орудия, звучали все более исступленно, а рулевой делал свое дело молча и умело, как человек, который выполняет свое призвание. Барнстейбл был необычно сдержан и молчалив, как и подобает командиру, от которого зависит судьба боя, но темные глаза его горели огнем еле сдерживаемого возбуждения.

— Проучим их! — Голос его перекрывал гром пушек. — Забудьте об их снастях, ребята! Бейте ниже, по корпусу!

Английский капитан сражался тоже мужественно. Обстрел с дальней дистанции нанес ему большие потери, в то время как он сам ничем не мог ответить противнику, не располагая дальнобойными пушками. Но теперь он старался искупить первоначальную ошибку в оценке положения. Оба корабля постепенно сходились все ближе и ближе, пока не вошли в общую, созданную канонадой дымовую завесу. Дым ширился, становился все гуще, и вскоре темные корпуса судов полностью скрылись из глаз любопытных и заинтересованных зрителей на скалах. К тяжелым раскатам пушек теперь примешивалась трескотня мушкетов и пистолетов, и сквозь белое облако, окутавшее сражающихся, были видны только похожие на вспышки молний языки огня. Прошли долгие минуты томительной неизвестности, прежде чем солдаты, с большим волнением следившие за ходом боя, могли понять, чьи знамена осенила победа.

Мы последуем за сражающимися в облако дыма и поведаем читателю о том, как развертывались события.

Огонь «Ариэля» был гораздо более сильным и смертоносным, чем огонь «Быстрого», так как шхуна и пострадала меньше и матросы ее были менее утомлены. Поэтому тендер решился на отчаянную попытку взять шхуну на абордаж. Барнстейбл разгадал это намерение и хорошо понимал, почему командир тендера решился на это средство. Но он не был человеком, способным хладнокровно взвешивать свои преимущества, когда гордость и отвага зовут его на более суровые испытания. Поэтому он сам бросился неприятелю навстречу, и, когда суда сошлись, корма шхуны была притянута к посу тендера объединенными усилиями обеих сторон. Теперь сквозь шум и грохот ясно донесся голос английского капитана, призывавшего матросов следовать за ним.

— Вперед! — крикнул в рупор Барнстейбл. — Гоните гостей с кормы!

Это было последнее приказание, которое отважный моряк отдал через рупор, ибо, отбросив его в сторону и схватив шпагу, он бросился к тому месту, где неприятель уже готов был предпринять свою отчаянную попытку. Крики, проклятия и ругательства сражающихся сменили рев пушек, которые теперь стали бесполезны, однако мушкетная и пистолетная стрельба продолжалась.

— Смести их с палубы! — кричал английский капитан, появившись на своем борту в окружении десятка самых храбрых матросов. — Загнать мятежных собак в море!

— Вперед, моряки! — в свою очередь, закричал Барнстейбл, разряжая пистолет в наступающего неприятеля. — Пусть никто из них не сделает больше ни глотка грогу!

Грозный ружейный залп, последовавший за словами капитана, почти буквально исполнил его желание, и командир «Быстрого», заметив, что остался один, неохотно отступил на палубу своего судна, чтобы снова повести в атаку своих людей.

— На абордаж, седобородые и юнцы, бездельники и все прочие! — закричал Барнстейбл, бросаясь вперед.

Сильная рука схватила бесстрашного моряка, и, прежде чем он успел прийти в себя, он снова очутился на «Ариэле» в железных объятиях рулевого.

— Зверь подыхает, — сказал Том, — и незачем сейчас

лезть к нему под плавник. Но я на минутку пройду вперед и двину его гарпуном.

Не дожидаясь ответа, рулевой шагнул на борт и собирался было переступить на вражеский корабль, как вдруг волна на мгновение развела оба судна, и он с тяжелым всплеском упал между ними в море. А так как, едва он появился на борту, в его сторону были разряжены десятки мушкетов и пистолетов, моряки «Ариэля» вообразили, будто он упал, сраженный пулей. Ярость их при виде этого удвоилась, а Барнстейбл закричал:

— Отомстим за Длинного Тома! На абордаж! Длинный Том или смерть!

Матросы в едином порыве бросились вперед и, пролив немало крови, ворвались на палубу «Быстрого». Английский капитан отступил перед превосходящими силами, но все еще не терял мужества. Он собрал вокруг себя свою команду и храбро продолжал борьбу. Удары пик и сабель падали все чаще и со смертельной силой, а те моряки, которые оставались в задних рядах, поминутно разряжали мушкеты и пистолеты.

Барнстейбл, предводительствуя своими людьми, стал мишенью для нападок англичан, медленно отступавших под его энергичным натиском. Благодаря случаю оба командира оказались на противоположных сторонах палубы тендера, и там, где эти отважные офицеры лично руководили борьбой, победа того или иного из них, казалось, была близка. Но англичанин вскоре заметил, что, одерживая верх в одном месте, он теряет в другом, и решил возобновить бой с новой позиции. Два-три верных ему матроса последовали за ним. Один из них, опередив его, направил дуло мушкета в голову американского командира и уже собирался выстрелить, когда Мерри, скользнув между сражающимися, вонзил свой кортик в этого матроса и поверг его на палубу. Произнося ужасные проклятия, раненый матрос крепче сжал в руках мушкет, намереваясь отомстить молодому противнику, но бесстрашный юноша подскочил и вонзил свой острый клинок ему в сердце.

— Ура! — вопил уже ничего не сознававший Барнстейбл, который, стоя на корме тендера, с помощью нескольких человек сметал все перед собой. — Мщение! Длинный Том, и победа!

— Они у нас в руках! — закричал англичанин. — В пики! Они между двух огней!

Весьма возможно, что бой окончился бы совсем не так, как можно было ожидать по его течению, если бы на корму тендера в эту минуту не вылезла прямо из моря исполинская фигура с гарпуном в руке. Это был Длинный Том, бронзовое лицо которого горело яростью от перенесенной неприятности, а седеющие волосы слиплись от морской пены, из которой он вышел, как Нептун со своим трезубцем [1]. Не говоря ни слова, он прицелился и, с силой метнув гарпун, пригвоздил несчастного англичанина к мачте его же судна.

— Берегись! — закричал Том, после того как пустил в ход свой гарпун, и, схватив мушкет убитого матроса, начал наносить страшные по силе удары прикладом по всем, кто к нему приближался, совершенно пренебрегая прикрепленным к дулу штыком.

Несчастный командир «Быстрого» еще продолжал неистово потрясать шпагой и страшно вращать глазами, корчась в смертельной агонии. Затем голова его безжизненно упала на залитую кровью грудь, и он повис на мачте, к невыразимому ужасу его экипажа. Несколько англичан стояли как прикованные, не в силах оторваться от этого чудовищного зрелища, но большинство из них бросились на нижнюю палубу или спешили укрыться в укромных уголках судна, предоставив американцам свободно овладеть «Быстрым».

Две трети экипажа тендера были убиты или ранены в этой короткой стычке, но и Барнстейбл одержал победу ценой жизни многих достойных людей. Правда, первый взрыв ликования заставил временно забыть о жертвах. Громкие радостные крики ознаменовали торжество победителей. Когда же все стихло и люди пришли в себя, Барнстейбл отдал приказания, которых требовали гуманность и долг. И, пока разводили суда, уносили раненых и убирали убитых, победитель шагал по палубе тендера, погруженный в глубокое раздумье. Он часто подносил руку ко лбу, почерневшему от копоти и забрызганному кровью, потом приглядывался к огромному облаку дыма, все еще висевшему над судами, как густой морской туман. О принятом им решении он немедленно объявил экипажу.

— Спустить все наши флаги! — приказал он. — Под-

---

[1] Нептун — в римской мифологии бог моря, повелевающий волнами; волшебный трезубец — символ его власти.

пять снова на «Быстром» английский флаг и повесить вражеский флаг на «Ариэле»!

Появление всего неприятельского флота на расстоянии пушечного выстрела не вызвало бы среди победителей такого удивления, как это странное приказание. Озадаченные моряки прервали свои занятия, чтобы посмотреть на эту поразительную смену флагов — эмблем, на которые они привыкли смотреть с большим уважением. Но никто не решился открыто высказаться по поводу этой процедуры, за исключением Длинного Тома, который стоял на шканцах захваченного судна, выпрямляя согнувшийся конец своего гарпуна с таким старанием и заботой, будто без этого оружия нельзя было удержать за собой победу. Услышав приказ командира, Том, как и другие, бросил работу и, нимало не смущаясь, тотчас высказал свое неудовольствие.

— Если англичане чем-нибудь недовольны и полагают, что игра была нечестной, — пробормотал старый рулевой, — давайте начнем все сначала, сэр. Правда, людей у них маловато, но они могут отправить на берег шлюпку за этими ленивыми гадами солдатами, которые пялят на нас глаза, а сами похожи на красных ящериц, ползающих по песку. Сразимся с ними еще раз! Но, черт меня возьми, я не знаю, зачем нам снова колотить их, если все сводится на нет!

— Что ты там ворчишь, как норд-ост, старая камбала? — спросил Барнстейбл. — Подумай о наших друзьях и соотечественниках, которые остались на берегу! Неужели мы оставим их для виселицы или тюрьмы?

Рулевой выслушал его с сосредоточенным видом, а потом так ударил себя по мускулистой ляжке, что хлопок прозвучал, как пистолетный выстрел.

— Теперь мне понятно, сэр! Вы думаете, что эти красные мундиры взяли мистера Гриффита на буксир? Тогда ведите шхуну на мелководье, капитан Барнстейбл, станьте на якорь в таком месте, где можно будет навести на них длинную пушку, а потом дайте мне вельбот и пять-шесть человек в помощь — только у них должны быть длинные ноги на тот случай, если им придется пешком прогуляться по морю, прежде чем я подберу их на борт!

— Дурья голова! Неужели ты думаешь, что пять-шесть человек справятся с пятьюдесятью вооруженными солдатами?

— «Солдатами»! — распаляясь, повторил Том и щелкнул пальцами с невыразимым презрением. — Один кит может убить тысячу вооруженных солдат! А вот человек, который убил целую сотню китов! — ткнул он себя в грудь.

— Ах ты, старый дельфин! Ты что, стал хвастуном на старости лет?

— Если человек говорит правду, которая записана в вахтенном журнале, сэр, это не хвастовство. Но, если капитан Барнстейбл думает, что у старого Тома Коффина рупор вместо головы, пусть только он разрешит ему спустить на воду вельбот!

— Нет, нет, мой старый учитель! — ласково сказал Барнстейбл. — Я знаю тебя слишком хорошо, брат Нептуна! Но, может быть, нам удастся пустить пыль в глаза англичанам, если мы некоторое время походим под их флагом, пока не представится случай помочь нашим землякам, попавшим в беду.

Рулевой покачал головой и на минуту задумался, а затем, словно озаренный новой мыслью, воскликнул:

— Да-да, сэр, это настоящая философия, чистая, как синяя морская вода, и такая же глубокая! Пусть эти гады пока растягивают рот хоть до ушей! Когда они узнают правду, у них челюсть упадет до галстука!

Эта мысль утешила рулевого, и работа по устранению повреждений и приведению «Быстрого» в порядок пошла своим чередом, без дальнейшего вмешательства с его стороны. Немногих пленных, которые не были ранены, быстро переправили на «Ариэля». Присутствуя при этом, Барнстейбл услышал необычный шум в одном из люков, откуда двое матросов вытаскивали человека, поведение и внешность которого указывали на то, что он охвачен презренным страхом. Оглядев эту странную личность, лейтенант на миг застыл в изумлении, а затем воскликнул:

— Кто это? Какой-то любитель сражений? Скорее всего, любознательный штатский, который вызвался служить королю, а попутно и себе, написав картину или книгу. Скажите, сэр, какую должность вы занимали на этом судне?

Пленник покосился на допрашивавшего, в котором он предполагал встретить Гриффита, но, убедившись, что этого человека видит впервые, сразу обрел некоторую уверенность.

— Я очутился здесь случайно, — ответил он. — Я был на тендере в то время, когда его покойный командир решил напасть на вас. Он мог высадить меня на берег, но я надеюсь, что это сделаете вы. Ваше предположение о том, что я штатский...

— ...совершенно справедливо, — перебил его Барнстейбл. — Не нужно и подзорной трубы, чтобы в этом убедиться. Однако по некоторым веским причинам...

Он остановился, заметив знак, поданный ему Мерри, который с жаром прошептал ему на ухо:

— Это мистер Диллон, родственник полковника Говарда! Я часто видел, как он тащился в кильватере моей кузины Сесилии.

— Диллон! — воскликнул Барнстейбл, потирая от удовольствия руки. — Кит Диллон? «Длинная физиономия с черными глазами и кожей такого же цвета»? Он немного побелел от страха, но сейчас это добыча, которая стоит двадцати тендеров!

Разговор шел вполголоса и на некотором расстоянии от пленника, к которому Бранстейбл теперь приблизился.

— Политические соображения, — сказал лейтенант, — а следовательно, и долг службы вынуждают меня задержать вас на некоторое время, сэр! Но мы поделимся с вами всем, чем располагаем, чтобы облегчить вам тягость пребывания в плену.

Не дожидаясь ответа, Барнстейбл поклонился Диллону и отвернулся от него, чтобы надзирать за работами на судах. Вскоре ему доложили, что все готово. «Ариэль» и «Быстрый» повернули и медленно пошли вдоль берега по направлению к той бухте, откуда утром вышел тендер. Когда они приблизились к берегу, солдаты на утесах огласили воздух радостными криками, и Барнстейбл, указывая им издали на английские флаги, развевавшиеся по ветру на мачтах, заставил свой экипаж ответить самым сердечным образом. Так как расстояние и отсутствие шлюпок не позволяли узнать остальные подробности, солдаты, поглядев еще некоторое время вслед удаляющимся судам, ушли с утесов и вскоре исчезли из глаз отважных моряков. Проходил час за часом томительного плавания, сопровождавшегося борьбой с неблагоприятным течением, и короткий день уже клонился к вечеру, когда они приблизились ко входу в бухту, уготовленную им самой судьбой. Во время одного из многочисленных поворотов тендер, где продол-

жал оставаться Барнстейбл, встретился с трофеем их утренней охоты, огромная туша которого вздымалась в волнах, как округленный утес, и уже была окружена акулами, терзавшими беззащитное тело.

— Смотри, мистер Коффин! — крикнул он рулевому, указывая на кита, когда они проходили мимо. — Как пируют эти тупорылые джентльмены! Ты забыл об обязанности христианина — похоронить побежденного.

Старый моряк бросил печальный взгляд на мертвого кита и ответил:

— Если бы эта зверюга попалась мне в Бостонском заливе или у мыса Сэнди оф Манни-Мой, я был бы обеспечен на всю жизнь! Но богатство и почет — для людей знатных да ученых, а бедному Тому Коффину остается только травить и выбирать шкоты да лавировать так, чтобы выйти из жизненных штормов, не поломав своего старого рангоута!

— Вот как ты заговорил, Длинный Том! — воскликнул офицер. — Как бы у этих скал и рифов тебе не потерпеть крушения на мелях поэзии! Ты становишься очень чувствительным.

— Об эти скалы разобьется любой корабль, если налетит на них, — ответил рулевой, понимавший все буквально, — а что касается поэзии, то я не знаю ничего лучше доброй старой песни про капитана Кидда[1]. Но, право, было над чем задуматься индейцу с мыса Подж, когда акулы при нем пожирали кита с запасом сала на восемьдесят бочек! Сколько добра пропадает даром! Мне довелось видеть смерть двух сотен китов, а паек бедного старого Тома остался прежним.

В то время как судно проходило мимо кита, рулевой перешел на корму, уселся у борта и, подперев голову костлявой рукой, устремил мрачный взгляд на предмет своего вожделения, еще долго сверкавший в лучах солнца, которые то отражались от белого блестящего брюха исполина, то падали на его черную спину. Тем временем оба судна приблизились к цели своего плавания и вошли в бухту с уверенностью друзей и торжеством победителей.

На берегах кое-где виднелись восхищенные зрители,

---

[1] О капитане Кидде, моряке и пирате, повешенном в Лондоне 23 мая 1701 года, существуют пользовавшиеся большой популярностью песни и баллады

и Барнстейбл закончил приготовления к обману неприятеля тем, что обратился к команде с краткой речью. В ней он предупредил людей о том, что теперь они приступают к делу, которое потребует от них величайшей отваги и рассудительности.

Глава XIX

Мы трубным звуком вас призвали на совет.
Шекспир, «Король Иоанн»

Выбежав из дверей аббатства, Гриффит и его товарищи не встретили на своем пути никого, кто мог бы их остановить или поднять тревогу. Наученные горьким опытом последнего вечера, они старались обходить те места, где, по их соображениям, могли стоять часовые, хотя и были готовы преодолеть любое сопротивление, и вскоре очутились вне тех пределов, где их могли заметить. С полмили они шли быстро, в строгом молчании, как люди, ежеминутно ожидающие встретить опасность и решившиеся на все. Но, войдя в рощу, окружавшую развалины, о которых мы уже упоминали, они умерили шаг и даже осмелились вполголоса заговорить.

— Мы ушли вовремя, — сказал Гриффит. — Я скорее примирился бы с пленом, чем согласился внести смятение и пролить кровь в мирном доме полковника Говарда!

— Очень жаль, сэр, что эта мысль не возникла у вас несколько часов назад! — ответил лоцман тоном, который был еще суровее, чем слова.

— Возможно, я действительно забыл о своих прямых обязанностях, сэр, из-за желания выяснить положение семьи, к которой я питаю особый интерес, — сказал Гриффит, в котором гордость боролась с почтительностью. — Однако сейчас не время для сожалений. Я помню, что мы сопровождаем вас в важном предприятии, где следует действовать, а не извиняться. Позвольте узнать, каковы ваши ближайшие намерения?

— Я очень боюсь, что наше предприятие сорвалось, — мрачно ответил лоцман. — На заре поднимут тревогу, пойдут смотры иоменов, местные дворяне соберутся на совет, и такие развлечения, как охота, будут отменены.

Слух о десанте прогонит сон с берегов этого острова по крайней мере на десять миль вглубь.

— Вы сами, вероятно, провели не смыкая глаз немало приятных ночей среди них, мистер лоцман, — заметил Мануэль. — Они могут благодарить француза Тюро[1] за старое дело тысяча семьсот пятьдесят шестого года и нашего собственного сорвиголову, шотландского пирата, за то, что покой их домов так часто нарушался. Впрочем, Тюро со своим флотом только попугал их немного, а потом несколько малых крейсеров заставили его исчезнуть так же, как исчезает мальчишка-барабанщик под кивером гренадера. Но честный Поль заставил своих соотечественников хорошенько поплясать под свою дудку и...

— Я думаю, — поспешно перебил его Гриффит, — вы сами, Мануэль, скоро запляшете от удовольствия, избавившись от английской тюрьмы.

— Скажите лучше — от английской виселицы, — поправил его развеселившийся командир морской пехоты, — потому что, если бы военному трибуналу или даже гражданскому суду стало известно, как мы попали на этот остров, я сомневаюсь, чтобы с нами обошлись лучше, чем с самим отчаянным шотландцем, чест...

— Хватит! — нетерпеливо перебил его Гриффит. — Хватит болтать чепуху, капитан Мануэль, нам сейчас следует подумать о других делах... Какой план вы намерены теперь предложить, мистер Грэй?

Услышав этот вопрос, лоцман вздрогнул, как человек, очнувшийся от глубокого размышления, и, помолчав, заговорил тихим голосом, словно все еще находясь под влиянием сильного и печального чувства:

— Ночь уже кончается, но солнце в этих широтах не спешит восходить в середине зимы. Я должен покинуть вас, друзья мои, с тем чтобы вернуться часов через десять. Наш план необходимо основательно продумать, прежде чем на что-нибудь решиться, и предварительную разведочную работу могу выполнить только я. Где мы встретимся вновь?

— Мне кажется, что недалеко от нас находятся за-

---

[1] Тюро Франсуа (1726 или 1727—1760) — французский моряк; во время Семилетней войны наносил большой ущерб английской торговле, захватил много купеческих судов и, командуя четырьмя фрегатами, отправился в экспедицию с целью высадить десант в Ирландии, но был убит в бою.

брошенные развалины, — сказал Гриффит. — Может быть, мы обретем и приют и уединение в их забытых стенах.

— Хорошая мысль, — подтвердил лоцман. — Это нам будет полезно вдвойне. Найдете ли вы, капитан Мануэль, то место, где оставили в засаде своих солдат?

— Есть ли у собаки нюх? И может ли она пайти свежий след? — воскликнул капитан. — Неужели генерал оставит свои силы в таком месте, которого потом сам не сыщет? Клянусь богом, я прекрасно знаю, где полчаса назад, положив под головы ранцы, улеглись храпеть мои молодцы, но я готов спорить на чин майора в армии Вашингтона, что по первому моему слову все они будут здесь в полном обмундировании и готовые к атаке! Я не знаю, джентльмены, как смóтрите на них вы, но для меня вид двадцати таких бездельников — отрадное зрелище. Мы нанизали бы этого капитана Борроуклифа и его рекрутов на штыки, как сам дьявол нанизывает...

— Хватит, хватит, Мануэль! — не без раздражения остановил его Гриффит. — Вы все время забываете о нашем положении и о порученном нам деле. Можете ли вы незаметно привести сюда ваших людей, прежде чем забрезжит день?

— Мне для этого нужно всего полчаса.

— Тогда пойдем, я выберу место нашего будущего свидания, — сказал Гриффит. — А мистер Грэй попутно ознакомится с местностью, где мы будем скрываться.

По знаку лоцмана они все трое осторожно двинулись во мрак на поиски желанного убежища и вскоре увидели перед собой полуобвалившиеся стены, тянувшиеся на довольно большое расстояние. Отдельные части руин поднимались высоко к небу и своей тенью усугубляли лесной мрак.

— Это нам годится, — сказал Гриффит, когда они немного прошли вдоль разрушенной стены. — Приходите с вашими людьми сюда, а я встречу вас здесь и отведу в более укромное место, которое постараюсь найти за время вашего отсутствия.

— Да здесь просто рай после палубы «Ариэля»! — воскликнул Мануэль. — Уверен, что в этом лесочке можно отыскать и хорошую площадку для строевых занятий — уже полгода я мечтаю об этом!

— Какие там занятия! — рассердился Гриффит, —

Сейчас не время для бесполезных смотров. Укрыться получше от обнаружения и плена, пока силы ваши не понадобятся для смертельной схватки, — вот все, что нам сейчас нужно.

Мануэль медленно двинулся обратно к опушке леса и вдруг, обернувшись, спросил:

— Не выставить ли нам на открытом месте небольшой пикет с капралом во главе или протянуть цепь часовых перед нашими укреплениями?..

— У нас нет никаких укреплений, и не нужно нам никаких часовых! — с досадой прервал его Гриффит. — Наше спасение только в осторожности и полной тайне. Ведите людей под защитой деревьев, пусть эти три яркие звезды будут вашими ориентирами. Курс держите на северный угол леса...

— Довольно, мистер Гриффит, — перебил его Мануэль. — Колонну солдат не ведут, как корабль, по компасу и расчетам дальности. Поверьте мне, сэр, мой отряд пойдет с должной осторожностью, но так, как подобает солдатам!

И капитан мгновенно исчез, тем самым помешав Гриффиту ответить или возразить ему. Удаляющиеся шаги были еще некоторое время слышны, пока он медленно пробирался через подлесок. Между тем лоцман, храня глубокое молчание, стоял, прислонившись к углу развалин. Но, когда шаги Мануэля совсем стихли, он подошел к своему молодому спутнику.

— Мы обязаны ему своим освобождением, — сказал он. — Надеюсь, он не испортит дела своей глупостью.

— Он, как говорит Барнстейбл, человек «прямоугольный», — ответил Гриффит, — и по-своему понимает армейскую службу, но в минуту опасности он хороший товарищ. Если только удастся удержать его от этой дурацкой парадности, мы обретем в нем человека, сэр, который не посрамит звания солдата.

— Это все, чего я требую, но до последнего момента он сам и его солдаты должны быть немы как рыбы. Если нас обнаружат, мы с нашими двадцатью штыками и пиками будем беспомощны против силы, которую двинут, чтобы нас уничтожить.

— Ваше замечание совершенно справедливо, — ответил Гриффит. — Эти парни могут спать без просыпу по целым неделям во время шторма в море, но запах суши

пробуждает их, и боюсь, что трудно будет удержать их в спокойствии в течение дня.

— Между тем это необходимо, сэр, и, если слова не помогут, нужно прибегнуть к силе! — сурово сказал лоцман. — Если бы нам пришлось иметь дело только с рекрутами этого пьяного вояки, мы без труда сбросили бы их в море, но, сидя под арестом, я узнал, что на рассвете сюда ждут кавалеристов. Там есть человек, по имени Диллон, — он особенно старается нам навредить.

— Подлец! — воскликнул Гриффит. — Но я вижу — и у вас, сэр, есть знакомые среди обитателей монастыря Святой Руфи?

— Человеку, идущему на опасное дело, необходимо пользоваться любой возможностью, чтобы выяснить положение, — уклончиво ответил лоцман. — Если то, что мне сообщили, соответствует истине, боюсь, нам не удастся выполнить наш план...

— Тогда давайте воспользуемся темнотой и уйдем на шхуну. Воды у берегов Англии кишат неприятельскими крейсерами, и богатые торговые суда плывут к острову со всех четырех сторон света. Нам недолго пришлось бы искать врага, с которым стоило бы помериться силами, и мы могли бы перерезать нерв войны англичан — их торговлю.

— Гриффит, — ответил лоцман ровным, тихим голосом, который, казалось, принадлежал человеку, никогда не знавшему честолюбия и не имевшему людских страстей, — мне уже надоела борьба между заслугами и происхождением. Напрасно рыскал я по морям, которые король Англии хвастливо называет своей собственностью, и брал в плен суда у самого входа в гавани. Награда моя состояла из одних пустых и лживых обещаний. Ваше предложение мне не подходит. Теперь я наконец получил в свое распоряжение корабль, достаточный по размерам, чтобы доставить меня к берегам Америки, и по прибытии туда я хочу войти в зал конгресса не один, а в сопровождении нескольких законодателей этого гордого острова, вообразивших, что только на нем процветают мудрость, доблесть и величие.

— Такая свита, несомненно, могла бы доставить удовольствие не только вам, но и тем, кто будет вас встречать, — скромно сказал Гриффит. — Но может ли это иметь большое значение для великих идей нашей борьбы?

И стоит ли этот подвиг, даже если он увенчается успехом, тех опасностей, которым вы подвергаетесь?

Лоцман судорожно сжал руку Гриффита и ответил ему голосом, исполненным еще более мрачного спокойствия:

— Это благородное дело, молодой человек, и, если оно сопряжено с опасностью, наградой ему будет слава! Я служу республике и называю американцев братьями только потому, что вы сражаетесь за права человека. Будь ваше дело менее священно, я не пролил бы за него ни капли английской крови, но сейчас оно освещает любой подвиг, совершенный во имя него, и имена тех, кто за него борется, будут принадлежать потомству. Разве не заслуга доказать этим надменным островитянам, что рука свободы может вырвать их из самого лона этой империи продажности и угнетения?

— Тогда позвольте мне отправиться на поиски нужных нам сведений. Вас там видели, и это может привлечь...

— Вы меня мало знаете, — прервал его лоцман. — Это предприятие задумал я. Если оно удастся, я хочу, чтобы слава досталась мне, поэтому и риск должен лечь на меня. Если мой замысел не удастся, о нем забудут, как о десятках других, которые, будь в моем распоряжении сила, способная меня поддержать, заставили бы оцепенеть от страха все это королевство, начиная от дозорных на его высоких мысах и кончая часовыми на башнях Виндзорского замка. Но я не рожден в знатной семье, где на протяжении двадцати поколений умерщвлялась душа и портилась кровь, поэтому мне не доверяют жалкие выродки, командующие французским флотом.

— Говорят, в Америке теперь строят из нашего отечественного дуба двухпалубные корабли, — сказал Гриффит. — Стоит вам лишь прибыть туда, и вы тотчас получите почетное назначение.

— Да, республика не может сомневаться в человеке, который высоко держал ее знамя в самых кровопролитных боях! Я поеду туда, Гриффит, но путь мой лежит по этой тропе. Моим притворным друзьям не раз удавалось связывать мне руки, но врагам — никогда! Не удастся им это и сейчас. Через десять часов я буду знать все, что мне нужно, а вам я вверяю заботу о нашем отряде до моего возвращения. Будьте бдительны и осторожны.

— А если вы не явитесь в назначенный час,— воскли-

нул Гриффит, увидев, что лоцман уходит, — где мне искать вас? Каким образом я могу вам помочь?

— Не ищите меня, а возвращайтесь на свое судно. Я провел свою юность на этом берегу, хорошо знаю местность и в случае необходимости сумею, переодевшись, так же легко покинуть остров, как и появился на нем. Забудьте обо мне и думайте только о своем прямом деле.

Лоцман сделал Гриффиту прощальный знак и исчез. Несколько минут молодой человек оставался на месте, размышляя об удивительно одаренном и неутомимом человеке, с которым его неожиданно свела судьба и с участью которого в силу вмешательства непредвиденных обстоятельств было так тесно связано его собственное будущее. Оторвавшись наконец от этих мыслей, навеянных недавними событиями, он направился внутрь развалин и, тщательно осмотрев полуразрушенное здание, убедился, что в нем сохранилось немало тайников, где могли укрыться солдаты до возвращения лоцмана. А тогда им предстоит либо попытаться захватить намеченных любителей охоты, либо, пользуясь темнотой, возвратиться на «Ариэль». Наступила глухая ночная пора, которую моряки называют утренней вахтой, и Гриффит тихонько пробрался на опушку маленького леса, чтобы послушать, не доносятся ли звуки погони. Дойдя до такого места, откуда он мог смутно различать даже далекие предметы, молодой человек остановился и постарался внимательно ознакомиться с окружающей обстановкой.

Шторм заметно стих, но мощный поток морского воздуха свистел и шумел в голых ветвях дубов, усиливая мрачность ночной картины. В полумиле, на фоне полосы света, постепенно разгоравшейся над морем, гордо вырисовывались стены монастыря Святой Руфи. Когда молодой моряк поворачивался в сторону берега, ему казалось, что он видит белые шапки пены на излюбленной им и теперь взбудораженной стихии. Порывы ветра доносили до слуха смутный рев прибоя, тяжко обрушивавшегося на берег или с бешеной силой кидавшегося на незыблемый рубеж из скал. В такое время и в таком месте молодому моряку естественно было поразмыслить о превратности счастья в его опасной профессии. Прошло всего лишь несколько часов, как он, прилагая все свое умение и всю энергию, управлял огромным кораблем, на котором теперь в открытом море, далеко от берега, где он сейчас хладнокровно

ждал опасности, так безмятежно спали его друзья. Воспоминания о доме, об Америке, о его юношеской неослабной любви, о красоте любимой девушки толпились в его мозгу в диком и лихорадочном смятении, все же радуя пылкое воображение молодого человека, и он медленно направился в сторону монастыря, как вдруг его слуха коснулся звук шагов. Несомненно, это был размеренный шаг солдат. Отряд приближался, и Гриффит, мгновенно отогнав грезы, через несколько секунд увидел людей, маршировавших в полном боевом порядке к опушке леса, откуда он только что вышел. Быстро отступив в тень деревьев, он наблюдал за движением отряда и убедился, что эти люди тоже ищут укрытия. Тогда он решил их окликнуть.

— Кто идет? По какому делу? — крикнул он.

— Трус, который прячется в нору, как заяц, или прыгает от дыры к дыре, как портовая крыса, — угрюмо ответил Мануэль. — Я хожу мимо неприятеля на расстоянии меньше ружейного выстрела и не смею выстрелить даже по их аванпостам, потому что дула наши закупорены тем всеобщим гасителем пороха, который называется осторожностью. Не желаю вам, мистер Гриффит, когда-либо испытать такое искушение, какое только что испытал я: мне так хотелось пальнуть дробью по этой собачьей конуре, хотя бы для того, чтобы разбить окна и впустить ночной воздух к этому пьянице, который сейчас дрыхнет под парами доброго южного нектара. Послушайте, мистер Гриффит, одно слово на ухо!

Между офицерами состоялся короткий разговор, но, по-видимому, они не пришли к общему решению, ибо, подойдя к солдатам, Мануэль все еще продолжал излагать свои планы и убеждать Гриффита.

— Я мог бы взять старую тюрьму, даже не разбудив тех, кто там храпит. И подумайте, сэр, сколько мы добыли бы в тамошних погребах самого подкрепляющего напитка, какой когда-либо смачивал глотку джентльмена!..

— Глупости все это, глупости! — нетерпеливо прервал его Гриффит. — Мы не воры, которые шарят по курятникам, и не дегустаторы вин, поэтому не станем опустошать погреба́ английских дворян, капитан Мануэль. Мы честные люди, занятые священным делом освобождения нашей страны. Ведите ваш отряд в развалины, пусть люди отдохнут. На рассвете, возможно, для них найдется работа.

— Да будет проклят тот час, когда я расстался с армией и поставил солдата под начало целой банды смоленых курток! — пробормотал Мануэль, направляясь выполнять приказ, отданный ему таким властным голосом, что он не посмел ослушаться. — Упустить такой прекрасный случай внезапного нападения и пополнения запасов! Но, клянусь правами человека, уж лагерь-то я устрою по всем правилам!.. Эй, сержант, назначь трех человек и капрала в пикет и поставь их на опушке леса. А перед нашими укреплениями поставь часового, и вообще постараемся поддержать некое подобие дисциплины.

Гриффит выслушал это приказание весьма неодобрительно, но, ожидая, что лоцман вернется раньше рассвета, который вскрыл бы дефекты их маскировки, он сдержал искушение и не вмешался. Итак, Мануэль мог наслаждаться тем, как по его желанию в полном боевом порядке размещался маленький отряд, а затем он сам с Гриффитом и солдатами занял одно из сводчатых помещений, открытые и сорванные двери которых как бы приглашали внутрь. Солдаты расположились на отдых, а оба офицера решили бодрствовать и коротали время то за разговорами, то унесясь мыслями в самые различные области, куда только могла увлечь фантазия людей, столь различных по характеру.

Так в ленивом спокойствии и угрюмом ожидании проходил час за часом, пока не занялся день и не стало опасно оставлять часовых в таком месте, где их мог заметить любой бродяга, проходя близ леса. Мануэль возражал против всяких изменений и утверждал, что, сняв пикет, они поступят совсем не по-военному. Вступая в спор с морским офицером, он постоянно доводил свои тактические понятия до нелепости. Но на сей раз его начальник оказался непреклонным, и единственное, чего капитану удалось добиться, — это разрешения поставить одного часового перед входом в подвал, но в пределах разрушенных стен здания. После этого небольшого изменения прежнего распорядка они снова провели несколько часов в томительном ожидании того времени, когда им придется действовать.

Послышались первые залпы «Быстрого», и Гриффит привычным ухом тотчас же различил, что стреляет не шхуна. А когда вдали загрохотала оживленная канонада, Гриффиту с большим трудом удалось удержать себя и

своих товарищей в тех границах, которых требовали их положение и благоразумие. Наконец отгремел последний залп, но ни один человек не покинул подвала, и теперь догадки о результате боя пришли на смену догадкам о его участниках. Одни солдаты время от времени поднимали головы с каменных обломков, служивших им подушками, которые не мешали им ловить минуты тревожного и недолгого забытья, и, послушав пальбу, снова укладывались спать, мало заботясь об исходе сражения, в котором они сами не принимали участия. Другие, более любопытные и менее сонные, щедро сыпали грубыми шутками по адресу тех, кто участвовал в бою, и по доносившимся звукам старались определить его ход.

Когда все стихло, Мануэль снова начал ворчать:

— Всего в двух милях от нас было, кажется, очень весело, мистер Гриффит, — сказал он. — Если бы мы не зарылись в землю, как кроты, то могли бы принять участие в этом веселье и по праву разделить славу и почет. Да и сейчас еще не поздно выйти на скалы, где мы были бы на виду у судов и, может быть, заработали долю при дележе добычи.

— Королевский тендер — невелика добыча, — возразил Гриффит, — и мало было бы проку Барнстейблу, если бы он загромоздил свою палубу кучей бесполезных людей.

— Бесполезных? — возмутился Мануэль. — Вы считаете бесполезными двадцать три хорошо обученных отборных солдата? Посмотрите на этих молодцов, мистер Гриффит, и повторите, что считаете их бесполезными в час опасности!

Гриффит улыбнулся, взглянул на спящих людей (как только пальба стихла, они снова все предались отдыху) и не мог не полюбоваться их атлетическими, мускулистыми фигурами, раскинувшимися во мраке подвала во всех позах, какие только могли подсказать усталость или прихоть.

Затем он перевел взор на пирамиды ружей; даже в этом темном помещении солнце отражалось от их блестящих стволов и отполированных штыков. Мануэль с внутренней радостью следил за его взглядом и выражением лица, но сдержался и ничем не выдал своих чувств, ожидая ответа Гриффита.

— Я уверен, что в час опасности они будут вести себя,

как и подобает настоящим солдатам, — сказал Гриффит.— Но чу! Я что-то слышу... Что он говорит?

— Кто идет? — повторил часовой, стоявший у входа в подвал

В одно мгновение Мануэль и Гриффит были на ногах и остановились, стараясь не производить ни малейшего шума. Напрягая слух, они пытались понять, что встревожило часового. Прошла минута мертвой тишины.

— Это лоцман! Назначенный им час давно прошел, — прошептал Гриффит.

Не успел он произнести эти слова, как до них внезапно донесся лязг оружия, и с каменных ступеней ведущей к выходу лестницы к их ногам скатилось безжизненное тело часового. Из глубокой раны в его груди торчал штык, который и был причиной его смерти.

— Встать! Встать! — закричал Гриффит солдатам.

— К оружию! — громовым голосом гаркнул Мануэль.

Солдаты, пробужденные этими страшными криками, в испуге вскочили на ноги. В то же роковое мгновение в подвал брызнул огонь, а затем эхом отдался залп двадцати мушкетов. Но ни грохот, ни дым, ни доносившиеся со всех сторон стоны не могли удержать Гриффита. Он разрядил пистолет в облако, скрывавшее вход в подвал, и, схватив абордажную пику, бросился на лестницу с криком:

— Вперед! За мной, ребята! Это всего лишь солдаты!

Пылкий молодой моряк одним духом взлетел по ступеням, но, выбегая наружу, споткнулся о корчившееся тело жертвы его же выстрела и упал прямо в руки неприятельских солдат.

— Огонь, Мануэль, огонь! — закричал разъяренный пленник. — Стреляйте, пока они все тут в куче!

— Конечно, стреляйте, мистер Мануэль, — хладнокровно сказал Борроуклиф, — и убейте своего же офицера!.. Поднимите его, ребята, и держите перед собой. Чем ближе к нему, тем безопаснее.

— Огонь! — снова закричал Гриффит, безуспешно стараясь вырваться из рук пяти-шести солдат. — Стреляйте и не думайте обо мне!

— Если он это сделает, его будет ждать виселица, — заметил Борроуклиф. — Разве можно убивать такого замечательного молодца? Мы не на охоте... Отведите-ка его от входа в подвал, ребята, и займитесь своим делом.

В тот миг, когда Гриффит бросился наверх, Мануэль был занят тем, что выстраивал в порядке своих солдат, приученных делать все вместе и по команде. Поэтому они упустили время для успешной вылазки. Солдаты Борроуклифа перезарядили мушкеты и залегли за остатками разрушенных стен, откуда они могли держать под прицелом вход в подвал, не подвергаясь сами существенной опасности. Через щели в стене Мануэль лично убедился в преимуществе их положения и не решился выйти против неприятеля, занявшего такие выгодные позиции. Обе стороны обменялись несколькими безрезультатными выстрелами. Видя, что это ни к чему не ведет, Борроуклиф предложил защитникам подвала вступить в переговоры.

— Сдавайтесь войскам его величества короля Георга Третьего, — закричал он, — и я обещаю сохранить вам жизнь!

— Отпустите пленного и дайте нам свободно пройти к нашим судам, — заявил Мануэль. — Солдаты должны выйти с воинскими почестями, а офицеры сохраняют при себе холодное оружие.

— Неприемлемо! — с большой важностью ответил Борроуклиф. — Честь оружия его величества и безопасность государства не позволяют нам заключать подобный договор. Но я обещаю сохранить вам жизнь и обеспечить хорошее содержание.

— Офицеры сохраняют холодное оружие, пленный получает свободу, а весь отряд возвращается в Америку под честное слово не участвовать в войне, пока не будет произведен обмен!

— Не согласен, — ответил Борроуклиф. — Самое большее, что я могу обещать вам, — это добрую порцию благородного южного напитка, и, если вы тот, за кого я вас принимаю, вы по достоинству оцените мое предложение.

— В каком качестве мы приглашаете нас сдаться? В качестве обычных военнопленных или в качестве мятежников, бунтующих против вашего короля?

— Вы ведь мятежники, джентльмены, — осторожно ответил Борроуклиф, — и в качестве таковых вы и должны сдаться. Что касается приличного обращения и хорошего стола, то, пока это в моей власти, вы можете быть в них уверены. Во всем остальном участь ваша будет зависеть от милосердия его величества.

Не успел Гриффит произнести эти слова, как к их ногам скатилось безжизненное тело часового.

— Тогда пусть его величество сам пожалует сюда и попробует взять нас, ибо будь я...

Столь решительные слова Мануэля были прерваны Гриффитом, который уже успел немного успокоиться и, видя, что его личную судьбу можно считать решенной, благородно решил позаботиться об участи товарищей.

— Подождите, Мануэль! — воскликнул он. — Не произносите безрассудных слов... Капитан Борроуклиф, я Эдуард Гриффит, лейтенант военно-морского флота Соединенных Штатов Америки, и даю вам честное слово...

— Освободить его! — приказал Борроуклиф.

Гриффит стал между враждующими сторонами и заговорил так, чтобы его слышали и те и другие:

— Я хочу спуститься в подвал и убедиться в потерях и нынешней силе отряда капитана Мануэля. Если потери так велики, как я предполагаю, я сам посоветую ему сдаться на обычных условиях, принятых у цивилизованных народов.

— Ступайте! — сказал Борроуклиф. — Или нет, постойте! Ваш товарищ — земноводный... Тьфу, черт, я хочу сказать, он из морской пехоты?

— Да, сэр, он капитан этого рода войск...

— Так и есть, — перебил его Борроуклиф. — Я узнал его по тягучему голосу. Ему стоит напомнить о добрых запасах вина в монастыре Святой Руфи. Можете сказать ему, что я знаю, как тут действовать: я не буду штурмовать его позицию, а подвергну ее осаде и уверен, что он сдастся, как только опустеет его фляжка. В подвале, где он находится, нет таких запасов, как в погребах монастыря.

Несмотря на горечь поражения, Гриффит не мог удержаться от улыбки и, кивнув головой, спустился в подвал, где находились его товарищи, громким голосом предупреждая их о своем приближении.

Шесть солдат, в том числе и часовой, лежали мертвые на щербатых каменных плитах, а четверо были ранены, но по приказу командира сдерживали стоны, дабы неприятель не мог узнать слабости оставшегося отряда. Мануэль с остальными солдатами засел за остатками стены, пересекавшей подвал. Лицо его, несмотря на весьма печальные обстоятельства, выражало такую отвагу, словно судьба целого укрепленного города зависела от его умения и находчивости.

— Видите, мистер Гриффит, — воскликнул он, когда молодой моряк приблизился к этому мрачному, но действительно грозному укреплению, — только артиллерия может вытеснить меня отсюда! Что же касается этого пьяного англичанина наверху, то пусть он посылает сюда своих солдат по восемьдесят человек, и я их всех уложу на этой лестнице!

— Если понадобится, они вызовут и артиллерию, — сказал Гриффит. — У нас нет решительно никакой надежды на спасение. Может быть, вы и убьете несколько англичан, но человеколюбие запрещает делать это без особой необходимости.

— Конечно, — со зловещей улыбкой ответил Мануэль, — и все же мне кажется, что я испытал бы удовольствие, щелкнув семерых из них, только семерых, то есть на одного больше, чем они убили у меня.

— Вспомните о раненых, — добавил Гриффит. — Им нужна помощь, а вы хотите продолжать бесполезную оборону.

Несколько подавленных стонов, вырвавшихся у несчастных, подтвердили его слова, и Мануэль скрепя сердце уступил.

— Хорошо! Скажите ему, что мы сдаемся как военнопленные, — сказал он, — с условием, что я сохраню холодное оружие и что о больных должным образом позаботятся. Обязательно назовите их больными, потому что еще может подвернуться какой-нибудь счастливый случай, прежде чем соглашение будет подписано, и мне не хотелось бы, чтобы он узнал о наших потерях.

Не ожидая вторичного приглашения, Гриффит поспешил сообщить эти условия Борроуклифу.

— Сохранить холодное оружие! — воскликнул капитан, выслушав моряка. — Какое у него оружие? Пика абордажная? Если он вооружен не лучше вас, мой почтенный пленник, никто не будет об этом спорить.

— Если бы в моем распоряжении было десять хотя бы самых захудалых матросов, вооруженных такими пиками, а капитану Борроуклифу с его отрядом суждено было бы вступить с нами в смертельную схватку, — ответил Гриффит, — ему, может статься, пришлось бы изменить свое мнение об этом роде оружия.

— Четверо таких смельчаков, как вы, разбили бы наголову весь мой отряд, — нимало не смущаясь, ответил

Борроуклиф. — Я дрожал за своих солдат, когда вы выскочили из дыма, словно сверкающая комета из облака! Отныне, если я увижу сальто-мортале, я с благодарностью вспомню изобретателя кувырканья. Но договор заключен — пусть ваши товарищи выйдут из подвала и сложат оружие.

Гриффит сообщил о результате переговоров Мануэлю, и тот вывел из подвала остатки своего отряда.

Люди, в продолжение всего этого разговора сохранявшие хладнокровие, спокойное послушание и мужество духа, которые и по сей день составляют отличительные черты морской пехоты, в угрюмом молчании последовали за своим командиром и складывали оружие с такой строгой четкостью и точностью движений, словно их ждал отдых после большого перехода. Когда все формальности были выполнены, Борроуклиф вывел из укрытия своих солдат, и наши искатели приключений снова оказались во власти неприятеля, да еще при таких обстоятельствах, которые исключали всякую надежду на скорое освобождение из плена.

Глава XX

Если ваш отец вознаградит меня по заслугам, отлично; если же нет, то пускай сам убивает второго Перси. Я рассчитываю теперь стать либо графом, либо герцогом, смею вас уверить.

Шекспир, «Генрих IV»

Мануэль переводил недовольный и угрюмый взгляд с победителей на остатки своего отряда, покуда его солдатам по приказанию сержанта Дрилла из осторожности вязали руки. Увидев бледное и расстроенное лицо Гриффита, он дал волю своей досаде:

— Вот что значит пренебрегать правилами воинской дисциплины! Могу сказать, не хвастая: мне довелось достаточно овладеть всей премудростью ведения боя, и, будь командование в моих руках, я расставил бы везде, где следовало, пикеты. Тогда нас не поймали бы, как кроликов в норе, откуда их выкуривают серой, и мы могли бы сражаться в открытом поле или, по крайней мере, про-

держаться не меньше двух часов в этих степах против лучшего полка с нашивками короля Георга.

— Защищай передние укрепления, прежде чем укрыться в крепости! — подтвердил Борроуклиф. — Верно, такова военная наука. Но если бы вы как следует притаились в своей кроличьей норе, то и по сей час резвились бы на свободе. Нынче утром один деревенский пентюх, проходя этим лесом, увидел вооруженных солдат в незнакомой форме. Он побежал на скалы, намереваясь броситься в море — вот до чего иной раз доводит трусость! — но, к счастью, повстречался со мной, и я из человеколюбия спас ему жизнь тем, что заставил его привести нас сюда. Наука — хорошая вещь, мой достойный собрат по оружию, но бывают случаи, когда безопаснее пренебречь ею.

— Ваша взяла, сэр, поэтому вам можно смеяться, — ответил Мануэль, с мрачным видом усаживаясь на камни развалин и устремляя грустный взгляд на безжизненные тела солдат, которые одно за другим выносили из подвала и клали у его ног. — Эти люди были моими детьми, и я не могу, простите, разделять вашу веселость. Ах, капитан Борроуклиф, вы солдат и умеете ценить воинскую доблесть! Я взял этих молодцов, которые теперь так спокойно спят здесь на камнях, из рук самой природы и сделал из них украшение нашего ремесла. Они перестали быть людьми, они стали храбрецами, которые ели и пили, поворачивались и маршировали, заряжали ружья и стреляли, смеялись и горевали, говорили и молчали только по моему приказу. Что касается души, то она у них была общая и целиком принадлежала мне!.. Можете стонать, дети мои, можете стонать, сколько вам хочется, — теперь незачем больше соблюдать тишину. Я видел однажды, как пуля мушкета срезала пуговицы с мундиров пяти солдат, стоявших в ряду, не причинив им ни единой царапины! Я всегда мог с точностью сосчитать, сколько таких солдат требовалось для всех обычных операций, но это проклятое разбойничье дело лишило меня лучших моих сокровищ!.. Стойте вольно теперь, дети мои, стойте вольно, если это облегчит вашу боль!

Борроуклиф, по-видимому, до некоторой степени разделял чувства своего пленника, ибо сказал ему несколько утешительных слов, в то же время наблюдая за тем, как его люди готовятся покинуть развалины. Наконец

сержант доложил, что носилки для переноски раненых готовы, и спросил, не прикажет ли капитан возвращаться в казарму.

— Кто-нибудь видел кавалеристов? — спросил капитан Борроуклиф. — Куда они проследовали? Известно ли им, что найдена эта часть неприятельского отряда?

— Только не от нас, ваша честь, — ответил сержант. — Они отправились дальше по берегу еще до того, как мы покинули скалы, и говорили, что их офицер намерен обыскать берег на протяжении нескольких миль и везде поднять тревогу.

— Пускай себе! Только на это и годятся подобные красавцы! Нам, пехотинцам, Дрилл, так же трудно завоевать славу, как и получить повышение в чине. Мы всего лишь вырождающиеся потомки героев Пуатье[1]. Тебе понятно, сержант?

— Вы, кажется, изволите говорить о каком-то сражении между войсками его величества и французами, — ответил сержант, не совсем поняв выражение взгляда, брошенного на него офицером.

— Друг, ты отупел от победы! — воскликнул Борроуклиф. — Подойди сюда и выслушай мои распоряжения. Как ты думаешь, мистер Дрилл, не досталось ли нам в этой утренней забаве больше чести или добычи, чем мы с тобой можем унести?

— Не думаю, ваша честь, у нас обоих широкие плечи...

— Да, они не ослабеют от чрезмерного груза такого рода, — многозначительным тоном перебил его капитан. — Если мы допустим, чтобы нахальные драгуны пронюхали об этом деле, они бросятся на нас, разинув пасти, как стая голодных гончих, и утащат по крайней мере половину нашей славы и, уж конечно, всю добычу.

— Но, ваша честь, ни один из них даже...

— Не в этом дело, Дрилл. Я знавал войска, которые одерживали победы, но были лишены законной доли добычи при помощи хорошо составленной депеши. Ты знаешь, любезный, что в дыму и сумятице боя человек может видеть только то, что происходит рядом с ним, и благоразумие требует, чтобы он упоминал в официальных

---

[1] В битве при Пуатье (1356) английские пешие лучники наголову разбили французскую рыцарскую конницу.

донесениях только о том, что трудно опровергнуть. При таких обстоятельствах индейцы и все прочие союзники могут рассчитывать на награды не больше, чем на участие в параде. Я думаю, Дрилл, ты слыхал о битве при Бленхейме? [1]

— Господи! Эта битва — гордость британской армии, ваша честь, эта да Каллоденская [2]. Это там великий капрал Джон разбил французского короля со всей его знатью, хотя они и поставили под ружье половину населения Франции.

— Правильно, хотя сведения твои попахивают казарменным чтивом. А знаешь ли ты, сколько французских солдат вышло в поле в тот день?

— Я никогда не видел списков их полков, сэр! Но если судить по разнице в населении Англии и Франции, то, надо полагать, несколько сот тысяч.

— А у нашего герцога, когда он выступил против такой армии, было в распоряжении всего лишь десять или двенадцать тысяч откормленных англичан! Что, чудно́, сержант?

— Конечно, ваша честь, старому солдату трудно в это поверить. Один шальной снаряд мог бы смести столь малые силы.

— И все же сражение состоялось, и наш герцог одержал победу! Но в распоряжении герцога Мальборо был некий мистер Евгений с пятьюдесятью или шестьюдесятью тысячами немцев. Ты никогда не слышал о мистере Евгении?

— Ни слова, ваша честь. Я всегда думал, что капрал Джон...

— ...был великий, отважный генерал. Ты думал правильно, мистер Дрилл. Таким был бы и некий джентльмен, если бы его величество соизволил подписать соответствующий патент. Однако и майорский чин дает надежду на командование полком, а положения полкового коман-

---

[1] При Бленхейме (1704) английская армия под командованием знаменитого английского полководца герцога Мальборо (1650—1722) (которого сержант Дрилл называет «великим капралом Джоном») и союзники англичан — австрийцы, которыми командовал Евгений Савойский (1663—1736), разбили французско-баварское войско.

[2] 16 апреля 1746 года при Каллодене (Шотландия) Карл Эдуард — претендент на английский престол из изгнанной в 1688 году династии Стюартов — был разбит английскими войсками.

дира для человека уже вполне достаточно! Одним словом, мистер Дрилл, мы должны как можно тише довести наших пленников до монастыря, чтобы кавалеристы и дальше гарцевали по берегу и не перехватили нашей добычи. А вот в военном ведомстве нужно показать товар лицом, и тут уж ты можешь на меня положиться. Есть у меня на примете человек, который держит в руках перо не хуже, чем шпагу. Дрилл — имя не длинное, его легко вписать в донесение.

— Господи, ваша честь! — воскликнул польщенный алебардщик. — Право, такая милость более... Я всегда к услугам вашей чести!

— Хорошо. На этот раз приказываю тебе молчать и заставить молчать наших солдат, пока не наступит время говорить, а тогда, даю тебе слово, мы наделаем немало шума. — Важно покачав головой, Борроуклиф продолжал: — Это был бой не на живот, а на смерть, сержант! Дремучий лес с обоих флангов, руины, а кругом убитые и раненые. Дай мне только чернила, и я распишу тебе это сражение так, что небесам жарко станет! Иди, приятель, готовься выступать.

Осведомленный таким образом насчет скрытых замыслов командира, сержант отправился выполнять его приказ. Вскоре все было сделано. Тела убитых остались непогребенными, ибо Борроуклиф полагал, что уединенность развалин служит достаточной гарантией от опасности их обнаружения. Трупы можно будет унести, когда стемнеет, в соответствии с намерением капитана действовать тайно, чтобы присвоить себе всю славу. Раненых уложили на самодельные носилки, сооруженные из мушкетов и солдатских одеял, а затем победители и побежденные вышли из развалин, двигаясь сомкнутым строем так, что первые скрывали вторых от любопытных взоров случайных прохожих. Впрочем, опасаться было нечего, ибо тревога и страх, результат разнесшихся по всей окрестности слухов, исключали возможность появления людей в столь уединенном месте, как земли монастыря Святой Руфи.

Отряд уже выходил из леса, когда послышались треск веток и шуршание сухих листьев, возвестившие, что навстречу кто-то идет.

— Уж не драгунский ли это разъезд? — с явным неудовольствием воскликнул Борроуклиф. — Топают, словно целый конный полк! Джентльмены, я прошу вас засви-

детельствовать, что мы уже удалялись с поля битвы, когда явилось это подкрепление, если оно окажется таковым.

— Мы охотно подтвердим, сэр, что именно вы одержали над нами победу, — сказал Гриффит, тревожно поглядывая в ту сторону, откуда приближались звуки, и ожидая, что из чащи вместо неприятельского отряда покажется заблудившийся лоцман.

— Прокладывай дорогу, Цезарь! — крикнул кто-то неподалеку от них. — Руби, Помпей, этот проклятый плющ справа от меня! Спешите, молодцы, иначе мы даже не понюхаем порохового дыма.

— Хм! — усмехнулся капитан, снова приняв невозмутимый вид. — Должно быть, перед нами римский легион [1], проснувшийся после семнадцати веков сна, а это голос центуриона [2]. Остановимся, мистер Дрилл, и посмотрим, как маршируют древние!..

Не успел еще капитан договорить, как из лесной чащи на поляну, где Борроуклиф остановил свой отряд, вырвались запутавшиеся в кустах, обвешанные мушкетами два негра, а за ними — полковник Говард. Лишь после того как старик оправил на себе платье и вытер с лица пот, выступивший от непривычных усилий, он заметил, что отряд капитана сильно возрос в числе.

— Мы услышали вашу стрельбу, — воскликнул полковник, усердно действуя платком, — и я решил выступить вам на подмогу! Вовремя сделанная вылазка снимала не одну осаду, хотя если бы Монкольм [3] спокойно сидел в своем замке, равнины Абрагама никогда не обагрились бы его кровью.

— Он поступил, как и подобало солдату, по всем правилам военного искусства, — заявил Мануэль. — И, если бы я сегодня последовал его примеру, дело, верно, приняло бы совсем иной оборот.

— Это кто такой? — удивился полковник. — В таком платье — и осмеливается судить о сражениях и осадах!

— Это dux incognitorum [4], мой достойный хозяин, —

---

[1] Римский легион — войсковое соединение в римской армии. Его численность колебалась от пяти до шести тысяч человек

[2] Центурион — командир подразделения в древнеримском легионе.

[3] Монкольм — французский генерал, погибший в 1759 году во время вылазки из осажденного англичанами Квебека.

[4] Dux incognitorum (лат.) — здесь: вождь непризнанных.

ответил Борроуклиф, — что на английском языке означает «капитан морской пехоты на службе у американского Конгресса».

— Как! Значит, вы встретились с неприятелем? И, клянусь славой бессмертного Вулфа, захватили врагов в плен! — вскричал обрадованный старик. — Я поспешил к вам на помощь с частью моего гарнизона, ибо видел, что вы пошли в том направлении, и даже слышал несколько выстрелов...

— Несколько? — прервал его победитель.— Я не знаю, что вы понимаете под «несколько», мой отважный старый друг. Возможно, во времена Вулфа вы палили друг в друга по целым неделям, но мне тоже доводилось видеть добрую стрельбу, и я знаю толк в таких делах. В сражениях на Гудзоне трескотня мушкетов напоминала барабанный бой. Но это уже позади, теперь остались лишь воспоминания. А вот эта схватка была самой отчаянной из

всех, в которых я когда-либо участвовал. Лес завален телами убитых, а мы, как вы можете убедиться, взяли с собой только нескольких тяжелораненых.

— Господи боже! — воскликнул удивленный старик. — На расстоянии выстрела от моего дома творятся такие дела, а я ничего не знаю! Эх, старость, старость! А ведь было время, когда первый же выстрел пробуждал меня от самого крепкого сна.

— От штыка шума не бывает, — ответил невозмутимый капитан, сделав выразительный жест. — Это оружие — гордость англичан, и опытный офицер знает, что один штыковой удар сто́ит огня целого взвода.

— Как! Вы ходили в штыки? — изумился полковник. — Клянусь богом, мой отважный молодой друг, я не пожалел бы двадцати мешков рису и двух здоровых негров, чтобы посмотреть на это сражение!

— Наблюдать такое зрелище бесспорно приятно, — подтвердил капитан,— и на сей раз для завоевания победы нам не потребовался Ахиллес. Я взял в плен всех оставшихся в живых — по крайней мере, всех, кто ступил на английскую землю.

— А тендер расправился со шхуной! — добавил полковник Говард. — Да окончится так всякий бунт!.. Однако где Кит? Где мой родственник мистер Кристофер Диллон? Мне бы хотелось спросить у него, чего законы нашей страны требуют в подобных случаях от верных подданных. Теперь будет чем заняться присяжным Миддлсекса, капитан Борроуклиф, если только это не входит в полномочия самого министра. Где мой родственник Кит? Послушный, рассудительный, верный Кристофер?

— Кацик non est[1], как говаривал судебный пристав об умных малых в нашем полку, когда их присутствие было особенно желательно, — ответил капитан. — Драгунский корнет дал мне понять, что его провинциальное лордство соизволило отправиться на тендер, дабы сообщить о местопребывании неприятеля, и осталось там, деля с моряками опасность и славу баталии.

— Да, это похоже на него! — воскликнул полковник, радостно потирая руки. — Это похоже на него! При звуке воинских труб он забыл о судебных делах, о своих мирных занятиях, забыл о том, что готовился стать госу-

[1] Non est (лат.) — здесь: отсутствует.

дарственным деятелем, и с горячностью и легкомыслием молодости бросился в бой!

— Кацик — человек осторожный, — сухо заметил Борроуклиф, — и, разумеется, вспомнит о своих обязанностях перед потомством и самим собой, когда встретится лицом к лицу с опасностью. Но я удивляюсь, что его до сих пор нет, потому что шхуна уже давно спустила флаг, — я видел это своими глазами.

— Извините меня, джентльмены, — сказал Гриффит, не в силах сдержать волнение, — но я невольно слышал вашу беседу и надеюсь, что вы не сочтете нужным скрыть правду от безоружного пленника. Вы говорите, что сегодня утром взята в плен какая-то шхуна?

— Совершенно верно, — ответил Борроуклиф с таким добродушием и деликатностью манер, которые делали честь его добросердечию, — но я воздержался сообщить вам об этом, ибо решил, что с вас хватит и ваших собственных огорчений. Мистер Гриффит, этот джентльмен — полковник Говард, гостеприимством которого вам придется воспользоваться, прежде чем мы расстанемся.

— Гриффит! — с живостью подхватил полковник. — Гриффит! Какое зрелище представляется глазам моим! Сын почтенного, отважного, верного Хью Гриффита взят в плен с оружием в руках, поднятым им против своего короля! Ах, молодой человек, молодой человек! Что сказал бы твой честный отец, что сказал бы его лучший друг, мой бедный брат Гарри, если бы господь привел им дожить до этого дня и стать свидетелями такого жгучего позора, такого несмываемого пятна на чести твоей фамилии?

— Будь мой отец сейчас жив, он тоже боролся бы за независимость своей родины! — гордо возразил молодой человек. — Но я хотел бы отнестись с уважением даже к предрассудкам полковника Говарда и поэтому прошу его не заговаривать со мной о вопросах, в которых мы никогда не придем к согласию.

— Никогда, доколе ты будешь в рядах мятежников! — вскричал полковник. — О юноша, как нежно любил бы я тебя, если бы умение и знания, приобретенные тобой на службе у короля, были отданы теперь защите его неотъемлемых прав! Я любил твоего отца, почтенного Хью, не меньше, чем своего родного брата Гарри...

— И сын его, должно быть, еще дорог вам, — перебил

сго Гриффит, взяв двумя руками руку полковника, которую тот нерешительно ему протянул.

— Ах, Эдуард, Эдуард! — смягчившись, продолжал старик. — Сколько славных надежд моих погибло от твоего своенравия! Как ни благоразумен и верен Кит, а все же едва ли я мог бы быть так же благосклонен к нему, как к тебе. Ты так похож лицом и улыбкой на отца, Нед, что, если бы не твоя измена, я отдал бы тебе все, чего бы ты ни пожелал... даже Сесилию, шаловливую и нежную, непокорную и ласковую, привязчивую и добрую Сесилию, которая навсегда стала бы соединительным звеном между нами.

Молодой человек взглянул на неторопливого Борроуклифа, который, поняв намек, мог бы последовать за солдатами, уносившими раненых в сторону монастыря, и ответил, давая выход своим чувствам:

— Да, сэр, пусть это будет концом наших разногласий! Ваша прекрасная племянница будет таким звеном, а вы сами станете для меня и для Сесилии тем, кем был бы ваш друг Хью, будь он жив.

— Юноша, юноша, — сказал старик, отворачиваясь, чтобы скрыть волнение, исказившее его лицо, — слова твои напрасны! Я уже дал слово моему родственнику Киту, и сейчас твои надежды неосуществимы.

— Нет ничего неосуществимого, сэр, для молодости и смелости, когда на помощь им приходят старость и опытность, — ответил Гриффит. — Эта война скоро окончится.

— Эта война? — вскричал полковник, вырывая свою руку. — Разве это война, молодой человек? Это гнусное покушение на права нашего всемилостивейшего монарха, это попытка посадить на королевский трон тиранов, взращенных в конурах! Затея возвысить злодеев за счет добрых людей! Попытка поощрить преступное честолюбие под маской священной свободы и под громкие крики о равенстве! Как будто свобода может существовать вне порядка! Как будто мыслимо равенство прав там, где привилегии государя не столь же священны, как и права народа!

— Вы слишком сурово судите нас, полковник Говард! — сказал Гриффит.

— Я не сужу вас! — перебил его старый воин, который к этому времени решил, что юноша ничуть не напо-

минает его друга Хью. — Не моя это обязанность. А не то... Но этот час еще наступит, этот час наступит! Я человек терпеливый и умею ждать. Да-да, возраст охлаждает кровь, и мы умеем сдерживать страсти и нетерпение юных лет. Но если правительству будет угодно учредить в колониях судебную комиссию и ввести в ее состав старого Джорджа Говарда, то будь я проклят, если через год в живых останется хоть один мятежник!.. Сэр, — сурово обратился он к Борроуклифу, — в таком случае я мог бы стать настоящим римлянином и повесить... да, повесить, сэр, даже моего родственника мистера Кристофера Диллона!

— Зачем раньше времени так возносить кацика? — мрачно усмехнулся капитан.— Смотрите, — продолжал он, указывая в сторону леса, — вот более подходящий кандидат на виселицу!.. Мистер Гриффит, этот человек ваш товарищ?

Полковник Говард и Гриффит взглянули туда, куда указывал пальцем капитан, и молодой моряк увидел лоцмана. Скрестив на груди руки, он стоял на опушке леса и, по-видимому, старался понять, в каком положении оказались его друзья.

— Этот человек... — смущенно ответил Гриффит, не решаясь высказать даже напрашивавшуюся неполную правду, — этот человек не принадлежит к экипажу нашего корабля.

— Но он был с вами, — недоверчиво возразил Борроуклиф. — Вчера на допросе он говорил от лица всех троих... Полковник Говард, этот человек несомненно командует арьергардом мятежников.

— Правильно! — воскликнул полковник. — Помпей! Цезарь! Цельсь! Огонь!

Негры вздрогнули, услышав внезапный приказ хозяина, перед которым они трепетали.

Прицелившись, но отвернув голову и зажмурив глаза, они выстрелили.

— Вперед! — закричал полковник, размахивая старинной шпагой, которой он был вооружен, и бросаясь вперед со всей прытью, какую допускал недавний приступ подагры. — Вперед! Поднимем этих собак на штыки! Вперед, Помпей! Равняйся, ребята!

— Если ваш приятель устоит против этой атаки, — с тем же непоколебимым спокойствием сказал Борроуклиф

Гриффиту, не двигаясь с места, — значит, у него железные нервы. Такая атака, да еще когда в рядах армии находится Помпей, опрокинула бы лучший полк английской гвардии.

— Надеюсь, бог надоумит его пощадить слабость полковника Говарда,— ответил Гриффит.— Однако он достал пистолет.

— Но он не выстрелит. Римляне сочли за благо остановиться... Ей-богу, они отступают!.. Эй, полковник Говард, мой почтенный хозяин, отступите-ка к вашим резервам! В лесу полно мятежников, но им от нас не уйти. Я жду только кавалерию, и тогда мы отрежем им отступление.

Старик, который подошел было совсем близко к человеку, спокойно ожидавшему нападения, при этих словах остановился. Взглянув вправо и влево, он увидел, что остался один. Поверив словам Борроуклифа, он начал медленно отступать, мужественно глядя в лицо неприятелю, и повернулся к нему спиной лишь тогда, когда оказался подле капитана.

— Соберите ваших солдат, Борроуклиф!— воскликнул он. — Нужно осмотреть лес. Негодяи мятежники не устоят перед войсками его величества! Что же касается негров, то я покажу им, как бросать своего господина в такую минуту! Говорят, что страх бледен, — это вранье, Борроуклиф. Я утверждаю, что у него черная кожа.

— Я видел его всех цветов: черным, белым, синим и даже пестрым, — ответил капитан. — Однако предоставьте командование в этом деле мне, мой почтенный хозяин. Вернемся домой! Будьте уверены, никто из мятежников не уйдет из моих рук.

Полковник Говард с большой неохотой согласился, и они все вместе медленным шагом, приноровленным к слабым силам полковника, направились к своей штаб-квартире. Внезапная атака и воинственные мысли изгнали все мягкие чувства из груди старика. Он вступил в дом с твердым намерением передать Гриффита и его товарищей в руки правосудия, хотя бы это привело их на виселицу.

Лоцман провожал их взглядом, пока они не скрылись в чаще кустарника. А затем, спрятав пистолет, который до сих пор был у него в руке, он с мрачным и задумчивым видом вновь медленно углубился в лес.

Глава XXI

...Все эти чудеса
Совпали так, что и сказать нельзя:
«Они естественны, они обычны».
Я думаю, что зло они вещают
Для той страны, в которой появились.

Шекспир, «Юлий Цезарь»

К тому времени, когда «Ариэль» и захваченный им «Быстрый» стали на якорь в упомянутой нами бухте, Гриффит и его отряд уже несколько часов находились в плену у неприятеля. На берегу все были уверены, что шхуна мятежников захвачена тендером, но это событие не вызвало большого интереса и удивления со стороны местных жителей, так как в Англии издавна привыкли считать своих моряков непобедимыми. Поэтому Барнстейблу без труда удалось оставить в заблуждении тех немногих поселян, которых в течение короткого зимнего дня любопытство заставляло приближаться к судам. Однако с появлением вечернего тумана, когда извилины берегов узкого залива скрылись во мраке, молодой моряк решил, что наступила пора действовать. «Быстрый», имея на борту всю свою команду и раненых с «Ариэля», бесшумно снялся с якоря и, пользуясь свежим бризом, который дул с суши, начал потихоньку дрейфовать по ветру к выходу из бухты. Наконец, когда перед ним открылся широкий морской простор, на тендере были подняты паруса, и он получил возможность выйти на поиски фрегата. Пока выполнялся этот маневр, Барнстейбл затаив дыхание следил за движением тендера, ибо на холме, полностью господствовавшем над выходом из бухты, находилась небольшая, но грозная батарея для защиты от набегов малых неприятельских судов. Несколько солдат управляли двумя тяжелыми пушками, входившими в состав этой батареи, и постоянно поддерживали их в боевой готовности. Барнстейбл не знал, насколько он преуспеет в своей хитрости, и, только услышав отдаленное хлопанье раскрывшихся парусов «Быстрого», уверился, что тот избежал опасности.

— Этот шум достигнет слуха англичан,— сказал юный Мерри, который стоял на носу шхуны возле командира и прислушивался затаив дыхание. — На мысу с заходом солнца поставили часового, и если он не умер и не спит, то непременно почует неладное.

— Нет! — возразил Барнстейбл, глубоко вздохнув, и по голосу его можно было заметить, что он отбросил все опасения. — Часовой скорее подумает, что обмахивается русалка веером в этот теплый вечер, нежели заподозрит истину. Что скажешь ты, мистер Коффин? Учует солдат правду?

— Солдаты все дураки,— сказал рулевой, бросив взгляд через плечо, чтобы убедиться, что поблизости нет никого из отряда морской пехоты. — Был у нас сержант, которому следовало бы научиться уму-разуму, благо он четыре года пробыл на флоте. Так вот, этот сержант в присутствии людей, не раз огибавших мыс Доброй Надежды и знающих правду, утверждал, ничуть не краснея, что в тех морях никогда не встретишь Летучего Голландца [1]. А когда я сказал ему, что он темный человек, и спросил его, неужели не может быть Голландца, коли есть земли, где жители делят год на две вахты: шесть месяцев — день и шесть месяцев — ночь, этот глупец расхохотался мне в лицо, и я уверен, он назвал бы меня лжецом, но только его кое-что удерживало.

— А что же это такое?— серьезно спросил Барнстейбл.

— Ну как же, сэр,— ответил Том, разжимая костлявые пальцы и разглядывая в тусклом свете сумерек широкую ладонь, — хотя я и мирный человек, меня можно вывести из себя.

— А ты видел Летучего Голландца?

— Мне ни разу не довелось огибать этот мыс, хотя я берусь найти дорогу через пролив Ле-Мера в самую темную ночь. Но я знавал людей, видавших его.

— Ладно, пусть будет так. Сегодня тебе самому надо стать «Летучим янки», мистер Коффин! Приготовь тотчас вельбот и вооружи экипаж.

Рулевой помедлил, прежде чем отправиться выполнять это неожиданное приказание, и, указывая на батарею, самым спокойным образом спросил:

— Для работы на берегу, сэр? Взять ли тесаки и пистолеты? Или нам понадобятся только пики?

— Возможно, нам встретятся солдаты, вооруженные штыками, — думая вслух, ответил Барнстейбл. — Снаряжайтесь как обычно, но бросьте в шлюпку несколько

---

[1] Летучий Голландец — фантастический образ морского капитана, обреченного вместе со своим кораблем-призраком вечно носиться по бурному морю, никогда не приставая к берегу.

длинных пик. И послушай, мистер Коффин, оставь ты свой бочонок с линем — я вижу, ты снова им запасся.

Рулевой, который уж было сошел с бака, при этом новом требовании остановился и рискнул заявить протест:

— Поверьте, капитан, старому китобою, который всю жизнь имел дело с этими вещами. Вельботу нужен бочонок с гарпунным линем, как кораблю балласт, и...

— Оставь его, оставь! — перебил его Барнстейбл, нетерпеливо махнув рукой, а это, как знал рулевой, означало твердое решение.

Вздохнув по поводу такой несговорчивости командира, Том тотчас принялся выполнять полученные приказания. А Барнстейбл дружески положил руку на плечо Мерри и, не говоря ни слова, повел его на корму шхуны. Брезент, завешивавший вход в каюту, был немного откинут, и при свете лампы, которая горела в этом маленьком помещении, с палубы было видно, что происходит внутри. Диллон сидел, подперев голову руками, и, хотя лицо его оставалось в тени, нетрудно было заметить, что он глубоко задумался.

— Хотел бы я видеть сейчас его лицо, — сказал Барнстейбл шепотом, слышным только его товарищу. — Глаза человека, юноша, все равно что маяк: они показывают, как найти путь к его душе.

— А иногда они — предостерегающий знак, сэр, который показывает, что возле него нельзя становиться на якорь, — ответил смышленый юноша.

— Шутник! — пробормотал Барнстейбл. — Вашими устами говорит кузина Кэт!

— Будь моя кузина мисс Плауден здесь, мистер Барнстейбл, я уверен, ее мнение об этом джентльмене отнюдь не было бы более благоприятным.

— И все же я намерен довериться ему! Выслушайте меня, юноша; и скажите, прав ли я. У вас такой же живой ум, как у других членов вашей семьи, и, может быть, вы подскажете мне что-нибудь полезное. — (Восхищенный гардемарин надулся от гордости, что снискал такое доверие командира, и последовал за ним по палубе.) Опершись на борт, Барнстейбл продолжал: — Я узнал от рыбаков, вечером подходивших к нам, чтобы поглазеть на корабль, который сумели построить мятежники, что в старых развалинах возле монастыря Святой Руфи сегодня на рассвете был захвачен в плен отряд американских моряков и солдат морской пехоты.

— Это мистер Гриффит! — воскликнул юноша.

— Да! Не нужно ума вашей кузины Кэтрин, чтобы об этом догадаться. Так вот, я предложил этому джентльмену с длинной физиономией отправиться в монастырь и договориться об обмене пленными. Я согласен отдать его за Гриффита, а экипаж «Быстрого» — за отряд Мануэля и команду с вашего «Тигра».

— Как?— с волнением вскричал юноша.— Значит, они взяли в плен и моих «тигров» тоже? Эх, если бы мистер Гриффит позволил мне высадиться с ними на берег!

— Они отправились туда не ради детских забав, и на шлюпке едва разместились те, кто действительно был нужен. Но этот мистер Диллон принял мое предложение и дал слово, что Гриффит вернется через час после его возвращения в монастырь. Сдержит ли он слово?

— Возможно, — ответил Мерри после минутного размышления, — потому что сейчас его больше всего заботит присутствие мистера Гриффита под одной крышей с мисс Говард. Я допускаю, что он не изменит своему слову, хотя вид у него неискренний.

— Глаза у него лживые, я согласен, — подтвердил Барнстейбл, — но все же он джентльмен и дал обещание. Несправедливо заранее подозревать его в нечестном поступке. Я хочу верить ему. Теперь слушайте меня, сэр! Отсутствие офицеров старшего возраста возлагает особую ответственность на ваши молодые плечи. Смотрите за этой батареей так пристально, как если бы вы находились на мачте вашего фрегата и следили за появлением неприятеля. Как только вы увидите на ней свет, рубите канат и уходите в открытое море. Вы найдете меня где-нибудь под утесами. Идите вдоль берега, не теряя из виду монастыря, пока не встретитесь с нами.

Мерри внимательно выслушал эти и другие весьма существенные предписания командира, который, отправив своего помощника с тендером (третий офицер находился в числе раненых), был вынужден доверить дорогую его сердцу шхуну юноше, чей возраст не позволял считать его опытным и искусным моряком.

Когда все наставления и инструкции были исчерпаны, Барнстейбл вернулся ко входу в каюту и снова зорким взглядом окинул пленника. Диллон поднял голову и, словно чувствуя, что его внимательно рассматривают, придал своему желтому, уродливому лицу выражение безнадеж-

ной покорности судьбе. По крайней мере, так показалось Барнстейблу, и эта мысль породила сочувствие в душе благородного моряка. Тотчас сочтя все свои подозрения недостойными, Барнстейбл приветливо пригласил его спуститься в вельбот. При этих словах лицо Диллона на миг исказилось такой коварной усмешкой, что лейтенант опешил. Но эту промелькнувшую усмешку так легко было принять за улыбку предвкушения свободы, что порожденные ею сомнения исчезли так же быстро, как и возникли. Барнстейбл уже было собрался последовать за ним в шлюпку, как вдруг почувствовал легкое прикосновение руки к своему плечу.

— Что вам? — спросил он у гардемарина, который остановил его.

— Не слишком доверяйте Диллону, сэр, — прошептал встревоженный юноша. — Если бы вы видели, какое у него было лицо, когда он поднимался по трапу из каюты, вы не стали бы верить ему.

— Я увидел бы не лицо красавицы, это правда, — смеясь, ответил великодушный лейтенант. — Вот наш Длинный Том в свои пятьдесят лет тоже не блещет красотой, но сердце у него большое, больше, чем у морского змея... Счастливой вахты вам, юноша, и помните: вы должны зорко следить за батареей! — С этими словами Барнстейбл перешагнул через борт, спрыгнул на дно вельбота и, сев рядом с пленником, продолжал вслух: — Прикажите заранее приготовиться к постановке парусов и позаботьтесь, чтобы в случае нужды все шло гладко. Помните, сэр, у вас не хватает людей! Да хранит вас господь! И еще: если на шхуне найдется человек, который хоть на миг закроет оба глаза, он у меня их откроет пошире, чем если бы на него мчался приятель Тома Коффина — Летучий Голландец! Да хранит вас господь, Мерри, мой мальчик! Ставьте брифок [1], если этот ветер с берега продержится до утра. Весла на воду!

Отдав последнее приказание, Барнстейбл уселся на скамью и завернулся в плащ. Он хранил глубокое молчание до тех пор, пока они не миновали два небольших мыса по обе стороны входа в бухту. Матросы делали длинные, сильные гребки обмотанными парусиной веслами, и вельбот с удивительной скоростью скользил по волнам, остав-

[1] Бриф о к — вспомогательный прямой парус, ставящийся на шхуне при попутном ветре.

ляя позади неясные предметы на туманной линии берега. Однако, когда они вышли в открытое море и шлюпка направилась вдоль берега, прикрываясь тенью утесов, рулевой решил, что молчание более не существенно для их безопасности, и рискнул нарушить его, сказав:

— Брифок хорош, только когда идешь прямо по ветру, на большой волне. Надо думать, за пятьдесят лет человек может научиться распознавать погоду, и я считаю, что, если «Ариэль» снимется с якоря после того, как почь перевалит за восемь склянок, ему придется поставить грот, чтобы держаться на курсе.

При этих неожиданных словах лейтенант вздрогнул и, сбросив с плеч плащ, посмотрел в сторону моря, как бы пытаясь увидеть там те зловещие предзнаменования, которые тревожили воображение рулевого.

— Что это, Том? — спросил он резко. — Неужели ты на старости лет превратишься в пророка бед? Почему ты вдруг разворчался, словно старуха?

— Это не воркотня старухи, — весьма выразительно произнес рулевой, — а предупреждение старика, который всю жизнь провел там, где не было холмов, чтобы укрыть его от ветра, кроме разве холмов из соленой воды да пены морской. И этот старик предупреждает вас, что еще до утра начнется сильный норд-ост.

Барнстейбл слишком хорошо знал своего старого подчиненного, чтобы не встревожиться при его словах, произнесенных с такой уверенностью. Но, оглядев снова горизонт, небо и море, он ответил с прежней суровостью:

— На этот раз ты ошибаешься, мистер Коффин! Дело идет к мертвому штилю. Эта зыбь осталась еще с прошлого шторма, а мгла над головой — не что иное, как почной туман, и ты видишь собственными глазами, как он уходит в сторону моря. Даже бриз — всего лишь движение берегового воздуха, который смешивается с морским. Он насыщен влагой, но медлителен, как голландский галиот [1].

— Да, сэр, ветер этот влажный, да не такой уж сильный, — ответил Том. — Ветер с суши никогда не уходит далеко в море. Не так-то легко разглядеть настоящие признаки непогоды, капитан Барнстейбл. Их умеют распознавать лишь те, кто, кроме этого, мало чему учился. Только один бог может видеть небесные ветры, только он один

[1] Галиот — небольшое парусное судно.

может сказать, когда начнется и когда кончится ураган. Но человек не кит и не дельфин, которые хватают ноздрями воздух и не знают, зюйд-ост это или норд-ост. Взгляните-ка в подветренную сторону, сэр! Видите, вон там полоса чистого неба сверкает ниже мглы? Поверьте слову старого моряка, капитан Барнстейбл: когда с неба идет такой свет, это что-нибудь да значит! Кроме того, солнце село в темные тучи, а луна взошла маленькая, сухая и ветреная.

Барнстейбл слушал его со вниманием и растущей тревогой, ибо прекрасно знал, что рулевой обладает редким чутьем и почти безошибочно предсказывает погоду, хотя частенько примешивает к делу всякие суеверные приметы. Усевшись снова на место, лейтенант пробормотал:

— Пусть себе дует! Гриффит достоин и большего риска, а если батарею не удастся обмануть, ее можно и взять!

Больше о погоде не вспоминали. Диллон, с тех пор как он спустился в шлюпку, не произнес ни слова, а рулевой догадывался, что командир не желает, чтобы его тревожили. Около часа они шли с большой скоростью: мускулистые гребцы гнали вельбот вдоль самого края полосы прибоя, ни на минуту не прекращая усилий и, казалось, нисколько не уставая. Время от времени Барнстейбл бросал опытный взгляд моряка на маленькие бухточки, мимо которых они проходили, замечая пятна песчаных пляжей, разбросанные то здесь, то там вдоль скалистого берега. На одну бухту, более глубокую, чем остальные, где было слышно, как, журча, сбегает пресная вода, встречаясь с приливом, он указал рулевому выразительным жестом как на место, которое следовало особенно запомнить. Том, поняв этот знак как предназначенный для него одного, тотчас запечатлел в памяти это место с той отчетливостью, которая свойственна людям, привыкшим находить путь на суше или на море по приметам и ориентирам. Вскоре после этой краткой и безмолвной беседы между лейтенантом и рулевым шлюпка развернулась и была направлена к берегу, чтобы врезаться носом в песок. Но вдруг лейтенант приказал гребцам остановиться.

— Тихо! — сказал он. — Я слышу шум весел.

Гребцы разом перестали грести, внимательно прислушиваясь к шуму, который встревожил их командира.

— Смотрите, сэр, — сказал рулевой, указывая на

восток. — Это шлюпка. Вот она в полосе света, мористее нас. Сейчас она скрылась между волнами... Ага! Вот она опять!

— Клянусь небом, — воскликнул Барнстейбл, — это шум весел военной шлюпки! Я вижу лопасти весел... вот они снова опустились! Ни рыбак, ни контрабандист не гребут с такой правильностью.

Том, прислушиваясь, наклонил голову почти к самой воде, а затем выпрямился и уверенно сказал:

— Это «Тигр»! Я знаю плеск его весел, как своих собственных. Мистер Мерри обучил своих «тигров» резать воду на новый манер: они погружают и выносят весла с разворотом в уключинах, лопастями плашмя. Могу поклясться, это их гребок!

— Дайте-ка подзорную трубу! — нетерпеливо потребовал Барнстейбл. — Я постараюсь разглядеть шлюпку, когда она снова поднимется в полосу света... Клянусь всеми звездами нашего флага, ты прав, Том! Но на корме сидит только один человек. Если глаза не обманывают меня, это проклятый лоцман. Он трусливо бежит отсюда, оставив Гриффита и Мануэля погибать в английских тюрьмах. К берегу! Немедленно!

Приказание было тотчас выполнено, и через минуту кипевший нетерпением Барнстейбл, Диллон и рулевой уже стояли на песке.

Вообразив, что лоцман бросил двух его товарищей на произвол судьбы, молодой моряк спешил отправить своего пленника, так как боялся, что с каждой минутой могут возникнуть новые препятствия на пути осуществления его планов.

— Мистер Диллон, — сказал он, как только они высадились на берег, — я не требую от вас новых обязательств. Вы уже поручились мне честью...

— Если клятва может подкрепить мое слово, — перебил его Диллон, — я готов поклясться.

— Клятвы излишни, достаточно и сло́ва джентльмена. Я пошлю с вами моего рулевого, и вы либо вернетесь вместе с ним сами в течение двух часов, либо пришлете его с мистером Гриффитом и капитаном Мануэлем. Ступайте, сэр, вы условно свободны! Вот расселина, по которой легко карабкаться на скалы.

Диллон еще раз поблагодарил своего великодушного победителя и начал с трудом взбираться на скалы.

— Следуй за этим джентльменом и исполняй его указания, — сказал Барнстейбл рулевому.

Том, издавна привыкший к полному повиновению, взял в руки гарпун и спокойно направился за Диллоном, но вдруг почувствовал руку лейтенанта на своем плече.

— Ты видел место, где с песчаного холмика стекал ручеек? — тихо спросил его Барнстейбл.

Том молча кивнул.

— Ты найдешь нас там, за полосой прибоя: не годится слишком доверять врагу.

Рулевой многозначительно поднял гарпун, показывая, какая участь ждет пленника, если он изменит своему слову, и, упираясь в землю древком гарпуна, быстро поднялся по расселине. Вскоре он уже шагал рядом со своим спутником.

Глава XXII

Шеллоу. Симон Тень!
Фальстаф. Черт возьми, хорошо бы сейчас посидеть в тени. Думается мне, из него выйдет хладнокровный солдат.

Шекспир, «Генрих IV»

Барнстейбл постоял на берегу, пока не стихли шаги Диллона и рулевого, а затем отдал приказание снова отойти от берега. И, пока матросы неторопливо гребли к тому месту, где он намерен был ожидать возвращения Тома, у лейтенанта впервые возникли серьезные сомнения в честности пленника. Теперь, когда Диллон был уже вне его власти, Барнстейбл начал живо припоминать различные черточки его поведения, которые вполне оправдывали эти мысли, а к тому времени, как моряки достигли места, куда должен был явиться рулевой, и отдали в море небольшой якорь, опасения перешли в тревогу. Но здесь мы оставим лейтенанта со всеми его размышлениями на указанную неприятную тему и последуем за Диллоном и его бесстрашным и ничего не подозревающим провожатым на их пути в монастырь Святой Руфи.

Мгла, о которой упомянул Том во время своей беседы с командиром о погоде, все ниже опускалась на землю, принимая вид густого тумана, который нависал вялыми

клубами, почти не волнуемыми легким ветерком. От этого еще усиливался ночной мрак, и человеку, менее, чем Диллон, знакомому с окружающей местностью, было бы трудно найти тропинку, ведущую к жилищу полковника Говарда. После недолгих розысков тропинка была найдена, и Диллон быстрыми шагами двинулся вперед.

— Да, да, — сказал Том, которому не стоило ни малейшего труда поспевать за Диллоном, — вы, сухопутные люди, нащупав фарватер, легко находите курс и определяете расстояние. Однажды судно, на котором я служил, ушло, оставив меня в Бостоне, и я должен был сам добираться до Плимута. Это каких-нибудь пятнадцать миль. Простояв неделю на якоре, я не пашел в Бостоне ни одной подходящей посудины и вынужден был отправиться сушей. И еще чуть ли не целую неделю я потратил на поиски какой-нибудь сухопутной лохани, на борту которой я мог бы отработать стоимость переезда. Денег у бедного Тома Коффина тогда было не больше, чем сейчас, и не больше, чем будет, если только не попадется ему рыба покрупнее. Однако, видно, только лошади, да рогатый скот, да ослы тянут ваши береговые калоши. Пришлось мне заплатить недельное жалованье за место, и ел я только бананы да хлеб с сыром все то время, пока не снялся с якоря в Бостоне и не отдал его в Плимуте.

— Да, конечно, хозяин телеги не должен был так прижимать человека в твоем положении, — сказал Диллон дружеским тоном, с явной готовностью продолжать беседу.

— Я был на положении каютного пассажира, — продолжал рулевой, — потому что, кроме животных, о которых я упомянул, там работал только один человек. Он сидел на носу и правил, да и у него дела-то было немного: плыть пришлось меж каменных стен и оград; что же касается расчета пути, то там через каждые полмили были поставлены торчком камни, и на них все было указано. Да и береговых знаков там такое множество, что можно вести судно закрыв глаза, и то не собьешься с курса.

— Тебе, должно быть, казалось, что ты очутился совсем в новом мире? — заметил Диллон.

— Мне это было все равно, как если бы меня занесло в чужую страну, хотя, можно сказать, я сам из тех мест, так как родился я возле тех берегов. Мне часто доводилось слышать от сухопутных людей, будто на свете земли и воды поровну, но я всегда считал это подлой ложью,

ибо я, бывало, несколько месяцев ходил по морю, не убирая парусов, и не видел даже кусочка земли или скалы, где бы чайка могла снести яйцо. Но должен признаться, что на пути от Бостона до Плимута мы не видели моря целых две вахты.

Диллон прилежно поддерживал эту занимательную беседу, и к тому времени, как они подошли к стене, ограждавшей большой луг вокруг монастыря, рулевой был поглощен спором о том, что больше: Атлантический океан или Американский материк.

Обойдя главный вход в здание через большие ворота и двор со стороны фасада, Диллон направился дальше вдоль стены, пока она после нескольких поворотов не привела их к калитке, которую, он знал, закрывали лишь тогда, когда все уже удалялись на покой. Теперь их путь лежал позади главного здания, и вскоре они достигли группы скученных служебных построек. Рулевой шел за своим проводником, совершенно уверенный в его честности, и эта уверенность еще более возросла после их непринужденной беседы во время пути от береговых утесов. Он не усмотрел ничего особенного и в том, что Диллон зашел в помещение, служившее казармой для солдат капитана Борроуклифа. Коротко поговорив о чем-то с сержантом и знаком предложив рулевому следовать за собой, Диллон покинул казарму. Миновав служебные постройки, он и Коффин вместе вступили в дом через ту самую дверь, откуда, как мы уже рассказывали, накануне ночью вышли дамы проведать трех арестованных. Пройдя по двум-трем узким коридорам, Том, не одобрявший способов сухопутной навигации, очутился, следуя за своим проводником, в длинной, темной галерее, в конце которой за полуоткрытой дверью виднелось ярко освещенное и уютное помещение. Диллон быстро подошел к этой двери, отворил ее, и глазам рулевого представилась та же столовая, которую мы уже описывали, впервые знакомя читателя с полковником Говардом. Все оставалось прежним. Тот же яркий огонь весело трещал в камине, те же свечи стояли на столах из полированного красного дерева и так же сверкали графины с живительной влагой. Разница заключалась лишь в числе пирующих. Хозяин дома и Борроуклиф сидели друг против друга, рассуждая о происшествиях дня и прилежно передвигая взад и вперед сверкающий сосуд с тем благородным напитком, который они оба так любили; эта последняя их

обязанность с каждой минутой становилась все легче.

— Если бы только Кит вернулся с челом, увенчанным лавровым венком, я был бы счастливейшим старым дураком среди верноподданных его величества короля Англии! — воскликнул полковник, сидевший спиной к отворенной двери.

Капитан, который после победы над неприятелем мог наконец сложить с себя противоестественный обет не пить вина, провозгласил, держа в одной руке сосуд с южнобережной мадерой, а другой указывая на дверь:

— А вот и сам кацик! Легок на помине! И чело его ожидает лаврового венка! Ха!.. А кто это сопровождает его высочество? Клянусь богом, сэр кацик, если вы будете путешествовать с личным эскортом из таких гренадеров, сам старый Фридрих Прусский[1] позавидует вам! Целых шесть футов даже без сапог! И оружие не менее необычное, чем тот, кто им снабжен.

Полковник, не дослушав и половины восклицаний своего компаньона, обернулся и увидел того, кого так стремился, но совсем не ожидал увидеть так скоро. Старик засыпал его вопросами, на которые Диллон ввиду присутствия рулевого отвечал с благоразумной осторожностью. Том стоял с непоколебимым спокойствием, опираясь на гарпун и рассматривая с удивлением и некоторым презрением убранство покоев, великолепие которых превосходило все виденное им до сих пор. Тем временем Борроуклиф, не обращая никакого внимания на разговор между хозяином и Диллоном, до того их увлекший, что они отошли в дальний угол комнаты, и ничуть не стесняясь отсутствием собутыльника, бесцеремонно наливал себе бокал за бокалом, словно был обязан теперь пить за двоих. И если он отрывал взгляд от рубиновых отблесков жидкости в бокале, то только, чтобы полюбоваться рослым рулевым, фигура которого действительно не могла не обратить на себя внимание офицера, занимающегося вербовкой рекрутов. Однако капитана вскоре лишили этого двойного удовольствия, пригласив принять участие в совете, который держали его друзья.

Полковник избавил Диллона от неприятной обязанности повторять сочиненный им хитроумный рассказ и с жаром передал его Борроуклифу в таких словах, что преда-

[1] Фридрих Прусский — король Пруссии Фридрих-Вильгельм I (1713—1740).

тельство его родственника показалось законным, хитроумным поступком и даже подвигом во имя короля. Отсюда следовало, что Тома нужно арестовать, а отряд Барнстейбла захватить в плен, после чего его люди должны были разделить участь своих товарищей. Впалые глаза Диллона потупились перед устремленным на него проницательным взглядом Борроуклифа, слушавшего похвалы, расточаемые полковником, изобретательности своего родственника. Но сомнения капитана быстро исчезли, когда он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на ничего не подозревавшего Тома. Тот продолжал разглядывать комнату, уверенный, по простоте души, что переговоры, свидетелем которых ему довелось быть, служили лишь подготовкой к тому, чтобы разрешить ему повидать мистера Гриффита.

— Дрилл, — громко позвал Борроуклиф, — иди сюда и слушай мои распоряжения! (При этих неожиданных словах рулевой быстро обернулся и впервые убедился в том, что позади него в коридоре стоит сержант, а за ним — два ряда вооруженных рекрутов.) Отведи этого человека в караульную, накорми его да смотри, чтобы он не умер от жажды!

В этом приказании не было ничего опасного, и Том по знаку капитана последовал было за солдатами, как вдруг в коридоре их настиг окрик: «Стой!»

— Я передумал, Дрилл, — сказал Борроуклиф тоном, в котором уже не было ничего командирского. — Проводи этого джентльмена в мою комнату да смотри, чтобы он ни в чем не терпел недостатка.

Сержант зна́ком, который был хорошо известен офицеру, ответил, что понял его. Борроуклиф вернулся к бутылке, а рулевой после этого вторичного упоминания об ожидавшем его удовольствии весело последовал за сержантом.

К радости сгоравшего от нетерпения Тома, комната капитана находилась недалеко, и обещанное угощение не заставило себя ждать. Комната выходила в небольшой коридор, соединявшийся с главной галереей. Обед рулевого состоял из любимого блюда английских островов: ростбифа в большом количестве, но без гарнира. Это блюдо всегда было в запасе на кухне полковника Говарда. Правильно поняв приказ капитана произвести атаку на крепость, содержавшую мозг рулевого, сержант собственноручно приготовил величаемую им грогом адскую смесь, способную свалить с ног даже то животное, над которым так ста-

рательно трудились челюсти Тома, будь этот бык жив и полон сил. Однако расчеты на ослабление разума рулевого под действием ямайского рома не оправдались. Том с огромным удовольствием, но ничуть не пьянея, опорожнял стакан за стаканом, в то время как глаза сержанта, который считал своим долгом поддержать компанию, уже подозрительно заблестели. К счастью для него, раздался стук в дверь, возвестивший о появлении капитана, который избавил его от позора, что его перепьет рекрут.

Войдя в комнату, Борроуклиф приказал сержанту уйти, добавив:

— Мистер Диллон даст тебе приказания, которые ты должен в точности выполнить.

Дрилл, который еще достаточно соображал, для того чтобы опасаться недовольства командира, если бы тот распознал его состояние, поспешил удалиться, и рулевой остался наедине с капитаном. Энергия, с какой Том нападал на ростбиф, теперь заметно ослабела, сменившись безмятежным довольством, которое обычно сохраняется еще долго после того, как утолен голод. Пренебрегая стульями, он сидел на одном из сундуков Борроуклифа и, поставив тарелку на колени, складным ножом отрезал кусок за куском с той тщательностью, с какой, вероятно, женщина-вампир из «Тысячи и одной ночи» собирала рисинки на острие шила. Капитан придвинул себе табурет и со снисходительной фамильярностью, естественной при разнице в их положении, повел такой разговор:

— Надеюсь, вам пришлось по вкусу наше угощение, мистер... Не имею удовольствия знать, как вас зовут.

— Том, — ответил рулевой, не отрывая глаз от тарелки. — Товарищи на корабле зовут меня Длинным Томом.

— Вы, по-видимому, плавали с разумными и способными моряками, если они так хорошо разбираются в долготе, — ответил капитан. — Но у вас, наверно, есть и фамилия?..

— Коффин, — ответил рулевой. — В спешке, когда требуется убрать или поставить паруса, меня зовут Томом; в хорошую погоду, когда задумают обернуть старого морского волка вокруг пальца, — Длинным Томом; если же хотят именовать меня так, чтобы не откликнулся никто другой из моей родни, меня называют Длинным Томом Коффином, потому что, я думаю, самый высокий из них не больше сажени.

— Вы, я вижу, весьма достойный человек, — воскликнул Борроуклиф, — и жалко думать, какая участь ждет вас из-за вероломства мистера Диллона!

Подозрения Тома, если он их когда-нибудь питал, были до такой степени убаюканы ласковым приемом капитана, что не возникли даже при этом двусмысленном замечании. Опорожнив еще стакан рома, он ограничился тем, что с большим простосердечием сказал:

— Меня никто не ждет, кроме мистера Диллона, а он обязан или передать мне в обмен мистера Гриффита, или возвратиться пленным на «Ариэль».

— Увы, мой добрый друг, боюсь, что, когда придет время для этого обмена, он не согласится ни на то, ни на другое.

— Будь я проклят, если он не выполнит одного из этих условий! Мне приказано, чтобы это было сделано: либо он вернется, либо мистер Гриффит, лучший моряк для своих лет, когда-либо ступавший по корабельной палубе, снимется с этой якорной стоянки!

Борроуклиф окинул собеседника деланно сочувственным взглядом. Однако это выражение участия вовсе не дошло до рулевого, ибо после обильных возлияний Том все еще находился в самом благодушном настроении. Соображать он отнюдь не перестал. Однако, неспособный сам на предательство, он не мог заподозрить в нем и других. Поняв, что нужно говорить яснее, капитан предпринял лобовую атаку:

— Мне жаль огорчать вас, мой друг, но должен сказать, что вам не позволят вернуться на «Ариэль» и что не пройдет часа, как ваш командир Барнстейбл тоже очутится в плену, а шхуну захватят еще до рассвета.

— Кто захватит ее? — спросил рулевой, насмешливо улыбаясь, хотя такое сочетание грозящих бедствий начало производить на него впечатление.

— Вы должны помнить, что она стоит под огнем тяжелых орудий батареи, которые могут в несколько минут пустить ее ко дну. Уже послан нарочный предупредить командира батареи, что «Ариэль» — неприятельское судно. А так как сейчас ветер дует с моря, уйти шхуна не может.

Теперь наконец истина во всей своей ужасной наготе дошла до сознания рулевого. Он вспомнил собственное предсказание погоды и беспомощное положение шхуны, лишенной более половины своего экипажа и оставленной

на попечение юноши, в то время как командиру ее грозила опасность попасть в плен. Тарелка соскользнула с колен старого моряка и упала на пол; голова его склонилась на грудь, он закрыл лицо руками и, несмотря на все старания скрыть охватившее его волнение, не мог удержать громкого стона.

На мгновение при виде горя человека, чья голова уже носила на себе печать его возраста, в Борроуклифе шевельнулись добрые чувства. Но привычка многих лет, прошедших в собирании новых жертв для войны, тотчас взяла верх в его сердце, и офицер-вербовщик решил не упускать удобного случая.

— Мне от души жаль тех бедняг, которые позволили совратить себя с пути истинного ловкими уговорами или неправильным пониманием долга и подняли оружие против своего государя. Но, захваченные на территории самой Англии, они послужат примером для устрашения других. Боюсь, что, если они не примирятся с правительством, их осудят на смерть.

— Тогда лучше уж сразу примириться с судьбой. Ваше правительство мало чем поможет человеку, вахта которого на этом свете окончена.

— Но, примирившись с теми, в чьих руках власть, они могут спасти свою жизнь, — сказал капитан, зорко следя за тем, как подействуют его слова на рулевого.

— Не такая беда для человека, когда его койку складывают в последний раз. Окончил вахту на этом свете — будет стоять на вахте на том свете. Но увидеть, как дерево и железо, так искусно слаженные в «Ариэле», попадут в руки неприятеля, — вот это человек запомнит надолго и после того, как имя его навсегда будет вычеркнуто из казначейских реестров! Я бы лучше согласился, чтобы двадцать залпов пронзили мое бренное тело, нежели одним из них попал в шхуну ниже ватерлинии!

— Что ж, может быть, я и ошибаюсь, — беспечным тоном заметил Борроуклиф. — Возможно, вас не казнят, а только посадят на борт плавучей тюрьмы, где вы сможете еще славно повеселиться ближайшие десять или пятнадцать лет.

— Что ты болтаешь, приятель? — вздрогнув, вскричал рулевой. — Плавучая тюрьма, говоришь ты? Тогда передай им: пусть они лучше повесят одного человека, старого Тома Коффина, и тем самым сберегут его рацион.

— Все зависит от их прихоти: сегодня они, может, прикажут расстрелять вас как мятежников, а завтра решат считать вас военнопленными и отправят на галеры лет на десять.

— Скажи им, братец, что я мятежник, слышишь? И ты не солжешь, потому что я сражался с ними в Бостонском заливе еще во времена Мэнли [1]. Надеюсь, что мальчугану удастся взорвать шхуну... Бедный Ричард Барнстейбл умрет, если увидит ее в руках англичан!

— Я знаю одно средство... — сказал Борроуклиф, притворяясь задумчивым, — только одно, которое наверняка избавит вас от тюрьмы, ибо я уверен, что, поразмыслив, вас не решатся приговорить к смерти.

— Назови его, приятель! — сказал рулевой, вставая с места с явно взволнованным видом. — Если только оно под силу человеку, я согласен им воспользоваться.

— Разумеется, — ответил капитан, дружески положив руку на плечо рулевого, который напряженно прислушивался к его словам. — Это легко выполнить, да и страшного тут ничего нет. Ведь вы привыкли к пороху и можете отличить его запах от запаха роз?

— Еще бы! — нетерпеливо вскричал старый моряк. — Мне приходится нюхать его чуть ли не каждый час. Но что из этого?

— А то, что предложение, которое я намерен вам сделать, вполне достойно такого человека, как вы. Пришлись ли наши ростбиф и грог вам по вкусу?

— Да, все было превосходно, старому моряку все по нутру! Но что из этого? — спросил рулевой и, сам того не замечая, в нетерпении схватил Борроуклифа за воротник.

Капитан не выказал никакого раздражения при этой неожиданной фамильярности, ласково улыбнулся и решил, что настала минута дать залп из всех орудий, которые он до сих пор держал в резерве.

— Тогда вам остается только послужить вашему королю так, как вы до сих пор служили конгрессу, и позвольте мне быть тем, кто первый покажет вам ваше знамя!

Рулевой напряженно уставился на капитана, но было очевидно, что он не понял значения сделанного предложения. И поэтому Борроуклиф продолжал:

---

[1] Мэнли Джон (1737—1793) — американский моряк, одержавший ряд побед во время войны за независимость США

— Короче говоря, мой друг, запишитесь в мою роту,— тогда я могу вполне обещать вам жизнь и свободу!

Том не расхохотался только потому, что редко проявлял подобным образом свои чувства, но каждая черта его закаленного непогодой лица исказилась гримасой презрения и насмешки.

И в ту же секунду Борроуклиф почувствовал, как железные пальцы, которые все еще держали его за воротник, сдавили его горло, словно тиски, а тело медленно оторвалось от земли и с силой, которой было бесполезно сопротивляться, было притянуто к телу рулевого. Когда лица их оказались одно напротив другого, рулевой излил свои чувства в словах:

— Товарищ по кубрику лучше товарища по плаванию! Товарищ по плаванию лучше незнакомца! Незнакомец лучше собаки... Но собака лучше солдата!

Сказав это, Том с силой выпрямил руку, разжав при этом пальцы, и, когда Борроуклиф пришел в себя, он сидел в другом конце комнаты на полу среди кучи стульев, столов и одежды. Пытаясь подняться на ноги, капитан среди предметов, которые он свалил на пол при своем падении, коснулся эфеса собственной шпаги.

— Негодяй! — закричал он, обнажая сверкающее оружие и вскакивая на ноги.— Я вижу, тебя следует научить, как вести себя со старшими!

Рулевой схватил стоявший у стены гарпун и направил его острие в грудь противника с таким выражением на лице, что капитан тотчас понял угрожавшую ему опасность. Однако Борроуклиф не был трусом. Раздраженный нанесенным ему оскорблением, он ринулся на противника, одновременно пытаясь уклониться от острия угрожавшего ему необычного оружия. Но кончик гарпуна молниеносно описал небольшой круг, последовал легкий толчок, и Борроуклиф, потеряв шпагу, оказался всецело во власти врага. Однако кровожадные намерения Тома мгновенно исчезли, как только он одержал верх. Отложив в сторону гарпун, он приблизился к капитану и схватил его своей громадной рукой.

Вторая схватка, во время которой капитан убедился в своей полной неспособности противостоять силе человека, справлявшегося с ним, как с ребенком, решила дело. Когда капитан окончательно затих, рулевой достал из карманов, где, по-видимому, содержалось не меньше мелкого

такелажа, чем в кладовой боцмана, целый ворох веревок и с нерушимым хладнокровием, с молчаливостью, казалось, непоколебимой, и с ловкостью, какой мог обладать только моряк, начал привязывать руки капитана к столбикам кровати. Покончив с этим, Том на минуту задумался стал осматривать комнату, словно чего-то ища. На глаза ему попалась обнаженная шпага. Взяв ее в руки, он медленно приблизился к пленнику, который со страху не заметил, что рулевой отломал клинок шпаги от эфеса и уже обмотал веревкой эфес.

— Ради бога, — взмолился Борроуклиф, — не убивайте меня!

В тот же миг в рот ему воткнули серебряный эфес, завязали сзади на шее веревками, и капитан очутился в том самом положении, в какое он сам частенько приводил непокорных солдат, вставляя им кляп. После этого Том Коффин, по-видимому, решил воспользоваться всеми правами победителя, ибо, взяв в руки свечу, начал рыться в личном имуществе капитана. Различные предметы, принадлежавшие к экипировке пехотного офицера, были осмотрены и отброшены в сторону с величайшим презрением, а одежда более скромного вида была отвергнута как не соответствовавшая фигуре Тома. Вскоре ему попались на глаза два одинаковых предмета, сделанных из металла, весьма популярного на всем белом свете. Однако Том, по-видимому, не был сведущ в их назначении. Он долго прикладывал полукруглую скобу этих диковин к рукам, к запястьям и даже к носу, затем с интересом и любопытством, с каким дикарь стал бы рассматривать часы, повертел колесики на другом конце, пока наконец в голове честного моряка не сложилось убеждение, что они составляют часть бесполезного снаряжения армейца, и тогда он тоже отбросил их в сторону как лишенные всякой ценности. Борроуклиф, следивший за каждым движением победителя с добродушием, которое могло бы восстановить мир между ними, если бы только он мог выразить хоть половину того, что чувствовал, был очень рад, когда Том не пожелал завладеть его шпорами, хотя при этом капитан чуть не задохнулся от смеха, столь неестественно подавленного. Наконец рулевой нашел пару пистолетов весьма хорошей работы — оружие, с которым он, по-видимому, был хорошо знаком. Они были заряжены, и вид их навел Тома на мысль о необходимости уходить, напомнив ему об опасности, угрожавшей его

Раздраженный нанесенным ему оскорблением, Барроуклиф ринулся на противника.

командиру и «Ариэлю». Он сунул пистолеты за свой брезентовый пояс и, схватив гарпун, приблизился к кровати, где вынужден был сидеть Борроуклиф.

— Слушай, приятель, — сказал рулевой, — да простит тебе бог, как прощаю я, твое намерение сделать солдата из моряка, который начал плавать с той минуты, как ему исполнился час от роду, и который надеется отдать концы на воде и быть похороненным в море! Я не желаю тебе плохого, приятель, но все же придется тебе помолчать, пока не явится сюда кто-нибудь из твоих друзей. Надеюсь, это будет вскоре после того, как я выйду в открытое море.

С этими дружескими пожеланиями рулевой удалился, оставив Борроуклифа живым и невредимым в освещенной комнате, хотя и в несколько неудобной и не очень завидной позе. Капитан слышал, как щелкнул замок его двери и как рулевой вытащил из скважины ключ, желая, как явствовало из его действий, сохранить в тайне свой уход и обеспечить заключение побежденного по крайней мере на некоторое время.

Глава XXIII

Когда настигнет в час ночной
Нас Месть багровою рукой,
Кто, Страх, узрев ее черты,
Не обезумеет, как ты?

Коллинз

Когда Том Коффин вышел из комнаты Борроуклифа, у него не было никакого плана действий, кроме твердой решимости поскорее вернуться на «Ариэль» и разделить со шхуной ее участь — все равно, суждено ли ей уйти или быть потопленной. Но честному моряку в его нынешнем положении гораздо легче было принять, нежели выполнить такое решение. Он скорее сумел бы провести судно через опасные мели Чертовых Клещей, нежели самому выбраться из лабиринта коридоров, галерей и комнат дома, в котором он очутился.

Он припомнил и тихо сказал себе, что «из главного канала он выходил в более узкий», но, клал ли он при этом руля вправо или влево, совершенно выскочило у него из памяти. Том находился в той части здания, которую пол-

ковник Говард называл «кельями» и где, к счастью для моряка, он вряд ли мог встретить неприятеля, поскольку комната, занимаемая Борроуклифом, была в этом крыле единственной, не находившейся в распоряжении дам. Причина, по которой капитану позволено было обосноваться в этой святая святых, состояла в том, что полковник Говард вынужден был поместить рядом со своими воспитанницами либо Гриффита и Мануэля, либо капитана Борроуклифа, а иначе ему пришлось бы подвергнуть арестованных обращению, которое старик считал недостойным для себя и своего рода. Недавнее переселение Борроуклифа было на руку Тому по двум соображениям: оно уменьшало шансы скорого освобождения беспокойного пленника Тома и уменьшало опасность, грозившую рулевому. Правда, о первом преимуществе он и не подозревал, а размышления по поводу второго ничуть не занимали его, ибо он мало заботился о своей безопасности.

Следуя по необходимости вдоль стены, Том вскоре выбрался из узкого и темного коридора в большую галерею, соединявшую нижние помещения этого крыла с главной частью здания. Отворенная дверь в дальнем конце галереи, откуда лился яркий свет, тотчас привлекла его внимание. Пройдя несколько шагов, старый моряк понял, что очутился возле той самой комнаты, которую еще так недавно он столь внимательно осматривал, и припомнил, что именно этой галереей он вошел в дом. Всякий другой человек, желая поскорее скрыться, тотчас повернул бы назад, но звуки застольного веселья, доносившиеся из нарядной комнаты, и отчетливо произнесенное имя Гриффита заставили Тома подойти ближе, чтобы произвести разведку. Читатель уже понял, что Том, спрятавшись в тени, находился у того порога, который он совсем недавно переступил, направляясь в комнату Борроуклифа. На месте этого джентльмена теперь сидел Диллон, а полковник Говард снова занял свое обычное кресло во главе стола. Он-то и веселился, наслаждаясь подробным рассказом своего родственника о том, как тому удалось обмануть ничего не подозревавшего неприятеля.

— Благородная хитрость!— воскликнул старик как раз в тот миг, когда Том притаился в засаде. — Благородная и гениальная хитрость, способная обмануть даже Цезаря! А ведь этот Цезарь, надо думать, был большой хитрец! Но вы, Кит, превзошли бы и его. Пусть меня повесят, если я,

неправ, но, если бы вас послали в Квебек вместо Монкальмы, вы задали бы неплохую загадку и самому Вулфу! Ах, юноша, как нужны вы нам в колониях в судейской мантии! Для защиты прав его величества очень-очень нужны такие люди, как вы, Кристофер!

— По правде говоря, дорогой сэр, вы наделяете меня достоинствами, которыми я вовсе не обладаю, — возразил Диллон, с лицемерной скромностью потупив глаза, хотя, быть может, сознание своей подлости и шевельнулось в нем. — Конечно, моя маленькая невинная хитрость...

— Да! В этом-то и заключается прелесть маневра, — перебил его полковник, пододвигая к гостю бутылку с чистосердечным видом человека, который никогда не был двуличным. — Вы не солгали, не надули, как мог бы сделать трус и негодяй. Вы совершили точный военный... э... э... классический обман неприятеля. Да, классический обман — это будет правильное обозначение! Обман, достойный Помпея или Марка Антония, или... или... Вы лучше меня, Кит, знаете имена этих древних! Назовите мне самого умного человека, который когда-либо жил в Греции или Риме, и я скажу, что он тупица в сравнении с вами! Это спартанская хитрость — простая и честная.

К счастью для Диллона, его престарелый родственник, разгорячившись, во время этой речи двигался непрестанно, что мешало рулевому нацелить дуло одного из пистолетов Борроуклифа точно в голову предателя. А когда чувство стыда выпудило Диллона закрыть лицо руками, это также способствовало спасению его жизни, заставив разгневанного моряка одуматься.

— Но вы ничего не сказали мне о наших дамах, — начал Диллон после минутного молчания. — Я надеюсь, они пережили этот тревожный день, как и подобает женщинам из рода Говардов.

Полковник оглянулся, как бы желая удостовериться, что они одни, и, понизив голос, ответил:

— Да, Кит, они взялись за ум, с тех пор как этого мятежника и негодяя Гриффита доставили сюда. Мисс Говард изволила даже удостоить нас своим присутствием в столовой во время обеда. Меня каждую минуту называли «дорогим дядюшкой» и говорили о том, что «боятся, как бы жизнь моя не подверглась опасности во время схваток и стычек с этими отчаянными головорезами, которые высадились на берег», как будто старый солдат, прошедший

всю войну пятьдесят шестого — шестьдесят третьего годов[1], может бояться порохового дыма больше, чем табачного! Но я знаю цену таким любезностям! Этот Гриффит все равно будет отправлен в Тауэр, мистер Диллон!

— Следует незамедлительно передать его в руки гражданских властей...

— Он будет передан констеблю Тауэра, храброму и верному графу Корнваллийскому, который сейчас сражается с мятежниками у меня на родине, — перебил его полковник. — Передан в руки карающего правосудия. Но, — продолжал старик, вставая с кресла с видом величавого достоинства, — даже констеблю лондонского Тауэра не будет позволено превзойти хозяина монастыря Святой Руфи в гостеприимстве и великодушии к арестованным! Я распорядился, чтобы их хорошо кормили и поили, и теперь должен пойти посмотреть, как выполнены мои приказания. Необходимо также приготовиться к приему капитана Барнстейбла, который, несомненно, скоро будет здесь.

— Через час, самое большее, — подтвердил Диллон, тревожно поглядывая на свои часы.

— Не следует торопиться, мой мальчик, — продолжал полковник, направляясь к двери, через которую лежал путь в комнаты арестованных. — Но и к дамам, так же как и к этим несчастным нарушителям закона, следует относиться со вниманием, поэтому пойдите, Кристофер, передайте Сесилии мой поклон. Эта упрямица его не заслужила, но все-таки она ведь дочь моего брата Гарри! И раз уж вы будете там, хитрец, не забудьте поговорить и о себе. Марк Антоний был дураком по сравнению с вами, а все же ему очень везло в любви. Вот, например, царица египетская...

С этими словами разгоряченный своей же речью старик затворил дверь, и Диллон остался один. Он задумчиво стоял у стола, размышляя, решиться ли ему на тот шаг, который советовал сделать полковник.

Бóльшая часть приведенного выше разговора была непонятна рулевому, который чрезвычайно терпеливо ждал его окончания, надеясь все же узнать что-нибудь полезное для пленников. Но, прежде чем он успел обдумать, как ему

---

[1] С 1756 по 1763 год происходила Семилетняя война между Австрией, Францией, Россией, Швецией, Саксонией и Испанией, с одной стороны, и Пруссией, Англией и Португалией — с другой.

быть, Диллон набрался храбрости и решил пойти в келью. Выпив залпом бокал вина, потом другой, он прошел мимо скрытого за отворенной дверью рулевого так близко, что чуть не задел его, и удалился по галерее тем быстрым шагом, каким обычно идет человек, принявший вынужденное решение и как бы скрывающий от себя свою слабость. Том больше не колебался. Воспользовавшись тем, что Диллон, пройдя мимо, толкнул дверь и почти затворил ее, отчего в галерее стало совсем темно, моряк немедленно двинулся вслед за ним, прислушиваясь к звукам его шагов, гулко отдававшихся на каменном полу галереи. У поворота, ведущего к комнате Борроуклифа, Диллон на мгновение задержался, то ли не зная, куда лучше направиться, то ли услышав тяжелую поступь неосторожного рулевого. Но, если даже ему почудились чужие шаги, по-видимому, он принял их за эхо своих собственных и зашагал дальше, не приметив, что за ним кто-то идет.

Диллон тихонько постучался в гостиную «кельи». В ответ раздался нежный голос самой мисс Говард, пригласившей его войти. Отворив дверь, этот джентльмен не сразу решился последовать приглашению, и поэтому дверь осталась незатворенной.

— Я пришел, мисс Говард, — начал Диллон, — по желанию вашего дядюшки и, позвольте мне добавить, по моему собственному...

— Да хранит нас небо! — воскликнула Сесилия, в страхе всплеснув руками и невольно встав с кушетки. — Разве нас тоже намерены посадить в тюрьму и казнить?

— Неужели мисс Говард может приписать мне... — Диллон остановился, заметив, что не только Сесилия, но и Кэтрин, и Элис Данскомб — все испуганно куда-то смотрят, и, обернувшись, он, к своему ужасу, увидел гигантскую фигуру рулевого, который стоял в дверях, загораживая весь проход. Каменная физиономия моряка выражала явную угрозу.

— Если здесь и случится убийство, — сказал Том, суровым взглядом окинув пораженных женщин и Диллона, — виновным может быть только этот лжец. Но вам нечего бояться человека, который слишком давно плавает по морям и сражается со всякими чудовищами как в рыбьем, так и в человечьем образе, чтобы не понимать, как следует обращаться с беззащитными женщинами. Всякий, кто меня знает, скажет, что Томас Коффин никогда не произнес

непристойного слова и не поступил дурно с существом одного пола с его матерью.

— Коффин! — воскликнула Кэтрин, храбро выходя из угла, куда страх загнал ее вместе с подругами.

— Да, Коффин, — продолжал старый моряк, и его угрюмые черты смягчились при виде ее милого лица. — Это суровое слово, но также — имя, широко известное на разных мелях, островах и мысах. Моего отца звали Коффином, а мать моя была из семьи Джой [1]. Люди этих двух фамилий наловили морского зверя больше, чем все остальные на нашем острове, вместе взятые, хотя Уорты, Гарнеры и Суйны умеют метать гарпун и острогу все же более метко, чем любые другие жители наветренной стороны Атлантики.

Кэтрин выслушала эту тираду в честь нантакетских китобоев с явным удовольствием и, когда он окончил, медленно повторила:

— Коффин! Значит, вы Длинный Том!

— Да-да, Длинный Том, и этого имени мне тоже не приходится стыдиться, — подтвердил рулевой, глядя с добродушной усмешкой на оживившуюся Кэтрин. — Да благословит господь ваше улыбающееся личико и яркие черные глазки, молодая леди! Значит, вы слыхали о Длинном Томе? Наверно, вам рассказывали, как он бьет китов? Я стар и теперь уж не так поворотлив, но, когда мне было девятнадцать лет, я всегда танцевал в первой паре, а дама моя была почти такой же хорошенькой, как вы, мисс, и в то время у меня на счету уже было три убитых кита.

— Том, — сказала Кэтрин, подходя ближе к старому моряку, и, когда она заговорила, на щеках у нее вспыхнул яркий румянец, — я слышала о вас как об искусном моряке, смелом рулевом и, я могу сказать, верном и преданном друге мистера Ричарда Барнстейбла. Может быть, вы и пришли сюда по поручению этого джентльмена или принесли от него письмо?

При звуке имени своего командира Коффин сразу все вспомнил и почувствовал новый прилив гнева. Пристально взглянув на съежившегося от страха Диллона, он грубым, хриплым голосом, свойственным людям, привыкшим к борьбе со стихиями и как бы перенявшим их суровую мощь, обратился к нему:

---

[1] Джой (англ.) — радость.

— Отвечай, подлый лгун! Что привело старого Тома Коффина к здешним мелям и узким проходам? Письмо? Как бы не так! Но, клянусь богом, который управляет ветрами и учит моряков водить суда в открытом море, нынче ночью ты, негодяй, будешь спать на палубе «Ариэля»! А если, по воле божьей, наша прекрасная шхуна на своей стоянке пойдет ко дну, словно ветхая баржа, ты отправишься туда вместе с ней! И проснуться тебе суждено будет лишь тогда, когда всех нас созовут наверх, чтобы подвести итог человеческим жизням!

Страстность, с какой старый моряк произносил свою речь, его негодование, горячность и искреннее возмущение, сверкавшее в его проницательном взгляде, и слова его, совершенно парализовавшие Диллона, который дрожал, как загнанный олень, заставили женщин онеметь от изумления. Том подошел к своей растерявшейся жертве и связал ей руки за спиной. Затем Том более толстой веревкой привязал пленника к своему поясу, оставив, таким образом, свои руки свободными, чтобы иметь возможность пользоваться оружием и одновременно держать пленника при себе.

— Я уверена, — сказала Сесилия, опомнившись первой, — что мистер Барнстейбл не поручал вам обойтись так безобразно с родственником моего дяди, полковника Говарда, да еще в нашем доме!.. Мисс Плауден, ваш друг несколько забылся, если этот человек действует по его приказанию!

— Мой друг, мисс Говард, никогда не послал бы ни своего рулевого, ни кого-либо другого совершить бесчестный поступок... Скажи, добрый моряк, почему ты поступил так круто с почтенным мистером Диллоном, родственником полковника Говарда и нашим гостем?

— Но, Кэтрин...

— Подожди, Сесилия, пусть он ответит. Может быть, он сразу разрешит все наши сомнения.

Рулевой, поняв, что от него ожидают объяснения, приступил к выполнению этой задачи со всей энергией, какая соответствовала теме и его собственным чувствам. В нескольких словах, чуть затемненных его своеобразным произношением, он рассказал слушательницам о доверии, которое Барнстейбл оказал Диллону, и о предательстве последнего. Девушки слушали его с растущим удивлением, и Сесилия, даже не дав ему закончить, воскликнула:

— И полковник Говард... неужели полковник Говард согласился с таким гнусным замыслом?

— Они вместе вышли в плавание, — ответил Том,— но одному кораблю не повезло.

— Даже Борроуклиф, при всей своей холодности и грубости, счел бы для себя бесчестьем подобную измену, — добавила мисс Говард.

— Но как же мистер Барнстейбл?.. — с трудом выговорила Кэтрин, боровшаяся со своими чувствами. — Вы говорите, за ним послали солдат?

— Да, молодая леди, — свирепо улыбаясь, ответил рулевой. — За ним погоня, но он уже переменил стоянку, и, даже если его найдут, длинные пики быстро прикончат десяток красных мундиров. Лишь бы владыка штормов и штилей сжалился над шхуной! Да, мисс, она так же прекрасна для глаз старого моряка, как ваше личико для взоров молодого человека!

— Но почему же ты медлишь? Спеши, честный Том, открой предательство своему командиру! Быть может, ты успеешь предупредить его. Почему ты медлишь?

— Мой корабль лежит в дрейфе за неимением ломцапа, мисс. Я могу пройти по мелям Нантакета в самую темную ночь, когда задраены все небесные люки, но в этом плавании я могу налететь на буруны. Мне и так уж чуть не пришлось отбиваться от одной честно́й компании.

— Если дело только за этим, следуй за мной, — вскричала пылкая Кэтрин, — и я, минуя часовых, выведу тебя на тропинку к морю!

До сих пор у Диллона еще была надежда, что его отобьет стража, но, услышав это предложение, он почувствовал, как кровь стынет у него в жилых. Он поднял опущенную от стыда и страха голову и медленно, словно на нем были кандалы, приблизился к Сесилии.

— Не отдавайте... не отдавайте меня, мисс Сесилия, во власть этого свирепого человека! — дрожащим голосом закричал он. — Ваш почтенный дядюшка одобрил мое предприятие и даже поддержал меня. Ведь это обычная военная хитрость...

— Мой дядя не мог одобрить низости, — холодно возразила Сесилия.

— Он одобрил, клянусь...

— Лжец! — перебил его грозный голос рулевого.

Диллон затрепетал при звуках этого страшного голоса,

которые проникли в самую глубину его души, но, представив себе ночной мрак, береговые скалы и бурное море, представив себе весь ужас того, что ему предстоит испытать, если он останется в руках грозного врага, он собрал все силы и продолжал свои мольбы:

— Выслушайте меня в последний раз, мисс Говард! Умоляю вас, выслушайте меня! Я ваш родственник, ваш соотечественник! Неужели вы отдадите меня во власть этого безжалостного разъяренного дикаря, который пронзит меня своим... О господи! Если бы вы только видели то, что я видел на «Быстром»! Выслушайте меня, мисс Говард! Во имя любви к нашему создателю, заступитесь за меня! Мистер Гриффит будет освобожден...

— Лжец! — снова перебил его рулевой.

— Что он обещает? — спросила Сесилия, снова взглянув на жалкого пленника.

— То, что не будет исполнено, — ответила Кэтрин. — Следуй за мной, честный Том! Я, по крайней мере, буду верна своему слову.

— Как вы жестоки и упрямы, мисс Плауден!.. Добрая, милая мисс Элис, не откажите молвить слово в мою защиту! Ваше сердце не окаменело от страха за любимого человека, подвергающегося мнимым опасностям...

— Нет, не взывайте ко мне! — ответила Элис, потупив взор. — Не думаю, что вашей жизни грозит опасность. Но я помолюсь всемогущему, чтобы он сжалился над вами.

— Вперед! — скомандовал Том, схватив Диллона за шиворот и скорее таща, чем ведя его в коридор. — Если ты, негодяй, издашь хоть один звук, пусть даже в четверть того, какой издает молодой тюлень, впервые глотнув воздуха, ты опять увидишь то, что видел на «Быстром»! Мой гарпун остер, а старая рука еще не дрожит!

После этой угрозы не стало слышно даже тяжелого, прерывистого дыхания пленника. Увлекаемый своим провожатым, он углубился по следам Кэтрин в таинственные лабиринты здания. Еще несколько минут — и они через небольшую дверь выбрались на свежий воздух. Мисс Плауден, не замедляя шага, повела рулевого через парк к калитке (это была совсем не та калитка, через которую он раньше вступил на луг) и, указав на тропинку, еле видимую в увядшей траве, голосом, в котором слышна была ее забота о безопасности Тома, пожелала ему счастливого пути и скрылась во мраке, как воздушное видение.

Теперь, когда дорога была свободна, Тома не нужно было подгонять. Сунув пистолеты за пояс и взяв поудобнее свой гарпун, он с такой скоростью двинулся по полям вперед, что его спутник едва за ним поспевал. Раз или два Диллон порывался заговорить, но грозное «Молчать!» заставляло его сомкнуть уста. Наконец, заметив, что они приближаются к утесам, он сделал последнюю попытку обрести свободу, предложив Коффину большую сумму денег. Рулевой ничего не ответил, но, когда пленник начал было втайне надеяться, что предложение его будет принято, он вдруг почувствовал, как холодное острие гарпуна пронзило его одежду и даже оцарапало кожу.

— Лжец! — повторил Том. — Еще одно слово — и я проткну тебя насквозь!

С этой минуты Диллон стал нем как могила.

Так и не встретив отряда, который был послан на поиски Барнстейбла, они подошли к краю утесов неподалеку от того места, где недавно совершили высадку. Старый моряк на миг остановился над обрывом и опытным взглядом окинул расстилавшееся перед ним широкое водное

пространство. Море уже не дремало, оно волновалось и катило к подножию скал сердитые волны, разбивая их гребни и высоко вскидывая белую пену. Окинув взором весь восточный горизонт, рулевой глухо застонал, а потом, с силой ударив рукояткой гарпуна о землю, пошел дальше по самому краю утесов, бормоча страшные проклятия, которые его спутник со страху не преминул принять на свой счет. Ему казалось, что разгневанный и возбужденный старый моряк с нарочитой отчаянностью шагает над самой пропастью, невзирая на ночной мрак и порывы ветра, который время от времени с яростью набрасывался на них. Беспомощный Диллон был уверен, что жизнь его на волоске. Но, по-видимому, у рулевого были свои причины для такого кажущегося безрассудства. Когда они прошли примерно половину расстояния между местом, где высадился Барнстейбл, и тем, где он договорился встретиться со своим рулевым, в минуту затишья между порывами ветра до них смутно донеслись голоса, и рулевой замер на месте. Некоторое время он напряженно прислушивался и, по-видимому, принял решение. Он повернулся к Диллону и заговорил. И, хотя он произносил слова шепотом, голос его был тверд и решителен:

— Одно слово — и ты умрешь! Мы начинаем спускаться. Тебе придется делать это так, как делают моряки: ложись на брюхо и ползи. Спускайся, приказываю я тебе, не то я сброшу тебя в море, как собаку!

— Пощади, пощади! — умолял его Диллон. — Мне трудно сделать это даже днем, а сейчас я непременно погибну.

— Спускайся! — приказал Том. — Или...

Диллон больше не противился и начал спускаться, дрожа от страха, ибо под ним был отвесный склон. Тотчас же начал спускаться и рулевой, причем сделал он это так поспешно, что столкнул Диллона с выступа утеса, и тело бедняги повисло в воздухе над угрюмым прибоем, грохотавшим внизу.

Невольный крик вырвался из груди Диллона, когда он почувствовал, что повис в воздухе, и этот крик прозвучал во мраке, как зловещий вопль духа бурь.

— Еще разинешь рот — и я обрублю буксир, негодяй! — решительно сказал моряк. — Тогда ты канешь в вечность.

Теперь шаги и голоса были отчетливо слышны, а затем

па краю обрыва, прямо над ними, показался отряд вооруженных людей.

— Это был голос человека, — сказал один из них. — Так кричат люди в беде.

— Быть не может, чтобы это были те, кого мы ищем,— возразил сержант Дрилл. — Ни один пароль, который мне когда-либо довелось услышать, не звучит так, как этот.

— Говорят, такие крики часто можно услышать во время шторма на нашем берегу, — произнес кто-то с гораздо меньшей уверенностью.— Это голоса утонувших моряков.

В ответ послышался негромкий смех, а затем две-три шутки насчет суеверия их товарища. Но, по-видимому, слова его все же произвели впечатление даже на тех, кто не верил в чудеса, ибо после нескольких таких же замечаний весь отряд быстрым шагом удалился с утесов. Рулевой все это время стоял неподвижно, как служившая ему опорой скала, удерживая груз не только собственного тела, но и тела Диллона. Когда солдаты ушли, он высунул голову над обрывом, чтобы разведать обстановку, а затем благополучно поднял своего почти бесчувственного пленника на край обрыва, куда потом поднялся сам. Он не стал тратить время на объяснения, но Диллон почувствовал, как его снова с прежней скоростью толкают вперед. Через несколько минут они достигли расселины, по которой Том спустился со смелостью моряка, таща пленника за собой. Вскоре они уже стояли на берегу. У самых ног их играли волны, с плеском набегая на песок и разбиваясь в пену. Склонившись так низко, что гребни волн очутились на одном уровне с горизонтом, рулевой разглядел качавшуюся за линией прибоя темную шлюпку.

— Эй, ариэльцы! — крикнул Том настолько громко, что крепчавший ветер донес его голос до слуха уходивших солдат.

Но эти звуки показались им сверхъестественными и только заставили их ускорить шаг.

— Кто зовет?— раздался знакомый голос Барнстейбла.

— Бывший ваш учитель и нынешний ваш слуга, — ответил рулевой паролем собственного изобретения.

— Это он! — обрадовался лейтенант. — Травите канат, ребята, травите!.. Входи в прибой, Том!

Том поднял Диллона на руки. Перебросив его через плечо, как пробковый пояс, он вошел в полосу пены, на

гребне которой качалась шлюпка, и, прежде чем у пленника хватило времени протестовать или просить, он снова очутился рядом с Барнстейблом.

— Кто это? — спросил лейтенант. — Это не Гриффит?

— Быстрее выбирайте канат и снимайтесь с якоря! — потребовал возбужденный рулевой. — Если любите «Ариэля», ребята, гребите изо всех сил, не жалея рук!

Барнстейбл знал своего рулевого и не задавал ему вопросов, пока вельбот не миновал буруны. Шлюпка то поднималась на пологие вершины валов, то опускалась в ложбину между ними, но неизменно разрезала их носом, как ножом, с удивительной скоростью направляясь к бухте, где стояла на якоре шхуна. И тогда рулевой сам в немногих и горьких словах поведал командиру о предательстве Диллона и об угрожавшей шхуне опасности.

— Солдат не так-то легко собрать в ночную пору, — заключил Том, — а из тех разговоров, что мне довелось услышать, я понял, что нáрочному придется сделать порядочный крюк и обогнуть бухту. Если бы не этот проклятый норд-ост, мы бы успели порядком опередить их. Но сейчас судьба наша в руках провидения! Гребите, ребята, гребите! Нынче все зависит от вашей гребли.

Барнстейбл в глубоком молчании выслушал этот неожиданный рассказ, который для Диллона прозвучал погребальным звоном, а затем, стиснув зубы, вполголоса произнес, обращаясь к пленнику:

— Подлец! Кто посмеет упрекнуть меня, если я брошу тебя в море на съедение рыбам?! Но, если шхуне суждено будет лечь на дно морское, то и у тебя не будет иной могилы!

Глава XXIV

Была бы я всесильным божеством,
Я море ввергла бы в земные недра
Скорей, чем поглотить ему дала бы
Корабль с несчастными людьми.

Шекспир, «Буря»

Когда вельбот вошел в полосу прибоя, рулевой из соображений гуманности развязал Диллону руки на тот случай, если со шлюпкой приключится беда. Закутавшись в

плащ, пленник стал размышлять о событиях последних часов с той коварной злобой и трусливостью, которые были основными чертами его характера. Ни Барнстейбл, ни Том не были склонны мешать ему, так как оба они были слишком заняты собственными мрачными мыслями, чтобы тратить время на лишние слова. Среди угрюмого рокота волн и мрачного свиста ветра, носившегося над широкими просторами Северного моря, время от времени звучали только короткие приказания лейтенанта, который, окидывая взглядом разбушевавшуюся стихию, казалось, пытался умилостивить злого духа бури, и окрики рулевого, подбадривавшего гребцов. Целый час моряки усиленно боролись со все растущими валами, и наконец вельбот, обогнув северный мыс нужной бухты, благополучно миновал буруны и вошел в ее спокойные уединенные воды. Еще слышно было, как свистит ветер над высокими берегами бухты, но в ней самой над спокойной поверхностью воды царило безмолвие глубокой ночи. Тени береговых холмов, казалось, собрались вместе в середине бухты, создавая пелену непроглядного мрака. Шхуны нигде не было видно.

— Все тихо, точно вымерло, — с тревогой заметил Барнстейбл, когда вельбот заскользил по спокойной поверхности бухты.

— Не дай бог такой тишины! — воскликнул рулевой.— Смотрите, смотрите! — продолжал он, понизив голос, словно боялся, что их могут подслушать. — Вот шхуна, сэр... Смотрите правее. Видите полосу чистого неба над морем справа от леса, вон там? Длинная черная линия — это гротмачта нашей шхуны. Я узнаю ее по наклону. А вот и вымпел ее полощется около той яркой звезды. Да, сэр, наши звезды еще пляшут в выси среди звезд небесных! Шхуна покачивается легко и спокойно, как спящая чайка.

— Наверное, на «Ариэле» все спят, — сказал командир. — Ха! Честное слово, мы пришли вовремя! Солдаты начинают шевелиться!

Зоркий взгляд Барнстейбла заметил мелькание фонарей в амбразурах батареи, и сейчас же донесся заглушенный, но явственный шум возни на палубе шхуны. Лейтенант потирал руки от восторга, который подавляющее большинство наших читателей, вероятно, не поймет, а Длинный Том, когда слух убедил его, что «Ариэль» в безопасности и команда его начеку, залился тихим, беззвучным смехом. Неожиданно весь корпус и рангоут их пла-

вучего жилища выступили из тьмы; тихая бухта и окружающие холмы озарились вспышкой света, внезапного и ослепительного, как самая яркая молния. Барнстейбл и рулевой вперили взгляды в шхуну, как бы пытаясь увидеть больше, чем доступно человеческому глазу. Но не успело еще с вершин холмов прогрохотать эхо от выстрела тяжелой пушки, как над шлюпкой, подобно стону урагана, раздался свист ядра, затем последовал тяжелый всплеск и лязг чугунной массы, когда ядро, отскочив рикошетом от воды, со страшной яростью запрыгало по скалам на противоположной стороне бухты, раскалывая камень и дробя его на куски.

— Если с первого раза прицел плох, для противника это хорошее предзнаменование,— заметил рулевой.— Дым мешает смотреть, а перед рассветом всегда особенно темно.

— Мальчуган для своих лет творит чудеса! — вскричал восхищенный лейтенант. — Смотри-ка, Том, он в темноте переменил позицию, англичане же стреляли по тому месту, где «Ариэль» стоял днем: помнишь, мы оставили его на створе между батареей и вон тем холмом? Что бы осталось от нас, если бы эта тяжелая штука пробила палубу шхуны и вышла ниже ватерлинии?

— Мы навсегда завязли бы в английском иле — железо и балласт потянули бы нас на дно, — ответил Том. — Такой выстрел прямой наводкой разнес бы в щепы нашу обшивку, и вряд ли даже наши пехотинцы успели бы прочесть молитву!.. Гребите к носу, ребята!

Не следует думать, что в продолжение этого обмена мнениями между лейтенантом и рулевым гребцы сидели без дела. Напротив, вид их судна подействовал на них подобно заклинанию, и, считая, что всякую осторожность уже можно отбросить, они удвоили усилия. Как раз в ту минуту, когда Том произнес последние слова, вельбот подошел к борту «Ариэля». Хотя Барнстейбл, вздохнувший легче после томительной тревоги и уверенный, что сумеет уйти от врага, весь дрожал, охваченный возбуждением, тем не менее он принял на себя командование шхуной с суровой уверенностью, которую моряки считают необходимой в минуты наибольшей опасности. Он отлично знал, что любое тяжелое ядро из тех, которыми неприятель продолжал осыпать бухту с высоты, может оказаться роковым, если пройдет через легкую обшивку «Ариэля» и откроет доступ воде, от которой нет достаточной защиты. Вполне сознавая

критическое положение шхуны, он отдавал приказания тем твердым, спокойным тоном, который гарантирует беспрекословное послушание. Повинуясь общему порыву, команда «Ариэля» быстро подняла якорь, а затем мощными усилиями, с помощью длинных весел, направила судно прямо к батарее, под прикрытие высокого обрыва, увенчанного облаком пушечного дыма, которое при каждом новом залпе с берега окрашивалось в разные цвета, как окрашиваются облака на закате солнца. Пока моряки могли удерживать свою маленькую шхуну под покровом берега, они были в безопасности. Но, когда они начали выходить из спасительной тени, приближаясь к открытому морю, Барнстейбл заметил, что весла не в силах двигать судно против ветра, а темнота больше не скрывает его от глаз неприятеля, который тем временем выслал вперед наблюдателей, чтобы определить местонахождение шхуны. Поэтому он решил теперь уже не прятаться и своим обычным бодрым голосом отдал приказание поставить все паруса.

— Теперь пусть делают все, что хотят, Мерри! — добавил он. — Мы отошли на такое расстояние, что выстрелы уже не так опасны для нас.

— Чтобы помешать «Ариэлю» уйти, им следовало бы иметь более искусных пушкарей, чем эти ополченцы, добровольцы и тыловики... или как там еще они себя называют, — ответил бесстрашный юноша. — Но скажите, зачем вы привезли с собой обратно этого Иону, сэр? Взгляните на него при свете каютной лампы. Он закрывает глаза при каждом выстреле, будто ждет, что ядро попадет прямо в его уродливую желтую физиономию. И что слышно, сэр, о мистере Гриффите и капитане пехотинцев?

— Не напоминайте мне о нем, — ответил Барнстейбл, с такой силой сжав плечо юноши, на которое слегка опирался, что тот даже присел от боли. — Не напоминайте о нем, Мерри! В эти минуту мне нужны все мои душевные силы, а когда я думаю об этом Диллоне, мне трудно выполнять свои обязанности. Но время еще придет. Ступайте, сэр, ветер посвежел, а мы входим в узкий фарватер.

Молодой моряк тотчас повиновался приказанию, отданному, как всегда, решительным голосом и означавшему, как Мерри хорошо понимал, что он снова должен помнить о разнице в возрасте и служебном положении, о которой Барнстейбл, разговаривая с юношей, сам часто

забывал. Паруса к этому времени были поставлены, и, как только шхуна приблизилась к выходу из бухты, ветер, который все крепчал, подхватил легкое суденышко. Рулевой, который за отсутствием большинства младших офицеров действовал на баке как человек, чьи годы и опытность дают ему право если не командовать, то хотя бы советовать при таких обстоятельствах, подошел к тому месту, где стоял командир.

— Ну, мистер Коффин, — сказал Барнстейбл, который хорошо понимал стремление старого моряка во всех трудных случаях быть рядом с ним, — что вы думаете о наших делах? Эти джентльмены на холме подняли большой шум, я более не слышу даже свиста их ядер. А ведь они, наверно, видят наши паруса на фоне широкой полосы света, которая идет по горизонту со стороны моря.

— Да, сэр, они видят нас и норовят получше прицелиться. Сейчас мы идем поперек линии их огня, да еще имея ход в десять узлов. Но, как только мы повернем и окажемся на одной линии с их пушками, мы увидим, а то и почувствуем их работу. Пушку тридцатидвухфунтового калибра не так легко наводить, как охотничье ружье.

Барнстейбл сразу понял всю справедливость этого замечания, но, так как судну неизбежно нужно было занять то положение, о котором говорил рулевой, капитан тотчас отдал соответствующие распоряжения, и за столь же короткое время, какое потребовалось нам для того, чтобы об этом рассказать, шхуна сделала поворот и обратилась носом к морю.

— Либо они доконают нас сейчас, либо уж никогда! — воскликнул лейтенант по окончании маневра. — Если, миновав северный мыс, мы выйдем на ветер, то окажемся в открытом море, и через десять минут нам нипочем будет и карманная пушка королевы Анны, которая, как ты знаешь, послала ядро из Дувра в Кале.

— Да, сэр, я слышал об этой пушке, — спокойно ответил рулевой. — Это, наверно, была хорошая штучка, если пролив и раньше был такой ширины, как сейчас. Но я предвижу, капитан Барнстейбл, кое-что пострашнее дюжины самых тяжелых пушек, и всего на расстоянии в полмили. Вода уже пузырится в подветренных шпигатах, сэр!

— Ну и что из этого? Разве вода не окатывала ча-

стенько наши пушки и даже рангоут, не причиняя «Ариэлю» ни малейшего вреда?

— Да, сэр, да! Все это так, и нам нечего было бы опасаться, будь это в открытом море, — чего еще нужно человеку в жизни! Но, когда мы выйдем из этого канала, нас сильным норд-остом может прижать к берегу. Вот чего я боюсь, капитан Барнстейбл, больше, чем всех английских ядер и всего английского пороха!

— И все же, Том, об этих мячиках тоже не следует забывать. Ребята на батарее теперь знают дистанцию и могут как следует целиться. Мы идем довольно быстро, мистер Коффин, но тридцатидвухфунтовые ядра могут догнать нас даже при самом благоприятном ветре.

Том бросил беглый взгляд на батарею, где солдаты снова открыли огонь с яростью, которая свидетельствовала о том, что они видят свою цель, и ответил:

— Нет ничего хуже попыток увильнуть от ядра, ибо оно предназначено для выполнения своей работы точно так же, как каждый корабль назначается крейсировать в тех или иных широтах. Что же касается ветра и погоды, то за ними моряку нужно всегда смотреть в оба — он должен знать, ставить ему паруса или убирать их. Этот южный мыс выдается на целых девять миль в море, а на север лежат мели, среди которых не дай бог нашему судну очутиться снова!

— Мы выберемся из этой бухты, старина, — воскликнул лейтенант, — и для этого нам хватит трех миль!

— Бывало, что и более длинные пути оказывались слишком коротки, — ответил рулевой, покачивая головой. — Бурное море, противный прилив да берег под ветром могут привести к беде.

Не успел лейтенант ответить веселым смехом на это замечание, как над головой у них раздался свист ядра, и тотчас послышался треск расщепленного дерева. Верхушка грот-мачты, мгновение покачавшись на штормовом ветру, рухнула на палубу, увлекая за собой парус и вымпел с американской эмблемой, который, как говорил рулевой, красовался среди звезд небесных.

— Вот несчастье! — не удержавшись, воскликнул Барнстейбл, но тут же, собравшись с духом, отдал приказание очистить палубу от обломков и закрепить хлопавшую на ветру паруспну.

Как только пришла необходимость действовать, мрач-

ность Тома как рукой сняло, и он первым бросился исполнять приказания командира. Из-за потери всех парусов на грот-мачте «Ариэль» был настолько снесен со своего прежнего курса, что для него оказалось нелегким делом снова выйти на ветер и обогнуть мыс, который выдавался в море с подветренной стороны. Однако благодаря искусству Барнстейбла и отличным качествам судна необходимый маневр все же был выполнен, и шхуна, увлекаемая ветром, от ярости которого она уже не была защищена, как прежде, тяжело поползла вдоль берега, держась как можно дальше от бурунов. Матросы тем временем прилагали все усилия, чтобы лучше укрепить и поднять парус на остатках грот-мачты. Огонь батареи прекратился, как только «Ариэль» обогнул мыс, но Барнстейбл, который не спускал глаз с моря, заметил, что впереди, как и предсказывал рулевой, их ждет еще более грозная опасность. Когда повреждения были по возможности устранены, Том Коффин, проследив за тем, как укрепляют паруса, снова подошел к лейтенанту и возобновил разговор:

— Нам было бы лучше, если бы это ядро оторвало руку или ногу у кого-либо из наших лучших матросов, чем лишило «Ариэля» мачты. Полностью зарифленный грот-парус может оказаться большим подспорьем при попутном ветре, но он не помогает держать судно в бейдевинд.

— Что тебе еще нужно, Том Коффин? — спросил Барнстейбл. — Ты видишь, шхуна идет вперед, удаляясь от берега. Не можешь же ты требовать, чтобы судно летело прямо в зубы шторму! Или прикажешь мне сдаться и выкинуть тотчас же на берег?

— Ничего мне не нужно, капитан Барнстейбл, — ответил старый моряк, задетый неудовольствием командира. — Я уверен, что вы лучше многих можете вывести корабль в открытое море. Но, сэр, когда офицер в монастыре рассказал мне о намерении потопить «Ариэль» на якорной стоянке, признаюсь, я испытал такую тревогу, какой никогда не знавал. Я так ясно увидел шхуну погибшей, как вы сейчас видите этот остаток мачты. И, признаюсь откровенно, мужество мое дало сильный крен на подветренный борт, потому что, само собой разумеется, корабль, на котором я плаваю, я люблю, как самого себя.

— Перестань каркать, старый морской ворон! Ступай-ка да присмотри, чтобы передние паруса стояли как

следует... Подожди! Подойди сюда, Том! Если тебе снова померещатся крушения, акулы и другие столь же приятные вещи, храни их в своей глупой голове и не превращай мой бак в гостиную для привидений. Ребята начинают посматривать в подветренную сторону чаще, чем мне бы хотелось. Отправляйся, дурак, и бери пример с мистера Мерри, который сидит на твоей пушке и поет, будто он в церкви своего отца!

— Ах, капитан Барнстейбл, мистер Мерри еще ребенок! Он мало знает и поэтому ничего не боится. Но я подчиняюсь вашим приказаниям, сэр, и если кто-нибудь из команды оробеет во время шторма, то, уж верно, не потому, что услышит плохие слова от старого Тома Коффина.

Однако, несмотря на обещанную покорность, рулевой замешкался и снова подошел к командиру.

— Капитан Барнстейбл, пожалуйста, велите мистеру Мерри слезть с пушки: я сам из многолетнего опыта знаю, что петь во время шторма — это значит навлечь на корабль еще более сильный ветер, ибо тот, что правит бурями, не бывает доволен, когда слышит голос человека в минуту, избранную им самим для того, чтобы дохнуть на воду.

Барнстейбл не знал, смеяться ли ему над суеверием рулевого или уступить впечатлению, которое произвели на него эти серьезные, торжественные слова. Но через секунду лейтенант забыл о них, заставив себя прогнать тот суеверный страх, который, он чувствовал, подползает к самому его сердцу. Тем не менее он подозвал легкомысленного юношу к себе, и тот из уважения к священности шканцев немедленно перестал напевать. Том не торопясь отправился на бак, по-видимому весьма довольный тем, что ему удалось осуществить столь важное мероприятие.

Еще несколько часов «Ариэль» продолжал бороться с ветром и волнами; когда же проснулся день, измученные моряки получили возможность лучше уяснить себе, насколько опасно их положение. По мере усиления шторма на шхуне постепенно убавляли паруса, пока не осталось столько, сколько было необходимо, чтобы корабль не выбросило на берег. С самого рассвета Барнстейбл с растущей тревогой следил за погодой, тем самым доказывая, что он уже более не пренебрегает предчувствиями рулевого. С наветренной стороны он видел огромные массы

зеленой воды, увенчанные хребтами пены; они катились к берегу с силой, которой, казалось, ничто не могло противиться. Были минуты, когда лучи восходящего солнца пронизывали сметаемые ветром с волны на волну водяные брызги, и тогда казалось, что весь воздух насыщен сверкающими жемчужинами. А в сторону берега смотреть было еще страшнее. Скалы, высившиеся на расстоянии полумили от шхуны, были почти все время скрыты от глаз пирамидами воды, которые буйная стихия, встречая внезапную преграду, бросала высоко в воздух, как бы стремясь прорвать границы, поставленные природой ее господству. Весь берег, начиная от дальнего мыса на юге и кончая уже знакомыми нам мелями, простиравшимися далеко от курса шхуны, в противоположном направлении, был окаймлен широкой полосой пены, войти в которую было бы гибелью для самого могучего корабля.

Однако «Ариэль» легко и уверенно скользил по волнам, хотя и поддавался их мощным толчкам, так что казалось — вот-вот он исчезнет в бездне, которая то и дело разверзалась под ним, словно намереваясь поглотить маленькое судно. Среди команды уже прошел слух об опасном положении шхуны, и моряки поминутно обращали взоры то на маленький клочок паруса, с помощью которого судно еще продолжало сопротивляться шторму, то на страшные берега, сулившие столь мрачную перспективу. Даже Диллон, до которого дошли разговоры о грозящей опасности, выполз из каюты, где он скрывался, и бродил по палубе, жадно ловя каждое слово, срывавшееся с губ не обращавших на него внимания угрюмых моряков.

В эти минуты тревожного ожидания лишь рулевой оставался совершенно спокойным. Он знал, что использованы все средства, чтобы увести судно от берега, и ясно видел тщетность этих усилий. Но, считая себя как бы принадлежностью шхуны, он приготовился разделить ее участь, какова бы они ни была. Барнстейбл был мрачен, но мрачность эта проистекала не из боязни за самого себя, а из чувства ответственности за весь экипаж, какое испытывает всякий командир корабля в минуты опасности. Тем не менее на шхуне по-прежнему царила строжайшая дисциплина. Правда, два-три старых матроса стали шушукаться, предлагая потопить страх перед грядущей смертью в вине, но Барнстейбл таким тоном приказал принести пистолеты, что люди тотчас же отказа-

лись от своего намерения, и, хотя смертоносное оружие так и осталось лежать нетронутым на шпиле, куда его положил вестовой, других попыток неповиновения среди экипажа обреченного судна не наблюдалось. Напротив, моряки выполняли свои повседневные обязанности с особым вниманием, и человек, незнакомый с морскими обычаями, нашел бы просто странным, что люди, которые, казалось, должны быть поглощены мыслями, внушаемыми этим грозным часом, то и дело занимались какими-то мелочами: свертывали канаты, устраняли малейшие повреждения, причиняемые поминутно заливавшими низкую палубу «Ариэля» волнами, трудясь с такой тщательностью и усердием, будто корабль все еще стоял в бухте. Властная рука была простерта над молчаливым экипажем, но не из тщеславного желания командовать во что бы то ни стало, а для сохранения единства действий, которое одно только могло дать людям хотя бы слабый луч надежды.

— Под таким лоскутком парусины «Ариэль» не может двигаться вперед, — мрачно заметил Барнстейбл, обращаясь к рулевому, который, сложив на груди руки, балансировал на самом краю шканцев и хладнокровно взирал на безумные прыжки шхуны среди волн, готовых похоронить ее в пучине. — Бедняга, встречая волну, дрожит, как испуганный ребенок.

— Если бы мы еще хоть на час уберегли грот-мачту, — ответил Том, глубоко вздохнув и покачав головой, — то успели бы выбраться в открытое море и пройти в стороне от мелей. А в теперешнем нашем положении, сэр, ни одному смертному не дано вести судно против ветра. Шхуну несет к берегу, и, если только богу не угодно будет прекратить этот ветер, не пройдет и часа, как мы окажемся в бурунах.

— Нам остается только отдать якорь. Это средство еще может спасти нас.

Том повернулся к командиру и торжественно возразил ему с той уверенностью, которая возникает только из долголетнего опыта в минуты большой опасности:

— Привяжи мы самый толстый канат к самому тяжелому якорю, и это не удержало бы нас, хотя судно-то у нас легкое! Норд-ост на Северном море унимается лишь тогда, когда сам исчерпает себя, а перелом к затишью наступает только с заходом солнца. Вот тогда, вероятно, ста-

нет тихо, потому что ветры слишком уважают славу небес, чтобы дуть изо всей силы им прямо в лицо.

— Мы должны выполнить свой долг перед родиной и перед собой, — сказал Барнстейбл. — Ступай приготовь два якоря и самые прочные канаты. Мы отдадим якоря один за другим и вытравим на худой конец двести сорок саженей каната. Это еще может спасти шхуну. Приглядп, чтобы все было готово к постановке на якорь. Придется также срубить оставшуюся мачту. Пусть ветер гуляет по голому корпусу!

— Если бы вся опасность была только от ветра, мы, пожалуй, могли бы еще продержаться до заката солнца, — ответил рулевой. — Но какой канат удержит судно, которое временами окунается в воду по фок-мачту?

Однако после необходимых приготовлений приказание было выполнено с покорным подчинением воле командира. В ту же минуту, как оба якоря и добавленный к ним стоп-анкер [1] достигли грунта, «Ариэль» повернулся на ветер, и матросы топорами начали рубить остатки длинных наклонных мачт шхуны. Треск падавшего на палубу рангоута, по-видимому, не волновал сознававших всю опасность моряков, и они с прежней молчаливой безнадежностью очистили палубу от обломков. С каким-то лихорадочным любопытством провожали они взглядами уносимые волнами куски дерева, желая увидеть их столкновение с близлежащими скалами. Но еще задолго до того, как эти обломки доплывали до широкой полосы пены, разгневанная стихия скрывала их из виду. Теперь весь экипаж «Ариэля» понимал, что использовано последнее средство для спасения судна. И всякий раз, когда шхуна погружалась в волны, которые заливали ее бак, встревоженным морякам казалось, что якоря вырываются из грунта, а в канате, удерживающем их на якоре, с треском лопается за прядью прядь.

И все это время, пока моряки хватались за последние соломинки надежды, зародившейся в них после того, как были отданы якоря, Диллон беспрепятственно слонялся по палубе. Никто не обращал внимания на его дико блуждающие глаза, прерывистое дыхание и стиснутые руки, ибо люди на шхуне думали только о спасении судна. Но, когда он в отчаянии и тоске, проследив за отхлынувши-

[1] Стоп-анкер — вспомогательный якорь, примерно вдвое легче основного.

ми с палубы волнами, решился подойти к группе моряков, которые собрались вокруг рулевого возле большой пушки, его встретили злобные, мрачные взоры, таившие немую угрозу. Однако Диллон был слишком взволнован, чтобы понять их значение.

— Если вам не надоела жизнь, хотя ей, равно как и моей, видать, суждено скоро оборваться, — заметил ему Том, — советую вам держаться подальше от наших матросов. И, если вы хотите иметь в запасе несколько минут, чтобы поразмыслить над своими грязными делами, прежде чем предстанете перед ликом творца и выслушаете то, что написано в вахтенном журнале небес, я бы советовал вам не отходить далеко от капитана Барнстейбла или от меня.

— Обещай спасти меня, если корабль потерпит крушение! — взмолился Диллон, ухватившись за эти первые слова участия, услышанные им с тех пор, как он снова попал в плен. — О! Если ты это сделаешь, всю остальную жизнь ты проведешь в богатстве и довольстве!

— Вы слишком плохо держите свои обещания, чтобы вам можно было верить, — сурово, но без горечи возразил рулевой. — Впрочем, я никогда не наношу удара даже киту, если он уже истекает кровью.

Новые мольбы Диллона прервал ужасный крик, вырвавшийся у моряков на баке и подхваченный ревом бури. В эту минуту шхуна, поднявшись на гребне огромной волны, легла на борт, и ее понесло к скалам так, словно это был пузырь на поверхности водопада.

— Якорный канат лопнул, — со своим неизменным спокойствием и мрачной покорностью судьбе сказал Том. — Надобно, по крайней мере, облегчить «Ариэлю» его смерть.

С этими словами он взялся за румпель[1] и направил судно так, чтобы оно врезалось в скалы носом.

На мгновение лицо Барнстейбла исказилось жестоким страданием, но он сдержался и бодрым голосом обратился к матросам:

— Будьте спокойны и мужественны, ребята! Для вас еще не все потеряно — у нас осадка небольшая, и мы подойдем близко к утесам. Да и вода сейчас убывает. Готовьте шлюпки и не падайте духом.

---

[1] Румпель — горизонтальный рычаг для управления рулем.

Эти слова вывели команду вельбота из оцепенения. Быстро спустив легкое суденышко на воду, матросы спрыгнули в него, мощными усилиями стараясь удерживаться на некотором расстоянии от борта шхуны. Они громко кричали, уговаривая Тома присоединиться к ним, но рулевой, не отвечая ни слова, лишь отрицательно качал головой, держа румпель в руках и не сводя глаз с приближающихся бурунов. Вторую шлюпку, превосходившую по размерам вельбот, в это время спускали в море, и в суматохе моряки почти не замечали ужаса окружающей действительности. Но громкий хриплый окрик: «Берегись! Держись крепко!» — заставил их оторваться от работы; в то же мгновение набежавшая волна ушла из-под «Ариэля», и он тяжело сел на камни. Удар был такой, что все, кто пренебрег предупреждением, были сбиты с ног, а дрожь, охватившая при этом судно, напоминала агонию живого существа. Одно мгновение менее опытные матросы готовы были предположить, что главная опасность миновала, но за первой волной последовала вторая такой же высоты и, снова подняв судно, толкнула его еще дальше на скалы, в то время как гребень ее прокатился по палубе, смывая все на своем пути. Моряки с ужасом увидели, как спущенную ими шлюпку волна швырнула на скалы, а когда вода схлынула, то нельзя было различить даже обломков шлюпки. Но эта же волна поставила «Ариэля» в такое положение, которое в некоторой мере защищало его от ярости следующих волн.

— Спасайтесь, ребята, спасайтесь! — крикнул Барнстейбл, когда минута страшной неизвестности миновала. — В вашем распоряжении еще вельбот: на нем вы доберетесь почти до берега. Прыгайте, ребята! Вы были честными и верными моряками, и, надеюсь, господь не оставит вас. Ступайте, друзья мои, пока наступило затишье.

Моряки толпой бросились в вельбот, который сильно осел от тяжелого груза. Оглянувшись, они увидели, что Барнстейбл, Мерри, Диллон и рулевой все еще оставались на палубе «Ариэля». Барнстейбл, погруженный в горькие размышления, шагал по мокрой палубе, а гардемарин, следуя за ним, убеждал его покинуть гибнущее судно. Диллон не раз приближался к тому борту, у которого еще медлила шлюпка, но грозные взгляды моряков гнали его прочь, и он в отчаянии отходил. Том сидел на

основании бушприта в позе человека, примирившегося с неизбежным, и вместо ответа на громкие и повторные призывы товарищей только махал рукой в сторону берега.

— Послушайтесь меня, мистер Барнстейбл! — со слезами на глазах говорил юноша. — Если не ради меня, не ради себя самого, то хоть из любви к моей кузине Кэтрин сойдите в шлюпку!

Молодой лейтенант остановился и с некоторым колебанием взглянул на берег, но сейчас же взор его обратился к останкам судна, и он ответил:

— Ни за что, мой мальчик, ни за что! Если настал мой час, я покорно встречу свою судьбу.

— Послушайтесь людей, дорогой сэр! Они кричат, что без вас не уйдут, а ведь шлюпку вот-вот разобьет о шхуну...

Барнстейбл указал ему рукой на вельбот и, приказав тотчас сойти в него, молча отвернулся.

— Что ж, — с твердостью в голосе сказал Мерри, — если лейтенант не должен покидать гибнущий корабль, следует остаться и гардемарину. Отваливай, ребята! Мы с мистером Барнстейблом остаемся на «Ариэле».

— Молодой человек, мне поручена ваша жизнь, и я за нее отвечаю! — сказал командир, схватив сопротивляющегося юношу и передавая его на руки матросам. — Отваливайте, и да поможет вам бог! Вельбот и так перегружен — еще неизвестно, как он дойдет до берега.

Однако моряки все еще медлили, ибо увидели, что рулевой твердым шагом двинулся по палубе, и надеялись, что он уговорит лейтенанта и сам тоже сойдет в шлюпку. Но Том лишь последовал примеру командира: схватив Барнстейбла в свои мощные объятия, он с непреодолимой силой перебросил его через борт. А затем взяв веревку, удерживавшую шлюпку у борта, подпял руки и закричал:

— Да свершится надо мной воля господня! — Голос его заглушал рев бури. — На моих глазах была прибита первая доска «Ариэля», и я увижу, как она будет оторвана. А после я больше жить не желаю!

Но не успел он произнести и первые слова, как товарищи перестали его слышать, ибо их отнесло далеко прочь. Управлять вельботом было уже невозможно из-за его чрезмерной перегрузки и ярости бури, и, когда он поднял-

ся на белом гребне волны, Том в последний раз увидел его. Затем вельбот погрузился в провал между волнами, и через несколько мгновений лишь раскрошенные обломки его были выкинуты на прибрежные камни. Рулевой неподвижно стоял у борта и видел, как в воде замелькали головы и плечи. Одни пловцы мощными, хорошо нацеленными движениями направились прямо к песчаному берегу, который стал видим, когда ушла волна, а другие метались в беспомощном отчаянии. Честный старый моряк закричал от радости, увидев, что Барнстейбл вышел на берег, неся в руках бесчувственного Мерри, а за ним один за другим, мокрые и измученные, вышли и многие другие моряки. Еще нескольких человек невредимыми вынесло волнами на берег, но, когда Том снова занял прежнее место на бушприте, он не мог отвести горестный взор от безжизненных тел, с такой силой прибитых к скалам, что в них уже едва можно было различить образ человеческий.

Теперь единственными обитателями гибнущего судна остались рулевой и Диллон. Последний, после того как ему довелось быть свидетелем только что описанной сцены, пребывал в состоянии тупого отчаяния. Но, когда застывшая от ужаса кровь вновь начала струиться по его жилам, он подполз к Тому с тем эгоистическим чувством, которое делает более выносимым даже безнадежное страдание, когда человек делит его с другим.

— Когда спадет прилив, — сказал он голосом, который выдавал агонию страха, хотя слова выражали возродившуюся надежду, — мы сможем дойти до берега.

— Только Иисус Христос мог ходить по воде, как по палубе, — ответил рулевой. Старый моряк помолчал, а затем, поглядев на Диллона со смешанным чувством презрения и сострадания, добавил: — Если бы вы чаще вспоминали о нем в хорошую погоду, теперь, в бурю, судьба ваша не была бы столь жалкой!

— Ты полагаешь, что опасность все еще велика? — спросил Диллон.

— Велика для тех, кто боится смерти... Тише! Слышите вы шум у вас под ногами?

— Это ветер бьет в борт судна.

— Нет, это стонет сам корабль, — внушительно произнес рулевой. — Это его предсмертные стоны. Вода разбивает его палубы, и через несколько минут самое пре-

красное судно, которое когда-либо рассекало волны, превратится в такие же щепки, какие летели, когда его строили.

— Зачем же тогда ты остался здесь? — с отчаянием вскричал Диллон.

— Чтобы умереть, как мне назначено, — ответил Том. — Для меня эти волны то же самое, что для вас земля. Я родился на них и привык к мысли, что они станут моей могилой.

— Но я... я... — воскликнул Диллон, — я не хочу умирать! Я не могу умереть!.. Я не умру!

— Несчастный! — пробормотал его собеседник. — Вы должны умереть, как и все мы. Когда настанет смертная вахта, никто не смеет не явиться.

— Я умею плавать, — продолжал Диллон, с отчаянной решимостью кидаясь к борту судна. — Неужели здесь нет какого-нибудь обломка дерева или веревки, которые я мог бы взять с собой?

— Нет. Все срезано или унесено в море. Если вы хотите бороться за свою жизнь, возьмите с собой смелое сердце и чистую совесть, а в остальном уповайте на бога.

— На бога! — повторил Диллон в порыве безумного отчаяния. — Я не знаю никакого бога! И нет бога, который знал бы меня!

— Молчите! — так грозно прикрикнул на него рулевой, что, казалось, содрогнулась стихия. — Молчите, богохульник!

Тяжелый скрип расшатываемых волнами досок, вырвавшийся из недр «Ариэля», еще усилил сумятицу в душе Диллона, и он головой вниз кинулся в море.

Волны, брошенные прибоем на берег, возвращались в море, встречаясь с новыми волнами и образуя вокруг шхуны водовороты. И вот в один из таких водоворотов бросился, сам не ведая об этом, Диллон. И, когда его отнесло на некоторое расстояние от шхуны, он встретил противное течение, которого, несмотря на самые отчаянные усилия, не мог преодолеть. Легкий и сильный, он хорошо умел плавать, поэтому борьба была тяжелой и долгой. Он видел, что берег близок, и ему казалось, что он вот-вот достигнет его, но в действительности он нисколько не продвигался вперед. Старый моряк, который сначала следил за ним с полным равнодушием, понял опасность

его положения. И, забыв о собственной участи, он крикнул так громко, что даже матросы «Ариэля», вышедшие на берег, услышали его:

— Держите левее! Выбирайтесь из встречного течения! Держите к югу!

Диллон слышал голос рулевого, но разум его был настолько скован ужасом, что он не понимал слов. Однако он инстинктивно подчинился указанию и постепенно изменил направление, пока снова не оказался лицом к судну. Течение понесло его наискось к скалам, и он снова очутился в водовороте, где ему приходилось бороться лишь с волнами, ослабленными преградой в виде останков шхуны. Он продолжал держаться, но силы уже покидали его. Том огляделся вокруг в поисках веревки, но все было унесено в море вместе с мачтами или смыто волнами. Тут его взор встретился с полным отчаяния взором Диллона, и, хотя старому моряку не раз приходилось быть свидетелем ужасных событий, сейчас, увидев эту агонию, он невольно прикрыл рукой глаза. И когда минуту спустя он опустил руку, то увидел, что несчастный медленно уходит под воду, все еще продолжая бороться с волнами в тщетной надежде добраться до шхуны и спасти жизнь, которую он занятнал столькими недостойными поступками.

— Скоро он узнает бога и убедится, что бог знает его! — пробормотал рулевой.

В этот миг гигантский вал ударил в шхуну, доски ее затрещали, рассыпались, все смешалось, и вскоре волны понесли к скалам обломки вместе с телом простодушного рулевого.

Глава XXV

Вспомнить надо тех порой,
Кто в пучине спит морской
Под суровой крутизной
Эльсинора!

Кэмпбелл

Долгими и тоскливыми были для Барнстейбла часы, пока отлив не обнажил песчаный берег, позволив искать тела погибших матросов. Некоторые из них внешне не

Диллон слышал голос рулевого, но разум его был настолько скован ужасом, что он не понимал слов.

так уж пострадали от дикой ярости волн. И, лишь после того как спасшиеся убеждались, что в их несчастных товарищах угасла последняя искра жизни, они с почестями засыпали их могилы у самого края стихии, на лоне которой те провели весь век. Но тот, кого больше других знал и любил капитан, все еще не был найден, и Барнстейбл большими шагами ходил по обнажившейся теперь широкой полосе между подножием скал и бушующим морем, лихорадочно горящим взором осматривая обломки корабля, которые волны продолжали выбрасывать на берег. Он нашел всех живых и мертвых из бывших при нем в последнюю минуту на «Ариэле», и только двое пропали. Кроме себя самого и Мерри, он насчитал в числе спасшихся еще двенадцать человек, а шестерых они уже похоронили. Это как раз и составляло общее число людей, которые доверили свою жизнь хрупкому вельботу.

— Не говорите мне, Мерри, что его нет в живых, — сказал Барнстейбл, продолжая ходить по берегу в сильном волнении, которое он тщетно старался скрыть от юноши, принимавшего живейшее участие в беспокойстве командира. — Ведь очень часто моряки во время кораблекрушения спасаются на обломках разбитого судна. И вы можете видеть своими глазами, как спадающая вода гонит к берегу доски с того места, где погибла наша шхуна, а оттуда сюда добрых полмили. Матрос, которого я поставил на вершине скалы, еще не подал знака, что заметил его?

— Нет, сэр, нет! Мы никогда не увидим его вновь. Люди говорят, что он всегда считал грехом покинуть гибнущий корабль и что он ни разу за всю жизнь ради своего спасения не поплыл к берегу, хотя известно, что однажды, когда кит опрокинул его шлюпку, он держался на воде целый час. Видит бог, сэр, — добавил юноша, украдкой смахивая слезу, — что я любил Тома Коффина больше всех других наших матросов! Вы редко поднимались на борт фрегата, но всякий раз, когда Том бывал у нас, мы собирались вокруг него в кубрике, чтобы послушать его рассказы и поболтать с ним. Мы все любили его, мистер Барнстейбл, но даже любовь не в силах воскресить мертвых!

— Я знаю, я это знаю, — ответил Барнстейбл хриплым голосом, который выдавал силу его волнения. — Я не настолько глуп, чтобы верить в невозможное, но, пока

еще есть хоть малейшая надежда, что бедный Том Коффин жив, я не покину его.

— Если бы он стремился спасти свою жизнь, он сильнее боролся бы за нее, — заметил гардемарин.

Барнстейбл внезапно остановился и, с упреком взглянув на собеседника, собирался было возразить ему, как вдруг он услышал крики матросов. Повернувшись, они увидели, что все спешат вдоль берега, возбужденно указывая на какую-то точку в море. Лейтенант и Мерри, подбежав к матросам, ясно различили тело человека, которое волны несли уже через прибрежные буруны. Едва успели они это сообразить, как огромная волна выбросила на песок безжизненное тело и, оставив его, отхлынула назад.

— Это мой рулевой! — вскричал Барнстейбл, бросаясь к тому месту, куда море выкинуло свою добычу. Но, увидев лицо покойника, он остановился и не сразу мог заговорить. — Взгляните на этого несчастного, юноша! — содрогаясь от ужаса, промолвил он. — Лицо его не изуродовано, но глаза, глаза!.. Они словно вылезают из орбит, и взгляд их так ожесточен, будто несчастный все еще жив, а руки раскинуты так, словно он еще продолжает бороться с волнами!

— Иона! Иона! — с дикой яростью закричали матросы, один за другим приблизившись к трупу. — Бросим эту падаль снова в море! Отдать его акулам! Пусть он рассказывает свои сказки в клешнях крабов!

Барнстейбл с отвращением отвернулся от этого страшного зрелища, но, услышав слова матросов, готовых совершить недостойный поступок, он повернулся к ним и властным тоном сказал:

— Замолчите и отойдите! Неужели вы опозорите достоинство моряков местью тому, кого бог уже призвал к ответу?

Не говоря больше ни слова, он указал на землю и медленно отошел прочь.

— Заройте его в песок, ребята, — сказал Мерри, когда командир удалился. — Вода скоро опять начнет прибывать и унесет тело в море.

Матросы исполнили приказание, а гардемарин присоединился к капитану, который продолжал ходить взад и вперед по берегу, время от времени останавливаясь, бросая тревожные взгляды на волны и снова устремляясь вперед. Молодой человек с трудом поспевал за ним. Про-

шло еще два часа, и тщетные поиски наконец были прекращены. Море никогда не отдаст тело человека, который настойчиво искал смерти в его волнах.

— Солнце уже садится за утесы, — сказал лейтенант, опускаясь на камень. — Скоро пора будет расставлять часовых. Но что мы будем охранять, мой мальчик? Кругом только прибой да скалы, у нас нет даже целой доски, чтобы приклонить на ночь голову.

— Море выбросило на берег много полезных предметов, — ответил Мерри. — Мы нашли оружие для защиты от неприятеля и провиант для подкрепления сил, необходимых, чтобы пользоваться этим оружием.

— А с кем нам предстоит сражаться? — с горечью спросил Барнстейбл. — Быть может, нам вскинуть на плечи десяток пик и взять Англию на абордаж?

— Разумеется, мы не сможем наложить контрибуцию на весь остров, — продолжал юноша, внимательно следя за выражением глаз командира, — но нам еще найдется работа, пока фрегат не пришлет за нами тендер. Я надеюсь, сэр, вы не считаете положение наше столь отчаянным, чтобы сдаваться в плен.

— В плен? — воскликнул лейтенант. — Нет, нет, мой милый, до этого еще не дошло! Англии, должен признаться, удалось погубить мою шхуну, но это и все. Какая чудесная у нас была шхуна, Мерри! Легкая, ходкая! И где еще можно было видеть такие изящные линии носа и кормы! Помните ли вы, юноша, как я обогнал фрегат на выходе из Чесапикского залива! Я всегда мог это сделать при небольшой волне и попутном ветре. Но это был хрупкий корабль. Хрупкий, поэтому он и не вынес такого испытания.

— И более прочное судно разлетелось бы на куски там, где погибла шхуна, — ответил гардемарин.

— Да, задача была ей не по силам, нечего было и надеяться, что она останется цела на таком скалистом ложе. Я любил ее, Мерри, любил всем сердцем! Это был первый корабль, которым я командовал, и я знал и любил каждую планку в его обшивке, каждый болт в его корпусе!

— Я считаю вполне естественным, сэр, чтобы моряк любил судно, на борту которого он проплавал над морской пучиной столько дней и ночей, — ответил юноша. — Точно так же отец любит своего ребенка.

— Да, да, и даже более! — воскликнул Барнстейбл, задыхаясь от волнения. Командир судорожным движением стиснул руку Мерри, и его голос обретал силу по мере того, как его самого охватывало все большее возбуждение. — И все же, юноша, человек не может любить создание рук своих так, как он способен любить подобных себе! Человек никогда не может относиться к кораблю так, как он относится к своим товарищам. Я плавал с Томом еще в дни моей юности, когда все кругом казалось мне счастливым и радостным и, как говорил он, когда я ничего не знал и потому ничего не боялся. Я был тогда лентяем, воспитанным старым отцом и доброй матерью, и он сделал для меня то, чего не могли бы сделать мои родители, — в море он был мне отцом и матерью! Целыми днями и месяцами обучал он меня искусству нашего ремесла, а потом, когда я уже стал взрослым, следовал за мной с корабля на корабль, по всем морям и океанам, и теперь покинул меня только для того, чтобы умереть там, где должен был умереть я, потому что он устыдился бросить несчастный «Ариэль» в час гибели...

— Нет, нет, нет, причиной тому были лишь его суеверие и гордость! — прервал его Мерри.

Однако, заметив, что Барнстейбл обеими руками закрыл лицо, стараясь скрыть волнение, юноша больше не промолвил ни слова. Он сидел, с уважением глядя на лейтенанта, который тщетно пытался подавить слезы. Мерри сам весь дрожал, слыша судорожные рыдания, которые рвались из груди Барнстейбла. А увидев, как большие слезы медленно капают сквозь пальцы Барнстейбла на песок, он испытал не меньшее облегчение, чем испытал сам лейтенант, дав исход горю. За слезами последовал сильный взрыв чувств, редкий у человека, достигшего зрелости. Такой порыв, уж если он овладевает человеком, который со всем благородством своего характера борется с превратностями судьбы, подобно стремительному потоку сметает все искусственные преграды, созданные обычаями и образованием для защиты гордости мужчины. Мерри всегда с глубоким уважением внимал строгому голосу командира перед лицом опасности, а вместе с тем был весьма привязан к нему и ценил доброту и ласку лейтенанта в беспечные минуты веселья. Но сейчас он сидел возле командира в глубоком молчании, испытывая чувство, близкое к благоговению. Долгой и суровой была душевная борьба в

груди Барнстейбла, но наконец его волнение сменилось спокойствием. Когда он поднялся с камня и отнял руки от лица, взор его снова был тверд и решителен, а лоб слегка нахмурен. И заговорил он столь резким голосом, что Мерри невольно вздрогнул:

— Пойдемте, сэр! Зачем мы сидим здесь и ничего не делаем? Бедные матросы дожидаются наших советов и указаний в постигшем их несчастье. Пойдем, пойдем, мистер Мерри! Сейчас не время чертить кортиком фигуры на песке. Скоро начнется прилив, и мы будем рады, если сумеем укрыться на ночь в пещерах среди скал. Солнце еще не совсем село, сэр, так давайте позаботимся о пище и об оружии, чтобы поддержать в себе силы и не подпускать врага, пока мы не выйдем снова в море.

Молодой человек, которому, по неопытности, еще неведомы были отголоски человеческих страстей, удивился такому суровому напоминанию о его обязанностях, но встал и последовал за Барнстейблом к группе расположившихся в отдалении матросов. Лейтенант, тотчас почувствовав свою несправедливость к гардемарину, умерил шаги и заговорил более мягко, быстро перейдя затем к обычной дружеской беседе, хотя в тоне его все еще слышалась печаль, рассеять которую могло только время.

— Нам очень не повезло, мистер Мерри, но мы не должны отчаиваться. Я вижу, что наши матросы собрали много провизии, а с помощью оружия мы легко можем овладеть каким-нибудь небольшим неприятельским судном и, когда стихнет шторм, добраться до фрегата. Пока же нужно спрятаться, иначе красные мундиры накинутся на нас, как акулы на жертвы кораблекрушения. Бедная шхуна, Мерри! Теперь на всем берегу не приметишь и пары ее досок, соединенных вместе...

Гардемарин не стал поддерживать разговор о погибшем судне, а благоразумно ухватился за мысль, поданную командиром.

— На некотором расстоянии к югу от нас, там, где в море впадает ручеек, есть расселина, — сказал он. — Мы можем найти убежище в ней или в лесу наверху, куда она ведет, пока не сумеем осмотреть берег и захватить какое-нибудь судно, чтобы убраться отсюда.

— Хорошо было бы подождать до утра, а затем напасть на проклятую батарею, которая оторвала у «Ариэля» его лучшую мачту! — заметил лейтенант. — Это

предприятие выполнимое, юноша, и мы можем продержаться там, пока не подойдет «Быстрый» или фрегат.

— Если вы предпочитаете штурмовать крепости, а не брать на абордаж корабли, мистер Барнстейбл, то здесь поблизости есть каменная крепость — она лежит у нас прямо по курсу. Когда я поднялся на скалу, чтобы поставить часового, я видел ее в тумане и...

— Говорите, юноша, говорите прямо! Сейчас мы с вами просто советуемся.

— Так вот, сэр, гарнизон, пожалуй, не весь нам враждебен. Мы могли бы освободить мистера Гриффита и капитана Мануэля, а кроме того...

— Что еще, сэр?

— Может быть, мне удалось бы повидаться с моими кузинами Сесилией и Кэтрин.

При этих словах лицо Барнстейбла оживилось, и он ответил со слабым проблеском своей обычной веселости:

— Да, эту крепость неплохо было бы взять! А освобождение наших товарищей и морской пехоты — по-настоящему военное предприятие. Ха, юноша! Все остальное будет делом нетрудным, как, например, захват торгового флота, после того как уничтожен его конвой.

— Мне кажется, сэр, что, если мы овладеем домом, полковник Говард сам признает себя военнопленным.

— И воспитанницы полковника Говарда! Ваш план, мистер Мерри, не лишен здравого смысла, и я его хорошенько обдумаю... Но вот и наши бедные матросы! Потолкуем с ними, сэр, подбодрим их для предстоящего дела.

Барнстейбл и гардемарин подошли к матросам и заговорили с ними тем начальническим тоном, который общепринят на флоте между старшими и младшими по чину, но в то же время с мягкостью и приветливостью, необходимыми в их бедственном положении. Подкрепившись едой из запасов, найденных матросами среди разбросанных на целую милю вдоль берега обломков, лейтенант велел всем вооружиться и взять с собой запас провизии еще на сутки. Эти распоряжения были вскоре выполнены, и моряки под предводительством Барнстейбла и Мерри отправились вдоль подножия утесов на поиски расселины, через которую выливался в море ручеек. Дурная погода, а также уединенность места защищали маленький отряд, который преследовал свою цель с таким

пренебрежением к опасности, что при других обстоятельствах это могло бы оказаться роковым. Когда они вошли в лощину, Барнстейбл велел всем остановиться и поднялся почти до вершины утеса, составлявшего одну из сторон расселины, чтобы в последний раз внимательно посмотреть на море.

Он окинул взором весь горизонт от северных до южных границ, и на его лице была написана полная безнадежность. Он уже собрался было повести отряд дальше вдоль ручья, как вдруг юноша, который его ни на минуту не покидал, радостно воскликнул:

— Парус в виду! Это, наверно, фрегат!

— Парус? — повторил командир. — Как можно разглядеть парус в такую непогоду? Неужели еще один отважный корабль терпит бедствие?

— Посмотрите вправо, на верхушку скалы с наветренной стороны! — воскликнул юноша. — Сейчас его не видно... А вот его осветило солнце! Это парус, парус, какой только может быть поставлен в подобный шторм!

— Я вижу, о чем вы говорите, — ответил Барнстейбл, — но мне кажется — это просто чайка над волнами... Вот это пятнышко действительно поднялось и похоже на наполненный ветром марсель... Дайте-ка мне трубу, ребята! Сюда заглянуло какое-то судно — быть может, это наш союзник.

Мерри с юношеским нетерпением ждал, пока лейтенант кончит свои наблюдения, и тотчас спросил:

— Разглядели вы его, сэр? Это большой корабль или тендер?

— По-видимому, для нас еще остается некоторая надежда, мой мальчик, — ответил Барнстейбл, — складывая трубу. — Это корабль, который лежит в дрейфе под гротмарселем. Если бы не опасно было показаться на верхушке скалы, мы бы точно определили, что это за судно. Но мне кажется, что это рангоут фрегата, хотя даже его марсель беспрестанно скрывается за волнами и видны только голые концы мачт со спущенными брам-стеньгами [1].

— Всем известно, — сказал Мерри, развеселившись оттого, что именно ему удалось заметить парус и теперь появилась надежда на спасение, — что капитан Мансон никогда не поднимает стеньги, если они не должны нести

---

[1] Брам-стеньга — третья снизу часть составной мачты.

парус. Я помню, как однажды вечером, когда мы собрались вокруг шпиля, Гриффит не без досады заявил, что, по его мнению, следующий приказ будет — втянуть бушприт и убрать совсем мачты.

— Да, да, Гриффит лентяй и блуждает иной раз в тумане своих мыслей, — заметил Барнстейбл, — а старик, наверно, был сердит... Однако похоже, что у этого корабля и вправду серьезные намерения. Должно быть, он продержался все это время в открытом море, а то не бывать бы ему там, где он сейчас находится. Я думаю, старик вспомнил, что часть его экипажа находится на этом чертовом берегу. Превосходно, Мерри! Теперь у нас будет куда поместить пленных, если мы захватим монастырь.

— Мы должны терпеливо дожидаться наступления утра, — заметил юноша, — ибо ни одна шлюпка не может подойти к берегу при таком шторме.

— Ни одна шлюпка и не подойдет! Конечно, ведь лучшее судно, какое когда-либо было на плаву, погибло в этих бурунах... Но ветер стихает, и море еще до рассвета успокоится. Пойдем поищем место для ночлега, где бы нашим беднягам было удобнее.

Оба офицера спустились с утеса и вновь начали подниматься вдоль лощины. Постепенное повышение почвы привело их в густой лесок на одном уровне с окружающей местностью.

— Где-то здесь поблизости должны быть развалины, если я не ошибаюсь в расчетах направления и расстояния, — сказал Барнстейбл. — У меня при себе карта, на которой обозначен этот ориентир.

— А эту карту приготовил человек, хорошо знающий побережье, или ее срисовал для упражнения какой-нибудь школьник, подобно тому как девушки срисовывают образцы для вышивания? — лукаво улыбаясь, спросил гардемарин.

Барнстейбл смущенно отвернулся:

— Прошу вас, молодой человек, без образцов вашего нахальства! Но поглядите-ка лучше вперед. Не заметите ли вы какого-нибудь необитаемого жилища?

— Да, сэр, впереди груда камней, заплесневелых и осевших, как солдатская казарма. Не это ли вы ищете?

— Да здесь когда-то был целый город! В Америке эти развалины обязательно назвали бы городом, снабдили

их мэром, городским управлением и судьей. Фанел-Холл[1] весь поместился бы в одной из этих клетей.

С этими шутливыми словами, ибо Барнстейбл не хотел, чтобы матросы заметили его подавленное состояние, они приблизились к полуразрушенным стенам, послужившим столь ненадежным убежищем отряду Гриффита.

Осмотрев развалины, усталые моряки завладели одним из ветхих помещений и расположились на отдых, которого они были лишены из-за ужасных событий прошлой ночи.

Когда громкий храп матросов убедил Барнстейбла в том, что они крепко спят, он разбудил задремавшего было юношу и знáком велел ему следовать за собой. Мерри сейчас же встал, и они вместе, тихонько выйдя из помещения, углубились в мрачные тайники развалин.

Глава XXVI

Меркурий. Будь снова Созием — я разрешаю.
Драйден

Здесь мы должны оставить двух искателей приключений, покуда они отважно бродят под неустойчивыми сводами развалин, и проводить читателя в более уютное место, то есть в монастырь, где, как известно, мы оставили Борроуклифа в весьма неприятном положении. Но, поскольку с тех пор Земля совершила почти полный оборот вокруг своей оси, успели произойти события, которые помогли капитану освободиться из заключения. Никто не мог бы поверить, что джентльмен, который теперь с беспечной и улыбающейся физиопомией восседал за гостеприимным столом полковника Говарда, оказывая величайшее внимание лакомым блюдам, еще так недавно был лишен подобных благ на целых четыре часа, ибо во рту у него находился эфес его собственной шпаги. Однако Борроуклиф не только занял за столом свое обычное ме-

[1] Фанел-Холл — здание в Бостоне, выстроенное в 1742 году, где помещались городской рынок и зал, в котором в период, предшествовавший войне за освобождение США, происходили патриотические митинги.

сто, но и с достоинством поддерживал добрую славу, ранее им приобретенную, так как сохранял неизменное хладнокровие, и только время от времени легкая усмешка мелькала на его суровом лице воина, свидетельствуя о том, что он намерен рассматривать свое приключение с юмористической стороны. Рядом с ним сидел молодой человек в синем морском камзоле с белоснежным полотняным воротником, составляющим весьма приятный контраст с черным шелковым платком, нарочито небрежно завязанным вокруг шеи. По изящным манерам, находившимся в еще большем контрасте с простой одеждой, читатель быстро узнал бы Гриффита. Пленник гораздо меньше, чем его сосед, интересовался кушаньями, но делал вид, что всецело поглощен едой, зная, что тем самым несколько уменьшит смущение занимавшей место хозяйки молоденькой девушки, со щек которой не сходил румянец. Лукаво улыбавшаяся Кэтрин Плауден сидела подле кроткой Элис Данскомб и порой с насмешливым интересом поглядывала на выпрямившегося и словно застывшего в этом положении капитана Мануэля, который расположился напротив нее. Место, оставленное для Диллона, конечно, пустовало.

— Итак, Борроуклиф, — воскликнул полковник Говард с чистосердечием и веселостью, свидетельствовавшими о том, что обед проходит в дружеском согласии, — морской волк ушел и оставил вас пережевывать ваше негодование!

— Он оставил меня жевать эфес моей собственной шпаги, — ответил, ничуть не смущаясь, офицер-вербовщик. — Джентльмены, не знаю, как ваш Конгресс вознаграждает за военные подвиги, но если бы этот достойный человек был в моем отряде, то через неделю он получил бы алебарду. Шпоры я бы ему не предложил — он не знает, как ими пользоваться.

Гриффит улыбнулся и молчаливым поклоном поблагодарил Борроуклифа за безыскусный комплимент, но Мануэль взял на себя труд ответить капитану:

— Если принять во внимание его выучку, он вел себя неплохо, сэр. Но по-настоящему обученный солдат не только берет в плен неприятеля, но и держит его под стражей.

— Я вижу, мой добрый товарищ, что вы не перестаете думать об обмене пленными, — добродушно заметил

Борроуклиф. — Наполним бокалы, сэр, и с позволения дам выпьем за быстрое восстановление прав обеих сторон — quo ante bellum![1]

— С радостью! — вскричал полковник. — Сесилия и мисс Кэтрин тоже присоединятся к нам и пригубят вина... Не так ли, мои прекрасные воспитанницы?.. Мистер Гриффит, я ценю предложение мистера Борроуклифа, которое не только даст вам свободу, но и возвратит нам моего родственника мистера Кристофера Диллона. План Кита был придуман мастерски. А, Борроуклиф? Он был придуман гениально, но фортуна войны стала на пути к его успеху. И все же для меня до сих пор остается глубокой и необъяснимой тайной, как это Кит позволил вывести себя из аббатства — без шума, не подняв тревоги.

— Кристофер — человек, который хорошо понимает как силу красноречия, так и силу молчания, — ответил Борроуклиф, — и, должно быть, изучая свои юридические науки, он познал, что иногда необходимо вести дело sub silentio[2]. Вы смеетесь над моей латынью, мисс Плауден, но знаете ли вы, что, с тех пор как я поселился в этой монашеской обители, мне то и дело приходится расширять мои скромные познания в этой области?.. Вы еще пуще смеетесь? Я сейчас говорил по-латыни, потому что молчание — это тема, которая вовсе не доставляет удовольствия дамам.

Кэтрин не обратила никакого внимания на легкую обиду, прозвучавшую в голосе офицера; темные глаза ее засверкали весельем, и она громко расхохоталась, но не в ответ на слова капитана, а потому, что думала о своем. На этот раз даже Сесилия не напустила на себя того сурового и мрачного вида, которым частенько старалась подавить неуместное веселье кузины, и Гриффит, переводя взгляд с одной девушки на другую, с удивлением заметил даже на лице обычно сдержанной Элис Данскомб тень улыбки. Но Кэтрин быстро овладела собой и с комической важностью сказала:

— Мне известно, что в морском деле применяется так называемая буксировка. Но следует спросить мистера Гриффита, правильно ли я употребляю этот термин.

— Вы никак не могли бы выразиться точнее, даже

---

[1] Как до войны! (лат.).

[2] Втихомолку (лат.).

всю жизнь изучая морские термины, — ответил молодой моряк, взглянув на нее так, что девушка покраснела до кончиков ушей.

— Думаю, что вы несколько преувеличиваете, сэр: не так уж сложно изучить ваши морские термины. Но часто ли эта буксировка производится, как говорит капитан Борроуклиф... прошу прощения... как говорят монахи, — sub silentio?

— Помилуйте меня, прекрасная дама, — воскликнул капитан, — и мы заключим с вами соглашение: вы простите мне мою латынь, а я воздержусь от подозрений!

— Подозрения, сэр, — это слово, которое женщина должна отклонить.

— А это уж вызов мне как солдату. Поэтому я вынужден буду оставить латынь, хотя и живу с отцами церкви. Я подозреваю, что мисс Плауден могла бы объяснить нам, как отбыл отсюда мистер Кристофер Диллон.

Кэтрин вместо ответа снова захохотала так же заразительно, как и в первый раз.

— В чем дело? — вмешался полковник. — Позвольте мне сказать вам, мисс Плауден, что ваша веселость сейчас кажется мне очень странной! Я надеюсь, что моему родственнику не было оказано неуважения? Мистер Гриффит, согласно установленному порядку, обмен может состояться только в том случае, если обе стороны содержались в одинаково хороших условиях.

— Если мистер Диллон может пожаловаться лишь на то, что возбудил смех мисс Плауден, сэр, он должен считать себя счастливым человеком.

— Я этого не знаю, сэр. Сохрани господь, чтобы я забыл свои обязанности перед моими гостями, джентльмены! Но вы вошли в мой дом как враги моего государя.

— Но не как враги полковника Говарда, сэр!

— Это все равно, мистер Гриффит! Король Георг или полковник Говард, полковник Говард или король Георг — это совершенно все равно. Наши чувства, наше благосостояние, наша судьба нераздельны, несмотря на то огромное неравенство, которое богу угодно было установить между государем и его подданными! И я ничего так не желаю, как разделять — разумеется, на почтительном расстоянии — все радости и горести моего суверена.

— Надеюсь, дорогой сэр, что наше легкомыслие не отвлекает вас от ваших обязанностей, — сказала Сесилия,

вставая. — Но вот пришел человек, который напоминает нам о предмете, гораздо более для нас существенном, — о наших туалетах.

Учтивость заставила полковника Говарда, который любил и уважал племянницу, отложить свои замечания до другого раза, а Кэтрин, с детской резвостью вскочив с места, подбежала к кузине, которая в это время приказала слуге, доложившему о приходе бродячего торговца, провести этого человека в столовую. Такие разносчики бродят по отдаленным деревням, торгуя разной мелочью, которую трудно достать из-за отсутствия постоянных лавок. Обед уже окончился, а по мнению Сесилии, эта забава могла восстановить согласие в обществе, поэтому молодого парня тотчас же ввели в столовую. Весь его товар — преимущественно духи и мелкие предметы женского туалета — находился в небольшой корзине, которой тотчас завладела Кэтрин, объявив себя покровительницей странствующего молодого человека. Она живо разложила на столе весь товар и, смеясь, уговаривала добрых джентльменов купить что-нибудь у ее протеже.

— Видите, дорогой опекун, какой верный подданный короля этот юноша, раз он предлагает духи, которые постоянно покупают по крайней мере два герцога из королевской семьи! Позвольте мне отложить эту коробку специально для вас. Вы согласны — я вижу это по вашим глазам. А капитану Борроуклифу, раз он, по-видимому, забывает родной язык, — букварь! Какой прекрасный выбор! Ты, должно быть, знал, что пойдешь в монастырь Святой Руфи, молодой человек, когда подбирал товары?

— Да, миледи, — ответил юноша с нарочито неуклюжим поклоном. — Я не раз слыхал о великодушных дамах, которые живут в старом монастыре, и нарочно дал несколько миль крюку, чтобы поторговать здесь.

— И ты не ошибся в своих надеждах... Мисс Говард, это прямое нападение на ваш кошелек, и я не знаю, сможет ли даже мисс Элис избежать контрибуции в эти смутные времена... Помоги мне: что ты можешь показать особенно интересного для этих дам?

Юноша подошел к корзине и с видом алчного торгаша порылся в ее содержимом, а затем, не вынимая руки из корзины, где все теперь было перевернуто вверх дном, показал что-то смеющейся Кэтрин:

— Вот, миледи!

Кэтрин вздрогнула и пристально посмотрела на юношу, а затем встревоженным и робким взглядом окинула всех присутствующих. Сесилия, достигнув своей цели, снова села на место и задумалась. Элис прислушивалась к спору капитана Мануэля и хозяина, обсуждавших уместность каких-то воинских обычаев. Гриффит, как бы сговорившись с возлюбленной, хранил молчание, но когда Кэтрин встретилась с устремленным на нее проницательным взглядом капитана Борроуклифа, то заметила, что он с особым вниманием следит за всеми ее движениями.

— Пойдем, Сесилия,— после короткого замешательства позвала она кузину.— Мы слишком злоупотребляем терпением джентльменов. Мы не только остаемся здесь целых десять минут после того, как убрали скатерть, но еще и разложили здесь свои духи, иголки и ленты, лишая джентльменов удовольствия выпить мадеру и выкурить сигару... Не так ли, полковник?

— Конечно, нет, ибо мы наслаждаемся вашим присутствием, мисс Плауден.

— Пойдем, кузина! Я вижу, полковник становится особенно учтив: это значит, что наше присутствие ему в тягость.

Сесилия встала и направилась к двери, а Кэтрин, повернувшись к юноше, добавила:

— Ты можешь следовать за нами в гостиную. Там мы купим что нужно, не выдавая тайн нашего туалета.

— Вы забыли о моем букваре, мисс Плауден, — остановил ее Борроуклиф, вставая из-за стола и направляясь к юноше. — Впрочем, может быть, я найду в корзине этого молодца что-либо более интересное для взрослого человека, чем начальный учебник.

Сесилия, заметив, что он взял корзину из рук юноши, вернулась на место, и ее примеру волей-неволей последовала Кэтрин, хотя она и не скрывала досады.

— Подойди-ка сюда, молодой человек, и объясни мне назначение твоих товаров. Вот мыло, вот перочинный нож — вещи понятные. А как называется вот это?

— Это? Это тесьма! — ответил юноша с раздражением, которое естественно было отнести за счет того, что помешали его торговле.

— А это?

— Это? — с явным нетерпением и неудовольствием повторил подросток запинаясь. — Это...

— Знаете, капитан, с вашей стороны весьма невежливо задерживать трех дам, которые умирают от нетерпения купить несколько вещиц, — запротестовала Кэтрин. — Вы мешаете нашим покупкам, расспрашивая торговца, как называется вышивальная игла.

— Прошу извинения за то, что предложил такие легкие вопросы, — ответил Борроуклиф, держа в руке какой-то предмет таким образом, что его не было видно никому из присутствующих, кроме него самого и юноши. — Быть может, следующий вопрос будет потруднее. Как называется это?

— Это? Это... иногда называется... маленькая ложка.

— Может быть, ты хочешь сказать: маленькая ложь?

— Как, сэр? — вспыхнул юноша. — Ложь?!

— Только маленькая, — ответил капитан. — Что это, мисс Данскомб?

— У нас на севере, сэр, это обычно называют коклюшкой [1], — ответила миролюбивая Элис.

— Да, коклюшкой или ложечкой — это одно и то же,— добавил юноша.

— Одно и то же? Мне кажется, что для торговца ты плохо знаешь, как называется твой товар! — насмешливо заметил Борроуклиф. — Я еще ни разу не встречал юноши твоих лет, который знал бы так мало. А как называется вот это или это?

С этими словами капитан вытащил из своих карманов веревки, которыми прошлой ночью его связал рулевой.

— Это — выбленочный трос, это — марлинь, а это — плетеный сезень! — воскликнул юноша с живостью человека, который хочет восстановить утраченную репутацию.

— Довольно, довольно,— остановил его Борроуклиф.— Ты достаточно ясно показал, что хорошо знаешь свое

[1] Коклюшка — деревянная палочка, при помощи которой плетут кружева.

настоящее ремесло и не знаешь товара, которым торгуешь... Мистер Гриффит, вам знаком этот молодой человек?

— Кажется, да, сэр, — ответил молодой моряк, который внимательно прислушивался к допросу. — С какой бы целью вы ни прибыли сюда, мистер Мерри, дальше притворяться бесполезно.

— Мерри? — воскликнула Сесилия Говард. — Значит, это вы, кузен? Вы тоже попали в руки врагов? Разве не достаточно того, что...

Молодая девушка опомнилась вовремя, чтобы не досказать остального, но благодарный взгляд, брошенный на нее Гриффитом, ясно свидетельствовал о том, что он мысленно закончил это предложение самым лестным для себя образом.

— Что такое? — воскликнул полковник. — Мои воспитанницы обнимают и ласкают на моих глазах бродягу-разносчика! Опять измена, мистер Гриффит? Что означает неожиданный визит этого молодого джентльмена?

— Удивительно ли, сэр.. — ответил сам Мерри, отбрасывая свою неловкость и обретая свободные и уверенные манеры человека, который с детства знает, как себя держать, — удивительно ли, что юноша, лишенный матери и сестер, пошел на некоторый риск, чтобы посетить двух родственниц, которые у него только одни и остались на всем белом свете?

— Зачем же этот маскарад? Вам, молодой джентльмен, не было никакой необходимости входить в дом старого Джорджа Говарда украдкой, даже если вас, по молодости лет, и совратили на путь измены королю. Мистер Гриффит и капитан Мануэль должны извинить меня, если я выражаю за своим столом чувства, которые могут показаться им неприятными. Но обстоятельства требуют откровенности.

— Никто не сомневается в гостеприимстве полковника Говарда, — ответил юноша, — но не менее известна и его приверженность престолу.

— Да, молодой джентльмен, и, надеюсь, вполне заслуженно.

— Так разве было бы безопасно для меня довериться человеку, который мог бы счесть своим долгом меня задержать?

— Это довольно правдоподобно, капитан Борроуклиф,

и я не сомневаюсь, что юноша говорит искренне. Как жаль, что нет моего родственника, мистера Кристофера Диллона, у которого я мог бы спросить, не сочтут ли недонесением об измене, если я позволю юноше уйти беспрепятственно и без обмена на кого-либо другого!

— Спросите у этого юного джентльмена о кацике, — посоветовал офицер-вербовщик. По-видимому, весьма довольный тем, что ему удалось разоблачить Мерри, он уже снова уселся за стол на свое обычное место. — Может быть, он на самом деле посол, которому поручено вести переговоры в пользу его высочества.

— Скажите, — обратился к Мерри полковник,— знаете ли вы что-нибудь о моем родственнике?

Все устремили на Мерри тревожный взгляд и несколько секунд наблюдали, как с его лица сошло выражение беспечности и сменилось глубоким отвращением и ужасом. Наконец он глухим голосом известил присутствующих об участи несчастного Диллона:

— Он умер.

— Умер! — разом вскрикнули все присутствующие.

— Да, умер! — подтвердил юноша, поочередно оглядывая бледные лица окружавших его людей.

Наступило долгое и тяжкое молчание. Первым заговорил Гриффит.

— Объясните нам, сэр, при каких обстоятельствах он умер и где его похоронили.

— Его похоронили в песке на берегу моря, — медленно ответил Мерри, ибо тотчас же понял, что если скажет лишнее, то может выдать гибель «Ариэля» и тем подвергнуть опасности свободу Барнстейбла.

— В песке? — повторили все присутствующие.

— Да, в песке. Но при каких обстоятельствах он умер, я объяснить не могу.

— Его убили! — воскликнул полковник Говард, который только теперь вновь обрел дар речи. — Его изменнически, подло и низко убили!

— Никто его не убивал! — с твердостью ответил юноша. — Он умер среди людей, которые вовсе не заслуживают, чтобы их называли изменниками или негодяями.

— Разве вы не сказали, что он умер? Что мой родственник похоронен в песке на морском берегу?

— И то и другое совершенно справедливо, сэр...

— И вы отказываетесь объяснить, как он встретил

свою смерть и почему его похоронили столь недостойным образом?

— Его похоронили по моему приказанию, сэр, и, если такая могила недостаточно почетна, виной этому его собственное поведение. Что же касается обстоятельств его смерти, то я не могу и не стану о них говорить.

— Успокойтесь, кузен! — умоляющим голосом обратилась к нему Сесилия. — Уважьте лета моего дяди и вспомните, что он был очень привязан к мистеру Диллону.

Однако старик настолько овладел своими чувствами, что продолжал разговор значительно более хладнокровно.

— Мистер Гриффит, — сказал он, — я не хочу действовать опрометчиво, но прошу вас и вашего товарища удалиться в отведенные вам комнаты. Я вас уважаю и не сомневаюсь, что вы будете верны вашему честному слову. Ступайте, джентльмены, стражи я к вам не приставляю!

Оба пленника низко поклонились дамам и хозяину и удалились. В дверях Гриффит приостановился и сказал:

— Полковник Говард, поручаю этого юношу вашей благосклонности и снисходительности. Я знаю, вы не забудете, что в его жилах течет одна кровь с вашей воспитанницей, которую вы так горячо любите.

— Довольно, сэр, довольно! — остановил его старик и знáком руки приказал ему удалиться. — И вы, дамы, тоже уходите. Здесь вам не место.

— Я не покину этого ребенка, — сказала Кэтрин, — пока он находится под таким обвинением. Полковник Говард, делайте с нами все, что хотите, ибо на то ваша воля, но я разделю его участь.

— Мне кажется, в этом печальном деле есть какое-то недоразумение, — сказал Борроуклиф, подходя к спорящим, — и, надеюсь, его можно устранить спокойствием и сдержанностью... Молодой человек, вы носите оружие и, следовательно, должны знать, несмотря на ваши лета, что̀ бывает с теми, кто попадает в руки неприятеля!

— Сэр! — гордо воскликнул юноша. — Я впервые попал в плен.

— Я говорю, сэр, о том, что может последовать за этим.

— Вы можете отправить меня в тюрьму или, поскольку я вошел сюда переодетым, на виселицу.

— И вы, в ваши лета, смотрите на подобную участь так легко?

— Вы не осмелитесь это сделать, капитан Борроу-

клиф! — вскричала Кэтрин и невольно обняла юношу, словно желая укрыть его от опасности. — А вам будет стыдно, полковник Говард, если вы допустите это хладнокровное мщение!

— Если бы можно было допросить молодого человека в таком месте, где нам не могли бы мешать дамы, принимающие в нем столь живое участие, — тихо сказал хозяину капитан, — мы, вероятно, получили бы важные сведения.

— Мисс Говард, и вы, мисс Плауден, — заговорил старик таким тоном, какой всегда заставлял его воспитанниц повиноваться, — ваш молодой родственник не к дикарям попал в руки, и вы можете, ничего не опасаясь, вверить его моему попечению. Сожалею, что мы заставили мисс Элис так долго стоять, но она может отдохнуть на диване в вашей гостиной, Сесилия.

Вежливо, но решительно опекун проводил Сесилию и Кэтрин к дверям, где с чрезвычайной учтивостью, о которой, особенно тогда, когда был взволнован, никогда не забывал, отвесил им низкий поклон.

— Вы, по-видимому, сознаете, в какой опасности находитесь, мистер Мерри, — сказал Борроуклиф, после того как за дамами затворилась дверь. — Надеюсь, вы понимаете также, что велит мне сделать долг в моем положении.

— Выполняйте его, сэр, — промолвил юноша. — Вы отвечаете перед королем, а я — перед своим отечеством.

— У меня тоже есть отечество, — возразил Борроуклиф со спокойствием, ничуть не поколебленным надменным тоном молодого человека. — Однако я не лишен возможности быть снисходительным, даже милосердным, когда это не противоречит интересам государя, о котором вы упомянули. Вы не один явились сюда, сэр?

— Если бы я пришел сюда не один, то капитану Борроуклифу самому пришлось бы отвечать на подобные вопросы, а не задавать их.

— Я счастлив, сэр, что ваша свита так немногочисленна. Однако я считаю, что на шхуне мятежников, известной под названием «Ариэль», в ваше распоряжение могли бы дать больше людей. И это не позволяет мне отказаться от мысли, что ваши друзья где-то неподалеку.

— Во всяком случае, враги у него совсем близко, ваша честь, — заявил сержант Дрилл, незамеченным входя в комнату. — Сюда явился мальчишка и рассказывает, что его схватили в старых развалинах и отняли у него товары

и платье. По его описанию, этот молодой человек как раз и ограбил его.

Борроуклиф знаком подозвал парня, остановившегося в глубине комнаты. Тот повиновался с готовностью обиженного. История, которую поведал неожиданный посетитель, была несложна.

В то время как он перебирал в развалинах свои товары, чтобы показать их дамам в монастыре, на него напали взрослый и юноша — вот этот самый, сказал торговец, — и отняли у него части одежды, нужные им для маскировки, а также корзину со всем ее содержимым. Потом мужчина посадил его в одну из комнат старинной башни в надежде, что он не сумеет оттуда выбраться, но, так как он сам часто поднимался наверх, чтобы обозреть окрестности, мальчишке-разносчику удалось воспользоваться его небрежностью и убежать. В заключение он потребовал, чтобы ему возвратили его имущество и наказали виновного.

Мерри с презрительным спокойствием выслушал его гневный рассказ и, не дав обиженному торговцу договорить, сбросил с себя взятую у него одежду и с пренебрежением швырнул ему.

— Мы осаждены, полковник! Нас окружили, мы попали в засаду! — вскричал Борроуклиф, когда парень замолчал. — Этот план придуман, чтобы выхватить из наших рук славу. Славу и награду!.. Дрилл, им придется иметь дело со старыми воинами, и мы уж позаботимся о том, чтобы все было в порядке! В дело пойдет только пехота — ты понимаешь меня? Никакой кавалерии в бою не было и не будет. Ступай, приятель! Я вижу, ты становишься умнее. Возьми с собой этого молодого джентльмена — помни, он джентльмен! — сторожи его хорошенько, но смотри, чтоб он ни в чем не нуждался.

Борроуклиф учтиво поклонился Мерри, но тот едва кивнул ему, уже считая себя мучеником за свободу отечества, и вышел вслед за сержантом из комнаты.

— Этот юноша не лишен мужества! — воскликнул капитан. — И, если ему суждено дожить до того времени, когда у него вырастет борода, горе тому, кто посмеет дотронуться до нее! Я рад, полковник, появлению этого мальчишки-торговца — он дал мне возможность пощадить чувства бедняги, ибо не в моем вкусе хитрить с человеком благородного духа. По глазам его я сразу понял, что он чаще имел дело с ружьем, чем с иглой.

— Но они убили моего родственника! Верного, ученого, талантливого мистера Кристофера Диллона!

— Если убили, они за это ответят, — сказал Борроуклиф, снова усаживаясь за стол с таким хладнокровием, которое одно уже могло служить ручательством за его беспристрастие. — Но, прежде чем действовать, следует установить факты.

Полковник Говард вынужден был согласиться с таким разумным суждением и тоже подсел к столу, в то время как его собеседник начал подробный допрос бродячего торговца.

О результатах этого допроса мы поведаем читателю в другой раз, но, чтобы несколько удовлетворить его любопытство, сообщим, что капитан убедился в подготовке серьезного нападения на монастырь со стороны неприятеля и вместе с тем узнал, по его мнению, достаточно, чтобы предотвратить опасность.

Глава XXVII

...Я не видел
Приятнее посланника любви.
Шекспир, «Венецианский купец»

В нижней галерее Сесилия и Кэтрин расстались с Элис Данскомб и поднялись в помещение, которое служило им будуаром. Волнение, постепенно накапливавшееся в груди обеих девушек, по мере того как волей обстоятельств те, на ком были сосредоточены их жизненные интересы, попадали в положение исключительно сложное, чтобы не сказать — опасное, быть может, несколько мешало им как следует поразмыслить над последствиями опознания и ареста Мерри. Юноша, как и они сами, был единственным ребенком одной из трех сестер, соединявших узами родства нескольких наших героев, а молодые лета его возбуждали в кузинах горячую привязанность, значительно превосходившую обычные родственные чувства. Но они знали, что, покуда он находится в руках полковника Говарда, опасность угрожает только свободе юноши, но никак не его жизни. И, когда прошла первая взволнованность, вызван-

ная его внезапным появлением после столь долгого отсутствия, мысли девушек занялись более вопросом о том, какие последствия для других будет иметь его арест, нежели заботой о положении самого молодого гардемарина. Укрывшись от посторонних взоров, сестры открыто предались своим чувствам, каждая сообразно своему темпераменту. Кэтрин в лихорадочном возбуждении ходила взад и вперед по комнате, а мисс Говард, спрятав лицо за локонами роскошных темных волос и прикрыв тонкой рукой глаза, по-видимому, пыталась сосредоточиться и обдумать все более спокойно.

— Барнстейбл, должно быть, находится недалеко, — после некоторого молчания заговорила Кэтрин. — Он никогда не послал бы сюда этого юношу одного!

Сесилия подняла кроткие голубые глаза на двоюродную сестру и сказала:

— Сейчас приходится отказаться от всяких мыслей об обмене. Пленных, вероятно, задержат как заложников, чтобы они отвечали за смерть Диллона.

— А ты веришь, что этот несчастный умер? Быть может, это просто угроза, хитрость, придуманная мальчишкой? Он дерзок и в случае необходимости умеет говорить и действовать мужественно.

— Диллон умер! — повторила Сесилия, в ужасе снова закрыв руками лицо. — Глаза этого юноши, все выражение его лица подтвердили его слова. Боюсь, Кэтрин, когда мистер Барнстейбл узнал об измене Диллона, он позволил своему негодованию взять верх над благоразумием. Быть может, жестокие обычаи войны и оправдывают такое страшное мщение врагу, но Барнстейбл не должен был забывать о том, в каком положении находятся его друзья.

— Мистер Барнстейбл не сделал ничего подобного, мисс Говард! — сказала Кэтрин; она остановилась и гордо подняла голову. — Он одинаково не способен хладнокровно умертвить врага и покинуть друга в беде!

— Но возмездие военные люди не считают и не называют убийством.

— Думайте что хотите, называйте это как хотите, Сесилия Говард, но я жизнью ручаюсь, что Ричард Барнстейбл не способен пролить кровь врагов своего отечества иначе, как в бою!

— Несчастный мог пасть жертвой ярости ужасного матроса, который увел его отсюда пленником.

— У этого ужасного матроса, мисс Говард, сердце столь же доброе, как и у вас. Он...

— Пожалуйста, Кэтрин, — перебила ее Сесилия, — не говори со мной таким тоном! Нам и без того тяжело, а мы еще будем ссориться.

— Я не ссорюсь с тобой, Сесилия. Я просто защищаю того, моя кузина, кто сейчас отсутствует и не может снять с себя твои несправедливые подозрения.

— Скажи лучше «сестра», — возразила мисс Говард, и они взялись за руки, — ибо разве мы не настоящие сестры? Но давай поговорим о чем-нибудь менее страшном. Бедный Диллон! Теперь, когда его постигла столь печальная участь, мне он кажется даже не таким хитрым и лживым, как мы его считали. Ты согласна со мной, Кэтрин, я вижу это по твоему лицу. Больше мы не будем об этом говорить... Кэтрин, что ты там видишь?

Мисс Плауден, отпустив руку Сесилии, снова начала ходить по комнате, теперь уже более спокойно. Но, когда она завершала первый круг по комнате, взгляд ее упал на открытое окно, и на лице ее появилось выражение напряженного внимания. Лучи заходящего солнца зажгли блеском ее темные глаза, не отрывавшиеся от какого-то далекого предмета, и сделали еще более ярким румянец, проступивший на щеках и висках. Такая внезапная перемена в манерах и внешнем виде подруги не могла укрыться от взгляда Сесилии, почему она и прервала свою речь приведенным выше взволнованным вопросом. Кэтрин подозвала кузину к окну и, указав рукой в направлении расстилавшегося перед их взором леса, сказала:

— Взгляни на ту башню, что в развалинах... Видишь ли ты, как над ее стенами мелькает что-то розовое и желтое?

— Да. Это остатки листьев на каком-то дереве. Но у них нет тех ярких оттенков, которые красят осень в нашей дорогой Америке.

— Потому что то — творение божье, а это — дело рук человека. Это не листья, Сесилия, а изобретенные мною сигнальные флажки, и нет сомнения, что сам Барнстейбл находится на этой старинной башне. Мерри не может и не захочет выдать его!

— Я могу поручиться за честь нашего юного кузена, — сказала Сесилия. — Но ведь у тебя под рукой припасенная именно на этот случай дядина подзорная труба! Стоит

только посмотреть в нее, и мы тотчас же узнаем всю правду...

Кэтрин схватила трубу и, установив ее, нетерпеливо навела на башню.

— Это он! — воскликнула она, взглянув в трубу. — Я вижу даже его голову над камнями. Как безрассудно подвергать себя опасности без всякой нужды!

— Но что он говорит, Кэтрин? — воскликнула Сесилия. — Ты одна можешь разобрать его сигналы.

Мисс Плауден тотчас достала маленький сборник сигналов и быстро перелистала его в поисках нужного номера.

— Это сигнал, чтобы привлечь мое внимание. Я должна дать ему знать, что и мы заметили его.

Когда Кэтрин, отчасти ради забавы и отчасти в надежде, что эта сигнализация для переговоров с Барнстеиблом на самом деле когда-нибудь пригодится, изобретала ее, она, к счастью, подумала и о необходимых средствах, чтобы отвечать на его вопросы. Очень простое приспособление из шнуров от оконных гардин послужило ей для этой цели. Проворными пальчиками она быстро нанизала шелковые лоскутки на шнуры и выбросила их за окно, предоставив им развеваться там на ветру.

— Он видит их! — воскликнула Сесилия. — И готовится сменить свои флажки.

— Следи за ним, кузина, и называй мне по порядку цвета, которые он будет выставлять, а я постараюсь истолковать их значение.

— Он так же ловко орудует флажками, как и ты... Вот теперь над башней появились два: верхний — белый, а нижний — черный.

— Белый над черным, — быстро повторила про себя Кэтрин и начала перелистывать страницы книжечки. — «Мой посланный. Видели ли вы его?» На это нам придется сообщить ему печальную правду. Вот: желтый, белый и красный. Это значит: «Он взят в плен». Кака удачно, что я предусмотрела такие вопросы и ответы! Что он говорит, Сесилия, в ответ на эту новость?

— Он готовит новые флажки, дорогая... Кэтрин, ты так дрожишь, что колеблешь подзорную трубу... Готово. На этот раз желтый над черным.

— «Гриффит или кто?» Он не понял нас, но я, составляя сигналы, помнила и о бедном мальчике. Ага! Вот

желтый, зеленый и красный: «Кузен Мерри». Теперь он непременно поймет.

— Он убрал сигнал. Новость, по-видимому, встревожила его, ибо он что-то замешкался... А вот снова флажки: зеленый, красный и желтый.

— Он спрашивает: «Я в безопасности?» Вот, значит, что заставило его медлить, мисс Говард! — продолжала Кэтрин. — Барнстейбл не любит думать о своей собственной безопасности. Но как я отвечу ему? Если мы введем его в заблуждение, то никогда себе этого не простим!

— За Эндрю Мерри бояться нечего, — ответила Сесилия. — И я думаю, если бы капитан Борроуклиф подозревал, что неприятель так близко, он не остался бы за столом.

— Он будет сидеть там, пока есть вино и пока он в состоянии пить, — сказала Кэтрин, — но мы на печальном опыте убедились, что при неожиданных обстоятельствах он мгновенно снова становится солдатом. Все же на этот раз я положусь на его неосведомленность. Вот мой ответ: «Вы пока вне опасности, но будьте осторожны».

— Он быстро понял значение твоего сигнала, Кэтрин, и уже приготовил ответ. На этот раз он выставил зеленый флажок над белым. Ты, кажется, меня не слышишь: зеленый над белым. Что с тобой? Ты онемела? Что он говорит, дорогая?

Кэтрин по-прежнему не отвечала, и Сесилия, оторвав взгляд от подзорной трубы, увидела, что кузина ее уставилась в открытую книжечку, но румянец на ее щеках стал еще гуще.

— Надеюсь, твои зардевшиеся щечки и его сигналы не говорят ни о чем плохом, Кэт? — спросила Сесилия. — Может ли зеленый означать его ревность, а белый — твою невинность? Что он говорит, сестрица?

— Он говорит, как и ты, одни глупости, — ответила Кэтрин, вновь принимаясь за свои флажки с обиженным видом, которому явно противоречило радостное выражение ее лица. — Но сложившееся положение требует, чтобы я поговорила с Барнстейблом более свободно.

— Я могу уйти, — сказала Сесилия и направилась к двери.

— Ну что ты, Сесилия! Я не заслуживаю таких укоризненных взглядов! Это ты сейчас легкомысленна... Ты, вероятно, сама заметила, что уже начало смеркаться

и продолжать разговор прежним способом становится трудно. Вот сигнал, годный при таких условиях: «Когда часы пробьют девять, осторожно подойдите к калитке, которая выходит на дорогу с восточной стороны луга. До тех пор прячьтесь». Я приготовила этот сигнал на случай, если понадобится свидание.

— Он видит сигнал, — сказала Сесилия, которая снова заняла место у трубы, — и, по-видимому, намерен подчиниться твоему приказанию, потому что больше я не вижу ни флажков, ни его самого.

Мисс Говард отошла от подзорной трубы, но Кэтрин, прежде чем поставить инструмент обратно в угол, бросила еще один долгий, жадный взгляд на необитаемую башню. Интерес и тревога, возбужденные этим коротким разговором, далеко не удовлетворившим мисс Плауден и ее возлюбленного, породили различные мысли в головках обеих девушек и дали им обильный материал для серьезной беседы, но вскоре вошла Элис Данскомб и сообщила, что их ждут внизу. Даже ничего не знавшая Элис, войдя, сразу же заметила перемену в лицах и манерах обеих сестер, которая показывала, что их секретный разговор не обошелся без спора. Лицо Сесилии отражало тревогу, волнение и печаль, в то время как блеск темных глаз, горящие щеки и гордая, решительная осанка Кэтрин выдавали столь же глубокое чувство совсем иного рода. Ни та, ни другая из девушек после появления Элис ничем не обмолвились о предмете своего спора, и она, ни о чем не спрашивая, повела их прямо в гостиную.

Полковник Говард и Борроуклиф приняли дам с подчеркнутой учтивостью. Порой на лице первого, всегда открытом и благородном, мелькала глубокая грусть, несмотря на явные его попытки сохранить веселый вид, в то время как офицер-вербовщик продолжал хранить непоколебимое хладнокровие и спокойствие. Десятки раз он замечал, что проницательный взор Кэтрин останавливается на нем с таким вниманием, которое человек менее рассудительный мог бы истолковать самым лестным для себя образом, но даже это не могло поколебать самообладание капитана. Напрасно Кэтрин пыталась прочесть что-либо на его лице, хранившем маску непреклонного воина, хотя все его поведение казалось особенно непринужденным и естественным. Устав наконец от своих бесплодных наблюдений, взволнованная девушка обратила взор на часы

и, к своему удивлению, убедилась, что вот-вот пробьет девять. Поэтому, не обращая внимания на укоризненный взгляд кузины, она встала и вышла из комнаты. Борроуклиф поспешил открыть перед ней дверь, и, когда девушка кивком головы поблагодарила его за внимание, их взгляды еще раз встретились. Но она быстро скользнула мимо него и очутилась в галерее. Минуту Кэтрин оставалась в нерешительности, ибо уловила во взоре капитана тень насмешки, свидетельствовавшей о сознании им своего превосходства и некоем тайном умысле. Однако не в натуре ее было медлить, когда обстоятельства требовали быстрых и смелых действий, и поэтому, набросив на плечи приготовленный заранее темный плащ, она осторожно вышла из здания.

Хотя Кэтрин и подозревала, что Борроуклиф располагает сведениями, способными причинить вред ее возлюбленному, она, выйдя в сад, напрасно пыталась обнаружить какие-либо изменения в мерах для обороны монастыря, которые могли бы подтвердить ее подозрения и о которых ей следовало бы сообщить Барнстейблу, дабы он мог избежать тайной опасности. Однако вся диспозиция оставалась такой, какой она была и до пленения Гриффита и его товарищей. Ее слух уловил тяжелую поступь часового, который быстрыми шагами ходил под окнами арестованных, пытаясь согреться на посту, а когда она остановилась, то услышала и бряцание оружия солдата, охранявшего, как всегда, подход к той части здания, где квартировали его товарищи. Ночь была темная, а небо заволокло тучами, и, хотя к концу дня буря несколько утихла, все же ветер был довольно силен и временами завывал в стенах большого здания. Требовалась особая тонкость слуха, чтобы среди такого шума различить даже знакомые звуки. Уверившись, что слух все же не обманул ее, Кэтрин обратила тревожный взгляд в ту сторону, где, по словам Борроуклифа, находились «казармы».

Там все было темно и тихо, но само это спокойствие вызывало у нее новые опасения. Может быть, обычно веселые и шумные солдаты теперь спят? А может быть, эта тишина означает коварные приготовления? Однако размышлять было некогда, и Кэтрин, закутавшись в плащ, легкими и осторожными шагами направилась к тому месту, где она назначила свидание Барнстейблу. Когда она приблизилась к калитке, часы пробили девять, и она сно-

ва остановилась, прислушиваясь к печальным звукам колокола, которые донес до нее ветер, словно ожидала, что ближайший же новый удар окажется сигналом и откроет ей тайные намерения Борроуклифа. Наконец, когда замер последний звук, она открыла маленькую калитку и вышла на дорогу. Тотчас из-за угла к чей бросился человек. Сердце Кэтрин учащенно забилось при его внезапном появлении, и она очутилась в объятиях Барнстейбла. Когда несколько утихла первая радость встречи, молодой моряк рассказал возлюбленной о гибели шхуны и о тех, кто спасся от смерти.

— А теперь, Кэтрин, — закончил он, — я надеюсь, вы пришли сюда с тем, чтобы никогда больше со мной не расставаться. Если же вы вернетесь в старый дом, то лишь для того, чтобы помочь освободить Гриффита и потом соединиться со мной навсегда!

— Ну конечно! В том, что вы мне рассказали о вашем положении, столько соблазнительного для молодой девушки, что она не может не бросить дом и друзей. Я просто не знаю, как отказать вам в вашей просьбе, Барнстейбл! Вы обзавелись весьма приличным жилищем; теперь нужен лишь небольшой грабеж, и тогда руины станут вполне обитаемыми. Здесь есть много вещей, которые нам очень пригодятся. Одного только я не знаю: куда нас потом переведут — в Йоркский замок или в Ньюкастлскую тюрьму?

— Сейчас не время шутить, моя прекрасная насмешница, — сказал Барнстейбл. — Время и обстоятельства заставляют нас быть серьезными.

— На женщине лежат заботы о домашних удобствах, — ответила Кэтрин, — и я хотела бы добросовестно исполнять свои обязанности. Ночь так темна, что я не могу рассмотреть ваше загорелое лицо, но я чувствую, что вы сердитесь. Когда же мы начнем вести хозяйство, если я соглашусь на ваши предложения?

— Я еще не изложил своих планов, и ваши насмешки мне очень неприятны. Судно, которое я захватил, разумеется, подойдет к берегу, как только утихнет шторм, и мы уйдем на нем после того, как разобьем этого англичанина и освободим вас и мисс Говард... Кстати, покидая скалы, я разглядел в открытом море наш фрегат.

— Вот это действительно приятная новость! — обрадовалась Кэтрин, и видно было, что она полна мыслей о

будущем. — Все же могут возникнуть такие затруднения, о которых вы и не догадываетесь.

— Затруднений нет и быть не может!

— Не говорите так легко о препятствиях на путях любви, мистер Барнстейбл! Когда это было, чтобы любовь существовала без цепей и без преград? Даже я должна потребовать у вас объяснения, хотя мне совсем не хочется об этом вспоминать.

— У меня? Спрашивайте о чем и сколько хотите! Я беззаботный, легкомысленный человек, мисс Плауден, но перед вами я ни в чем не виноват... если только вы не считаете оскорблением мою преданную любовь к вам.

Барнстейбл почувствовал, что маленькая рука сжала его руку, и Кэтрин заговорила тоном столь отличным от ее прежнего шутливого тона, что он невольно вздрогнул, услышав первые слова.

— Мерри принес нам ужасное известие, — сказала она. — Я не хотела этому верить, но выражение лица юноши и отсутствие Диллона подтверждают его слова.

— Бедный Мерри! Итак, он тоже попал в западню! Но им еще предстоит побороться с человеком, который умнее их!.. Так вы спрашиваете об участи этого негодяя Диллона?

— Он был негодяем, — тем же тоном продолжала Кэтрин, — и заслуживал наказание, так как был очень виновен перед вами, Барнстейбл! Но жизнь — дар божий, и ее нельзя отнять даже тогда, когда мстительность человеческая требует жертвы.

— Жизнь у него отнял тот, кто ему ее дал! — ответил моряк. — Неужели Кэтрин Плауден подозревает меня в столь бесчестном поступке?

— Нет, нет, я не подозреваю вас, — воскликнула Кэтрин, — и я никогда не поверю, чтобы вы могли поступить недостойно! Не сердитесь! Вы не должны сердиться на меня, Барнстейбл! Если бы вы слышали жестокие подозрения кузины Сесилии и знали, как воображение рисовало мне ваши обиды и искушение отбросить милосердие, в то время как я решительно отрицала ваше участие в этом деянии, вы бы... вы бы, по крайней мере, поняли, что гораздо легче защищать того, кого любишь, от открытых нападок других, чем от собственного ревнивого чувства.

— Эти слова о любви и ревности оправдывают вас! — вскричал Барнстейбл.

Он как мог утешил Кэтрин, возбуждение которой нашло себе исход в слезах, а потом коротко поведал ей об обстоятельствах смерти Диллона.

— Я надеялся, что мисс Говард лучшего мнения обо мне и не способна на подобные подозрения, — в заключение сказал он. — Гриффит оказался плохим представителем нашего ремесла, если он не сумел изобразить его в лучшем свете.

— Не знаю, избег бы подобных подозрений с моей стороны мистер Гриффит, будь он командиром погибшей шхуны, а вы пленником, — ответила Кэтрин. — Вы и представить себе не можете, сколько нам пришлось слышать о военных обычаях, о заложниках, о карательных экспедициях и казнях! Но теперь у меня словно гора с плеч свалилась, и я почти готова сказать, что согласна пройти жизнь рука об руку с вами.

— Вот мудрое решение, милая моя Кэтрин, да благословит вас за него бог! Быть может, спутник ваш и не так хорош, как вы заслуживаете, но вы увидите, что он будет стремиться заслужить ваше одобрение. А теперь давайте подумаем, как нам достигнуть наших целей.

— Вот тут и скрыто одно из препятствий. Боюсь, Гриффит не убедит Сесилию следовать за ним против ее... ее... — как это назвать, Барнстейбл?.. — против ее каприза или убеждения. Она не оставит дядюшку, а я не смогу собраться с духом, чтобы покинуть бедную кузину на произвол судьбы даже ради мистера Ричарда Барнстейбла!

— Вы говорите сейчас от чистого сердца, Кэтрин?

— Почти, если не совсем.

— Значит, я жестоко обманут! Легче найти дорогу без карты и компаса в огромном океане, нежели в лабиринте женского сердца!

— Нет, нет, безумец! Вы забываете, что я мала ростом и, значит, сердце у меня близко от головы. Слишком близко, боюсь я, для благополучия их владелицы! Но неужели нет способа заставить Гриффита и Сесилию сделать то, к чему они оба давно стремятся, не применяя, конечно, излишнего насилия?

— Такого способа нет. Он старше меня по чину и в ту же минуту, как я его освобожу, заявит о своих правах командира. В досужее время можно было бы поднять вопрос, обоснованны ли такие права, но сейчас мои люди —

вы знаете, это лишь часть экипажа фрегата, — не колеблясь, подчинятся приказаниям первого лейтенанта, который не любит шутить там, где дело касается службы.

— Досадно, право, — сказала Кэтрин, — что все мои так славно задуманные планы должны рухнуть из-за упрямства этой своенравной пары. Но прежде всего, Барнстейбл: правильно ли вы оценили свои силы? Уверены ли вы, что вас ждет успех, что вам не грозит опасность, если вы рискнете осуществить свое предприятие.

— Я совершенно уверен в воинском духе и в силах моих матросов. Они спрятаны поблизости, в таком месте, где никто не вздумает искать неприятеля, и с нетерпением ждут той минуты, когда смогут начать действия. Внезапная атака не только обеспечит победу, но и даст нам ее без кровопролития. Вы поможете нам проникнуть в здание, Кэтрин! Сначала я постараюсь захватить этого офицера-вербовщика, и тогда весь его отряд сдастся без выстрела. Быть может, после этого Гриффит не будет упрямиться. А если нет, я не уступлю командования освобожденному пленнику без борьбы!

— Дай бог, чтобы дело обошлось без кровопролития! — прошептала Кэтрин, немного встревоженная той картиной, которая возникла в ее воображении во время речи моряка. — И я торжественно заклинаю вас, Барнстейбл, именем вашей любви ко мне и всем, что для вас священно, защитить от опасности полковника Говарда! Я не прощу даже оскорбления моему горячему, упрямому, но вместе с тем доброму опекуну. Мне кажется, я и без того доставила ему много хлопот, и боже избави, чтобы я оказалась для него причиной серьезного несчастья!

— Не только он сам, но и все вокруг него будут вне опасности, Кэтрин! Вы в этом убедитесь, когда услышите мой план. Не пройдет и трех часов, как я стану хозяином старого монастыря. И Гриффиту... да, Гриффиту... придется подчиняться мне до тех пор, пока мы снова не выйдем в море.

— Не предпринимайте ничего, покуда не будете окончательно уверены, что сумеете взять верх не только над врагами, но и над друзьями, — заметила встревоженная Кэтрин. — Помните, и Гриффит и Сесилия так носятся со своими тонкими чувствами, что ни тот ни другая не будут вашими союзниками.

— Вот что значит провести лучшие годы жизни в че-

тырех стенах, корпя над латинской грамматикой и тому подобной чепухой! Лучше бы он провел их на борту славного корабля и учился самое большее тому, как составлять отчет о дневной работе да определять, где находится корабль после шторма. Обучение в колледже годится лишь для человека, который должен как-то изворачиваться, но оно не приносит большой пользы тому, кто не боится изучать человеческую природу, глядя людям прямо в лицо, и чья рука всегда так же готова действовать, как язык — говорить. И вообще я заметил, что глаза, привыкшие читать по-латыни, плохо читают показания компаса и плохо видят сквозь ночной шквал. Тем не менее Гриффит — настоящий моряк, хотя мне доводилось слышать, как он читал Новый завет по-гречески! Слава богу, у меня хватило соображения сбежать из школы на второй день после того, как там попытались учить меня иностранному языку, и я уверен, что не стал из-за этого менее честным человеком и менее искусным моряком!

— Неизвестно, кем вы могли бы стать при иных обстоятельствах, Барнстейбл, — сказала его возлюбленная, которая не могла не подтрунивать даже над тем, кого горячо любила, — но я не сомневаюсь, что при надлежащем воспитании из вас вышел бы недурной священник.

— Уж если вы заговорили о священниках, Кэтрин, могу напомнить вам, что у нас на фрегате тоже есть служитель божий... Но выслушайте мой план. О служении господу мы поговорим позже, когда представится случай.

И затем Барнстейбл изложил свой план нападения на дом. План этот — его предстояло претворить в жизнь в ту же ночь — казался так легко осуществимым, что Кэтрин при всех своих подозрениях насчет Борроуклифа вынуждена была согласиться, что он должен увенчаться успехом. На возникшие у нее возражения молодой моряк ответил с пылом человека, твердо идущего к цели, и привел ряд доводов, показывавших, что в деле, требующем смелости и находчивости, он может быть очень серьезным противником. В стойкости и верности Мерри он не сомневался. Что же касается мальчишки-разносчика, то он полагал, что, кроме него и гардемарина, тот не видел никого из их отряда и, несомненно, принял их за простых грабителей.

Так как изложение этих планов часто прерывалось маленькими отступлениями, вызванными чувствами влюбленных, прошло более часа, прежде чем они решили

расстаться. И, только когда Кэтрин напомнила молодому лейтенанту о том, как быстро летит время и как много еще нужно сделать, он не очень охотно согласился закончить свидание и проводил ее до калитки.

Мисс Плауден на обратном пути соблюдала те же меры предосторожности, что и тогда, когда покидала его. И она уже поздравила себя с успехом, как вдруг заметила, что на некотором расстоянии за ней идет человек, повторяющий все ее движения. Она остановилась, чтобы бросить опасливый взгляд на незнакомца, который тоже остановился, а затем медленно возвратился на край луга. Решив, что это был Барнстейбл, пожелавший убедиться в ее безопасности, Кэтрин вошла в дом, забыв все свои опасения, в приятных мыслях о заботливости возлюбленного.

Глава XXVIII

Глядит он — взвился флаг летучий,
И копья поднялися тучей
Над Хорнклифским холмом.

Вальтер Скотт, «Мармион»

Резкий звон колокола, созывавшего к ужину, прозвучал в галерее как раз в ту минуту, когда мисс Плауден вошла туда, и ей пришлось поспешить к подругам, чтобы ее отсутствие не вызвало новых подозрений. Когда Кэтрин переступила порог гостиной, Элис Данскомб уже вышла в столовую, но мисс Говард замешкалась, и Кэтрин застала ее одну.

— Ты все-таки осмелилась сделать по-своему, Кэтрин! — воскликнула Сесилия.

— Конечно, — подтвердила Кэтрин, опускаясь в кресло, чтобы хоть немного успокоиться. — Конечно, осмелилась, Сесилия, и видела Барнстейбла, который очень скоро завладеет этим домом.

Кровь, которая прихлынула к лицу Сесилии, когда она увидела кузину, теперь снова отхлынула к сердцу, и лицо ее стало белым, как алебастр.

— Значит, нам суждено пережить в эту ночь кровопролитие! — воскликнула она.

— Нам суждено пережить в эту ночь освобождение, мисс Говард! Все вы будете свободны: ты, я, Эндрю Мерри, Гриффит и его товарищи!

— Какая еще свобода, помимо той, которой мы пользуемся сейчас, Кэтрин, нужна двум молодым девушкам? Неужели ты думаешь, что я стану молчать, когда на моих глазах предают моего дядю! Может быть, и жизнь его подвергается опасности!

— Ты сама, Сесилия Говард, и жизнь твоя не более священны для этих людей, чем жизнь твоего дяди. Если ты хочешь отправить Гриффита в тюрьму, а то и на виселицу, выполни свою угрозу и предай Барнстейбла. Это легко сделать за ужином. А поскольку хозяйка дома забыла о своих обязанностях, я сама пойду в столовую.

Кэтрин встала и твердым шагом, с гордо поднятой головой направилась по галерее в комнату, где уже собрались остальные обитатели дома. Сесилия молча последовала за ней, и все сели за стол, заняв обычные места.

Первые несколько минут ушли на обычные учтивости джентльменов в отношении дам и любезности, принятые за столом. За это время Кэтрин настолько овладела собой, что начала пристально наблюдать за поведением своего опекуна и Борроуклифа, решив не ослаблять внимания, пока не наступит тот решающий час, когда она ожидала появления Барнстейбла. Полковник Говард, однако, настолько успокоился, что даже утратил присущую ему рассеянность. Со своего места Кэтрин иногда казалось, что она встречает его твердый и суровый взгляд, которого еще в детстве привыкла бояться, считая его признаком справедливого негодования. Борроуклиф, напротив, был спокоен, вежлив и, как всегда, отдавал должное различным яствам. Единственной внушавшей тревогу особенностью его поведения было то, что он не так усердно поглощал свой излюбленный напиток. Так прошел ужин, и уже убрали скатерть, хотя дамы, по-видимому, склонны были задержаться дольше обычного. Полковник Говард, наполнив бокалы себе и Элис Данскомб, передал бутылку офицеру и бодрым голосом, желая пробудить среди окружающих более веселый дух, воскликнул:

— Как вы думаете, Борроуклиф, не стали бы алые губки наших соседок еще ярче, если бы они омочили их в этом чудесном напитке да произнесли тост за здоровье короля? Мисс Элис всегда готова высказать чувства пре-

данности своему государю. От ее имени я предлагаю тост за здоровье его священного величества и за поражение и смерть всех изменников!

— Если молитвы скромной подданной, которой как женщине подобает держаться в стороне от суеты мирской и которая ныне должна делать вид, будто она разбирается в государственных делах, могут как-либо помочь высокому и могущественному монарху, сидящему на троне Великобритании, никакие бедствия не коснутся его, — кротко ответила Элис. — Но я никому не могу желать смерти, даже врагам моим, если есть такие, а тем более сынам народа, к которому принадлежу и я!

— Народа... — медленно повторил полковник с такой горечью в голосе, что она не могла не привлечь болезненного внимания Кэтрин, — сыны той же семьи! Да! Авессалом тоже был сыном Давида, а Иуда принадлежал к семье святых апостолов... Что ж, не будем пить за это, не будем! Проклятый дух мятежа проник в мой дом, и я не знаю, кого из членов моей семьи еще не коснулось его зловещее дыхание!

— Может быть, оно коснулось и меня, — сказала Элис, — но я ничем не нарушила своего верноподданнического долга и...

— Что это? — вдруг перебил ее полковник. — Слышите, капитан Борроуклиф, к нам кто-то ломится?

— Должно быть, это кто-нибудь из моих солдат. Наверно, упал, негодяй, по дороге от стола к своему тюфяку. Вы ведь знаете, я приказал угостить их на славу в честь наших успехов, — с великолепным равнодушием ответил капитан. — А может, явился тот самый дух, о котором вы так смело говорили, мой почтенный хозяин? Он обиделся на ваши замечания и теперь хочет выбраться из этих гостеприимных стен на вольный воздух, не потрудившись выяснить, где находятся двери. В таком случае утром придется кое-где починить стены.

Полковник встал, бросая беспокойные взгляды то на Борроуклифа, то на дверь и явно не желая разделять шутки своего гостя.

— Что-то уж очень шумят, капитан Борроуклиф, в саду, если не в самом здании, — сказал он, выходя из-за стола и твердым, воинским шагом направляясь к двери. — Как хозяин усадьбы, я должен узнать, кто в такое позднее время нарушает покой моей семьи. Если это друзья, мы

примем их с радостью, хотя появление их несколько неожиданно; если же это враги, я встречу их так, как подобает старому солдату!

— Нет, нет! — воскликнула Сесилия, которая при этих словах забыла об осторожности и бросилась в объятия старика. — Не ходите, дядя, не ходите туда, где дерутся, мой добрый, мой милый дядя! Вы уже немолоды, вы уже сделали все то, что требовал от вас долг. К чему вам подвергать жизнь опасности?

— Бедняжка с ума сошла от страха, Борроуклиф, — сказал полковник, с любовью глядя на племянницу. — Вам придется дать ни на что не способному старому подагрику охрану с капралом во главе, чтобы они караулили его ночной колпак, иначе это глупое дитя не заснет до восхода солнца. Но вы не встанете, сэр?

— А зачем? — ответил капитан. — Мисс Плауден все еще оказывает мне честь своим присутствием, да и не в моем характере покидать одновременно бутылку вина и знамя. Для настоящего солдата улыбка женщины в гостиной — все равно что знамя на поле сражения.

— А мне нечего бояться, капитан Борроуклиф, — сказала Кэтрин. — Я так долго живу здесь, что научилась различать завывание ветра в трубах и островерхих крышах. Шум, который поднял с места полковника Говарда и напугал кузину Сесилию, не что иное, как Эолова арфа [1] на крыше: она гудит, как контрабас.

Капитан с явным восхищением взгляпул на ее спокойное лицо, что заставило ее — правда, с опозданием — немного покраснеть. Он ответил с некоторой двусмысленностью как в словах, так и в манерах.

— Я уже указал, что̀ побуждает меня оставаться здесь, — сказал Борроуклиф и продолжал, подчеркивая некоторые слова и тем вкладывая в них двойной смысл. — Покуда мисс Плауден будет оказывать нам честь своим присутствием, она найдет во мне самого преданного и самого настойчивого собеседника, кто бы сюда ни явился и что бы здесь ни случилось.

— Вы вынуждаете меня удалиться, хочу я того или нет, — сказала Кэтрин вставая. — Ибо само женское тщеславие не может не покраснеть при столь явном преклонс-

[1] Эолова арфа — рамка с натянутыми на ней струнами. Ее помещали обычно на крыше здания, и от дуновения ветра струны начинали звучать.

нии, которое приковывает капитана Борроуклифа к вечернему столу!.. Поскольку ваша тревога несколько рассеялась, кузина, быть может, вы пойдете вперед? Мы с мисс Элис последуем за вами.

— Но, конечно, не на лужайку, мисс Плауден? — остановил ее капитан. — Дверь, ключ которой вы только что повернули, ведет в вестибюль. Проход в гостиную здесь!

Кэтрин слабо улыбнулась, как бы признавая свою ошибку, поклонилась в знак признательности капитану и, направляясь к другой двери, промолвила:

— Видимо, не одна только Сесилия испугалась: другим просто удалось скрыть свои чувства.

— Это страх перед наступившей опасностью или будущей? — спросил капитан. — Но раз вы так великодушно заботились о моем почтенном хозяине и еще об одном человеке, которого я не назову, потому что он не заслужил такой награды от вас, я сделаю вашу безопасность своей особой задачей в наши тяжелые времена.

— Значит, опасность существует! — воскликнула Сесилия. — Я вижу это по вашим глазам, капитан Борроуклиф. И кузина бледнеет — значит, мои опасения основательны!

Капитан тоже встал и, оставив шутливый тон, который доставлял ему столь большое удовольствие, вышел на середину комнаты с видом человека, который понимает, что настало время быть серьезным.

— Солдату всегда грозит опасность, когда враги его короля находятся близко, мисс Говард, — ответил он, — а мисс Плауден, если ей будет угодно, может засвидетельствовать, что это именно так. Но вы союзницы обеих сторон, поэтому я предлагаю вам удалиться в ваши комнаты и ждать там результатов предстоящего сражения.

— Вы говорите о явных и скрытых опасностях, капитан, — промолвила Элис Данскомб. — Вы разве знаете что-нибудь подтверждающее ваши подозрения?

— Я знаю все, — холодно ответил Борроуклиф.

— Все?! — воскликнула Кэтрин.

— Все? — в ужасе повторила за ней Элис. — Если вы действительно знаете все, то вам должна быть известна его отчаянная отвага и сила перед лицом неприятеля. Сдайтесь ему без сопротивления, и он не тронет вас. Поверьте мне, которая хорошо знает его характер, что ни один агнец не может быть более кроток, чем он в своем

обращении со слабыми женщинами! Но ни один лев не бывает более свиреп с врагом!

— А поскольку мы не принадлежим к женскому полу, — ответил раздраженно Борроуклиф, — придется нам как-нибудь пережить ярость царя зверей! Его лапа сейчас у входных дверей, и, если мои приказания выполнены в точности, войти сюда ему будет легче, чем волку к почтенной бабушке Красной Шапочки!

— Погодите минуту! — еле дыша от волнения, вмешалась Кэтрин. — Вы раскрыли мою тайну, капитан Борроуклиф, и это поведет к кровопролитию. Но, если вы позволите мне выйти, я, возможно, еще спасу драгоценную жизнь многих людей. Дайте мне слово, что люди, которые сейчас пришли как ваши враги, уйдут с миром, и жизнь моя будет служить залогом безопасности этого дома!

— О, послушайте ее и не проливайте крови человеческой! — вскричала Сесилия.

Громкий шум прервал дальнейшие речи, и в соседней комнате послышались тяжелые шаги, будто туда поочередно входили люди. Борроуклиф спокойно отошел в дальний конец комнаты и взял со стола приготовленную заблаговременно и вложенную в ножны шпагу. В тот же миг дверь распахнулась и появился Барнстейбл, один, но вооруженный до зубов.

— Вы мои пленники, джентльмены, — сказал моряк, проходя в глубь комнаты. — Сопротивление бесполезно. Сдавайтесь, и вы будете помилованы... А, мисс Плауден! Я ведь советовал вам не присутствовать при этой сцене.

— Барнстейбл, наш замысел открыт! — воскликнула взволнованная Кэтрин. — Но еще не поздно. Кровь еще не была пролита, и вы можете уйти с честью, не прибегая к насилию. Ступайте скорее, не теряйте ни минуты, ибо, если солдаты капитана Борроуклифа явятся на помощь своему командиру, наш дом станет сценой ужасных событий!

— Уходите, Кэтрин, — с нетерпением сказал ее возлюбленный, — здесь женщинам не место!.. А вы, капитан Борроуклиф, если так вас зовут, должны понимать, что сопротивление бесполезно. В той комнате у меня десять добрых пик в двадцати искусных руках, и было бы чистым безумием противиться столь превосходной силе.

— Разверните передо мной ваши силы, — сказал капитан, — иначе я рискую обесчестить себя.

— Честь ваша не пострадает, мой храбрый воин, ибо я должен признать ваше мужество, хотя и ненавижу ваш мундир, а дело ваше считаю неправым!..-Вперед, ребята, но действуйте только по моему приказанию!

Отряд свирепых на вид моряков, которых привел Барнстейбл, толпой ворвался в комнату, но, несмотря на их грозные взгляды и устрашающий вид их рваной одежды и оружия, они никого не тронули, не нанесли ни одного удара. При их появлении дамы попятились в испуге и даже Борроуклиф отступил к двери, через которую он мог бы в случае необходимости скрыться. Не утихла еще суматоха от их внезапного появления, как из отдаленной части здания снова донесся шум борьбы, одна из многочисленных дверей столовой распахнулась, и вбежали два солдата из отряда Борроуклифа, энергично преследуемые четырьмя матросами под предводительством Гриффита, Мануэля и Мерри, которые вооружились всем, что попало им под руки в минуту их неожиданного освобождения. Среди матросов, уже завладевших комнатой, произошло движение. Они готовы были заколоть солдат, но Барнстейбл саблей отвел их пики и сурово приказал им отступить. Удивленные матросы опустили оружие, а солдаты, воспользовавшись этим, быстро укрылись за спиной своего офицера. Освобожденные пленники вместе со своими освободителями присоединились к Барнстейблу и его матросам, и в комнате снова восстановилась так грубо нарушенная тишина.

— Вы видите, сэр, — сказал Барнстейбл, дружески пожав руки Гриффиту и Мануэлю, — что все мои планы удались. Ваши солдаты спокойно почивают в своей казарме под стражей из моих матросов; второй отряд матросов снял ваших часовых и освободил наших офицеров, а я с помощью третьего отряда овладел центром здания и, по существу, вашей особой. Во имя человеколюбия и ради присутствия этих дам обойдемся без борьбы! Я предложу вам легкие условия, а плен ваш будет недолгим.

В продолжение всей этой сцены офицер-вербовщик сохранял удивительное хладнокровие, которое вызвало бы подозрение у победителей, будь у них хоть минута для наблюдения. Понемногу на лице его появились признаки волнения, и он стал то и дело поворачивать голову, будто к чему-то прислушиваясь. Все же он и на этот раз ответил Барнстейблу прежним спокойным голосом:

— Вы говорите, сэр, о победе, но она еще вами не достигнута. Мой достойный хозяин и я — мы не так уж беззащитны, как вы, по-видимому, воображаете. — С этими словами он сорвал с бокового столика скатерть, и в тот же миг у него и у полковника оказалось в руках по паре пистолетов. — Вот смертный приговор четверым из вашего отряда, а двое храбрых молодцов за моей спиной приговорят еще двоих. Мне думается, мой заокеанский друг, что наше нынешнее положение очень напоминает положение Кортеса [1] и мексиканцев, когда он вторгся в пределы вашего материка. Я — Кортес, вооруженный искусственным громом и молнией, а вы — индейцы, у которых только и есть что пики, пращи да прочие допотопные изобретения. Кораблекрушения и морская вода весьма подмачивают порох!

— Ваша правда, у нас нет огнестрельного оружия, — сказал Барнстейбл, — но мы люди, привыкшие с детства полагаться на силу своих рук, и не побоимся схватиться врукопашную с самой старухой смертью! Что же касается этих игрушек в ваших руках, джентльмены, то вам не следует предполагать, что люди, которые могут смотреть в дуло тридцатидвухфунтовой заряженной пушки, в то время как к запалу уже поднесен фитиль, испугаются щелканья ваших пистолетов, будь их у вас хоть по пятидесяти штук... Что вы скажете, ребята? Неужто пистолет помешает вам пойти на абордаж?

Нестройный презрительный смех моряков подтвердил, сколь мало они боятся подобной пустячной опасности. Заметив, что они все больше смелеют, Борроуклиф схватил колокольчик, который лежал возле него на столе, и долго яростно потрясал им. Мерный шум тяжелых шагов послужил ответом на этот своеобразный призыв. Двери комнаты распахнулись, и в них появилось множество вооруженных солдат в мундирах английской армии.

— Если вы так презираете наши пистолеты, — сказал офицер-вербовщик, убедившись, что его люди овладели всеми выходами, — я могу воспользоваться более внушительным оружием. Теперь, джентльмены, когда я показал вам свои силы, надеюсь, вы не замедлите сдаться в плен!

---

[1] Кортес Эрнан (Фернандо) (1485 — 1547) — испанский завоеватель Мексики (1519—1521). Войска Кортеса, вооруженные огнестрельным оружием, имели большое преимущество перед не знавшими пороха коренными жителями Мексики.

Тем временем Мануэль расставил матросов в боевом порядке, и, по мере того как к дверям прибывали новые силы противника, капитан морской пехоты создавал новые фронты, пока маленький отряд не образовал вооруженное смертоносными пиками с «Ариэля» каре, которое при атаке могло бы оказаться грозной оборонительной силой.

— Здесь какое-то недоразумение, — сказал Гриффит, окинув взором устрашающее скопление солдат. — Я принимаю на себя командование и предлагаю вам, капитан Борроуклиф, условия, которые позволят избежать кровопролития в доме полковника Говарда.

— Дом полковника Говарда, — вскричал старик, — принадлежит королю или самому последнему из его слуг! Поэтому не щадите изменников ради меня, Борроуклиф! Не принимайте никаких условий, кроме безоговорочной капитуляции, которой вы должны потребовать от поддан-ных, восставших против помазанника божьего!

Во время речи Гриффита Барнстейбл с притворным спокойствием стоял, сложив на груди руки и выразительно глядя на дрожащую Кэтрин, которая была прикована страхом к месту и не могла не видеть всего происходящего. На слова хозяина дома он счел нужным ответить:

— Клянусь моими надеждами на возвращение в Америку, старый джентльмен, что, если бы не присутствие трех дрожащих женщин, я тотчас поспорил бы с вами насчет того, как должно величать вашего короля! Можете вступать в любые соглашения с мистером Гриффитом, но, если в них будет содержаться хоть одно слово о верности королю или кому-нибудь еще, кроме конгресса Соединенных Штатов, считайте эти условия нарушенными. Ни один параграф подобного соглашения я не сочту законом для себя и тех, кто пожелает следовать за мной...

— Здесь только два командира, мистер Барнстейбл! — с надменным видом перебил его Гриффит. — Один — командир английских солдат, другой — командир американских сил... Капитан Борроуклиф, к вам, как первому, я и обращаюсь. События этой ночи никоим образом не могут повлиять на противоречия, разделившие Англию и ее старинные колонии. С другой стороны, при слишком строгом соблюдении воинских правил начнется бой, который вызовет ужасные бедствия для обитателей этого дома. Стоит мне и вам, сэр, молвить лишь слово, как эти люди, у которых руки чешутся от нетерпения пустить в ход свое

смертоносное оружие, с яростью бросятся друг на друга, и кто поручится, что мы сможем их разнять, когда найдем нужным! Вы солдат и знаете, что гораздо легче возбудить жажду крови, чем насытить ее.

Борроуклиф, сохраняя неизменное хладнокровие и видя превосходство своего отряда как по численности, так и по снаряжению, выслушал его до конца, а затем ответил в своей обычной манере:

— Не могу не отдать должного вашей логике, сэр! Доводы ваши неопровержимы, а вывод неоспорим. Доверьте достойных матросов попечению честного Дрилла, который накормит и напоит этих людей. А мы тем временем посидим за бутылкой вина, привезенного, как уверял меня мой друг Мануэль, с южного берега острова Мадейры, чтобы его выпили в холодной Британии, и обсудим условия вашего возвращения в колонии... Клянусь собственным языком, эти негодяи повеселели от моих слов! Они чувствуют, сэр, что потерпевшему крушение моряку нужнее кусок мяса да кружка пива, чем такие никчемные вещи, как штыки и абордажные пики!

— Сейчас не время шутить! — нетерпеливо воскликнул молодой моряк. — У вас численное превосходство, но поможет ли это вам в смертельной схватке, еще неизвестно. Мы пришли сюда не просить об условиях, а диктовать их. Следует спешить, сэр, обстоятельства не терпят промедления.

— Я предложил вам насладиться тремя самыми древними радостями из числа доступных человеку: едой, вином и сном. Чего вы требуете еще?

— Чтобы вы приказали своим людям отступить и освободить занятые ими проходы. Я мирно уведу моих матросов, ибо здесь находятся лица, не привыкшие к подобным зрелищам. И, прежде чем возражать мне, подумайте, как легко эти отважные молодцы могут сами проложить себе дорогу — ведь ваши силы разбросаны.

— Ваш товарищ, капитан Мануэль, человек опытный, скажет вам, что подобный маневр будет противоречить всем правилам военного искусства, поскольку в тылу у вас остаются такие превосходящие силы.

— Мне некогда выслушивать ваши глупые шутки! — воскликнул возмущенный Гриффит. — Вы отказываетесь беспрепятственно выпустить нас отсюда?

— Да!

Гриффит взволнованно повернулся к дамам и знáком приказал им удалиться, ибо был не в состоянии выразить свое желание словами. Настало глубокое молчание, затем он еще раз примирительно обратился к Борроуклифу.

— Если Мануэль и я возвратимся в нашу тюрьму и отдадим себя в руки английского правительства, — сказал он, — сможет ли остальная часть отряда беспрепятственно возвратиться на фрегат?

— Нет! — ответил офицер, который, видя приближение роковой минуты, постепенно терял свой шутливый тон. — Вы и все остальные, кто намеренно нарушил покой нашей страны, должны нести ответственность!

— Тогда да защитит господь невинных и правых!

— Аминь!

— Прочь с дороги! — закричал Гриффит, бросаясь к солдатам, которые загораживали дверь. — Дорогу, или вас поднимут на пики!

— Цельсь, ребята! — приказал Борроуклиф. — Но курков не спускать, пока они не двинутся с места.

Обе стороны начали постепенно готовиться к бою: бряцало оружие, слышались сдержанные ругательства и угрозы. Сесилия и Кэтрин закрыли руками лицо, чтобы не видеть ужасного зрелища, которого ожидали с минуты на минуту. Но Элис Данскомб смело стала между пиками и мушкетами, и голос ее остановил уже поднятые было руки:

— Выслушайте меня, люди, если вы действительно люди, а не дьяволы, жаждущие крови, и были созданы по подобию того, кто умер ради вашего спасения! Вы называете это войной? Неужели это слава, которая должна согревать сердца даже глупых и доверчивых женщин? Неужели в угоду вашей жажде побед должны быть разрушены мирные семейные очаги? Неужели можно убивать людей лишь для того, чтобы потом на пирах хвастаться этим грязным делом? Отступите, британские солдаты! Если вы с честью носите мундир, дайте пройти женщине! И помните, что первый ваш выстрел попадет в ее грудь!

Ее повелительные слова и властный вид заставили солдат податься назад и освободить для нее проход через ту самую дверь, о которой говорил Гриффит, требуя пропуска для себя и своего отряда. Но Элис, вместо того чтобы двинуться вперед, медлила и, казалось, сразу утра-

тила всю удивительную силу воли. Она стояла неподвижно, словно приросла к месту, устремив на дверь полный ужаса взор. В этот миг на пороге появился лоцман в скромной одежде людей своей профессии, но вооруженный, как принято у моряков. Еще мгновение он молча наблюдал открывшуюся ему картину, а затем спокойно выступил на середину комнаты, не сводя с присутствующих испытующего взгляда.

Глава XXIX

Привет, синьор. Вы пришли почти вовремя, чтобы разнять почти драку.

Шекспир, «Много шума из ничего»

— Англичане, опустите оружие! — приказал вошедший. — И вы, борцы за священную свободу, не проливайте даром крови! Склонись, гордый британец, перед могуществом Тринадцати республик! [1]

— Ага! — воскликнул Борроуклиф, решительно сжимая в руке пистолет. — Дело осложняется. Этого человека я не включил в число моих противников. Не Самсон [2] ли это, который может мановением руки все изменить? Опустите ваше оружие, маскарадный гость, или я дам сигнал пистолетом, и ваше тело изрешетят десятки пуль.

— А ваше тело — сотни! — ответил лоцман. — Эй, там, все сюда! Самоуверенный джентльмен сейчас поймет свою слабость.

Не успел он договорить, как до слуха присутствующих донесся разкий свисток боцманской дудки, который, постепенно усиливаясь, проник под сводчатый потолок столовой и, казалось, заполнил самые отдаленные уголки здания. Раздался топот множества ног, и в комнату ввалилась большая толпа. Моряки гнали перед собой испуганных солдат Борроуклифа, охранявших вестибюль. Галерея тоже была забита людьми.

---

[1] В 1776 году английские колонии в Северной Америке провозгласили себя свободными, самостоятельными и независимыми республиками — штатами. Этих штатов было тринадцать.

[2] Самсон — библейский мифический герой, обладавший необычайной силой.

— Пусть они услышат вас, ребята! — воскликнул их предводитель. — Дом наш!

Рев бури не мог быть громче, чем оглушительный возглас, вырвавшийся из груди вошедших. Их торжествующие крики повторялись бурными раскатами, сотрясая, казалось, самую крышу здания. Через дверь видно было множество темных голов: абордажники фрегата — в окованных железом касках, морская пехота — в головных уборах, сверкающих бронзовыми украшениями. Капитан Мануэль тотчас разглядел своих солдат и, ринувшись в толпу, вскоре появился вновь в сопровождении выстроенного в боевом порядке отряда; пока командиры обеих сторон продолжали переговоры, он расставил своих людей на тех постах, где прежде стояли солдаты Борроуклифа.

До сих пор полковник Говард из уважения к принципам воинской субординации не вмешивался, предоставляя говорить Борроуклифу, но теперь, видя, что обстоятельства существенно изменились, он счел себя вправе лично обратиться к незваным гостям.

— По какому праву, сэр, — спросил полковник, — вы осмеливаетесь вторгаться в замок, принадлежащий подданному его величества? Может быть, вы уполномочены лордом-лейтенантом здешнего графства или располагаете предписанием министра внутренних дел британского правительства?

— Никакого предписания у меня нет, — ответил лоцман. — Я всего лишь друг американского народа. Я подверг моих товарищей опасности и поэтому счел своей обязанностью вызволить их из беды. Теперь им ничто не грозит, и вы все, кто слышит меня, должны повиноваться мистеру Гриффиту — он имеет полномочия от конгресса Соединенных Штатов.

С этими словами он отошел в сторону, где, прислонившись к стене, молча продолжал наблюдать за всем происходящим.

— По-видимому, к вам, недостойный сын почтенного отца, я должен обратиться со своим вопросом? — продолжал старик. — По какому праву на мой дом совершено такое грубое нападение? И почему нарушены мир и спокойствие тех, кто находится под моей защитой?

— Я мог бы ответить вам, полковник Говард, — сказал Гриффит, — что сделано по праву войны или скорее в воздаяние за тысячи обид, причиненных англичанами мир-

ному населению на территории между Мэном и Джорджией [1]. Но я не хочу усугублять и без того неприятный характер этой сцены и скажу вам, что мы не используем свою победу во зло. В ту же минуту, как мы соберем наших людей и обезоружим пленных, дом снова перейдет в ваши руки. Мы не пираты, сэр, вы в этом убедитесь после нашего ухода... Капитан Мануэль, выведите ваших солдат в сад и приготовьтесь к возвращению на шлюпки! Матросы тоже пусть выйдут. Эй, там, матросы, выходите из помещения!

Этот приказ молодого лейтенанта, отданный, как и полагалось моряку, суровым и громким голосом, хотя тон его был дружеским, произвел магическое действие на собравшуюся у двери толпу. А когда и матросы Барнстейбла вышли вслед за остальными во двор, в комнате остались только офицеры и семья полковника Говарда.

С тех пор как Гриффит принял командование, Барнстейбл оставался безмолвным и только внимательно прислушивался к каждому слову, но теперь, когда осталось лишь несколько человек и следовало спешить, он заговорил вновь:

— Если мы должны так быстро возвратиться к шлюпкам, мистер Гриффит, мне кажется, нужно сделать необходимые приготовления для приема дам, которым придется почтить нас своим присутствием. Не поручите ли вы это мне?

Неожиданное предложение удивило всех присутствующих, хотя смущенное и застенчивое выражение лица Кэтрин Плауден ясно доказывало, что для нее это предложение не было столь неожиданным. Долгое молчание, последовавшее за этим вопросом, было прервано полковником Говардом:

— Вы здесь хозяева, джентльмены. Делайте все, что вам угодно. Мой дом, мое имущество, мои воспитанницы — все в вашем распоряжении. Может быть, и мисс Элис, добрая, кроткая мисс Элис Данскомб, тоже придется по вкусу кому-нибудь из вас? Ах, Эдуард Гриффит! Мог ли я пред...

— Не смейте с такой насмешкой произносить имя этой

[1] Восставшие американские колонии занимали тогда пространство между штатами Мэн и Джорджия. К югу от Джорджии были испанские владения.

женщины, не то даже почтенные годы ваши не защитят вас! — прогремел суровый голос за спиной полковника.

Все невольно повернулись туда, откуда послышались эти неожиданные слова, и увидели лоцмана, который по-прежнему небрежно прислонялся к стене, хотя весь дрожал от сдерживаемой ярости.

Гриффит с изумлением посмотрел на этого странного человека, неожиданно проявившего такие сильные чувства, а затем с мольбой перевел взор на прекрасных девушек, которые все еще скрывались в отдаленном углу комнаты, куда их загнал страх.

— Я уже сказал, что мы не ночные разбойники, полковник Говард, — повторил он. — Но, если кто-нибудь из находящихся здесь дам пожелает довериться нашему попечению, я полагаю, сейчас нет необходимости говорить о том, каков будет прием.

— У нас нет времени для пустых комплиментов! — воскликнул нетерпеливый Барнстейбл. — Вот Мерри — по своим летам и родству он годится, чтобы помочь дамам уложить их багаж... Что вы скажете на это, юноша? Могли бы вы в силу необходимости сыграть роль горничной?

— О да, сэр, и, я думаю, лучше, чем я сыграл роль бродячего торговца! — весело воскликнул юноша. — Ради того, чтобы мои милые кузины Кэтрин и Сесилия составили нам компанию на корабле, я готов сыграть даже роль нашей общей бабушки!.. Пойдемте, кузины, будем собираться. Я ведь по неопытности не могу работать быстро!

— Отойдите, молодой человек! — сказала мисс Говард, отталкивая его, когда он попытался фамильярно взять ее за руку. Затем, приблизившись к своему опекуну, она с достоинством продолжала: — Я не знаю, о чем нынче вечером тайно уговарилась моя кузина с мистером Барнстейблом, но что касается меня, полковник Говард, то, я надеюсь, вы поверите дочери вашего брата, что для нее события этого часа были столь же неожиданны, как и для вас.

Старик посмотрел на нее взглядом, в котором как будто затеплилась былая нежность, но затем мрачные подозрения вновь охватили его душу, и он, покачав головой, с гордым видом отошел в сторону.

— Что ж, — добавила Сесилия, низко опустив голову, — быть может, я и потеряла доверие дяди, но не

могу считать себя бесчестной, не совершив никакого проступка.

Она медленно подняла голову и, обратив на Гриффита свой кроткий взор, продолжала, в то время как яркий румянец окрасил ее прекрасные черты:

— Эдуард Гриффит, я не хочу... я не могу сказать, как оскорбительно мне думать, что вы хоть на миг сочли меня способной забыть и покинуть моего опекуна назначенного мне в защитники самим богом, ради человека, которым я увлеклась по ошибке! А вы, Эндрю Мерри, научитесь уважать племянницу вашей матери, если не ради меня самой, то, по крайней мере, ради той, кто качал вас в колыбели!

— Здесь какое-то недоразумение, — промолвил Барнстейбл, в немалой мере разделявший смущение огорченного гардемарина. — Но, я полагаю, как и всякое недоразумение, его легко уладить. Мистер Гриффит, слово за вами. Черт вас возьми, — шепотом добавил он, — вы молчите, как рыба, а такая чудесная девушка сто́ит того, чтобы ради нее сказать несколько слов! Вы немы, как четвероногое животное, а ведь даже осел умеет кричать!

— Мы должны спешить, мистер Барнстейбл, — с глубоким вздохом ответил Гриффит, словно очнувшись от сна. — Разыгравшиеся здесь грубые сцены могли напугать дам. Будьте добры, сэр, руководите нашим движением к берегу. Капитан Мануэль позаботится о пленниках, которых нужно сохранить для обмена на равное число наших соотечественников.

— И соотечественниц! — сказал Барнстейбл. — Неужели мы забудем о них, заботясь только о собственной безопасности?

— В их жизнь мы не имеем права вмешиваться, пока они сами нас об этом не попросят.

— Клянусь пебом, мистер Гриффит, это пахнет чрезмерной ученостью! — вскричал Барнстейбл. — Вот до чего доводят книги и разные премудрости! Но позвольте сказать вам, сэр, что это мало похоже на любовь моряка.

— Разве недостойно моряка и джентльмена позволить женщине, которую он называет своей властительницей, быть ею не только по имени?

— Тогда, Гриффит, мне жаль вас от всей души. Я предпочел бы выдержать суровую борьбу за счастье, которое сейчас дается мне столь легко, чем видеть вас так

жестоко разочарованным! Но вы не должны винить меня, мой друг, если я поспешу воспользоваться своим счастьем... Мисс Плауден, вашу прекрасную руку!.. Полковник Говард, приношу вам самую глубокую благодарность за те заботы, которые вы оказывали до сих пор вашей воспитаннице, и поверьте моим откровенным словам, если я скажу вам, что после себя я скорее доверил бы ее вам, чем кому-либо другому на свете!

Полковник повернулся к Барнстейблу и, низко поклонившись, ответил ему с мрачной учтивостью:

— Сэр, мои незначительные заслуги не стоят такой благодарности. Если я не сумел сделать мисс Кэтрин Плауден такой, какой мечтал видеть свою дочь честный Джон Плауден, капитан королевского флота, вину следует искать в моей неумелости воспитателя, а не в каких-либо врожденных качествах молодой девушки. Я не могу сказать вам: возьмите ее, сэр, раз вы ею уже завладели и вне моей власти это изменить. Мне остается лишь пожелать, чтобы она была вам такой же преданной женой, какой она была воспитанницей и подданной.

До сих пор Кэтрин стояла рядом с возлюбленным, державшим ее за руку, но теперь оттолкнула его руку и, откинув упавшие на лоб темные кудри, гордо подняла голову. Глаза на бледном от волнения лице пылали негодованием.

— Джентльмены, — сказала она, — вы, я вижу, находите возможным располагать мной, как вещью: один отдает, другой берет! Но разве дочь Джона Плаудена не имеет права распоряжаться своей особой? Если она стала в тягость опекуну, то может переехать в какой-нибудь другой дом, не затрудняя мистера Барнстейбла тяжелой задачей изыскания для нее каюты на корабле, где, вероятно, и без того тесно.

С этими словами она гневно отвернулась от Барнстейбла и подошла к кузнице. Так сердятся молоденькие девушки, когда их вздумают выдавать замуж, не спросив предварительно их согласия. Барнстейбл плохо разбирался в тонких изгибах женской души и помнил только прежние слова своей возлюбленной. Он был ошеломлен и не мог понять, как необходима его возлюбленной для открытых и решительных действий в его пользу моральная поддержка Сесилии. Он также не мог понять, в силу каких причин девушка, уже так много сделавшая втайне для своего возлюбленного и не раз признававшаяся в

своей склонности к нему, в решительную минуту, когда все взоры были устремлены на нее, отказалась подтвердить это вновь! Все присутствующие, кроме опекуна его возлюбленной и Борроуклифа, глядели на него со сдержанным сочувствием.

Полковник снова ласково посматривал на свою воспитанницу, решив, что она раскаивается, а пленный капитан не скрывал насмешливого удивления, к которому примешалась злоба по поводу своей неудачи.

— По-видимому, сэр, — вдруг яростно обратился к нему Барнстейбл, — вы нашли что-то забавное в этой молодой леди, но ваше веселье весьма неуместно! У себя в Америке мы не терпим подобного обращения с женщинами!

— А мы у себя в Англии не ссоримся в присутствии женщин, — ответил Борроуклиф, окинув Барнстейбла не менее яростным взглядом. — Но смею вас заверить, как раз в эту минуту, сэр, я думал о том, сколь изменчива судьба, и ни о чем другом. Еще полчаса назад я считал себя счастливым человеком — я надеялся преуспеть в своих планах и опрокинуть замысел, которым вы собирались меня поразить. А теперь я несчастнейший из смертных, потому что не смею и надеяться на повышение!

— А я тут при чем, сэр? — с жаром спросила Кэтрин.

— Ну конечно, это случилось не из-за вашего упорного содействия моим врагам, мисс Плауден, — с притворным смирением ответил Борроуклиф, — и не из-за вашего жаркого им сочувствия или вашего невозмутимого хладнокровия за ужином. Нет! Просто мне пора уже оставить службу. Раз я больше не могу с честью служить своему королю, я должен служить теперь только богу, как и все инвалиды на свете! Одно из двух: либо мой слух ослабел, либо стена возле луга каким-то волшебным образом искажает звуки.

Кэтрин, не дожидаясь окончания этой фразы, отошла в дальний угол комнаты, чтобы скрыть горячий румянец, заливший ей лицо. Теперь она поняла, каким образом враг проник в планы Барнстейбла. Она начала упрекать себя за ненужное кокетство, когда вспомнила, что половина ее беседы с возлюбленным у той стены, на которую намекал Борроуклиф, шла на темы, не имевшие ничего общего с заговорами и военными действиями. Однако чувства Барнстейбла были далеко не столь тонки, как у

его возлюбленной, а мысли слишком заняты средствами достижения намеченной им цели, чтобы так быстро понять иносказательный намек капитана. Резко обернувшись к Гриффиту, он самым серьезным тоном заявил.

— Я считаю своей обязанностью, мистер Гриффит, напомнить вам, что, согласно данным нам инструкциям, мы должны брать в плен всех врагов Америки, где бы они ни оказались, и что Соединенные Штаты в некоторых случаях не стеснялись брать в плен и женщин.

— Браво! — воскликнул Борроуклиф. — Если дамы не желают идти с вами в качестве возлюбленных, уведите их в качестве военнопленных.

— Ваше счастье, сэр, что вы сами в плену, иначе вы ответили бы мне за свои слова! — рассердился Барнстейбл. — Это разумная инструкция, мистер Гриффит, и вы не должны пренебрегать ею.

— Не забывайте своих обязанностей, мистер Барнстейбл, — ответил Гриффит, снова выходя из состояния глубокой задумчивости. — Вам был дан приказ — немедленно приступайте к его выполнению!

— У меня также есть приказ нашего общего командира капитана Мансона, мистер Гриффит, и уверяю вас, сэр, что, инструктируя меня относительно «Ариэля» — от бедняжки не осталось и двух досок, сколоченных вместе, — он решительно подтвердил и более ранние приказания.

— А теперь я их отменяю.

— Могу ли я подчиниться устному приказанию младшего офицера, когда оно прямо противоречит письменным инструкциям старшего?

До сих пор Гриффит говорил спокойным и решительным тоном, но при этих словах лицо его вспыхнуло, темные глаза засверкали.

— Не извольте рассуждать, сэр, — властно закричал он, — и повинуйтесь!

— Клянусь небом, сэр, я не выполнил бы и приказа самого конгресса, если бы меня заставляли забыть мой долг перед... перед...

— Перед самим собой! Мистер Барнстейбл, довольно! Исполняйте ваш долг, сэр!

— Мой долг предписывает мне оставаться здесь, мистер Гриффит!

— Тогда я должен действовать, ибо не могу допустить, чтобы мои же офицеры меня оскорбляли!.. Мистер Мерри,

скажите капитану Мануэлю, чтобы он прислал сюда сержанта и взвод морской пехоты.

— Пусть он и сам сюда придет! — крикнул Барнстейбл, обезумев до отчаяния от своей неудачи. — Всему его отряду не обезоружить меня! Ко мне, ариэльцы! Станьте вокруг вашего капитана!

— Кто осмелится переступить этот порог без моего приказания, умрет! — закричал Гриффит, угрожая обнаженным кортиком морякам, которые прибежали было на призыв своего командира. — Отдайте мне ваш кортик, мистер Барнстейбл! Избавьте себя от унижения отдать его простому солдату.

— Посмотрел бы я на того, кто осмелится взять его! — завопил Барнстейбл, свирепо размахивая оружием.

Гриффит с грозным видом протянул вперед руку, и они скрестили оружие. Лязг стали подействовал на них, как звук горна на боевого коня: начался обмен быстрыми, внезапными ударами, ловко отражаемыми с обеих сторон.

— Барнстейбл, Барнстейбл! — крикнула Кэтрин, бросаясь в его объятия. — Я пойду за тобой на край света!

Сесилия Говард ничего не сказала, но, когда Гриффит опомнился, он увидел, что она стоит перед ним на коленях, смертельно бледная, с мольбой глядя в его взволнованное лицо. Возглас мисс Плауден разъединил сражающихся прежде, чем дело дошло до кровопролития. Несмотря на вмешательство своих возлюбленных, молодые люди продолжали обмениваться взглядами, полными негодования. В эту минуту полковник Говард вышел вперед и, подняв племянницу с колен, сказал:

— Такая поза не пристала дочери Гарри Говарда, хотя он преклонял колена перед троном своего государя! Смотри, моя дорогая Сесилия, до чего доводит мятеж! Своими нелепыми принципами всеобщего равенства он сеет раздоры в рядах бунтовщиков, уничтожает различия рангов и чинов. Эти молодые безумцы даже не знают, кому они должны повиноваться!

— Они должны повиноваться мне, — сказал лоцман, который теперь выступил на середину комнаты. — Я вижу, что мне пора проявить свою власть. Мистер Гриффит, спрячьте ваш кортик. А вы, сэр, почему вы отказались подчиниться старшему офицеру и забыли свои обязанности, освященные присягой? Извольте подчиниться и исполнять свой долг.

При звуках этого спокойного голоса Гриффит вздрогнул, словно опомнившись, а затем низко поклонился и вложил оружие в ножны. Но Барнстейбл, обняв одной рукой талию возлюбленной и размахивая клинком в другой, лишь презрительно рассмеялся над этим непонятным ему присвоением власти.

— А кто вы сами такой? — спросил он. — Почему вы осмеливаетесь давать мне приказания?

Глаза лоцмана блеснули страшным огнем, лицо его побагровело, а сам он задрожал от гнева. Но, сделав над собой усилие, он сдержался и ответил весьма многозначительно:

— Я тот, кто имеет право приказывать и требовать подчинения.

Эти необычные слова произвели на Барнстейбла такое впечатление, что он невольно опустил оружие. Лоцман на миг остановил на нем горящий взор, а затем, обернувшись к остальным присутствующим, продолжал более мягко:

— Мы действительно явились сюда не для грабежа и отнюдь не намерены поступать жестоко с людьми старыми и беззащитными. Но этого английского офицера и в особенности этого беглого американца мы должны взять в плен и препроводить на борт нашего корабля.

— А как же главная цель нашей экспедиции? — спросил Гриффит.

— Не достигнута, — быстро ответил лоцман. — Она принесена в жертву личным чувствам. Наше предприятие, сэр, как и сотни других, окончилось бесславно и будет забыто навсегда. Но об интересах республики нельзя забывать, мистер Гриффит! Хотя мы не должны были подвергать опасности жизнь этих молодцов только ради того, чтобы увидеть нежную улыбку на губах красавицы, тем не менее не следует упускать и случая воспользоваться нашим преимуществом. Этот полковник Говард вполне пригодится для сделки с фаворитами трона, и его можно будет обменять на какого-нибудь достойного патриота, который давно заслуживает освобождения... Нет, нет, приберегите ваш надменный взгляд для других! Полковник отправится на фрегат, и притом немедленно.

— Тогда... — сказала Сесилия Говард, робко приближаясь к тому месту, где стоял ее дядя, с презрением слушая споры победителей, — тогда я пойду с ним! Я не оставлю его одного в руках врагов!

— Они должны повиноваться мне, — сказал лоцман, выступая на середину комнаты.

— Было бы более достойно и более прилично для дочери моего брата, — холодно сказал полковник, — если бы она призналась в истинном мотиве своего решения. — Не обращая внимания на глубокое огорчение, охватившее Сесилию, когда она выслушала этот унизительный отказ от ее нежных забот, старик подошел к Борроуклифу, который в досаде на крушение своих высоких надежд яростно грыз эфес шпаги, и, став подле него, с покорным видом продолжал: — Делайте с нами все, что вам угодно, джентльмены. Вы победители, мы должны подчиниться. Человек мужественный храбро защищается, если его не захватили врасплох, как случилось с нами, и сдается он тоже с достоинством. Ах, если бы представилась возможность!.. Делайте все, что вам угодно, джентльмены. Никогда еще не было столь смирных агнцев, как мы с капитаном Борроуклифом.

Полковник с грустью и горечью улыбнулся своему товарищу. Капитан попытался ответить ему с насмешливостью, которая выдавала его расстроенные чувства. Все же им обоим настолько удалось сохранить внешнее спокойствие, что они могли хладнокровно следить за дальнейшими действиями победителей.

Полковник упорно продолжал отвергать предложения своей племянницы, которая, кротко уступив его воле, на время отказалась от всякой надежды его смягчить. Тем не менее она со всей серьезностью принялась за приготовления к отъезду и в лице кузины обрела верную и преданную помощницу. Правда, Кэтрин, ожидая этого события, тайно от мисс Говард еще раньше собрала все вещи, которые могли бы им понадобиться в случае внезапного побега. Вместе со своим возлюбленным, который, заметив, что план лоцмана способствует его собственным намерениям, счел за лучшее забыть свою ссору с этим загадочным человеком, она побежала изыскивать средства для перевозки того багажа, который был ею уже приготовлен. Барнстейбл и Мерри с удовольствием следовали за ней по узким и темным коридорам. Первый то и дело восхищался ее умом, красотой и прочими многочисленными достоинствами, а второй смеялся и шутил, как и следовало ожидать от веселого юноши его лет даже в подобных обстоятельствах. Заблаговременно сделанные Кэтрин приготовления оказались весьма кстати, ибо Сесилия Говард гораздо больше заботилась о благополучии полковника,

нежели о своем собственном. В сопровождении Элис Данскомб молодая хозяйка монастыря Святой Руфи обходила пустынные комнаты здания, то прислушиваясь к кротким уговорам подруги, то проливая слезы, которых не в силах была сдержать, то вновь спокойно отдавая приказания горничным, словно предполагаемый отъезд был самым заурядным событием.

Все это время остальные действующие лица оставались в столовой. Лоцман, сделав свое дело, снова отошел в сторону и прислонился к стене, хотя и внимательно наблюдал за всеми приготовлениями. Чувствовалось, что именно он — вдохновляющая сила всего этого предприятия. Гриффит принял на себя официальное командование, и только к нему матросы и солдаты обращались за приказаниями. Так прошел час. Затем в комнате снова появились Кэтрин и Сесилия, уже одетые в дорожное платье. Багаж передали на попечение одного из унтер-офицеров и его команды, и Гриффит отдал приказ трогаться. Снова в галереях и под сводами дома прозвучал резкий свист боцманской дудки, а затем послышался хриплый крик:

— Вперед, моряки! Вперед, абордажники! Вперед, морские волки!

Заиграл рожок, забил барабан, и весь отряд в строгом боевом порядке, заранее предписанном капитаном Мануэлем, вышел из здания.

Лоцман так внезапно завладел монастырем, что ни один человек, солдат или штатский, не ускользнул оттуда. И, так как опасно было оставлять там кого-либо, потому что оставшийся мог бы оповестить о событиях всю округу, Гриффит приказал всех, кто только находился в здании, взять с собой к скалам и держать там до тех пор, пока от берега не отойдет последняя шлюпка. В море, недалеко от берега, как ему сообщили, их ждал тендер.

Поспешность приготовлений к отъезду заставила осветить многие комнаты, и контраст между огнями внутри и окружающим мраком запомнился печальным пленным, выходившим на луг. Какое-то неопределенное и безотчетное чувство заставило Сесилию остановиться в воротах парка и еще раз взглянуть на дом, как будто она знала, что видит его в последний раз. Темный зубчатый силуэт здания ясно вырисовывался на фоне северного неба, а открытые окна и незапертые двери позволяли заглянуть в глубь безлюдных комнат. Десятки свечей, словно в

насмешку над покинутыми стенами, озаряли их своим ненужным светом. Сесилия, дрожа, отвернулась от этого зрелища. Она приблизилась к своему разгневанному дяде, угадывая, что вскоре он больше чем когда-либо будет нуждаться в ее присутствии.

Глухой гул людских голосов впереди, свист дудки и суровые окрики морских офицеров заставили ее забыть о своих предчувствиях и вернуться к окружающей действительности. А тем временем отряд быстрыми шагами направился к морю.

Глава XXX

Стремился вождь к родным горам.
«Эй, лодочник, живее!
Я фунт за переправу дам.
Греби же, не робея!»

Кэмпбелл, «Дочь лорда Уллина»

На небе весь день не было ни облачка, дул холодный, пронизывающий ветер, и ночью высыпали тысячи звезд. Поэтому глаз, привыкнув к темноте, мог более отчетливо различать окружающие предметы. В голове растянувшейся по узкой тропинке колонны твердым, мерным шагом хорошо обученных солдат маршировал взвод морской пехоты, за ним на некотором расстоянии следовала большая, беспорядочная толпа обвешанных оружием матросов, обнаруживая явную склонность к озорству и грубым шуткам, как всегда бывает, когда морские волки оказываются на берегу, и только суровые окрики офицеров заставляли их сдерживаться. В середине этой толпы шли пленные солдаты и слуги-мужчины. Стража не обращала на них особого внимания, но пользовалась всяким удобным случаем, чтобы позабавиться на их счет. За ними немного поодаль, сохраняя прежнее достоинство и гордую осанку, плечом к плечу шагали полковник Говард и капитан Борроуклиф. Оба молчали, предаваясь грустным размышлениям. Следом, стараясь держаться как можно ближе к дяде, шла мисс Говард под руку с Элис Данскомб. Их сопровождала женская прислуга. Отдельно легким, быстрым шагом шла Кэтрин Плауден, радуясь такому обороту событий, но скрывая свое удовлетворение под маской

покорности судьбе. Барнстейбл с восхищением следил за ней с расстояния в несколько шагов. Ближе подойти он не смел, покорный капризу своей возлюбленной, явно этого не желавшей. Гриффит шел сбоку от колонны, чтобы обозревать все ряды и в случае необходимости управлять движением. В арьергарде следовал второй отряд морской пехоты, и Мануэль собственной персоной замыкал шествие. Барабану и рожку приказано было замолчать, и слышны были только мерный шаг солдат да вой уже затихающей бури и время от времени команды офицеров и смутный гул матросских разговоров.

— Неважная нам досталась добыча, — угрюмо пробормотал какой-то старый моряк, — корабль без груза и денег! На кухне-то да и в замке можно было понабрать порядочно добра, так что хватило бы каждому матросу у нас на корабле. Так нет! Как бы слюнки ни текли, офицеры не дали стибрить даже никому не нужную библию.

— Сущая правда, — подхватил шедший рядом другой матрос. — Найди мы, бедняки, хоть бумажку с записанной молитвой, они все равно отобрали бы ее у нас. Послушайка, Бен, что я тебе скажу: если из матроса делают солдата и заставляют его таскать мушкет, надо, чтобы он мог хоть немного поживиться тем, что ему попадет в руки. А то вот сегодня черт меня подери, если я прикоснулся к чему-нибудь, кроме моего ружья да тесака! Ведь нельзя же назвать поживой эту скатерть!

— Ага, ты, я вижу, все-таки успел кое-что подцепить! — ответил первый матрос, явно восхищаясь качеством ткани. — Да эта штука, коли ее разостлать, не меньше нашей бизани! Тебе повезло больше, чем другим. Что же до меня, то я вот взял эту шляпу, но она, видать, годна для большого пальца ноги. Я уже пытался приноровить ее на голове и так и этак, но мне не удалось напялить ее хоть на дюйм. Послушай-ка, Сэм, ты мне дашь на рубашку кусок от этой скатерти?

— Конечно. Можешь взять угол. Или, пожалуй, ради такого случая можешь взять и половину, Бен. Но я не вижу, чтобы мы возвращались на корабль богачами, если только не присчитать все это бабьё к добыче...

— «Богачами!» — шутливо перебил их молодой матрос, который до сих пор молчаливо прислушивался к разговору старых и более расчетливых матросов. — Мне кажется, мы пустились крейсировать по таким морям, где дневная вахта

длится полгода. Разве вы не видите, что у нас теперь двойной рацион полуночи?

С этими словами он положил руки на черные головы двух черных рабов полковника Говарда, которые шли рядом, погруженные в печальные размышления о том, что снова потеряли свободу.

— Поверните головы вот так, джентльмены, — добавил он. — Разве от такой черноты не погаснут лампы в нактоузе?

— Оставь негров в покое! — проворчал один из пожилых матросов. — Чего ты дурака валяешь?.. Кстати, Ник, не понять мне, почему мы все время жмемся к этому берегу, где нет и десяти саженей глубины, когда стóит нам выйти в океан, и мы чуть ли не каждый день будем встречать купцов с Ямайки? Тогда на борту у нас будет столько голов сахару да бочек меду, сколько мы пожелаем!

— Все это из-за лоцмана, — ответил второй матрос, — потому что там, где нет дна, не нужно и лоцманов. Что это за крейсерство, когда мы идем на глубине пяти саженей, а потом бросаем якорь на мель или камень! Кроме того, нас заставили работать по ночам. Если бы вместо семи часов было светло все четырнадцать, остальные десять часов можно было бы идти по чутью...

— Каркаете, как старые вороны! — снова перебил их молодой матрос. — Разве вы не знаете, что, по воле Конгресса, мы должны перерезать прибрежные пути Джона Буля? А наш старик увидел, что дни слишком коротки для этого дела, и высадил отряд, чтобы захватить ночь. Вот мы ее и захватили! А когда вернемся на корабль, мы спрячем ее в трюм, и тогда вы снова увидите солнечный свет... Пойдемте, мои лилии! Пусть джентльмены заглянут в ваши иллюминаторы... Что? Вы не хотите? Тогда мне придется поговорить с вами по-другому.

— Эй вы там! — раздался суровый голос, мальчишеские нотки которого плохо вязались с начальственным тоном говорившего. — Что тут, спрашиваю я! Кто обижает негров?

— Никто, сэр, — с притворной серьезностью ответил матрос. — Один из бледнолицых ушиб ногу о паутину, и от этого у него заболело ухо!

— Слушай-ка ты, зубоскал, как ты очутился среди пленных? Разве я не приказал тебе с пикой на плече идти в передней линии?

— Да, да, сэр, вы приказали. И я выполнял приказ, пока мог. Но из-за этих негров стало так темно, что я сбился с дороги!

В толпе моряков раздался приглушенный смех. И даже гардемарин едва удержался от улыбки при этом образце находчивости одного из тех присяжных балагуров, какие встречаются на любом корабле.

— Значит, — наконец сказал Мерри, — ты понял, что взял не тот курс? Изволь тотчас вернуться туда, где я приказал тебе находиться.

— Да, да, сэр, я иду. Клянусь всеми ошибками в книге казначея, мистер Мерри, только паутина заставила одного из этих негров проливать слезы! Позвольте мне на минуту остаться, сэр, и собрать немного чернил, чтобы написать письмо моей бедной старушке матери. Будь я проклят, если написал ей хоть строчку, как мы вышли из Чесапика!

— Если ты не уберешься сию минуту, я угощу тебя саблей по голове! — ответил Мерри. Он испытывал большое участие к страданиям несчастной расы, которая и по сей день служит (а раньше служила еще больше) предметом насмешек наших легкомысленных и распущенных соотечественников. — Тогда, если захочешь, ты напишешь свое письмо красными чернилами!

— Ни за что на свете! — ответил остроумец, прежде чем шмыгнуть на свое место. — Старуха не поверит письму и решит, что это подделка... Интересно, бурупы у берегов Гвинеи тоже черного цвета? Так говорили старые моряки, которым приходилось плавать в тех широтах.

Его глупые шутки были прерваны покрывшим шум громким и строгим голосом человека, которому стоило сказать только слово, как затихало самое буйное веселье матросов.

Среди толпы послышался шепот: «Мистер Гриффит идет! Джек разбудил первого лейтенанта, теперь лучше пусть сам уснет!» Но вскоре и эти приглушенные восклицания стихли, и даже сам шутник, не произнеся больше ни слова, словно он потерял дар речи, прилежно зашагал в строю.

Читатель уже не раз сопровождал нас от дома полковника Говарда к морю, поэтому нам нет необходимости описывать тот путь, по которому шли моряки во время переданного выше разговора, и мы сразу перейдем к изображению событий, происшедших после того, как отряд

достиг береговых утесов. Так как человек, который столь неожиданно присвоил себе временную власть в стенах монастыря Святой Руфи, так же внезапно исчез, Гриффит распоряжался один, ни с кем не советуясь. Он ни разу не обратился к Барнстейблу, и было видно, что между молодыми людьми произошла серьезная размолвка и что — по крайней мере, сейчас — их дружба нарушена. Действительно, только присутствие Сесилии и Кэтрин удерживало Гриффита от ареста непокорного подчиненного. А Барнстейбл, хотя и чувствовал свою вину, все же был очень обижен и только из уважения к возлюбленной сдерживал негодование, которым пылала его уязвленная гордость. Тем не менее оба они разумно действовали в одном направлении, хотя и делали это, не уговариваясь. Первой целью обоих молодых людей было обеспечить посадку в шлюпки прекрасных кузин. И Барнстейбл незамедлительно проследовал к шлюпкам, чтобы ускорить приготовления, необходимые для приема таких необычных пленниц. В десанте, возглавляемом лоцманом, участвовали настолько значительные силы, что на море были спущены все шлюпки фрегата, которые теперь в ожидании возвращения отряда держались за полосой прибоя. Барнстейбл громко окликнул командовавшего этой флотилией офицера, и через несколько минут команды катеров, баркасов, яликов и разных других лодок уже деятельно хлопотали на берегу. Если бы спросили самих немного трусивших дам, они выбрали бы наикрупнейшую шлюпку фрегата, но Барнстейбл решил, что она недостойна его гостей, и потребовал предоставить им длинный и низкий личный катер капитана Мансона, считавшийся особо почетным судном. Пятьдесят человек были назначены для переноса катера на песок, и вскоре полковника Говарда и его воспитанниц известили, что маленькое судно готово принять их на борт. Мануэль со своим отрядом морской пехоты расположился на вершинах скал, где он расставлял пикеты и часовых и принимал все предписанные военной наукой меры для прикрытия посадки на суда. Здесь же, под охраной часовых, находились все остальные пленники, в том числе слуги полковника и солдаты Борроуклифа. Полковник Говард и капитан Борроуклиф в сопровождении дам и их служанок спустились по скалистой тропинке к берегу и стояли в бездействии на песке, когда было объявлено, что им пора отправляться.

— Где же он? — спросила Элис Данскомб, озираясь, словно она ожидала найти кого-то среди окружавших ее людей.

— О ком вы говорите? — спросил Барнстейбл. — Мы все здесь, и катер готов.

— Неужели он увезет меня... даже меня из мест, где я провела детство, из страны, где я родилась и к которой привязана всей душой?

— Я не знаю, о ком вы говорите, сударыня, но если о мистере Гриффите, то вот он стоит, позади той группы моряков.

Услышав свое имя, Гриффит подошел к дамам и впервые, с тех пор как они покинули монастырь, обратился к ним.

— Надеюсь, меня хорошо поняли, — сказал он, — и мне незачем повторять, что ни одна женщина не должна считать себя пленницей. Если же кто-либо из вас добровольно решит ступить на борт нашего корабля, то даю слово офицера, вы найдете там приют и защиту.

— В таком случае, я не поеду, — заметила Элис.

— Да и зачем вам ехать? — сказала Сесилия. — Вас не связывают никакие узы. (Слушая ее, Элис Данскомб продолжала искать глазами кого-то среди присутствующих.) Возвращайтесь, мисс Элис, в монастырь Святой Руфи и будьте его хозяйкой до моего возвращения... или, — робко добавила она, — пока полковник Говард не решит иначе.

— Я подчиняюсь вам, милое дитя, но полковник Говард, несомненно, даст указания своему поверенному в Б. позаботиться о его имуществе?

Полковник был так сердит на свою племянницу, что охотно промолчал бы, но, как человек хорошо воспитанный, он не мог не ответить на скромный вопрос Элис Данскомб, такой честной и верной подданной.

— Я отвечу, но только из уважения к вам, мисс, — сказал он. — Я предпочел бы оставить двери и окна монастыря Святой Руфи настежь отворенными в качестве печального памятника действиям мятежников, а потом, когда конфискованные поместья руководителей этого гнусного бунта по приказанию короля будут продаваться с молотка, потребовать за их счет возмещения понесенных убытков. Но вы, мисс Элис, заслуживаете всяческого уважения, какого женщина вправе требовать от джентльмена.

Поэтому будьте добры написать моему поверенному, чтобы он опечатал все мои бумаги и переслал их министру его величества. В них нет ничего изменнического, сударыня, и они заслуживают официальной защиты. Дом и большая часть обстановки, как вам известно, принадлежит тому, у кого я взял их в аренду, и настоящий владелец, я полагаю, не замедлит позаботиться об охране своих интересов. Целую вашу руку, мисс Элис, и надеюсь, что мы еще встретимся в Сент-Джеймсском дворце. Королева Шарлотта, я уверен, вознаградит вас по заслугам. Она не может не оценить вашу преданность.

— Здесь я родилась среди простых людей, здесь я жила и здесь я надеюсь спокойно умереть, — кротко ответила Элис. — Если у меня и были радости за последние годы, кроме тех, которые каждый христианин черпает в своих повседневных обязанностях, я находила их, мои милые подруги, только в вашем обществе. Но такое общество в этом глухом уголке королевства было слишком драгоценным благом, чтобы оставаться неомраченным. И теперь настало время, когда на смену удовольствиям придут печальные воспоминания. Прощайте, мои юные подруги! Уповайте на того, в чьих глазах король и крестьянин, европеец и американец — все равны, и мы встретимся вновь, хотя, наверно, это будет уже не на здешнем острове и не на вашем обширном континенте!

— В первый раз, — сказал полковник Говард, подходя к ней и ласково беря ее за руку, — слышу от вас такое неразумное суждение, мисс Элис Данскомб! Можно ли предположить, чтобы господь, разделив человечество на сословия, сам отрицал это неравенство! Прощайте, но я уверен, что, если бы время позволило нам объясниться, разница между нашими взглядами оказалась бы не так уж велика.

Элис, по-видимому, не сочла эту тему достойной дальнейшего обсуждения в такую минуту, ибо она ласково простилась с полковником, а затем обратилась к дамам. Сесилия расплакалась на плече любимой подруги, взволнованная и огорченная предстоящей разлукой. Кэтрин тоже тепло обняла Элис, ибо при всей ее ветрености ей так подсказывало сердце. Они молча попрощались, а затем, освободившись из объятий мисс Данскомб, девушки одна за другой направились к катеру. Полковник Говард не поспешил опередить своих воспитанниц, чтобы помочь

им сесть в шлюпку. Это сделал Барнстейбл, а когда он усадил дам и их служанок, то обратился к джентльменам:

— Шлюпка ждет вас!

— Итак, мисс Элис, — с горькой иронией сказал Борроуклиф, — наш уважаемый хозяин дал вам поручение к своему поверенному. Прошу вас оказать подобную же услугу и мне, написав рапорт командиру округа. Вы должны рассказать ему, каким болваном... нет, употребляйте самые ясные выражения и напишите ему, каким ослом оказался в этом деле капитан Борроуклиф. Вы также можете рассказать в качестве вставного эпизода, как он играл в прятки с одной молодой девицей, сторонницей мятежников, и при этом совсем опростоволосился!.. Пойдем, мой достойный хозяин, или скорее товарищ по несчастью, я следую за вами, как обязывает меня долг.

— Подождите! — крикнул Гриффит. — Капитан Борроуклиф не должен садиться на катер.

— Как, сэр?! Неужели вы хотите отправить меня вместе с рядовыми? Разве вы забыли, что я имею честь служить по патенту его величества короля британского и что...

— Я не забыл ничего, что приличествует помнить джентльмену, капитан Борроуклиф. И среди прочего я помню, как благородно вы держали себя со мной, когда я был вашим пленником. В ту же минуту, когда будет обеспечена безопасность моего отряда, не только вы, но и ваши солдаты получат свободу.

Борроуклиф вздрогнул от удивления, но он был настолько огорчен разрушенными видениями славы, которые так пленительно витали перед ним в последние дни, что даже не поблагодарил достойным образом своего противника. Усилием воли овладев своими чувствами, он стал прогуливаться по берегу, тихонько насвистывая что-то игривое.

— Итак, — воскликнул Барнстейбл, — все наши пленники на местах! Шлюпка ждет только офицеров.

Гриффит отвернулся и, не сказав ни слова, с надменным видом отошел прочь, как бы считая ниже своего достоинства разговаривать с бывшим приятелем. Барнстейбл постоял неподвижно из уважения к старшему офицеру — никакая гневная вспышка не могла поколебать в нем эту привычку, — но, заметив, что Гриффит не намерен возвращаться, молодой лейтенант сел в катер, который, имея

команду на борту, уже качался на все еще мощных, но уже не опасных волнах.

— Весла на воду, ребята! — скомандовал Барнстейбл. — Не бойтесь замочить куртки. Я видел удальцов, которые подходили к этому берегу в худшую погоду! Курс в открытое море. Вперед, ребята, вперед!

Матросы дружно налегли на весла, и шлюпка, несколько раз взлетев и нырнув в бурунах, вышла в открытое море, а затем, разрезая носом волны, направилась к тому месту, где ее должен был ожидать «Быстрый».

Глава XXXI

Его вина, что, оскорбленный, поднял
На родину он мстительную руку.

Томсон

Элис Данскомб осталась на берегу, следя за темным пятном, которое вскоре исчезло в сумраке ночи, и с печалью прислушиваясь к мерному плеску весел, который еще долго доносился до ее слуха и после того, как очертания шлюпки слились со смутной полосой восточного горизонта. Когда след ушедших друзей остался только в памяти мисс Данскомб, она повернулась и поспешила уйти от толпы матросов, которые все еще шумели и суетились, готовясь к выходу в море. Элис поднялась по тропинке на вершину утеса, где так часто прогуливалась, устремляя взор на безграничную стихию, омывавшую подножия скал с тем же тоскливым унынием, какое испытывала она сама.

Солдаты Борроуклифа, расположившиеся у верхнего конца тропинки, почтительно расступились перед ней, и часовые Мануэля тоже не останавливали ее, пока она не приблизилась к арьергарду морской пехоты, которым командовал сам бдительный капитан.

— Кто идет? — крикнул Мануэль, отделяясь от группы солдат, когда она приблизилась к ним.

— Женщина, у которой нет ни силы, ни желания причинить вам зло, — последовал ответ. — Я Элис Данскомб. Возвращаюсь домой с разрешения вашего начальника.

— Так, — пробормотал Мануэль, — опять Гриффит не

по-военному вежлив! Разве этот человек не знает, что нет на свете женщины, не способной к болтовне!.. Можете ли вы назвать пароль, мисс, дабы я убедился, что у вас действительно есть право вернуться?

— У меня нет другого права, кроме слабости моего пола. Я знаю только, что мистер Гриффит разрешил мне удалиться отсюда.

— Достаточно и этого, — произнес человек, который до сих пор стоял незамеченным за стволом дуба, простиравшего свои широкие, но голые ветви над тем местом, где был выстроен арьергард.

— Кто здесь? — снова воскликнул Мануэль. — Подходите, сдавайтесь, или я буду стрелять!

— Что? Неужели доблестный капитан Мануэль намерен стрелять в своего спасителя? — пренебрежительно произнес лоцман, выходя из-под сени дерева. — Лучше поберегите пули для врагов, чем тратить их на друзей.

— Вы поступили очень неосмотрительно, сэр! Разве можно тайно приближаться к пикету морской пехоты? Странно, что человек, который еще сегодня вечером обнаружил большие познания в тактике, так удачно захватив неприятеля врасплох, проявляет подобное невежество в правилах приближения к пикету!

— Сейчас это не имеет значения, — ответил лоцман. — О моих знаниях и моем невежестве сейчас не стоит говорить, так как я передал командование отрядом в другие, быть может, более достойные руки. Но я хотел бы поговорить с дамой наедине. Это моя знакомая с детских лет, и я провожу ее до дома.

— Это совершенно против правил военной науки, мистер лоцман, и вы должны извинить меня, если я не соглашусь пропустить вас за пределы района, охраняемого моими часовыми. Если вам угодно поговорить здесь, я отодвину свой пикет за пределы слышимости, хотя должен признаться, что это место наиболее благоприятное для того, чтобы держать вас в поле нашего зрения. Как вы видите, эта тропинка обеспечивает в случае неожиданной атаки наше отступление, причем оба фланга прикрыты: левый — утесом, а правый — этим самым дубом. Здесь очень выгодное местоположение для отряда, ибо даже самые старые солдаты лучше всего сражаются тогда, когда их фланги прикрыты, а в тылу есть дорога для отступления.

— Ни слова более, сэр! Я не хочу лишать вас такой превосходной позиции, — сказал лоцман. — Дама согласится пройти назад несколько шагов.

Элис по его просьбе последовала за ним до места, где на некотором расстоянии от арьергарда морской пехоты лежало дерево, поваленное бушевавшим накануне штормом. Она села на поверженный ствол и терпеливо ждала, когда ее спутник объяснит ей, что заставило его искать этого разговора. Лоцман несколько минут, словно собираясь с мыслями, ходил взад и вперед. Затем, очнувшись от своей рассеянности, он подошел к ней и сел рядом.

— Близок час нашей разлуки, Элис! — начал он. — От тебя зависит, будет ли эта разлука вечной.

— Пусть она будет вечной, Джон, — дрожащим голосом ответила Элис.

— Слово это не звучало бы так ужасно, если бы не было нашей нынешней случайной встречи. Все же твое решение, наверно, продиктовано благоразумием. Ибо что в моей судьбе могло бы вызвать у женщины желание разделить ее со мной?

— Если ты хочешь сказать, что участь твоя — это участь человека, которому не с кем делить радость и горе, чья жизнь — постоянная смена опасностей, бедствий и неудач, значит, ты мало знаешь женское сердце, думая, что любящая женщина не захочет или не сможет делить все это с избранником своего сердца.

— Ты ли это говоришь мне, Элис? Значит, я неправильно понял твои слова и худо истолковал твои поступки. Моя участь — совсем не участь человека пренебрегаемого, если вспомнить, что я снискал благосклонность королей и улыбки королев. Действительно, жизнь моя полна грозных опасностей, и все же она состоит не из одних только бедствий и неудач, не так ли, Элис? — Он остановился, ожидая ее ответа, но она молчала. — Действительно, я обманулся в надеждах, ожидая, что мир оценит мои подвиги и поступки. Я не тот человек, Элис, каким хотел быть, и даже не тот, каким себя считал.

— Имя твое, Джон, известно среди воинов нашего века, — ответила она глухим голосом. — Это имя, про которое можно сказать, что оно вписано кровью в страницы истории!

— Кровью моих врагов, Элис!

— Кровью подданных твоего законного государя! Кровью тех, кто дышал тем же воздухом, которым дышал ты со дня рождения, кого учили таким же священным правилам, какие были преподаны и тебе. Боюсь только, что ты слишком скоро их забыл...

— Кровью рабов деспотизма! — сурово перебил он ее. — Кровью врагов свободы! Ты слишком долго прожила в уединении и так слепо хранила в памяти предрассудки своей юности, что те благородные чувства, которые я когда-то видел зарождающимися в сердце Элис Данскомб, так и не пробудились.

— Я жила и мыслила, как подобало моему полу и положению, — кротко ответила Элис. — И я скорее соглашусь умереть, чем жить и мыслить по-иному.

— Вот истоки рабства! Женщина, живущая в подчинении, конечно, становится матерью трусливых и жалких негодяев, которые бесчестят имя мужчины!

— Я никогда не буду матерью детей, хороших или плохих, — ответила Элис с такой покорностью в голосе, которая свидетельствовала, что она давно отказалась от надежд, столь естественных для всех женщин. — Я до сих пор жила одиноко и без всякой опоры; такой же одинокой, никем не оплакиваемой, я и сойду в могилу.

Высокий пафос ее речи сочетался со спокойным достоинством девичьей гордости, тронувшей сердце ее собеседника, и он долго хранил молчание, растроганный ее душевной чистотой и прямотой. Слова ее пробудили в его душе чувства великодушия и бескорыстия, которые были почти подавлены ненасытным честолюбием и гордостью, питаемой успехом. Когда же он заговорил вновь, голос его был гораздо мягче, а тон сердечнее и без прежней горячности.

— Не знаю, Элис, должен ли я в моем положении, принимая во внимание твою примиренность с судьбой, пытаться разбудить в душе твоей прежние чувства... Стоит ли предлагать тебе соединить судьбу свою с судьбой такого всесветного бродяги, как я, с судьбой человека, которого можно назвать Дон-Кихотом за его приверженность к свободе и который ежечасно может быть призван запечатлеть кровью истинность своих взглядов...

— Мои чувства к тебе остались неизменными, — с простодушным чистосердечием ответила Элис.

— Что я слышу? Или я неправильно понял твое наме-

рение остаться в Англии, или я ошибался раньше, ошибался в твоих чувствах!

— Ты не ошибался тогда, не ошибаешься и сейчас. Пусть слабость моя еще не покинула меня, Джон, но с годами бог послал мне силы бороться с ней. Однако не о себе, а о тебе я говорю. Я — скромная, простая маргаритка и, расцветая, привлекла твой взор. Я увяну, как скромный цветок, когда наступит осенняя пора моей жизни, и никто не заметит, что меня больше нет в тех местах, где я жила. Но твое падение, Джон, будет падением дуба, вроде вот этого, на котором мы сидим. Покуда он стоит, люди восхищаются его красотой и величием, а когда он будет пизвержен, вспомнят о пользе, которую из него можно извлечь.

— Пусть говорят что хотят! — гордо ответил лоцман. — Рано или поздно истина станет известна. И, когда этот час придет, люди скажут, что в жизни своей я был верным и храбрым воином. Жизнь моя будет служить достойным примером для всех тех, кто рожден в рабстве, но мечтает о свободе.

— Так будет говорить далекий народ, ради которого ты покинул родину и друзей, — промолвила Элис, робко вглядываясь в его лицо, словно стараясь угадать, на что еще она может рискнуть, не пробуждая его негодования. — Но что скажут детям своим твои соотечественники, в жилах которых течет кровь твоих предков?

— Они скажут, Элис, то, что может внушить им коварство, обычное в их политике, или подсказать обманутое тщеславие. В этом вопросе мы никогда не придем к согласию, ибо даже ты при всем том, что ты для меня значишь, не в силах совратить меня с пути славы, на который я уже вступил!.. Однако время на исходе, давай лучше поговорим о других вещах. Быть может, я в последний раз на этом острове...

Элис молчала, стараясь побороть чувство, пробужденное его последними словами. Но вскоре она овладела собой и возобновила разговор с той твердостью, к которой, ей казалось, ее обязывал долг.

— А что ты сделал хорошего, Джон, ступив на берег Англии в этот раз? Неужто разрушение мирного очага семьи и оскорбление старика — это славный подвиг, совершенный во имя той цели, о которой ты говорил?

— Неужели ты можешь думать, что я высадился на

этот берег и рисковал жизнью ради такого недостойного предприятия? Нет, Элис, мой истинный замысел потерпел неудачу и поэтому остается тайной для всего мира. Но преданность моему делу толкнула меня на тот шаг, который ты так безрассудно порицаешь. Полковник Говард пользуется уважением тех, кто находится у власти, и его можно обменять на какого-нибудь более полезного человека. Что же касается его воспитанниц, то ты забыла, что их отечество — Америка, если только они не обретут его раньше — под гордым флагом фрегата, который ждет их сейчас в открытом море.

— Ты говоришь о фрегате! — сказала Элис, проявляя внезапный интерес к его словам. — Это единственное ваше судно, на котором вы можете уйти от врагов?

— Элис Данскомб, по-видимому, мало следила за событиями, если задает мне такой вопрос! — с надменным видом ответил лоцман. — Вопрос этот должен был звучать так: «Единственное ли это судно, от которого должен уйти неприятель?»

— Ах, до правильных ли выражений мне сейчас! — вскричала Элис, и крайняя тревога обозначилась на ее лице. — Я случайно подслушала часть плана, имеющего целью уничтожить внезапной атакой все американские корабли, находящиеся в наших водах.

— Такой план, моя милая Элис, можно внезапно принять, но не претворить в жизнь. Кто же были эти грозные заговорщики?

— Не знаю... не нарушу ли я своего долга перед королем, сообщив тебе эти сведения? — нерешительно сказала Элис.

— Пусть будет так, — холодно ответил лоцман. — Возможно, это спасет от смерти или плена многих королевских офицеров. Я уже сказал тебе, что, пожалуй, это последнее мое посещение Англии и, стало быть, Элис, наш последний разговор...

— И все же, — сказала Элис, все еще следуя течению своих мыслей, — большой беды не будет, если я постараюсь помешать пролитию человеческой крови и особенно если я принесу пользу тем, кого давно знала и уважала.

— Да, это простая точка зрения, которую легко оправдать, — с видимым безразличием подтвердил лоцман. — Однако король Георг может обойтись безболезненно без

части своих слуг — список его жалких фаворитов так длинен!

— В доме полковника Говарда последнее время жил некий Диллон, который недавно таинственно исчез, — сказала Элис. — Вернее, он был взят в плен твоими товарищами. Ты слышал о нем, Джон?

— Я слышал об одном негодяе, который носил это имя, но мы никогда не встречались... Элис, если небу угодно, чтобы это свидание наше было последним...

— Он был в плену на «Ариэле», — продолжала она, по-прежнему не считаясь с напускным равнодушием собеседника, — и, когда его отпустили под честное слово, он забыл о своем обещании и нарушил его самым бессовестным образом. Вместо того чтобы совершить обмен, который был условием его освобождения, он замыслил измену против тех, кто взял его в плен. Это была самая гнусная измена! Ибо к нему относились великодушно, и он наверняка получил бы свободу.

— Он был самым подлым негодяем! Но, Элис...

— Выслушай меня, Джон! — настаивала она, как бы подстрекаемая еще больше его безразличием. — Я не хочу говорить слишком строго о преступлениях Диллона, потому что его уже нет в живых. Одну часть его плана, должно быть, постигла неудача, ибо он собирался уничтожить ту шхуну, которую вы называете «Ариэлем», и взять в плен молодого Барнстейбла.

— Из этого у него ничего не вышло! Барнстейбл спасся, «Ариэль» же погиб от десницы более мощной, чем любая другая на свете. «Ариэль» потерпел крушение.

— Значит, фрегат остался единственным средством вашего спасения! Спеши, Джон, оставь свой гордый и беспечный вид, ибо еще настанет час, когда все твое мужество не поможет тебе против махинаций тайных врагов! Этот Диллон дал знать в ближайший порт о появлении ваших судов, чтобы оттуда выслали эскадру и отрезали вам отступление...

По мере того как она продолжала, лоцман утратил свою напускную беспечность и при тусклом свете звезд пытался по лицу ее угадать смысл еще не досказанных ею слов.

— Откуда тебе это известно, Элис? — быстро спросил он. — И какие суда он назвал?

— Я невольно подслушала разговор, и... Я не знаю,

Джон, могу ли я забыть свой долг по отношению к королю... Но нельзя требовать от слабой женщины, встретившей человека, к которому она когда-то питала склонность, чтобы она молчала, когда одно сказанное вовремя слово может избавить его от опасности!

— «Когда-то питала склонность»! Так ли это, Элис? — спросил лоцман с отсутствующим видом. — Но, может быть, ты что-нибудь слышала о величине этих судов? Может быть, тебе известны их названия? Назови мне их, и первый лорд вашего британского адмиралтейства не даст такого точного отчета об их вооружении, какое могу дать я, заглянув в мой собственный список.

— Я слышала их названия, — с нежной грустью сказала Элис, — но имя человека, который мне до сих пор дорог, звучало в моей душе, и я не могла их запомнить.

— Ты та же Элис, которую я когда-то знал! Значит, они говорили обо мне? Что же было сказано о Пирате? Нанесла ли его рука удар, который заставил их дрожать в своем доме? Не называли ли они его трусом, дитя?

— Они говорили о тебе в таких выражениях, что их слова причинили боль моему сердцу. Ибо легко забыть прошедшие годы, но нелегко забыть чувства, волновавшие человека в юности!

— Да, отрадно знать, что, несмотря на все громкие насмешки, подлые рабы трепещут при моем имени в своих тайных убежищах! — воскликнул лоцман, снова принимаясь быстро шагать взад и вперед. — Вот что значит выделяться из толпы и быть первым среди людей твоего призвания! Я еще надеюсь дожить до того дня, когда сам Георг Третий будет трепетать при имени моем в стенах своего дворца!

Элис Данскомб слушала его в глубоком и грустном молчании. Она поняла, что последнее звено в цепи их взаимной привязанности порвалось и что слабость, невольно овладевшая ею, не встретила в нем никаких ответных чувств. На мгновение Элис опустила голову на грудь, но тотчас же встала и с обычной мягкостью обратилась к лоцману, говоря теперь уже более спокойным тоном:

— Я сказала все, что тебе полезно было бы знать. А теперь нам пора расстаться.

— Что? Так скоро? — удивился он, вздрогнув и взяв ее за руку. — Но это слишком короткое свидание, Элис, перед столь долгой разлукой!

— Короткое или долгое, все равно оно должно было окончиться, — ответила она. — Твои товарищи, наверно, уже готовы к отплытию, да и тебе, я думаю, совсем не хочется остаться здесь на берегу. Если ты снова посетишь Англию, надеюсь, ты вернешься сюда с иными чувствами к своему отечеству. Желаю тебе счастья, Джон, и да благословит тебя бог в милосердии своем!

— Я хочу лишь, чтобы ты молилась за меня! Однако ночь темна, и я провожу тебя до дома.

— Не нужно, — с женской сдержанностью ответила она. — Невинный бывает так же неустрашим, как самый храбрый воин. А здесь и бояться нечего. Я пойду по тропинке, которая минует дорогу, занятую вашими солдатами, и не встречу на ней никого, кроме того, кто всегда готов защищать беззащитных. Еще раз говорю тебе, Джон: прощай! — Голос ее дрогнул, когда она продолжала: — Ты разделишь судьбу всех людей, и к тебе придут минуты заботы и слабости. В такие минуты вспомни о тех, кого покинул на этом ненавистном тебе острове, и, возможно, среди них ты вспомнишь женщину, которая искренне желала тебе благополучия.

— Да будет с тобой бог, Элис! — сказал он, тронутый ее волнением и забыв на миг свои честолюбивые мечты. — Но я не решаюсь отпустить тебя одну...

— Здесь мы расстанемся, Джон, — твердо сказала она, — и навсегда! Это будет лучше для нас обоих, ибо, боюсь, у нас слишком мало общего.

Она тихо отняла свою руку, которую он продолжал держать, и, еще раз прошептав: «Прощай», — повернулась и медленными шагами направилась в сторону монастыря.

Первым побуждением лоцмана было последовать за ней, чтобы ее проводить, но в этот миг на скалах раздались воинственные звуки барабана, а на берегу пронзительно засвистала боцманская дудка, извещая солдат и матросов о том, что отваливает последняя шлюпка.

Услышав сигнал сбора, этот своеобразный человек, который давно научился подавлять в груди свои бурные чувства ради призрачных честолюбивых надежд, отчасти питаемых гневом и презрением, в задумчивости направился к берегу. По дороге он встретил солдат Борроуклифа. Обезоруженные, но свободные, они мирно возвращались к себе в казармы. К счастью для этих людей, лоцман был

слишком поглощен своими мыслями, чтобы обратить внимание на этот акт великодушия Гриффита, и очнулся лишь тогда, когда ему заступили дорогу и слегка хлопнули по плечу. Он поднял глаза и увидел перед собой Борроуклифа.

— События нынешней ночи, сэр, свидетельствуют о том, что вы не тот, за кого вас можно принять, — заявил капитан. — По-видимому, вы у мятежников адмирал или генерал. Это мне неясно, так как право командования довольно странным образом оспаривалось среди вас. Но, кому бы ни принадлежало высшее командование, я осмелюсь шепнуть вам на ухо, что вы поступили со мной низко. Да, повторяю, вся ваша компания поступила со мной чрезвычайно низко, а вы — в особенности!

Лоцман изумился, услышав эту странную речь, произнесенную с горечью человека, потерпевшего крушение всех надежд.

Но он только махнул капитану рукой, чтобы тот уходил, а сам направился дальше.

— По-видимому, вы не совсем поняли меня, — упрямо продолжал офицер. — Послушайте, сэр, вы поступили со мной низко! Неужели вы думаете, что я стал бы говорить это джентльмену, не имея в виду предоставить ему возможность излить свой гнев?

В руках у Борроуклифа было два пистолета: один он держал за рукоятку, а другой — за дуло. Офицеру даже показалось, что при виде их лоцман ускорил шаги. Глядя ему вслед, капитан бормотал про себя:

— Ну конечно, он всего лишь лоцман! Настоящий джентльмен тотчас понял бы столь прозрачный намек... А! Вот идет отряд моего достойного друга, который умеет отличать южную мадеру от вина, изготовленного на севере. У него глотка настоящего джентльмена. Посмотрим, как он проглотит тонкое напоминание о его про́ступках!

Борроуклиф посторонился, чтобы пропустить направляющихся к шлюпкам солдат морской пехоты, и стал с нетерпением дожидаться их командира.

Мануэль, зная, что Гриффит возвратил пленникам свободу, остановился, чтобы убедиться, что никто, кроме освобожденных его командиром, не ушел в глубь острова. Это случайное обстоятельство дало Борроуклифу возможность встретить Мануэля на некотором расстоянии от обоих отрядов.

— От всей души приветствую вас, сэр! — сказал Борроуклиф. — У вас была неплохая фуражировка, капитан Мануэль!

Мануэль отнюдь не был расположен ссориться, но в голосе Борроуклифа было нечто такое, что заставило его ответить:

— Она была бы еще лучше, сэр, если бы мне представился случай отплатить капитану Борроуклифу за его любезное обращение.

— Пощадите мою скромность, сэр! Вы, должно быть, забыли, как уже расплатились со мной за мое гостеприимство: два часа я вынужден был жевать эфес собственной шпаги, да, кроме того, меня весьма бесцеремонно толкнули в угол, а одного из моих солдат дружески потрепали по плечу ружейным прикладом. Черт побери, сэр, я считаю, что неблагодарный человек — это всего лишь одна из разновидностей скотины.

— Если бы вместо солдата дружески потрепали по плечу офицера, — с похвальным хладнокровием возразил Мануэль, — это было бы гораздо более справедливо. И шомпол мог бы вполне заменить приклад, чтобы свалить с ног джентльмена, который залил за галстук столько вина, сколько потребовалось бы, чтобы утолить жажду четырех бродячих скрипачей.

— Какая черствая неблагодарность по отношению к превосходному напитку с южных склонов гор, который вы сами так хвалили! И мне вы нанесли такое оскорбление, сэр, что я вижу лишь один способ кончить этот словесный поединок, который может продолжаться до утра.

— Выбирайте любой способ для решения нашего спора, сэр. Надеюсь, однако, что вы не будете опираться при этом на ваше «врожденное чутье», после того как вы уже однажды приняли капитана морской пехоты, находящегося на службе у конгресса, за влюбленного, спешащего в какое-то укромное местечко.

— С таким же успехом вы могли бы ущипнуть меня за нос, сэр! — сказал Борроуклиф. — Даже такой поступок я счел бы более заслуживающим извинения! Выбирайте пистолет, сэр! Они заряжены для совсем иного дела, но, конечно, не откажутся послужить нам и сейчас.

— У меня самого есть пара пистолетов, заряженных

для любого дела, — ответил Мануэль, доставая из-за пояса пистолет и отходя на несколько шагов.

— Вы, я знаю, едете в Америку, — с невозмутимым видом сказал Борроуклиф, — и мне очень приятно, что ради меня вы отложили поездку на несколько минут.

— Стреляйте и защищайтесь! — рассерженно вскричал Мануэль, приближаясь к противнику.

Оба выстрела раздались одновременно, и к месту поединка, заслышав тревогу, бросились солдаты Борроуклифа и солдаты морской пехоты. Будь у первых оружие, при виде зрелища, которое представилось глазам солдат, непременно началась бы кровавая стычка. Мануэль лежал на спине, не подавая признаков жизни, а гордая осанка Борроуклифа сменилась полулежачим положением.

— Неужели бедняга в самом деле убит? — с сожалением спросил английский капитан. — Что ж, он был настоящим солдатом и при этом почти таким же дураком, как и я!

К счастью для англичан, в эту минуту Мануэль пришел в себя. Он был только контужен пулей, задевшей его макушку, и теперь при помощи солдат поднялся на ноги. Минуту-другую он стоял, потирая голову и словно пробуждаясь ото сна, а затем, когда окончательно пришел в себя и вспомнил, что с ним произошло, тоже не преминул поинтересоваться участью противника.

— Я здесь, мой доблестный инкогнито! — с искренним дружелюбием воскликнул Борроуклиф. — Покоюсь на груди матери-земли, и мне только полезно, что вы пустили мне кровь из правой ноги. Хотя, думается, это можно было бы сделать и не раздробив кости. Вы, кажется, тоже лежали на груди нашей общей праматери...

— Мне действительно пришлось полежать несколько минут, — ответил Мануэль, — ваша пуля проехалась по моей голове.

— Гм, по голове! — сухо заметил Борроуклиф. — Однако ваша рана, по-видимому, не смертельна. Что ж, придется мне с первым же встречным беднягой, у кого тоже одна нога, поспорить, кому из нас достанутся обе: оказаться калекой может и нищий и джентльмен! Вашу руку, Мануэль! Мы пили вместе, потом дрались, теперь нам ничто не мешает стать закадычными друзьями на всю жизнь.

— Конечно, — ответил Мануэль, продолжая потирать голову. — Против этого нельзя возражать. Но вам, вероят-

но, нужен лекарь? Нельзя ли мне чем-нибудь помочь вам?.. Опять сигнал к отправлению! Быстро ведите солдат, сержант! При мне может остаться мой денщик, а пожалуй, я обойдусь и без его помощи.

— Друг мой, вы самый правильный человек, как я говорю! — воскликнул Борроуклиф. — В вашей крепости нет слабых мест. Такой человек достоин быть во главе целого корпуса, а не отряда!.. Тише, Дрилл, тише! Обращайтесь со мной так, будто я сделан из фарфора... Уходите, дорогой Мануэль, я слышу сигнал за сигналом. Там, по-видимому, нужны ваши исключительные умственные способности, чтобы навести порядок при отправке.

Быть может, Мануэль и обиделся бы, услышав столь прозрачный намек на крепость его черепа, но теперь в ушах у него шумело от полученной контузии, и он не вполне ясно все понимал. Он дружески распрощался с Борроуклифом, сердечно пожал ему руку, а затем, обменявшись теплыми словами, еще раз предложил ему свои услуги.

— От всего сердца благодарю! Я и так в некотором долгу перед вами за то, что вы мне пустили кровь и тем предохранили меня от апоплексического удара. Дрилл уже послал нарочного в Б. за лекарем, а тот может привести сюда целый полк. Прощайте еще раз и помните, что, если вы когда-нибудь опять посетите Англию, уже в качестве друга, очень прошу вас повидаться со мной.

— Не премину воспользоваться вашим приглашением, а если вам когда-нибудь придется вновь побывать в Америке, обещайте и вы увидеться со мной.

— Непременно! Мне понадобится ваша отличная голова, если я вздумаю путешествовать среди грубых жителей лесов. Прощайте, сохраните меня навсегда в вашей памяти!

— Я никогда не забуду вас, дорогой друг, — ответил Мануэль, почесывая голову, в которой так шумела кровь, что ему казалось, будто он слышит этот шум.

Еще раз эти достойные люди пожали друг другу руку и, снова пообещав встретиться, расстались, как горестные влюбленные, расстались так, что перед их чувствами меркла дружба Ореста и Пилада [1].

---

[1] Орест и Пилад — в греческой мифологии два неразлучных друга, чьи имена стали нарицательными.

Глава XXXII

Нет, сам ответь мне; стой и объявись.

Шекспир, «Гамлет»

Пока происходили события, последовавшие за высадкой лоцмана на берег, «Быстрый» под командованием штурмана фрегата мистера Болтропа крейсировал взад и вперед в ожидании исхода экспедиции. К вечеру норд-ост сменился южным ветром, и еще задолго до смены ночной вахты осторожный старый моряк, который, как может вспомнить читатель, на военном совете решительно отказывался доверить свою особу условиям на суше, приказал рулевому направить судно к берегу. Но, как только лот показал, что настало время повернуть, курс тендера был изменен. Так моряки провели несколько часов, терпеливо ожидая возвращения товарищей из экспедиции. Штурман, который свою молодость провел в торговом флоте, командуя небольшими судами, был склонен, как и многие люди его профессии и происхождения, считать отсутствие утонченных манер лучшим доказательством способностей к судовождению, и поэтому презирал вежливость и пунктуальность, обычно строго соблюдаемые на военных кораблях. Его прочие обязанности, заключавшиеся в наблюдении за расходованием припасов из разных кладовых, в ведении судового журнала и в ежедневном осмотре состояния парусов и такелажа, не часто принуждали его сталкиваться с веселыми, насмешливыми и беспечными молодыми лейтенантами, которые состояли на судне в различных командных должностях, и поэтому про него можно было сказать, что он принадлежал к особому виду живых существ, хотя и к общему роду со своими более благовоспитанными сослуживцами. Однако, если волей обстоятельств ему приходилось выходить за пределы тупой повседневной рутины, он старался держаться в обществе тех, чьи привычки и мнения были ближе всего к его собственным.

По странной случайности, капеллан фрегата, если говорить о тех, с кем он общался, был почти в таком же положении, как этот старый моряк.

Искреннее желание быть полезным тем, кто, по воле провидения, мог встретить смерть над бездной морской, заставило этого немолодого и простосердечного священно-

служителя принять пост корабельного священника. Он наивно верил, что небо избрало его орудием спасения многих людей, которые живут, не вспоминая о великой цели их земных странствий. Границы и предмет нашей истории не позволяют нам рассказать о многочисленных случаях, которые послужили не только причиной полного краха всех его иллюзорных надежд, но и привели к тому, что этому доброму человеку стоило большого труда оставаться на высоте своего священного сана, ибо он сам вынужден был бороться с сильными греховными побуждениями. Сознание неполноты своей веры настолько умерило житейскую гордость священника, что он получал удовольствие от общества грубого штурмана, который по преклонности лет временами любил поговорить о загробной жизни, хотя и рассуждал о ней в выражениях, весьма сообразных его характеру.

Возможно, что оба они считали себя не на месте, и по какой-то тайной симпатии — неважно, из чего она проистекала, — их обоих тянуло друг к другу. В описываемую нами ночь мистер Болтроп пригласил священника сопровождать его на «Быстром», добавив, что на берегу предстоит сражение и, возможно, какому-нибудь бедняге понадобится духовная помощь. Священник охотно принял это странное приглашение отчасти из желания внести некоторое разнообразие в свою монотонную жизнь на борту, отчасти же из таившегося в его смятенной душе стремления побыть хоть немного ближе к берегу. Поэтому, когда лоцман со своим буйным отрядом высадился на берегу, на тендере остались только штурман и священник да боцман с десятком матросов. Первые несколько часов наши почтенные друзья провели в маленькой каюте судна, мирно беседуя за чашей грога, который стал намного вкуснее оттого, что был приправлен рассуждениями о различных спорных предметах, толкуемых каждым из них на свой манер, и читателю остается лишь пожалеть, что мы не нашли нужным привести эти рассуждения здесь. Но, как только ветер подул в сторону вражеского берега, благоразумный штурман отложил беседу до другого, более подходящего раза и тотчас поднялся на шканцы, не забыв захватить с собой и чашу с грогом.

— Вот как надо жить на судне! — с самодовольным видом воскликнул честный моряк, поставив деревянный сосуд подле себя на палубу. — А сколько шуму по пустя-

кам бывает на борту некоего фрегата, который сейчас стоит в трех милях от нас в открытом море под зарифленными грот-марселем, фор-стеньги-стакселем и фоком!.. Ну как, ведь неплохо я готовлю грог?.. Эй, подтяни-ка фал потуже!.. После такого грога у вас глаза замигают, что маяк в темную ночь!.. Не хотите? Ну, а нам не пристало отказываться от английского рома. — После этого деликатного заявления он сделал порядочный глоток и добавил: — А вы похожи на нашего первого лейтенанта; тот тоже выпивает только стихии — воздух, разбавленный водой!

— Про мистера Гриффита действительно можно сказать, что он подает спасительный пример экипажу, — подтвердил священник, которого несколько удручало, что на него самого этот пример не оказывал достаточно сильного действия.

— Спасительный? — вскричал Болтроп. — Позвольте сказать вам, мой достойный друг, что, если вы эту диету называете спасительной, вы очень мало разбираетесь в соленой воде и морских туманах! Но мистер Гриффит — настоящий моряк, и если бы он поменьше увлекался разными пустяками, то мог бы к тому времени, когда достигнет нашего возраста, стать очень разумным товарищем за столом. А сейчас он, видите ли, слишком много думает о разных глупостях вроде военной дисциплины. Разумеется, очень полезно вовремя менять снасти, присматривать за мачтами и даже за якорным канатом, но будь я проклят, если я понимаю, зачем... Ложись на другой галс, ложись, болван! Не видишь, что держишь курс на Германию?.. Да, если я понимаю, говорю я, зачем поднимать бучу по поводу того, как часто человеку нужно надевать чистую рубашку? Так ли важно, произойдет такое событие на этой неделе или на следующей, а если погода стоит плохая, то, может, еще неделей позже! Не очень-то я люблю всякие смотры, хотя мне-то нечего бояться упреков за свое поведение, разве что потребуют, чтобы я держал табак за другой щекой!

— Признаюсь, мне и самому это подчас надоедает; особенно такая дисциплина утомляет дух, когда тело страждет от морской болезни.

— Да, да, я помню, как вас корчило в первые месяцы плавания, — подтвердил штурман. — А однажды, торопясь похоронить мертвеца, вы нахлобучили на голову пе-

хотную треуголку. Да и на члена экипажа вы не были похожи, пока не износили свои нелепые черные штаны с пряжками под коленом. Мне-то не случалось видеть, как вы поднимались по трапу на шканцы, но, глядя на вас через люк, и вправду можно было подумать, что по палубе бегает сам дьявол! Однако, после того как портной заметил, что ваши штаны порядком поистрепались и казначей заключил ваши подпорки в новые, я уж не мог отличить ваши ноги от ног грот-марсового матроса.

— Я очень рад, что была сделана такая замена, — смиренно сказал священник, — если действительно, пока я носил одежду лиц моего звания, существовало такое подобие, как вы говорите.

— При чем тут духовное звание? — возразил Болтроп, переводя дух после нового основательного глотка грога. — Ноги человека всегда останутся его ногами, чему бы ни служило верхнее сооружение. Я еще с детства питал отвращение к коротким штанам — быть может, потому, что представлял себе дьявола именно в них. Вы знаете, когда говорят о каком-нибудь человеке, всегда представляешь себе его оснастку и снаряжение. Поэтому, раз у меня нет особых причин полагать, что сатана ходит голым... Держи полнее, дурачина, теперь ты идешь прямо на ветер, черт бы тебя побрал!.. Так вот, я говорю, мне всегда представлялось, что дьявол носит штаны до колен и треуголку. Молодые наши лейтенанты часто являются на смотр по воскресным дням в треуголках, словно пехотные офицеры. Но я скорей вышел бы в ночном колпаке, чем в такой шляпе!

— Я слышу плеск весел! — воскликнул священник, который, заметив, что штурман представляет себе дьявола гораздо яснее, чем он сам, постарался скрыть свое невежество, переменив тему разговора. — Быть может, это возвращается одна из наших шлюпок?

— Похоже, что так. Если бы мне пришлось высадиться на сушу, я бы уж давно страдал от береговой болезни... А ну-ка, ворочай, ребята, да ложись в дрейф!

Тендер, повинуясь рулю, покатился под ветер и, покачавшись с минуту меж волн, развернулся носом в сторону скал. Затем, приведя паруса в положение, необходимое для того, чтобы лечь в дрейф, он постепенно потерял скорость и наконец остановился. Во время выполнения этого маневра из тьмы со стороны берега показалась шлюп-

ка, и к тому времени, когда «Быстрый» остановился, она поравнялась с тендером, подойдя к нему на расстояние голоса.

— Эй, на шлюпке! — крикнул Болтроп в рупор, который при содействии его легких издавал звуки, похожие на рев быка.

— Да, да! — ответил голос, который звонко разнесся над волнами без помощи каких-либо вспомогательных инструментов.

— А! Это идет кто-то из лейтенантов со своим вечным «да-да»! — заметил Болтроп. — Ну-ка, боцман, свистни! А вот и другая шлюпка гребет к нам! Эй, на шлюпке!

— «Быстрый»! — отозвался голос с другой стороны.

— «Быстрый»! На этой шлюпке идет само начальство, — сказал штурман. — Сейчас оно поднимется на борт и начнет командовать. Это мистер Гриффит, и я должен сказать, что, несмотря на его пристрастие к пустякам, я все же очень рад, что он вырвался из рук англичан. Сейчас они все разом навалятся на нас!.. Вот и еще одна шлюпка с левого борта. Посмотрим, не спят ли на ней. Эй, на шлюпке?

— «Флаг»! — ответил третий голос из маленькой легкой шлюпки, которая, незамеченная, приблизилась к тендеру, идя прямо от скал.

— «Флаг»? — переспросил Болтроп, в изумлении опуская рупор. — Не слишком ли это большое слово для такой маленькой посудины? Сам Джек Мэпли не произнес бы его более гордо. Сейчас я узнаю, кто так лихо подходит к трофею американского военного корабля! Эй, на шлюпке! На шлюпке, говорю я!

Эти слова, сказанные отрывистым, угрожающим тоном, должны были означать, что тот, кто окликал шлюпку, вовсе не расположен шутить. Поэтому сидевшие на веслах гребцы одновременно подняли весла, словно испугавшись, что за окликом немедленно последуют более сильные средства выяснения истины. Человек на корме, как было видно, при втором оклике вздрогнул и, словно что-то внезапно припомнив, спокойно сказал:

— Нет... нет!

— «Нет... нет» и «флаг» — это совершенно разные ответы, — проворчал Болтроп. — Кто это сидит у вас в шлюпке?

Он все еще продолжал что-то бормотать, когда шлюпка медленно подошла к борту и с ее кормовой банки на палубу тендера поднялся лоцман.

— Это вы, мистер лоцман? — удивился штурман, поднося боевой фонарь на расстояние фута к лицу прибывшего и вглядываясь с тупым недоумением в его гордое и вместе с тем гневное лицо. — Это вы! А я-то считал вас более опытным и никак не мог предположить, что вы подойдете в темноте к военному кораблю с таким словом, когда на обоих судах не найдется ни одного юнги, который бы не знал, что мы никогда не носим в чужих водах флага с раздвоенным концом! «Флаг, флаг»! Будь здесь солдаты, вы могли бы попасть под пули.

Лоцман бросил на него еще более разгневанный взгляд и, не удостоив бедного штурмана ответом, отвернулся и направился на самую корму судна. Болтроп еще некоторое время с презрением смотрел ему вслед, но прибытие шлюпки, которую он окликнул первой (это был командирский катер), немедленно отвлекло его внимание.

Барнстейбл, блуждая по морю, долго искал тендер, и, вынужденный сдерживаться в присутствии своих пассажирок, он достиг «Быстрого» далеко не в лучшем расположении духа. Полковник Говард и его племянница в течение всего переезда хранили глубокое молчание: первый — из гордости, а вторая — из-за явного неудовольствия своего дядюшки. Также и Кэтрин, ликуя в душе по поводу столь успешного завершения всех ее планов, все же решила подражать им хоть на некоторое время для соблюдения приличий. Барнстейбл несколько раз обращался к ней, но она отвечала очень кратко, стараясь лишь не обидеть своего возлюбленного. При этом она всем своим поведением ясно давала понять, что предпочитает молчание. Поэтому лейтенант, после того как он помог дамам подняться на борт тендера и предложил такие же услуги полковнику Говарду, который их холодно отверг, отошел с раздражением, свойственным военным морякам ничуть не в меньшей мере, чем всем другим людям, и сорвал свое дурное настроение на тех, с кем мог себе это позволить.

— Что это значит, мистер Болтроп? — закричал он. — Подошла шлюпка с дамами, а вы держите гафель поднятым так, что подветренная шкаторина паруса натянута,

как скрипичная струна! Сейчас же потравите деррик-фал [1], сэр!

— Есть, сэр! — проворчал штурман. — Эй, там, потравите фал! Судно и так не продвинется вперед на десятую часть кабельтова за целый месяц, когда у него все кливера обтянуты! — Сопровождаемый кротким священником, он с угрюмым видом удалился на бак, добавив: — Я бы скорее мог ожидать, что мистер Барнстейбл привезет с собой живого быка, чем эти юбки! Один бог ведает, что станется теперь с фрегатом! И так мы не знали, куда деваться от всех этих треуголок и прочих пряжек, а теперь эти женщины с их картонками превратят наш фрегат в настоящий Ноев ковчег! Удивительно, как это они не поднялись на борт в карете, запряженной шестеркой лошадей, или, по крайней мере, в одноконном фаэтоне!

Барнстейблу, по-видимому, доставляло большое облегчение изливать свою досаду на других, потому что он еще несколько минут то и дело посылал матросов производить различные манипуляции во всех частях судна, а торопливая смена этих приказаний не столько свидетельствовала об их необходимости, сколько о раздраженном состоянии лейтенанта. Однако вскоре ему пришлось уступить командирские обязанности Гриффиту, прибывшему в тяжело нагруженной шлюпке фрегата, в которой находилось большинство моряков, принимавших участие в экспедиции на берег. Быстро прибывали шлюпка за шлюпкой, и вскоре весь отряд благополучно очутился на тендере под сенью своего национального флага.

Маленькая каюта «Быстрого» была отдана в распоряжение полковника Говарда, его воспитанниц и их служанок.

Шлюпки, каждая под управлением своего рулевого, стали на буксир за кормой тендера, и Гриффит отдал приказание вступить под паруса и выходить в открытое море. Больше часа тендер шел этим курсом, грациозно скользя по сверкающим волнам, плавно поднимаясь и опускаясь на их гладких склонах, словно сознавал, какой необыкновенный груз находится у него на борту. Затем он снова был повернут против ветра и лег на дрейф в ожидании рассвета, когда легче станет обнаружить местонахождение

---

[1] Деррик-фал — снасть для подъема гафеля.

фрегата, для которого он выполнял лишь скромную обязанность посыльного судна. На небольшом тендере собралось более ста пятидесяти человек, и во мгле казалось, что палуба его усеяна человеческими головами.

Экспедиция была завершена, опасность осталась позади, поэтому над безмолвным морем слышались не сдерживаемые начальством шутки и смех бесстрашных моряков. Веселая чарка ходила из рук в руки, и возбужденные матросы посылали грозные проклятия на голову врага. Наконец шум постепенно утих, и бóльшая часть матросов спустилась в трюм в поисках места для отдыха, как вдруг над волнами полилась любимая песня моряков. Ее затянул красивый, мужественный голос, потом подхватили другие. Песня сменялась песней, пока усталость не сморила моряков. Вместо песен кое-где еще слышны были отдельные куплеты и отрывочные строки. Но вскоре палубы покрылись спящими людьми, и, пока, убаюканные корабельной качкой, они вкушали покой под открытым небом, сонные грезы, быть может, уносили их в другое полушарие. Сомкнулись и темные глаза Кэтрин, и даже Сесилия, склонив голову на плечо кузины, спала мирным, невинным сном. Болтроп ощупью пробрался среди спящих матросов в трюм, где, сбросив одного из счастливчиков с койки, сам устроился на пей, нисколько не заботясь о том, кого он согнал. Это холодное равнодушие к чужим удобствам выработалось у него с годами, начиная с первых лет службы, когда с ним обращались так же «рыцарственно». Одна голова за другой опускалась на корабельные доски, на оружие, на все, что могло служить подушкой, и только Гриффит с Барнстейблом продолжали бодрствовать, расхаживая в надменном молчании по разным сторопам шканцев.

Никогда еще ночпая вахта не казалась столь долгой этим молодым морякам, лишенным из-за своей ссоры и неумеренной гордости откровенной и дружеской беседы, которая вот уже много лет скрашивала утомительные часы их долгого и часто унылого бдения. И, словно чтобы увеличить их замешательство, как раз в тот час, когда самый глубокий сон овладел усталыми моряками, из душной, переполненной людьми каюты на палубу подышать свежим воздухом вышли Сесилия и Кэтрин. Они стояли, опершись на поручни и перебрасываясь тихими, отрывистыми фразами. Но, зная о ссоре между своими

возлюбленными, они инстинктивно воздерживались от лишнего взгляда или жеста, который один из молодых людей мог бы счесть за приглашение подойти, что́ еще более рассердило бы другого. Десятки раз горячего Барнстейбла охватывало искушение забыть о невидимой преграде и приблизиться к своей возлюбленной, но его неизменно останавливало сознание своей ошибки, а также привычное уважение к старшему по должности, которое становится неотъемлемой особенностью характера морского офицера. Что же касается Гриффита, то он не проявлял намерения воспользоваться безмолвной уступкой товарища и продолжал молча ходить по шканцам более быстрыми, чем всегда, шагами, то и дело бросая нетерпеливые взгляды на ту часть неба, где можно было ожидать первых признаков зарождающегося дня. Наконец Кэтрин со свойственной ей изобретательностью и, возможно, даже скрытым кокетством прервала это неловкое положение, обратившись к возлюбленному своей кузины:

— Сколько времени нам суждено просидеть в такой тесной каюте, мистер Гриффит? — спросила она. — Право, вашим морским обычаям присуща вольность, которая, чтобы не сказать большего, не пристала нам, женщинам, привыкшим жить немного дальше от мужчин!

— Лишь только рассветет и мы увидим фрегат, мисс Плауден, — ответил он, — вас переведут с судна в сто тонн на судно водоизмещением в тысячу двести тонн. Если же вы найдете условия и там менее удобными, чем в стенах вашего дома, то не забудьте, что те, кто живет в море, считают своей заслугой пренебрежение к комфорту, обычному на берегу.

— По крайней мере, сэр, — заметила Кэтрин с приветливой улыбкой, которой она умела пользоваться, когда находила это нужным, — то, чем нам предстоит наслаждаться, будет украшено свободой и гостеприимством моряков... Что касается меня, Сесилия, то я нахожу, что морской ветер так свеж и здоров, будто он веет из нашей далекой Америки!

— Если вам не дана мужественная рука патриота, мисс Плауден, — смеясь, заметил Гриффит, — вы, по крайней мере, обладаете самым патриотическим воображением. Этот мягкий бриз дует с голландских болот, а не с широких равнин Америки... Слава богу, наконец по-

казалась заря! Если только течение не отнесло фрегат к северу мы непременно увидим его на рассвете.

Это приятное известие заставило прекрасных кузин обратить взоры к востоку, и они долго любовались великолепным зрелищем солнечного восхода над морем. Незадолго до рассвета окружающий мрак стал еще гуще, и в небе блестящими огненными точками засверкали звезды. Но вот над горизонтом забрезжила полоса бледного света; она становилась все ярче, ширилась с каждой минутой, и там, где прежде ничего не было видно, кроме смутного основания свода, нависшего над темными водами, протянулись длинные перистые облака. Полоса света, сначала казавшаяся лишь серебристым окном в небе, понемногу окрасилась в нежно-розовый цвет. Она алела, разгоралась, и вскоре широкий пояс густого пламени охватил весь восток, бледнея лишь ближе к зениту, где он сливался с жемчужным небом или переменчивым светом играл в легких причудливых облаках. И, в то время как восхищенные зрители любовались этой игрой красок, над ними, словно с небес, раздался голос:

— Парус! Прямо по носу фрегат, сэр!

— Видим, видим! Ты, наверно, смотрел только одним глазом, а другой у тебя в это время спал, — ответил Гриффит, — не то ты предупредил бы нас раньше!.. Взгляните немного севернее того места, где поднимается солнце, мисс Плауден, и вы увидите наш красавец фрегат!

Невольный крик восторга сорвался с губ Кэтрин, когда она, следуя указаниям Гриффита, в переливах утренних красок увидела гордый корабль. Широкий простор ленивого моря, то вздымающегося, то опускающегося на светлой границе неба, не мог отвлечь взора, обращенного на одинокий фрегат. Он медленно шел по волнам,

неся только два паруса. На утреннем небе черными штрихами вырисовывались его высокие мачты и тяжелые реи; и даже самые тонкие тросы в лабиринте его оснастки были выписаны от начала до конца с картинной четкостью. Временами, когда на фоне неба поднимался его огромный корпус, можно было рассмотреть форму и размеры судна. Но оно тотчас опускалось, и снова были видны только его реи, грациозно наклоненные к воде, словно они собирались вслед за корпусом опуститься в пучину моря. По мере того как становилось светлее, иллюзия предрассветных красок исчезала, и к тому времени, когда должны были брызнуть первые лучи солнца, фрегат был уже хорошо виден на расстоянии мили от тендера. Теперь его черный корпус пестрел орудийными портами, а высокие наклонные мачты приняли свои настоящие размеры и оттенки цвета.

Лишь только раздался крик: «Парус!» — резкий свисток боцманской дудки разбудил весь экипаж «Быстрого», и не успели еще молодые девушки налюбоваться тем, как утро гнало с небосвода ночь, тендер уже вновь пришел в движение, направляясь к фрегату. На мгновение девушки испугались: им показалось, что фрегат раздавит маленькое судно, которое действительно подошло очень близко к подветренному борту огромного корабля, чтобы Гриффит мог побеседовать со своим престарелым командиром.

— Очень рад вас видеть, мистер Гриффит! — воскликнул капитан, который стоял на корме корабля и махал шляпой в знак сердечного приветствия. — С возвращением вас, капитан Мануэль!.. С возвращением, ребята! Я ждал вас с таким нетерпением, с каким ждут бриза в тихую погоду! — Но, окинув взглядом палубу «Быстрого», он заметил испуганных девушек, и тень неудовольствия скользнула по его лицу, когда он продолжал: — Что это такое, джентльмены? Фрегат, принадлежащий конгрессу, не танцевальная зала и не церковь, чтобы на нем толпились женщины.

— Вот-вот, — пробормотал Болтроп, обращаясь к своему приятелю священнику, — теперь старик покажет свою бизань: вы увидите, что он умеет приводиться к ветру. Он разражается бурей не чаще, чем пассаты меняют свое направление, то есть раз в полгода. Но уж когда ему что-либо придется не по нраву, ждите хорошего шторма!

А ну-ка, послушаем, что ответит первый лейтенант в защиту этой знати в юбках.

Даже на окрашенном пламенем небе не было такого багрянца, какой залил красивое лицо Гриффита, но, преодолев возмущение, он ответил с подчеркнутой выразительностью:

— Мистер Грэй пожелал привезти пленников, сэр.

— Мистер Грэй? — повторил капитан, и с лица его немедленно сошли все признаки неудовольствия. — Подойдите, сэр, ближе к фрегату, а я прикажу приготовить трап, чтобы принять на борт наших гостей!

Болтроп с удивлением заметил быструю перемену в тоне капитана и, многозначительно покачав головой, как человек, который проник в тайну глубже, чем его соседи, заметил:

— Вы, наверно, думаете, что, будь у вас в руках календарь, вы могли бы сказать, куда подует ветер на следующий день? Нет, черт возьми, и лучшие предсказатели, чем вы, тут ошибутся! Потому что стоит этому болвану... нет, он опытный моряк, это я должен признать... стоит лоцману сказать: «Взять с собой женщин», — и корабль будет так забит бабьем, что человеку придется половину свободного времени заниматься только своими манерами. Помяните мое слово, эта история обойдется конгрессу недешево — парусина для ширм будет стоить годового жалованья матроса первой статьи, да прибавьте к этому износ бегучего такелажа из-за частой уборки парусов, чтобы женщины при каждом шквале не закатывали истерику!

Присутствие мистера Болтропа потребовалось на другом конце тендера, и его собеседник был лишен возможности выразить несогласие с мнением своего грубого приятеля, ибо священник, как и все другие члены экипажа, кроме тех, кого привычка и косность мысли превратили в безнадежных ворчунов, не остался равнодушен к прелести новых спутниц.

Как только «Быстрый» лег в дрейф носом к фрегату, длинная вереница шлюпок, которые он вел ночью на буксире, подошла к его борту и наполнилась людьми. Ряд сцен необузданного веселья разыгрался, когда матросы переходили с тесного тендера на привычную для них палубу фрегата. Строгая дисциплина была несколько ослаблена. Громкий смех передавался эхом со шлюпки

на шлюпку, по мере того как они одна за другой подходили к кораблю. Грубые шутки, хохот и дружеская брань висели в воздухе. Впрочем, весь этот гам вскоре утих. Переход полковника Говарда и его воспитанниц на борт фрегата происходил, правда, с меньшей стремительностью, зато с полным соблюдением этикета. Капитан Мансон после краткого совещания с Гриффитом и лоцманом принял этих неожиданных гостей с незатейливым радушием моряка и с явным желанием быть с ними учтивым. Он отвел им две удобные каюты и предложил пользоваться, когда им будет угодно, своим салоном.

Глава XXXIII

Яро бьется он с врагами,
Яро он теснит их рать.
Но от ран рука слабеет.
С тысячью не совладать.

Испанская военная песня

Мы не будем задерживать наше повествование, подробно описывая, с каким восторгом встретили моряки, остававшиеся на судне, рассказы о подвигах их более удачливых товарищей, которые со славой вернулись из экспедиции на берег. Почти час не прекращались шум и хохот во всех отсеках фрегата, и офицеры были снисходительны к этим крикам и веселью. Но после завтрака все пришло в порядок, люди успокоились, была установлена обычная вахта, и бóльшая часть тех, кому, по их обязанностям, не требовалось находиться на палубе, поспешили воспользоваться досугом, чтобы вознаградить себя за недостаток сна в минувшую ночь. На фрегате, однако, не делалось никаких приготовлений для продолжения плавания, хотя младшие офицеры заметили, что капитан, первый лейтенант и загадочный лоцман вели между собой долгую и серьезную беседу, которая, по-видимому, должна была решить, куда направится фрегат. Лоцман не раз кидал тревожные взгляды на восток, внимательно изучая горизонт в подзорную трубу, а затем нетерпеливо переводил глаза на густой туман, который, как дым, стлался над морем с южной стороны. К северу и вдоль берега воздух был чист, а на море не было видно

ни единой точки, но на востоке еще с рассвета появился маленький белый парус, который постепенно рос над водой и принимал очертания судна значительной величины. Все офицеры на шканцах поочередно рассматривали этот далекий парус и высказывали свое мнение относительно назначения и характера судна. Даже Кэтрин, которая вместе с кузиной наслаждалась свежим воздухом и любовалась морскими видами, попробовала разглядеть в трубу этот неизвестный корабль.

— Это угольщик,— сказал Гриффит. — Он, наверно, во время последнего шторма ушел подальше от берега и сейчас снова стал на прежний курс. Если ветер с юга не переменится и туман не скроет его от нас, мы можем подождать его здесь и, раньше чем пробьет восемь склянок, пополнить свои запасы.

— Мне кажется, что он держит курс на север, — задумчиво заметил лоцман. — Если нарочный, посланный Диллоном, успел добраться до нужного места, там уже подняли тревогу, и нам следует быть начеку. Балтийский конвой сейчас находится в Северном море, поэтому известие о нашем пребывании здесь легко может быть передано одним из судов береговой охраны. Хорошо бы нам уйти к югу хоть до самого Хелдера...

— Но тогда мы потеряем попутное течение! — нетерпеливо воскликнул Гриффит. — Нам обязательно нужно выслать в дозор тендер. Кроме того, войдя в туман, мы потеряем противника, если это действительно противник. А пристало ли американскому фрегату прятаться от неприятеля?

Презрительное выражение, которое мелькнуло во взоре лоцмана подобно лучу солнца, осветившему на мгновение темную лощину и обнажившему ее тайны, тотчас угасло в обычном его спокойствии. Но, прежде чем ответить, он еще поколебался, словно борясь с собой.

— Если того требуют благоразумие и польза Соединенных Штатов, даже гордый фрегат должен отступить и укрыться от самого слабого из своих врагов. Мой совет, капитан Мансон, — поставить паруса и выходить на ветер, а тендер, как предложил мистер Гриффит, выслать вперед, с тем чтобы он держался ближе к берегу.

Старый капитан, который до сих пор не отдавал приказаний лишь потому, что дожидался советов лоцмана, немедленно велел своему молодому помощнику распоря-

диться об исполнении этих маневров. Итак, «Быстрый», отданный под командование самому младшему из офицеров фрегата, поставил паруса, легко двинулся против ветра и, войдя в полосу тумана, скрылся из виду. Тем временем на фрегате тоже начали ставить паруса, но делали это медленно, не желая будить свободных от вахты матросов. Через несколько минут фрегат тяжело двинулся вперед, пользуясь слабым ветром и идя в крутой бейдевинд за своим маленьким спутником.

После суеты, неизбежной при постановке парусов, на корабле наступила обычная тишина. Когда лучи солнца стали падать менее косо на далекий берег, до Гриффита донеслись восклицания Кэтрин и Сесилии, которые тщетно пытались узнать округленные холмы, лежавшие вблизи их прежнего дома. Барнстейбл, снова вступивший в свою прежнюю должность второго лейтенанта фрегата, шагал по противоположной стороне шканцев, держа под мышкой рупор, который должен был означать, что молодой человек находится на вахте, и внутренне проклиная обстоятельства, не позволявшие ему приблизиться к возлюбленной. И в эту минуту всеобщего спокойствия, когда не слышно было ничего, кроме тихих разговоров да плеска волн, лениво ударявших о борт корабля, в тумане грянул выстрел легкой пушки и прокатился по ветру мимо фрегата, эхом отзываясь в волнах.

— Это тендер! — воскликнул Гриффит, как только раздался выстрел.

— Не может быть, — ответил капитан. — Сомерс не настолько безрассуден, чтобы палить из пушек, когда ему приказано идти, соблюдая тишину!

— Это не пальба вхолостую, — заметил лоцман, стараясь пронизать взглядом туманную мглу. Но вскоре он разочарованно отвернулся, ничего не увидев. — Пушка была заряжена ядром, и выстрел означал какой-то сигнал. Вахтенные ничего не видят, мистер Барнстейбл?

Лейтенант окликнул марсового и спросил, не видит ли он чего-нибудь с наветренной стороны, но матрос ответил, что за туманом ровно ничего не видно, а парус на востоке — это судно, идущее в бакштаг[1] или фордевинд. Услышав это, лоцман с сомнением покачал головой, но продолжал настаивать на том, чтобы идти дальше к югу.

[1] Бакштаг — курс, при котором ветер дует сзади и несколько сбоку.

В ту минуту, как он снова отвел в сторону командира фрегата, чтобы еще раз с ним посоветоваться, раздался второй выстрел. Теперь уже не приходилось сомневаться, что стреляет «Быстрый», стараясь привлечь их внимание.

— Быть может, — сказал Гриффит, — он извещает нас о своем местонахождении или желает уяснить себе наше. Он, может быть, думает, что мы, как и он, заблудились в тумане.

— У нас есть компасы! — возразил капитан. — Нет, Сомерс, конечно, пытается что-то сообщить нам.

— Взгляните! — с детской радостью воскликнула Кэтрин. — Взгляните, кузина, взгляните, Барнстейбл! Какими кудрявыми облаками клубятся водяные пары над дымчатой полосой тумана! Они поднимаются высоко к небу, как величественные пирамиды!

— «Пирамиды из тумана!» «Кудрявые облака!» — повторил Барнстейбл, легко вскочив на пушку. — Боже мой, — воскликнул он, — да это высокобортное судно под всеми парусами! Оно находится в миле от нас и мчится с попутным ветром, как скаковая лошадь. Теперь мы знаем, почему Сомерс так разговорился в тумане!

— А вот и «Быстрый» выходит из тумана, направляясь к берегу! — закричал Гриффит.

— Под таким облаком парусов должен идти крупный корабль, капитан Мансон, — спокойно сказал лоцман, внимательно глядя вперед. — Пора, джентльмены, увалиться под ветер.

— Что? Прежде чем мы узнаем, от кого бежим? — вскричал Гриффит. — Клянусь жизнью, у короля Георга нет ни одного судна, которое не устало бы раньше, чем окончит партию в кегли с нами, и я...

Суровый взгляд лоцмана укротил пыл молодого человека, и тот замолчал, хотя душа его пылала негодованием.

— Тот же взор, который заметил паруса над туманом, мог бы разглядеть вице-адмиральский флаг, реющий еще выше в небе, — хладнокровно сказал лоцман. — Англичане, хотя они и делают много ошибок, все же не настолько глупы, чтобы дать в военное время офицеру такого чина под команду всего один фрегат или назначить простого капитана командовать целым флотом. Они умеют ценить тех, кто проливает кровь за их страну, поэтому Англии и служат с таким усердием! Поверьте мне,

капитан Мансон, этот флаг и многочисленные паруса означают не что иное, как линейный корабль!

— Увидим, сэр, увидим! — ответил старый моряк; поведение которого, по мере того как опасность усиливалась, становилось все более решительным. — Прикажите бить боевую тревогу, мистер Гриффит! У этих берегов мы можем встретить только неприятеля.

Гриффит отдал необходимые распоряжения, а затем, значительно умерив свой пыл, заметил:

— Если мистер Грэй прав, нам остается только благодарить бога за легкость нашего фрегата на ходу.

Известие о том, что поблизости находится неприятельское судно, уже разнеслось по всем отсекам фрегата. Поэтому, как только загремела барабанная дробь, матросы вскочили с коек и, свернув их в длинные плотные свертки, выбежали на палубу, где ловко уложили их в ряд на бортовые сетки, чтобы лучше предохранить верхние части судна. Пока шли эти приготовления, Гриффит что-то тихо сказал Мерри, который тотчас исчез, уводя дрожащих кузин в наиболее безопасное место, то есть в самый глубокий трюм.

Привели в боевую готовность пушки. Сняли лишние переборки, освободили от мебели командирский салон. Палубные орудия расставили в один непрерывный ряд, образовав грозную морскую батарею, которая по первому сигналу готова была открыть огонь. Открыли ящики с оружием, вывалили на палубу пики, тесаки, пистолеты и прочее необходимое для абордажа снаряжение. Одним словом, с готовностью и ловкостью, поистине удивительными, выполнили необходимые приготовления к бою, хотя со стороны все это могло показаться лишь путаницей и суматохой — настоящим вавилонским столпотворением на корабле. Через несколько минут все было окончено, не стало слышно даже голосов матросов, которые умолкли, как только закончились перекличка и размещение по постам. Наступила гробовая тишина, и, когда Гриффит или командир отдавали приказания, они могли говорить даже тише и спокойнее, чем обычно. Курс корабля изменили: он шел теперь под углом к курсу противника, хотя до последней минуты тщательно старались не показать своего намерения уйти от неприятеля. Поскольку все приготовления были закончены, взоры людей теперь были устремлены на огромные надутые паруса, которые, как

облако за облаком, поднимались из тумана, направляясь к северу. Но вот сразу раздвинулась в стороны нависшая над морем пелена густого тумана, и из нее выступил бушприт, а затем и остальной рангоут неизвестного корабля, несущий огромные паруса, против которых мачты казались лишь хрупкими прутьями. Еще с минуту пары тумана цеплялись за реи плавучего гиганта, но быстроходный корабль очень скоро стряхнул их с себя, и тогда перед взорами наших моряков предстал весь его огромный черный корпус.

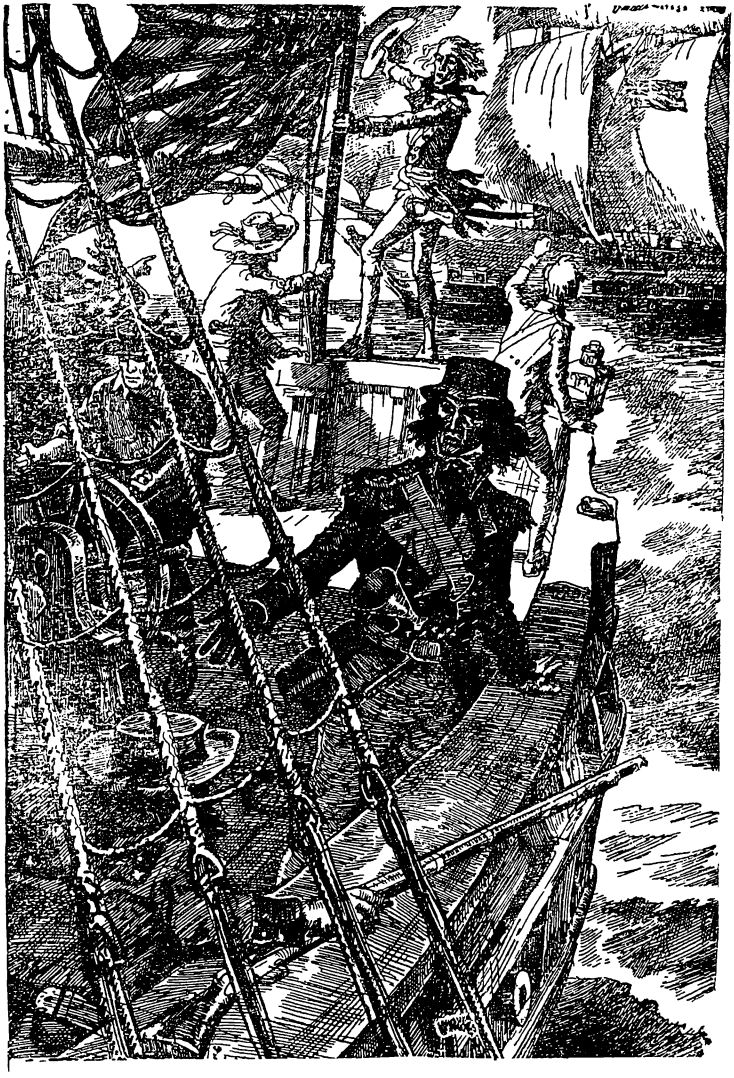
— Один, два... три ряда зубов! — сказал Болтроп, подсчитывая ряды пушек, ощетинившихся вдоль бортов. — Трехпалубное судно! Сам Джек Мэнли показал бы корму перед таким молодцом, и даже шотландский пират бежал бы от него.

— Держать по ветру! — крикнул капитан Мансон. — Когда неприятель в четверти мили от нас, медлить нельзя! Пошлите всех наверх, мистер Гриффит. Распорядитесь поднять все паруса, от клотика до нижних лиселей. Скорее, сэр, скорее!.. Уваливайся больше под ветер, рулевой! Уваливайся, будь ты проклят!

Необычайная суровость старого командира подействовала на команду, как зов из морских глубин, и они, не ожидая привычных сигналов боцмана и барабанщика, сами бросились от орудий на помощь тем, кто поднимал паруса. Снова минута суматохи, которая неопытному глазу показалась бы полным нарушением порядка на корабле, где все руки и языки пришли в движение. Но вот раскрылись глубокие складки легкой парусины, и она взвилась по всей линии мачт фрегата в дополнение к обычным парусам, широко нависая над водой по обеим сторонам судна. Минута бездействия сменила единодушные усилия, и ветер, который подгонял трехпалубный корабль неприятеля, заиграл также в парусах фрегата. Ход последнего ускорился, и он начал заметно выигрывать расстояние у своего опасного противника.

— Поднимается туман! — воскликнул Гриффит. — Если ветер продержится еще час, мы уйдем от англичанина дальше чем на пушечный выстрел!

— Эти девяностопушечные корабли очень легки на ходу, — тихо сказал капитан, чьи слова предназначались только для первого лейтенанта и лоцмана. — Нам предстоит борьба!



Среди грохота послышался голос капитана Мансона, который рукой указывал, куда следовало держать.

Пристально следя за всеми движениями неприятельского корабля, лоцман сказал:

— Он заметил, что мы хотим уйти от него, и готовится к бою. Наше счастье, если нас минует его залп!.. Немного отклонитесь от курса, мистер Гриффит. Легонько поверните руль... Если он накроет нас своим огнем, мы погибли!

Капитан с легкостью юноши вскочил на борт и тотчас убедился в справедливости догадки лоцмана.

Еще несколько минут оба судна шли полным ходом, внимательно присматриваясь друг к другу, словно два искусных бойца. Иногда английский корабль чуть отклонялся от курса, а когда замечал, что его маневр разгадан, вновь осторожно менял направление. Наконец он сделал внезапный решительный поворот, и американцам стало ясно, с какой стороны ожидать нападения. Капитан Мансон молча — в эту минуту слова не были нужны, — выразительным жестом указал Гриффиту направление, которым должен был идти фрегат, чтобы избежать грозной опасности. Оба судна сделали поворот, обратив носы к берегу, и представший перед фрегатом черный борт огромного трехпалубного линейного корабля с тремя ярусами батарей изрыгнул поток огня и дыма с таким страшным ревом, что за ним уже не был слышен угрюмый рокот спящего океана. Даже самые храбрые на фрегате содрогнулись, когда на них обрушилась эта лавина чугуна, и взоры всех в тупом оцепенении следили за быстрым полетом страшных разрушительных снарядов. Но вот среди грохота послышался голос капитана Мансона, который рукой указывал, куда следовало держать.

— Навстречу ему! Поворачивайте навстречу! Навстречу, мистер Гриффит, навстречу!

Гриффит настолько предвидел это приказание, что уже велел встать на прежний курс, но, пораженный страшным выкриком капитана, он повернул голову и увидел, что почтенный моряк взлетел на воздух, причем рука его все еще махала шляпой, волосы развевались по ветру, а в глазах уже отразилось сознание смерти.

— О боже! — воскликнул молодой человек, бросаясь к борту, где он успел лишь увидеть, как исчезло в окрашенных кровью волнах безжизненное тело командира. — В него попало ядро! Спустить шлюпку на воду! Спустить катер, «Тигра», что угодно...

— Это бесполезно, — прервал его спокойный низкий голос лоцмана. — Он умер как солдат и будет спать в могиле, достойной моряка! Фрегат снова катится на фордевинд, и противник тоже приспускается под ветер.

После этих слов, оторвав взгляд от кровавого пятна на волнах, которое осталось за кормой, молодой лейтенант усилием воли овладел собой и вернулся к исполнению своих обязанностей, с должным спокойствием приняв на себя командование кораблем.

— У нас сорвало часть бегучего такелажа, — доложил штурман, который не отрывал взгляда от рангоута и снастей судна. — И от грот-стеньги отлетел такой кусок, что из него впору сделать целый шлагтов![1] Да и сквозь паруса кое-где видно небо, но в целом шквал прошел, причинив не так уж много вреда... Я слышал, что капитана Мансона порядком прищемило ядром?

— Он убит! — ответил Гриффит, голос которого все еще был хриплым от волнения. — Его выбросило за борт, сэр! Поэтому нам должно приложить еще больше усердия в эту тяжкую минуту.

— Убит! — удивленно повторил Болтроп, перестав катать во рту табачную жвачку. — И погребен в море! Что делать, могло быть и хуже. Будь я проклят, если не думал, что на всем фрегате не останется ни одной целой планки!

С этим утешительным замечанием штурман медленно удалился и начал весьма толково распоряжаться починкой повреждений. Этот человек, несмотря на грубый нрав, был незаменим на своем посту.

Не успел еще Гриффит обрести полное душевное равновесие, столь необходимое в новой должности, которая была возложена на него при таких неожиданных и ужасных обстоятельствах, как вдруг кто-то слегка тронул его за локоть. Это был лоцман, незаметно приблизившийся к нему.

— Неприятель, по-видимому, удовлетворен достигнутым, — сказал он. — А так как мы гораздо легче на ходу, ему теперь уже довольно трудно повторить то же самое. Капитан должен это понимать, если он настоящий моряк.

— И все же, если он заметит, что мы так быстро уходим от него, — возразил Гриффит, — он поймет, что един-

[1] Шлагтов — брус, служащий для скрепления отдельных частей составной мачты.

ственная его надежда — это сбить у нас снасти. Боюсь, он снова пойдет бейдевинд, и тогда мы опять окажемся у него под бортовым залпом. Вот если бы он постоял так с четверть часа на месте, мы бы успели скрыться!

— Он ведет с нами более верную игру. Разве вы не заметили, что судно, которое мы оставили восточнее, — фрегат? Они, несомненно, принадлежат к одной эскадре. Нарочный успел пустить их по нашему следу. Английский адмирал сначала растянул боевую линию, мистер Гриффит, а теперь он собирает свои корабли, чтобы обеспечить себе выгодную игру.

До сих пор Гриффит все внимание сосредоточивал на линейном корабле, но после первых же слов лоцмана, сказанных холодным тоном, но с полным сознанием приближающейся опасности, лейтенант взял у него подзорную трубу и сам начал рассматривать видневшиеся вдали корабли. Опытный офицер, флаг которого развевался над парусами трехпалубного линейного корабля, несомненно, заметил критическое положение фрегата и рассуждал точно так, как рассуждал лоцман, иначе он применил бы то страшное средство, которого так боялся Гриффит. Благоразумие, однако, подсказало ему, что он должен отрезать американскому фрегату всякий путь отступления, наседая на него сзади и не давая ему сделать поворот, чтобы проскользнуть между линейным кораблем и фрегатом эскадры и уйти в открытое море. Несведущий в морском деле читатель лучше поймет всю опасность положения американцев, если проследит за опытным взором Гриффита, осматривающего горизонт. На западе находился берег Англии, вдоль которого поспешно пробирался «Быстрый», не выпуская из виду своего союзника и в то же время избегая опасного соседства с могучим неприятелем. К востоку по правому борту американского фрегата находилось судно, которое они заметили первым. Теперь уже было ясно видно, что это военный корабль; он быстро шел на сближение с американцами. А на северо-востоке виднелось еще одно судно, пока еле различимое, но человек, осведомленный в приемах морского боя, не мог ошибиться относительно его намерений.

— Мы окружены со всех сторон, — сказал Гриффит, опуская подзорную трубу. — Не лучше ли всего нам направиться в сторону берега и, доверившись ветру, попытаться пройти под бортом флагмана?

— Но что, если у нас после этого вместо парусов останутся одни тряпки? — возразил лоцман. — Нет, сэр, на это рассчитывать нельзя. В десять минут наш фрегат был бы гол до палубы. Если бы не благоприятная нам волна, от которой многие ядра отразились вверх, неизвестно, что сталось бы с нами и после первого залпа. Мы должны держаться прежнего курса и оставить флагман как можно дальше за собой.

— А фрегаты? — спросил Гриффит. — Что нам делать с фрегатами?

— Сражаться! — тихо, но решительно ответил лоцман. — Вести с ними бой! Молодой человек, мне приходилось биться под звездно-полосатым флагом и в более трудных обстоятельствах — и всегда с честью! Думаю, и сейчас удача не покинет меня.

— Нам предстоит целый час отчаянного боя!

— Вероятно, так. Но мне случалось проводить целые дни в кровавых боях. И вы тоже, мне кажется, не спасуете перед лицом врага.

— Позвольте мне назвать ваше имя перед экипажем! — воскликнул Гриффит. — Оно одно стоит многих в такую минуту и поднимет дух матросов.

— Не нужно, — решительным жестом остановил его лоцман. — Я хочу, чтобы обо мне узнали в более достойной обстановке. Я разделю с вами опасность, но не хочу лишать вас и крупицы славы. Впрочем, если дело дойдет до абордажа, — добавил он с гордой улыбкой, — я сам объявлю свое имя! Оно послужит боевым кличем, и поверьте мне, англичане дрогнут, услышав его!

Гриффит подчинился воле лоцмана и, после того как они обсудили дальнейшие действия, снова сосредоточил все внимание на управлении судном. Отойдя от лоцмана, он увидел полковника Говарда. С решительным и надмен-

ным видом он шагал по шканцам, предвкушая торжество англичан, которое казалось ему теперь несомненным.

— Боюсь, сэр, — сказал молодой человек, почтительно приближаясь к нему, — что вскоре палуба покажется вам неприятным и опасным для прогулок местом. Ваши воспитанницы...

— Не произносите таких слов, как «опасность»! — перебил его полковник. — Что может быть отраднее духа преданности, который доносится сюда от той плавучей крепости короля? Опасность! Вы плохо знаете старого Джорджа Говарда, молодой человек, если думаете, что он за какие угодно блага откажется посмотреть, как символ мятежа падет перед флагом его величества!

— Если таково ваше желание, полковник Говард, вы ждете напрасно, — ответил Гриффит, кусая губы и поглядывая на стоявших кругом удивленных матросов, слышавших этот разговор. — Но даю вам слово: когда придет время, вам сообщат об этом, и тогда вы своими руками совершите это низкое дело.

— А почему не сделать этого сейчас, Эдуард Гриффит? Настала минута вашего испытания — предоставьте себя великодушию английского престола и велите команде сдаться на милость короля! В этом случае я не забуду сына моего друга, а, поверьте мне, имя мое известно министрам его величества!.. И вы, заблудшие и невежественные поборники мятежа, сложи́те свое бесполезное оружие, не то вы встретите мщение сильных и победоносных слуг вашего короля!

— Назад! Назад, ребята! — яростно закричал Гриффит матросам, бросившимся с угрюмым и мстительным видом на полковника. — Если кто-нибудь из вас осмелится тронуть его, я сброшу виновного в море!

По приказу командира матросы отступили, но старик, довольный и радостный, еще долго ходил по палубе, не обращая внимания на гневные взгляды окружающих. Впрочем, скоро матросы забыли о нем.

Липейный корабль начал медленно скрываться за горизонтом, и меньше чем через час после его бортового залпа уже лишь один из его трех ярусов орудий оставался виден с палубы фрегата, но тем не менее он представлял непреодолимое препятствие для отступления к югу. Между тем корабль, замеченный первым, подошел так близко, что теперь за его маневрами можно было следить

и без помощи подзорной трубы. Это был фрегат, но значительно меньше американского. С ним было бы нетрудно справиться, если бы не два его спутника, быстро шедших к месту будущего боя. Когда началась погоня, американский фрегат находился напротив монастыря Святой Руфи, теперь же он приблизился к тем самым мелям, где начался наш рассказ. Тем временем меньшее из английских судов подошло так близко, что избежать боя стало невозможно. Но Гриффит и его экипаж тоже не оставались в бездействии: они сделали все нужные приготовления против случайностей морского сражения. Затем барабан еще раз призвал людей на места, и корабль, как призовой боец, который перед выходом на арену сбрасывает с себя верхнюю одежду, убрал лишние паруса. Заметив, что американцы отказались от мысли о бегстве и намерены сражаться, английский корабль в знак того, что принимает вызов, тоже убрал часть парусов.

— Какой малыш! — сказал Гриффит лоцману, который стоял возле него и внимательно следил за тем, как лейтенант готовится к бою. — Но смелости он не лишен.

— Мы должны уничтожить его одним ударом, — ответил лоцман. — Не велите палить, пока мы не подойдем к нему совсем близко.

— Я вижу, он уже наводит на нас свои двенадцатифунтовые пушки. Наверно, скоро мы услышим залп...

— После того как мы выдержали залп девяностопушечного корабля, — хладнокровно заметил лоцман, — мы не дрогнем перед залпом тридцатидвухпушечного.

— К орудиям! — крикнул Гриффит в рупор. — Без приказа не стрелять!

Это своевременное предупреждение было необходимо, чтобы охладить пыл артиллеристов. Едва успел Гриффит договорить свои слова, как вражеский корабль окутался огнем и клубами дыма: жерла английских пушек начали поочередно обрушивать на фрегат град ядер. Прошло минут десять... Оба фрегата продолжали сближаться, англичане не прекращали стрельбы, но американцы по приказу Гриффита все еще не отвечали ни одним выстрелом. Этот короткий промежуток времени показался морякам целой вечностью, но тем не менее в их рядах царило полное безмолвие. Даже раненые и умирающие, которые лежали в каждом отсеке, старались удержаться от стонов — так суров был дух дисциплины на этом корабле; он сказывал

ся на каждом члене экипажа и в каждом маневре судна. Офицеры отдавали приказания решительным и твердым голосом, но, по возможности, тихо. Наконец корабль медленно вошел в клубы дыма, окутывавшие противника, и Гриффит услышал, как человек, стоявший рядом с ним, прошептал: «Пора!»

— Залп! — скомандовал Гриффит голосом, который проник во все отделения корабля.

Крик, вырвавшийся из груди моряков, казалось, подбросил палубу судна, и фрегат задрожал как осиновый лист, когда его же крупные орудия, грянув разом, — а не по порядку, как обычно, ибо канониры не могли сдержать свое нетерпение, — откатились назад. Этот залп, должно быть, произвел на неприятельском судне ужасное опустошение, ибо вслед за ревом пушек воцарилась мертвая тишина, среди которой доносились лишь вопли и проклятия, как стоны осужденных душ в аду... Пока американцы снова заряжали орудия, а англичане старались оправиться от замешательства, фрегат конгресса медленно прошел мимо противника и уже огибал его нос, когда английский фрегат, оценив неравенство сил, в отчаянии направился прямо на врага. Оба корабля сошлись. Внезапный и яростный наскок англичан, выбросивших множество матросов на бушприт и в проходы вдоль борта, чуть не застиг Гриффита врасплох, но Мануэль, который одновременно с бортовым пушечным залпом начал стрелять по неприятелю из мушкетов, теперь сослужил добрую службу, приказав своим солдатам отогнать нападающих длительным огнем. Даже осторожный лоцман, разделяя общий порыв, на миг отвернулся от вражеских кораблей и обменялся с Гриффитом суровой улыбкой по поводу достигнутого успеха.

— Крепить их бушприт к нашей бизань-мачте, — скомандовал лейтенант, — и мы очистим их палубы!

Человек двадцать с радостью бросились выполнять это приказание, и одними из первых были Болтроп и лоцман.

— Теперь он в нашей власти! — крикнул штурман. — Мы теперь хозяева и можем разрубить их лохань на дрова! Ибо, клянусь богом...

— Замолчи, грубый человек! — тоном строгого порицания произнес лоцман. — Не поминай имени господа всуе, ибо через минуту ты можешь предстать перед ликом его!

Штурман, прежде чем соскочить с бушприта неприя-

тельского судна на палубу фрегата, изумленно взглянул на лоцмана, который спокойно следил за разгоравшейся вокруг него битвой, как будто уже заранее обеспечил результат, и только глаза его горели воинским пылом.

Грозный вид англичан и их воинственные крики воспламенили дух полковника Говарда. Протолкавшись к борту корабля, он ободрял своих друзей и звал их вперед.

— Замолчи, старый ворон! — крикнул штурман, хватая его за шиворот. — Убирайся в трюм, не то я прикажу выстрелить тобой из пушки!

— Сдавайся, мятежник! — закричал в ответ полковник, разгоряченный пылом сражения. — На колени! Проси пощады у оскорбленного тобой государя!

Воодушевленный минутной надеждой, старик схватился со своим жилистым противником, но исход этой короткой схватки еще не был решен, когда англичане, отброшенные огнем морской пехоты и грозным фронтом абордажников во главе с Гриффитом, отступили на бак своего корабля и попытались снова открыть огонь по противнику в ответ на смертоносные удары по корпусу их корабля из управляемой Барнстейблом пушки. Однако им удалось навести на американцев только одну пушку, заряженную картечью. Выстрел последовал с такого ничтожного расстояния, что даже пламя коснулось лиц американцев. Полковник начал уже изнемогать в объятиях своего врага, но в миг этой вспышки руки, державшие его за горло, ослабли, и оба борющихся беспомощно упали на колени, глядя друг на друга.

— Что, брат, — с угрюмой улыбкой воскликнул Болтроп, — досталось и тебе, ха!

Но полковник уже ничего не ответил, и оба они упали на палубу, где и остались беспомощные среди грохота и дикой суматохи сражения.

Пока кипела яростная битва, стихии не прекращали своей работы. Американский фрегат, увлеченный подпявшимся ветром и большой волной, был отнесен на некоторое расстояние вперед и развернут перпендикулярно к носу противника. Слабые железные и пеньковые крепления, соединявшие оба корабля, лопнули, как буксирные тросы, и Гриффит увидел, как бушприт англичанина был вырван из корпуса и упал в море. За ним постепенно начали рушиться другие части рангоута, и вскоре лишь

несколько бесполезных снастей из всего величавого такелажа висело у основания мачт. Когда американский фрегат вышел из дымового облака, в котором остался его побежденный противник, молодой человек вспомнил о других неприятельских кораблях, с которыми ему теперь предстояло сражаться, и с тревогой взглянул на горизонт.

— Мы счастливо отделались от тридцатидвухпушечного, — заметил он лоцману, который с необыкновенным интересом следил за его действиями, — но вот еще один направляется в нашу сторону. У него столько же пушек, сколько у нас, и он, по-видимому, намерен побеседовать с нами. Кроме того, девяностопушечный корабль тоже не стоит на месте. Боюсь, он скоро явится сюда!

— Мы должны воспользоваться нашими парусами, — ответил лоцман, — и ни в коем случае не сближаться со вторым фрегатом. Придется вести двойную игру, сэр: пустим в ход наши пушки, но одновременно попытаемся уйти от второго противника.

— Тогда нам нужно спешить, ибо он уже убавляет парусов и так быстро приближается к нам, что мы скоро услышим его. Что вы предлагаете, сэр?

— Пусть он забавляется со своими парусами, — ответил лоцман. — Когда он решит, что все в порядке, мы пошлем на реи сразу сотню матросов и поставим все паруса снизу доверху. Мы обгоним его в ту минуту, когда он меньше всего этого ожидает. Если только нам удастся поставить его в кильватер к нам, мы уйдем от всех.

— Погоня в кильватер — дело долгое, — согласился Гриффит. — Может быть, такой план и приведет к успеху. Очистить палубу и унести раненых вниз! А так как у нас и без того полно хлопот, все те бедняги, кто расстался с жизнью, немедленно должны отправиться за борт.

Эта печальная обязанность тотчас же была выполнена, а молодой командир фрегата между тем возвратился к своим обязанностям с сосредоточенным видом человека, сознающего всю лежащую на нем ответственность. Его занятия не помешали ему, однако, услышать, как Барнстейбл нетерпеливо подзывал к себе молодого Мерри. Обернувшись на голос, Гриффит увидел Барнстейбла, с тревожным видом высунувшегося из люка. Лицо его почернело от дыма, он был без мундира, а на рубахе видпелись пятна крови.

— Мерри, — крикнул Барнстейбл, — не ранен ли ми-

стер Гриффит? Говорят, что на шканцах одним снарядом унесло на тот свет несколько человек.

Прежде чем Мерри успел ответить, глаза Барнстейбла, проверяя состояние оснастки судна, встретились с приветливым взором Гриффита, и с этой минуты между друзьями восстановилось доброе согласие.

— А, вы здесь, Гриф, и шкура у вас, я вижу, цела! — воскликнул, радостно улыбаясь, Барнстейбл. — Бедного Болтропа положили в одну из его кладовых... Продержись их бушприт еще десять минут, я бы показал этим англичанам!

— Все, быть может, к лучшему, — заметил Гриффит. — Но что вы сделали с теми, кого мы особенно обязаны защищать?

Барнстейбл выразительным жестом указал на трюм и ответил:

— Сидят на тросах, где так безопасно, как только может быть среди дерева, железа и воды. Однако Кэтрин трижды поднималась...

В эту минуту Гриффита позвал лоцман, и молодым офицерам пришлось забыть о своих личных чувствах ради неотложных дел.

Корабль, с которым теперь предстояло сражаться американскому фрегату, был одинаковой с ним величины и с экипажем такой же численности. Внимательно оглядев его снова, Гриффит убедился, что неприятель приготовился к мужественной схватке.

Англичанин постепенно убавил парусов до нужного во время боя количества, а по некоторым движениям на его палубе лейтенант и его неотлучный помощник — лоцман поняли, что он намерен сначала уменьшить расстояние между собой и противником на несколько сот ярдов, а затем уже начать атаку.

— Теперь поставьте все паруса, какие только у вас есть, — прошептал лоцман.

Гриффит поднял рупор и голосом, который донесся даже до неприятеля, крикнул:

— Все по реям, паруса ставить! Поставить все, что можно!

Всеобщий порыв был ответом на эту команду. По меньшей мере пятьдесят человек взлетели на головокружительную высоту рей, и широкие полотнища парусов расправились вдоль мачт с такой внезапностью, что каза-

лось, будто могучая птица распустила крылья. Англичанин тотчас заметил свою ошибку и ревом артиллерии ответил на маневр противника. Гриффит с тревогой следил за действием ядер, свистевших у него над головой. Он вскрикнул от радости, убедившись, что лишь кое-где были срезаны незначительные детали оснастки, а мачты не пострадали. Однако он увидел, как несколько матросов, с судорожным отчаянием цепляясь за снасти, как раненые птицы — за ветви дерева, и падая от выбленки к выбленке, с тяжелым плеском рухнули в воду. Угрюмый фрегат с холодным равнодушием прошел мимо. В следующую минуту на мачтах и реях неприятельского корабля тоже появились матросы, отдававшие паруса, и Гриффит, снова приложив рупор к губам, громко крикнул:

— Стрелять в них! Спять их с рей! Пали в них картечью, ребята! Круши их снасти!

Услыхав приказ, артиллеристы принялись за дело с такой быстротой и усердием, что последние слова свои лейтенант произнес уже под оглушительный рев пушек. Все же лоцман недооценил ловкости и сноровки противника, ибо, несмотря на невыгодные обстоятельства, при которых англичанам приходилось ставить паруса, они быстро и точно выполнили этот маневр.

Оба корабля теперь шли параллельными курсами и с ожесточением палили из всех пушек, причиняя друг другу весьма серьезные повреждения, хотя ни той ни другой стороне не удавалось взять верх. Гриффит и лоцман с тревогой следили за этим неожиданным крушением их надежд, ибо не могли не видеть, что скорость фрегата с каждой минутой уменьшается, так как неприятельские залпы перебили некоторые снасти и сорвали часть парусов.

— В нем мы нашли достойного противника! — сказал Гриффит лоцману. — А вот и девяностопушечный! Снова он, как гора, возвышается над волнами. Если мы и дальше будем так терять паруса, он нас догонит.

— Совершенно справедливо, сэр, — заметил лоцман. — Их командиры рассудительны и смелы, он...

Его прервал прибежавший с бака Мерри. По лицу его, горевшему от возбуждения, видно было, что молодой человек намерен сообщить что-то важное.

— Буруны! — закричал он, приблизившись настолько, чтобы его можно было услышать среди шума. — Мы идем

на рябь, прямо по носу. Ближе чем в двухстах ярдах море все белое от пены.

Лоцман вскочил на пушку и, нагнувшись, чтобы проникнуть взором сквозь завесу дыма, крикнул так громко, что его было слышно среди рева канонады:

— Лево руля! Мы у Чертовых Клещей! Передайте мне рупор, сэр!.. Лево руля! Палите, ребята! Проучим гордых британцев!

Гриффит, ни секунды не колеблясь, передал ему этот символ власти, а взглянув на спокойное, хотя и напряженное лицо лоцмана, и сам обрел уверенность. Моряки были слишком заняты своими пушками и снастями, чтобы заметить новую опасность, и в самый разгар сурового боя фрегат вошел в опасный проход среди мелей. Несколько пожилых матросов обратили удивленные взоры на проплывавшие мимо полосы пены, не понимая, как море вспенилось подобным образом от неприятельских ядер. И вдруг грохот канонады сменился угрюмым ревом прибоя, и корабль, выскользнув из плотной пелены дыма, смело двинулся вперед по узкому фарватеру. Еще десять волнующих минут лоцман беспрерывно распоряжался, направляя судно через рябь и буруны, мимо полос пены и подводных рифов. Наконец он опустил рупор и воскликнул:

— То, что грозило нам гибелью, оказалось нашим спасением! Держите курс на лесистый холм, у подножия которого стоит церковь. Курс ост-норд-ост. Этим курсом мы через час минуем мели, неприятелю же придется обогнуть их, и мы тем самым выиграем у него пять миль!

Спрыгнув с пушки, лоцман в ту же минуту не только оставил властный тон, гармонировавший с его возбужденным лицом, но даже не выказывал более участия к событиям дня. Он снова был холоден и сдержан, как при прежнем общении с его нынешними товарищами. Когда миновали минуты страшной неизвестности, все офицеры фрегата бросились к тем местам, откуда удобнее было наблюдать за неприятелем. Девяностопушечный корабль продолжал отважно подвигаться вперед и уже приблизился к тридцатидвухпушечному фрегату, который был совершенно выведен из строя и превратился в игрушку волн. Фрегат, последним участвовавший в схватке, с разорванными и трепыхавшимися по ветру парусами, шел вдоль края мелей. Надломленные реи дрожали на ветру, и по всем его движениям было видно, что ему приш-

лось вдруг изменить курс перед непредвиденной преградой.

Глядя на английские корабли, американцы ликовали и горячо поздравляли друг друга. Однако и у них было много забот. Барабан пробил отбой, пушки были вновь закреплены на своих местах, раненые унесены с палубы, а всем, кто был в состоянии двигаться, было приказано заняться починкой повреждений и подкреплением мачт.

Через час корабль, как и предсказывал лоцман, благополучно миновал все опасности, которые при дневном свете были не так страшны, и к тому времени, когда начало заходить солнце, Гриффит, за весь день ни на минуту не покидавший палубы, убедился, что на судне устранены все повреждения, причиненные погоней и боем. Оно было приведено в полный порядок и готово встретить нового противника. В эту минуту ему передали просьбу священника спуститься в командирский салон. Поручив командование фрегатом Барнстейблу, который был его деятельным помощником как в бою, так и в работах после сражения, он быстро переменил верхнее платье, забрызганное кровью, и пошел в салон, куда его весьма настойчиво приглашал корабельный священник.

Глава XXXIV

Алеют небеса,
Куда сквозь сумрак меркнущих долин
В тот час, когда заискрилась роса,
Несешься ты один?

Брайант

Когда молодой моряк, который теперь командовал фрегатом, спустился со шканцев, он с удовольствием убедился, что на корабле все приведено в полный порядок, будто ничего и не случилось. Батарейная палуба была чисто вымыта, на ней уже не оставалось страшных кровавых пятен, а пороховой дым давно перестал выходить из люков и смешиваться с облаками, плывущими над кораблем. Проходя мимо безмолвных батарей, он, хотя и спешил, не мог не заметить ужасных пробоин в бортах фрегата, оставленных неприятельскими ядрами, и к тому времени, как

он легонько постучал в дверь каюты, он уже заметил все основные повреждения, нанесенные кораблю в наиболее важных местах.

Дверь отворил корабельный врач. Отступив в сторону, чтобы пропустить Гриффита, он покачал головой с видом специалиста, потерявшего всякую надежду, и тотчас ушел к тем раненым, кому еще мог быть полезен.

Читатель не должен думать, что Гриффит в течение этого полного событиями дня совсем не вспоминал о Сесилии и ее кузине. Напротив, даже в самые жаркие минуты битвы его тревожное воображение живо рисовало ему ужас, который они должны были испытывать, и, как только матросов отозвали от пушек, он отдал распоряжение восстановить в салоне переборки и расставить по местам всю мебель. Только более ответственные и настоятельные обязанности не позволили ему лично позаботиться об удобствах пассажиров. Поэтому он знал, что в салоне восстановлен порядок, но никак не ожидал увидеть сцену, свидетелем которой ему теперь пришлось стать.

Между двумя угрюмыми пушками, придававшими убранству помещения весьма странный вид, на широком диване лежал полковник Говард, часы которого были, по-видимому, сочтены. На коленях возле него стояла заплаканная Сесилия; черные локоны в беспорядке падали на ее бледное лицо. Кэтрин нежно склонилась над умирающим стариком, а в ее темных, полных слез глазах вместе с глубокой печалью можно было прочесть тайные угрызения совести. Несколько слуг обоего пола обступили эту безмолвную группу, и по их лицам было видно, что они находятся под впечатлением только что сделанного врачом сообщения. Вся мебель была уже расставлена по местам, словно никакого сражения, еще так недавно совершенно преобразившего это помещение, и не происходило. Напротив полковника, на другом диване, виднелась массивная, широкоплечая фигура Болтропа. Голова его покоилась на коленях командирского вестового, а в руках он держал руку своего друга — священника. О том, что штурман ранен, Гриффит уже слышал, но о положении полковника Говарда узнал впервые. Когда, изумленный этой внезапной новостью, молодой человек несколько пришел в себя, он приблизился к ложу полковника и самым искренним голосом попытался выразить свое огорчение и сочувствие.

— Не говорите ничего, Эдуард Гриффит! — прервал его полковник, движением руки призывая к молчанию. — По-видимому, воля божья, чтобы увенчать торжеством этот мятеж, и не гордыне людской осуждать дела всемогущего! Мой ослабевший разум не может проникнуть в эту глубокую тайну, но нет сомнения в том, что все свершается по воле непостижимого провидения. Я послал за вами, Эдуард, для дела, которое хотел бы видеть завершенным, прежде чем умру. Пусть никто не будет вправе сказать, что старый Джордж Говард забыл о своем долге хотя бы в последние минуты жизни. Вы видите это плачущее дитя у моего ложа? Скажите мне, молодой человек, любите ли вы эту девушку?

— Нужно ли задавать мне такой вопрос! — воскликнул Гриффит.

— И будете ли вы лелеять ее, замените ли вы ей отца и мать, будете ли вы заботливым хранителем ее невинности и слабости?

Гриффит, ничего не ответив, схватил руку полковника и лихорадочно сжал ее.

— Я верю вам, — продолжал умирающий. — Хотя уважаемый мною Хью Гриффит и не сумел привить сыну свои верноподданнические чувства, он не мог не сделать из своего сына человека чести. Я проявил слабость и, быть может, поступил дурно, проча племянницу за моего несчастного покойного родственника, мистера Кристофера Диллона, но мне рассказали, что он вероломно нарушил данное им слово. Зная, что это правда, я отказал бы ему в руке девушки, несмотря на его верность английскому королю. Но он умер, и я тоже собираюсь последовать за ним в мир, где мы будем служить только господу богу. Возможно, для нас обоих было бы лучше, если бы мы больше помнили о своих обязанностях перед ним, служа земным владыкам. Еще одно: хорошо ли вы знаете этого офицера на службе у конгресса, мистера Барнстейбла?

— Я плавал с ним много лет, — ответил Гриффит, — и отвечаю за него, как за самого себя.

Старик попытался приподняться, что ему в некоторой мере удалось, и устремил на молодого человека пронизывающий взор, который придал его бледному лицу строгое и торжественное выражение. Он продолжал:

— Не рассказывайте мне о нем, сэр, как о товарище ваших беспечных удовольствий, и не рекомендуйте его, как легкомысленный друг! Помните, что вы высказываете свое мнение умирающему, который спрашивает у вас совета. Дочь Джона Плаудена была вверена моему попечению, и смерть моя будет легка, если останется хоть сомнение в том, что тот, кому она дарована, человек достойный.

— Он настоящий джентльмен, — ответил Гриффит, — и человек с сердцем столь же добрым, сколь и отважным. Он любит вашу воспитанницу, и, как бы высоки ни были качества мисс Плауден, он ее достоин. Как и я, он тоже любит свою родину больше, чем родину своих предков, но...

— Об этом я больше не думаю, — перебил его полковник. — После того что мне пришлось увидеть сегодня, я верю, что небу угодно даровать вам победу в этой борьбе! Но, сэр, непокорный младший офицер может стать со временем безрассудным командиром. Этот недавний спор между вами...

— Забудьте о нем, дорогой сэр! — воскликнул Гриффит в великодушном порыве. — Он был начат в недобрый час, а теперь все уже прощено и забыто. Барнстейбл сегодня доблестно помогал мне, и, клянусь жизнью, он знает, как честный человек должен обращаться с женщиной!

— Тогда я удовлетворен! — сказал старик, снова опускаясь на подушки. — Позовите его сюда!

Гриффит шепотом распорядился пригласить в каюту мистера Барнстейбла. Это приказание было тотчас передано, и Барнстейбл появился в салоне раньше, чем его друг счел уместным прервать размышления полковника. Все же при входе Барнстейбла полковник Говард снова приподнялся и, к удивлению молодого человека, заговорил с ним — правда, далеко не тем доверчивым и дружеским тоном, которым он обращался к Гриффиту.

— Заявление, которое вы сделали прошлой ночью в отношении моей воспитанницы, дочери покойного капитана Джона Плаудена, сэр, не оставило во мне сомнений о предмете ваших желаний. Итак, джентльмены, вы оба достигли своей цели! Пусть этот почтенный священник примет от вас брачные обеты, пока у меня есть силы слушать, дабы я мог быть свидетелем против вас на небесах, если вы забудете о своих обязательствах.

— Не сейчас, не сейчас! — прошептала Сесилия. — О, не просите об этом сейчас, дядя!

Кэтрин ничего не сказала, но, глубоко тронутая заботливостью опекуна о ее судьбе, склонила голову на грудь, и слезы покатились из ее глаз.

— Именно сейчас, дитя мое, — продолжал полковник, — иначе я не успею выполнить свой долг. Вскоре я предстану перед лицом ваших родителей, дети мои; если бы я, умирая, не ожидал встретить на небесах достойного Хью Гриффита и честного Джона Плаудена, это значило бы, что у меня нет ясного представления о наградах, ожидающих верных слуг отечества и отважных верноподданных своего короля! Думаю, никто не может обвинить меня в том, что я когда-либо забывал о своих обязанностях перед слабым полом, но сейчас, когда часы для меня уже превращаются в минуты, а я еще не выполнил полностью моего долга, не время для бесполезных разговоров. Я не умру спокойно, дети мои, если мне придется оставить вас здесь, в безбрежном океане, без защиты, которой требуют

ваши юные годы и нежные души. Если богу угодно лишить вас опекуна, пусть мое место займут те, кого он сам вам избрал.

Сесилия более не колебалась. Она медленно поднялась и с покорным видом подала руку Гриффиту. Кэтрин позволила Барнстейблу подвести ее к кузине, и священник, с умилением следивший за всей этой сценой, по знаку Гриффита тотчас открыл молитвенник, из которого он до тех пор выбирал слова утешения для умирающего штурмана, и дрожащим голосом начал читать брачную службу. Обе невесты со слезами на глазах произнесли торжественные обеты голосами, более явственными, чем если бы они прозвучали среди веселой толпы, которая обычно собирается на подобную церемонию. Хотя они безвозвратной клятвой признавали перед всем светом власть над своими чувствами тех, кому вверяли свою судьбу, чувство девичьей робости было подавлено в них горестью перед близкой кончиной дорогого для них человека. Когда обряд был совершен, Сесилия склонила голову на плечо Гриффита, поплакала немного и, подойдя к дивану, снова стала на колени перед умирающим. Кэтрин безвольно ответила на поцелуй Барнстейбла и возвратилась на прежнее место.

Полковник, приподнявшись, внимательно следил за происходящим обрядом и с усердием произносил «аминь» в конце каждой молитвы. С последними словами он упал на подушки, и на его бледном старческом лице отразилось глубокое удовлетворение.

— Благодарю вас, дети мои, — наконец произнес он. — Благодарю вас, ибо теперь я знаю, какие жертвы вы приносили, подчиняясь моим желаниям. Джентльмены, у моего банкира в Лондоне вы найдете бумаги, касающиеся состояния моих воспитанниц, а также мое завещание, Эдуард, из которого вы узнаете, что женились не на бесприданнице. Каким я был воспитателем этих девушек, вы видите своими глазами, а документы из Лондона подтвердят, что и состоянием их я управлял честно.

— Не говорите об этом... Молчите, или сердце мое разорвется от горя! — воскликнула Кэтрин, громко рыдая и раскаиваясь в своих прежних ссорах с добрым опекуном. — Говорите о себе, думайте о себе! Мы недостойны... я, по крайней мере, недостойна ваших забот!

Умирающий ласково протянул к ней руку и продол-

жал говорить, но голос его с каждой минутой все больше слабел.

— Хорошо, я скажу о себе. Мне хотелось бы, чтобы меня, как и моих предков, похоронили в недрах земли, на освященном кладбище.

— Воля ваша будет исполнена, — прошептал Гриффит. — Я позабочусь об этом.

— Благодарю тебя, сын мой, — сказал старик, — ибо, получив руку Сесилии, ты стал моим сыном. В моем завещании вы увидите, что я освободил и обеспечил всех моих рабов, кроме тех презренных негодяев, которые сами убежали от меня. Они сами себя освободили, поэтому я не обязан это делать. Я отказал кое-что, Эдуард, и своему королю. Надеюсь, его величество соблаговолит принять дар от старого и верного слуги, а вы не будете жалеть о такой безделице.

Последовала долгая пауза, словно умирающий припоминал, все ли свои земные обязательства он успел выполнить, затем он добавил:

— Поцелуй меня, Сесилия, и ты, Кэтрин. Я вижу, у тебя такие же чистые чувства, как у твоего отца. Мой взгляд слабеет. Где рука Гриффита? Молодой человек, я отдал вам все, что может отдать старый человек... Любите нежно мое дорогое дитя... Мы плохо понимали друг друга... Я ошибался в вас так же, как, по-видимому, и в мистере Кристофере Диллоне. Возможно, я неправильно понимал и свой долг перед Америкой... Но я был слишком стар, чтобы менять убеждения и взгляды. Я... я любил короля. Да благословит его бог!..

Слова его становились все менее внятными, и он испустил последний вздох, произнося благословение, которое, исходя из столь честного сердца, могло бы заслужить признательность самого гордого из земных властителей.

Тело его перенесли в одну из кают, а Гриффит и Барнстейбл увели своих невест в кормовой салон, где оставили их одних. Сестры сели на диван, стоявший вдоль борта фрегата, и, обнявшись, горько заплакали.

Болтроп был свидетелем всей предшествующей сцены, и, когда молодые люди возвратились в командирский салон, они заметили, что его маленькие жесткие глаза устремлены на них. Они тотчас подошли к своему раненому товарищу, спеша извиниться перед ним за то, что так долго не обращали на него должного внимания.

— Я слышал, вы ранены, Болтроп, — сказал Гриффит, ласково беря его за руку, — но, так как эта рана у вас не первая, думаю, мы вскоре увидим вас на палубе.

— Да-да, — ответил штурман, — вам не понадобится подзорная труба, чтобы разглядеть старый корпус, когда вы спустите его в море. Как вы изволили заметить, я бывал ранен и прежде и не раз картечь пробивала мои снасти, а то и вырывала кусок-другой из шпангоутов, но на сей раз осколок попал в главный трюм, и крейсерство мое на этом свете кончено!

— Уж наверное, положение не так скверно, честный Дэвид, — сказал Барнстейбл. — Насколько мне известно, вы держались на плаву и с большей пробоиной, чем от этого злосчастного выстрела!

— Да-да, — ответил штурман, — но то были пробоины в надстройке, куда мог добраться лекарь, а на этот раз сбиты все переборки, и я чувствую, как в трюме рушится груз. Тарпикет уже считает меня мертвецом, потому что, только взглянув на пробоину, сделанную во мне ядром, он тотчас передал меня священнику, словно старый хлам, который годится только в переработку на что-нибудь новое. Капитану Мансону повезло! Кажется, вы сказали, мистер Гриффит, что старика ядром сшибло в море и что смерть лишь один раз успела постучать в двери его каюты, как он уже отправился в путь?

— Его конец был действительно неожиданным, — сказал Гриффит. — Но такой смерти всегда должны ожидать мы, моряки.

— И вот почему тем более надо быть готовым к ней, — решился принять участие в беседе священник, который говорил тихим, смиренным и даже робким голосом.

Штурман поочередно внимательно оглядел всех находившихся перед ним, а затем после короткого молчания продолжал с покорным видом:

— Ему повезло, но, я думаю, грешно завидовать чужому счастью. Что же касается подготовки, это дело ваше, а не мое. А так как времени осталось мало, то чем скорее вы займетесь этим, тем лучше, и, чтобы избавить вас от лишних хлопот, я скажу вам сразу: не слишком мудрите со мной, ибо, к стыду моему, должен признаться, я никогда не одобрял ученость. Если вы можете обеспечить мне на том свете койку не хуже, чем у меня была на корабле, я буду очень доволен...

Если на лице священнослужителя при этом неожиданном умалении его обязанностей и промелькнула некоторая тень недовольства, она немедленно исчезла, как только он присмотрелся к простодушному выражению лица умирающего штурмана. После долгой и печальной паузы, которую ни Гриффит, ни его приятель не хотели прерывать, священник сказал:

— Не дано человеку определять милость божью, мистер Болтроп. Что бы я ни сделал, это не изменит воли господней. То, что я сказал вам вчера во время нашей беседы на эту же тему, должно быть еще свежо в вашей памяти, и нет причины, чтобы сегодня я начал говорить с вами по-другому.

— Сказать по правде, я не записываю в свой вахтенный журнал все, что мне говорят, — ответил штурман. — А если я кое-что и запомнил, так это свои собственные замечания: известно, своя рубашка ближе к телу. Это напоминает мне, мистер Гриффит, что одно из сорокадвухфунтовых ядер с трехпалубного корабля перелетело через бак и срезало канат лучшего станового якоря на расстоянии сажени от ско́бы, да так ловко, как старуха отрезает гнилую нитку пряжи портновскими ножницами! Если вы будете столь добры, что прикажете одному из моих помощников повернуть канат другим концом и заделать в него новый коуш [1], я тоже когда-нибудь услужу вам.

— Не заботьтесь об этом, — сказал Гриффит. — Будьте уверены, что по вашей части на корабле все будет приведено в порядок. Я сам за этим присмотрю, а сейчас мне бы хотелось, чтобы вы ни о чем не беспокоились и думали о вашей судьбе в мире ином.

— Почему? — упрямо возразил Болтроп. — Я всегда держался того мнения, что чем свободнее у человека будут руки, когда он явится на тот свет, от обязанностей, возложенных на него в мире сем, тем легче ему будет взяться за новое дело. Вот священник вчера толковал мне, что неважно, хорошо или плохо вел себя человек, лишь бы он укреплял свою совесть подпорками веры. Но я-то полагаю, что такое мнение не должно проповедоваться на судне, ибо оно собьет с толку самую лучшую на свете корабельную команду.

---

[1] К о у ш — вделываемое в канат металлическое кольцо.

— О, нет... нет... дорогой мистер Болтроп, вы неправильно поняли меня и мою теорию! — воскликнул священник. — По крайней мере, вы не поняли...

— Может быть, сэр, — мягко перебил его Гриффит, — наш достойный друг и теперь не сумеет понять вас... Нет ли у вас какой-нибудь личной заботы, Болтроп? Быть может, вы выскажете какое-нибудь пожелание насчет своего имущества?

— У него, я знаю, есть мать, — сказал Барнстейбл. — Он рассказывал мне о ней во время ночных вахт. Она, должно быть, еще жива.

Штурман, несомненно, слышал разговор своих молодых товарищей. С минуту он молчал, быстро пережевывая во рту табак, что свидетельствовало об охватившем его волнении. Затем, с трудом приподнявшись на локте, он ответил:

— Да, старуха действительно еще держится за жизнь, чего нельзя сказать о сыне ее Дэвиде. Отец мой погиб во время гибели корабля «Сьюзан и Дороти» за мысом Код... Вы помните это, мистер Барнстейбл? Вы тогда еще были совсем молоды и участвовали в китобойных экспедициях. После того шторма я сам старался обеспечить старухе гладкий фарватер, но житейское плавание все равно далось ей нелегко. Она-то хорошо знала, что такое суровые ветры да неполные рационы.

— И вам хотелось бы, чтобы мы ей передали весточку от вас? — ласково спросил Гриффит.

— Весточку? Как вам сказать... — ответил штурман, голос которого с каждой минутой звучал все более хрипло и отрывисто. — Между нами никогда не было особых любезностей: она не привыкла их выслушивать, а я — высказывать. Но, если кто-нибудь из вас просмотрит... казначейские книги да разберет, что там написано... на моей странице... пусть постарается передать это старухе... Вы найдете ее на причале с подветренной стороны дома... да, дома номер десять, Корнхилл, Бостон... Я устроил ей хорошую теплую койку — ведь женщине восьмидесяти лет больше, чем кому-либо, нужна защищенная от непогоды стоянка...

— Я сам позабочусь об этом, Дэвид! — воскликнул Барнстейбл, стараясь скрыть волнение. — Я зайду к ней, лишь только мы отдадим якорь в Бостонской гавани. А так как сумма, оставленная вами, не может быть ве-

лика, я поделюсь с ней моими собственными сбережениями.

Штурмана очень тронуло это великодушное предложение. Мускулы его обветренного лица судорожно задергались, и прошла минута, прежде чем он был в состоянии ответить.

— Я знаю, что вы это сделаете, Дик, я знаю, — наконец произнес он, сжимая руку Барнстейбла почти с прежней силой. — Я знаю, что вы бы отдали руку или ногу ради старухи, если бы только это могло помочь ей... матери вашего товарища... которой это не нужно, — ведь я же не сын людоеда... Но только ведь ваш отец не очень вас балует, и в карманах у вас часто бывает мелководье. Где уж вам кому-нибудь помогать... Особенно теперь, когда вас связали с красивой молодой девицей... Теперь вам понадобятся лишние денежки.

— Но я богат, — сказал Гриффит, — у *меня* собственное состояние.

— Да-да, я слыхал, будто вы можете построить целый фрегат, спустить его в море и вооружить на свои средства, не запуская руку ни в чей карман.

— Даю вам честное слово морского офицера, — продолжал Гриффит, — что мать ваша ни в чем не будет нуждаться и я буду заботиться о ней, как нежный и преданный сын.

Болтропу, по-видимому, не хватало воздуха. Он приподнялся было на диване, но упал в изнеможении, умирая, возможно, несколько раньше времени из-за тех усилий, которые он расходовал, пытаясь говорить.

— Да простит мне бог мои прегрешения, — наконец произнес он, — и особенно, что я частенько ругал вашу дисциплину. Помните про якорный канат... и присмотрите за нижними реями... и... и... он это сделает, он это сделает! Я отдаю... концы... Да благословит вас всех бог... и да пошлет он вам хорошую погоду и попутный ветер...

Язык его отнялся, но искреннее удовлетворение отразилось на его грубом лице, мускулы которого вдруг сократились, когда на увядшие черты начал медленно ложиться холод смерти.

Гриффит велел перенести тело штурмана в его же каюту и с тяжелым сердцем поднялся на палубу. Во время погони «Быстрый» не был замечен неприятелем. Поль-

зуясь дневным светом и своей малой осадкой, он легко ушел от врага через лабиринт бурунов и подводных рифов. Сигналом ему приказали подойти к фрегату и дали необходимые указания о том, куда держать курс, когда наступит ночь. Теперь английские корабли казались лишь белыми точками в темном море, и, зная, что между ними и фрегатом лежит широкая полоса мелей, американцы больше не считали их присутствие опасным для себя.

Когда все было готово и отданы последние приказания, корабли развернулись и направились к берегам Голландии. Ветер, посвежев к концу дня, изменил с заходом солнца свое направление, и к тому времени, когда небесное светило скрылось из глаз, оба судна шли с такой быстротой, что казалось, будто они погрузились в бездну морскую — так давно скрылся из виду берег. Всю ночь фрегат летел по волнам среди угрюмой тишины, приятной для печальных кузин, до утра не смыкавших глаз. Они горевали не только из-за смерти опекуна, но и потому, что в связи с неотложными делами Гриффита и новыми, принятыми им на себя обязанностями утром они должны были расстаться на неизвестный срок, если не навсегда.

На рассвете зазвучала боцманская дудка, и весь экипаж в безмолвии выстроился на палубу для торжественных похорон погибших. Тела Болтрона, двух-трех младших офицеров и нескольких рядовых матросов, которые умерли от ран в ту же ночь, были по выполнении обычного в таких случаях обряда спущены в море. Затем снова поставили паруса, и корабль заскользил по пустынным просторам, не оставив усопшим никакого памятника среди вечно подвижных морских вод.

Когда солнце поднялось к меридиану, оба корабля вновь легли в дрейф и приготовились расстаться. Тело полковника Говарда было переправлено на «Быстрый», куда перешел Гриффит со своей безутешной женой, в то время как Кэтрин с борта фрегата роняла жгучие слезы в соленую морскую воду. Когда все было готово, Гриффит жестом простился с Барнстейблом, который теперь принял командование фрегатом, и корабль, снова вступив под паруса, пустился в опасное плавание к берегам Америки через узкий Дуврский пролив, мимо бесчисленных английских кораблей, стаями бродивших по Ла-Маншу. Задача эта была трудна, но несколькими месяцами раньше ее

успешно разрешил фрегат «Союз», который под тем же звездным флагом преодолел этот путь.

Тем временем «Быстрый» держал курс к берегам Голландии и примерно за час до захода солнца подошел к ним так близко, что Гриффит приказал снова лечь в дрейф. В море спустили легкую шлюпку, и молодой моряк вместе с лоцманом, который перешел на тендер незамеченным и почти невидимым, вышли из каюты на палубу. Лоцман взглянул в сторону берега, словно хотел удостовериться в точном положении судна, а затем обратил взор в сторону моря, к западной части горизонта, желая определить погоду. Не приметив ничего такого, что заставило бы его переменить свое решение, он дружески протянул Гриффиту руку и сказал:

— Здесь мы расстанемся. И, так как наше знакомство не привело к тем результатам, которых мы ждали, забудем, сэр, что мы когда-либо встречались.

Гриффит почтительно поклонился и ничего не сказал.

Презрительно кивнув головой, лоцман продолжал:

— Будь у меня хоть половина флота этой вырождающейся республики, самый гордый из надменных островитян дрожал бы в своем замке и вынужден был бы почувствовать, что нет защиты от противника, который верит в свою силу и знает слабость врага! Но, — быстрым шепотом продолжал он, — это было как Ливерпуль... Уайтхевен... Эдинбург и пятьдесят других. Все прошло, сэр, так пусть оно будет забыто.

Не обращая внимания на устремленные на него любопытные взгляды матросов, собравшихся посмотреть на его отъезд, лоцман быстро поклонился Гриффиту и, спрыгнув в шлюпку, поставил на ней маленький парус с ловкостью человека, познавшего свою опасную профессию до мелочей. Еще раз, когда шлюпка быстро начала удаляться от тендера, он махнул рукой в знак прощания, и Гриффиту показалось, что даже на расстоянии он различил горькую улыбку, минутным блеском осветившую спокойные черты лоцмана. Долго стоял молодой человек, не спуская глаз с маленькой шлюпки, уходившей в сторону открытого моря. И лишь тогда, когда черная точка исчезла в ярком блеске игравших в волнах косых лучей заходящего солнца, он приказал задраить носовой люк «Быстрого» и привести судно в движение.

Среди экипажа тендера, пока он медленно шел в дру-

жественный порт, много было разговоров о странном появлении таинственного лоцмана во время их последнего набега на берега Британии и о его еще более странном исчезновении среди штормовых просторов Северного моря. Гриффит не улыбался и не подавал виду, что слушает догадки невежественных матросов, пока дозорный не крикнул, что маленькая шлюпка под парусом входит в гавань одновременно с «Быстрым». И лишь тогда, по внезапному и веселому блеску его глаз, можно было понять, какую тяжесть сняла с его души эта приятная новость.

Глава XXXV

Вожди морей, сходитесь в грозный круг
Пред ложем, где покоится ваш брат.
Храните сон того, кто был вам друг,
И лавр его для вас пусть будет свят.

Строки о Триппе [1]

Может быть, на этом следовало бы опустить занавес над нашей далеко не совершенной драмой и предоставить читателям самим, по мере своих сил и способностей, наделить оставшихся героев соответствующими дарами здоровья, богатства и счастья, как того требуют неуклонные правила поэтического правосудия. Но мы не намерены столь холодно расстаться с теми, с кем так долго находились в дружеском общении, и, поскольку все, что осталось рассказать, так же правдиво, как и то, что уже нами изложено, мы не видим уважительной причины, чтобы столь невежливо разделаться с нашими действующими лицами. Поэтому мы предпочитаем, хотя бы в нескольких словах, описать их дальнейшую судьбу, в то же время искренне сожалея, что законные пределы современного романа препятствуют нам поведать о разных веселых и любопытных сценах, которые позволили бы надеяться, что еще какие-нибудь наши грубые наброски оживут под мастерским карандашом Данлапа [2].

[1] Трипп Джон (1785—1810) — американский моряк, прославившийся своей отвагой.

[2] Данлап Уильям (1766—1839) — американский художник, драматург и историк театра, друг Купера.

Последуем сначала за фрегатом к берегам, от которых нашему ленивому перу, может быть, никогда не следовало бы удаляться, и расскажем в первую очередь о Барнстейбле и его черноглазой Кэтрин, которая то смеется, то плачет, то веселится, но всегда остается любящей женой. Фрегат, пробившись сквозь скопища неприятельских крейсеров, счастливо добрался до Бостонского порта, где Барнстейбл был награжден за свою службу повышением в чине и постоянной должностью командира фрегата.

Всю войну он оставался в этой должности, проявляя большие способности и усердие, и только после заключения мира, укрепившего не только независимость его родины, но и его личную репутацию отважного и талантливого морского офицера, удалился в свое родовое поместье, унаследованное им после смерти отца. Когда федеральное правительство закладывало основание своего нынешнего морского флота, оно обратилось за помощью к капитану Барнстейблу. И еще много лет он провел среди смелых моряков, которые верно служили своей отчизне в годы больших и тяжких испытаний. К счастью, однако, бóльшая часть его службы протекала в мирных условиях, и подле него всегда была Кэтрин, которая, не имея детей, часто пользовалась его согласием делить с ним лишения и трудности морской жизни. Дружно и счастливо прошли они по жизненному пути. Вопреки ироническому предсказанию своего бывшего опекуна, Кэтрин оказалась покорной, верной и нежной женой.

Юноша Мерри, пока необходимо было за ним присматривать, жил вместе с Барнстейблом и Кэтрин, дослужился до первого чина и первое плавание провел под командованием своего родственника. В зрелые годы из него вышел, как и можно было ожидать, предприимчивый и отважный моряк, и, возможно, он был бы жив и по сей день, если бы безвременно не погиб на дуэли с иностранным офицером.

Первым шагом капитана Мануэля по возвращении на родину было выхлопотать себе перевод в сухопутные войска. Это ему удалось почти без труда, и вскоре он полностью наслаждался тем, чего так жаждала его душа, а именно — строевыми учениями. Он успел принять участие во всех победоносных сражениях, которыми закончилась война, но испытал и свою долю тягот, перенесенных армией. При реорганизации вооруженных сил его заслуги не

были забыты, и он не раз отправлялся на запад с экспедициями Сен-Клера[1] и его более удачливого преемника Уэйна[2]. В конце века капитану Мануэлю с его ротой было приказано охранять небольшой частокол на берегу одной из тех могучих рек, которые образовали границы республики на севере. Британский флаг развевался над валами более основательной крепости, незадолго до этого воздвигнутой напротив, на канадском берегу. Мануэль, человек, строго соблюдавший правила воинского этикета, узнав, что соседним фортом командует пехотный офицер, не замедлил нанести визит этому джентльмену, намереваясь завести с ним знакомство, которое, принимая во внимание их должности, могло оказаться полезным и вполне удобным. Американский служака, спросив о чине своего соседа, не позаботился выяснить его имя, но, когда навстречу ему вышел краснолицый, веселый майор на деревянной ноге, Мануэль тотчас признал в нем старого знакомого по монастырю Святой Руфи — капитана Борроуклифа. Эти достойные офицеры с большим удовольствием возобновили старинную дружбу и вскоре так привязались друг к другу, что стали видеться почти ежедневно. Они построили на одном из островков посредине реки, как на нейтральной территории, бревенчатую хижину, где устраивали попойки и кутежи, подрывая дисциплину своих гарнизонов. Здесь обсуждали высокое качество оленины или курятины, не пренебрегали и мясом различных диких животных, в избытке населявших эти дремучие леса, а в то же время не забывали об обитателях широкой реки, дабы ни в чем не было отказа на частых пиршествах. Расходы для поддержания этой солдатской дружбы стороны несли пополам и заботы по доставке предметов наслаждения, которые можно было добыть только в тех частях света, где природа была более щедра к человеку, чем в окрестностях их цитаделей, тоже делили поровну. Темный портвейн и все напитки доставлялись в залив Святого Лаврентия, а затем к месту назначения под присмотром Борроуклифа, в то время как Мануэлю целиком была доверена ответственная обязанность по доставке благородного напитка с

---

[1] Сен-Клер Артур (1734—1818) — американский полководец, участник войны за независимость США.

[2] Уэйн Антони (1745—1796) — американский генерал, участник войны за независимость США.

острова Мадейра. И если Борроуклиф когда-либо позволял себе вмешиваться в дела приятеля, то лишь для того, чтобы напомнить ему о необходимости покупки вина только с южного берега острова.

Младшие офицеры обоих гарнизонов часто толковали между собой о том, в какой битве майор Борроуклиф лишился ноги. Англичане всегда объясняли американцам, что это случилось во время одного из последних сражений на северо-восточном побережье Англии, в отчаянной битве, где Борроуклиф весьма отличился вместе со своей ротой, сражаясь за честь родины. Именно за эту победу он и получил чин майора, не уплатив ни копейки за патент! В этих разговорах оба ветерана — к тому времени они уже заслужили это почтенное звание — обычно из чувства деликатности участия не принимали, но, если подобный разговор заходил под конец обеда, Борроуклиф бросал на своего приятеля-американца весьма выразительный взгляд, давая понять, что он прекрасно помнит их дуэль на утесах, а Мануэль при этом почесывал затылок — у актеров и художников этот жест означает смутное воспоминание. Так проходил год за годом и мирно жили два пограничных форта, как вдруг идиллия была нарушена скоропостижной смертью Мануэля. Этот строгий ревнитель дисциплины никогда не отправлялся на нейтральный остров, не захватив с собой целого отряда солдат, которых он расставлял там в виде пикета, поддерживавшего линию часовых. Он и приятелю своему советовал делать то же самое как для поддержания дисциплины, так и для предупреждения всяких неожиданностей со стороны того или иного гарнизона. Но майор пренебрегал подобной предосторожностью и был достаточно добродушен, чтобы не обижаться на недостаток доверия в своем собутыльнике. К несчастью, однажды по поводу очередного поступления напитков разговор друзей затянулся до утра, и Мануэль покинул хижину, направляясь к пикету, в таком невменяемом состоянии, что, когда часовой окликнул его, он забыл пароль и был убит выстрелом солдата, который строевыми учениями был доведен до такого состояния бесчувственности, что ему было совершенно все равно, убивает ли он друга или врага, лишь бы только это не нарушало строгих правил, утвержденных воинским уставом. Капитан, однако, успел перед смертью похвалить часового за его поступок и умер, гордясь перед

Борроуклифом строгой дисциплиной, заведенной им у себя в роте.

Примерно за год до этого печального события друзья закупили на южном берегу острова Мадейра бочонок вина, который ко времени смерти Мануэля завершал свой долгий путь вверх по стремнинам Миссисипи и Огайо, так как был отправлен через Нью-Орлеанский порт, чтобы подольше выдержать его под благотворными лучами солнца. Безвременная кончина друга заставила Борроуклифа взять на себя попечение об этой драгоценной реликвии, напоминавшей об одинаковости их вкусов. Испросив у начальства отпуск, он сам направился по рекам навстречу бочонку, чтобы лично проследить за его доставкой. В результате своего усердия он схватил сильную лихорадку, которая обнаружилась в нем в тот день, когда он нашел свое сокровище. Лекарь и майор придерживались разных взглядов насчет лечения этой опасной болезни: один предписывал полное воздержание, а другой — неоднократные возлияния того самого напитка, ради которого он так далеко уехал из дому. Поэтому болезнь была предоставлена самой себе, и через три дня Борроуклиф скончался. Его тело перевезли в форт и похоронили рядом с телом его приятеля, в той самой хижине, где они так часто пировали и веселились.

Мы подробно рассказали читателю о жизни этих вождей-соперников, и нам осталось только добавить, что ни у того ни у другого никогда не было близкой женской души, и они не оставили после себя ни вдов, ни сирот, которые могли бы оплакивать их смерть. Они были всего лишь простыми смертными и все равно должны были рано или поздно умереть, и, раз свою жизненную карьеру они окончили, когда им исполнилось уже добрых шестьдесят лет, читатель не должен особенно сетовать на нас за несколько трагический конец.

Желая восстановить свою непоколебимую веру, священник вскоре покинул морскую службу, к большому удовольствию Кэтрин, которая время от времени не забывала напоминать своему почтенному супругу о несоблюдении всех формальностей при их бракосочетании.

Гриффит и его все еще грустившая супруга перевезли тело полковника Говарда в один из главных городов Голландии, где оно и было погребено самым достойным образом. Затем молодой человек отправился в Париж, где, он

надеялся, его прекрасная подруга сумеет забыть печальные события последних дней. Там она вступила в переписку со своей приятельницей Элис Данскомб, и дела полковника Говарда были, насколько позволяли обстоятельства, приведены в порядок. Затем, когда Гриффит получил пост, который ему предлагали еще до выхода в плавание по Северному морю, они вместе вернулись в Америку. До конца войны молодой человек продолжал служить во флоте, а затем навсегда оставил военную службу и посвятил остаток жизни обязанностям мужа и доброго гражданина.

Совсем нетрудным оказалось войти во владение поместьями полковника Говарда, который уехал из Америки скорее из гордости, чем по иным соображениям, вследствие чего эти поместья никогда не были конфискованы, и молодые супруги оказались обладателями очень крупного состояния. Здесь мы пользуемся случаем упомянуть, что Гриффит не забыл о своем обещании умирающему штурману и обеспечил его мать до конца ее дней.

Прошло, должно быть, лет двадцать после того короткого плавания, о котором мы постарались рассказать в этой книге. Однажды, когда Гриффит, по обыкновению, рассеянно просматривал лежавшие перед ним газеты, его жена заметила, что он вдруг уронил лист на колени и медленно провел рукой по лбу, как человек, который вспомнил или пытается вспомнить какие-то события и образы, давно стершиеся в его памяти.

— Что в газете так взволновало тебя, Нед? — спросила его все еще прекрасная Сесилия. — Вероятно, теперь, когда наше федеральное правительство уже оправляется от своих потерь, ты увидел какой-нибудь проект создания нового флота?.. Ах, негодник! Ты снова мечтаешь стать морским бродягой и уйти в свой любимый океан!

— Я перестал мечтать о море с тех пор, как ты начала улыбаться, — рассеянно возразил он, не отнимая руки от лица.

— Быть может, нарушается новый порядок? Или конгресс поссорился с президентом?

— Мудрость и слава Вашингтона помогут нам, пока само время не укрепит новый порядок... Сесилия, помнишь ли ты человека, который сопровождал меня и Мануэля в монастырь Святой Руфи в ту ночь, когда мы стали пленниками твоего дядюшки? Этот человек потом привел большой отряд, освободил нас и спас Барнстейбла.

— Конечно, помню. Говорили, что это лоцман вашего корабля. И я даже помню, как хитрый офицер, в то время гостивший у нас, подозревал, что это человек гораздо более высокого положения, чем он хотел казаться.

— Подозрения этого офицера были справедливы. Но ты не видела его в ту страшную ночь, когда он вел наш корабль среди мелей! И не могла быть очевидицей того, как хладнокровно и смело он вывел наш корабль через те же самые мели из пекла битвы!

— Я слышала страшный шум и грохот и легко могу себе представить, что происходило на палубе, — ответила его жена. Воспоминания, несмотря на немалое время, все еще были так живы в ней, что бледность покрыла ее щеки. — Но что случилось с ним? Ты прочел его имя в газетах?.. Да ведь это английские газеты! Насколько я помню, ты называл его Грэем.

— Этим именем он назывался среди нас. Это был человек, которым владело романтическое представление о славе и который всегда стремился скрыть свое участие в тех действиях, которые, ему казалось, не могли возвысить его. Когда-то я дал ему торжественное обещание никому не называть его настоящего имени. Этот человек умер!

— Могла ли существовать какая-нибудь связь между ним и Элис Данскомб? — спросила Сесилия, задумчиво роняя рукоделие на колени. — В ту ночь, когда мы с Кэтрин посетили тебя в твоем заключении, она сама пожелала пойти к нему, и кузина шепнула мне, что они, должно быть, знакомы. Письмо, которое я получила вчера от Элис, было запечатано черным сургучом, и мне было больно читать, с какой грустью, хотя и очень нежно она пишет о переходе из этого мира в иной.

Гриффит бросил на жену взгляд человека, который внезапно прозрел, и ответил голосом, в котором не было и тени сомнения:

— Сесилия, твои догадки, несомненно, справедливы! Теперь я припоминаю множество подробностей, подтверждающих твои слова. Он прекрасно разбирался в окружающей местности, там прошла его юность, он был хорошо знаком и с монастырем, он предложил ту экспедицию! Да, это был человек необыкновенный!

— Почему он не приехал сюда, к нам? — спросила Сесилия. — Он, кажется, был предан нашему делу.

— Его преданность Америке происходила из желания

отличиться — его главной страсти — и, быть может, немного из желания отомстить за какую-то несправедливость, причиненную ему, как он говорил, его соотечественниками. Он был человек и, естественно, не лишен слабостей, одной из которых была непомерно высокая оценка собственных подвигов. Но, по правде говоря, они действительно отличались смелостью и были достойны похвалы. Он не заслужил тех обвинений и упреков, которыми осыпáли его враги. Более сомнительна его любовь к свободе, потому что хотя он и сражался за дело свободы наших Штатов, но кончил службой у деспота! И вот он умер. Если бы он жил в другие времена и при других обстоятельствах, когда его совершенное знание морского дела, хладнокровие, спокойствие и даже отчаянная отвага могли быть использованы на службе регулярного и сильного флота, и если бы привычки, привитые ему в юности, научили его более скромно принимать почести, имя его прославилось бы в веках среди того народа, который его усыновил!

— Нед, — немного удивленно воскликнула Сесилия, — ты с таким жаром говоришь о нем! Кто же он?

— Человек, которому я при жизни его обещал хранить его имя, и смерть не освобождает меня от обязанности держать слово. Достаточно тебе знать, что он помог нам обрести друг друга и что счастье наше рисковало потерпеть полное крушение, если бы мы не встретили на своем жизненном пути таинственного лоцмана Северного моря!

Заметив, что муж ее встал и, аккуратно собрав все газеты, выходит из комнаты, Сесилия больше ничего не сказала, и никогда потом она не говорила на эту тему.

КОНЕЦ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РОМАНУ «ОСАДА БОСТОНА, ИЛИ ЛАЙОНЕЛ ЛИНКОЛЬН»

«Осада Бостона, или Лайонел Линкольн» в своем роде юбилейный роман. Он вышел в свет в 1825 году, в пятидесятилетнюю годовщину первых сражений войны за независимость.

Соединенные Штаты праздновали полувековую дату своей истории с большой торжественностью. Повсеместно воздвигались монументы в память боев при Лексингтоне, Конкорде и Банкер-Хилле. Купер задумал этот роман тоже как своего рода литературный памятник в честь великого события. Его замысел был даже шире. Он задумал написать серию романов о войне за независимость, под общим заглавием «Легенды Тринадцати республик». Однако ему не удалось осуществить свой замысел. «Лайонел Линкольн» был первым и, увы, последним романом этой серии.

Время, события, атмосфера, окружающая писателя, всегда существенны для его творчества. В истории замысла и создания «Лайонела Линкольна» эти моменты играли особенно важную роль.

В 1814 году Америка выиграла так называемую вторую войну за независимость. Начался период бурного экономического, общественного и культурного развития страны. Американцы интенсивно осваивали новые территории к западу от Аллеганских гор, строили новые дороги, сооружали каналы и мосты. По рекам Америки двинулись первые пароходы. Между различными районами страны установились прочные экономические связи. Конгресс принял ряд законов, содействующих экономическому прогрессу, а президент Адамс выдвинул программу, включавшую среди прочих мероприятий основание национального

университета, обсерваторий, исследование внутренних и северо-западных областей страны.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, пробуждали в американцах чувство гордости за свою молодую родину, победоносную в справедливых войнах и столь энергичную в мирном развитии. Неудивительно, что они с таким энтузиазмом готовились к празднованию пятидесятилетнего юбилея Соединенных Штатов.

Именно в эту пору американцы с особой остротой ощутили недостаточность, неразвитость своей национальной культуры. Они хотели видеть природу, историю, общественную жизнь своей страны запечатленными в произведениях литературы, в полотнах живописцев, в исторических трудах. Не случайно 20-е годы стали самым интенсивным периодом в формировании национальной американской литературы.

Раннее творчество Фенимора Купера развивалось под сильным воздействием общественной атмосферы конца 10-х — начала 20-х годов XIX века. Его романы «Шпион» и «Лоцман» представляют собой одну из первых попыток дать художественное воплощение революционно-патриотического подвига американского народа. «Лайонел Линкольн» — третий роман Купера из истории США — посвящен началу войны за независимость. Действие его развивается в колонии Массачусетс, которая по праву может быть названа колыбелью американской революции.

События, показанные Купером в этом романе, имели длительную предысторию. Ее необходимо знать, так как без этого трудно понять многие мотивы, определяющие поведение героев, а смысл некоторых моментов в развитии сюжета остается неясным.

Стремление американских колоний к государственной самостоятельности и независимости от метрополии было неизбежным следствием их интенсивного экономического и общественного развития. Уже в первой половине XVIII века американская промышленность и торговля достигли такого уровня, что Англия почувствовала в своих заокеанских колониях опасного конкурента.

Стремясь затормозить самостоятельное экономическое развитие колоний, английское правительство ввело целый ряд запретов, ограничений и тяжелых налогов. Оно запретило колонистам селиться к западу от Аллеганских гор, препятствуя тем самым развитию свободного фермерства.

Американским купцам разрешалось торговать только с британскими владениями. Почти все привозные товары облагались тяжелейшими пошлинами. По акту о гербовом сборе, принятому в 1764 году, налогом облагался всякий документ, написанный на гербовой бумаге: свидетельство о рождении или смерти, завещание, расписка, диплом об окончании школы или колледжа, коммерческий счет и т. д. Знаменитые «Акты Тауншенда» (1767) вводили систему косвенных налогов на множество продовольственных и промышленных товаров.

Каждое из этих ограничений вызывало бурный протест со стороны американцев. История полутора десятилетий, предшествовавших войне за независимость, — это повесть о бесчисленных столкновениях между английской администрацией и жителями колоний. Роль застрельщика в этих столкновениях нередко принадлежала городу Бостону, крупнейшему торгово-промышленному центру и важному порту на Атлантическом побережье.

Так, например, в ответ на введение таможенных пошлин и ограничения в торговле бостонские купцы и мореплаватели организовали ввоз контрабанды в невиданных дотоле масштабах. Примеру бостонцев незамедлительно последовали Салем, Нью-Йорк и другие торговые города. Англичане начали жестоко преследовать контрабанду. Колониальные суды ввели так называемые «Приказы о содействии», согласно которым каждый американец под страхом уголовного наказания должен был доносить властям о контрабанде и содействовать взиманию пошлин. Английские военные суда стали задерживать торговые корабли американцев, обыскивать их и отбирать контрабандные товары. Тогда бостонцы объявили бойкот английским товарам. Они перестали покупать английские ткани и оделись в грубое сукно американского производства. Женщины отказались от английских украшений. Весь город перестал пить чай, подвергавшийся особенно тяжелому пошлинному сбору. Бостонцы перешли на малиновые листья, а всякого, кто продолжал покупать чай, клеймили позором. Именно в эту пору возникла «античайная» поэзия, в которой чай объявлялся «злокозненным ядом» и «изобретеньем сатаны». Другие колонии вновь поддержали бостонцев, и в 1769 году в Виргинии была образована «Ассоциация для бойкота английских товаров».

Когда был объявлен «Акт о гербовом сборе» и сбор-

щики нового налога прибыли из метрополии, бостонцы взбунтовались. В течение нескольких дней в городе шли непрерывные митинги и демонстрации. Затем толпы горожан учинили погром в таможне, в доме губернатора и в доме сборщика. Самого сборщика изловили, вымазали дегтем и вываляли в перьях. Другие города и колонии последовали примеру Бостона, и английское правительство было вынуждено отменить ненавистный американцам акт.

Острота конфликтов между населением Бостона и английской администрацией непрерывно нарастала. В 1768 году губернатор Бернард распустил ассамблею штата Массачусетс, заседавшую в Бостоне. Ассамблея отказалась повиноваться и продолжала свою деятельность. Тогда губернатор вызвал из метрополии два полка пехоты. 5 марта 1770 года английские войска впервые стреляли в толпу горожан. Возмущение бостонцев было столь пламенно, что губернатор почел за благо вывести войска из города.

В 1773 году английское правительство предприняло обходной маневр, чтобы заставить американцев платить налоги. Оно предоставило Ост-Индской торговой компании право беспошлинного ввоза чая в Америку. Был сохранен лишь небольшой косвенный налог. В колониях появился дешевый чай. Однако американцы по-прежнему не желали его покупать. Более того, в декабре 1773 года группа бостонских патриотов, переодевшись индейцами, пробралась на один из кораблей Ост-Индской компании, груженных чаем, и выбросила тюки с чаем в море. Английское правительство ответило самыми крутыми мерами. Штат Массачусетс и его столица Бостон лишились права на выборные учреждения. Порт был закрыт, и город подвергся блокаде. В домах бостонских жителей вновь водворились английские солдаты. Очень скоро в городе началась нехватка продуктов и топлива.

По всем колониям прокатилась волна негодования. 1 июля (день закрытия Бостонского порта) было объявлено «днем скорби, поста и молитвы». Соседний с Бостоном порт Салем из чувства солидарности прекратил всякую деятельность. Судьба Бостона перестала быть делом одних только бостонцев. Она стала делом всех американских колоний Англии. Из разных городов Америки в Бостон двинулись обозы с топливом и провиантом. Фермеры, ремесленники, рабочие, матросы, горожане объединялись в отряды народной милиции. В сентябре 1774 года

собрался Первый Континентальный конгресс депутатов от всех тринадцати колоний. Месяц спустя в блокированном Бостоне начал свою деятельность конгресс Массачусетса. Вокруг Бостона (в Конкорде, Лексингтоне и других селениях) возникали тайные склады оружия. Массачусетцы готовились к сражениям.

В ночь на 19 апреля 1775 года военный губернатор генерал Гейдж послал два пехотных полка для захвата склада оружия в Конкорде. По дороге, в Лексингтоне, солдаты должны были арестовать Сэмюэля Адамса и Джона Хэнкока, выдающихся руководителей народного движения. В тот момент, когда английские войска покидали город, на бостонской церкви вспыхнул сигнал. По этому сигналу Поль Ревир, возглавлявший разведку бостонского комптета связи, отправился верхом в Конкорд, оповещая по дороге всех жителей о выступлении «красных мундиров». Скачкой Поля Ревира начинается история войны за независимость.

В Лексингтоне и Конкорде произошли первые стычки англичан с ополченцами. Английские войска, понеся потери, отступили в Бостон. Началась длительная осада города многочисленной армией повстанцев. Она продолжалась почти год. После сражения на Дорчестерских высотах, происшедшего 4 марта 1776 года, англичане были вынуждены оставить город. Четыре месяца спустя американские колонии объявили себя независимым государством.

Действие «Лайонела Линкольна» начинается в период блокады бостонского порта англичанами и завершается сражением на Дорчестерских высотах. Купер показывает здесь один из самых важных, переломных эпизодов американской истории. Задача, поставленная им перед собой, отличалась известной сложностью. Работа над романом потребовала предварительного изучения исторических материалов. В предисловии к роману Купер писал, что ему пришлось проштудировать описания сражений при Лексингтоне и Банкер-Хилле, ознакомиться со множеством документов того времени, не считая различных изданий мемуарного характера. Он специально посетил те места, где должно было протекать действие романа, и даже попытался восстановить картину погоды весной и летом 1775 года. Купер неоднократно подчеркивал историческую точность событий и достоверность деталей, нарисованных в романе.

Подобно Вальтеру Скотту, Купер полагал, что поэтический вымысел не должен искажать историческую действительность. Именно в этом смысл его иронического замечания, адресованного любителям романтической таинственности, которая была введена в моду «готическими» романами конца XVIII века. «Быть может, не найдется другой страны, — говорил он, — история которой давала бы так мало для поэзии, как история Соединенных Штатов. Книгопечатание возникло задолго до поселения первых колонистов, и политика провинций и штатов всегда была направлена к поощрению просвещения. Во всей истории Америки нет не только ни одного темного факта, нет даже сомнительного; все не только выяснено и известно, но даже общеизвестно, так что воображению автора нечего и приукрасить».

Серьезное отношение к истории давало Куперу чувство превосходства над писателями, стремившимися придавать своим романтическим вымыслам видимость правдоподобия. Имея в виду приемы, которыми пользовались эти писатели, Купер в предисловии к «Легендам Тринадцати республик» заверял читателя, что «никакой неведомый человек... не помирал по соседству с ним и не оставлял бумаг, которыми автор законно или незаконно воспользовался. Никакой незнакомец... никогда не вручал ему ни единой исписанной страницы. Никакой хозяин постоялого двора не давал ему никаких материалов... Наконец, он ничего не наворовал из книг, напечатанных готическим шрифтом... Бабушка его была настолько жестока, что отказала ему в сотрудничестве в его трудах».

То, о чем Купер рассказывал читателю в своем романе, было исторической правдой и, следовательно, не нуждалось, с его точки зрения, в искусственном правдоподобии. Это, однако, не означает, что каждое событие в «Лайонеле Линкольне» исторический факт и что в нем начисто отсутствует вымысел. Напротив, читатель столкнется здесь с самыми невероятными происшествиями, совпадениями и поступками, которые являются плодом воображения автора.

Создавая «Лайонела Линкольна», он следовал классическому образцу европейского исторического романа, а именно — романам В. Скотта.

Для В. Скотта история была прежде всего историей народа. Он отказался объяснять исторический процесс во-

леизъявлением королей, полководцев и политических деятелей. Поэтому задача историка, а тем более автора исторических романов заключалась, по его мнению, прежде всего в исследовании народной жизни и народного сознания. Потребности и страсти народных масс, их интересы, психология, национальные традиции сделались предметом изучения и художественного воспроизведения в историческом романе.

Стремясь соединить политическую историю с историей нравов, В. Скотт создал особую форму романа, в котором политическое действие осуществляется историческими лицами, а духовная жизнь народа показана через судьбы вымышленных персонажей.

Купер довольно точно следует схеме романов своего шотландского учителя. «Лайонел Линкольн» содержит все признаки типично «скоттовского» романа, начиная от обилия шекспировских эпиграфов и кончая композиционной структурой повествования. Сам Лайонел Линкольн, подобно многочисленным героям В. Скотта, странным и таинственным образом связан с обоими враждующими лагерями. Он оказывается свидетелем важнейших событий, происходящих и среди осажденных и среди осаждающих. Долг призывает его служить королю, но таинственные внутренние побуждения заставляют его сочувствовать повстанцам. К нему вполне можно отнести слова Белинского, сказанные о центральных персонажах романов Скотта: «Некоторые упрекают Вальтера Скотта, что герои многих его романов, сосредоточивая на себе действие целого произведения, в то же время отличаются столь бесцветным характером, что не приковывают к себе исключительно всего нашего интереса, который как бы уступают они второстепенным лицам романа, как более оригинальным и характерным... Это так и должно быть в произведении чисто эпического характера, где главное лицо служит только внешним центром развивающегося события...» [1]

Купер ведет повествование неторопливо и обстоятельно, обильно уснащая его подробными описаниями, историческими справками, деталями частного и общественного быта.

Для придания большей занимательности своему повествованию Купер вводит в свой роман мотив тайны, что

[1] В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, М., 1948, т. 2, стр. 17.

вообще было характерно для литературы конца XVIII — начала XIX века. Однако при этом отношения между действующими лицами настолько запутываются, что автору остается только убить всех действующих лиц, причастных к тайне. Отсюда мелодраматическая сцена в конце романа, где погибают Джэб, его мать и Ральф.

Мы сочли небесполезным указать на литературные влияния, наложившие печать на повествовательные приемы Купера, однако было бы ошибкой видеть в «Лайонеле Линкольне» только подражание Вальтеру Скотту. Оригинальность этого произведения определяется самим историческим материалом и своеобразием общественно-политических позиций автора в его истолковании.

Купер писал о войне за независимость, которую американские колонии начали, не имея ни военных руководителей, ни обученной армии, ни оружия, ни амуниции. Вся тяжесть войны легла на плечи американских фермеров и ремесленников, которые воевали как умели. Они были по большей части хорошими охотниками и великими тружениками. Весь их военный опыт ограничивался мелкими стычками с индейцами. В открытом бою с хорошо обученной регулярной армией англичан они неизбежно потерпели бы поражение. Купер должен был показать ту своеобразную тактику партизанской войны, к которой вынуждены были прибегнуть колонисты. Это была тактика ловушек, засад, неожиданных налетов и ночных нападений, родившаяся, видимо, не без влияния военного искусства индейцев, с которым жители пограничных областей были знакомы, так как сами издавна сражались с непокорными племенами. Разумеется, подобные военные методы не могли решить исход войны, но они помогли американцам продержаться до тех пор, покуда им удалось организовать свою регулярную армию.

Купер создал ряд превосходных батальных сцен, где с большим мастерством нарисовал картины первых сражений войны за независимость. Но этим задача его не исчерпывалась. Он стремился воссоздать не только события эпохи, но и ту общественную атмосферу, в которой они разворачивались. Его занимал строй мыслей и чувств американцев, их убеждения и психология, их интересы и потребности — иными словами, все то, что побудило их начать освободительную войну.

Имея в виду написать целую серию романов о войне за независимость, Купер ограничил себя в «Лайонеле Линкольне» изображением жизни одного только Бостона, города по преимуществу купеческого. Массы фермеров, ремесленников, рабочих, крупных и мелких землевладельцев остались за пределами повествования. Естественно поэтому, что картина нравов и духовной жизни Америки, нарисованная здесь Купером, оказалась далеко не полной.

Кроме того, не следует забывать, что в годы написания этого романа Купер еще питал некоторые иллюзии относительно американской буржуазной демократии. Он не видел противоречий внутри революционного лагеря, не понимал антинародного характера политики американской буржуазии. Все это отчетливо сказалось в «Лайонеле Линкольне». Впоследствии Купер создал произведения, в которых все чаще отмечал противоречия буржуазного прогресса в США.

Тем не менее «Лайонел Линкольн» представляет значительный интерес как живое, увлекательное повествование, правдиво рисующее историю первых месяцев войны за независимость — одного из значительных событий мировой истории.

Ю. Ковалев

«ЛОЦМАН» ФЕНИМОРА КУПЕРА

«Лоцман» Фенимора Купера — первый морской роман в мировой литературе — появился в свет 7 января 1824 года (помеченный 1823 годом).

Есть ли возможность установить, когда происходит действие романа «Лоцман»? На этот вопрос можно дать ответ на основании некоторых косвенных указаний в тексте.

Упоминание полковника Говарда о графе Корнваллийском, сражающемся с мятежниками, позволяет судить, что речь идет о 1780 или 1781 годе, в течение которого этот английский вельможа командовал английскими силами на юге Соединенных Штатов. Сначала его действия проходили успешно и могли радовать верноподданническое сердце полковника (вспомним его восклицание: «Дела наши поправились!»), но впоследствии соединенные силы амери-

канских и сражавшихся с ними вместе французских войск заставили его вместе с семитысячной армией капитулировать в Йорктауне (19 октября 1781 года). Капитуляция графа Корнваллийского, по существу означавшая конец военных действий, привела к падению английского правительства.

Английский король Георг III, сообщают историки, написал было текст отречения от престола, но потом раздумал, пригласил к себе друга американцев, ненавистного ему лорда Рокингема, и поручил ему возглавить новый кабинет и заключить мир. Переговоры о мире закончились мирным договором, подписанным в Париже 3 сентября 1783 года.

Кристофер Диллон упоминает о волнениях в Лондоне, в ходе которых было выдвинуто требование, «чтобы министры его величества приняли необходимые меры предосторожности». Это антикатолические волнения, известные под названием «бунт лорда Гордона» и ярко описанные в романе Ч. Диккенса «Барнеби Радж». Они происходили в июне 1780 года. Таким образом можно установить, что события, описанные в романе, относятся к завершающей стадии борьбы за независимость США.

Стремясь приурочить действие романа к определенному хронологическому отрезку, следует, однако, не забывать об особенности творческого метода Купера, не считавшего большим преступлением анахронизмы, нарушающие точную историческую достоверность, но обладающие, как писал Купер в предисловии к другому своему роману, «Лайонел Линкольн», «гармонией поэтического колорита». В частности, к таким анахронизмам следует причислить употребление полковником Говардом по отношению к восставшим американцам сло́ва «якобинец», так как это слово, примененное к лицам, сочувствовавшим французской революции, засвидетельствовано в английском языке впервые в 1793 году, когда «якобинец» стал для английских реакционеров бранной кличкой.

Действие романа с момента первого появления «Ариэля» и фрегата у английских берегов до того, когда маленькая шлюпка, уносившая с собой загадочного лоцмана, исчезает в волнах Северного моря, продолжается пять суток, но сколько бурных и стремительных событий происходит за этот короткий срок!

В мрачном и таинственном английском доме, бывшем

некогда монастырем Святой Руфи, доме, который у читателей куперовских времен должен был неминуемо вызывать воспоминания о загадочных готических замках «черных» романов с их призраками, скелетами и иными ужасами, под неусыпным, но снисходительным наблюдением строгого, но любящего старого роялиста полковника Говарда проживают две подруги — смелая, веселая и жизнерадостная Кэтрин и ее более робкая и кроткая родственница Сесилия. Экипаж фрегата и «Ариэля» получил задание захватить в качестве заложников английских генералов, пэров и членов палаты общин. Но два приятеля, Гриффит и Барнстейбл, дружбу которых только укрепила их ссора, приведшая было к дуэли, прерванной вмешательством Кэтрин и Сесилии, задались совершенно другой целью, не предусмотренной замыслами американских комиссаров в Париже. Не английские государственные деятели, а Кэтрин и Сесилия неожиданно оказались единственной добычей в результате десантных операций американского военного корабля. Историческая, патриотическая тема сочетается в романе Купера (как и в большинстве исторических романов его современника и предшественника — Вальтера Скотта) с историей соединения любящих сердец, несмотря на препятствия, воздвигаемые политическими бурями, со сплетением любовных дуэтов и трио, благополучно заканчивающихся двумя счастливыми браками. Один биограф Купера даже вспоминает по поводу десантной экспедиции в «Лоцмане» осаду Трои, причина которой, как известно, заключалась, согласно сказанию, в стремлении греков вернуть похищенную Елену Прекрасную.

Но было бы ошибкой считать «Лоцмана» чисто приключенческим романом. Личное и общественное, семейное и государственное, приключенческое и историческое сливаются в романе в единое целое. В нем все время ощущается близость великих исторических событий.

Война за независимость, которую Ленин назвал «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн» [1],— эта «война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 28, стр. 44.

Америку»[1], хотя и не составляет в «Лоцмане» центра событий, как это мы видим в другом замечательном романе Купера — «Шпион», но именно она является той главной причиной, которая определяет собой все основные поступки и судьбы героев.

Война за независимость заставила полковника Говарда покинуть его заокеанские поместья и привела его вместе с Кэтрин и Сесилией под кровлю монастыря Святой Руфи; эта война направила «Ариэль» и фрегат к английским берегам; из-за нее появился загадочный лоцман на борту корабля, произошли морские сражения, погибли одни действующие лица и нашли свое счастье другие.

Итак, «Лоцман» — приключенческий и историко-патриотический роман. Но, кроме этого, он роман стихии — моря, как романы о Кожаном Чулке — романы леса.

Море в «Лоцмане» не пассивный фон происходящих событий, а могущественная стихия, равноправно действующая в романе со всей красотой, мощью, величием и грозной, разрушительной силой. В многочисленных прекрасных пейзажах Купер рисует море то полным зловещих признаков приближающейся бури, то беснующимся во мраке ночи, под свист и рев ветра в корабельных снастях, и стремящим навстречу скалам и бурунам героически борющийся корабль, то лениво дремлющим на восходе солнца, льющего свой серебристый свет на безбрежную морскую гладь и четко вырисовывающийся на горизонте красавец фрегат.

Тесно связана с морем в «Лоцмане» и тема корабля. Корабли в романе играют не только служебную роль, а являются, в особенности «Ариэль», подлинными героями повествования. Читатель не забудет ярких и красноречивых описаний, посвященных красоте этих пенителей моря и проявляемому ими (а не только людьми, составляющими их экипаж!) героизму. Корабли в «Лоцмане» — нечто бо́льшее, чем сооружения, предназначенные для плавания на воде и перевозки людей и груза. Они наделяются Купером признаками, свойственными только живому существу. «Ариэль» скользит по волнам, как водяная птица в поисках места для ночлега; покачивается легко и спокойно, как спящая чайка; а фрегат в опасный момент величаво выпрямляется, как бы приветствуя поклоном

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 28, стр. 44.

могучего противника, с которым ему предстоит вступить в схватку. Неудивительно, что во время боя корабль дрожит как осиновый лист, а английский фрегат, оценив неравенство сил, в отчаянии направляется прямо на врага. В момент гибели «Ариэля» трепет, охвативший судно, напоминает агонию живого существа, и вполне естественно, что Том Коффин считает необходимым облегчить «Ариэлю» его смерть. Сам Том любит корабль, на котором он плавает, как самого себя, и погибает вместе с «самым прекрасным судном, которое когда-либо рассекало волны», как с любимым существом. Если юноша Мерри считает, что моряк любит свое судно так же, как отец любит своего ребенка, то Барнстейбл, соглашаясь с ним, в то же время поправляет его: «Да, да, и даже более».

Купер-моряк сказался в подробных и увлекательных описаниях маневров, эволюций кораблей, а также в драматических и ярких рассказах о сражениях, ведущихся между этими одушевленными (иначе не скажешь) существами. В описаниях, насыщенных деталями и морской терминологией и все же читающихся с живейшим интересом, проявился личный опыт Купера, отразилось то, что он в семнадцатилетнем возрасте плавал в течение года матросом на торговом судне, а потом был мичманом на галиоте «Везувий». Недаром Белинский писал о Купере: «Ему известно название каждой веревочки на корабле, он понимает, как самый опытный лоцман, каждое движение корабля, как искусный капитан — он умеет управлять им и нападая на неприятельское судно и убегая от него. На тесном пространстве палубы он умеет завязать самую многосложную и, в то же время, самую простую драму, и эта драма изумляет вас своею силою, глубиною, энергиею, величием».

Поэт-декабрист В. Кюхельбекер, читавший «Лоцмана» в Свеаборгской крепости, восхищался увлекательностью и драматизмом борьбы фрегата с бурей: «Глава 5-я первого тома, в которой изображен трудный, опасный проход фрегата между утесами ночью в бурю, должна быть удивительна, потому что даже меня, вовсе не знающего морского дела, заставила принять живейшее участие в описанных тут маневрах и движениях».

Но, разумеется, всей этой красотой, жизненностью и героизмом корабль обязан своему мужественному и самоотверженному экипажу. Тяжел был труд людей, служив-

ших в парусном флоте, и много усилий и жертв требовали его своеобразная красота и военная доблесть. Роман Купера дает яркие, незабываемые образы моряков: от капитана до простого «труженика моря» — матроса, ведущего нелегкую жизнь, умеющего остро и крепко пошутить и нередко отдающего свою жизнь при кораблекрушении или в кровавом бою.

Сильное впечатление оставляет штурман Болтроп, в особенности замечательна картина смерти этого «морского волка». Ему уже плохо повинуется коснеющий язык, но последние заботы штурмана, которому осталось жить считанные минуты, относятся к кораблю. На нем ядро «срезало канат лучшего станового якоря на расстоянии сажени от скобы, да так ловко, как старуха отрезает гнилую нитку пряжи портновскими ножницами». «Помните про якорный канат... и присмотрите за нижними реями... Я отдаю концы... Да благословит вас всех бог... и да пошлет он вам хорошую погоду и попутный ветер...»

Но в эти же предсмертные минуты и другая мысль тревожит потухающее сознание старого служаки. В Бостоне, оказывается, живет восьмидесятплетняя мать Болтропа. На морском языке Болтропа, которому он верен до самого конца жизни, она «на причале с подветренной стороны дома». Болтроп, чья жизнь проходила в беспрерывных плаваниях, едва ли часто навещал мать, но сейчас у него появляется забота: что ждет ее, когда она останется без своей единственной поддержки. Ведь восьмидесятилетней женщине больше, чем кому-либо, нужна «защищенная от непогоды стоянка». И вместе с мыслью о корабле его последняя тревога — чтобы остаток своих дней его мать не испытывала нужды и нищеты. Так скупо и трогательно Купер описывает смерть старого моряка.

И все же еще более ярким, быть может, самым ярким образом романа следует признать рулевого Тома Коффина — вообще одно из самых блестящих достижений в обширной портретной галерее, созданной Купером.

Неотделимый от морской стихии и кораблей, на одном из которых он родился, он встречает гибель вместе с «Ариэлем», так как без любимого судна не желает жить. Невозмутимо хладнокровный и героический, простодушный и доверчивый, он, чья прямая и честная душа не способна на вероломство и предательство, не может допустить их даже у таких негодяев, как Диллон. Полный

характерных для моряка тех времен суеверий, он живет жизнью моря и корабля и не питает симпатии к суше — этой, по его мнению, едва ли необходимой части нашей планеты. Если бы Тому довелось выступать в роли создателя Земли, он устроил бы ее совсем иначе. На корабле он признанный авторитет и мастер своего дела, «настоящий оракул по части морского дела» для всех товарищей по судну; на суше он чувствует себя совершенно иначе — неуверенно и беспомощно, как рыба, выкинутая на берег. Очень забавно последовательно выдержанное в морских терминах его описание короткой сухопутной поездки на дилижансе из Бостона в Плимут, которую пришлось ему однажды совершить. Она навсегда осталась в памяти этого морского исполина как пример неестественного и нелепого способа передвижения.

Характеристика незабываемого образа Тома Коффина будет неполной, если не сказать о важнейшей его черте — демократичности, народности образа старого рулевого. Он беден: все многочисленные плавания и исключительное морское мастерство Тома не принесли ему хотя бы скромной обеспеченности. «Денег у бедного Тома Коффина, — говорит он, — тогда было не больше, чем сейчас, и не больше, чем будет». Приводя эту фразу, Купер дает представление о социальной пропасти, разделяющей Тома, уходящего в морскую могилу таким же бедняком, каким он родился, и наследника большого состояния — Гриффита, который может построить целый фрегат и вооружить его на свои собственные средства, не прибегая ни к чьей помощи, а также Барнстейбла, получающего поместье после смерти отца. Романист не подчеркивает это имущественное неравенство и не морализирует по поводу него. Да и сам он, сын богатого помещика, получивший по наследству крупное состояние, считал нормальным и естественным, что Гриффиту достается вместе с рукой Сесилии крупное состояние в виде не конфискованных американской революцией обширных поместий полковника Говарда. Но, как настоящий честный и зоркий художник, он не забывает отметить эту важную черту.

По сравнению с исключительной убеждающей силой образов Тома Коффина, полковника Говарда, а также Болтропа и некоторых других персонажей, быть может, несколько меркнет по своей художественной выразительности центральный герой романа — таинственный лоцман,

Образ лоцмана недаром сопоставляли с некоторыми байроновскими героями — например, с Конрадом из «Корсара». Мощное воздействие английского поэта, пользовавшегося в годы появления «Лоцмана» всемирной славой, действительно ощущается в образе героя куперовского романа. Как и байроновские герои, он внезапно и несколько театрально появляется из мрака и исчезает в неопределенной, загадочной дали среди штормовых просторов Северного моря. Его прошлое неизвестно и освещается лишь немногочисленными неясными намеками, его будущее скрыто, и только упоминание о его смерти, не освобождающее от обязанности хранить его имя в тайне, дает представление о его судьбе. Его подлинное имя скрыто от читателя, и только нарочито скромная кличка «мистер Грэй» («Серый»), так не вяжущаяся с его незаурядностью и исключительностью, дана ему на страницах романа.

Конечно, он по-своему ярок. Недаром Белинский причислял его к куперовским образам, «исполненным оригинальности и интереса». Невозмутимый и непостижимый, хладнокровный и отважный, всемогущий и неуязвимый, выступающий всегда в решающие моменты, а до того держащийся в тени, изумительный мастер вождения корабля, не снимающий с себя маски холодной сдержанности, неизменно хранящий мрачное и безнадежное спокойствие, он парадоксально соединяет в себе любовь к свободе и ненависть к деспотизму с разочарованностью в людях, неутоленным честолюбием и тщеславием, стремлением к почестям и гордостью знаками внимания, которыми его осыпали французский король и королева.

В какой мере оправдано это странное на первый взгляд соединение столь противоречивых черт? Но здесь следует сказать о человеке, послужившем прототипом образа лоцмана.

Во время войны за американскую независимость всеобщее внимание привлекали к себе отважные подвиги находившегося на американской службе капитана Поля Джонса (1747—1792).

После начала освободительной войны за американскую независимость он предложил свои услуги восставшим. Многочисленные блестящие победы Поля Джонса под американским флагом, во время которых он в полной мере проявил свою смелость, присутствие духа и исключитель-

ное искусство, сделали его имя знаменитым по обе стороны Атлантики.

Русские газеты давали подробные описания боев «Павла Ионеса» (то есть Поля Джонса). Французский король Людовик XVI (Франция, враждовавшая в то время с Англией, была союзником США в их борьбе за независимость) наградил Джонса золотой шпагой и орденом за военные заслуги. Читатели «Лоцмана» обнаружат упоминание о королевских подарках Джонсу в главе XIV, в которой Элис Данскомб проявляет, по воле автора, большую историческую прозорливость и предугадывает судьбу французской королевы Марии-Антуанетты.

Заключение в 1783 году мира между Англией и США лишило Поля Джонса возможности продолжать свои подвиги. Он был недоволен недостаточной, по его мнению, оценкой его заслуг Соединенными Штатами и, предложив свои услуги русскому правительству, был назначен в 1788 году контр-адмиралом русского флота. Флаг его был поднят на фрегате «Владимир», но в русско-турецкой войне Полю Джонсу не удалось повторить свои прежние блестящие победы. Интриги врагов заставили его уже в 1789 году покинуть Россию, и, получив двухгодичный отпуск, после которого он уже не вернулся на русскую службу, Поль Джонс уехал во Францию, где и умер в 1792 году.

Этот замечательный моряк неоднократно заявлял о своей ненависти к тирании, любви к свободе, готовности бескорыстно обнажить свою шпагу в славной борьбе за права человека и отдать свою жизнь, если бы такая жертва привела к восстановлению мира между народами.

С другой стороны, все писавшие о Поле Джонсе единодушно отмечают его высокомерие, тщеславие, обидчивость, стремление к знакам отличия от коронованных особ. Герой американской революции уживался в нем с авантюристом.

Таков был человек, послуживший прототипом купе-ровского лоцмана. Купер не ставил своей целью точно воспроизводить факты из биографии Поля Джонса, но характер его в романе изображен правильно, и в заключающих книгу словах Гриффита о таинственном лоцмане Северного моря заключена верная оценка противоречивых качеств этого незаурядного и сложного человека.

Можно добавить, что после выхода «Лоцмана» роман-

тическая фигура Поля Джонса пленила воображение ряда крупных писателей: А. Дюма-отца, Германа Мелвилла и некоторых других, сделавших его героем своих произведений.

Сам Купер касался знаменитого моряка не только как романист в «Лоцмане», но и как морской историк в «Истории флота Соединенных Штатов» и в «Жизнеописаниях выдающихся американских морских офицеров», где он отмечал и незаурядные достоинства Поля Джонса, и его непомерное честолюбие, и стремление к почестям.

* * *

Атмосферу романа, его душевный строй характеризует соединение комического и трагического, что можно сказать почти обо всем творчестве Купера. Комическое мастерство Купера часто несправедливо недооценивали даже дружески расположенные к нему критики и писатели. Например, Бальзак, считавший Купера великим художником, в то же время отказывал ему в даре комизма. Но едва ли эта точка зрения правильна.

Для Купера мир — в сочетании комического и трагического, веселого и мрачного, патетического и вызывающего улыбку и смех. Действительность куперовских романов не одноцветна, она переливает если и не всеми цветами радуги (за пределами творчества Купера все-таки остаются важные стороны и грани действительности), то радует читателя многообразием своих оттенков и переходов.

Комическое в «Лоцмане» представлено в первую очередь «морским» восприятием мира Томом Коффином и образами капитана Борроуклифа и его противника и друга капитана Мануэля. Постоянные поединки с мадерой капитана Борроуклифа привели даже в конце концов к преждевременной смерти этого достойного представителя сухопутных войск. Но в то же время капитан Борроуклиф не предмет для осмеяния, подобно специально комическим персонажам старой комедии. Он храбр, умен, зорок и проницателен. Именно он разоблачил маскарад Мерри и проник в тайные планы Кэтрин и Барнстейбла.

Но комическое в «Лоцмане» неразрывно слито с трагическим. Гибнут Том Коффин, штурман Болтроп, капитан Мансон, полковник Говард, погибает и негодяй Диллон. Смерть подводит неумолимый итог их существованию,

ставит последнюю и окончательную оценку всему, что составляет основное в человеке, — его мыслям, чувствам, убеждениям и поступкам.

Вот полковник Говард. Он прожил жизнь благородным джентльменом, честным, доверчивым человеком и в то же время убежденным монархистом, противником «предательских мятежей», врагом республиканцев. Мы видим, как ожесточенный фанатизм реакционера приводит этого по существу доброго и гуманного человека к изуверским высказываниям: «...если правительству будет угодно учредить в колониях судебную комиссию и ввести в ее состав старого Джорджа Говарда, то будь я проклят, если через год в живых останется хоть один мятежник!» Он даже сам готов превратиться в палача, когда будет приводиться в исполнение смертный приговор, который ждет всех изменников, — так велика его ненависть к мятежам.

Но вот наступает его конец. Перед смертью ему приходится испытать самое тяжелое из разочарований, какие могут выпасть на долю человека: понять в последнюю минуту тщетность и недостижимость всего самого дорогого и задушевного для него — своих политических идеалов. «После того, что мне пришлось увидеть сегодня, — говорит умирающий полковник, — я верю, что небу угодно даровать вам победу в этой борьбе!.. Возможно, я неправильно понимал и свой долг перед Америкой...» И старый роялист уходит из жизни с горьким сознанием краха своих убеждений, которые он уже не может изменить.

Если в «Лоцмане» и ощущается порой некоторая архаичность и условность, хотя бы в размеренных периодах Элис Данскомб, не свободных от налета книжной риторики, и в длинных, красноречивых диалогах, которыми обмениваются действующие лица в моменты самой острой опасности, то в целом все-таки преобладает впечатление свежести, ясности, чистоты, благородства и уважения к мужеству и героизму простого трудового человека.

Действительность «Лоцмана» серьезна, героям угрожают опасности, от которых может спасти только крайнее напряжение сил. Но, несмотря на патетические и трогательные картины гибели хороших и достойных людей, атмосфера романа до конца остается светлой. Виден оптимизм автора, знающего, что достижение великих це-

лей требует больших жертв. Взор писателя еще не омрачен разладом с родиной, тяжелыми картинами настоящего и будущего родной страны. Он верит, что жертвы не напрасны. Он еще считает, что американская революция — день рождения американской нации — была эрой, когда «разум и здравый смысл начали вытеснять обычаи и пережитки феодализма в управлении судьбами народов».

Роман «Лоцман» подводит нас к преддверию морского романа. С него начался весь многообразный расцвет этого распространенного и популярного особенно в английской и американской литературах жанра.

Марриэт и Э. Сю, Майн Рид и Р. Л. Стивенсон, Г. Мелвилл, Дж. Конрад, Дж. Лондон и другие творцы многочисленных произведений о морских приключениях и романтике моря — все они в той или иной степени следуют за Фенимором Купером. Тайна увлекательности морской стихии, людей моря и жизни корабля открыта Купером — в этом крупнейшая историческая заслуга «Лоцмана». «Лоцман» начал собой и серию морских романов самого Купера.

Этот роман о парусном флоте живет полноценной жизнью в наше время, потому что в нем дышит поэзия стихии, впервые получившей голос в литературе, и живет неумирающая сила героизма, любви к родине и трудового мастерства простых людей далекого прошлого.

А. Наркевич

СОДЕРЖАНИЕ

Осада Бостона, или Лайонел Линкольн 5

Главы I—XIII, XX—XXI перевод *Т. Озерской*
Главы XIV—XIX, XXII—XXIV перевод *В. Курелла*
Главы XXV—XXXV перевод *М. Черневич*

Лоцман 397
Перевод *Н. Емельянниковой*

Ю. Ковалев. Послесловие к роману «Осада Бостона» . . . 795
А. Наркевич. «Лоцман» Фенимора Купера 803

КУПЕР Д. ФЕНИМОР

Избранные сочинения
Том IV

ОСАДА БОСТОНА,
ИЛИ ЛАЙОНЕЛ ЛИНКОЛЬН

*

ЛОЦМАН

* * * * * * * * *

Ответственный редактор *О. А. Лаврова*
Консультант по художественному оформлению *С. М. Алянский*
Технические редакторы
С. Г. Маркович и *В. К. Егорова*
Корректоры
Н. М. Кожемякина и *Т. Ф. Юдичева*

Подписано к печати 8/I 1963 г. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. 25,5 печ. л., 41,82 усл. печ. (45,97 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 (150 001—300 000) экз. Цена 1 р. 63 к.

Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * * * *

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление целлюлозно-бумажной и полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26. Заказ № 113.

1р. 63к.

ДЕТГИЗ